

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

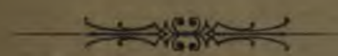

Викторъ Антоновичъ

Арцимовичъ

Воспоминанія — Характеристики.

Съ портретомъ В. А.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1904

Viktor Antonovich Artsimovich

Викторъ Антоновичъ

Арцимовичъ

Воспоминанія — Характеристики.

Съ портретомъ В. А.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1904

ГК

3349

ОГЛАВЛЕНІЕ.

3349

О[illegible]

СТРАН.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Юбилейный (17 іюня 1891 г.).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Посмертный (2-е марта 1893 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Викторъ Антоновичъ

АРЦИМОВИЧЪ

ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ.

Посвящается В. А. Арцимовичу.

Земля, для дней веселыхъ мая,
Одѣлась въ лучшій свой нарядъ;
И весь въ цвѣту, благоухая,
Предсталъ предъ нимъ фруктовый садъ.

Въ кругу цвѣтущей молодежи
Есть яблонь старая. Она
Ужъ къ долу клонится, но тоже
Богатымъ цвѣтомъ убрана.

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ,—
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Для всѣхъ явленій жизни зорки
Въ привѣтъ веснѣ они слились:
Старушка—лежа на подпоркѣ,
Старикъ—на посохъ опершись.

А. М. Жемчужниковъ.

1 января 1888 г.

ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ.

Посвящается В. А. Арцимовичу.

Земля, для дней веселыхъ мая,
Одѣлась въ лучшій свой нарядъ;
И весь въ цвѣту, благоухая,
Предсталъ предъ нимъ фруктовый садъ.

Въ кругу цвѣтущей молодежи
Есть яблонь старая. Она
Ужъ къ долу клонится, но тоже
Богатымъ цвѣтомъ убрана.

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ,—
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Для всѣхъ явленій жизни зорки
Въ привѣтъ веснѣ они слились:
Старушка—лежа на подпоркѣ,
Старикъ—на посохъ опершись.

А. М. Жемчужниковъ.

1 января 1888 г.

достаточно. Она ничего не говоритъ объ его яркой, самобытной и выдающейся личности. „Человѣкъ онъ былъ!“—и этого „званія“ онъ достоинъ прежде всего и независимо отъ своего служебнаго положенія. Человѣкъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ слова, человѣкъ въ трудѣ и въ отдыхѣ, въ отзывчивости и терпимости, въ упорствѣ и горячности, въ словѣ и въ дѣлѣ... Онъ зналъ Россію съ разныхъ сторонъ, знаніемъ живымъ, а не кабинетнымъ. Будучи правовѣдомъ второго выпуска (1841 г.), онъ шелъ по торной дорогѣ службы въ канцеляріяхъ сената лишь малое время, да и то съ промежутками, и скоро сдѣлался энергическимъ участникомъ сенаторскихъ ревизій.

Эти ревизіи были своего рода тучами, которыя неслись съ сѣвера въ разные концы Россіи и, повиснувъ надъ той или другой мѣстностью, гремѣли во имя попраннаго закона, метали служебныя молніи въ „рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ“ и смывали накопившуюся годами грязь распущенности и произвола... Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизующихъ сенаторовъ, это была лучшая практическая школа, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и безправнымъ и сознаніе необходимости и условій осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа. Впечатлительная горячность молодости—и житейскій опытъ сенатора—соединялись въ одномъ общемъ трудѣ, результаты котораго всегда оставляли благодарное воспоминаніе въ населеніи. Съ 1842 по 1845 годъ Арцимовичъ участвовалъ въ сенаторскихъ ревизіяхъ орловской и калужской губерній и таганрогскаго градоначальства, завѣдуя разнообразными отраслями дѣлъ, а въ 1851 году уѣхалъ, сопровождая генералъ-адъютанта Анненкова въ западную Сибирь, для надѣлавшей въ свое время много благотворнаго шума ревизіи управленія нашимъ „золотымъ дномъ“, во тьмѣ и молчаніи котораго ютилось не одно золото...

Въ 1854 году Арцимовичъ дѣлается тобольскимъ губернаторомъ. Служба въ далекомъ краѣ, при безлюдьѣ и громадныхъ пространствахъ, была трудная и, въ виду значенія Тобольска, какъ узла, связывавшаго въ то время въ себѣ всѣ нити и пути ссылки, очень отвѣтственная. Но Арцимовичъ имѣлъ свойство привлекать къ себѣ людей и выбирать себѣ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ. Онъ обладалъ не только знаніемъ *людей* вообще, но, что̀ весьма важно для государственнаго человѣка—пониманіемъ *личностей* и умѣніемъ призывать ихъ къ совмѣстному труду. Это особенно сильно сказалось черезъ нѣсколько лѣтъ, когда, оставивъ Тобольскъ, сопровождаемый общимъ со-

чувствіемъ, отголоски которого радовали его до самой смерти, и поработавъ въ подготовительныхъ по крестьянской реформѣ комиссіяхъ, — онъ, въ качествѣ калужскаго губернатора, долженъ былъ вводить освобожденіе крестьянъ. Новое дѣло потребовало самоотверженнаго труда и чистыхъ побужденій. На зовъ Арцимовича собрался обширный кругъ молодыхъ людей, пошедшихъ въ непремѣнные члены и мировые посредники. Имъ приходилось переживать многое — и отъ „вольнаго и невольнаго" непониманія окружающею средою новыхъ условій быта, и отъ глухой вражды и явныхъ клеветъ,—но двери, сердце и глубокій умъ губернатора были имъ всегда открыты. Поддерживая ихъ внутренно указаніемъ на величіе дѣла, осуществляемаго по великодушной волѣ монарха, онъ внѣшнимъ образомъ служилъ имъ опорою не только всѣмъ своимъ авторитетомъ, но и личнымъ почином. Онъ самъ любилъ вспоминать это время, когда онъ жилъ всею полнотою своихъ силъ, согрѣвая и оживляя другихъ,—какъ лучшее въ своей жизни. Несомнѣнно, что скорбная вѣсть о его кончинѣ, дойдя до живущихъ въ провинціальной глуши или, напротивъ, высоко ушедшихъ по служебной лѣстницѣ калужскихъ соратниковъ его, не одного изъ нихъ заставила понурить голову и умилиться при воспоминаніи о годахъ благороднѣйшей работы, когда приходилось дѣлить съ усопшимъ надежды и укоры, радости и недоброжелательное отчужденіе... Короткое сенаторство въ Москвѣ, замѣнившее калужское губернаторство, вскорѣ было прервано призывомъ къ труднѣйшей и сложной задачѣ участія въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ царства польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія.

Открытіе новыхъ судовъ связано съ новымъ родомъ дѣятельности Арцимовича. Все, что было и есть въ новыхъ судебныхъ порядкахъ живого и жизненнаго, нашло горячій отголосокъ въ душѣ покойнаго. Никогда не любившій канцелярскаго производства и даже относившійся къ нему съ нѣкоторою брезгливостью, новый кассаціонный сенаторъ привѣтствовалъ *живого человѣка*, который, въ лицѣ тяжущагося или подсудимаго, поднимался изъ-подъ вороха бумагъ, подъ которыми его погребалъ старый судъ, и становился лицомъ къ лицу предъ судьею, руководящимся не безжизненною формальною схемою для сужденія, а свободнымъ убѣжденіемъ совѣсти. Но новые порядки нуждались въ упроченіи, въ разъясненіи, а новые дѣятели—въ руководительствѣ. Въ этомъ состояла первоначальная и чрезвычайно трудная задача кассаціоннаго суда. Ее выполнили первые сенаторы

и оберъ-прокуроры—и въ исторіи реформъ Александра II-го почтенныя имена Буцковскаго, Ковалевскаго и др. не должны умереть. Не можетъ быть забыто и имя Арцимовича, несшаго на себѣ такъ часто и подолгу трудъ предсѣдателя нашего уголовнаго кассаціоннаго суда и оставившаго слѣдъ своихъ широкихъ взглядовъ, справедливости и уваженія къ личности человѣка на массѣ рѣшеній, въ коихъ онъ участвовалъ въ теченіе 16-ти лѣтъ.

Его не удовлетворяла, однако, дѣятельность кассаціоннаго судьи, особливо когда работа вошла въ болѣе узкія, обыденныя рамки,—когда приходилось уже не строить новое, а лишь разъяснять, насколько въ томъ или другомъ дѣлѣ отступлено отъ установленныхъ уже правилъ. Знаніе внутренняго строя и быта Россіи, въ ихъ дѣйствительномъ осуществленіи и окраскѣ, воспоминанія объ осязательной по результатамъ и оставившей добрую память дѣятельности въ Калугѣ, глубокая вдумчивость въ государственные вопросы, любовь обращаться мыслью къ общему и цѣльному, а не къ частному, мѣстному и условному—влекли его къ другой работѣ. Это былъ человѣкъ, не умѣвшій съ удобствомъ помѣщать свои чувства и мышленіе въ узкія рамки конкретнаго случая. Онъ сейчасъ же восходилъ отъ этого случая къ общимъ началамъ, къ основнымъ условіямъ общежитія, къ вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа. Складъ его ума и характера требовалъ широкихъ взмаховъ кисти,—возможности, какъ говорятъ французы, „tailler en plein drap". Мелкая, мозаичная работа, съ забвеніемъ о ея назначеніи, размѣрахъ и значеніи въ общей картинѣ, не находила въ немъ живого сочувствія. Судьба дала ему слишкомъ большія и сильныя крылья,—и клѣтка *конкретнаго случая* давила его и стѣсняла его широкій полетъ въ область общихъ вопросовъ и принципіальныхъ взглядовъ.

Разносторонняя и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента сената,—которому, между прочимъ, принадлежитъ, по выраженію закона, высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія, обнародованіе законовъ, охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ,—гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергіею. Двѣнадцать лѣтъ стоялъ онъ во главѣ этого учрежденія, будучи старшимъ сенаторомъ, отдавая, такимъ образомъ, послѣдніе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ

вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ,—она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончательномъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь, въ разныхъ ея областяхъ, многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что̀ казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку: „etiamsi omnes— ego non!“—Но годы брали свое, здоровье умалялось, подтачиваемыя давнимъ недугомъ силы стараго слуги государства слабѣли—и въ началѣ 1893 года Арцимовичъ стоялъ на пути къ отдыху въ менѣе трудовой и болѣе спокойной обстановкѣ общаго собранія сената. Но онъ не вступилъ на него. Смерть стала на порогѣ и замѣнила для него временный отдыхъ вѣчнымъ. Можно съ увѣренностью, впрочемъ, сказать, что едва-ли бы онъ и сжился съ такимъ отдыхомъ.

Стоило взглянуть на его фигуру, чтобы убѣдиться, что *такіе* люди не отдыхаютъ. Жизнь сламываетъ ихъ, не давъ имъ умалиться въ проявленіяхъ своей энергіи, внутренней силы и „роптанья вѣчнаго души“. Большого роста, крѣпко и коренасто сложенный, давно уже, повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, Арцимовичъ привлекалъ общее вниманіе своимъ величавымъ видомъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ часто слышалась нота глубокаго чувства, и, въ особенности, своею чудесною головою, обрамленною бѣлоснѣжными сѣдинами. Эти сѣдые волосы, эти „остатки пѣны, покрывающей море послѣ бури“, придавали покойному особую красоту и какъ-то особенно выдѣляли его изъ толпы, вызывая инстинктивное уваженіе къ этому „Монблану судебнаго вѣдомства“, какъ его называлъ кто-то.. Но не въ нихъ однихъ была его внѣшняя привлекательность. Лица людей похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Не холодомъ, однако, вѣяло отъ *этого* лица. Въ добрыхъ, живыхъ, съ глубокимъ, то нѣжнымъ, то проницательнымъ взглядомъ, глазахъ свѣтилась теплота всепонимающей, терпимой и прощающей души, а въ улыбкѣ крупнаго рта сквозила добродушная иронія или привѣтливость человѣка благовоспитаннаго на старый,—

увы! теперь забываемый,—ладъ. Онъ бывалъ, говорятъ, тяжелъ и угловатъ въ спорахъ; у нѣкоторыхъ по его адресу проскальзывалъ иногда упрекъ въ односторонности, въ тенденціозности. Но это упрекъ вовсе не заслуженный. Односторонность дурна, когда она умышленная,—тенденціозность возмущаетъ, когда она не вытекаетъ изъ убѣжденія. Человѣкъ цѣльный, смѣлый и прямой, Арцимовичъ, увѣровавъ въ справедливость подсказаннаго ему опытомъ и совѣстью взгляда и найдя справедливое, по его искреннему убѣжденію, примѣненіе этого взгляда къ данному вопросу, уже не сворачивалъ съ дороги, а шумно, громкимъ словомъ и рѣшительнымъ жестомъ заявлялъ о томъ, чтò, по его мнѣнію, нужно и неизбѣжно. Тѣ, кто видалъ его часто и близко, въ частномъ быту, знаютъ, что въ его мнѣніяхъ, съ оттѣнкомъ шутливаго пессимизма, не было мѣста узкимъ партійнымъ, религіознымъ, племеннымъ или мѣстнымъ взглядамъ, и что если бы, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь мимолетныхъ причинъ, въ немъ и шевельнулись на мгновеніе такіе взгляды—они сейчасъ же потонули бы въ широкоразлитомъ въ его душѣ чувствѣ любви и состраданія къ людямъ *вообще*, безъ всякихъ заслонокъ и перегородокъ. Быть можетъ, однако, упрекъ въ угловатости, при той живости, которую онъ вносилъ въ споры, отчасти и справедливъ. Но эта черта покойнаго только можетъ дорисовывать его образъ, ибо его такимъ, какимъ онъ былъ и живетъ въ памяти его знавшихъ, нельзя представить себѣ вкрадчивымъ и мягкимъ въ защитѣ своихъ убѣжденій. Да и недостатокъ ли такая угловатость? „Крупная скала, смѣло выдвинувшаяся въ море, — говоритъ румынская королева (Карменъ Сильва),—становится всегда съ каждымъ годомъ угловатѣе,—зато булыжникъ все закругляется“. Притомъ, никогда не измѣняя своимъ убѣжденіямъ ради временныхъ земныхъ выгодъ, онъ безтрепетно смотрѣлъ впередъ, по *ту сторону* смерти, оберегая свой душевный обликъ. Тамъ, гдѣ такъ часто ссылка на дѣтей и семью приводится въ извиненіе постыдной уступчивости или полезной *для себя* услужливости, онъ думалъ прежде всего объ оставленіи въ наслѣдство чистаго, ничѣмъ не затронутаго имени. „Вы забываете: *у меня есть дѣти!*“ сказалъ онъ однажды на предложеніе отказаться отъ своего мнѣнія, совершенно безплоднаго по практическимъ результатамъ, такъ какъ оно шло въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ сплотившагося и подавляющаго большинства...

Въ частной жизни Арцимовичъ отличался чрезвычайною привлекательностью. Его отношенія къ людямъ были отмѣчены

вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ,—она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончательномъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь, въ разныхъ ея областяхъ, многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что̀ казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку: „etiamsi omnes—ego non!"—Но годы брали свое, здоровье умалялось, подтачиваемыя давнимъ недугомъ силы стараго слуги государства слабѣли—и въ началѣ 1893 года Арцимовичъ стоялъ на пути къ отдыху въ менѣе трудовой и болѣе спокойной обстановкѣ общаго собранія сената. Но онъ не вступилъ на него. Смерть стала на порогѣ и замѣнила для него временный отдыхъ вѣчнымъ. Можно съ увѣренностью, впрочемъ, сказать, что едва-ли бы онъ и сжился съ такимъ отдыхомъ.

Стоило взглянуть на его фигуру, чтобы убѣдиться, что *такіе* люди не отдыхаютъ. Жизнь сламываетъ ихъ, не давъ имъ умалиться въ проявленіяхъ своей энергіи, внутренней силы и „роптанья вѣчнаго души". Большого роста, крѣпко и коренасто сложенный, давно уже, повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, Арцимовичъ привлекалъ общее вниманіе своимъ величавымъ видомъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ часто слышалась нота глубокаго чувства, и, въ особенности, своею чудесною головою, обрамленною бѣлоснѣжными сѣдинами. Эти сѣдые волосы, эти „остатки пѣны, покрывающей море послѣ бури", придавали покойному особую красоту и какъ-то особенно выдѣляли его изъ толпы, вызывая инстинктивное уваженіе къ этому „Монблану судебнаго вѣдомства", какъ его называлъ кто-то.. Но не въ нихъ однихъ была его внѣшняя привлекательность. Лица людей похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Не холодомъ, однако, вѣяло отъ *этого* лица. Въ добрыхъ, живыхъ, съ глубокимъ, то нѣжнымъ, то проницательнымъ взглядомъ, глазахъ свѣтилась теплота всепонимающей, терпимой и прощающей души, а въ улыбкѣ крупнаго рта сквозила добродушная иронія или привѣтливость человѣка благовоспитаннаго на старый,—

Недуги взяли, однако, верхъ и изможденное ими тѣло упокоилось послѣ тяжкихъ страданій, среди цвѣтовъ и волнъ кадильнаго дыма, съ выраженіемъ спокойствія и тайны на исхудаломъ лицѣ. Но „запасъ духовныхъ силъ“ не истощился. Онъ долженъ отразиться во всемъ, къ чему покойный приложилъ свою мысль и свою руку,—на всѣхъ, кого онъ любилъ, кто имѣлъ радость встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, и кому онъ можетъ послужить примѣромъ стойкаго служенія добру и справедливости. Искреннія слезы были пролиты у его гроба и каждый изъ многочисленныхъ вѣнковъ, которыми густо обросло подножіе этого гроба, говорилъ о томъ, *что* потеряли въ покойномъ не только его близкіе и друзья, но и цѣлыя служебныя и общественныя группы. „*Человѣколюбивому стражу закона*“—гласила надпись на роскошномъ серебряномъ вѣнкѣ отъ сенаторовъ; „*Отцу сиротъ*“—говорилось въ надписи на лентахъ вѣнка, положеннаго чьею-то благодарною рукою. Въ этихъ двухъ надписяхъ—весь Арцимовичъ, весь смыслъ его служебной и частной дѣятельности. Лица всякаго званія—отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы до безвѣстныхъ людей, которыхъ соединяло съ памятью умершаго какое-нибудь, лишь имъ однимъ извѣстное, доброе его дѣло,—сошлись въ переполненной народомъ церкви св. Екатерины, на Невскомъ, подъ торжественные звуки „Dies irae, dies illa“... и проводили затѣмъ останки его на далекое выборгское кладбище. Тамъ, въ торжественномъ молчаніи, безъ всякихъ лишнихъ рѣчей, съ увлаженными глазами, въ виду осиротѣлой семьи покойнаго, долго стояли подъ свѣжимъ дыханіемъ едва начинающей пробуждаться природы, надъ отверстою могилой, осиротѣлые друзья того, чей прахъ медленно опускался и навсегда исчезъ подъ землей. Послѣдній зимній вѣтеръ шумно колебалъ надъ ними деревья, а первые лучи весенняго солнца въ то же время ярко свѣтили и грѣли... Такъ это бывало и въ жизни покойнаго: онъ также умѣлъ свѣтить окружавшимъ его и грѣть ихъ, несмотря на шумъ неизбѣжныхъ житейскихъ невзгодъ.

А. Ѳ. Кони.

2—5 марта 1893 г.

Отдѣлъ первый.

ТОБОЛЬСКЪ.

(1854—1858 г.)

Недуги взяли, однако, верхъ и изможденное ими тѣло упокоилось послѣ тяжкихъ страданій, среди цвѣтовъ и волнъ кадильнаго дыма, съ выраженіемъ спокойствія и тайны на исхудаломъ лицѣ. Но „запасъ духовныхъ силъ" не истощился. Онъ долженъ отразиться во всемъ, къ чему покойный приложилъ свою мысль и свою руку,—на всѣхъ, кого онъ любилъ, кто имѣлъ радость встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, и кому онъ можетъ послужить примѣромъ стойкаго служенія добру и справедливости. Искреннія слезы были пролиты у его гроба и каждый изъ многочисленныхъ вѣнковъ, которыми густо обросло подножіе этого гроба, говорилъ о томъ, *что* потеряли въ покойномъ не только его близкіе и друзья, но и цѣлыя служебныя и общественныя группы. „*Человѣколюбивому стражу закона*"—гласила надпись на роскошномъ серебряномъ вѣнкѣ отъ сенаторовъ; „*Отцу сиротъ*"—говорилось въ надписи на лентахъ вѣнка, положеннаго чьею-то благодарною рукою. Въ этихъ двухъ надписяхъ—весь Арцимовичъ, весь смыслъ его служебной и частной дѣятельности. Лица всякаго званія—отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы до безвѣстныхъ людей, которыхъ соединяло съ памятью умершаго какое-нибудь, лишь имъ однимъ извѣстное, доброе его дѣло,—сошлись въ переполненной народомъ церкви св. Екатерины, на Невскомъ, подъ торжественные звуки „Dies irae, dies illa"... и проводили затѣмъ останки его на далекое выборгское кладбище. Тамъ, въ торжественномъ молчаніи, безъ всякихъ лишнихъ рѣчей, съ увлаженными глазами, въ виду осиротѣлой семьи покойнаго, долго стояли подъ свѣжимъ дыханіемъ едва начинающей пробуждаться природы, надъ отверстою могилой, осиротѣлые друзья того, чей прахъ медленно опускался и навсегда исчезъ подъ землей. Послѣдній зимній вѣтеръ шумно колебалъ надъ ними деревья, а первые лучи весенняго солнца въ то же время ярко свѣтили и грѣли... Такъ это бывало и въ жизни покойнаго: онъ также умѣлъ свѣтить окружавшимъ его и грѣть ихъ, несмотря на шумъ неизбѣжныхъ житейскихъ невзгодъ.

А. Ѳ. Кони.

2—5 марта 1893 г.

Отдѣлъ первый.

ТОБОЛЬСКЪ.

(1854—1858 г.)

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ
въ
ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ
1854—58 гг.

Тобольская губернія, которою управлялъ В. А. Арцимовичъ четыре года, принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ, по пространству, губерній. Она почти вдвое обширнѣе Франціи, и содержитъ въ себѣ свыше 121 милліона десятинъ, или около 1.200.000 квадратныхъ верстъ. Вся губернія представляетъ собою равнину, прорѣзываемую двумя рѣками-великанами — Иртышемъ и Обью. Вообще, въ этомъ краѣ все представляется въ большихъ размѣрахъ: рѣка—великанъ, лѣсъ—дремучій, луга и пастбища—необозримые; пахотныя поля въ южныхъ округахъ (уѣздахъ)—обширныя, тундры на сѣверѣ — громадныя. Такъ, по крайней мѣрѣ, было лѣтъ сорокъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, лѣса значительно поубавились, преимущественно вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ, весьма частыхъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и заброшенныхъ костровъ, разводимыхъ лѣсными путешественниками-бродягами и бѣглыми ссыльными и каторжными. Иныя рѣки вслѣдствіе того обмелѣли, и, какъ слышно, Тура и Тоболъ дѣлаются уже мало и не всегда судоходными.

Жителей въ губерніи, въ 1854 году, числилось до милліона (994.509). Главнѣйшее населеніе составляли государственные крестьяне, занимавшіеся по преимуществу земледѣліемъ и скотоводствомъ. Ихъ было 739.427 душъ. Помѣщичьихъ крестьянъ—всего 2.809 душъ; ссыльно-поселенцевъ — 51.937 человѣкъ; инородцевъ считалось всего 71.865. Изъ послѣднихъ осѣдлые татары разселены были въ центральныхъ и южныхъ уѣздахъ, а бродячіе и кочевые жили—остяки въ тобольскомъ и березов-

скомъ округахъ, самоѣды въ березовскомъ, и вогулы въ туринскомъ округахъ; занимались они рыболовствомъ и звѣроловствомъ.

Тобольскъ, бывшій когда-то намѣстнической резиденціей и мѣстомъ жительства сибирскихъ митрополитовъ, въ 1854 году представлялъ собою довольно захолустный городъ. Интеллигентное общество въ городѣ было небольшое и во главѣ его стояли семейства декабристовъ, поселившихся послѣ отбытія каторги. Это были семьи—Муравьева, фонъ-Визина, Анненкова и Свистунова, а также безсемейные—Штейнгель и Башмаковъ. Чиновниковъ съ университетскимъ образованіемъ, даже на высшихъ должностяхъ, было очень мало.

Хорошихъ магазиновъ, даже книжныхъ лавокъ и библіотекъ, не было, и все, въ чемъ нуждалось болѣе состоятельное общество, привозилось, по заказу, два раза въ годъ съ ирбитской и нижегородской ярмарокъ; книги и журналы выписывались изъ Петербурга и Москвы.

Купечество торговало обыденными предметами первой необходимости; немногіе же, богатые, отправлялись ежегодно весною съ ватагами рабочихъ на рыбныя ловли (пески) по рѣкамъ Иртышу и Оби и даже на Обской губѣ. Тамъ они проводили цѣлое лѣто и позднею осенью, уже съ заморозками, возвращались въ Тобольскъ съ массой разной рыбы, добытой собственными ватагами и обмѣненной у остяковъ и самоѣдовъ на муку, а иногда и на водку, торговать которой среди инородцевъ было запрещено закономъ. Отъ инородцевъ же они получали шкуры и шкурки звѣрей и звѣрковъ, которыя везлись ими для продажи на зимнія ярмарки.

Составъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій въ то время представлялъ въ Сибири вообще значительную разницу сравнительно съ великороссійскими губерніями. Тамъ дѣйствовали особыя учрежденія, возникшія по мысли Сперанскаго. Съ цѣлью ограничить произволъ отдѣльныхъ начальниковъ были установлены закономъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, особые губернскіе совѣты, состоявшіе изъ предсѣдателей губернскихъ мѣстъ и прокурора, а въ уѣздахъ (по-сибирски — округахъ) окружные совѣты, подъ предсѣдательствомъ особыхъ окружныхъ начальниковъ. При ген.-губернаторѣ дѣйствовали тоже особые совѣты съ нѣсколькими начальниками отдѣленій, носившими званіе членовъ совѣта главнаго управленія зап. и вост. Сибири.

Къ сожалѣнію, благая мысль Сперанскаго не принесла ожидаемыхъ результатовъ. Движеніе дѣлъ и самое управленіе тормозились, а злоупотребленія и произволъ начальниковъ процвѣ-

тали такъ же, какъ и прежде. Кромѣ того, всесильный въ то время винный откупъ существовалъ и въ Сибири—и деморализировалъ чиновничество.

В. А. Арцимовичъ былъ назначенъ исправляющимъ должность тобольскаго губернатора въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, а пріѣхалъ въ Тобольскъ въ іюлѣ, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ и шуриномъ Владиміромъ Михайловичемъ Жемчужниковымъ, еще только начинавшимъ тогда службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій.

Въ то время губернаторами назначались люди въ почтенныхъ лѣтахъ; В. А. Арцимовичу было всего только 33 года. Несмотря на молодость, онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ вполнѣ ознакомленный не только съ мѣстными условіями губерніи, но и почти со всѣмъ личнымъ составомъ управленія, такъ какъ назначеніе его губернаторомъ послѣдовало черезъ два года послѣ подробной ревизіи управленія западной Сибири генералъ-адъютантомъ Н. Н. Анненковымъ, при которомъ В. А. состоялъ старшимъ чиновникомъ, то-есть, главнымъ лицомъ, на которомъ лежала вся масса сложной работы по этой ревизіи.

Въ 1854 г., по пути въ Тобольскъ, въ первомъ отъ границы пермской губерніи большомъ селѣ Тугулымскомъ, В. А. обозрѣвалъ волостное правленіе, въ которомъ было введено образцовое управленіе государственныхъ имуществъ, и былъ пораженъ сложностью письмоводства, такъ какъ въ этомъ правленіи производилось до 1.000 дѣлъ въ годъ съ массою книгъ для счетоводства и письмоводства! Далѣе, въ городѣ Тюмени осмотръ тюремнаго замка и больницы вызвалъ первую бумагу новаго губернатора, характеризующую его требованія, а также положеніе острога и больницы.

„При осмотрѣ тюремнаго замка,—говорилось въ предписаніи къ мѣстному окружному начальнику, — замѣчены слѣдующія упущенія: 1) больныя дѣти, находящіяся въ тюрьмѣ при родителяхъ, содержатся въ арестантскихъ камерахъ, лишаясь необходимаго въ ихъ положеніи надзора и призрѣнія. Оправданіе, что такъ поступлено съ ними по просьбѣ ихъ матерей, недостойно уваженія и показываетъ неумѣстное послабленіе и недостатокъ заботливости о здоровьѣ лицъ, ввѣренныхъ попеченію тюремнаго начальства; 2) какъ въ зданіи, такъ и во дворѣ, замѣчены большія неисправности. Въ цейхгаузахъ одежда арестантовъ и другіе предметы въ совершенномъ безпорядкѣ: вещи умершихъ арестантовъ разбросаны повсюду, безъ надлежащихъ описей. Вездѣ соръ и нечистота; рядомъ съ предметами, подлежащими

храненію въ цейхгаузѣ, находятся такіе, которымъ тамъ вовсе не мѣсто. Съѣстные припасы содержатся небрежно, испорченные не выбрасываются, свѣжіе хранятся въ дурной посудѣ; даже кадки съ водой, находящіяся въ арестантскихъ камерахъ, имѣютъ течь, производящую гніеніе половъ; камеры для арестантовъ нечисты, стѣны ихъ покрыты паутиной; 3) на дворѣ не устроенъ стокъ для нечистотъ, помойныя ямы не покрыты, нужныя мѣста не вычищены; 4) въ больницѣ и аптекѣ та же неопрятность. Даже не принято никакихъ мѣръ къ успокоенію больныхъ отъ разныхъ насѣкомыхъ, видимо и сплошными стаями покрывающихъ стѣны, ни къ очищенію испорченнаго и крайне вреднаго для больныхъ воздуха въ двухъ женскихъ камерахъ, находящихся возлѣ нужныхъ мѣстъ. Такая небрежность къ установленію порядка и опрятности тѣмъ неизвинительнѣе, что тюремное начальство всегда имѣетъ возможность и даже обязано, для нравственной пользы самихъ арестантовъ, употреблять ихъ на работы и пріискивать имъ постоянное занятіе. Совокупность всѣхъ сихъ замѣчаній заставляетъ предполагать, что найденныя неисправности не были извѣстны тюремному комитету, который, въ противномъ случаѣ, обратилъ бы на нихъ вниманіе".—Поэтому В. А. возложилъ на окружного начальника, какъ по должности, такъ и по званію директора тюремнаго комитета: „1) имѣть ближайшее наблюденіе за исправленіемъ всѣхъ замѣченныхъ упущеній и безпорядковъ и за постепеннымъ приведеніемъ тюменской тюрьмы въ лучшее состояніе, и 2) обо всемъ замѣченномъ довести до свѣдѣнія членовъ тюремнаго комитета, дабы оный, удостовѣрясь о всѣхъ неисправностяхъ на мѣстѣ, по внимательномъ обсужденіи, принялъ и съ своей стороны зависящія отъ него мѣры къ искорененію и предупрежденію подобныхъ упущеній на будущее время, исполняя тѣмъ самымъ благотворительное дѣло, угодное Богу и Государю Императору".

Не въ лучшемъ положеніи найдены были и городская больница, полиція и пожарная команда, которая оказалась вполнѣ негодною, ибо трубы были попорчены, кишки текли, а поршни ходили тяжело, самая же команда не умѣла сидѣть во время ѣзды на пожарномъ обозѣ и не понимала приказаній городничаго.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Тобольскъ (3-го іюля), В. А. вступилъ въ исправленіе обязанностей губернатора и сказалъ собравшимся къ нему чинамъ управленія слѣдующую краткую рѣчь:

„Чѣмъ отдаленнѣе край, тѣмъ строже должно быть наблюденіе за сохраненіемъ порядка и исполненіемъ законовъ"... Это слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ, когда я удо-

стоился представляться ему по настоящей моей должности. Предупреждаю васъ, м. г., что я во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ буду руководствоваться помянутымъ, священнымъ для меня указаніемъ. Надѣюсь, что и вы, въ кругѣ опредѣленныхъ вамъ занятій, будете единодушно стремиться къ одной со мною цѣли и доставите мнѣ чаще случай и удовольствіе свидѣтельствовать о вашихъ трудахъ и заслугахъ, чѣмъ принимать мѣры исправленія и взысканія. Отъ губернскихъ мѣстъ буду требовать строгаго наблюденія за подчиненными, а отъ уѣздныхъ — исполнительности и уваженія къ губернскимъ установленіямъ. Отъ обоихъ же—вниманія къ нуждамъ управляемыхъ и строгости къ нарушителямъ порядка".

Программа, выраженная этою рѣчью, была хотя и высказана въ немногихъ словахъ, именно — требовалось вниманіе къ нуждамъ населенія и строгость къ нарушителямъ порядка, — но она заключала въ себѣ все, что только требуется для хорошаго управленія отъ всякаго служебнаго дѣятеля, и исполненіе ея стоило самому губернатору много труда въ теченіе всего четырехлѣтняго управленія губерніею. Этою же программою руководствовался и самъ В. А. Арцимовичъ не только въ Тобольскѣ, но и во всю свою свыше, чѣмъ пятидесятилѣтнюю служебную дѣятельность.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ В. М. Жемчужникова къ его отцу, сенатору Михаилу Николаевичу — очень интересныя и характерныя; писавшему ихъ было тогда всего 24 года.

(5-го іюля.) „Тобольскъ стоитъ на берегу Иртыша, раздѣляясь на 2 части. Верхняя, меньшая часть, но живописнѣйшая, съ присутственными мѣстами и архіерейскимъ домомъ, окруженнымъ низкой стѣной, на подобіе Кремля, расположена на горѣ, т.-е. на настоящемъ берегу Иртыша—вѣроятно, въ старину, скрытомъ подъ водою. Нижняя часть города сыра и грязна и потому вся вымощена толстыми деревянными плахами, верхняя суха, но безъ воды. Съ верхней части превосходный видъ на нижнюю и на рѣки—Тоболъ и Иртышъ. На горѣ, противоположной архіерейскому дому, стоитъ памятникъ Ермаку, въ видѣ маленькаго обелиска. Поставленъ онъ неудачно. Съ рѣки онъ не виденъ по малости своей и потому, что заслоненъ близстоящими зданіями, изъ города же, т.-е. изъ нижней и населеннѣйшей его части, онъ виденъ только издали и не виденъ вблизи. Слѣдовало бы поставить его на противоположной горѣ, называющейся „Панинымъ Бугромъ". Названіе

это преданіе объясняетъ такъ: былъ здѣсь воевода, или намѣст-никъ Чичеринъ, человѣкъ жестокій и самоуправный; онъ въ на-казаніе привязывалъ ссыльныхъ пановъ къ бревну или запиралъ ихъ въ бочку, съ воткнутыми остріемъ внутрь гвоздями, и ска-тывалъ ихъ такимъ образомъ съ этой горы...

Занятый нами губернаторскій домъ—безъ казенной мебели и полонъ клопами. Пока употребляю для очищенія своихъ ком-натъ только персидскій порошокъ, но боюсь, что этого недо-статочно".

(15-го іюля). „Россія вообще, а Сибирь въ особенности на каждомъ шагу шевелятъ умъ и сердце, вызываютъ къ дѣятель-ности, рождаютъ мысли, предположенія, желанія, словомъ,—не даютъ покоя: всюду хотѣлось бы поспѣть, все бы сдѣлать; ко-роче: Россія, богатая добрыми свойствами и народа и природы, есть такой изобильный рудникъ, на разработку котораго можно съ удовольствіемъ посвятить всѣ силы и нѣсколько жизней. Бо-гатство добрыхъ началъ ея такъ велико, что оно само собою завлекаетъ всякаго мыслящаго въ любовь къ ней и въ такую дѣятельность, для которой нѣтъ ни границъ, ни удовлетворенія... Я просилъ Виктора (В. А. Арцимовичъ) и получилъ обѣщаніе давать мнѣ сколь возможно болѣе дѣлъ и порученій, не жалѣя меня нисколько. Я теперь расположенъ работать, лишь бы не мелочную работу. Не знаю: могу ли пристраститься къ службѣ, но пока, видя возможность дѣлать пользу, я жажду дѣла и буду служить, не посвятивъ себя вѣчной службѣ; такъ, увидя утопаю-щаго, я бросился бы за нимъ, не обрекая себя вѣчному и един-ственному спасенію утопающихъ. Болѣзнь моя—жажда быть по-лезнымъ, безъ различія на какомъ поприщѣ: на службѣ ли чи-новной, или безчиновной" [1])...

(27-го іюля). „Вновь учрежденному комитету по устройству города и полиціи написаны инструкціи, съ выпискою статей, относящихся до благоустройства города. Жители города, осо-бенно послѣ наводненія, бѣдны. Пока мы собрали на городъ только 200 рублей, зато для помощи послѣ наводненія — д

---

[1]) Влад. Мих. пробылъ въ Тобольскѣ до конца апрѣля 1855 г., когда по-ступилъ на службу въ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи. Во время похода съ полкомъ на югъ Россіи, на мѣсто военныхъ дѣйствій, онъ писалъ отцу: „Мы подъѣхали прямо къ церкви (въ Задонскѣ). Я отслужилъ молебенъ чудотворной иконѣ Божіей Матери, молясь не о томъ, чтобы остаться живымъ (Богъ знаетъ—нужна ли моя жизнь—и потому Самъ укоротитъ или продлитъ ее), но о томъ, чтобы исполнить *свой долгъ*, какъ слѣдуетъ, и умереть честно и по-христіански, успѣвъ помолиться также и о томъ, чтобы благословилъ Богъ тебя и родъ твой".

900 р., чего, впрочемъ, слишкомъ мало; городскихъ же доходовъ нѣтъ!..

„Здѣсь производится огромный рекрутскій наборъ, и я увѣренъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ славныхъ рекрутовъ, какъ въ Сибири: здѣшній народъ — богатыри; отцы и матери не плачутъ, а нервически воютъ, сыновья же ихъ ждутъ пріема со страхомъ, а какъ примутъ, пойдутъ распѣвать по всему городу. Пѣсни здѣшнія презамѣчательныя: разбойнически-разгульныя, могучія, и нѣкоторыя преоригинальнаго напѣва—речитативами. Въ концѣ берутъ не вверхъ, а внизъ, поютъ согласно, замѣтно обозначая (отбивая) мѣры, и всякій варьируетъ по-своему. При этомъ рекруты ходятъ толпами съ утра до вечера или (принятые) распѣваютъ въ казармахъ. Готовясь къ безусловному послушанію, они, напослѣдокъ, ни въ чемъ не хотятъ подчиниться принятымъ правиламъ и даже поясами не опоясываются, а обвязываются черезъ плечо“...

(15-го августа). „Говорятъ, что во времена намѣстничества Чичерина тобольскія власти еще болѣе нынѣшняго самоуправничали и кутили, но это только такъ говорятъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, не менѣе замѣчательныя продѣлки бывали здѣсь до самаго пріѣзда Виктора (В. А.). Вотъ для сравненія. Чичеринскій полицеймейстеръ ѣздилъ по городу не иначе, какъ съ бутылкой шампанскаго въ рукахъ и двумя трубачами на крыльяхъ дрожекъ, причемъ трубачи трубили на весь городъ, въ знакъ того, что полицеймейстеръ веселится. Тогдашнія власти собирались нѣсколько разъ въ лѣто въ здѣшній городской садъ, извѣстный подъ именемъ прокурорскаго, или въ палатку полкового командира; въ первомъ случаѣ, когда пиршество происходило въ саду, то запирались съ большимъ запасомъ вина и женщинъ въ многочисленные гроты, нарочно для этого устроенные, и не выходили оттуда по недѣлямъ, между тѣмъ какъ музыканты, разумѣется, мѣняясь, не умолкали ни день, ни ночь. То же самое дѣлалось и въ палаткѣ полкового командира, съ тою разницею, что къ увеселеніямъ прибавлялись военныя забавы, то-есть стрѣльба изъ ружей и пушекъ. Это прошлое, а вотъ настоящее. Одинъ изъ предшественниковъ Виктора бралъ не только деньгами, но и вещами, не только большими кушами, но и по полтиннику, не только дорогими вещами, но и мелочью, не только съ мужчинъ, но и съ женщинъ, называемыхъ благородными дамами. Онъ кутилъ на чужой, обыкновенно купеческій счетъ, и, напившись пьянъ (въ Тобольскѣ или, при ревизіи, въ другихъ городахъ), ѣздилъ съ купцами, въ одной

рубахѣ, горланя пѣсни. Увидя у кого бы то ни было и какую б
ни было вещь, онъ ее выпрашивалъ, а потомъ, когда она надо
ѣстъ, вымѣнивалъ на другую. Сибирская торговля, то-есть мѣна
въ домѣ его не прекращалась. Это новый Чичеринъ! [1]). А вот
новый полицеймейстеръ: онъ, правда, ѣздилъ не съ трубачами
а какъ здѣсь водится, съ казаками, но при этомъ съ палкой
никому не давая дороги, и при этомъ всѣхъ встрѣчныхъ—ког
ударитъ (не разбирая званія, но разбирая отношенія), кого за
хватитъ въ полицію—для выкупа... Теперь здѣсь суетня, рабо
таютъ день и ночь, ожидая ревизіи; согласно духу XIX вѣка
открытія слѣдуютъ за открытіями: тамъ растрачены суммы, здѣс
открываются цѣлые шкафы недоложенныхъ и утаенныхъ дѣлъ
тутъ настоящіе разбои и грабежи властей,—словомъ, сюрпризы
удивительные!“......

Исполняя начертанную себѣ и предложенную подчиненным
програму, В. А. немедленно принялся за работу, посвящая е
все время съ ранняго утра до поздняго вечера, такъ какъ в
общемъ губернскомъ управленіи, состоявшемъ подъ непосред
ственнымъ вѣдѣніемъ губернатора, оказалось большое накопле
ніе дѣлъ и множество распоряженій высшей власти безъ вся
каго движенія. Кромѣ того, на первыхъ же порахъ имъ был

---

[1]) Въ Тобольскѣ объ этомъ губернаторѣ разсказывали такой случай. Одно
изъ доходныхъ его статей была отдача съ подряда или поставка хозяйствен
нымъ способомъ муки для двухъ громадныхъ казенныхъ винокуренныхъ заво
довъ. Поставка эта требовала разрѣшенія главнаго начальника края. Раз
какъ-то этотъ начальникъ края не утвердилъ предположенія губернатора, по
ручивъ заготовку муки хозяйственнымъ способомъ своему чиновнику особых
порученій (впослѣдствіи нажившему въ Сибири громадное состояніе). Губер
наторъ раздосадовалъ на это и, желая не дать возможности чиновнику на
житься, послалъ довѣренное лицо слѣдить за тѣмъ чиновникомъ и аккуратн
записывать: по какимъ цѣнамъ будетъ куплена мука у крестьянъ по разным
селамъ и деревнямъ. Все это было довѣреннымъ лицомъ исполнено въ точ
ности, но чиновникъ особыхъ порученій, замѣтивъ, что за нимъ слѣдили, прежд
явки къ главнокомандующему края съ донесеніемъ о заготовкѣ хлѣба, рѣ
шился заѣхать въ Тобольскъ къ губернатору. Одновременно туда явилось
довѣренное лицо губернатора. Оба просили доложить его превосходительств
о своемъ пріѣздѣ. Губернаторъ принялъ сначала генералъ-губернаторскаго чи
новника. А тотъ заявилъ прямо губернатору: „Зачѣмъ вы послали слѣдить з
мною?! я порядочный человѣкъ, какъ и вы, и потому прямо скажу вамъ, чт
при покупкѣ хлѣба я заработалъ столько-то тысячъ. Не угодно ли вашем
превосходительству получить половину этой суммы?“—Губернаторъ взялъ эт
половину, и когда вслѣдъ за тѣмъ явилось въ его кабинетъ довѣренное лиц
съ подробнымъ отчетомъ о цѣнахъ, по которымъ куплена чиновникомъ осо
быхъ порученій мука, начальникъ губерніи, сказавъ, что теперь ему уже тако
отчетъ не нуженъ, кинулъ отчетъ въ топившійся каминъ.

обревизованы городская полиція въ Тобольскѣ, тамошній земскій судъ и городская дума. При этомъ два засѣдателя земскаго суда (становые) Соколовъ и Третьяковъ были преданы суду. Городская полиція оказалась также бездѣятельною въ дѣлопроизводствѣ и неисправною по полицейскимъ обязанностямъ. Въ ней открыто было болѣе 300 бумагъ и предписаній, даже не внесенныхъ въ книги полиціи. Кромѣ того отыскано до 260 векселей, не разобранныхъ и оставленныхъ безъ всякаго движенія. Что же касается до тобольской городской думы, то она не представляла отчетности по городскимъ и казеннымъ суммамъ съ 1842 года, т.-е. въ продолженіе 12 лѣтъ! Независимо отъ того, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Тобольскъ, при осмотрѣ тюремнаго замка, В. А. былъ пораженъ, въ полномъ смыслѣ слова, ужаснымъ помѣщеніемъ арестантовъ и ссыльныхъ. Острогъ этотъ представлялъ собою старое, небольшихъ размѣровъ зданіе, подпираемое во многихъ мѣстахъ, по ветхости, деревянными столбами, а между тѣмъ въ немъ должна была помѣщаться вся та масса ссыльныхъ и каторжныхъ, которая постоянно направлялась въ Тобольскъ изъ всѣхъ губерній Россіи. Правильно и удобно размѣстить всѣхъ людей было невозможно въ такомъ маленькомъ зданіи, какимъ былъ старый острогъ. Отъ этой тѣсноты и самой ветхости стѣнъ и половъ тюремнаго замка, издававшихъ зловоніе, воздухъ въ арестантскихъ камерахъ былъ невозможенъ: онъ переполненъ былъ міазмами, а это влекло за собою распространеніе болѣзней между арестантами. Между тѣмъ, въ Тобольскѣ въ то время уже красовались стѣны подъ крышею новаго обширнаго тюремнаго замка, но полная достройка его не оканчивалась цѣлыя 12 лѣтъ изъ-за препирательствъ съ подрядчиками и по случаю нѣкоторыхъ злоупотребленій, обнаруженныхъ при этой постройкѣ. Прежнее губернское начальство завело по этому предмету канцелярскую переписку—настоящую волокиту, грозившую, казалось, никогда не окончиться. В. А., переговоривъ предварительно съ епархіальнымъ архіереемъ, состоявшимъ вице-президентомъ мѣстнаго тюремнаго комитета, собралъ членовъ этого комитета и горячо говорилъ въ немъ о печальномъ состояніи арестантовъ, помѣщавшихся въ старомъ острогѣ. Комитетъ убѣдился въ необходимости принять энергическія мѣры къ скорѣйшему окончанію всѣхъ работъ по устройству новаго тюремнаго зданія, не испрашивая разрѣшенія высшаго начальства, съ производствомъ работъ, внѣ правилъ, хозяйственнымъ способомъ и съ ассигнованіемъ на это всего экономическаго капитала, состоявшаго въ

завѣдываніи комитета. Немедленно былъ образованъ особый хо зяйственный комитетъ для окончанія постройки острога из людей энергическихъ и честныхъ, и работа въ тюремно̀мъ замк закипѣла.

Окончивъ ревизію тобольскихъ учрежденій [1]), В. А. вы ѣхалъ для обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ въ туринскомъ тюменскомъ, ялуторовскомъ, ишимскомъ и курганскомъ окру гахъ и въ городѣ Петропавловскѣ.

Въ туринскомъ округѣ, стоящемъ вдали отъ большихъ до рогъ, В. А. замѣтилъ особенное благочестіе и патріархальну кротость жителей. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не было столь кихъ благолѣпныхъ храмовъ и такого усердія къ возведенію украшенію ихъ, какъ въ туринскомъ. При такихъ качествах жителей управленіе округомъ не было затруднительно и полу чило общій съ народомъ характеръ патріархальнаго спокой ствія. Тѣмъ не менѣе, по полиціи обнаружено, что городничі (Черепановъ), вопреки установленнымъ правиламъ, наказал одного мѣщанина розгами, употребивъ при этомъ странно средство: наказаніе сквозь мокрую тряпку, что̀ сдѣлано п объясненію городничаго для уменьшенія, а по словамъ нака заннаго — для увеличенія боли. Кромѣ того, въ туринском окружномъ казначействѣ обнаруженъ недостатокъ 500 рублей и потому смѣненъ казначей.

Окружный судъ въ Тюмени оказался неудовлетворительнымъ ибо рѣшалъ мало дѣлъ, многимъ изъ нихъ давалъ неправильны ходъ, а иныя оставлялъ безъ движенія требованіемъ излишних свѣдѣній и справокъ, которыя были до того странны, что их можно отнести только или къ намѣренному продолженію дѣла или къ весьма мелочному, вовсе не служебному любопытству Самый составъ суда былъ неудовлетворителенъ. Такъ, окружны судья былъ прикосновененъ къ дѣламъ: 1) объ обидахъ одном мѣщанину, 2) о неправильномъ освобожденіи изъ острога коно крада и 3) о неправильныхъ дѣйствіяхъ по разысканію имѣні купца Аласкова.

---

[1]) В. М. Жемчужниковъ 2-го сентября писалъ: „мы намѣрены выѣхат въ будущій вторникъ. Тобольскъ сталъ оживляться: Викторъ уже далъ ему в загородномъ саду два гулянья, въ два царскіе дня. Садъ былъ превосходн хотя и дешево, иллюминованъ, загородный домъ былъ убранъ по-деревенск рябиной, березками: просто и мило. Въ немъ происходили танцы. Отъ этих вечеровъ тоболяне въ восхищеніи... Другихъ новостей сообщать некогда, по тому что оканчиваю до отъѣзда составленіе отчета по ревизіи здѣшних мѣстъ. Здѣсь между чиновниками, до которыхъ отчетъ касается, онъ произвел что-то въ родѣ удара по лбу“.

Тюменская городская полиція найдена была съ запущеннымъ дѣлопроизводствомъ, и совершенное ея бездѣйствіе влекло за собою застой дѣлъ въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Для понужденія полиціи дать отвѣтъ на отношенія или предписанія, по каждому дѣлу посылалось по нѣскольку десятковъ подтвержденій и притомъ совершенно безполезно. Такъ, по одному дѣлу объ убитомъ сидѣльцѣ Гоненковѣ изъ суда въ полицію послѣдовало 49 подтвержденій. Заводская полиція казеннаго винокуреннаго завода, находящагося вблизи Тюмени, обратила на себя вниманіе тоже недостаткомъ дѣятельности и бдительности; слабостью своихъ дѣйствій она допустила образованіе на заводѣ воровскихъ шаекъ.

Въ ялуторовскомъ округѣ В. А. обратилъ вниманіе на состояніе переселенцевъ и раскольниковъ и изучалъ причины образованія тамъ раскола. Кромѣ того, губернатора тамъ поразило особенное распространеніе отравленій между супругами и любовниками и значительное число дѣлъ объ употребленіи фальшивыхъ денегъ. По обоимъ этимъ предметамъ сдѣланы особыя распоряженія, именно: усилено наблюденіе за непродажею ядовъ и вообще сильно дѣйствующихъ веществъ, и вмѣнено въ обязанность разыскивать самый источникъ изготовленія фальшивыхъ монетъ.

Сопутствовавшій В. А. во время перваго его объѣзда части губерніи В. М. Жемчужниковъ, въ письмѣ, отъ 2 октября 1854 г., сообщаетъ: „Вотъ нѣсколько анекдотовъ о бывшемъ здѣшнемъ управленіи: 1) одинъ засѣдатель (становой) напоилъ во время ярмарки нѣмца-лекаря до пьяна, уговорилъ его надѣть навыворотъ медвѣжью шубу и, привязавъ ему на шею цѣпь, вывелъ его на площадь, гдѣ заставлялъ плясать, какъ медвѣдя, для чего немилосердно билъ его палкой, чтобы тотъ ревѣлъ и тѣмъ еще болѣе походилъ на медвѣдя; 2) казачій офицеръ, ужаснѣйшій буянъ, привязалъ къ лошади городничаго ослиныя уши и велѣлъ казакамъ вести ее къ городничему, а самъ, провожая ее по улицамъ, подгонялъ метлой. Городничій, разсердясь, забылъ, что это его лошадь, и велѣлъ отрубить ей голову. Изъ этого началось дѣло: „объ отрубленной городничимъ у лошади головѣ". 3) Этотъ же офицеръ схватилъ на улицѣ тринадцатилѣтнюю дѣвочку и заперъ ее у себя въ домѣ; мать узнала, пришла требовать, онъ ее прогналъ; она пришла съ квартальнымъ, тотъ велѣлъ квартальнаго высѣчь, но казаки не посмѣли; тогда онъ прибилъ его и выгналъ. Дѣвушку освободили только съ помощью всей полицейской команды. За эту

исторію окружному начальнику, который освободилъ дѣвушку, сдѣланъ выговоръ, и его обошли наградой, а офицера, въ наказаніе, перевели изъ уѣзднаго города въ губернскій! 4) Городовой архитекторъ связался съ женою засѣдателя. Засѣдатель уговорилъ его разъ шуткою надѣть кольчугу и взять въ руки саблю, а самъ призвалъ подготовленныхъ свидѣтелей и затѣялъ дѣло, что архитекторъ хотѣлъ убить его, для чего приходилъ къ нему въ домъ въ кольчугѣ, съ обнаженной саблей. 5) Окружной судья, исполняя должность городничаго, пьяный, укралъ при обыскѣ у одного мѣщанина двѣ серебряныя ложки. 6) Засѣдатель земскаго суда наказывалъ крестьянъ тѣмъ, что ѣздилъ на нихъ по деревнѣ верхомъ, погоняя плеткой. 7) Засѣдатель окружнаго суда укрывалъ въ подпольѣ всѣхъ бѣглыхъ, самъ освобождалъ ихъ изъ острога и дѣлился съ ними крадеными вещами".

Въ курганскомъ округѣ, незадолго до ревизіи, было большое переселеніе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Сибирскіе старожилы, привыкнувъ къ раздолью въ земляхъ, весьма недружелюбно отнеслись къ новымъ переселенцамъ, и отъ этого между ними безпрерывно возникали споры о границахъ земель, о потравѣ хлѣбовъ и тому подобное. В. А. принялъ мѣры къ упорядоченію этихъ отношеній и къ устройству переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ ихъ поселенія.

Значительно населенный, съ обиліемъ удобныхъ земель, ишимскій округъ имѣетъ сосѣдство съ киргизскою степью, и потому въ немъ было значительное число бродягъ, проходящихъ этимъ округомъ во внутрь Россіи. Поэтому же въ немъ было много арестантовъ, преимущественно по дѣламъ о конокрадствѣ и бродяжничествѣ, а въ земскомъ судѣ было сильное накопленіе дѣлъ со множествомъ арестантовъ.

Несмотря на краткость времени съ пріѣзда В. А. Арцимовича въ тобольскую губернію, онъ успѣлъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, то-есть черезъ три мѣсяца со дня вступленія въ должность губернатора, не только обревизовать означенные выше округа, но и принять мѣры къ исправленію недостатковъ управленія и лично представить объ этомъ подробную записку главному начальнику края въ городѣ Омскѣ.

Отношенія В. А. къ генералъ-губернатору, генералу отъ инфантеріи Г. Х. Гасфорту, который самъ избралъ В. А. губернаторомъ, какъ человѣка, близко ознакомившагося съ краемъ во время ревизіи западной Сибири генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, были довольно хорошія, хотя и не близкія.

Гасфортъ былъ во время венгерской кампаніи 1848 г. дивизіоннымъ генераломъ, отличался храбростью и прославился знаменитымъ отступленіемъ безъ потери людей при внезапной встрѣчѣ съ многосильнымъ непріятелемъ. Человѣкъ онъ былъ умный и образованный, но съ дѣломъ управленія краемъ не могъ быть знакомъ, такъ какъ всю службу до генералъ-губернаторства провелъ въ арміи. Кромѣ того, онъ обладалъ большимъ самолюбіемъ и не жаловалъ людей съ собственной инипіативой. Люди, близко его знавшіе, говорили, что для того, чтобы провести какое-либо дѣло, всего лучше было закинуть ему объ этомъ мысль и затѣмъ оставить все въ покоѣ. Черезъ нѣсколько времени генералъ усвоивалъ себѣ ту мысль и проводилъ ее уже какъ свою собственную.

Главнѣе же всего было то, что Г. Х. Гасфортъ не могъ хорошо знать людей, его окружавшихъ, и въ числѣ ихъ нѣкоторые, и притомъ болѣе вліятельные, были съ дурными правилами. Быть можетъ, это происходило и отъ того, что ни у кого недоставало мужества открыть глаза генералъ-губернатору на дурныхъ, окружавшихъ его, чиновниковъ. Для этого, впрочемъ, нужно было представить ясныя для оцѣнки доказательства, а между тѣмъ темныя дѣла совершаются всегда подъ покровомъ непроницаемой тайны.

В. А-вичъ на первыхъ же порахъ замѣтилъ неудобства для управленія губерніею, истекавшія отъ вліянія чиновъ главнаго управленія непосредственно на лицъ, подчиненныхъ губернатору, и въ первую же поѣздку свою въ Омскъ, то-есть въ октябрѣ 1854 года, лично представилъ особую записку генералъ-губернатору о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя были имъ встрѣчены и которыя стѣсняли власть его свыше границъ, опредѣленныхъ закономъ.

В. М. Жемчужниковъ, 3-го ноября, писалъ своему отцу: „Чиновники въ Омскѣ до сего времени держали всю тобольскую губернію въ такой зависимости, что положеніе чиновниковъ въ ревизію Виктора было престранное: и чорту кочерга, и Богу свѣча: не берутъ взятокъ—ихъ тѣснятъ тѣ; берутъ—тѣснитъ Викторъ! Теперь, если вѣрить началу и обѣщаніямъ Гасфорта, губернаторъ относительно чиновниковъ получитъ свою власть: они не будутъ распоряжаться за него. Гасфортъ принялъ и Виктора, и меня очень хорошо; мы каждый день обѣдали у него. На словахъ онъ согласился съ Викторомъ во всемъ. Но опасно, что онъ до-нельзя самоувѣренъ, самохвалъ и слабъ характеромъ... Пріемъ Гасфорта и вообще наше по-

явленіе въ Омскѣ произвело благопріятное впечатлѣніе, подѣй-
ствовало нравственно; такъ что если у Гасфорта достанетъ силы
окружающіе его противодѣйствовать Виктору побоятся... На му-
зыкальномъ вечерѣ у Гасфорта (гдѣ вставали, когда онъ стоялъ
и садились, когда онъ сидѣлъ) оркестръ игралъ очень поря-
дочно. 30-го октября, утромъ, мы выѣхали изъ Омска, а 1-г
декабря пріѣхали въ Тобольскъ; всего сдѣлали 2.382 версты
но еще не видали значительнѣйшей части губерніи: березов-
скаго, пелымскаго и тарскаго округовъ".

Въ запискѣ В. А. Арцимовича ген.-губернатору говорится, что
„означенныя затрудненія имѣютъ свое историческое начало", ко-
торое онъ и изложилъ, не вдаваясь, впрочемъ, въ подробности

„Въ управленіе западною Сибирью князя Горчакова на-
чальники губерніи д.с.с. Энгельке, а затѣмъ и д.с.с. Про-
кофьевъ, первый по системѣ, а второй по неспособности, уро-
нили свою власть въ высшей степени, не принимая на себя
рѣшенія почти ни одного дѣла, и всѣ административныя мѣры
опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ окружного управленія от
нихъ были изъяты и перешли непосредственно къ главному
управленію западной Сибири; въ губерніи же развивалась только
безплодная переписка, направленная единственно къ тому, чтобы
сложить съ себя отвѣтственность по всѣмъ болѣе важнымъ дѣ-
ламъ. Метода эта до того укоренилась и вошла въ обыкновеніе
что всѣ безъ исключенія присутственныя мѣста въ тобольской
губерніи слагали свою работу и отвѣтственность на высшую
власть. Это невольно отразилось и въ самомъ главномъ управ-
леніи, гдѣ, вопреки сибирскимъ учрежденіямъ, сосредоточивалось
рѣшеніе многихъ самыхъ мелочныхъ дѣлъ"...

Полный стремленія принести елико возможно больше пользы
на своемъ посту, но стѣсненный во всемъ В. А. Арцимовичъ
по самой природѣ своей, не могъ идти по стопамъ своихъ пред-
шественниковъ и находилъ необходимымъ вывести управленіе
губерніею изъ вредной и опасной колеи, и съ этою цѣлью испра-
шивалъ распоряженія генералъ-губернатора, во-первыхъ, чтобы
всѣ подвѣдомственныя губернатору учрежденія и лица не имѣли
прямого и непосредственнаго сношенія съ главнымъ управле-
ніемъ и не осмѣливались бы, минуя власть губернскую, испра-
шивать разрѣшеніе у власти высшей въ краѣ; во-вторыхъ, чтобы
опредѣленіе, увольненіе и перемѣщеніе чиновниковъ, составляю-
щихъ окружное управленіе, производились, по точному смыслу
закона, черезъ посредство начальника губерніи, и чтобы въ глав-
номъ управленіи не принимались просьбы объ опредѣленіи на

такія должности, утвержденіе въ которыхъ предоставлено или самому губернатору, или, по его представленію, главному управленію, и въ-третьихъ, при д.с.с. Энгельке и Прокофьевѣ главное управленіе дѣйствовало непосредственно на начальниковъ отдѣленія общаго губернскаго управленія и вообще на дѣлопроизводителей и, замѣтивъ по какому-либо дѣлу медленность или упущеніе, дѣлало распоряженіе черезъ начальника губерніи объ истребованіи отъ нихъ объясненій и разсмотрѣніи ихъ установленнымъ порядкомъ. Между тѣмъ, по степенямъ власти, непосредственной отвѣтственности передъ генералъ-губернаторомъ подлежатъ начальники губерній, лица же низшія отвѣчаютъ передъ ближайшими своими начальниками. Кромѣ того, съ установленіемъ при В. А. постоянной и общей повѣрки дѣлопроизводства не представлялось бы и надобности въ прежней системѣ требованія объясненій, помимо начальника губерніи, отъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ.

Записка эта сначала не произвела никакого дѣйствія, и В. А., какъ будетъ изложено ниже, долженъ былъ только постепенно отвоевывать себѣ власть, принадлежавшую ему, какъ губернатору.

Изъ переписки, которую вели между собою В. А. и его тесть, сенаторъ М. Н. Жемчужниковъ, видно слѣдующее:

28-го января 1855 года М. Н. Жемчужниковъ, между прочимъ, писалъ:

„Мнѣ досконально неизвѣстно: условился ли ты съ генералъ-губернаторомъ, при свиданіи въ Омскѣ, въ системѣ дѣйствій къ истребленію взятокъ и взяточничества, и призналъ ли Гасфортъ полезнымъ, для водворенія порядка, имѣть съ тобою, помимо окружающихъ его и тебя, конфиденціальную переписку по такимъ служебнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не должны знать окружающіе его? Напримѣръ: 1) что назначеніе рекрутъ въ Ялуторовскѣ неудобно по малочисленности города и отдаленности отъ твоего надзора, и 2) что опредѣленіе въ омскій земскій судъ засѣдателемъ того, которому ты, какъ вредному для службы лицу, приказалъ подать въ отставку изъ секретарей тобольской думы, можетъ быть принято за потворство злонамѣреннымъ людямъ, и что ты при опредѣленіи чиновниковъ вообще желалъ бы пользоваться довѣренностью уважаемаго тобою начальника“.

Письмомъ отъ 3-го апрѣля 1855 года В. А. благодарилъ М. Н. Жемчужникова за стараніе подыскать для тобольской губерніи чиновниковъ, а затѣмъ говорилъ: „я теперь останусь совершенно въ рукахъ здѣшнихъ чиновниковъ, бо̀льшею частію развращенныхъ до основанія. Съ отъѣздомъ Володеньки (шу-

рина, В. М. Жемчужникова) придется взяться самому за редакцію бумагъ, ибо здѣсь не могутъ выразить мысли прямой и благородной. Чѣмъ болѣе знакомлюсь и всматриваюсь въ дѣла и ходъ управленія, тѣмъ болѣе сознаю свое безсиліе къ добру. Только губернаторъ-злоупотребитель можетъ здѣсь найти подпору и помощниковъ: всѣ готовы грабить народъ, но мало охотниковъ содѣйствовать устройству и благосостоянію жителей. Сперанскій учрежденіемъ совѣта главнаго управленія при генералъ-губернаторѣ передалъ власть въ руки мелкихъ чиновниковъ. Мысль его была ограничить самоуправство начальниковъ края, но онъ водворилъ господство подъячихъ. Я не преувеличу, если скажу, что власть начальника губерніи здѣсь находится въ параличѣ. Со времени введенія сибирскихъ учрежденій всѣ дѣйствія клонились къ обезсиленію губернаторовъ, и пока сибирскій комитетъ не обратитъ вниманія на безгласное и стѣсненное положеніе здѣшнихъ начальниковъ — нѣтъ надежды на успѣхъ и улучшеніе. 30 лѣтъ совершеннаго уничиженія не могутъ не отразиться и въ настоящее время. Здѣсь привыкли *неуважать власть* губернаторскую, и голосъ его ничтоженъ... Понимая это исключительное положеніе, я въ дѣйствіяхъ своихъ крайне остороженъ и выжидаю обстоятельствъ и времени, чтобы высказать съ пользою мои замѣчанія... Съ Гасфортомъ я на время прекратилъ частную переписку. Онъ недостаточно уважаетъ мои мысли. Съ установленіемъ лѣтней дороги окончу объѣздъ губерніи, поѣду въ Омскъ (резиденція генералъ-губернатора) и попытаюсь коснуться *деликатныхъ струнъ*. Тогда окончательно рѣшу: возможно ли продолжать, или нужно будетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, искать другого назначенія".

На это, 21-го апрѣля 1855 года, М. Н. прислалъ слѣдующій отвѣтъ: „Изъ твоего письма я вижу непріятное положеніе твое по служебной части. Зная благородство чувствъ твоихъ, я очень понимаю состояніе души твоей. Дружески прошу тебя: береги свое здоровье и не принимай близко къ сердцу встрѣченныхъ тобою препятствій къ искорененію зла. Въ столь отдаленномъ краѣ тебѣ не приходится быть въ разладѣ съ главнымъ начальникомъ. Къ тому же онъ, какъ должно полагать, самъ нисколько не причастенъ къ злоупотребленію и даже искренно желалъ бы истребить эту язву. Но, къ сожалѣнію, не властенъ! Надобно имѣть снисхожденіе и къ нему. Однимъ словомъ, ты долженъ вооружиться терпѣніемъ. Слава Богу, что и начальникъ твой, и подчиненные твои, и всѣ жители ввѣреннаго края вполнѣ поняли твои достоинства и увѣровали въ твою честность и спра-

ведливость. Это уже много значитъ и много пособитъ, ежели не къ совершенному исправленію злодѣевъ, то къ обузданію ихъ; а между тѣмъ жители края, знакомясь съ введеннымъ тобою порядкомъ управленія и правдою, будутъ помогать тебѣ въ этомъ изъ собственнаго ихъ интереса... Богъ поможетъ тебѣ, и разсѣваемыя тобою сѣмена законности, порядка и честности непремѣнно произрастутъ и дадутъ плоды"...

Изъ копій съ оффиціальной переписки видно, что упомянутая выше записка В. А., представленная въ Омскѣ генералъ-губернатору, долго оставалась безъ всякаго отвѣта, а распоряженіе В. А. о томъ, что начальники отдѣленій подвѣдомственнаго ему общаго губернскаго управленія сносились съ начальниками отдѣленій главнаго управленія не донесеніями, а отношеніями, подняло цѣлую бурю среди чиновниковъ главнаго управленія. Они доложили все это дѣло въ превратномъ видѣ, и ген.-губернаторъ, 15-го марта 1855 года, прислалъ исправлявшему должность тобольскаго гражданскаго губернатора требованіе, чтобы впредь отдѣленія общаго губернскаго управленія на требованія отдѣленій главнаго управленія отвѣчали не увѣдомленіями, а донесеніями.

На это В. А., 18-го апрѣля за № 2802, довелъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора, что, найдя при вступленіи въ управленіе губерніею чрезвычайное во всѣхъ учрежденіяхъ накопленіе дѣлъ и вредное бездѣйствіе губернской власти, онъ обратилъ вниманіе и на сдѣланное при ревизіи западной Сибири въ 1851 году замѣчаніе о недостаткѣ вліянія и ослабленіи власти въ краѣ гражданскаго губернатора и всѣхъ вообще губернскихъ мѣстъ надъ мѣстами окружными. Руководствуясь въ этомъ отношеніи закономъ, онъ, В. А., вездѣ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ старался поставить губернскую власть на ту степень, которая опредѣлена для нея сибирскими учрежденіями, дабы имѣть достаточно силы и вліянія къ искорененію или хотя къ уменьшенію тѣхъ неустройствъ, которыя существуютъ во многихъ установленіяхъ. При этомъ вниманіе его остановилось и на отношеніяхъ канцеляріи общаго губернскаго управленія къ канцеляріи главнаго управленія. Замѣтивъ преобладающее вліяніе сей послѣдней, простиравшееся до такой степени, что требованія ея исполнялись съ необыкновенной поспѣшностью, между тѣмъ какъ самыя строгія предписанія генералъ-губернатора и министерскія, по несравненно важнѣйшимъ дѣламъ, нерѣдко оставались по нѣскольку мѣсяцевъ и даже лѣтъ безъ исполненія, В. А. старался установить тотъ послѣдовательный порядокъ, по степени важности

предметовъ и давности производства, какой установленъ законами для всѣхъ вообще дѣлъ. Съ другой стороны, въ видахъ возстановленія въ сношеніяхъ со всѣми мѣстами законныхъ формъ, В. А обратилъ вниманіе и на тѣ статьи сибирскихъ учрежденій, по которымъ отдѣленія главнаго управленія не даютъ никакихъ новыхъ приказаній, а самъ совѣтъ главнаго управленія никакой исполнительной власти не имѣетъ, и всѣ предписанія исходятъ отъ генералъ-губернатора; въ формахъ же сношеній, помѣщенныхъ въ приложеніи къ статьѣ 296, не заключается формы *предписаній* отъ канцеляріи главнаго управленія, и самыя сношенія этой канцеляріи дѣлаются не иначе, какъ по приказанію генералъ-губернатора. Въ доказательство отступленій отъ закона въ формахъ прежняго письмоводства, В. А. представилъ генералъ-губернатору копію съ требованія начальника I отдѣленія главнаго управленія въ канцелярію общаго губернскаго управленія. Вопреки всѣмъ узаконеніямъ, въ этомъ требованіи I-е отдѣленіе главнаго управленія *отъ своего имени* поручало канцеляріи общаго губернскаго управленія „*немедленно* оному *донести*: не встрѣчается ли препятствій къ назначенію березовскому исправнику, за выслугу въ Сибири узаконеннаго срока, прибавочнаго жалованья, и если нѣтъ, то *представить* формулярный и краткій о немъ списки, *за надлежащимъ подписомъ*, на предметъ исходатайствованія ему прибавочнаго жалованья". Не говоря объ отступленіи въ этомъ требованіи отъ узаконенной формы, оно обращало на себя вниманіе самою странностью содержанія, по которому аттестація чиновника требуется отъ канцеляріи, и канцеляріи же поручается войти съ представленіемъ формулярнаго списка за подписью губернатора. Полагая, что подобныя отношенія между канцеляріями, допускающія вмѣшательство многихъ лицъ въ управленіе, были бы прямымъ нарушеніемъ правъ начальника губерніи и противны правильной администраціи, и основываясь на томъ, что начальникъ отдѣленія главнаго управленія имѣетъ голосъ только совѣщательный, В. А. ходатайствовалъ передъ генералъ-губернаторомъ о принятіи во вниманіе изложенныхъ выше соображеній и о подтвержденіи, дабы начальники отдѣленій главнаго управленія и канцеляріи общаго губернскаго управленія въ сношеніяхъ своихъ во всей точности соблюдали формы, приложенныя къ 296 ст. сибир. учрежд., и дабы первые не входили съ подчиненною губернатору канцеляріею въ переписку отъ своего имени и по такимъ дѣламъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію канцелярій.

Представленіе это было весьма непріятно генералъ-губернатору, и онъ, 7-го мая 1855 г., за № 667, отвѣчалъ начальнику губерніи оффиціальною бумагою, въ довольно рѣзкой формѣ, такого содержанія:

„Хотя въ исполненіи *предписанія* моего, отъ 12-го марта, не могло встрѣтиться никакихъ неудобствъ или недоразумѣній, и хотя, при множествѣ обременяющихъ меня разнородныхъ и важныхъ занятій, я не желалъ бы входить вторично въ переписку о предметѣ, который уже былъ мною обсужденъ во всей подробности и разрѣшенъ окончательно, но какъ изъ представленія вашего видно, что вы руководствуетесь не совсѣмъ вѣрнымъ взглядомъ на образъ дѣйствій главнаго управленія и неточнымъ примѣненіемъ закона, то я считаю нужнымъ, противъ выводовъ вашихъ, сообщить вамъ, м. г., слѣдующее:

„Чрезвычайное запущеніе въ дѣлахъ прежняго времени и бездѣйствіе власти губернскаго начальства обратили на себя особое мое вниманіе задолго еще до назначенія вашего пр-ства исправляющимъ должность губернатора, и я принялъ строгія и рѣшительныя мѣры къ прекращенію безпорядковъ, но при этомъ никакого *преобладающаго вліянія* канцеляріи главнаго управленія ни мною, ни генералъ-адъютантомъ Анненковымъ не замѣчено, и въ чемъ именно состояло это вліяніе—мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, вы подразумѣваете здѣсь опредѣленіе чиновниковъ на мѣста, зависящее отъ начальника губерніи, по непосредственному распоряженію генералъ-губернатора, *но это мною отмѣнено*, хотя бездѣйствіе вашего предмѣстника и незнаніе имъ своего дѣла поставляли меня иногда въ необходимость назначать къ нему чиновниковъ прямо отъ себя. Если же вліяніе канцеляріи заключалось въ настояніяхъ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ, то оно приносило не вредъ, а пользу... Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что губернаторы не были и не могли быть стѣсняемы въ своихъ правахъ вмѣшательствомъ канцеляріи главнаго управленія, ибо всѣ дѣйствія ея, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе четыре года, совершались не иначе, какъ по непосредственному моему указанію и разрѣшенію, или съ моего вѣдома. Формы сношеній канцелярій, какъ согласныя съ закономъ, были мною одобрены, и потому, если ваше пр—ство признавали необходимымъ ихъ измѣнить, то должны были испросить на это предварительное мое разрѣшеніе...

„О неправильномъ требованіи свѣдѣній о добавочномъ содержаніи березовскому исправнику мнѣ докладывалъ начальникъ 1-го отдѣленія главнаго управленія еще въ прошломъ году,

объяснивъ, что въ редакцію означенной бумаги вкралась дѣйствительно ошибка, которой онъ не досмотрѣлъ... Вслѣдствіе сего, замѣтивъ тогда же статскому совѣтнику Анненскому это упущеніе, я подтвердилъ ему, чтобы впредь редакція подобныхъ бумагъ была тщательнѣе провѣряема, и въ настоящее время считаю излишнимъ дѣлать по сему предмету какое-либо новое распоряженіе... Посему, не находя никакого основанія къ отмѣнѣ сдѣланнаго мною распоряженія, я покорнѣйше прошу в. пр-ство принять оное къ точному руководству и исполненію, присовокупляя, что я подтвердилъ и начальникамъ отдѣленій главнаго управленія соблюдать впредь установленный закономъ порядокъ сношеній съ канцеляріями губернскихъ совѣтовъ и обращаться къ нимъ съ требованіями не прямо отъ себя, а отъ моего имени, и по такимъ только предметамъ, которые входятъ въ кругъ дѣйствій канцелярій, а в. пр-ству, если бы замѣтили отступленіе отъ сего порядка, доводить объ этомъ до моего свѣдѣнія и быть увѣреннымъ, что никакихъ неправильныхъ дѣйствій съ ихъ стороны я не попущу и не стерплю".

Несмотря на ядовитость редакціи этой бумаги и стараніе въ ней обѣлить необѣлимыя дѣйствія канцеляріи главнаго управленія, результаты, которыхъ добивался В. А., были достигнуты. Какъ послѣ грозы очищается воздухъ, такъ и послѣ выписаннаго грознаго предложенія генералъ-губернатора разъяснилось дѣло и вошло въ свои законныя рамки: значеніе канцеляріи стало ослабѣвать, и власть губернатора начала вступать въ свои законныя права, въ особенности послѣ громогласнаго заявленія генералъ-губернатора объ отмѣнѣ имъ порядка опредѣленія на должности, зависящія отъ самого губернатора. Такое отвоевываніе власти обходилось не дешево, и много тяжелаго, даже нравственныхъ мукъ перенесъ В. А. Арцимовичъ. В. М. Жемчужниковъ, въ письмѣ отъ 17-го апр., писалъ своему отцу: „Для Сибири весьма многое можно сдѣлать; въ отношеніи же того, что въ ней и для нея дѣлается, она, быть можетъ, изощреннѣе всѣхъ другихъ странъ въ Россіи — въ подлости, своекорыстіи и преобладаніи взяточничества. Въ доказательство послѣдняго скажу, что Виктора (В. А.) никто изъ васъ (т.-е. отца и братьевъ В. М.) и другихъ не назоветъ слабымъ, а онъ бы искренно желалъ (только не хочетъ просить), чтобы его перевели отсюда, потому что нѣтъ ничего разорительнѣе для чувствъ, души, а можетъ быть и здоровья, какъ видѣть, что при всемъ усердіи, желаніи и возможности, не только не можешь сдѣлать ничего существенно хорошаго, но и остановить хотя бы десятую долю зла. Еще

доказательство: всѣ честные люди, которыхъ я нашелъ, просятъ, чтобы ихъ вытянули изъ Сибири, иначе они заглохнутъ сами или будутъ заглушены".

В. А. Арцимовичъ продолжалъ попрежнему облегчать душу съ своимъ другомъ тестемъ, и М. Н. Жемчужниковъ съ своей стороны утѣшалъ и подкрѣплялъ его.

Въ письмѣ отъ 19-го мая 1855 года М. Н. писалъ: „Очень благодарю тебя за любезное письмо и стараніе ознакомить меня со взаимными отношеніями твоими и Гасфорта. Изъ приложенныхъ при письмѣ бумагъ я вижу твою самостоятельность, осторожность и правильность дѣйствій твоихъ. Володинька (возвратившійся изъ Тобольска шуринъ В. А.) передалъ мнѣ и еще нѣкоторыя подробности о принятой тобою благородной системѣ и о противодѣйствіяхъ, съ которыми ты вынужденъ бороться. Изъ всего видно, что благородство, законность и справедливость, совершенно чуждыя управленію, служатъ основою всѣхъ твоихъ дѣйствій. Да поможетъ тебѣ Богъ въ водвореніи тобою порядка! Дѣло не легкое, но достойное тебя, и если Гасфортъ покороче сблизится съ тобою, то, конечно, устранятся и тѣ шероховатости по управленію, и останется только существующій недостатокъ въ замѣщеніи должностей хорошими, честными людьми. Это, какъ по причинѣ отдаленности края, такъ и по недостатку вообще въ Россіи людей, способныхъ къ службѣ по гражданской части, еще не скоро можетъ послѣдовать. Но ты, какъ достаточно опытный въ свѣдѣніяхъ объ этомъ, *общемъ* во всей Россіи, недостаткѣ, не можешь и желать совершенія этого *чуда* для Сибири. Благоразуміе воспрещаетъ желать невозможнаго. Я вдвое болѣе тебя живу на свѣтѣ и, по свойству моего характера, всегда былъ истымъ врагомъ злоупотребленій и потому не переставалъ бороться съ лихоимцами и неправдою, но никогда и нигдѣ не могъ искоренить этой коросты, которая неразлучна недостатку образованія людей, и *только примѣръ начальника* могъ *нѣсколько укрощать* алчность злоупотребленія. Я, какъ каждый безпристрастный наблюдатель, могу безъ лести сказать, что воспитанники училища правовѣдѣнія, своею службою, положили начало доброй нравственности по управленіямъ. Они своимъ высшимъ понятіемъ о чести разлили благодатный бальзамъ по жиламъ управленія Имперіи, пристыдили множество изъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ и исцѣлили многое множество въ низшихъ слояхъ управленій. До этой же благодатной эпохи *одинъ лишь страхъ* и изрѣдка добрый примѣръ начальниковъ могли *нѣсколько* сократить зло. Итакъ, любезный другъ, самъ ты

знаешь: давно ли этотъ бальзамъ началъ дѣйствовать? А когда знаешь это, то и долженъ съ благоразуміемъ покоряться обстоятельствамъ и съ терпѣніемъ ожидать плодовъ отъ добрыхъ трудовъ твоихъ. Болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками! И напрасно было бы мечтать, что въ другихъ губерніяхъ менѣе злоупотребленій, чѣмъ въ Сибири. Я достовѣрно знаю, что въ пензенской губерніи, чембарскаго уѣзда, предводитель дворянства при пріемѣ ратниковъ въ ополченіе отъ помѣщичьихъ имѣній бралъ по 10 рублей!! А когда предводитель дворянства такъ низокъ, то можешь вообразить, каковы тѣ, кто ниже его! Этотъ случай я знаю по собственному опыту, и вѣроятно, что подобныя подлости существуютъ болѣе или менѣе и кромѣ чемб. уѣзда. Терпѣніе и терпѣніе! Богъ указалъ тебѣ путь, по которому ты и самъ желалъ идти для распространенія правды. Не отчаявайся же и не робѣй на этомъ шествіи твоемъ"...

Въ другомъ письмѣ, отъ 29-го іюля 1855 г., изъ села Павловки, гдѣ проводилъ лѣто М. Н. Жемчужниковъ, онъ говорилъ: „Проживая теперь въ провинціяхъ, я столько наслышался о разнаго рода злоупотребленіяхъ (особенно въ орловской губерніи), что *готовъ бы самъ вызваться* на производство ревизіи (въ качествѣ сенатора). Лихоимство развилось до неимовѣрности, и вмѣсто того, чтобы, при настоящемъ тягостномъ положеніи Россіи и при усиленныхъ требованіяхъ правительства [1]), оказывать возможное *законное* снисхожденіе исполнителямъ сихъ требованій, власти дерутъ шкуру съ живыхъ людей! Хотя ты и Володинька находили, что въ сибирскомъ краѣ лихоимство превзошло мѣру терпѣнія, но слышанное мною здѣсь перещеголяло Сибирь! Однимъ словомъ, я готовъ для блага Россіи добровольно принять на себя ревизію, хотя бы 10-ти и болѣе губерній. Изъ этого ты можешь судить, какъ должно быть сильно злоупотребленіе въ великороссійскихъ губерніяхъ, хотя здѣсь начальники губерній и не связаны дѣйствіями генералъ-губернаторовъ. Зло до того развито, что нельзя не отнести этого къ самимъ начальникамъ губерній! Господи! спаси добрую Россію! Господи! помоги нашему Императору обставить управленіе Россіею благонамѣренными и свѣдущими людьми... Такого начальника, какъ ты, или вовсе нѣтъ, или очень мало въ имперіи. Можетъ быть, есть опытнѣе тебя и столько же честны, какъ ты, но не столько тверды къ устраненію пристрастія, а это—тоже лихоимство"...

---

[1]) Здѣсь, конечно, М. Н. указывалъ на тяжелое время крымской войны.

Таковъ, дѣйствительно, и былъ Викторъ Антоновичъ, и онъ много и тяжко нравственно страдалъ, выбиваясь изъ силъ въ борьбѣ съ злоупотребленіями и въ обузданіи лихоимцевъ.

Взяточничество въ Сибири существовало съиздавна и никогда не переводилось. В. А. могъ только его сдерживать, и при немъ оно не только не смѣло проявляться открыто, но прикрывалось даже личиною добродѣтели. В. А. хорошо это понималъ, но зналъ также, что смѣнить лихоимцевъ легко, а замѣнить ихъ некѣмъ, и потому оставлялъ на мѣстахъ опытныхъ и знающихъ дѣло чиновниковъ (напр., исправниковъ), съ твердой увѣренностью, что они не посмѣютъ подъ его управленіемъ отклоняться отъ указаннаго имъ пути и будутъ даже сдерживать своихъ подчиненныхъ. Онъ самъ говорилъ: „вотъ этотъ чиновникъ хорошо нажился до моего управленія, и я оставляю его по необходимости, зная, что онъ сытъ, и я увѣренъ, что онъ, изъ боязни потерять все, будетъ мнѣ хорошимъ помощникомъ".

И теперь не легко находить честныхъ и знающихъ дѣло чиновниковъ для отдаленныхъ мѣстностей, а 40 лѣтъ тому назадъ это было совсѣмъ невозможнымъ. Край былъ захолустнымъ, по климатическимъ условіямъ непривлекательнымъ и, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, отдаленнымъ, а между тѣмъ содержаніе чиновникамъ, по штатамъ, было совсѣмъ ничтожно. Исправники и окружные судьи получали не болѣе 500—600 р. годового содержанія; засѣдатели (становые) — вдвое менѣе; начальникамъ отдѣленій общаго губернскаго управленія полагалось содержаніе въ 650 р., а совѣтникамъ губернскаго правленія— 900 р., чиновникамъ же особыхъ порученій—всего 429 р.

Даже положеніе самого губернатора въ матеріальномъ отношеніи было обставлено нехорошо: ему полагалось всего 3.500 р. содержанія и казенная квартира. Несмотря на дешевизну жизненныхъ припасовъ въ то время въ Сибири [1]), содержаніе большого губернаторскаго дома и многіе расходы, вызываемые собственно представительностью по должности губернатора, стоили

---

[1]) Дешевизна въ Тобольскѣ на предметы первой необходимости въ урожайные годы была замѣчательная. Такъ, ржаная мука продавалась по 12 коп. за пудъ, пшеничная мука по 15 коп., овесъ отъ 60—80 к. за четверть, сѣно по 3 коп. за пудъ, дрова по 1 р. за сажень, мясо лучшее по 4 к. за фунтъ, а зимою по 2½ к.; цѣлый большой теленокъ стоилъ 1 р., со шкурою; пара рябчиковъ продавалась за 5 к., а лучшая рыба—осетрина, стерлядь и нельма—не дороже 7 к. за фунтъ; масло русское—отъ 40 до 50 к. за безмѣнъ, въ 2½ фунта.

значительныхъ денегъ, и въ особенности въ первые два года, до полученія В. А. прибавочнаго содержанія, потребовалось много умѣнья и заботъ, чтобы вести хозяйство, не дѣлая долговъ.

При такомъ обезпеченіи, присвоенномъ штатами, кромѣ своего шурина, В. М. Жемчужникова, Виктору Антоновичу удалось пригласить къ себѣ на службу изъ Петербурга еще только трехъ молодыхъ чиновниковъ: барона А. Ѳ. Штакельберга [1]), Ѳ. А. Анненкова и А. Я. фонъ-Гюббенета [2]). Двое послѣднихъ вскорѣ переведены были чиновниками особыхъ порученій при генералъ-губернаторахъ, одинъ въ восточной, а другой въ западной Сибири, и вмѣсто одного изъ нихъ былъ опредѣленъ въ мартѣ 1855 года Я. С. Скропышевъ. Другихъ лицъ, за все четырехлѣтнее управленіе Викторомъ Антоновичемъ губерніею, такъ и не пришлось ему пріобрѣсти, и онъ принужденъ былъ довольствоваться въ управленіи мѣстными чиновниками.

Среди нихъ нѣкоторые, впрочемъ немногіе, были почтенные люди, работавшіе „не только за страхъ, но и за совѣсть". В. А. ихъ какъ-то умѣлъ отыскивать и иногда перетаскивалъ изъ другихъ вѣдомствъ, какъ, напримѣръ, духовнаго и народнаго просвѣщенія. Другіе, какъ выше было сказано, работали только изъ страха, съ личиною добродѣтели; но всѣ вообще трудились усердно, не щадя своихъ силъ, какъ работалъ и самъ Викторъ Антоновичъ. Работа эта, часто очень тяжкая, по ея спѣшности и безпрерывности, при немъ была пріятна: въ ней всегда видна была добрая цѣль, и кромѣ того В. А. очаровывалъ всѣхъ своимъ обхожденіемъ и всегда цѣнилъ высоко всякій полезный трудъ.

Кромѣ ревизій присутственныхъ мѣстъ, постояннаго наблюденія за ходомъ управленія въ губерніи, освѣженія и улучшенія состава чиновниковъ и борьбы въ первое время за возстановленіе губернаторской власти, необходимой для успѣшнаго управленія, текущія дѣла по управленію требовали отъ В. А. затраты всѣхъ его молодыхъ силъ.

Въ состоявшемъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ губернатора общемъ губернскомъ управленіи находилось три отдѣленія: 1) административное, равняющееся губернаторской канцеляріи въ великороссійскихъ губерніяхъ; 2) судебное съ гражданскими и уголовными дѣлами и приговорами, и 3) финансовое, по наблюденію за дѣлами казеннаго управленія и завѣдыванію всѣми земскими повинностями въ губерніи. Всѣ эти дѣла

[1]) Впослѣдствіи сенаторъ. †.
[2]) Впослѣдствіи м-ръ путей сообщенія и членъ Гос. Сов. †.

рѣшались или единоличною властью губернатора, или вносились въ состоявшій подъ его предсѣдательствомъ губернскій совѣтъ, гдѣ происходили засѣданія, длившіяся почти всегда по нѣскольку часовъ, а затѣмъ составлялись часто весьма обширныя постановленія. Бумагъ, требовавшихъ подписанія губернатора, въ общемъ губернскомъ управленіи было въ одинъ годъ—25.695 а рѣшено дѣлъ 4.443, что составляетъ болѣе 70 бумагъ и 12 дѣлъ на каждый день.

Помимо этого, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ губернатора, состояли: строительная коммиссія, приказъ общественнаго призрѣнія, тюремный комитетъ, коего онъ былъ вице-президентомъ, Маріинская женская школа, только-что передъ тѣмъ открытая, и, наконецъ, мужская губернская гимназія, за коей онъ наблюдалъ, въ качествѣ попечителя учебнаго округа.

Независимо отъ того, въ первые два года управленія были по два рекрутскіе набора ежегодно (очередной и частный), по 10 человѣкъ съ 1.000 душъ, такъ какъ въ то время продолжалась крымская война. Наборы эти въ Сибири были съ очередной системой, требовавшей со стороны администраціи зоркаго наблюденія за правильностью составленія очередныхъ списковъ. Зорко также приходилось слѣдить и за правильностью производства самаго освидѣтельствованія рекрутъ, и нерѣдко губернаторъ принужденъ былъ производить ихъ переосвидѣтельствованіе въ своемъ присутствіи.

Въ первый же годъ по пріѣздѣ В. А. въ Тобольскъ, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ значительной части губерніи, омываемой Тоболомъ, Иртышемъ и Обью, было продолжительное наводненіе. Оно происходитъ въ тобольской губерніи оттого, что Иртышъ и Обь текутъ съ юга на сѣверъ, и длина этихъ рѣкъ громадная. Тобольскъ лежитъ подъ 60° сѣв. широты, а Обдорскъ, находящійся при Обской губѣ, стоитъ уже за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. Рѣки вскрывались ото льда сначала въ южныхъ частяхъ, а въ это время на сѣверѣ образовавшіеся въ рѣкѣ заторы задерживали теченіе воды, и вотъ вода эта начинала повышаться въ южныхъ мѣстностяхъ, затѣмъ выходила изъ русла и разливалась. Къ несчастію жителей, разливъ этотъ происходилъ очень медленно, а повышеніе воды хотя и составляло только вершокъ, а иногда и полвершка въ сутки, но продолжалось нѣсколько недѣль. Затѣмъ происходило стояніе воды на высшемъ уровнѣ и такое же медленное спаденіе ея. Поэтому всѣ низменныя мѣста оставались затопленными весною цѣлый мѣсяцъ, а иногда и долѣе, на огромныхъ пространствахъ.

Такъ, напримѣръ, по тракту отъ Тюмени къ Тобольску послѣдніе два почтовые перегона, протяженіемъ до 60 верстъ, были залиты водою, и даже почта перевозилась въ этомъ мѣстѣ на лодкахъ. Такъ какъ и послѣ спада водъ требовалось еще время для осушки почвы, то обработка земли долго дѣлалась невозможною, и сельскіе жители лишались цѣлаго урожая, независимо отъ потерь, понесенныхъ ими отъ затопленія ихъ домовъ. Жители низменныхъ частей города Тобольска несли также большіе убытки. В. А., съ его сердечнымъ отношеніемъ къ людямъ, такое несчастіе доставляло много заботъ. Онъ устраивалъ комитеты для пособія лицамъ, пострадавшимъ отъ наводненія, принималъ въ нихъ лично живое участіе, а въ затопленныя мѣста, внѣ города, посылалъ довѣренныхъ лицъ, снабжая ихъ деньгами изъ своего кошелька, не богатаго средствами, для оказанія помощи особенно бѣднымъ семьямъ крестьянъ.

Также въ первую зиму управленія губерніею В. А. былъ озабоченъ особеннымъ дѣломъ по перевозкѣ изъ Тобольска пушекъ и снарядовъ въ Иркутскъ. 9-го января 1855 года получено было отношеніе начальника артиллерійскаго гарнизона сибирскаго округа о томъ, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отправкѣ изъ тобольскаго склада, какъ можно поспѣшнѣе, въ Иркутскъ, на защиту Камчатки и юго-восточныхъ береговъ Сибири, 4-хъ пушекъ 24-фунтовыхъ, 19 пушекъ 18-ти-фунтовыхъ, 528 ядеръ 24-хъ-фунтовыхъ, 660 ядеръ 18-ти-фунтовыхъ и 48.850 картечной дроби № 6; всего, приблизительно, съ укупоркою до 5.180 пудовъ. Немедленно произведены были въ Тобольскѣ торги и переторжка, но подрядчики запросили большія цѣны за перевозку, такъ какъ снѣгъ у Иркутска сходитъ обыкновенно къ марту мѣсяцу, а наибольшія трудности для доставки тяжестей представляетъ именно гористое мѣстоположеніе передъ Иркутскомъ, начиная отъ Ачинска.

Имѣя въ виду, что по подряднымъ цѣнамъ перевозка каждой пушки обошлась бы казнѣ въ 2.100 рублей, В. А. рѣшилъ перевезти всю означенную тяжесть на перемѣнныхъ лошадяхъ. Открыта была подписка для сбора по этому случаю пожертвованій, и устроены были маскарадъ и концерты въ Тобольскѣ и Ишимѣ. Все это дало сбора 6.006 р. 55 к.; кромѣ того, одинъ тобольскій житель, мѣщанинъ Александровъ, пожертвовалъ сани, а тюменскій купецъ Шешуковъ—15 саней; тарскій же купецъ Щербаковъ просилъ принять 300 р. на прогоны для провоза пушекъ и снарядовъ собственно по тар-

скому округу. Такъ какъ всего нужно было имѣть 44 саней, то 29 были изготовлены въ Тобольскѣ, съ отводами, вагами, подушками, желѣзными тормозами (для спуска съ горъ) и кольцами для увязки пушекъ. Все это было быстро сдѣлано тобольскимъ полицмейстеромъ Кувичинскимъ, и тотчасъ же послѣ пробы пушекъ онѣ, а также снаряды, были уложены въ сани, увязаны и отправлены въ дальній путь. Собранныхъ денегъ хватило на прогоны до Томска, то-есть на половину пути отъ Тобольска до Иркутска. Изъ ассигнованныхъ же на эту перевозку казною 15.000 р. понадобилось взять только 336 р. 87 к. на прогоны и суточныя деньги чиновникамъ, командированнымъ какъ для сопровожденія пушекъ, такъ и для распоряженій по заготовкѣ подводъ. Весь транспортъ былъ благополучно доставленъ 8-го февраля до Томска, пробывъ въ пути всего 10 дней (1.500 верстъ); сани же, по освидѣтельствованіи ихъ въ Томскѣ, оказались безо всякой порчи. Крестьяне везли этотъ транспортъ съ радостью, говоря, что везутъ царскую прислугу, и готовы были везти всѣ сани даромъ; но, принявъ въ соображеніе частые рекрутскіе наборы и значительныя подати, В. А. отклонилъ это пожертвованіе крестьянъ и приказалъ платить прогоны всѣмъ безъ исключенія.

Здѣсь кстати упомянуть, что въ прежнее время довольно часто производилось такъ называемое *шельмованіе* преступниковъ, т.-е. препровожденіе ихъ на колесницѣ, со связанными руками и съ надписью на висящей на груди доскѣ названія преступленія. Это дѣлалось съ барабаннымъ боемъ, а затѣмъ производилось самое наказаніе преступника плетьми, на эшафотѣ. Въ Тобольскѣ, по множеству преступниковъ, такія наказанія совершались часто, почти каждую недѣлю, и преступники возились по главнымъ улицамъ. Печальное и тяжелое зрѣлище представляли эти колесницы, барабанный бой и любопытныя толпы народа—и В. А. приказалъ производить шельмованіе раннимъ утромъ и перевозить преступниковъ не по главнымъ, а второстепеннымъ улицамъ, гдѣ меньше народа. На первыхъ же порахъ В. А. поразила случайная встрѣча на улицѣ съ только-что наказаннымъ на эшафотѣ преступникомъ. Его не везли, а несли или, вѣрнѣе, тащили арестанты, окровавленнаго, полуобнаженнаго, съ текущею изъ множества ранъ кровью... В. А. тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ особаго и удобнаго экипажа для препровожденія въ острожную больницу понесшихъ наказаніе, и о томъ, чтобы наказанные были закрыты и не видны народу.

Чтобы совладать со всѣми описанными дѣлами, В. А. занимался ими постоянно, почти безъ отдыха. Съ ранняго утра его можно было застать уже въ его кабинетѣ, помѣщавшемся въ нижнемъ этажѣ губернаторскаго дома; здѣсь ежедневно принималъ онъ доклады полицмейстера о положеніи города, здѣсь же чередовались доклады строительной комиссіи и приказа общественнаго призрѣнія, и здѣсь же принимались всѣ лица подчиненныхъ ему управленій, являвшіяся или съ экстренными докладами, или за полученіемъ разрѣшеній и наставленій, а иногда и головомоекъ отъ губернатора. Затѣмъ, къ 10—11 часамъ В. А. отправлялся или прямо въ общее губернское управленіе, гдѣ его ожидала ежедневная работа по докладамъ начальниковъ отдѣленій, или предварительно заѣзжалъ въ тюремный замокъ, арестантскую роту или городскую больницу. Домой В. А. возвращался уже часамъ къ 4—5, прямо къ обѣду. Но и здѣсь онъ не былъ одинъ среди своей семьи, такъ какъ къ обѣду часто приглашались или лица, пріѣзжавшія въ Тобольскъ по дѣламъ службы, или начальники губернскихъ учрежденій, и кромѣ того ежедневно обѣдали у него приближенные къ нему молодые чиновники. Послѣ обѣда слѣдовалъ небольшой отдыхъ, а затѣмъ В. А. опять принимался за работу и только, окончивъ ее, посвящалъ нѣсколько времени чтенію любимыхъ имъ журналовъ и въ особенности „Revue des Deux Mondes“.

Въ первый же годъ своего управленія В. А. обревизовалъ между прочимъ казенную палату и губернское правленіе. Губернское правленіе, въ которомъ находилось еще особое отдѣленіе, завѣдующее распредѣленіемъ ссыльныхъ, и къ которому присоединены были дѣла нотаріальныя, найдено было въ большомъ запущеніи, также какъ и обширная казенная палата, завѣдывавшая и дѣлами государственныхъ имуществъ и соляною частію, какъ по добычѣ озерной соли, такъ и по перевозкѣ и продажѣ ея. Въ палатѣ этой обнаружено было взяточничество по рекрутскимъ дѣламъ со стороны одного изъ канцелярскихъ чиновниковъ, женатаго на дочери унтеръ-офицера и приходившагося шуриномъ совѣтнику хозяйственнаго отдѣленія палаты, гдѣ производились рекрутскія дѣла. Чиновникъ этотъ велъ роскошную жизнь, имѣлъ лучшіе экипажи и лошади въ городѣ, и нахальство его бросалось всѣмъ въ глаза. Онъ былъ, конечно, немедленно устраненъ отъ должности. Запущенность дѣлопроизводства казенной палаты и губернскаго правленія очень озабочивали В. А., и онъ нашелъ необходимымъ освѣ-

жить составъ этихъ учрежденій назначеніемъ въ нихъ болѣе дѣятельныхъ совѣтниковъ, о чемъ и велъ оживленную конфиденціальную переписку съ генералъ-губернаторомъ, окончившуюся уже въ слѣдующемъ году въ благопріятномъ для Виктора Антоновича и для самого дѣла смыслѣ.

Въ началѣ второго года своего управленія В. А. объѣхалъ тарскій, омскій и ишимскій округа и обревизовалъ въ нихъ окружныя присутственныя мѣста, осмотрѣлъ громадный казенный екатерининскій винокуренный заводъ съ каторжными рабочими, вблизи г. Тары, заѣзжалъ почти во всѣ этапныя зданія, устроенныя для дневокъ и ночлеговъ ссыльныхъ, пересылавшихся въ то время изъ Тобольска въ глубь Сибири пѣшеходнымъ способомъ, ревизовалъ многія волостныя правленія и для этого проѣхалъ въ самый юго-восточный уголъ губерніи, къ озеру Чаны, гдѣ находится юдинское волостное правленіе. По возвращеніи въ Тобольскъ составлено было подробное описаніе произведенной ревизіи, для принятія мѣръ къ уничтоженію найденныхъ безпорядковъ и упущеній, а затѣмъ начались приготовленія къ устройству всего необходимаго для перевода арестантовъ во вновь отстроенный тюремный замокъ въ Тобольскѣ. Острогъ этотъ, какъ было уже упомянуто выше— одинъ изъ обширнѣйшихъ въ то время въ Россіи, такъ какъ, независимо отъ 400 подслѣдственныхъ арестантовъ, содержавшихся до окончанія производившихся о нихъ дѣлъ, а равно приговоренныхъ по судебнымъ приговорамъ къ тюремному заключенію, черезъ острогъ этотъ проходили не только присылаемые изъ внутреннихъ губерній, для водворенія въ тобольской губерніи, въ ссылку и на житье, но и приговоренные къ такой же ссылкѣ и въ каторжныя работы въ другихъ губерніяхъ Сибири. Такихъ арестантовъ было: до 8.300 лишенныхъ правъ состоянія, до 1.200 сосланныхъ на житье въ Сибирь, до 140 бѣглыхъ, возвращенныхъ въ Сибирь, и до 1.000 человѣкъ, слѣдовавшихъ за ссыльными по собственной волѣ,—то-есть, всего почти 11.000 человѣкъ. Хозяйство для такой массы народа было большое, а удобно размѣстить арестантовъ и все необходимое для самого тюремнаго хозяйства стоило большихъ трудовъ и заботъ В. А., который неустанно слѣдилъ за всѣмъ, что относилось къ облегченію положенія арестантовъ и въ особенности семействъ ихъ, слѣдовавшихъ въ Сибирь добровольно. Усердно помогали въ этомъ гуманномъ дѣлѣ Виктору Антоновичу два — три довѣренныхъ его лица и главнымъ образомъ дамское отдѣленіе попечительнаго о

тюрьмахъ комитета, состоявшее подъ предсѣдательствомъ су
пруги Виктора Антоновича.

Мысль о необходимости устройства хорошаго тюремнаг
замка въ Тобольскѣ была выражена покойнымъ Государем
Александромъ Николаевичемъ, въ бытность его въ Тобольск
еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ 1837 году; самая ж
постройка зданія продолжалась недолго, но она оставалась не
доконченною, какъ говорилось выше, цѣлыя 12 лѣтъ, изъ-з
возникшихъ пререканій съ подрядчиками и канцелярской пере
писки. Осуществить мысль Государя Наслѣдника выпало н
долю Виктора Антоновича. 23-го ноября 1855 года торже
ственно освящена была тобольскимъ архіепископомъ, въ при
сутствіи всѣхъ директоровъ и директриссъ мѣстнаго тюрем
наго комитета и массы народа, церковь въ новомъ острожном
зданіи, а въ послѣдующіе затѣмъ дни переведены въ новый за
мокъ изъ стараго острога всѣ арестанты. Во все время упра
вленія Виктора Антоновича губерніею острогъ этотъ содержалс
въ образцовомъ порядкѣ [1]).

Въ концѣ декабря 1855 года В. А. рѣшилъ обозрѣт
самый отдаленный отъ Тобольска березовскій округъ съ его за
полярнымъ обдорскимъ краемъ. Изъ предшественниковъ В. А
въ Березовъ ѣздилъ въ 1827 году губернаторъ Бантышъ-Ка
менскій, занимавшійся историческими изслѣдованіями и вырывші
изъ могилы трупъ современника и знаменитаго сподвижник
Петра Великаго, князя Меншикова, умершаго, какъ извѣстн
въ ссылкѣ и похороненнаго въ Березовѣ. Тѣло князя Менши
кова, по прошествіи 30 лѣтъ послѣ его погребенія, оказалос
сохранившимся въ совершенной цѣлости: оно замерзло
находилось на глубинѣ никогда не оттаивавшей земли.

Разстоянія между городами тобольской губерніи вообщ
очень большія — отъ Тобольска до Березова, напр., болѣ
1.000 верстъ,—поэтому путешествіе въ Березовъ и въ особен
ности въ Обдорскъ и притомъ зимою составляло своего род
подвигъ.

По положенію сибирскаго комитета, съ 1-го января 1855 год
въ березовскомъ округѣ учреждено было особенное военно

---

[1]) Здѣсь не лишнее отмѣтить слѣдующій замѣчательный фактъ, доказы
вающій сердечную отзывчивость на все доброе вообще со стороны русских
женщинъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ объ открытіи въ Тобольск
женскаго отдѣленія тюремнаго комитета, такъ тотчасъ же со всѣхъ концов
Россіи туда стали направлять массу пожертвованій и вещами, и деньгами дл
облегченія участи несчастныхъ женщинъ и дѣтей.

окружное управленіе и поручено военному штабъ-офицеру, въ лицѣ майора Г. А. Колпаковскаго [1]).

До него въ этомъ отдаленномъ краѣ, давно не посѣщавшемся губернскимъ начальствомъ, господствовалъ произволъ и беззаконіе, доходившіе до того, что полицейское начальство, совмѣстно съ „окомъ царевымъ“, стряпчимъ, содержало одного ссыльно-поселенца (Волохова) въ острогѣ, прикованнымъ къ стѣнѣ цѣпью. Сдѣлано это было, согласно рѣшенію мѣстнаго окружнаго суда, будто бы за дерзость, неповиновеніе и буйство; въ дѣйствительности же вся вина поселенца заключалась въ потерѣ конверта, при которомъ онъ былъ присланъ изъ Тобольска, и который ему самому былъ данъ на руки. Стряпчій и городничій арестовали его за потерю конверта и отобрали отъ него 1.500 р. наличными деньгами, перстень и другія вещи; когда же онъ сталъ требовать росписки въ полученіи отобраннаго отъ него имущества, его обвинили въ дерзости и предали суду, который и приговорилъ его къ содержанію на цѣпи, а имущества и денегъ онъ такъ и лишился. Затѣмъ въ Обдорскѣ были притѣсненія волостного старшины, инородческаго князя Тайшина, мѣстнымъ засѣдателемъ Кушелевскимъ, вынудившія князя ѣхать въ Петербургъ на оленяхъ прямымъ путемъ по тундрамъ, для того только, чтобы принести на засѣдателя жалобу непосредственно Государю Императору помимо мѣстныхъ властей [2]). Противъ этого же Тайшина строились козни со стороны другого вліятельнаго и богатаго инородца, Эръ-Паипа, добивавшагося власти волостного старшины и выражавшаго даже желаніе принять христіанство со всѣми инородцами его ватаги, лишь бы стать во главѣ волости, на мѣсто князя Тайшина. Все это вело къ жалобамъ одного на другого и разбирательству возникшихъ между ними пререканій. Другой засѣдатель въ Кандинскѣ (Кожевниковъ) породнился съ казаками, опустился и предавался пьянству. Всѣ его мысли были

---

[1]) Впослѣдствіи степной генералъ-губернаторъ и членъ военнаго совѣта. Скончался 23-го апрѣля 1896 г.

[2]) Тайшинъ считался христіаниномъ, но въ душѣ, какъ и большинство принявшихъ христіанство его сородичей, былъ идолопоклонникомъ. Въ его чумѣ (жилище) засѣдатель нашелъ идоловъ, но затѣмъ возвратилъ ихъ ему, получивъ съ Тайшина 1.000 р. и 7 чернобурыхъ лисицъ. Чтобы сбыть лисицъ повыгоднѣе, надо было ихъ продать остякамъ же, для сдачи въ ясакъ (подать мѣхами, идущая въ кабинетъ Его Величества), а чтобы заставить инородцевъ покупать лисьи шкуры, перемѣнили старшину и самый пріемъ ясака производили не въ инородческой управѣ, а въ квартирѣ засѣдателя.

направлены къ тому, чтобы поѣхать въ тундры въ такое врем
когда инородцы возвращаются съ промысла, и набрать для себ
побольше мѣховъ и рыбы. Онъ нарочно возилъ для этого с
собою непомѣрной величины лодку.

Викторъ Антоновичъ спѣшилъ совершить поѣздку на да
лекій сѣверъ, въ виду полученныхъ свѣдѣній о свирѣпствова
шемъ въ то время между остяками и самоѣдами эпидемиче
скомъ тифѣ. Надлежало принять мѣры какъ къ скорѣйшем
прекращенію болѣзни, такъ и для изысканія способовъ к
предотвращенію подобнаго несчастія на будущее время. С
этою цѣлью, немедленно по полученіи свѣдѣній объ эпидемі
былъ командированъ въ березовскій край особый врачъ, а с
собою В. А. взялъ высшаго въ губерніи медицинскаго адми
нистратора — инспектора врачебной управы (Типякова) и вы
ѣхалъ изъ Тобольска 24-го декабря 1855 года, чтобы быт
въ Обдорскѣ въ январѣ мѣсяцѣ, во время сбора тамъ остяков
и самоѣдовъ изъ всѣхъ ихъ поселеній для продажи мѣховъ
сдачи ясака, во время обдорской ярмарки. Кромѣ инспектор
врачебной управы, съ В. А. отправились два молодые чиновник
составлявшіе его путевую канцелярію. Весь губернаторск
поѣздъ состоялъ изъ 5 повозокъ, въ которыя сначала впрягал
по 3 лошади, а потомъ, когда дорога сдѣлалась узкою, при
шлось запрягать по 8 лошадей гуськомъ, такъ что всѣ эти по
возки, тянувшіяся длинной вереницей, походили на поѣздъ же
лѣзной дороги. (Тысячеверстный путь отъ Тобольска до Бере
зова идетъ по теченію Иртыша и Оби и совершается лѣтом
на почтовыхъ лодкахъ, а зимою на лошадяхъ).

Въ 500 верстахъ отъ Тобольска, въ большомъ торговом
селѣ Самарово В. А. былъ встрѣченъ березовскимъ военно
окружнымъ начальникомъ Г. А. Колпаковскимъ, который
сопровождалъ его во время поѣздки по всему березовском
краю. Книги и дѣла волостныхъ правленій, къ великому удо
вольствію В. А., были найдены въ исправности, но при ревизі
крестьяне принесли жалобу на мѣстныхъ священниковъ з
отказъ ихъ учить дѣтей грамотѣ, несмотря на то, что один
крестьянинъ изъ рыбопромышленниковъ пожертвовалъ особы
домъ для приходскаго училища, который уже нѣсколько лѣт
стоялъ пустымъ. Губернаторъ обѣщалъ передать объ этом
архіепископу и вообще принять мѣры къ открытію у них
училища, въ которомъ они такъ нуждались и такъ желал
имѣть.

Верстахъ въ 250 отъ Березова, въ большомъ селеніи Кон-

динскомъ, съ монастыремъ и миссіонерами для обращенія язычниковъ въ христіанство, была сдѣлана остановка для ревизіи дѣлъ мѣстнаго отдѣльнаго земскаго засѣдателя. Остановки, иногда очень значительныя, были и на всякой станціи, гдѣ собирались инородцы, и они, черезъ переводчика, внимательно выслушивались и разспрашивались Викторомъ Антоновичемъ о ихъ нуждахъ. Въ Кондинскомъ монастырѣ В. А. встрѣтилъ образованнаго и симпатичнаго игумена-миссіонера Арсенія, прожившаго въ этомъ монастырѣ восемь лѣтъ. При монастырѣ находилось училище для обученія дѣтей остяковъ. Оно было въ удовлетворительномъ состояніи, и остяки, по отзыву архимандрита, оказались понятливыми и очень способными къ образованію. В. А. выслушалъ въ Кондинскѣ литургію, послѣ которой игуменъ произнесъ проповѣдь. Утѣшительно, по словамъ Виктора Антоновича, было встрѣтить въ отдаленной и дикой странѣ духъ вѣры и образованія. Монастырь этотъ устроенъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Самое же христіанство между остяками начало распространяться при Петрѣ Великомъ находившимся на покоѣ сибирскимъ митрополитомъ Филоѳеемъ Лещинскимъ (въ схимонашествѣ Ѳеодоромъ), который съ 1712 по 1727 годъ обратилъ въ христіанство до 40.000 инородцевъ и построилъ въ ихъ селеніяхъ 37 церквей.

Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Березовъ, была произведена ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, и осмотрѣнъ этотъ маленькій городокъ, съ его небольшими двумя церквами и скромными могилами знаменитыхъ ссыльныхъ: князей Меншикова, Алексѣя Григорьевича Долгорукова и графа Остермана.

Въ теченіе года Г. А. Колпаковскій успѣлъ подтянуть и поднять подвѣдомственныя ему учрежденія, освѣживъ личный составъ подчиненныхъ ему лицъ, и В. А., какъ онъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ къ генералъ-губернатору послѣ ревизіи, могъ только радоваться, что пріобрѣлъ для отдаленнаго березовскаго края такого добраго, честнаго и усерднаго помощника.

Изъ Березова до Обдорска сообщеніе производится зимою только на оленяхъ. Для каждаго изъ пассажировъ были приготовлены крытыя нарты, запряженныя тройкою и четверкою оленей. Ѣзда на этихъ животныхъ была очень быстрая, и весь путь въ 322 версты совершенъ былъ въ полторы сутокъ. Путь лежалъ по широчайшей Оби, и все видимое вокругъ пространство было покрыто глубокимъ снѣгомъ и представляло громадную снѣжную пустыню, такъ какъ самоѣды и

остяки зимою покидаютъ свои чумы у рѣки и удаляются въ другія мѣста для звѣриной ловли. Только въ немногихъ мѣстностяхъ изрѣдка попадались поселенія и въ числѣ ихъ и русскія.

На половинѣ дороги, между Березовомъ и Обдорскомъ, находится село *Мужы*, съ деревянною церковью и нѣсколькими избами. Остяцкое слово *мужы* означаетъ *омутъ*, который дѣйствительно и существуетъ вблизи села и изобилуетъ рыбою. Здѣсь В. А. узналъ, что мѣстный священникъ дрался съ инородцами при неисполненіи ими его требованій. Кромѣ того, весною, когда инородцы отправляются на лѣтніе рыбные промыслы, а зимою на звѣриные, этотъ пастырь ѣздилъ въ юрты и забиралъ всѣхъ тѣхъ инородцевъ, которые не были у него на исповѣди, налагалъ на нихъ эпитиміи и держалъ ихъ до полученія выкупа. Онъ же изгонялъ изъ церкви всѣхъ инородцевъ, у которыхъ обшиты малицы (шубы) мѣхомъ изъ собачьей шкуры, говоря, что Господь воспретилъ дѣлать одежду изъ шкуръ подлаго звѣря.

Конечно, по возвращеніи въ Тобольскъ В. А. передалъ обо всемъ этомъ мѣстному архіепископу.

Въ Обдорскѣ В. А. пробылъ нѣсколько дней. Несмотря на то, что пребываніе его въ этомъ поселеніи происходило 5, 6 и 7 января, погода стояла съ очень слабымъ морозомъ, и это значительно облегчило совершеніе того празднества, которое устроилъ В. А. инородцамъ многихъ ватагъ, пріѣхавшимъ издалека въ Обдорскъ, какъ по случаю прибытія къ нимъ начальства, такъ и для сдачи ясака.

5-го января произведена была ревизія дѣлопроизводства мѣстнаго засѣдателя, а 6-го числа, въ день Крещенія Господня, В. А. слушалъ литургію въ мѣстной церкви. Маленькій храмъ этотъ былъ наполненъ инородцами. Они, какъ принявшіе христіанство, такъ и идолопоклонники, глубоко чтутъ святителя Николая, угодника Божія, и, какъ разсказывали мѣстные жители, часто можно видѣть, что инородецъ подходитъ къ церкви со шкурою какого-нибудь звѣря, кладетъ ее на церковную паперть и, обращаясь къ висящему надъ дверью образу, говоритъ на своемъ языкѣ: „Я былъ на морѣ (или на рѣкѣ), во время бури, думалъ, что не выберусь изъ опасности и погибну. Вспомнилъ тебя (св. Николая Чудотворца) и спасся отъ смерти. На̀ вотъ тебѣ это!“ — (при этомъ онъ указываетъ на положенную на паперть шкуру). Такія пожертвованія обращаются въ деньги и идутъ на украшеніе храма.

Остяки и самоѣды — очень простой и добрый народъ. Питается онъ по преимуществу рыбой и мясомъ добытыхъ звѣрей, причемъ рыба и мясо ѣдятся и въ вареномъ, и въ сыромъ видѣ. Хлѣбъ они пекутъ въ видѣ прѣсныхъ, тонкихъ лепешекъ; кромѣ того, употребляютъ муку въ видѣ болтушки или похлебки, заправляемой рыбьимъ жиромъ. Языкъ ихъ очень бѣденъ; напримѣръ, корова называется *микъ*, а *инкъ* — вода; смѣсь же этихъ словъ: *мисизинкъ*, означаетъ молоко (коровья вода). Точно также слово коса означается тремя словами: торнъ-сердта-карты (торнъ — трава, сердта — рѣзать, карты — желѣзо), т.-е. желѣзо для рѣзанія травы. На такомъ языкѣ они могутъ выражать очень немногія понятія объ отвлеченныхъ предметахъ. Разсказываютъ, что когда однажды разъясняли инородцамъ молитву Господню, и пришлось при этомъ объяснять имъ слово *лукавый* (избави насъ отъ лукаваго), то понадобилось изложеніе многихъ дурныхъ свойствъ, присущихъ лукавому. Тогда инородцы закричали: „Понимаемъ, понимаемъ. Этотъ лукавый—нашъ засѣдатель".

Викторъ Антоновичъ остановился въ Обдорскѣ въ большомъ домѣ мѣстнаго зажиточнаго купца-рыбопромышленника Чечурова. Туда, въ большой залъ, послѣ обѣдни, собрались два князя—обдорскій, Иванъ Тайшинъ, и кумеватскій, Семенъ Артанзіевъ, и многіе самоѣдскіе старшины. Всѣ они представили акты на разныя отличія. Тайшинъ и Артанзіевъ предъявили грамоты на княжеское достоинство, въ бархатныхъ переплетахъ, съ государственною печатью, въ особомъ серебряномъ-вызолоченномъ ковчегѣ, за собственноручною подписью императрицы Екатерины II. Князья одѣты были въ малиновые бархатные кафтаны, съ воротникомъ и полами, обшитыми золотымъ галуномъ, и въ парчевые полукафтаны; на поясахъ были кортики. Одинъ изъ старшинъ былъ крестникомъ одного изъ великихъ князей: онъ принялъ христіанство въ Петербургѣ; у него была особая пожалованная ему одежда. Наконецъ, нѣсколько старшинъ имѣли также пожалованные имъ въ разное время кафтаны голубого, зеленаго и краснаго цвѣтовъ и также кортики.

Осмотрѣвъ эти знаки отличія, В. А. черезъ переводчика сказалъ собравшимся старшинамъ, что ему пріятно видѣть эти знаки, доказывающіе Высочайшую милость и вниманіе начальства къ заслугамъ старшинъ. Всѣ они поклонились. Затѣмъ губернаторъ спросилъ о нуждахъ подчиненныхъ имъ инородцевъ и поручилъ сопровождавшимъ его чиновникамъ записать заявленія старшинъ, для собранія свѣдѣній по предмету ихъ заявленій и обсужденія

ихъ въ Тобольскѣ. Послѣ того В. А. заявилъ, что любовь и вниманіе Государя къ инородцамъ выразились посѣщеніемъ ихъ начальниками. Такъ, недавно главный начальникъ края, то-есть цѣлыхъ четырехъ губерній, посѣтилъ ихъ, чтобы узнать о ихъ нуждахъ; теперь же, съ такою же цѣлью, пріѣхалъ къ нимъ и онъ, губернаторъ. Старшины опять кланялись. Викторъ же Антоновичъ продолжалъ говорить, указавъ на то, что вниманіе къ инородцамъ выразилось и назначеніемъ въ ихъ край особаго окружного начальника, который представляетъ око губернатора на мѣстѣ. Старшины горячо благодарили за это, изъявляя и знаками большую радость, доказывавшую, что Г. А. Колпаковскимъ они очень довольны. Далѣе, В. А. говорилъ, что инородцы должны цѣнить это вниманіе къ нимъ и съ своей стороны содѣйствовать, чтобы усилія правительства имѣли полный успѣхъ. Это же можетъ быть достигнуто точнымъ исполненіемъ требованій и указаній начальства. „Сердце мое болѣло,—продолжалъ В. А.,—когда я узналъ, что вашъ народъ посѣтило несчастіе, именно та болѣзнь, которая теперь распространена между вами по всѣмъ чумамъ. Я привезъ съ собою главнаго медика всей губерніи для того, чтобы придумать мѣры къ предупрежденію подобныхъ несчастій на будущее время. Поэтому вы должны содѣйствовать съ своей стороны, исполняя указанія врача, который самъ съ вами переговоритъ и выслушаетъ всѣ ваши мѣстныя свѣдѣнія. Мнѣ извѣстно, что одно изъ главныхъ богатствъ вашихъ состоитъ въ оленяхъ, и на этотъ предметъ я обращаю особенное вниманіе. Когда были у васъ падежи оленей?“ На это полученъ былъ отвѣтъ, что падежи были въ 1848 и 1853 гг. и по преимуществу *на камнѣ* (вблизи Урала)—въ трехъ дняхъ пути отъ Обдорска. Тамъ оставались кости павшаго скота, не бывшаго закопаннымъ. Поэтому В. А. указалъ, что князь Тайшинъ долженъ самъ отправиться вмѣстѣ съ засѣдателемъ на мѣсто нахожденія костей и распорядиться и тщательно наблюсти за тѣмъ, чтобы всѣ онѣ были закопаны глубоко въ землю.

Въ заключеніе В. А. роздалъ старшинамъ привезенные изъ Тобольска для нихъ подарки, состоявшіе изъ халатовъ, кубковъ изъ польскаго серебра, чайныхъ приборовъ, и угостилъ ихъ и обдорскихъ чиновъ и гражданъ завтракомъ, на которомъ провозглашенъ былъ тостъ за Государя Императора. Князю Тайшину особенно понравилась наливка изъ черной смородины, и онъ раза два просилъ дать ему этого вкуснаго напитка. Во время завтрака В. А. между прочимъ спросилъ Тайшина, ходитъ ли

въ церковь его семья, и тотъ обѣщалъ на другой же день отправиться въ церковь съ женою и дочерью.

Послѣ завтрака роздано было угощеніе самоѣдамъ и остякамъ, пріѣхавшимъ на ярмарку и стоявшимъ на улицѣ передъ домомъ Чечурова. Для этого было куплено нѣсколько живыхъ оленей, которые и переданы въ распоряженіе толпы инородцевъ.

Обѣдъ полудикаго народа былъ замѣчательно своеобразенъ. Тотчасъ же появились у каждаго остяка и самоѣда въ рукахъ ножи, олени заколоты, въ нѣсколько минутъ сняты съ оленей шкуры, и затѣмъ каждый изъ угощавшихся обѣдомъ отрѣзалъ себѣ окровавленными руками кусокъ мяса и, макая его въ кровь, скопившуюся въ полости убитаго животнаго, пожиралъ это сырое окровавленное мясо съ особеннымъ наслажденіемъ, искусно подрѣзывая куски у рта подъ самымъ своимъ носомъ. При этомъ два казака раздавали инородцамъ хлѣбъ и водку.

На другой день по утру, по предложенію мѣстнаго священника, В. А. былъ на крестинахъ двухъ инородцевъ, изъявившихъ желаніе креститься. Одинъ изъ нихъ, котораго В. А. былъ воспріемникомъ, былъ родной братъ крестника великаго князя [1]). По возвращеніи отъ обѣдни и осмотра приходскаго училища, въ которомъ обучалось до 20 мальчиковъ, В. А. угостилъ чаемъ обратившихся въ христіанство и принималъ все семейство Тайшина. Тифозная горячка въ березовскомъ краѣ свирѣпствовала въ то время чрезвычайно сильно. При проѣздѣ В. А. во многихъ юртахъ находились больные, а въ Обдорскѣ, въ томъ домѣ, гдѣ онъ остановился, за нѣсколько передъ тѣмъ дней умерли двое дѣтей, а во время пребыванія В. А. въ домѣ лежали еще двое, безъ надежды на выздоровленіе. Въ такомъ положеніи были почти всѣ дома въ Обдорскѣ. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія еще въ Березовѣ, В. А. взялъ съ собою двухъ врачей, которые и подавали пособіе жителямъ. Горячки въ томъ краѣ появлялись довольно часто, а въ ту зиму въ округѣ умерло до тысячи человѣкъ. Но ужаснѣе горячки существуетъ тамъ мѣстная болѣзнь—сѣверная проказа (лепра). Она прилипчива и переходитъ

---

[1]) По возвращеніи въ Тобольскъ, В. А. отправилъ въ Обдорскъ для своего крестника образъ Спасителя, золотой крестъ и халатъ, а для своей кумы, жены священника, шелковую матерію на ризки. Въ препроводительномъ съ этими вещами письмѣ къ священнику В. А. просилъ его при передачѣ крестнику образа и креста благословить его и объяснить, что крестъ и образъ суть только наружные признаки христіанства, но что крестникъ долженъ имѣть образъ и крестъ Спасителя въ своемъ сердцѣ.

отъ одного къ другому не только черезъ прикосновеніе, но и черезъ передачу вещей.

Изъ Обдорска В. А. направился въ Березовъ. Все путешествіе совершено было вполнѣ благополучно, несмотря на сильные холода, которые доходили до 36° мороза.

Въ Тобольскѣ В. А. ждало письмо генералъ-губернатора, съ извѣстіемъ, что, согласно его представленію и состоявшемуся положенію Сибирскаго Комитета, „Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть за отлично-усердную службу В. А. произвести его въ чинъ д. с. с., съ утвержденіемъ въ должности губернатора“ [1]).

По возвращеніи въ Тобольскъ внесены были въ губернскій совѣтъ соображенія о необходимости устройства медицинской части въ Березовскомъ краѣ, а Государю Императору подробно было донесено о свирѣпствовавшей въ томъ краѣ эпидеміи и о принятыхъ мѣрахъ, какъ къ ея прекращенію, такъ и о проектированныхъ для усиленія врачебной помощи среди инородцевъ. Кромѣ того сдѣланы были 2 представленія ген.-губ. 1) объ упорядоченіи торговли съ инородцами и 2) объ отмѣнѣ постановленій о производствѣ покупки и мѣны пушного товара только послѣ взноса ясака,—весьма стѣснительныхъ для инородцевъ. Приняты были также мѣры къ прекращенію неустройствъ, существовавшихъ въ краѣ по управленію хлѣбными магазинами и по раздачѣ въ ссуду муки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ преобразованій, недоимки по магазинамъ уменьшились и даже почти прекратились: вмѣсто 12.100 р., такихъ недоимокъ осталось всего 5.200, и то преимущественно такихъ, на уплату коихъ не истекли еще сроки.

Возстановивъ поколебленную власть губернатора во всей ея силѣ и неустанно работая и слѣдя за подчиненными органами управленія, В. А. Арцимовичъ въ 1856 году испытывалъ уже удовольствіе, видя приносимые его дѣятельностью плоды, выразившіеся въ значительномъ улучшеніи дѣятельности городской и земской полиціи, непосредственно соприкасающихся съ народомъ, и въ правильныхъ и болѣе энергическихъ дѣйствіяхъ всѣхъ губернскихъ мѣстъ тобольской губерніи, составъ которыхъ онъ успѣлъ,

---

[1]) Принцъ П. Г. Ольденбургскій поздравилъ В. А. особымъ письмомъ, въ которомъ писалъ, что ему это повышеніе особенно пріятно, потому что въ лицѣ В. А. бывшій воспитанникъ основаннаго имъ заведенія достигъ уже званія, дающаго ему возможность быть полезнымъ государству на обширномъ служебномъ поприщѣ, и что В. А.—одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Училища Правовѣдѣнія—первый удостоился получить такое повышеніе.

съ большими трудностями, нѣсколько обновить, замѣнивъ нѣсколькихъ совѣтниковъ способными и хорошими работниками.

Тѣмъ не менѣе, дѣйствующія въ Сибири особыя учрежденія сильно тормозили ходъ дѣлъ по управленію губерніею, и В. А. въ маѣ мѣсяцѣ 1856 года всесторонне разработалъ вопросъ о преобразованіи тобольскаго губернскаго правленія, какъ главнаго органа, завѣдывающаго полиціею всей губерніи.

Въ представленіи по этому предмету къ генералъ-губернатору, отъ 26 мая 1856 г. за № 95, В. А., между прочимъ, доказывалъ, что по сибирскому учрежденію, сверхъ частнаго губернскаго управленія, признано необходимымъ средоточіе, въ которомъ соединялось бы управленіе полицейское, судебное и хозяйственное, для чего и учрежденъ при сибирскихъ губернаторахъ губернскій совѣтъ. Цѣлью этого учрежденія было: подчинить непосредственному вѣдѣнію губернатора всѣ части управленія, то-есть полицейскую, судебную и финансовую. Губернское же правленіе должно быть мѣстомъ управленія полиціею, но не мѣстомъ управленія всею губерніею. Губернаторъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ губерніи и имѣть непосредственное вліяніе не только на полицейскую, но и на финансовую часть, такъ что право его въ этомъ случаѣ важнѣе правъ, предоставленныхъ учрежденіемъ губерній 1775 года, по которому въ дѣлахъ казенной палаты онъ могъ имѣть одно только случайное участіе.

На основаніи этого, начальнику губерніи предоставленъ непосредственный выборъ лицъ, составляющихъ общее и частное окружныя управленія, и вслѣдствіе того указомъ Пр. Сената 16 марта 1853 года за № 15072, на имя генералъ-губернатора Западной Сибири, вмѣнено въ обязанность, при опредѣленіи чиновниковъ въ губерніи, исполнять установленныя въ 176 ст. 2 т. св. зак. учр. сиб. губ. правила при опредѣленіи и увольненіи чиновниковъ, окружное начальство составляющихъ. Такое распоряженіе высшаго правительства можетъ служить доказательствомъ того, что начальникъ губерніи непремѣнно долженъ знать достоинство каждаго лица, составляющаго окружное управленіе, и сверхъ того, ревизуя окружныя присутственныя мѣста и обозрѣвая состояніе городовъ, онъ только одинъ въ губерніи имѣетъ возможность собрать ясныя и положительныя свѣдѣнія о средствахъ этихъ присутственныхъ мѣстъ и способностяхъ лицъ, составляющихъ оныя, а равно о положеніи и средствахъ городовъ и хозяйствѣ каждаго изъ нихъ. При настоящемъ же, отдѣльномъ дѣйствіи начальника губерніи отъ

дѣйствій губернскаго правленія и вліяніи его на оное на основаніи однихъ только письменныхъ, формальныхъ предложеній, члены губернскаго правленія, непосредственно управляющіе полиціею и хозяйствомъ, лишены тѣхъ данныхъ, которыя пріобрѣтаются на мѣстѣ, и которыя начальникъ губерніи одинъ только могъ бы передать имъ, незамѣтно, при ежедневныхъ сужденіяхъ и разборѣ дѣлъ. При разъединеніи же управленія характеръ дѣйствій губернскаго правленія есть чисто формальный, безжизненный, бумажный и далеко не соотвѣтствующій цѣли самого учрежденія.

Дѣла, производящіяся въ сибирскихъ губернскихъ правленіяхъ, раздѣляются на 2 категоріи: часть этихъ дѣлъ, касающихся надзора за полиціею и другими окружными присутственными мѣстами, а также наложеніе взысканій на эти мѣста и ихъ служебный персоналъ, согласно 39 — 42 ст. сиб. учр. разсматриваются и окончательно рѣшаются губернскими правленіями; другія же, по 33 ст. сиб. учр., представляются губернатору и подвергаются вторичному разсмотрѣнію и обсужденію въ губернскомъ совѣтѣ. Первыя дѣла ускользаютъ вовсе отъ непосредственнаго вліянія начальника губерніи, а по послѣднимъ онъ имѣетъ вліяніе на губернское правленіе только письменное, и они, въ рукахъ новыхъ дѣлопроизводителей (губернскаго совѣта), по необходимости, замедляются, отчего часто мѣра административная теряетъ свое значеніе. Если примѣнить къ сибирскому губернскому правленію порядокъ, существующій въ губернскихъ правленіяхъ внутреннихъ губерній, гдѣ почти всѣ журналы правленія идутъ на утвержденіе начальника губерніи, то и въ этомъ случаѣ останется тотъ же безжизненный письменный порядокъ сношеній, потому что, не участвуя въ сужденіяхъ и не имѣя непосредственнаго вліянія на дѣлопроизводителей, начальникъ губерніи не въ силахъ будетъ дать должнаго и правильнаго направленія каждому дѣлу.

Отъ этого же порядка происходитъ медленность дѣлопроизводства и накопленіе бумагъ, такъ какъ нѣкоторыя дѣла, подвергаясь новому разсмотрѣнію, вынуждаютъ давать губернскому правленію письменныя предложенія, а иныя восходятъ еще на разсмотрѣніе губернскаго совѣта, имѣющаго право отмѣны распоряженій губернскаго правленія. Засимъ, при ограниченіи власти начальника губерніи, многія дѣла восходятъ еще въ главное управленіе, и такимъ образомъ дѣла, проходя 3 инстанціи и не имѣя долгое время никакого движенія, увеличиваютъ

вездѣ накопленіе переписокъ. Къ этому нужно прибавить, что главное управленіе всѣ объясненія отъ губернскаго управленія по жалобамъ на его дѣйствія требуетъ черезъ начальника губерніи, который, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, долженъ подвергать ихъ разсмотрѣнію и обсужденію и затѣмъ представлять главному управленію. При такомъ порядкѣ дѣлопроизводства начальникъ губерніи превращается въ несоотвѣтствующее его званію лицо, а именно: сначала въ посторонняго зрителя дѣйствій губернскаго правленія, а потомъ въ какого-то юрисконсульта, заключенія котораго не приводятся въ исполненіе, но отдаются еще на обсужденіе совѣта главнаго управленія, причемъ самая власть губернатора ставится ниже власти совѣтника главнаго управленія, ибо мнѣніе совѣтника, въ случаѣ несогласія генералъ-губернатора, восходитъ на разрѣшеніе высшаго начальства, а мнѣніе губернатора, полнаго хозяина губерніи, отвѣчающаго за все, остается безгласнымъ.

Самыми убѣдительными примѣрами замедленія производства дѣлъ, разсматриваемыхъ въ двухъ инстанціяхъ, губернскаго правленія и губернскаго совѣта, могутъ служить: 1) почти всѣ срочныя свѣдѣнія, которыя, отъ перехода лишней инстанціи, не доставляются своевременно; такъ смѣты о городскихъ доходахъ никогда не представляются въ назначенные сроки, и 2) слѣдственныя дѣла о преступленіяхъ по должностямъ, переходя 2 инстанціи и потомъ часто восходя въ главное управленіе, длятся по нѣскольку лѣтъ, и участь лицъ, подвергнувшихся слѣдствію или суду, не рѣшается.

Сообразивъ всѣ приведенныя выше данныя и въ особенности то, что полиція въ Сибирскомъ краѣ, населенномъ ссыльными, требуетъ болѣе энергическихъ, живыхъ распоряженій, а не тѣхъ безжизненныхъ, апатичныхъ, бумажныхъ, которыя существуютъ нынѣ, хозяйственная же часть городовъ требуетъ ближайшаго надзора лица, знающаго мѣстность, состояніе и средства оныхъ, В. А. полагалъ необходимымъ установить присутствованіе начальника губерніи въ губернскомъ правленіи, что не будетъ противорѣчить и смыслу сибирскихъ учрежденій, ибо вліяніе начальника губерніи на управленіе полиціею значительно усилится, а отношеніе его къ финансовой и хозяйственной части не измѣнится, и предоставленный сибирскимъ учрежденіемъ общему управленію надзоръ за ходомъ дѣлъ казенной палаты можетъ продолжаться на прежнемъ основаніи. Для того же, чтобы дать болѣе жизненности дѣламъ губернскаго правленія и доставить высшему начальству возможность

повѣрять дѣйствія губернскаго правленія въ случаѣ разногласія, предполагалось предсѣдателя губернскаго правленія сравнять въ правахъ съ вице-губернаторомъ, а членамъ губернскаго правленія предоставить право предъявленія, которымъ пользуются члены губернскихъ правленій по общему учрежденію (§ 74 прилож. къ 648 ст. II т. по XVI продолженію). При этомъ В. А. представилъ самый подробный перечень дѣлъ, производящихся въ губернскомъ совѣтѣ, съ точнымъ обозначеніемъ, противъ каждой категоріи, какія изъ дѣлъ перейдутъ въ губернское правленіе.

Къ сожалѣнію, такъ прекрасно разработанному представленію В. А. Арцимовича генералъ-губернаторъ не далъ дальнѣйшаго движенія, и оно такъ и заглохло въ архивѣ главнаго управленія. Между тѣмъ, если бы оно осуществилось, губернаторъ, какъ высшій начальникъ полиціи, могъ имѣть бóльшее и ближайшее вліяніе на часть полицейскую, и самое значеніе губернскаго правленія могло бы усилиться; оно пріобрѣло бы бóльшее уваженіе отъ мѣстъ окружныхъ; потому что тогда власть надъ всѣми полицейскими чиновниками сосредоточивалась бы въ одномъ губернскомъ правленіи и не дробилась бы на-двое. Кромѣ того, дѣла губернскаго правленія получили бы тогда лучшее направленіе и болѣе правильный разборъ, и по нимъ постановлялись бы рѣшенія, а не мнѣнія или заключенія, подлежащія вторичному разсмотрѣнію.

Весною 1856 года тобольскую губернію постигло снова наводненіе, и Виктору Антоновичу прибавилось много заботъ по облегченію участи несчастныхъ, подвергнувшихся этому бѣдствію. Начало наводненія послѣдовало въ половинѣ апрѣля, тотчасъ по вскрытіи рѣкъ: Ишима, Тобола, Иртыша, Вагая, Туры и ихъ притоковъ; въ концѣ мѣсяца вода стала выходить уже изъ руслъ и затоплять прибрежныя мѣста округовъ—тобольскаго, курганскаго, тюменскаго и часть ишимскаго, прилегающую къ городу Петропавловску, а также низменныя части городовъ: Кургана, Петропавловска, Тюмени и Ишима. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, кромѣ Тобольска и его округа, наводненіе продолжалось не очень долго, и рѣки вошли въ берега къ концу мая; въ городѣ же Тобольскѣ и его округѣ вода не сходила почти все лѣто, а именно до августа мѣсяца. Кромѣ того, жители потопленныхъ 700 домовъ въ городѣ были, по большей части, бѣдные люди, такъ что понесенные ими убытки, до 8.600 рублей, оказались для нихъ весьма чувствительны. Для

помощи имъ въ Тобольскѣ открыта была подписка, которая дала свыше 1.900 рублей. Деньги эти отданы были въ распоряженіе особаго комитета, составленнаго Арцимовичемъ изъ трехъ благонадежныхъ чиновниковъ, которые во время наводненія объѣзжали вмѣстѣ съ врачами потопленныя мѣста для поданія помощи нуждавшимся. По сбытіи воды, для осушенія потопленныхъ мѣстъ и уничтоженія міазмовъ, сдѣлано было распоряженіе къ очищенію арестантами канавъ, а затѣмъ осмотрѣны поврежденія въ домахъ, для опредѣленія требовавшейся помощи, и изъ заготовленныхъ заблаговременно лѣса и кирпича произведены работы и починки, и всѣ поврежденные дома приведены въ возможное устройство. Поправки обошлись комитету слишкомъ 1.540 руб. Внѣ города число лицъ, потерпѣвшихъ отъ наводненія, доходило до 4.333, убытки же равнялись 86.639 руб.; полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, было затоплено 3.700 десятинъ, а сѣнокосныхъ мѣстъ 25.000 десятинъ. Пострадавшимъ крестьянамъ выданъ въ ссуду хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ.

Къ концу двухлѣтняго управленія тобольской губ. В. А. занялся составленіемъ требуемаго закономъ всеподданнѣйшаго рапорта о состояніи губерніи вообще и о произведенномъ имъ обозрѣніи. Рапортъ этотъ—на 23 листахъ—былъ представленъ 20 іюня 1856 г. Государю Императору. Въ рапортѣ было между прочимъ отмѣчено, что: „цифры нерѣшенныхъ дѣлъ и бумагъ въ общемъ губернскомъ управленіи обнаружили вполнѣ разстроенное положеніе дѣлопроизводства, а ближайшая повѣрка самого хода дѣлъ ясно указала, что общее губернское управленіе не удовлетворяетъ тому назначенію, которое опредѣлено ему 514 статьею сибирск. учр., и которое должно состоять въ томъ, чтобы доставить единство рѣшенія однороднымъ дѣламъ, служить къ сокращенію переписокъ и сношеній и ограждать мѣстнымъ надзоромъ правильность и успѣхъ въ дѣлопроизводствѣ. Вопреки цѣли сего учрежденія, дѣла въ немъ производились чрезвычайно медленно, такъ что многія выгоды казны и правильныя домогательства частныхъ лицъ оставались по нѣскольку лѣтъ неудовлетворенными, предписанія начальства не получали отвѣтовъ, а представленія губернскихъ и окружныхъ мѣстъ нерѣдко долгое время лежали безъ доклада и производства, служа для подвѣдомственныхъ учрежденій примѣромъ и поводомъ къ подобному же бездѣйствію.

„Между тѣмъ письменность постоянно возрастала. Такъ, исходящихъ бумагъ въ канцеляріи общаго управленія было ежегодно

до 25.000, что, впрочемъ, не доказывало дѣятельности и успѣха въ дѣлопроизводствѣ, ибо при ближайшей повѣркѣ обнаружилось, что большая часть переписки состояла въ требованіи безъ надобности дополнительныхъ свѣдѣній и въ безчисленныхъ понужденіяхъ мѣстъ подчиненныхъ, занятыхъ, въ свою очередь, безплодною перепискою, заключавшеюся преимущественно въ доставленіи объясненій о причинахъ медленности и неустройствъ. Но объясненія эти своевременно не разсматривались и, слѣдовательно, служили только къ прикрытію всеобщаго бездѣйствія. При этомъ, по заведенному здѣсь порядку, губернскія мѣста весьма часто уклонялись отъ рѣшенія дѣлъ и вносили ихъ черезъ общее управленіе на усмотрѣніе совѣта главнаго управленія, которое, при общемъ бездѣйствіи губернскихъ мѣстъ, было вынуждено производить переписку даже о предметахъ, подлежавшихъ разрѣшенію мѣстъ первой инстанціи. Такимъ образомъ предшественники мои, ведя обременительную переписку и рѣшая мало дѣлъ, не управляли губерніей, а были, такъ сказать, начальниками разстроенной канцеляріи, въ которую поступало ежегодно изъ главнаго управленія отъ 2.150 до 2.800 предписаній. Это ослабленіе власти губернатора естественно влекло за собою разстройство и другихъ присутственныхъ мѣстъ губерніи, которыя наполнялись бумагами и запросами; дѣла росли, а между тѣмъ общее бездѣйствіе тяготѣло надъ страною, и частныя лица нерѣдко не могли дождаться окончанія возникшихъ по ихъ просьбамъ дѣлъ.

„Еще при ревизіи западной Сибири въ 1851 г., произведенной по Высочайшему повелѣнію, замѣчено было, что недостатокъ вліянія гражданскаго губернатора и всѣхъ вообще губернскихъ мѣстъ на окружныя мѣста подалъ поводъ къ неисполнительности со стороны окружныхъ учрежденій. Это направленіе, существовавшее здѣсь много лѣтъ, было найдено и мною при вступленіи въ управленіе губерніей. Служащіе въ канцеляріяхъ, большею частью по неспособности, а частью и намѣренно, поддерживали его, ибо при безпорядкахъ и накопленіи дѣлъ вліяніе высшихъ чиновъ совершенно обезсилено: они не могутъ требовать полной и правильной отчетности, дѣятельность ихъ исчезаетъ въ массѣ бумагъ, и на самомъ дѣлѣ управленіе во многихъ отношеніяхъ незамѣтно переходитъ въ руки дѣлопроизводителей, которые, къ сожалѣнію, нерѣдко находятъ разсчеты и выгоды въ проволочкѣ и развитіи дѣлъ, усиливающихъ ихъ вліяніе и на начальниковъ и на частныхъ лицъ.

„Къ измѣненію такого вреднаго направленія были приняты

всѣ зависящія отъ меня мѣры. Губернскія и окружныя мѣста обревизованы съ должною подробностью, и указаны способы исправленія замѣченныхъ недостатковъ; личный составъ ихъ, по возможности, подвергся измѣненію, и сдѣлано распоряженіе о преданіи суду до 44 чиновниковъ, обвиняемыхъ въ явныхъ злоупотребленіяхъ. Мѣры эти ограничили и остановили, до нѣкоторой степени, общую наклонность къ злоупотребленіямъ; дѣлопроизводство во многихъ установленіяхъ получило болѣе законное направленіе, но при нравственныхъ свойствахъ и правилахъ большинства служащихъ здѣсь лицъ, оправдываемыхъ въ ихъ понятіяхъ ограниченными, въ сравненіи съ прочими губерніями, штатами, а также при связяхъ и взаимной поддержкѣ чиновниковъ, причастныхъ къ корыстолюбію,—невозможно было достигнуть въ короткое время полнаго исправленія и уничтоженія зла, укоренившагося и сдѣлавшагося до такой степени обычнымъ, что оно даже рѣдко возбуждаетъ жалобы. При томъ же, при маломъ числѣ безкорыстныхъ чиновниковъ трудно и приступить къ раскрытію всѣхъ частныхъ неустройствъ, ибо опытомъ дознано, что повѣрка и слѣдствія, возлагаемыя на людей неиспытанной честности, часто служатъ здѣсь къ оправданію виновныхъ.

„Впрочемъ, хотя въ общемъ губернскомъ управленіи осталось еще 4.800 нерѣшенныхъ дѣлъ (менѣе, чѣмъ было при ревизіи, на 829) и 1.650 неисполненныхъ бумагъ (менѣе на 996), но могу свидѣтельствовать, что послѣ усиленныхъ двухгодичныхъ трудовъ важнѣйшія дѣла и жалобы получили надлежащее движеніе, многія предписанія начальства окончательно исполнены, и данъ ходъ дѣламъ, подлежавшимъ обсужденію губернскаго совѣта, въ которомъ, со времени вступленія моего въ должность, состоялось болѣе 2.000 утвержденныхъ мною журналовъ.

„Дѣйствуя по указаніямъ генералъ-губернатора, оказывавшаго постоянное вниманіе къ моимъ представленіямъ, я успѣлъ нѣсколько возвысить обезсиленную власть начальника тобольской губерніи, но, при стремленіи къ улучшеніямъ, не могъ не ощутить необходимости въ большей самостоятельности и болѣе опредѣлительномъ вліяніи на администрацію. Вслѣдствіе сего, принявъ въ соображеніе, во-1) что, по духу сибирскаго учрежденія, власть общаго губернскаго управленія, а слѣдовательно и начальника губерніи, касаясь не только дѣлъ полиціи, но и финансовой и судебной частей, должна быть обширнѣе и выше власти начальниковъ внутреннихъ губерній, гдѣ губернаторы не имѣютъ непосредственнаго вліянія на казенную и судебную

палаты; во-2) что главныя мѣстныя управленія учреждены не для обезсиленія среднихъ инстанцій, а преимущественно для надзора за ними и ускоренія разрѣшеній, и въ 3) что, чѣмъ отдаленнѣе и обширнѣе страна, тѣмъ сильнѣе должна быть власть, и строже наблюденіе за исполненіемъ законовъ, я почелъ обязанностью нѣкоторыя предположенія, касающіяся сего существеннаго предмета, отъ котораго зависитъ дальнѣйшій успѣхъ въ преобразованіи, представить на усмотрѣніе генералъ-губернатора, а именно: во-1) донесеніемъ отъ 18 апрѣля 1855 г., за № 2802, ходатайствовалъ объ отмѣнѣ существующаго здѣсь порядка, на основаніи котораго совѣтники главнаго управленія даютъ начальникамъ отдѣленій канцеляріи общаго губернскаго управленія предписанія и получаютъ отъ нихъ, мимо начальника губерніи, донесенія. Подобнаго рода форма сношеній неизбѣжно укореняетъ между здѣшними чиновниками ложную мысль о какой-то зависимости служащихъ въ штатѣ губернскихъ управленій отъ совѣтниковъ главнаго управленія, которые по учрежденію имѣютъ только голосъ совѣщательный; во-2) главнѣйшія притѣсненія народу въ тобольской губерніи производятся черезъ посредство волостныхъ писарей, служащихъ здѣсь нерѣдко орудіями злоупотребленій; слѣдственныя же дѣла, какъ о нихъ, такъ и о всѣхъ волостныхъ начальникахъ, разсматриваются въ трехъ инстанціяхъ: губернскомъ правленіи, губернскомъ совѣтѣ и совѣтѣ главнаго управленія. Начальникъ губерніи не властенъ предать суду волостного писаря и долженъ испрашивать на это разрѣшеніе и притомъ подвергать административный вопросъ о преданіи суду обсужденію въ трехъ коллегіальныхъ инстанціяхъ. Со времени вступленія въ управленіе губерніею разсмотрѣно мною болѣе 250 слѣдственныхъ дѣлъ о разныхъ злоупотребленіяхъ, жестокостяхъ и поборахъ, допускаемыхъ волостными начальниками; многія изъ сихъ дѣлъ касались событій и безпорядковъ, происшедшихъ за 10 лѣтъ до настоящаго времени; 94 человѣка оказались виновными въ явномъ нарушеніи порядка, и большая часть изъ нихъ, съ разрѣшенія совѣта главнаго управленія, уже предана суду. Несвоевременность распоряженій о наложеніи взысканій и продолжительная безнаказанность не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на управленіе, а потому испрашивается (12 мая 1856 г.) уполномочіе начальнику губерніи на преданіе суду волостныхъ начальниковъ и писарей по опредѣленіямъ губернскаго правленія, подобно тому, какъ это право предоставлено въ великороссійскихъ губерніяхъ палатамъ государственныхъ имуществъ, съ разрѣшенія начальниковъ губер-

ній; въ 3) объяснена въ донесеніи отъ 14-го іюня 1856 г., за № 2306, необходимость распространенія на тобольскую губернію предоставленнаго Высочайше утвержденнымъ, 28-го января 1852 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта права заключать контракты на сумму до 5 и до 10 тысячъ рублей; въ настоящее время губернаторъ утверждаетъ только торги на сумму до 3.000 р., а потому бо̀льшая часть торговъ въ губернскомъ совѣтѣ восходитъ въ совѣтъ главнаго управленія, и въ 4) отъ 28-го мая 1856 г., за № 3271, представлены подробныя соображенія о необходимости усиленія вліянія начальника губерніи на управленіе полиціею, которая здѣсь состоитъ въ вѣдѣніи двухъ губернскихъ установленій: губернскаго правленія, гдѣ губернаторъ, на основаніи сибирскаго учрежденія, не предсѣдательствуетъ, и губернскаго совѣта.

„Всѣ эти соображенія суть послѣдствія глубокаго, основаннаго на опытѣ сознанія, что начальникъ губерніи, дѣйствуя въ кругѣ тѣхъ предѣловъ, кои ему поставлены даннымъ здѣсь на практикѣ толкованіемъ сибирскаго учрежденія, безпрерывно можетъ встрѣчать остановку и препятствія въ стремленіи къ устройству ввѣренной ему губерніи,—и по званію гражданскому губернатору не присвоено ни достаточной самостоятельности, ни уполномочія, столь необходимаго для того, чтобы внушить служащимъ уваженіе къ исполненію законовъ и страхъ за нарушеніе ихъ".

Далѣе во всеподданнѣйшемъ рапортѣ говорилось о состояніи губернскаго правленія, казенной палаты, губернскаго суда, приказовъ общественнаго призрѣнія и о ссыльныхъ, окружныхъ управленій, судовъ и полицейскихъ управленій съ пожарною командою, а также мѣстъ городского управленія. Состояніе, въ которомъ найдены эти учрежденія при ревизіи, вкратцѣ описано уже выше, съ указаніемъ на замѣтное ихъ улучшеніе въ последующее время.

Говоря въ рапортѣ о состояніи городовъ тобольской губерніи, В. А. указалъ, что, при вступленіи его въ управленіе губерніею, городъ Тобольскъ, по наружному и внутреннему въ немъ порядку, былъ въ весьма разстроенномъ состояніи. Вслѣдствіе бывшаго въ 1854 г. наводненія, а также небрежности большей части домовладѣльцевъ и самой полиціи, нисколько не заботившихся объ устройствѣ города, существующія здѣсь (по обилію лѣса и совершенному недостатку камня) деревянныя мостовыя и тротуары находились въ самомъ ветхомъ и разрушенномъ состояніи, такъ что угрожали опасностью не только при

проѣздѣ въ экипажѣ, но и пѣшеходамъ. Для исправленія ихъ, а равно для приведенія города вообще въ лучшее устройство, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1854 г. открытъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ полицеймейстера, изъ городского головы, архитектора, городового врача и депутатовъ отъ различныхъ сословій; съ помощью пожертвованій, сдѣланныхъ купечествомъ и акцизно-откупнымъ комиссіонерствомъ, простиравшихся до 2.230 р., комитетъ этотъ, сдѣлавъ необходимое исправленіе мостовыхъ, занялся первоначально капитальными работами, а именно устройствомъ взвозовъ, соединяющихъ нагорную и подгорную части города, и заготовленіемъ матеріаловъ, нужныхъ для исправленія мостовыхъ и тротуаровъ. „Въ настоящее время, сказано въ рапортѣ, когда устройство взвозовъ окончено, улицы весьма успѣшно покрываются новыми мостовыми, и этимъ, кромѣ удобства сообщеній, дѣлается значительное облегченіе домовладѣльцамъ, ибо комитету, при крупныхъ заготовленіяхъ, матеріалы обходятся гораздо дешевле, чѣмъ частнымъ лицамъ; владѣльцамъ же домовъ, совершенно недостаточнымъ, исправленія производятся изъ суммъ комитета.

„Существовавшій въ Тобольскѣ гостиный дворъ помѣщался въ деревянномъ зданіи, а потому, во избѣжаніе опасности отъ пожара, который можетъ лишить торгующихъ всего достоянія, какъ это и случилось въ 1839 г., составленъ проектъ на постройку каменнаго двора. Независимо отъ этого приняты возможныя мѣры къ устройству и другихъ городовъ губерніи. Такимъ образомъ въ Петропавловскѣ, по развитію въ немъ заграничной (азіатской) торговли, предположено устроить каменный гостиный дворъ, а въ Ишимѣ—торговыя лавки; кромѣ того, въ Омскѣ строится мостъ черезъ рѣку Омь, а на 7 городовъ (Петропавловскъ, Березовъ, Тару, Ялуторовскъ, Курганъ, Тюмень и Ишимъ) проектированы новые планы, и вообще на часть строительную обращено должное вниманіе, и изыскиваются способы на покрытіе издержекъ, съ коими сопряжены всѣ постройки.

„Доходы городовъ были весьма незначительны, управленіе городскими хозяйствами далеко не соотвѣтствовало требованіямъ и указаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и вообще было замѣтно неумѣніе пользоваться даже тѣми средствами, которыя указаны закономъ. Поэтому, для увеличенія городскихъ доходовъ, обращено особое вниманіе на городскія смѣты, и вслѣдствіе только этой весьма простой мѣры доходы городовъ увеличились, а недоимки уменьшились. Такимъ образомъ по росписямъ 1854 года предположено было доходовъ 51.246 р., а

расходовъ 38.049 р., а въ 1856 году расходы увеличены до 53.473 р., а доходы до 63.327 р. Недоимокъ къ 1855 г. состояло 77.863 р., а къ 1856 году ихъ осталось 69.854 р. Затѣмъ въ Тобольскѣ, для подробнаго изысканія новыхъ необременительныхъ источниковъ городскихъ доходовъ, учрежденъ особый комитетъ. Денежная отчетность какъ городовыхъ, такъ и всѣхъ вообще окружныхъ мѣстъ, была въ совершенно разстроенномъ состояніи, и въ 1852 г., по 14-лѣтнимъ наблюденіямъ м-ва вн. д., тобольская губернія отнесена была къ числу десяти губерній, совершенно неисправныхъ въ отношеніи отчетности; на это было обращено особенное вниманіе при ревизіи присутственныхъ мѣстъ, и для приведенія отчетности въ лучшій порядокъ приняты мѣры, вслѣдствіе которыхъ недоимка непредставленныхъ отчетовъ уменьшилась, а именно: по всѣмъ окружнымъ мѣстамъ къ 1854 г. числилось 152 непредставленныхъ отчета, а въ 1856 г. ихъ осталось только 72; собственно же по городовымъ учрежденіямъ въ недоимкѣ состояло 23 отчета, а къ 1856 г. осталось 5".

Затѣмъ, описавъ состояніе недоимокъ казначействъ, врачебной управы, аптекъ, архивовъ, В. А. перешелъ къ больницамъ и богадѣльнямъ. Больницы найдены были въ Тобольскѣ и Омскѣ въ удовлетворительномъ состояніи, а въ городахъ—Курганѣ, Тюмени, Туринскѣ, Ялуторовскѣ, Ишимѣ, Тарѣ и Сургутѣ — безъ особыхъ неустройствъ, хотя въ нихъ и замѣчено было отсутствіе надзора за соблюденіемъ чистоты, почему и вмѣнено въ обязанность мѣстнымъ начальникамъ посѣщать, сколь возможно чаще, больницы. Тарская и тюменская больницы оказались весьма ветхими, а доходы городовъ не давали возможности сдѣлать нужныя исправленія. Препятствіе это, однако, было преодолѣно благотворительностью тарскаго первой гильдіи купца Щербакова и купеческаго и мѣщанскаго обществъ города Тюмени. Первый пожертвовалъ подъ больницу два дома въ городѣ Тарѣ, стоимостью въ 2.250 р., а послѣднія составили особый капиталъ на устройство новой больницы на каменномъ фундаментѣ. Въ Обдорскѣ, въ бытность тамъ В. А., березовскій купецъ Чечуровъ изъявилъ желаніе пожертвовать подъ больницу деревянный домъ. Тобольская тюремная больница, по числу пользующихся медицинскимъ пособіемъ, занимала первое мѣсто въ губерніи. Въ ней постоянно находилось до 100 человѣкъ больныхъ, преимущественно изъ пересыльныхъ арестантовъ, и стараніями губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета она при

В. А. доведена до удовлетворительнаго во всѣхъ частяхъ состоянія.

Богадѣленъ въ губерніи находилось всего 3: одна въ Тобольскѣ для 24 мужчинъ и 12 женщинъ, подъ вѣдѣніемъ приказа общественнаго призрѣнія; другая, также въ губернскомъ городѣ, содержалась на счетъ суммъ мѣщанскаго общества для 10 престарѣлыхъ мужчинъ и 7 женщинъ, а третья, поселенческая,—въ селѣ Успенскомъ, въ 30-ти верстахъ отъ Тюмени, для 14 мужчинъ, 6 женщинъ и 6 малолѣтнихъ, на счетъ экономическаго капитала ссыльныхъ. Первая богадѣльня найдена въ удовлетворительномъ состояніи, а въ Успенской призрѣвалось менѣе штатнаго числа нуждающихся въ пріютѣ, между тѣмъ какъ домъ, для нея устроенный, довольно обширенъ. Имѣя въ виду, что въ губерніи находится много дряхлыхъ поселенцевъ, неимѣющихъ крова и лишенныхъ возможности снискивать себѣ пропитаніе, В. А. поручилъ губернскому правленію распорядиться о призрѣніи въ этой богадѣльнѣ того числа поселенцевъ, какое можетъ вмѣстить въ себѣ устроенный для нея домъ и какое позволятъ средства, особое же попеченіе объ этомъ благотворительномъ учрежденіи возложилъ на предсѣдателя губернскаго правленія. Что касается до Тобольской мѣщанской богадѣльни, то она не имѣла никакого устройства. За призрѣваемыми въ ней не было вовсе надзора и управленія, ибо они получали деньги на руки и употребляли ихъ по своему произволу, такъ что благодѣтельная цѣль учрежденія совсѣмъ не достигалась. Для прекращенія этихъ безпорядковъ попечительный о тюрьмахъ комитетъ принялъ мѣщанскую богадѣльню въ свое завѣдываніе, а для усиленія средствъ къ ея содержанію—купеческое общество пожертвовало единовременно 150 р., а мѣщане обязались отпускать ежегодно по 325 р.; богадѣльню эту предположено помѣстить въ особомъ зданіи возлѣ острога, вмѣстѣ съ пріютомъ для поселенческихъ дѣтей, и о постройкѣ дома представлено на разрѣшеніе генералъ-губернатора. Хотя тобольская губернія, по изобилію и дешевизнѣ необходимыхъ для существованія продуктовъ, не представляетъ затрудненія для бѣдныхъ въ снискапіи пропитанія, но такъ какъ этотъ край служитъ мѣстомъ для ссылки, то ссыльные болѣе или менѣе порочной нравственности и отвыкшіе отъ труда охотно вдаются въ нищенство, чему много способствуетъ также особое расположеніе жителей къ подачѣ милостыни, а потому, въ видахъ уменьшенія нищенства, тюменскій 1-ой гильдіи купецъ Трусовъ въ бытность В. А. въ Тюмени пожертвовалъ деревянный домъ для

устройства въ этомъ городѣ богадѣльни на 40 человѣкъ и изъявилъ готовность принять на себя единовременные расходы на первоначальное обзаведеніе ея, въ количествѣ 747 р. $47^{1}/_{2}$ к., ежегодныя же издержки по содержанію богадѣльни должны покрываться изъ суммъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Затѣмъ устроена въ г. Тарѣ богадѣльня въ домѣ, пожертвованномъ купцомъ Щербаковымъ, и, кромѣ того, предположено учредить для престарѣлыхъ поселенцевъ 2 богадѣльни: въ тарскомъ и омскомъ округахъ.

Относительно мѣстъ заключенія во всеподданнѣйшемъ рапортѣ сказано, что въ тобольской губерніи, служащей мѣстомъ ссылки несчастныхъ жертвъ порока, составляющихъ $^{1}/_{20}$ часть всего здѣшняго населенія, находилось 10 тюремныхъ замковъ, арестантскія и поселенческая рота, 2 винокуренные завода и суконная фабрика въ Омскѣ.

При первомъ обозрѣніи В. А. губерніи, въ 1854 г., каменные остроги находились только въ Тарѣ и Петропавловскѣ; въ Курганѣ арестанты помѣщались въ казенномъ каменномъ домѣ, предназначенномъ для присутственныхъ мѣстъ, а въ прочихъ городахъ они содержались въ ветхихъ деревянныхъ зданіяхъ. Необходимымъ послѣдствіемъ такого неустройства тюремныхъ помѣщеній было и неудобство сохраненія точнаго и бдительнаго надзора за арестантами. Для устраненія этихъ неудобствъ обращено было особое вниманіе на строившіеся вновь остроги и на скорѣйшее разрѣшеніе дѣлъ о постройкѣ новыхъ тюремныхъ зданій. Вслѣдствіе сего окончательно отстроены новые каменные остроги въ Курганѣ на 125 человѣкъ, въ Туринскѣ на 75 чел., и оканчивается въ Тюмени на 100 подсудимыхъ и 350 пересыльныхъ. При послѣднемъ острогѣ не полагалось церкви, а между тѣмъ въ такомъ тюремномъ замкѣ, какъ тюменскій, черезъ который пересылается весьма значительное число арестантовъ, она крайне необходима, почему, вслѣдствіе предложенія В. А., купецъ Рѣшетниковъ, взявшій на себя сооруженіе острога, изъявилъ готовность устроить при немъ, на свой счетъ, отдѣльную каменную церковь, а другой благотворитель, директоръ тюремнаго комитета—купецъ Грушецкій, пожертвовалъ для нея иконостасъ. Кромѣ того строились еще острожныя каменныя зданія въ Ишимѣ и Омскѣ, также съ церквами, и испрашивалось разрѣшеніе на постройку острога на 125 человѣкъ, въ Ялуторовскѣ. Независимо отъ этого представлены генералъ-губернатору соображенія о лучшемъ устройствѣ тарскаго тюремнаго замка, въ зданіи котораго помѣщаются при-

сутственныя мѣста и о переводѣ сихъ послѣднихъ въ пожертвованный кол. сов. Асташевымъ каменный домъ.

Строившійся въ Тобольскѣ съ 1844 года тюремный замокъ, по ошибочнымъ экономическимъ разсчетамъ, безпорядкамъ и злоупотребленіямъ, допущеннымъ нѣкоторыми лицами при производствѣ работъ, не былъ еще окончательно приспособленъ ни къ переводу въ него арестантовъ, ни къ помѣщенію разныхъ принадлежностей тюремнаго хозяйства, и потому вся постройка его, стоившая весьма значительныхъ денегъ (131.432 р.), не приносила ожидаемой пользы, а арестанты помѣщались хотя и въ каменномъ, но въ весьма ветхомъ и неудобномъ зданіи.

Сознавая весьма важныя и отвѣтственныя обязанности начальника губерніи по содержанію въ порядкѣ тюремныхъ помѣщеній и принимая во вниманіе, что, при существованіи въ Тобольскѣ приказа о ссыльныхъ, въ Тобольскій тюремный замокъ поступаютъ ссыльные со всего государства, такъ что содержащихся въ немъ арестантовъ постоянно остается отъ 1.200 до 1.500 человѣкъ, В. А. обратилъ особенное вниманіе на неоконченный въ губернскомъ городѣ замокъ и, видя готовность членовъ строительной комиссіи съ полнымъ усердіемъ исполнить всѣ необходимыя работы въ острогѣ, рѣшился для ускоренія дѣла окончить ихъ хозяйственнымъ образомъ, съ помощью отдѣльно ассигнованныхъ на это 3.937 р. 26 коп. Такая только мѣра дала возможность достигнуть того, что послѣ усиленныхъ трудовъ всѣ работы по этому важному предпріятію, продолжавшемуся 12 лѣтъ, окончены въ теченіе лѣта 1855 г., и новое острожное зданіе съ церковью и обширнымъ лазаретомъ къ 23-му ноября было приготовлено къ помѣщенію арестантовъ и полнаго острожнаго хозяйства. Въ дѣлѣ этомъ оказалъ большое содѣйствіе попечительный о тюрьмахъ комитетъ. На суммы комитета устроены при острогѣ особыя деревянныя кухни; полы и нары для соблюденія чистоты окрашены масляною краскою, а для очищенія воздуха въ камерахъ пересыльныхъ арестантовъ, изъ которыхъ въ каждой помѣщается до 100 человѣкъ, кромѣ печей, фортокъ и отдушинъ въ потолкахъ, сдѣланы камины. Сверхъ того, чтобы исполнить желаніе правительства объ улучшеніи мѣстъ заключенія, попечительный о тюрьмахъ комитетъ нашелъ необходимымъ устроить при острогѣ помѣщенія для священника и причта. Въ видахъ же развитія и укрѣпленія нравственныхъ началъ въ сиротахъ, оставшихся послѣ ссыльныхъ, предположено устроить при замкѣ пріютъ, гдѣ дѣти будутъ призрѣны до устройства ихъ участи

и отдѣлены отъ сообщества съ прочими арестантами; способныя же изъ нихъ могутъ быть обучаемы острожнымъ священникомъ грамотѣ, а особыми приставниками разнымъ ремесламъ и рукодѣльямъ.

„Вообще, говорилъ въ рапортѣ В. А., я смѣло могу свидѣтельствовать, что стараніями и заботливостью директоровъ и членовъ комитета тобольскій острогъ во всѣхъ частяхъ доведенъ до весьма удовлетворительнаго состоянія и служитъ образцомъ для остроговъ уѣздныхъ здѣсь, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, обширныхъ и важныхъ. Поэтому, съ цѣлью облегчить труды по приведенію въ надлежащее устройство новыхъ остроговъ, вызываются въ Тобольскъ завѣдующія ими лица, чтобы яснѣе уразумѣть на дѣлѣ существующій въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ порядокъ, какъ въ отношеніи надзора за чистотою, такъ и относительно управленія обширнымъ тюремнымъ хозяйствомъ. Все необходимое для содержанія арестантовъ заготовляется комитетомъ хозяйственнымъ образомъ, и потому, при снабженіи ихъ хорошею пищею и одеждою, образуются ежегодно остатки суммъ, усиливающіе капиталъ комитета и дающіе ему возможность увеличивать размѣры своей благотворительности. Всего капитала по тобольскому тюремному комитету съ процентами состояло болѣе 52.000 р., изъ которыхъ 24.000 р. составилось изъ пожертвованій, а около 28.000 р. образовалось изъ экономіи, то-есть отъ остатковъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе арестантовъ.

„Кромѣ губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета существовали его отдѣленія въ городахъ: Березовѣ, Тарѣ, Ялуторовскѣ и Тюмени, въ 1854 году образовалось новое отдѣленіе въ Омскѣ, а въ 1855 году—въ Ишимѣ и Курганѣ. Затѣмъ, для улучшенія состоянія арестантовъ и введенія правильнаго во всѣхъ отношеніяхъ порядка въ Тобольскомъ тюремномъ замкѣ, комитетъ призналъ весьма полезнымъ попеченіе объ арестанткахъ и малолѣтнихъ ввѣрить особому женскому отдѣленію, о чемъ и вошелъ съ представленіемъ къ президенту попечительнаго о тюрьмахъ общества.

„По случаю слѣдованія по московскому и иркутскому трактамъ всѣхъ ссылаемыхъ изъ внутреннихъ губерній въ Сибирь чрезъ тобольскую губернію, въ ней находится 39 этапныхъ зданій. Такъ какъ многія изъ нихъ во время объѣзда губерніи оказались чрезвычайно ветхими, то приняты мѣры къ исправленію ихъ изъ суммъ земскаго сбора, съ устройствомъ предохранительныхъ отъ пожара снарядовъ.

5

„Тобольская арестантская рота, находясь въ завѣдываніи строительной комиссіи, должна состоять изъ 200 арестантовъ, но, по случаю освобожденія нѣкоторыхъ арестантовъ по Всемилостивѣйшему манифесту 27 марта 1855 г., нынѣ въ ней находится только 150 человѣкъ. Домъ, занимаемый ею, не представляетъ всѣхъ удобствъ для устройства мастерскихъ, и потому испрашивается разрѣшеніе на передѣлку стараго тюремнаго замка и на переводъ въ него арестантовъ. Особыхъ неустройствъ по ротѣ относительно продовольствія и содержанія арестантовъ не замѣчено, а для ближайшаго наблюденія за исправленіемъ заключенныхъ назначены 2 попечителя.

„Поселенческая рота, основанная въ Омскѣ въ 1854 году, состоитъ изъ 50-ти ссыльнопоселенцевъ и помѣщается въ деревянномъ зданіи, принадлежащемъ приказу общественнаго призрѣнія. Содержащіеся въ этой ротѣ арестанты занимаются различными мастерствами, и при осмотрѣ ея въ августѣ 1855 г. въ ней не замѣчено особенныхъ недочетовъ, кромѣ несвоевременной высылки людей приказомъ о ссыльныхъ.

„Для употребленія въ работы каторжныхъ существуютъ въ губерніи два казенные винокуренные завода: Екатерининскій въ тарскомъ и Успенскій въ тюменскомъ округахъ. Въ первомъ изъ нихъ особыхъ безпорядковъ не замѣчено; каторжные же Успенскаго завода, съ помощью сообщниковъ, отысканныхъ ими въ сосѣднихъ деревняхъ, занимались кражею скота и лошадей, вслѣдствіе чего измѣненъ составъ заводской полиціи, и 10 каторжныхъ, наиболѣе обвиняемыхъ, переведены въ Каревскій заводъ томской губерніи и подчинены тамъ особому наблюденію. При этомъ составлены были подробныя соображенія объ устройствѣ каторжныхъ въ тобольской губерніи и 3 марта 1855 года представлены на разсмотрѣніе генералъ-губернатора. Всѣ почти казенныя зданія въ Успенскомъ заводѣ найдены въ самомъ неустроенномъ видѣ; при вторичномъ же осмотрѣ его въ 1856 году въ немъ оказалось много улучшеній по строительной части, и вообще во всемъ стало замѣтно заботливое отношеніе новаго начальства. Омская суконная фабрика состояла въ вѣдѣніи войскового правленія сибирскаго линейнаго казачьяго войска, и въ назначеніи на эту фабрику рабочихъ открыты весьма важныя отступленія отъ установленныхъ въ законѣ правилъ, а потому объ освобожденіи отъ работъ 66 ссыльныхъ, неправильно назначенныхъ на фабрику, представлено генералъ-губернатору, и уже получено на то его разрѣшеніе.

„Состояніе учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, найдено довольно удовлетворительнымъ. Для образованія юношества въ губерніи существуетъ гимназія съ пансіономъ, 8 уѣздныхъ и 8 приходскихъ училищъ, духовная семинарія съ особымъ училищемъ, сибирскій кадетскій корпусъ, 2 школы военныхъ кантонистовъ, 25 сотенныхъ школъ въ казачьихъ станицахъ, Сургутская казачья школа и 133 сельскія училища. Во всѣхъ сихъ заведеніяхъ находится болѣе 4.000 учащихся. Изъ нихъ тюменскія уѣздное и приходское училища во время бывшаго въ 1854 году пожара сгорѣли, но, вслѣдствіе сдѣланнаго мною вызова, тамошній 1-й гильдіи купецъ Шешуковъ возобновилъ зданіе уѣзднаго училища, употребивъ на это до 5.500 р., и приступилъ къ постройкѣ на свой счетъ каменнаго 2-этажнаго дома, цѣною въ 15.000 р., для приходскаго училища и женской школы. Въ устройствѣ сей послѣдней, по значительному населенію Тюмени, ощущалась большая потребность, и открытіемъ женскаго заведенія будетъ оказано благодѣяніе тамошнимъ жителямъ.

„Для обученія дѣвицъ въ іюлѣ 1854 года открыта въ Тобольскѣ Маріинская женская школа, на капиталъ, пожертвованный благотворителями и простиравшійся до 28.300 р., кромѣ ежегоднаго вспомоществованія до 880 р. изъ капиталовъ женскихъ учебныхъ заведеній. Школа эта, въ которой обучается 89 дѣвицъ, во всѣхъ отношеніяхъ доведена до удовлетворительнаго состоянія, и въ мартѣ 1856 года въ ней введенъ уставъ женскихъ учебныхъ заведеній 30 августа 1855 года вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи. Кромѣ того, при туринскомъ женскомъ монастырѣ настоятельница его, безъ всякаго вспомоществованія правительства, завела дѣвичью школу, въ которой обучается до 40 дѣвицъ въ совершенно религіозномъ духѣ, и этимъ оказывается существенная польза жителямъ. Заслуживаетъ также вниманія миссіонерское училище при Кандійскомъ монастырѣ (около 250 верстъ отъ Березова). Находящіеся въ немъ 4 русскихъ и 11 остяцкихъ мальчиковъ обучаются двумя іеромонахами, подъ наблюденіемъ миссіонера и игумена Арсенія, чтенію, письму и Закону Божію, и, какъ я лично удостовѣрился, весьма успѣшно. Воспитаніе это можетъ способствовать сближенію инородцевъ съ русскими и будетъ служить средствомъ къ распространенію между ними правилъ истинной вѣры, мало извѣстныхъ обитателямъ Березовскаго края“.

Въ заключеніе, въ рапортѣ своемъ В. А. обрисовалъ со-

„Тобольская арестантская рота, находясь въ завѣдываніи строительной комиссіи, должна состоять изъ 200 арестантовъ, но по случаю освобожденія нѣкоторыхъ арестантовъ по Всемилостивѣйшему манифесту 27 марта 1855 г., нынѣ въ ней находится только 150 человѣкъ. Домъ, занимаемый ею, не представляетъ всѣхъ удобствъ для устройства мастерскихъ, и потому испрашивается разрѣшеніе на передѣлку стараго тюремнаго замка и на переводъ въ него арестантовъ. Особыхъ неустройствъ по ротѣ относительно продовольствія и содержанія арестантовъ не замѣчено, а для ближайшаго наблюденія за исправленіемъ заключенныхъ назначены 2 попечителя.

„Поселенческая рота, основанная въ Омскѣ въ 1854 году, состоитъ изъ 50-ти ссыльнопоселенцевъ и помѣщается въ деревянномъ зданіи, принадлежащемъ приказу общественнаго призрѣнія. Содержащіеся въ этой ротѣ арестанты занимаются различными мастерствами, и при осмотрѣ ея въ августѣ 1855 г. въ ней не замѣчено особенныхъ недочетовъ, кромѣ несвоевременной высылки людей приказомъ о ссыльныхъ.

„Для употребленія въ работы каторжныхъ существуютъ въ губерніи два казенные винокуренные завода: Екатерининскій въ тарскомъ и Успенскій въ тюменскомъ округахъ. Въ первомъ изъ нихъ особыхъ безпорядковъ не замѣчено; каторжные же Успенскаго завода, съ помощью сообщниковъ, отысканныхъ ими въ сосѣднихъ деревняхъ, занимались кражею скота и лошадей, вслѣдствіе чего измѣненъ составъ заводской полиціи, и 10 каторжныхъ, наиболѣе обвиняемыхъ, переведены въ Каревскій заводъ томской губерніи и подчинены тамъ особому наблюденію. При этомъ составлены были подробныя соображенія объ устройствѣ каторжныхъ въ тобольской губерніи и 3 марта 1855 года представлены на разсмотрѣніе генералъ-губернатора. Всѣ почти казенныя зданія въ Успенскомъ заводѣ найдены въ самомъ неустроенномъ видѣ; при вторичномъ же осмотрѣ его въ 1856 году въ немъ оказалось много улучшеній по строительной части, и вообще во всемъ стало замѣтно заботливое отношеніе новаго начальства. Омская суконная фабрика состояла въ вѣдѣніи войскового правленія сибирскаго линейнаго казачьяго войска, и въ назначеніи на эту фабрику рабочихъ открыты весьма важныя отступленія отъ установленныхъ въ законѣ правилъ, а потому объ освобожденіи отъ работъ 66 ссыльныхъ, неправильно назначенныхъ на фабрику, представлено генералъ-губернатору, и уже получено на то его разрѣшеніе.

„Состояніе учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, найдено довольно удовлетворительнымъ. Для образованія юношества въ губерніи существуетъ гимназія съ пансіономъ, 8 уѣздныхъ и 8 приходскихъ училищъ, духовная семинарія съ особымъ училищемъ, сибирскій кадетскій корпусъ, 2 школы военныхъ кантонистовъ, 25 сотенныхъ школъ въ казачьихъ станицахъ, Сургутская казачья школа и 133 сельскія училища. Во всѣхъ сихъ заведеніяхъ находится болѣе 4.000 учащихся. Изъ нихъ тюменскія уѣздное и приходское училища во время бывшаго въ 1854 году пожара сгорѣли, но, вслѣдствіе сдѣланнаго мною вызова, тамошній 1-й гильдіи купецъ Шешуковъ возобновилъ зданіе уѣзднаго училища, употребивъ на это до 5.500 р., и приступилъ къ постройкѣ на свой счетъ каменнаго 2-этажнаго дома, цѣною въ 15.000 р., для приходскаго училища и женской школы. Въ устройствѣ сей послѣдней, по значительному населенію Тюмени, ощущалась большая потребность, и открытіемъ женскаго заведенія будетъ оказано благодѣяніе тамошнимъ жителямъ.

„Для обученія дѣвицъ въ іюлѣ 1854 года открыта въ Тобольскѣ Маріинская женская школа, на капиталъ, пожертвованный благотворителями и простиравшійся до 28.300 р., кромѣ ежегоднаго вспомоществованія до 880 р. изъ капиталовъ женскихъ учебныхъ заведеній. Школа эта, въ которой обучается 89 дѣвицъ, во всѣхъ отношеніяхъ доведена до удовлетворительнаго состоянія, и въ мартѣ 1856 года въ ней введенъ уставъ женскихъ учебныхъ заведеній 30 августа 1855 года вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи. Кромѣ того, при туринскомъ женскомъ монастырѣ настоятельница его, безъ всякаго вспомоществованія правительства, завела дѣвичью школу, въ которой обучается до 40 дѣвицъ въ совершенно религіозномъ духѣ, и этимъ оказывается существенная польза жителямъ. Заслуживаетъ также вниманія миссіонерское училище при Кандійскомъ монастырѣ (около 250 верстъ отъ Березова). Находящіеся въ немъ 4 русскихъ и 11 остяцкихъ мальчиковъ обучаются двумя іеромонахами, подъ наблюденіемъ миссіонера и игумена Арсенія, чтенію, письму и Закону Божію, и, какъ я лично удостовѣрился, весьма успѣшно. Воспитаніе это можетъ способствовать сближенію инородцевъ съ русскими и будетъ служить средствомъ къ распространенію между ними правилъ истинной вѣры, мало извѣстныхъ обитателямъ Березовскаго края“.

Въ заключеніе, въ рапортѣ своемъ В. А. обрисовалъ со-

стояніе казенныхъ соляныхъ и провіантскихъ магазиновъ, способы народнаго продовольствія, положеніе 340 казенныхъ зданій въ губерніи, состояніе дорогъ и указалъ количество принесенныхъ во время объѣздовъ по губерніи жалобъ. Ихъ поступило болѣе 500, и большею частію на медленность производства различныхъ дѣлъ, въ особенности же дѣлъ, производившихся въ казенной палатѣ.

Описывая состояніе дорогъ и дорожной повинности, В. А. упомянулъ, что при весьма значительномъ протяженіи дорогъ и разбросанности населенія губерніи распредѣленіе дорожной повинности составляетъ предметъ особой важности, а между тѣмъ дорожные участки, образованные 25 лѣтъ назадъ, оставались большею частію на прежнемъ основаніи. Отъ этого, при измѣненіи числа жителей и состоянія дорогъ, нарядъ крестьянъ для устройства послѣднихъ дѣлался неуравнительнымъ. Неудобства эти отвращены составленіемъ по журналу губернскаго совѣта новаго раздѣленія участковъ по новой ревизіи и по взаимному соглашенію крестьянскихъ обществъ.

Копіи съ всеподданнѣйшаго рапорта объ обозрѣніи губерніи были представлены, по установленному порядку, въ Петербургъ—въ Сибирскій Комитетъ и въ Омскъ — генералъ-губернатору, который въ то время оказался выѣхавшимъ изъ Омска въ Петербургъ, по случаю предстоявшаго священнаго коронованія Государя Императора.

Вскорѣ же послѣ этого всеподданнѣйшаго донесенія В. А., по докладу Государю Императору министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, получилъ прибавку къ скудному губернаторскому содержанію, въ размѣрѣ 2.000 р. въ годъ.

Бывшій въ то время въ Петербургѣ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ-Амурскій, какъ видно изъ письма М. Н. Жемчужникова, принимая воспитанниковъ лицея, въ которомъ самъ получилъ образованіе, очень восхвалялъ службу В. А. по управленію тобольскою губерніею и всѣ его распоряженія, а также его умъ и способности и, полагая, что В. А. воспитывался въ лицеѣ, радовался за это заведеніе, воспитавшее въ стѣнахъ своихъ такого достойнаго человѣка. Когда же Муравьеву пояснили, что В. А. воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, онъ отвѣтилъ: „радуюсь за это заведеніе и поздравляю его съ такимъ плодомъ, какъ Арциновичъ".

Изъ писемъ М. Н. Жемчужникова того же времени видно, что Виктора Антоновича предполагалось уже тогда перевести изъ Тобольска, давъ ему другое назначеніе. Такъ, великая

княгиня Елена Павловна предлагала В. А. мѣсто управляющаго ея дворцовою конторою, по случаю смерти занимавшаго это мѣсто генералъ-лейтенанта Криднера, и это предложеніе исходило непосредственно отъ самой великой княгини; на это М. Н. Жемчужниковъ не затруднился отвѣтить, что В. А. по всѣмъ вѣроятіямъ не приметъ подобнаго мѣста. При свиданіи съ М. Н. Жемчужниковымъ министръ внутреннихъ дѣлъ заявлялъ, что онъ предполагалъ предоставить В. А. вакансію начальника черниговской губерніи (письмо 22-го іюня); но такъ какъ Гасфортъ находитъ В. А. необходимымъ для тобольской губерніи и весьма полезнымъ для всего края, какъ примѣрнаго и единственнаго по способностямъ, правиламъ и дѣйствіямъ, то Ланской, безъ согласія генералъ-губернатора, не могъ докладывать Государю о перемѣщеніи В. А. въ великороссійскую губернію (письмо отъ 8-го октября 1856 г.). Военный министръ спрашивалъ о В. А. у Ланского; тотъ превознесъ В. А. похвалами; тогда генералъ Сухозанетъ предположилъ назначить В. А. генералъ-аудиторомъ военнаго министерства, однако ходатайство о В. Д. Философовѣ превозмогло, и В. А. не было сдѣлано оффиціальнаго предложенія этого мѣста. Предполагалось также назначеніе В. А. директоромъ одного изъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ, и великая княгиня Елена Павловна предлагала В. А. еще мѣсто гофмейстера при ея дворѣ, съ жалованьемъ въ 6.000 р., квартирою и экипажемъ, и 3.000 р. на подъемъ, съ назначеніемъ въ то же время В. А. членомъ совѣта министерства внутр. дѣлъ; но, какъ видно изъ письма М. Н. Жемчужникова, отъ 29-го сентября 1856 г., великая княгиня затѣмъ раздумала имѣть гофмаршала при своемъ дворѣ, собираясь ѣхать за границу.

Въ письмѣ М. Н. Жемчужникова, отъ 30-го августа 1856 г., изъ Москвы, гдѣ онъ находился по случаю коронаціи Государя, сообщалось: „Пишу тебѣ все, что̀ узналъ въ Москвѣ. 1) Бутковъ (управляющій дѣлами сибирскаго комитета) сказалъ, что Гасфортъ недоволенъ, что ты не признаешь нѣкоторыхъ его распоряженій, и что онъ требовалъ отъ тебя *оффиціально*, чтобы ты представилъ къ наградѣ какого-то чиновника, но ты вмѣсто того написалъ ему письмо, въ которомъ признаешь этого чиновника недостойнымъ. Гасфортъ недоволенъ также, что тебѣ назначили прибавку 2.000 р., безъ его представленія и даже не спросивъ его. Самъ Бутковъ находитъ твой отчетъ (объ обозрѣніи губерніи) очень дѣльнымъ и поручилъ Алешѣ (А. М. Жемчужниковъ) написать тебѣ, чтобы ты старался быть въ хо-

рошихъ отношеніяхъ съ Гасфортомъ; отчетъ же твой не могъ дать прочесть, потому что онъ у Гасфорта, а дастъ тогда, когда Гасфортъ возвратитъ его. 2) Я былъ здѣсь у Ланского и просилъ о перемѣщеніи тебя въ черниговскую губернію. Ланской сказалъ мнѣ, что въ настоящее время этого еще нельзя сдѣлать, а надобно подождать. Гасфортъ очень хвалилъ тебя, и когда Ланской объявилъ ему, что намѣренъ перевести тебя въ другую губернію, то онъ убѣдительно просилъ оставить тебя въ Тобольскѣ, ибо *ты одинъ только честный и совершенно способный изъ всѣхъ служащихъ въ Западной Сибири*, но при этомъ не упустилъ выразить, что онъ оскорбленъ назначеніемъ тебѣ 2.000 р. помимо его. На это Ланской отвѣтилъ ему, что прибавочное жалованье не есть награда, а пособіе, которое предоставлено усмотрѣнію министра внутр. дѣлъ. Поэтому онъ и не считалъ себя обязаннымъ спрашивать объ этомъ Гасфорта... Насчетъ же твоего перемѣщенія въ другую губернію я буду хлопотать по возвращеніи Ланского въ Петербургъ. Авось, Богъ поможетъ сдѣлать что-либо полезное для тебя. Будемъ уповать и не будемъ унывать, а будемъ благоразумно бодрствовать. Добрый Ланской, какъ я вижу, очень желаетъ перемѣстить тебя, но онъ не совсѣмъ въ своей волѣ!! Все-таки это не препятствуетъ мнѣ дѣйствовать, чтобы освободить тебя отъ Гасфорта.....“

Любопытно письмо М. Н. Жемчужникова къ В. А. отъ 3-го ноября 1856 г. о свиданіи его въ Петербургѣ съ Гасфортомъ. „Сегодня былъ у меня Гасфортъ... Входя въ мою гостиную, онъ имѣлъ видъ больного и началъ извиняться, что болѣзнь препятствовала ему быть у меня своевременно; къ этому онъ присоединилъ о хлопотливыхъ занятіяхъ своихъ по служебнымъ дѣламъ и о поѣздкахъ своихъ въ Царское Село, гдѣ Государь далъ ему продолжительную аудіенцію; потомъ онъ долженъ былъ сопровождать въ Царское Село свою жену, которую пригласили къ Императрицѣ, для чего сначала нужно было ей представиться ко двору, и т. д. Касательно себя онъ очень выхвалялъ милостивое вниманіе къ нему Государя, который выслушивалъ все, что̀ онъ желалъ ему объяснить, и изволилъ все уважить и утвердить, причемъ, независимо отъ полнаго отчета о состояніи края, онъ подалъ Императору особую записку о видахъ своихъ на будущее время, какъ политическихъ, такъ и относительно внутренняго устройства края. Гасфортъ говорилъ, что князь Орловъ и графъ Блудовъ особенно хорошо расположены къ нему и сильно поддерживаютъ всѣ его предположенія, о которыхъ онъ представилъ въ сибирскій комитетъ. Что всѣ министры оказы-

ваютъ ему должное уваженіе, и что Ланской, который вредилъ своими распоряженіями и прямыми сношеніями съ гражданскими губернаторами, понялъ, наконецъ, что таковыя его распоряженія противны порядку, ставятъ генералъ-губернатора и гражданскихъ губернаторовъ въ ложное положеніе и парализируютъ власть перваго. Что все это понялъ Ланской и согласился измѣнить это на будущее время; что по части министерства государственныхъ имуществъ онъ успѣлъ осуществить давнишній свой проектъ относительно учрежденія при тобольской казенной палатѣ особаго отдѣленія, которое завѣдывало бы дѣлами государственныхъ имуществъ. Что по части военной и политической (съ западнымъ Китаемъ) приняты всѣ предположенія его, и прибавлено количество войска къ его корпусу. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ успѣлъ осуществить все, чтó желалъ бы для пользы края, и вслѣдствіе того онъ вскорѣ послѣ новаго года долженъ ѣхать въ Сибирь, и хотя здоровье жены его требовало бы леченія за границею, но онъ по настоящимъ видамъ долженъ будетъ или оставить ее въ Петербургѣ, или взять съ собою въ Сибирь. Гасфортъ просидѣлъ у меня болѣе часа и говорилъ безъ умолка. Болѣзненный видъ, съ которымъ онъ явился въ мою гостиную, совершенно исчезъ. Выхваляя свои качества, умственную способность, познаніе въ наукахъ, свѣдѣнія по юриспруденціи, умѣнье повиноваться и повелѣвать, свою храбрость и искусство въ военномъ дѣлѣ, свою проницательность узнавать людей и употреблять каждаго по способностямъ, — Гасфортъ выходилъ изъ себя, а я усталъ слушать его хвастовство! Рѣдко случается встрѣтить такого тщеславнаго человѣка, а между тѣмъ онъ вовсе не злой человѣкъ! Онъ не далъ мнѣ сказать ни одного слова, и только подъ конецъ мнѣ удалось прервать его болтовню, и когда онъ увѣрялъ, что всѣ подчиненные его, кто честныхъ правилъ, любятъ и уважаютъ его, я началъ такъ: „Мой зять очень цѣнитъ ваше благосклонное вниманіе къ его положенію и особенно доволенъ тѣмъ, что вы дозволили ему частную переписку съ вами по служебнымъ дѣламъ“. Тутъ онъ началъ расхваливать и твои способности, и твою ретивость къ добру, и высокое благородство чувствъ твоихъ, и кончилъ такъ: „Онъ—единственный человѣкъ во всемъ краѣ, и я оказалъ полное уваженіе ему, испросивъ ему генеральскій чинъ за годъ службы въ званіи губернатора. Онъ перегналъ весь первый выпускъ училища правовѣдѣнія. Жаль только, что онъ уже желаетъ оставить тобольскую губернію, которая начала только входить въ порядокъ подъ его усерднымъ и умнымъ управленіемъ“. На это я ему сказалъ, что ты

нисколько не искалъ перемѣщенія, но причиной этой молвы было предложеніе великой княгини Елены Павловны, и что ты отказался отъ ея предложенія. Тутъ онъ сказалъ, что великая княгиня сама говорила ему объ этомъ, и что онъ высказалъ ей всѣ достоинства твои и свое сожалѣніе, если тебя возьмутъ изъ Тобольска, прежде чѣмъ ты упрочишь вводимый тобою порядокъ. Что то же самое онъ доложилъ Государю и сказалъ Орлову и Ланскому. Въ заключеніе онъ присовокупилъ: „В. А. ошибается, полагая, что совѣтники Главнаго Управленія стараются вредить ему. Я лично говорилъ ему объ этомъ и просилъ его убѣдиться, что если бы и вздумалъ кто подкапываться подъ его дѣйствія, то я не допущу несправедливыхъ разсужденій. Но, несмотря на мою просьбу, онъ все-таки остается въ этомъ ошибочномъ мнѣніи объ окружающихъ меня, особенно о совѣтникахъ Главнаго Управленія. Вотъ причина, по которой Виктору Антоновичу не нравится служба подъ моимъ начальствомъ. Пожалуйста напишите ему, чтобы онъ измѣнилъ это фальшивое мнѣніе, которое тревожитъ его совершенно напрасно". Я поблагодарилъ его за откровенность, вновь ручался за то, что ты съ тѣмъ поѣхалъ въ Сибирь, чтобы оказать возможную пользу краю, который ты нѣсколько изучилъ по случаю ревизіи, и что если бы не предложеніе великой княгини, то, конечно, не возродилась бы молва о твоемъ перемѣщеніи, хотя Ланской, зная тебя еще по первому департаменту сената, самъ вызывался мнѣ перевести тебя въ одну изъ внутреннихъ губерній, но я отклонилъ это, какъ и предложеніе вел. кн. Елены Павловны. Относительно же сомнѣнія твоего о совѣтникахъ Главнаго Управленія,—то ты, можетъ быть, и имѣлъ основательную причину, потому что, заступивъ мѣсто А. по первому департаменту сената, ты, по дѣламъ этой экспедиціи, могъ заключить о качествахъ бывшаго оберъ-секретаря, ибо А. направлялъ дѣла не совсѣмъ честно, за что его и уволили изъ министерства юстиціи. На это онъ опять просилъ меня написать тебѣ, чтобы ты пересталъ думать, что кто-либо изъ совѣтниковъ могъ измѣнить его расположеніе къ тебѣ. Что таковое мнѣніе твое невольнымъ образомъ возстановляетъ противъ него (Гасфорта), и черезъ это можетъ утратиться обоюдная искренность, и потерпитъ край, о которомъ ты имѣешь усердное попеченіе. Послѣ этого онъ добавилъ: „можете судить, каковъ край, которымъ управляетъ В. А., и какіе люди въ этомъ краю; недавно, во время отсутствія В. А. въ уѣзды, ночью вломились въ квартиру управляющаго губерніею Милордова два убійцы, съ намѣреніемъ украсть у него деньги!.."

Несмотря на всѣ описанныя выше обстоятельства, долженствовавшія, само собою, волновать спокойствіе духа В. А., онъ продолжалъ заниматься дѣлами управленія губерніею съ неумалявшеюся энергіею и по вступленіи третьяго года своего губернаторства.

Весною 1856 г. былъ разведенъ у памятника Ермака обширный садъ съ прекраснымъ видомъ на весь городъ и на далекое пространство за городомъ, по теченію рѣкъ Тобола и Иртыша. Садъ этотъ, на удивленіе всѣхъ, возникъ какъ бы по мановенію волшебства, т. к. для посадки брались деревья (кедры, липы, рябины и березы) не моложе десяти лѣтъ, и выкапывались они и перевозились съ цѣлыми глыбами замерзшей еще земли. Въ саду разведены были тоже красивые цвѣтники, и воздвигнута веранда для устройства танцевъ [1]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ открылось дамское отдѣленіе тюремнаго комитета, которое стало работать съ большимъ рвеніемъ и сердечностью и облегчать участь арестантокъ, находящихся въ острожной больницѣ, и ссыльныхъ и пересыльныхъ женщинъ съ ихъ дѣтьми, помѣщавшихся въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ.

Затѣмъ, послѣ трехдневнаго торжественнаго всенароднаго празднованія коронованія Государя Императора В. А. началъ новый объѣздъ губерніи и въ сентябрѣ и октябрѣ объѣхалъ туринскій, тюменскій, ялуторовскій, ишимскій и курганскій округа и гор. Петропавловскъ. Ревизія показала, что всѣ присутственныя мѣста замѣтно улучшились со времени перваго объѣзда В. А., отчасти благодаря нѣкоторымъ перемѣнамъ въ составѣ должностныхъ лицъ, а также и болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ прежнихъ. Въ Тюмени В. А. удалось доказать мѣстному купечеству необходимость устройства въ ихъ торговомъ городѣ общественнаго банка, и три купца изъявили готовность внести на это дѣло 53.000 р. Такимъ образомъ, было положено начало основанія въ Тюмени банковаго учрежденія, о чемъ велись переговоры и переписка съ 1845 г., т.-е. въ продолженіе 21 года.

Затѣмъ В. А. обратилъ вниманіе на то, что въ городахъ имѣлся значительный остаточный капиталъ до 154.000 р. Изъ него болѣе 100.000 р. раздавалось въ ссуду мѣстнымъ купцамъ подъ круговое ручательство по городамъ Ишиму, Петропавловску, Кургану и Тюмени, что нерѣдко превышало сумму гильдейскихъ

[1]) У сада находится площадь, которую жители Тобольска въ память В. А. хотятъ назвать его именемъ.

капиталистовъ, объявленныхъ заемщиками и ручателями, и потому не обезпечивало розданныхъ денегъ. Въ отвращеніе такого безпорядка, вмѣнено въ обязанность думамъ и хозяйственнымъ управленіямъ непремѣнно представлять на разрѣшеніе губернскаго начальства приговоры о раздачѣ запаснаго капитала, самая же ссуда по Петропавловску ограничена до 15.000 руб., а по Кургану до 10.000 руб., съ тѣмъ, чтобы остальная сумма была внесена, для приращенія процентами, въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Въ этомъ же году В. А. пришлось возобновить давно переставшій дѣйствовать тобольскій губернскій статистическій комитетъ, которымъ и составленъ былъ первый статистическій отчетъ по многимъ разнообразнымъ формамъ, даннымъ въ руководство министромъ вн. дѣлъ.

Весь 1857 годъ, съ самаго начала вплоть до конца, прошелъ для В. А. въ треволненіяхъ въ виду намѣренія оставить службу въ Сибири и перейти въ одну изъ великороссійскихъ губерній. Съ одной стороны, онъ сознавалъ, что, при его энергіи и знаніи дѣла, онъ много можетъ сдѣлать для пользы края, ему ввѣреннаго, но его распоряженія и представленія не всегда утверждались главнымъ мѣстнымъ начальникомъ; съ другой же стороны, ему было извѣстно о зачаткахъ важныхъ преобразованій, намѣченныхъ съ самаго начала царствованія Царя-Освободителя, и В. А. былъ увѣренъ, что при самостоятельной дѣятельности, не будучи связанъ ген.-губернаторскими ковами, онъ можетъ быть еще болѣе полезнымъ отечеству, управляя какою-либо внутреннею губерніею Россіи.

Особенный толчокъ дѣлу объ оставленіи Арцимовичемъ Тобольска дало свиданіе М. Н. Жемчужникова съ дивизіоннымъ генераломъ А. К. Дометти, пріѣхавшимъ съ своею женою въ Петербургъ изъ Тобольска. Вотъ какъ описывалъ М. Н. свиданіе свое съ ген. Дометти и его женой въ письмѣ къ В. А. отъ 11-го янв. 1857 г.: „Онъ и она искренно любятъ васъ и видимо старались сообщить мнѣ всѣ подробности о васъ и дѣтяхъ вашихъ и вообще все то, что только могло быть интереснымъ для меня, вѣрнаго вашего друга. Усердно благодарю Бога за все то, что я знаю относительно васъ и дѣтей вашихъ. Одно только мнѣ жаль, что мой любезный другъ Викторъ *посѣдѣлъ не по лѣтамъ!* Правда, что эта сѣдина начала показываться еще при сенатскихъ занятіяхъ его, но, какъ мнѣ извѣстно также о встрѣчаемыхъ имъ *скаредныхъ* непріятностяхъ по настоящей его службѣ, то и заключаю, что избыточное умноженіе

сѣдины на умной головѣ его выказываетъ внутреннее тревожное состояніе его. Изъ всего того, что̀ я зналъ прежде о дѣйствіяхъ Гасфорта, и что̀ я узналъ отъ Дометти, который, какъ подчиненный его же, сообщилъ мнѣ и о своихъ столкновеніяхъ съ нимъ,.. я еще болѣе вижу необходимость поскорѣе освободиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей, которыя заставляютъ тебя такъ много претерпѣвать. И въ этомъ полномъ моемъ убѣжденіи, что Гасфортъ *неисправимъ*, и что ревностные, благонамѣренные труды твои, мой любезный другъ Викторъ, не могутъ оказать существенной пользы, и что все это вредитъ и твоей службѣ, и твоей чувствительности, я рѣшился вновь дѣйствовать на добраго Ланского и поѣхалъ къ нему для *положительныхъ объясненій*. Причиною къ этимъ объясненіямъ я воспользовался тѣмъ, что въ Воронежѣ открылась вакансія, и я просилъ Ланского о перемѣщеніи тебя въ Воронежъ и просилъ такъ настоятельно, что просьба эта имѣла видъ *требованія*, основаннаго, во-1-хъ, на полномъ уваженіи къ твоимъ достоинствамъ, твоей репутаціи и настоящему твоему положенію, и, во-2-хъ, на обѣщаніяхъ самого Ланского. Такое откровенное и настойчивое объясненіе исторгло полную откровенность и со стороны Ланского, который, *безъ всякаго сомнѣнія*, вполнѣ уважаетъ тебя и искренно желаетъ освободить тебя отъ Гасфорта, но, предвидя, что съ его стороны доложатъ опять о совершенной необходимости сохранить тебя для Сибири, Ланской рѣшительно отказывается дѣйствовать о перемѣщеніи тебя. Наконецъ, я предложилъ, что ты напишешь къ нему (Ланскому), что, по причинѣ сильнаго ревматизма, который ты получилъ во время поѣздки въ Березовъ, ты не можешь продолжать службу въ суровомъ сибирскомъ климатѣ. Ланской обрадовался этой мысли и согласился, если ты напишешь къ нему это, доложить Государю и просить о перемѣщенія тебя въ Россію, какъ одного изъ лучшихъ губернаторовъ. Вотъ что̀ я предлагаю тебѣ, мой любезный другъ! Если пожелаешь, то дѣйствуй".

Письмо это было получено въ Тобольскѣ въ концѣ января 1857 г., а 3-го февр. В. А. отправилъ министру внутр. дѣлъ письмо такого содержанія: „Спѣшу принести в. в. искреннѣйшую, отъ глубины души, благодарность за доброе и теплое участіе ваше въ настоящемъ моемъ затруднительномъ положеніи. Въ здѣшнемъ краѣ, при нерасположеніи ген.-губернатора, невозможно думать объ осуществленіи какихъ-либо полезныхъ начинаній по улучшенію управленія, о водвореніи законности и уменьшеніи злоупотребленій. Поэтому я весьма обрадовался

изъявленному вами согласію на переводъ мой въ другую губернію. Это вниманіе в. в. къ моимъ посильнымъ трудамъ придаетъ мнѣ новыя силы для дѣятельности и укрѣпляетъ всегдашнія стремленія мои къ пользѣ общественной. Повергая дальнѣйшую служебную участь мою ближайшему благоусмотрѣнію в. в., я вмѣстѣ съ тѣмъ благословляю Всевышній Промыселъ, доставившій мнѣ счастливый случай быть лично извѣстнымъ вамъ по прежней моей службѣ".

Къ этому частному письму было приложено другое, на имя того же С. С. Ланского, болѣе оффиціальное. Въ немъ В. А. писалъ:

„Участіе, которое я принималъ въ ревизіи всей Западной Сибири, произведенной въ 1851 г. ген.-ад. Анненковымъ, послужило впослѣдствіи основаніемъ къ назначенію меня въ должность тобольскаго гражд. губернатора, въ коей и состою уже 3 года. Нынѣ домашнія обстоятельства, болѣзненное состояніе моей жены, а также весьма неблагопріятное вліяніе сильныхъ холодовъ на мое здоровье, разстроенное во время объѣзда по сѣвернымъ частямъ губерніи, вынуждаютъ повергнуть начальническому вниманію в. в. всепокорнѣйшую просьбу о содѣйствіи къ перемѣщенію меня въ другую, не столь отдаленную губернію съ болѣе благопріятнымъ климатомъ. Почту себя счастливымъ, если мои посильные, давно уже извѣстные в. в. служебные труды и дѣятельность послужатъ подкрѣпленіемъ сей моей просьбы".

Одновременно было отправлено письмо и къ ген.-губернатору слѣдующаго содержанія: „Домашнія обстоятельства, а въ особенности болѣзненное состояніе, въ которомъ находится моя жена, а также сильные ревматизмы, пріобрѣтенные мною въ поѣздку по сѣверной части губерніи, заставляютъ меня желать оставить Сибирь и перейти на службу въ страну, гдѣ климатъ болѣе благопріятный. Представивъ эти причины благоусмотрѣнію г. министра внутр. дѣлъ, я прошу о переводѣ меня въ другую губернію. Доводя о семъ до свѣдѣнія в. в., имѣю честь покорнѣйше просить не лишить участія вашего въ удовлетвореніи моей просьбы, вынужденной крайней необходимостью".

На это послѣднее письмо послѣдовалъ отвѣтъ только 2-го апрѣля изъ Омска. Ген. Гасфортъ отвѣчалъ такимъ образомъ: „По содержанію письма в. п. отъ 3-го прошлаго февраля, которое я получилъ только по возвращеніи моемъ сюда, имѣю честь васъ увѣдомить, что, получивъ нынѣ отношеніе г. министра внутр. дѣлъ, коимъ онъ спрашиваетъ моего согласія относительно перевода васъ въ одну изъ внутреннихъ губерній, я

отвѣтствовалъ ему, что къ таковому перемѣщенію не имѣю съ моей стороны никакого препятствія, хотя и весьма сожалѣю, что вы оставляете тобольск. губ. въ то время, когда успѣли только съ нею ознакомиться, и я лишаюсь въ васъ, по благоразумному усердію, полезнаго и дѣятельнаго сотрудника. Не менѣе сожалѣю также и о причинахъ, побудившихъ васъ желать этого перевода, ибо вредное вліяніе здѣшняго суроваго климата на слабую женскую организацію заставило и меня принести тяжкую дань".

Въ промежутокъ времени между письмомъ В. А. къ Гасфорту и отвѣтомъ на него М. Н. Жемчужниковъ писалъ (отъ 31 янв.): „Еще разъ прочелъ отчетъ твой, любезный другъ мой Викторъ, и еще болѣе ознакомился и съ откровеннымъ изложеніемъ отчета, и съ положеніемъ ввѣреннаго тебѣ края, и еще болѣе понимаю, что Гасфортъ не можетъ быть доволенъ ни первымъ, ни послѣднимъ. Таковы его свойства! Изъ всѣхъ частей, описанныхъ тобою въ твоемъ отчетѣ, одна только Маріинская школа заслужила одобреніе. А эта школа учреждена уже при твоемъ управленіи и состоитъ подъ попечительствомъ твоей жены. Этого уже очень достаточно для возбужденія злости Гасфорта!.." (Письмо отъ 24-го февр.): „Письмо твое къ Ланскому отвезъ самъ 19-го февр., но, къ сожалѣнію, не могъ видѣть С. С., онъ простудился. Гасфортъ выѣхалъ изъ Петербурга, а потому отправляю твое письмо къ нему въ Омскъ... Можешь вообразить, какова будетъ моя радость тогда, когда ты избавишься изъ-подъ ферулы Гасфорта"... (Письмо отъ 14-го марта): „Предваривъ Ланского о настоящемъ стѣснительномъ и непріятномъ положеніи твоемъ и разсказавъ ему нѣкоторыя продѣлки окружающихъ Гасфорта и гадкій поступокъ его касательно выпрошеннаго имъ черезъ сибирскій комитетъ Владим. креста такому чиновнику, котораго ты признавалъ подлежащимъ строгому взысканію, и проч., и проч., я отдалъ ему твое письмо отъ 3-го февр. Добрый С. С. (Ланской) прочелъ и съ *непритворнымъ* участіемъ вознегодовалъ на Гасфорта и изъявилъ искреннее соболѣзнованіе о тебѣ. Потомъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, по соизволенію Государя, поднесъ уже указъ къ перемѣщенію тебя въ Тверь. Государь подписалъ этотъ указъ, но Гасфортъ лично просилъ оставить тебя въ Тобольскѣ, какъ единственнаго честнаго и свѣдущаго и потому необходимаго для Сибири. Государь потребовалъ указъ назадъ и разорвалъ его".

Въ письмѣ отъ 13-го мая М. Н. писалъ: „Спасибо тебѣ за

письмо отъ 21-го апрѣля и выписку изъ письма къ тебѣ отъ Гасфорта. Изъ этого письма не видно, чтобы онъ былъ озлобленъ на тебя, хотя незамѣтно также, чтобы онъ понялъ, какъ слѣдуетъ смышлёному и заботливому начальнику, какую онъ понесъ утрату въ лишеніи такого сотрудника, каковъ ты былъ ему! Чтò это за человѣкъ, очень ясно видно изъ той рѣчи его, которую онъ сказалъ въ Омскѣ, по пріѣздѣ, собравшемуся туда чиновничеству. Знаю, что Ланской получилъ уже отвѣтъ Гасфорта. Знаю и то, что Л. намѣренъ приступить къ очищенію той губернаторской вакансіи, которую онъ готовитъ для тебя, но какая это губернія?—объ этомъ хранитъ въ секретѣ, а по слухамъ, кажется, тверская". Но ни тверская, ни другая какая-либо вакансія не открывалась. Ланской все, какъ и прежде, просилъ М. Н. Жемчужникова имѣть терпѣніе, и такъ прошелъ весь 1857 годъ.

Въ Тобольскѣ рѣшительно никто, исключая семьи, не зналъ о всѣхъ этихъ переговорахъ и треволненіяхъ, и Викторъ Антоновичъ продолжалъ работать и управлять губерніею съ прежнею, если не съ бòльшею, энергіею. Въ началѣ 1857 г. получено было пріятное для всѣхъ служившихъ въ Сибири извѣстіе о новыхъ, утвержденныхъ Государемъ штатахъ для всего сибирскаго края, по которымъ содержаніе всѣхъ служащихъ уравнено было съ содержаніемъ, положеннымъ для чиновниковъ великороссійскихъ губерній. Кромѣ того получено разрѣшеніе на изданіе еженедѣльной газеты — „Тобольскія Губернскія Вѣдомости".

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ выпущенъ первый нумеръ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Вѣдомости эти издавались съ двумя отдѣлами: оффиціальною и неоффиціальною частями. В. А. принималъ самое живое участіе въ наполненіи интересными статьями неоффиціальной части и вполнѣ достигъ этого. Авторами такихъ статей были и директоръ, и инспекторъ, и учителя мѣстной гимназіи, штатные смотрителя училищъ, нѣкоторые священники, одинъ офицеръ линейнаго батальона (Потанинъ), начинавшій тогда свою литературную дѣятельность, Н. М. Ядринцевъ и даже нѣкоторые чиновники, служащіе въ Тобольскѣ. Со всѣми этими лицами В. А. или сносился письмами, или лично просилъ писать статьи, которыя затѣмъ и просматривалъ, разрѣшая ихъ къ печатанію. Много писалось статей и историческихъ, и касавшихся мѣстной промышленности, и составлявшихъ „злобу дня". Всѣ онѣ были настолько интересны, что почти изъ всѣхъ №№ „Тоб. Губерн. Вѣд." выдержки были перепечатаны въ столичныхъ газетахъ. Типографія при губернскомъ

правленіи была въ самомъ плачевномъ состояніи, и такъ какъ въ ней прежде печатались только однѣ статьи о разныхъ сыскахъ и вызовахъ, то и средства для печатанія, т.-е. печатные станки, были самаго примитивнаго устройства, а печатнаго шрифта и даже типографской краски не могло быть достаточно на изданіе такихъ №№ Вѣдомостей, какіе выпускались каждую субботу при В. А , — страницъ въ 30 и болѣе. Поэтому пришлось все необходимое экстренно выписывать и заказывать въ Петербургѣ у Ревильона (словолитчикъ). И здѣсь В. А., слѣдя за средствами типографіи, нерѣдко прибѣгалъ къ помощи и содѣйствію своего маститаго и почтеннѣйшаго тестя М. Н. Жемчужникова, который, любя В. А., самъ заѣзжалъ къ Ревильону и настаивалъ на скорѣйшей высылкѣ всего необходимаго для тобольской типографіи [1]).

Въ томъ же году В. А. произвелъ подробную ревизію приказа о ссыльныхъ, ведущаго счетъ и распредѣленіе по губерніямъ Сибири всѣхъ ссыльныхъ, приходящихъ и привозимыхъ въ Сибирь. Оказалось, что дѣла приказа находились въ большомъ безпорядкѣ и въ особенности относительно исправности веденія алфавитныхъ списковъ ссыльныхъ, что̀ по закону составляетъ главнѣйшую и важнѣйшую обязанность приказа. Отъ этой неисправности алфавитовъ оставались долго не разосланными деньги, принадлежавшія сосланнымъ. Ихъ оказалось не отправленными на мѣста ссылки съ 1854 г. по 1-ое марта 1857 г. — болѣе 8.500 р.! Въ книгахъ о пріемѣ и сдачѣ одежды арестантовъ также не была соблюдена установленная форма. Причиной подобной неисправности было непониманіе членовъ и въ особенности управлявшаго приказомъ (Вакара) того, что приказъ есть мѣсто исполнительное, а не административное и судебное, и вслѣдствіе того лица эти не занимались своими обязанностями, а проектировали новые законы, разсмотрѣніе же всѣхъ этихъ проектовъ отнимало только время у начальника губерніи. Такъ, напримѣръ, приказъ предполагалъ: 1) замѣнить цеховыхъ слугъ разрядомъ водворяемыхъ рабочихъ, 2) установить новый порядокъ пріема арестантскихъ партій и иного распредѣленія арестантовъ въ тюремномъ замкѣ и 3) налагать клейма на ссылаемыхъ изъ Царства Польскаго и Великаго Кня-

[1]) Лѣтомъ произведенъ былъ капитальный ремонтъ мѣстнаго благороднаго собранія, единственнаго мѣста для вечеровъ, спектаклей и т. д. На это потребовалась большая для бѣднаго Тобольска сумма въ 5.000 р. В. А. удалось собрать эти деньги посредствомъ пожертвованій, подписки и устройства спектаклей и лотерей.

жества Финляндскаго. Для осуществленія перваго предположенія надо было бы испросить новый законъ, для второго—выстроить въ Тобольскѣ еще новый тюремный замокъ, а для третьяго—дополнить или измѣнить уложеніе о наказаніяхъ Царства Польскаго и Вел. Кн. Финляндскаго. Всѣ эти предположенія, какъ и много другихъ подобныхъ имъ безполезныхъ и неудобоисполнимыхъ, оставлены были безъ всякаго вниманія. Такое состояніе приказа заставило сдѣлать измѣненія въ личномъ составѣ его членовъ, о чемъ В. А. и сдѣлалъ представленіе генералъ-губернатору въ апрѣлѣ 1857 г.

Въ маѣ мѣсяцѣ тобольскую губернію снова постигло наводненіе, заставившее В. А. командировать довѣреннаго чиновника [1]) во всѣ пострадавшія мѣстности для оказанія помощи крестьянамъ. Въ Тобольскѣ же былъ вновь организованъ особый комитетъ, который, подъ непосредственнымъ руководствомъ В. А., дѣйствовалъ такъ же успѣшно и на тѣхъ же началахъ, какъ и комитетъ, учрежденный послѣ наводненія 1856 г.

Въ августѣ и сентябрѣ В. А. объѣхалъ для ревизіи ишимскій, курганскій и омскій округа и гор. Петропавловскъ. Изъ сохранившихся писемъ В. А. къ его женѣ видно, что ревизія курганскихъ присутственныхъ мѣстъ была окончена къ 30 августа. Въ этотъ день, по случаю тезоименитства Государя Императора, В. А. пригласилъ къ себѣ мѣстныхъ гражданъ, угостилъ ихъ завтракомъ и предложилъ подписку на пріобрѣтеніе прекраснаго, но недостроеннаго купцомъ Пелишевымъ каменнаго дома, для помѣщенія въ немъ уѣзднаго и приходскаго училищъ и будущей женской школы. „Желательно было бы", говорится въ письмѣ, „оставить по себѣ въ Курганѣ хорошую память. Авось и это предпріятіе осуществится!" [2]).

По дорогѣ изъ Кургана въ Ишимъ были осмотрѣны и обревизованы нѣсколько селеній крестьянъ-переселенцевъ изъ великороссійскихъ губерній, причемъ В. А. долго бесѣдовалъ съ крестьянами объ ихъ нуждахъ. Въ письмѣ изъ Ишима, отъ 3 сентября, между прочимъ говорится: „всѣ чиновники здѣсь плуты и мошенники! Вотъ результатъ моей теперешней ревизіи... Нужно все съ корнемъ вырывать. Какъ ты счастлива, что не управляешь людьми и, по преимуществу, должна возиться съ малютками. Хлопочи, другъ мой, о нравственномъ образованіи и раз-

---

[1]) Я. С. Скропышева.

[2]) Оно осуществилось очень скоро: уже 12 мая 1858 года открыта въ Курганѣ женская школа.

витіи нашихъ дочерей. Право, Россія очень нуждается въ лучшихъ людяхъ—и въ особенности въ порядочныхъ женщинахъ". Изъ Петропавловска 5-го сентября В. А. писалъ: „Я здѣсь сердитъ на полицію и не хотѣлъ дѣлать визитовъ. Богъ съ ними! Авось это послѣдній мой объѣздъ по губерніи. Необходимо оставить эту страну. Сегодня я не веселъ, ибо вчера сильно разсердился на здѣшнихъ взяточниковъ и даже вышелъ изъ себя, что, какъ знаешь, бываетъ довольно рѣдко. Велика наша страна, но порядка, а въ особенности—чести въ ней нѣтъ. Грустно думать о будущемъ". Любопытно также сохранившееся письмо ялуторовскаго земскаго исправника (Немировича-Данченко) къ В. А. и отвѣтъ на него. Оба письма относятся къ тому же времени. Исправникъ писалъ: „Не смѣя оправдываться передъ вами въ невинномъ очерненіи меня въ Тобольскѣ, умоляю васъ, у ногъ вашего превосходительства, въ послѣдній разъ! Или отдайте мнѣ прежнюю мою службу, на которой я могъ бы доказать, что ни въ чемъ не измѣнился, или дайте чиновниковъ, съ которыми можно служить болѣе или менѣе честно и добросовѣстно". Далѣе въ письмѣ онъ излагалъ, что старался поселить между подчиненными понятія о долгѣ истинной службы, но они оказались совершенно испорченными. На это письмо В. А. отвѣчалъ исправнику конфиденціальною бумагою такого содержанія: „На письмо в. в., въ которомъ вы, описывая справедливость и чистоту своихъ дѣйствій по управленію округомъ, просите возвратить васъ на прежнюю службу, считаю нужнымъ извѣстить васъ, что въ настоящее время, до разсмотрѣнія дѣлъ, возникшихъ въ ялуторовскомъ округѣ, никакого по сему предмету разрѣшенія дать не могу. При этомъ совѣтую вамъ прочесть со вниманіемъ и стараться понять высокій, поучительный смыслъ XXIII главы (ст. 13 — 28) Евангелія отъ Матѳея о книжникахъ и фарисеяхъ".

Въ томъ же 1857 году В. А. прочелъ и очень заинтересовался изданнымъ въ 1853 г. дневникомъ В. Н. Латкина, изслѣдователя и любителя печорскаго края. Въ своей книгѣ Латкинъ доказываетъ не только полную возможность соединенія рѣкъ Оби и Печоры, но и то громадное значеніе, которое могло бы имѣть подобное соединеніе на развитіе промышленности, а слѣдовательно и на благосостояніе всего сибирскаго края [1]).

Свѣтлыя и умныя мысли умнаго и предпріимчиваго человѣка очень заняли В. А., и онъ распорядился о напечатаніи

[1]) См. приложеніе къ отдѣлу I: „Къ вопросу о соединеніи Оби и Печоры".

въ губернскихъ вѣдомостяхъ большой статьи по этому важному для края вопросу, вызвавшей цѣлый рядъ статей, разъясняющихъ дѣло. Затѣмъ было сдѣлано совѣщаніе съ четырьмя представителями тобольскаго купечества, близко знакомыми съ мѣстными условіями, и они вполнѣ одобрили проектъ соединенія Оби съ Печорою, заявивъ на томъ же совѣщаніи свою готовность пожертвовать отъ себя 1.800 р. на издержки по изслѣдованію мѣстности.

Вопросъ этотъ былъ подробно разработанъ и представленъ въ ноябрѣ 1857 г. генералъ-губернатору, съ просьбою повергнуть мысль о соединеніи означенныхъ двухъ рѣкъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе, и всеподданнѣйше ходатайствовать о передачѣ помянутаго предположенія на обсужденіе вѣдомствъ—управленія путей сообщенія и морского и географическаго обществъ. Если же мысль о соединеніи Оби съ Печорою признана будетъ достойною особеннаго вниманія, то для изслѣдованія мѣстности назначить ученую экспедицію и для этого открыть по Западной Сибири подписку для сбора пожертвованій на покрытіе расходовъ по снаряженію ученой экспедиціи. По всѣмъ вѣроятіямъ, денегъ такимъ путемъ собралось бы достаточно, судя по тому, съ какою готовностью вызвались на денежныя пожертвованія четыре томскіе купца, приглашенные на предварительное совѣщаніе по этому вопросу. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ не встрѣтилъ въ высшихъ сферахъ сочувствія, какое онъ заслуживалъ, и никакихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій мѣстности, требующей устройства канала и шлюзовъ, не было произведено [1]).

Новый, 1858-й годъ начался особеннымъ привѣтствіемъ со стороны тобольскихъ гражданъ. Они лично представили В. А. особый прочувствованный адресъ такого содержанія: „Не первый разъ тобольское городское общество, въ лицѣ своихъ представителей, поздравляетъ васъ съ Новымъ годомъ! Не первый разъ, вмѣстѣ съ обычнымъ поздравленіемъ, желаетъ вамъ всего лучшаго въ вашей семейной жизни, и многихъ лѣтъ, и крѣп-

---

[1]) Въ декабрѣ 1857 г., по представленію генералъ-губернатора, В. А. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Изъ письма М. Н. Жемчужникова отъ 23-го декабря видно, что Ланской, докладывая Государю о представленіи Гасфорта, ходатайствовалъ о пожалованіи В. А. ордена св. Станислава 1-й степени, но Государь пожелалъ видѣть, съ котораго времени В. А. на службѣ и давно ли въ настоящемъ званіи и чинѣ, и, получивъ требуемыя свѣдѣнія, сказалъ: „еще рано: онъ успѣетъ еще заслужить“, и своею рукою написалъ: „св. Владиміра 3-й степени“.

кихъ силъ на томъ общественномъ пути, на который вы поставлены отъ Бога. До сихъ поръ общество не высказывало ясно своихъ сердечныхъ расположеній къ вашему превосходительству, но въ нынѣшній Новый годъ оно не можетъ не высказать ихъ. Общество знаетъ—отъ этого не увеличится его любовь къ вамъ, но подчасъ тяжело бываетъ не высказывать и любви самой. Удостойте же, в. п., принять отъ общества искреннее выраженіе его чувствъ къ вамъ! Примите отъ него сердечную благодарность за всѣ ваши попеченія о его нуждахъ и пользахъ! Никто не будетъ оспаривать у нашего общества правъ его на такую благодарность. Оно укажетъ каждому на комитетъ по устройству города, учрежденный по мысли в. п. Сколько комитетъ этотъ сдѣлалъ добра для города, объ этомъ оно не говоритъ; объ этомъ знаетъ всякій, а лучше всѣхъ знаютъ бѣдные граждане, разоренные наводненіями. А сколько еще можетъ сдѣлать этотъ комитетъ тогда, когда, по ходатайству вашему, изъ временнаго преобразованъ будетъ въ постоянный. Оно укажетъ на искреннюю Его Императорскаго Величества благодарность, ему объявленную. По ходатайству в. п., общество удостоилось такого высокаго вниманія нашего возлюбленнаго Монарха за свои небольшія жертвы во время минувшей войны. Оно укажетъ на сокращеніе городскихъ расходовъ по содержанію тобольской полиціи: расходы нашего бѣднаго города уменьшены по этому предмету до тысячи рублей. И этимъ общество обязано вашему просвѣщенному вниманію къ его нуждамъ. Оно укажетъ на ходатайство в. п. о постройкѣ у насъ каменнаго гостинаго двора на счетъ казны. До сихъ поръ торгующій классъ нашъ весь складъ своихъ товаровъ хранилъ въ деревянныхъ стѣнахъ гостинаго двора, но и до сихъ поръ онъ не можетъ забыть бѣдственнаго пожара, который, назадъ тому 20 лѣтъ, истребилъ все его имущество въ деревянномъ гостиномъ дворѣ. Заботу в. п. оградить нашу городскую торговлю отъ новаго подобнаго несчастья общество принимаетъ съ живѣйшей благодарностью. Наконецъ, оно укажетъ на поднятый вами вопросъ о соединеніи притоковъ Оби съ притоками Печоры. Разрѣшится благополучно вопросъ этотъ—городъ нашъ въ нѣсколько лѣтъ совершенно переродится! Торговый застой его обратится въ такое движеніе, которому и конца не видать... О частныхъ случаяхъ вашего отеческаго вниманія къ нуждамъ каждаго изъ послѣднихъ гражданъ общество не рѣшается и говорить: оно боится оскорбить этимъ скромность общаго своего благодѣтеля.

„Кто знаетъ, придется ли городскому обществу на будущее время еще разъ поздравить ваше превосходительство съ Новымъ годомъ? Если нѣтъ, если суждено будетъ вамъ идти другою дорогою, далеко отъ насъ, общество и на новомъ вашемъ поприщѣ пожелаетъ вамъ счастливаго пути. Гдѣ бы вы ни были впослѣдствіи, оно не забудетъ васъ. И если каждому позволено желать себѣ добраго и просвѣщеннаго начальника, тобольское городское общество пожелаетъ себѣ такого преемника вашей власти, который въ своихъ правилахъ во всемъ походилъ бы на васъ, ваше превосходительство!“ (Подъ адресомъ слѣдуютъ подписи 16 купцовъ и 15 мѣщанъ).

В. А. отвѣтилъ на привѣтствіе гражданъ такою рѣчью: „По прочтеніи вашего письменнаго поздравленія, я желалъ лично передать вамъ, добрые граждане, сердечное мое спасибо за вашу любовь и расположеніе ко мнѣ, а также за выраженныя вами пожеланія моему семейству!

„Вы благодарите за мои посильные труды къ устройству города, но, въ этомъ отношеніи, желая удовлетворить обязанности званія моего, я только стремился исполнить въ нѣкоторой степени священную волю и заботу нашихъ возлюбленныхъ Монарховъ о вашемъ благополучіи. Впрочемъ, и вы, граждане, избирая на службу достойныхъ людей, сочувствующихъ законности и заботящихся, по мѣрѣ своихъ силъ, о водвореніи порядка, значительно облегчаете трудности управленія городомъ. Живя въ добромъ между собою согласіи, споспѣшествуя общеполезнымъ предпріятіямъ и сочувствуя благотворительности, вы заслужили мое полное уваженіе и искреннюю, душевную признательность. Мнѣ остается пожелать, чтобы вы продолжали идти настоящею благородною стезею и, заботясь объ образованіи вашихъ дѣтей, облегчили бы имъ самыя средства къ обогащенію и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили бы имъ возможность быть полезными не только этому городу, но и нашему великому отечеству“.

Въ томъ же январѣ, во второй половинѣ мѣсяца, пріѣхалъ въ Тобольскъ ген.-губернаторъ западной Сибири для ревизіи присутственныхъ мѣстъ. Во все довольно продолжительное время пребыванія въ этомъ городѣ ген. Гасфорта В. А. не имѣлъ ни минуты отдыха: надлежало ему и сопутствовать начальнику края при обозрѣніи имъ всѣхъ находящихся въ Тобольскѣ учрежденій, и заниматься текущими дѣлами, и принимать у себя Густава Христіановича, и развлекать его, и вмѣстѣ съ тѣмъ составлять планъ для другихъ развлеченій на слѣдующіе

дни. Тихій Тобольскъ въ это время сдѣлался неузнаваемъ: балы, вечера, спектакли, концерты и обѣды слѣдовали одинъ за другимъ, такъ какъ ген.-губернаторъ на ревизію употреблялъ только до-обѣденное время. Ревизія эта, какъ и слѣдовало ожидать, доказала, что всѣ тобольскія учрежденія подъ управленіемъ В. А. достигли возможнаго совершенства.

По возвращеніи въ Омскъ генералъ Гасфортъ тотчасъ же прислалъ на имя тобольскаго губернатора предложеніе, отъ 20-го февраля 1858 г., за № 28, такого содержанія: „При обозрѣніи мною губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и заведеній въ Тобольскѣ, я видѣлъ съ удовольствіемъ, что всѣ управленія, начиная съ общ. губернск. управленія, находятся въ отличномъ порядкѣ. Сравнительная цифра нерѣшенныхъ дѣлъ и бумагъ въ общ. упр. въ 1854 г. (первыхъ—5.629 и послѣднихъ—2.644) на 1-е января 1858 г. (первыхъ—1.294, а послѣднихъ—130) убѣдительно говорятъ о тѣхъ трудахъ и усердіи, какіе употреблены были къ скорѣйшему окончанію дѣлъ. Если въ настоящее время остаются еще неоконченными нѣсколько дѣлъ прежняго времени, то, съ одной стороны, о существѣ вопросовъ оныхъ идетъ уже переписка, а съ другой—нельзя не согласиться, что запущенность многихъ лѣтъ нелегко исправить вдругъ. Въ особенности отдаю справедливость направленію, какое дается дѣламъ въ общ. губернск. управленіи, обнаруживающее прямой взглядъ на оныя и увѣнчавшееся весьма полезными результатами, въ которыхъ я удостовѣрился при ревизіи подвѣдомственныхъ общему управленію губернскихъ и окружныхъ мѣстъ, за что вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность выразить вашему превосходительству мою совершенную признательность. Попеченіемъ и заботливостью в. п., при благосклонномъ содѣйствіи епархіальнаго начальства, тюремный замокъ, заведенія приказа общественнаго призрѣнія и Маріинская дѣвичья школа достигли до той степени устройства и развитія, что заслуживаютъ всякой похвалы. Устраняя излишній наружный блескъ и имѣя въ виду одну существенную пользу, они содержатся въ такомъ отличномъ порядкѣ, что и въ столицѣ обратили бы на себя вниманіе.

„Въ дѣйствіяхъ тобольскаго женскаго попечительнаго о тюрьмахъ отдѣленія я вижу пламенное усердіе и истинную любовь къ исполненію принятыхъ онымъ на себя обязанностей, выражающихъ, съ одной стороны, заботливость облегчать участь содержащихся и пересыльныхъ женщинъ доставленіемъ имъ удобства въ размѣщеніи и матеріальныхъ пособій, и стремленіе

поднять нравственное состоянiе преступницъ пробужденiемъ въ нихъ чувства раскаянiя и сознанiя вины и внушенiемъ загладить свои проступки послѣдующею благонравною жизнью, а съ другой—материнское попеченiе о дѣтяхъ арестантовъ и теплое участiе въ призрѣнiи ихъ. Я съ особеннымъ удовольствiемъ прочелъ представленный мнѣ отчетъ означеннаго женскаго отдѣленiя, успѣхи коего превзошли мои ожиданiя. Прошу покорнѣйше в. п. передать мою искреннюю признательность г-жѣ предсѣдательницѣ того отдѣленiя—ея превосходительству Аннѣ Михайловнѣ—и всѣмъ директрисамъ, а также членамъ онаго за ихъ труды и особое усердiе. Равно прошу изъявить мою благодарность за особое усердiе завѣдывающему тюремною больницею инспектору тобольской врачебной управы г-ну ст. сов. Соколову, попеченiемъ и распорядительностью котораго медицинская часть въ больницѣ приказа общественнаго призрѣнiя приведена въ отличное устройство.

„Не могу оставить безъ вниманiя и того, что в. п. особеннымъ старанiемъ успѣли передать всѣмъ сословiямъ Тобольска порывы благотворительности и утвердить ей тамъ права гражданства.

„Обращаясь къ присутственнымъ мѣстамъ, я долженъ сказать, что тобольскiй приказъ о ссыльныхъ послѣ ревизiи вашей сдѣлалъ замѣчательные успѣхи. Алфавиты ссыльныхъ за послѣднiе 3 года составлены и данъ имъ приличный наружный видъ, равно составлены алфавитные распредѣлительные списки; число нерѣшенныхъ дѣлъ уменьшилось. Дѣлопроизводство губернскаго правленiя, бывшее въ большомъ разстройствѣ, представляется нынѣ въ иномъ, лучшемъ свѣтѣ; число нерѣшенныхъ дѣлъ тоже уменьшилось, и въ ходѣ и направленiи ихъ замѣчается болѣе правильности и стройности. Я не сомнѣваюсь, что при наблюденiи и понужденiи со стороны в. п. и при тѣхъ пособiяхъ, какiя предоставлены губернскому правленiю новыми штатами, остающiеся еще въ ономъ неисправности и недостатки скоро будутъ утрачены совершенно.

„Экспедицiя о ссыльныхъ сдѣлала значительныя улучшенiя по дѣлопроизводству и представляетъ болѣе противъ прежняго порядка, но замѣчено еще несоблюденiе уравнительности при распредѣленiи ссыльныхъ на водворенiе въ волостяхъ. Такъ, въ весьма короткое время, назначено было въ бергаматскую волость тарскаго округа 600 поселенцевъ; хотя земель въ этой волости весьма достаточно, но такое огромное число поселенцевъ, назначенное въ одну волость и въ короткое время—пре-

вышаетъ мѣстныя средства надзора за ними и способы самого водворенія, на которое, по Высочайшей Государя Императора волѣ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

„Въ тобольской городской полиціи число старыхъ дѣлъ замѣтно уменьшилось, текущія же идутъ довольно исправно, но тѣмъ не менѣе, какъ здѣсь, такъ и по прочимъ полиціямъ, нужно сдѣлать напоминаніе: обратить постоянное вниманіе на дѣла о взысканіяхъ по векселямъ и заемнымъ письмамъ и дѣйствовать по онымъ со всею строгостью и неупустительно, ибо нѣтъ ничего пагубнѣе дозволять, не только въ этомъ важномъ случаѣ, на который существуютъ строгія опредѣлительныя правила, но и вообще уклоняться отъ исполненія закона и чрезъ то выставлять какъ бы недостаточность онаго. Въ устройствѣ пожарнаго обоза и въ помѣщеніяхъ для храненія онаго сдѣланы важныя улучшенія.

„Тарская городская полиція хотя найдена также въ порядкѣ, но зданіе оной содержится неопрятно, и мелочныя поврежденія, которыя могли бы быть исправлены домашними средствами, остаются безъ исправленія, что́ и поставлено мною на видъ тарскому городничему, и приказано непремѣнно привести въ порядокъ съ открытіемъ хорошей весенней погоды, почему и нужно потребовать о томъ въ свое время исполнительнаго донесенія. Замѣчено еще, что изъ содержащихся въ тюремномъ замкѣ арестантокъ нѣкоторыя, по рѣшеніи о нихъ дѣлъ и по исполненіи приговоровъ, остаются еще на нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ за неполученіемъ отъ тобольскаго приказа о ссыльныхъ распредѣленія ихъ. Обстоятельство это я уже сообщалъ в. п. и просилъ обсудить оное въ губернскомъ совѣтѣ, имѣя при семъ въ виду ускорить и упростить, какъ можно скорѣе, процессъ распоряженія и распредѣленія арестантовъ, надъ коими судебные приговоры приведены въ исполненіе. О постановленіи, какое состоится въ губернскомъ совѣтѣ, прошу меня увѣдомить. Сообщая обо всемъ этомъ в. п. для надлежащаго распоряженія, долгомъ поставляю присовокупить, что о замѣчаніяхъ моихъ по обозрѣнію земскихъ судовъ и волостныхъ правленій я увѣдомлю васъ, въ дополненіе сего—особо“.

Тотчасъ же по отъѣздѣ Гасфорта изъ Тобольска В. А. заболѣлъ, а между тѣмъ въ это же время было получено и предложеніе м—стра вн. дѣлъ, вызывавшее В. А. въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы. Болѣзнь В. А. была очень серьезна. Это было что-то близкое къ нервной горячкѣ. Онъ слегъ въ постель и передалъ управленіе губерніею предсѣдателю губ.

правленія, оставивъ за собою руководительство лишь важнѣйшими дѣлами.

По поводу полученной отъ Гасфорта бумаги о результатѣ его ревизіи, М. Н. Жемчужниковъ писалъ 3 марта 1858 г.: „Достаточно понимая качества этого человѣка, я чрезвычайно былъ утѣшенъ содержаніемъ этого письма, которое вполнѣ удостовѣряетъ, что настоящее пребываніе его въ Тобольскѣ ознакомило его съ такою благородною манерою управленія, о которой онъ, поступивъ изъ военнаго ремесла въ руки омскихъ плутовъ, и понятія не имѣлъ. И я совершенно увѣренъ, что онъ чистосердечно сожалѣетъ всю виновность свою передъ тобою, и что то уваженіе къ твоимъ достоинствамъ, которое онъ не считалъ умѣстнымъ высказывать, въ обиду окружающей его сволочи, въ настоящее время это чувство—*вполнѣ утвердилось въ немъ*. Особенно пріятно мнѣ, что тонъ этого письма, исполненный неподдѣльнымъ чувствомъ благодарности, вовсе чуждъ того высокомѣрія, которое такъ усвоилось въ военноначальствующихъ, т.-е. тонъ этого письма гармонируетъ тону той музыки, которую ты употреблялъ на встрѣчу, угощеніе и на проводы гостя“.

Независимо означеннаго выше предложенія о результатахъ ревизіи, ген. Гасфортъ написалъ В. А. письмо, отъ 5-го февраля, по поводу присланныхъ распорядителями бала, даннаго во время посѣщенія ген.-губернаторомъ Тобольска, 550 р., оставшихся отъ расходовъ по устройству этого бала и предназначавшихся въ пользу омскаго дѣтскаго пріюта. „Благородные порывы тобольск. общества, чиновниковъ, дворянъ и купечества на пользу общую,—писалъ ген. Гасфортъ,—выражались постоянно и вездѣ. Настоящій случай убѣждаетъ еще болѣе, что общество это, всегда готовое содѣйствовать видамъ и предположеніямъ правительства, ищетъ только повода, чтобы доказать на дѣлѣ свое усердіе и теплое участіе въ общественныхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ благотворительности. Пріятно быть свидѣтелемъ таковыхъ похвальныхъ чувствъ, но еще пріятнѣе видѣть, когда стремленія и дѣйствія главнаго начальника на пользу края во всѣхъ предначертаніяхъ и распоряженіяхъ къ сему находятъ отголосокъ и сочувствіе въ его подчиненныхъ, когда сіи послѣдніе съ полною любовію и усердіемъ содѣйствуютъ первому. При такой только связи начальника и подчиненныхъ можно достигнуть стройнаго порядка въ управленіи, благоустройства и возвышенія народнаго быта, развитія просвѣщенія, торговли и промышленности.

„Пользуясь настоящимъ случаемъ, я, независимо отъ изустно выраженной мною признательности тобольск. благородному обществу чиновниковъ, дворянъ и купечества, имѣю честь покорнѣйше просить письменно в. п. объявить оному повторительную мою искреннюю и совершенную благодарность, какъ за означенное пожертвованіе, такъ и за обязательную встрѣчу меня въ Тобольскѣ, и то привѣтствіе и радушіе, какое было оказано мнѣ во все время моего пребыванія тамъ. Особенную же мою искреннѣйшую признательность я приношу в. п., какъ главному виновнику и двигателю всѣхъ общественныхъ по тобольской губерніи порывовъ благотворительности, независимо отъ успѣховъ въ общемъ благоустройствѣ оной". Что же касается до самаго пожертвованія 550 р., то Гасфортъ нашелъ всего приличнѣе обратить ихъ на предположенный къ открытію въ городѣ же Тобольскѣ дѣтскій пріютъ. При этомъ онъ выразилъ надежду, что распорядители бала не откажутся исполнить эту его просьбу. Онъ же, съ пріятностью вспоминая последнее пребываніе свое въ Тобольскѣ, который имъ найденъ въ обновленномъ и болѣе благоустроенномъ видѣ, чѣмъ прежде, будетъ имѣть возможность сохранить въ памяти и то, что посѣщеніе это было ознаменовано дѣломъ благотворительности и положило зародышъ новому общеполезному заведенію въ Тобольскѣ.

Болѣзнь В. А. стала ослабѣвать къ концу февраля, и онъ началъ готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ, заканчивая болѣе серьезныя дѣла и давая направленіе тѣмъ изъ нихъ, которыя не могли быть окончены до его отъѣзда. Съ этою же цѣлью В. А., какъ чадолюбивый отецъ, оставляющій свое любимое дѣтище на попеченіе другому лицу, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, именно 16-го марта, далъ два оффиціальныхъ предложенія предсѣдателю губернскаго правленія—одно по общему губернскому управленію, а другое по строительной комиссіи, въ которыхъ со всею подробностью указалъ на озабочивавшія его дѣла по губерніи и просилъ заступавшаго его мѣсто обратить на нихъ особенное вниманіе.

Такъ, въ одномъ предложеніи В. А., изложивъ виды къ лучшему устройству управленія губерніею въ разныхъ его частяхъ, по каждому предмету особо, а также свои частныя мысли и наблюденія о положеніи губерніи, просилъ заступавшаго его мѣсто обратить вниманіе на три дѣла: 1) объ обращеніи натуральной квартирной повинности по городу Тобольску въ денежную,—дѣло это высшей важности, и, на случай утвержденія смѣтъ о земскихъ повинностяхъ, надлежитъ заблаговременно

изучить все относящееся до сего предмета и озаботиться выборомъ благонадежныхъ депутатовъ и чиновниковъ въ квартирную комиссію, такъ какъ ею будутъ собираться съ домовладѣльцевъ деньги, и производиться изъ нихъ выдачи; 2) о предполагаемомъ соединеніи притоковъ Оби съ притоками рѣки Печоры, о чемъ соображенія уже представлены ген.-губернатору, и 3) объ учрежденіи пароходства по рѣкамъ Тавдѣ, Сосвѣ и Лозвѣ, для доставленія хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ на уральскіе горные заводы изъ хлѣбородныхъ округовъ тобольской губерніи. Для изученія всего относящагося до этого предмета былъ командированъ на означенные заводы особый чиновникъ, который уже и докладывалъ В. А. словесно о всѣхъ изысканіяхъ и въ непродолжительномъ времени долженъ былъ представить письменное донесеніе. Съ своей стороны, В. А. высказалъ, что учрежденіе пароходства по упомянутымъ рѣкамъ оживитъ Пелымскій край, дастъ тамошнему населенію новые источники для удовлетворенія ихъ потребностей и облегчитъ сбытъ хлѣба изъ богатыхъ хлѣбопашествомъ округовъ тобольской губ. Поэтому для выдачи привилегіи на учрежденіе пароходства препятствій быть не можетъ. Въ виду того, что въ то время наступалъ срокъ для представленія отчета объ управленіи губерніею за 1857 г., В. А. поручилъ составленіе его чиновнику особыхъ порученій, при содѣйствіи другихъ чиновниковъ, и передалъ имъ всѣ замѣчанія и указанія, необходимыя для составленія отчета. Затѣмъ, такъ какъ приближался срокъ для исходатайствованія наградъ особо отличившимся по службѣ чиновникамъ, В. А. сообщилъ заступавшему его мѣсто имена тѣхъ, которые заслуживали полнаго поощренія.

В. А. обратилъ еще вниманіе предсѣдателя губернскаго правленія на слѣдующее: 1) вслѣдствіе ходатайства ген.-губернатора западной Сибири, всемилостивѣйше пожаловано 2.000 р. для раздачи пострадавшимъ отъ бывшаго въ Тобольскѣ наводненія. Хотя по этому предмету и сдѣланы всѣ нужныя предварительныя распоряженія, и потребованы соображенія отъ предсѣдателя комитета, учрежденнаго для оказанія помощи пострадавшимъ отъ наводненія, но, имѣя въ виду, что скоро должно было наступить время разлива рѣкъ, а можетъ быть, чего Боже сохрани, возобновится и наводненіе, В. А. полагалъ, что окончательное распоряженіе о раздачѣ тѣхъ 2.000 р. слѣдуетъ произвести тогда, когда минуетъ время наводненія, и 2) въ виду Высочайшаго повелѣнія объ образованіи дѣтей женскаго пола, В. А. принялъ за правило—назначать женскимъ школамъ и пріютамъ,

гдѣ только возможно, особыя суммы изъ городскихъ доходовъ, не свыше 300 р. въ годъ, и такъ какъ ожидалось открытіе женскихъ учебныхъ заведеній въ Тюмени, Курганѣ и Ялуторовскѣ, то, при утвержденіи городскихъ смѣтъ, В. А. просилъ имѣть въ виду означенныя выше его соображенія. Въ заключеніе, поименованы тѣ чиновники, которыхъ слѣдуетъ назначить на разныя мѣста, въ случаѣ утвержденія ген.-губернаторомъ предположеній В. А. о перемѣщеніи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ по губернскому и окружнымъ управленіямъ.

Въ другомъ предложеніи, по губерн. строительной комиссіи, В. А. передалъ заступавшему его мѣсто нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до устройства города Тобольска. Въ Тобольскѣ существовалъ для этой цѣли учрежденный В. А. комитетъ, подъ предсѣдательствомъ особаго чиновника, завѣдывавшій суммами, находившимися въ собственномъ распоряженіи губернатора. Назначеніе комитета состояло въ доставленіи дешевыхъ и выгодныхъ средствъ къ производству разныхъ по городу работъ: въ устройствѣ мостовъ, мостовыхъ, тротуаровъ, въ проведеніи канавъ и пр. Въ виду того, что нѣкоторые жители по бѣдности часто просятъ о сложеніи недоимки за произведенныя комитетомъ у нихъ работы, В. А. просилъ, по полученіи ближайшаго удостовѣренія о ихъ бѣдности, слагать подобныя недоимки по журналамъ комитета. Начатыя работы по исправленію Прямскаго взвоза, соединяющаго подгорную съ нагорною частью города, необходимо было окончить въ теченіе предстоявшаго лѣта, такъ какъ при дальнѣйшемъ ихъ замедленіи могли разрушиться стѣны зданія архива. Для производства этихъ работъ В. А. разрѣшилъ взять кирпичъ заимообразно изъ арестантской роты, а за покупку извести ассигновалъ деньги изъ суммъ комитета; рабочіе же должны были употребляться изъ пересыльныхъ арестантовъ, а мастеровые — изъ арестантской роты, первые — за установленный плакатъ, а послѣдніе—безплатно. Такъ какъ по означеннымъ работамъ не предвидится недостатка ни въ рабочихъ, ни въ матеріалахъ, то необходимо употребить всѣ усилія и надзоръ къ успѣшному и безостановочному ихъ окончанію; надлежитъ тоже заблаговременно принять мѣры къ отводу воды при таяніи снѣга и распорядиться, чтобы ходъ по взвозу, до окончанія работъ, былъ совершенно закрытъ, а еще лучше— совсѣмъ заколоченъ.

Инженеръ-поручикомъ Мингаузеномъ составленъ былъ проектъ разнымъ улучшеніямъ по городу, а докладъ по этому предмету поручено составить чиновнику особыхъ порученій. Независимо

отъ изложенныхъ въ проектѣ предположеній, В. А., зная, что чиновники живутъ въ большинствѣ случаевъ на окраинахъ города, сообщеніе съ которыми весною и осенью почти невозможно, считалъ необходимымъ въ теченіе лѣта 1858 г. окончить устройство мостовъ черезъ канавы и тротуаровъ—вплоть до присутственныхъ мѣстъ. Кромѣ того, В. А. просилъ заступавшаго его мѣсто оказать содѣйствіе къ успѣшному окончанію устройства сада при памятникѣ Ермака. Посадка деревьевъ и всѣ работы, по личному указанію В. А., должны были производиться подъ наблюденіемъ ассесора строительной комиссіи и подъ непосредственнымъ надзоромъ командира арестантской роты.

Въ 1857 г. въ Тобольскѣ было введено спиртовое освѣщеніе главныхъ улицъ, но В. А. желалъ, чтобы такое освѣщеніе было распространено и по другимъ улицамъ, и потому просилъ при утвержденіи смѣтъ городскимъ расходамъ ассигновать необходимую сумму на устройство 50-ти фонарей для Никольскаго взвоза и другихъ улицъ.

Устройство въ Тобольскѣ трехъ пристаней на Иртышѣ съ портомойнями и содержаніе ихъ В. А. полагалъ предоставить арестантской ротѣ, о чемъ и просилъ управляющаго губерніею сдѣлать распоряженіе.

Въ комитетъ попечительнаго о тюрьмахъ общества В. А. обратился съ просьбою не оставить своимъ вниманіемъ слѣдующія дѣла, которымъ самъ В. А. не успѣлъ дать надлежащаго движенія:

1) Попечительное о тюрьмахъ общество постоянно заботится о томъ, чтобы комитеты занимались разборомъ нищихъ; въ Тобольскѣ же надзоръ этотъ еще не производится надлежащимъ образомъ, за неимѣніемъ особаго помѣщенія или конторы. Не составлено тоже и отдѣльнаго капитала, необходимаго для помощи бѣднымъ, и имѣется весьма мало богадѣленъ для призрѣнія нищихъ. Желая направить эти дѣла, В. А. поручилъ секретарю комитета составить особый докладъ по дѣлу о разборѣ нищихъ и указалъ, что означенное выше особое помѣщеніе можетъ быть съ удобствомъ устроено въ строющемся зданіи возлѣ острога на суммы комитета. Тому же секретарю поручено составить докладъ объ устройствѣ богадѣльни въ Ишимѣ. 2) Въ зданіи тобольскаго тюремнаго замка предполагалось устроить особую баню, а 2 каменные дома обратить подъ помѣщеніе арестантовъ—мѣсто же для бани не было еще опредѣлено. В. А. указалъ, что самымъ удобнымъ было бы деревянныя конюшни перевести внѣ стѣнъ острога и поставить ихъ близъ строивша-

..ося сиропитательнаго заведенія [1]), а на мѣсто конюшенъ построить обширную и удобную баню, каковое предположеніе словесно одобрено генералъ-губернаторомъ при посѣщеніи острога. 3) По распоряженію комитета привезена въ Тобольскъ отличная огнегасительная машина. Комитетъ, выписывая ее, имѣлъ въ виду не только безопасность самаго тюремнаго зданія, но и оказаніе пособія полиціи въ случаѣ пожара. Для осуществленія этой мысли В. А. полагалъ полезнымъ поручить завѣдываніе машиною особому, привыкшему къ обращенію съ машиною надзирателю, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ пожара она была вывозима на тюремныхъ лошадяхъ; для сохраненія же ея поручить директору по хозяйственной части устроить особое теплое помѣщеніе въ стѣнахъ острога или внѣ ихъ. 4) Въ 1858 г. уменьшенъ арестантскій паекъ, а между тѣмъ на всѣ жизненные припасы возвысились цѣны. Поэтому В. А. призналъ необходимымъ, дабы не стѣснять дѣйствій комитета, войти съ представленіемъ объ увеличеніи пайка прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Здѣсь нарочно сдѣланы эти довольно подробныя выписки изъ распоряженій В. А. при оставленіи имъ Тобольска, чтобы показать, какъ онъ любилъ и зналъ дѣло, какъ старался о благоустройствѣ всего находившагося въ его завѣдываніи,— показать, что онъ былъ настоящимъ хозяиномъ губерніи, который зналъ все до послѣднихъ мелочей, и съ какою заботой онъ относился ко всѣмъ чиновникамъ, службою которыхъ онъ былъ доволенъ и которую зналъ и цѣнилъ, будучи самъ первымъ неустаннымъ работникомъ.

Другой губернаторъ, находясь на мѣстѣ Виктора Антоновича и покидая губернію съ полной увѣренностью, что получитъ другое назначеніе, оставилъ бы всѣ дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они находились, не заботясь уже о дальнѣйшемъ ихъ движеніи; Викторъ же Антоновичъ, несмотря на едва оправлявшееся здоровье, нашелъ необходимымъ преподать своему замѣстителю подробныя указанія о всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ устройству управленія, и передать при этомъ все, что̀ онъ думалъ сдѣлать, но не успѣлъ еще осуществить, а также указать способы и пути для достиженія успѣшныхъ и полезныхъ результатовъ.

---

[1]) В. А. задумалъ выстроить возлѣ тюремнаго замка особое зданіе для сиропитательнаго заведенія, въ которомъ помѣщались бы дѣти сироты обоего пола, оставшіяся послѣ смерти ихъ родителей ссыльныхъ, гдѣ они могли бы учиться чтенію, письму, ариѳметикѣ, закону Божію и разнымъ ремесламъ. Мысль эта осуществилась уже послѣ отъѣзда В. А. изъ Тобольска.

Генералъ-губернаторъ, до свѣдѣнія котораго было доведено о сдѣланныхъ распоряженіяхъ по сдачѣ управленія губерніею, письмомъ отъ 29 марта благодарилъ В. А. за „всѣ тѣ замѣчанія“, которыя онъ передалъ д. с. с. Милордову, дабы наиболѣе важныя и не терпящія отлагательства дѣла получили быстрый и соотвѣтственный ходъ.

Передъ отъѣздомъ В. А. изъ Тобольска чиновники, находившіеся въ городѣ, съ предсѣдателями отдѣльныхъ учрежденій во главѣ, а также и лица, вовсе не подвѣдомственныя губернатору, какъ, напримѣръ, жандармскій полковникъ и смотритель духовныхъ училищъ, явившись прощаться съ любимымъ начальникомъ губерніи, представили ему полный глубокаго чувства адресъ слѣдующаго содержанія:

„Предчувствія рѣдко обманываютъ насъ. Вы не воротитесь къ намъ! Тяжко намъ разставаться съ добрыми знакомыми, съ которыми такъ пріятно было раздѣлить часъ, другой своего досуга... А съ вами отчего намъ больно разставаться? Въ близкихъ отношеніяхъ съ вами мы не были, да и не могли быть по тому положенію, которое вы занимали въ нашемъ обществѣ. Что же это за сила, которая привязывала къ вамъ всякаго, на комъ хоть разъ остапавливалось ваше вниманіе. Что же это за сила, передъ которой блѣднѣли всѣ интриги? Что же это за сила, которая и недоброжелателей вашихъ заставляла искать вашего расположенія? Сила эта—высокая правда, которой вы рѣшились служить на томъ пути, на который поставлены вы самодержавной властью. Однако, и съ самыми лучшими намѣреніями не всякому удается привязать къ себѣ людей. Что значитъ и чистота правилъ, если правитель не можетъ заставить уважать эту чистоту. А для этого мало одной любви къ правдѣ, не поможетъ тутъ и самая власть, которою облеченъ правитель: властью можно увлечься, можно зайти очень далеко и только бороться съ призраками. Нѣтъ, при этомъ надобно еще особенное умѣнье приложить эту власть во-время и у мѣста. Вотъ въ чемъ ваша сила! Вотъ что людей прямыхъ заставляло рваться изо всей мочи, чтобы только исполнить ваши распоряженія, а людей шаткихъ и эгоистовъ удерживало отъ всякаго дурного поползновенія. И вотъ съ какимъ человѣкомъ, съ какимъ правителемъ приходится намъ разставаться!

„Не разъ вспомнитъ васъ и простой нашъ крестьянинъ, котораго вы не давали въ обиду людямъ неблагонамѣреннымъ; есть чѣмъ вспомнить васъ и городскому обывателю: вы такъ хлопотали о безопасности и свободѣ торговли; не разъ огля-

нется на ваше управленіе и бѣдный труженикъ-чиновникъ, которому нечѣмъ выказать себя передъ начальникомъ кромѣ своихъ способностей, своего труда и своей честности; сердечно поплачетъ о васъ и бѣдный человѣкъ, для котораго вы умѣли находить столько источниковъ благотворительности. Многіе, очень многіе проводятъ васъ съ искренними пожеланіями вамъ всего лучшаго. Найдутся и такіе, которые не раздѣлятъ съ нами тѣхъ чувствъ, но вы недостойны были бы имѣть стольких друзей, если бы вовсе не было у васъ недоброжелателей. Вы найдете ихъ и въ другомъ мѣстѣ. Вы найдете ихъ вездѣ: правда вездѣ будетъ колоть глаза. Да хранитъ только васъ Богъ и на всякомъ другомъ мѣстѣ! Ваше превосходительство! Примите это слабое выраженіе нашихъ чувствъ къ вамъ. Если вамъ не суждено будетъ возвратиться, пусть это чувство послужитъ вамъ памятью о мѣстѣ, гдѣ вы такъ славно трудились, и о людяхъ, которые такъ горячо васъ любили".

Отъѣздъ В. А. изъ Тобольска состоялся 18-го марта 1858 г. Онъ выѣхалъ одинъ съ прислугою предъ самымъ началомъ распутицы, напутствуемый благопожеланіями, какъ семьи своей, такъ и всѣхъ тоболянъ, горячо его полюбившихъ. Здоровье его въ то время не было еще вполнѣ возстановлено послѣ болѣзни, и это очень тревожило всѣхъ; но В. А. благополучно проѣхалъ далекій путь. 23-го марта онъ былъ въ Перми, 29-го—въ Казани, гдѣ былъ задержанъ нѣсколько дней ненадежнымъ состояніемъ льда, такъ что въ Нижній-Новгородъ пріѣхалъ только 11-го, а въ Петербургъ—15-го или 16-го апрѣля, т.-е. пробылъ въ пути цѣлый мѣсяцъ. Дорога была ужасная, утомительная. Случалось иногда тащиться двѣ или три станціи цѣлыя сутки.

Для жителей Тобольска и всей губерніи отъѣздъ Виктора Антоновича былъ тяжелою утратою; они были убѣждены, что онъ къ нимъ не возвратится, и знали, что не скоро пріобрѣтутъ такого нелицепріятнаго преслѣдователя всякой неправды и такого надежнаго защитника слабыхъ и угнетенныхъ. Сознаніе этой потери было всеобщимъ. Изъ сохранившихся писемъ того времени видно, напримѣръ, что крестьянинъ, везшій одного изъ провожавшихъ В. А. до первой станціи отъ Тобольска, узнавъ, что В. А. едва ли вернется изъ Петербурга, выразилъ глубокое сожалѣніе, добавивъ при этомъ, что „больно хорошъ онъ былъ для насъ, мужиковъ", а одна вдова чиновника, сожалѣя также объ этомъ отъѣздѣ, наивно высказала: „что можно было бы исправить это дѣло тѣмъ, чтобы собраться всѣмъ и написать общую

просьбу къ начальству объ отмѣнѣ перевода Виктора Антоновича изъ Тобольска".

Съ отъѣздомъ В. А. изъ Сибири не тотчасъ окончилась его дѣятельность и вліяніе на ходъ управленія губерніей. Онъ постоянно писалъ въ Тобольскъ, и съ дороги, и изъ Петербурга, о дѣлахъ особенной для губерніи важности, указывалъ, что̀ и ка̀къ надо сдѣлать, требовалъ свѣдѣній о ходѣ этихъ дѣлъ и успокаивался только тогда, когда имѣлись извѣстія объ окончаніи ихъ. Письма объ этомъ со справками къ В. А. и отъ него въ Тобольскъ летали еженедѣльно, а нерѣдко и съ каждою почтою.

Такъ прошли весна и все лѣто 1858 г. Семья В. А. ожидала извѣстія объ его служебномъ устройствѣ, чтобы выѣхать изъ Тобольска, а жители города и губерніи, видя замедленіе въ переводѣ В. А., иногда ласкали себя надеждою, что переводъ не состоится, и для нихъ все останется по старому.

В. А. вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, именно 19 апрѣля, представился Императору. Государь принялъ его въ кабинетѣ и довольно долго и милостиво съ нимъ бесѣдовалъ, разспрашивая о положеніи страны и промышленности, о состояніи городовъ Тобольска и Тюмени и объ инородцахъ. Часто впослѣдствіи В. А. вспоминалъ объ одномъ эпизодѣ свиданія его съ Императоромъ. Отвѣчая на разспросы о Тобольскѣ, В. А. между прочимъ сказалъ, что нигдѣ, быть можетъ, вѣсть о восшествіи на престолъ Императора Александра Николаевича не была встрѣчена съ такою глубокою радостью, какъ въ Тобольскѣ, и нигдѣ, можетъ быть, не было вознесено о немъ столько горячихъ и благодарныхъ молитвъ. Заявленіе это нѣсколько удивило Императора; тогда В. А. разсказалъ ему, что когда въ тобольскомъ соборѣ, по случаю священнаго коронованія, послѣ торжественной литургіи и при огромномъ стеченіи народа, былъ прочтенъ милостивый манифестъ, даровавшій столькимъ ссыльнымъ свободу и облегченіе судьбы, тогда всѣ находившіеся налицо, какъ одинъ человѣкъ, упали на колѣни, и долго потомъ раздавались въ соборѣ радостныя рыданія „несчастныхъ", услышавшихъ только-что слово прощенія; съ ними вмѣстѣ плакали и всѣ присутствующіе. Государь былъ видимо растроганъ, а когда въ кабинетъ вошла Императрица, онъ попросилъ В. А. повторить разсказъ при ней.

Какъ видно изъ писемъ В. А. къ женѣ, отъ 20, 25 и 28 апрѣля, онъ въ то время не могъ еще вывести никакого заключенія на счетъ своей будущности. Встрѣтившійся съ нимъ

во дворцѣ товарищъ военнаго министра князь Васильчиковъ приглашалъ его перейти директоромъ канцеляріи военнаго министерства, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней предлагалъ занять мѣсто генералъ-кригсъ-комиссара, но мѣста эти В. А. нашелъ „не по своему характеру". При свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскимъ В. А. также не выяснилъ своего положенія относительно перевода изъ Тобольска. „Вообще сознаю себя неспособнымъ устраивать дѣла скоро и ловко, когда нужно искать, — писалъ В. А., — роль искателя, sollicitеur'a — не по мнѣ"... „Сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, но въ предѣлахъ приличія и чести. Петербургская холодность часто меня смущаетъ, и, къ сожалѣнію, всѣ труды и заботы въ Тобольскѣ имѣютъ здѣсь нѣсколько отрицательное значеніе. Меня не безпокоятъ запросами и объясненіями, но ни въ комъ и нигдѣ не нахожу сочувствія къ отдаленной странѣ. Здѣсь холоднѣе, чѣмъ въ Сибири"...

19-го мая В. А. писалъ, что послѣ свиданія съ Ланскимъ онъ самъ твердо убѣдился въ желаніи министра перевести его въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Изъ письма отъ 15 іюня видно, что по порученію министра вн. дѣлъ В. А. составлялъ подробныя замѣчанія о расширеніи губернаторской власти. Всѣ близкіе ему люди совѣтовали не спѣшить отъѣздомъ изъ Петербурга, указывая на то, что впослѣдствіи труднѣе будетъ выбраться изъ Сибири. Замедленіе перевода происходило частью отъ свойства характера министра, который не рѣшался смѣнять дурныхъ губернаторовъ, а частью и главнѣйше отъ важныхъ реформъ въ управленіи по случаю предполагавшагося назначенія ген.-губернаторовъ во всей имперіи. Въ томъ же письмѣ В. А. говоритъ: „Несмотря на нерѣшительность Ланского, я, въ случаѣ неудачи въ переводѣ, не перестану его уважать и любить за доброе направленіе, гуманныя идеи и теплое расположеніе ко мнѣ. Не онъ, а обстоятельства измѣнились. Я очень доволенъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ, осмотрѣлся, ознакомился съ новыми взглядами и силами—и готовъ возвратиться въ Тобольскъ. Въ настоящее время въ великороссійскихъ губерніяхъ будетъ очень и очень трудно: крестьянскій вопросъ чрезвычайно затрудняетъ управленіе, но, по совѣсти, не должно при подобныхъ затрудненіяхъ уклоняться отъ губернаторскаго поста. Какъ бы то ни было, а я пріобрѣлъ довольно опытности и, при любви къ отечеству, надѣюсь не быть совершенно безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что здоровье мое значительно улучшилось. Итакъ, я только въ крайнемъ случаѣ возвращусь въ Тобольскъ, а пока

намѣренъ еще выжидать... Мое положеніе здѣсь очень хорошо: никакихъ обвиненій, никакихъ оправданій, репутація возвышается, и я даже опасаюсь, что общественное мнѣніе считаетъ меня болѣе способнымъ, чѣмъ я есмь въ дѣйствительности".

Дальнѣйшія письма показываютъ, что 21 іюня упомянутая выше записка о губернаторской власти была составлена, что В. А. сидѣлъ у министра отъ 10 до 12½ часовъ и читалъ ему записку. Министру она очень понравилась, и онъ возложилъ на В. А. составленіе соображеній противъ повсемѣстнаго назначенія генералъ-губернаторовъ и вообще о необходимыхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, въ виду готовившейся въ то время крестьянской реформы. „Не знаю, какъ Богъ поможетъ окончить это дѣло,—писалъ В. А. 24 іюня,— а только ручаюсь, что выскажу всю истину".

Наконецъ, 9 іюля министръ внутреннихъ дѣлъ призвалъ В. А. къ себѣ, сообщилъ ему по секрету, что калужскій губернаторъ подаетъ въ отставку, и что эта губернія готовится для В. А. Въ письмѣ отъ 15 іюля В. А., сообщивъ, что наканунѣ этого дня Государь лично объявилъ ему въ кабинетѣ Императрицы, что переводъ его въ Калугу состоялся, говорилъ: „Мысль, что я завезъ васъ такъ далеко, начинала меня тревожить. Благодарю Бога за все, что съ нами происходитъ. Въ Калугѣ предстоитъ много затрудненій, но надѣюсь при твоей помощи и здѣсь уладить и кое-что сдѣлать для общей пользы. Наконецъ вчера я былъ принятъ въ особой аудіенціи Императрицею въ Петергофѣ, на фермѣ, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ семейно, что дѣйствуетъ пріятно на душу и располагаетъ къ добрымъ хозяевамъ. У Императрицы я былъ болѣе часа. Она разспрашивала подробно о Маріинской школѣ и женскомъ комитетѣ и о Сибири вообще. Словомъ, бесѣда не прерывалась. Я говорилъ о тебѣ, моей помощницѣ, и не могъ не отнести чести устройства школы къ твоему теплому и христіанскому направленію. Во время разговора входили великіе князья—дѣти Императрицы, въ холстяныхъ русскихъ рубашкахъ. Они входили послѣ уроковъ поцѣловать мать и объявили, что идутъ купаться. Всѣ кадеты, кажется, во время лагеря носятъ подобныя рубашки. Въ этой мелочи много добраго и человѣческаго. Императрица благодарила меня за всѣ разсказы. Бесѣда прервалась появленіемъ Императора, который вошелъ и объявилъ ей, что, кажется, пора ѣхать. Тутъ же онъ мнѣ сказалъ, что я переведенъ въ Калугу. Не описываю тебѣ подробностей разговора. Ты можешь его легко себѣ представить, тѣмъ болѣе, что я говорилъ истину.

Не знаю, какое впечатлѣніе я произвелъ на Императрицу, но доброта ея пріобрѣла во мнѣ одного изъ ея усердныхъ приверженцевъ".

Такъ закончилось губернаторство В. А. въ Тобольскѣ. Семья его успѣла выѣхать изъ города только 19 августа 1858 г. Тобольскъ осиротѣлъ и осиротѣлъ надолго, жители же его, а равно и всей губерніи всегда вспоминали управленіе В. А. съ особеннымъ уваженіемъ, и память о немъ, какъ о любимомъ правителѣ, сохраняется и по-сейчасъ. Между прочимъ, любопытно заявленіе тобольскихъ жителей, напечатанное въ № 18 „Современной Лѣтописи" за 1863 г., т.-е. черезъ пять лѣтъ послѣ оставленія В. А. Арцимовичемъ тобольской губерніи.

Приводимъ это заявленіе, имѣвшее 246 подписей, дословно: „Въ № 10 „Современной Лѣтописи" (мартъ 1863 г.) прочли мы статью калужскаго дворянина г. Потулова, составляющую какъ бы порицаніе тѣхъ выраженій сочувствія и признательности, съ которыми провожали В. А. Арцимовича калужскіе купцы, мѣщане, чиновники и нѣкоторые дворяне. Въ этой статьѣ г. Потуловъ представляетъ общественному мнѣнію такія серьезныя обвиненія на В. А., на которыя ни одинъ порядочный человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ дѣятельности г. Арцимовича, не можетъ не отозваться безъ негодованія. Г. Потуловъ, облекаясь въ роль представителя интересовъ калужскихъ дворянъ, обвиняетъ калужскую администрацію въ пристрастномъ для крестьянъ исполненіи Положеній 19 февраля 1861 г., укоряетъ ее въ дѣйствіяхъ, наносившихъ ущербъ помѣщикамъ и ободрявшихъ крестьянъ къ своевольнымъ поступкамъ, и, въ заключеніе, очень тонкимъ образомъ подводитъ всѣхъ трудившихся по крестьянскому дѣлу въ калужской губерніи подъ категорію такихъ людей, которые подъ личиною какого-то оригинальнаго передового образа мыслей стараются для осуществленія своихъ идей обходить законъ произвольными лже-толкованіями, не стыдятся желать надѣлить, кого по ихъ разсчетамъ нужно, похищеніями изъ чужого достоянія, а въ довершеніе, подрывая въ народѣ уваженіе къ закону и развивая въ крестьянахъ тлетворную мысль отрицанія правъ собственности, готовятъ для отечества самую страшную будущность.

„Вѣроятно, г. Потуловъ полагалъ, что его выходки и обвиненія противъ В. А. Арцимовича такъ и останутся безотвѣтными, такъ и примутся общественнымъ мнѣніемъ на-слово. Сильно ошибся онъ! Не будучи хорошо знакомы съ ходомъ крестьянскаго вопроса въ калужской губерніи, мы не можемъ входить въ подробное разбирательство этого дѣла; мы увѣрены, что обвиненія,

взводимыя г. Потуловымъ на бывшую калужскую администрацію, вызовутъ скорый отвѣтъ изъ Калуги отъ честныхъ и безпристрастныхъ людей, въ глазахъ которыхъ происходило тамъ разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. Мы же, зная В. А. по его административной дѣятельности въ нашей губерніи, сильно сомнѣваемся въ справедливости этихъ обвиненій. В. А. Арцимовичъ вовсе не изъ числа такихъ людей, для которыхъ законъ заключается въ личномъ произволѣ. Это совершенно несообразно ни съ его образованіемъ, ни съ его убѣжденіями. Напротивъ, бывъ свидѣтелями его дѣятельности въ Тобольскѣ, мы открыто говоримъ, что В. А. всегда ставилъ законъ выше своего личнаго мнѣнія и исключительныхъ, сословныхъ интересовъ. Между тѣмъ, у насъ, при отсутствіи самаго вліятельнаго сословія дворянъ-помѣщиковъ, представлялось очень много случаевъ для личнаго произвола. Управляя тобольскою губерніею въ продолженіе четырехъ лѣтъ, В. А. былъ для насъ добросовѣстнымъ представителемъ правительства и честнымъ гражданиномъ. Всякое правое дѣло имѣло въ немъ ревностнаго поборника; всякій невинно-угнетенный, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, находилъ въ немъ твердаго защитника. Не нравились его дѣйствія только тѣмъ людямъ стараго закала, которые привыкли или находили для себя выгоднымъ смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣли въ невозвратно минувшее время, и какъ смотрятъ нынѣ всѣ ревнители сословной исключительности, въ ущербъ общему государственному интересу, и вообще всѣ тѣ, которые то низкими происками и интригами, то картинами какихъ-то ужасовъ стараются препятствовать правительству въ проведеніи благихъ реформъ.

„Прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ В. А. оставилъ Тобольскъ, но мы такъ помнимъ и такъ цѣнимъ его честную дѣятельность, что не могли остаться безмолвными слушателями порицателей его достойнаго имени и сочли священнымъ долгомъ отвѣчать имъ заявленіемъ о его вполнѣ благотворной и истинно гуманной дѣятельности въ нашемъ краѣ“...

Я. С. Скропышевъ.

Извлеченіе изъ исторической записки А. Н. Лещова объ общемъ управленіи Сибирскимъ краемъ.

. . . .

Въ это тяжелое для представителя главной власти время подъ начальствомъ Г. Х. Гасфорта изъявилъ готовность служить участвовавшій въ ревизіи Западной Сибири ген.-ад. Анненкова оберъ-секретарь Прав. Сената Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, и генералъ Гасфортъ немедленно испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на назначеніе его къ исправленію должности тобольскаго губернатора.

Къ сожалѣнію, въ мірѣ нашемъ добро вѣчно борется со зломъ, и насколько назначеніемъ новаго губернатора были обрадованы люди честные и жаждавшіе введенія лучшихъ порядковъ, настолько же недовольны стали тѣ, кто почувствовалъ, что почва для ихъ своекорыстныхъ цѣлей ускользаетъ.

Съ прибытіемъ въ край новаго начальства все измѣнилось: всѣ, казалось, стали благообразнѣе, добрѣе и исполненными самыхъ лучшихъ стремленій и готовности работать неутомимо. Конечно, никто не думалъ допытываться, что̀ кроется подъ маской, и при недостаткѣ въ людяхъ и эта перемѣна въ нихъ была уже залогомъ, что можно легче дышать, и что нѣтъ необходимости быть жертвою находчивыхъ дѣльцовъ. Тѣмъ не менѣе, для успѣха въ управленіи не довольно поднять духъ, но надобно поддерживать его на одной и той же высотѣ, и для достиженія этой цѣли потребовалась масса труда, энергіи, терпѣнія и такта. Сотрудниковъ изъ Петербурга прибыло немного, и изъ нихъ двое молодыхъ людей, только-что окончившихъ образованіе, служили все время, пока В. А. былъ начальникомъ тобольской губерніи, и были усердными исполнителями его указаній.

Казанскій университетъ тоже выставилъ нѣсколько стипен-

діатовъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но, въ сущности, все
были болѣе птенцы, чѣмъ люди опыта, и которые только у
лись еще, какъ достигать цѣли подъ нравственнымъ руко
ствомъ новаго представителя власти.

Болѣе существенную помощь могли оказать, конечно,
кабристы, но не столько своею службою, на которой двое
трое состояли въ то время, бывъ уже стариками, скол
участіемъ своимъ въ построеніи общественнаго мнѣнія.

Ершовъ—авторъ Конька-Горбунка—служившій въ то вр
директоромъ тобольской гимназіи, въ письмахъ къ друзь
своимъ въ Петербургѣ писалъ между прочимъ [1]): „Я, помни
писалъ тебѣ, что дѣлъ у меня порядочная куча. Помощник
пока одинъ Богъ, да истинно достойный начальникъ нашъ тобо
скій губернаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Пов
мнѣ, что еслибъ Россія была такъ счастлива, что хотя бы
половинѣ своихъ губерній имѣла Арцимовичей, то Щедр
пришлось бы голодать, не имѣя поживы для своихъ „губе
скихъ очерковъ". Когда-нибудь на досугѣ я разскажу тебѣ
этой замѣчательной личности, а теперь—порекомендую тол
заглянуть въ наши „Тобольскія Вѣдомости".

Эти слова дѣлаются еще яснѣе, если прослѣдить шагъ
шагомъ трудовую жизнь Виктора Антоновича, останавлива
на томъ, какъ постепенно стали выростать люди, затертые
него въ ничтожество, и явились денежныя средства для вып
ненія задачи тамъ, гдѣ, казалось, все дышало мыслію тол
наживы для своекорыстныхъ цѣлей . . . .
. . . .

---

[1]) Петръ Павловичъ Ершовъ. Соч. Ярославцева.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ вопросу о соединеніи Оби и Печоры.

Считаемъ не лишнимъ изложить вкратцѣ изслѣдованія В. Н. Латкина. Въ своемъ дневникѣ 1843 и 1848 годовъ, изданномъ въ 1853 году, этотъ любитель и изслѣдователь печорскаго края говоритъ, что рѣка Печора вездѣ судоходна, русло она имѣетъ широкое и вообще довольно глубокое; берега то крутые, то низменные и покрытые лѣсомъ. Изслѣдователь пустился внизъ по теченію Печоры и, достигши деревни Кожвы, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки, хотѣлъ нанять проводниковъ для плаванія по Усѣ, впадающей въ Печору, но изъ кожевинцевъ никто не бывалъ въ верховьяхъ этой пустынной рѣки. Проводниковъ онъ также не нашелъ въ деревнѣ Усть-Усѣ, находящейся въ полуверстѣ отъ устья Усы, такъ какъ тамошніе рыболовы никогда не поднимались по этой рѣкѣ далѣе 100 верстъ, но онъ узналъ отъ нихъ, что Уса имѣетъ около 15 большихъ и малыхъ притоковъ. Прибывши въ Колкинскій погостъ, что на рѣкѣ Колвѣ, впадающей въ Усу съ правой стороны, Латкинъ взялъ съ собою молодого самоѣда, который въ дѣтствѣ кочевалъ въ верховьяхъ Ельца, около озеръ. Отъ Колвы Уса очень широка, едва ли не болѣе версты, но, приближаясь къ горѣ Адаку, которая находится на лѣвомъ ея берегу, становится не шире 300 саж., дно каменистое; впрочемъ, противъ горы мѣста очень глубоки. Адакъ, вѣроятно, отрасль Урала и Уса, легко течетъ черезъ него. Отсюда вдали, на южномъ горизонтѣ, видны выси Уральскаго хребта, изъ котораго текутъ въ Усу многія рѣчки. Отъ Лемвы, впадающей въ Усу съ южной стороны, эта рѣка съуживается наполовину, но ни островов, ни мелей нигдѣ нѣтъ, исключая устья Лемвы. Теченіе воды тихо, повсюду глубина большая. Поворачиваясь же къ сѣверо-западу, Уса начинаетъ походить на горный потокъ; берега и дно устланы камнемъ, нерѣдко лодка испытываетъ толчки, направленіе рѣки безпрестанно измѣняется, чаще и чаще видятся косы, которыя, вдаваясь въ рѣку, образуютъ небольшія, но глубокія гавани. Проплывъ около 500 верстъ по Усѣ, Латкинъ увидѣлъ на берегу Ижемскихъ рыбаковъ, которые прибыли туда за 900 верстъ отъ своего дома. Одинъ изъ нихъ, опытный старикъ, отправился съ Латкинымъ до Ельца. Изслѣдователь узналъ, что по Ельцу есть значительныя

быстрины, что вода въ этой рѣкѣ была очень велика, но сошла (это слышалъ Латкинъ 25 іюня). Дѣйствительно, Елецъ оказался быстрымъ, и мѣстами есть на немъ пороги. Русло рѣки почти прямое, и вода необыкновенно свѣтла. Около устья Ельца, на разстояніи 20 верстъ, плаватели перетянулись чрезъ 2 значительные порога и проходили по узкому, но глубокому каналу. Чтобы преодолѣть быстрину, они употребляли шесты и бечеву. Оказалось, что лодка шла среди горъ; представлявшіяся издали слитыми въ одинъ хребетъ, онѣ начинаютъ отдѣляться одна отъ другой. Рѣка становится ўже, пороги чаще, теченіе быстрѣе, но въ большую воду сплавъ долженъ быть удобенъ: нигдѣ нѣтъ крутыхъ поворотовъ; мѣстами рѣка очень широка, глубока и тиха, какъ озеро, и вездѣ хорошій бечевникъ, но такъ какъ дальше плыть было довольно трудно, и рѣка мѣстами усѣяна островками, то Латкинъ рѣшился идти пѣшкомъ по горамъ, чтобы отыскать истоки Ельца и Соби, впадающихъ въ сибирскую рѣку—благодѣтельницу Обь. 27 іюня, въ 7 ч. утра, съ 4-мя спутниками отправился онъ далѣе на сѣверъ, въ 11 часовъ былъ отдыхъ, а въ 4 часа пополудни изслѣдователь достигъ главнаго озера при истокѣ изъ него рѣчки Симарухи, впадающей въ Елецъ. Въ сторонѣ озера возвышается гора Падъ-Яга, и изъ нея-то вытекаетъ Собь. Здѣсь хребетъ Уральскій раздвинулся, какъ будто для того, чтобы дать мѣсто бассейну, отъ котораго текутъ воды въ Елецъ, и близъ котораго находится истокъ Соби. Отсюда Латкинъ не предпринималъ дальнѣйшаго плаванія и не изслѣдовалъ теченія Соби, но слышалъ, что отъ русла этой рѣки до большого озера, изъ котораго вытекаетъ рѣка Симаруха, впадающая въ Елецъ, разстояніе не больше версты, а на этомъ пространствѣ 2 порядочныхъ озера и только небольшая возвышенность отъ горизонта воды въ главномъ озерѣ (до 4-хъ саженъ). Латкину объ этомъ предметѣ разсказывали еще слѣдущее: не дальше 10 верстъ отъ первыхъ видѣнныхъ имъ озеръ Собь, соединяясь съ значительною рѣкою Пайныденою, впадающею съ сѣвера, становится судоходною и потомъ течетъ тихо и глубину имѣетъ большую. Ширина ея при впаденіи въ Обь, въ 25-ти верстахъ выше Обдорска, простирается до 200 саженъ. До соединенія съ Пайныденою Собь падаетъ довольно сильно, и мѣстами въ ней есть пороги, но обиліе ея водъ и текущихъ въ нее горныхъ потоковъ даетъ возможность устроить судоходное по ней сообщеніе. Русло рѣки сначала не очень широко, такъ что, сдѣлавъ нѣсколько шлюзовъ, можно превратить ее въ прекрасный каналъ.

Рѣчка Симаруха по крутизнѣ около 2 саж. изливается изъ большого озера и, на разстояніи 2-хъ верстъ, впадаетъ въ другое, довольно обширное озеро. Съ этого озера, по мнѣнію Латкина, и надобно начать каналъ для судоходнаго сообщенія подлѣ южной стороны главнаго озера, черезъ другія 4 озера, находящіяся на пути. Пространство отъ озера, гдѣ долженъ начаться каналъ, до русла Соби не больше 3-хъ верстъ, но прорыть его нужно только съ небольшимъ 2 версты. Горизонтъ воды во второмъ озерѣ ниже, чѣмъ въ главномъ, около 3-хъ саж., и противъ горизонта воды въ рѣкѣ Соби едва ли больше одной сажени. Всѣхъ озеръ на этомъ мѣстѣ до 25-ти, а по описанію инженеръ-полковника Попова—28. При нѣ-

которомъ устройствѣ, они могутъ служить значительными резервуарами воды. Резервуары могутъ также быть устроены по притокамъ Ельца и Симарухи. Шлюзы должны быть по Соби до Пайныдены, по Симарухѣ и частію по Ельцу, всего на протяженіи 35 верстъ, не болѣе. По рѣкѣ Ельцу, во многихъ мѣстахъ тихой, глубокой и имѣющей очень мало крутыхъ поворотовъ, плаваніе будетъ безопасно, особенно въ полую воду, хотя въ рѣкѣ и есть невысокіе камни. Нужно имѣть въ виду и то, что въ теченіе здѣшняго короткаго лѣта вода отъ дождей и тающаго въ горахъ снѣга прибываетъ нѣсколько разъ на аршинъ, на 2, а иногда на 3. Вообще кажется, что Елецъ для сплава гораздо удобнѣе Чусовой, которая въ малую воду чрезвычайно опасна, по множеству камней. а въ большую потому, что затопляетъ низменности и заноситъ на нихъ суда. Отъ озеръ къ Симарухѣ немного больше 10 верстъ, а отъ Ельца до Усы около 50 верстъ. Бечевникъ вездѣ очень хорошъ: нужно только въ немногихъ мѣстахъ сдѣлать ничтожное исправленіе.

Изъ всего этого Латкинъ заключаетъ, что устройство судоходнаго пути между Обью и Печорою, черезъ рѣки Собь, Симаруху, Елецъ и Усу совершенно возможно и едва ли будетъ стоить дорого. Возвышенность, съ которой стекаютъ эти рѣчки, незначительна, особенно если взять въ сравненіе судоходную Тихвинскую систему, по которой спускъ отъ озера Эглине до Ладоги, на разстояніи 200 верстъ, около 850 футовъ, равно Маріинскую систему, по которой спускъ озера Матки до Вытегры, на разстояніи около 70 верстъ, больше 200 футовъ и, наконецъ, сплавъ Боровицкими и Волховскими порогами Вышневолоцкой системы, по которой отъ озера Мстина до Потерпѣльской пристани, на разстояніи 100 верстъ, спускъ до 350 фут. Здѣсь же нѣтъ и половины тѣхъ препятствій, какія должно было преодолѣть при устроеніи помянутыхъ путей сообщенія. Но пусть найдутся и препятствія, зато и выгоды будутъ чрезвычайныя: грузы, въ одну навигацію отъ вершинъ Оби, Иртыша и Тобола, прорѣзывающихъ плодоноснѣйшія мѣста Западной Сибири, могутъ ходить къ устью Печоры и отправляться въ море, потому что доставленіе будетъ *по теченію* рѣкъ и только по Соби, на разстояніи около 100 верстъ, будетъ противъ теченія, и обошлось бы это не дороже четвертой части провоза къ Петербургу чрезъ Чусовую. Тогда произведенія Сибири, теперь запертыя для Европы, сдѣлаются ей легко доступны, возможность сбыта возбудитъ промышленную дѣятельность, выгоды разовьютъ соревнованіе между промышленниками, и цѣнность земель и лѣсовъ, теперь почти не существующая, возвысится: избытокъ въ трудѣ привлечетъ въ этотъ богатый край переселенцевъ, и страна, омываемая водами Оби, Иртыша и ихъ притоковъ, оживетъ, обогащаемая коммерческою дѣятельностью.

Далѣе Латкинъ въ своемъ дневникѣ говоритъ о необходимости открыть на устьяхъ Печоры портъ, такъ какъ съ половины іюня до 1 октября здѣсь нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій отъ льдовъ, а ходъ отсюда въ западные порты нисколько не отдаленнѣе Архангельскаго и еще болѣе удобнѣе потому, что можно идти однимъ вѣтромъ до Нордъ-Капа, для хода же изъ Архангельска Бѣлымъ моремъ и Сѣвернымъ океаномъ нужно два вѣтра, что нерѣдко за-

медляетъ плаванiе кораблей. Поѣдутъ ли сюда иностранцы? Въ этомъ, кажется, сомнѣваться нельзя, но мореходовъ и у насъ много въ архангельскомъ поморьѣ. Они, въ случаѣ устройства судоходнаго или дорожно-желѣзнаго сообщенiя съ Сибирью, охотно стали бы перевозить грузы съ устья Печоры въ Екатерининскую гавань, которая находится близъ Колы, въ Архангельской губернiи, и представляетъ много удобствъ. Она закрыта со всѣхъ сторонъ высокими горами, имѣетъ достаточную глубину, хотя бы для линейныхъ кораблей, удобные берега для выгрузки и нагрузки товаровъ и, что̀ всего важнѣе, открыта, по крайней мѣрѣ, въ продолженiе 7-ми или 8-ми мѣсяцевъ, а иногда и больше. Устроить здѣсь складочное мѣсто чрезвычайно удобно: только съ устья Печоры надобно спѣшить доставить грузы въ Екатерининскую гавань, а оттуда куда угодно можно отпускать ихъ. Въ эту гавань охотно будутъ приходить иностранцы, потому что она находится на пути къ Архангельску, а заходить въ Бѣлое море, особенно осенью, далеко и опасно. Поэтому, избѣгая излишняго плаванiя, корабли уступятъ треть фрахта, теперь существующаго изъ Архангельска, тѣмъ болѣе, что и въ нагрузкѣ, въ расходахъ, во времени и въ страхованiи товаровъ тамъ будетъ значительная экономiя.

Отдѣлъ второй.

КАЛУГА.

(1858—1863 гг.).

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ

въ Калугѣ въ 1861—1863 годахъ.

(Воспоминанія).

Лестна и заманчива предложенная мнѣ задача содѣйствовать упроченію памяти такого человѣка, какимъ былъ покойный В. А. Арцимовичъ. Къ сожалѣнію, счастье работать подъ его руководствомъ было для меня такъ мимолетно, а та эпоха (1861—63) настолько отдалена, что я не могу дать ни фактовъ, ни деталей и долженъ ограничиться лишь общимъ впечатлѣніемъ, общей характеристикой и оцѣнкой дѣятельности, сохранившимися не только въ моей памяти, но и въ сердцѣ. Уже давно собираюсь я обработать въ юридической оцѣнкѣ хранящіяся у меня рѣшенія калужскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, но мѣшаютъ срочныя литературныя работы... Изъ доблестной рати Виктора Антоновича („шайки разбойниковъ", какъ звали насъ гг. калужскіе дворяне) большинство уже сошло въ могилу, а о другихъ я давно уже ничего не знаю; но дѣятельность Виктора Антоновича обнимала собою столько служебныхъ и общественныхъ сферъ, раскинулась по такой широкой территоріи, что въ интересахъ полноты его біографіи слѣдовало бы просить всѣхъ, его знавшихъ, сообщить свои свѣдѣнія...

Одно лѣто провелъ я на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Лѣто выдалось пасмурное, съ туманами, холодами, ненастьемъ и рѣдкими просвѣтами вёдра по вечерамъ при закатѣ солнца, когда можно было въ тепломъ пальто и съ пледомъ на ногахъ сидѣть на террасѣ и любоваться восхитительной панорамой горнаго пейзажа, широко раскинувшагося у подножія горы, на склонѣ которой пріютилась моя дача. Первый планъ занимала станица, расположенная въ равнинѣ, окаймленной горами и лѣсомъ и уже погруженной въ сумракъ быстро наступавшей

южной ночи; среди этого сумрака то здѣсь, то тамъ мелькали огоньки въ окнахъ незатѣйливыхъ дачъ или приземистыхъ мазанокъ; за станицей чернѣла полоса лѣса, за нимъ подымались болѣе свѣтлые горные склоны, а тамъ, на самомъ горизонтѣ, далеко, далеко, въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца горѣла яркая золотистая полоска какого-то несжатаго еще поля...

Теперь, когда и для моей личной жизни наступилъ свой вечеръ, оглядываясь на пройденный путь, я вижу въ отдаленномъ началѣ его такую же ярко свѣтящуюся изъ-за сумрака ближайшихъ перспективъ полосу. Полоса эта — тѣ два поставленные въ заглавіи года, которые я провелъ въ калужской губ. при В. А. Арцимовичѣ, на службѣ мировымъ посредникомъ сначала въ калужскомъ, а затѣмъ боровскомъ уѣздахъ. Столь же отдаленная отъ моего умственнаго ока, эта свѣтящаяся яркимъ свѣтомъ жизненная полоса уже недоступна памяти во всѣхъ своихъ деталяхъ; я не могу уже дать подробное топографическое ея описаніе, но до сихъ поръ вижу исходящій отъ нея свѣтъ, знаю источникъ этого свѣта и наслаждаюсь всею прелестью контраста его съ окружающимъ сравнительнымъ сумракомъ близлежащихъ перспективъ.

Въ этомъ—программа и рамки нижеизлагаемыхъ воспоминаній, на этотъ разъ исключительно посвященныхъ памяти незабвеннаго руководителя первыхъ шаговъ моихъ на поприщѣ общественнаго служенія.

Начавшись съ двухъ отдаленныхъ окраинъ, чтобы завершиться въ центрѣ, дѣятельность Виктора Антоновича обнимала собою такое разнообразіе государственныхъ и общественныхъ сферъ, длилась такъ долго, непосредственно касаясь двухъ величайшихъ моментовъ нашего культурнаго развитія, — отмѣны рабства и водворенія правосудія, — что представляетъ собою массу интереснѣйшаго историческаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовываетъ передъ нами личность дѣятеля въ столь величавыхъ очертаніяхъ, что эта личность является исключительною, богатырскою, поражающею современниковъ богатствомъ своего внутренняго содержанія и высотою своего нравственнаго развитія. Сочетаніе *индивидуальной* духовной мощи съ *ея внѣшнимъ* проявленіемъ во времени и пространствѣ еще болѣе усиливаетъ это впечатлѣніе. Вниманіе наблюдателя невольно разбрасывается въ этомъ обширномъ пространствѣ, въ этомъ долгомъ времени, въ блескѣ и глубинѣ этого духовнаго содержанія, горѣвшаго прометеевымъ огнемъ вплоть до послѣдняго вздоха его маститаго носителя. Наблюдатель невольно ищетъ кульми-

націоннаго пункта, чтобы на немъ сосредоточиться, чтобы имъ сразу охарактеризовать роль и значеніе дѣятеля въ ихъ общихъ основныхъ чертахъ, и находить все это въ ту сравнительно короткую эпоху 1861—63 гг., въ которую В. А., въ качествѣ калужскаго губернатора, стоялъ во главѣ великаго дѣла освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и въ которую рѣдкая совокупность положительныхъ и отрицательныхъ обстоятельствъ внѣшней обстановки образуетъ чрезвычайно отчетливый фонъ для всесторонняго освѣщенія его личности.

Въ эти немногіе годы было имъ сдѣлано много, такъ много, что затраченныхъ тогда труда, энергіи, дарованій, одушевленія и достигнутыхъ тѣмъ результатовъ хватило бы на цѣлыя десятилѣтія, на нѣсколько выдающихся біографій; въ эти немногіе годы нравственный обликъ В. А. развернулся во всю свою ширь на благодатной почвѣ того всеобщаго обновленія, того духовнаго подъема, какими отмѣчены были первые годы объявленной воли, и закалился въ тяжкой, суровой борьбѣ за правду, законъ и права освобожденнаго народа.

Введеніе новаго закона въ жизнь, воплощеніе его идеала— дѣло вообще трудное, требующее не только знанія и опыта, но и искусства, творческой способности, чтобы идеаломъ этимъ одухотворить жизнь и ею, въ свою очередь, оживить духъ вводимаго закона. Явное тому доказательство мы видимъ въ тѣхъ, иногда рѣзкихъ и глубокихъ несоотвѣтствіяхъ, какія ложатся зачастую между писаннымъ закономъ и тщетно нормируемымъ имъ бытомъ. Трудность эта растетъ пропорціонально тому отношенію, въ какомъ стоитъ вводимый законъ къ существующему порядку, и достигаетъ высшаго напряженія тамъ, гдѣ это отношеніе оказывается враждебнымъ, гдѣ закону предстоитъ пересоздать жизнь и гдѣ прежній строй, по тѣмъ или другимъ причинамъ, упорно отстаивается консервативными элементами реформируемой среды. Такая задача выпадала на долю всѣмъ исполнителямъ Положенія 19-го февраля 1861 г., призваннымъ водворить законъ и права тамъ, гдѣ вчера еще вмѣсто нихъ жизнь управлялась произволомъ одной стороны, основаннымъ на рабствѣ другой.

Въ калужской губ. задача эта осложнялась необыкновеннымъ антагонизмомъ сословія, рьяно стоявшаго за сохраненіе прежняго порядка и въ исполненіи закона видѣвшаго посягательство на свои права и привилегіи. Между тѣмъ во главѣ исполнителей этого закона стоялъ человѣкъ, неспособный ни на какіе компромиссы, поблажки и уступки, и не встрѣчавшій

вслѣдствіе этого того содѣйствія, какое облегчало дѣло введе
закона въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ губернаторъ оказыва
покладливѣе, а дворянство либеральнѣе. Въ калужской губер
губернаторъ и дворянство съ губернскимъ предводителемъ
главѣ представляли два діаметральныхъ противоположенія,
непримиримыя начала—новое и старое. Насколько первый б
преданъ дѣлу реформы, настолько второе — охранѣ прежн
строя. Понятно, до какой интенсивности должна была доход
борьба при подобныхъ условіяхъ; велась она не на животъ
на смерть; приходилось отвоевывать каждую пядь отводимой
надѣлъ земли, отстаивать всякій рубль сбавляемаго за нее
рока; приходилось повторять почти то, что дѣлали наши вой
на Кавказѣ, вырубая просѣки въ дремучихъ лѣсахъ подъ пе
крестнымъ огнемъ чеченцевъ, прятавшихся за каждымъ де
вомъ, подъ всякимъ кустомъ. Этихъ „чеченцевъ", кромѣ
лужскихъ дебрей, было не мало и въ Петербургѣ, куда т
дѣло каталъ губернскій предводитель съ своими жалобами,
то и дѣло мѣнялся вѣтеръ, а подъ конецъ открыто подулъ
противоположной стороны. Разсчитывать на заручку вве
было такимъ образомъ невозможно; да и не таковъ былъ В.
Арцимовичъ, чтобы опираться на нее; смѣняющіяся „вѣян
онъ не могъ принимать не только къ „руководству", но и
„свѣдѣнію",—онъ зналъ только законъ и дѣло, въ которое в
жилъ всю душу свою, зналъ только одну зависимость—отъ св
собственной совѣсти.

Въ такомъ положеніи, не имѣющемъ, по народной п
воркѣ, „ни дна, ни покрышки", обыкновенный человѣкъ,
лучшемъ случаѣ, потерялъ бы голову; у Виктора Антонов
она только побѣлѣла, и лишь эта довременная бѣлизна говор
о внутренней работѣ мозга и нервовъ и какъ бы символи
ровала чистоту и возвышенность помысловъ. А работа была
истинѣ изумительная, титаническая, тѣмъ болѣе, что велась
какъ говорится, на „чистоту", безъ всякой примѣси какой-л
дипломатіи, къ чему Викторъ Антоновичъ ужъ вовсе не б
способенъ. Чтобы оцѣнить эту работу по достоинству, н
вспомнить, что Положеніе 19-го февраля, вводимое въ дѣйс
въ данную эпоху, еще не имѣло никакихъ циркулярныхъ ра
ясненій или руководящихъ указаній; тамъ, гдѣ теперь *тр*
компилятора, тогда было ничѣмъ не восполняемое *творчест*
Приходилось прокладывать дорогу и дѣлать это дѣло, какъ
сейчасъ видѣли, подъ выстрѣлами непріятеля. Инструкціи, к
ментаріи, оффиціальные и частные сборники—продуктъ поздн

шихъ временъ, иногда полезный, иногда вредный, парализующій самодѣятельность юридическаго мышленія, способствующій умственной лѣни и косности практика, но во всякомъ случаѣ значительно облегчающій дѣло примѣнителя и истолкователя закона и превосходно защищающій его отъ нареканій ссылкой на чужую волю. Вмѣсто цѣлой библіотеки теперешнихъ „Законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, тогда имѣлся лишь небольшой, отпечатанный крупнымъ шрифтомъ, томикъ „Положенія 19-го февраля“, заключавшій въ себѣ общія принципіальныя указанія, или, вѣрнѣе— основы, на которыхъ предстояло установить новыя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Развитіе этихъ основъ въ частныхъ, практическихъ примѣненіяхъ новаго закона, рѣшеніе массы вопросовъ, недоразумѣній и затрудненій, возникавшихъ буквально на всякомъ шагу, выборъ кандидатовъ на должности мировыхъ посредниковъ, организація волостного и сельскаго управленія—все это предоставлялось заботѣ и усмотрѣнію лица, стоявшаго во главѣ мѣстной администраціи.

Но этого мало: надо еще вспомнить и то, чѣмъ была наша государственная служба до 19-го февраля 1861 года и чѣмъ стала она послѣ этого „перелома“, внезапно охватившаго всѣ ея сферы, создавшаго мировыхъ посредниковъ, земскихъ дѣятелей, судей по убѣжденію совѣсти. Пассивное, почти механическое исполненіе предначертаній свыше, мирное слѣдованіе по наторенным путямъ, карьера, оклады, протекція—вотъ существо, предѣлы и всѣ факторы того до-реформеннаго дѣла, которое даже и не называлось „дѣломъ“, а „*прохожденіемъ службы*“; слѣды ея разносились по подлежащимъ графамъ формулярнаго списка и дальше не шли. И вотъ вдругъ, безъ всякихъ руководительныхъ антецедентовъ, въ эту застоявшуюся, омертвѣлую среду врывается дуновеніе новой, невѣдомой ранѣе жизни, на мѣсто прежнихъ приспособленій и подражаній становятся воля и творчество, исчезаютъ выручающіе секретари и благодѣтельные „правители дѣлъ“, чиновникъ преображается въ миссіонера, и *идея*, зажигая сердца, руководитъ дѣломъ! Понятно, какія личныя свойства требовались для того, чтобы сразу оріентироваться въ новомъ положеніи, чтобы сразу достойно отвѣтить внезапно открывшимся требованіямъ, чтобы вознестись на уровень предлежащей задачи, минуя ступени лѣстницы, которой тогда и не существовало. Вѣдь это все равно, что выпустить на волю человѣка, отвыкшаго въ темномъ и тѣсномъ заточеніи отъ свѣта и движенія. И вотъ, когда другіе,

щуря глаза и немощно-протянутыми руками ища привычную опору, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, то брели, сами не зная куда, то пятились въ страхѣ назадъ, Арцимовичъ пошелъ прямо и смѣло впередъ къ этому свѣту и простору, широко распахнувъ двери передъ грядущею въ нихъ свободою, и поставилъ у входа надежную стражу, охранявшую торжествующій путь ея. Онъ явился какъ бы нарочно созданнымъ для такого дѣла, а самое дѣло—нашедшимъ въ немъ своего достойнѣйшаго исполнителя.

Какъ мы уже видѣли, исполненіе этого дѣла было обставлено въ данномъ случаѣ исключительными условіями, превращая его въ борьбу, безсмѣнно-державшую исполнителя какъ бы въ осадномъ положеніи. Нервы, казалось бы, должны были мѣшать работѣ ума, парализовать волю, раздражать дѣятеля. И дѣйствительно, обыкновенный человѣкъ въ такомъ положеніи неминуемо бы ожесточился; буря личныхъ, свирѣпствующихъ вокругъ него импульсовъ и вожделѣній увлекла бы и заразила его, подняла бы и въ немъ такіе же импульсы и вожделѣнія и тѣмъ сдѣлала бы его уязвимымъ для наносимыхъ и справа и слѣва ударовъ.

Ничего подобнаго нельзя было замѣтить въ Викторѣ Антоновичѣ. Въ жестокой борьбѣ, вспыхнувшей съ первыхъ же дней введенія новаго закона между его исполнителями и мѣстнымъ дворянствомъ, въ бурномъ вихрѣ жалобъ, доносовъ, происковъ и инсинуацій, въ моменты, когда эта борьба достигла апогея своего напряженія,—Викторъ Антоновичъ сохранялъ невозмутимое, чисто олимпійское спокойствіе; ничто—ни козни, ни клевета, ни вызывающій задоръ противника—не возмущало этого величаваго покоя: ясенъ и глубокъ попрежнему оставался взоръ, улыбка не покидала устъ, и ни морщинки на высокомъ открытомъ челѣ. А кругомъ гремѣли проклятія, пѣнились рты и скрежетали зубы, составлялись заговоры и измышлялись ехиднѣйшіе подвохи... Это спокойствіе, это самообладаніе не имѣли, разумѣется, ничего общаго съ такъ называемою служебною выдержкою и бюрократическимъ холодомъ высокопоставленнаго сановника, съ тѣмъ „безпристрастіемъ", которому цѣна грошъ, которое наружный холодъ заимствуетъ у внутренней пустоты и питается равнодушіемъ. Тутъ дѣло обстояло совсѣмъ наоборотъ. Викторъ Антоновичъ до того былъ проникнутъ идеей, которая его руками претворялась въ жизнь, до того былъ поглощенъ этимъ священнымъ для него процессомъ, что въ горячемъ самозабвеніи не ощущалъ „суеты міра сего",—то было всепрощеніе, которое дается всепониманіемъ и составляетъ удѣлъ лишь избранныхъ

душъ. Вотъ живоносный источникъ этого величаваго спокойствія, передъ которымъ преклонялись иногда и враги его.

Враговъ, впрочемъ, въ тѣсномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова, у Виктора Антоновича не было, и быть не могло: къ нему *лично* нельзя было, нельзя ни для кого, питать что-либо подобное враждѣ. Въ немъ ненавидѣли *дѣло*, которому онъ служилъ „вѣрой и правдой“, въ немъ проклинали идею, дѣло это въ его рукахъ духотворившую. Такихъ враговъ было видимо-невидимо,—они сидѣли въ каждой помѣщичьей усадьбѣ и предводительствовались лицомъ, вполнѣ отвѣчающимъ ихъ цѣлямъ и завѣтамъ. Въ бумагахъ покойнаго отца я нашелъ два замѣчательные въ этомъ отношеніи документа: застольную рѣчь губернскаго предводителя на обѣдѣ, данномъ ему дворянами 8 іюля 1859 г. по случаю закрытія мѣстнаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, и письмо моего двоюроднаго брата В. П. Дорогобужинова изъ Петербурга отъ 4 февраля 1863 г.

Первый манускриптъ по стилю и паѳосу такъ курьезенъ, что можно было бы заподозрить его подлинность, еслибъ таковая не была удостовѣрена собственноручною подписью оратора. Вотъ дословно текстъ этой рѣчи: „Душевно уважаемые сотоварищи! Комитетъ нашъ закрытъ два дня; а я достигаю 61 года! Въ продолженіе этой долговременной жизни никогда душевныя чувства мои не встрѣчали подобнаго восторга! Эти два дня оставятъ на остальную жизнь мою сладчайшее и радостное воспоминаніе. Могъ ли я ожидать, за столь слабыя и много несовершенныя мои заслуги, получить столь блестящую и задушевную оцѣнку! Вашъ драгоцѣнный для меня даръ (былъ поднесенъ кубокъ съ соотвѣтствующею надписью) не можетъ идти въ сравненіе съ какими бы то ни было земными почестями. Всѣ титулы, всѣ награды и отличія служебныя умираютъ вмѣстѣ съ пышнымъ ихъ обладателемъ; ваша же награда не допускаетъ меня умереть. Да, господа! я и въ гробѣ на вѣки вѣковъ устами юнаго своего поколѣнія буду цѣловать милыя и безцѣнныя для меня имена ваши.... Здоровье друзей-сотоварищей моихъ!“

Во второмъ манускриптѣ—письмѣ В. П. Дорогобужинова къ моему отцу—восторгъ дворянъ, вторично избравшихъ того же губернскаго предводителя, изображенъ въ слѣдующей картинѣ: „Что ты мнѣ ничего не пишешь про то, какъ, выбравъ предводителя, дворяне понесли его на плечахъ, какъ древле кесаря Максимина легіоны его, а кто-то изъ нихъ пошелъ передъ процессіею въ присядку, какъ Давидъ передъ ковчегомъ! Экъ его

разобрало... Это мнѣ здѣсь разсказывали. А вотъ Арцимовича-то оцѣнить не съумѣли, посредниковъ, какъ Петруша,—да вѣрно и не одного Петрушу,—ругаютъ. Нѣтъ, плохи ваши калужане видно!"

И враги добились своего: В. А. Арцимовичу не пришлось закончить начатаго имъ дѣла. Тѣмъ не менѣе губернія ни разу не слыхала барабаннаго боя воинской команды, не слыхала ни одного выстрѣла, не видала ни одного штыка. Тѣмъ не менѣе голодъ, столько разъ посѣщавшій въ теченіе протекшихъ съ той поры трехъ десятилѣтій многія и многія губерніи, не сопровождался въ калужской тѣми ужасами и муками, которые вызывались въ остальныхъ мѣстностяхъ не столько неурожаемъ, сколько малоземельемъ и обременительными платежами. Тѣмъ не менѣе теперь, когда громадныя и безнадежныя недоимки тяготѣютъ чуть не на всемъ крестьянствѣ, калужская губернія является въ исключительномъ положеніи безнедоимочной губерніи. Тѣмъ не менѣе переселенческое движеніе, огуломъ охватившее страну, почти миновало эту губернію. И если многаго, конечно, въ этомъ отношеніи остается еще желать для калужскаго населенія, то благодаря лишь общимъ экономическимъ причинамъ и тѣмъ урѣзкамъ въ отведенныхъ надѣлахъ, тѣмъ повышеніямъ въ назначенныхъ по уставнымъ грамотамъ повинностяхъ, которыми реакція при преемникахъ Виктора Антоновича стремилась наверстать былыя потери.

И несмотря на то, зодчій, которому такъ мѣшали въ его задачѣ, у котораго рвали изъ рукъ строительный матеріалъ, если и не успѣлъ возвести своего зданія до кровли, то заложилъ его фундаментъ,—фундаментъ, уцѣлѣвшій до сихъ поръ и представляющій нашимъ современникамъ чудо строительнаго искусства.

Если теперь изъ области экономической мы перейдемъ въ область служебной этики, то встрѣтимъ и здѣсь такіе же итоги, еще болѣе рѣдкіе, еще болѣе благодатные: здѣсь въ распоряженіи „оппозиціи" уже не имѣлось никакихъ средствъ, которыми можно было бы парализировать эти итоги.

В. А. Арцимовичъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыя вносятъ въ среду, гдѣ дѣйствуютъ, очищающій, облагораживающій элементъ; имъ, этимъ свѣточамъ добра и справедливости, не нужно тѣхъ обычныхъ пріемовъ, какими заурядный руководитель старается импонировать своей подвластной іерархіи; имъ достаточно нѣсколькихъ словъ, одного взгляда, жеста, чтобы морально подѣйствовать на собесѣдника; передъ

ними все грязное, низкое, пошлое бѣжитъ прочь и прячется; какъ тѣнь исчезающей ночи передъ разсвѣтомъ яснаго дня, они влекутъ къ себѣ всякій умъ и покоряютъ всякое сердце. Личныхъ враговъ, какъ мы уже это сказали, подобные люди не имѣютъ, ихъ враги—враги того дѣла, которому они служатъ, и лишь измѣна ему миритъ этихъ враговъ съ ними. Чѣмъ выше это дѣло надъ средой дѣйствія, чѣмъ ревностнѣе служеніе ему, тѣмъ яростнѣе вражда къ олицетворяющему это дѣло, къ представителю живой души его, но тѣмъ быстрѣе порицаніе переходитъ въ клевету и тѣмъ безвреднѣе усилія противниковъ. Прежде всего этой враждебной работѣ мѣшало то, что Викторъ Антоновичъ былъ совершенно свободенъ отъ тѣхъ слабостей и недостатковъ, которыми такъ часто страдаетъ служебный дѣятель, быстро вознесенный судьбою на тотъ или другой вліятельный служебный постъ. Каждый обращающійся къ нему совершенно забывалъ, что передъ нимъ губернаторъ, генералъ и звѣздоносецъ. Ни тѣни чиновнаго чванства, задора, ни жеста, ни голоса, въ которыхъ чувствовалась бы или звучала какая-нибудь начальственная нотка, и несмотря на то, мнѣ кажется, что у послѣдняго мерзавца не хватило бы духа непочтительно забыться передъ такимъ начальникомъ, обмануть, „подвести“, или постараться плѣнить его своей раболѣпной покорностью. Не сказывался въ немъ, наоборотъ, не сказывался ни единой черточкой и иной, тогда весьма распространенный, типъ сановника-либерала, щеголяющаго своей гуманностью ради карьеры или панибратствомъ съ подчиненною молодежью ради популярности. Нѣтъ, это была какая-то величавая простота, искренняя и естественная,—душа, всецѣло поглощенная идеей, не вносившая въ свое дѣло ничего личнаго, ничего напускного, мягкая, спокойная и привѣтливая, но въ то же самое время сильная волей, властная и стойкая въ охранѣ права и закона. Всѣми, друзьями и недругами, какъ то инстинктивно чувствовалась въ этомъ молодомъ человѣкѣ съ сѣдыми волосами та мощь, та миссія „не отъ міра сего“, которая пребудетъ непоколебимою и вѣрною въ какія угодно эпохи, при какихъ угодно вѣяніяхъ, въ какихъ бы то ни было условіяхъ.

Нравственное вліяніе Виктора Антоновича на насъ, мировыхъ посредниковъ, было громадно, а авторитетъ его—всесиленъ. Въ немъ воплощался передъ нами рыцарь „безъ страха и упрека“, ополчившійся противъ беззаконія, лжи и насилія за правду и права народа, хотя и дарованныя, но предательски и упрямо оспариваемыя, ревностный апостолъ идеи, свободно, сознательно,

честно и беззавѣтно ей преданный, строгій и неуклонный исполнитель закона, великій мастеръ въ истолкованіи сокрытаго для близорукихъ рутинеровъ духа его. Дворяне звали его „атаманомъ“, а насъ—„шайкою разбойниковъ“. Если отнять у этого взаимоотношенія хищническій характеръ нарушителей общественнаго порядка, сравненіе окажется, пожалуй, совершенно вѣрнымъ: руководительство вождя и преданность подчиненныхъ представляли здѣсь одно недѣлимое цѣлое; между губернаторомъ и мировыми посредниками существовала изумительная солидарность,—они были душевно преданы другъ другу столько же, сколько и дѣлу, которое вели общими силами. Заурядныя, оффиціально-узаконенныя отношенія между губернаторомъ и чиновниками совершенно исчезали; не чувствовалась, не замѣчалась „служба“ съ ея обычными „обязанностями“, субординаціей, интересами и цѣлями,—служба мало отвѣчающая дѣлу, служба въ общепринятомъ, будничномъ, такъ сказать, значеніи слова. Она казалась намъ гдѣ-то далеко, внизу, а то гражданское одушевленіе, тотъ святой восторгъ, которые въ рѣдкія, исключительныя эпохи красятъ и вѣнчаютъ дѣло человѣка, были тутъ, у насъ, съ нами, близко, всегда!

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что этотъ духовный подъемъ вызывался не личностью, стоявшею во главѣ дѣла, а самимъ дѣломъ, его высокою историческою задачею. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, каждая губернія, гдѣ вводилось Положеніе 19-го февраля, не имѣла своего Арцимовича? Отчего съ отъѣздомъ Виктора Антоновича изъ Калуги все это приподнятое настроеніе какъ-то вдругъ, сразу опустилось, тогда какъ дѣло, которымъ онъ руководилъ, далеко не было закончено и находилось въ самомъ разгарѣ, продолжалось, и долго продолжалось, при его преемникахъ? Отчего съ отъѣздомъ его мы тотчасъ же утратили прежнюю вѣру въ то, что исполняемый нами законъ не будетъ искаженъ въ угоду помѣщику губернскимъ присутствіемъ, куда поступитъ уставная грамота или жалоба землевладѣльца? Отчего при немъ мы работали спокойно и увѣренно, не имѣя понятія о начавшейся въ верхахъ реакціи, и внезапно восчувствовали всю силу ея только разставшись съ нимъ? Отчего, наконецъ, потомъ, когда и эта реакція въ свою очередь миновала, когда объявились „завершители крестьянскаго дѣла“, и „благо сельскаго обывателя“ снова стало девизомъ закона,—отчего тогда не оказалось уже ни этого духовнаго подъема, ни этого гражданскаго одушевленія?..

Мнѣ скажутъ, затѣмъ, что калужскому губернатору много

помогъ въ дѣлѣ освобожденія первоначальный, счастливо подобранный составъ мировыхъ посредниковъ, членовъ мировыхъ съѣздовъ и губернскаго присутствія. Дѣйствительно, Свистуновъ, князь Оболенскій, Щепкинъ, Грешищевъ, Гавриловъ, Рихтеръ, Бибиковъ, Рахмановъ, Пустороелевъ, Муромцевъ, Сельванъ, Пещуровъ, Долгово-Сабуровъ, Рагозинъ и другіе—все это имена, которыя до сихъ поръ съ глубокимъ уваженіемъ и сердечной отрадой хранитъ моя память, озаряя ими далекое прошлое; но *кто* же нашелъ и призвалъ ихъ въ такомъ обиліи и единствѣ, не знавшихъ исключенія? И это не оттого только, что Викторъ Антоновичъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ распознавать и выбирать людей, но и оттого, главнымъ образомъ, что всякій, кто приближался къ нему, становился лучше, чище, выше самого себя, являясь какъ бы отблескомъ его свѣтлой личности и сохраняя при этомъ всю свою самостоятельность. Кромѣ того, слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что дѣло комплектованія новаго института мировыхъ посредниковъ для губернатора, серьезно и честно къ этой задачѣ относившагося, представлялось чрезвычайно труднымъ и рискованнымъ. Окладъ въ 1.500 р. въ тѣ времена являлся крайне заманчивымъ, соискателей отъ этого была масса, а университетскіе выпуски очень скудны, дворянская партія, какъ и въ Петербургѣ, такъ и на мѣстѣ, стремилась проводить своихъ кандидатовъ; протекція и связи работали, по обыкновенію, усердно. Викторъ Антоновичъ преодолѣлъ всѣ эти трудности, обошелъ всѣ эти преграды и образовалъ составъ, подобнаго которому не имѣла ни одна губернія,—здѣсь я повторяю лишь всѣмъ извѣстный и общепризнанный теперь фактъ.

Избравъ такихъ людей и поставивъ ихъ, по его собственному выраженію, у „тяжкаго, но славнаго дѣла“, Викторъ Антоновичъ уже стоялъ за нихъ горой, принимая на свою голову всѣ удары, которые посыпались на нихъ отовсюду, какъ только приступили они къ этому дѣлу. Выше я упомянулъ, что, работая, мы не имѣли понятія о реакціи, начавшейся вверху, и, благодаря этому, съ вѣрою въ успѣхъ вели дѣло по избранному имъ направленію вплоть до тѣхъ поръ, пока вслѣдъ за нимъ сами не были устранены путемъ „сокращенія“ мировыхъ участковъ. Понятно, какая жертва, какой подвигъ совершонъ имъ въ данномъ случаѣ. Это былъ подвигъ Винкельрида въ битвѣ при Семпахѣ за освобожденіе Швейцаріи, когда этотъ народный герой, охвативъ копья напиравшихъ со всѣхъ сторонъ ландскнехтовъ, направилъ ихъ въ свою собственную грудь и тѣмъ далъ своему войску возможность пробиться сквозь не-

разобрало... Это мнѣ здѣсь разсказывали. А вотъ Арцимовича-то оцѣнить не съумѣли, посредниковъ, какъ Петруша,—да вѣрно и не одного Петрушу,—ругаютъ. Нѣтъ, плохи ваши калужане видно!"

И враги добились своего: В. А. Арцимовичу не пришлось закончить начатаго имъ дѣла. Тѣмъ не менѣе губернія ни разу не слыхала барабаннаго боя воинской команды, не слыхала ни одного выстрѣла, не видала ни одного штыка. Тѣмъ не менѣе голодъ, столько разъ посѣщавшій въ теченіе протекшихъ съ той поры трехъ десятилѣтій многія и многія губерніи, не сопровождался въ калужской тѣми ужасами и муками, которые вызывались въ остальныхъ мѣстностяхъ не столько неурожаемъ, сколько малоземельемъ и обременительными платежами. Тѣмъ не менѣе теперь, когда громадныя и безнадежныя недоимки тяготѣютъ чуть не на всемъ крестьянствѣ, калужская губернія является въ исключительномъ положеніи безнедоимочной губерніи. Тѣмъ не менѣе переселенческое движеніе, огуломъ охватившее страну, почти миновало эту губернію. И если многаго, конечно, въ этомъ отношеніи остается еще желать для калужскаго населенія, то благодаря лишь общимъ экономическимъ причинамъ и тѣмъ урѣзкамъ въ отведенныхъ надѣлахъ, тѣмъ повышеніямъ въ назначенныхъ по уставнымъ грамотамъ повинностяхъ, которыми реакція при преемникахъ Виктора Антоновича стремилась наверстать былыя потери.

И несмотря на то, зодчій, которому такъ мѣшали въ его задачѣ, у котораго рвали изъ рукъ строительный матеріалъ, если и не успѣлъ возвести своего зданія до кровли, то заложилъ его фундаментъ,—фундаментъ, уцѣлѣвшій до сихъ поръ и представляющій нашимъ современникамъ чудо строительнаго искусства.

Если теперь изъ области экономической мы перейдемъ въ область служебной этики, то встрѣтимъ и здѣсь такіе же итоги, еще болѣе рѣдкіе, еще болѣе благодатные: здѣсь въ распоряженіи „оппозиціи" уже не имѣлось никакихъ средствъ, которыми можно было бы парализировать эти итоги.

В. А. Арцимовичъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыя вносятъ въ среду, гдѣ дѣйствуютъ, очищающій, облагораживающій элементъ; имъ, этимъ свѣточамъ добра и справедливости, не нужно тѣхъ обычныхъ пріемовъ, какими заурядный руководитель старается импонировать своей подвластной іерархіи; имъ достаточно нѣсколькихъ словъ, одного взгляда, жеста, чтобы морально подѣйствовать на собесѣдника; передъ

ственной службы, какъ содержательна и интересна сдѣлалась „неоффиціальная часть“ „Губернскихъ Вѣдомостей“, какія жизненныя темы завладѣли бесѣдами въ свободный вечерній часъ! Все жило и работало вокругъ, и воскрешенный обыватель уже не могъ оставаться изолированнымъ въ этомъ бодрящемъ, заразительномъ и обновляющемъ движеніи. Какой-то облагораживающій отпечатокъ легъ на всѣхъ и на всемъ. Преобразилась даже трактирная жизнь. Я помню, напримѣръ, чистенькую гостиницу съ обычными рестораномъ и бильярдомъ, которую содержалъ monsieur Coulon, старый французъ, веселый и юркій республиканецъ. Тамъ обыкновенно собиралась молодая компанія съѣзжавшихся изъ уѣздовъ мировыхъ посредниковъ. „Papa Coulon“, какъ мы его звали, принималъ живѣйшее участіе въ послѣобѣденной бесѣдѣ, трепалъ одобрительно по плечу своихъ шумливыхъ постояльцевъ и въ свою очередь звалъ ихъ не иначе, какъ „mes braves enfants“. Милый старичокъ бралъ за все крайне умѣренныя цѣны, нимало не смущаясь сознаніемъ, что его „braves enfants—предвѣстники того дворянскаго, а стало быть и его собственнаго, оскудѣнія, которое неизбѣжно наступитъ съ окончаніемъ ихъ миссіи. И дѣйствительно, „Papa Coulon“ очень скоро разорился и долженъ былъ печально ликвидировать свое дѣло. Впослѣдствіи, когда Калуга вернулась въ „норму“, въ предѣлы, присвоенные нашимъ губернскимъ городамъ, мнѣ приходилось бывать тамъ изрѣдка; „гостиницу Кулона“, какъ все еще значилось на вывѣскѣ, трудно было узнать: грязь, вонь, скверный обѣдъ, грубая и заспанная прислуга, сухой трескъ кіевъ, работающихъ по бильярду, пьяные возгласы за стѣной,—и это тамъ, гдѣ еще такъ недавно все блестѣло чистотой, гдѣ такъ привѣтливо суетился ласковый хозяинъ, гдѣ было столько молодого, веселаго шума и горячихъ рѣчей, гдѣ такъ хорошо было отдохнуть и отобѣдать послѣ цѣлаго ряда безсонныхъ ночей, разъѣздовъ и закусыванія на скорую руку.

И не въ одной только „гостиницѣ Кулона“ встрѣтилъ я тогда подобную метаморфозу.

Симпатіи свои къ губернатору, „хозяину губерніи“, дореформенный обыватель любилъ выражать словами: „онъ соединяетъ общество“, разумѣя подъ этимъ рауты, вечера, балы или благотворительныя аллегри, на которыхъ веселится губернскій beau-monde. Викторъ Антоновичъ также „соединялъ общество“, только цементъ здѣсь былъ совсѣмъ другого сорта, а объединяющимъ центромъ, животворящимъ факторомъ являлась его собственная нравственная личность. Своимъ мимолетнымъ, какъ

честно и беззавѣтно ей преданный, строгій и неуклонный исполнитель закона, великій мастеръ въ истолкованіи сокрытаго для близорукихъ рутинеровъ духа его. Дворяне звали его „атаманомъ“, а насъ—„шайкою разбойниковъ“. Если отнять у этого взаимоотношенія хищническій характеръ нарушителей общественнаго порядка, сравненіе окажется, пожалуй, совершенно вѣрнымъ: руководительство вождя и преданность подчиненныхъ представляли здѣсь одно недѣлимое цѣлое; между губернаторомъ и мировыми посредниками существовала изумительная солидарность,—они были душевно преданы другъ другу столько же, сколько и дѣлу, которое вели общими силами. Заурядныя, оффиціально-узаконенныя отношенія между губернаторомъ и чиновниками совершенно исчезали; не чувствовалась, не замѣчалась „служба“ съ ея обычными „обязанностями“, субординаціей, интересами и цѣлями,—служба мало отвѣчающая дѣлу, служба въ общепринятомъ, будничномъ, такъ сказать, значеніи слова. Она казалась намъ гдѣ-то далеко, внизу, а то гражданское одушевленіе, тотъ святой восторгъ, которые въ рѣдкія, исключительныя эпохи красятъ и вѣнчаютъ дѣло человѣка, были тутъ, у насъ, съ нами, близко, всегда!

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что этотъ духовный подъемъ вызывался не личностью, стоявшею во главѣ дѣла, а самимъ дѣломъ, его высокою историческою задачею. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, каждая губернія, гдѣ вводилось Положеніе 19-го февраля, не имѣла своего Арцимовича? Отчего съ отъѣздомъ Виктора Антоновича изъ Калуги все это приподнятое настроеніе какъ-то вдругъ, сразу опустилось, тогда какъ дѣло, которымъ онъ руководилъ, далеко не было закончено и находилось въ самомъ разгарѣ, продолжалось, и долго продолжалось, при его преемникахъ? Отчего съ отъѣздомъ его мы тотчасъ же утратили прежнюю вѣру въ то, что исполняемый нами законъ не будетъ искаженъ въ угоду помѣщику губернскимъ присутствіемъ, куда поступитъ уставная грамота или жалоба землевладѣльца? Отчего при немъ мы работали спокойно и увѣренно, не имѣя понятія о начавшейся въ верхахъ реакціи, и внезапно восчувствовали всю силу ея только разставшись съ нимъ? Отчего, наконецъ, потомъ, когда и эта реакція въ свою очередь миновала, когда объявились „завершители крестьянскаго дѣла“, и „благо сельскаго обывателя“ снова стало девизомъ закона,— отчего тогда не оказалось уже ни этого духовнаго подъема, ни этого гражданскаго одушевленія?..

Мнѣ скажутъ, затѣмъ, что калужскому губернатору много

„врагъ собственности“ и „колебатель основъ“ изображался защитникомъ помѣщиковъ и угнетателемъ крестьянъ! Къ еще бо̀льшему удивленію, эти обвиненія слышались и отъ тѣхъ лицъ, которыя восторгались Викторомъ Антоновичемъ въ Калугѣ.

Я считаю нужнымъ коснуться здѣсь этого невѣроятнаго, казалось бы, обстоятельства, такъ какъ оно превосходно объясняетъ и клевету, взведенную на дѣятеля въ Калугѣ, и его рыцарскую любовь къ правдѣ, его независимость, какъ отъ мѣняющихся вверху вѣяній, такъ и отъ близорукихъ отзывовъ толпы.

Сопоставляя въ сравнительной пареллели дѣятельность Виктора Антоновича въ калужской губерніи съ дѣятельностью его въ Царствѣ Польскомъ, мы видимъ, что онѣ развивались при одинаковыхъ по внѣшности, хотя и совершенно различныхъ по существу условіяхъ среды, имъ нормируемой въ духѣ и разумѣ освободительнаго закона. Въ Калугѣ Викторъ Антоновичъ встрѣтилъ противъ себя сплотившееся дворянство, въ Польшѣ онъ засталъ положеніе дѣлъ, съ которымъ также и по тѣмъ же причинамъ не могъ примириться. Работать ему приходилось тамъ съ людьми, довольно своеобразно понимавшими свою освободительную миссію. Взглядовъ ихъ раздѣлить онъ не могъ: въ освобожденіи крестьянъ онъ не могъ видѣть нѣчто въ родѣ кары, экзекуціи, подготовляемой для крамольныхъ помѣщиковъ,—онъ не могъ сочувствовать ни дешевому либерализму карьеристовъ, развивающемуся на почвѣ узкаго лжепатріотизма, ни показному народничеству на чужой счетъ; онъ не могъ, ради „высшихъ соображеній“, смотрѣть сквозь пальцы на узурпацію законныхъ владѣльческихъ правъ, на травлю помѣщиковъ крестьянами и не понималъ возможности внѣдрять въ „хлопахъ“ надлежащія чувствованія путемъ награжденія ихъ собственностью бывшаго владѣльца. И здѣсь, какъ и въ Калугѣ, онъ, „судья по призванію“, принялъ сторону права и закона, сторону слабаго и незаконно угнетаемаго; такою стороной тамъ являлись крестьяне, здѣсь—помѣщики, и если процессъ надѣленія крестьянъ землею и опредѣленія за нее повинностей въ послѣднемъ случаѣ принималъ характеръ военной контрибуціи, онъ считалъ своимъ долгомъ сдерживать подобныя тенденціи. Отсюда обвиненія въ крѣпостничествѣ. Клевета на этотъ разъ хлынула черезъ край; страшное слово „измѣна“, сорвавшись съ устъ, „едва умѣвшихъ лепетать“, перекати-полемъ понеслась по вѣтру и кое-гдѣ гуляетъ еще и до сихъ поръ...

„Ахъ,—вздыхали возвращавшіеся съ поля битвы „ташкентцы“

и „обрусители“,—Викторъ Антоновичъ теперь уже не тотъ!“ Людямъ, хорошо и близко знавшимъ его, смѣшно и гадко было слушать эти „благонамѣренныя рѣчи“ и эти близорукія, не рискованныя инсинуаціи, одинаково напоминавшія лай изъ подворотни. Его въ высшей степени прямая и честная натура, его свѣтлый и глубокій умъ, его рыцарское сердце,—все это такъ чуждо было возмутительной безсмысленной клеветѣ, не понимавшей того, что обѣ эпохи дѣятельности Виктора Антоновича,—калужская и польская,—были слиты въ неразрывномъ гармоническомъ единствѣ воли и разума, направленныхъ къ одной и той же высокой и чистой цѣли—торжеству права и правды на землѣ. Тамъ, въ первую эпоху, законъ по отношенію къ правамъ и благу освобождаемыхъ недоисполнялся,—здѣсь, во вторую, онъ, въ томъ же отношеніи, переисполнялся; и тамъ и здѣсь администратору, склонному поступаться закономъ и справедливостью ради политическихъ соображеній,—администратору-дипломату, несравненно легче и безопаснѣе было „плыть по теченію“, не рискуя ничѣмъ ни сверху, ни снизу; но Викторъ Антоновичъ и тамъ, и здѣсь, и прежде, и теперь, продолжалъ дѣлать то, что повелѣвалъ ему служебный долгъ и собственная совѣсть, оставаясь государственнымъ дѣятелемъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.

Теперь, когда всепоглощающее время умиротворило страсти и въ вѣчномъ снѣ успокоило былыхъ борцовъ, какими жалкими и вздорными кажутся всѣ эти самоуничтожающіяся обвиненія, и въ какомъ свѣтломъ ореолѣ глядитъ на насъ изъ своей могилы непорочный образъ обвиняемаго! „Судья по призванію“, стойкій охранитель закона, самоотверженный защитникъ правды! Слово твое смолкло, но дѣло твое живетъ, и да будетъ оно вѣчнымъ примѣромъ ставшему на смѣну поколѣнію: онъ такъ нуженъ ему!

Кому же и быть такимъ примѣромъ, какъ не тому, чья душа не умѣла замыкаться въ самой себѣ и жить личными, хотя бы и возвышенными интересами, а рвалась наружу, жадно повсюду искала живого дѣла, вся уходила въ него и вынесенными оттуда свѣтомъ и любовью такъ широко, такъ долго, такъ щедро дѣлилась съ окружающимъ міромъ чужихъ существованій, чужихъ интересовъ, чужихъ правъ.

Въ темпераментѣ Виктора Антоновича мы видимъ рѣдкое, удивительное сочетаніе гражданской стойкости, воли, умѣвшей давать отпоръ натискамъ среды, какъ бы коллективны, энергичны и авторитетны они ни были, съ необыкновенно мягкимъ,

любящимъ сердцемъ, съ самою привѣтливою кротостью, съ тою „ровностью характера“, которая не знаетъ ни вспышекъ гнѣва, ни суровой сухости, ни слащавой аффектаціи;—сочетаніе почти недоступное при нашихъ условіяхъ государственной дѣятельности. Эти свойства, встрѣчаемыя обыкновенно лишь въ разбивку, мирящія насъ даже съ крупными недостатками обладающаго ими, совокупностью своею въ данномъ случаѣ сообщали личности Виктора Антоновича такую обаятельную оригинальность, что о немъ нельзя говорить иначе, какъ съ восторгомъ, и восторгъ этотъ будетъ искреннимъ, трезвымъ и продуманнымъ. „De mortuis aut bene aut nihil“—совѣтовали римляне; для Виктора Антоновича совѣтъ этотъ окажется ни при чемъ: *скрывать нечего*. Вся долголѣтняя жизнь его въ этомъ отношеніи—tabula rasa, на которой ни злоба, ни зависть, ни недомысліе не напишутъ ни одного правдиваго слова.

Вотъ отчего до сихъ поръ изъ далекаго прошлаго ярко свѣтится мнѣ то незабвенное трехлѣтіе, которое я вспоминаю такъ часто, на которомъ особенно сладко отдыхаетъ душа теперь, когда все идетъ наперекоръ тѣмъ принципамъ и идеаламъ, воплощеніемъ которыхъ была тогда мною познанная, недавно угаснная жизнь. Вотъ отчего неугасимъ свѣтъ, ею намъ оставленный,—свѣтъ, который, озаривъ и согрѣвъ юность мою, не меркнетъ до сихъ поръ, когда въ наступающей старости отовсюду вокругъ сгущаются тѣни, и близится моментъ, когда въ сплошномъ мракѣ потонетъ для меня все земное. Не меркнетъ этотъ свѣтъ, но и не усиливается искусственно отдаленностью вспоминаемой эпохи, не переходитъ въ миражъ, обманывающій старика, когда онъ разсказываетъ про свою молодость. „Что прошло, то будетъ мило“,—это вѣрно, но не безусловно, и въ данномъ случаѣ нѣтъ мѣста подобной иллюзіи: она скрашиваетъ иногда былое въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя касаются міра *субъективныхъ явленій*, въ врачующемъ забвеніи утратившихъ свою прежнюю горечь; но она не заслоняетъ истины тамъ, гдѣ рѣчь идетъ *о событіяхъ въ сферѣ общественной*, и всего менѣе тамъ, гдѣ эта сфера была встревожена борьбою, причемъ свѣтлыя впечатлѣнія укладывались въ памяти очевидца рядомъ съ тѣневыми, образуя такимъ образомъ контрастъ, въ которомъ „розовая дымка милаго прошлаго“ нейтрализуется и уже не подкупаетъ памяти, какъ это бываетъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Виктора Антоновича въ 1863 г., когда, навсегда покидая Калугу, онъ заѣхалъ проститься со

мною. Вспоминая на страницахъ „Русскаго Архива“ (№ I-й 1892 г.) свое прошлое, я конечно не могъ обойти того періода, который во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ зарю его. Но въ то время жилъ еще человѣкъ, благодаря которому этотъ періодъ не по времени только сталъ „зарею“ моего прошлаго, и потому я не могъ тогда назвать по имени ни его, ни губернію, о которой разсказывалъ. Для полноты заканчиваемаго очерка и для читателей, незнакомыхъ съ моими воспоминаніями, считаю не лишнимъ привести здѣсь тѣ мѣста изъ нихъ, которыя касаются Виктора Антоновича и его калужской дѣятельности.

„Я вскорѣ былъ назначенъ мировымъ посредникомъ въ одну изъ губерній средней полосы. Я надѣлъ золотую цѣпь—тогда еще впервые введенное украшеніе, такъ рѣзко выдѣлявшее мировыхъ посредниковъ отъ остальной массы служилаго люда,—и отправился представиться губернатору. До сихъ поръ хорошо помню этотъ пріемъ!... Но для того, чтобы оцѣнить все его значеніе, надо сдѣлать маленькое отступленіе въ сторону.

„Положеніе студента, переходящаго съ университетской скамьи на службу, въ тѣ времена было далеко не изъ завидныхъ. Чиновничество смотрѣло косо и недружелюбно на „университетскихъ“; бывали, разумѣется, исключенія, но я говорю объ общемъ явленіи. Чуть не каждый чинъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ рѣзче, непремѣнно старался при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ оборвать университетскаго человѣка. Заставятъ его, напримѣръ, сочинить бумагу,—просмотрятъ, покачаютъ головой и, устремляя въ него изъ-подъ вскинутыхъ на лобъ очковъ презрительно добродушный взоръ, скажутъ, возложивъ руки на плечо: „Вы, молодой человѣкъ, хотя и въ университетѣ, хе, хе, обучались, а слогомъ, хе, хе, настоящимъ не владѣете-съ; развѣ такъ пишутъ-съ?!... Затѣмъ „начальникъ“ лѣзъ въ шкафъ, вытаскивалъ оттуда какой-нибудь пузатый, истрепанный „томъ“ и, распахнувъ его на потребномъ мѣстѣ, внушительно тыкалъ пальцемъ въ какое-нибудь „представленіе“, „доношеніе“, или „рапортъ“ и совѣтовалъ „присмотрѣться, какъ надо писать“. Случалось иногда и хуже того: злополучному „университетскому человѣку“ вручали нитки съ громадной иглой и засаживали „подшивать наряды“.

„Все это пронеслось въ моей памяти, когда я стоялъ въ пріемной губернатора. Вскорѣ онъ вышелъ, тоже положилъ свою руку на мое плечо (хотя встрѣчались мы въ первый разъ), но въ этомъ жестѣ было теперь что-то нѣжное, отеческое,

человѣческое. Его глубокій, грустный взглядъ, молодое еще и прекрасное смуглое лицо, обрамленное густыми сѣдыми волосами, довершали такое впечатлѣніе.— „Я радъ въ васъ видѣть,— началъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ (тогда это былъ пріемъ, выходящій заурядъ),—будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, гражданина, полезнаго своему отечеству. Люди, съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу; я ищу ихъ съ огнемъ... потому что̀ они, во-первыхъ, молоды, чисты душой, неиспорчены жизнію и существующими служебными порядками, а во-вторыхъ, что̀ не менѣе важно для дѣла, они независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать, — тяжко и славно работать!... Вѣрьте въ свое дѣло, чтите законъ во что бы то ни стало, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ: я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ,—все, что только вы потребуете отъ меня“...

„Я слушалъ, какъ заколдованный; я ощущалъ, какъ чувство безпредѣльной радости, безпредѣльнаго уваженія къ этому человѣку росло въ моей взволнованной груди; я смѣло шелъ на встрѣчу „тяжкому, но славному дѣлу“, имѣя *такого* руководителя, *такую* поддержку; я сознавалъ, что *то*, дорогое университетское, то, что я вношу съ собою въ это дѣло, служитъ теперь предметомъ не злораднаго глумленія, а, напротивъ, имѣетъ свою особую цѣну и пользуется уваженіемъ высшаго представителя мѣстной оффиціальной власти.

„До сихъ поръ, взглянувъ на висящій передъ моимъ письменнымъ столомъ портретъ, я съ глубокою любовью вспоминаю это отеческое напутствіе на первыхъ шагахъ молодого студента въ жизнь, это благословеніе на предстоящія въ ней битвы, благословеніе, поданное чистыми руками и на чистое дѣло. И всѣ мы, рекруты „перваго призыва“, поочередно получали его: еще не зная другъ друга, собравшись съ разныхъ сторонъ, мы уже восприняли, такъ сказать, общее крещеніе, и этотъ починъ помогъ намъ впослѣдствіи образовать такой же сплоченный, жившій такими же факторами, такой же тѣсный товарищескій кружокъ, изъ котораго мы только-что вышли, оставляя университетъ. Это общеніе было могучею подмогою въ нашей трудной задачѣ....

„Какъ бы предчувствуя грядущую „перемѣну фронта“, нашъ энергичный главнокомандующій то-и-дѣло понукалъ свою молодую армію спѣшить окончаніемъ дѣла; онъ надѣялся въ данномъ составѣ дѣятелей установить грамотами, хотя основ-

и „обрусители“,—Викторъ Антоновичъ теперь уже не тотъ!“ Людямъ, хорошо и близко знавшимъ его, смѣшно и гадко было слушать эти „благонамѣренныя рѣчи“ и эти близорукія, не рискованныя инсинуаціи, одинаково напоминавшія лай изъ подворотни. Его въ высшей степени прямая и честная натура, его свѣтлый и глубокій умъ, его рыцарское сердце,—все это такъ чуждо было возмутительной безсмысленной клеветѣ, не понимавшей того, что обѣ эпохи дѣятельности Виктора Антоновича,—калужская и польская,—были слиты въ неразрывномъ гармоническомъ единствѣ воли и разума, направленныхъ къ одной и той же высокой и чистой цѣли—торжеству права и правды на землѣ. Тамъ, въ первую эпоху, законъ по отношенію къ правамъ и благу освобождаемыхъ недоисполнялся,—здѣсь, во вторую, онъ, въ томъ же отношеніи, переисполнялся; и тамъ и здѣсь администратору, склонному поступаться закономъ и справедливостью ради политическихъ соображеній,—администратору-дипломату, несравненно легче и безопаснѣе было „плыть по теченію“, не рискуя ничѣмъ ни сверху, ни снизу; но Викторъ Антоновичъ и тамъ, и здѣсь, и прежде, и теперь, продолжалъ дѣлать то, что повелѣвалъ ему служебный долгъ и собственная совѣсть, оставаясь государственнымъ дѣятелемъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.

Теперь, когда всепоглощающее время умиротворило страсти и въ вѣчномъ снѣ успокоило былыхъ борцовъ, какими жалкими и вздорными кажутся всѣ эти самоуничтожающіяся обвиненія, и въ какомъ свѣтломъ ореолѣ глядитъ на насъ изъ своей могилы непорочный образъ обвиняемаго! „Судья по призванію“, стойкій охранитель закона, самоотверженный защитникъ правды! Слово твое смолкло, но дѣло твое живетъ, и да будетъ оно вѣчнымъ примѣромъ ставшему на смѣну поколѣнію: онъ такъ нуженъ ему!

Кому же и быть такимъ примѣромъ, какъ не тому, чья душа не умѣла замыкаться въ самой себѣ и жить личными, хотя бы и возвышенными интересами, а рвалась наружу, жадно повсюду искала живого дѣла, вся уходила въ него и вынесенными оттуда свѣтомъ и любовью такъ широко, такъ долго, такъ щедро дѣлилась съ окружающимъ міромъ чужихъ существованій, чужихъ интересовъ, чужихъ правъ.

Въ темпераментѣ Виктора Антоновича мы видимъ рѣдкое, удивительное сочетаніе гражданской стойкости, воли, умѣвшей давать отпоръ натискамъ среды, какъ бы коллективны, энергичны и авторитетны они ни были, съ необыкновенно мягкимъ,

„Крестьянская реформа въ Калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ“.

ГЛАВА I.

Калужская губернія передъ крестьянской реформой. Внѣшнія условія. Занятія жителей. Плохое качество почвы и вліяніе его на направленіе хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Число имѣній оброчныхъ, барщинныхъ и на смѣшанной повинности (оброчно-барщинныхъ). Размѣръ оброка въ оброчныхъ имѣніяхъ; количество и порядокъ работъ въ барщинныхъ имѣніяхъ; различныя комбинаціи оброка и барщины въ оброчно-барщинныхъ имѣніяхъ. Тяжелое положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ со смѣшанной (оброчно-барщинной) повинностью. Примѣры. Порядокъ работъ и размѣръ повинностей въ имѣніяхъ Доломанова и Колосовой. Случаи чрезмѣрнаго обремененія повинностями въ имѣніяхъ чисто барщинныхъ. Описаніе хозяйствъ и безпорядковъ въ имѣніи помѣщика П. А. Яковлева. Состояніе сельскаго хозяйства въ калужской губерніи передъ освобожденіемъ крестьянъ. Помѣщики, ихъ настроеніе въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, ихъ нравственный уровень и отношеніе ихъ къ реформѣ. Неправильная оцѣнка того и другого губернаторомъ гр. Д. Н. Толстымъ. Вѣрное пониманіе помѣщиками своихъ собственныхъ выгодъ; эгоистическое отношеніе большинства ихъ къ нуждамъ и интересамъ крестьянъ. Запоздалость адреса калужскихъ дворянъ о разрѣшеніи имъ приступить къ устройству крестьянъ. Выходъ въ отставку гр. Д. Н. Толстого и назначеніе В. А. Арцимовича.

Калужская губернія не принадлежитъ къ числу плодородныхъ. Преобладающія почвы губерніи — *суглинки:* они составляютъ до 70% всего пространства [1]). Въ западной части губерніи медынскій уѣздъ состоитъ почти исключительно изъ суглинистыхъ почвъ; масальскій и жиздринскій уѣзды изобилуютъ

---

[1]) Лучшія суглинистыя почвы составляютъ слой отъ 3 до 5 вершковъ глубины, содержащій почти по равнымъ частямъ глины и песку. Перевѣсъ песку благопріятствуетъ произрастанію ржи, перевѣсъ глины — произрастанію ячменя. Худшіе суглинки составляютъ слой болѣе тощій — мѣстами всего $1^1/_2$ вершка, притомъ съ подпочвою изъ вязкой желѣзистой глины, которая не можетъ быть обращена даже долговременной обработкой въ пахотный слой.

почвами *супесчаными* и *даже песчаными*; встрѣчающіяся здѣсь суглинистыя почвы весьма плохого качества. Эти два уѣзда, занимающіе по пространству болѣе трети губерніи, являются наименѣе плодородными. Въ восточной и центральной частяхъ губерніи встрѣчаются кое-гдѣ болѣе плодородныя почвы — *заливныя* и *переходныя къ черноземнымъ* [1]). Переходныя къ черноземнымъ почвы встрѣчаются главнымъ образомъ въ сѣверной части козельскаго уѣзда, а также въ медынскомъ и перемышльскомъ; заливныя почвы встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ по Окѣ и кое-гдѣ по Жиздрѣ, Угрѣ и Упѣ. Но вообще пространствъ, занятыхъ какъ заливными, такъ и переходными къ чернозему почвами, относительно очень немного. Поэтому смѣло можно сказать, что изъ четырехъ сосѣднихъ губерній калужская по характеру почвы ближе подходитъ къ нечерноземнымъ московской и смоленской и рѣзко отличается отъ черноземныхъ уѣздовъ орловской и особенно тульской [2]). Нѣдра калужской губерніи въ разныхъ мѣстахъ содержатъ каменный уголь, лежащій иногда довольно неглубоко, но невысокаго качества; въ жиздринскомъ уѣздѣ издавна разрабатывается въ большихъ размѣрахъ желѣзная руда.

Поверхность губерніи отличалась въ прежнее время относительною лѣсистостью, и теперь еще почва, оставленная на нѣсколько лѣтъ въ залежь, очень быстро начинаетъ зарастать кустарникомъ. Въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія около четвертой части губерніи было покрыто еще лѣсами [3]). Впрочемъ, распредѣленіе лѣсовъ и тогда было неравномѣрно: въ жиздринскомъ уѣздѣ количество ихъ, относительно всего пространства уѣзда,

---

[1]) На этихъ почвахъ родится пшеница, а иногда онѣ засѣваются коноплею и даже капустою.

[2]) Литература описанія почвъ калужской губерніи приведена въ „Статистическомъ описаніи калуж. губ.“, т. I, вып. II, стр. 21 и слѣд. (изд. 1898 г.). Въ сборникѣ этомъ данныя о почвахъ заимствованы главнымъ образомъ изъ „Матеріаловъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба“ (калужск. губ. сост. подполк. Папроцкимъ) Спб. 1864 г. Тѣ же свѣдѣнія приведены (почти дословно, только болѣе подробно) въ памятной книжкѣ калужск. губ. на 1862 и 63 гг. (изд. 1863 г.), въ статьѣ А. П. Ламанскаго, который указываетъ, что въ своемъ трудѣ онъ основывался главнымъ образомъ на работахъ кадастровой комиссіи, изслѣдовавшей земли государств. крестьянъ калужской губ. въ 1852 г. (стр. 150—164). Число государственныхъ крестьянъ относилось въ кал. губ. къ числу помѣщичьихъ, какъ 1 : 3 (Памятн. книж. на 1861 г., стр. 324, то же въ Памятной книжкѣ на 1862 г. и 63 г., стр. 113).

[3]) По генеральному же межеванію 1777 г. всѣхъ лѣсовъ въ кал. губ. было 1.240.000 дес., т.-е. 45% ея пространства.

достигало $41^0/_0$, въ уѣздахъ же перемышльскомъ и медынскомъ оно было не болѣе $8^0/_0$ [1]).

Подъ пашнями состояло въ то время до $54^0/_0$ всего пространства, подъ лугами не болѣе $10^0/_0$.

Плохое вообще качество почвы обусловливало необходимость удобренія, для чего требовалось значительное количество скота. Но развитію скотоводства препятствовало недостаточное количество луговъ и невысокое ихъ качество. При такихъ условіяхъ земледѣліе въ калужской губерніи, при господствовавшей въ ней трехпольной системѣ [2]), не могло давать достаточныхъ выгодъ. Поэтому населеніе издавна обратилось для поддержанія своего существованія къ промысламъ, развитію которыхъ способствовала отчасти наличность лѣсовъ и полезныхъ ископаемыхъ [3]).

Заводская и фабричная дѣятельность въ самой калужской губерніи въ концѣ 50-хъ годовъ достигла значительныхъ размѣровъ. На первомъ мѣстѣ стояло производство чугуноплавильное и желѣзодѣлательное, вырабатывавшее продуктовъ въ 1860 г. на сумму 1.700.000 р. при 8525 рабочихъ [4]), далѣе слѣдовало суконное, вырабатывавшее сукна на 1.185.000 р., при

---

[1]) Памятная книжка на 1862—63 гг., стр. 171. По свѣдѣніямъ, приведеннымъ у Тенгоборскаго „О производительныхъ силахъ Россіи", на основаніи съемки Стіернсканца, лѣса калуж. губ. (въ 1855 г.) составляли $31^0/_0$ всего пространства; въ частности же по жиздринскому уѣзду $49^0/_0$, по медынскому $19^0/_0$, по перемышльскому $23^0/_0$. Такія же данныя приведены въ „Словарѣ" П. П. Семенова, т. II, стр. 446.

[2]) Въ уѣздахъ масальскомъ и жиздринскомъ, вслѣдствіе очень плохого качества почвы, существовала переложная система (Памятн. кн. на 1862—63 гг., стр. 164).

[3]) Проф. Янсонъ, характеризуя великорусскія губерніи, лежащія въ нечерноземной полосѣ (къ которымъ онъ относитъ и калужск. губ.), говоритъ, что онѣ отличаются скудостью почвы; земледѣліе не въ состояніи прокормить населеніе, хлѣба не хватаетъ на его собственное продовольствіе въ теченіе бо̀льшей или меньшей части года; населеніе поэтому издавна обратилось, гдѣ могло, къ мѣстнымъ и отхожимъ промысламъ; *„при крѣпостномъ правѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ крестьяне здѣсь были на оброкѣ"* („Опытъ статистич. изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ", изд. 2-е 1881 г., стр. 11). Эту характеристику въ примѣненіи къ калуж. губ. приходится однако нѣсколько видоизмѣнить. Населеніе ея не было слишкомъ рѣдко въ сравненіи съ сосѣдними, даже съ черноземными губерніями, такъ что земли въ ней приходилось на наличную душу крестьянскаго населенія значительно менѣе, нежели въ сосѣдней—такой же нечерноземной—смоленской губерніи. Но недостатокъ земельнаго простора при плохомъ качествѣ почвы тѣмъ болѣе еще способствовалъ развитію промысловъ, какъ внутреннихъ, такъ и отхожихъ.

[4]) Памятная книжка кал. губ. на 1861 г., стр. 148.

3854 рабочихъ [1]), писчебумажное, производившее на 433.857 р. бумаги, при 4270 рабочихъ [2]) и винокуренное, дававшее вина на сумму около 800.000 р. [3]). Производства бумагопрядильное, бумаготкацкое, стеклянное, гончарное, кожевенное, свеклосахарное и другія поглощали также нѣсколько тысячъ рабочихъ [4]).

Жители калужской губерніи уходятъ и уходили уже и въ 50-хъ годахъ въ широкихъ размѣрахъ въ отхожіе промыслы въ столицы и въ южныя, болѣе плодородныя губерніи [5]).

При всемъ томъ число оброчныхъ имѣній было все же не такъ велико, какъ можно предположить. Въ калужской губерніи многіе помѣщики, особенно мелкопомѣстные, сами вели хозяйства и жили въ своихъ помѣстьяхъ. Въ графѣ примѣчаній къ „Общему своду статистическихъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ калужской губерніи", составленному дворянскимъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу въ 1859 г., сказано: *„общій характеръ калужскихъ хозяйствъ смѣшанный, т.-е. доходы взимаются частью оброкомъ, частью обработкой запашекъ"*. Въ самомъ сводѣ, согласно преподанной тогда земскимъ отдѣламъ М-ва Вн. Дѣлъ формѣ, всѣ крестьянскіе дворы раздѣлены на двѣ категоріи: состоящіе на хлѣбопашествѣ и на оброкѣ. Первыхъ показано 44.905 тяголъ, вторыхъ—55.352 (на одно тягло считалось при этомъ 2,3 души м. п.) [6]) Однако, въ виду вышеприведеннаго примѣчанія, это слѣдуетъ принимать условно. Оброчные крестьяне нерѣдко отбывали и кое-какія барщинныя работы, чаще всего нѣсколько дней въ году. Съ другой стороны, барщинные отпускались зимой за небольшой оброкъ въ зимніе отхожіе промыслы. По болѣе точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ

---

[1]) Памятн. книжка кал. губ. на 1861 г., стр. 162.

[2]) Тамъ же, стр. 182.

[3]) Тамъ же, стр. 212.

[4]) Памятн. кн. калуж. губ. на 1861 г., passim.

[5]) Географ. словарь П. П. Семенова, т. II, стр. 446 и слѣд.

[6]) На самомъ дѣлѣ число тяголъ въ губерніи было гораздо больше, такъ какъ далеко не всѣ помѣщики доставили свѣдѣнія о своихъ имѣніяхъ; всего было собрано свѣдѣній объ имѣніяхъ, составлявшихъ 241.358 душъ, тогда какъ по X ревизіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ кал. губ. считалось 317.940 душъ м. п., а по Пам. кн. на 1861 г. помѣщ. крестьянъ—282.114, дворовыхъ—12.230 и приписанныхъ къ разнымъ заводамъ и фабрикамъ—16.041. По проекту Редакц. Ком., нечерноземное пространство въ отношеніи отбыванія повинностей раздѣлялось на мѣстности *оброчную* и *земледѣльческую*, причемъ подъ „оброчной" мѣстностью разумѣется такая, въ которой болѣе ½ помѣщичьихъ крестьянъ состоитъ на оброкѣ. (См. прим. къ ст. 2 заключенія къ докладу П. П. Семенова „Нормальный размѣръ повинностей" въ „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи" П. П. Семенова т. I, стр. 262).

губернаторомъ уже при введеніи крестьянской реформы, помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніи передъ объявленіемъ положеній 19 февраля 1861 г. состояло всего 281.545 душъ м. п. (не считая дворовыхъ и приписанныхъ къ заводамъ). Изъ нихъ были на чистомъ оброкѣ 114.964, на издѣльной повинности 100.636 и на смѣшанной—оброчно-издѣльной—60.413 душъ [1]).

Въ барщинныхъ хозяйствахъ калужской губерніи крестьяне работали обыкновенно на помѣщика, согласно закону—лѣтомъ 3 дня въ недѣлю, зимою же гораздо менѣе, такъ какъ мужики отправлялись на заработки; но зато, вмѣсто нихъ, отбывали мужскія работы (напр., возили навозъ) женщины и подростки. Обыкновенно по уборкѣ хлѣба, около 15 сентября или 1 октября, одинъ изъ двухъ работниковъ отпускался до Пасхи или до 1 мая въ заработки. Иные помѣщики отпускали, по исправленіи строеній, съ 15 ноября, и другого работника [2]). Весьма часто при описаніи барщинныхъ работъ встрѣчается терминъ: „работа братъ на брата", — это обозначаетъ, что ежедневно половина рабочихъ выходила на барщину, а другая половина оставалась дома и занималась обработкой крестьянскихъ надѣловъ. Однако, отступленія отъ этого законнаго порядка были весьма многочисленны, но до начальства, конечно, они доходили лишь въ случаяхъ волненій и безпорядковъ.

Въ оброчныхъ имѣніяхъ средняя величина оброка колебалась по уѣздамъ отъ 19 до 30 рублей съ тягла, составляя въ среднемъ по губерніи обыкновенную норму въ 26 рублей. При этомъ въ большинствѣ случаевъ крестьянами отбывались еще дополнительныя натуральныя повинности, въ родѣ возки дровъ и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, доставки пряжи, полотенъ, грибовъ, куръ, ягодъ, яицъ и т. п. („дани"). Въ переводѣ на деньги эти дополнительныя повинности оцѣнивались въ различныхъ уѣздахъ отъ 2—4 рублей на тягло и въ среднемъ по губерніи составляли 3 руб. съ тягла [3]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ калужск. губернатора о ходѣ крестьянскаго дѣла за 1861 годъ.—Эти цифры повторяются и въ отчетѣ сенатора Капгера. Остальныя 5532 души, надо полагать, были „затягольные", т.-е. не отбывали повинностей.

[2]) „Общій сводъ статистическ. свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ калужской губерніи".

[3]) Тамъ же. По разсчету г-жи Игнатовичъ „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія", стр. 66), средній оброкъ для калуж. губ., вычисленный, согласно методу кн. Волконскаго („Условія помѣщ. хоз. при крѣпостн. пр. въ рязанск. губ.), показанъ—19 р. 77 к. Мы же привели цифру, указанную въ сводѣ, составленномъ калужск. Губ. Комитетомъ по крестьянскому дѣлу.

Тяжесть смѣшанной, оброчно-барщинной повинности была общепризнаннымъ фактомъ во времена крѣпостного права. Въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ она была установлена, чаще всего возникали волненія крестьянъ, и возбуждались дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью. Формы и размѣры этой повинности въ калужской губерніи были крайне разнообразны, причемъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне обязывались, въ дополненіе къ платимому ими оброку, исполнять какія-нибудь небольшія работы или отбывать нѣсколько дней барщины въ году; въ другихъ же они были обложены обыкновенной въ губерніи нормой оброка и въ то же время отбывали тяжелую барщину въ продолженіе всего рабочаго времени въ году. Болѣе всего смѣшанная повинность была распространена въ уѣздахъ медынскомъ и тарусскомъ.

Такъ, въ одномъ изъ имѣній медынскаго уѣзда 782 тягла отрабатывали до 500 десятинъ въ каждомъ полѣ (при трехпольномъ хозяйствѣ) господской запашки и 150 десятинъ общественной (для обезпеченія продовольственныхъ запасовъ и податей), причемъ собственно на смѣшанной повинности состояла $^1/_3$ общаго числа тяголъ: каждое такое тягло платило 14 руб. 29 коп. оброка и обработывало по $^1/_2$ десятины въ полѣ, сверхъ того тяглы участвовали въ уборкѣ сѣна, производили разныя работы на винокуренномъ заводѣ и ставили изъ городской дачи (за 20 верстъ) по $2^1/_2$ сажени однополѣнныхъ дровъ, которыя они обязывались сами и срубить. Всѣ остальныя работы производились въ этомъ имѣніи чисто барщинными крестьянами [1]). Въ другомъ имѣніи того же уѣзда, сверхъ оброка отъ 17—23 руб. съ тягла, на крестьянахъ лежала обработка господскихъ запашекъ и общинныхъ сѣнокосовъ [2]). Въ третьемъ имѣніи, сверхъ оброка въ 25 руб. сер. съ тягла, установлена была барщина въ продолженіе всей страды и многія другія натуральныя повинности [3]).

Въ тарусскомъ уѣздѣ было одно имѣніе, гдѣ 209 тяголъ платили оброкъ по 100 руб. ассигнаціями каждое и отбывали барщину лѣтомъ отъ 20 до 24 дней, а 73 тягла, сверхъ оброка по 50 руб. ассигнац., несли круглый годъ *полную* барщинную повинность. Вслѣдствіе возникшихъ волненій и жалобъ помѣщица согласилась, по совѣту исправника, ограничить оброкъ

[1]) Приложеніе къ журналу калужск. губернск. присутствія по крестьянскимъ дѣламъ 27-го марта, 1861 года.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

со всѣхъ крестьянъ безъ различія 15 рублями серебромъ съ тягла, съ условіемъ обработывать сверхъ того лѣтомъ господскую запашку (100 десятинъ въ каждомъ клину и сѣнокосу до 50 десятинъ) [1]).

Въ другомъ имѣніи того же уѣзда оказалось на смѣшанной повинности 68 тяголъ, обязанныхъ платить по 20 рублей серебромъ оброка и исполнять барщину во все рабочее время, съ Пасхи до конца осени [2]). Въ одномъ имѣніи крестьяне, сверхъ оброка по 31 рублю съ тягла, отбывали разныя барщинныя работы и ставили по одной подводѣ съ тягла въ Москву; въ другомъ случаѣ при маломъ надѣлѣ земли крестьяне, сверхъ оброка въ 20 рубл. съ тягла, обработывали владѣльческую пашню, сѣнокосы, отбывали по три подводы въ Москву и кромѣ того еще исправляли различныя домашнія господскія потребности [3]).

Хотя рескриптъ 1826 года возлагалъ на обязанности уѣздныхъ предводителей дворянства „знать хозяйственный распорядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ своего уѣзда и слѣдить вообще за управленіемъ помѣщиками крестьянъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ замѣченныхъ тягостей, тотчасъ же входить въ личныя объясненія съ владѣльцами на счетъ устраненія допущенныхъ безпорядковъ и при безуспѣшности такой мѣры доводить до свѣдѣнія губернскаго предводителя для дальнѣйшихъ распоряженій“,—тѣмъ не менѣе, всѣ случаи чрезмѣрнаго отягощенія крестьянъ повинностями обнаруживались лишь случайно, при волненіяхъ крестьянъ или изъ жалобъ, приносимыхъ ими (вопреки закону) губернскому начальству [4]).

Одно изъ типичныхъ хозяйствъ этого рода было обнаружено въ имѣніи помѣщика Доломанова почти наканунѣ освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе возникшихъ въ немъ волненій лѣтомъ 1860 года. Имѣніе это перешло къ г. Доломанову еще въ 1834 году. При прежней владѣлицѣ крестьяне были на чистомъ оброкѣ и платили лишь по 60 рублей ассигнаціями съ тягла и пользовались всею пахотною и луговою землею въ имѣніи, а равно дровянымъ и строевымъ лѣсомъ на свои нужды, не отбывая никакихъ повинностей, кромѣ ночныхъ

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Это видно изъ переписки, происходившей между калужскимъ губернаторомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и губернскимъ предводителемъ дворянства въ августѣ и сентябрѣ 1860 года.

карауловъ и возки дровъ для господскаго дома. Земли было достаточно: на каждое тягло въ 3-хъ поляхъ приходилось по 7 десятинъ пашни, а съ луговъ накашивали до 100 пудовъ сѣна на тягло. При такихъ условіяхъ крестьяне достигли въ этомъ имѣніи значительнаго благосостоянія. Получивъ имѣніе, г. Доломановъ сперва повысилъ оброкъ до 75 р. ассигнаціями и установилъ небольшую барщину, спеціально для расчистки срубленнаго близъ хутора лѣса подъ пашню. Затѣмъ онъ увеличилъ оброкъ до 90 рублей съ тягла и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ послѣдовательно увеличивать господскую запашку, доведя ее въ концѣ концовъ до 230 десятинъ, причемъ на 150 десятинахъ было трехпольное хозяйство, а на 80—четырехпольное. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянскіе надѣлы были уменьшены съ 7 до $5^1/_2$ десятинъ на тягло, и отобрана у крестьянъ часть сѣнокоса, такъ что вмѣсто прежнихъ 100 пудовъ они стали накашивать (по ихъ показанію) до 40 пудовъ (а по показанію помѣщика до 70). Въ другой деревни Доломановъ отрѣзалъ отъ крестьянской пашни 30 десятинъ и еще приселилъ на тотъ же надѣлъ къ имѣвшимся налицо 25 тягламъ новыхъ 15 тяголъ изъ сосѣдней деревни, благодаря чему надѣлъ ихъ сократился съ 7 десятинъ до $4^1/_2$. По подворному списку въ имѣніи г. Доломанова въ 1860 году значилось 298 душъ и 154 тягла; по показанію же самого Доломанова у него было 165 тяголъ, изъ которыхъ 20 чисто барщинныхъ, а 145 на смѣшанной повинности. Первыя 20 работали, впрочемъ, на винокуренномъ заводѣ и въ полевыхъ работахъ помогали остальнымъ „лишь въ свободное отъ заводскихъ работъ время“. Слѣдовательно, 145 тяголъ обработывали до 150 десятинъ въ озимомъ и яровомъ поляхъ, т.-е. по десятинѣ на тягло. При этомъ послѣ уборки хлѣбовъ мужики уходили на заработки, чтобы скопить денегъ для уплаты помѣщику большого денежнаго оброка (по 25 р. 68 к. серебромъ съ тягла), а остальныя осеннія и зимнія работы выполняли женщины и подростки, которымъ приходилось и возить навозъ на помѣщичьи поля по глубокому снѣгу, и молотить хлѣбъ.

Независимо отъ этого, каждая женщина должна была доставить Доломанову по 10 аршинъ холста изъ своего льна и выпрясть изъ господской волны (шерсти), а потомъ и выткать по 4 аршина сукна; вдовы и дѣвки обязывались каждое лѣто доставить помѣщику по 3 фунта сушоныхъ грибовъ, а въ случаѣ недоставки уплатить деньгами по существующей цѣнѣ. Кромѣ того онѣ же пололи морковь для конскаго завода и перебирали картофель для крахмальнаго.

За исполненіемъ всѣхъ работъ помѣщикъ наблюдалъ лично съ большою строгостью, причемъ въ прежнее время (до первыхъ слуховъ о крестьянской реформѣ) въ поля привозились палки и розги, которыми онъ сѣкъ нещадно, давая иногда до 300 ударовъ, и колотилъ бабъ арапникомъ изъ собственныхъ рукъ. Въ числѣ способовъ репрессіи онъ употреблялъ въ дѣло и ссылку въ Сибирь на поселеніе, и сдачу въ рекруты. Самъ онъ отрицалъ это, но, по оффиціальной справкѣ, имъ было сослано съ 1835 по 1858 г. 7 человѣкъ, а по показанію крестьянъ—20; въ рекруты было сдано 28 человѣкъ. Преслѣдуя въ своемъ имѣніи расколъ, развитіе котораго онъ выслѣживалъ предательскими способами, притворившись первоначально сочувствующимъ раскольничьимъ сектамъ, существующимъ въ имѣніи, и посѣщая лично ихъ моленія, и желая прекратить стремленіе своихъ дѣвокъ къ безбрачію, онъ обложилъ каждую дѣвку, не вышедшую замужъ до 22-лѣтняго возраста, особою податью, отъ 10—15 руб. ассигнаціями въ годъ, и сверхъ того повинностью выпрядать по 20 талекъ [1]). Съ отдѣльныхъ, болѣе зажиточныхъ крестьянъ онъ бралъ за перечисленіе ихъ дѣтей, взятыхъ въ дворовые, обратно въ тягловые крестьяне (до 500 р. ассигн. съ человѣка), и за освобожденіе отъ рекрутской повинности (по 500 и по 1000 руб. ассигнаціями), а иногда бралъ у зажиточныхъ крестьянъ просто въ долгъ, котораго потомъ (по показанію крестьянъ) не возвращалъ.

Замѣчательно, что когда крестьяне, доведенные до крайности этою системою управленія, отказались въ 1860 г. выходить на работы, и губернское начальство, обнаруживъ, путемъ мѣстнаго разслѣдованія, всѣ злоупотребленія Доломанова, передало дѣло о немъ на разсмотрѣніе дворянскаго депутатскаго собранія, то это послѣднее признало его совершенно правымъ и во всемъ обвинило крестьянъ. Губернатору,—а имъ въ это время былъ уже В. А. Арцимовичъ,—пришлось перенести дѣло въ Сенатъ, указомъ котораго, въ противность заключенію дворянскаго собранія, имѣніе Доломанова было взято въ опеку [2]).

---

[1]) Талькой называлась извѣстная мѣра тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, употреблявшихся для болѣе изящныхъ работъ; нитки эти наматывались особеннымъ образомъ на деревянную колодку въ аршинъ длины, такъ что полный оборотъ нитки составлялъ 4 аршина, а на каждой колодкѣ нитка обматывалась 40 разъ, что составляло 160 аршинъ. Такая колодка называлась пасьмою; 40 такихъ пасемъ составляли одну *тальку*. Такимъ образомъ въ каждой талькѣ заключалось 6400 аршинъ тонкихъ нитокъ.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ журнала дворянскаго депутатскаго собра-

карауловъ и возки дровъ для господскаго дома. Земли
достаточно: на каждое тягло въ 3-хъ поляхъ приходилось
7 десятинъ пашни, а съ луговъ накашивали до 100 пу
сѣна на тягло. При такихъ условіяхъ крестьяне достигли
этомъ имѣніи значительнаго благосостоянія. Получивъ им
г. Доломановъ сперва повысилъ оброкъ до 75 р. ассигнац
и установилъ небольшую барщину, спеціально для расчи
срубленнаго близъ хутора лѣса подъ пашню. Затѣмъ онъ ув
чилъ оброкъ до 90 рублей съ тягла и вмѣстѣ съ тѣмъ с
послѣдовательно увеличивать господскую запашку, доведя е
концѣ концовъ до 230 десятинъ, причемъ на 150 десяти
было трехпольное хозяйство, а на 80—четырехпольное. Вм
съ тѣмъ крестьянскіе надѣлы были уменьшены съ 7 до $5^1/_2$ д
тинъ на тягло, и отобрана у крестьянъ часть сѣнокоса,
что вмѣсто прежнихъ 100 пудовъ они стали накашивать
ихъ показанію) до 40 пудовъ (а по показанію помѣщика
70). Въ другой деревни Доломановъ отрѣзалъ отъ крестьян
пашни 30 десятинъ и еще приселилъ на тотъ же надѣлъ
имѣвшимся налицо 25 тягламъ новыхъ 15 тяголъ изъ со
ней деревни, благодаря чему надѣлъ ихъ сократился съ 7 д
тинъ до $4^1/_2$. По подворному списку въ имѣніи г. Долома
въ 1860 году значилось 298 душъ и 154 тягла; по показані
самого Доломанова у него было 165 тяголъ, изъ котор
20 чисто барщинныхъ, а 145 на смѣшанной повинности. Пер
20 работали, впрочемъ, на винокуренномъ заводѣ и въ полев
работахъ помогали остальнымъ „лишь въ свободное отъ за
скихъ работъ время". Слѣдовательно, 145 тяголъ обработы
до 150 десятинъ въ озимомъ и яровомъ поляхъ, т.-е. по д
тинѣ на тягло. При этомъ послѣ уборки хлѣбовъ мужики
дили на заработки, чтобы скопить денегъ для уплаты помѣщ
большого денежнаго оброка (по 25 р. 68 к. серебромъ съ тя
а остальныя осеннія и зимнія работы выполняли женщин
подростки, которымъ приходилось и возить навозъ на помѣщ
поля по глубокому снѣгу, и молотить хлѣбъ.

Независимо отъ этого, каждая женщина должна была до
вить Доломанову по 10 аршинъ холста изъ своего льна и
прясть изъ господской волны (шерсти), а потомъ и выткать
4 аршина сукна; вдовы и дѣвки обязывались каждое л
доставить помѣщику по 3 фунта сушоныхъ грибовъ, а въ слу
недоставки уплатить деньгами по существующей цѣнѣ. Кр
того онѣ же пололи морковь для конскаго завода и переби
картофель для крахмальнаго.

За исполненіемъ всѣхъ работъ помѣщикъ наблюдалъ лично съ большою строгостью, причемъ въ прежнее время (до первыхъ слуховъ о крестьянской реформѣ) въ поля привозились палки и розги, которыми онъ сѣкъ нещадно, давая иногда до 100 ударовъ, и колотилъ бабъ арапникомъ изъ собственныхъ рукъ. Въ числѣ способовъ репрессіи онъ употреблялъ въ дѣло и ссылку въ Сибирь на поселеніе, и сдачу въ рекруты. Самъ онъ отрицалъ это, но, по оффиціальной справкѣ, имъ было сослано съ 1835 по 1858 г. 7 человѣкъ, а по показанію крестьянъ—20; въ рекруты было сдано 28 человѣкъ. Преслѣдуя въ своемъ имѣніи расколъ, развитіе котораго онъ выслѣживалъ предательскими способами, притворившись первоначально сочувствующимъ раскольничьимъ сектамъ, существующимъ въ имѣніи, и посѣщая лично ихъ моленія, и желая прекратить стремленіе своихъ дѣвокъ къ безбрачію, онъ обложилъ каждую дѣвку, не вышедшую замужъ до 22-лѣтняго возраста, особою податью, отъ 10—15 руб. ассигнаціями въ годъ, и сверхъ того повинностью выпрядать по 20 талекъ [1]). Съ отдѣльныхъ, болѣе зажиточныхъ крестьянъ онъ бралъ за перечисленіе ихъ дѣтей, взятыхъ въ дворовые, обратно въ тягловые крестьяне (до 500 р. ассигн. съ человѣка), и за освобожденіе отъ рекрутской повинности (по 500 и по 1000 руб. ассигнаціями), а иногда бралъ у зажиточныхъ крестьянъ просто въ долгъ, котораго потомъ (по показанію крестьянъ) не возвращалъ.

Замѣчательно, что когда крестьяне, доведенные до крайности этою системою управленія, отказались въ 1860 г. выходить на работы, и губернское начальство, обнаруживъ, путемъ мѣстнаго разслѣдованія, всѣ злоупотребленія Доломанова, передало дѣло о немъ на разсмотрѣніе дворянскаго депутатскаго собранія, то это послѣднее признало его совершенно правымъ и во всемъ обвинило крестьянъ. Губернатору,—а имъ въ это время былъ уже В. А. Арцимовичъ,—пришлось перенести дѣло въ Сенатъ, указомъ котораго, въ противность заключенію дворянскаго собранія, имѣніе Доломанова было взято въ опеку [2]).

---

[1]) Талькой называлась извѣстная мѣра тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, употреблявшаяся для болѣе изящныхъ работъ; нитки эти наматывались особеннымъ образомъ на деревянную колодку въ аршинъ длины, такъ что полный оборотъ нитки составлялъ 4 аршина, а на каждой колодкѣ нитка обматывалась 40 разъ, что составляло 160 аршинъ. Такая колодка называлась пасьмою; 40 такихъ пасемъ составляли одну *тальку*. Такимъ образомъ въ каждой талькѣ заключалось 6400 аршинъ тонкихъ нитокъ.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ журнала дворянскаго депутатскаго собра-

Впрочемъ, по сосѣдству съ имѣніемъ Доломанова, въ томъ же уѣздѣ, были имѣнія, въ которыхъ крестьяне находились совершенно въ иномъ положеніи. Таковы ближайшія отъ его хутора имѣнія князя Кочубея и графини Строгоновой. Въ первомъ изъ нихъ крестьяне пользовались пахотной землей до $5^1/_2$ десят. на тягло и независимо отъ этого небольшимъ лугомъ въ 24 десятины за оброкъ по 20 руб. серебр. въ годъ съ тягла, причемъ никакихъ работъ или натуральныхъ повинностей въ пользу помѣщика они не отбывали. Во второмъ имѣніи, значительномъ по размѣру, крестьяне имѣли на 500 тяголъ 4300 дес. всей земли (т.-е. по $8^3/_5$ дес. на тягло), за пользованіе которой они вносили денежный оброкъ по 25 р. сер. съ тягла безъ всякихъ натуральныхъ повинностей. Въ третьемъ сосѣднемъ же имѣніи—г-жи Дьячковой—крестьянамъ было предоставлено пахотной земли по $4^1/_2$ дес. на тягло и сѣнокосная пустошь въ 124 десятины. За это они отбывали помѣщицѣ обыкновенную барщину, сверхъ того платили по 4 руб. 50 коп. съ тягла денежнаго оброка, и затѣмъ съ каждой тягловой бабы положено было по 10 аршинъ холста, по 4 мотка нитокъ изъ господскаго льна, по 2 курицы, по 30 яицъ и по 1 фунту бѣлыхъ грибовъ въ годъ.

Случаи тяжелой смѣшанной повинности были обнаружены передъ освобожденіемъ крестьянъ и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ калужской губерніи. Такъ, напримѣръ, въ малоярославецкомъ уѣздѣ была помѣщица Колосова, славившаяся своею жестокостью и самодурствомъ. Въ ея имѣніи по послѣдней ревизіи считалось 209 душъ и 110 тяголъ. Земли господской, кромѣ луговъ, было 162 десятины. Изъ вышепоказанныхъ 110 тяголъ—20 тяголъ были на чистомъ оброкѣ, платили по 30 рублей съ тягла и никакой барщины не несли; 54 тягла платили по 20 руб. оброка и сверхъ того отбывали господскую работу въ такомъ порядкѣ: съ начала весны — однѣ женщины поголовно, а потомъ мужчины и женщины также поголовно— съ Петрова дня до осени; остальныя 36 тяголъ, не платя оброку „по бѣдности и неисправности", употреблялись поголовно на барщину въ продолженіе всего года. Изъ оброчныхъ тяголъ платившія по 30 руб. отпускались для постороннихъ заработковъ безпрепятственно, а платившія по 20 руб.—только въ свободное отъ господскихъ работъ время. Кромѣ этихъ работъ

нія отъ 24 сентября 1860 года и указа Правит. Сената отъ 15 декабря того же года, за № 51189. (Архивъ В. А. Арцымовича).

и повинностей всѣ тягла—оброчныя и барщинныя—обязывались поставлять помѣщицѣ ежегодно по $^1/_2$ барана (или по 5 рублей ассигнаціями), по 2 курицы, по 15 яицъ, по 10 аршинъ холста, по мотку нитокъ и давать по 5 подводъ въ Москву для отвоза барскаго хлѣба; независимо отъ этого они же ѣздили по нѣскольку разъ въ годъ за господскимъ лѣсомъ за 20 верстъ отъ помѣстья. Въ пользованіи этихъ крестьянъ было всей пахотной земли лишь по $2^1/_2$ десятины на тягло, кромѣ луговъ, съ которыхъ накашивалось до 70 пудовъ сѣна на тягло. Топливо крестьяне получали изъ господскаго лѣса, а на постройки лѣсъ покупали. При этихъ условіяхъ, по показанію 19 сосѣднихъ крестьянъ, допрошенныхъ подъ присягою, 4 двора въ имѣніи г-жи Колосовой жили хорошо, бо́льшая часть средственно, барщинскія же тягла вообще плохо, и были среди нихъ и такія, которыя побирались. Между прочимъ, явнымъ признакомъ плохого состоянія крестьянскихъ хозяйствъ въ имѣніи Колосовой былъ и тотъ фактъ, что на 110 тяголъ всѣхъ лошадей было только 97, такъ что если бы распредѣлить этихъ лошадей на всѣ тягла по 1 только лошади на каждое, то все же на 13 тяголъ лошадей не хватило бы вовсе. Между тѣмъ, по мѣстнымъ условіямъ, вполнѣ исправными могли считаться только тѣ тягла, въ которыхъ было по 2 рабочихъ лошади. Такимъ образомъ, и показаніе сосѣдей, что большая часть крестьянъ Колосовой жили „средственно", надо понимать весьма условно.

Хотя вообще наиболѣе обремененными и обездоленными считались крестьяне въ имѣніяхъ *со смѣшанной повинностью*, но были, конечно, нерѣдко случаи чрезмѣрнаго обремененія и стѣсненія крестьянъ и въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ установлена была одна только барщинная повинность. При этомъ положеніе крестьянъ, ранѣе жившихъ хорошо, нерѣдко круто измѣнялось къ худшему съ перемѣной владѣльца имѣнія, а иногда управляющаго. Любопытный примѣръ такого рода мы находимъ въ дѣлѣ о безпорядкахъ, возникшихъ въ маѣ 1859 года въ имѣніи помѣщика лихвенскаго уѣзда П. А. Яковлева. Крестьяне жаловались на обремененіе ихъ барщиною, которую они отбывали *поголовно* и *ежедневно* во время всѣхъ полевыхъ работъ, не успѣвая убрать своего хлѣба, причемъ указывали, что этотъ порядокъ установленъ у нихъ 3 года назадъ—*съ перемѣной управляющаго имѣніемъ*. Жалуясь также на жестокое обращеніе съ ними помѣщика, крестьяне просили, чтобы у нихъ была установлена законная трехдневная барщина, или „братъ на брата",

притомъ для однихъ лишь тягловыхъ крестьянъ, надѣлен
землею, и чтобы помѣщикъ не наказывалъ ихъ самъ, а
лалъ въ потребныхъ случаяхъ для наказанія въ земскій
(т.-е. въ полицію). Дѣло это было разслѣдовано послѣдоват
нѣсколькими комиссіями, въ составъ которыхъ входили
нымъ образомъ выборные представители дворянства. При
выяснилось, что вся земля въ имѣніи г-на Яковлева разд
почти поровну на помѣщичью запашку и крестьянскій на
У крестьянъ оказалось всего 744 десятины, т.-е. по $6^1/_3$ д
въ трехъ поляхъ на каждое изъ надѣленныхъ землею 1
тяголъ. На каждое изъ этихъ тяголъ приходилось скота:
лошади, по 1 коровѣ, отъ 5—6 овецъ, 1—2 свиньи, и собрано
хлѣба озимаго по 10 копенъ, ярового по 14, изъ чего м
заключить, что крестьяне до этихъ поръ пользовались въ им
г-на Яковлева значительнымъ достаткомъ. Крестьянскія постр
также найдены въ удовлетворительномъ состояніи. Но ра
наложенная на каждое изъ этихъ тяголъ, оказалась дѣй
тельно непосильною и незаконною. Каждое изъ этихъ т
должно было обработать не менѣе 2 десятинъ въ полѣ го
ской земли, тогда какъ по мѣстному обычаю каждое тягл
рабатывало не болѣе $1^1/_2$ десят. въ полѣ. Чтобы испо
означенную повинность, всѣ тягловые работники *ежедневно*
поголовно выгонялись на барщину, пока не кончится вся обра
и уборка господскихъ полей; крестьянскія же поля обра
вались *затягольными* крестьянами (ихъ было отъ 50—6
голъ), на которыхъ не было отведено вовсе земли, и кот
на барщину не выходили, а отправляли лишь караулы за
подской собственностью и разныя черныя работы на бар
дворѣ. Такъ какъ всѣхъ крестьянъ у г. Яковлева было 425
а въ тягло, по мѣстному обычаю, входило не болѣе $2^1/_2$ ду
то затягольныхъ (т.-е. не надѣленныхъ землей и необложен
повинностями) крестьянъ въ имѣніи Яковлева можно было
тать 146 душъ или 58 тяголъ.

Тягловые крестьяне, сверхъ обработки господской земли
зили помѣщику лѣсъ изъ казенной засѣки въ указанныя
для обращенія его въ уголь, а уголь для продажи въ
(такихъ концовъ въ зиму 1858 года сдѣлано было каждым
нихъ 6), возили господскій хлѣбъ въ Калугу за 65 вер
ѣздили за хлѣбомъ же въ малоархангельскій уѣздъ орло
губерніи за 200 верстъ. Всѣ эти работы исполнялись

[1]) Въ среднемъ $2^1/_3$ души.

ии на своихъ лошадяхъ и на свой счетъ. Нерѣдко имъ илось работать поголовно и въ праздникъ. Такъ даже въ ствіи комиссіи крестьяне работали поголовно въ празд-Петра и Павла „безпрекословно, сожалѣя лишь, что со-ли, разговѣвшись безвременно въ полѣ".

ерва г. Яковлевъ, убѣжденный доводами первой коман-нной къ нему комиссіи, согласился-было измѣнить этотъ къ работъ и далъ въ томъ подписку, обѣщаясь: 1) тре-отъ крестьянъ работъ не болѣе 3 дней въ недѣлю или на брата; 2) требовать работъ отъ однихъ лишь тягло-крестьянъ, надѣленныхъ землею, употребляя остальныхъ стному обычаю для караула лѣсовъ, полей и подпаски по ; 3) при назначеніи новыхъ тяголъ надѣлить ихъ пахот-лей и лугомъ наравнѣ съ прочими тягловыми крестьянами; же отъ этихъ новыхъ тяголъ требовать—по мѣстному же — не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ надѣленія ихъ .

нако, вскорѣ г. Яковлевъ отказался отъ этой подписки и, ая на то, что 55 работниками невозможно обработать его у по 200 дес. въ полѣ, признавалъ принятыя имъ только-овія разорительными, и, разсчитывая, что на каждое тягло, стному обычаю, отводится въ надѣлъ обыкновенно лишь дес. въ трехъ поляхъ,—а не по $6^1/_3$, какъ у него,—италъ себя въ правѣ на отведенный уже крестьянамъ на-азначать новыя тягла, доведя ихъ число до 170.

слѣ измѣренія крестьянской земли новою комиссіею эти енія Яковлева приняты были во вниманіе, и ему было жено: 1) передѣлить отведенную крестьянамъ землю на тягла (считая по $4^1/_2$ дес. въ трехъ поляхъ на тягло); едѣлъ этотъ произвести въ апрѣлѣ будущаго (1860) года, ъ какъ, по мнѣнію комиссіи, лошадей и земледѣльческихъ имѣвшихся въ то время у $111^1/_2$ тяголъ, для полнаго тяголъ ($164^1/_2$) было бы недостаточно, то для пріобрѣ-этихъ необходимыхъ средствъ посредствомъ заработковъ лагалось отдалить время вступленія въ тягловую повин-для вновь назначенныхъ 53 тяголъ до 1 января 1861 г., оженіемъ, однако, на нихъ въ пользу владѣльца легкаго отъ 6—7 руб. въ годъ съ тягла; 3) въ отношеніи дво-стающихся на положеніи затягольныхъ, установить отбы-разныхъ карауловъ черезъ 2 недѣли на 3-ю или, взамѣнъ овинности, тотъ же оброкъ отъ 6 — 7 рублей въ годъ. ключеніемъ дряхлыхъ и увѣчныхъ; 4) съ тягловыхъ

крестьянъ, вдовыхъ и холостыхъ, женскихъ работъ не требовать до вступленія ихъ въ бракъ; 5) по окончательной уборкѣ съ полей хлѣба половину тягловыхъ работниковъ отпускать въ заработки до 1 апрѣля или до начала весеннихъ полевыхъ работъ; 6) подводы брать только съ тягловыхъ крестьянъ для возки топлива для господскаго дома и службъ изъ лѣсу и для отвоза на ближайшіе рынки (Калуга, Тула) мѣстныхъ сельскихъ произведеній; 7) впредь до вступленія въ полную тягловую повинность вновь назначаемыхъ 53 тяголъ господскую запашку нѣсколько уменьшить.

По требованію Яковлева былъ измѣненъ § 2 этихъ условій въ томъ смыслѣ, чтобы до 1 января 1861 г. вновь назначенныя тягла, вмѣсто оброка въ 6—7 руб., употреблялись поочередно чрезъ 2 недѣли на 3-ю, съ апрѣля по октябрь 1860 г., для помощи въ обработкѣ господскихъ полей,—чѣмъ и уменьшится, какъ онъ замѣчалъ, размѣръ работы для остальныхъ тяголъ. Впослѣдствіи губернскій предводитель сообщалъ, что Яковлевъ согласился до 1 янв. 1861 г. временно сократить свою запашку на 100 десятинъ (по 33 дес. въ полѣ).

Любопытно, что для приведенія въ исполненіе установленнаго порядка комиссія признавала необходимымъ вводъ въ имѣніе Яковлева войска „подъ видомъ временнаго квартированія".

Изъ этихъ примѣровъ не трудно заключить, что крѣпостные порядки въ калужской губерніи были въ это время таковы, какъ и въ другихъ нечерноземныхъ губерніяхъ [1]).

Тяжеле всего положеніе крестьянъ, по общему правилу, было въ имѣніяхъ со смѣшанною повинностью, но и въ чисто барщинныхъ нерѣдко бывали случаи крайняго угнетенія и безразсуднаго разоренія крестьянъ помѣщиками. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что каждый помѣщикъ извлекалъ здѣсь свои средства не столько изъ земли, сколько изъ крѣпостного труда, безъ котораго земля сама по себѣ давала очень мало. Только при даровомъ трудѣ крѣпостныхъ могли существовать тѣ типы хозяйствъ, которые мы встрѣчаемъ въ калужской, какъ и въ другихъ нечерноземныхъ губерніяхъ въ это время.

Сельское хозяйство въ калужской губерніи въ концѣ 50-хъ годовъ было на очень невысокой стадіи развитія [2]). Господствующая система хлѣбопашества была трехполье. Скудная почва тре-

---

[1]) Ср. И. И. Игнатовичъ „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія". Спб. 1902 г.

[2]) Дейлидовичъ „Очеркъ сельскаго хозяйства въ калужской губ." въ Памятн. кн. на 1861 г., стр. 353.

бовала удобренія, для чего нужно было бы держать значительное количество скота. Между тѣмъ недостатокъ луговъ совершенно этому препятствовалъ. Большая часть помѣщиковъ, даже тѣ, которые жили въ своихъ имѣніяхъ и содержали господскую запашку, обработку земли всецѣло возлагали на своихъ крестьянъ, которые обрабатывали ее своими лошадьми и орудіями. Орудія обработки были примитивныя, вспашка неглубокая, благодаря чему хлѣбопашество процвѣтало лишь въ исключительныхъ случаяхъ у немногихъ образцовыхъ хозяевъ, которые на всю губернію считались единицами.

„Справедливо и очень вѣрно доказывалъ мнѣ одинъ весьма образованный сельскій хозяинъ, — пишетъ г. Дейлидовичъ [1]), — что земледѣліе въ калужской губерніи не промышленность, по нерадѣнію къ нему и небрежности. Уже то обстоятельство, что большая часть мужчинъ, уходя въ другія губерніи на заработки, оставляетъ всѣ полевыя работы на женщинъ, стариковъ и дѣтей, достаточно свидѣтельствуетъ о невниманіи къ земледѣльческимъ работамъ и сельскому хозяйству вообще. Правда, нельзя калужскому земледѣльцу остаться при одной этой промышленности безъ другихъ промысловъ, потому что земледѣліе очень часто не обезпечиваетъ всѣхъ его потребностей. Земля бѣдна, мало вознаграждаетъ за трудъ, потому что мало получаетъ удобренія, а удобренія мало потому, что скота мало, а скота мало потому, что луговъ мало, и тѣ плохого достоинства, а тутъ еще соперничество и надежда на хлѣбъ южныхъ и болѣе хлѣбородныхъ губерній — все это охлаждаетъ охоту къ земледѣлію и его усовершенствованію и заставляетъ искать другихъ промысловъ въ губерніи и далеко внѣ ея предѣловъ. Вотъ почему у насъ смотрятъ на земледѣліе не какъ на промышленность, на которой можно было бы основать благосостояніе, а какъ на необходимое слѣдствіе владѣнія землею“.

„Землевладѣльцы, — говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, — считая хлѣбопашество дѣломъ не барскимъ, по большей части предоставляли его въ вѣдѣніе и полное распоряженіе крестьянамъ; а крестьяне работали безъ разсужденій, лишь бы дѣло сбыть“ [2]).

Къ концу 50-хъ годовъ, да и раньше, многіе помѣщики сознавали необходимость перейти къ фермерскому хозяйству, ввести въ сѣвооборотъ корнеплоды и травосѣяніе, но все это

[1]) Тамъ же, стр. 360.
[2]) Тамъ же, стр. 371.

требовало капиталовъ, а капиталовъ не было... Конечно, отдѣльныя попытки образцовыхъ раціональныхъ хозяйствъ были и въ калужской губерніи. Таковы еще въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка образцовыя хозяйства англичанина Карра и русскаго просвѣщеннаго помѣщика Полтарацкаго; таковы хозяйства малоярославецкихъ помѣщиковъ Лисевича и Ланского, существовавшія передъ освобожденіемъ крестьянъ. Но все это рѣдкія исключенія.

Домашній бытъ и нравственный уровень помѣщиковъ калужской губерніи въ эпоху освобожденія былъ очень невысокъ. Въ подтвержденіе этому, достаточно привести на справку нѣсколько возмутительныхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, поднятыхъ въ концѣ 50-хъ гг. при В. А. Арцимовичѣ. Конечно, какъ ни возмутительны поступки этихъ помѣщиковъ сами по себѣ, они не могли бы быть выставлены, какъ образецъ нравовъ всего калужскаго дворянства. Но разительнымъ въ этомъ отношеніи показателемъ является тотъ фактъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дворянское депутатское собраніе, на разсмотрѣніе котораго дѣла эти были обращаемы, старалось, если не могло совершенно потушить ихъ или замять, то хоть затормозить и смягчить отвѣтственность этихъ помѣщиковъ. Другимъ такимъ же показателемъ явились дворянскіе выборы въ 1860 г., когда, желая усилить крѣпостническую партію, дворяне не стѣснялись выбирать на должности предводителей дворянства людей, нравственно запятнанныхъ. Оба эти явленія мы въ своемъ мѣстѣ опишемъ подробнѣе; теперь же не будемъ на нихъ останавливаться.

Калужская губернія отозвалась послѣдняя на призывъ Императора Александра II къ работамъ по улучшенію быта крестьянъ, и, благодаря этому, многіе были склонны разсматривать ее, какъ гнѣздо крѣпостничества. Это едва ли вполнѣ справедливо. Въ этомъ отношеніи калужское дворянство мало отличалось отъ дворянства другихъ великорусскихъ губерній. Огромное большинство калужскихъ дворянъ въ вопросѣ эмансипаціи стояло, разумѣется, на почвѣ своихъ сословныхъ, эгоистическихъ интересовъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, но вѣдь и въ другихъ губерніяхъ члены либеральнаго меньшинства считались единицами.

Бывшій калужскій губернаторъ гр. Д. Н. Толстой, оставившій свой постъ въ 1858 году, когда крестьянскій вопросъ былъ уже въ полномъ ходу, высокомѣрно охарактеризовалъ калужскихъ дворянъ въ запискѣ, представленной имъ товарищу

министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшину. Напоминая Левшину обстоятельства его собственнаго собесѣдованія съ этими дворянами, гр. Толстой пишетъ: „результатомъ объясненій большинства этихъ господъ дворянъ было съ ихъ стороны слѣдующее убѣжденіе: крестьяне вообще люди *глупые, необразованные и буйные*, въ ожиданіи улучшенія своей будущности *сохраняющіе ненарушимое спокойствіе и ведущіе себя чрезвычайно умно*, до того, что при открытіи здѣсь Дворянскаго Комитета не мѣшало бы допустить въ оный крестьянъ. Съ другой стороны, помѣщики, просвѣщенные и попечительные о нуждахъ крестьянъ, не видятъ никакого для себя обезпеченія въ будущемъ, въ особенности при надѣлѣ крестьянъ усадебною землею, потому что крестьяне ихъ доведены до нищеты и не имѣютъ никакихъ средствъ выплатить опредѣленную сумму, несмотря ни на какіе сроки, и потому представители дворянства желали бы оставить крестьянъ въ прежнемъ положеніи“.

Далѣе графъ продолжаетъ: „я счелъ нужнымъ выписать это убѣжденіе бывшихъ на собесѣдованіи дворянъ, какъ доказательство, чего можно ожидать отъ подобныхъ дѣятелей. Не знаю, каковы представители другихъ губерній, но, судя по вышеизложенному выводу, прискорбно было бы думать, что въ немъ заключается особенность калужской“.

Мы не знаемъ, насколько точно передаетъ гр. Толстой происходившій между товарищемъ министра и калужскими дворянами разговоръ; можно, однакоже, думать, что если графу довелось впослѣдствіи ознакомиться съ журналами Губернскаго Комитета, членами котораго были тѣ же представители калужскаго дворянства, то онъ навѣрное долженъ былъ отказаться отъ сдѣланнаго имъ заключенія. Ниже мы увидимъ, сколько сообразительности и тонкаго пониманія своихъ выгодъ проявили калужскіе дворяне, засѣдавшіе въ Комитетѣ, несмотря на всѣ свои крѣпостническіе взгляды, привычки и аппетиты.

Калужское дворянство отозвалось на Высочайшіе рескрипты 20-го ноября 1857 г. дѣйствительно послѣднее [1]), и губернскій предводитель Щукинъ въ рѣчи, произнесенной при открытіи Комитета, счелъ необходимымъ оправдаться и указать, что медленность эта проистекала вовсе не изъ нежеланія слѣдовать великодушному призыву Государя, а единственно отъ сознанія серьезности предстоящей задачи и необходимости лучше приго-

[1]) Ср. Скребицкаго: „Крестьянское дѣло въ царствованіи Императора Александра II“, т. I, стр. XXIV—XXV.

товиться къ ея разрѣшенію. Если послѣдовавшіе факты заставляютъ сомнѣваться въ искренности начала этой фразы, то нельзя не признать, что послѣднее заявленіе г. Щукина было совершенно вѣрно: калужскіе дворяне приступили къ обсужденію крестьянской реформы, тщательно обдумавъ и обсудивъ дѣло въ тиши своихъ кабинетовъ, въ глубинѣ помѣщичьихъ усадьбъ, въ непрерывныхъ частныхъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ.

Въ сущности уже въ запискѣ гр. Толстого, составленной несомнѣнно подъ вліяніемъ бесѣдъ и совѣщаній съ тѣми же дворянами, проскальзываютъ опредѣленные взгляды на крестьянскую реформу, впослѣдствіи яснѣе и рѣзче выразившіеся въ дебатахъ и постановленіяхъ калужскаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Такова, напримѣръ, идея выкупа при содѣйствіи правительства, основанная на сознаніи необходимости полной ликвидаціи прежняго хозяйственнаго строя, причемъ помѣщики очень ясно представляли себѣ, что разъ они лишатся дарового крестьянскаго труда, то для нихъ, при малоцѣнности калужскихъ земель, все спасеніе заключается въ переходѣ къ фермерскому хозяйству, къ интенсивному земледѣлію, требующему прежде всего капитала. Поэтому имъ не жаль было отдать крестьянамъ часть земли, лишь бы взамѣнъ сразу пріобрѣсти необходимыя для нихъ денежныя средства. Если они при этомъ тщательно старались не дать крестьянамъ слишкомъ много земли, то вовсе не потому, чтобы имъ было жаль этой земли, а единственно потому, что они опасались, надѣливъ крестьянъ полнымъ надѣломъ, освободить ихъ тѣмъ самымъ не только отъ вотчинной крѣпостной зависимости, но и отъ матеріальной необходимости наниматься на работы. Они хотѣли дать столько, чтобы матеріально привязать крестьянъ къ землѣ и вмѣстѣ обусловить для нихъ необходимость, ради дополнительнаго заработка, наниматься къ помѣщикамъ. Они тонко поняли свое положеніе, отлично столковались и весьма послѣдовательно стремились—въ сущности даже почти безъ различія партій—къ упроченію своего помѣщичьяго быта при новомъ порядкѣ вещей, который создавался независимо отъ ихъ воли, а скорѣе наперекоръ ей. Они поняли неизбѣжность реформы и рѣшились не оказывать ей безполезнаго сопротивленія, а употребить свое вліяніе и свое время на то, чтобы при выработкѣ и осуществленіи новыхъ положеній какъ можно лучше обезпечить матеріальныя и нѣкоторыя нематеріальныя выгоды своего сословія. При этомъ они обнаружили весьма недюжинныя способности, отличное знаніе дѣла, большую проницательность и замѣ-

чательную послѣдовательность и стойкость въ достиженіи своихъ цѣлей. Они доказали, что могутъ явиться серьезной сословной и общественной силой, и бороться съ ними оказалось вовсе нелегкой задачей, что̀ и испыталъ на себѣ впослѣдствіи новый калужскій губернаторъ В. А. Арцимовичъ, особенно когда ему пришлось примѣнять Положеніе 1861 года на дѣлѣ.

Несимпатичная, отталкивающая сторона большинства представителей калужскаго дворянства заключалась вовсе не въ нерѣшительности и сбивчивости понятій, не въ отсутствіи здраваго смысла и способности къ самоуправленію — какъ это можно вывести изъ записки гр. Толстого,—она заключалась въ рѣзко сознанномъ и проявленномъ сословномъ эгоизмѣ, причемъ на первомъ планѣ имѣлись въ виду всегда матеріальные интересы сословія; нематеріальные же его интересы понимались чрезвычайно своеобразно—они сводились къ чувству дворянской чести, которая истолковывалась, однако, довольно низменно. Большинство понимало подъ честью право первенствовать, властвовать надъ другими, основанное не на нравственныхъ достоинствахъ, а на положительномъ законѣ, историческомъ фактѣ, дѣйствіе котораго на будущее время имѣлось въ виду поддержать не какими-либо высокими нравственными принципами, а грубыми матеріальными средствами, поскольку они были во власти сословія. Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ и непосредственные матеріальные интересы, и вопросъ поддержанія дворянской чести для большинства дворянъ сводился къ поддержанію и развитію матеріальныхъ средствъ и матеріальной силы и власти своего сословія и каждаго его члена въ отдѣльности.

Эту характеристику я прилагаю, конечно, лишь къ тѣмъ *представителямъ* дворянскаго сословія губерніи, которые за него думали, за него рѣшали и отвѣчали, которые составляли, такъ сказать, мысль или душу дворянской массы; слѣдовательно, имѣю въ виду дворянъ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ и мыслящихъ, и это нисколько не исключаетъ наличности въ то время въ захолустныхъ дворянскихъ берлогахъ и такихъ чисто гоголевскихъ типовъ, которые совершенно не могли уразумѣть значенія совершавшагося передъ ними событія, но они въ разрѣшеніи его въ первой стадіи реформы и не принимали непосредственнаго участія. Были, конечно, и простые чудаки и самодуры, которымъ понять смыслъ совершавшагося событія мѣшалъ не недостатокъ образованія, а привитые своеобразнымъ воспитаніемъ и захолустною жизнью предразсудки. Такъ, напримѣръ,

о помѣщикѣ П. А. Яковлевѣ, барщинные порядки въ имѣні
раго мы описали выше, уѣздный судья А. П. Племянниковъ
меньшинства въ Губ. Ком-тѣ) писалъ губернатору въ 18
„г. Яковлевъ не можетъ разстаться съ своими закорен
привычками и убѣдиться въ необходимости грядущей ре
и это выражается у него такъ странно, что онъ прекр
по собственному сознанію, полученіе повременныхъ и
потому что не можетъ равнодушно видѣть отдѣла о кре
скомъ вопросѣ. Нынѣшній годъ онъ не получаетъ ни
скаго Вѣстника“, ни „Современника“, тогда какъ прежні
эти журналы я у него видѣлъ на письменномъ столѣ
шкафахъ библіотеки“.

Съ другой стороны, среди болѣе образованныхъ дворя
берніи было небольшое меньшинство, одушевленное иным
лѣе возвышенными идеями; но, во-первыхъ, меньшинст
было численно очень невелико, а, во-вторыхъ, вполнѣ
тельно и послѣдовательно истолковывали эти идеи и въ
меньшинствѣ лишь нѣсколько человѣкъ, которые и засл
впослѣдствіи ненависть своихъ собратій, и на которыхъ,
нымъ образомъ, опирался въ своихъ дѣйствіяхъ гуман
просвѣщенный губернаторъ. Въ числѣ этихъ людей были
что возвращенные изъ ссылки декабристы (П. Н. Свист
Г. С. Батенковъ и кн. Евг. П. Оболенскій), одинъ пет
вецъ (Н. С. Кашкинъ) и нѣсколько молодыхъ людей с
шимъ образованіемъ.

Какъ бы то ни было, благодаря позднему отклику н
зывъ къ крестьянской реформѣ, калужская губернія въ
щихъ сферахъ и въ петербургскомъ обществѣ пріобрѣл
въ то время репутацію губерніи закоренѣлыхъ крѣпостн
Между губернаторомъ гр. Толстымъ, министромъ внутр
Ланскимъ и губернскимъ предводителемъ Щукинымъ пр
дила въ 1858 г. переписка, въ которой министерство н
чиво требовало ускоренія дѣла, и Щукину выражено был
прямое порицаніе за медленность въ этомъ дѣлѣ.

Губернаторъ гр. Д. Н. Толстой, видя, что съ калуж
дворянами справляться будетъ не легко, предпочелъ добро
оставить свой постъ, и на его мѣсто назначенъ былъ
губернаторъ, человѣкъ молодой, но уже испытанной эне
выдающихся дарованій—Викторъ Антоновичъ Арцимович

ГЛАВА II.

В. А. Арцимовичъ. Его происхожденіе и воспитаніе. Начало его служебной карьеры. Важное значеніе участія его въ самомъ началѣ служебнаго поприща въ сенаторскихъ ревизіяхъ. Служба въ сенатской канцеляріи. Участіе въ ревизіи Западной Сибири генералъ-адъютантомъ Анненковымъ. Назначеніе тобольскимъ губернаторомъ. Дѣятельность Виктора Антоновича въ тобольской губерніи и направленіе, которое онъ тамъ обнаружилъ. Характеристика В. А. Арцимовича его калужскими сослуживцами (П. Н. Обнинскимъ и А. А. Муромцевымъ). Взгляды его на задачи и пріемы губернаторской власти, высказанные имъ въ двухъ запискахъ: объ упадкѣ губернаторской власти и по поводу предполагавшагося введенія временныхъ генералъ-губернаторствъ для проведенія крестьянской реформы. Обстоятельства, вызвавшія вторую записку, составленную В. А. Арцимовичемъ, отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, и представленную послѣднимъ Государю. Неблагопріятное впечатлѣніе этой записки на Императора Александра II. Высочайшія отмѣтки, съ которыми она была возвращена. Значеніе этихъ записокъ для характеристики взглядовъ В. А. Арцимовича.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ родился 19-го апрѣля 1820 г. въ г. Бѣлостокѣ, по происхожденію литвинъ и католикъ [1]), воспитывался въ Петербургѣ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ средѣ русской молодежи (дѣтей русскихъ дворянъ и высокопоставленныхъ чиновниковъ). Отецъ Виктора Антоновича, изъ дворянъ гродненской губерніи, служилъ въ русской государственной службѣ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Свою связь съ Россіей, съ русскими понятіями и интересами, привитую ему воспитаніемъ, В. А. еще болѣе упрочилъ впослѣдствіи женитьбой на дѣвушкѣ изъ коренной русской семьи, дочери сенатора М. Н. Жемчужникова, съ сыномъ котораго онъ воспитывался въ училищѣ Правовѣдѣнія.

Одинъ изъ братьевъ Виктора Антоновича Адамъ Антоновичъ воспитывался въ томъ же училищѣ и былъ въ началѣ 60-хъ годовъ самарскимъ губернаторомъ (послѣ К. К. Грота), а затѣмъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа; другой (Антонъ Антоновичъ) служилъ по судебному вѣдомству и состоитъ сенаторомъ уголовн. кассац. департ. и въ настоящее время.

Училище Правовѣдѣнія, только-что основанное тогда принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ, имѣло цѣлью приготовленіе чи-

---

[1]) Свѣдѣнія о происхожденіи В. А. Арцимовича приведены въ статьѣ В. Д. Спасовича о дѣятельности В. А. въ Царствѣ Польскомъ. См. наст. книгу.

новниковъ и государственныхъ дѣятелей честныхъ нравственныхъ правилъ, способныхъ бороться со взяточничествомъ и искоренять злоупотребленія, заполонившія въ то время всѣ административныя и судебныя учрежденія Имперіи. И дѣйствительно, можно вспоминать съ признательностью о дѣятельности многихъ правовѣдовъ первыхъ выпусковъ.

Тотчасъ по окончаніи школы В. А. поступилъ на службу въ Сенатъ помощникомъ секретаря въ одинъ изъ петербургскихъ департаментовъ—17 іюня 1841 года. Уже черезъ полгода ему посчастливилось попасть въ командировку къ сенатору Бѣгичеву, ревизовавшему орловскую и калужскую губерніи. Вслѣдъ затѣмъ онъ прикомандированъ былъ къ другому ревизующему сенатору М. Н. Жемчужникову — своему будущему тестю, которому было въ то время поручено обревизовать таганрогское и керченское градоначальства. Въ этой командировкѣ Викт. Ант. пробылъ до 20 февраля 1845 г., причемъ на него было возложено завѣдываніе сенаторской канцеляріей. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ его служебной карьеры ему пришлось близко познакомиться съ провинціальной жизнью и со всѣми ея особенностями, большею частью весьма неприглядными. Ему посчастливилось при этомъ имѣть честнаго и умнаго руководителя въ лицѣ М. Н. Жемчужникова, который и самъ былъ до своего сенаторства губернаторомъ и хорошо зналъ весь механизмъ и не только казовую сторону, но и изнанку тогдашней административной машины и всей нашей государственной жизни. По возвращеніи въ сенатскую канцелярію В. А. исправлялъ должность секретаря, а съ 1847 года оберъ-секретаря въ различныхъ департаментахъ и присутствіяхъ Сената. Разнообразіе дѣлъ, съ которыми ему приходилось вѣдаться и внутренній смыслъ которыхъ (для другихъ нерѣдко сокровенный) онъ научился понимать во время своего участія въ сенаторскихъ ревизіяхъ, продолжало обогащать его разностороннимъ опытомъ. Въ декабрѣ 1850 г. онъ получилъ новую интересную и очень полезную для него командировку—участвовать, въ качествѣ уже старшаго чиновника, въ ревизіи Западной Сибири, возложенной тогда на члена Государственнаго Совѣта генералъ-адъютанта Анненкова. Участіе въ этой ревизіи, гдѣ онъ былъ уже главнымъ работникомъ, послужило черезъ нѣсколько лѣтъ основаніемъ къ назначенію его тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Это назначеніе состоялось въ мартѣ 1854 г., когда Виктору Антоновичу было всего 33 года.

Тобольская губернія въ это время славилась грабительствомъ и распущенностью чиновниковъ [1]). Губернаторская власть была въ совершенномъ упадкѣ, дискредитированная взяточничествомъ и безчинствомъ предшественниковъ Арцимовича. Всѣми дѣлами завѣдывали канцелярскіе воротилы, причемъ тобольскія канцеляріи сносились, минуя губернатора, съ канцеляріей Главнаго Управленія въ Омскѣ и отъ начальниковъ отдѣленій послѣдней получали распоряженія. В. А. Арцимовичу приходилось не только бороться со взяточничествомъ чиновниковъ, съ злоупотребленіями откупа, съ воровствомъ въ тюрьмахъ, больницахъ и прочихъ казенныхъ заведеніяхъ, съ произвольными и незаконными дѣйствіями различныхъ должностныхъ лицъ, но и хлопотать о возстановленіи довѣрія къ самой губернаторской власти. Трудность этого положенія усугублялась глухимъ противодѣйствіемъ генералъ-губернаторской канцеляріи и слабостью тщеславнаго и неопытнаго въ гражданскихъ дѣлахъ генералъ-губернатора—его прямого начальника.

Программа, которую В. А. здѣсь объявилъ съ самаго начала и неотступно старался выполнить, была очень проста: онъ требовалъ со стороны правительственныхъ мѣстъ „вниманія къ нуждамъ управляемыхъ и строгости къ нарушителямъ порядка". Но привести эту простую программу въ исполненіе оказалось чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что онъ все время имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь двухъ-трехъ сотрудниковъ, на которыхъ могъ положиться. Однако, несмотря на всѣ трудности, В. А. Арцимовичъ достигъ успѣха: въ теченіе 4 лѣтъ, проведенныхъ въ Тобольскѣ, онъ водворилъ порядокъ и правильное движеніе дѣлъ въ правительственныхъ мѣстахъ, изгналъ наиболѣе неисправимыхъ и наглыхъ хищниковъ, усмирилъ и заставилъ быть осторожнѣе остальныхъ и совершенно возстановилъ престижъ губернаторской власти и довѣріе къ ней жителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ вниманіе на жалкое, а иногда и ужасное положеніе тюремъ, больницъ, городского благоустройства и народнаго образованія и успѣлъ во многомъ улучшить ихъ состояніе. Въ результатѣ и генералъ-губернаторъ призналъ его честнѣйшимъ и полезнѣйшимъ дѣятелемъ края, а тоболяки долго не могли забыть его просвѣщеннаго и гуманнаго управленія и впослѣдствіи чутко отзывались каждый разъ, какъ только людская вражда и клевета пытались въ пе-

---

[1]) Объ управленіи В. А. Арцимовичемъ тобольскою губерніею см. статью Е. С. Скроныщева, стр. 13—100 настоящей книги.

чати наложить тѣнь на священное для тоболяковъ им
тора Антоновича Арцимовича.

Въ Тобольскѣ у В. А. побѣлѣла голова, но за
окончательно закалился и приготовился здѣсь къ той
щей дѣятельности, которая предстояла ему въ Калугѣ.

Въ Калугу онъ пріѣхалъ, такимъ образомъ, не толь
вполнѣ сформировавшимся государственнымъ дѣятелем
и опытнымъ губернаторомъ. Одинъ изъ калужскихъ со
цевъ В. А-ча — П. Н. Обнинскій оставилъ намъ яркую его
теристику, трогательную по своей искренности и тепло

„Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, — говоритъ П.
нинскій, принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ на
которыя вносятъ въ среду, гдѣ дѣйствуютъ, очищающій
гораживающій элементъ; имъ, этимъ свѣточамъ добра
зедливости, не нужно тѣхъ обычныхъ пріемовъ, как
урядный руководитель старается импонировать своей по
ной іерархіи; имъ достаточно нѣсколькихъ словъ, одного
жеста, чтобы морально подѣйствовать на собесѣдника;
ними все грязное, низкое, пошлое бѣжитъ прочь и пр
какъ тѣнь исчезающей ночи передъ разсвѣтомъ ясна
они влекутъ къ себѣ всякій умъ и покоряютъ всякое
Личныхъ враговъ подобные люди не имѣютъ; ихъ в
враги того дѣла, которому они служатъ, и лишь измѣ
миритъ этихъ враговъ съ ними. Чѣмъ выше это дѣл
средой дѣйствія, чѣмъ ревностнѣе служеніе ему, тѣмъ я
вражда къ олицетворяющему это дѣло, къ представите
вой души его, но тѣмъ быстрѣе порицаніе переходитъ в
вету и тѣмъ безвреднѣе усилія противниковъ. Прежде
этой враждебной работѣ мѣшало то, что В. А. былъ
шенно свободенъ отъ тѣхъ слабостей и недостатковъ, ко
такъ часто страдаетъ служебный дѣятель, быстро возне
судьбою на тотъ или другой вліятельный служебный
Каждый обращающійся къ нему совершенно забывалъ, ч
редъ нимъ губернаторъ, генералъ и звѣздоносецъ. Ни
чиновнаго чванства, задора, ни жеста, ни голоса, въ кот
чувствовалась бы или звучала какая-нибудь начальственная
нотка, и несмотря на то, мнѣ кажется, что у послѣдняго мерзавца не хватило бы духа непочтительно забыться передъ такимъ начальникомъ, обмануть, „подвести", или постараться плѣнить его своей раболѣпной покорностью. Не сказывался въ немъ, наоборотъ, ни единой черточкой и иной, тогда весьма распространенный, типъ сановника-либерала, щеголяющаго

ей гуманностью ради карьеры или панибратствомъ съ подчи-
иною молодежью ради популярности. Нѣтъ, это была какая-
величавая простота, искренняя и естественная,—душа, все-
ло поглощенная идеей, не вносившая въ свое дѣло ничего
иаго, ничего напускного, мягкая, спокойная и привѣтли-
, но въ то же время сильная волей, властная и стойкая
охранѣ права и закона. Всѣми, друзьями и недругами,
ъ-то инстинктивно чувствовалась въ этомъ молодомъ чело-
ѣ съ сѣдыми волосами та мощь, та миссія „не отъ міра
о", которая пребудетъ непоколебимою и вѣрною въ какія
дно эпохи, при какихъ угодно вѣяніяхъ, въ какихъ бы то
было условіяхъ"...

„Съ В. А. я познакомился—пишетъ другой его сослужи-
ъ (А. А. Муромцевъ) [1]—въ Калугѣ въ 1858 г., когда онъ
ъ тамъ губернаторомъ, а я былъ избранъ медынскимъ дво-
ствомъ членомъ калужскаго губернскаго комитета по устрой-
у быта помѣщичьихъ крестьянъ. Немного нужно было вре-
и, чтобы увидѣть въ В. А. человѣка выдающагося во всѣхъ
ошеніяхъ, съ свѣтлымъ умомъ, высоко-гуманнаго, съ харак-
омъ твердымъ, и убѣдиться, что высказанныя имъ слова,
„мы призваны къ участію въ подвигѣ человѣколюбивомъ,
олненномъ гражданской мысли и человѣколюбивыхъ стре-
ій" и что онъ „будетъ дѣйствовать съ искреннимъ и твер-
ъ убѣжденіемъ въ великомъ и благотворномъ значеніи пре-
зованія быта помѣщичьихъ крестьянъ",—что эти слова не
ы, что онъ исполнитъ ихъ. Это и доказалъ онъ всецѣло
дѣлѣ".

Такимъ представлялся В. А. своимъ новымъ сотрудникамъ
Калугѣ, такимъ былъ онъ и на самомъ дѣлѣ.

Г. Обнинскій [2]) считаетъ калужскую службу Арцимовича
минаціоннымъ пунктомъ его долгой и плодотворной госу-
твенной дѣятельности. „Въ эти немногіе годы было имъ
ано много, такъ много, что затраченныхъ тогда труда,
гіи, дарованій, одушевленія и достигнутыхъ тѣмъ резуль-
ъ хватило бы на цѣлыя десятилѣтія, на нѣсколько выдаю-
щихся біографій; въ эти немногіе годы нравственный обликъ
В. А. развернулся во всю свою ширь на благодарной почвѣ

---

[1]) См. ст. А. А. Муромцева.

[2]) „В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ въ 1861—1863 гг.", стр. 109—128 наст. книги.

того всеобщаго обновленія, того подъема, какими отмѣчены были первые годы объявленной воли, и закалился въ тяжкой, суровой борьбѣ за правду, законъ и права освобожденнаго народа“.

Справедливо указывая на совершенную исключительность условій, въ которыхъ тогда приходилось дѣйствовать, на полную неприспособленность тогдашней правительственной машины и отдѣльныхъ дѣятелей къ запросамъ и задачамъ того незабвеннаго времени, г. Обнинскій сравниваетъ положеніе тогдашняго администратора съ положеніемъ человѣка, котораго только что выпустили на волю изъ темнаго и тѣснаго заточенія, гдѣ онъ отвыкъ отъ свѣта и движенія. „И вотъ, — пишетъ онъ,— когда другіе, щуря глаза и немощно протянутыми руками ища привычную опору, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, то брели, сами не зная куда, то пятились въ страхѣ назадъ, Арцимовичъ пошелъ смѣло и прямо впередъ къ этому свѣту и простору, широко распахнувъ двери передъ грядущею въ нихъ свободою, и поставилъ у входа надежную стражу, охранявшую торжественный путь ея. Онъ явился какъ бы нарочно созданнымъ для такого дѣла, и самое дѣло — нашедшимъ въ немъ своего достойнѣйшаго исполнителя“.

Прежде чѣмъ пріѣхать въ Калугу, В. А. Арцимовичъ имѣлъ случай оффиціально формулировать свои взгляды на задачи административной и, въ частности, губернаторской власти въ двухъ замѣчательныхъ запискахъ, представленныхъ имъ лѣтомъ 1858 года министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому.

Первая записка, представленная министру 10 іюня, касается вопроса о *причинахъ упадка губернаторской власти*. Она начинается указаніемъ на то, что вопросъ этотъ имѣетъ уже значительную давность и, несмотря на обстоятельное обсужденіе его еще въ Комитетѣ 6 декабря 1826 года, все не находитъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Отмѣтивъ мимоходомъ, какъ образецъ, заслуживающій ознакомленія, французскій декретъ 25 марта 1856 года, касающійся власти префектовъ во Франціи, авторъ записки высказываетъ слѣдующія сужденія по существу этого вопроса, въ примѣненіи къ современной русской дѣйствительности. Онъ находитъ невозможнымъ возстановить прежнее значеніе губернаторовъ и полагаетъ, что къ этому не слѣдуетъ и стремиться. „Правительство, пишетъ В. А., тогда найдетъ образецъ своего губернатора, когда оно пожелаетъ, чтобы губернаторъ вполнѣ соотвѣтствовалъ настоящимъ обстоятельствамъ и неотступнымъ требованіямъ времени. Если оно будетъ ясно

видѣть вокругъ себя и зорко глядѣть *впередъ*, оно убѣдится, что этотъ образецъ *не позади* [1]). Власть прежнихъ губернаторовъ была велика, но сила ихъ основывалась отчасти на недостаткахъ, которыхъ теперь не существуетъ. Такъ, напримѣръ, изданіе свода законовъ—одна изъ самыхъ полезныхъ и важныхъ государственныхъ мѣръ—послужило къ уменьшенію власти губернаторовъ въ прежнемъ смыслѣ, *потому что обширное значеніе ихъ было основано не на силѣ закона, а на проявленіи личнаго своего вліянія и носило на себѣ печать патріархальнаго самоуправія* [2]). Въ настоящее время *губернаторы должны обновиться и искать своего значенія въ одномъ бдительномъ надзорѣ за исполненіемъ установленнаго въ законахъ порядка*. Близкое ознакомленіе съ симъ порядкомъ и мѣстными нуждами сдѣлалось необходимымъ условіемъ благодѣтельнаго вліянія начальниковъ губерній,—*нужно не только пользоваться властью, но и выучиться ее примѣнять*. Нынѣ, къ счастью, задача управленія не заключается болѣе въ грубыхъ формахъ, рѣзкомъ тонѣ и въ личныхъ нападеніяхъ на отдѣльныя, случайно замѣченныя злоупотребленія, а требуетъ постоянной заботы о прочномъ усовершенствованіи самихъ органовъ управленія".

Эти простыя и совершенно понятныя истины въ то время въ устахъ человѣка, который самъ четыре года управлялъ огромной отдаленной губерніей и, слѣдовательно, уже могъ избаловаться властью, могъ смотрѣть на законъ, какъ на докучную и стѣснительную помѣху своимъ дѣйствіямъ, являлись почти откровеніемъ и, конечно, совершенно не совпадали съ тѣмъ, что писали и говорили тогда обыкновенные губернаторы.

Но ставя такъ высоко законъ и считая себя простымъ его исполнителемъ, Арцимовичъ въ то же время требовалъ освобожденія губернаторской власти отъ мелочныхъ бюрократическихъ стѣсненій и смѣло протестовалъ противъ фактически сложившейся зависимости губернаторовъ отъ различныхъ министерскихъ канцелярій.

„Духъ безжизненнаго бюрократизма, пишетъ онъ, глубоко проникнулъ и въ высшія учрежденія. Вездѣ одинъ отвѣтъ: дѣло не за нами, дѣло за справками, или дѣло требуетъ еще новыхъ дополненій, а между тѣмъ важные мѣстные вопросы остаются годами безъ разрѣшенія. Существенныя представленія начальника губерніи исчезаютъ въ массѣ мелочныхъ дѣлъ, и

---

[1]) Курсивъ автора записки.

[2]) Курсивъ мой.

нерѣдко онъ самъ затрудняется ихъ отыскивать по канцеляріямъ у дѣлопроизводителей. Подобная медленность и бюрократически мертвый взглядъ на управленіе не могутъ не имѣть вліянія на ослабленіе значенія губернаторовъ, кои, по существующимъ учрежденіямъ, обязаны безпрерывно испрашивать разрѣшенія Министерствъ и Сената. Чтобы измѣнить это направленіе, чтобы оживить воззрѣніе канцелярій министерствъ и внушить имъ ясныя и вѣрныя понятія о трудности и важности обязанностей начальниковъ губерній, необходимо принять убѣжденіе, что излишняя централизація обезсиливаетъ не только губернскія власти, но и самыя министерства, гдѣ дѣла накопляются и нерѣдко оканчиваются уже въ то время, когда рѣшеніе дѣлается совершенно безполезнымъ и потеряло на мѣстѣ всякое значеніе"...

„При развитіи въ министерствахъ бюрократическихъ началъ, губернаторы, продолжаетъ Арцимовичъ, перестали на дѣлѣ быть начальниками областей, а сдѣлались главами многочисленныхъ, но бо̀льшею частью разстроенныхъ канцелярій. Все время ихъ поглощается въ отпискѣ и наблюденіи за безплоднымъ трудомъ нашихъ знатоковъ формалистики. При таковомъ порядкѣ естественно и малое вниманіе, и малое уваженіе къ начальникамъ губерній: они въ столицѣ кажутся не болѣе, какъ чиновниками, непосредственно подчиненными директорамъ департаментовъ, и на самомъ дѣлѣ, для достиженія скорѣйшаго разрѣшенія отдѣльныхъ своихъ представленій они вынуждены даже искать расположенія низшихъ чиновъ канцелярій министерства."

Далѣе Арцимовичъ указываетъ на другое затрудненіе, парализующее власть губернаторовъ. Губернаторы дѣйствуютъ въ своихъ распоряженіяхъ по большей части не иначе, какъ черезъ уѣздныя власти. А между тѣмъ эти послѣднія ниже всякой критики: „на каждомъ шагу благонамѣренный начальникъ встрѣчаетъ остановки, замедленія и даже нерѣдко прямое противодѣйствіе"... „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пишетъ В. А., мнѣ случилось видѣть въ первой степени суда *нерѣшенное* уголовное дѣло, по которому послѣдовало 23 Высочайшихъ повелѣній (!) о безотлагательномъ его разрѣшеніи. Въ частной жизни подобное бездѣйствіе не осталось бы безъ преслѣдованія и наказанія; въ оффиціальной же сферѣ оно влечетъ за собою нѣсколько выговоровъ или замѣчаній, кои подшиваются къ дѣлу".

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ, дискредитирующихъ губернаторскую власть, Арцимовичъ считаетъ общепризнанную тогда необходимость попускать злоупотребленія откупа. „Прав-

ственная чистота и совершенная честность необходимы, пишетъ онъ, для поддержанія уваженія къ властямъ. У насъ же всѣмъ извѣстно, что откупщики подкупаютъ бо̀льшую часть должностныхъ лицъ въ государствѣ. Откупъ присвоилъ себѣ право удвоивать жалованье чиновниковъ, и даже теперь, когда идетъ рѣчь объ установленіи новыхъ должностей, уже слышно сужденіе откупа, что предполагаемая перемѣна увеличитъ бюджетъ откупныхъ расходовъ на 2.500.000 руб. При постепенномъ усиленіи вліянія откупщиковъ и несмѣтномъ ихъ богатствѣ, особенно замѣтномъ въ столицѣ, гдѣ лучшіе дома уже сдѣлались ихъ собственностью, все губернское управленіе неизбѣжно находится въ параличномъ состояніи. Даже вполнѣ благонамѣренные и чистые губернаторы не осмѣливаются касаться злоупотребленій откупа [1]). Въ уѣздахъ управляющіе откупными конторами пользуются огромнымъ вліяніемъ на ходъ важнѣйшихъ дѣлъ, всѣ уѣздные чиновники находятся у нихъ въ зависимости, заискиваютъ ихъ расположеніе, и даже, не опасаясь преувеличенія, можно сказать, что завѣдывающіе продажею вина суть de facto начальники уѣздовъ. Казенныя же палаты находятся, безспорно, въ полномъ распоряженіи и повиновеніи у откупа".

„Пока откупная система, продолжаетъ Арцимовичъ, будетъ существовать въ настоящемъ ея видѣ, то до тѣхъ поръ невозможно помышлять о нравственномъ достоинствѣ губернскихъ и уѣздныхъ властей, и расширеніе власти губернаторовъ не освободитъ ихъ отъ унизительнаго пятна, причиняемаго гласнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, противнымъ справедливости и пагубнымъ для народа снисхожденіемъ ко всѣмъ злоупотребленіямъ откупа".

Далѣе онъ останавливается на вліяніи сословныхъ предразсудковъ. „Многіе губернаторы, пишетъ онъ, увлеченные духомъ сословія, изъ котораго они сами происходятъ, а *частью и чувствомъ самосохраненія* [2]), незамѣтно дѣлались покровителями-начальниками одного только высшаго сословія и просто начальниками всѣхъ прочихъ жителей губерній, чувствующихъ очень сильно ихъ власть и весьма слабо заботы объ ихъ интересахъ и благосостояніи. Такіе губернаторы, опасаясь происковъ дворянъ передъ правительствомъ высшимъ, выслушивали со вниманіемъ

---

[1]) Ниже мы увидимъ, что В. А. боролся съ этими злоупотребленіями съ рѣдкимъ мужествомъ, возстановляя противъ себя не только мѣстныхъ воротилъ, но и Министерства.

[2]) Курсивъ мой.

только членовъ этого сословія и наблюдали вѣжливость только относительно ихъ... А между тѣмъ — продолжаетъ авторъ записки—*задача благоустроеннаго управленія должна заключаться въ общемъ развитіи всего народа и въ защитѣ всѣхъ сословій государства*" [1]).

„Съ уничтоженіемъ крѣпостного права можно ожидать искорененія сословныхъ предразсудковъ, но казалось бы полезнымъ настоятельно требовать и въ настоящее время, чтобы начальники губерній одинаково внимали нуждамъ всѣхъ сословій, ибо только полная, равномѣрная ко всѣмъ справедливость можетъ сдѣлать власть начальника губерніи полезною и необходимою для всѣхъ жителей губерніи. Впрочемъ, замѣчаетъ В. А., такое благодѣтельное вліяніе начальника губерніи можетъ быть плодотворно, когда убѣжденія его найдутъ не только опору, но и побудительную силу въ дѣйствіяхъ и образѣ мысли самихъ министерствъ, для которыхъ будутъ доступны не одни прихотливые иногда происки дворянъ, но и справедливый голосъ всѣхъ прочихъ сословій".

Въ этихъ послѣднихъ словахъ онъ какъ будто провидѣлъ затрудненія и ожесточенную борьбу, которыя ему предстояло выдержать на губернаторскомъ посту въ Калугѣ.

Всѣ вышеизложенныя соображенія приводятъ Арцимовича къ заключенію, что въ настоящее время должно стремиться „*не столько къ распространенію, сколько къ возвышенію и очищенію власти начальниковъ губерній*" [2]).

Въ концѣ записки, по поводу дошедшихъ до него слуховъ о намѣреніи правительства назначить повсемѣстно въ Имперіи генералъ-губернаторовъ, онъ мимоходомъ высказываетъ мысль, что эта мѣра не искоренитъ причинъ безсилія губернскихъ властей, а послужитъ лишь къ увеличенію числа инстанцій и канцелярій и увеличитъ еще болѣе „вліяніе бюрократовъ", „кои, занявъ мѣста правителей канцелярій, съ любовью устремятся на распространеніе бумажныхъ сношеній и переписокъ .." Онъ совѣтуетъ лицъ, предназначенныхъ въ генералъ-губернаторы, опредѣлить губернаторами въ тѣ губерніи, гдѣ можно ожидать затрудненій при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Записка эта произвела большое впечатлѣніе на Ланского, и онъ рѣшился поручить В. А. Арцимовичу составленіе проекта инструкціи временнымъ генералъ-губернаторамъ, мысль объ учре-

---

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Курсивъ мой.

жденіи которыхъ дѣйствительно существовала въ то время и очень занимала Государя. Эта идея была внушена Государю Ростовцевымъ, который, однакоже, впослѣдствіи ее не поддерживалъ, и подхвачена и разработана Бутковымъ, занимавшимъ въ то время должность государственнаго секретаря и, по отношенію къ совершавшимся тогда преобразованіямъ, нерѣдко игравшимъ двуличную роль. Государь передалъ Ланскому уже въ принципѣ одобренный имъ проектъ и поручилъ ему лишь составить инструкцію проектируемымъ сановникамъ. Предполагалось, что введеніе крестьянской реформы вызоветъ повсемѣстно волненія народа, и что для усмиренія послѣднихъ необходима будетъ сильная власть на мѣстахъ. Ланской не раздѣлялъ этихъ опасеній, но сразу возражать Государю не рѣшился. Арцимовичъ, когда Ланской обратился къ нему съ порученіемъ составить инструкцію, предложилъ вмѣсто того представить записку о совершенной ненужности этого учрежденія. Ланской согласился на это, и вотъ въ концѣ іюля 1858 г. эта вторая записка была готова. Она была представлена Государю отъ имени министра 1 августа [1]). Записка эта была возвращена Ланскому

---

[1]) Записка эта ошибочно приписывалась Н. А. Милютину. Въ архивѣ Арцимовича сохранилось нѣсколько черновиковъ этой записки и черновикъ всеподданнѣйшаго доклада, исправленнаго Ланскимъ. На одномъ экземплярѣ рукой М. Н. Жемчужникова переписаны всѣ Высочайшія резолюціи, и на немъ же рукою В. А. написано: „записка эта составлена находившимся временно въ Петербургѣ тобольскимъ губернаторомъ Арцимовичемъ, которому поручено было написать инструкцію для временныхъ генералъ-губернаторовъ". Въ „Запискахъ" М. А. Милютиной (вдовы Н. А. Милютина), въ „Русской Старинѣ" за 1899 г., № 2, стр. 272, гдѣ эта записка приведена въ изложеніи, о составленіи ея сказано: „нижеслѣдующая записка была наскоро составлена у насъ на дачѣ, подъ величайшимъ секретомъ, при участіи лишь губернатора Арцимовича и князя Д. А. Оболенскаго". Сопоставляя эти слова съ вышеприведенною собственноручною надписью Виктора Антоновича, мы полагаемъ, что Арцимовичъ, составивъ эту записку, читалъ ее на дачѣ у Милютина ему самому и кн. Оболенскому, что вполнѣ вѣроятно согласуется и съ его личными отношеніями и съ тѣмъ участіемъ въ дѣлахъ, которое принимали въ то время Милютинъ и Оболенскій. Въ „Запискахъ" М. А. Милютиной, которыя воспроизводятъ много интереснѣйшихъ эпизодовъ и отношеній того времени, лишь отчасти переданныхъ у Leroy-Beaulieu, есть, однакоже, и другія неточности, въ общемъ изложеніи почти незамѣтныя, но въ сущности довольно значительныя. Такъ, напр., на стр. 271 приведено письмо Ю. Ѳ. Самарина, будто бы написанное въ 1858 г., по поводу составленныхъ въ томъ году проектовъ о реформѣ полиціи; тогда какъ Самаринъ могъ написать одобрительный отзывъ только о *переработанныхъ* проектахъ *въ 1859 г.*, что совершенно очевидно изъ сопоставленія этого мѣста съ письмомъ его же къ Кошелеву, цитированномъ на стр. 153 „Матер. для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", гдѣ Самаринъ

Государемъ, послѣ внимательнаго прочтенія ея, 5 августа съ многочисленными отмѣтками, изъ которыхъ явствовало, что Государь былъ ею очень недоволенъ и увидѣлъ въ ней даже попытку противодѣйствовать его намѣреніямъ со стороны чиновниковъ министерства. Онъ, вѣроятно, заподозрѣлъ, что записка написана Н. А. Милютинымъ, противъ котораго, какъ извѣстно, онъ въ это время вообще былъ очень настроенъ. На первой страницѣ записки стояла такая собственноручная отмѣтка Императора: „Я прочелъ все съ большимъ вниманіемъ и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня *весьма грустное впечатлѣніе*. Она вѣрно составлена *не вами*, а кѣмъ-нибудь изъ вашихъ директоровъ департаментовъ или канцелярій, которымъ предполагаемое новое учрежденіе *крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе*, которымъ они привыкли пользоваться и часто *употреблять во зло*“. Противъ одного мѣста записки, гдѣ говорилось, что повсемѣстное учрежденіе въ Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ возбудитъ мысль о недовѣріи правительства къ народу русскому, что̀ вызоветъ подобное же чувство и отъ народа къ правительству и, слѣдовательно, уничтожитъ вѣрнѣйшій залогъ народнаго спокойствія, Государь написалъ слѣдующую, еще болѣе суровую резолюцію: „Эти всѣ опасенія возбуждаются людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы *имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т.-е. ниспроверженія законнаго порядка*“ [1]).

За нѣсколько строкъ передъ этимъ, гдѣ сказано было, что генералъ-губернаторы существуютъ у насъ лишь въ такихъ мѣстностяхъ, кои, по отдаленности ихъ или по историческимъ и племеннымъ особенностямъ, возбуждали недовѣріе правительства и потому требовали особаго надзора, Государь написалъ: „съ этимъ я вовсе не согласенъ, ибо мы не должны отъ себя скрывать, что Россія входитъ въ новую, еще небывалую эру, и потому на будущее *преступно* было бы правительству смотрѣть, такъ сказать, *сложа руки: намъ надобно быть готовыми ко всему*, и въ этомъ случаѣ предусмотрительность должна *успокоить, а не тревожить*“.

писалъ про первоначальный проектъ 1858 г.: „проектъ, составленный въ Петербургѣ, есть произведеніе нелѣпѣйшее и въ то же время дурной признакъ. Замѣтно стремленіе все земство поставить въ осадное положеніе“. Проектъ 1858 г. былъ составленъ не въ М. В. Д., а при главномъ Ком. по крест. дѣлу. Ср. гл. V этого изслѣдованія.

[1]) Слова эти лично подчеркнуты самимъ Государемъ, какъ и въ остальныхъ высочайшихъ резолюціяхъ.

Въ запискѣ этой, вполнѣ согласованной, по взглядамъ въ ней выраженнымъ, съ предыдущей, была подробно разсмотрѣна, какъ степень необходимости принятія чрезвычайныхъ мѣръ для охраненія порядка, такъ и дѣйствительность въ этомъ случаѣ такой мѣры, какъ учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ, а также указывалось какія послѣдствія вызоветъ эта мѣра въ отношеніи губернскаго и общаго управленія Имперіи.

Авторъ исходилъ изъ соображенія, что такъ какъ населеніе совершенно сочувствуетъ предпринимаемымъ правительствомъ реформамъ, то нѣтъ никакого основанія опасаться, чтобы при приведеніи этихъ реформъ въ исполненіе возникли какія-либо волненія [1]). Затѣмъ, упомянувъ, что власть генералъ-губернаторовъ, „будучи совершенно личною, вообще не возбуждаетъ у насъ сочувствія“, и что упраздненіе нѣсколькихъ генералъ-губернаторствъ въ 1856 г. вызвало въ обществѣ большую радость, такъ какъ мѣра эта была принята, какъ выраженіе стремленія къ утвержденію законности, авторъ записки указываетъ какія крупныя и неудобныя измѣненія потребовались бы и въ учрежденіяхъ губернскихъ установленій и въ учрежденіяхъ министерствъ со введеніемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ. При этомъ онъ упоминаетъ и о томъ, что по естественному ходу дѣла *временные* генералъ-губернаторы усилятъ свою власть на счетъ *постоянной* власти гражданскихъ губернаторовъ, а эти послѣдніе будутъ заботиться не столько объ управленіи губерніею, сколько объ угожденіи генералъ-губернатору. Записка указываетъ далѣе, что предоставленіе генералъ-губернаторамъ права и власти опредѣлять всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ въ 35—50 уѣздахъ можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія, такъ какъ генералъ-губернаторы не могутъ знать лично стольких лицъ. Авторъ записки доказываетъ, что предположеніе объ освобожденіи генералъ-губернатора отъ текущихъ и мелочныхъ дѣлъ совершенно невозможно, потому что если онъ не будетъ принимать прошеній и заявленій частныхъ лицъ, то потеряетъ въ глазахъ жителей всякое нравственное значеніе, если же будетъ

[1]) Государь противъ этого мѣста записки отмѣтилъ: „Все это такъ, *пока народъ еще находится въ ожиданіи*, но кто можетъ поручиться, что *когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе* и народъ увидитъ, что *ожиданіе его*, т.-е. *свобода*, *по его разумѣнію*, *не сбылось*, не настанетъ для него минута *разочарованія*. Тогда уже будетъ поздно посылать особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ, и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, и все войдетъ опять въ законную колею“.

принимать эти заявленія, то они поглотятъ все его время. „Учрежденіе генералъ-губернаторовъ—сказано въ запискѣ—представляющееся съ перваго взгляда мѣрою сильною и строгою, на самомъ дѣлѣ не внесетъ въ губернское управленіе новыхъ жизненныхъ началъ, но придастъ, напротивъ, губернскому управленію какую-то двойственность и ослабитъ полезное вліяніе губернаторовъ, возбудитъ безплодныя и даже вредныя столкновенія съ высшими учрежденіями и, неминуемо, усложнитъ производство дѣлъ и переписокъ; а по крестьянскому вопросу это учрежденіе не только окажется слишкомъ слабымъ для предупрежденія безпокойствъ и волненій, но, облеченное произволомъ ничѣмъ неограниченнымъ, оно породитъ въ обоихъ сословіяхъ, и помѣщичьемъ и крестьянскомъ, недовѣріе и неудовольствіе, которыя и суть прямыя причины волненій и безпокойствъ".

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній авторъ признаетъ невозможнымъ составить для генералъ-губернаторовъ инструкцію, которая бы не выходила изъ предѣловъ дѣйствующихъ законовъ. Указавъ затѣмъ на всю полноту и силу власти (вторгающейся даже въ сферу частныхъ отношеній), предоставленной генералъ-губернаторамъ по дѣйствующей инструкціи, составленной въ 1853 г. при министрѣ Бибиковѣ, который самъ былъ 16 лѣтъ генералъ-губернаторомъ, составитель записки замѣчаетъ: „мысль, что такая инструкція слаба, могла родиться развѣ оттого, что чрезмѣрная сила ея была, къ счастью, неудобопримѣнима въ такомъ государствѣ, которое, какъ Россія, стремится стать въ ряду государствъ просвѣщенныхъ и граждански благоустроенныхъ"...

„Дальнѣйшее расширеніе власти генералъ-губернаторовъ, очевидно, невозможно—замѣчаетъ авторъ записки. Если же въ видахъ соблюденія общественнаго порядка имъ предоставлено будетъ употреблять не исключительно однѣ на чувствѣ справедливости и законности основанныя мѣры, но *всѣ* безъ разбору *средства*, то власть генералъ-губернаторская уже перестанетъ быть властью, а перейдетъ въ неограниченную возможность самовластія и безотчетнаго произвола" [1]).

Авторъ записки, ожидая, что новыя положенія будутъ заключать въ себѣ условія дѣйствительнаго улучшенія въ бытѣ крестьянъ, не видитъ основанія опасаться важныхъ затрудненій

[1]) Государь, собственноручно подчеркнувъ: „*всѣ*" и „*средства*", противъ этого мѣста замѣтилъ: „не понимаю, какъ такая мысль можетъ войти въ голову человѣку, *знающему мой образъ мыслей и мои желанія*". (Послѣднія слова подчеркнуты также самимъ Государемъ).

и безпокойствъ при введенiи ихъ въ дѣйствiе. По его мнѣнiю, „крестьяне, спокойно выжидающiе положенiй губернскихъ комитетовъ, еще спокойнѣе будутъ ожидать и утвержденiя этихъ положенiй Высочайшею властiю“ [1]). Съ своей стороны составитель записки предлагаетъ слѣдующiя мѣры къ усиленiю губернскихъ властей:

1) Обратить особенное вниманiе на личныя достоинства и способности всѣхъ губернаторовъ и, постоянно слѣдя за дѣйствiемъ ихъ по предстоящему преобразованiю, давать имъ надлежащiя наставленiя для успѣшнаго разрѣшенiя онаго [2]).

2) Можетъ быть, между членами губернскихъ комитетовъ явятся люди съ направленiемъ и убѣжденiями, которыя будутъ соотвѣтствовать настоящимъ преобразовательнымъ видамъ правительства, тогда и этихъ людей имѣть въ виду на губернаторскiя и высшiя въ губернiи должности, не затрудняясь притомъ разрядами чиновъ, которые только стѣсняютъ въ выборѣ дѣльныхъ и способныхъ людей [3]).

3) Расширить и усилить, по возможности, предѣлы власти гражданскихъ губернаторовъ, на основанiи тѣхъ данныхъ, которыя уже собраны въ министерствѣ по особому Высочайшему повелѣнiю [4]).

4) При введенiи положенiй о бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ временно освобождать гражданскихъ губернаторовъ отъ предсѣдательства во всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ гражданскихъ учрежденiяхъ, а предсѣдательство это возложить на вице-губернаторовъ. Самимъ же губернаторамъ исключительно поручить наблюденiе за порядкомъ исполненiя положенiй „объ улучшенiи быта крестьянъ“ и особенное попеченiе о сохраненiи при этомъ спокойствiя и общественной безопасности [5]).

5) Предоставить начальникамъ губернiй устранять всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ и по выборамъ и отъ

---

[1]) Государь написалъ противъ этого мѣста: „Дай Богъ! *Но этой увѣренности*, по всему до меня доходящему, *я не имѣю*“. (Подчеркнуто, какъ въ подлинникѣ).

[2]) Государь написалъ: „непремѣнно“.

[3]) Государь написалъ: „Весьма будетъ полезно“.

[4]) Государь тутъ отмѣтилъ: „Буду ожидать по этому вашего представленiя“. Этотъ § не вполнѣ соотвѣтствуетъ мыслямъ, изложеннымъ Арцимовичемъ въ первой запискѣ, и потому надо думать, что онъ введенъ былъ по спецiальному указанiю министра, какъ компромиссъ.

[5]) Государь отмѣтилъ: „Здѣсь предполагается именно то, что я хочу сдѣлать для временныхъ генералъ-губернаторовъ“.

правительства, кои окажутся неблагонадежными или неспособ ными къ безпристрастному дѣйствію при введеніи новаго по рядка [1]).

6) Ассигновать въ распоряженіе начальниковъ губерній осо быя суммы на экстраординарные расходы [2]).

7) Снабдить губернаторовъ особою инструкціею, которая, впро чемъ, не прежде можетъ быть составлена съ должною ясность и опредѣлительностью, какъ по разсмотрѣніи положеній Губерн скихъ Комитетовъ. Въ этой инструкціи указать и объясни мѣры, которыя должно будетъ принимать какъ противъ кре стьянъ, такъ и помѣщиковъ, возбуждающихъ затрудненія и пре пятствія по введенію новыхъ положеній [3]).

8) Сдѣлавъ предусмотрительное распредѣленіе войскъ, снаб дить начальниковъ надъ оными надлежащими наставленіями, в которыхъ, между прочимъ, ясно опредѣлить отношеніе сихъ на чальниковъ къ гражданскому вѣдомству [4]).

„Всѣ сіи соображенія доказываютъ—говорится въ запискѣ- какъ то, что для Правительства нѣтъ надобности прибѣгать к чрезвычайнымъ мѣрамъ для предупрежденія предполагаемых волненій и безпорядковъ, такъ и то, что повсемѣстное учреж деніе генералъ-губернаторовъ произведетъ неисчислимыя затруд ненія, ибо эти сановники усложнятъ и еще болѣе обезсилят существующіе органы губернскаго и уѣзднаго управленія".

Государь написалъ противъ этого мѣста записки: „Всѣ с соображенія *не измѣняютъ* моего убѣжденія въ *необходимост и пользѣ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ*" [5]).

Намъ неизвѣстно, какъ удалось Ланскому побороть сто сильное предубѣжденіе Государя противъ этой записки, ка равно неизвѣстно, открылъ ли онъ ему настоящаго ея автор но во всякомъ случаѣ идея учрежденія временныхъ генерал губернаторовъ вскорѣ была оставлена, а многія изъ предп

---

[1]) Отмѣтка Государя: „Это относится къ расширенію власти гражданск губернаторовъ и должно войти въ ваше соображеніе".

[2]) Отмѣтка Государя: „Будетъ излишне съ учрежденіемъ временныхъ нералъ-губернаторовъ".

[3]) Отмѣтка Государя: „Должно войти въ инструкцію генералъ-губерна рамъ".

[4]) Отмѣтка Государя: „Тоже".

[5]) Подчеркнуто такъ самимъ Государемъ.

ложеній, выраженныхъ въ этой запискѣ, получили осуществленіе [1]).

Обѣ записки, содержаніе которыхъ мы только-что изложили, достаточно ярко и полно характеризуютъ административные взгляды и убѣжденія вновь назначеннаго калужскаго губернатора.

---

[1]) Записка оканчивается фразою. „Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства“. Противъ этой фразы Государь отмѣтилъ: „Да, но къ несчастію наше положеніе и административная организація еще далеки отъ этого“.

ГЛАВА III.

Назначеніе и прибытіе В. А. Арцимовича въ Калугу. Главныя задачи, которыя ему тамъ предстояли. Крестьянское дѣло. Рѣчи В. А., сказанныя имъ при пріемѣ дворянъ и при открытіи чрезвычайнаго дворянскаго собранія для избранія членовъ губерн. к—та по крестьян. дѣлу. Рѣчи епископа Григорія, В. А. Арцимовича и губернскаго предводителя Ѳ. С. Щукина при открытіи губернскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Отношеніе В. А. къ занятіямъ комитета и сосредоточеніе его дѣятельности въ первый періодъ управленія губерніей на подготовленіи умовъ къ предстоящей реформѣ, чисткѣ губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учрежденій, преслѣдованіе помѣщичьихъ злоупотребленій и безпорядковъ въ имѣніяхъ. Борьба съ откупомъ. Переписка съ министромъ финансовъ и побѣда, одержанная В. А. Арцимовичемъ. Общества трезвости. Циркуляры противъ нихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и госуд. имуществъ. Записка, представленная В. А. Арцимовичемъ первому и распоряженія, сдѣланныя имъ по губерніи. Число крестьянъ и крестьянскихъ обществъ, составившихъ общества трезвости въ калужской губерніи въ 1859 году. Борьба съ чиновничьими злоупотребленіями и смѣщеніе взяточниковъ. Борьба съ злоупотребленіями помѣщичьей власти. Дѣла Чуфаровскаго, Карпенко, Колосовой, Доломанова и др. Глухое сопротивленіе дворянскаго депутатскаго собранія. Благопріятное разрѣшеніе этихъ дѣлъ Сенатомъ, вслѣдствіе настойчиваго веденія ихъ В. А. Арцимовичемъ. Образованіе партіи недовольныхъ имъ среди дворянъ, особенно крѣпостниковъ. Агитація среди помѣщиковъ по вопросу объ открытіи въ Калугѣ женской гимназіи. Полемика объ этомъ въ современной печати. Заботы В. А. Арцимовича объ учебномъ дѣлѣ. Переписка съ попечителемъ московскаго учебнаго округа Бахметевымъ. Состояніе учебнаго дѣла, которое Арцимовичъ нашелъ въ калужской губерніи, и мѣры имъ принятыя. Женскія школы и женское благотворительное общество. Школа Вырскихъ. Преобразованіе неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей и оживленіе губернскаго статистическаго комитета. Засѣданіе общества сельскаго хозяйства. Число выписываемыхъ въ Калугѣ и калужской губерніи газетъ и журналовъ въ 1858 и въ 1859 гг. Оживленіе общественной жизни въ калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ въ связи съ общимъ подъемомъ умственныхъ интересовъ въ современномъ провинціальномъ обществѣ. Въ чемъ заключалась при этомъ заслуга В. А. Арцимовича?

В. А. Арцимовичъ былъ назначенъ калужскимъ губернаторомъ 27 іюля 1858 г.

1-го октября онъ вступилъ въ должность и ревностно принялся за ознакомленіе съ дѣлами и съ своими новыми сослуживцами. Главное дѣло, подготовлять и вести которое ему здѣсь предстояло — была крестьянская реформа. Въ калужской губерніи крестьянскій вопросъ подвигался къ своему разрѣшенію до этого времени — какъ мы уже знаемъ — медленнѣе, нежели въ другихъ губерніяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ даже нужнымъ напомнить губернскому предводителю дворянства о необходимости „*приступить къ исполненію непремѣнной воли Его Императорскаго Величества*“ и тѣмъ предупредить безпорядки, могущіе произойти „*отъ настойчиваго стремленія къ сохраненію крѣпостного положенія*“.

Калужская губернія оказалась, какъ мы уже сказали, послѣднею въ заявленіи желанія улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, и Высочайшій рескриптъ по этому предмету послѣдовалъ лишь 24 іюня 1858 г., а Комитетъ открылъ свои дѣйствія лишь 6 декабря, когда дворянскіе комитеты во многихъ другихъ губерніяхъ уже оканчивали свои занятія [1]).

Принимая 28 ноября 1858 г. представителей дворянскаго сословія, В. А. сказалъ имъ слѣдующую рѣчь, содержавшую программу его ближайшихъ дѣйствій:

„Имѣя честь привѣтствовать васъ, милостивые государи, — сказалъ онъ имъ, — не могу не выразить искренняго моего сожалѣнія, что по краткости моего здѣсь служенія, я въ настоящее, важное по обстоятельствамъ время, не успѣлъ ни пріобрѣсти вашего близкаго знакомства, ни заслужить вашего довѣрія. Впрочемъ, смѣло могу сказать и обѣщать, что *стремиться буду къ пользѣ губерніи и всѣхъ ея жителей*.

„Думаю, что всѣ мы должны благовременно готовиться къ предстоящему преобразованію крестьянскаго дѣла и что я обязанъ особенно заботиться, по мѣрѣ силъ моихъ и возможности, *о приспособленіи, очищеніи и улучшеніи всѣхъ органовъ мѣстной администраціи*.

„Надѣюсь, что въ этихъ стремленіяхъ найду во всѣхъ васъ, господа, полное сочувствіе, откровенное содѣйствіе и опору“ [2]).

---

[1]) Представленіе калужск. губернатора ревизующему сенатору Капгеру отъ 18 октября 1861 г., № 1941. Переписка въ дѣлѣ кал. губ. № 532. Сравни *Скребицкаго* „Крестьян. дѣло въ царствованіи Императора Александра II“, т. I, стр. XXIV. Рескриптъ одной только оренбур. губ. послѣдовалъ послѣ калужской, а именно 6 іюля 1858 г.

[2]) Черновой набросокъ этой рѣчи рукой В. А. сохранился въ его архивѣ.

Представители дворянства съѣхались въ это время въ Калугу на экстренное дворянское собраніе для выборовъ членовъ въ Комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. На слѣдующій день, 29 ноября, губернаторъ открылъ это собраніе новою рѣчью, которую мы также приведемъ in extenso:

„Мы всѣ здѣсь, милостивые государи, — сказалъ онъ, — по священному указанію возлюбленнаго нашего Монарха, призваны къ участію въ подвигѣ человѣколюбивомъ, исполненномъ гражданственной мысли и христіанскихъ стремленій.

„Возвышенная цѣль преобразованія тяжелыхъ отношеній двухъ сословій требуетъ очищеннаго настроенія духа, правдиваго воззрѣнія и совѣстливаго сознанія важности отвѣтственныхъ обязанностей по настоящимъ выборамъ. Назначая уполномоченныхъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ ввѣряете имъ не только интересы, но и самую честь многочисленнаго дворянскаго сословія цѣлой губерніи и предоставляете имъ право обсуживать участь и будущее устройство болѣе шестисотъ тысячъ жителей, ожидающихъ обѣщанныхъ уже вами улучшеній и облегченій.

„Значеніе настоящаго событія, безъ сомнѣнія, возбудитъ между вами всеобщее вниманіе и осмотрительную, единодушную заботу о составѣ Комитета изъ достойнѣйшихъ людей, отличающихся познаніями, безпристрастіемъ и просвѣщенною любовью къ отечеству“.

И дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы выборы грѣшили на этотъ разъ односторонностью или партійностью. Въ члены Комитета выбраны были, повидимому, всѣ наиболѣе выдающіеся и просвѣщенные представители дворянскаго сословія калужской губерніи. Между ними многіе оказались, какъ мы ниже увидимъ, консерваторами и даже довольно упорными крѣпостниками, но на ряду съ ними выбраны были и либералы, и даже попали въ число членовъ, какъ оказалось впослѣдствіи, къ великой пользѣ для дѣла, недавно возвращенные изъ ссылки: декабристъ П. Н. Свистуновъ и петрашевецъ Н. С. Кашкинъ. Отъ правительства членами Комитета были назначены князь А. В. Оболенскій (воспитанникъ училища Правовѣдѣнія) и А. Ѳ. Карышевъ.

Князь Оболенскій, Свистуновъ и Кашкинъ образовали въ Комитетѣ крайнюю лѣвую, около которой сплотилось впослѣдствіи небольшое прогрессивное меньшинство. Крѣпостники имѣли въ Комитетѣ главными своими представителями мѣстнаго аристократа камеръ-юнкера Д. А. Черткова, проникнутаго стремленіемъ создать въ Россіи ландъ-лордовъ, и масальскаго помѣщика

Д. И. Потулова, человѣка очень умнаго, кандидата математическаго факультета московскаго университета, но отъявленнаго крѣпостника и крайняго приверженца самыхъ своекорыстныхъ и низменныхъ дворянскихъ стремленій, служившаго ранѣе въ III Отдѣленіи собств. Е. В. канцеляріи. Въ числѣ остальныхъ членовъ было не мало людей образованныхъ и свѣдущихъ, вполнѣ сознательно относившихся къ переживаемому моменту и къ великому дѣлу, въ которомъ имъ предстояло участвовать [1]).

Губернскій предводитель, отставной подполковникъ Ѳ. С. Щукинъ, человѣкъ уже преклоннаго возраста, слабый и тщеславный, очень гордившійся своимъ положеніемъ и страстно желавшій сохранить его и на будущее время, самъ по себѣ, повидимому, не былъ враждебенъ предстоявшей реформѣ, но, руководясь постоянно одною идеею—поддержать и развить свою популярность среди дворянъ, онъ сильно поддался впослѣдствіи вліянію того реакціоннаго настроенія, которое охватило помѣщиковъ передъ дворянскими выборами 1860 года и въ моментъ введенія крестьянской реформы.

Тѣмъ не менѣе, во все время продолженія работъ губернскаго Комитета онъ сохранялъ хорошія отношенія съ губернаторомъ и старался безпристрастно вести пренія и занятія Комитета.

Черезъ недѣлю послѣ выборовъ, 6 декабря, произошло торжественное открытіе Комитета, въ присутствіи архіерея, сказавшаго при этомъ весьма замѣчательную рѣчь.

„Мы думаемъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—что принадлежащее намъ имущество есть наша неотъемлемая собственность и подлежитъ нашему безотчетному употребленію. Такъ учитъ свѣтъ. Но какъ говоритъ о семъ истина, какъ показываетъ сіе опытъ всемірный? Мы странники и пришельцы на землѣ. „*Ничто же внесохомъ въ міръ сей, яве, яко ниже изнести можемъ*“. Вотъ голосъ истины небесной. Наги мы приходимъ на свѣтъ, когда рождаемся, свидѣтельствуетъ опытъ, наги и выходимъ изъ міра сего, когда умираемъ. Не мы создали землю, не мы дали ей и силы производительныя...

...„Господь Всевышній, Творецъ и Промыслитель—вотъ кто даетъ всѣмъ намъ *животъ* и *дыханіе* и *вся*“... „*Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ*“...

...„Крестьяне,—продолжалъ епископъ Григорій,—суть также люди, существа духовно разумныя, и посему нелишенныя свободы; суть также творенія Божіи, облеченныя образомъ и подо-

---

[1]) Списокъ членовъ губернскаго комитета приведенъ въ слѣдующей главѣ.

біемъ Божіимъ; суть также чады Божіи по благодати, члены таинственнаго тѣла Христова, сонаслѣдники царства небеснаго. „*О Христѣ бо Іисусѣ*", говоритъ апостолъ, „*нѣсть рабъ, ни свободъ, но вси едино*".

„Значитъ ни въ природѣ крестьянъ, ни въ законѣ Божіемъ нѣтъ основанія тому великому различію, какое находится между владѣющими и обладаемыми...

...„Отстаивать нынѣ устарѣвшій порядокъ преобладанія значитъ идти вопреки правдѣ, сознанной цѣлымъ свѣтомъ; значитъ показывать себя человѣкомъ, нежелающимъ видѣть, чтобы возвышалось счастіе другихъ ближнихъ нашихъ, значитъ отставать отъ современности, требуемой здравымъ разумомъ и одобряемой Св. Евангеліемъ Христовымъ. Да! Пришла пора положить конецъ прежнему порядку дѣла; пришла пора положить начало порядку новому, порядку лучшему, болѣе благодѣтельному для всей массы народа, для всего тѣла государственнаго. И дивный жребій сего великаго, сего превожделѣннаго, сего благословеннаго преобразованія, по судьбамъ Божіимъ, достался вамъ, почтеннѣйшіе слушатели, и собратіямъ вашимъ. Благословите убо Господа, доставившаго вамъ честь, на которую съ глубокимъ уваженіемъ и съ крайнимъ нетерпѣніемъ смотрятъ всѣ окрестные народы и ближніе и дальніе, и уже по одной рѣшимости вашей содѣйствовать преблагимъ намѣреніямъ Монарха своего, восхваляютъ и величаютъ ваше великодушіе и вашу благонамѣренность.

„Совершите ваше великое предпріятіе добросовѣстно и братолюбно, какъ требуетъ сего благородство вашего происхожденія и благотворность святой христіанской вѣры, и вы принесете жертву самоотверженія, благопріятную Господу, утѣшите любвеобильное сердце Августѣйшаго Отца всѣхъ вѣрноподданныхъ, обрадуете многія тысячи народа, который благословитъ ваше имя, и увѣковѣчите свѣтлую память вашу на скрижаляхъ исторіи не только отечественной, но и всемірной. Аминь" [1]).

Вслѣдъ за архіереемъ В. А. Арцимовичъ обратился къ членамъ Комитета съ слѣдующею рѣчью:

---

[1]) Калужскія Вѣдомости за 1859 г. Часть неоффиціальная, № 4, стр. 37—40. Въ письмѣ отъ 15 декабря 1858 г., М. Н. Жемчужниковъ пишетъ В. А-чу объ этой рѣчи такъ: „Рѣчь архіерея отлично хороша, такой еще не было отъ духовенства. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы и твои рѣчи, и архіерея (если онъ согласится) были напечатаны въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Тогда будутъ перепечатаны въ газетахъ и журналахъ".—Но министерство внутреннихъ дѣлъ не разрѣшило напечатать эти рѣчи въ губернской газетѣ, и позволило только перепечатать ихъ впослѣдствіи изъ „Русскаго Дневника".

„Проникнутый сознаніемъ, что служеніе отечеству и уча стіе въ разрѣшеніи его жизненныхъ вопросовъ всегда было останется навсегда важнѣйшимъ и благороднѣйшимъ обществен нымъ дѣломъ, я имѣю честь поздравить васъ, мм. гг., как удостоенныхъ выбора въ члены Комитета, открываемаго нын въ исполненіе высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго по хо датайству всего дворянства калужской губерніи, о дозволеніи при ступить къ улучшенію быта крестьянъ.

„Никто не станетъ оспаривать всей трудности и нравственно отвѣтственности возложенныхъ на васъ обязанностей; въ отвѣтствен ности, въ многотрудной работѣ и заключается важность настоя щаго дѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ, кого не оживитъ воззрѣніе на эт обширное и свѣтлое поприще, на которомъ предстоитъ стольк дѣятельности для всѣхъ разумныхъ и чистыхъ побужденій.

„По волѣ Государя Императора вы призваны положить на чало къ уничтоженію крѣпостной зависимости. Прямое содѣй ствіе ваше къ устройству благополучія многочисленнаго труд щагося сословія даруетъ вамъ высокое право участвовать в отмѣнѣ того положенія дѣлъ, которое такъ рѣзко противорѣ читъ духу нашего времени, и въ установленіи новаго, лучшаг и прочнаго порядка.

„И вотъ что̀ даетъ такое великое, святое значеніе дѣлу на стоящаго преобразованія!

„Глубока должна быть наша преданность и благодарност къ великому и мудрому нашему Монарху, удостоившему таког полнаго довѣрія благородное сословіе Россійскаго дворянства ввѣрившаго обсужденію его вопросъ такого знаменательнаг значенія.

„Возвышенно должно быть настроеніе духа въ тѣхъ, ком предоставляется случай и полная возможность содѣйствовать к облагороженію чувствъ, къ очищенію мыслей, къ смягчені нравовъ, къ обновленію жизни даже не одного крестьянскаг сословія, но всѣхъ насъ, милостивые государи.

„Благотворныя послѣдствія этого дѣла будутъ чувствоватьс на всемъ пространствѣ русской земли, каждымъ семействомт каждымъ отдѣльнымъ членомъ семейства.

„Ваши потомки будутъ произносить ваши имена съ благо дарностью и уваженіемъ; они будутъ обязаны вамъ тѣмъ прав ственнымъ достоинствомъ, которое составляетъ величайшее дл человѣка благо и которое создается на истинно гражданствен номъ подвигѣ, вамъ предстоящемъ.

„Для достиженія этой возвышенной цѣли необходимо по

стоянно имѣть въ виду общую пользу государства и согласовать съ нею интересы отдѣльныхъ лицъ и сословій.

„Воодушевляемые этимъ направленіемъ, вы, безъ сомнѣнія, найдете правильное разрѣшеніе подлежащихъ обсужденію вашему вопросовъ.

„При изысканіи средствъ для отвращенія затрудненій, могущихъ возникнуть изъ извѣстныхъ вамъ мѣстныхъ условій: непроизводительности почвы, высокой цѣнности труда и обычнаго выхода значительнаго числа людей на заработки, необходимо слѣдить за ходомъ занятій комитетовъ тѣхъ губерній, мѣстныя условія которыхъ будутъ наиболѣе соотвѣтствовать нашимъ и пользоваться соображеніями современныхъ мыслителей и практиковъ въ дѣлѣ хозяйства. Впрочемъ, надо надѣяться, что, съ одной стороны, право пріобрѣтенія крестьянами собственности и установленіе правильныхъ и законныхъ сословныхъ отношеній послужитъ, между прочимъ, къ ограниченію неудобствъ передвиженія земледѣльцевъ, а съ другой, что настоящее преобразованіе, полагающее начало новому экономическому быту и притомъ будучи общимъ для всего государства, представитъ много новыхъ хозяйственныхъ соображеній и улучшеній, неиспытанныхъ еще у насъ, но давно уже признанныхъ наукою и оправданныхъ опытомъ другихъ странъ“.

Передавъ губернскому предводителю оффиціальное предложеніе объ открытіи Комитета и поздравивъ еще разъ членовъ его съ началомъ занятій, В. А-чъ такъ закончилъ свою рѣчь:

„Я увѣренъ въ живомъ и просвѣщенномъ содѣйствіи, какъ депутатовъ, выбранныхъ дворянствомъ, такъ и избранныхъ предмѣстникомъ моимъ и утвержденныхъ мною членовъ Комитета отъ правительства, князя Андрея Васильевича Оболенскаго и Александра Ѳеодоровича Карышева. Я также надѣюсь, мм. гг., что и вы съ своей стороны увѣрены въ томъ, что я, при исполненіи возложенныхъ на меня Высочайшимъ рескриптомъ обязанностей, буду дѣйствовать съ искреннимъ и твердымъ убѣжденіемъ въ великомъ и плодотворномъ значеніи преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ“ [1]).

[1]) Вотъ что писалъ В. А-чу по поводу этихъ рѣчей его петербургскій пріятель и товарищъ по школѣ, извѣстный тогда дѣятель, князь Дм. А. Оболенскій: „Благодарю тебя, любезный другъ, отъ всей души за присылку рѣчей; съ удовольствіемъ прочелъ твои прекрасные спичи. Со всѣхъ сторонъ слышатся о тебѣ похвалы, и я ихъ усердно вездѣ повторяю, какъ доказательство значенія хорошаго губернатора. Не сомнѣваюсь, что подъ твоимъ руководствомъ дѣло пойдетъ на ладъ, и Комитетъ не будетъ по примѣру другихъ заниматься дрязгами. Ланской говоритъ о тебѣ съ свойственной ему нѣжной и любвеобильной улыбкой и много ожидаетъ отъ калужской губерніи“.

Губернскій предводитель также произнесъ рѣчь, въ которой онъ старался оправдать калужское дворянство въ томъ, что оно запоздало съ своимъ адресомъ сравнительно съ другими губерніями.

„Дворяне калужской губерніи — сказалъ онъ — явились послѣдними въ изъявленіи готовности къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Но несправедливо было бы заключать изъ промедленія нашего, что цѣлью этого было съ нашей стороны настойчивое стремленіе къ сохраненію настоящаго нашего положенія. Всякій изъ насъ, будучи убѣжденъ въ истинѣ благихъ намѣреній августѣйшаго Монарха нашего, стремится исполнить священную волю его, сознавая вполнѣ необходимость преобразованія, начертаннаго намъ въ высочайшемъ рескриптѣ. Но какъ начать дѣло? Какъ развить его? и какъ, наконецъ, опредѣлить обоюдные интересы помѣщика и крестьянъ его, безъ явнаго ущерба въ хозяйственномъ порядкѣ существующаго крѣпостного управленія... Вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго глубокаго обсужденія. Положительное же обсужденіе его иначе не могло совершиться, какъ при частныхъ взаимныхъ совѣщаніяхъ въ домашнихъ собраніяхъ владѣльческаго сословія, гдѣ практическое познаніе отношеній помѣщика къ крестьянину гораздо болѣе откроетъ истины, нежели теоретическія изслѣдованія краснорѣчивыхъ, но неопытныхъ въ хозяйствѣ лицъ; не опровергаю притомъ, что между этими многочисленными поученіями мы находимъ много и дѣльнаго. Наша губернія шла путемъ медленнымъ, но вѣрнымъ. Мы попадаемъ на тропу, проложенную намъ мѣстами стезей прямой, мѣстами и сбивчивой; постараемся выбрать прямое направленіе. Хотя мы замедлили открытіемъ Комитета для обсужденія вѣкового вопроса, однако можемъ надѣяться мало отстать отъ прочихъ губерній, имѣя отъ всѣхъ помѣщиковъ хотя неспѣшно, но основательно обдуманные и составленные матеріалы для занятій открываемаго Комитета. Остается желать, чтобъ намъ, удостоившимся столь неограниченнаго довѣрія къ устройству участи, какъ нашего сословія, такъ и крестьянскаго, имѣть, при обсужденіи столь важнаго вопроса, вѣрный и безпристрастный взглядъ, и если мы обратимъ все усиленное, единодушное стараніе къ настоящему и прямому дѣлу, то въ успѣхѣ не должны сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отечественномъ дѣлѣ намъ высочайше указанъ руководитель, и мы въ его превосходительствѣ, начальникѣ губерніи, надѣемся имѣть достойнаго и добросовѣстнаго исполнителя высочайшей воли Государя Императора“.

День этотъ былъ заключенъ обѣдомъ у губернатора, гдѣ послѣ обычныхъ тостовъ за здоровье Государя Императора и всего царствующаго дома, В. А—чъ провозгласилъ тостъ „за успѣхъ крестьянскаго дѣла и за соглашеніе частныхъ интересовъ съ общею государственною пользою, на славу и процвѣтаніе отечества“ [1]).

Такъ открылись занятія калужскаго губернскаго Комитета по улучшенію быта крестьянъ.

Въ преніяхъ членовъ Комитета мало по-малу обозначились, какъ мы ниже увидимъ, два направленія, которыя и раздѣлили въ концѣ концовъ составъ его на консервативное большинство и прогрессивное меньшинство. Всѣ симпатіи Виктора Антоновича лежали на сторонѣ послѣдняго и онъ не считалъ нужнымъ скрывать ихъ. Но это отнюдь не влекло съ его стороны никакого вмѣшательства во внутреннія дѣла Комитета. Такое вмѣшательство было бы противно всѣмъ его правиламъ, а въ данномъ случаѣ само правительство считало необходимымъ обезпечить членамъ Комитета полную свободу преній. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за ходомъ занятій въ Комитетѣ, изрѣдка внося въ него и свои предложенія, но отнюдь не настаивая на ихъ принятіи и оставляя за собой право оцѣнки работъ Комитета и отдѣльныхъ мнѣній его членовъ по окончаніи его занятій.

Своею главною задачею онъ признавалъ въ данную минуту подготовку умовъ въ губерніи къ грядущей реформѣ и особенно чистку административныхъ учрежденій. Въ то же время онъ не упускалъ изъ виду и другихъ сторонъ мѣстной губернской жизни.

Задача очищенія и улучшенія органовъ администраціи въ то время была не изъ легкихъ. Изъ записки, представленной В. А. министру внутреннихъ дѣлъ, мы уже видѣли въ какомъ плачевномъ положеніи была тогда повсемѣстно губернская и уѣздная администрація. Калуга въ этомъ отношеніи не составляла исключенія. Викторъ Антоновичъ, какъ опытный уже губернаторъ, понималъ, что сразу радикально поправить дѣло не въ его власти. Удаливъ плохихъ и недобросовѣстныхъ чиновниковъ, очень трудно было замѣнить ихъ хорошими, такъ какъ въ то время въ Россіи чувствовался недостатокъ въ образованныхъ людяхъ; на скудное же содержаніе, получаемое губернскими и уѣздными чиновниками, существовать, безъ какихъ-нибудь стороннихъ доходовъ, было положительно невозможно. Съ другой стороны, вліяніе виннаго откупа здѣсь было такъ

[1]) Калужскія Губернскія Вѣдомости № 4, 1859 г., стр. 40—42.

Д. И. Потулова, человѣка очень умнаго, кандидата математическаго факультета московскаго университета, но отъявленнаго крѣпостника и крайняго приверженца самыхъ своекорыстныхъ и низменныхъ дворянскихъ стремленій, служившаго ранѣе въ III Отдѣленіи собств. Е. В. канцеляріи. Въ числѣ остальныхъ членовъ было не мало людей образованныхъ и свѣдущихъ, вполнѣ сознательно относившихся къ переживаемому моменту и къ великому дѣлу, въ которомъ имъ предстояло участвовать [1]).

Губернскій предводитель, отставной подполковникъ Ѳ. С. Щукинъ, человѣкъ уже преклоннаго возраста, слабый и тщеславный, очень гордившійся своимъ положеніемъ и страстно желавшій сохранить его и на будущее время, самъ по себѣ, повидимому, не былъ враждебенъ предстоявшей реформѣ, но, руководясь постоянно одною идеею—поддержать и развить свою популярность среди дворянъ, онъ сильно поддался впослѣдствіи вліянію того реакціоннаго настроенія, которое охватило помѣщиковъ передъ дворянскими выборами 1860 года и въ моментъ введенія крестьянской реформы.

Тѣмъ не менѣе, во все время продолженія работъ губернскаго Комитета онъ сохранялъ хорошія отношенія съ губернаторомъ и старался безпристрастно вести пренія и занятія Комитета.

Черезъ недѣлю послѣ выборовъ, 6 декабря, произошло торжественное открытіе Комитета, въ присутствіи архіерея, сказавшаго при этомъ весьма замѣчательную рѣчь.

„Мы думаемъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—что принадлежащее намъ имущество есть наша неотъемлемая собственность и подлежитъ нашему безотчетному употребленію. Такъ учитъ свѣтъ. Но какъ говоритъ о семъ истина, какъ показываетъ сіе опытъ всемірный? Мы странники и пришельцы на землѣ. „*Ничто же внесохомъ въ міръ сей, яве, яко ниже изнести можемъ*". Вотъ голосъ истины небесной. Наги мы приходимъ на свѣтъ, когда рождаемся, свидѣтельствуетъ опытъ, наги и выходимъ изъ міра сего, когда умираемъ. Не мы создали землю, не мы дали ей и силы производительныя...

...„Господь Всевышній, Творецъ и Промыслитель—вотъ кто даетъ всѣмъ намъ *животъ* и *дыханіе* и *вся*"... „*Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и высит*ъ"...

...„Крестьяне,—продолжалъ епископъ Григорій,—суть также люди, существа духовно разумныя, и посему велишенныя свободы; суть также творенія Божіи, облеченныя образомъ и подо-

---

[1]) Списокъ членовъ губернскаго комитета приведенъ въ слѣдующей главѣ.

біемъ Божіимъ; суть также чады Божіи по благодати, члены таинственнаго тѣла Христова, сонаслѣдники царства небеснаго. „*О Христѣ бо Іисусѣ*", говоритъ апостолъ, „*нѣсть рабъ, ни свободъ, но вси едино*".

„Значитъ ни въ природѣ крестьянъ, ни въ законѣ Божіемъ нѣтъ основанія тому великому различію, какое находится между владѣющими и обладаемыми...

...„Отстаивать нынѣ устарѣвшій порядокъ преобладанія значитъ идти вопреки правдѣ, сознанной цѣлымъ свѣтомъ; значитъ показывать себя человѣкомъ, нежелающимъ видѣть, чтобы возвышалось счастіе другихъ ближнихъ нашихъ, значитъ отставать отъ современности, требуемой здравымъ разумомъ и одобряемой Св. Евангеліемъ Христовымъ. Да! Пришла пора положить конецъ прежнему порядку дѣла; пришла пора положить начало порядку новому, порядку лучшему, болѣе благодѣтельному для всей массы народа, для всего тѣла государственнаго. И дивный жребій сего великаго, сего превожделѣннаго, сего благословеннаго преобразованія, по судьбамъ Божіимъ, достался вамъ, почтеннѣйшіе слушатели, и собратіямъ вашимъ. Благословите убо Господа, доставившаго вамъ честь, на которую съ глубокимъ уваженіемъ и съ крайнимъ нетерпѣніемъ смотрятъ всѣ окрестные народы и ближніе и дальніе, и уже по одной рѣшимости вашей содѣйствовать преблагимъ намѣреніямъ Монарха своего, восхваляютъ и величаютъ ваше великодушіе и вашу благонамѣренность.

„Совершите ваше великое предпріятіе добросовѣстно и братолюбно, какъ требуетъ сего благородство вашего происхожденія и благотворность святой христіанской вѣры, и вы принесете жертву самоотверженія, благопріятную Господу, утѣшите любвеобильное сердце Августѣйшаго Отца всѣхъ вѣрноподданныхъ, обрадуете многія тысячи народа, который благословитъ ваше имя, и увѣковѣчите свѣтлую память вашу на скрижаляхъ исторіи не только отечественной, но и всемірной. Аминь" [1]).

Вслѣдъ за архіереемъ В. А. Арцимовичъ обратился къ членамъ Комитета съ слѣдующею рѣчью:

---

[1]) Калужскія Вѣдомости за 1859 г. Часть неоффиціальная, № 4, стр. 37—40. Въ письмѣ отъ 15 декабря 1858 г., М. Н. Жемчужниковъ пишетъ В. А-чу объ этой рѣчи такъ: „Рѣчь архіерея отлично хороша, такой еще не было отъ духовенства. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы и твои рѣчи, и архіерея (если онъ согласится) были напечатаны въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Тогда будутъ перепечатаны въ газетахъ и журналахъ".—Но министерство внутреннихъ дѣлъ не разрѣшило напечатать эти рѣчи въ губернской газетѣ, и позволило только перепечатать ихъ впослѣдствіи изъ „Русскаго Дневника".

и предупредить слишкомъ пристрастныя ея дѣйствія въ пользу откупа. Это представленіе [1]) губернатора министру финансовъ оканчивалось буквально слѣдующими словами: „во всякомъ же случаѣ полагаю несоотвѣтственнымъ съ достоинствомъ правительства, для поддержанія откупа, стѣснять, вопреки законовъ, пивоваровъ и винокуренныхъ заводчиковъ. Кромѣ того губернскому начальству, при существующемъ обычаѣ со стороны откупа платить всѣмъ полицейскимъ властямъ, вовсе не предстоитъ необходимости въ усиленіи полицейскихъ мѣръ къ защитѣ откупа, а напротивъ, скорѣе могутъ представиться случаи къ удержанію отъ незаконнаго потворства откупу".

Министръ финансовъ очень обидѣлся на рѣзкій тонъ этой бумаги и написалъ [2]), что онъ, министръ, не требовалъ никакихъ распоряженій для поддержки откупа, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ правительства и могущихъ стѣснить пивоваровъ и заводчиковъ, и относился къ В. А. Арцимовичу „только о принятіи мѣръ къ отвращенію *неправильныхъ дѣйствій*, клонящихся ко вреду откупа и казны". Въ самой калужской губерніи Арцимовичъ встрѣтилъ упорную оппозицію не только со стороны казенной палаты, но даже и со стороны полицеймейстера. Тѣмъ не менѣе, онъ вскорѣ одолѣлъ оказанное ему сопротивленіе. Нѣкоторыя дѣла, доведенныя до Сената, были рѣшены послѣднимъ согласно съ заключеніемъ губернатора; по другимъ дѣламъ само Министерство финансовъ увидѣло, что мнѣніе Виктора Антоновича совершенно справедливо, и спустило флагъ. Предсѣдатель казенной палаты и совѣтникъ питейнаго отдѣленія, слишкомъ горячо отстаивавшіе интересы откупа, были переведены изъ Калуги, а полицеймейстеръ, по требованію В. А., подалъ въ отставку.

Изъ этой первой борьбы съ откупомъ В. А. вышелъ побѣдителемъ, отчасти благодаря поддержкѣ министра внутреннихъ дѣлъ, которому онъ лично докладывалъ свою переписку съ Министерствомъ финансовъ, въ бытность свою въ Петербургѣ. Въ бумагахъ его сохранился, между прочимъ, отвѣтъ на его рѣзкую бумагу (за № 102) министра финансовъ (за № 1421), который заканчивался такими словами: „Вообще желательно, чтобы возникающіе *между откупщиками и другими лицами споры и недоразумѣнія прекращались, по возможности, по-*

[1]) Отъ 10 мая 1859 г., за № 102.

[2]) Отъ 13 іюня 1859 г., за № 1421. Министромъ финансовъ въ это время былъ Княжевичъ, а директоромъ департамента „разныхъ податей и сборовъ"— Переверзевъ.

День этотъ былъ заключенъ обѣдомъ у губернатора, гдѣ послѣ обычныхъ тостовъ за здоровье Государя Императора и всего царствующаго дома, В. А—чъ провозгласилъ тостъ „за успѣхъ крестьянскаго дѣла и за соглашеніе частныхъ интересовъ съ общею государственною пользою, на славу и процвѣтаніе отечества“ [1]).

Такъ открылись занятія калужскаго губернскаго Комитета по улучшенію быта крестьянъ.

Въ преніяхъ членовъ Комитета мало по-малу обозначились, какъ мы ниже увидимъ, два направленія, которыя и раздѣлили въ концѣ концовъ составъ его на консервативное большинство и прогрессивное меньшинство. Всѣ симпатіи Виктора Антоновича лежали на сторонѣ послѣдняго и онъ не считалъ нужнымъ скрывать ихъ. Но это отнюдь не влекло съ его стороны никакого вмѣшательства во внутреннія дѣла Комитета. Такое вмѣшательство было бы противно всѣмъ его правиламъ, а въ данномъ случаѣ само правительство считало необходимымъ обезпечить членамъ Комитета полную свободу преній. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за ходомъ занятій въ Комитетѣ, изрѣдка внося въ него и свои предложенія, но отнюдь не настаивая на ихъ принятіи и оставляя за собой право оцѣнки работъ Комитета и отдѣльныхъ мнѣній его членовъ по окончаніи его занятій.

Своею главною задачею онъ признавалъ въ данную минуту подготовку умовъ въ губерніи къ грядущей реформѣ и особенно чистку административныхъ учрежденій. Въ то же время онъ не упускалъ изъ виду и другихъ сторонъ мѣстной губернской жизни.

Задача очищенія и улучшенія органовъ администраціи въ то время была не изъ легкихъ. Изъ записки, представленной В. А. министру внутреннихъ дѣлъ, мы уже видѣли въ какомъ плачевномъ положеніи была тогда повсемѣстно губернская и уѣздная администрація. Калуга въ этомъ отношеніи не составляла исключенія. Викторъ Антоновичъ, какъ опытный уже губернаторъ, понималъ, что сразу радикально поправить дѣло не въ его власти. Удаливъ плохихъ и недобросовѣстныхъ чиновниковъ, очень трудно было замѣнить ихъ хорошими, такъ какъ въ то время въ Россіи чувствовался недостатокъ въ образованныхъ людяхъ; на скудное же содержаніе, получаемое губернскими и уѣздными чиновниками, существовать, безъ какихъ-нибудь стороннихъ доходовъ, было положительно невозможно. Съ другой стороны, вліяніе виннаго откупа здѣсь было такъ

[1]) Калужскія Губернскія Вѣдомости № 4, 1859 г., стр. 40—42.

же значительно и тлетворно, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи. Въ 1859 году откупщики стали повсемѣстно дѣйствовать особенно беззастѣнчиво въ виду слѣдующаго обстоятельства.

На четырехлѣтіе 1859—1863 гг. питейные сборы въ великороссійскихъ губерніяхъ были отданы казною съ торговъ, кромѣ платы за вино, за акцизно-откупную сумму въ 42.544.100 руб.— болѣе противъ платившейся въ предыдущее двухлѣтіе на 24.923.900 р.

Министерство финансовъ, сообщая объ этомъ губернаторамъ [1]), поясняло, что откупной доходъ есть важнѣйшая статья нашихъ государственныхъ доходовъ и останавливало ихъ вниманіе на томъ, что доходъ этотъ въ предстоящее четырехлѣтіе доставитъ въ казну лишнихъ 108.355.466 р. 68 к. — *при успѣхѣ дѣла*; но при этомъ оно указывало, что успѣхъ трудно достижимъ въ виду того, что откупщики, платя государству 42 мил. руб. откупной суммы, сами собираютъ только 2 мил. и такимъ образомъ остальные 40 мил. приплачиваютъ, какъ налогъ на вино. Въ виду этого министръ финансовъ рекомендовалъ губернаторамъ всячески патронировать и оберегать интересы откупщиковъ и не почитать за злоупотребленіе продажу „улучшенныхъ“ питій по возвышеннымъ противъ таксы цѣнамъ и вообще устранять всякія стѣсненія откупного дѣла.

Легко .можно себѣ представить, какъ широко собирались воспользоваться этимъ циркуляромъ откупщики, дѣйствительно зарвавшіеся въ этотъ разъ на торгахъ и привыкшіе притомъ, даже и безъ такихъ циркуляровъ, встрѣчать всякое содѣйствіе со стороны губернской и уѣздной администраціи. Не довольствуясь возможностью повышать цѣны на многіе сорта водки, они стали отчаянно разбавлять вино, идущее по деревнямъ и, въ то же время, старались всячески устранить при содѣйствіи администраціи конкуренцію, которую имъ оказывали пивовары, между прочимъ издавна процвѣтавшіе въ Калугѣ.

Арцимовичу, взгляды котораго на откупъ были совершенно не согласны съ взглядами министерства финансовъ, предстояла такимъ образомъ съ самаго же начала весьма трудная и даже рискованная борьба.

Дѣло это въ такой степени характеристично для описываемой эпохи, что я позволю себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

---

[1]) Отъ 19 января 1859 г., за № 141.

Желая избавиться отъ конкуренціи пивоваровъ и не сойдясь съ ними въ цѣнѣ за продажу откупного вина изъ ренсковыхъ погребовъ, которые ранѣе содержали пивовары, откупщикъ и его подручные начали натравлять на нихъ полицію, донося, что будто бы пивовары незаконно открыли новыя пивныя лавки безъ разрѣшенія, и также, что они торгуютъ пивомъ распивочно, что имъ не разрѣшалось. Полиція, бывшая у откупа на содержаніи, стала придираться къ пивоварамъ и даже закрыла нѣсколько лавокъ. Пивовары пожаловались губернатору и онъ, разсмотрѣвъ дѣло, призналъ дѣйствія полиціи и притязанія откупа неправильными и приказалъ возстановить нарушенныя права пивоваровъ. Въ то же время уполномоченный откупщика сталъ прижимать, при содѣйствіи казенной палаты, мѣстныхъ помѣщиковъ-винокуровъ въ пріемкѣ вина, и въ одномъ такомъ случаѣ, когда дѣло дошло до губернатора, послѣдній призналъ и тутъ притязанія откупа неправильными, а дѣйствія казенной палаты придирчивыми и пристрастными. Независимо отъ этого, при объѣздѣ губерніи, онъ неоднократно указывалъ полиціи на необходимость строго преслѣдовать злоупотребленія откупа и преслѣдовалъ самъ чиновъ полиціи за попущенія.

Откупщики подняли шумъ и вмѣстѣ съ предсѣдателемъ казенной палаты стали посылать въ м—ство финансовъ слезныя жалобы и доносы.

Отъ 6 апрѣля 1859 г. (за № 940), министръ финансовъ написалъ калужскому губернатору, что онъ опасается за исправность калужскаго откупа, въ виду невыгоднаго и затруднительнаго положенія, въ которое откупъ поставленъ: 1) незаконными дѣйствіями мѣстныхъ пивоваровъ, которыхъ полиція недостаточно обуздываетъ, и 2) поддержкой со стороны мѣстнаго начальства помѣщиковъ-винокуровъ, поставляющихъ вино въ дурной, подверженной течи посудѣ. Въ виду этого министръ вновь обращалъ вниманіе губернатора на необходимость, по закону, оказывать откупу „особенное покровительство" и просилъ принять мѣры къ устраненію неправильныхъ дѣйствій, клонящихся ко вреду откупа.

На эту бумагу Арцимовичъ отвѣчалъ очень рѣзко. Сообщивъ, что всѣ свѣдѣнія, дошедшія до министра, совершенно невѣрны и описавъ подробно, какъ было дѣло, онъ заявилъ министру, что находитъ невозможнымъ дѣлать для поддержки откупа распоряженія, *несовмѣстныя съ достоинствомъ правительства*, и что въ отношеніи полиціи онъ озабоченъ, наоборотъ, необходимостью устранить постоянный подкупъ ея со стороны откупа

и предупредить слишкомъ пристрастныя ея дѣйствія въ пользу откупа. Это представленіе [1]) губернатора министру финансовъ оканчивалось буквально слѣдующими словами: „во всякомъ же случаѣ полагаю несоотвѣтственнымъ съ достоинствомъ правительства, для поддержанія откупа, стѣснять, вопреки законовъ, пивоваровъ и винокуренныхъ заводчиковъ. Кромѣ того губернскому начальству, при существующемъ обычаѣ со стороны откупа платить всѣмъ полицейскимъ властямъ, вовсе не предстоитъ необходимости въ усиленіи полицейскихъ мѣръ къ защитѣ откупа, а напротивъ, скорѣе могутъ представиться случаи къ удержанію отъ незаконнаго потворства откупу".

Министръ финансовъ очень обидѣлся на рѣзкій тонъ этой бумаги и написалъ [2]), что онъ, министръ, не требовалъ никакихъ распоряженій для поддержки откупа, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ правительства и могущихъ стѣснить пивоваровъ и заводчиковъ, и относился къ В. А. Арцимовичу „только о принятіи мѣръ къ отвращенію *неправильныхъ дѣйствій*, клонящихся ко вреду откупа и казны". Въ самой калужской губерніи Арцимовичъ встрѣтилъ упорную оппозицію не только со стороны казенной палаты, но даже и со стороны полицеймейстера. Тѣмъ не менѣе, онъ вскорѣ одолѣлъ оказанное ему сопротивленіе. Нѣкоторыя дѣла, доведенныя до Сената, были рѣшены послѣднимъ согласно съ заключеніемъ губернатора; по другимъ дѣламъ само Министерство финансовъ увидѣло, что мнѣніе Виктора Антоновича совершенно справедливо, и спустило флагъ. Предсѣдатель казенной палаты и совѣтникъ питейнаго отдѣленія, слишкомъ горячо отстаивавшіе интересы откупа, были переведены изъ Калуги, а полицеймейстеръ, по требованію В. А., подалъ въ отставку.

Изъ этой первой борьбы съ откупомъ В. А. вышелъ побѣдителемъ, отчасти благодаря поддержкѣ министра внутреннихъ дѣлъ, которому онъ лично докладывалъ свою переписку съ Министерствомъ финансовъ, въ бытность свою въ Петербургѣ. Въ бумагахъ его сохранился, между прочимъ, отвѣтъ на его рѣзкую бумагу (за № 102) министра финансовъ (за № 1421), который заканчивался такими словами: „Вообще желательно, чтобы возникающіе *между откупщиками и другими лицами споры и недоразумѣнія прекращались, по возможности, по-*

---

[1]) Отъ 10 мая 1859 г., за № 102.

[2]) Отъ 13 іюня 1859 г., за № 1421. Министромъ финансовъ въ это время былъ Княжевичъ, а директоромъ департамента „разныхъ податей и сборовъ"— Переверзевъ.

ныхъ приговоровъ о запрещеніи пить вино подъ угрозой различныхъ наказаній и штрафовъ можно только по жалобамъ потерпѣвшихъ, т.-е. крестьянъ, понесшихъ такое наказаніе или нежелающихъ подчиниться этимъ приговорамъ; принимать же подобныя жалобы отъ откупщика или его уполномоченныхъ онъ безусловно воспретилъ.

Очевидно, что это толкованіе парализовало силу обоихъ циркуляровъ; но хотя Арцимовичъ сообщилъ копію своего разъяснительнаго циркуляра обоимъ министрамъ, ни одинъ изъ нихъ не призналъ возможнымъ протестовать противъ такихъ разъясненій [1]).

Между тѣмъ, движеніе противъ откупного вина приняло въ калужской губерніи значительные размѣры. Образовали общества трезвости въ 1859 году: въ *тарускомъ* уѣздѣ крестьяне 8 селъ и деревень, въ количествѣ 2.648 ревиз. душъ м. п., въ *калужскомъ* уѣздѣ въ 14 деревняхъ, въ числѣ 2.091 ревиз. души, въ *масальскомъ* уѣздѣ въ 1 сельцѣ—26 душъ, въ *перемышльскомъ* уѣздѣ, въ 23 селеніяхъ, 3.300 ревиз. душъ, и въ *лихвинскомъ* уѣздѣ въ 7 селеніяхъ, 1.686 душъ; а всего по губерніи въ 53 селеніяхъ 9.751 д. муж. пола.

Мы остановились съ такою подробностью на борьбѣ, которую В. А. велъ съ злоупотребленіями откупа, потому что обстоятельства этой борьбы одновременно характеризуютъ и самого Арцимовича, и условія, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать.

Чистка, предпринятая В. А., не ограничилась только учрежденіями, имѣвшими непосредственное отношеніе къ откупу.

Послѣ ревизіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, кромѣ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 27 іюня 1859 г. тесть Арцимовича сенаторъ М. Н. Жемчужниковъ писалъ ему между прочимъ: „Касательно твоихъ дѣйствій противъ откупа мнѣ привелось слышать слѣдующій отзывъ Княжевича:

„*Онъ.* Зять вашъ съ своимъ циркуляромъ относительно винной продажи несправедливо толковалъ; вообще его дѣйствія по откупу не въ видахъ правительства.

„*Я.* Въ чемъ же заключаются его противодѣйствія видамъ правительства?

„*Онъ.* Въ видахъ интереса.

„*Я.* А въ видахъ доброй нравственности?

„*Онъ.* Интересы гораздо важнѣе нравственности.

„*Я.* Вы не думаете о будущей вѣчной жизни, а зять мой добрый христіанинъ".

„Съ этими словами я отошелъ отъ него; онъ же вовсе не ожидалъ такого возраженія, замѣтно сконфузился и даже поблѣднѣлъ".

находили, что движеніе противъ *пьянства* само по себѣ заслу
живало бы поощренія, если бы оно не выходило за предѣл
правъ, предоставленныхъ сельскимъ обществамъ, даже относи
тельно свободныхъ государственныхъ крестьянъ. Въ циркуля
рахъ указывалось, что по уставу „*о благоустройствѣ въ казен
ныхъ селеніяхъ*", сельскимъ сходамъ въ этихъ послѣднихъ пре
доставлялось принимать различныя исправительныя мѣры лиш
по отношенію къ горькимъ *пьяницамъ*. Постановлять же приго
воры о запрещеніи вообще пить водку, хотя бы и по общем
всѣхъ членовъ схода на то согласію, означеннымъ сходамъ п
закону не предоставлено, и тѣмъ болѣе не предоставлено им
установлять за нарушеніе подобныхъ запрещеній какіе-либ
наказанія или штрафы. При этомъ указывалось еще, что в
нѣкоторыхъ случаяхъ вино имѣетъ даже значеніе лѣкарства
потому употребленіе его не только не вредно, но даже полезн
Что же касается крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, то им
по закону, какъ указывалось въ циркулярѣ министра внутрен
нихъ дѣлъ, не было даже предоставлено вообще собирать сход
и постановлять какіе бы то ни было приговоры.

Получивъ эти циркуляры, Викторъ Антоновичъ былъ глу
боко возмущенъ лицемѣрнымъ смысломъ ихъ содержанія. Сво
досаду и негодованіе онъ съ полною откровенностью и съ бол
шимъ сарказмомъ излилъ въ особой запискѣ, которую онъ пред
ставилъ министру внутреннихъ дѣлъ частнымъ образомъ. В
этой запискѣ онъ рѣзко обличаетъ все лицемѣріе этихъ расп
ряженій, прямо называетъ всѣ вещи по имени и указывает
что, вмѣшиваясь во внутреннія отношенія помѣщичьихъ крестьян
правительство становится даже въ противорѣчіе съ существу
щимъ и еще не отмѣненнымъ строемъ.

„До сихъ поръ—пишетъ онъ въ этой запискѣ—правительство
считало себя въ правѣ входить во внутреннее управленіе помѣ
щичьими крестьянами; въ область крѣпостного права оно являло
только въ качествѣ защитника угнетенныхъ до крайности крест
янъ и карателя особенно важныхъ злоупотребленій помѣщиков

„Циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, относящійс
вообще къ народу, а слѣдовательно и къ помѣщичьимъ крест
янамъ, вводитъ власть правительства въ помѣщичьи имѣнія
новою цѣлью—преслѣдовать чистыя и нравственныя побуждені
крестьянъ. Всѣмъ извѣстно, что помѣщичьи имѣнія управляют
такъ или иначе по желанію и волѣ владѣльца. Если въ них
бываютъ сходки и мірскіе приговоры, то это происходитъ
согласія помѣщика.

„И вотъ, правительство, никогда не вмѣшивавшееся ни въ сущность, ни въ форму этихъ сходовъ и приговоровъ, рѣшается на это вмѣшательство потому только, что приговоры и сходки имѣютъ предметомъ распространеніе трезвости. А между тѣмъ законъ предоставляетъ помѣщикамъ не дозволять учрежденія питейныхъ лавокъ въ своихъ имѣніяхъ. Какъ согласовать эти противорѣчія? Какъ объяснить, чѣмъ оправдать несчастный выборъ настоящаго случая для того, чтобы измѣнить прежнія отношенія правительства къ помѣщичьимъ имѣніямъ и сдѣлать это не въ законодательномъ порядкѣ, а силою простого циркуляра? Путь, по которому идетъ правительство (въ данномъ вопросѣ), до того ложенъ, что для пользы крестьянъ остается прибѣгать къ произволу помѣщичьей власти, какъ единственной въ этомъ случаѣ оградѣ и защитѣ ихъ отъ насилій откупа и самого правительства. И все это совершается въ то время, когда правительство, *въ видахъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ*, приступаетъ къ освобожденію ихъ отъ помѣщичьей власти.

„О свойствѣ этихъ циркуляровъ можно судить—продолжаетъ авторъ записки—по впечатлѣнію, которое они произвели при своемъ появленіи. Имъ радуются откупщики, полицейскіе взяточники, которымъ открывается теперь возможность брать съ крестьянъ за то, что они не пьютъ, а съ откупа за то, чтобы крестьяне пили; да еще корыстолюбивые и невѣжественные помѣщики, изъ коихъ первымъ неудобно, а вторымъ представляется страшно имѣть дѣло съ разумнымъ, нравственнымъ и трезвымъ крестьяниномъ. Напротивъ, честные люди негодуютъ сильно и глубоко на безнравственность этихъ распоряженій, а умные смѣются надъ ихъ мудростью...

„Многіе убѣждены, что циркуляры обоихъ министерствъ куплены откупщиками, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что стая этихъ грабителей народа была недавно въ Петербургѣ, безъ всякаго сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы вынудить у правительства мѣры, клонящіяся къ растлѣнію народной нравственности. Прискорбно и больно видѣть, на какую грязную колею правительство вводитъ силою всѣ безъ изъятія губернскія власти, и честныя, которыя понимаютъ, какъ въ настоящее преобразовательное время драгоцѣнно всякое разумное и нравственное проявленіе ихъ въ народѣ, и безчестныя, которыя до изданія сихъ циркуляровъ, несмотря на роскошное жалованье отъ откупа, не осмѣливались однако посягнуть на чистоту народныхъ нравовъ...

„При мысли о возможности наказаній за трезвость и воздержаніе—пишетъ далѣе авторъ записки—еще болѣе изобли-

чаются передъ нами и глубокая безнравственность, и полная несостоятельность правительственныхъ распоряженій [1]). Мы разсматривали до сихъ поръ циркуляры обоихъ министровъ, какъ воззрѣнія правительства, непризнающаго законность мірскихъ приговоровъ о неупотребленіи откупного вина и какъ мѣру, предупреждающую такія дѣйствія. Но взглянемъ теперь на послѣдствіе этихъ циркуляровъ въ случаѣ неповиновенія крестьянъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своего намѣренія и святости данной ими *присяги*.

„Неужели правительство дошло до предположенія, что оно можетъ властью какого-нибудь циркуляра управлять нравственными убѣжденіями народныхъ массъ такъ же легко, какъ вводить или отмѣнять тотъ или другой канцелярскій порядокъ?...“

Въ запискѣ этой есть мѣсто, гдѣ говорится, что она разсматриваетъ по преимуществу циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ потому, между прочимъ, что онъ подѣйствовалъ на автора глубже и болѣзненнѣе, какъ подписанный министромъ, заслужившимъ и личными своими качествами, и многими изъ своихъ дѣйствій уваженіе благородныхъ и мыслящихъ людей.

Рѣдко приходится министрамъ читать столь сильную критику своихъ дѣйствій и не всякій губернаторъ рѣшится представить министру подобную записку, хотя бы и частнымъ образомъ.

Оффиціально Арцимовичъ распорядился въ этомъ затруднительномъ случаѣ тоже совершенно оригинально и очень остроумно. Въ циркулярѣ земской полиціи онъ предписалъ, въ виду послѣдовавшихъ циркуляровъ двухъ вышеназванныхъ министровъ, слѣдить прежде всего съ особенною строгостью, чтобы не было злоупотребленій со стороны откупа, такъ какъ плохое качество водки и высокая цѣна (не по таксѣ) служитъ поводомъ къ отказу со стороны крестьянъ отъ употребленія откупного вина; затѣмъ онъ разъяснилъ, что принимать мѣры противъ незакон-

[1]) Лѣтомъ 1859 г. Виктору Антоновичу писалъ его тесть М. Н. Жемчужниковъ:

„Предсѣдатель тамбовской казенной палаты Бурнашевъ сообщилъ мнѣ, что казенные крестьяне разбили и разграбили *всѣ* кабаки въ с. Спаскѣ и нѣсколько кабаковъ въ томъ же уѣздѣ. А въ № 123 „Русскаго Дневника“ описаны подобныя же происшествія въ волоколамскомъ уѣздѣ московской губерніи. Такое же событіе въ пензенской губерніи уже извѣстно тебѣ. Вотъ плоды циркуляра министра государств. имуществъ. Сколько пересѣкутъ невинныхъ людей, а можетъ быть еще сошлютъ на поселеніе! А ежели это же привьется и въ другихъ губерніяхъ?.. Искренне желаю, чтобы не привилось подобное буйство въ калужской губ. Усмирять, а можетъ быть еще и наказывать виновныхъ—тяжело будетъ для тебя“.

что онѣ были призваны къ барину, первая—пять лѣтъ тому назадъ, а вторая — въ 1858 г., въ Петровъ постъ и, несмотря на ихъ сопротивленіе, были лишены невинности, причемъ первую изъ нихъ за то, что она хотѣла убѣжать, „онъ билъ по щекамъ и разбилъ ей до крови зубы“. Показаніе это подтвердили 4 свидѣтеля.

Прочіе крестьяне и крестьянки г-на Карпенка, въ числѣ 103 человѣкъ, и дворовые люди, въ числѣ 8 человѣкъ, показали, что хотя они и не были свидѣтелями изнасилованія Прасковьи Ивановой, но имъ извѣстно, что фактъ этотъ дѣйствительно совершился и что на другой день послѣ этого происшествія многіе крестьяне говорили о томъ, что господинъ ихъ также растлилъ дѣвушекъ Анисью Нефедову, Евфросинью Зосимову, Феклу Михайлову и Наталью Иванову, причемъ присовокупляли, что г. Карпенко, ведя жизнь праздную, весьма часто напивается до пьяна и тогда, дѣлаясь буйнымъ, раздражительнымъ и въ особенности „неспокойнымъ плотью“, требуетъ, для удовлетворенія страстей своихъ, крѣпостныхъ дѣвокъ, что и исполняется безпрекословно изъ страха наказанія, и что таковые поступки этого барина „имѣютъ весьма гибельное вліяніе на женщинъ и дѣвушекъ, привыкающихъ къ разврату“.

Вольноотпущенная Варвара Венедиктова показала, что она находилась въ услуженіи у г. Карпенко и что ей извѣстно, что въ началѣ 1858 г. Карпенко дѣйствительно растлилъ двухъ несовершеннолѣтнихъ своихъ дѣвушекъ Нефедьеву и Васильеву, что же касается растленія Ивановой, то она, Венедиктова, объ этомъ только слышала, но дѣйствительно ли это совершилось — не знаетъ. Изъ жителей села только одинъ священникъ Бѣляевъ отозвался полнымъ незнаніемъ этихъ фактовъ.

Картина раскрылась отвратительная и полная. Произведенное слѣдствіе передано было на разсмотрѣніе предводителей и депутатовъ дворянства калужской губерніи, причемъ Губернское Правленіе сдѣлало распоряженіе о немедленной высылкѣ помѣщика Карпенко изъ имѣнія (вслѣдствіе соглашенія губернатора съ губернскимъ предводителемъ дворянства, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17 октября 1853 г.).

Депутатское собраніе, разсмотрѣвъ слѣдствіе, нашло, что „*хотя въ дѣлѣ не видно положительно доказанныхъ данныхъ*“, обвиняющихъ г. Карпенко, но тѣмъ не менѣе взводимыя на него обвиненія такъ важны, что онъ уже преданъ уголовному суду, а потому и принявъ во вниманіе, что Карпенко, по распоряженію губернскаго начальства, уже вызванъ въ губернскій

предсѣдателя казенной палаты, совѣтника питейнаго ея отдѣленія и полицеймейстера г. Калуги, были смѣщены имъ или по его настоянію, вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій: товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, инспекторъ врачебной управы и весь составъ строительной комиссіи.

Такимъ образомъ онъ дѣйствительно имѣлъ полное основаніе сказать въ запискѣ, представленной имъ въ 1861 году ревизующему сенатору, что въ первый же періодъ его управленія губерніей всѣ взяточники и злоупотребители убѣдились, что при преслѣдованіи зла онъ дѣйствуетъ неослабно и безъ уступокъ [1]).

Однако и преслѣдованіе взяточниковъ, въ числѣ которыхъ было не мало ставленниковъ мѣстныхъ дворянъ, замѣщавшихъ въ то время по выбору бо̀льшую часть судебныхъ и полицейскихъ должностей, и нескрываемое расположеніе, оказываемое губернаторомъ прогрессивнымъ членамъ дворянскаго комитета по крестьянскому дѣлу, какъ и вообще его преданность крестьянской реформѣ, создавали ему мало-по-малу довольно значительную и сплоченную партію враговъ и недоброжелателей, которые вскорѣ попытались активно выступить противъ него.

Особенная злоба по отношенію къ В. А. въ помѣщичьей средѣ стала накопляться, когда онъ началъ проявлять упорство и безпощадность въ преслѣдованіи злоупотребленій помѣщичьей власти. Въ борьбѣ съ этими злоупотребленіями ему приходилось терпѣливо и неустанно продолжать хотя и пассивное, но упорное сопротивленіе дворянскаго депутатскаго собранія, черезъ которое дѣла эти обязательно проходили по закону.

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ дѣлъ, наиболѣе характеристичныхъ, такъ какъ они помогутъ лучше понять и среду, впослѣдствіи такъ сильно возненавидѣвшую В. А., и характеръ тѣхъ затрудненій, которыя ему приходилось преодолѣвать на пути подготовленій умовъ къ грядущей реформѣ.

Вотъ эти любопытные примѣры: незадолго до прибытія В. А. въ калужскую губернію, 13 іюля 1858 года, помѣщикъ тарускаго уѣзда Чуфаровскій насильственно обвѣнчалъ дочь своего крестьянина Пырикова съ крестьяниномъ Андреевымъ. Невѣста при этомъ была связана, народъ выгнанъ изъ церкви самимъ помѣщикомъ и самъ же Чуфаровскій держалъ надъ невѣстой вѣнецъ, схвативъ другою рукою ее за косу. Невѣста кричала караулъ и угрожала лишить себя жизни, но помѣщикъ

[1]) Представленіе сенатору Капгеру отъ 18 октября 1861 г., за № 1941.

зжалъ ей ротъ платкомъ, а когда пришло время до питья изъ общей чаши, то насильно разжалъ ей ротъ.

Когда дѣло получило огласку, Чуфаровскій пытался подкупить главнаго свидѣтеля церковнаго старосту Терентьева, а другихъ свидѣтелей подпоить водкой. Своего крестьянина Максимова, давшаго невыгодное для него показаніе, Чуфаровскій жестоко избилъ и высѣкъ.

Замѣчательно, что губернское правленіе, назначивъ слѣдствіе по этому дѣлу и пославъ его затѣмъ на заключеніе дворянскаго депутатскаго собранія, относительно неблаговидныхъ поступковъ Чуфаровскаго и злоупотребленія помѣщичьей властью (съ цѣлью взять имѣніе въ опеку), въ то же время постановило:

„Имѣя въ виду, что разлученіе супруговъ допускается лишь по окончательномъ постановленіи о незаконности и недѣйствительности брака (38 и 103 статьи 2 ч. X т. Св. Зак., изд. 1857 г.), предписать тарускому городническому правленію дочь крестьянина Пырикова, если она до сего времени проживаетъ въ Тарусѣ, переслать черезъ тарускій земскій судъ для совмѣстнаго жительства съ мужемъ“; и лишь вслѣдствіе новой просьбы Пырикова, получивъ категорическое указаніе по этому дѣлу отъ В. А. Арцимовича, губернское правленіе постановило [1]): „относительно же дочери его (Пырикова), хотя заключено отправить ее черезъ тарускій земскій судъ для совмѣстнаго жительства съ мужемъ..., но такъ какъ изъ настоящей просьбы крестьянина Пырикова видно, что дочь его живетъ вмѣстѣ съ нимъ, а не съ мужемъ, со времени начатія слѣдствія о насильственномъ повѣнчаніи, т.-е. болѣе 9 мѣсяцевъ, что крестьянинъ, съ которымъ насильственно повѣнчана дочь Пырикова, о возвращеніи ея къ нему, хотя обращался съ просьбой къ слѣдователю, но получивъ отказъ, вновь объ этомъ не просилъ, то засимъ не представляется никакой необходимости въ приведеніи въ исполненіе заключенія правленія на счетъ совмѣстнаго жительства насильственно повѣнчанныхъ, тѣмъ болѣе, что дочь Пырикова, какъ объяснено въ поданной ею вмѣстѣ съ отцомъ просьбѣ, положительно не считаетъ мужемъ предложеннаго ей помѣщикомъ крестьянина, а вопросъ о бракѣ подлежать будетъ судебному разсмотрѣнію. При такихъ данныхъ и *руководствуясь сдѣланными г. начальникомъ губерніи указаніями*, губернское правленіе полагаетъ: дозволить крестьянину Пырикову взять дочь свою съ собою и проч.... и, согласно по-

---

[1]) 5 мая 1859 г.

становленію 20-го апрѣля, *поручить ихъ особому покровительству рязанскаго* (по мѣсту ихъ жительства) *земскаго суда и уѣзднаго предводителя*, которымъ объ этомъ въ указѣ и отношеніи дополнить" [1]). Чѣмъ кончилось дѣло Чуфаровскаго—намъ неизвѣстно. Въ письмѣ одного изъ корреспондентовъ В. А. сохранился лишь слѣдъ, что Сенатъ постановилъ испросить Высочайшее повелѣніе на преданіе Чуфаровскаго суду.

Въ сентябрѣ 1858 года до свѣдѣнія калужскаго губернатора дошли слухи, что помѣщикъ тарускаго же уѣзда *Карпенко*, потребовавъ къ себѣ несовершеннолѣтнюю крестьянскую дочь Прасковью Иванову, растлилъ ее, несмотря на ея сопротивленіе, послѣ чего она долго была больна, и что передъ этимъ Карпенко лишилъ невинности и другихъ несовершеннолѣтнихъ крестьянскихъ дѣвушекъ. Слухи эти подтвердились, какъ по произведенному секретному дознанію (чин. ос. пор. гр. Бутурлинымъ), такъ и по свѣдѣніямъ, доставленнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Формальное слѣдствіе, произведенное по распоряженію губернатора, выяснило тогда рядъ гнусныхъ и глубоко возмутительныхъ фактовъ. Прасковья Иванова показала, что въ 1858 г., за 3 недѣли до Петрова дня, она была потребована къ г. Карпенко, который объявилъ ей, что намѣренъ отправить ее въ Москву для излѣченія болѣзни глазъ, но вслѣдъ затѣмъ, измѣнивъ намѣреніе, взялъ ее въ комнаты, свелъ въ спальню и велѣлъ раздѣться, и, несмотря на ея сопротивленіе, изнасиловалъ ее, причемъ угрожалъ, что если она не исполнитъ его требованія, то онъ *затравитъ ее собакой*, которая лежала въ спальнѣ на диванѣ. При этомъ онъ говорилъ, что *ей принадлежитъ только одна душа ея, а тѣло ему, какъ помѣщику, и потому ея господину*. Несчастная мать ея, находясь въ это время подъ окнами спальни, слышала крики и стонъ своей дочери и ничѣмъ не могла помочь ей. Рядъ показаній свидѣтельницъ-крестьянокъ подтвердилъ фактъ изнасилованія.

Крестьянки Авдотья Зосимова и Наталья Иванова показали,

---

[1]) Неудивительно, что при раздачѣ положеній 19 февраля 1861 г., какъ сообщалъ одинъ изъ раздававшихъ положенія чиновниковъ, „во время чтенія статьи о дарованіи крестьянамъ семейственныхъ правъ, многіе съ ласковымъ привѣтомъ обращались къ своимъ малолѣтнимъ дочерямъ и сыновьямъ, говоря, что теперь господа не будутъ уже самовольно уводить изъ домовъ мальчиковъ и продавать замужъ дѣвочекъ. „Да!—присовокупляли къ этому женщины—наши дѣвки будутъ уже выходить за милыхъ, а не за постылыхъ!“ (донесеніе Цурикова. Архивъ В. А. Арцимовича. 1861 г., папка 1).

что онѣ были призваны къ барину, первая—пять лѣтъ тому назадъ, а вторая—въ 1858 г., въ Петровъ постъ и, несмотря на ихъ сопротивленіе, были лишены невинности, причемъ первую изъ нихъ за то, что она хотѣла убѣжать, „онъ билъ по щекамъ и разбилъ ей до крови зубы“. Показаніе это подтвердили 4 свидѣтеля.

Прочіе крестьяне и крестьянки г-на Карпенка, въ числѣ 103 человѣкъ, и дворовые люди, въ числѣ 8 человѣкъ, показали, что хотя они и не были свидѣтелями изнасилованія Прасковьи Ивановой, но имъ извѣстно, что фактъ этотъ дѣйствительно совершился и что на другой день послѣ этого происшествія многіе крестьяне говорили о томъ, что господинъ ихъ также растлилъ дѣвушекъ Анисью Нефедову, Евфросинью Зосимову, Феклу Михайлову и Наталью Иванову, причемъ присовокупляли, что г. Карпенко, ведя жизнь праздную, весьма часто напивается до пьяна и тогда, дѣлаясь буйнымъ, раздражительнымъ и въ особенности „неспокойнымъ плотью“, требуетъ, для удовлетворенія страстей своихъ, крѣпостныхъ дѣвокъ, что и исполняется безпрекословно изъ страха наказанія, и что таковые поступки этого барина „имѣютъ весьма гибельное вліяніе на женщинъ и дѣвушекъ, привыкающихъ къ разврату“.

Вольноотпущенная Варвара Венедиктова показала, что она находилась въ услуженіи у г. Карпенко и что ей извѣстно, что въ началѣ 1858 г. Карпенко дѣйствительно растлилъ двухъ несовершеннолѣтнихъ своихъ дѣвушекъ Нефедьеву и Васильеву, что же касается растленія Ивановой, то она, Венедиктова, объ этомъ только слышала, но дѣйствительно ли это совершилось— не знаетъ. Изъ жителей села только одинъ священникъ Бѣляевъ отозвался полнымъ незнаніемъ этихъ фактовъ.

Картина раскрылась отвратительная и полная. Произведенное слѣдствіе передано было на разсмотрѣніе предводителей и депутатовъ дворянства калужской губерніи, причемъ Губернское Правленіе сдѣлало распоряженіе о немедленной высылкѣ помѣщика Карпенко изъ имѣнія (вслѣдствіе соглашенія губернатора съ губернскимъ предводителемъ дворянства, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17 октября 1853 г.).

Депутатское собраніе, разсмотрѣвъ слѣдствіе, нашло, что „*хотя въ дѣлѣ не видно положительно доказанныхъ данныхъ*“, обвиняющихъ г. Карпенко, но тѣмъ не менѣе взводимыя на него обвиненія такъ важны, что онъ уже преданъ уголовному суду, а потому и принявъ во вниманіе, что Карпенко, по распоряженію губернскаго начальства, уже вызванъ въ губернскій

городъ до окончанія дѣла законнымъ порядкомъ, и что засимъ, будучи устраненъ отъ личнаго распоряженія своими имѣніями, онъ не можетъ употребить во зло свою власть, собраніе нашло мѣру сію достаточною и положило: окончательное взятіе въ опекунское управленіе имѣнія Карпенка отложить до рѣшенія о немъ дѣла. Карпенко поскакалъ въ Петербургъ, надѣясь потушить дѣло. Но губернаторъ не согласился съ депутатскимъ собраніемъ и, не выжидая окончанія суда, который легко могъ окончиться по тогдашнымъ условіямъ ничѣмъ, — перенесъ дѣло въ Сенатъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, нашелъ, что произведеннымъ слѣдствіемъ помѣщикъ Карпенко обвиняется въ нетрезвой, развратной жизни и насильственномъ растленіи несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ своихъ, и потому, принявъ во вниманіе, что по закону (ст. 420 т. XIV Св. Зак.), въ предупрежденіе и пресѣченіе жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными и дворовыми людьми ихъ, налагается опека на имѣнія помѣщиковъ, уличенныхъ въ такомъ обращеніи, и что таковая предпринимается въ административномъ порядкѣ, не только вслѣдствіе признанія помѣщиковъ виновными въ жестокомъ обращеніи съ крѣпостными людьми по суду, но *вообще въ видахъ предупрежденія всякаго большаго или меньшаго злоупотребленія власти помѣщичьей,* Сенатъ опредѣлилъ: имѣніе Карпенка подвергнуть опекунскому управленію со всѣми послѣдствіями, сопряженными по закону съ этою мѣрою [1]).

Въ концѣ 1858 г. возникло дѣло объ извѣстной своею жестокостью помѣщицѣ Колосовой (малоярославецкаго уѣзда). Это дѣло тянулось болѣе двухъ лѣтъ благодаря отпискамъ и отсрочкамъ дворянскаго депутатскаго собранія, несмотря на энергическое вмѣшательство губернатора и дѣлаемыя имъ понужденія, и все-таки оно было рѣшено лишь Сенатомъ такъ же, какъ и предыдущее, отобраніемъ имѣнія въ опеку. Между тѣмъ, г-жа Колосова, разъѣзжавшая съ арапникомъ по полямъ и бившая имъ „изъ собственныхъ рукъ“ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, независимо отъ разоренія ихъ незаконной барщиной и неумѣренными поборами [2]), произвела рядъ возмутительныхъ жестокостей, подробно выясненныхъ слѣдствіемъ. Такъ она сослала на поселеніе въ Сибирь свою дворовую дѣвку Артемьеву

---

[1]) Архивъ В. А. Арцимовича 1859 г., папка 3-ья. Копіи переписки по дѣлу Карпенка.

[2]) См. объ этомъ въ 1-ой главѣ настоящаго изслѣдованія.

и все семейство послѣдней, людей хорошаго поведенія, безъ всякой вины съ ихъ стороны, единственно изъ мести за принесенную Артемьевой жалобу, хотя Артемьева была уже за это жестоко наказана розгами; отдала въ рекруты 3-хъ человѣкъ, вопреки данной ею самой при слѣдствіи подпискѣ, многимъ женщинамъ и дѣвкамъ стригла въ наказаніе головы, лишала дневного пропитанія малолѣтнихъ дѣтей и вообще обличалась въ жестокосердномъ и совершенно нетерпимомъ обращеніи съ крестьянами.

Дворянское собраніе приступило къ разсмотрѣнію этого дѣла лишь въ іюлѣ 1860 года, но и затѣмъ рѣшеніе свое отложило подъ предлогомъ недостаточности своего личнаго состава и необходимости собрать еще нѣкоторыя данныя о хозяйственныхъ порядкахъ въ имѣніи Колосовой, хотя эти порядки были вполнѣ выяснены, какъ удостовѣрилъ вслѣдъ затѣмъ губернаторъ [1]) въ самомъ слѣдственномъ производствѣ, да и поступки, въ которыхъ уличена была Колосова, стояли внѣ всякой зависимости отъ хозяйственныхъ порядковъ въ ея имѣніи, которые, впрочемъ, были, какъ мы уже видѣли ранѣе, также совершенно нетерпимы.

Въ главѣ первой мы изложили дѣло помѣщика Доломанова, имѣніе котораго было также отобрано, по настоянію В. А—ча, сенатскимъ указомъ въ опеку, вопреки заключенію дворянскаго депутатскаго собранія.

Преслѣдованія помѣщичьяго произвола и злоупотребленій сильно возбуждали помѣщиковъ противъ новаго губернатора. Нѣкоторые изъ нихъ вступились за „преслѣдуемыхъ" и, въ письмахъ къ губернскому предводителю, требовали его вмѣшательства на защиту дворянскихъ интересовъ. Такъ, когда производилось слѣдствіе по поводу безпорядковъ въ имѣніи лихвинскаго помѣщика П. А. Яковлева [2]), то сосѣди послѣдняго: князь Вадбольскій, Сомовъ и Акатовъ, обратились къ губернскому предводителю съ письмами, въ которыхъ убѣдительно просили его „не давать распространяться среди крестьянъ гибельнымъ идеямъ о возможности неповиновенія помѣщичьей власти" и выражали даже опасенія, что и у нихъ въ имѣніяхъ могутъ „вспыхнуть волненія", если въ имѣніи Яковлева безпорядки не будутъ прекращены строгими мѣрами.

Раздраженіе помѣщиковъ противъ губернатора вскорѣ выразилось открыто и страстно—по поводу открытія въ Калугѣ женской гимназіи.

30-го мая 1858 г. было издано положеніе объ училищахъ

[1]) Предложеніе губернскому правленію отъ 19 октября 1860 г.
[2]) См. подробное изложеніе дѣла въ I-ой главѣ.

городъ до окончанія дѣла законнымъ порядкомъ, и что засимъ, будучи устраненъ отъ личнаго распоряженія своими имѣніями, онъ не можетъ употребить во зло свою власть, собраніе нашло мѣру сію достаточною и положило: окончательное взятіе въ опекунское управленіе имѣнія Карпенка отложить до рѣшенія о немъ дѣла. Карпенко поскакалъ въ Петербургъ, надѣясь потушить дѣло. Но губернаторъ не согласился съ депутатскимъ собраніемъ и, не выжидая окончанія суда, который легко могъ окончиться по тогдашнымъ условіямъ ничѣмъ, — перенесъ дѣло въ Сенатъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, нашелъ, что произведеннымъ слѣдствіемъ помѣщикъ Карпенко обвиняется въ нетрезвой, развратной жизни и насильственномъ растленіи несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ своихъ, и потому, принявъ во вниманіе, что по закону (ст. 420 т. XIV Св. Зак.), въ предупрежденіе и пресѣченіе жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными и дворовыми людьми ихъ, налагается опека на имѣнія помѣщиковъ, уличенныхъ въ такомъ обращеніи, и что таковая предпринимается въ административномъ порядкѣ, не только вслѣдствіе признанія помѣщиковъ виновными въ жестокомъ обращеніи съ крѣпостными людьми по суду, но *вообще въ видахъ предупрежденія всякаго бóльшаго или меньшаго злоупотребленія власти помѣщичьей,* Сенатъ опредѣлилъ: имѣніе Карпенка подвергнуть опекунскому управленію со всѣми послѣдствіями, сопряженными по закону съ этою мѣрою [1]).

Въ концѣ 1858 г. возникло дѣло объ извѣстной своею жестокостью помѣщицѣ Колосовой (малоярославецкаго уѣзда). Это дѣло тянулось болѣе двухъ лѣтъ благодаря отпискамъ и отсрочкамъ дворянскаго депутатскаго собранія, несмотря на энергическое вмѣшательство губернатора и дѣлаемыя имъ понужденія, и все-таки оно было рѣшено лишь Сенатомъ такъ же, какъ и предыдущее, отобраніемъ имѣнія въ опеку. Между тѣмъ, г-жа Колосова, разъѣзжавшая съ арапникомъ по полямъ и бившая имъ „изъ собственныхъ рукъ“ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, независимо отъ разоренія ихъ незаконной барщиной и неумѣренными поборами [2]), произвела рядъ возмутительныхъ жестокостей, подробно выясненныхъ слѣдствіемъ. Такъ она сослала на поселеніе въ Сибирь свою дворовую дѣвку Артемьеву

---

[1]) Архивъ В. А. Арцимовича 1859 г., папка 3-ья. Копіи переписки по дѣлу Карпенка.

[2]) См. объ этомъ въ 1-ой главѣ настоящаго изслѣдованія.

купца *Малютина*, пожертвовавшаго 100.000 руб. серебромъ на учрежденіе въ Калугѣ городского общественнаго банка, съ тѣмъ, чтобы 4% съ этой суммы шли на содержаніе училища для мѣщанскихъ дѣтей и на другія благотворительныя цѣли. Въ статьѣ этой говорилось еще между прочимъ слѣдующее:

„Теперь возбуждены у насъ многіе жизненные вопросы. Мы не говоримъ, чтобы всѣ *индивидуумы* общества проникнуты были сознаніемъ важности этихъ вопросовъ: напротивъ, вы еще услышите въ нѣкоторыхъ кружкахъ довольно странныя понятія о крестьянскомъ вопросѣ, о предполагаемой у насъ женской гимназіи и проч., но страннымъ понятіямъ противопоставляются свѣтлыя и здравыя мысли, которыя необходимо должны взять перевѣсъ. Можетъ быть, мы еще далеки отъ положительныхъ благотворныхъ результатовъ нашего, такъ сказать, пробужденія; мы еще только начинаемъ; но кто же изъ благомыслящихъ не порадуется добрымъ начинаніямъ и отъ глубины души не благословитъ ихъ? Притомъ, чего нельзя ожидать въ будущемъ тамъ, гдѣ заложено благое начало!..“ [1]).

Эта статья очень не понравилась мѣстнымъ крѣпостникамъ. Они заподозрили, что она написана подъ вліяніемъ губернатора и все что было въ ней сказано о нѣкоторыхъ *индивидуумахъ*, приняли на счетъ представителей „благороднаго сословія“. Они рѣшили воспользоваться этой статьей для нападенія на губернатора, тѣмъ болѣе, что въ ней имя В. А. сопровождалось эпитетами „любимаго и уважаемаго всѣми“.

И вотъ въ № 108 „Московскихъ Вѣдомостей“ появилось „*письмо къ редактору*“ за подписью 18 дворянъ калужской губерніи съ помѣщикомъ Потуловымъ во главѣ. Въ этомъ письмѣ указывалось на то, что въ Калугѣ было какое-то собраніе, на которое никто изъ дворянъ приглашенъ не былъ, и что циркулярно дворяне также не были приглашаемы къ подпискѣ на женскую гимназію; выражалось негодованіе по поводу посягательства губернскаго оффиціоза оклеветать дворянъ, что будто они идутъ позади другихъ сословій, и указывалось на желаніе газеты выхваливать мѣстное начальство, а также дѣлались намеки на стремленія послѣдняго къ деспотизму, вынесенныя изъ „*сибирскихъ тундръ*“ [2]) и т. п. Въ заключеніе въ трескучихъ фразахъ выставлялись боевыя заслуги дворянства передъ отече-

---

[1]) „Калужскія Вѣдомости“, неоффиціальн. часть, № 10, стр. 105.

[2]) Жители „сибирскихъ тундръ“, т.-е. тоболяки, откликнулись на этотъ вызовъ прекраснымъ письмомъ въ защиту В. А., подписаннымъ нѣсколькими сотнями подписей. См. стр. 99 настоящей книги.

для дѣтей женскаго пола. Вслѣдъ за симъ, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства пригласить всѣ сословія въ губерніяхъ къ пожертвованіямъ средствъ на учрежденіе таковыхъ училищъ. Въ Калугѣ циркуляры эти были получены въ началѣ августа 1858 г. и губернское начальство тогда же, т.-е. еще до прибытія В. А., предложило городскому обществу войти въ ближайшія соображенія по этому предмету. Губернскій же предводитель, не сочувствуя, вѣроятно, демократическому характеру училищъ, открываемыхъ для дѣвочекъ всѣхъ сословій, а можетъ быть встрѣтивъ и нерасположеніе къ нимъ среди дворянъ, не далъ полученной имъ бумагѣ никакого хода. Городское общество изъявило, напротивъ, живое сочувствіе этому дѣлу и, пожелавъ открыть въ Калугѣ женскую гимназію, ассигновало на это и нѣкоторыя средства, а именно купцы всѣхъ гильдій (которыхъ тогда было 3) постановили жертвовать въ теченіе трехъ лѣтъ по 5% съ цѣны торговыхъ свидѣтельствъ, что составляло по 1.250 р. въ годъ, и сверхъ того подъ помѣщеніе гимназіи назначили принадлежащій городу трехъэтажный домъ. Приговоръ этотъ состоялся 8 ноября, уже по прибытіи В. А—ча въ Калугу.

Живо интересуясь дѣломъ народнаго образованія, В. А. и жена его Анна Михайловна тотчасъ же приняли въ этомъ дѣлѣ горячее участіе. Такъ какъ средствъ, ассигнованныхъ городскимъ обществомъ, оказалось для открытія гимназіи недостаточно, то В. А., воспользовавшись бывшими у него собраніями мѣстныхъ гражданъ, пріѣхавшихъ къ нему на совѣщаніе о различныхъ городскихъ нуждахъ, предложилъ имъ открыть сборъ частныхъ пожертвованій въ городѣ. Дѣло пошло въ ходъ и скоро сумма добровольныхъ пожертвованій достигла нѣсколькихъ тысячъ рублей. Но помѣщики, не сочувствуя дѣлу и желая кстати досадить и его руководителю, не давали ни гроша (за исключеніемъ одного или двухъ человѣкъ). Фактъ этотъ былъ отмѣченъ на страницахъ неоффиціальной части Губернскихъ Вѣдомостей, гдѣ было указано, что, кромѣ губернатора и его супруги, да еще 2-хъ—3-хъ лицъ, всѣ остальные жертвователи принадлежали къ купеческому сословію, причемъ, однако, высказывалась надежда, что впослѣдствіи, когда подписка распространится, въ ней примутъ, быть можетъ, участіе „и многія другія лица благороднаго сословія“, а далѣе слѣдовалъ панегирикъ благороднымъ чувствамъ купеческаго сословія. Тутъ же было приведено извѣстіе и о другомъ болѣе крупномъ пожертвованіи одного изъ уроженцевъ г. Калуги московскаго

купца *Малютина*, пожертвовавшаго 100.000 руб. серебромъ на учрежденіе въ Калугѣ городского общественнаго банка, съ тѣмъ, чтобы $4^0/_0$ съ этой суммы шли на содержаніе училища для мѣщанскихъ дѣтей и на другія благотворительныя цѣли. Въ статьѣ этой говорилось еще между прочимъ слѣдующее:

„Теперь возбуждены у насъ многіе жизненные вопросы. Мы не говоримъ, чтобы всѣ *индивидуумы* общества проникнуты были сознаніемъ важности этихъ вопросовъ: напротивъ, вы еще услышите въ нѣкоторыхъ кружкахъ довольно странныя понятія о крестьянскомъ вопросѣ, о предполагаемой у насъ женской гимназіи и проч., но страннымъ понятіямъ противопоставляются свѣтлыя и здравыя мысли, которыя необходимо должны взять перевѣсъ. Можетъ быть, мы еще далеки отъ положительныхъ благотворныхъ результатовъ нашего, такъ сказать, пробужденія; мы еще только начинаемъ; но кто же изъ благомыслящихъ не порадуется добрымъ начинаніямъ и отъ глубины души не благословитъ ихъ? Притомъ, чего нельзя ожидать въ будущемъ тамъ, гдѣ заложено благое начало!...“ [1]).

Эта статья очень не понравилась мѣстнымъ крѣпостникамъ. Они заподозрили, что она написана подъ вліяніемъ губернатора и все что̀ было въ ней сказано о нѣкоторыхъ *индивидуумахъ*, приняли на счетъ представителей „благороднаго сословія“. Они рѣшили воспользоваться этой статьей для нападенія на губернатора, тѣмъ болѣе, что въ ней имя В. А. сопровождалось эпитетами „любимаго и уважаемаго всѣми“.

И вотъ въ № 108 „Московскихъ Вѣдомостей“ появилось „*письмо къ редактору*“ за подписью 18 дворянъ калужской губерніи съ помѣщикомъ Потуловымъ во главѣ. Въ этомъ письмѣ указывалось на то, что въ Калугѣ было какое-то собраніе, на которое никто изъ дворянъ приглашенъ не былъ, и что циркулярно дворяне также не были приглашаемы къ подпискѣ на женскую гимназію; выражалось негодованіе по поводу посягательства губернскаго оффиціоза оклеветать дворянъ, что будто они идутъ позади другихъ сословій, и указывалось на желаніе газеты выхваливать мѣстное начальство, а также дѣлались намеки на стремленія послѣдняго къ деспотизму, вынесенныя изъ „*сибирскихъ тундръ*“ [2]) и т. п. Въ заключеніе въ трескучихъ фразахъ выставлялись боевыя заслуги дворянства передъ отече-

[1]) „Калужскія Вѣдомости“, неоффиціальн. часть, № 10, стр. 105.

[2]) Жители „сибирскихъ тундръ“, т.-е. тоболяки, откликнулись на этотъ вызовъ прекраснымъ письмомъ въ защиту В. А., подписаннымъ нѣсколькими сотнями подписей. См. стр. 99 настоящей книги.

ствомъ и на высотахъ Малоярославца, и на полях
дина, и въ батареяхъ Севастополя, причемъ было сказ
„кто далъ кровь, тотъ дастъ и деньги"...

Редакторъ „Калужскихъ Вѣдомостей", *Щепетовъ*
подписавшій и первую статью, отвѣчалъ на эти нападк
статьей, въ которой ясно и съ достоинствомъ изложил
было дѣло въ дѣйствительности.

Въ то же время на авторовъ письма посыпалось н
отвѣтовъ, гораздо болѣе рѣзкихъ и язвительныхъ, въ
столичныхъ газетахъ и журналахъ. Въ свою очередь
ники ихъ посылали въ редакцію „Московскихъ Вѣд
дополнительныя подписи съ изъявленіями своей соли
съ ними и печатали новыя статьи въ „Сѣверной Пчел
гихъ газетахъ, съ разными выходками и намеками п
калужской администраціи. Полемика приняла очень с
ный характеръ и закончилась лишь черезъ нѣскольк
цевъ письмомъ къ редактору „Русскаго Вѣстника", п
нымъ *Арсеніемъ Глѣбовымъ* (принадлежавшимъ перу
Михайловича Жемчужникова) [1]. Статья эта полна
въ то же время такъ хорошо отражаетъ въ себѣ ти
черты этой эпохи, что я не могу отказать себѣ въ
ствіи привести изъ нея нѣсколько выдержекъ:

„Почему именно оскорбились эти господа?—подтр
г. Арсеній Глѣбовъ. Потому ли, что авторъ статьи „
Вѣдомостей", замѣчая признаки общественнаго пробужде
вѣтствуетъ всѣхъ, а слѣдовательно и дворянъ, съ
утромъ? Можетъ быть, имъ было бы пріятнѣе пожеланіе
ной ночи? Или потому, что статья вообще осмѣлилась к
въ своихъ сужденіяхъ благороднаго сословія дворя
просто они оскорбились тѣмъ, что купеческое сословіе
пожертвованіе въ пользу женской гимназіи и, такимъ
осерчали на фактъ? Но въ этой же статьѣ „Калужск. В
общено о пожертв. купцомъ Малютинымъ 100 т. р
основанія въ Калугѣ банка. Этотъ фактъ еще важнѣе
довательно, еще оскорбительнѣе. Далѣе, почему по
столь мирнаго учрежденія, какъ гимназія для дѣвочек
добилась пальба громкими фразами военнаго содержані

... „Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и многихъ др

---

[1]) Я получилъ отъ А. М. Жемчужникова разрѣшеніе открыть эт
нимъ. Статья эта помѣщена была въ „Соврем. Лѣтописи" при XXII
Вѣстн." за 1859 г. Она помѣчена 16 іюлемъ 1859 г.

томъ же родѣ, порождаемыхъ содержаніемъ упомянутыхъ писемъ—продолжаетъ авторъ—я оставлю въ сторонѣ, а покуда замѣчу, что наблюденія мои надъ общественною жизнью убѣждаютъ меня въ томъ, что дѣйствительно всѣ сословія нашего отечества проснулись, но многіе *индивидуумы* очень недовольны тѣмъ, что ихъ разбудили. Между этими недовольными замѣчаются люди двоякаго рода: одни сердятся просто потому, что слишкомъ заспались; имъ досадно, что бдящіе прохожіе открыли у нихъ не только ставни, но и окна, съ добрымъ намѣреніемъ освѣжить затхлый запахъ и спертый воздухъ ихъ жилищъ; сновидѣнія этихъ индивидуумовъ были безсмысленны, но зато такъ сладки и пріятны въ сравненіи съ представшей передъ ними разумной, но суровой дѣйствительностью; они услышали на улицѣ людской говоръ, но съ просонокъ еще не могутъ понять, въ чемъ дѣло; во всякомъ случаѣ этотъ шумъ имъ не нравится; онъ отгоняетъ отъ нихъ послѣднія милыя грезы; они подходятъ къ окну неумытые и нечесанные и впутываются въ общій разговоръ глупо и невпопадъ. — Другіе сожалѣютъ о разсѣянной тьмѣ потому, что появленіе свѣта пробудило не только ихъ самихъ, но и все общество. Они сознательно ненавидятъ свѣтъ; но не всѣ изъ нихъ ругаютъ его открыто и громко. Многіе поддѣлываются подъ благородный и разумный тонъ, успѣвая надувать наивныхъ; люди чуткіе отворачиваются отъ нихъ съ презрѣніемъ. Но этого мало. Я нахожу, что эти люди составляютъ одну сторону нашего современнаго общественнаго безобразія, до котораго литература касалась еще очень мало. Сущность этого безобразія, какъ вы видите, м. г. [1]), одна и та же; она намъ давно знакома, или, лучше сказать, давно противна; она заключается все въ той же отсталости, все въ тѣхъ же сословныхъ предразсудкахъ, все въ той же ненависти къ добру, пользѣ, просвѣщенію и гласности; но сообразно духу времени измѣнилась и форма этихъ проявленій. Весь этотъ грязный хламъ прикрывается теперь покровомъ либерализма, или, правильнѣе, либеральничанья. Были у насъ прежде тартюфы нравственности, тартюфы любви къ Богу, тартюфы любви къ отечеству; теперь на арену общественныхъ преній и литературныхъ поединковъ являются, Богъ знаетъ откуда, тартюфы-прогрессисты. Ихъ голосъ гремитъ при обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ: по случаю освобожденія крестьянъ они говорятъ о неприкосновенности помѣщичьихъ

---

[1]) Это обращеніе къ редактору „Русск. Вѣстн.“.

на пользу образованія возвышеннѣй и чище. Достаточно замѣтить, что тамъ во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ получаются лучшія наши періодическія изданія и вездѣ, даже въ Березовѣ, есть небольшія библіотеки“.

Въ одномъ изъ училищъ В. А. наткнулся на странное отношеніе учителя къ вопросу о пріемѣ платы за учениковъ. Этотъ учитель считалъ возможнымъ принимать плату только отъ родителей учениковъ или ихъ опекуновъ и не принималъ ее отъ постороннихъ лицъ-благотворителей, а учениковъ, за которыхъ плата не внесена, онъ безпощадно исключалъ изъ училища. Сообщая объ этомъ попечителю, В. А. просилъ его „объяснить директору училищъ калужской губерніи вредныя послѣдствія такого пониманія, влекущія за собой уменьшеніе числа учащихся, и просить его сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы штатные смотрители училищъ не только не затруднялись въ пріемѣ платы за ученіе воспитанниковъ уѣздныхъ училищъ отъ кого бы то ни было, но, напротивъ, склоняли бы къ этому благотворителей и деньги отъ нихъ принимали бы съ благодарностью. „Я же, съ своей стороны, прибавлялъ онъ, по сдѣланіи вами объ этомъ распоряженія, готовъ просить предводителей дворянства и городскихъ головъ оказать помощь тѣмъ изъ родителей, которые взяли изъ училищъ своихъ дѣтей, не имѣя возможности вносить положенную плату за ихъ обученіе“ [1]).

Попеченіе о поддержаніи и распространеніи женскихъ школъ взяла на себя супруга губернатора, А. М. Арцимовичъ, въ качествѣ попечительницы новооткрытой женской гимназіи и предсѣдательницы женскаго благотворительнаго общества въ Калугѣ. Въ это время (въ 1858 г.) во всѣхъ четырехъ женскихъ приходскихъ школахъ г. Калуги ученицъ было 284, въ томъ числѣ дочерей дворянъ 1, оберъ-офицерскихъ—15, купеческихъ 55, мѣщанскихъ—190, духовнаго званія—6, крѣпостныхъ—4 и солдатскихъ—13. Общее число ученицъ къ числу жителей женскаго пола относилось, какъ 1:46. На жалованье учителю, за квартиру и прислугу отпускалось 143 р., на учебныя пособія и награды ученицамъ—3 р., на отопленіе училища 18 р., на ремонтъ и починку мебели — 6 р., на чистоту и непредвидимыя надобности — 16 р., итого 186 р. въ годъ. Изъ этихъ денегъ ухитрялись 26 р. въ годъ экономить; изъ экономической суммы, которая въ 1858 г. достигла 783 р. 98 к., выдавались награды преподавателямъ!

---

[1]) Изъ того же письма къ А. Н. Бахметеву отъ 17 декабря 1858 г., за № 390.

Обративъ вниманіе на скудость средствъ женскихъ училищъ, отъ состоянія которыхъ зависѣла отчасти и подготовка дѣвочекъ изъ небогатыхъ семей къ поступленію въ новооткрытую гимназію, „предсѣдательница женскаго благотворительнаго общества убѣдилась, какъ сказано въ отчетѣ объ одномъ засѣданіи этого общества, что калужскія училища для дѣвицъ могутъ принести существенную пользу въ этомъ отношеніи только при живомъ участіи къ нимъ со стороны всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ возможность и средства содѣйствовать благу общественному. Женское благотворительное общество, конечно, не удалится отъ цѣли его учрежденія, если приметъ подъ свое покровительство обучающихся въ женскихъ приходскихъ школахъ. Напротивъ, здѣсь-то именно дѣятельность его и можетъ принести самые блистательные, самые благотворные результаты какъ для цѣлаго населенія города, такъ и для отдѣльныхъ лицъ"...

Комитетъ, вполнѣ согласившись съ этими мыслями своей предсѣдательницы, тутъ же постановилъ: войдя въ соглашеніе съ директоромъ училищъ, поручить каждую изъ 4 школъ ближайшему попеченію одной или двухъ изъ дамъ, состоящихъ дѣйствительными членами общества [1]).

Позднѣе, а именно осенью 1860 года, В. А. въ одинъ изъ своихъ объѣздовъ губерніи обнаружилъ въ Козельскѣ давно уже существовавшую тамъ замѣчательную по образцовому веденію дѣла частную школу, основанную еще въ 1833 или 1834 году діакономъ мѣстной церкви Ѳ. В. Вырскимъ. Въ школѣ этой, не имѣвшей никакого оффиціальнаго разрѣшенія и потому тѣснимой мѣстнымъ начальствомъ, преподавателями были самъ Вырскій и его дочь Александра Ѳедоровна, всецѣло посвятившая себя этому дѣлу. Дѣло у нихъ шло, несмотря на притѣсненія начальства и тѣсноту помѣщенія, настолько хорошо, что въ школѣ обучалось до 90 мальчиковъ и до 100 дѣвочекъ. Школа эта пользовалась у населенія необыкновеннымъ довѣріемъ. Притѣсненія же учебнаго начальства В. А. скоро удалось устранить тѣмъ, что онъ уговорилъ А. Ѳ. Вырскую держать экзаменъ на званіе учительницы, что̀ она и исполнила, и школа получила тогда оффиціальное признаніе.

Кромѣ того В. А. предложилъ мѣстному уѣздному предводителю дворянства составить попечительный совѣтъ собственно для поддержанія школы и обратилъ на Вырскихъ особое вниманіе архіерея. Предводитель дворянства собралъ среди дворянъ

---

[1]) Кал. Вѣд. за 1859 г. № 24, стр. 278.

на пользу образованія возвышеннѣй и чище. Достаточно замѣтить, что тамъ во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ получаются лучшія наши періодическія изданія и вездѣ, даже въ Березовѣ, есть небольшія библіотеки".

Въ одномъ изъ училищъ В. А. наткнулся на странное отношеніе учителя къ вопросу о пріемѣ платы за учениковъ. Этотъ учитель считалъ возможнымъ принимать плату только отъ родителей учениковъ или ихъ опекуновъ и не принималъ ее отъ постороннихъ лицъ-благотворителей, а учениковъ, за которыхъ плата не внесена, онъ безпощадно исключалъ изъ училища. Сообщая объ этомъ попечителю, В. А. просилъ его „объяснить директору училищъ калужской губерніи вредныя послѣдствія такого пониманія, влекущія за собой уменьшеніе числа учащихся, и просить его сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы штатные смотрители училищъ не только не затруднялись въ пріемѣ платы за ученіе воспитанниковъ уѣздныхъ училищъ отъ кого бы то ни было, но, напротивъ, склоняли бы къ этому благотворителей и деньги отъ нихъ принимали бы съ благодарностью. „Я же, съ своей стороны, прибавлялъ онъ, по сдѣланіи вами объ этомъ распоряженія, готовъ просить предводителей дворянства и городскихъ головъ оказать помощь тѣмъ изъ родителей, которые взяли изъ училищъ своихъ дѣтей, не имѣя возможности вносить положенную плату за ихъ обученіе" [1]).

Попеченіе о поддержаніи и распространеніи женскихъ школъ взяла на себя супруга губернатора, А. М. Арцимовичъ, въ качествѣ попечительницы новооткрытой женской гимназіи и предсѣдательницы женскаго благотворительнаго общества въ Калугѣ. Въ это время (въ 1858 г.) во всѣхъ четырехъ женскихъ приходскихъ школахъ г. Калуги ученицъ было 284, въ томъ числѣ дочерей дворянъ 1, оберъ-офицерскихъ—15, купеческихъ 55, мѣщанскихъ—190, духовнаго званія—6, крѣпостныхъ—4 и солдатскихъ—13. Общее число ученицъ къ числу жителей женскаго пола относилось, какъ 1:46. На жалованье учителю, за квартиру и прислугу отпускалось 143 р., на учебныя пособія и награды ученицамъ—3 р., на отопленіе училища 18 р., на ремонтъ и починку мебели — 6 р., на чистоту и непредвидимыя надобности — 16 р., итого 186 р. въ годъ. Изъ этихъ денегъ ухитрялись 26 р. въ годъ экономить; изъ экономической суммы, которая въ 1858 г. достигла 783 р. 98 к., выдавались награды преподавателямъ!

---

[1]) Изъ того же письма къ А. Н. Бахметеву отъ 17 декабря 1858 г., за № 390.

Обративъ вниманіе на скудость средствъ женскихъ училищъ, отъ состоянія которыхъ зависѣла отчасти и подготовка дѣвочекъ изъ небогатыхъ семей къ поступленію въ новооткрытую гимназію, „предсѣдательница женскаго благотворительнаго общества убѣдилась, какъ сказано въ отчетѣ объ одномъ засѣданіи этого общества, что калужскія училища для дѣвицъ могутъ принести существенную пользу въ этомъ отношеніи только при живомъ участіи къ нимъ со стороны всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ возможность и средства содѣйствовать благу общественному. Женское благотворительное общество, конечно, не удалится отъ цѣли его учрежденія, если приметъ подъ свое покровительство обучающихся въ женскихъ приходскихъ школахъ. Напротивъ, здѣсь-то именно дѣятельность его и можетъ принести самые блистательные, самые благотворные результаты какъ для цѣлаго населенія города, такъ и для отдѣльныхъ лицъ“...

Комитетъ, вполнѣ согласившись съ этими мыслями своей предсѣдательницы, тутъ же постановилъ: войдя въ соглашеніе съ директоромъ училищъ, поручить каждую изъ 4 школъ ближайшему попеченію одной или двухъ изъ дамъ, состоящихъ дѣйствительными членами общества [1]).

Позднѣе, а именно осенью 1860 года, В. А. въ одинъ изъ своихъ объѣздовъ губерніи обнаружилъ въ Козельскѣ давно уже существовавшую тамъ замѣчательную по образцовому веденію дѣла частную школу, основанную еще въ 1833 или 1834 году діакономъ мѣстной церкви Ѳ. В. Вырскимъ. Въ школѣ этой, не имѣвшей никакого оффиціальнаго разрѣшенія и потому тѣснимой мѣстнымъ начальствомъ, преподавателями были самъ Вырскій и его дочь Александра Ѳедоровна, всецѣло посвятившая себя этому дѣлу. Дѣло у нихъ шло, несмотря на притѣсненія начальства и тѣсноту помѣщенія, настолько хорошо, что въ школѣ обучалось до 90 мальчиковъ и до 100 дѣвочекъ. Школа эта пользовалась у населенія необыкновеннымъ довѣріемъ. Притѣсненія же учебнаго начальства В. А. скоро удалось устранить тѣмъ, что онъ уговорилъ А. Ѳ. Вырскую держать экзаменъ на званіе учительницы, что̀ она и исполнила, и школа получила тогда оффиціальное признаніе.

Кромѣ того В. А. предложилъ мѣстному уѣздному предводителю дворянства составить попечительный совѣтъ собственно для поддержанія школы и обратилъ на Вырскихъ особое вниманіе архіерея. Предводитель дворянства собралъ среди дворянъ

[1]) Кал. Вѣд. за 1859 г. № 24, стр. 278.

торая, по самому назначенію своему, должна служить органомъ выраженія нуждъ и потребностей края, въ которомъ фактъ совершился? Вообще непринятіе статей потому только, что онѣ отличаются нѣкоторой смѣлостью идей, отнимаетъ у людей способныхъ охоту трудиться для губернскихъ вѣдомостей, а губ. вѣдомости, печатая факты разумной жизни и иногда только касаясь неважныхъ неразумныхъ сторонъ общества, теряютъ характеръ самостоятельности и обнаруживаютъ полное отсутствіе яснаго, опредѣленнаго направленія.

„Таковы, по-моему, продолжаетъ Щепетовъ-Сангинъ, должны быть въ наше время губернскія вѣдомости! Удобопримѣнимы ли мои идеи, это—другой вопросъ, и, къ сожалѣнію, надо сознаться, что онѣ трудно приложимы, особенно тамъ, гдѣ какое-нибудь *передовое сословіе*, при совершенной отсталости и дикости, отличается еще дерзостью и наглостью. Само собою разумѣется, что означенное направленіе губернскихъ вѣдомостей должно развиться не сразу, а постепенно. Но если даже на первыхъ порахъ губернская газета со всею осторожностью будетъ касаться только тѣхъ общественныхъ язвъ и недостатковъ, для противодѣйствія которымъ придуманы способы, то и тутъ дѣло не обойдется безъ неудовольствія со стороны многихъ, безъ нѣкоторой борьбы мнѣній, неизбѣжной, впрочемъ, вездѣ, гдѣ здоровыя идеи сталкиваются съ невѣжественными предразсудками. При такой грустной обстановкѣ губернскія вѣдомости должны избирать одно изъ двухъ: или вовсе не касаться неразумныхъ сторонъ общества, чтобы избѣгнуть борьбы, и тогда останется возвѣщать только, что *край благоденствуетъ*, а этому, конечно, никто, даже сами поборники обскурантизма не повѣрятъ, и никто газеты читать не станетъ, или же губернскія вѣдомости неуклонно станутъ стремиться къ высказанному мною направленію; тогда общій интересъ ихъ несомнѣненъ, но нужно будетъ выдерживать вспышки невѣжественнаго эгоизма“.

Редакція избрала этотъ послѣдній путь. Она обѣщала наряду съ статистикой, исторіей и этнографіей отмѣчать „все замѣчательное въ общественной жизни нашего края“ [1]).

И дѣйствительно ей приходилось выдерживать „вспышки невѣжественнаго эгоизма“ и въ видѣ нападеній въ печати, и въ видѣ доносовъ къ высшему начальству редактора, такъ что уже

---

[1]) „Калужскія Губернскія Вѣдомости“ (часть неоффиціальная), № 45, стр. 563. Отъ редакціи. Объ изданіи неоффиц. части въ 1860 году.

роль эта стѣснялась программой, обусловленной самимъ закономъ (867 ст. I ч. II т. Св. Зак., изд. 1857 г.). Программа эта допускала лишь статьи по исторіи, этнографіи, статистикѣ и достопримѣчательностямъ мѣстнаго края и потому не могла уже удовлетворять читателей того времени, когда пробуждалось особое вниманіе къ вопросамъ общественной и государственной жизни, волновавшимъ тогда все русское общество. Необходимость удовлетворенія этихъ запросовъ сознавалась, конечно, и руководителями дѣла. Вотъ что̀ писалъ объ этомъ В. А—чу приглашенный имъ редакторъ неоффиціальной части Щепетовъ-Сангинъ [1]):

„По моему разумѣнію, губернская газета прежде всего должна служить органомъ выраженія нуждъ и потребностей края. Историческія, археологическія, этнографическія и тому подобныя статьи, какъ бы ни были сами по себѣ интересны, для большинства читающей публики не могутъ имѣть особенной привлекательности. Не отвергая ихъ и помѣщая на второмъ только планѣ, губернская газета должна поставить главнѣйшею задачею слѣдить за всѣми современными проявленіями жизни общественной, будутъ ли эти проявленія разумны или неразумны. Всякое разумное проявленіе губернскія вѣдомости съ теплымъ сочувствіемъ должны обнаруживать, какъ примѣръ, достойный подражанія, а стороны неразумныя смѣло,—но sine ira et studio—оглашать, какъ язвы, требующія измѣненія. Неоффиціальная часть въ особенности не должна упускать изъ виду послѣдняго обстоятельства; въ противномъ случаѣ она никогда не возбудитъ къ себѣ довѣрія. Не будетъ она пользоваться довѣріемъ и въ томъ случаѣ, если, смѣло разоблачая извѣстные недостатки общества, въ то же время не рѣшится указывать на болѣе, можетъ быть, глубокія язвы общественныя. А эти язвы для жителей такъ чувствительны, что даже было бы неумѣстною скромностью со стороны губернской газеты умалчивать о нихъ, особенно когда помимо нея обнаружитъ ихъ какое-нибудь столичное періодическое изданіе. Это обстоятельство, т.-е. отсылка статей авторами, помимо губернской газеты въ столичныя редакціи, показываетъ недостатокъ довѣрія къ ней и людей, способныхъ для нея трудиться. Недовѣріе естественно усиливается, когда столичная редакція присланную статью напечатаетъ. Стало быть, оглашеніе извѣстнаго факта не только возможно, но и признано полезнымъ; почему же статьи не приняла редакція газеты, ко-

[1]) Письмо Щ.-Сангина отъ 25 іюля 1859 г. къ В. А. Арцимовичу.

торая, по самому назначенію своему, должна служить органомъ выраженія нуждъ и потребностей края, въ которомъ фактъ совершился? Вообще непринятіе статей потому только, что онѣ отличаются нѣкоторой смѣлостью идей, отнимаетъ у людей способныхъ охоту трудиться для губернскихъ вѣдомостей, а губ. вѣдомости, печатая факты разумной жизни и иногда только касаясь неважныхъ неразумныхъ сторонъ общества, теряютъ характеръ самостоятельности и обнаруживаютъ полное отсутствіе яснаго, опредѣленнаго направленія.

„Таковы, по-моему, продолжаетъ Щепетовъ-Сангинъ, должны быть въ наше время губернскія вѣдомости! Удобопримѣнимы ли мои идеи, это—другой вопросъ, и, къ сожалѣнію, надо сознаться, что онѣ трудно приложимы, особенно тамъ, гдѣ какое-нибудь *передовое сословіе,* при совершенной отсталости и дикости, отличается еще дерзостью и наглостью. Само собою разумѣется, что означенное направленіе губернскихъ вѣдомостей должно развиться не сразу, а постепенно. Но если даже на первыхъ порахъ губернская газета со всею осторожностью будетъ касаться только тѣхъ общественныхъ язвъ и недостатковъ, для противодѣйствія которымъ придуманы способы, то и тутъ дѣло не обойдется безъ неудовольствія со стороны многихъ, безъ нѣкоторой борьбы мнѣній, неизбѣжной, впрочемъ, вездѣ, гдѣ здоровыя идеи сталкиваются съ невѣжественными предразсудками. При такой грустной обстановкѣ губернскія вѣдомости должны избирать одно изъ двухъ: или вовсе не касаться неразумныхъ сторонъ общества, чтобы избѣгнуть борьбы, и тогда останется возвѣщать только, что *край благоденствуетъ,* а этому, конечно, никто, даже сами поборники обскурантизма не повѣрятъ, и никто газеты читать не станетъ, или же губернскія вѣдомости неуклонно станутъ стремиться къ высказанному мною направленію; тогда общій интересъ ихъ несомнѣненъ, но нужно будетъ выдерживать вспышки невѣжественнаго эгоизма“.

Редакція избрала этотъ послѣдній путь. Она обѣщала на ряду съ статистикой, исторіей и этнографіей отмѣчать „все замѣчательное въ общественной жизни нашего края“ [1]).

И дѣйствительно ей приходилось выдерживать „вспышки невѣжественнаго эгоизма“ и въ видѣ нападеній въ печати, и въ видѣ доносовъ къ высшему начальству редактора, такъ что уже

---

[1]) „Калужскія Губернскія Вѣдомости“ (часть неоффиціальная), № 45, стр. 563. — Отъ редакціи. Объ изданіи неоффиц. части въ 1860 году.

въ слѣдующемъ письмѣ [1]) ему приходится просить защиты В. А. отъ неожиданнаго и нежеланнаго перевода въ другое мѣсто.

Разсматривая теперь *sine ira et studio* программу и содержаніе „Калужскихъ Вѣдомостей“ за тѣ годы, мы не можемъ не видѣть, что это была не только весьма содержательная и интересная газета, но и честный, боевой органъ вполнѣ опредѣленнаго прогрессивнаго направленія, такъ какъ этого именно направленія придерживался открыто и стойко и самъ начальникъ калужской губерніи, неизмѣнившій ему и позже, когда вѣтеръ подулъ съ противной стороны.

Въ „Калужскихъ Губернск. Вѣдомост.“ въ это время, кромѣ весьма интересныхъ статистическихъ и историческихъ статей, жизнеописаній выдающихся гражданъ Калуги былыхъ временъ, печатались очень хорошія статьи и на злободневныя темы. Таковы были статьи г. Счастнева и А. П. Ламанскаго объ обработкѣ земли при помощи вольнонаемнаго труда, о направленіи желѣзной дороги отъ Москвы на югъ Россіи и многочисленныя статьи о нуждахъ народнаго просвѣщенія, о направленіи учебнаго дѣла и о мѣстной благотворительности; попадались весьма интересныя корреспонденціи изъ уѣздовъ, а многія статистическія работы, касавшіяся самаго животрепещущаго въ то время вопроса — крестьянскаго, имѣли, конечно, живой, злободневный смыслъ и интересъ. Были и обличительныя статьи весьма серьезнаго значенія, какъ, напримѣръ, статья о бѣдственномъ положеніи крестьянъ одного крупнаго помѣщика, принужденныхъ жить въ Калугѣ въ отчаянныхъ санитарныхъ условіяхъ осень и зиму, чтобъ заработать тяжелый оброкъ своему барину въ заведеніи для выдѣлки лыкъ и мочалъ. Въ настоящей работѣ мы пользуемся тогдашними „Калужск. Губ. Вѣдомостями“, какъ превосходнымъ источникомъ, очень вѣрно и даже довольно полно отражающимъ тогдашнюю провинціальную общественную жизнь.

Вотъ отзывъ одного изъ сотрудниковъ В. А. о тогдашнемъ значеніи губернскихъ вѣдомостей въ Калугѣ:

„Онѣ не знакомили общество съ политической стороной иностранной жизни, не помѣщали на своихъ столбцахъ фельетоны для развлеченія публики, но зато вполнѣ отражали движеніе мѣстной жизни своего времени. А она во время В. А. была

---

[1]) Письмо Щ.-Сангина къ В. А. Арцимовичу отъ 12 августа 1859 года. Въ 1863 г. гоненіе на Щепетова-Сангина съ уходомъ Виктора Антоновича усилилось. Ему пришлось оправдываться во взведенныхъ на него обвиненіяхъ передъ попечителемъ учебнаго округа, которому онъ написалъ обстоятельное письмо, съ большимъ достоинствомъ и тактомъ (отъ 15 мая 1863 года).

торая, [illegible] матеріалъ для газеты. Пере-
выражен[illegible] найдешь въ ней...
вершил[illegible] тъ же современникъ,—В. А.
отличн[illegible] самъ интересовался все знать.
собны[illegible] было недостатка. Мѣстные
вѣдом[illegible] лица, чиновники, техники,—
салсь [illegible] подѣлиться съ обществомъ
ракт[illegible] ездно, своими мыслями, наблю-
испы[illegible] органомъ для бодрой умственной
[illegible] калужской губерніи подъ магической
бы[illegible] сожалѣнію, съ выѣздомъ его изъ
л[illegible] жизни газета, какъ и многое другое,
[illegible] первобытный летаргическій сонъ"....[1]).
[illegible] для бодрой умственной работы" слѣ-
[illegible] иниціативѣ и подъ руководствомъ В. А.
[illegible] комитетъ.

[illegible] комитетъ существовалъ въ Калугѣ, какъ и
[illegible] городахъ Имперіи, съ 1835 г., „но
[illegible] со времени учрежденія до 1854 года, не
[illegible] того его занятія стали заключаться въ
[illegible] по присланнымъ формамъ статистиче-
[illegible] Провѣрять эти таблицы не было возможности,
[illegible] комитета завѣдывалъ чиновникъ особыхъ по-
[illegible] другими служебными занятіями. Расходъ
[illegible] работъ комитета, не свыше 1.000 руб., дозволялось
[illegible] губернской типографіи [3]); но губернское начальство
[illegible] расходовать эти суммы на другія потребности.

[illegible] ознакомившись съ состояніемъ статистическаго ко-
[illegible] присмотрѣвшись къ мѣстнымъ рабочимъ силамъ, рѣшилъ
[illegible] образомъ преобразовать это дѣло. Въ апрѣлѣ 1859 г.
[illegible] засѣданіе комитета и развернулъ передъ нимъ цѣ-
[illegible] программу полезныхъ и необходимыхъ для просвѣщенной
[illegible] работъ, которыя, по его мнѣнію, комитетъ могъ
[illegible] бы былъ предпринять. Какъ на предметы изслѣ-
[illegible] онъ указалъ на первомъ планѣ статистику помѣщичьихъ
[illegible] положенія крестьянъ (свѣдѣнія эти уже были отчасти
[illegible] для комитета объ улучшеніи быта крестьянъ); затѣмъ онъ
[illegible] на разнообразіе промысловъ, существующихъ въ различ-
[illegible] мѣстахъ калужской губерніи, совершенно еще не изслѣ-

[1]) См. „Воспоминанія" Н. В. Сахарова.
[2]) „Губернскія Вѣдомости" (часть неоффиц.) № 16 за 1859 г., стр. 181.
[3]) Тамъ же, стр. 189. На основ. росп. М. В. Д. отъ 30 дек. 1853 г., за № 190.

проснулся и оживился при В. А. Арцимовичѣ совсѣмъ на другой, дотолѣ небывалый и невѣдомый ладъ: онъ сталъ думать, говорить, дѣйствовать, спорить и совѣщаться въ той области человѣческаго общенія, которая живетъ высшими и чужими интересами, общественными идеалами и нуждами, въ которой работаютъ умы и бьются сердца въ приподнятомъ настроеніи, въ которой нѣтъ ничего пошлаго, злободневнаго, своекорыстнаго и узкаго, въ которой растетъ и очищается душа человѣческая. Сколько новыхъ интеллигентныхъ силъ появилось въ городѣ на поприщѣ государственной и общественной службы, какъ содержательна и интересна сдѣлалась „неоффиціальная часть губернскихъ вѣдомостей", какія жизненныя темы завладѣли бесѣдами въ свободный вечерній часъ! Все ожило и работало вокругъ, и воскрешенный обыватель уже не могъ оставаться изолированнымъ въ этомъ бодрящемъ, заразительномъ и обновляющемъ движеніи. Какой-то облагораживающій отпечатокъ легъ на всѣхъ и на всемъ"... [1]).

Авторъ этихъ прекрасныхъ по своей задушевности и искренности воспоминаній, быть можетъ, преувеличиваетъ ту роль, которую довелось сыграть въ дѣлѣ общественнаго пробужденія и обновленія калужской губерніи В. А. Арцимовичу.... Дѣятельность В. А. принесла въ эти годы такой пышный плодъ благодаря тому, что она пришлась по времени; по тому незабвенному времени, когда освобожденіе отъ ненавистной административной опеки и благодатныя вѣянія свыше сразу растворили всѣ сердца, разбудили всѣ умы, когда на Руси повсемѣстно настали красные дни; когда, по словамъ современной газеты, „и въ роскошныхъ палатахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ—вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ"; когда „люди, прежде никогда нечитавшіе, начали учиться, начали слѣдить за литературой"; когда „провинція—по словамъ той же газеты—росла не по днямъ, а по часамъ, взгляды ея прояснялись и расширялись". Въ то время „въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки, журналы и газеты. Вездѣ и повсюду люди развивались, выходили изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества". Долго жившіе въ провинціяхъ и затѣмъ оставившіе ихъ года за три-

[1]) В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ въ 1858—1861 г. П. Н. Обнинскаго. Стр. 109 ...т. книги.

четыре до этого времени, глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрили, глядя на обновленную переродившуюся свою родину [1]).

Многіе администраторы въ то время совершенно растерялись и не знали какъ быть, не понимали совершавшагося передъ ними движенія. В. А. Арцимовичъ, наоборотъ, не только глубоко понималъ его и всѣмъ сердцемъ ему сочувствовалъ, но смѣло шелъ къ нему на встрѣчу, дѣйствительно широко распахнувъ двери передъ грядущею свободою. Этимъ онъ отличался отъ большинства современныхъ ему правителей—въ этомъ и заключалась тогда его заслуга.

Борьба, въ которую ему вскорѣ пришлось вступить, не испугала его и онъ не отступилъ отъ нея и тогда, когда измѣнившіяся обстоятельства стали для него очень неблагопріятны. Изъ этой борьбы онъ вышелъ съ честью, но о трудномъ гражданскомъ подвигѣ, который онъ совершилъ,—рѣчь впереди.

Пока же, содѣйствуя всѣми силами развитію общественной жизни и умственныхъ интересовъ въ проснувшемся въ то время обществѣ, обуздывая помѣщичій произволъ и злоупотребленія откупа и дѣятельно занимаясь очисткой правительственныхъ учрежденій, Викторъ Антоновичъ не переставалъ слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за работами Губернскаго Комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Пора ознакомить читателя съ ходомъ занятій этого Комитета.

---

[1]) „Это было время высшаго нравственнаго подъема общества, когда образованная молодежь, держа въ рукѣ знамя свободы и возрожденія, своею пламенною вѣрой въ разумъ и нетлѣнные идеалы умѣла наэлектризовать и увлечь, если незаживо погребенныхъ закоснѣлыхъ крѣпостниковъ, то тѣхъ среднихъ людей, въ которыхъ не потухла искра жизни и вѣра въ идеалы, въ мечты, въ „бредъ“.

(Джаншіевъ „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“, стр. 43).

ГЛАВА IV.

Составъ дворянскаго комитета. Либералы, консерваторы и умѣренные (центръ). Первыя засѣданія. Организація работъ комитета. Разъѣздъ членовъ и собираніе свѣдѣній. Высочайше утвержденная для губернскихъ комитетовъ программа и вопросъ о выкупѣ угодій. Значеніе вопроса о выкупѣ для помѣщиковъ калужской и другихъ нечерноземныхъ губерній. Ходатайство о разрѣшеніи составить выкупной проектъ. Оппозиція крѣпостниковъ. Вопросъ о выкупѣ личной свободы. Письмо губернатора къ министру о выкупѣ. Вопросъ объ усадебной осѣдлости. Интриги Потулова противъ предсѣдателя и нѣкото-

рыхъ членовъ комитета. Ихъ обнаруженіе. Формулировка Щукина. Вопросъ о допущеніи дворянъ въ засѣданія комитета и о печатаніи его журналовъ. Адресъ комитета. Работа финансовой комиссіи и докладъ Свистунова объ основаніяхъ выкупной операціи. Разрѣшеніе составить два проекта: срочно-обязанный и выкупной. Работа комиссій. Оцѣночная комиссія. Вопросъ о размѣрѣ и оцѣнкѣ полевого надѣла. Запросъ губернатора. Большинство и меньшинство. Записка Муромцева. Переходъ Щукина на сторону консерваторовъ. Дальнѣйшій ходъ занятій. Оффиціальное выдѣленіе меньшинства. Выборъ депутатовъ въ Петербургъ. Въ чемъ разнился проектъ большинства отъ проекта меньшинства? Отъѣздъ губернатора и поднесенный ему адресъ.

Закрытіе комитета и происшедшій при этомъ инцидентъ. Заключеніе губернатора. Депутаты комитета въ Петербургѣ.

Въ предыдущей главѣ мы уже говорили о выборахъ въ дворянскій Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Въ составъ Комитета, согласно Высочайшему рескрипту, вошли: въ качествѣ предсѣдателя губернскій предводитель дворянства отставной подполковникъ Ѳ. С. Щукинъ, котораго мы уже нѣсколько охарактеризовали въ предыдущей главѣ; по выбору дворянства 22 депутата [1]) (по два отъ каждаго изъ 11 уѣздовъ) и два лица изъ мѣстныхъ же помѣщиковъ по назначенію правительства. Выборъ послѣднихъ двухъ лицъ былъ сдѣланъ еще до прибытія В. А. Арцимовича—его предмѣстникомъ. Одинъ изъ нихъ—князь Андрей Вас. Оболенскій, правовѣдъ, на нѣсколько выпусковъ моложе Виктора Антоновича, оказался твердымъ и

---

[1]) Отъ *калужскаго* уѣзда были избраны: Сем. Ив. Яновскій (ст. сов.) и Влад. Ант. Шумовскій (гвард. поруч.), кандидатомъ І. М. Скворцовъ (кап.); отъ *боровскаго:* Наркизъ Ник. Обнинскій (полк.) и Дм. Ал. Зыковъ (надв. сов.), кандидатомъ Г. Н. Савинъ (поруч.); отъ *жиздринскаго:* О. Ѳ. Оттъ (кол. асс.) И. И. Шаблыкинъ (д. с. с.), кандидатомъ Н. Ѳ. Шульцъ (поруч.); отъ *козельскаго:* Ник. Серг. Кашкинъ (подпоруч.) и Ал. Ив. Бибиковъ (шт.-р., уѣздн. предв. двор.), кандидатомъ Н. В. Былинъ-Колосовскій (тит. сов.); отъ *лихвинскаго:* Арк. Петр. Племянниковъ (кол. секр.) и Петръ Никол. Свистуновъ (кол.-секр.), кандидатомъ П. А. Яковлевъ (поруч.); отъ *малоярославецкаго:* Андр. Ник. Ларіоновъ (маіоръ) и Андр. Плат. Рахмановъ (к. асс., уѣздн. предв. двор.), канд. И. С. Маринъ (капит.); отъ *медынскаго*: Арк. Алекс. Муромцевъ (к. асс.) и Андр. Ив. Яковлевъ (поруч.), кандидатомъ П. Д. Коробьинъ (к. секр.); отъ *мещовскаго*: Пав. Ив. Орлинскій (надв. сов.) и Ник. Серг. Камынинъ (шт.-кап., не участвовалъ), кандидатомъ (заступившимъ съ начала занятій мѣсто Камынина), Ник. Петр. Детловъ (кап.); отъ *масальскаго*: Андр. Вас. Каншинъ (поруч., уѣздн. предв. двор.) и Дм. Ив. Потуловъ (кол. сов.), кандидатомъ Н. И. Баструевъ (кап.); отъ *перемышльскаго:* Сем. Яковл. Унковскій (ст. сов.) и Никол. Влад. Воейковъ (поруч., уѣздн. предв. двор.), кандидатъ Г. Д. Слюсаревскій (кап.); отъ *тарускаго*: Дм. Алекс. Чертковъ (кам.-юнкеръ дв. Е. В., кол. сов., уѣздн. предв. двор.), и Серг. Алекс. Жилинъ (шт.-кап.), кандидатомъ К. Н. Баньковскій (подполк).

въ Калугѣ и калужской губерніи
жизни комитетовъ и обществъ. Оно
писываемыхъ жителями газетъ и жу
дѣнія объ этомъ были напечатаны
домостяхъ за 1859 годъ. Такъ въ
уѣздѣ въ 1858 году число выпись
учрежденіями повременныхъ издані
Сенатскихъ Вѣдомостей, Высоча
было—450 [1]), а въ 1859 году чи
при этомъ „Московск. Вѣдомост
чиковъ, „Русскій Вѣстникъ“ съ
15 до 20, разныя иностранны
выписываться не выходившія пре
„Искра“ (24 экз.), „Русскій
Всего же *по губерніи* въ 1859
пляровъ разныхъ періодическ
странныхъ языкахъ, на сумм

Вотъ какъ описываетъ о
В. А. современникъ, воспо
цитировали.

„Кто помнитъ Калугу
ніею, тотъ можетъ засвидѣт
былъ нашъ губернскій го
какимъ оживленіемъ—вѣр
это промежуточное, свѣтл
оживленіе не имѣло и н
обычнымъ оживленіемъ
наблюдается во время д
менуясь обѣдами, куте
или торговыми плутням

[1]) Изъ этого числа по
помѣщики 105 экз.,
духовные 39 экз.
присутств. мѣста 39
15 экз., двѣ книжныя
10 экз. всего 450 экз.
Неофф. ч. Губ. Вѣ
[2]) Изъ этого числа
помѣщики 185 эк
духовные 54 экз.
присутств. мѣста
17 экз., двѣ книжны
Неофф. ч. Губ. В

...ть, не испу-
...ли измѣнив-
...благопріятны.
...трудномъ граж-
...рѣчь впереди.
...ію общественной
...шемся въ то время
...о злоупотребленія
...й правительственныхъ
...переставалъ слѣдить съ
...Губернскаго Комитета по
...онъ. Пора ознакомить чи-
...итета.

...подъема общества, когда обра-
...свободы и возрожденія, своею пла-
...умѣла наэлектризовать и увлечь,
...ихъ крѣпостниковъ, то тѣхъ среднихъ
...жизни и вѣра въ идеалы, въ мечты, въ
...освобожденіе крестьянъ“, стр. 43).

ГЛАВА IV.

...итета. Либералы, консерваторы и умѣренные.
...Организація работъ комитета. Разъѣздъ членовъ
...утвержденная для губернскихъ комитетовъ
...угодій. Значеніе вопроса о выкупѣ для помѣ-
...нечерноземныхъ губерній. Ходатайство о раз-
...проектъ. Оппозиція крѣпостниковъ. Вопросъ о
Письмо губернатора къ министру о выкупѣ. Вопросъ
...Патрити Потулова противъ предсѣдателя и нѣкото-

...ніе. Формулировка Щукина. Вопросъ о
... и о печатаніи его журналовъ.
...ссіи и докладъ Свистунова объ
... составить два проекта: срочно-
... Оцѣночная комиссія. Вопросъ о
...росъ губернатора. Большинство и
...реходъ Щукина на сторону консерва-
...фиціальное выдѣленіе меньшинства. Вы-
...чѣмъ разнился проектъ большинства отъ
...рнатора и поднесенный ему адресъ.
...шій при этомъ инцидентъ. Заключеніе
... Петербургѣ.

... мы уже говорили о выборахъ въ
...крестьянскому дѣлу. Въ составъ Коми-
...шему рескрипту, вошли: въ качествѣ
... предводитель дворянства отставной под-
...укинъ, котораго мы уже нѣсколько охарак-
...ущей главѣ; по выбору дворянства 22 де-
...отъ каждаго изъ 11 уѣздовъ) и два лица
...помѣщиковъ по назначенію правительства.
...ихъ двухъ лицъ былъ сдѣланъ еще до при-
...Арцимовича—его предмѣстникомъ. Одинъ изъ
...Андрей Вас. Оболенскій, правовѣдъ, на нѣсколько
...оже Виктора Антоновича, оказался твердымъ и

...*скаго* уѣзда были избраны: Сем. Ив. Яновскій (ст. сов.) и
...Шумовскій (гвард. поруч.), кандидатомъ І. М. Скворцовъ (кап.);
... Наркизъ Ник. Обнинскій (полк.) и Дм. Ал. Зыковъ (надв. сов.),
... Г. Н. Савинъ (поруч.); отъ *жиздринскаго:* О. Ѳ. Оттъ (кол. асс.)
...быкинъ (д. с. с.), кандидатомъ Н. Ѳ. Шульцъ (поруч.); отъ *козель-*
... Серг. Кашкинъ (подпоруч.) и Ал. Ив. Бибиковъ (шт.-р., уѣздн. предв.
...ндидатомъ Н. В. Былипъ-Колосовскій (тит. сов.); отъ *лихвинскаго:*
...р. Племянниковъ (кол. секр.) и Петръ Никол. Свистуновъ (кол.-секр.),
...омъ П. А. Яковлевъ (поруч.); отъ *малоярославецкаго:* Андр. Ник. Ларіо-
...іоръ) и Андр. Плат. Рахмановъ (к. асс., уѣздн. предв. двор.), канд.
...ринъ (капит.); отъ *медынскаго*: Арк. Алекс. Муромцевъ (к. асс.) и
... Яковлевъ (поруч.), кандидатомъ П. Д. Коробьинъ (к. секр.); отъ
...*го*: Пав. Ив. Орлинскій (надв. сов.) и Ник. Серг. Камынинъ (шт.-кап.,
...вовалъ), кандидатомъ (заступившимъ съ начала занятій мѣсто Камы-
...ик. Петр. Детловъ (кап.); отъ *масальскаго*: Андр. Вас. Каншинъ (поруч.,
...редв. двор.) и Дм. Ив. Потуловъ (кол. сов.), кандидатомъ Н. И. Баструевъ
...ъ *перемышльскаго:* Сем. Яковл. Унковскій (ст. сов.) и Никол. Влад.
... (поруч., уѣздн. предв. двор.), кандидатъ Г. Д. Слюсаревскій (кап.);
...*скаго*: Дм. Алекс. Чертковъ (кам.-юнкеръ дв. Е. В., кол. сов., уѣздн.
...ор.), и Серг. Алекс. Жилинъ (шт.-кап.), кандидатомъ К. Н. Баньков-
...полк).

четыре до этого … былъ отставной штабсъ-
глядя на обновле… человѣкъ довольно умѣ-

Многіе адми… дѣятельности въ Комитетѣ
лись и не знал… -либеральныхъ его членовъ.
редъ ними дви… дворянствомъ, были и
глубоко пони… но большинство принадле-
но смѣло ше… —умѣренно-либеральной,
распахнувъ д… крѣпостными и даже не-
чался отъ бо… намѣреніямъ правительства,— и
и заключал… которые поняли неизбѣжность ре-

Борьба, … не противиться основнымъ
гала его …
шіяся обсто… —такъ сказать, лѣвую Комитета—
Изъ этой … пять человѣкъ: депутатъ по на-
данскомъ … А. В. Оболенскій и выборные депу-

Пока … декабристъ), Н. С. Кашкинъ (петра-
жизни … и А. П. Племянниковъ. Эти пять
обществѣ, … впослѣдствіи съ проектами, выраб-
откупа … представили свой особый проектъ.
учрежд… и стойкими изъ нихъ являлись:
напряж… и Кашкинъ. Остальные два депу-
улучше… примыкали.
тател… представителями крѣпостническихъ тен-
… предводитель масальскаго уѣзда Д. Н. По-
… предводитель дворянства Д. А. Чертковъ.
… уже охарактеризовали. По тенденціямъ,
… въ Комитетѣ, онъ оказался крѣпостникомъ
… воды, притомъ необыкновенно наглымъ
… въ средствахъ. Д. А. Чертковъ былъ не менѣе
… приверженецъ крѣпостнической партіи,
… вполнѣ совпадали съ взглядами Потулова
… мечтавшій сдѣлать изъ крупныхъ помѣ-
… лендъ-лордовъ и желавшій освободить кресть-
… отъ крѣпостной зависимости, но и отъ всякаго
… Онъ очень послѣдовательно и стойко
… взгляды и въ Губернскомъ Комитетѣ и впо-
… Петербургѣ, когда онъ отправился туда въ каче-
… отъ большинства калужскаго Комитета. Къ нимъ
… человѣкъ 7 болѣе или менѣе сознательныхъ
Это была правая Комитета.
… умѣренныхъ либераловъ можно причислить семе-
Комитета, а остальные четверо оказались умѣ-

Ч…
зован…
менн…
если …
дот…
„бр…

ными консерваторами. Эти двѣ группы, присоединявшіяся при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ то къ либераламъ, то къ консерваторамъ, составляли своего рода центръ Комитета [1]).

Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что такая группировка членовъ Комитета сдѣлана нами теперь на основаніи печатныхъ журналовъ и отдѣльныхъ мнѣній членовъ Комитета; во время же самыхъ работъ Комитета никакого формальнаго раздѣленія на партіи не было. Это раздѣленіе обнаружилось далеко не сразу, а выяснилось лишь по мѣрѣ работъ Комитета. Въ на-

---

[1]) Любопытно сравнить это дѣленіе на партіи съ другими дворянскими комитетами. Намъ извѣстно распредѣленіе голосовъ въ губ. комитетахъ: тверскомъ, нижегородскомъ, самарскомъ, рязанскомъ и тульскомъ. Въ тверскомъ комитетѣ (см. кн. Г. А. Джаншіева „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“ и „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, изд. кн. О. Трубецкой) образовалось либеральное *большинство* въ 14 чел. съ А. М. Унковскимъ во главѣ и консервативное меньшинство въ 12 чел.; но по свидѣтельству Унковскаго изъ этихъ 12 чел. собственно заядлыми крѣпостниками были лишь 3–4 человѣка и въ числѣ тѣхъ же 12-ти были 3 человѣка весьма либеральнаго образа мыслей, но желавшіе постепеннаго, а не одновременнаго выкупа надѣловъ (Джаншіевъ, стр. 94–96, письмо А. М. Унковскаго къ Черкасскому въ прилож. къ „Матеріаламъ“, стр. 112). Въ этомъ письмѣ отъ 10 окт. 1858 г. Унковскій считалъ своихъ единомышленниковъ—14, ретроградовъ—9 и неопредѣленныхъ—4. Въ *нижегородскомъ* комитетѣ, какъ видно изъ письма А. И. Эшмана къ Ю. Ѳ. Самарину отъ 12 сент. 1858 г. („Матеріалы“, прил., стр. 104) ретроградовъ, стоявшихъ за отдѣльный выкупъ личности крѣпостныхъ, было—13, а либераловъ и умѣренныхъ всего—12. Въ *Рязани*, по опредѣленію А. И. Кошелева, въ письмѣ его къ Черкасскому отъ 22 окт. 1858 г., было „черныхъ“ (т.-е. крѣпостниковъ)—14, „сѣрыхъ“ (т.-е. колеблющихся)—5 и „красныхъ“ (т.-е. либераловъ)—8. Въ *Самарѣ* Ю. Ѳ. Самаринъ опредѣлилъ сперва (въ письмѣ отъ 9 іюля 1858 г., т.-е. до начала дѣйствій Комитета), что 8 изъ 16 членовъ рѣшительно стоятъ за освобожденіе съ достаточнымъ надѣломъ землею и за отдачу строеній даромъ. Въ письмѣ отъ 27 сент., когда уже Комитетъ засѣдалъ, онъ писалъ: „Партіи обозначились. Насъ, такъ называемыхъ либераловъ, или extrême gauche—4 чел., среднихъ, привременныхъ и неопредѣленныхъ—3, отчаянныхъ консерваторовъ—9. Но наша партія цѣльнѣе.“ Въ *Тулѣ* первоначально, пока дѣло касалось общихъ положеній, около кн. Черкасскаго сгруппировалось меньшинство въ 10 чел. противъ 17 чел. большинства, изъ которыхъ лишь 2 чел. были колеблющіеся; но впослѣдствіи, когда дѣло дошло до опредѣленія размѣра земельнаго надѣла, меньшинство раскололось и сперва 1, а затѣмъ еще 3 члена его перешли къ большинству, и кн. Черкасскій остался всего самъ-шостъ („Матеріалы“, стр. 285). О выборахъ въ *орловскій* комитетъ И. С. Тургеневъ писалъ Черкасскому 9 іюля 1858 г.: „Благородное дворянство выбрало людей самыхъ озлобленно-отсталыхъ—и едва ли не единственнымъ представителемъ прогресса въ орловскомъ комитетѣ, какъ и въ другихъ комитетахъ, будетъ лицо, назначенное правительствомъ, а именно—Ржевскій. Въ странное время мы живемъ“... (Матеріалы“, стр. 127, примѣч.).

помѣщичьей власти. Наиболѣе разумные и проницательные предвидѣли, что такое положеніе не удовлетворитъ ни одну изъ заинтересованныхъ сторонъ. Они опасались, что крестьяне, объявленные лично свободными и въ то же время разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, не захотятъ отбывать барщину и платить оброки, а они, помѣщики, не будутъ имѣть достаточныхъ средствъ принудить ихъ къ этому. Съ другой стороны, по окончаніи срочно обязаннаго положенія помѣщикамъ предстояло вести хозяйство при помощи вольнонаемныхъ рабочихъ, а между тѣмъ огромное большинство не имѣло ни живого, ни мертваго инвентаря, ни необходимаго оборотнаго капитала. Хозяйство помѣщичье въ калужскихъ и другихъ нечерноземныхъ губерніяхъ заключалось или въ полученіи оброка съ своихъ крѣпостныхъ, или въ полученіи дохода съ помѣщичьихъ запашекъ, обработанныхъ не только трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ, но и при помощи ихъ лошадей и орудій. Помѣщики въ калужской губерніи, какъ мы уже говорили, хорошо понимали, что доходъ ихъ покоится не столько на обладаніи землей (по большей части весьма малоцѣнной), сколько на обладаніи крѣпостнымъ трудомъ и на неограниченной власти надъ своими крѣпостными людьми. Помѣщикъ при барщинномъ хозяйствѣ, отдавъ крестьянамъ обыкновенно большую половину своихъ земель—отъ $4^1/_2$ до 5 дес. на тягло (а иногда и болѣе),—требовалъ отъ крестьянъ за это обработки и уборки урожая съ другой половины — крестьянскими же лошадьми и орудіями и на ихъ же собственныхъ харчахъ. Чтобы справедливо возмѣстить, съ точки зрѣнія такого помѣщика, его потерю при реформѣ и удержать его отъ неминуемаго разоренія, ему надо было уплатить капиталъ, который былъ бы достаточенъ для покупки и содержанія живого и мертваго инвентаря и найма рабочихъ. Получить эти средства помѣщикъ могъ лишь въ томъ случаѣ, если бы правительство рѣшилось предпринять выкупъ крестьянскихъ земель. Сами крестьяне выкупить находившіяся въ ихъ пользованіи или вообще потребныя имъ земли безъ содѣйствія правительства, очевидно, не могли. Правительство же могло, выпустивъ заемъ, обезпеченный всѣмъ фондомъ земель, отдаваемыхъ крестьянамъ въ надѣлъ, уплатить помѣщикамъ выкупъ единовременно облигаціями, приносящими доходъ и могущими имѣть сбытъ на денежномъ рынкѣ. Вотъ почему на такихъ условіяхъ помѣщикамъ не жалко было дать крестьянамъ въ надѣлъ и полевую землю въ такомъ, разумѣется, размѣрѣ, чтобы обработка ея поглощала лишь часть рабочей силы, съ тѣмъ, чтобы

и которые въ тульскомъ Комитетѣ составляли предметъ обсужденій и споровъ въ теченіе 2 или 3 мѣсяцевъ, — здѣсь приняты были даже почти безъ преній. Съ начала января положено было вновь съѣхаться и приняться прямо за составленіе проекта положенія, придерживаясь Высочайше утвержденной програмы.

Но когда 8 января состоялось первое послѣ праздниковъ засѣданіе, то членамъ Комитета было доложено о разрѣшеніи, данномъ тверскому Комитету, изыскивать средства къ предоставленію крестьянамъ полевой земли въ собственность. Это извѣстіе, принятое Комитетомъ съ большимъ сочувствіемъ, сразу поставило передъ нимъ вопросъ, какими же началами должно ему руководствоваться при составленіи положенія, именно: „предоставить ли крестьянамъ полевую землю *въ пользованіе*, *сохраняя при этомъ обязательную работу на помѣщика*, или же уступить крестьянамъ землю въ *собственность посредствомъ выкупа*“.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ 20-го ноября 1857 г. Губернскимъ Комитетамъ было указано слѣдующее основаніе реформы:

„Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ *пользованіе* крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику“.

Соотвѣтственно этому и въ утвержденной Государемъ програмѣ для занятій Губернскихъ Комитетовъ, разосланной при циркулярѣ 21 апрѣля 1858 г., имъ предложено было ограничиться составленіемъ проекта положенія о срочно обязанныхъ крестьянахъ, коимъ отводилась усадьба, подлежащая выкупу, и полевая земля въ *пользованіе* за опредѣленную барщину или оброкъ.

Мы видѣли уже, что дворяне калужской губерніи (какъ и другихъ промышленныхъ же губерній) смотрѣли съ большою опаскою на проектируемое срочно-обязанное положеніе, по которому крестьяне, объявленные лично свободными, были бы въ то же время связаны безчисленными путами со своими прежними господами, лишенными однакоже всей полноты прежней

помѣщичьей власти. Наиболѣе разумные и проницательные предвидѣли, что такое положеніе не удовлетворитъ ни одну изъ заинтересованныхъ сторонъ. Они опасались, что крестьяне, объявленные лично свободными и въ то же время разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, не захотятъ отбывать барщину и платить оброки, а они, помѣщики, не будутъ имѣть достаточныхъ средствъ принудить ихъ къ этому. Съ другой стороны, по окончаніи срочно обязаннаго положенія помѣщикамъ предстояло вести хозяйство при помощи вольнонаемныхъ рабочихъ, а между тѣмъ огромное большинство не имѣло ни живого, ни мертваго инвентаря, ни необходимаго оборотнаго капитала. Хозяйство помѣщичье въ калужскихъ и другихъ нечерноземныхъ губерніяхъ заключалось или въ полученіи оброка съ своихъ крѣпостныхъ, или въ полученіи дохода съ помѣщичьихъ запашекъ, обработанныхъ не только трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ, но и при помощи ихъ лошадей и орудій. Помѣщики въ калужской губерніи, какъ мы уже говорили, хорошо понимали, что доходъ ихъ покоится не столько на обладаніи землей (по большей части весьма малоцѣнной), сколько на обладаніи крѣпостнымъ трудомъ и на неограниченной власти надъ своими крѣпостными людьми. Помѣщикъ при барщинномъ хозяйствѣ, отдавъ крестьянамъ обыкновенно большую половину своихъ земель—отъ $4^1/_2$ до 5 дес. на тягло (а иногда и болѣе),—требовалъ отъ крестьянъ за это обработки и уборки урожая съ другой половины — крестьянскими же лошадьми и орудіями и на ихъ же собственныхъ харчахъ. Чтобы справедливо возмѣстить, съ точки зрѣнія такого помѣщика, его потерю при реформѣ и удержать его отъ неминуемаго разоренія, ему надо было уплатить капиталъ, который былъ бы достаточенъ для покупки и содержанія живого и мертваго инвентаря и найма рабочихъ. Получить эти средства помѣщикъ могъ лишь въ томъ случаѣ, если бы правительство рѣшилось предпринять выкупъ крестьянскихъ земель. Сами крестьяне выкупить находившіяся въ ихъ пользованіи или вообще потребныя имъ земли безъ содѣйствія правительства, очевидно, не могли. Правительство же могло, выпустивъ заемъ, обезпеченный всѣмъ фондомъ земель, отдаваемыхъ крестьянамъ въ надѣлъ, уплатить помѣщикамъ выкупъ единовременно облигаціями, приносящими доходъ и могущими имѣть сбытъ на денежномъ рынкѣ. Вотъ почему на такихъ условіяхъ помѣщикамъ не жалко было дать крестьянамъ въ надѣлъ и полевую землю въ такомъ, разумѣется, размѣрѣ, чтобы обработка ея поглощала лишь часть рабочей силы, съ тѣмъ, чтобы

свободная часть могла удовлетворять потребность въ вольнонаемныхъ рабочихъ помѣщичьихъ экономій. Такой приблизительно разсчетъ ложился въ основу хозяйственныхъ соображеній средняго благоразумнаго, хотя бы и вовсе не либеральнаго, помѣщика нечерноземныхъ губерній въ критическій моментъ предстоявшей реформы. Такъ приблизительно думали и тверскіе, и смоленскіе, и калужскіе помѣщики [1]). Конечно, были

[1]) Мысль эта съ особенной ясностью высказана въ адресѣ, поданномъ спеціально по этому вопросу смоленскими дворянами:

„Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ — писали Государю смоляне — одна земля составляетъ почти всю цѣнность помѣщичьихъ имѣній; слѣдовательно, при освобожденіи крестьянъ тамъ нѣтъ общихъ потерь для всѣхъ помѣщиковъ, у насъ же съ потерею крѣпостныхъ правъ неизбѣжна потеря значительной части собственности. Если въ большей части Россіи нѣтъ основанія давать вознагражденіе помѣщикамъ при освобожденіи крестьянъ, то этого нельзя сказать о смоленской губ., въ которой по свойству почвы крѣпостной трудъ составляетъ главную цѣнность нашихъ имѣній. Оставить прежній размѣръ работъ, несоотвѣтственный количеству и цѣнности надѣляемой крестьянамъ земли, мы считаемъ невозможнымъ; потому что въ такомъ случаѣ безъ крѣпостныхъ правъ не было бы исполненія обязательныхъ работъ.

„Возложить на крестьянъ выкупъ крѣпостного и промышленнаго труда, посредствомъ преувеличенія цѣны усадебъ, было бы несправедливостью въ отношеніи къ крестьянамъ и дурнымъ разсчетомъ для помѣщиковъ, потому что крестьяне не могли бы выкупить усадьбъ и вознагражденіе помѣщикамъ было бы только номинальное.

„Мы не жалѣемъ крѣпостныхъ отношеній, мы не желаемъ и не можемъ желать удержанія ихъ на будущее время; съ установленіемъ свободныхъ отношеній мы предвидимъ лучшую будущность для насъ и для крестьянъ нашихъ. Но такое улучшеніе, такое безобидное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе вопроса возможно у насъ только при вознагражденіи помѣщиковъ безъ наложенія излишнихъ тягостей на крестьянъ. Крестьянинъ не долженъ и не имѣетъ средствъ заплатить за открѣпленіе его отъ земли, помѣщикъ же въ правѣ ожидать вознагражденія за потерю части собственности, необходимой для удовлетворенія общественнымъ потребностямъ.

„Такое вознагражденіе необходимо для насъ потому, что положеніе нашихъ хозяйствъ поставляетъ насъ въ невозможность принести столь значительныя жертвы въ пользу государства, несоразмѣрныя съ пожертвованіемъ другихъ губерній и сословій. Лежащіе на насъ долги и предстоящія издержки для измѣненія системы хозяйства лишаютъ насъ возможности принести такія пожертвованія.

„Всемилостивѣйшій Государь, излагая все это, смоляне не обманываютъ Ваше Величество. Если нужны жертвы дворянъ для блага отечества, то жизнь и все достояніе наше повергаемъ къ стопамъ Вашимъ; но достояніе наше нынѣ болѣе принадлежитъ кредиторамъ нашимъ, чистаго разсчета съ которыми требуетъ честное имя дворянина и забота объ участи дѣтей нашихъ.

„Тяжелая почва нашей мѣстности, требуя для обработки усиленнаго труда, ставитъ насъ въ отношеніи къ другимъ губерніямъ въ исключительное поло-

среди нихъ, какъ мы уже упоминали, и такіе, которые мечтали о томъ, чтобы, обезземеливъ крестьянина, сдѣлать его фактическимъ рабомъ, а вознагражденіе хотѣли получить не за землю, а за личность освобождаемаго крѣпостного. Но такіе заядлые крѣпостники составляли въ этихъ губерніяхъ меньшинство. Въ нижегородской губерніи ихъ домогательства кончились скандаломъ и Высочайшимъ выговоромъ [1]); по поводу подобнаго же домогательства симбирскихъ дворянъ имъ было указано министромъ внутреннихъ дѣлъ, что личность крѣпостного освобождается безвозмездно [2]) и что особое мнѣніе нѣсколькихъ членовъ Комитета о выкупѣ личности отвергнуто Государемъ и признано имъ явнымъ побужденіемъ къ превратному толкованію Высочайше одобренныхъ началъ реформы.

Въ калужскомъ Комитетѣ вопросъ о выкупѣ былъ поставленъ и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ въ засѣданіи 9 января. Постановлено было 17 голосами противъ 6: 1) въ основаніе положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ принять предоставленіе крестьянамъ въ собственность посредствомъ выкупа не только усадебъ, но и полевой земли, необходимой для обезпеченія ихъ быта; 2) выкупъ произвести посредствомъ финансовой, гарантированной правительствомъ мѣры, положительно и всесторонне разрѣшающей вопросъ.

Предсѣдатель такъ комментировалъ это постановленіе Комитета: „сдѣлавъ подобное постановленіе, мы отступили отъ буквы программы, предначертанной для занятій Комитета, но остались вѣрны духу и цѣли Высочайше указанныхъ началъ, потому что полное, всестороннее разрѣшеніе крестьянскаго вопроса возможно только въ одномъ случаѣ: *если крестьяне сдѣлаются собственниками земли*, а *помѣщики получатъ справедливое вознагражденіе*".

женіе. Душевно сочувствуя священной волѣ нашего Государя и стремясь исполнить ее согласно благимъ предначертаніямъ Вашего Императорскаго Величества, не можемъ не высказать этого и предвидимъ, что безъ полнаго за отходящую отъ насъ собственность вознагражденія, шесть тысячъ дворянъ смоленскихъ, лишась честнаго имени, пріобрѣтеннаго службою Вашимъ предкамъ, подвергнутся нищетѣ неизбѣжной".

Адресъ этотъ приведенъ въ журналахъ калужскаго Комитета при отдѣльномъ мнѣніи Потулова.

[1]) См. Приложенія къ „Матеріаламъ для біографіи кн. Черкасскаго", стр. 104.

[2]) См. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", стр. 221. Ср. „Сборникъ постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ", выпускъ II (съ 1 сентября 1858 г. по 1 января 1859 г.), стр. 18.

„Осуществленіе принятаго нами начала — добавилъ онъ — возможно только тогда, когда правительство согласится взять на себя обезпеченіе слѣдуемаго помѣщикамъ вознагражденія; поэтому слѣдовало бы намъ, предварительно, испросить у него положительнаго разрѣшенія на составленіе положенія нашего на принятыхъ нами въ настоящее время основаніяхъ"....

Прежде однако, чѣмъ обращаться къ Правительству за разрѣшеніемъ, положено было, согласно предложенію предсѣдателя, хотя нѣсколько выработать финансовый вопросъ, для чего выбрать финансовую комиссію, которой и поручить его разработку.

Въ финансовую комиссію выбраны были Шаблыкинъ, Чертковъ и Свистуновъ. Изъ нихъ главнымъ работникомъ оказался послѣдній.

Такимъ образомъ на первый разъ мнѣнія либераловъ и благоразумныхъ консерваторовъ сошлись, а въ меньшинствѣ остались отъявленные крѣпостники, желавшіе обезземеленья крестьянъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи трое изъ нихъ: г.г. Потуловъ, Чертковъ и Жилинъ, представили подробно мотивированныя мнѣнія, причемъ Д. Н. Потуловъ доказывалъ необходимость особаго вознагражденія за личность крѣпостныхъ на томъ основаніи, что „рабочая сила составляетъ часть цѣнности дворянскихъ имѣній", а Д. А. Чертковъ доказывалъ, что улучшеніе быта крѣпостныхъ крестьянъ можетъ быть достигнуто и безъ надѣленія ихъ землей; при этомъ онъ старался освѣтить преимущества правильной арендной системы, основанной на добровольномъ соглашеніи между собственникомъ-помѣщикомъ и арендаторами безземельными крестьянами, а съ другой стороны съ укоромъ указывалъ на неосторожность, съ какой Комитетъ принялъ выкупную систему, не имѣя никакихъ основаній расчитывать на выкупъ со стороны правительства. Въ подтвержденіе своего скептицизма въ этомъ отношеніи Чертковъ ссылался на слова товарища министра А. И. Левшина, который въ пріѣздъ свой въ Калугу указывалъ на неосновательность надеждъ на выкупъ правительствомъ *даже крестьянскихъ усадьбъ*. Поэтому Чертковъ грозилъ Комитету перспективой расчитываться непосредственно съ самими крестьянами за предоставленныя имъ въ собственность земли. Предложенія Потулова вызвали въ засѣданіи 15-го января страстныя пренія, кончившіяся однакоже тѣмъ, что по предложенію предсѣдателя Комитетъ принялъ большинствомъ 19 голосовъ противъ 6-ти постановленіе объ отмѣнѣ навсегда личнаго крѣпостного права

Несмотря на сдѣланное уже отступленіе отъ Высочайше утвержденной программы занятій, предсѣдатель пытался все же въ дальнѣйшемъ придерживаться ея указаній. Члены редакціонной комиссіи, по его предложенію, приступили, даже къ проектированію статей, соотвѣтствующихъ содержанію первыхъ трехъ главъ программы, но въ Комитетѣ статьи эти были приняты лишь въ измѣненной редакціи, соотвѣтствовавшей рѣшенію Комитета принять систему единовременнаго выкупа надѣловъ и избѣгнуть срочно обязаннаго положенія. Въ засѣданіи 23 января было рѣшено не составлять проекта срочно-обязаннаго положенія, а прямо приступить къ обсужденію величины надѣла и прочихъ вопросовъ, связанныхъ съ выкупомъ надѣловъ.

Между тѣмъ губернаторъ, сообщивъ отъ себя въ министерство о рѣшеніи калужскаго Комитета принять выкупную систему, просилъ министра исходатайствовать Комитету разрѣшеніе уклониться отъ предначертанной программы и, вмѣсто проекта срочнообязаннаго положенія, выработать проектъ немедленнаго освобожденія и выкупа надѣловъ при содѣйствіи правительства.

Въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, которое онъ отправилъ съ своимъ довѣреннымъ чиновникомъ Я. С. Скропышевымъ, Викторъ Антоновичъ писалъ:

„Отступленіе, допущенное Комитетомъ, отъ буквы программы вполнѣ согласно съ моими личными убѣжденіями, ибо не сомнѣваюсь, что срочно-обязанная система, какъ полумѣра, неизбѣжно затруднитъ управленіе и дастъ возможность еще усилить притѣсненія, дѣлаемыя владѣльцами крестьянамъ, и даже во многихъ отношеніяхъ ухудшитъ положеніе сихъ послѣднихъ“ [1]).

„Хотя большинство членовъ калужскаго Комитета—писалъ дальше Арцимовичъ—желаетъ освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ надѣломъ имъ полевой земли въ собственность, но въ составѣ сего Комитета находятся также люди, во-первыхъ, заботящіеся исключительно объ угожденіи сослов-

---

высчитаннымъ по соображенію съ доходомъ отъ земли и отъ промысловъ по 8 р. 70 к. съ души. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ оброкъ этотъ былъ повышенъ до 9 руб. съ души. Отсюда видно, что открытое принятіе принципа выкупа не только земли, но и рабочей силы могло соединяться у людей благонамѣренныхъ и честныхъ съ конечными выводами, вполнѣ благопріятными для крестьянъ. Но, разумѣется, разсчеты Унковскаго вовсе не совпадали въ конечныхъ своихъ результатахъ съ видами Потулова.

[1]) Цитировано по черновику, написанному рукою В. А. Арцимовича и сохранившемуся въ его архивѣ.

либеральное большинство съ г. Щукинымъ во главѣ. 7 человѣкъ крѣпостнической группы вотировали противъ него.

Такія же или подобныя пренія по вопросу о выкупѣ личной свободы происходили и во многихъ другихъ комитетахъ, несмотря на категорическія разъясненія правительства. Такъ въ рязанскомъ Комитетѣ А. И. Кошелевъ недоумѣвалъ даже, какъ ему быть съ этимъ вопросомъ. Въ письмѣ къ кн. Черкасскому въ сентябрѣ 1858 г. онъ писалъ: „Единственное средство заставить дешево оцѣнить усадьбы — это дать имъ (т.-е. крѣпостникамъ) большинствомъ рѣшить въ пользу личнаго выкупа. Знаете, противъ личнаго выкупа у насъ только 4 голоса“... [1]) Ю. Ѳ. Самаринъ, еще до начала занятій въ самарскомъ Комитетѣ, писалъ по этому вопросу въ письмѣ къ Кошелеву и Черкасскому отъ 18 іюля 1858 г., что онъ желалъ бы, чтобы крестьянамъ было предоставлено расквитаться съ помѣщиками; „выкупивъ *не свою личность* и не землю (по ея торговой цѣнности), а *повинность*, которою будутъ обложены крестьяне за пользованіе землею. Повинность представляетъ— писалъ Самаринъ—нѣчто среднее между личностью и землею, какъ предметами выкупа, и на этой данной легче примирить обѣ стороны; далѣе повинность легче оцѣнить, чѣмъ личность и даже чѣмъ землю, ибо повинность будетъ опредѣлена въ точности и непремѣнно на деньги (оброкъ). Наконецъ повинность *должна быть облегчена* для улучшенія быта крестьянъ, и мѣра ея не можетъ превышать средствъ крестьянъ, тогда какъ высокая цѣнность земли можетъ быть недоступна для крестьянъ. Поэтому я считаю, что выкупъ предварительно пониженной и оцѣненной повинности для крестьянъ выгоднѣе всего [2])“.

---

[1]) „Матеріалы для біографіи князя Черкасскаго“, стр. 205.

[2]) „Матеріалы“, стр. 119. Съ этимъ мнѣніемъ Самарина соглашался и Кошелевъ, какъ видно изъ его отмѣтки на письмѣ. А. М. Унковскій, предсѣдатель тверского Комитета, первый формулировавшій совершенно ясно идею выкупа въ запискѣ, поданной имъ Государю еще въ декабрѣ 1857 года (напечатана у Джаншіева въ книгѣ „А. М. Унковскій“ и проч., стр. 58—71), гдѣ онъ утверждалъ, что выкупъ есть „единственное и вѣрное средство освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ правъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи“. „Справедливость требуетъ — прибавляетъ онъ, — чтобъ при такомъ освобожденіи крестьянъ помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, *такъ и за самихъ освобождаемыхъ крестьянъ*“ (стр. 62—63). Эту систему онъ провелъ и въ Губернскомъ Комитетѣ, гдѣ ему удалось объединить около себя сплоченное большинство, причемъ имъ и Головачевымъ выработанъ былъ для крестьянъ весьма безобидный надѣлъ въ 4 десятины на душу съ оброкомъ,

Несмотря на сдѣланное уже отступленіе отъ Высочайше утвержденной программы занятій, предсѣдатель пытался все же въ дальнѣйшемъ придерживаться ея указаній. Члены редакціонной комиссіи, по его предложенію, приступили, даже къ проектированію статей, соотвѣтствующихъ содержанію первыхъ трехъ главъ программы, но въ Комитетѣ статьи эти были приняты лишь въ измѣненной редакціи, соотвѣтствовавшей рѣшенію Комитета принять систему единовременнаго выкупа надѣловъ и избѣгнуть срочно обязаннаго положенія. Въ засѣданіи 23 января было рѣшено не составлять проекта срочно-обязаннаго положенія, а прямо приступить къ обсужденію величины надѣла и прочихъ вопросовъ, связанныхъ съ выкупомъ надѣловъ.

Между тѣмъ губернаторъ, сообщивъ отъ себя въ министерство о рѣшеніи калужскаго Комитета принять выкупную систему, просилъ министра исходатайствовать Комитету разрѣшеніе уклониться отъ предначертанной программы и, вмѣсто проекта срочнообязаннаго положенія, выработать проектъ немедленнаго освобожденія и выкупа надѣловъ при содѣйствіи правительства.

Въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, которое онъ отправилъ съ своимъ довѣреннымъ чиновникомъ Я. С. Скропышевымъ, Викторъ Антоновичъ писалъ:

„Отступленіе, допущенное Комитетомъ, отъ буквы программы вполнѣ согласно съ моими личными убѣжденіями, ибо не сомнѣваюсь, что срочно-обязанная система, какъ полумѣра, неизбѣжно затруднитъ управленіе и дастъ возможность еще усилить притѣсненія, дѣлаемыя владѣльцами крестьянамъ, и даже во многихъ отношеніяхъ ухудшитъ положеніе сихъ послѣднихъ“ [1]).

„Хотя большинство членовъ калужскаго Комитета—писалъ дальше Арцимовичъ—желаетъ освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ надѣломъ имъ полевой земли въ собственность, но въ составѣ сего Комитета находятся также люди, во-первыхъ, заботящіеся исключительно объ угожденіи сослов-

---

высчитаннымъ по соображенію съ доходомъ отъ земли и отъ промысловъ по 8 р. 70 к. съ души. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ оброкъ этотъ былъ повышенъ до 9 руб. съ души. Отсюда видно, что открытое принятіе принципа выкупа не только земли, но и рабочей силы могло соединяться у людей благонамѣренныхъ и честныхъ съ конечными выводами, вполнѣ благопріятными для крестьянъ. Но, разумѣется, разсчеты Унковскаго вовсе не совпадали въ конечныхъ своихъ результатахъ съ видами Потулова.

[1]) Цитировано по черновику, написанному рукою В. А. Арцимовича и сохранившемуся въ его архивѣ.

нымъ предразсудкамъ дворянъ и поддерживающіе злоупотребленія крѣпостного права подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія дворянскихъ привилегій; во-вторыхъ, члены, дѣйствующіе по указаніямъ и правиламъ винныхъ откупщиковъ, руководствующіеся одними только разсчетами и вовсе не желающіе обезпеченія крестьянъ и, наконецъ, въ третьихъ, люди или безъ твердыхъ убѣжденій, или съ бюрократическимъ на этотъ жизненный вопросъ воззрѣніемъ.

„Благомыслящіе же члены большею частью люди молодые съ университетскимъ образованіемъ; они единодушно соединились около губернскаго предводителя дворянства Щукина и вице-президента Унковскаго—представителей честныхъ и уважаемыхъ въ губерніи.

„Несмотря на сильную оппозицію и борьбу со стороны явныхъ и скрытыхъ защитниковъ крѣпостного порядка, полагающихъ надежду на опору въ Петербургѣ, просвѣщенные депутаты имѣютъ до сихъ поръ преобладающее вліяніе и направляютъ вопросъ къ безобидному рѣшенію для обоихъ сословій.

„Поддерживая нравственнымъ моимъ вліяніемъ всѣхъ благомыслящихъ членовъ, я однако избѣгаю всякаго прямого формальнаго вмѣшательства въ дѣла Комитета, ибо твердо убѣжденъ въ необходимости полной гармоніи съ лучшими представителями дворянскаго сословія, которое призвано къ участію въ столь важномъ дѣлѣ и должно впослѣдствіи содѣйствовать къ осуществленію и введенію самой реформы...

„Не скрою передъ вашимъ высокопревосходительствомъ,— писалъ В. А. въ томъ же письмѣ,—что я полагалъ бы весьма полезнымъ допустить въ Комитетахъ гласность при обсужденіи всѣхъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу обратить благосклонное вниманіе, какъ на содержаніе прилагаемой при семъ записки объ исходатайствованіи полнаго прощенія двумъ членамъ Комитета Кашкину (петрашевецъ) и Свистунову (декабристъ), состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, такъ и на представленіе мое о снабженіи Калужскаго Комитета указаніями и выработанными уже проектами на счетъ финансовыхъ операцій для выкупа усадьбъ и полевыхъ угодій въ собственность крестьянъ“...

Письмо это послужило основаніемъ къ докладу Ланского Главному Комитету (6 марта 1859 г.). Настойчивость калужскаго Комитета произвела благопріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Въ архивѣ В. А. сохранилось длинное письмо одного изъ вліятельныхъ чиновниковъ земскаго отдѣла, барона А. Ф.

Штакельберга къ В. М. Жемчужникову, въ которомъ Штакельбергъ между прочимъ пишетъ: „Въ отвѣтѣ министерства не предполагается никакого стѣсненія калужскому Комитету, а напротивъ, пламенное желаніе, чтобы онъ продолжалъ, какъ началъ, и оправдалъ всѣ ожиданія справедливою и по возможности дешевою оцѣнкою земли. Сначала мнѣ было даже поручено выразить въ представленіи въ главный комитетъ желаніе, *чтобы всѣ комитеты руководствовались началами, принятыми калужскимъ Комитетомъ*, но потомъ это было вычеркнуто, потому что мы еще не можемъ судить о калужскомъ Комитетѣ, пока не будемъ знать, какъ онъ оцѣнитъ земли и насколько онъ уменьшитъ надѣлъ крестьянъ, и потому еще, что мы не можемъ знать, можетъ быть еще другой какой-нибудь Комитетъ предположитъ еще лучшія начала".

Пока финансовая комиссія разработывала основанія выкупного проекта, Комитетъ приступилъ къ вопросу о составѣ и оцѣнкѣ крестьянскихъ усадьбъ. По доставленнымъ помѣщиками свѣдѣніямъ выяснилось, что большая часть понимали подъ усадьбами всѣ жилыя и хозяйственныя строенія крестьянъ съ землею подъ ними, огородами и коноплянниками. Только помѣщики масальскаго уѣзда, приславшіе своимъ представителемъ Потулова, понимали подъ усадебною осѣдлостью одно строеніе безъ земли [1]).

Нѣкоторые изъ членовъ Комитета сдѣлали попытку отдѣлить отъ усадьбъ коноплянники, но это не удалось, и Комитетъ 18 голосами противъ 7 призналъ подъ усадьбою не только строенія, но и землю, находящуюся въ чертѣ селенія, съ садами, огородами и коноплянниками. Затѣмъ председатель прочелъ слѣдующее заявленіе:

„Мы приступаемъ къ обсужденію одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ—объ оцѣнкѣ усадьбъ; разрѣшеніе его требуетъ особенной осмотрительности. Усадьба представляетъ огромную цѣнность для крестьянъ въ большей части имѣній. Это обстоятельство чрезвычайно усложняетъ вопросъ; дѣйствительно, на чемъ можетъ быть основана цифра, опредѣляющая стоимость усадьбъ. Многіе принимаютъ за основаніе доходъ, получаемый крестьянами отъ коноплянниковъ, садовъ и огородовъ и капитализируютъ его, считая по 8%. Мнѣ кажется, что подобная оцѣнка далеко не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ справедливости. Вѣдь земля подъ коноплянниками и огородами получила вы-

---

[1]) Журналъ 30 января 1859 г.

совую цѣну совершенно независимо отъ насъ,—много десятковъ, можетъ быть, сотни лѣтъ тому назадъ помѣщики отдали крестьянамъ подъ поселеніе ту землю, которая въ то время была ничѣмъ не лучше остальной земли имѣнія; помѣщикъ хотя и не тратилъ своего капитала на эту землю, но получалъ съ нея доходъ, или черезъ оброкъ, или черезъ задѣльную плату, крестьяне же приложили къ ней трудъ свой; они удобрили ее и такимъ образомъ возвысили ея цѣнность. Почти то же въ большей части имѣній можно сказать и о строеніяхъ, трудъ на постройку ихъ весь былъ крестьянскій; затѣмъ остается лѣсъ; собственно говоря, въ весьма многихъ случаяхъ трудно доказать, построены ли усадьбы изъ своего матеріала или изъ помѣщичьяго.

„Но, допустивъ даже послѣднее, тотчасъ рождается вопросъ: какъ оцѣнить его? Неужели не дѣлать разницы между новыми избами и старыми; пожалуй, придется оцѣнить каждое строеніе особо, вычитая изъ первоначальной стоимости потерю въ цѣнѣ отъ времени постройки. Сверхъ того, давши однажды крестьянину лѣсъ безвозмездно, достойно ли дворянъ будетъ теперь требовать за него плату? Мнѣ кажется, и недостойно, и неприлично. Впрочемъ уже многіе комитеты, даже въ губерніяхъ не столь изобилующихъ лѣсомъ, какъ наша, постановили не вводить крестьянскія постройки въ оцѣнку усадьбъ.

„Такимъ образомъ, подвергая вопросъ строгому безпристрастному разбору, окажется, что въ мѣстностяхъ, гдѣ усадьбы не имѣютъ особенно выгоднаго положенія, возвышающаго ихъ цѣнность, придется, пожалуй, оцѣнить одну усадебную землю и, притомъ, оцѣнить не выше земли полевой, потому что для высшей оцѣнки не представляется причины.

„Но, очевидно, подобная оцѣнка будетъ совершенно убыточна для помѣщиковъ въ нашей губерніи, гдѣ цѣнность земли весьма низка. Независимо отъ всего этого не слѣдуетъ упускать изъ виду и то обстоятельство, что крестьяне въ настоящее время считаютъ усадьбу своею собственностью и что они нетерпѣливо ждутъ улучшенія своего быта. Если же притомъ оцѣнка усадьбъ будетъ очень высока, то они не станутъ платить, и такимъ образомъ мы будемъ въ явной потерѣ.

„Единственнымъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія я полагаю слѣдующее: *не оцѣняя отдѣльно усадебной земли, строеній, пахотной земли и т. д., опредѣлить общею суммою цифру вознагражденія, слѣдуемаго помѣщикамъ за надѣлъ крестьянина усадебною и пахотною землею въ количествѣ,*

въ которомъ Комитетъ, по дальнѣйшемъ обсужденіи, признает удобнымъ. Только такимъ способомъ мы можемъ остаться справедливыми и будемъ выведены изъ затрудненія высчитыват стоимость той или другой части отходящаго отъ насъ достоянія" [1])

Это заявленіе вызвало въ засѣданіи 3 февраля бурные споры Потуловъ представилъ записку, въ которой, перетасовывая фразы Щукина и пользуясь завѣдомо невѣрнымъ текстомъ его рѣчи старался бросить на него тѣнь въ глазахъ дворянъ, но встрѣтилъ дружный отпоръ со стороны либеральныхъ членовъ Комитета. При этомъ обнаружилось, что очерненіе либеральных членовъ Комитета въ глазахъ дворянъ есть общій пріем борьбы, который онъ себѣ усвоилъ и внѣ стѣнъ Комитета. Члены Комитета Свистуновъ, Кашкинъ и Оболенскій вывел его на свѣжую воду и настаивали на выраженіи ему порицанія отъ лица Комитета [2]). Въ результатѣ Потуловъ вынужденъ был публично признать себя виноватымъ, извиниться передъ предсѣдателемъ и членами Комитета и выйти изъ состава редакціонной комиссіи. Тѣмъ не менѣе въ засѣданіи 3 февраля предложеніе Щукина относительно оцѣнки усадьбъ было отвергнуто большинствомъ 14 голосовъ противъ 10. Въ засѣданіи 6 февраля самъ Щукинъ измѣнилъ свое предложеніе такимъ образомъ: *приступить къ опредѣленію количества земли усадебной и полевой, уступаемой крестьянамъ въ собственность по-*

[1]) Журналъ калужскаго Комитета 30 января 1859 года. Съ этой аргументаціей любопытно сравнить аргументацію, предложенную Ю. Ѳ. Самаринымъ (въ письмѣ отъ 12 октября 1858 г. къ А. И. Кошелеву и кн. В. А. Черкасскому. „Матеріалы", стр. 203), который старался доказать, что повинности уменьшить необходимо, потому что иначе не будетъ улучшенія быта и что выгоднѣе при этомъ ниже оцѣнить усадьбу и выше полевую землю, потому что усадьба должна быть выкуплена на основаніи рескрипта во всякомъ случаѣ, и если выкупъ не состоится въ теченіе срочно-обязаннаго періода, то правительство можетъ велѣть понизить оцѣнку, а за угодья все равно не прибавить; если же усадьбы оцѣнить дешево, то крестьяне ихъ выкупятъ скоро, помѣщики обезпечатъ себѣ такимъ образомъ рабочихъ и съемщиковъ земли, а удачный опытъ возбудитъ желаніе приступить къ выкупу повинности.

Въ виду удачнаго дѣйствія этой аргументаціи Самаринъ хотѣлъ связать въ самарскомъ комитетѣ вопросъ объ оцѣнкѣ усадьбъ съ вопросомъ о повинностяхъ вообще. Но Кошелевъ на это замѣтилъ: „нѣтъ, у насъ на эту штуку не возьмешь!" Въ письмѣ отъ 19 ноября Самаринъ сообщилъ, что десятина усадебной земли цѣнится у нихъ не дороже 70 руб., а онъ проситъ оцѣнить ее въ 30 руб., а строенія даромъ.

[2]) Подобный же инцидентъ разыгрался и въ Ред. Ком. по поводу сплетенъ, распускавшихся Позеномъ. Дѣло это поднято было Н. А. Милютинымъ въ 30-мъ засѣданіи (22 іюля 1859 г.). См. у Семенова „Освоб. Крест., т. I стр. 479.

средствомъ выкупа, а затѣмъ опредѣлить вознагражденіе помѣщиковъ общею цифрою за всю отчуждаемую собственность. При этомъ разумѣется: 1) *что цифра вознагражденія должна зависѣть отъ промысловыхъ выгодъ, количества и качества земли, предоставляемой крестьянамъ, устройства хозяйствъ, перенесенія усадьбъ и т. п.;* 2) *что цѣнность усадебной земли гораздо выше цѣнности полевой, и* 3) *что постановленіе Комитета имѣетъ силу только при выкупной системѣ, гарантированной правительствомъ* [1]).

Въ засѣданіи 10 февраля предсѣдатель предложилъ: „не найдетъ ли Комитетъ полезнымъ вызвать изъ каждаго уѣзда по два умныхъ и добросовѣстныхъ крестьянъ, которые бы жили въ Калугѣ и могли быть призываемы въ Комитетъ для разъясненія нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ". Но въ засѣданіи 25 февраля онъ уже взялъ это свое предложеніе обратно, причемъ Кашкинъ и кн. Оболенскій просили записать въ журналъ, „что они изъявляютъ свое искреннее сожалѣніе, что прекрасная мысль г. предсѣдателя остается безъ послѣдствій".

Журналы Комитета и мнѣнія его членовъ съ самаго начала занятій печатались въ губернской типографіи на очень удобныхъ для Комитета условіяхъ. Между тѣмъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ изданъ былъ циркуляръ (21 января 1859 г., за № 18) о воспрещеніи печатанія и даже литографированія

---

[1]) Журналъ засѣданія 6 февраля 1859 г.

Въ засѣданіи 3 февраля горячую рѣчь въ пользу совѣстливаго надѣленія крестьянъ усадьбами сказалъ консервативный членъ Комитета полковникъ Обнинскій (отецъ упоминавшагося выше Дм. Нарк. Обнинскаго). „Господа!— сказалъ онъ—позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ въ пользу того предмета, который долженъ быть первымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій дворянства. Освобождая прежнихъ тружениковъ нашихъ, долгъ совѣсти и чести заставляетъ насъ на новую жизнь крестьянъ нашихъ снарядить ихъ такъ, какъ снаряжаетъ добрый отецъ дочь свою невѣсту.

„Такимъ великодушнымъ поступкомъ мы пріобрѣтемъ любовь и признательность той массы народа, съ которымъ жить должны. Найдемъ сочувствіе образованнаго міра, который съ любопытствомъ слѣдитъ за дѣйствіями нашими.

„Мы упрочимъ спокойствіе нашего края, обезпечимъ личность и собственность нашу и тогда только Комитетъ можетъ ручаться за благополучный исходъ реформы.

„Теперь или никогда мы можемъ заставить молчать тѣхъ, которые говорятъ, что сословіе наше отжило свой вѣкъ, что оно устарѣло, дряхло; нѣтъ, мы имъ докажемъ, что сословіе дворянъ не даромъ занимаетъ первое въ государствѣ мѣсто, и на благоденствіи прежнихъ крестьянъ нашихъ мы станемъ такъ высоко, какъ никогда еще не стояло русское дворянство. Теперь или никогда!" (Журналъ засѣданія 3 февраля 1859 г.).

журналовъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу даже
Губернскихъ Комитетовъ. Выслушавъ это распоряже
скій Комитетъ постановилъ единогласно ходатайство
Государемъ о разрѣшеніи ему печатать журналы д
Комитета [1]).

Содержаніе посланнаго на имя Государя адрес
любопытно и характерно, что мы позволимъ себ
здѣсь изъ него выписки:

„Совершенное сохраненіе въ тайнѣ дѣйствій
сказано было въ адресѣ — можетъ породить обще
дворянства къ Комитету и, несомнѣнно, подастъ пов
пространенію самыхъ ложныхъ толковъ. Толки эти б
слѣдствіемъ общее неудовольствіе.

„Съ своей стороны Комитетъ видитъ въ этой
полнаго недовѣрія къ себѣ и ко всему дворянском
тѣмъ болѣе, что это не первое распоряженіе въ
непосредственно передъ симъ воспрещено допуска
присутствовать при засѣданіяхъ [2]), о чемъ Комитет

---

[1]) Князь Д. А. Оболенскій, человѣкъ близкій правящимъ сфе
ный товарищъ В. А. Арцимовича, писалъ ему по этому пов
братецъ, идетъ здѣсь дѣло, ничего сообразить и понять нельз
имѣетъ права написать ни одной бумаги безъ вѣдома централь
т.-е. Буткова, и изъ сего ареопага вытекаютъ всѣ циркуляры,
ской подписываетъ и въ которыхъ онъ невиновенъ.

„Запрещеніе гласности въ Комитетѣ есть гнусная вещь, и во
она для тебя должна быть непріятна и какъ она испортитъ вс
Я бы на твоемъ мѣстѣ продолжалъ печатать и пускать публик
большомъ числѣ“. (Письмо отъ 31 сентября 1859 г., подлинн
В. А. Арцимовича).

[2]) Циркуляръ министра вн. дѣлъ отъ 5 января 1859 г., за
поводу баронъ Штакельбергъ писалъ въ упомянутомъ выше
къ В. М. Жемчужникову: „что касается до воспрещенія откры
рянъ засѣданій комитетовъ, то я нахожу, что причина, лежаща
этого распоряженія, вполнѣ уважительна; вѣдь крестьянъ н
комнаты засѣданій Комитета, это и невозможно; слѣдовательн
однихъ дворянъ можетъ только усиливаться одностороннее вл
словія на рѣшеніе дѣла. Это замѣтно было во многихъ губе
ствіемъ этого были жалобы Государю дворянъ мѣстныхъ уѣздо
ныхъ ими членовъ Комитетовъ и на цѣлые Комитеты. Я уже п
что печатаніе журналовъ для членовъ вѣроятно будетъ разрѣш

Если вспомнить скандалы и угрозы, которые дѣлались дво
Черкасскому въ Тулѣ („Матеріалы“, стр. 316 и слѣд. и passi
сообщаемый въ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина (отъ 26 октября 1858 г.
стр. 213) о вызовѣ главою оппозиціи въ самарскомъ Комитет
помѣщиковъ изъ бугурусланскаго уѣзда „*для интимидаціи Ком*
наконецъ, принять въ соображеніе послѣдующее поведеніе ка

совая комиссія, какъ сказано въ ея докладѣ, имѣла преимущественно въ виду:

1) Удобное разрѣшеніе вопроса о выкупѣ, соотвѣтствующее имѣемымъ для того у крестьянъ средствамъ и основанное на положительной гарантіи правительства, безъ всякаго съ его стороны пожертвованія.

2) Возможно болѣе вѣрное обезпеченіе кредитныхъ знаковъ (облигацій), посредствомъ которыхъ предполагается совершить самый выкупъ.

и 3) Соблюденіе помѣщичьихъ интересовъ, при полномъ и единовременномъ удовлетвореніи; съ предоставленіемъ, въ то же время, владѣльцамъ выгоднаго помѣщенія капиталовъ, ими получаемыхъ, взамѣнъ отчуждаемой собственности, въ видѣ процентныхъ облигацій".

При этомъ комиссія не обсуждала ни величины надѣла, ни его оцѣнки, а поставила себѣ цѣлью выяснить лишь формы финансовой операціи, при помощи которой выкупъ могъ бы быть совершенъ наиболѣе удобнымъ образомъ для всѣхъ трехъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ (т.-е. для крестьянъ, помѣщиковъ и правительства).

Выводы, къ которымъ комиссія пришла и которые были приняты безъ всякихъ почти измѣненій и Комитетомъ, заключались въ слѣдующемъ:

Крестьяне за выкупаемые ими надѣлы должны платить 6% со стоимости ихъ по произведенной Комитетомъ оцѣнкѣ. Платежи эти будутъ съ нихъ взыскиваться правительствомъ безъ всякаго участія и отвѣтственности помѣщиковъ. Помѣщики получатъ единовременно, тотчасъ по утвержденіи вырабатываемаго положенія, всю выкупную сумму облигаціями, приносящими 5% ежегоднаго дохода, а шестой процентъ будетъ употребляемъ на уплату случайныхъ недоимокъ и различныхъ расходовъ по веденію всей операціи и на погашеніе всего выкупного долга. Въ какой именно срокъ, при этихъ условіяхъ, можетъ быть достигнуто полное погашеніе долга, комиссія не вычислила, но въ докладѣ своемъ, приведя нѣкоторыя соображенія, утверждаетъ, что срокъ этотъ не будетъ на много дольше обыкновеннаго 37-лѣтняго срока амортизаціи долгосрочныхъ ссудъ.

Правительство должно гарантировать какъ всю сполна цѣнность облигацій, такъ и неизмѣнную цифру платимыхъ по нимъ процентовъ. Ручательство правительства будетъ обезпечиваться, какъ процентнымъ сборомъ, взимаемымъ съ крестьянъ, такъ и всѣми государственными имуществами.

Для завѣдыванія всей выкупной операціей учреждается государственный выкупной банкъ, который, при содѣйствіи подчиненныхъ ему мѣстныхъ губернскихъ учрежденій (приказовъ общественнаго призрѣнія), распоряжается оборотнымъ капиталомъ, служащимъ къ окончательному погашенію всѣхъ выданныхъ помѣщикамъ облигацій. Для образованія основного капитала этого банка предполагалось составить акціонерную компанію, которая явилась бы участницей въ операціяхъ банка на опредѣленныхъ условіяхъ. По окончательномъ погашеніи выкупныхъ облигацій банкъ передавался бы вполнѣ въ ея вѣдѣніе. Этому банку должно бы быть предоставлено право различныхъ кредитныхъ операцій, даже и такихъ, которыя въ то время еще не входили въ кругъ дѣйствій существовавшихъ тогда въ Россіи кредитныхъ учрежденій. Въ веденіи дѣла предполагалась полная публичность и гласность. Предполагалось на этотъ банкъ перевести и всѣ долги кредитнымъ учрежденіямъ, бывшіе въ то время на дворянскихъ имѣніяхъ, причемъ банкъ изъ общей суммы, слѣдуемой помѣщикамъ, временно, въ видѣ залога удерживалъ бы соотвѣтствующее этимъ долгамъ количество облигацій и процентами, получаемыми по этимъ облигаціямъ, выплачивалъ бы весь долгъ. При этомъ всѣ запрещенія съ имѣній снимались бы со времени удержанія облигацій. По погашеніи долговъ въ кредитныя учрежденія облигаціи выдавались бы ихъ владѣльцамъ—помѣщикамъ; причемъ за помѣщиками признавалось бы право выкупа своихъ облигацій во всякое время взносомъ соотвѣтствующей ихъ долгамъ суммы. Облигаціи эти должны были бы приниматься въ залогъ по нарицательной цѣнѣ по казеннымъ подрядамъ, торгамъ, откупамъ и проч., а равно и въ уплату при покупкѣ казенныхъ земель и государственныхъ имуществъ. Проектъ этотъ долженъ былъ приводиться въ исполненіе одновременно по всей губерніи, не иначе, впрочемъ, какъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Всѣ статьи этого проекта, изготовленнаго для представленія правительству въ видѣ мотивировки къ ходатайству о разрѣшеніи вмѣсто срочно-обязаннаго положенія выработать положеніе о полномъ освобожденіи и надѣленіи крестьянъ землей при помощи выкупа, были приняты Комитетомъ почти единогласно и въ то же время приступлено было къ обсужденію размѣровъ и состава полевого надѣла и оцѣнки какъ этого надѣла, такъ и всѣхъ утрачиваемыхъ помѣщиками съ прекращеніемъ крѣпостного права выгодъ. Но прежде чѣмъ ходатайство о выкупѣ

было окончательно формулировано, изъ Петербурга пришелъ отвѣтъ на ходатайство, отправленное губернаторомъ 25 января. Въ отвѣтѣ министра, сообщенномъ губернаторомъ Комитету 24 марта, было сказано: „Его Величество, отдавая полную справедливость благороднымъ намѣреніямъ калужскаго Комитета и принявъ во вниманіе, что проектъ общаго положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ калужской губерніи долженъ быть составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, которыя указаны прочимъ Комитетамъ, но, что независимо отъ этого проекта, калужскій Комитетъ можетъ составить и другой проектъ о порядкѣ выкупа крестьянами въ собственность ихъ полевыхъ земель и угодій, изволитъ разрѣшать сему Комитету, независимо отъ общаго проекта, составленнаго на указанных Его Императорскимъ Величествомъ началахъ, составить и представить установленнымъ порядкомъ и проектъ особаго положенія о выкупѣ крестьянами полевыхъ земель и угодій, имѣя однакоже въ виду, что правительство не пришло еще къ окончательному рѣшенію: можетъ ли оно и въ какой степени дать съ своей стороны гарантію для выкупа“ [1]).

Это Высочайшее повелѣніе было опубликовано во всеобщее свѣдѣніе въ „Сборникѣ постановленій“ и разослано циркулярно въ тѣ комитеты, которые еще не кончили къ тому времени своихъ занятій [2]).

Полученіе этого разрѣшенія произвело на членовъ Комитета весьма благопріятное впечатлѣніе. Тутъ же рѣшено было немедленно приступить къ составленію обоихъ проектовъ, причемъ

---

[1]) Князь Дм. Оболенскій писалъ по этому поводу (въ выше цитированномъ уже письмѣ) В. А. Арцимовичу: „Напрасно любопытствуешь ты знать, какъ здѣсь смотрятъ на выкупъ, или на другой вопросъ. Ты самъ, кажется, довольно видѣлъ, что взгляда опредѣленнаго ни на что нѣтъ. Это имѣетъ свою хорошую сторону, а именно ту, что вы можете и должны дѣлать не стѣсняясь ничѣмъ, какъ знаете. Я, признаюсь, пересталъ уже разспрашивать и узнавать о томъ, что здѣсь въ Комитетѣ дѣлается; никогда ничего толкомъ не поймешь. Иди своей дорогой, не озираясь по сторонамъ, это будетъ всего лучше. О тебѣ здѣсь кромѣ хорошаго ничего не слыхать: въ обиду тебя не дадутъ, поэтому дѣйствуй по совѣсти...“ (отъ 31 января 1859 г.). Живой иллюстраціей къ этимъ рѣзкимъ словамъ могутъ служить знаменитыя 4 письма Я. И. Ростовцева къ Государю изъ-за границы. Кошелевъ еще отъ 21 ноября 1858 писалъ Черкасскому изъ Петербурга: „Температура здѣсь вообще очень благопріятная къ освобожденію и даже къ выкупу. Хотятъ порѣшить вопросъ окончательно. Думаютъ, что въ началѣ выкупъ будетъ необязателенъ, а facultatif. О финансовыхъ операціяхъ говорятъ очень много и на этотъ предметъ обращено здѣсь общее вниманіе“ („Матеріалы“, стр. 239).

[2]) „Сборникъ постановленій“, вып. III, стр. 25.

для составленія срочно-обязаннаго проекта выбрана была особая *докладная* комиссія въ составѣ гг. Воейкова, Отта, Черткова, Свиступова и члена отъ правительства Карышева, а *редакціонная* комиссія, въ составѣ Муромцева, Кашкина, князя Оболенскаго и Племянникова, продолжала заниматься составленіемъ выкупного проекта.

Независимо отъ этого, еще въ засѣданіи 27 февраля, была избрана особая *оцѣночная* комиссія изъ 6 членовъ для оцѣнки потерь помѣщиковъ и опредѣленія размѣра слѣдуемаго имъ вознагражденія. Сверхъ того работали еще нѣсколько комиссій: для составленія особыхъ правилъ для имѣній торговыхъ и мелкопомѣстныхъ, о дворовыхъ людяхъ, о повинностяхъ и объ образованіи сельскихъ обществъ. Три послѣднія комиссіи для ускоренія хода ихъ работъ были усилены каждая двумя членами.

Къ этому времени въ составѣ Комитета стали яснѣе выдѣляться большинство и меньшинство. Однако это не мѣшало еще членамъ меньшинства нести на себѣ главную работу въ комиссіяхъ [1]), такъ что по внѣшности можно еще было думать, что калужскій Комитетъ въ концѣ концовъ не расколется на большинство и меньшинство, а представитъ одинъ проектъ отъ имени всего Комитета.

Въ засѣданіи 27 февраля былъ обсужденъ и принятъ размѣръ полевого и усадебнаго надѣла согласно докладу члена Комитета Муромцева—2 дес. 300 саж. на душу или 5 дес. 750 саж. на тягло, считая въ тяглѣ $2^1/_2$ души; въ томъ числѣ $4^1/_2$ десятины пахотной земли, $^1/_2$ десятины луга и 750 саж. усадебной земли. Размѣръ этотъ былъ вычисленъ довольно скупо. Такъ изъ данныхъ докладчика видно, что въ дѣйствительности крестьяне владѣли въ издѣльныхъ даже хозяйствахъ нерѣдко 6 дес. на тягло, а иногда и больше, причемъ, правда, рѣдко засѣвали болѣе 2-хъ десятинъ озимымъ хлѣбомъ, но яровыми часто засѣвали и болѣе этого количества. При этомъ г. Муром-

[1]) Въ *редакціонной* комиссіи въ это время работали исключительно члены будущаго меньшинства, въ *оцѣночной* комиссіи главнымъ работникомъ явился членъ меньшинства А. А. Муромцевъ, выкупной проектъ отъ имени *финансовой* комиссіи выработанъ былъ почти единолично П. Н. Свиступовымъ, который вошелъ и въ составъ *докладной* комиссіи; въ комиссіи объ образованіи сельскихъ обществъ на подмогу работавшимъ въ ней членамъ избранъ былъ Муромцевъ же, въ комиссію *о повинностяхъ*—Племянниковъ и только въ комиссіи *о дворовыхъ людяхъ* главнымъ докладчикомъ явился Потуловъ. Изъ остальныхъ членовъ работали въ комиссіяхъ болѣе другихъ: Шаблыкинъ, Шуковскій (умѣренные либералы), Чертковъ и Оттъ (противники реформы).

цевъ вычислилъ, что для пропитанія крестьянъ $4\frac{1}{2}$-десятинный надѣлъ пахотной земли дастъ достаточно (въ обрѣзъ) при среднемъ урожаѣ ржи самъ 4 и съ тѣмъ, чтобы въ осенніе и зимніе мѣсяцы двое членовъ изъ состава семьи непремѣнно уходили на заработки. При этомъ всѣ прочія потребности крестьянъ остались безъ учета, бюджеты ихъ не были изслѣдованы. Количество же сѣнокосовъ, по $\frac{1}{2}$ дес. на тягло, ничѣмъ подтверждено не было и основывалось развѣ на томъ подразумѣваемомъ соображеніи, что при недостаточности покосныхъ угодій помѣщики болѣе этого количества дать не могли безъ стѣсненія своихъ собственныхъ хозяйствъ [1]. Единственны[й] членъ Комитета, которому этотъ надѣлъ представлялся сомнительнымъ и который полагалъ, что крестьянамъ слѣдуетъ оставить ранѣе существовавшій надѣлъ—былъ князь Оболенскі[й]. Надѣлъ, проектированный Муромцевымъ, принятъ былъ 15 голосами противъ 9, причемъ всѣ либералы подали голоса за проектъ Муромцева, „въ меньшинствѣ подписались“, какъ принято бы[ло] выражаться въ губернскихъ комитетахъ, кромѣ Оболенска[го] лица, нежелавшія вообще надѣленія крестьянъ землею.

Недостаточность этого надѣла [2]) явствуетъ изъ сравненія с[ъ]

---

[1]) Луга въ калужской губерніи составляли, какъ мы видѣли (см. главу I) менѣе $^{1}/_{5}$ части пространства, занятаго пашнею (по даннымъ губернскаго статистическаго Комитета, пашни въ губерніи было 1.544.907 дес., а луговъ всего 287.714. Ср. Памятн. книжку на 1862—63 гг., стр. 182). По мнѣнію же департамента сельск. хозяйства, приведенному у Тенгоборскаго, „трехпольная система хозяйства можетъ существовать безъ истощенія почвы только тамъ, гдѣ на каждую десятину пахотной земли приходится по крайней мѣрѣ одна десятина луговъ, приносящая 150 пудовъ сѣна хорошаго качества“ (тамъ же стр. 185). Такимъ образомъ калужскій Комитетъ предполагалъ отвести крестьянамъ въ 9 разъ меньше луговъ, нежели требовалось по этому разсчету и въ два раза менѣе той пропорціи, какая была вообще въ калужской губ. между лугами и пахотными землями. Въ другой своей запискѣ (по вопросу объ оцѣнкѣ надѣла) самъ Муромцевъ говоритъ, что крестьянамъ придется для поддержанія хозяйства арендовать по 1 десятинѣ луга на тягло сверхъ отведеннаго въ надѣлъ. По вопросу о надѣлѣ лугами въ Редакц. Ком. ср. докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 3, составленный кн. В. А. Черкасскимъ (Семеновъ „Освобожденіе Крестьянъ“, т. I, стр. 394 и слѣд.). О правѣ помѣщиковъ на отрѣзку крестьянъ нѣкоторыхъ угодій и о замѣнѣ однихъ угодій другими (тамъ же т. I, 461—Докладъ объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ земель, составленный тоже кн. В. А. Черкасскимъ; особенно см. стр. 468).

[2]) Баронъ А. Ф. Штакельбергъ въ письмѣ къ В. М. Жемчужникову, уже нами цитированномъ, нападалъ особенно на недостаточность лугового надѣла: „Ты говоришь, писалъ онъ, что умы крестьянъ въ напряженномъ состояніи, что видно между прочимъ изъ того, что они не удобряютъ полей своихъ. Вы

съ надѣломъ, предположеннымъ тверскимъ Комитетомъ (въ 4 дес. на душу), находившимся въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ съ калужскимъ. Даже въ тульской губерніи, почти сплошь черноземной и густонаселенной, гдѣ земля цѣнилась особенно дорого и была гораздо плодороднѣе калужской, члены меньшинства проектировали тотъ же двухдесятинный надѣлъ, но кн. Черкасскій призналъ его для крестьянъ недостаточнымъ и требовалъ $2^1/_2$ дес. на душу [1]). Впослѣдствіи редакціонныя комиссіи приняли для калужской губерніи, какъ высшій надѣлъ—$3^1/_4$ дес., а для нѣкоторыхъ уѣздовъ—4.

По вопросу о надѣлѣ губернаторъ В. А. Арцимовичъ позволилъ себѣ въ первый разъ нѣкоторое вмѣшательство въ дѣла Комитета. Не навязывая ему своего мнѣнія, онъ однакоже предложилъ Комитету уяснить и удостовѣрить статистическими данными состоявшіяся положенія Комитета о надѣлѣ крестьянъ землею, а именно: 1) привести въ извѣстность, какимъ именно количествомъ земли пользуются крестьяне въ разныхъ мѣстностяхъ калужской губерніи въ настоящее время; 2) есть ли необходимость уменьшать существующій надѣлъ и въ какой мѣрѣ возможно такое уменьшеніе при дѣйствительномъ улучшеніи быта крестьянъ [2]); 3) въ какой степени возможенъ и справед-

надѣляете крестьянъ 5-ю десятинами на тягло, въ томъ числѣ $^1/_2$ дес. луга; спрашивается, чѣмъ крестьяне будутъ удобрять поля свои по приведеніи въ исполненіе вашего положенія? Какое количество скота можно содержать на $^1/_2$ десятинѣ луга безъ выгона? Сообщи пожалуйста! Если неунавоживаніе крестьянскихъ полей есть дурной признакъ состоянія ихъ умовъ, то бойтесь его послѣ выкупа"... Этотъ приговоръ, произнесенный изъ Петербурга безъ знанія мѣстныхъ условій, быть можетъ, былъ слишкомъ суровъ, такъ какъ достаточныхъ луговыхъ надѣловъ неоткуда было и взять; но все же проектированный надѣлъ былъ несомнѣнно черезчуръ малъ даже и для скудной лугами калужской губ., особенно въ виду отсутствія выгоновъ.

[1]) „Матеріалы" для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", стр. 285, 298. 20 февраля 1859 г. кн. Черкасскій писалъ Аксакову: „считаю въ глубинѣ души, что двухдесятинный надѣлъ слишкомъ малъ"...

[2]) Въ какой мѣрѣ основательны были выраженныя губернаторомъ опасенія, видно изъ слѣдующаго сообщенія, сдѣланнаго кн. А. В. Оболенскимъ въ томъ же засѣданіи Комитета, когда разсматривался докладъ Муромцева о надѣлѣ. „На дняхъ я имѣлъ случай говорить съ своими крестьянами и когда я объявилъ имъ, что Комитетомъ предполагается надѣлить ихъ по двѣ десятины на душу,— они же въ настоящее время владѣютъ по 2 десятины въ полѣ на тягло—то они пришли къ такому убѣжденію, что при уменьшеніи ихъ теперешняго надѣла имъ придется передѣлать свои поля и прирѣзывать ихъ къ одному мѣсту, а это повлечетъ за собою необходимость переселить цѣлую деревню на новыя мѣста. Представляя себѣ подобныя затрудненія, они естественно пришли къ

ливъ будетъ обязательный и однообразный по всей губерніи надѣлъ крестьянъ землею и не встрѣтятся ли мѣстности, гдѣ предоставленіе крестьянамъ безплодной земли не представитъ для нихъ никакой выгоды и, наконецъ, 4) не слѣдуетъ ли для общей пользы и въ видахъ сохраненія общаго благочинія и спокойствія, *хотя временно*, впредь до окончательнаго отмежеванія земель крестьянамъ, въ пользованіи ихъ оставить существующій надѣлъ и на какихъ основаніяхъ.

Въ другой бумагѣ отъ того же числа губернаторъ просилъ Комитетъ обратить вниманіе на средства крестьянъ къ поддержанію скотоводства и опредѣлить количество сѣнокосной и выгонной земли, которымъ должны быть надѣлены крестьяне [1]).

На эти предложенія губернатора Комитетъ отвѣчалъ лишь передъ самымъ своимъ закрытіемъ—4 и 5 іюля 1859 г. (№№ 89 и 90). Онъ представилъ слѣдующую мотивировку своихъ постановленій:

„1) Точное опредѣленіе количества земли, какимъ пользуются въ настоящее время крестьяне, невозможно, по недоставленію многими помѣщиками требуемыхъ свѣдѣній. Изъ тѣхъ же свѣдѣній, которыя въ Комитетъ доставлены, оказывается, что помѣщичьи крестьяне нынѣ пользуются на каждую ревизскую душу м. п. приблизительно слѣдующимъ количествомъ удобной земли:

такому заключенію, что бытъ ихъ непремѣнно ухудшится при введеніи новаго положенія".

„Говорить о такомъ частномъ случаѣ—продолжалъ кн. Оболенскій—я позволяю себѣ это съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ необходимо обращаться къ крестьянамъ для рѣшенія существенныхъ вопросовъ, касающихся ихъ будущаго благосостоянія, столь тѣсно связаннаго съ нашимъ собственнымъ благосостояніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ трудно намъ, взявъ во вниманіе подобный случай, рѣшиться на одинъ общій надѣлъ. Вращаясь въ одной нашей сферѣ и не прислушиваясь къ голосу нашихъ крестьянъ, мы можемъ придти къ тому, что при всей благонамѣренности нашей мы не улучшимъ ихъ быта и подвергнемъ себя справедливому нареканію" (къ журналу 26 февраля).

А. А. Муромцевъ, въ запискѣ своей по вопросу объ оцѣнкѣ надѣловъ, даетъ свѣдѣнія объ оброчныхъ имѣніяхъ своего (медынскаго) уѣзда, причемъ оказывается, что въ 6 имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне платили всего по 15 руб. оброка съ тягла, они имѣли по 6 дес. пашни, по $2\frac{1}{3}$ дес. луга и по 924 саж. усад. земли на тягло; въ 9-ти же другихъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне платили 20—23 руб. оброка съ тягла, они имѣли на каждое тягло въ среднемъ по $7\frac{1}{3}$ дес. пашни, по $1\frac{1}{3}$ дес. луга и по $722\frac{1}{2}$ саж. усадебн. земли. Всѣмъ этимъ крестьянамъ при надѣлѣ ихъ по нормѣ, предположенной Комитетомъ, очевидно грозило значительное ухудшеніе ихъ быта.

[1]) Журналъ Комитета 31 марта 1859 г.

По калужскому уѣзду	$2^3/_5$	десят.
„ перемышльскому	$2^1/_2$	„
„ медынскому	$2^1/_4$	„
„ боровскому	$2^1/_3$	„
„ малоярославецкому	$2^1/_4$	„
„ тарускому	$2^3/_4$	„
„ мосальскому	$2^1/_2$	„
„ жиздринскому	$2^1/_2$	„
„ лихвинскому	$2^1/_4$	„
„ козельскому	$2^1/_4$	„

Средній выводъ по губерніи до $2^1/_4$ десятинъ (?), въ томъ числѣ усадебной на тягло до 750 саж. [1]).

2) Повинности помѣщикамъ нигдѣ почти не соразмѣрены съ количествомъ и качествомъ земли, которымъ крестьяне пользуются; въ особенности это замѣтно въ оброчныхъ имѣніяхъ отсутствующихъ помѣщиковъ; тамъ крестьяне пользуются иногда всею помѣщичьею землею, значительную часть которой не обрабатываютъ по недостатку къ этому средствъ; оброки же, ими платимые, не составляютъ и половины обыкновеннаго оброка другихъ крестьянъ, надѣленныхъ гораздо меньшимъ количествомъ земли. Подобный распорядокъ, очевидно, не можетъ быть сдѣланъ навсегда обязательнымъ для помѣщиковъ.

3) Приведеніе въ точную извѣстность и правильная оцѣнка угодій, которыми нынѣ пользуются крестьяне по каждому имѣнію, равно и надѣлъ крестьянъ угодьями по разрядамъ имѣній (какъ предлагалъ одинъ изъ членовъ Комитета—Воейковъ) возможны только при подробномъ кадастрѣ, но таковая мѣра отдалила бы предлагаемую реформу на неопредѣленное время.

4) Поступающая въ надѣлъ крестьянамъ земля, пріобрѣтаемая ими въ собственность посредствомъ выкупа, на основаніи правилъ,

---

[1]) О степени достовѣрности этихъ свѣдѣній А. П. Ламанскій (секретарь губ. присут., человѣкъ весьма компетентный) писалъ:

„Желая изслѣдовать распредѣленіе хозяйственныхъ угодій не только общимъ числомъ въ уѣздахъ, но и въ разныхъ ихъ мѣстностяхъ, я думалъ воспользоваться тѣми статистическими сводами, которые были приготовлены для бывшаго Комитета по крестьянскому вопросу. Внимательный ихъ разборъ показалъ, что эти своды только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ сколько-нибудь вѣрны; большая же часть свѣдѣній, доставленныхъ гг. помѣщиками, составлены ими только по приблизительнымъ разсчетамъ, далеко не точны и часто гадательны, въ чемъ я могъ удостовѣриться, кромѣ собственнаго внимательнаго ихъ разбора, и отзывами многихъ гг. землевладѣльцевъ“. (Памятн. книж. на 1862—63 гг., стр. 187).

Комитетомъ на сей предметъ составленныхъ, должна быть отмежевана къ однимъ мѣстамъ; при нынѣшнемъ же надѣлѣ крестьянъ въ большей части имѣній было бы невозможно это исполнить, ибо крестьяне пользуются помѣщичьими землями въ разныхъ урочищахъ.

5) Главный предметъ цѣнности калужскихъ населенныхъ имѣній состоитъ не въ полевой землѣ, но въ промысловыхъ выгодахъ и въ рабочей силѣ, т.-е. въ правѣ помѣщиковъ на трудъ крестьянъ; при самой умѣренной оцѣнкѣ одной только отходящей отъ помѣщиковъ рабочей силы, сумма слѣдуемаго имъ вознагражденія далеко превышала бы средства крестьянъ къ уплатѣ выкупа; земля же, особенно запольная, въ здѣшнемъ краѣ, безъ рабочей силы, имѣетъ самую маловажную цѣнность.

6) Если тягло будетъ надѣлено по $1^1/_2$ десят. въ каждомъ клину подъ посѣвъ хлѣба, что̀ составитъ въ трехъ поляхъ $4^1/_2$ десят., и, сверхъ усадебной земли, по $^1/_2$ десят. покоса, то надѣлъ этотъ, соотвѣтствуя дѣйствительной потребности крестьянъ, будетъ весьма близко подходить къ настоящему надѣлу, какимъ они нынѣ пользуются.

7) Разрѣшить безобидно настоящій вопросъ можетъ только *обязательный* выкупъ уступаемой помѣщиками въ пользу крестьянъ собственности, посредствомъ финансовой гарантированной правительствомъ мѣры; *добровольный* же выкупъ никогда не могъ бы осуществиться; и при этомъ многіе крестьяне довольствовались бы только личною свободою и увеличивали бы собою число пролетаріевъ.

8) Для сохраненія помѣщичьяго хозяйства отъ совершеннаго разстройства должно быть опредѣлено единовременное и совокупное удовлетвореніе за все, отъ нихъ отчуждаемое; иначе, съ уступкою въ пользу освобождаемыхъ крестьянъ всего, чѣмъ доселѣ обусловливалась доходность помѣщичьихъ имѣній, т.-е. рабочей силы и лучшихъ земель изъ средины дачъ, помѣщики остались бы безъ средствъ къ уплатѣ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ и къ устройству своего новаго экономическаго быта".

„Относительно же надѣла покосною землею Комитетъ руководствовался слѣдующими соображеніями:

1) Что помѣщичьи имѣнія калужской губерніи, за весьма немногими исключеніями, не богаты покосомъ, и потому помѣщики не могутъ безъ оскудѣнія и даже разстройства собственнаго хозяйства отдѣлить крестьянамъ болѣе назначеннаго Комитетомъ количества покосной земли, $^1/_2$ десятины на тягло.

2) Что скудные и разбросанные по оврагамъ и лѣсамъ по-

косы, которыми нынѣ крестьяне пользуются въ наибольшей части помѣщичьихъ имѣній, невозможно было бы отмежевать къ однимъ мѣстамъ; на первое время крестьяне могутъ брать отъ помѣщиковъ и неудобные къ отмежеванію лѣсные покосы исполу; такого рода соглашенія, выгодныя для обѣихъ сторонъ, совершаются безъ малѣйшихъ затрудненій.

3) Что если до сего времени помѣщичьи крестьяне мало занимались развитіемъ земледѣлія и луговодства, отзываясь недосугомъ, то по освобожденіи ихъ, когда препятствіе это существовать не будетъ, крестьяне должны будутъ ввести у себя травосѣяніе, которое доставитъ имъ возможность держать скотъ нѣкоторое время весною и лѣтомъ во дворѣ, какъ это дѣлаютъ во всѣхъ улучшенныхъ хозяйствахъ".

Въ заключеніе слѣдовали ссылки на устройство крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ и въ Пруссіи.

Изложенныя соображенія признавались правильными не только большинствомъ, но и меньшинствомъ Комитета, за исключеніемъ лишь князя Оболенскаго, мнѣніе котораго мы привели выше.

Разномысліе между большинствомъ и меньшинствомъ Комитета обнаружилось въ другомъ существенномъ вопросѣ—объ оцѣнкѣ отходившихъ отъ помѣщиковъ угодій и выгодъ. Хотя всѣ члены Комитета согласились, повидимому, въ принципахъ оцѣнки, но когда дошло до дѣла, то это согласіе оказалось непрочнымъ. Руководствуясь прежними постановленіями Комитета, оцѣночная комиссія для опредѣленія размѣра выкупа приступила прежде всего къ опредѣленію средней доходности отходящей отъ помѣщиковъ части населенныхъ имѣній. При этомъ главное затрудненіе состояло въ томъ, что при крѣпостномъ правѣ было очень трудно опредѣлить денежную стоимость рабочей силы. Поэтому комиссіи пришлось исходить изъ опредѣленія валового дохода съ имѣнія и нормальнаго распредѣленія его между помѣщиками и крестьянами. Большинство приняло испольный разсчетъ, существовавшій въ вологодской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ калужской, *преимущественно на подворныхъ земляхъ*. Въ этихъ случаяхъ крестьяне-съемщики нанимали у владѣльца землю съ тѣмъ, что сами они вывозили удобреніе съ хозяйскаго двора, обработывали, снимали хлѣбъ и, раздѣливъ его пополамъ (при общихъ сѣменахъ), перевозили часть владѣльца въ его гумно. Меньшинство членовъ комиссіи—въ лицѣ Муромцева и Племянникова—отвергли этотъ способъ въ виду того, что онъ прилагается къ землямъ, удобреннымъ на счетъ владѣльца, имъ же предстояло опредѣлить доходность

съ земли, удобренной крестьянами. Поэтому они предпочли взять за основаніе способъ распредѣленія дохода, практикуемый въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Въ этихъ имѣніяхъ полный доходъ съ земли дѣлился между удѣломъ и крестьянами-съемщиками на 5 частей, изъ которыхъ одна пятая предоставлялась крестьянамъ, какъ процентъ съ капитала, употребленнаго на обзаведеніе хозяйствъ, покупку скота и уплату повинностей, составлявшихъ лично ихъ расходъ; $^2/_5$ предоставлялись имъ же, какъ плата за трудъ; остальныя $^2/_5$ составляли поземельный сборъ или окладъ съ крестьянъ за землю, т.-е. чистый доходъ владѣльца удѣла.

Признавая этотъ разсчетъ правильнымъ, члены меньшинства оцѣночной комиссіи приняли его въ основаніе оцѣнки доходности помѣщичьихъ имѣній, капитализируя не половину, а лишь $^2/_5$ валового дохода (за выключеніемъ сѣмянъ) изъ $8^0/_0$. Капитализація изъ $8^0/_0$ была принята соотвѣтственно среднему доходу на затраченный капиталъ, получаемому съ калужскихъ имѣній.

При такой разницѣ въ исходныхъ основаніяхъ оцѣнки между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ оцѣночной комиссіи, первые вывели стоимость выкупаемыхъ надѣловъ въ 150 руб. на ревизскую душу, а вторые въ 120 руб.

Крѣпостники признавали и оцѣнку большинства для помѣщиковъ разорительной и представляли свою въ 175 руб., въ 200 руб. и даже въ 350 рублей на ревизскую душу, причемъ Потуловъ предлагалъ взять съ крестьянъ за землю, а съ правительства „за потерю рабочей силы“ и выводилъ общую цифру вознагражденія для крупныхъ имѣній (болѣе 600 душъ) въ 200 руб. на душу, а для болѣе мелкихъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше размѣръ имѣнія, доводя его для имѣній мелкопомѣстныхъ до 300 руб. на душу.

Между тѣмъ, въ особомъ подробно мотивированномъ мнѣніи гг. Муромцевъ и Племянниковъ представили Комитету детальный анализъ потребностей и доходовъ крестьянской семьи при надѣлѣ въ 2 десят. 300 сажен. на душу и доказывали, что крестьянамъ платить выкупной платежъ въ 22 руб. 50 к. съ тягла, выведенный большинствомъ оцѣночной комиссіи, будетъ не по силамъ. Съ другой стороны, они привели данныя о получавшемся въ дѣйствительности помѣщиками оброкѣ въ чисто-оброчныхъ имѣніяхъ, причемъ оказалось, что помѣщики довольствовались оброкомъ въ 22 руб. 50 коп. со всего имѣнія, а не съ той только части, которая имѣетъ быть отдана крестьянамъ.

Кн. Оболенскій, поддерживая Муромцева и Племянникова, указалъ, что и продажная цѣна имѣній въ калужской губ. приближается къ 120 руб. на душу. Онъ сказалъ, что онъ самъ оцѣниваетъ свое имѣніе по 120 руб. за душу и что по этой цѣнѣ ему еще недавно предлагали купить большое имѣніе у богатаго помѣщика, вовсе не вынужденнаго продавать свое имѣніе. Наконецъ, вице-президентъ Комитета С. Я. Унковскій, самъ исчислявшій стоимость уступаемаго крестьянамъ надѣла и потерь помѣщиковъ въ 155 руб. на душу, убѣдившись изъ данныхъ, приведенныхъ Муромцевымъ, что платить соотвѣтствующій выкупной платежъ для крестьянъ будетъ непосильно, предлагалъ сдѣлать нѣкоторую скидку съ суммы, вычисленной большинствомъ оцѣночной комиссіи. Одинъ изъ членовъ Комитета предложилъ принять оцѣнку большинства, въ виду того, что уплата выкупныхъ платежей при этой оцѣнкѣ при скудныхъ урожаяхъ была бы затруднительна для крестьянъ, возложить на крестьянъ лишь уплату 120 руб. изъ полутораста, а остальные 30 руб. на душу просить принять на счетъ правительства. Членъ отъ правительства Карышевъ и Н. С. Кашкинъ полагали, что трудно принять одну общую цифру оцѣнки для всей калужской губерніи. Предсѣдатель Щукинъ, открывая пренія по этому предмету, присоединился къ большинству оцѣночной комиссіи и пытался склонить присоединиться къ ней и остальныхъ членовъ Комитета, утверждая, что только при единодушномъ рѣшеніи по этому вопросу возможно составить и представить правительству выкупной проектъ и что, въ случаѣ разногласія, проектъ этотъ не можетъ имѣть успѣха и придется тогда слѣдовать безъ всякихъ отступленій программѣ, предложенной правительствомъ. Противъ Муромцева, какъ автора отдѣльнаго мнѣнія меньшинства, выражены были упреки и намеки личнаго свойства, такъ что князь Оболенскій, а съ нимъ еще 6 членовъ Комитета торжественно выразили свое сочувствіе почтенному труду г. Муромцева.

Споры по этому вопросу были прерваны полученнымъ изъ Петербурга разрѣшеніемъ составить два проекта—срочно-обязанный и выкупной и закончились баллотировкой лишь въ засѣданіи 6 мая, причемъ оцѣнка большинства оцѣночной комиссіи была принята большинствомъ 17 голосовъ противъ 6; въ меньшинствѣ оказались, кромѣ пяти членовъ либеральной группы, представитель крайнихъ крѣпостническихъ тенденцій Потуловъ, который находилъ оцѣнку большинства все же невыгодною для помѣщиковъ и особенно возставалъ противъ капитализаціи вычисленнаго большинствомъ дохода изъ 8%, такъ

какъ помѣщики при этомъ условіи, получивъ въ вознагражденіе своихъ потерь пятипроцентныя облигаціи, утратятъ безвозмездно изъ получавшихся ранѣе 8% дохода (съ покупной цѣны имѣній) по 3%. При этомъ онъ забывалъ, что помѣщику остается другая половина его земель и усадьба.

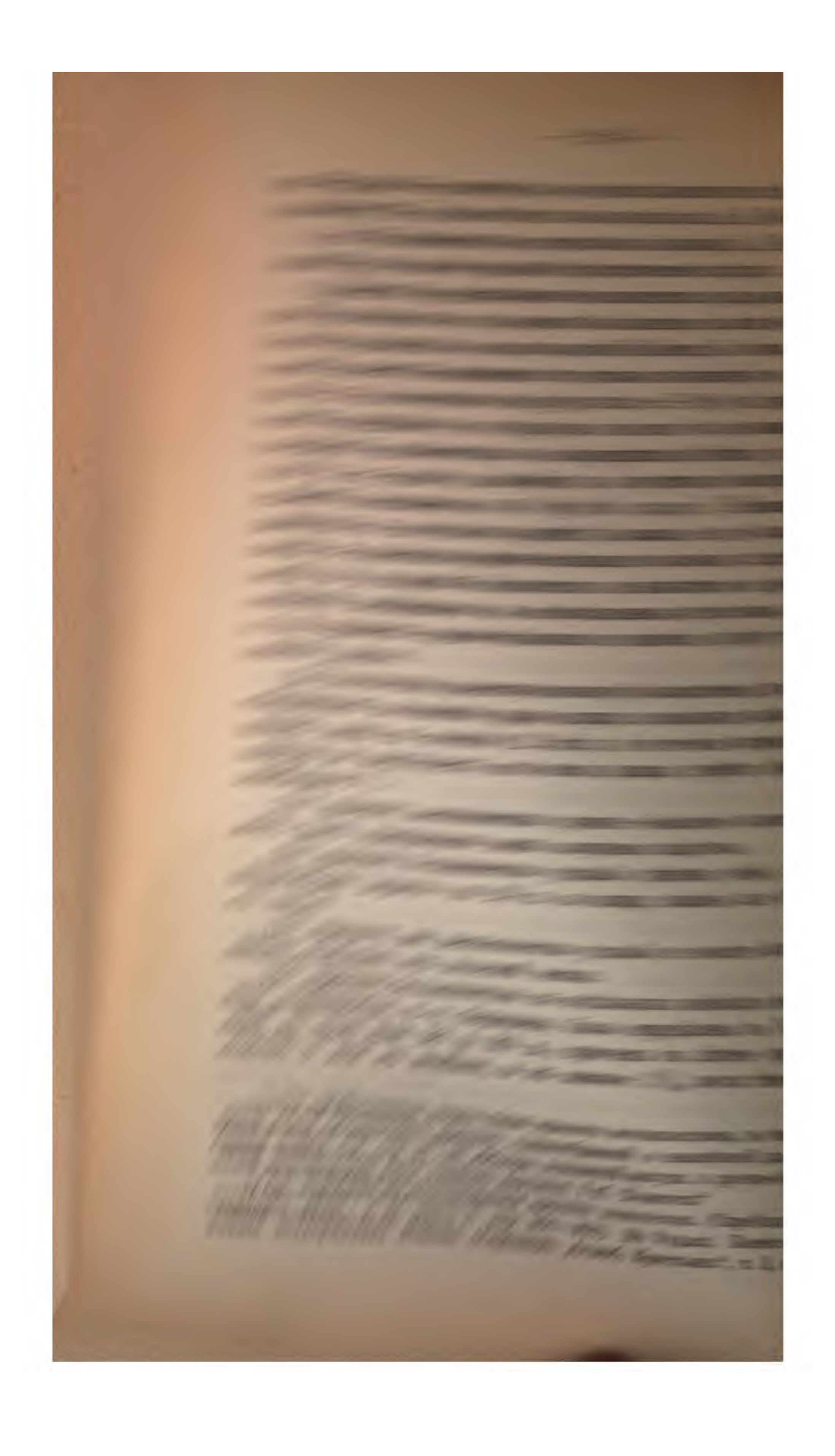
Цифра вознагражденія, предложенная меньшинствомъ—120 р. съ ревиз. души, — также была баллотирована и отвергнута большинствомъ 19 голосовъ противъ 4: Муромцева, Племянникова, Кашкина и Свистунова.

Князь Оболенскій заявилъ, что онъ не соглашается ни на одну изъ этихъ цифръ и полагаетъ, что должно быть указано двѣ цифры, высшая и низшая.

Редакціонная комиссія, состоявшая исключительно изъ членовъ меньшинства, оказалась послѣ этого вотума въ странномъ положеніи: ей было предложено, вопреки мнѣнію всѣхъ ея членовъ, принять при составленіи выкупного положенія за основаніе оцѣнку, принятую большинствомъ Комитета. Несмотря на неудобство своего положенія, члены ея продолжали однакоже до конца исполнять принятыя на себя обязанности по составленію выкупного проекта отъ имени большинства Комитета.

Послѣ полученія разрѣшенія на составленіе выкупного проекта, независимо отъ срочно-обязаннаго, работы Комитета пошли „на почтовыхъ". Въ каждое засѣданіе, начиная съ конца марта, докладная комиссія представляла по цѣлому ряду статей соотвѣтственно главамъ Высочайше утвержденной программы, и статьи эти принимались почти безъ преній, каждый разъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Многія изъ нихъ принимались и членами меньшинства. Къ началу мая сдѣлалось однакоже очевиднымъ, что въ срокъ оба проекта, срочно-обязанный и выкупной, окончены быть не могутъ, и потому Комитетъ ходатайствовалъ объ отсрочкѣ конца засѣданій на мѣсяцъ, на что и получилъ разрѣшеніе. Съ середины мая стали поступать на баллотировку главы выкупного положенія, составленныя редакціонной комиссіей по совѣщанію съ докладной.

Въ главѣ о личныхъ правахъ крестьянъ право освобождаемыхъ крестьянъ послѣ выкупа не подлежать наказанію иначе, какъ по суду, прошло лишь 11 голосами противъ 9, также и право по окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи быть избавленными отъ рекрутской повинности; право же поступать въ учебныя заведенія и на службу военную и гражданскую, оставаясь членами обществъ — отвергнуто большинствомъ 11 противъ 9. Въ первыхъ двухъ случаяхъ Щукинъ бал-

разрѣшалось, когда нужно, брать у крестьянъ и 4 дня въ недѣлю въ лѣтнее время и 3 дня въ зимнее—съ зачетомъ за будущее время.

По проекту меньшинства барщина отмѣнялась вовсе и замѣнялась и при срочно-обязанномъ положеніи оброкомъ, установленнымъ по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщикомъ, но не свыше 6% съ оцѣночной суммы (т.-е. со 120 р. съ души). При этомъ крестьянамъ предоставлялось установить добровольно еще $^1/_2$-процентный сборъ съ той же суммы для составленія запаснаго капитала взамѣнъ круговой поруки. Сборъ этотъ долженъ былъ прекращаться, когда сумма его достигала годовой цифры оброчнаго платежа и по уменьшеніи (въ случаѣ уплаты изъ него недоимокъ) вновь возобновляться до достиженія вышеозначеннаго размѣра.

По проекту большинства при срочно-обязанномъ положеніи, хотя дворовые и объявлялись лично свободными, но фактически на нихъ оставались всѣ почти тѣ же обязанности, что и при крѣпостномъ правѣ. По выкупному проекту за освобожденіе дворовыхъ проектировалось вознагражденіе помѣщику въ размѣрѣ за мужчину до 14 лѣтъ — 50 руб., до 21 года — 75 руб., съ 21 до 60 лѣтъ—100 руб., за женщинъ-одиночекъ въ половинномъ размѣрѣ. Между прочимъ введенъ въ срочно-обязанное положеніе § 177, въ которомъ сказано:

„По приведеніи въ исполненіе настоящаго положенія, дворовые люди, по жалобѣ помѣщика сданные въ рекруты, поступаютъ въ зачетъ того общества, при которомъ они числятся, и квитанція за сданнаго двороваго поступаетъ въ пользу того же общества. Въ этомъ случаѣ общество, принимая на свой счетъ всѣ расходы, немедленно вноситъ помѣщику за поступившаго изъ дворовыхъ людей рекрута по 150 руб. серебр. (!)“.

По проекту меньшинства дворовые получали полную свободу безплатно и тотчасъ же по утвержденіи положенія проектировался съ нихъ лишь нѣкоторый сборъ (по опредѣленію правительства) въ помощь тѣмъ обществамъ, къ которымъ они будутъ приписаны на содержаніе и призрѣніе ихъ сиротъ, больныхъ и проч.

Понимая, насколько такое рѣшеніе относительно освобожденія дворовыхъ можетъ тяжело отразиться на благосостояніи тѣхъ помѣщиковъ, въ имѣніяхъ которыхъ число дворовыхъ составляетъ болѣе 10% всѣхъ ихъ крѣпостныхъ людей и гдѣ дворовые эти обучены попеченіями помѣщиковъ разнымъ ремесламъ и мастерствамъ, меньшинство калужскаго Комитета постановило лишь

обратить вниманіе правительства на затруднительное положеніе такихъ помѣщиковъ.

По проекту большинства и при выкупномъ и тѣмъ болѣе при срочно-обязанномъ положеніи удерживалась за помѣщиками значительная часть вотчинныхъ правъ и вотчинной юрисдикціи по отношенію къ освобождаемымъ крестьянамъ, причемъ къ этому было присоединено чрезвычайно слабо продуманное и мотивированное устройство уѣзднаго управленія и суда. По проекту большинства запрещались крестьянамъ всякіе жалобы или доносы на прежнихъ помѣщиковъ по всѣмъ дѣламъ, бывшимъ до учрежденія въ имѣніи срочно-обязаннаго положенія; нарушители сего запрещенія подвергались по проекту наказанію по 1033 ст. т. IX св. зак.

По проекту меньшинства всякія вотчинныя права и вся вотчинная юрисдикція помѣщиковъ уничтожались, взамѣнъ чего вводилось продуманное общинное устройство освобожденныхъ крестьянъ и судъ стариковъ на началахъ близкихъ къ тѣмъ, которыя были положены въ основу Положенія 19 февраля 1861 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, меньшинство высказалось противъ учрежденія волостей и ходатайствовало въ своей объяснительной запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для освобождаемыхъ крестьянъ, ссылаясь при этомъ и на мнѣніе самого народа.

Независимо отъ проектовъ выкупного и срочно-обязаннаго положенія, меньшинство Комитета проектировало особыя губернскія и уѣздныя учрежденія, составленныя изъ выборныхъ представителей сословій для завѣдыванія мѣстными хозяйственными дѣлами и указало на необходимость реформы рекрутской повинности и всѣхъ натуральныхъ повинностей, а равно и другихъ преобразованій.

„Искреннее желаніе принести посильную пользу — писали члены меньшинства въ своемъ обзорѣ — заставляетъ насъ указать здѣсь на нѣкоторыя мѣры, потребность которыхъ становится съ каждымъ днемъ болѣе ощутительною:

1) Уничтоженіе различныхъ вѣдомствъ управленія крестьянами и образованіе изъ нихъ одного сельскаго сословія.

2) Введеніе гласнаго и публичнаго судопроизводства, съ примѣненіемъ къ нему адвокатуры и суда присяжныхъ.

3) Отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ и уничтоженіе чиновъ въ гражданской службѣ.

4) Распространеніе грамотности и первоначальнаго образованія.

5) Улучшеніе путей сообщенія не однимъ только проложе-

ніемъ желѣзныхъ дорогъ, но и устройствомъ шоссе и улучшеніемъ дорогъ между губернскими и уѣздными городами.

6) Отмѣна откупной монополіи и мѣръ, стѣсняющихъ свободу торговли.

Россія готова для принятія этихъ существенно-полезныхъ преобразованій: общественное мнѣніе будетъ ихъ привѣтствовать съ восторгомъ, какъ залогъ развитія силы и величія нашего отечества" [1]).

Какъ большинство, такъ и меньшинство Комитета предъявили ходатайства о введеніи обязательнаго страхованія скота и крестьянскихъ строеній.

Комитетъ закончилъ свои занятія какъ разъ къ концу положеннаго ему срока (съ мѣсячной отсрочкой) и 6 іюля—ровно черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія—былъ закрытъ губернаторомъ. Къ этому времени уже началась та глухая вражда дворянъ противъ Виктора Антоновича, о которой мы говорили въ 3-ей главѣ этого изслѣдованія; но оффиціально отношенія поддерживались еще удовлетворительныя и передъ отъѣздомъ В. А. въ Петербургъ, куда онъ былъ вызванъ министромъ, Губернскій Комитетъ обратился къ нему съ слѣдующимъ адресомъ:

„Отъѣздъ вашъ передъ окончаніемъ занятій Комитета налагаетъ на насъ пріятную обязанность выразить вамъ нашу искреннюю благодарность за прямыя и благородныя дѣйствія и возвышенную чистоту намѣреній вашихъ во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ нашимъ трудамъ.

„Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы изъявить вамъ наше глубокое уваженіе и полное сочувствіе, и позволяемъ себѣ при этомъ высказать надежду, что отсутствіе ваше будетъ кратковременно и не послужитъ препятствіемъ къ дальнѣйшему участію вашему въ нашемъ дѣлѣ".

Викторъ Антоновичъ уѣхалъ въ Петербургъ по настоятельному вызову министра, подкрѣпленному и частными письмами Я. А. Соловьева, чтобы принять участіе въ комиссіи по преобразованію губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Участіе въ трудахъ этой и нѣсколькихъ другихъ комиссій надолго оторвало его отъ непосредственнаго управленія губерніей, но къ закрытію Комитета онъ пріѣхалъ въ Калугу на нѣсколько дней.

При закрытіи губернаторъ сказалъ членамъ Комитета привѣтственную рѣчь, въ которой указалъ на заслугу калужскаго

---

[1]) „Обзоръ основаній выкупного и срочно-обязаннаго положеній меньшинства пяти членовъ калужскаго Губернскаго Комитета", стр. 59.

Комитета, добившагося разрѣшенія для себя и для 16 друг
комитетовъ составить выкупной проектъ, поздравилъ съ усп
нымъ окончаніемъ занятій и засвидѣтельствовалъ руководив
Комитетомъ стремленіе къ справедливому соглашенію по
двухъ сословій. Послѣ него произнесъ довольно странную р
губернскій предводитель дворянства Ѳ. С. Щукинъ, въ кото
сказалось его раздраженіе противъ членовъ меньшинства.

„Благородное стремленіе ваше, сказалъ онъ, обращаясь
членамъ Комитета, исполнить свято и добросовѣстно дов
Августѣйшаго Монарха нашего и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе
братій нашихъ, дворянъ калужской губерніи, вполнѣ опра
лось дѣйствіями вашими.

„На мнѣ, какъ на представителѣ доблестнаго сословія,
житъ непремѣнная обязанность принести вамъ, милостивые
судари, справедливую дань искренней признательности за в
усиленные труды для разъясненія столь многосложнаго и
труднительнаго вопроса улучшить бытъ нашихъ крестьянъ
вмѣстѣ съ тѣмъ не принести въ жертву самихъ себя неос
трительнымъ и одностороннимъ взглядамъ. Такова была в
Государя Императора, такъ и насъ руководила совѣсть. Нем
гіе изъ среды насъ не во всемъ сошлись съ общимъ наш
убѣжденіемъ, но этимъ не отнимается у нихъ высокое досто
ство истиннаго христіанина въ томъ смыслѣ, что собственно
себя отказываться отъ правъ своихъ въ пользу ближняг
уступать безвозмездно неимущему свое достояніе есть подв
высшей добродѣтели. Но въ настоящемъ вопросѣ подобное б
корыстіе едва ли найдетъ много добровольныхъ подражател
въ томъ соображеніи, что, не обсудивъ строго дѣлаемыя н
уступки, мы подвергаемся укоризненной отвѣтственности, к
передъ настоящими нашими собратіями, такъ и грядущимъ
шимъ потомствомъ".

На эти слова отвѣтилъ тутъ же П. Н. Свистуновъ:

„Прошу дозволенія—сказалъ онъ—отъ имени меньшинс
Комитета сказать нѣсколько словъ въ присутствіи преосвящ
наго владыки, общаго нашего архипастыря, въ той надеж
что они встрѣтятъ въ немъ сочувствіе.

„Признаютъ похвальнымъ съ нашей стороны, что въ изс
дованіи заданнаго намъ вопроса мы руководствовались чувств
христіанской любви къ ближнему, но обвиняютъ въ томъ, ч
увлекаясь этимъ чувствомъ, мы потеряли изъ виду довѣрен
намъ интересы дворянства и пожертвовали ими, не имѣя
то права.

„Мы считаемъ долгомъ передъ лицомъ дворянства оправдать себя противъ такого незаслуженнаго обвиненія; мы вполнѣ убѣждены, что чувство любви христіанской, безъ которой никакое благое и великое дѣло не совершается, ни въ какомъ случаѣ не можетъ завлечь въ забвеніе долга и нарушеніе справедливости. Нѣтъ, мы добросовѣстно соблюдали дворянскіе интересы, и если разошлись съ большинствомъ въ средствахъ къ огражденію ихъ, оно объясняется тѣмъ, что мы различно понимаемъ, въ чемъ они существенно заключаются. Время и опытъ жизни укажутъ, которое изъ двухъ воззрѣній было основательнѣе и, можетъ быть, оправдается нашъ взглядъ на обсуждаемый вопросъ.

„Въ полномъ убѣжденіи, что чувство христіанской любви есть самый вѣрный путеводитель, мы не только вполнѣ ему предались, но старались провести святую христіанскую правду въ предпринятый нами трудъ и тѣмъ, по возможности, способствовать къ осуществленію его на дѣлѣ.

„Не сомнѣваясь въ успѣхѣ, при такомъ неизмѣнномъ руководителѣ, мы скажемъ словами святого псалмопѣвца: „на тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣкъ".

Рѣчь эта вызвала бурю. Члены Комитета криками выражали свое негодованіе, а губернскій предводитель, сидѣвшій возлѣ губернатора за обѣденнымъ столомъ, вскочилъ и закричалъ Свистунову: „каторжникъ!"

„Видя это замѣшательство,—разсказываетъ Викторъ Антоновичъ въ собственноручной замѣткѣ, сохранившейся въ его архивѣ,—я схватилъ Щукина за колѣно, удержалъ его на мѣстѣ и, провозгласивъ тостъ примирительный, потребовалъ, чтобы музыка сыграла тушъ.

„Этимъ скандалъ пріостановился, я уѣхалъ, но послѣ обѣда Свистунова окружили и повторили упреки, крики и угрозы.

„Сцена была отвратительная. Свистуновъ, какъ человѣкъ исполненный добродушія и смиренія, выдержалъ натискъ своихъ товарищей—и все это происшествіе окончилось безъ огласки и правительственнаго вмѣшательства".

Такой безобразной сценой закончилась дѣятельность калужскаго Губернскаго Комитета. Эта сцена была только прелюдіей къ позднѣйшимъ, перешедшимъ всякую мѣру и всякій тактъ, выходкамъ озлобленныхъ и взбѣшенныхъ представителей калужскаго дворянства [1]).

[1]) Совершенно аналогичныя сцены произошли, какъ извѣстно, въ Тулѣ

Губернаторъ представилъ проекты, выработанные большинствомъ и меньшинствомъ, со своимъ заключеніемъ, редактированнымъ въ очень объективномъ тонѣ. Указавъ, въ чемъ заключатся разница между проектами большинства и меньшинства и отмѣтивъ, что „вообще по всѣмъ предметамъ, возбудившимъ разномысліе въ Комитетѣ, постановленія меньшинства льготнѣе для крестьянъ, чѣмъ постановленія большинства", Викторъ Антоновичъ высказалъ одинъ общій упрекъ и тому и другому за то, что ими оставлено было слишкомъ мало простора личной дѣятельности каждаго отдѣльнаго члена общества.

„Такъ — пишетъ онъ — положеніями калужскаго Комитета допускается на все время выкупа (§ 47 выкупн. проекта большинства и § 53—меньшинства) исключительно одинъ видъ собственности—*общественный*, и каждому отдѣльному члену общества не предоставлено права пріобрѣсти поземельный участокъ въ полную личную или потомственную собственность". Ему кажется чрезвычайно несправедливымъ постановленіе Комитета, что семейство, желающее выйти изъ общества, должно внести всю числящуюся за нимъ выкупную сумму, а землю, включая и усадьбу, принести въ даръ обществу. „Очевидно, говоритъ онъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ выходящія изъ общества лица и семейства платятъ не за землю, а за свободу, ибо земля поступаетъ въ собственность общества. Другими словами, оба проекта допускаютъ въ этомъ случаѣ выкупъ личности. Всѣ эти стѣсненія, дополняемыя еще въ проектѣ большинства круговою порукою, приняты Комитетомъ изъ убѣжденія, что иначе была бы несостоятельна предлагаемая ими финансовая мѣра. Это убѣжденіе, продолжаетъ В. А., происходитъ отъ особаго взгляда на государственное хозяйство. Именно въ §§ выкупныхъ положеній большинства и меньшинства проведена мысль, будто правительство, принявъ на себя обезпеченіе помѣщикамъ исправнаго платежа выкупныхъ процентовъ, должно будетъ платить эти проценты тѣми же самыми деньгами, которыя получитъ съ крестьянъ извѣстной мѣстности и что поэтому оно необходимо должно удержать крестьянъ на мѣстахъ ихъ поселенія, даже если бы сами крестьяне находили болѣе выгоднымъ обратиться къ другимъ промысламъ или переселиться въ лучшія мѣстности. Между тѣмъ, при соблюденіи главнаго условія вы-

---

съ княземъ Черкасскимъ, съ Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Самарѣ и съ Кошелевымъ въ Рязани. Ср. Иванюкова „Паденіе крѣпостного права", стр. 170.

„Матеріалы для біографіи князя В. А. Черкасскаго", passim.

купа, т.-е. соразмѣрности выкупной суммы съ цѣною выкупаемаго участка, правительство, принявъ на себя ручательство за уплату выкупа, очевидно возьметъ въ обезпеченіе платежа не людей, а выкупаемыя земли и, слѣдовательно, не будетъ имѣть нужды держать крестьянъ крѣпкими къ извѣстной мѣстности. Нѣтъ сомнѣнія, что при правильной оцѣнкѣ ручательство не опасно, и для уплаты выкупного долга, конечно, желательнѣе было бы не только не прикрѣплять *къ обществу и землѣ* тѣхъ самыхъ крестьянъ, кои освобождаются отъ прикрѣпленія *къ землѣ и помѣщику*, но даже и избѣжать увеличенія крестьянскаго налога всей суммой процентовъ съ опредѣляемой выкупной суммы".

„Существенный вопросъ, отъ котораго зависитъ самая возможность освобожденія крестьянъ съ землею посредствомъ выкупа, писалъ далѣе В. А., есть, конечно, справедливая оцѣнка отходящихъ къ крестьянамъ угодій. Хотя цифры меньшинства умѣреннѣе требованій большинства, но и онѣ необходимо подлежатъ строгой провѣркѣ, такъ какъ самыя основанія оцѣнки могутъ быть признаны не болѣе, какъ гадательными".

Относительно размѣра надѣловъ губернаторъ писалъ:

„Большинство и меньшинство Комитета опредѣляютъ одинаково однообразный надѣлъ крестьянъ землею въ 2 дес. 300 кв. саж. на душу, включая въ это количество усадьбу и выгонъ... Съ своей стороны, я остаюсь при убѣжденіи, что, за исключеніемъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ крестьяне пользовались всею землею, не только полезно, но едва ли не необходимо предоставить въ пользованіе крестьянъ *на срочно-обязанное время*, по возможности, то количество земли, какимъ они владѣютъ въ настоящее время, *ибо уменьшеніе надѣла во многихъ мѣстностяхъ не будетъ сочтено крестьянами за улучшеніе быта*".

Представителями калужскаго дворянскаго Комитета въ редакціонныхъ комиссіяхъ въ Петербургѣ явились: отъ большинства — Д. А. Чертковъ, отъ меньшинства — кн. А. В. Оболенскій.

Кн. Оболенскій ревностно отстаивалъ въ своихъ замѣчаніяхъ на труды редакціонныхъ комиссій тѣ же принципы, сторонникомъ которыхъ онъ являлся и въ проектахъ меньшинства калужскаго Комитета.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія кн. Обол
скаго на труды редакціонныхъ комиссій по административн
отдѣлу. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя выписки [1]).

I. „Будущее устройство сельской волостной администраці
писалъ князь Оболенскій—вполнѣ зависитъ отъ того, на ос
ваніи какого права крестьяне будутъ владѣть отводимыми
землями:

а) „Если владѣніе это будетъ основано на правѣ „полі
ванія" хотя бы „безсрочнаго", то благая мысль редакціонн
комиссій о введеніи самоуправленія въ крестьянскихъ обществ
положительно неосуществима. Помѣщики (какъ упоминается
главѣ VIII администрат. отдѣла) сохранятъ въ отношеніи къ се
скимъ обществамъ „права имущественныя", вслѣдствіе которь
и „личныя" права ихъ получатъ на дѣлѣ, безъ сомнѣнія,
раздо большее значеніе въ отношеніи къ поселеннымъ „на
землѣ" крестьянамъ, чѣмъ предполагается въ этой главѣ.—
роятно, предвидя это, редакціонныя комиссіи и стремились
совершенному отдѣленію крестьянъ отъ помѣщиковъ, подчин
тѣхъ и другихъ двумъ разнымъ управленіямъ: первыхъ—се
скому и волостному „сословнымъ" управленіямъ, и вторыхъ „
щему" управленію, которое уже потому не общее, что кресть
имѣютъ другое свое „частное" управленіе; такое исключеніе к
стьянъ изъ общаго управленія или же помѣщиковъ изъ сост
сельскихъ и волостныхъ обществъ — при сохраненіи землев
дѣльцами имущественныхъ правъ относительно пользующи
ихъ землями крестьянъ — нисколько не устраняя излишн
вмѣшательства помѣщиковъ въ дѣла крестьянъ, придаетъ е
этому вмѣшательству характеръ сословный, враждебный, хар
теръ насильственнаго вторженія въ дѣла другого сословія.

б) „Если же освобожденные крестьяне получатъ земли
собственность посредствомъ обязательнаго выкупа (ибо друг
средства не предвидится), то взаимныя отношенія между н
и помѣщиками значительно упростятся и не представится
повода, ни причины учреждать особыя управленія для кажд
изъ этихъ двухъ сословій. Какъ помѣщики, такъ и кресть
вошли бы въ составъ тѣхъ же волостныхъ обществъ *землев
дѣльцевъ*, въ которыхъ каждый изъ нихъ получилъ бы значен
соотвѣтственное своему состоянію, своему образованію и сво
нравственнымъ качествамъ. Тогда могли бы существовать тол

[1]) Скребицкій „Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II", т
стр. 816—819.

частныя личныя столкновенія между дворянами и крестьянами по наймамъ, договорамъ и пр., т.-е. по такимъ дѣламъ, которыя неизбѣжны въ крестьянской жизни, а не сословныя столкновенія, возбуждаемыя и поощряемыя подвѣдомственностью различныхъ сословій различнымъ управленіямъ.

II. „Предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность и допущеніе, вслѣдствіе того, дворянъ-землевладѣльцевъ въ составъ волостныхъ обществъ, отвратило бы также въ значительной мѣрѣ вѣроятность того факта или явленія, что освобожденные крестьяне, будучи избавлены отъ крѣпостной помѣщичьей власти, подпадутъ подъ „чиновничью“ помѣщичью власть, ибо едва ли, особенно на первое время, оффиціальные органы не явятся пристрастными защитниками помѣщичьихъ интересовъ.

III. „Точно такъ же отвратилась бы вѣроятность, выставленная на видъ многими депутатами, что дворянское сословіе потеряетъ, вслѣдствіе предстоящаго преобразованія, свое „значеніе“.

— Вполнѣ соглашаясь въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ члена тверского Комитета А. М. Унковскаго и признавая, что волостное общество должно состоять изъ всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія сословій, князь Оболенскій полагалъ, что въ этомъ именно и заключается основаніе для будущаго правственнаго значенія дворянъ-землевладѣльцевъ.

Само собой разумѣется, что „въ волость должны входить и крестьяне, принадлежащіе нынѣ другимъ вѣдомствамъ, на которыхъ также должна быть распространена реформа, вводимая для помѣщичьихъ крестьянъ. Одни и тѣ же помѣстные интересы дадутъ возможность дворянству, какъ образованному сословію, получить благодѣтельное вліяніе на всѣ нужды края. Дворянство преобразуется на новыхъ началахъ, получитъ уваженіе и любовь народа и встанетъ на такую точку нравственной силы, что будетъ имѣть вліяніе на всѣ дѣла, представляя изъ себя консервативный элементъ, необходимый для развитія государственныхъ силъ.

„Учрежденіе волостныхъ попечителей изъ дворянъ-помѣщиковъ никогда не доставитъ имъ этой силы, да и вообще подобное учрежденіе невозможно, потому что для него потребовалось бы такое количество помѣстныхъ дворянъ, какого въ дѣйствительности не имѣется. Во всякомъ случаѣ, дворянство, изъ чувства самосохраненія, а еще болѣе изъ чувства гражданскаго долга, обязано добровольно отказаться отъ сословныхъ своихъ преимуществъ и привилегій, во имя разумныхъ основаній граж-

данственности, въ пользу начала равенства всѣхъ передъ закономъ.

„Съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса разрѣшается и будущая участь дворянства. Оно должно или погибнуть, или преобразоваться на новыхъ началахъ.

„Устройство администраціи сельскихъ обществъ играетъ въ этомъ вопросѣ огромное значеніе. Ежели дворянство обратится въ чиновничество и приметъ на себя обязанность волостныхъ попечителей, оно неминуемо потеряетъ всякое значеніе; если же оно сольется съ народомъ и будетъ связано съ нимъ общностью интересовъ, то оно получитъ весьма значительное помѣстное вліяніе. Вообще, говоря о значеніи дворянства, можно сказать, что если съ освобожденіемъ крестьянъ имъ будетъ дано такое устройство, которое ихъ удовлетворитъ и отъ котораго имъ сдѣлается свободнѣе и легче жить, то дворяне вполнѣ вознаградятся за всѣ ихъ пожертвованія; они сдѣлаются просвѣщенными и уважаемыми представителями народа; въ противномъ случаѣ на нихъ падетъ, во мнѣніи народа, вся отвѣтственность за дурной порядокъ вещей.

IV. „Итакъ, на основаніи всего предшествующаго кн. Оболенскій просилъ правительство, чтобы крестьянамъ было дано *возможно полное самоуправленіе* безъ вмѣшательства и участія въ немъ чиновничества, безъ противопоставленія элементовъ двухъ сословій, дворянскаго и крестьянскаго, черезъ подчиненіе ихъ разнымъ управленіямъ, и безъ всякой регламентаціи, стѣсняющей и убивающей въ зародышѣ всѣ здоровые ростки народной жизни".

— Перечитывая теперь эти мнѣнія кн. А. В. Оболенскаго, нельзя не удивляться, какъ свѣжи они и для нашего времени и какъ много въ нихъ и для насъ поучительнаго.

Д. А. Чертковъ явился въ редакціонныхъ комиссіяхъ не столько защитникомъ и истолкователемъ проектовъ большинства калужскаго Комитета, сколько представителемъ своихъ собственныхъ крѣпостническихъ и аристократическихъ взглядовъ [1]).

---

[1]) 36 членовъ-экспертовъ 2-го приглашенія — къ которымъ принадлежалъ и *Д. А. Чертковъ*—заявили въ редакціонныхъ комиссіяхъ желаніе присвоить помѣщику начальническую власть надъ сельскимъ обществомъ. Это желаніе сопровождалось заявленнымъ ими же неоднократно требованіемъ сохраненія за помѣщиками неограниченныхъ правъ на весь крестьянскій надѣлъ, съ личнымъ, т.-е. *безземельнымъ* освобожденіемъ крестьянъ.

Редакціонныя комиссіи въ своемъ отвѣтѣ на эти возраженія указали между прочимъ на то, что многіе изъ этихъ членовъ своими сужденіями стали

ГЛАВА V.

Отъѣздъ В. А. Арцимовича въ Петербургъ и работа въ петербургскихъ комиссіяхъ. „Главныя начала" реформы полиціи, опубликованныя въ 1858 г. Критика Арцимовича и другихъ губернаторовъ. Переработка „главныхъ началъ" подъ вліяніемъ этой критики и утвержденныя въ 1859 г. новыя „главныя начала". Образованіе комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Назначеніе въ ея составъ Арцимовича и вызовъ его въ Петербургъ. Отношеніе къ нему министерства. Пребываніе В. А. Арцимовича въ Петербургѣ въ 1859 и 1860 годахъ и участіе въ другихъ комиссіяхъ.

Дворянскіе выборы въ калужской губерніи въ 1860 г. Агитація крѣпостниковъ. Неутвержденіе выбранныхъ предводителей. Поведеніе губернскаго предводителя Щукина и начало враждебныхъ дѣйствій его противъ губернатора.

Еще 16 мая 1858 г. министерство внутреннихъ дѣлъ разослало губернаторамъ выработанныя въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу „предположенія объ устройствѣ: 1) уѣзднаго управленія и полиціи и 2) учрежденій для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами".

Въ основу этихъ предположеній положены были тѣ же опа-

въ противорѣчіе съ проектами положеній тѣхъ губернскихъ комитетовъ, отъ которыхъ они присланы.

„Такъ большинство калужскаго Комитета предоставило самимъ крестьянскимъ обществамъ выборъ себѣ попечителя изъ мѣстныхъ дворянъ, а меньшинство изъяснило, что, поставивъ главнымъ основаніемъ труда своего прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, оно „естественно должно было устранить помѣщиковъ отъ вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія и благоустройства сельскихъ обществъ" (Скребицкій, т. I, стр. 822—826).

„Тотъ же г. Чертковъ находилъ, что право на выкупъ усадебъ не можетъ простираться за предѣлы правительствомъ назначенные для переходнаго состоянія, т.-е. ни въ какомъ случаѣ не долѣе 12 лѣтъ. Онъ же, ссылаясь на рескриптъ, находилъ, что требуемый выкупъ крестьянской усадебной осѣдлости не долженъ быть для помѣщика обязателенъ иначе, какъ при уплатѣ сполна всей по оцѣнкѣ требуемой суммы за всю безъ исключенія предоставляемую крестьянамъ усадебную землю, состоящую въ окружной чертѣ селенія.

„Боясь, чтобы крестьяне въ калужской губерніи, гдѣ развиты промыслы въ ущербъ земледѣлію, выкупивъ усадьбы, не отказались отъ полевой земли, которая можетъ оказаться для помѣщика бездоходною, онъ требовалъ, чтобы помѣщики могли связывать съ выкупомъ усадебъ выкупъ и полевой земли, по правиламъ, опредѣленнымъ калужскимъ Комитетомъ (Скребицкій, т. II, ч. II, стр. 1443, 1444).

„Вмѣстѣ съ 19 членами второго приглашенія тотъ же г. Чертковъ склонялся въ пользу отобранія у недоимщиковъ данныхъ имъ участковъ между прочимъ въ тѣхъ видахъ, что „для существованія фермерства необходимо и существованіе батраковъ" (Скребицкій, т. III, стр. 582—583).

данственности, въ пользу начала равенства вс
номъ.

„Съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопрос
будущая участь дворянства. Оно должно ил
преобразоваться на новыхъ началахъ.

„Устройство администраціи сельскихъ общ
этомъ вопросѣ огромное значеніе. Ежели двор
въ чиновничество и приметъ на себя обязан
попечителей, оно неминуемо потеряетъ всяко
же оно сольется съ народомъ и будетъ связан
ностью интересовъ, то оно получитъ весьма
мѣстное вліяніе. Вообще, говоря о значеніи д
сказать, что если съ освобожденіемъ крестьян
такое устройство, которое ихъ удовлетворитъ
имъ сдѣлается свободнѣе и легче жить, то дв
наградятся за всѣ ихъ пожертвованія; они с
щенными и уважаемыми представителями народ
случаѣ на нихъ падетъ, во мнѣніи народа, вс
за дурной порядокъ вещей.

IV. „Итакъ, на основаніи всего предшест
ленскій просилъ правительство, чтобы кресть
возможно полное самоуправленіе безъ вмѣшат
въ немъ чиновничества, безъ противопостав
двухъ сословій, дворянскаго и крестьянскаго,
ніе ихъ разнымъ управленіямъ, и безъ всяко
стѣсняющей и убивающей въ зародышѣ всѣ здо
родной жизни".

— Перечитывая теперь эти мнѣнія кн. А
нельзя не удивляться, какъ свѣжи они и для
и какъ много въ нихъ и для насъ поучитель

Д. А. Чертковъ явился въ редакціонныхъ ком
защитникомъ и истолкователемъ проектовъ бол
скаго Комитета, сколько представителемъ сво
крѣпостническихъ и аристократическихъ взгля

---

[1]) 36 членовъ-экспертовъ 2-го приглашенія — къ кот
и *Д. А. Чертковъ* — заявили въ редакціонныхъ комиссіях
помѣщику начальническую власть надъ сельскимъ общ
сопровождалось заявленнымъ ими же неоднократно треб
за помѣщиками неограниченныхъ правъ на весь крес
личнымъ, т.-е. *безземельнымъ* освобожденіемъ крестьянъ.

Редакціонныя комиссіи въ своемъ отвѣтѣ на эти
между прочимъ на то, что многіе изъ этихъ членовъ сво

О преобразованіи полиціи было, конечно, тогда весьма своевременно подумать. Знаменитые „сто тысячъ даровыхъ полицеймейстеровъ“ съ отмѣной крѣпостного права прекращали свое существованіе. Составъ же и штаты уѣздной и городской полиціи требовали полнаго обновленія. Во главѣ уѣздной полиціи стоялъ тогда земскій исправникъ по выбору отъ дворянъ, получавшій жалованья 285 руб. 92 коп. въ годъ, помощникъ его, именовавшійся старшимъ непремѣннымъ засѣдателемъ, получалъ 257 руб. жалованья, а участковые засѣдатели или становые пристава получали и того меньше. Городничій или полицеймейстеръ въ уѣздныхъ городахъ получалъ такое же содержаніе, какъ земскій исправникъ, причемъ въ эти должности назначались, въ видахъ призрѣнія, раненые и неспособные къ строевой службѣ офицеры. Само собой разумѣется, что всѣ эти чиновники, какъ и подчиненные имъ низшіе служащіе, содержались исключительно незаконными поборами и взятками, на которые высшее начальство вынуждено было смотрѣть сквозь пальцы.

Желая кореннымъ образомъ преобразовать эту жалкую дореформенную полицію и сдѣлать изъ нея вдругъ внушительный и вліятельный органъ, который могъ бы предотвратить и подавить всякое волненіе и замѣшательство при введеніи крестьянской реформы, Главный Комитетъ полагалъ, что этой цѣли можно достигнуть, присвоивъ главѣ уѣздной полиціи V классъ по чинопроизводству [1]) и по шитью на мундирѣ, положивъ ему 2.000 руб. жалованья въ годъ и подчинивъ ему всю уѣздную администрацію и городскую полицію; причемъ должности и земскаго исправника (попрежнему по выбору отъ дворянъ), и городничаго оставлялись неприкосновенными. Поставленный во главѣ уѣздной полиціи, уѣздный начальникъ, по проекту Главнаго Комитета, долженъ былъ предсѣдательствовать и въ уѣздной расправѣ, которая должна была составлять 2-ю инстанцію по разбору различныхъ споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами. Въ первой инстанціи эти споры должны были разбирать мировые судьи, выборъ которыхъ предоставлялся мѣстнымъ дворянамъ-помѣщикамъ изъ своей среды; причемъ однако

нельзя болѣе приложимы слова кн. Дм. Оболенскаго о циркулярахъ, „которые Ланской подписываетъ и въ которыхъ онъ неповиненъ“, такъ какъ они исходятъ изъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу“.

[1]) Въ видѣ награды предполагалось производить уѣздныхъ начальниковъ черезъ 3 года службы въ чинъ статскаго совѣтника; если же онъ имѣлъ уже этотъ чинъ или чинъ полковника, то въ чинъ дѣйствит. статскаго совѣтника или представлять къ ордену внѣ правилъ.

сенія, которыя породили и про
временныхъ генералъ-губернато
жили съ какой настойчивост
Александръ II отстаивалъ это
него, редактированныхъ Арц
нистромъ внутреннихъ дѣлъ.
проектъ о преобразованіи уѣз
необходимость усиленія поли
кой степени, чтобы она бы
давлять и обуздывать предп
противленіе помѣщиковъ.

„По чрезвычайной важ
циркулярной препроводител
отъ состава и порядка д
зависѣть весь успѣхъ п
отношеній помѣщиковъ и
чество изволилъ признать
дѣлить главныя начала, на
уѣздное управленіе и уѣз
жденія для разбора недо
и крестьянами“. Эти мѣ
телями административной
тетѣ, поражали своею
и хотя Государь одобри
тета, но приказалъ п
работанныхъ имъ поло
ныхъ начальствъ [2]).

---

[1]) См. главу II; ср. также

[2]) Кн. Черкасскій писа
отъ 13 іюня 1858 г.): „Пиш
обществъ и уѣздной полиц
косвенный отвѣтъ нелѣпѣ
Имѣете вы о нихъ понят
губернатора. И то и друг
ческія, полутрагическія, с
стр. 109). Ю. Ф. Самари
вленный въ Петербургѣ,
дурной признакъ. Замѣт
ложеніе“ (тамъ же, стр.
рина“ 1899 г., кн. 2, ст
отзывъ Самарина о *вно*
но хотя г-жа Милютин
можно сказать, что он
пымъ проектамъ, о к

...ъ крестьянъ". Многія учрежденія созданы ...дка, нынѣ измѣняемаго, и поэтому уже не ...ують обновленія.

...едостаточное содержаніе чиновниковъ, из... ...ъ и возможности обремененіе полицейскихъ ... безполезною перепиской, смѣшеніе во мно... ...асти полицейской съ судебною, сознаваемое ...во судовъ и наконецъ измѣненіе отношеній ...рестьянъ прямо указываютъ на тѣ начала, ко... ... руководствоваться при преобразованіи уѣзд... ...а".

...отрѣніи же настоящаго проекта обнаруживается: ...жаніе уѣздныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ ста... ...правниковъ, не улучшается, только „надзирающее ...й начальникъ, обезпеченъ содержаніемъ и пользуется ...бными преимуществами, *а настоящіе дѣятели и* ...остаются въ нищетѣ и прежнемъ безсиліи".

...гдѣ не проявляется стремленія: *ни къ сокращенію ...занятій нашихъ полицейскихъ учрежденій, ни къ ...отъ нихъ судебной власти, ни къ введенію полиціи ...предѣлы*, чѣмъ пора было бы изъ учрежденія при... ...наго, раздражающаго и оскорбляющаго народную нрав... ...и достоинство, сдѣлать полицію благодѣтельною и ...ю къ охраненію общественнаго порядка".

...Дворянамъ оставляется выборъ земскихъ исправниковъ ...мѣнныхъ засѣдателей, которые всегда были пристраст... ...защитниками своихъ избирателей. Этимъ прямо нару... ...задача преобразованія уѣздной полиціи на началахъ, ...ствующихъ будущему устройству крестьянъ, которые ...ы получить права и преимущества, противоположныя во ...хъ отношеніяхъ укоренившимся понятіямъ и предразсуд... ...ъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ".

4. „Вмѣсто улучшенія существующихъ судовъ учреждаются ...ыя инстанціи, безъ всякаго соображенія, что и нынѣ очень ...рудительно пріискать способныхъ судей и засѣдателей и что ...благоразумно было бы помышлять о наложеніи новыхъ сбо... ...въ на помѣщиковъ и крестьянъ на содержаніе уѣздныхъ ...справъ и мировыхъ судей, изъ коихъ послѣдніе при опре... ...ленныхъ въ проектѣ обязанностяхъ едва ли возможны безъ ...жалованья и пособія на разъѣзды".

5. „При допущеніи непосредственнаго участія начальниковъ ...берній и уѣздныхъ начальниковъ въ разборѣ споровъ и недо...

самые выборы должны были производ
наго начальника, который могъ предс
чальству о неутвержденіи выбранныхъ
тельному поведенію". Должность миро
въ VIII классѣ, т.-е. на нѣсколько
уѣзднаго начальника.

Хотя уѣздный предводитель дворя
подчиненъ уѣздному начальнику и
уравненія, даже предположено было
классъ, однако въ проектѣ было подч
исполнять всѣ требованія уѣзднаго н
ченіе его несомнѣнно отодвигалось на

Уѣздная расправа должна была с
чальника и двухъ засѣдателей—одного
крестьянъ. Третьей инстанціей по раз
помѣщиками и крестьянами должна
расправа изъ губернскаго предводите
щаго палатой государственныхъ имущ
курора подъ предсѣдательствомъ губе

Этотъ проектъ былъ разосланъ
рамъ въ маѣ 1858 г., когда калужс
еще гр. Толстой, но Викторъ Антоно
Калугу, доставилъ отзывъ по этому
роны. Большинство губернаторовъ ко
на этотъ проектъ лишь отдѣльныхъ
изъ нихъ, въ томъ числѣ и предмѣс
высказались противъ соединенія въ
полицейскихъ и судебныхъ обязанно
губернаторъ (гр. Закревскій) возста
тета уѣздныхъ предводителей двор
мовича выдѣлялся среди остальныхъ
новки вопроса и категоричностью
ныхъ имъ взглядовъ.

„*Преобразованіе уѣзднаго уп*
отзывѣ Арцимовичъ—*не есть ср*
крестьянскаго дѣла", потому что
обѣихъ сторонъ, принесутъ по
исполнительныхъ органовъ, и вр
ошибочнаго рѣшенія крестьян
предотвратить никакое устройст
вленія есть „необходимый резу
присвоеніемъ правъ гражданств

председательствуемое имъ управленіе назвать управленіемъ уѣздной полиціи“.

2. „Должности земскаго исправника и городничаго упразднить, ибо первая не можетъ быть теперь предоставлена выбору дворянъ, а вторая представляется излишнею по несложности полицейскаго управленія въ большой части нашихъ уѣздныхъ городовъ“.

3. „Для содѣйствія уѣздному полицеймейстеру и для управленія полиціею во время его отсутствія въ уѣздъ назначить ему помощника“.

4. „Должность уѣзднаго полицеймейстера, по сравненію съ прочими въ уѣздѣ властями, причислить къ VII классу, а помощника его къ VIII“.

5. „Возвысить оклады всѣхъ безъ исключенія полицейскихъ чиновъ“.

6. „Въ уѣздную полицію избирать по одному засѣдателю отъ всѣхъ сословій: дворянскаго, городского и крестьянскаго“.

„*Сверхъ того необходимо отдѣлить отъ полиціи судебную власть.*

„Назначеніе начальниковъ уѣздныхъ полицій должно предоставить губернаторамъ, которые, опасаясь отвѣтственности, будутъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать осмотрительно. Полезно было бы въ помянутую должность переименовать бывшихъ или настоящихъ лучшихъ исправниковъ, знакомыхъ со свойствами, нравами и понятіями мѣстныхъ жителей“ [1]).

Заключеніе Виктора Антоновича своею продуманностью и убѣдительностью не могло не обратить на себя особаго вниманія министра внутреннихъ дѣлъ и его ближайшихъ сотрудниковъ, Милютина и Соловьева. „Главныя начала“ были подвергнуты новой коренной переработкѣ съ принятіемъ во вниманіе главнымъ образомъ тѣхъ замѣчаній, которыя сдѣланы были Арцимовичемъ, и въ этомъ переработанномъ видѣ одобрены Государемъ, а для подробной разработки проектовъ объ устройствѣ уѣздной полиціи и учрежденіяхъ для разбора споровъ и недоумѣній между помѣщиками и крестьянами Высочайше повелѣно образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссію изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и нѣсколькихъ наиболѣе опытныхъ губернаторовъ и чиновниковъ губернскаго и уѣзднаго упра-

---

[1]) „Сводъ отзывовъ начальниковъ губерній о главныхъ началахъ устройства уѣзднаго управленія и полиціи“, стр. 6—9.

умѣній между помѣщиками и крестья
тельство административныхъ властей
тается въ управленіи важнымъ недост

„Должность уѣзднаго начальника м
писалъ далѣе Викторъ Антоновичъ—
уѣздными властями, или для непосред
лиціею".

„Въ Сибири въ нѣкоторыхъ уѣзд
окружного начальника, которому ввѣ
уѣздными установленіями. Это высші
правомъ ревизовать дѣлопроизводство
о всѣхъ неустройствахъ доносить гу
предварительномъ обсужденіи дѣла въ
стоящемъ изъ начальниковъ всѣхъ о
показалъ, что учрежденіе въ Сибири
не улучшило уѣзднаго управленія. О
корыстолюбія, о подчиненіи своему вл
въ уѣздѣ и скоро этого достигаютъ,
о самостоятельномъ дѣйствіи между л
частными къ злоупотребленіямъ: *общ*
сохраненія связываютъ всѣхъ взяточн
ніе ихъ на управленіе".

„Въ тѣхъ округахъ Сибири, гдѣ
чальники, взяточничество усиливае
треннихъ губерніяхъ съ уѣздными
ихъ должности, соединеніе въ рук
зора, но исполнительной и судебн
употребителями всесильными". Гу
проникнуть въ мѣстныя злоупотре
обнаруживаются *при раздѣльномъ*
и слѣдствіе надъ лицомъ V клас
ему самому, или черезъ вице-губ
чувствующія свое достоинство,
баго самовластія уѣздныхъ нача
властей въ столицы".

„Если должность уѣзднаго н
средственнаго управленія полиці
ской полиціи будетъ чрезвычай
віяхъ":

1. „Для избѣжанія недора
названія уѣзднаго начальник
начальника уѣздной полиціи

ствіе ваше здѣсь можетъ еще имѣть хорошее вліяніе на разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу"...

Викторъ Антоновичъ отправился въ Петербургъ 29 мая и пробылъ тамъ до начала іюля; въ началѣ іюля онъ съѣздилъ лишь на нѣсколько дней въ Калугу и вернулся опять въ Петербургъ, гдѣ пробылъ безвыѣздно до конца октября 1859 г. Въ слѣдующемъ, 1860 г. онъ опять провелъ по вызову правительства значительную часть зимы, весну и осень въ Петербургѣ и вернулся въ Калугу лишь въ декабрѣ 1860 г. Кромѣ участія въ комиссіи объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ былъ въ сущности главнымъ руководителемъ работъ, онъ работалъ также въ комиссіи о паспортахъ и въ двухъ законодательныхъ комиссіяхъ при министерствѣ финансовъ: объ улучшеніи податной и пошлинной системы и о земскихъ банкахъ [1]). Результатовъ работы его въ этихъ комиссіяхъ въ архивѣ его не сохранилось и, какъ извѣстно, труды этихъ комиссій не получили въ ближайшемъ будущемъ практическаго осуществленія.

Участіе же Виктора Антоновича въ комиссіи объ уѣздныхъ учрежденіяхъ и особенно категорически высказанное имъ мнѣніе въ отзывѣ его на первоначально составленныя въ Главномъ Комитетѣ „основныя начала" уѣздной реформы не только во многомъ помогли дѣлу, но, можно сказать, быть можетъ, спасли правительство отъ крупнаго промаха. Значительная часть указаній Арцимовича была принята къ исполненію еще при составленіи „началъ", опубликованныхъ 2 марта 1859 года, а что не вошло тогда же въ законъ, могло бы и теперь еще послужить полезнымъ указаніемъ, въ какую сторону желательно было бы преобразовать нынѣшнія наши уѣздныя административныя учрежденія, потому что многія изъ нихъ грѣшатъ и теперь какъ разъ тѣми самыми недостатками, которые Арцимовичу были видны еще въ пятидесятыхъ годахъ.

Составленный въ комиссіи объ уѣздныхъ учрежденіяхъ проектъ положенія объ учрежденіяхъ для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами переданъ былъ впослѣдствіи въ редакціонныя комиссіи, гдѣ подвергся значи-

[1]) 27 іюля 1859 г. В. А. писалъ женѣ: „Несмотря на мои враждебныя отношенія съ министромъ финансовъ, я получилъ отъ него приглашеніе участвовать въ комиссіи, учрежденной для разныхъ новыхъ финансовыхъ предположеній. Хотя предметъ этотъ мало мнѣ извѣстенъ, но, посовѣтовавшись съ твоимъ отцомъ, я не рѣшился уклониться отъ этого предложенія, которое познакомитъ меня съ высшими правительственными соображеніями".

вленія [1]). Постояннымъ членомъ этой комиссіи был
и В. А. Арцимовичъ. Въ письмѣ отъ 2-го апрѣля
баронъ А. Ф. Штакельбергъ писалъ Виктору Анто
Ланской и Соловьевъ очень желаютъ участія Викто
вича въ трудахъ этой комиссіи и съ нетерпѣніемъ
окончаніе занятій калужскаго Комитета позволитъ
въ Петербургъ. Штакельбергъ отъ имени Соловье
Арцимовича изъявить въ особомъ письмѣ на им
свою готовность принять участіе въ работахъ этой ко
изъ Калуги, пока засѣданія Комитета не кончатся.

Въ письмѣ отъ 7 мая, когда назначеніе Ар
члены комиссіи уже состоялось, Штакельбергъ
щается къ этому вопросу:

„Вчера я говорилъ съ Соловьевымъ о вашемъ
Петербургъ. Онъ объяснилъ мнѣ въ краткихъ слов
вѣстное мнѣ затруднительное положеніе составленн
нистерствѣ комиссіи и заключилъ тѣмъ, что всѣ
васъ; надѣятся, что вы примете подъ свое руково
цію новыхъ законовъ... Поэтому Яковъ Александро
силъ меня передать вамъ, что вы оказали бы боль
дѣлу, если бы пріѣхали сюда еще въ теченіе мая,
на двѣ, для того, чтобы ознакомиться съ ходомъ дѣ
ствовать ему впослѣдствіи изъ Калуги, для того, что
чанію возложеннаго на комиссію труда вы могли
въ Петербургѣ. Занятія комиссіи должны быть
открытію засѣданій Государственнаго Совѣта въ авгу
если бы вы пріѣхали въ іюлѣ, вамъ удалось бы пр
малое участіе въ дѣлахъ ея. Сергѣй Степановичъ
всѣ надежды полагаетъ на васъ, потому что, несм
клады Соловьева, что изъ-за Комитета вы не може
Калуги, онъ настоялъ на томъ, чтобы написали к
чтобы вы пріѣхали, когда сами признаете возможны
оставить Калугу...

„Мое личное убѣжденіе, — прибавлялъ Штак
что дѣла полицейской комиссіи не получатъ надл
правленія до вашего пріѣзда. — Главная задача, въ
пени примѣнять каждое изъ Высочайше утвержденн
не можетъ быть удовлетворительно исполнена безъ
дѣйствія и руководства. Кромѣ этого, я полагаю,

[1]) Высочайшее повелѣніе 2 марта 1859 г. „Сборникъ пост
III, стр. 17.

списковъ и прежней общественной ихъ дѣятельности достаточно для этого вѣскія.

Объ этихъ своихъ распоряженіяхъ Викторъ Антоновичъ черезъ полтора года упоминалъ въ запискѣ, представленной имъ ревизующему сенатору Капгеру, въ числѣ такихъ своихъ дѣйствій, которыя особенно возстановили противъ него мѣстныхъ дворянъ.

Приведя характеристику забракованныхъ имъ лицъ изъ всеподданнѣйшаго своего отчета за 1860 годъ, онъ писалъ въ той запискѣ: „Одновременное опороченіе выбора двухъ предводителей и впослѣдствіи одного кандидата на эту должность было дѣломъ совершенно необыкновеннымъ въ лѣтописяхъ выборовъ дворянства калужской губерніи; но оно было вызвано такою настоятельною потребностью времени и было такъ справедливо и законно, что никто не рѣшился заявить мнѣ какой-либо протестъ ни во время собранія дворянъ, ни послѣ. Такая сильная и получившая всеобщую огласку мѣра не могла, однако, не уязвить глубоко самолюбіе приверженцевъ крѣпостного произвола, тѣмъ болѣе, что разоблаченіе черныхъ сторонъ неутвержденныхъ мною предводителей выставляло въ самомъ неблагопріятномъ видѣ всю сочувствующую имъ партію“ [1]). До времени крѣпостники затаили въ себѣ свое озлобленіе и ненависть, ожидая удобнаго момента, чтобы отомстить ненавистному для нихъ губернатору.

Послѣ выборовъ открыто измѣнилъ свое до сихъ поръ довольно корректное поведеніе и губернскій предводитель дворянства Ѳ. С. Щукинъ. На выборахъ онъ велъ себя еще настолько безупречно, что губернаторъ, принимая во вниманіе его заслуги въ Губернскомъ Комитетѣ, выхлопоталъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника [2]); но вскорѣ же послѣ этого онъ

---

[1]) Представленіе сенатору генералъ-лейтенанту Капгеру отъ 18 октября 1861 г., № 1941.

[2]) Въ архивѣ Арцимовича сохранилось любопытное письмо Щукина отъ 24 апрѣля 1860 года, которымъ онъ благодарилъ Виктора Антоновича за эту награду: „Первымъ долгомъ поставляю, писалъ онъ, принести вашему превосходительству мою искреннѣйшую благодарность за полученную мною высокую монаршую награду. Безъ сомнѣнія, это произошло содѣйствіемъ собственно вашего расположенія ко мнѣ. Подобная награда принесла мнѣ сугубое душевное удовольствіе тѣмъ, что безъ особаго моего старанія Государю угодно было сдѣлать мнѣ милость, дозволивъ носить военный мундиръ (онъ былъ отставной подполковникъ), съ которымъ я свыкся съ 13-лѣтняго возраста. Искреннѣйшее расположеніе в. пр. доказывается не менѣе и тѣмъ, что вы поспѣшили поздравить меня извѣщеніемъ о столь лестной для меня наградѣ. За всѣ подобныя доказательства вашего лестнаго ко мнѣ вниманія я остаюсь пе-

… повернулъ спину къ … губернатору и сталъ без-
… и потворствовать, вмѣстѣ съ вновь выбран-
… предводителями, всѣмъ „беззаконнымъ" требова-
… свойствамъ крѣпостной партіи", какъ писалъ
… упомянутой своей запискѣ Капгеру.
… настоящаго изслѣдованія мы изложили рядъ
… Арцимовичемъ, по злоупотребленіямъ по-
… въ то отношеніе полнаго равнодушія и потвор-
… было ко всѣмъ этимъ дѣламъ дворян-
… собраніемъ. и губернскимъ предводите-
… губернаторомъ … въ это время характеръ непріятный
… уже до того, что губернаторъ признаетъ
… оффиціально указать предводи-
… его требованій съ предоста-
… жалобу высшему правительству.
… отношеніе дворянскаго депутат-
… по злоупотребленію помѣщичьей
… губернаторомъ и во всеподданнѣйшемъ

… долгу искренней моей къ вамъ благо-
… однако, черезъ годъ писать на Арцимовича
… заведомой лжи.

Въ 1860 … скіе выборы … значеніе въ … торъ Антонови… постники, какъ … всѣ свои старанія … кандидатовъ. При … у нихъ не хватало … ныхъ, выставляли … упречно. Викторъ А… съ небывалою рѣзкос… въ трехъ уѣздахъ ли… кандидаты къ нимъ, … ставивъ о нихъ свѣд…

ГЛАВА VI.

… Ожиданіе воли помѣщиками и крестья… Мѣры, принятыя калужской админи… манифеста и указа. Чтеніе ст… уполномоченныхъ лицъ. Разочарован… статей положеній. Отн… къ Положенію 19 февр… С. И. Мальцев…

¹) Въ письмѣ отъ 27 іюля … женѣ:

„Передай твоему отцу (сен… колебать въ Милютинѣ и Соло… пользѣ составленнаго ими предпо… дей. Теперь пойду далѣе и обдума… вучее и прочное устройство учре… предѣльный произволъ помѣщичьей … хивѣ В. А. сохранилась записка о м… время.

²) Семеновъ „Освобожденіе кресть…

³) Ср., напр., описаніе дворянскихъ … ріалы для біографіи кн. В. А. Черкасск…

Свои занятія въ Петербургскихъ комиссіяхъ Викторъ Антоновичъ закончилъ лишь въ самомъ концѣ 1860 года. Онъ вернулся въ Калугу въ декабрѣ, какъ разъ почти ко времени введенія крестьянской реформы.

И крестьяне и помѣщики [1]) ждали ее съ возрастающимъ

[1]) Еще 24 іюля 1859 г. губ. предводитель Щукинъ писалъ В. А. „Касательно извѣстія о нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ, то не совсѣмъ утѣшительно для насъ, если пойдетъ въ долгій ящикъ. Лучше бы сначала тщательно ихъ обдумать, какъ и съ чего начать! А теперь на пути всякая остановка принесетъ не малый вредъ. Кажется, мое отношеніе къ г. министру въ прошломъ году на глупое промедленіе съ нашей стороны и торопливость правительства—нынѣ вполнѣ оправдывается: неопытную теорію трудно выполнить на практикѣ!..“

30-го августа онъ сообщалъ: „Касательно спокойствія въ губерніи въ отношеніи помѣщичьихъ имѣній, то послѣ отъѣзда вашего не поступило вновь никакихъ значительныхъ дѣлъ... Вообще должно отдать справедливость умѣренности и благоразумію помѣщиковъ нашей губерніи. Можно сказать, что уступки съ ихъ стороны слишкомъ великодушны. Мнѣ положительно извѣстно, что народъ крайне лѣниво и ослушно исполнялъ полевыя работы; доказательство тому, что поля крестьянскія почти во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ были убраны прежде господскихъ“... „Вразумить въ противномъ грубыхъ невѣждъ очень трудно и *горе если въ этомъ положеніи долго останутся дворянскія дѣла!*“... „Ваше превосходительство, язвительно заканчиваетъ онъ, давно не присылали мнѣ вѣсточки, что въ Питерѣ объ этомъ думаютъ. Неужели вы отвѣтите, что придумываютъ мало?!“

Отъ 6 сентября онъ писалъ уже въ болѣе тревожномъ тонѣ: „Теперь нахожу нужнымъ сообщить в. пр., что хотя въ губерніи особенныхъ проявленій нѣтъ касательно безпокойства во владѣльческихъ имѣніяхъ, но взамѣнъ этого страшитъ общее настроеніе духа нашихъ крестьянъ и если не оффиціально, то частнымъ образомъ я имѣлъ извѣстія отъ гг. предводителей на безпрерывныя неосновательныя жалобы крестьянъ на помѣщиковъ и отъ сихъ послѣднихъ, болѣе правильныя, на непослушаніе крестьянъ. Плохо, если застой объ этомъ вопросѣ будетъ продолжаемъ—всю бѣду возложатъ на дворянъ! Начатое дѣло не можетъ оставаться въ этомъ порядкѣ, иначе поколеблется въ основаніи существующій порядокъ въ государствѣ. Особенно огромныя цѣны на хлѣбъ и недостатокъ урожая, лишающій народъ возможности прокормиться безъ пособія владѣльца, много будетъ къ тому содѣйствовать. По обычному патріархальному порядку, помѣщикъ самъ голоденъ, но давалъ пособіе крестьянамъ; при теперешнемъ положеніи, что остается дѣлать? Или надо строго наблюдать, чтобы прежнія обязанности крестьянина въ отношеніи помѣщика неизмѣнно соблюдать, или оставить на произволъ судьбы и участь помѣщика и его крестьянъ! Какой же будетъ исходъ? Страшно и подумать!“

Далѣе Щукинъ проситъ В. А. похлопотать черезъ министра о скорѣйшемъ движеніи дѣла и о томъ, чтобы крестьянамъ было сообщено о результатахъ работъ дворянскихъ Комитетовъ.

На это письмо В. А. отвѣчалъ ему въ сентябрѣ же 1859 года:

„Содержаніе письма в. пр. и мысль объ объявленіи крестьянамъ о ходѣ

окончательно повернулъ спину къ губернатору и ст
застѣнчиво поблажать и потворствовать, вмѣстѣ съ вновь
ными уѣздными предводителями, всѣмъ „беззаконнымъ
ніямъ и порочнымъ свойствамъ крѣпостной партіи", какъ
Арцимовичъ въ упомянутой своей запискѣ Капгеру.

Въ 3-й главѣ настоящаго изслѣдованія мы изложил
дѣлъ, поднятыхъ Арцимовичемъ, по злоупотребленія
мѣщичьею властью и то отношеніе полнаго равнодушія
ства, которое проявлено было ко всѣмъ этимъ дѣламъ
скимъ депутатскимъ собраніемъ.

Переписка между губернаторомъ и губернскимъ пре
лемъ дворянства принимаетъ въ это время характеръ неп
и желчный и доходитъ уже до того, что губернаторъ пр
себя, наконецъ, вынужденнымъ оффиціально указать п
телю дворянства на неумѣстность его требованій съ п
вленіемъ ему принести жалобу высшему правительству.

Пассивное и пристрастное отношеніе дворянскаго
скаго собранія къ дѣламъ по злоупотребленію пом
властью было отмѣчено губернаторомъ и во всеподданн
отчетѣ его за 1860 годъ.

редъ в. пр. во всегдашнемъ сердечномъ долгу искренней моей къ ва
дарности". Это не помѣшало ему, однако, черезъ годъ писать на Ар
доносы, исполненные клеветы и завѣдомой лжи.

ГЛАВА VI.

Возвращеніе Арцимовича въ Калугу. Ожиданіе воли помѣщиками и
нами. Приготовленія къ объявленію воли. Мѣры, принятыя калужской
страціей по объявленію воли. Объявленіе манифеста и указа. Чте
тей положеній крестьянамъ. Отчеты командированныхъ лицъ. Разо
крестьянъ. Успокоительное дѣйствіе на нихъ чтенія статей положені
шеніе крестьянъ разныхъ категорій и помѣщиковъ къ Положенію 19
Спокойствіе крестьянъ. Недовольство крѣпостниковъ. С. И. Мальц
значеніе въ калужской и орловской губерніяхъ и его оппозиція рефо
мышленный имъ бунтъ и произвольныя мѣры, принятыя имъ къ ег
щенію. Дѣйствія Арцимовича, направляемыя къ обузданію Мальцева.
поднятая послѣднимъ. Перемѣна настроенія въ Петербургѣ. Смѣна
и назначеніе Валуева. Докладъ Валуева Главному Комитету по дѣлу
и рѣшеніе Главнаго Комитета. Защита Арцимовичемъ принятой имъ
дѣйствій. Сочувственный пріемъ у Государя. Пересмотръ дѣла въ
Комитетѣ и полное торжество Арцимовича. Высочайшій выговоръ, объ
Мальцеву.

мента, когда слово „свобода“ впервые потрясетъ нервы народа, я за обязанность себѣ поставляю заявить в. пр. настоящее мнѣніе, основанное на вышеизложенныхъ доводахъ и всепокорнѣйше просить васъ для нѣкотораго хотя обезпеченія спокойствія гг. помѣщиковъ жиздринскаго уѣзда, а равно сохраненія общественнаго порядка, обратить вниманіе ваше на настоящее представленіе мое“.

Викторъ Антоновичъ въ отвѣтѣ своемъ старался успокоить взволнованнаго предводителя, очевидно заразившагося тѣми страхами, которыми были полны умы помѣщиковъ въ это время.

„Настоящее преобразованіе, писалъ Арцимовичъ, касающееся болѣе 20 милліоновъ народонаселенія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ обезпечиваться одною военною силою, и, безъ сомнѣнія, есть много мѣстностей въ Имперіи въ условіяхъ, подобныхъ жиздринскому уѣзду и даже еще болѣе удаленныхъ отъ центра расположенія войска“. Указавъ далѣе на то, что расположеніе войскъ можетъ быть измѣнено лишь съ Высочайшаго соизволенія и обусловливается главнымъ образомъ политическими причинами и отношеніями, и разобравъ доводы, приведенные Карышевымъ, В. А. продолжалъ:

„Съ другой же стороны успокоеніе умовъ крестьянъ и предупрежденіе безпорядковъ главнѣйшимъ образомъ должны зависѣть отъ образа дѣйствій самихъ помѣщиковъ. Мое воззрѣніе на этотъ предметъ, выраженное въ сообщенномъ вамъ г. губернскимъ предводителемъ дворянства циркулярномъ отношеніи отъ 14 сентября, за № 4993, уже извѣстно, и потому не требуетъ повторенія.

„Наконецъ, я долженъ еще прибавить, что, принимая на себя дѣло ходатайства передъ Государемъ Императоромъ о необходимости передвиженія военной силы въ жиздринскій уѣздъ, не имѣя явныхъ фактовъ проявленія неповиновенія, я былъ бы вынужденъ или представить грубость и необузданность народа въ жиздринскомъ уѣздѣ, чего по совѣсти я сдѣлать не могу, или же выставить причиной предполагаемыхъ безпорядковъ давленіе и чрезмѣрную требовательность дворянъ-помѣщиковъ, чего я опять-таки не могу сдѣлать безъ положительныхъ для сего данныхъ“.

Указавъ далѣе, что на случай крайности войска расположены вовсе не такъ далеко отъ Жиздры, В. А. оканчивалъ свое письмо слѣдующимъ обращеніемъ:

„Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что ручательство въ мирномъ и спокойномъ исходѣ крестьянскаго дѣла ле-

китъ, по моему мнѣнію, въ безпристрастномъ взглядѣ и благо-
разумномъ направленіи тѣхъ лицъ, кои будутъ призваны дл
участія въ разборѣ споровъ и жалобъ между помѣщиками
крестьянами, и потому обращаюсь къ вамъ съ моею покорнѣй-
шею просьбою указать мнѣ на тѣхъ лицъ, которыя были бы в
состояніи занимать съ успѣхомъ мѣста мировыхъ посредников
въ жиздринскомъ уѣздѣ".

Но отвѣчая въ такомъ успокоительномъ тонѣ лицамъ, обра-
щавшимся къ нему съ преувеличенными опасеніями, самъ Ви-
торъ Антоновичъ вовсе не былъ покоенъ за исходъ дѣла и х
рошо понималъ возможность разнообразныхъ замѣшательствъ
затрудненій при всякомъ ложномъ шагѣ въ этотъ отвѣтстве
ный и трудный моментъ.

„Приготовляясь къ важнымъ мѣрамъ обнародованія и пр
веденія въ исполненіе новаго закона, писалъ онъ черезъ н
сколько мѣсяцевъ въ своей запискѣ сенатору Капгеру, необх
димо было принять въ соображеніе, какъ общій ходъ кресть
скаго дѣла въ Имперіи, такъ и въ особенности настроеніе умо
и положеніе администраціи въ калужской губерніи. Во все
государствѣ слышалось неудовольствіе среди дворянства и выр
жалось недовѣріе къ благоразумію и умѣренности крестьянъ. Въ
калужской губерніи эти проявленія имѣли особое значеніе, по
причинѣ преобладающаго вліянія крѣпостной партіи и явнаго
сочувствія къ ней большой части предводителей дворянства...
Такое положеніе калужской губерніи требовало предусмотри-
тельнаго плана дѣйствій" [1]).

Для предварительныхъ распоряженій по введенію крестьян-
ской реформы была образована временная комиссія изъ предста-
вителей губернской администраціи подъ предсѣдательствомъ гу-
бернатора; но инціатива въ принятіи всѣхъ важнѣйшихъ рас-
поряженій принадлежала и здѣсь, конечно, самому В. А.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, распорядительный
указъ Сенату и положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣ-
постной зависимости, были подписаны Государемъ 19 февраля
1861 года, но обнародованіе ихъ, какъ извѣстно [2]), послѣдо-
вало даже въ столицахъ лишь 5 марта. О подписаніи этих
актовъ В. А. былъ увѣдомленъ телеграммой, а 21 февраля м
нистръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ циркуля

[1]) Записка ревизовавшему калужскую губернію сенатору Капгеру 18 о
бря 1861 г., за № 1941.

[2]) Ср. Джаншіева „Объявленіе воли" — „Эпоха реформъ", VII изд
стр. 3.

о порядкѣ объявленія воли, причемъ были присланы въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ манифестъ и распорядительный указъ. Положенія не могли быть напечатаны такъ скоро въ надлежащемъ числѣ экземпляровъ. Лишь 8 марта государственный секретарь просилъ калужскаго губернатора телеграммой послать въ Москву особаго чиновника, который долженъ былъ получить 4500 экземпляровъ положеній для калужской губерніи отъ начальства Николаевской желѣзной дороги. Манифестъ долженъ былъ быть торжественно объявленъ въ церквахъ священниками, положенія же должны были быть доставлены въ каждое имѣніе въ двухъ экземплярахъ—одинъ помѣщику, другой крестьянамъ. Исполнить это механически, какъ оно и было исполнено во многихъ губерніяхъ, конечно, не представило бы большихъ затрудненій. Но В. А. понималъ, что при такомъ исполненіи можетъ произойти не мало замѣшательствъ, а можетъ быть и болѣе серьезныхъ осложненій. „Хотя, писалъ онъ впослѣдствіи, крестьяне были вообще спокойны, но важность предстоявшаго для нихъ преобразованія, о которомъ до сего времени они могли судить по однимъ только неопредѣленнымъ слухамъ, заставляла сомнѣваться въ томъ, что дѣло обойдется безъ недоразумѣній съ ихъ стороны; а потому предстояла настоятельная необходимость въ немедленномъ посвященіи выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ въ смыслъ новаго закона и въ уясненіи имъ новыхъ отношеній, обязанностей и правъ, этимъ закономъ опредѣляемыхъ“ [1]).

Необходимо было дѣйствовать энергично и быстро и устроить такъ, чтобы Манифестъ объявленъ былъ повсемѣстно, по возможности, одновременно. Но больше всего Виктора Антоновича безпокоилъ вопросъ, какъ организовать раздачу положеній такимъ образомъ, чтобы они не были задерживаемы помѣщиками и чтобы съ самаго же начала не возникло какихъ-либо неправильныхъ толкованій. На помѣщиковъ въ этомъ отношеніи нельзя было положиться; во-первыхъ, огромное большинство ихъ относилось къ реформѣ совершенно враждебно и многіе сами не понимали значенія и смысла совершавшагося преобразованія; многіе изъ нихъ не жили въ своихъ имѣніяхъ, а управляющіе и бурмистры, черезъ которыхъ пришлось бы въ этомъ случаѣ дѣйствовать, могли испортить и исказить дѣло еще больше, нежели сами помѣщики. Арцимовичъ вышелъ изъ этого затрудненія блестящимъ образомъ. Онъ рѣшилъ произвести и объ-

[1]) Вышеуказанная записка сенатору Капгеру.

жить, по моему мнѣнію, въ безпристрастномъ взглядѣ и благоразумномъ направленіи тѣхъ лицъ, кои будутъ призваны для участія въ разборѣ споровъ и жалобъ между помѣщиками и крестьянами, и потому обращаюсь къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою указать мнѣ на тѣхъ лицъ, которыя были бы въ состояніи занимать съ успѣхомъ мѣста мировыхъ посредниковъ въ жиздринскомъ уѣздѣ".

Но отвѣчая въ такомъ успокоительномъ тонѣ лицамъ, обращавшимся къ нему съ преувеличенными опасеніями, самъ Викторъ Антоновичъ вовсе не былъ покоенъ за исходъ дѣла и хорошо понималъ возможность разнообразныхъ замѣшательствъ и затрудненій при всякомъ ложномъ шагѣ въ этотъ отвѣтственный и трудный моментъ.

„Приготовляясь къ важнымъ мѣрамъ обнародованія и приведенія въ исполненіе новаго закона, писалъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ своей запискѣ сенатору Капгеру, необходимо было принять въ соображеніе, какъ общій ходъ крестьянскаго дѣла въ Имперіи, такъ и въ особенности настроеніе умовъ и положеніе администраціи въ калужской губерніи. Во всемъ государствѣ слышалось неудовольствіе среди дворянства и выражалось недовѣріе къ благоразумію и умѣренности крестьянъ. Въ калужской губерніи эти проявленія имѣли особое значеніе, по причинѣ преобладающаго вліянія крѣпостной партіи и явнаго сочувствія къ ней большой части предводителей дворянства... Такое положеніе калужской губерніи требовало предусмотрительнаго плана дѣйствій" [1]).

Для предварительныхъ распоряженій по введенію крестьянской реформы была образована временная комиссія изъ представителей губернской администраціи подъ предсѣдательствомъ губернатора; но иниціатива въ принятіи всѣхъ важнѣйшихъ распоряженій принадлежала и здѣсь, конечно, самому В. А.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, распорядительный указъ Сенату и положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, были подписаны Государемъ 19 февраля 1861 года, но обнародованіе ихъ, какъ извѣстно [2]), послѣдовало даже въ столицахъ лишь 5 марта. О подписаніи этихъ актовъ В. А. былъ увѣдомленъ телеграммой, а 21 февраля министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ циркуляръ

---

[1]) Записка ревизовавшему калужскую губернію сенатору Капгеру 18 октября 1861 г., за № 1941.

[2]) Ср. Джаншіева „Объявленіе воли" — „Эпоха реформъ", VII изданіе, стр. 3.

ли люди, искренно сочувствовавшіе реформѣ и, пожалуй, предвкушавшіе заранѣе, съ какимъ восторгомъ ихъ встрѣтятъ избавляемые отъ крѣпостного права крестьяне, вернулись изъ своей миссіи разочарованные, въ глубокомъ раздумьи, потому что крестьяне приняли чтеніе манифеста и распорядительнаго указа въ большинствѣ мѣстностей съ холоднымъ спокойствіемъ и нерѣдко съ недоумѣніемъ и разочарованіемъ. Лишь очень немногія, написанныя условнымъ оффиціальнымъ слогомъ донесенія говорятъ о восторженныхъ взглядахъ, пролитыхъ слезахъ и возносимыхъ горячихъ молитвахъ. Нѣкоторые изъ посланныхъ заявили съ прискорбіемъ, что крестьяне *по темнотѣ своей* ничего не поняли. Но наиболѣе вдумчивые и лучше понявшіе настроеніе народа прямо заявляли, что крестьяне послѣ чтенія манифеста и указа были глубоко разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Объявленная имъ воля совершенно не соотвѣтствовала той волѣ, которую они ожидали. Ждали они волю съ горячею надеждой и нетерпѣніемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди, сошедшіеся за нѣсколько верстъ изъ окрестныхъ селеній, вплотную набивали церкви и жались на папертяхъ и въ церковныхъ оградахъ за нѣсколько часовъ до назначеннаго времени, и если желанный вѣстникъ опаздывалъ,—что благодаря распутицѣ случалось не однажды,—то не расходились даже и несмотря на поздній часъ вечера и, по прибытіи чиновника, просили читать немедленно, не откладывая до утра. Во многихъ мѣстахъ церкви были освѣщены свѣчами, какъ въ свѣтлый праздникъ. Но расходились изъ церкви по большей части молчаливые, нахмуренные, разочарованные, въ какомъ-то недоумѣніи. Многіе молча возвращались къ прерваннымъ работамъ; другіе обмѣнивались недовольными и недоумѣвающими восклицаніями... При болѣе откровенномъ разговорѣ съ нѣкоторыми крестьянами многіе изъ посланныхъ узнали, что всего непріятнѣе крестьянъ поразила въ большинствѣ мѣстностей необходимость въ теченіе еще двухъ лѣтъ оставаться въ зависимости отъ помѣщиковъ и отбывать за отданную имъ въ пользованіе землю барщину. Многіе изъ крестьянъ услыхали, какъ непріятную для себя новость, что земля и даже усадьба не ихъ, а помѣщичья собственность, которую надо еще выкупить. Имъ же казалось, что разъ будетъ объявлена воля, земля несомнѣнно останется у нихъ безвозмездно; многіе думали даже, что имъ отдадутъ и ту землю, которая входила въ составъ помѣщичьей запашки, а помѣщикамъ царь опредѣлитъ жалованье—„мѣсячину". Эта легенда, какъ оказалось,

была очень распространена въ калужской губерніи [1]). Не понимая, въ чемъ же могла заключаться такая абстрактная воля, не освобождавшая немедленно ни отъ барщины, ни отъ власти помѣщиковъ, крестьяне нѣсколько утѣшались лишь тѣмъ, что въ раздававшихся имъ вмѣстѣ съ манифестомъ и распорядительнымъ указомъ Сенату объявленіяхъ губернскаго правленія было сказано, что черезъ нѣсколько дней имъ будутъ привезены подлинныя положенія, въ которыхъ они смутно надѣялись вычитать что-нибудь болѣе для нихъ пріятное.

И въ самомъ дѣлѣ, раздача положеній и прочтеніе изъ нихъ статей, отмѣченныхъ Викторомъ Антоновичемъ, произвели на крестьянъ во многихъ мѣстахъ гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе. Особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были на барщинѣ, они съ удовольствіемъ узнавали, что и въ ближайшіе два года барщина все же будетъ ограничена точно опредѣленными днями и даже урочнымъ положеніемъ и что на нарушеніе всего этого, какъ и на другія притѣсненія помѣщика, они получатъ право приносить жалобы; что всѣ, такъ называемыя, дани и произвольные поборы сверхъ барщины или оброка: баранами, птицами, яйцами, холстомъ, пряжею, грибами и т. д., отмѣняются вовсе; что число подводъ и даже разстояніе, на которое помѣщикъ можетъ ихъ требовать, точно опредѣляются въ законѣ. Особенно радовались и ликовали бабы, на которыхъ всѣ эти поборы и дани тяжело отзывались.

„При чтеніи положенія,—разсказываетъ судебный слѣдователь Кулябка,—меня часто просили повторить прочитанное; съ каждымъ шагомъ народъ все больше и больше выражалъ свое удовольствіе, особенно, когда началось чтеніе о правахъ пріобрѣтаемыхъ крестьянами со дня обнародованія положенія и о временныхъ ихъ обязанностяхъ къ владѣльцамъ. При чтеніи объ отмѣнѣ добавочныхъ сборовъ раздался едва сдерживаемый смѣхъ и говоръ: „бабы, поздравляемъ!“ Параграфы о земскомъ сборѣ и съ владѣльцевъ, по количеству остающейся у нихъ земли, вызвали замѣчаніе: „вотъ какъ, и господамъ платить!“ О новомъ сборѣ для содержанія новыхъ чиновниковъ отозвались: „извѣстно надо“. Статья о будущемъ попечительствѣ гг. помѣщиковъ вызвала замѣчаніе, что ладить съ помѣщикомъ и не огор-

---

[1]) О крестьянскихъ ожиданіяхъ воли была представлена въ Главный Комитетъ любопытная записка содержавшагося въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ Корибутъ-Дашкевича; она произвела большое впечатлѣніе на членовъ редакціонныхъ комиссій. (См. у Семенова „Освобожд. крестьянъ“, т. I, стр. 153—154).

ать его необходимо потому, дескать, что онъ можетъ и послѣ ступиться. Принадлежность обществу или семействамъ рекрутскихъ квитанцій также была принята съ удовольствіемъ. Опредѣленное требованіе подводъ и прекращеніе этого права черезъ годъ и другія подводныя льготы произвели одно изъ пріятнѣйшихъ впечатлѣній, не говоря объ опредѣленныхъ дняхъ барщины"...

Одинъ изъ объявлявшихъ описываетъ въ своемъ отчетѣ такую сцену: „При входѣ въ избу къ старостѣ первымъ предметомъ, попавшимся мнѣ на глаза, была больная женщина, страдающая разлитіемъ молока послѣ родовъ. Такъ какъ старосты не оказалось дома, то я, объявивъ ей, что привезъ положеніе, просилъ послать кого-нибудь изъ ребятъ созвать народъ. Пока собирались крестьяне, женщина спросила у меня, не отмѣняется ли сборъ талекъ? Я отвѣтилъ, что отмѣняется. Она перекрестилась, сказавъ: „слава тебѣ, Господи, а то вотъ я больна, не могу работать, а тутъ хоть умри, а подай барину тальки; того и не хотятъ знать, что силъ нѣтъ, что всѣ соки выжаты!" Въ это время—продолжаетъ докладчикъ—къ ней на печку лѣзъ трехлѣтній сынъ; она посадила его около себя и, лаская, говорила: „я, можетъ быть, умру, Егорушка, — не достанется и пожить на волѣ,—хоть ты, мой родимый, будешь вольный!" [1]).

Другой чиновникъ разсказываетъ, что крестьяне, слыша объ отмѣнѣ сбора холстомъ, масломъ, яйцами и проч., говорили: „ну, слава Богу, теперь въ продранныхъ рубашкахъ мы уже не станемъ ходить, да и будетъ чѣмъ разговляться на свѣтлое Христово Воскресенье".

Въ одномъ имѣніи (жиздринскаго уѣзда), гдѣ особенно тяготила крестьянъ подводная повинность, которая, по ихъ словамъ, была еще усилена съ тѣхъ поръ, какъ „пошелъ слухъ о свободѣ", крестьяне, слушая все время съ напряженнымъ вниманіемъ о дарованныхъ имъ льготахъ, все молчали; но когда имъ былъ прочитанъ параграфъ о подводахъ, „изъ толпы раздался радостный голосъ: „вотъ дочитался-таки, что намъ больно хорошо: обо всемъ-то батюшка-царь позаботился,—дай ему, Господи, добраго здоровья!"

Вообще чтеніе отдѣльныхъ статей положенія производило въ разныхъ мѣстахъ далеко не одинаковое впечатлѣніе на крестьянъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ огромной разницы въ положеніи крестьянъ въ разныхъ имѣніяхъ. Такъ, одинъ

---

[1]) Отчетъ чиновника Смоленскаго.

изъ объявлявшихъ волю разсказываетъ, что въ его участкѣ по одну сторону рѣки Оки расположены были все имѣнія оброчныя, въ которыхъ крестьяне пользовались всѣми землями, кромѣ только лѣсовъ, и платили весьма умѣренный оброкъ (отъ 11 р. 50 к. до 16 р. съ тягла), безъ всякихъ дополнительныхъ сборовъ и даней. Выслушавъ прочитанныя статьи положенія, они естественно выразили лишь опасенія, какъ бы при волѣ-то не сдѣлалось хуже. Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвело объявленіе воли и чтеніе положеній въ другой части того же участка, по другую сторону Оки, гдѣ были расположены имѣнія съ тяжелой барщинной повинностью. Крестьяне встрѣтили волю торжественнымъ звономъ колоколовъ и говорили, что это для нихъ „настоящій Свѣтлый праздникъ". При чтеніи положеній здѣсь одинъ крестьянинъ сказалъ, выражая, очевидно, общее мнѣніе своихъ односельчанъ: „полегчало, а то вѣдь у насъ была безъименка!" Тутъ же одинъ бурмистръ, слыша о сокращеніи подводной повинности, воскликнулъ: „да какъ же быть? Я барынѣ въ Калугу въ недѣлю три раза посылалъ подводу со сливками, а теперь это идетъ въ зачетъ барщины?!"

Ограниченію барщины особенно радовались крестьяне въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ въ страдное время, вопреки закону, практиковалась ежедневная поголовная барщинная работа. Для крестьянъ такихъ имѣній дѣйствительно огромнымъ облегченіемъ являлось строгое ограниченіе барщины тремя днями въ недѣлю и урочное положеніе, да еще съ отмѣной всѣхъ дополнительныхъ сборовъ и ограниченіемъ подводной повинности. Въ оброчныхъ имѣніяхъ положеніе крестьянъ на время срочно-обязанное, въ сущности, почти не измѣнялось.

При объявленіи воли, да и при чтеніи положеній очень разочарованы были, какъ свидѣтельствуютъ многіе изъ посланныхъ, крестьяне, состоявшіе на смѣшанной повинности, такъ какъ имъ приходилось еще два года нести ее попрежнему, а между тѣмъ они-то болѣе другихъ чувствовали потребность въ облегченіи. Нѣкоторые изъ нихъ высказывали опасеніе, что въ эти два года помѣщики и управляющіе увеличатъ ихъ тягости и вымотаютъ изъ нихъ послѣднія ихъ силы. Въ одномъ изъ имѣній мосальскаго уѣзда, когда посланный объяснилъ крестьянамъ новыя ихъ права, многіе изъ нихъ говорили: „оно такъ, дай Богъ доброе здоровье Государю, что онъ о насъ заботится, и мы согласны платить оброкъ, когда бы не неволили насъ барщиной; а то: оброкъ плати, пришла же рабочая пора—иди косить, а бабы—жать, не то—навозъ возить, да мало ли еще

кихъ барскихъ работъ!" Лица, раздававшія положеніе, при-
дятъ въ своихъ отчетахъ цѣлый рядъ примѣровъ чрезмѣрнаго
ремененія крестьянъ смѣшанной повинностью. Вотъ нѣкоторые
ъ нихъ: у одного владѣльца крестьяне обязаны были платить
руб. оброка и отбывать барщину отъ Пасхи до конца осени;
другого, сверхъ оброка въ 30 руб., они исполняли разныя
рщинныя работы и ставили по подводѣ въ Москву, у третьяго,
и маломъ надѣлѣ земли, платя 20 руб., обработывали его
шню, убирали сѣнокосы и отбывали по 3 подводы въ Москву.
динъ изъ посланныхъ описываетъ мрачными красками бытъ
кихъ крестьянъ въ мосальскомъ уѣздѣ: „низенькія и маленькія
бы кое-гдѣ покрыты соломой, внутри—грязь и нечистота, по-
му что вмѣстѣ съ людьми на самомъ тѣсномъ пространствѣ
мѣщаются и домашнія животныя, начиная отъ куръ до телятъ;
ечи сдѣланы безъ трубъ, такъ что дымъ стелется по избамъ,
окрывая стѣны и потолокъ копотью; самыя лица ихъ ясно
видѣтельствуютъ, что они непрестанно и тяжко трудятся!"

Понятно, насколько тяжелой должна была представляться
акимъ крестьянамъ перспектива остаться въ томъ же положеніи
еще цѣлыхъ два года.

Дарованіе личныхъ правъ при объявленіи положенія замѣ-
чено было крестьянами во многихъ мѣстахъ. Одинъ изъ послан-
ныхъ отмѣчаетъ, что „во время чтенія статьи о дарованіи
крестьянамъ семейственныхъ правъ многіе съ ласковымъ при-
вѣтомъ обращались къ своимъ малолѣтнимъ дочерямъ и сыновьямъ,
говоря, что теперь господа не будутъ уже самовольно уводить
изъ домовъ мальчиковъ и продавать замужъ дѣвочекъ". Другой
посланный доносилъ: „когда я читалъ статью о правѣ крестьянъ
вступать въ бракъ, не испрашивая согласія помѣщика, нѣкоторыя
женщины говорили: ну, теперь наши дѣвки будутъ выходить за
милыхъ, а не за постылыхъ!"

Многіе крестьяне интересовались вопросомъ, могутъ ли по-
мѣщики въ теченіе предстоявшихъ двухъ лѣтъ сѣчь ихъ по
своему произволу, и утѣшались уже и тѣмъ, что они должны
были отнынѣ отсылать провинившихся для совершенія экзекуціи
въ полицію. Эти разспросы особенно не нравились нѣкоторымъ
изъ помѣщиковъ. Такъ, одинъ изъ нихъ при чтеніи соотвѣт-
ствующей статьи положенія съ раздраженіемъ сказалъ: „ну,
знайте же, что съ нынѣшняго дня бить васъ въ рожу и по-
роть я уже не могу".

Крестьяне съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ узна-
вали, что у нихъ будетъ свой судъ. „То ли дѣло свой судъ,—

говорили нѣкоторые,—напрасно не накажутъ, если правъ будешь, то не взыщутъ, а если виноватъ, то и присудятъ, чему достоинъ". Во многихъ мѣстахъ крестьяне заявляли, что теперь надо учить дѣтей грамотѣ; ихъ удручало то обстоятельство, что никто изъ нихъ не можетъ самъ читать выданнаго имъ положенія. Изъ многихъ обществъ тотчасъ же отправились въ городъ приглашать чтецовъ. Одинъ учитель получилъ приглашеніе сразу отъ трехъ обществъ. Въ одной деревнѣ, куда чтецъ пріѣхалъ, всѣ тотчасъ же собрались его слушать и слушали, не расходясь, всю ночь напролетъ.

Болѣе всѣхъ разочарованными остались дворовые. Объ этомъ упоминается въ большей части отчетовъ. При чтеніи статей положенія многіе изъ нихъ жаловались на свою горькую участь, указывая на то, что въ теченіе срочно-обязаннаго положенія имъ не будетъ почти никакого облегченія, а затѣмъ за всю ихъ службу господа отпустятъ ихъ на всѣ четыре стороны ни съ чѣмъ.

Помѣщики въ большинствѣ имѣній не присутствовали при объявленіи положенія, большею частью потому, что не жили въ имѣніяхъ зимою, а иные по несочувствію и враждебному отношенію къ самой реформѣ. Очень немногіе отнеслись при этомъ къ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ радушно: освободили ихъ отъ работъ въ день объявленія воли, присутствовали въ церкви и поздравляли съ важной перемѣной, происшедшей въ ихъ бытѣ. Многіе высказывали полное непониманіе значенія совершавшагося преобразованія. Одна барыня подозрѣвала, что не всѣ положенія составлены одинаково, и повѣрила, что это не такъ только тогда, когда ей было предоставлено выбрать себѣ любой экземпляръ изъ нѣсколькихъ десятковъ; другая, огорчившись болѣе всего отмѣною дополнительныхъ сборовъ, долго уговаривала чиновника передъ чтеніемъ положенія, чтобы онъ не читалъ крестьянамъ соотвѣтствующихъ статей.

Крестьяне, разочарованные и огорченные во многихъ мѣстахъ послѣ чтенія манифеста и указа, успокоились, а многіе и повеселѣли, когда ознакомились съ важнѣйшими статьями положенія. Даже и тамъ, гдѣ они не изъявляли особенной радости и принимали положеніе со смутными опасеніями, не стало бы имъ теперь хуже, болѣе развитые изъ нихъ говорили: „обдуманно, обдуманно написано". Во многихъ мѣстахъ они настолько примирились съ реформой, не давшей имъ сразу полной воли, что стали заказывать молебны за царя и даже кое-гдѣ стали

исправнѣе, нежели въ послѣднее передъ тѣмъ время, отбывать барщинныя работы.

Вообще, благодаря разумнымъ мѣрамъ, принятымъ калужской администраціей, объявленіе воли прошло такъ спокойно, что присланный въ Калугу по Высочайшему повелѣнію для принятія въ случаѣ надобности чрезвычайныхъ мѣръ свиты Е. В. генералъ-маіоръ Кознаковъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не имѣлъ даже надобности выѣзжать изъ Калуги [1]).

На всемъ пространствѣ калужской губерніи только въ двухъ имѣніяхъ произошли при объявленіи положенія небольшіе безпорядки, причемъ въ одномъ изъ нихъ (въ медынскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Головина) они прекращены были вполнѣ благополучно, однѣми мѣрами разъясненія мѣстнаго предводителя дворянства; въ другомъ (тарускаго уѣзда, въ имѣніи Мухина) пришлось, однако, прибѣгнуть къ репрессіи и даже къ передвиженію туда роты солдатъ по распоряженію генерала Кознакова, но все обошлось безъ пролитія крови. Здѣсь крестьяне послѣ объявленія манифеста отказались исполнять помѣщичьи работы, требуя облегченія повинностей. Въ имѣніи этомъ было всего 220 душъ, причемъ одни тягла состояли на чистой барщинѣ, другія платили оброку по 30 руб., а большая часть, сверхъ оброку въ 20 руб. съ тягла, отбывала барщинскія работы, которыя по неопредѣленности размѣра особенно обременяли и раздражали крестьянъ. Крестьяне заявили, между прочимъ, что оброчныя недоимки пополнялись у нихъ отобраніемъ лошадей. Уѣздному

---

[1]) До какой степени важны и удачны были принятыя въ калужской губ. мѣры по обнародованію Положенія 19 февраля, видно изъ сравненія хода дѣлъ въ ней и въ нижегородской губ., гдѣ также былъ въ это время губернаторъ, относившійся къ крестьянскому дѣлу съ искреннимъ доброжелательствомъ и большимъ рвеніемъ—А. Н. Муравьевъ. Онъ блестяще выполнилъ свою миссію въ самомъ началѣ предпринятой реформы, съумѣвъ уговорить дворянъ послать адресъ объ открытіи въ Нижнемъ-Новгородѣ Комитета ранѣе всѣхъ другихъ великорусскихъ губерній. Но когда пришлось приводить въ дѣйствіе Положеніе 19 февраля, у него не хватило иниціативы или предусмотрительности принять такія же мѣры, какія были приняты въ калужской губерніи, благодаря чему объявленіе воли въ нижегородской губерніи сопровождалось большими замѣшательствами и безпорядками, вызванными тѣмъ, что крестьянамъ не были своевременно разъяснены компетентными лицами права ихъ по новому положенію. Ср. прекрасную статью В. И. Снѣжневскаго въ т. III. „Сборника статей, сообщеній и документовъ“, издаваемыхъ нижегородской губернской ученой архивной комиссіей, „Крѣпостные крестьяне и помѣщики нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея“, стр. 83 и слѣд.

предводителю поручено было склонить Мухина къ уступкамъ, но дѣло не удалось покончить мирно.

Въ прочихъ имѣніяхъ все обошлось со стороны крестьянъ вполнѣ благополучно [1]).

Но не столь благополучно обошлось дѣло со стороны помѣщиковъ.

Пріемы объявленія воли, приведшіе къ столь благопріятнымъ послѣдствіямъ въ отношеніи общественнаго спокойствія, вызвали противъ себя возмущеніе со стороны самаго крупнаго и вліятельнаго помѣщика калужской губерніи, извѣстнаго заводовладѣльца генерала Мальцова.

Этотъ эпизодъ, разыгравшійся въ цѣлую бурю, за развитіемъ которой съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила не только калужская губернія, но и высшіе аристократическіе круги обѣихъ столицъ и высшіе слои петербургской администраціи, заслуживаетъ подробнаго изложенія, тѣмъ болѣе, что онъ поставилъ было на карту служебное положеніе Арцимовича, а съ нимъ вмѣстѣ, несомнѣнно, и дальнѣйшую судьбу крестьянской реформы въ калужской губерніи.

Отставной генералъ-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ и заводовладѣльцевъ въ Россіи. Ему принадлежало болѣе 20.000 душъ крестьянъ въ орловской и калужской губерніяхъ въ имѣніи, по размѣрамъ своимъ равнявшемся значительному германскому княжеству. На заводахъ его, чугуноплавильныхъ, желѣзодѣлательныхъ, машиностроительныхъ, пароходостроительныхъ и стеклянныхъ въ одной калужской губерніи работало болѣе 3.500 рабочихъ, которые выдѣлывали различныхъ продуктовъ ежегодно

---

[1]) Чтобы оцѣнить значеніе принятыхъ Арцимовичемъ мѣръ при объявленіи воли, достаточно вспомнить, какими безпорядками и волненіями, сопровождавшимися суровыми мѣрами и жестокими экзекуціями, ознаменовалось объявленіе воли въ другихъ губерніяхъ. Эти прискорбные случаи оглашались въ современныхъ газетахъ, а затѣмъ всѣ газетныя извѣстія были собраны г. Н. Сѣрно-Соловьевичемъ въ его интересной брошюрѣ „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“, изданной въ 1861 г. въ Берлинѣ. См. особенно стр. 39—53.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эти волненія привели къ кровавымъ столкновеніямъ съ войсками, причемъ убитые считались десятками. (Такъ въ казанск. губ. было убито 55 человѣкъ, ранено 71; въ пензенской—въ одномъ мѣстѣ убито 3, ранено 4 крестьянина, въ другомъ—убито 8, ранено 26 человѣкъ и т. д. Въ казанской губ. одинъ крестьянинъ былъ, по приговору полевого суда, разстрѣлянъ, въ другихъ мѣстахъ крестьяне поплатились за свое недоразумѣніе каторгой, ссылкой на поселеніе и отдачей въ арестантскія роты. Тамъ же, стр. 39, 48 и 49).

на милліонъ слишкомъ рублей. Эти заводы выдѣлялись изъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ съ ними заводовъ своимъ превосходнымъ устройствомъ съ примѣненіемъ всѣхъ изобрѣтеній и улучшеній того времени. По землямъ С. И. Мальцова проложена была на его счетъ узкоколейная желѣзная дорога въ 200 верстъ длиной—въ то время, когда во всей Россіи было не болѣе 2.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чести Мальцова нужно замѣтить, что на заводахъ его не только соблюдались всѣ несложныя требованія горнаго департамента относительно удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ рабочаго персонала, но дѣлалось многое и сверхъ того [1]).

С. И. Мальцовъ былъ несомнѣнно человѣкъ просвѣщенный, но это нисколько не мѣшало ему принадлежать къ числу крайнихъ крѣпостниковъ. Это былъ большой баринъ, въ которомъ страннымъ образомъ совмѣщалась культура съ самодурствомъ. У него были огромныя связи въ обѣихъ столицахъ и при дворѣ, гдѣ и самъ онъ вращался когда-то въ качествѣ адъютанта принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Близость его къ принцу, основателю и попечителю училища правовѣдѣнія, въ которомъ воспитывался В. А. Арцимовичъ, давала ему лишній поводъ вмѣшиваться иногда въ дѣла управленія губерніей; но эти попытки его встрѣчали вѣжливый, но твердый отпоръ со стороны Виктора Антоновича. Тѣмъ не менѣе до времени введенія крестьянской реформы личныя отношенія ихъ оставались вполнѣ корректными.

Во время подготовленія крестьянской реформы Мальцовъ былъ

---

[1]) Въ памятной книжкѣ калужской губерніи на 1861 годъ помѣщена статья г. Тарасенкова о фабричной и заводской промышленности въ калужской губерніи. Здѣсь между прочимъ сказано, что между мѣстными заводами выдаются заводы ген. Мальцова, какъ такіе, въ которыхъ учрежденія для рабочихъ, „помимо настояній начальства, пользуются особенной заботливостью самихъ владѣльцевъ". На заводахъ Мальцова—читаемъ мы тамъ же—„школы для дѣтей обоего пола, больницы, съ отлично снабженными аптеками и пр., содержатся въ примѣрной исправности. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ его заводахъ существуютъ еще два особыя учрежденія: 1) при механическихъ заводахъ—чертежныя, гдѣ нѣсколько изъ способнѣйшихъ, окончившихъ школьное обученіе дѣтей мастеровыхъ обучаются черченію и выполняютъ всѣ необходимые для заводскихъ работъ чертежи, и 2) при литейныхъ для фигурнаго литья заводахъ—лѣпныя мастерскія, гдѣ нѣсколько дѣтей изучаютъ лѣпное искусство и дѣлаются мастерами, вылѣпливающими самымъ отчетливымъ образомъ съ рисунковъ всѣ фигурныя формы для выливаемыхъ предметовъ"... „и если фигурное литье Людиновскаго завода—сказано тамъ же—уважается за свою красоту и изящество, то этимъ оно единственно обязано хорошей школѣ лѣпныхъ мастеровъ".

членомъ орловскаго Губернскаго Комитета и заявилъ себя здѣсь непримиримымъ врагомъ готовившагося преобразованія. Не ограничиваясь этимъ, онъ подалъ въ 1858 г. отъ своего лица особую записку, направленную одновременно противъ развивающихся демократическихъ тенденцій и бюрократическаго самовластія, пытаясь доказать въ этой запискѣ, снабженной многочисленными ссылками на факты изъ русской исторіи въ своеобразномъ, конечно, освѣщеніи и выписками изъ Токвиля [1]), что все зло въ Россіи повелось отъ тѣхъ легкомысленныхъ преобразованій, которыя въ началѣ XIX столѣтія были предприняты и отчасти осуществлены Императоромъ Александромъ. Эти преобразованія исказили, по его мнѣнію, историческія истинно русскія начала, усвоенныя и развитыя Петромъ I и Екатериной II, и отняли силу у исконнаго русскаго самодержавія. Этому злу онъ приписываетъ и севастопольскій погромъ, и безсиліе власти въ борьбѣ съ разрушительнымъ демократическимъ теченіемъ, и, чтобы исправить это зло и возвратить русское правительство на истинный путь, онъ рекомендуетъ отдать нынѣшнія самовластныя министерства подъ контроль выборныхъ русскихъ людей, впрочемъ исключительно лишь дворянскаго сословія—по два выборныхъ дворянина отъ каждой губерніи. Царь будетъ опираться на дворянъ, а дворяне будутъ попрежнему благополучно править народомъ. Эта система, по мнѣнію генерала Мальцова, была бы возстановленіемъ старинной русской системы, когда цари не ввѣрялись еще безотвѣтственнымъ министрамъ, а опирались на „народъ", представленный боярскою думой и земскими соборами выборныхъ людей.

Такова была profession de foi С. И. Мальцова, изложенная въ пространной запискѣ, копія съ которой сохранилась въ архивѣ В. А. Арцимовича.

Можно себѣ представить негодованіе этого знатнаго барина, когда ему доложили, что въ имѣніе его пріѣхалъ по порученію губернатора какой-то чиновникъ Írометти, позволяющій себѣ, помимо него, владѣльца, вызывать его людей въ церковь и на сельскія сходки для объявленія имъ манифеста и указа и раздачи имъ положеній.

Сдѣлавъ надъ собой, вѣроятно, не малое усиліе, Мальцовъ обратился сперва къ чиновнику Дометти съ вѣжливымъ письмомъ, въ которомъ упоминалъ даже о дошедшихъ до него свѣ-

---

[1]) Невольно напоминающими другую записку, изображенную у Щедрина въ „Дневникѣ провинціала". См. т. IV, изданія 1889 г., стр. 259.

дѣніяхъ о благородномъ образѣ мыслей Дометти. Въ письмѣ этомъ, написанномъ послѣ объявленія манифеста, но до раздачи положенія, онъ называлъ мѣры, принятыя губернскимъ начальствомъ къ опубликованію манифеста и положеній въ его имѣніяхъ: 1) незаконными, 2) неудобными и 3) вредными, а потому и протестовалъ противъ намѣренія Дометти читать крестьянамъ важнѣйшія статьи положенія.

1) „Въ манифестѣ, писалъ Мальцовъ, предоставлено въ теченіе трехъ лѣтъ сохраненіе существующаго порядка и изъявлена воля Государя, чтобы всѣ права помѣщиковъ сохранялись. Права наши заключаются въ томъ, чтобы черезъ насъ всѣ распоряженія начальства дѣлались; слѣдовательно, кромѣ манифеста, назначеннаго читать въ церкви [1]), остальныя положенія должны быть предоставлены нашимъ распоряженіямъ.

2) „Чтеніе въ деревняхъ не можетъ быть теперь исполнено по случаю занятій крестьянъ по заводамъ и неудобствъ сообщеній.

3) „Вредно—ибо крестьяне могутъ вообразить, что въ церкви хотя и прочитали, что власть помѣщиковъ и все остается на прежнемъ положеніи, но что послѣ того уже не помѣщичья власть осталась, а другія лица пріѣзжали въ деревни.

„Самое положеніе послужитъ только къ превратнымъ понятіямъ, будучи прочтено тѣми, кои не поймутъ и перескажутъ иначе. Сверхъ того, такъ какъ правительству желается достигнуть добровольнаго соглашенія, то всѣ параграфы, теперь читаемые, не будутъ уже нужны, когда можетъ достигнуться соглашеніе. Отъ всякаго чтенія и волненія умовъ, оттого неизбѣжнаго, будетъ потеря времени и уменьшеніе работъ, вредныя для народа и для всего края.

„Таковы соображенія, милостивый государь, такъ заканчивалъ Мальцовъ свое письмо, кои руководили меня протестовать противъ распоряженія, вами предпринимаемаго.

„Слышавъ о благородномъ образѣ мыслей вашихъ и зная, что вы довольно уже ознакомились съ моимъ образомъ мыслей и дѣйствій, зная, что по прочтеніи манифеста я приказалъ, несмотря на сроки, немедленно вводить новый порядокъ; зная все это, повѣрите, что это не какое-либо эгоистическое чувство, которое меня заставило вамъ писать, это—сознаніе своихъ правъ и желаніе пользы общей“.

---

[1]) Манифестъ и распорядительный указъ въ это время были ужъ объявлены.

Но Дометти не имѣлъ права исполнить желаніе Мальцова, а обязанъ былъ исполнить въ точности возложенное на него порученіе, согласно данной ему инструкціи. Такъ онъ и поступилъ. Мальцовъ же тѣмъ болѣе былъ взбѣшенъ оборотомъ, какой приняло это дѣло, что ему очень хотѣлось, чтобы „новый порядокъ въ его владѣніяхъ“ устроился по его волѣ и въ его вкусѣ. Служащими его предпринята была агитація среди рабочихъ, которыхъ они уговаривали поднести Мальцову адресъ, съ тѣмъ, чтобы благодарить его за всѣ благодѣянія и умолять не покидать ихъ на произволъ судьбы, и кромѣ того подпиской собрать между собою сумму на сооруженіе въ имѣніи монумента въ память благодѣяній Мальцова своимъ крѣпостнымъ. Эта агитація, удавшаяся въ орловской губерніи, въ калужской не привела къ цѣли. Эту неудачу Мальцовъ приписывалъ поведенію Дометти, и въ раздраженіи сталъ вымещать на тѣхъ рабочихъ, которые были извѣстны его конторѣ своею оппозиціею замышлявшейся оваціи [1]). Мальцову вскорѣ представился удобный, по его мнѣнію, случай сорвать свой гнѣвъ на рабочихъ и сдѣлать попытку дискредитировать въ глазахъ высшаго начальства дѣйствія калужской администраціи.

5-го апрѣля вдова Варвара Соловьева и рабочій Пантелей Кучеровъ принесли жалобу горному исправнику на дурное поведеніе своихъ взрослыхъ сыновей и просили наказать ихъ розгами. Исправникъ согласился и велѣлъ произвести экзекуцію тамъ же, гдѣ онъ находился въ этотъ моментъ, т.-е. въ слесарной мастерской, въ которой работало до 400 человѣкъ. Рабочіе — человѣкъ до 100 — оставили свои занятія и спокойно смотрѣли на эту расправу, пока сѣкли сына вдовы, считая его дѣйствительно заслужившимъ это наказаніе; но когда исправникъ распорядился сѣчь молодого Кучерова, то рабочіе стали за него просить, указывая, что отецъ его самъ человѣкъ дурной жизни, сидѣвшій въ острогѣ, и что молодой Кучеровъ не заслужилъ наказанія. Исправникъ сказалъ: „тише, ребята, говори кто-нибудь одинъ“. Тогда выступилъ выборный Равскій (43 лѣтъ) и объяснилъ исправнику просьбу рабочихъ. Кучеровъ былъ отъ наказанія избавленъ; рабочіе вернулись къ своимъ станкамъ, но Равскаго исправникъ распорядился взять въ полицію и посадилъ его въ „темную“. По окончаніи работъ передъ обѣдомъ

---

[1]) Показанія рабочихъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о безпорядкахъ въ имѣніи Мальцова, начатомъ 20 апрѣля 1861 г.; письмо С. И. Мальцова къ Н. Г. Козвакову отъ 7 апр. 1861 г.; письмо слѣдователя Кориженскаго къ В. А. Арцимовичу отъ 11-го мая 1861 года.

абочіе—болѣе 100 человѣкъ, — узнавъ объ арестѣ Равскаго, тправились къ дому исправника и стали его просить выпутить Равскаго; исправникъ обѣщалъ имъ это исполнить, и они азошлись; но вмѣсто того, уже по распоряженію Мальцова, ыло арестовано изъ этихъ рабочихъ еще четверо и на всѣхъ ятерыхъ приказано было надѣть кандалы, которыя были утъ же сооружены на заводѣ. Въ числѣ этихъ четырехъ былъ зятъ одинъ изъ рабочихъ Сукремльскаго завода—Ферапонтовъ. Узнавъ объ этомъ, Сукремльскіе рабочіе ходили къ Мальцову ъ числѣ до 200 человѣкъ просить, чтобы его выпустили. Но Мальцовъ отказалъ имъ въ этомъ, и хотя они мирно разошлись, нъ приказалъ арестовать и заковать въ кандалы еще троихъ [1]), всѣхъ восьмерыхъ, закованныхъ въ кандалы, попарно отправилъ подъ карауломъ въ Мещовскъ для препровожденія ихъ оттуда въ Калугу къ генералу Кознакову. При этомъ онъ ему написалъ, что, вслѣдствіе незаконныхъ и неразумныхъ распоряженій губернской администраціи и безтактнаго поведенія чиновника Дометти, на заводахъ его произошло возмущеніе, грозившее распространиться на цѣлый уѣздъ; но что онъ, Мальцовъ, взялъ зачинщиковъ и коноводовъ, которыхъ и препровождаетъ скованными, а народъ успокоилъ и „привелъ къ раскаянію". Присланныхъ рабочихъ онъ просилъ примѣрно наказать розгами, въ присутствіи нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, которыхъ онъ предлагалъ выслать дополнительно, а затѣмъ способныхъ къ военной службѣ отправить на Кавказъ въ солдаты, а неспособныхъ—на поселеніе въ Сибирь. При этомъ онъ сообщалъ, что такъ какъ рабочіе эти при отправленіи ихъ обѣщали своимъ роднымъ скоро вернуться, то возвращеніе ихъ послужило бы къ окончательному подрыву спокойствія на заводѣ. Въ одномъ изъ двухъ писемъ, отправленныхъ въ тотъ же день (7 апрѣля), Мальцовъ объяснялъ Кознакову, что онъ обращается къ нему,

---

[1]) Особенно возмутительно былъ обставленъ арестъ одного изъ нихъ — 60-лѣтняго старика Комогорова. Его схватили ночью, сонного стащили съ печи, въ одной рубашкѣ, босого, насильно тащили изъ избы, причемъ рубашку изорвали, били по шеѣ и по спинѣ, раздѣтаго бросили въ телѣгу, и когда онъ хотѣлъ кричать „караулъ", то руками зажимали ему ротъ и въ такомъ видѣ привезли въ Людиново, посадили въ полиціи въ холодную комнату, *приковавъ цѣпью къ двери*. Утромъ 6-го апрѣля отвели его къ приказчику Гущину, который спросилъ: „ходилъ ли ты на заводъ въ Людиново и что говорилъ барину?" Комогоровъ отвѣтилъ, что *ходилъ*, *но не дошелъ*. Потомъ онъ представленъ былъ къ барину. Баринъ только сказалъ: „я давно тебя знаю!" и велѣлъ заковать его.

Но Дометти не имѣлъ права исполнить желаніе Ма
а обязанъ былъ исполнить въ точности возложенное в
порученіе, согласно данной ему инструкціи. Такъ онъ и
пилъ. Мальцовъ же тѣмъ болѣе былъ взбѣшенъ оборотомъ
приняло это дѣло, что ему очень хотѣлось, чтобы „новый
докъ въ его владѣніяхъ“ устроился по его волѣ и въ его
Служащими его предпринята была агитація среди рабочи
торыхъ они уговаривали поднести Мальцову адресъ, съ
чтобы благодарить его за всѣ благодѣянія и умолять не
дать ихъ на произволъ судьбы, и кромѣ того подпискою
между собою сумму на сооруженіе въ имѣніи монумента
мять благодѣяній Мальцова своимъ крѣпостнымъ. Эта аг
удавшаяся въ орловской губерніи, въ калужской не прив
цѣли. Эту неудачу Мальцовъ приписывалъ поведенію Дом
въ раздраженіи сталъ вымещать на тѣхъ рабочихъ, которы
извѣстны его конторѣ своею оппозиціею замышлявшейся ов
Мальцову вскорѣ представился удобный, по его мнѣнію,
сорвать свой гнѣвъ на рабочихъ и сдѣлать попытку ди
тировать въ глазахъ высшаго начальства дѣйствія кал
администраціи.

5-го апрѣля вдова Варвара Соловьева и рабочій Па
Кучеровъ принесли жалобу горному исправнику на дур
веденіе своихъ взрослыхъ сыновей и просили наказать и
гами. Исправникъ согласился и велѣлъ произвести экз
тамъ же, гдѣ онъ находился въ этотъ моментъ, т.-е. въ сле
мастерской, въ которой работало до 400 человѣкъ. Ра
человѣкъ до 100—оставили свои занятія и спокойно см
на эту расправу, пока сѣкли сына вдовы, считая его д
тельно заслужившимъ это наказаніе; но когда исправникъ
рядился сѣчь молодого Кучерова, то рабочіе стали
просить, указывая, что отецъ его самъ человѣкъ дурной
сидѣвшій въ острогѣ, и что молодой Кучеровъ не зас
наказанія. Исправникъ сказалъ: „тише, ребята, говори
будь одинъ“. Тогда выступилъ выборный Равскій (43 л
объяснилъ исправнику просьбу рабочихъ. Кучеровъ бы
наказанія избавленъ; рабочіе вернулись къ своимъ станк
Равскаго исправникъ распорядился взять въ полицію
дилъ его въ „темную“. По окончаніи работъ передъ о

---

[1]) Показанія рабочихъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о безпорядкахъ н
Мальцова, начатомъ 20 апрѣля 1861 г.; письмо С. И. Мальцова къ В
звакову отъ 7 апр. 1861 г.; письмо слѣдователя Кориженскаго къ В.
мовичу отъ 11-го мая 1861 года.

—болѣе 100 человѣкъ, — узнавъ объ арестѣ Равскаго,
ись къ дому исправника и стали его просить выпу-
вскаго; исправникъ обѣщалъ имъ это исполнить, и они
сь; но вмѣсто того, уже по распоряженію Мальцова,
естовано изъ этихъ рабочихъ еще четверо и на всѣхъ
ъ приказано было надѣть кандалы, которыя были
сооружены на заводѣ. Въ числѣ этихъ четырехъ былъ
инъ изъ рабочихъ Сукремльскаго завода—Ферапонтовъ.
объ этомъ, Сукремльскіе рабочіе ходили къ Мальцову
ѣ до 200 человѣкъ просить, чтобы его выпустили. Но
ъ отказалъ имъ въ этомъ, и хотя они мирно разошлись,
казалъ арестовать и заковать въ кандалы еще троихъ [1],
восьмерыхъ, закованныхъ въ кандалы, попарно отпра-
ъ карауломъ въ Мещовскъ для препровожденія ихъ
ъ Калугу къ генералу Кознакову. При этомъ онъ ему
ъ, что, вслѣдствіе незаконныхъ и неразумныхъ распоря-
губернской администраціи и безтактнаго поведенія чи-
Донетти, на заводахъ его произошло возмущеніе, гро-
распространиться на цѣлый уѣздъ; но что онъ, Маль-
алъ зачинщиковъ и коноводовъ, которыхъ и препрово-
скованными, а народъ успокоилъ и „привелъ къ раская-
Присланныхъ рабочихъ онъ просилъ примѣрно наказать
въ присутствіи нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, кото-
ъ предлагалъ выслать дополнительно, а затѣмъ способ-
ъ военной службѣ отправить на Кавказъ въ солдаты, а
бныхъ—на поселеніе въ Сибирь. При этомъ онъ сообщалъ,
ъ какъ рабочіе эти при отправленіи ихъ обѣщали своимъ
скоро вернуться, то возвращеніе ихъ послужило бы къ
льному подрыву спокойствія на заводѣ. Въ одномъ изъ
семъ, отправленныхъ въ тотъ же день (7 апрѣля),
ъ объяснилъ Кознакову, что онъ обращается къ нему,

бенно возмутительно былъ обставленъ арестъ одного изъ нихъ —
старика Комогорова. Его схватили ночью, соннаго стащили съ
й рубашкѣ, босого, насильно тащили изъ избы, причемъ рубашку
по шеѣ и по спинѣ, раздѣтаго бросили въ телѣгу, и когда онъ
„караулъ“, то руками зажимали ему ротъ и въ такомъ видѣ
Людиново, посадили въ полиціи въ холодную комнату, *приковавъ*
. Утромъ 6-го апрѣля отвели его къ приказчику Гущину, кото-
„ходилъ ли ты на заводъ въ Людиново и что̀ говорилъ барину?“
отвѣтилъ, что *ходилъ, но не дошелъ*. Потомъ онъ представленъ
. Баринъ только сказалъ: „я давно тебя знаю!“ и велѣлъ за-

а не къ губернской администраціи, такъ какъ считаетъ, что по винѣ этой послѣдней и произошла вся эта исторія.

Генералъ Córзнаковъ, человѣкъ разумный [1]) и сочувствовавшій распоряженіямъ калужской администраціи по обнародованію манифеста и положеній, препроводилъ оба эти письма къ Арцимовичу, не дѣлая съ своей стороны никакихъ распоряженій. Но еще ранѣе этого въ Мещовскѣ арестованныхъ Мальцовымъ и закованныхъ въ кандалы людей встрѣтилъ случайно тамъ находившійся чиновникъ губернатора Скворцовъ, который поспѣшилъ тотчасъ же донести объ этомъ губернатору эстафетой. Въ то же время пришло и донесеніе жиздринскаго земскаго исправника о происшествіяхъ на Мальцовскихъ заводахъ.

Получивъ эти донесенія, Викторъ Антоновичъ тотчасъ же распорядился собрать губернское присутствіе (открытое 10-го марта) и предъявилъ ему всѣ полученныя письма и донесенія. Въ Мещовскъ были тотчасъ же отправлены чиновники особыхъ порученій Шумовскій и Скворцовъ, съ приказаніемъ немедленно расковать присланныхъ Мальцовымъ крестьянъ, которые пробыли такимъ образомъ въ скованномъ видѣ недѣлю, кандалы опечатать и доставить въ Калугу, людей освободить и прислать въ Калугу съ проходными свидѣтельствами, а также подробно переписать всѣхъ возчиковъ и караульныхъ, сопровождавшихъ закованныхъ мастеровыхъ. Губернское присутствіе, обсудивъ это дѣло, признало прежде всего совершенно противозаконными и въ высшей степени безтактными всѣ дѣйствія горнаго исправника Еропкина, который незаконно присудилъ къ тѣлесному наказанію двухъ мастеровыхъ и приказалъ исполнить самое наказаніе публично (чуть не на другой день послѣ объявленія воли); затѣмъ безъ достаточнаго повода арестовалъ мастерового Равскаго, а когда рабочіе стали волноваться, вслѣдствіе такихъ незаконныхъ его дѣйствій, онъ проявилъ необыкновенное малодушіе, стушевался и сказался больнымъ, причемъ не донесъ даже о всемъ происшедшемъ жиздринскому земскому исправнику (къ чему былъ обязанъ), а затѣмъ уже на его запросъ доставилъ ему невѣрныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ дѣлѣ [2]).

---

[1]) Генералъ П. Г. Козnaковъ впослѣдствіи былъ кіевскимъ губернаторомъ, потомъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и умеръ членомъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Горные или заводскіе „своекоштные исправники" назначались не губернской администраціей, а горнымъ вѣдомствомъ, и получали жалованье и помѣщеніе отъ заводовладѣльцевъ, почему и назывались „своекоштными". Можно себѣ представить, какъ они относились къ рабочимъ.

Обсудивъ затѣмъ поведеніе мастеровыхъ, губернское присутствіе, на основаніи донесеній исправника Еропкина и писемъ самого Мальцова, не могло усмотрѣть въ ихъ дѣйствіяхъ возмущенія, грозившаго, какъ увѣрялъ Мальцовъ, распространиться на весь уѣздъ, а лишь самовольное оставленіе работъ и нарушеніе благочинія. Относительно дѣйствій самого Мальцова въ журналѣ губернскаго присутствія высказаны были слѣдующія соображенія:

1. „Мастеровые, по имѣющимся въ виду даннымъ, обвиняются только въ нарушеніи благочинія и въ проявленіи съ ихъ стороны нѣкотораго самоуправства, за каковые проступки ни полиція, ни судъ не имѣютъ права подвергать обвиняемыхъ тюремному заключенію (ст. 134 т. XV, кн. II), а тѣмъ болѣе такой власти не предоставлено помѣщику новымъ закономъ (ст. общ. полож. 148—163). Мальцовъ же, совершенно произвольно лишивъ свободы восемь человѣкъ и заковавъ ихъ въ кандалы, нарушилъ тѣмъ личныя права ихъ и выказалъ явное неуваженіе къ законамъ, которыми они ограждаются. А самое препровожденіе этихъ арестантовъ, закованными въ кандалы подъ конвоемъ изъ горно-заводскихъ людей, въ городъ другого уѣзда, на разстояніи около 100 верстъ, безъ всякаго участія въ этомъ мѣстныхъ властей, должно было возбудить въ народѣ мысль, что помѣщики не хотятъ подчиниться новымъ законоположеніямъ и поселить въ немъ недовѣріе ко всему сословію владѣльцевъ и даже къ правительственнымъ органамъ, только что возвѣстившимъ Высочайше дарованныя крестьянамъ милости.

2. „Считая причиной происшедшихъ на заводѣ безпорядковъ объявленіе чиновниками манифеста и врученіе ими положеній крестьянамъ, г. Мальцовъ этимъ какъ бы заявляетъ желаніе, чтобы мастеровые и рабочіе на его заводахъ остались въ невѣдѣніи тѣхъ правъ и льготъ, которыми нынѣ, по волѣ Государя, они должны пользоваться, а въ имѣніи своемъ продолжаетъ прежній порядокъ крѣпостного управленія. Доказательства сему неоспоримы: г. Мальцовъ оффиціально и настойчиво требуетъ отъ лица, облеченнаго Высочайшимъ довѣріемъ (ген. Кознакова), жестокихъ, внѣ всякаго закона наказаній, безъ суда, для людей уже свободныхъ, и притомъ употребить такіе пріемы, какіе никогда закономъ не допускались, именно, чтобы изъ одного уѣзда въ другой препровождали народъ для присутствованія при казни, опредѣляемой однимъ произволомъ помѣщика. „Казалось— заключаетъ присутствіе—что г. Мальцову, какъ владѣльцу огромныхъ имѣній, располагающему громадными средствами, слѣдовало бы служить примѣромъ для другихъ помѣщиковъ въ за-

конномъ устройствѣ быта крестьянъ и вообще оказывать полн сочувствіе къ совершающейся реформѣ, въ которой содѣйств вать благодушному Монарху, добровольно вызвалось само дв рянство; но онъ, какъ доказываетъ настоящій случай, единствен стремится сохранить въ народѣ страхъ къ своему лицу, ущербъ силѣ закона, о исполненіи котораго онъ вовсе и думаетъ, открыто высказывая убѣжденіе, что порядокъ въ е владѣніяхъ можетъ поддерживаться только однимъ ужасом строгихъ наказаній".

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, губернское присутств высказало заключеніе о необходимости устранить отъ должност исправника Еропкина и назначить слѣдствіе, какъ о его дѣ ствіяхъ, такъ и о нарушеніи благочинія заводскими рабочим а равно и о незаконныхъ дѣйствіяхъ отставного генерал маіора Мальцова. Копію съ этого заключенія присутствіе п становило сообщить орловскому губернскому присутствію жиздринскому уѣздному предводителю дворянства, а самого Мал цова „поставить въ извѣстность о воззрѣніи губернскаго пр сутствія на настоящій образъ его дѣйствій, предъявивъ ему— какъ сказано въ журналѣ—что всѣ могущіе возникнуть въ е имѣніяхъ безпорядки, вслѣдствіе нарушенія имъ Высочайш дарованныхъ крестьянамъ нынѣ правъ, падутъ на личную е отвѣтственность".

Замѣчательно, что это постановленіе состоялось единогласно, журналъ подписанъ всѣми членами присутствія безъ всяких отдѣльныхъ мнѣній, а между тѣмъ въ составѣ этого присутств кромѣ Арцимовича и еще двухъ чиновниковъ—прокурора управляющаго палатой государственныхъ имуществъ, было п мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ: губернскій предводитель Щ кинъ, два помѣщика по назначенію правительства и два выбору дворянства.

Черезъ три дня губернское присутствіе обсуждало вопрос можетъ ли Мальцовъ оставаться въ имѣніи, или же его сл дуетъ удалить оттуда. При этомъ голоса раздѣлились: предс датель, прокуроръ Трузсонъ и члены кн. Оболенскій, Свист новъ и Оттъ признавали желательнымъ удалить Мальцова и имѣнія, но въ виду отсутствія соотвѣтствующаго закона пре ставить объ этомъ на разрѣшеніе высшаго правительства, а г бернскій предводитель Щукинъ, управляющій палатой госуда ственныхъ имуществъ Юзефовичъ и помѣщикъ Баскаковъ ост лись при особыхъ мнѣніяхъ, причемъ Щукинъ формулирова свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ:

„При вызовѣ г. Мальцова, безъ сомнѣнія, предполагать надо, что онъ закроетъ заводъ, отчего тысячи работниковъ останутся безъ издѣльной платы и средствъ къ пропитанію, и убытки, понесенные хозяиномъ, будутъ неисчислимы; подобные убытки, пожалуй, падутъ на отвѣтственность членовъ присутствія. Съ другой стороны, я, какъ представитель калужскаго дворянства, не могу согласиться, чтобы государственный дѣятель, нашъ калужскій дворянинъ, въ прогрессѣ промышленности получившій европейскую извѣстность, однимъ, такъ сказать, выстрѣломъ губернскаго присутствія былъ такъ сильно пораженъ".

Для разслѣдованія всего дѣла, согласно вышеприведенному заключенію губернскаго присутствія, В. А. Арцимовичъ назначилъ особую слѣдственную комиссію, въ составѣ судебнаго слѣдователя, совѣтника губернскаго правленія и новаго горнаго исправника, опредѣленнаго горнымъ вѣдомствомъ вмѣсто немедленно смѣненнаго, по его требованію, Еропкина. Въ то же время онъ подробно доносилъ обо всемъ происшедшемъ министру внутреннихъ дѣлъ по мѣрѣ обнаруженія всей этой исторіи. Въ послѣднемъ своемъ донесеніи отъ 19 апрѣля Викторъ Антоновичъ писалъ министру:

1. „По всѣмъ обстоятельствамъ дѣла въ губернскомъ присутствіи отобраны отъ закованныхъ г. Мальцовымъ людей подробныя свѣдѣнія и, кромѣ того, они подали въ присутствіе прошеніе на безвинное закованіе и лишеніе свободы и затѣмъ отпущены на заводъ къ слѣдствію.

2. „О незаконныхъ дѣйствіяхъ заводскаго исправника Еропкина было мною сообщено московскому бергъ-инспектору, который, согласно отношенію моему, нашелъ нужнымъ удалить Еропкина отъ должности.

3. „Въ видахъ спокойствія заводовъ и возможно бо́льшаго распространенія и изученія заводскимъ населеніемъ новыхъ законовъ, послано для раздачи въ заводахъ совѣтникомъ губернскаго правленія Калошинымъ 50 экземпляровъ положеній и 110 дополнительныхъ правилъ о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ, поручивши ему внушить этимъ людямъ о незаконности ихъ обычая приносить жалобы толпою, и увѣдомить меня о впечатлѣніи, какое произвели на заводское населеніе мѣры губернскаго начальства по настоящему дѣлу. *Дополнительная раздача экземпляровъ казалась тѣмъ необходимѣе, что немногіе получившіе и читавшіе положеніе люди подверглись преслѣдованію г. Мальцова и его управляющихъ.* Это обстоятельство вызвало съ моей стороны сообщеніе жиздринскому

уѣздному предводителю объ обязаніи г. Мальцова и его управляющихъ подписками не притѣснять людей, выбираемыхъ повѣренными и лично приносящихъ жалобы. Кромѣ того, я счелъ необходимымъ просить предводителя, какъ мирового посредника, объѣхать заводъ и заняться разборомъ жалобъ, которыхъ заявляется очень много и отсутствіе исхода которыхъ можетъ сильно волновать заводское населеніе. Закованныхъ г. Мальцовымъ людей, принесшихъ на него жалобу, я поручилъ, на основаніи общаго закона въ огражденіе дальнѣйшихъ притѣсненій, особому покровительству земской полиціи и предводителя.

4. „О мѣрахъ къ обезпеченію спокойствія на заводѣ я сообщилъ орловскому губернатору и просилъ его обсужденія, не будетъ ли полезно и удобно сдѣлать ему по Брянскимъ заводамъ г. Мальцова распоряженія, по возможности, однообразныя съ принятыми по жиздринскому уѣзду относительно раздачи положеній и дополнительныхъ правилъ и другихъ мѣръ, такъ какъ разнообразіе распоряженій можетъ ослабить довѣріе и спокойствіе заводскаго населенія смежныхъ уѣздовъ".

Въ заключеніе Викторъ Антоновичъ сообщалъ на благоусмотрѣніе министра, которымъ въ ту минуту былъ еще Ланской, слѣдующіе свои выводы и соображенія по этому дѣлу:

1. „До сихъ поръ [1]) нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ правительство было бы въ правѣ почитать случай этотъ мятежомъ или возмущеніемъ, какъ называетъ его г. Мальцовъ. Нельзя не увидѣть, что въ собственныхъ г. Мальцова письмахъ заключается опроверженіе подобнаго взгляда на данный случай, потому что называемый имъ мятежъ прекращенъ собственными его мѣрами и притомъ такими, которыя требовали времени и условливались полнымъ повиновеніемъ мастеровыхъ: какъ-то: сооруженіе на заводахъ новыхъ кандаловъ, заклепываніе ихъ на ногахъ скованныхъ попарно мастеровыхъ, суточное содержаніе мастеровыхъ подъ карауломъ въ самомъ заводѣ и 4-суточное дальнѣйшее содержаніе въ ближнемъ имѣніи г. Мальцова, селѣ Маклокахъ, перековка, отправленіе закованныхъ съ восемью человѣками, взятыми изъ имѣнія его же, г. Мальцова, медленное слѣдованіе закованныхъ до г. Мещовска... При мятежномъ настроеніи умовъ заводскаго поселенія едва ли г. Мальцовъ могъ бы привести въ исполненіе свои противозаконныя распоряженія. На дѣлѣ же оказалось, что пока люди были подъ карауломъ, заковывались и перековывались, товарищи ихъ исполняли без-

[1]) Такъ оно оказалось и впослѣдствіи.

прекословно всѣ работы и не сдѣлали никакого сопротивленія ни аресту, ни заготовкѣ кандаловъ, ни заковыванію, ни отправкѣ арестованныхъ людей. Даже не было никакой протестаціи при безчеловѣчныхъ поступкахъ приказчиковъ и старостъ г. Мальцова со старымъ мастеровымъ Комогоровымъ.

2. „Г. Мальцовъ упоминаетъ, что закованные говорили своимъ товарищамъ, что скоро вернутся назадъ, и опасается послѣдствій возвращенія ихъ. Я не могу принять на себя—замѣчаетъ по этому поводу В. А.—точнаго предусмотрѣнія будущаго, но, съ одной стороны, не могу не видѣть въ подобномъ заявленіи закованныхъ людей разумнаго пониманія ими своихъ правъ и своего положенія, а также еще неутраченной ими вѣры въ законность дѣйствій правительства; съ другой стороны, не могу раздѣлять и опасеній г. Мальцова, потому что опасно не возвращеніе противозаконно закованныхъ, лишенныхъ свободы и удаленныхъ изъ имѣнія людей, а незаконное дѣйствіе г. Мальцова. Оно дѣйствительно могло вызвать со стороны заводскаго населенія какую-нибудь крайность и быть гибельнымъ самому г. Мальцову, какъ видно, не сознающему этого рода опасности. Благодаря здравому смыслу народа, этого не случилось; тѣмъ менѣе можно предполагать дурныхъ проявленій вслѣдствіе возстановленія нарушенныхъ г. Мальцовымъ Высочайше дарованныхъ сельскому населенію правъ; напротивъ того, гораздо вѣроятнѣе предположить, что этимъ самымъ актомъ утвердится въ заводскомъ населеніи вѣра въ законъ и надежда на правомѣрныя дѣйствія органовъ правительства, на постепенное осуществленіе дарованныхъ правъ и прочный за этимъ надзоръ. Это цѣль всѣхъ моихъ распоряженій и дѣйствій...

„Оставленіе безъ законнаго исхода заявляемыхъ населеніемъ претензій и преслѣдованіе лицъ, избранныхъ мастеровыми въ повѣренные или для полученія положеній, указываетъ на стремленіе г. Мальцова удержать старый самоуправный порядокъ вещей; жестокія же мѣры г. Мальцова, какъ захватываніе людей ночью, заковываніе безъ достаточныхъ основаній, страхъ и опасеніе мятежа, приданіе простому случаю характера бунта, свидѣтельствуютъ о внутренемъ сознаніи г. Мальцовымъ невозможности удержать этотъ старый порядокъ“.

Такъ писалъ Викторъ Антоновичъ министру внутреннихъ дѣлъ Сергѣю Степановичу Ланскому.

Но отвѣтъ на эти свои представленія онъ получилъ уже отъ новаго министра—Петра Александровича Валуева.

Въ Петербургѣ произошли въ это время большія перемѣны [1]): реформаціонное стремленіе, тотчасъ послѣ изданія и обнародованія Положеній 19 февраля, ослабѣло. Паденіе крѣпостного права было достигнуто огромнымъ напряженіемъ всѣхъ прогрессивныхъ силъ страны и за этимъ первымъ и самымъ крупнымъ успѣхомъ преобразовательнаго движенія наступила временная реакція, послѣ которой хотя движеніе и возобновилось, но уже далеко не съ прежнею силою. Ланской и Милютинъ, считавшіеся главными проводниками крестьянской реформы, должны были выйти въ отставку, и вмѣсто слабаго, но благороднаго С. С. Ланского управлять министерствомъ былъ призванъ уклончивый, безъидейный и лицемѣрный П. А. Валуевъ. Личный характеръ Валуева сказался и въ Мальцовской исторіи, какъ увидитъ читатель, съ поразительной ясностью.

Мальцовъ, взбѣшенный постигшей его постыдной неудачей и твердыми мѣрами, принятыми противъ него Арцимовичемъ, помчался въ Петербургъ и, пользуясь всѣми своими связями, дѣятельно занялся возстановленіемъ противъ Арцимовича высшихъ сферъ. Изъ писемъ друзей Виктора Антоновича, вращавшихся въ этихъ сферахъ, видно, что агитація Мальцова была небезуспѣшна. Въ великосвѣтскихъ гостиныхъ и пріемныхъ имя Арцимовича часто стало произноситься то съ сомнительнымъ покачиваніемъ головы, то съ присоединеніемъ къ нему весьма нелестныхъ эпитетовъ [2]). Князь Дмитрій Оболенскій, одинъ изъ

---

[1]) М. Н. Жемчужниковъ писалъ Виктору Антоновичу еще отъ 14 января 1861 г.:

„По достовѣрнымъ слухамъ, крестьянское дѣло поступило въ государственный совѣтъ и 16 числа сего мѣсяца начнутся сужденія совѣта. *По разрѣшеніи этого дѣла послѣдуютъ передвиженія высшихъ лицъ*“.

Въ письмѣ отъ 7 мая, послѣ продолжительнаго разговора съ Милютинымъ, отъ писалъ: „Изъ словъ Милютина видно, что Ланской и онъ удалены изъ М. В. Д, въ видахъ показать дворянскому сословію желаніе примириться съ нимъ, или, правильнѣе сказать, задобрить дворянское сословіе! Въ этихъ видахъ избранъ Валуевъ“.

[2]) Отъ 12 мая 1861 г. М. Н. Жемчужниковъ писалъ В. А. Арцимовичу:

„Въ дополненіе къ вчерашнему моему описанію здѣшнихъ сужденій о твоихъ распоряженіяхъ могу сказать сегодня то, чтó слышалъ въ общемъ собраніи Сената. Съ пріѣздомъ сюда Мальцова толки и пересуды о твоихъ распоряженіяхъ по обнародованію манифеста 19 февраля и положенія о крестьянахъ еще сильнѣе распространились въ придворномъ и правительственномъ кругу, и о дѣлѣ по имѣнію Мальцова въ особенности. Онъ подалъ записку Валуеву и роздалъ многимъ копіи съ этой записки. Глупцы, льстецы, подлецы и вообще принадлежащіе къ *двусмысленнымъ* принимаютъ участіе въ Мальцовѣ и обвиняютъ тебя. Умные, здравомыслящіе и понимающіе дѣло

реданнѣйшихъ сторонниковъ реформы, еще недавно совѣтовавій В. А. не обращать вниманія на различныя стѣснительныя распоряженія, исходившія изъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу [1]), теперь пишетъ ему о необходимости быть осторожнѣе; а государственный секретарь Бутковъ, когда-то писавій Виктору Антоновичу, что онъ еще не знаетъ той губерніи, въ которую В. А. „для блага этой губерніи“ будетъ назначенъ, теперь, когда къ нему пришелъ откланиваться одинъ изъ служившихъ въ канцеляріи Главнаго Комитета чиновниковъ [2]), принявшій теперь должность мирового посредника въ калужской губерніи, сказалъ ему, обнимая его: „я очень радъ, что вы будете продолжать свою службу крестьянскому дѣлу, очень жалѣю только, что вы попали въ губернію, въ которой не сегодня-завтра вспыхнетъ бунтъ“.

И вотъ въ двадцатыхъ числахъ мая Викторъ Антоновичъ получилъ отъ Валуева бумагу, текстъ которой мы приводимъ дословно:

„Отношенія вашего превосходительства отъ 15, 16 и 19 минувшаго апрѣля, по дѣлу о безпорядкахъ на горныхъ заводахъ отставного генералъ-маіора Мальцова въ калужской губерніи, всеподданнѣйше доложены были бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю Императору и по Высочайшему повелѣнію представлены мною въ Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія на разсмотрѣніе.

„Главный Комитетъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, не могъ не замѣтить, что между мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ и генералъ-маіоромъ Мальцовымъ существуютъ, къ сожалѣнію, взаимное недовѣріе и непріязненныя отношенія. Это обстоятельство требуетъ особой осмотрительности при разрѣшеніи настоящаго представленія, а потому нельзя сдѣлать какого-либо положительнаго заключенія о дѣйствіяхъ Мальцова, на основаніи одного только донесенія губернатора.

оправдываютъ тебя и винятъ Мальцова. Но какъ первыхъ болѣе и къ нимъ присоединилось „бабьё“, то въ пользу Мальцова крикъ слышнѣе. Записку его я не читалъ, но Дм. Оболенскій черезъ сенатора Любимова передалъ мнѣ, что она исполнена: лжи, клеветы и порицанія на твой счетъ. По мнѣнію Оболенскаго, если кто вовсе незнакомъ съ тобой и знаетъ лишь по оффиціальнымъ отзывамъ о составленной твоею службою репутаціи, то, прочитавъ записку Мальцова, тотчасъ пойметъ, что ты совершенно правъ, а Мальцовъ кругомъ виноватъ. Такое свое заключеніе Оболенскій сказалъ Валуеву, съ которымъ онъ въ хорошихъ отношеніяхъ“.

[1]) Письмо кн. Д. Оболенскаго отъ 31 января, 1859 г.

[2]) Николай Павловичъ Щепкинъ.

Для зауряднаго человѣка, казалось бы, третьяго выход
было.

Но Арцимовичъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ
шелъ въ этомъ затруднительномъ положеніи третій вых
который вывелъ его блестящимъ образомъ изъ затрудненія.
написалъ Валуеву письмо, въ которомъ выказалась одина
и сила и благородство его характера и замѣчательная яс
его государственнаго ума. Вѣроятно, Валуеву не часто при
лось получать столь энергичныя письма, выдержанныя въ та
лойяльномъ тонѣ.

Вотъ это письмо:

„Милостивый Государь

Петръ Александровичъ.

Въ оффиціальномъ предложеніи отъ 19 мая, за № 111,
превосходительство изволили сообщить мнѣ, что представ
мои по дѣлу о безпорядкахъ на горныхъ заводахъ генер
маіора Мальцова были внесены вами въ Главный Комитетъ
устройствѣ сельскаго состоянія и что, согласившись съ ва
заключеніемъ, „Комитетъ не могъ не замѣтить, что между м
нымъ губернскимъ начальствомъ и генераломъ Мальцов
существуетъ, къ сожалѣнію, взаимное недовѣріе и непріяз
ныя отношенія, и что, слѣдовательно, нельзя дѣлать какого-
положительнаго вывода о дѣйствіяхъ Мальцова на основ
одного только донесенія губернатора“.

Докладъ съ таковымъ осужденіемъ моихъ дѣйствій и
зрѣніемъ въ лживыхъ донесеніяхъ, къ великому моему
скорбію, представленъ былъ на Высочайшее воззрѣніе.

Подобныя обвиненія въ лицепріятіи, происходящемъ отъ
пріязненныхъ отношеній, въ обманѣ, въ отсутствіи правительст
ныхъ соображеній и въ мелкихъ низкихъ побужденіяхъ—не мо
не оскорбить меня послѣ двадцатилѣтнихъ тяжкихъ трудовъ
пріобрѣтенію честнаго имени и посильныхъ занятій на по
государства.

по внѣшности даже довольно почетный. Какъ разъ около этого времен
маѣ 1861 года) его приглашалъ перейти на службу въ министерство фина
новый министръ Н. Х. Рейтернъ,—въ директоры одного изъ департамен
Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ архивѣ Арцимовича п
М. Н. Жемчужникова отъ 10 мая 1861 года. Можетъ быть, перейдя туда
сдѣлалъ бы при его дарованіяхъ блестящую карьеру, но Викторъ Антон
предпочиталъ въ ту минуту свой боевой постъ всякому другому, и отстоя
конца свое благородное дѣло онъ считалъ для себя вопросомъ чести.

Нынѣ, направляя всѣ силы и способности для достиженія предначертаній правительства и будучи преданъ не только по долгу званія моего, но и по глубокому сочувствію предпринятой Государемъ Императоромъ реформѣ, я не могъ ожидать порицанія той съ моей стороны дѣятельности и того направленія, которыя еще недавно заслуживали одобренія правительства.

Разсмотрѣвъ снова со вниманіемъ всю переписку по дѣлу генерала Мальцова, я рѣшительно не нахожу въ ней основаній къ обиднымъ для меня выводамъ.

Во-первыхъ, всѣ распоряженія по возбужденному самимъ генераломъ Мальцовымъ дѣлу послѣдовали на точномъ основаніи законовъ и приняты были не лично мною, а послѣ подробнаго обсужденія и единогласнаго заключенія губернскаго присутствія съ участіемъ губернскаго предводителя и другихъ членовъ дворянства, которые въ этомъ дѣлѣ, такъ же, какъ и я, поражены были выходкою генерала Мальцова, представляющеюся не только дерзкою, но и крамольною въ глазахъ правительственнаго лица или учрежденія, имѣющаго возможность сдѣлать непосредственную оцѣнку всему происходящему въ подвѣдомственной ему мѣстности.

Мы здѣсь въ Калугѣ считали вреднымъ и весьма опаснымъ примѣръ анархическаго произвола и думали, что нѣтъ ужаснѣе преступленія, какъ вымышленіе небывалыхъ бунтовъ съ цѣлью испугать правительство, подорвать довѣріе народа къ нему и его къ народу въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ и правительство и народъ наиболѣе нуждаются во взаимномъ довѣріи, и, наконецъ, съ цѣлью подвинуть мѣстныя власти къ принятію мѣръ чрезвычайной строгости въ отношеніи населенія невиннаго и покорнаго.

Во-вторыхъ, разномысліе въ губернскомъ присутствіи послѣдовало только по вопросу о вызовѣ Мальцова изъ имѣнія. Вопросъ же этотъ не подлежалъ разрѣшенію мѣстныхъ властей и представленъ былъ, какъ мнѣніе, въ министерство съ приложеніемъ всѣхъ безъ исключенія бумагъ и документовъ, бывшихъ въ виду губернскаго начальства, а слѣдовательно, въ разсмотрѣніи высшаго правительства находились не одни донесенія губернатора, какъ сказано въ предложеніи за № 111.

Въ-третьихъ, воззрѣніе мое на дѣйствія Мальцова высказано съ полной откровенностью подъ впечатлѣніемъ совершившагося важнаго событія и съ желаніемъ передать министерству тѣ мои правительственныя соображенія, которыя основаны на мѣстныхъ данныхъ. Притомъ же сужденія мои, подкрѣпленныя письмами

Мальцова и другими фактами, были довѣрчиво предст
мною къ предмѣстнику вашему, какъ лицу, которое н
не сомнѣвалось въ чистотѣ моихъ побужденій и стремле
министерствѣ, безъ сомнѣнія, были еще и другія указа
подкрѣпленіе моихъ доводовъ о непріязненности Мальц
совершающейся реформѣ; но, вѣроятно, эти указанія н
вамъ доложены.

Въ четвертыхъ, первоначально мною донесено, что
водахъ Мальцова не было мятежа, ни даже важнаго безп
между мастеровыми, ибо по произвольному приказанію пом
безъ всякаго участія властей, безпрепятственно были за
люди и даже сооружены на заводѣ новыя кандалы. Впосл
я доводилъ до свѣдѣнія министерства, что заводское на
совершенно спокойно и что надзоръ властей усиленъ введ
мирового разбирательства предводителя дворянства. Изъ
ній Главнаго Комитета нельзя не вывести заключенія, ч
слѣдующія мои донесенія были ему неизвѣстны.

Всѣ эти доводы приводятъ меня къ заключенію, ч
ваше превосходительство, внося дѣло въ Главный Ко
были обмануты неточнымъ докладомъ, или генералъ Ма
взвелъ на меня обвиненія, полныя клеветы и лжи.

Въ первомъ случаѣ смѣло надѣюсь, что ваше прев
тельство подвергнете дѣло Мальцова новому всесторо
обсужденію и не откажете мнѣ въ возстановленіи ист
ввѣренномъ вамъ министерствѣ и въ Главномъ Комитетѣ
министръ и честный человѣкъ, представите дѣло въ насто
его видѣ Государю Императому, во второмъ же случа
оставите распоряженіемъ о сообщеніи мнѣ жалобъ и до
генерала Мальцова, дабы я могъ представить безъ заме
факты въ защиту моей чести.

Въ заключеніе мнѣ остается покорнѣйше просить ва
чтить меня безотлагательно отвѣтомъ на это письмо. Въ н
щее трудное преобразовательное время начальники гу
заботящіеся о примѣненіи къ жизни новаго закона, несу
своихъ плечахъ всю тяжесть возникающихъ въ обществѣ
разумѣній и неудовольствій. Безъ довѣрія верховнаго упра
положеніе такихъ губернаторовъ дѣлается невозможны
особенности въ губерніяхъ, гдѣ встрѣчается большое пр
дѣйствіе и являются люди, желающіе обратить тольк
изданные Манифестъ и законы въ одинъ историческій
никъ и мертвую букву.

Съ истиннымъ уваженіемъ и проч...“.

П. А. Валуевъ, получивъ это письмо, понялъ, вѣроятно, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ непреклоннымъ, который съумѣетъ во всякомъ случаѣ отстоять свою честь и правое дѣло, которое защищаетъ...

По Высочайшему повелѣнію телеграммой шефа жандармовъ, Викторъ Антоновичъ былъ вызванъ на 31 мая въ Москву. Здѣсь онъ видѣлся впервые съ П. А. Валуевымъ и затѣмъ принятъ былъ Государемъ.

Въ чемъ именно заключалась бесѣда его съ Государемъ изъ бумагъ, принадлежащихъ къ его архиву, не видно; но на копіи съ вышеприведеннаго его письма къ П. А. Валуеву сохранилась его собственноручная помѣтка: „Это письмо разрѣшилось личными объясненіями съ Государемъ Императоромъ“; въ запискѣ же, представленной 18 октября того же года сенатору Капгеру, Викторъ Антоновичъ писалъ по этому поводу: „послѣ свиданія съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ я имѣлъ счастье представляться Государю Императору и, *получивъ отъ Его Величества одобреніе и наставленіе, воротился въ Калугу съ твердою рѣшимостью не отступать ни на шагъ отъ принятой мною системы управленія*“.

Дѣло Мальцова было, наконецъ, пересмотрѣно и въ Главномъ Комитетѣ, послѣ чего кончилось полнымъ торжествомъ Виктора Антоновича.

4 января 1862 года, за № 2, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ (по Высочайшему повелѣнію):

„Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, разсмотрѣвъ внесенное мною представленіе по дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ на заводахъ генералъ-маіора Мальцова въ калужской губерніи, и принимая во вниманіе, что самъ помѣщикъ Мальцовъ вѣроятно уже созналъ неправильность своихъ дѣйствій, такъ какъ губернское присутствіе уничтожило его распоряженія и признало ихъ противозаконными и заслуживающими осужденія, съ чѣмъ согласился и Главный Комитетъ; что мастеровые, обвиняемые въ возбужденіи безпорядковъ, содержались въ теченіе 8 дней въ кандалахъ, были разлучены съ семействами и удалены изъ имѣнія въ г. Брянскъ, гдѣ находятся доселѣ [1]), и что къ признанію ихъ зачинщиками безпо-

[1]) Эти люди были возвращены по распоряженію калужской губернской администраціи на заводы въ апрѣлѣ же 1861 года; затѣмъ по Высочайшему повелѣнію они были отданы подъ наблюденіе слѣдственной комиссіи, и хотя предсѣдатель ея генералъ Бутеневъ доносилъ Арцимовичу отъ 30 мая о томъ, что о поведеніи этихъ людей не обнаружено никакихъ неблагопріятныхъ для

Мальцова и другими фактами, были довѣрчиво представлены мною къ предмѣстнику вашему, какъ лицу, которое никогда не сомнѣвалось въ чистотѣ моихъ побужденій и стремленій. Въ министерствѣ, безъ сомнѣнія, были еще и другія указанія въ подкрѣпленіе моихъ доводовъ о непріязненности Мальцова къ совершающейся реформѣ; но, вѣроятно, эти указанія не были вамъ доложены.

Въ четвертыхъ, первоначально мною донесено, что на заводахъ Мальцова не было мятежа, ни даже важнаго безпорядка между мастеровыми, ибо по произвольному приказанію помѣщика, безъ всякаго участія властей, безпрепятственно были закованы люди и даже сооружены на заводѣ новыя кандалы. Впослѣдствіи я доводилъ до свѣдѣнія министерства, что заводское населеніе совершенно спокойно и что надзоръ властей усиленъ введеніемъ мирового разбирательства предводителя дворянства. Изъ сужденій Главнаго Комитета нельзя не вывести заключенія, что послѣдующія мои донесенія были ему неизвѣстны.

Всѣ эти доводы приводятъ меня къ заключенію, что или ваше превосходительство, внося дѣло въ Главный Комитетъ, были обмануты неточнымъ докладомъ, или генералъ Мальцовъ взвелъ на меня обвиненія, полныя клеветы и лжи.

Въ первомъ случаѣ смѣло надѣюсь, что ваше превосходительство подвергнете дѣло Мальцова новому всестороннему обсужденію и не откажете мнѣ въ возстановленіи истины во ввѣренномъ вамъ министерствѣ и въ Главномъ Комитетѣ и, какъ министръ и честный человѣкъ, представите дѣло въ настоящемъ его видѣ Государю Императому, во второмъ же случаѣ—не оставите распоряженіемъ о сообщеніи мнѣ жалобъ и доносовъ генерала Мальцова, дабы я могъ представить безъ замедленія факты въ защиту моей чести.

Въ заключеніе мнѣ остается покорнѣйше просить васъ почтить меня безотлагательно отвѣтомъ на это письмо. Въ настоящее трудное преобразовательное время начальники губерній, заботящіеся о примѣненіи къ жизни новаго закона, несутъ на своихъ плечахъ всю тяжесть возникающихъ въ обществѣ недоразумѣній и неудовольствій. Безъ довѣрія верховнаго управленія положеніе такихъ губернаторовъ дѣлается невозможнымъ, въ особенности въ губерніяхъ, гдѣ встрѣчается большое противодѣйствіе и являются люди, желающіе обратить только что изданные Манифестъ и законы въ одинъ историческій памятникъ и мертвую букву.

Съ истиннымъ уваженіемъ и проч...“.

Нынѣ, направляя всѣ силы и способности для достиженія предначертаній правительства и будучи преданъ не только по долгу званія моего, но и по глубокому сочувствію предпринятой Государемъ Императоромъ реформѣ, я не могъ ожидать порицанія той съ моей стороны дѣятельности и того направленія, которыя еще недавно заслуживали одобренія правительства.

Разсмотрѣвъ снова со вниманіемъ всю переписку по дѣлу генерала Мальцова, я рѣшительно не нахожу въ ней основаній къ обиднымъ для меня выводамъ.

Во-первыхъ, всѣ распоряженія по возбужденному самимъ генераломъ Мальцовымъ дѣлу послѣдовали на точномъ основаніи законовъ и приняты были не лично мною, а послѣ подробнаго обсужденія и единогласнаго заключенія губернскаго присутствія съ участіемъ губернскаго предводителя и другихъ членовъ дворянства, которые въ этомъ дѣлѣ, такъ же, какъ и я, поражены были выходкою генерала Мальцова, представляющеюся не только дерзкою, но и крамольною въ глазахъ правительственнаго лица или учрежденія, имѣющаго возможность сдѣлать непосредственную оцѣнку всему происходящему въ подвѣдомственной ему мѣстности.

Мы здѣсь въ Калугѣ считали вреднымъ и весьма опаснымъ примѣръ анархическаго произвола и думали, что нѣтъ ужаснѣе преступленія, какъ вымышленіе небывалыхъ бунтовъ съ цѣлью испугать правительство, подорвать довѣріе народа къ нему и его къ народу въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ и правительство и народъ наиболѣе нуждаются во взаимномъ довѣріи, и, наконецъ, съ цѣлью подвинуть мѣстныя власти къ принятію мѣръ чрезвычайной строгости въ отношеніи населенія невиннаго и покорнаго.

Во-вторыхъ, разномысліе въ губернскомъ присутствіи послѣдовало только по вопросу о вызовѣ Мальцова изъ имѣнія. Вопросъ же этотъ не подлежалъ разрѣшенію мѣстныхъ властей и представленъ былъ, какъ мнѣніе, въ министерство съ приложеніемъ всѣхъ безъ исключенія бумагъ и документовъ, бывшихъ въ виду губернскаго начальства, а слѣдовательно, въ разсмотрѣніи высшаго правительства находились не одни донесенія губернатора, какъ сказано въ предложеніи за № 111.

Въ-третьихъ, воззрѣніе мое на дѣйствія Мальцова высказано съ полной откровенностью подъ впечатлѣніемъ совершившагося важнаго событія и съ желаніемъ передать министерству тѣ мои правительственныя соображенія, которыя основаны на мѣстныхъ данныхъ. Притомъ же сужденія мои, подкрѣпленныя письмами

рядковъ не имѣется требуемыхъ закономъ доказательствъ могъ не согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ во всепо нѣйшемъ рапортѣ свиты Е. И. В. генералъ-маіора Козн чтобы дѣло помѣщика Мальцова и мастеровыхъ его зав какъ дѣло исключительное, возникшее вслѣдъ за отмѣнок постной зависимости, вызванное взаимнымъ увлеченіемъ, щее характеръ чисто мѣстный, покрыть царскимъ милосер и на семъ основаніи освободить отъ всякаго взысканія уч вавшихъ въ означенномъ дѣлѣ лицъ, оставивъ оное безъ кихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Посему Главный Комитетъ полагалъ:

1) „Производство дѣла о безпорядкахъ на заводахъ пом генералъ-маіора Мальцова прекратить и оставить безъ вс послѣдствій, не подвергая прикосновенныхъ къ оному ли какимъ преслѣдованіямъ и взысканіямъ; и

2) „удаленнымъ въ Брянскъ восьми мастеровымъ, по ваемымъ въ возбужденіи безпорядковъ, дозволить возвратить заводы, гдѣ имѣть надъ ними особое наблюденіе со ст мѣстнаго полицейскаго начальства, взявъ съ нихъ подпис томъ, что они будутъ вести себя добропорядочно и объявив вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ случаѣ замѣченныхъ съ ихъ ст какихъ-либо поступковъ, могущихъ подать поводъ къ безп камъ, они будутъ немедленно удалены изъ имѣнія и подвер взысканію по закону.

„Государь Императоръ на журналѣ Главнаго Комите 20 день декабря 1861 г. соизволилъ написать собственнор

„*Исполнить, но генералъ-маіору Мальцову сдѣлать моего имени строгій выговоръ за самоуправныя его дѣйст объявить, что если таковыя повторятся, то онъ подверг всей строгости закона*“.

Этотъ финалъ доставилъ, конечно, Виктору Антонови всѣмъ ему сочувствовавшимъ полное удовлетвореніе.

Мальцовъ въ безсильной ярости уѣхалъ за границу.

Но пока дѣло это окончилось такимъ образомъ, прош

нихъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе онъ вслѣдъ затѣмъ испросилъ черезъ жандармовъ Высочайшее соизволеніе на выселеніе ихъ изъ имѣнія Ма „въ случаѣ необходимости“ и, воспользовавшись этимъ, выселилъ ихъ въ Б безъ всякаго съ ихъ стороны повода къ принятію этой мѣры. Хотя А вичъ протестовалъ противъ этого распоряженія Бутенева въ предста министру отъ 10 іюня за № 3357, однако люди эти все же оставлены б Брянскѣ до конца дѣла, т.-е. до января 1862 г.

вать мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Виктору Антоновичу пришлось пережить много новыхъ тревогъ и нападеній.

Дѣло Мальцова послужило, какъ оказалось, сигналомъ къ цѣлому движенію крѣпостниковъ калужской губерніи, исполненному, какъ мы увидимъ, клеветъ, доносовъ, явныхъ и тайныхъ нападеній, направленныхъ къ удаленію В. А. Арцимовича съ его боевого поста. Но прежде чѣмъ приступить къ ихъ изложенію, необходимо вернуться къ правительственной дѣятельности самого Арцимовича и руководимыхъ имъ новыхъ крестьянскихъ учрежденій.

ГЛАВА VII.

Открытіе и составъ губернскаго присутствія. Задачи, ему предстоявшія. Планъ Арцимовича и поставленныя имъ цѣли. Осуществленіе права жалобъ и облегченіе повинностей крестьянъ. Образованіе волостей и сельскихъ обществъ. Мѣры, принятыя къ подготовленію полиціи къ новому порядку вещей. Циркуляръ по полиціи, указавшій ей новые пріемы дѣйствій. Впечатлѣніе, произведенное этимъ циркуляромъ въ сосѣднихъ губерніяхъ и въ Петербургѣ. Мѣры къ облегченію повинностей крестьянъ. Другія мѣры присутствія. Урочное положеніе. Подборъ и назначеніе мировыхъ посредниковъ. Неудача попытки крѣпостниковъ провести своихъ кандидатовъ. Несогласія въ губернскомъ присутствіи. Группировка членовъ по ихъ направленію. Стремленіе помѣщиковъ къ репрессивнымъ мѣрамъ. Твердая охрана законности и новыхъ правъ крестьянъ со стороны присутствія. Агитація крѣпостниковъ. Поддержка ихъ въ Петербургѣ. Дѣйствія Валуева. Жалобы помѣщиковъ на ихъ разореніе. Дѣйствительное положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ. Истинные размѣры и причины неурожая. Ходъ полевыхъ работъ. Дѣятельность мировыхъ учрежденій и солидарность ихъ съ губернаторомъ. Вражда помѣщиковъ. Трудность дѣятельности посредниковъ. Ихъ обязанности. Успѣхъ ихъ дѣятельности. Точка зрѣнія помѣщиковъ. Отношеніе присутствія къ мировымъ учрежденіямъ. Ненависть дворянъ. Интриги и письма. Столкновеніе въ губернскомъ присутствіи князя Оболенскаго съ губернскимъ предводителемъ Щукинымъ. Агитація, предпринятая послѣднимъ. Ея успѣхъ въ Петербургѣ. Измѣненіе состава губернскаго присутствія вслѣдствіе происковъ дворянъ.

Калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе открыло свои дѣйствія 10 марта 1861 года [1]). Членами его были: губернскій предводитель дворянства *Ѳ. С. Щукинъ*, управляющій палатою госуд. имущ. *В. В. Юзефовичъ*, губернскій прокуроръ *Н. П. Трузсонъ* и дворяне-помѣщики—по назначенію отъ правительства: кн. *А. В. Оболенскій* и *П. Н. Свистуновъ*—

---

[1]) Печатные журналы калужскаго губернскаго присутствія были весьма обстоятельно разработаны П. Н. Обнинскимъ въ интересныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Мысли“ за 1896 годъ (№№ 4—6).

и по выбору дворянства: *О. Ѳ. Оттъ* и *А. Е. Баскаковъ*;
кретаремъ — *А. П. Ломанскій*. Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ
только предсѣдательствовалъ, но и руководилъ ближайшимъ об
зомъ всѣми занятіями присутствія съ самаго открытія его и
конца своего пребыванія въ Калугѣ. Это видно и изъ сох
нившейся въ его архивѣ переписки того времени, и изъ самы
журналовъ присутствія, которые *печатались* въ приложеніи
губернскимъ вѣдомостямъ.

Первое засѣданіе было открыто въ то самое время, ко
разосланные во всѣ углы губерніи вѣстники воли объявляли кр
стьянамъ манифестъ и указъ Сенату. Присутствію предсто
огромная работа: организовать на мѣстахъ и пустить въ х
новыя учрежденія и при помощи ихъ вводить въ жизнь тол
что объявленную реформу, кореннымъ образомъ измѣнявшую в
строй народной жизни.

В. А. Арцимовичъ понималъ трудность этой задачи, но
не пугала его, потому что у него былъ опредѣленный пл
дѣйствій и немногочисленные, но надежные сотрудники, ко
рыхъ онъ съумѣлъ сгруппировать около дорогого имъ всѣмъ
тѣсно связывавшаго ихъ между собою большого народнаго дѣ
Они задались цѣлью осуществить реформу такъ, чтобы к
стьяне тотчасъ почувствовали облегченіе и улучшеніе своего бы
притомъ „улучшеніе не на словахъ и не на бумагѣ, а на
момъ дѣлѣ". Въ то же время необходимо было достигнуть это
по возможности, безъ потрясеній и замѣшательствъ.

Близко присматриваясь къ народной жизни, и имѣвъ
предшествующіе годы не разъ случай внимательно изслѣдов
строй крѣпостныхъ отношеній въ различныхъ частяхъ калу
ской губерніи, Викторъ Антоновичъ могъ заранѣе предвидѣть ка
именно трудности встрѣтятся при ликвидаціи этихъ крѣпостны
отношеній.

Мы уже видѣли, какъ онъ обставилъ объявленіе воли и
кія мѣры принялъ къ немедленному ознакомленію крестьянъ
подлинными статьями положеній. Теперь предстояло устро
такъ, чтобы крестьяне увидѣли тотчасъ же, что положеніе
измѣняется къ лучшему и на дѣлѣ. В. А. понималъ, что ул
шить сразу экономическій бытъ населенія не въ его власти,
онъ былъ убѣжденъ, что вполнѣ возможно и необходимо с
лать сразу же осязательной рѣзкую перемѣну въ ихъ правово
положеніи. При крѣпостномъ строѣ безправіе крестьянъ пр
тически выражалось наиболѣе общимъ для всѣхъ ихъ образ

въ *отсутствіи права жалобы* [1]). Отсутствіемъ этого права объяснялись и тѣ многочисленные безпорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которые такъ часто происходили передъ освобожденіемъ крестьянъ и въ калужской, какъ и въ прочихъ губерніяхъ. Когда гнетъ становился нестерпимымъ, когда злоупотребленія помѣщичьей властью выводили крестьянъ изъ состоянія привычной покорности—единственной формой протеста, единственнымъ способомъ привлечь къ своему положенію вниманіе сильныхъ міра сего для крестьянъ при крѣпостномъ правѣ были *волненія*. Этотъ способъ протеста до того сдѣлался обыченъ крестьянскому міру при крѣпостномъ правѣ, что легко могъ проявиться и при новомъ положеніи во всѣхъ случаяхъ недовольства крестьянъ. Случаи же эти могли быть весьма многочисленны уже вслѣдствіе одного несоотвѣтствія надеждамъ крестьянъ объявленной имъ „воли“, и могли еще болѣе участиться вслѣдствіе несомнѣннаго нерасположенія помѣщиковъ къ уступкамъ и враждебнаго отношенія большинства изъ нихъ къ совершавшемуся преобразованію. При такомъ настроеніи обоихъ сословій столкновенія должны были быть неизбѣжны и многочисленны. И чѣмъ менѣе лойально въ случаѣ такихъ столкновеній держали бы себя крестьяне, тѣмъ тяжелѣе это могло бы отразиться при начинавшейся въ высшихъ сферахъ реакціи на ихъ собственномъ положеніи и на осуществленіи самой крестьянской реформы. При этомъ, зная настроеніе помѣщиковъ, можно было ожидать, что они именно будутъ стараться преувеличивать всякое недоразумѣніе или безпорядокъ, произведенный крестьянами, для того, чтобы запугать правительство.

Главнымъ средствомъ противъ всѣхъ подобныхъ случайностей Викторъ Антоновичъ справедливо считалъ широкое распространеніе въ народѣ сознанія права приносить жалобы, причемъ онъ понималъ, что освобождаемые крестьяне тѣмъ скорѣе поймутъ значеніе для себя этого права, чѣмъ быстрѣе каждая жалоба будетъ разсматриваться и чѣмъ справедливѣе будетъ раз-

---

[1]) См. *В. И. Семевскаго* „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, а также недавно изданную книжку *И. И. Игнатовичъ* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“ (Печаталось и въ Русск. Бог. за 1900 годъ). Спб. 1902 г., гл. I. Ср. также *А. И. Скребицкаго* „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II“, т. I, стр. 74. Генер. Ростовцевъ въ письмахъ, писанныхъ Государю изъ-за границы въ 1858 г. полагалъ, что крестьянину, какъ гражданину, должны быть предоставлены равныя со всѣми свободными податными сословіями права личныя, по имуществу и *по праву жалобъ*, (тамъ же въ прим.).

рѣшаться. Поэтому онъ считалъ существенно важнымъ, еще
введенія мировыхъ учрежденій, установить правильныя отно
нія между крестьянами и уѣздными наличными властями.

Съ другой стороны, было не менѣе важно тотчасъ же п
няться за облегченіе тѣхъ крестьянъ, повинности которыхъ
крѣпостномъ правѣ были чрезмѣрно обременительны.

Руководимый именно этими глубоко продуманными сооб
женіями, Арцимовичъ настойчиво внушалъ отправленнымъ
для объявленія манифеста и указа чиновникамъ выслуши
жалобы крестьянъ и стараться собрать свѣдѣнія о случаяхъ ч
мѣрнаго обремененія ихъ повинностями и вообще о ихъ п
женіи во всѣхъ частяхъ губерніи. И теперь, открывая губе
ское присутствіе, онъ руководился тѣми же мыслями. Вс
эти его мысли и соображенія получили подкрѣпленіе и мат
алъ для дальнѣйшаго ихъ развитія въ отчетахъ возратившi
послѣ объявленія воли чиновниковъ, образчики которыхъ п
ведены въ предыдущей главѣ.

Первыми мѣрами, которыя В. А. предложилъ губернск
присутствію обсудить и принять, были:

1) Образованіе волостей и сельскихъ обществъ, въ вид
скорѣйшаго осуществленія крестьянскаго самоуправленія и
мѣны существовавшихъ вотчинныхъ начальниковъ крестьянск
избранниками.

2) Разъясненіе характера новыхъ отношеній между крест
нами и помѣщиками и наставленіе полиціямъ, какъ относит
къ жалобамъ крестьянъ и требованіямъ помѣщиковъ.

3) Немедленное облегченіе повинностей въ имѣніяхъ,
онѣ чрезмѣрно велики.

Срокъ для открытія волостей и волостныхъ правленій,
значенный въ распорядительномъ указѣ, оканчивался 14 де
бря 1861 г., но калужское губернское присутствіе, дѣйст
черезъ уѣздныхъ предводителей дворянства до утвержденія
ровыхъ посредниковъ, а затѣмъ черезъ этихъ послѣднихъ, ор
низовало это дѣло такъ быстро, что послѣднія волостныя п
вленія въ губерніи были открыты въ августѣ, т.-е. за 4
сяца до срока. При этомъ отдано было предпочтеніе сист
крупныхъ волостей, въ видахъ избѣжанія обременительныхъ
крестьянъ расходовъ.

Но сами по себѣ новые волостные и сельскіе начальн
не могли, конечно, сразу оказать большое вліяніе на улучше
правового положенія и просвѣтленія правового сознанія к
стьянъ; имъ не хватало для этого ни опытности, ни дос

въ *отсутствіи права жалобы* [1]). Отсутствіемъ этого права объяснялись и тѣ многочисленные безпорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которые такъ часто происходили передъ освобожденіемъ крестьянъ и въ калужской, какъ и въ прочихъ губерніяхъ. Когда гнетъ становился нестерпимымъ, когда злоупотребленія помѣщичьей властью выводили крестьянъ изъ состоянія привычной покорности—единственной формой протеста, единственнымъ способомъ привлечь къ своему положенію вниманіе сильныхъ міра сего для крестьянъ при крѣпостномъ правѣ были *волненія*. Этотъ способъ протеста до того сдѣлался обыченъ крестьянскому міру при крѣпостномъ правѣ, что легко могъ проявиться и при новомъ положеніи во всѣхъ случаяхъ недовольства крестьянъ. Случаи же эти могли быть весьма многочисленны уже вслѣдствіе одного несоотвѣтствія надеждамъ крестьянъ объявленной имъ „воли", и могли еще болѣе участиться вслѣдствіе несомнѣннаго нерасположенія помѣщиковъ къ уступкамъ и враждебнаго отношенія большинства изъ нихъ къ совершавшемуся преобразованію. При такомъ настроеніи обоихъ сословій столкновенія должны были быть неизбѣжны и многочисленны. И чѣмъ менѣе лойально въ случаѣ такихъ столкновеній держали бы себя крестьяне, тѣмъ тяжелѣе это могло бы отразиться при начинавшейся въ высшихъ сферахъ реакціи на ихъ собственномъ положеніи и на осуществленіи самой крестьянской реформы. При этомъ, зная настроеніе помѣщиковъ, можно было ожидать, что они именно будутъ стараться преувеличивать всякое недоразумѣніе или безпорядокъ, произведенный крестьянами, для того, чтобы запугать правительство.

Главнымъ средствомъ противъ всѣхъ подобныхъ случайностей Викторъ Антоновичъ справедливо считалъ широкое распространеніе въ народѣ сознанія права приносить жалобы, причемъ онъ понималъ, что освобождаемые крестьяне тѣмъ скорѣе поймутъ значеніе для себя этого права, чѣмъ быстрѣе каждая жалоба будетъ разсматриваться и чѣмъ справедливѣе будетъ раз-

[1]) См. *В. И. Семевскаго* „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", а также недавно изданную книжку *И. И. Игнатовичъ* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія" (Печаталось и въ Русск. Бог. за 1900 годъ). Спб. 1902 г., гл. I. Ср. также *А. И. Скребицкаго* „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II", т. I, стр. 74. Генер. Ростовцевъ въ письмахъ, писанныхъ Государю изъ-за границы въ 1858 г. полагалъ, что крестьянину, какъ гражданину, должны быть предоставлены равныя со всѣми свободными податными сословіями права личныя, по имуществу и *по праву жалобъ*, (тамъ же въ прим.).

сто пристрастный сословный характеръ и сдѣлаться органомъ правительственныхъ, государственныхъ интересовъ, общихъ всѣмъ сословіямъ.

„При этомъ направленіи вамъ станетъ легче; дѣйствія ваши будутъ свободнѣе, *ибо вы не будете связаны закономъ, безусловно воспрещавшимъ жалобы трудолюбивому и полезному классу нашихъ землепашцевъ.*

„Не будетъ уже основанія всякое заявленіе о нуждахъ крестьянъ, всякое ходатайство ихъ о разборѣ именовать возмущеніемъ и подавлять безъ предварительнаго разсмотрѣнія однои только строгостью, — часто грубыми пріемами, устрашеніемъ и унизительными тѣлесными наказаніями.

„Все это, къ счастью, прошлое. Теперь, напротивъ, вы подъ строгою отвѣтственностью за неисполненіе закона, обязаны будете выслушивать безразлично прошенія и жалобы и всякаго рода ходатайства всего полноправнаго населенія. Вы обязаны будете примѣнять законы послѣ тщательнаго, всесторонняго, слѣдовательно, справедливаго разбирательства. При этомъ большая часть дѣлъ, касающихся крестьянскаго населенія, съ измѣненіемъ отношеній землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, потеряетъ свой уголовный характеръ и получитъ направленіе гражданскаго разбирательства. Обратите на это все вниманіе ваше“... Предупредивъ, что въ скоромъ времени большая часть дѣлъ по спорамъ и недоразумѣніямъ между помѣщиками и крестьянами перейдетъ къ мировымъ посредникамъ, Арцимовичъ рекомендовалъ земскимъ полиціямъ дѣйствовать при разборѣ такихъ дѣлъ въ духѣ примиренія сторонъ и разъясненія закона.

Свою замѣчательную рѣчь, обдуманную и составленную заранѣе, Викторъ Антоновичъ закончилъ такимъ обращеніемъ:

„*Дѣйствуйте смѣло въ предѣлахъ законности и не опасайтесь отвергать всѣ не основанныя на ней требованія,* а во всѣхъ затрудненіяхъ обращайтесь ко мнѣ и вообще доносите мнѣ со всею подробностью. Донесенія ваши будутъ разбираться со вниманіемъ. Намъ всѣмъ необходимо учиться и постепенно приспособлять себя къ должному направленію и исполненію высокихъ начертаній нашего Монарха, котораго благодушныя заботы о нашемъ нравственномъ возвышеніи такъ рѣшительно выразились въ отмѣнѣ порядка и законовъ, препятствовавшихъ всякому плодотворному развитію и дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ“.

Такъ наставлялъ калужскій губернаторъ представителей подчиненной ему полиціи 2-го марта 1861 года [1]).

Съ открытіемъ дѣйствій губернскаго присутствія, онъ тотчасъ же выставилъ послѣднему всю важность проведенія въ дѣйствія земскихъ полицій именно этихъ началъ.

На ряду съ необходимостью пріученія крестьянъ пользоваться правомъ жалобъ на незаконныя дѣйствія и притѣсненія помѣщиковъ взамѣнъ практиковавшихся возмущеній и незаконныхъ массовыхъ движеній, Викторъ Антоновичъ обратилъ вниманіе присутствія на коренное различіе недоразумѣній, проистекающихъ отъ неисполненія крестьянами различныхъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, прежде и теперь, послѣ реформы 19 февраля. При крѣпостномъ правѣ всякое такое неисполненіе являлось неповиновеніемъ господину со стороны законно принадлежащаго ему крѣпостного человѣка, и потому всякое такое неповиновеніе разсматривалось, какъ тяжкое уголовное преступленіе, которое должно было быть прекращаемо, а затѣмъ и караемо суровыми мѣрами. Съ паденіемъ крѣпостного права всѣ повинности крестьянъ въ пользу помѣщика отбываются не въ силу ихъ личной зависимости, а лишь за отведенную имъ землю и, слѣдовательно, неисполненіе ихъ имѣетъ значеніе отнюдь не уголовное, а чисто гражданское. Оно должно влечь за собой не наказаніе, а лишь вознагражденіе помѣщика за причиненный ему убытокъ.—Провести такое вполнѣ справедливое и разумное толкованіе закона съ самаго же начала представлялось тѣмъ существеннѣе, что Положеніе оставляло за помѣщикомъ право на весь срочно-обязанный періодъ отсылать провинившихся въ различныхъ проступкахъ крестьянъ для наказанія ихъ розгами въ земскую полицію. Естественно было опасаться, что помѣщики будутъ толковать это свое право распространительно и станутъ отсылать крестьянъ для сѣченія въ полицію за „нерадѣніе", „лѣность" и вообще за дурное исполненіе лежащихъ на нихъ повинностей.

Губернское присутствіе усвоило изложенный взглядъ губернатора и постановило: 1) просить гг. уѣздныхъ предводителей дворянства *для осуществленія на дѣлѣ Высочайше дарованнаго временно-обязаннымъ людямъ права жалобы* безотлагательно объявить (согласно 36 ст. пол. объ учрежд. по крестьян. дѣл.) во

[1]) Полный списокъ этой рѣчи, изъ которой мы привели только часть, сохранился въ бумагахъ В. А. Арцимовича съ собственноручной его помѣткой: „сказано 2 марта 1861 г.".

всеобщее свѣдѣніе: въ какое время и гдѣ они предполагаю заниматься разборомъ дѣлъ по жалобамъ, спорамъ и недораз мѣніямъ, возникающимъ изъ обязательныхъ отношеній меж помѣщиками и крестьянами и дворовыми людьми и во 2), пр сить губернское правленіе дать земскимъ полиціямъ соотвѣ ствующее наставленіе, что и было исполнено въ циркуляр 27 марта 1861 г.

Въ этомъ замѣчательномъ циркулярѣ, съ подробной мотив ровкой и ссылками на подлежащія статьи законовъ, земски полиціямъ указано, что всѣ споры и недоумѣнія между пом щиками и крестьянами по обязательнымъ ихъ отношеніямъ п длежатъ разбору мировой власти, а потому полиціи должны, входя въ разбирательство по жалобамъ и прошеніямъ этого род всѣхъ обращающихся къ нимъ по такимъ дѣламъ лицъ напр влять къ мировымъ посредникамъ, а пока ихъ нѣтъ къ уѣз нымъ предводителямъ. Далѣе разъяснено, что наказуемыми, ка уголовное преступленіе, дѣяніями крестьянъ противъ ихъ пом щиковъ могутъ считаться лишь: оскорбленіе помѣщика и члена его семейства и возбужденіе другихъ къ неисполнен возложенныхъ на нихъ повинностей; *самое же неисполненіе п винностей должно считаться нарушеніемъ гражданскаго хара тера и можетъ оканчиваться лишь возмѣщеніемъ убытков* поэтому земскимъ полиціямъ предписывалось въ такихъ сл чаяхъ уяснять крестьянамъ ихъ обязанности чтеніемъ подли ныхъ словъ манифеста и подлежащихъ статей положенія, д лать имъ внушенія и вразумленія черезъ чиновъ полиціи, д ховныхъ и другихъ, заслуживающихъ довѣрія, лицъ, предоста ляя дальнѣйшія дѣйствія посреднику или предводителю; есл недоразумѣніе возбуждено тяжестью повинностей или притѣсн ніями помѣщиковъ, то доносить объ этомъ немедленно уѣздно предводителю, а въ важныхъ случаяхъ и губернатору, приче тутъ же на мѣстѣ прочитывать крестьянамъ подлежащія „стат положенія (въ циркулярѣ точно указанныя), предоставляющ временно-обязаннымъ людямъ право приносить жалобы уѣздно предводителю или посреднику черезъ выборныхъ и охранять св права всѣми законными способами“. Во всѣхъ случаяхъ отк зовъ и уклоненій отъ исполненія повинностей указывалось пр дупреждать крестьянъ о неизбѣжномъ взысканіи за всѣ прогу ные дни или неплатежъ оброка. Въ томъ же циркулярѣ указ валось, что въ случаѣ присылки помѣщиками людей для наказ ній полиціямъ слѣдуетъ принимать къ своему разсмотрѣн только письменныя о томъ требованія и притомъ заключающ

въ себѣ точное объясненіе вины присылаемыхъ. При разрѣшеніи дѣлъ по этимъ требованіямъ полиція обязывалась соблюдать установленный закономъ порядокъ судебно-полицейскаго разбирательства (указывались подробно статьи закона) и въ назначеніи наказаній не превышать мѣры, указанной въ 102 ст. общаго положенія.

Опубликованіе этого циркуляра, при строгомъ отношеніи Арцимовича къ злоупотребленіямъ чиновниковъ, имѣло огромное нравственное и практическое значеніе—и въ смыслѣ огражденія крестьянъ отъ произвольнаго наложенія на нихъ наказаній, и въ смыслѣ огражденія самой полиціи отъ незаконныхъ и раздражительныхъ требованій помѣщиковъ.

Но до чего необычайнымъ показался этотъ циркуляръ во всѣхъ кругахъ тогдашняго общества, видно по слѣдующимъ фактамъ. Дворяне алексинскаго уѣзда тульской губерніи обратились по поводу этого циркуляра къ тульскому губернатору Дарагану съ петиціей, въ которой указывали на опасность для общественнаго спокойствія мѣръ, принимаемыхъ администраціей сосѣдней калужской губерніи. Генералъ Дараганъ нашелъ необходимымъ дать ходъ этому заявленію дворянъ и направилъ его въ министерство внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ объ этомъ и Виктору Антоновичу. Съ выраженіемъ подобныхъ же опасеній обратился къ Арцимовичу и другой его сосѣдъ, орловскій губернаторъ. Викторъ Антоновичъ отвѣчалъ имъ обоимъ въ успокоительномъ тонѣ съ указаніемъ на полное спокойствіе крестьянъ во всѣхъ уѣздахъ калужской губерніи [1]).

Петербургскіе друзья также предупреждали Виктора Антоновича о неудобствѣ опубликованія такихъ циркуляровъ, въ смыслѣ могущихъ постичь его непріятностей. Вотъ что́ писалъ ему баронъ Штакельбергъ отъ 29 апрѣля 1861 г.:

„Долженъ начать съ просьбы о снисхожденіи къ тому, что̀ я пишу къ вамъ сегодня. Побужденіемъ къ этому письму есть искреннее желаніе вамъ добра, хотя совѣты давать вамъ ко мнѣ не пристало — мнѣ вѣчно слѣдуетъ у васъ учиться... Но я знаю, что вы цѣните чистыя побужденія, притомъ вы въ Калугѣ не можете знать, что дѣлается у насъ; между тѣмъ какъ здѣсь носятся мысли въ воздухѣ, никто о нихъ не говоритъ, сами дѣятели ихъ ясно не сознаютъ, но человѣкъ, на-

---

[1]) Копіи съ этой курьезной переписки сохранились въ бумагахъ В. А. Арцимовича со сдѣланной имъ на обложкѣ юмористической надписью: „война съ сосѣдями“.

блюдающій со стороны, замѣчаетъ, между тѣмъ, какъ въ і
ніи иногда приходится платить дорого, прежде чѣмъ узі
объ этомъ особомъ петербургскомъ воздухѣ. Послѣ этого
наго предисловія вотъ въ чемъ дѣло:

Сегодня я прочелъ случайно нѣсколько донесеній ва
съ печатными журналами калужскаго губернскаго присут
Я былъ отъ души радъ видѣть опять ту же ясность и
дѣлительность, которыя я въ Тобольскѣ привыкъ видѣть во
дѣлахъ, до которыхъ прикасалась ваша рука. Но при это
я видѣлъ писанное рукой Соловьева черновое къ вамъ п
(которое подпишется вѣроятно Валуевымъ [1]), которое в
роятно получите вмѣстѣ съ моимъ письмомъ. Письмо эт
детъ вамъ непріятно, но, живя въ здѣшнемъ воздухѣ, я на
что оно имъ оправдывается; *такихъ постановленій при на
щихъ обстоятельствахъ публиковать нельзя.* Какъ должно
ожидать, и даже слишкомъ скоро послѣ обнародованія
ложеній, стала показываться здѣсь нѣкоторая реакція въ п
помѣщиковъ. Она началась при Ланскомъ, а при Валуевѣ
безъ сомнѣнія, будетъ сильнѣе. Оправдывается же она
ежедневными телеграфическими донесеніями о безпорядкахъ
необходимости употребленія военной силы. Зная въ чем
стоятъ эти безпорядки и выучившись у васъ, какъ всего у
поступать въ подобныхъ случаяхъ, я виню большую часть г
наторовъ, но здѣсь судятъ иначе, хотя немного, но все
пугаются, или, лучше сказать, дѣла эти опечаливаютъ,
этому легко вдаются въ другую крайность.

Поэтому, ради Бога, многолюбимый Викторъ Антоно
будьте осторожны".

Въ такомъ же родѣ писали Виктору Антоновичу князь
Оболенскій [2]) и Я. А. Соловьевъ.

---

[1]) Этого письма въ бумагахъ В. А. нѣтъ и можно, кажется, съ у
ностью утверждать, что оно не было послано, такъ какъ о немъ не
нается ни слова ни во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ходѣ крестьянскаг
за 1861 годъ (гдѣ говорится о самомъ циркулярѣ полиціи), ни въ записк
геру; а между тѣмъ въ обоихъ этихъ документахъ о всѣхъ подобныхъ пи
Валуева В. А. упоминалъ и даже на нихъ останавливался и давалъ по
объясненія.

[2]) Письмо князя Д. А. Оболенскаго отъ 9 мая 1861 года. „Я вид
писалъ между прочимъ князь—вчера съ П. А. Валуевымъ и завелъ съ
рѣчь о тебѣ и о твоихъ дѣяніяхъ. Онъ, зная мои къ тебѣ отношенія, п
сообщить тебѣ, что онъ хотя тебя мало знаетъ, но искренно уважаетъ,
тому не желалъ бы отъ тебя скрыть, что послѣднія твои дѣйствія ему п
лись *односторонними.* Вотъ почти буквально его слова. Я не уполном

Но Викторъ Антоновичъ не смутился, какъ мы увидимъ, этими предостереженіями, а продолжалъ по совѣсти тотъ курсъ, который одинъ соотвѣтствовалъ, по его мнѣнію, существу великой реформы и достоинству правительства. Будучи глубоко убѣжденъ въ правильности и разумности дѣлаемыхъ подъ его руководствомъ губернскимъ присутствіемъ распоряженій, онъ не только печаталъ эти постановленія, но и отсылалъ копіи въ Петербургъ, а впослѣдствіи подробно и откровенно изложилъ ихъ и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ [1]).

Другое важное распоряженіе губернскаго присутствія, принятое по инициативѣ Арцимовича въ самомъ началѣ, это—признаніе необходимости немедленно облегчить положеніе крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они особенно были обременены повинностями.

Викторъ Антоновичъ давно уже слѣдилъ съ особымъ вниманіемъ за подобными имѣніями и тщательно собиралъ о нихъ свѣдѣнія изъ дѣлъ о крестьянскихъ безпорядкахъ, возникавшихъ въ послѣдніе годы, и изъ статистическихъ матеріаловъ о населенныхъ имѣніяхъ, поступившихъ въ 1859 г. на разсмотрѣніе Губернскаго Комитета и затѣмъ разработанныхъ въ Петербургѣ при редакціонныхъ комиссіяхъ. Теперь собранные имъ ранѣе материалы обогатились еще тѣми свѣдѣніями, которыя ему доставили лица, объявлявшія по его порученію Манифестъ и Положеніе 19 февраля. Всѣ эти данныя онъ передалъ на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, указавъ съ своей стороны, что почти всѣ случаи неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ въ послѣдніе годы происходили въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ была допущена обременительная оброчно-барщинная повинность, и что въ

объяснять эти слова, но вполнѣ понимаю, что твои донесенія и протоколъ губернскаго присутствія могли оставить то невыгодное впечатлѣніе, которое выразилось въ упрекѣ въ односторонности". Эти слова, повидимому, относятся къ дѣлу Мальцова, въ концѣ же письма добавлено: „Противъ тебя такъ озлоблены всѣ помѣщики, что уши вянутъ отъ всякихъ разсказовъ. Особенно кричатъ противъ твоихъ циркуляровъ. Одинъ изъ нихъ съ поименованіемъ помѣщиковъ я читалъ—можно было бы, мнѣ кажется, сказать то же, но въ формѣ менѣе раздражительной. О другомъ—о несчитаніи преступленіемъ неисполненія повинностей, я слышалъ. Надо, мнѣ кажется, предоставить времени, литературѣ и просвѣщенію разъясненіе понятій о томъ, гдѣ граница между проступками противъ частныхъ лицъ и неисполненіемъ обязательствъ и договоровъ. Правительственныя лица призваны *дѣломъ* проводить идеи, а не теоретически преподавать ихъ"...

[1]) „Отчетъ калужскаго гражданскаго губернатора о ходѣ крестьянскаго дѣла", представленный Государю въ 1862 году.

настоящее время въ подобныхъ имѣніяхъ можно предвидѣть е
бóльшія затрудненія. Присутствіе поручило заняться разсмотр
ніемъ этого вопроса четыремъ членамъ изъ мѣстныхъ дворя
помѣщиковъ. Но еще до представленія доклада этими члена
присутствіе, по указанію также Виктора Антоновича, обрат
вниманіе на тѣ изъ имѣній съ обременительными повинностя
которыя состоятъ въ опекунскомъ управленіи, и поручило пр
водителямъ дворянства, какъ предсѣдателямъ опекъ, немедле
обязать опекуновъ подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ: 1) п
вести въ исполненіе въ этихъ имѣніяхъ тѣ статьи положен
которыми предоставляются крестьянамъ права тотчасъ по об
родованіи его [1]) и 2) вмѣнить опекунамъ въ обязанность н
медленно заняться составленіемъ уставныхъ грамотъ, преим
щественно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне, по невыгодно
надѣленію землею или другимъ причинамъ поставлены въ бо
или менѣе затруднительное положеніе. Затѣмъ, разсматрив
статистическія данныя объ имѣніяхъ со смѣшанною повинност
присутствіе замѣтило, что размѣръ этихъ повинностей необык
венно высокъ, между прочимъ и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, п
надлежащихъ должностнымъ лицамъ, имѣющимъ непосредствен
вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла [2]). Обративъ на это вн
маніе, присутствіе выразило убѣжденіе, что „лица, на которы
возлагается новымъ положеніемъ мировой судъ и разбирательст
необходимо должны, для пользы губерніи и спокойствія всего
населенія, особенно озаботиться пріобрѣтеніемъ довѣрія не одни
помѣщиковъ, но и крестьянъ“, для чего постановило рекоме
довать имъ тотчасъ же приступить къ приведенію въ исполне
въ ихъ имѣніяхъ тѣхъ правъ и льготъ, которыя предоставле
населенію положеніями. Предсѣдатель увѣдомилъ этихъ лицъ
воззрѣніи присутствія письмами, и они тотчасъ же приступи
къ облегченію повинностей въ своихъ имѣніяхъ [3]).

27 марта присутствіе заслушало докладъ 4-хъ членовъ о
имѣніяхъ со смѣшанною оброчно-барщинною повинностью. Ук
завъ примѣры чрезвычайно обременительныхъ для крестья
повинностей, особенно въ медынскомъ и тарускомъ уѣзда
и приведя на справку рескриптъ 1826 г., которымъ уѣздн

---

[1]) Ст. 2—19 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія.

[2]) Эти лица были: 3 предводителя дворянства въ разныхъ уѣздахъ. См. п
становленіе губернскаго присутствія 24 марта 1861 г.

[3]) Записка В. А. Арцимовича генералу Капгеру отъ 18 октября 1861
„Отчетъ калужскаго гражданскаго губернатора о ходѣ крестьянскаго дѣл
представленный Государю въ 1862 году.

предводители обязывались знать хозяйственный распорядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и въ случаѣ замѣченныхъ тягостей входить тотчасъ же въ личныя объясненія съ владѣльцами, а при безуспѣшности такой мѣры доводить до свѣдѣнія губернскаго предводителя, а также и подтвержденіе, полученное въ сентябрѣ 1860 г. калужскимъ губернскимъ предводителемъ черезъ губернатора отъ министра внутреннихъ дѣлъ, присутствіе высказало по этому вопросу слѣдующее соображеніе:

„Губернское присутствіе, озабочиваясь въ настоящее время о томъ, чтобы льготы и облегченія, дарованныя крестьянамъ Высочайшею волею, были распространены на всѣхъ одинаково, не можетъ не обратить особаго вниманія на крестьянъ, несущихъ смѣшанную повинность, въ самой неопредѣленности которой уже заключается своего рода тягость. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ лучшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ эта форма хозяйственнаго устройства постоянно избѣгалась, а напротивъ, пользовались ею, и съ особенною тягостью для крестьянъ, тѣ владѣльцы, которые не заботились о сохраненіи хорошихъ отношеній съ народомъ, и стремились единственно къ извлеченію сколь возможно болѣе выгодъ и доходовъ съ своихъ имѣній.

„Въ настоящее время, когда крестьянамъ дарованы личныя права и имъ дозволено приносить всякаго рода жалобы, нельзя уже примѣнять къ нимъ строгость прежнихъ постановленій и видѣть въ каждой жалобѣ крестьянъ, приносимой ими на тягость повинностей, прямое неповиновеніе владѣльцамъ. Губернское начальство можетъ входить въ разборъ дѣлъ о безпорядкахъ въ имѣніяхъ и содѣйствовать владѣльцу возстановленіемъ нарушенныхъ обязанностей крестьянъ только тогда, когда будетъ доказано, что существующій въ имѣніи порядокъ основанъ на законѣ, а не на произвольной требовательности помѣщика. Поддержка со стороны правительства въ этихъ случаяхъ тѣмъ болѣе не можетъ имѣть законнаго основанія теперь, что и въ прежнее время, при существованіи крѣпостного права, имѣнія такого рода преимущественно подвергались наложенію опеки по распоряженію высшаго правительства“.

Въ виду этихъ соображеній губернское присутствіе признало необходимымъ постановить:

1) Поручить уѣзднымъ предводителямъ немедленно доставить свѣдѣнія обо всѣхъ имѣніяхъ, несущихъ смѣшанную повинность, показавъ при этомъ, какъ количество оброка, такъ и размѣръ всѣхъ барщинскихъ работъ, отбываемыхъ крестьянами. Присутствіе въ то же время указывало, что эти свѣдѣнія должны уже быть

у предводителей, такъ какъ о собраніи ихъ было сдѣлано распоряженіе еще въ сентябрѣ 1860 года.

2) Поручить всѣ имѣнія со смѣшанною повинностью особому надзору „нынѣ гг. уѣздныхъ предводителей, а впослѣдствіи гг. мировыхъ посредниковъ" съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ повинности обременительны и, слѣдовательно, могутъ возбудить справедливыя жалобы крестьянъ, тотчасъ были приняты слѣдующія предупредительныя мѣры:

а) предложено было бы помѣщикамъ замѣнить смѣшанную повинность чистымъ оброкомъ;

б) если бы встрѣтились затрудненія при обращеніи на чистый оброкъ, то заключались бы съ крестьянами временныя условія на основаніи мѣстнаго положенія;

в) на случай, если бы помѣщики не изъявили готовности послѣдовать вышеозначеннымъ предложеніямъ, предводители—а впослѣдствіи мировые посредники—обязывались сообщать объ этомъ немедленно губернскому присутствію, которое уже приметъ мѣры, на основаніи предоставленной ему власти, къ правильному устройству хозяйственныхъ отношеній крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ.

3) Предводители обязывались о всѣхъ этихъ распоряженіяхъ непремѣнно увѣдомить всѣхъ помѣщиковъ.

4) Имъ поручалось также „провѣрить личнымъ разбирательствомъ повинности въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ уже были безпорядки съ тѣмъ, чтобы убѣдиться устранены ли причины ихъ".

Не останавливаясь на этомъ, губернское присутствіе поручило членамъ своимъ П. Н. Свистунову, кн. Оболенскому и О. Ѳ. Оттъ продолжать ихъ занятія по опредѣленію нормы оброка при которомъ не должна быть допущена дополнительная барщина, и насколько она можетъ быть уменьшена пропорціонально платимому оброку. Эти соображенія присутствіе желало имѣть на случай, „если оно признаетъ нужнымъ представить вопросъ о смѣшанной повинности на разрѣшеніе Главному Комитету".

Экскурсіи въ область прежнихъ постановленій правительства по этому вопросу губернскому присутствію пришлось сдѣлать потому, что въ новомъ законѣ не было указано никакихъ средствъ для борьбы съ притѣсненіями помѣщиковъ въ имѣніяхъ со смѣшанною повинностью. По той же причинѣ Викторъ Антоновичъ рѣшилъ, не останавливаясь приведеніемъ въ исполненіе журнала губернскаго присутствія, довести о состоявшихся въ немъ постановленіяхъ до свѣдѣнія министерства. Министерство представило журналъ калужскаго губернскаго присутствія на

Главный Комитетъ, который положилъ: поручить губернатору и губернскому предводителю „внушить черезъ уѣздныхъ предводителей помѣщикамъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьянскія повинности чрезмѣрно высоки и гдѣ вслѣдствіе того возникаютъ затрудненія въ побужденіи крестьянъ исправно отбывать сіи повинности, что отъ самихъ помѣщиковъ зависитъ прекратить возникающія затрудненія и неудовольствія немедленнымъ введеніемъ уставныхъ грамотъ или пониженіемъ повинностей, соотвѣтственно способамъ крестьянъ. Въ случаяхъ, когда сіи внушенія окажутся безуспѣшными и крестьянскія повинности признаны будутъ дѣйствительно чрезмѣрными, имѣнія должны быть отдаваемы въ опеку, на основаніи 1109 и 1110 статей т. IX свода зак., впредь до введенія уставныхъ грамотъ“ [1]).

Такимъ образомъ, по этому существенному вопросу калужское губернское присутствіе (или, точнѣе говоря, его предсѣдатель) сдѣлалось иниціаторомъ необходимаго законодательнаго дополненія къ Положенію 19 февраля; эту роль калужскому губернскому присутствію приходилось и впослѣдствіи, пока предсѣдателемъ его былъ Викторъ Антоновичъ, играть неоднократно.

На ряду съ этимъ губернское присутствіе внимательно разобрало и спѣшно разрѣшило въ первый же мѣсяцъ своей дѣятельности рядъ болѣе частныхъ, но весьма важныхъ вопросовъ. Между прочимъ и относительно крестьянъ, переданныхъ помѣщиками въ распоряженіе правительства за порочное поведеніе, но еще не сосланныхъ въ Сибирь, присутствіе распорядилось спросить вновь образованныя крестьянскія общества, не пожелаютъ ли они оставить этихъ лицъ въ своей средѣ; оно постановило тоже выпустить изъ смирительныхъ домовъ неправильно посаженныхъ туда, по требованію помѣщиковъ крестьянъ, якобы для работъ

---

[1]) Въ іюлѣ 1861 г. Главный Комитетъ вновь пересматривалъ этотъ вопросъ и Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 14 іюля между прочимъ постановилъ:

1. Въ имѣніяхъ, состоящихъ на смѣшанной повинности, нынѣ существующій денежный оброкъ не можетъ быть возвышаемъ до перехода крестьянъ на чистый оброкъ.

2. Отрабатываемая въ такихъ имѣніяхъ вдобавокъ къ оброку барщина не должна превышать въ сложности съ существующимъ оброкомъ суммы того высшаго размѣра оброка на тягло, который губернскимъ присутствіемъ будетъ признанъ соотвѣтствующимъ размѣру трехдневной барщины...

...5. Высшій размѣръ тягловаго оброка, соотвѣтствующій трехдневной барщинѣ, принимается лишь для тѣхъ имѣній, въ которыхъ крестьянскій надѣлъ не менѣе наибольшаго указаннаго въ мѣстномъ положеніи. Тамъ, гдѣ надѣлъ менѣе, цифра высшаго оброка понижается въ пропорціи, установленной въ п. 1 ст. 169 мѣстн. положенія.

Некоторые изъ нихъ особенно трудятся съ большимъ самоот пожертвованіемъ, твердо перенося всякія нареканія и нападки, чт можно объяснить только полнымъ ихъ сочувствіемъ дѣлу. Н положеніе ихъ вообще затруднительно и натянуто. Точное при мѣненіе началъ, выраженныхъ въ законоположеніяхъ 19 фе раля, не находитъ сочувствія въ большинствѣ мѣстнаго дворян ства, а потому представляется необходимымъ, чтобы со сторон правительства постоянно поддерживалась безкорыстная и испол ненная трудовъ и лишеній дѣятельность хорошихъ мировыхъ по средниковъ".

Впрочемъ, недовольные мировыми посредниками дворяне-по мѣщики рѣдко представляли формальныя на нихъ жалобы [1] Вмѣсто жалобъ въ губернское присутствіе они писали письм къ предводителямъ дворянства, въ которыхъ изливали свое не годованіе, не стѣсняясь никакими установленными формами Предводители же не только пытались давать ходъ этимъ пись мамъ, но, какъ выяснилось впослѣдствіи, сами вызывали в большинствѣ случаевъ ихъ появленіе. „За весьма незначитель нымъ исключеніемъ, всѣ вышеупомянутыя письма — писалъ гу бернаторъ въ своемъ объясненіи на записку губернскаго пред водителя — имѣютъ форму обязательныхъ отвѣтовъ на вызов губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Они начи наются такъ: „вслѣдствіе вашего отношенія", „на вопросъ вашъ" „въ исполненіе требованія вашего", „вамъ угодно знать", „вслѣд ствіе повѣстки". „вслѣдствіе предложенія", „на циркулярно отношеніе", „согласно разосланному объявленію"; а одинъ из пишущихъ даже извиняется въ томъ, что замедлилъ отвѣтомъ н требованіе предводителя". Въ числѣ этихъ писемъ, собранных и приложенныхъ впослѣдствіи губернскимъ предводителемъ к своему доносу на губернатора, было одно, подписанное 17-ю помѣ щиками лихвинскаго уѣзда, все отборными крѣпостниками; осталь ныя письма были адресованы отдѣльными лицами. Уѣздные пред водители отсылали эти письма къ губернскому, а тотъ уже от себя представлялъ ихъ губернскому присутствію и высшему на чальству. Эта усиленная агитація привела сперва къ довольн

---

[1]) Въ своемъ представленіи министру внутр. дѣлъ послѣ объѣзда губер ніи Викторъ Антоновичъ писалъ отъ 20 августа 1861 г., за № 1286: „Во врем объѣзда моего всѣхъ 11 уѣздовъ калужской губерніи, продолжавшагося боле мѣсяца, ко мнѣ поступило отъ помѣщиковъ только три жалобы, относящіяс до крестьянскаго дѣла: изъ нихъ одна относилась къ уклоненію крестьянъ от работъ, другая къ медленности слѣдователя въ обнаруженіи порубки лѣса и третья на неуважительное и насмѣшливое обращеніе крестьянъ".

посредника, сказано было тамъ же, показываетъ самое ея названіе. Главное ея назначеніе — быть примирителемъ и судьею интересовъ обоихъ сословій. Столь высокое призваніе не можетъ быть съ успѣхомъ выполняемо ни лицами, которыя своею прежнею общественною дѣятельностью или вообще своимъ образомъ мыслей заявили себя пристрастными и исключительными сторонниками интересовъ одного лишь сословія, ни еще менѣе обычными искателями штатныхъ мѣстъ, которые по службѣ преслѣдуютъ только личныя цѣли и собственныя, нерѣдко корыстныя, выгоды...

„Для успѣха всѣхъ предстоящихъ мѣръ, сказано далѣе, особенно важно, чтобы посредники пользовались не одною только властью надъ крестьянами, но и *полнымъ ихъ довѣріемъ*, такъ какъ крестьяне не всегда будутъ въ состояніи уяснить себѣ изъ самаго закона сущность своихъ правъ и обязанностей, и потому желательно, чтобы въ случаѣ сомнѣній они сами довѣрчиво и добровольно обращались къ посредникамъ, а не искали себѣ постороннихъ не всегда благонамѣренныхъ совѣтниковъ. Такія радушныя отношенія крестьянъ къ посредникамъ будутъ главнымъ и едва ли не вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ мирнаго исхода дѣла. Въ этихъ видахъ вашему превосходительству необходимо пригласить въ посредники лишь такихъ лицъ (изъ числа членовъ бывшаго губернскаго комитета, такъ и изъ другихъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ), *которыя извѣстны несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами*“...

Въ концѣ циркуляра рекомендовалось не слишкомъ спѣшить съ этимъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ первое время различные споры и недоразумѣнія могли бы быть разбираемы уѣздными предводителями.

Викторъ Антоновичъ могъ съ чистой совѣстью написать черезъ годъ въ своемъ отчетѣ Государю, что въ выборѣ лицъ на эти должности онъ „не отступалъ отъ правилъ, изложенныхъ въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 22 марта, имѣя постоянно въ виду, что въ мировые посредники должны избираться лица, извѣстныя несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами“.

Однако достигнуть этого было не очень легко: многія лица, изъ числа подходящихъ подъ вышеуказанныя условія, отказывались отъ этой чести, понимая сколько трудовъ, непріятностей и личныхъ столкновеній придется вынести на этомъ боевомъ посту. Изъ 51 кандидата, представленныхъ на эту долж-

ность предводителями дворянства, Арцимовичъ нашелъ возможнымъ назначить лишь 19, десять другихъ избраны имъ по соглашенію съ предводителями; остальные приглашены были безъ ихъ согласія, нѣкоторые изъ числа тѣхъ калужскихъ дворянъ, которые служили на сторонѣ или только недавно окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такимъ образомъ попытка приверженцевъ крѣпостнической партіи провести въ мировые посредники своихъ кандидатовъ совершенно не удалась. 32 человѣка были забракованы губернаторомъ. Списокъ ихъ съ отмѣтками о причинахъ ихъ неназначенія приложенъ былъ Викторомъ Антоновичемъ къ его объясненіямъ на записку губернскаго предводителя сенатору Капгеру. Изъ этого списка можно видѣть, какихъ дѣятелей желала провести въ посредники дворянская партія: были тутъ лица, замѣшанныя въ подлогахъ и другихъ злоупотребленіяхъ по службѣ, и пріобрѣвшія извѣстность жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, и полныя крѣпостныхъ предразсудковъ, и даже совершенно негодныя по старости лѣтъ, по глухотѣ и т. п. [1]).

Всѣхъ мировыхъ участковъ въ началѣ было назначено на губернію 32 (отъ 2—4 на уѣздъ), но затѣмъ признано было необходимымъ добавить еще 8. Назначать мировыхъ посредниковъ Викторъ Антоновичъ началъ въ апрѣлѣ, а къ концу іюня всѣ почти были уже на своихъ мѣстахъ. Шесть мировыхъ посредниковъ назначены были еще въ апрѣлѣ, 22—въ маѣ, 3—въ іюнѣ и 1—въ іюлѣ; кромѣ того, въ четырехъ уѣздахъ увеличено число мировыхъ участковъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ.

Между тѣмъ, въ губернскомъ присутствіи начались несогласія. Между членами его вскорѣ же обнаружились двѣ рѣзко расходящіяся между собою партіи или группы: одни изъ нихъ—либералы — желали во что бы то ни стало провести въ жизнь новый законъ безъ всякихъ урѣзокъ и компромиссовъ, другіе—консерваторы, сторонники дворянскихъ интересовъ рѣшились во что бы то ни стало отстаивать эти послѣдніе.

Первые во всемъ сходились съ Викторомъ Антоновичемъ и поддерживали всѣ его начинанія; вторые относились къ нему теперь уже явно враждебно, но, не имѣя своей вполнѣ продуманной и обоснованной программы или же не желая ее обнаружить, они сплошь и рядомъ сами себѣ противорѣчили и бывали вынуждены соглашаться съ его постоянно логичными и

[1]) „Вѣдомость лицамъ, представленнымъ въ мировые посредники предводителями дворянства, которые не могли быть избраны начальникомъ губерніи".

хорошо обоснованными предложеніями, и возставали противъ нихъ только тогда, когда они слишкомъ больно задѣвали интересы дворянства [1]).

Къ числу либераловъ принадлежали помѣщики, засѣдавшіе по приглашенію правительства: князь А. В. Оболенскій и П. Н. Свистуновъ, а изъ чиновниковъ—губернскій прокуроръ Н. П. Трузсонъ; къ числу консерваторовъ: губернскій предводитель Ѳ. С. Щукинъ и помѣщикъ по выбору дворянства А. Е. Баскаковъ; къ нимъ же присоединился и управляющій палатою государственныхъ имуществъ В. В. Юзефовичъ. Второй членъ по выбору дворянства О. Ѳ. Оттъ занялъ нѣсколько неожиданное положеніе въ губернскомъ присутствіи. Прежде, входя въ составъ Губернскаго Комитета по крестьянскому дѣлу, онъ заявилъ себя рѣшительнымъ консерваторомъ и голосовалъ по многимъ вопросамъ вмѣстѣ съ заядлыми крѣпостниками; вѣроятно благодаря этому дворяне и выбрали его въ члены временной комиссіи, преобразовавшейся впослѣдствіи по Высочайшему повелѣнію въ губернское присутствіе. Но здѣсь онъ повелъ себя совершенно иначе, почти всегда подавая голосъ съ либералами, потому ли, что мнѣнія ихъ казались ему безусловно согласными съ закономъ, потому ли, что онъ вообще во многомъ измѣнилъ свои взгляды. Помѣщики считали его перебѣжчикомъ и вскорѣ явно выразили протестъ противъ его образа дѣйствій.

Просматривая журналы губернскаго присутствія за то время и зная принципы и стремленія консервативной помѣщичьей партіи, болѣе всего удивляешься непослѣдовательности ея представителей. Сразу замѣтно, что наиболѣе сознательные представители крѣпостной партіи не вошли въ составъ губернскаго присутствія. Д. А. Чертковъ былъ выбранъ, но отказался, а избрать Потулова помѣщики на первый разъ не рѣшились. Такъ почти всѣ постановленія по дѣлу Мальцова состоялись единогласно, вѣроятно потому, что консерваторы не съумѣли обосновать своихъ возраженій; точно такъ же прошли постановленія относительно циркуляра по полиціи и объ имѣніяхъ со смѣшанной повинностью и др.

Въ первый разъ въ присутствіи голоса раздѣлились по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли вызвать Мальцова изъ его имѣ-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1861 г. В. А. Арцимовичъ отмѣтилъ, что изъ 1173 постановленій, состоявшихся въ губернскомъ присутствіи съ марта 1861 г. по май 1862 г., 1132 состоялись единогласно и только по 41 голоса раздѣлились, причемъ поданы были и отдѣльныя мнѣнія.

ность предводителями дворянства, Арцимовичъ нашелъ возможнымъ назначить лишь 19, десять другихъ избраны имъ по соглашенію съ предводителями; остальные приглашены были безъ ихъ согласія, нѣкоторые изъ числа тѣхъ калужскихъ дворянъ, которые служили на сторонѣ или только недавно окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такимъ образомъ попытка приверженцевъ крѣпостнической партіи провести въ мировые посредники своихъ кандидатовъ совершенно не удалась. 32 человѣка были забракованы губернаторомъ. Списокъ ихъ съ отмѣтками о причинахъ ихъ неназначенія приложенъ былъ Викторомъ Антоновичемъ къ его объясненіямъ на записку губернскаго предводителя сенатору Капгеру. Изъ этого списка можно видѣть, какихъ дѣятелей желала провести въ посредники дворянская партія: были тутъ лица, замѣшанныя въ подлогахъ и другихъ злоупотребленіяхъ по службѣ, и пріобрѣвшія извѣстность жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, и полныя крѣпостныхъ предразсудковъ, и даже совершенно негодныя по старости лѣтъ, по глухотѣ и т. п. [1]).

Всѣхъ мировыхъ участковъ въ началѣ было назначено на губернію 32 (отъ 2—4 на уѣздъ), но затѣмъ признано было необходимымъ добавить еще 8. Назначать мировыхъ посредниковъ Викторъ Антоновичъ началъ въ апрѣлѣ, а къ концу іюня всѣ почти были уже на своихъ мѣстахъ. Шесть мировыхъ посредниковъ назначены были еще въ апрѣлѣ, 22—въ маѣ, 3—въ іюнѣ и 1—въ іюлѣ; кромѣ того, въ четырехъ уѣздахъ увеличено число мировыхъ участковъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ.

Между тѣмъ, въ губернскомъ присутствіи начались несогласія. Между членами его вскорѣ же обнаружились двѣ рѣзко расходящіяся между собою партіи или группы: одни изъ нихъ—либералы — желали во что бы то ни стало провести въ жизнь новый законъ безъ всякихъ урѣзокъ и компромиссовъ, другіе—консерваторы, сторонники дворянскихъ интересовъ рѣшились во что бы то ни стало отстаивать эти послѣдніе.

Первые во всемъ сходились съ Викторомъ Антоновичемъ и поддерживали всѣ его начинанія; вторые относились къ нему теперь уже явно враждебно, но, не имѣя своей вполнѣ продуманной и обоснованной программы или же не желая ее обнаружить, они сплошь и рядомъ сами себѣ противорѣчили и бывали вынуждены соглашаться съ его постоянно логичными и

[1]) „Вѣдомость лицамъ, представленнымъ въ мировые посредники предводителями дворянства, которые не могли быть избраны начальникомъ губерніи"

хорошо обоснованными предложеніями, и возставали противъ нихъ только тогда, когда они слишкомъ больно задѣвали интересы дворянства [1]).

Къ числу либераловъ принадлежали помѣщики, засѣдавшіе по приглашенію правительства: князь А. В. Оболенскій и П. Н. Свистуновъ, а изъ чиновниковъ—губернскій прокуроръ Н. П. Трузсонъ; къ числу консерваторовъ: губернскій предводитель Ѳ. С. Щукинъ и помѣщикъ по выбору дворянства А. Е. Баскаковъ; къ нимъ же присоединился и управляющій палатою государственныхъ имуществъ В. В. Юзефовичъ. Второй членъ по выбору дворянства О. Ѳ. Оттъ занялъ нѣсколько неожиданное положеніе въ губернскомъ присутствіи. Прежде, входя въ составъ Губернскаго Комитета по крестьянскому дѣлу, онъ заявилъ себя рѣшительнымъ консерваторомъ и голосовалъ по многимъ вопросамъ вмѣстѣ съ заядлыми крѣпостниками; вѣроятно благодаря этому дворяне и выбрали его въ члены временной комиссіи, преобразовавшейся впослѣдствіи по Высочайшему повелѣнію въ губернское присутствіе. Но здѣсь онъ повелъ себя совершенно иначе, почти всегда подавая голосъ съ либералами, потому ли, что мнѣнія ихъ казались ему безусловно согласными съ закономъ, потому ли, что онъ вообще во многомъ измѣнилъ свои взгляды. Помѣщики считали его перебѣжчикомъ и вскорѣ явно выразили протестъ противъ его образа дѣйствій.

Просматривая журналы губернскаго присутствія за то время и зная принципы и стремленія консервативной помѣщичьей партіи, болѣе всего удивляешься непослѣдовательности ея представителей. Сразу замѣтно, что наиболѣе сознательные представители крѣпостной партіи не вошли въ составъ губернскаго присутствія. Д. А. Чертковъ былъ выбранъ, но отказался, а избрать Потулова помѣщики на первый разъ не рѣшились. Такъ почти всѣ постановленія по дѣлу Мальцова состоялись единогласно, вѣроятно потому, что консерваторы не съумѣли обосновать своихъ возраженій; точно такъ же прошли постановленія относительно циркуляра по полиціи и объ имѣніяхъ со смѣшанной повинностью и др.

Въ первый разъ въ присутствіи голоса раздѣлились по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли вызвать Мальцова изъ его имѣ-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1861 г. В. А. Арцимовичъ отмѣтилъ, что изъ 1173 постановленій, состоявшихся въ губернскомъ присутствіи съ марта 1861 г. по май 1862 г., 1132 состоялись единогласно и только по 41 голоса раздѣлились, причемъ поданы были и отдѣльныя мнѣнія.

:ально—справкою въ журналѣ присутствія—и показаніями прочихъ членовъ присутствія, то г. Юзефовичъ оказался настолько скомпрометированнымъ, что, по представленію ревизующаго сенатора, онъ былъ переведенъ изъ калужской губерніи.

ГЛАВА VIII.

Борьба помѣщиковъ противъ Арцимовича. Первыя неудачныя попытки крѣпостниковъ. Назначеніе ревизіи. Причины. Сенаторъ А. Х. Капгеръ 1-й. Записка Арцимовича. Первоначальная осторожность и недовѣріе Капгера. Переписка его съ Валуевымъ. Постепенное выясненіе клеветническаго характера нападокъ дворянъ. Обвиненіе Арцимовича въ „односторонности". Значеніе этого термина. Капгеръ убѣждается въ односторонности и недобросовѣстности противной стороны. Отношеніе его къ мировымъ посредникамъ и къ губернскому присутствію. Уясненіе имъ роли Щукина, Потулова и др. Пріемы ревизіи Капгера. Записка Щукина и объясненіе на нее Арцимовича. Характеристика Щукина, сдѣланная при этомъ Арцимовичемъ. Поѣздка Капгера въ Петербургъ и аудіенція у Государя. Отношеніе Капгера къ Арцимовичу. Мнѣніе его о Щукинѣ. Непреклонность Арцимовича. Объѣздъ Капгеромъ губерніи. Критика урочнаго положенія. Спокойствіе крестьянъ. Отчетъ Капгера и резолюція Государя. Данныя, сообщенныя Капгеромъ о положеніи крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи. Заключеніе. Награжденіе Арцимовича и его сотрудниковъ. Личная бесѣда съ Государемъ. Мнѣніе Государя объ Арцимовичѣ. Торжество В. А. Арцимовича. Контрасты въ положеніи дѣлъ въ двухъ губерніяхъ по отчетамъ Капгера.

Когда открылась кампанія клеветъ и доносовъ, предпринятая противъ В. А. Арцимовича крѣпостниками калужской губерніи, онъ писалъ своему тестю М. Н. Жемчужникову, что чувствуетъ въ себѣ достаточный запасъ нравственной силы для праведной борьбы. И дѣйствительно, силъ нужно было имѣть много, потому что борьба только начиналась и обѣщала быть упорной и утомительной. На поддержку сверху нельзя было разсчитывать: наверху начиналась реакція и правительство, пожертвовавшее дворянской оппозиціи Ланскимъ и Милютинымъ, еще легче могло пожертвовать каждымъ изъ губернаторовъ. Неподатливые губернаторы, въ которыхъ, по выраженію князя Меньшикова, еще гнѣздился Милютинскій духъ, теряли свои мѣста одинъ за другимъ. К. К. Гротъ изъ Самары, Купріяновъ (товарищъ Арцимовича по училищу правовѣдѣнія) изъ Пензы—ушли въ министерство финансовъ. Муравьевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ принужденъ былъ подать въ отставку [1]). Однако, въ маѣ

[1]) А. Н. Муравьевъ—основатель „Союза благоденствія", изъ котораго онъ вышелъ до закрытія этого общества, но тѣмъ не менѣе послѣ 14 декабря 1825 г.

зомъ, замѣчаетъ Викторъ Антоновичъ въ своей запискѣ сенатору Капгеру, мысль, что не слѣдуетъ уклоняться отъ легальнаго пути, несмотря ни на какія требованія и запугиванія, взяла верхъ". Вскорѣ правота и разумность этой мысли блестящимъ образомъ подтвердились на практикѣ: въ имѣніи Киселевскаго порядокъ возстановленъ былъ *послѣ разбора дѣла* безъ затрудненія. Крестьяне безпрекословно приняли рѣшеніе мирового съѣзда и въ тотъ же день по окончаніи разбирательства всѣмъ міромъ вышли на работу, чтобы вознаградить помѣщика за пять прогульныхъ дней. При этомъ обнаружилось, что мещовскій предводитель не сдѣлалъ въ этомъ имѣніи въ самомъ началѣ надлежащаго разбора, не опредѣлилъ съ точностью обязанностей крестьянъ къ помѣщику, который уже приступалъ къ соглашенію съ ними, и обвинилъ безусловно крестьянъ, между тѣмъ какъ мировой съѣздъ обнаружилъ тяжесть существовавшаго въ имѣніи порядка и склонилъ помѣщика къ уступкамъ [1]).

„Событія, писалъ В. А. впослѣдствіи по поводу нѣсколькихъ такихъ же дѣлъ, вполнѣ оправдали систему предварительнаго разбирательства. Всѣ сдѣланныя въ этихъ случаяхъ распоряженія были строго законны; разбирательство совершалось безпристрастно и не возбуждало дальнѣйшихъ жалобъ; сила новыхъ законоположеній не поколебалась, и мѣстная губернская власть не имѣетъ на своей совѣсти ни жестокихъ наказаній, ни пролитія крови даромъ" [2]).

Между тѣмъ глухая, но упорная агитація крѣпостниковъ противъ Виктора Антоновича не прекращалась; въ апрѣлѣ и маѣ она сосредоточивалась главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, около дѣла Мальцова, но вскорѣ оказалось, что въ Главный Комитетъ были представлены и другія жалобы на дѣйствія калужской администраціи [3]). Тотчасъ по возвращеніи изъ Москвы, куда Викторъ Антоновичъ ѣздилъ для объясненій съ Валуевымъ

---

[1]) Записка В. А. Арцимовича сенатору Капгеру.

[2]) Тамъ же.

[3]) М. Н. Жемчужниковъ писалъ В. А. отъ 17 мая: „Въ письмѣ отъ 14 ты завѣряешь меня, что *въ тебѣ достаточно нравственной силы для праведной борьбы*. Чрезвычайно радуюсь этому твоему спокойствію. тѣмъ болѣе, что за ½ часа до полученія твоего письма у меня былъ Глѣбовъ, желая передать слѣдующую свѣжую новость: многіе изъ калужскихъ дворянъ и губернскій предводитель прислали жалобу на твои распоряженія и просятъ избавить ихъ отъ тебя; что ты, происходя изъ поляковъ, дѣйствуешь къ возбужденію возмущенія въ губерніи. Эта ихъ жалоба внесена Валуевымъ въ Главный Крестьянскій Комитетъ".

такой ревизіи. Высочайшее повелѣніе объ этомъ, состоявшееся по докладу Валуева, было передано назначенному для ревизіи сенатору генералъ-лейтенанту Капгеру въ указѣ Сената отъ 29 августа. М. Н. Жемчужниковъ, только-что передъ тѣмъ возвратившійся въ Петербургъ, писалъ Виктору Антоновичу отъ 29 числа:

„Я мало кого видѣлъ еще по возвращеніи моемъ, но знаю, что вслѣдствіе доклада Валуева уже послѣдовалъ указъ о назначеніи сенатора генералъ-лейтенанта Капгера для ревизіи хода крестьянскаго дѣла по двумъ губерніямъ, прикасающимся къ московской губерніи—калужской и владимірской. По какой причинѣ выбраны именно эти двѣ губерніи, я еще не знаю, но надѣюсь узнать черезъ нѣсколько дней". Затѣмъ уже отъ 3 сентября М. Н. Жемчужниковъ сообщаетъ: „Касательно причины назначенія ревизіи, я изъ всего слышаннаго мною отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ Грота и гр. Толстого, директора инспекторскаго департамента, заключаю, что причиною тому: *сочувствіе Долгорукова и Валуева къ Мальцову*. Они, принимая его сторону, продолжаютъ видѣть въ твоихъ дѣйствіяхъ *нападки на дворянское сословіе*. Получаемые ими доносы и жалобы на дѣйствія твои и губернскаго присутствія, даже послѣдняя жалоба губернскаго предводителя, подали поводъ къ испрошенію Высочайшаго соизволенія на назначеніе ревизіи въ калужской губерніи, дабы положительно удостовѣриться въ какой степени справедливы всѣ эти жалобы и общіе о тебѣ толки; но чтобы не оскорбить тебя, *ибо и въ ихъ мнѣніи ты лучшій изъ губернаторовъ*, они придумали дать такой видъ ревизіи: что правительство желаетъ узнать о ходѣ крестьянскаго дѣла въ подмосковныхъ губерніяхъ — владимірской, какъ чисто оброчной, и калужской, въ которой смѣшанная повинность. Владимірскую губернію избрали потому, что Теличеевъ не желаетъ самъ оставаться, а Самсонову, у котораго имѣніе во Владимірской губ., обѣщалъ Государь [1]). Къ сообщеннымъ уже мною свѣдѣніямъ о сенаторѣ Капгерѣ прибавляю, что я еще узналъ то, *что онъ очень въ близкихъ отношеніяхъ съ Валуевымъ*, который и избралъ его. Но все-таки его признаютъ за *правдиваго и хорошаго человѣка*" [2])...

Въ письмѣ отъ 16 сентября М. Н. Жемчужниковъ сообщаетъ,

---

[1]) Самсоновъ, генералъ-маіоръ свиты Его Величества, которому Государь лично обѣщалъ мѣсто владимірскаго губернатора.

[2]) Курсивъ вездѣ автора письма.

Но П. А. Валуевъ, вынужденный уступить Виктору Антоновичу въ дѣлѣ Мальцова, продолжалъ благосклонно прислушиваться къ обильно сыпавшимся по адресу калужской администраціи навѣтамъ и жалобамъ помѣщиковъ.

Въ концѣ іюня Викторъ Антоновичъ получилъ отъ него слѣдующее частное письмо:

„Вашему превосходительству вѣроятно извѣстно, что толки объ упадкѣ земледѣлія въ калужской губерніи, о необсѣмененіи полей и т. п. не прекратились по возвращеніи вашемъ изъ Москвы. Знаю, сколько въ нихъ преувеличеній и пристрастія, но это знаю я, а личнаго знанія или убѣжденія для аргументаціи недостаточно. Посылаю въ калужскую губернію г. Левшина для собранія на мѣстахъ именныхъ и числовыхъ данныхъ по нѣсколькимъ мѣстностямъ. Помогите ему вашими указаніями и добрымъ совѣтомъ. Покорнѣйше прошу васъ объ этомъ и о принятіи увѣренія и проч...“

Конечно, просьба о совѣтахъ въ этомъ письмѣ была лишь вѣжливымъ оборотомъ фразы; Левшинъ (чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ) получилъ, повидимому, отъ своего принципала совсѣмъ иныя инструкціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по его дѣйствіямъ. Онъ посѣтилъ главнымъ образомъ тѣхъ помѣщиковъ, которые больше всего жаловались на губернскую администрацію, и не только нигдѣ не опрашивалъ крестьянъ, но избѣгалъ обращаться даже и къ мировымъ посредникамъ [1]). Въ результатѣ послѣ его объѣзда агитація среди помѣщиковъ замѣтно усилилась. Предметомъ этой агитаціи было распространеніе жалобъ на разореніе помѣщичьихъ хозяйствъ вслѣдствіе

осторожности, поднимаютъ крикъ и вызываютъ къ оппозиціи. Если ваши друзья петербургскіе позволили себѣ нѣкоторое несогласіе съ вами, то единственно только въ видахъ огражденія васъ и дѣла отъ нападокъ людей, несочувствующихъ крестьянскому дѣлу. Вы знаете, что я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые не пострадали (?) за свое сочувствіе къ крестьянскому дѣлу. Не буду утверждать также, что въ моей дѣятельности не было ничего, что̀ могло вызвать несогласіе со стороны людей однихъ со мною понятій. Но эти несогласія вызываются единственно только безкорыстнымъ сочувствіемъ къ дѣлу. Не будемте скрывать ихъ другъ отъ друга, будемте о нихъ дружески спорить, беречь взаимно другъ друга и всѣми силами способствовать къ точному исполненію утвержденныхъ положеній, нисколько не отступая отъ убѣжденій и мнѣній, заявленныхъ въ Комитетахъ. Вѣрьте пожалуйста задушевному, глубокому уваженію къ вамъ и дружескому расположенію искренно вамъ преданнаго Я. Соловьева“.

[1]) Ср. отношеніе калужск. губернатора къ ревизовавшему губернію сенатору отъ 27 октября 1861 г., за № 2006, и письмо В. А. Арцимовича къ П. А. Валуеву отъ 27 іюня 1861 г.

ской ревизіи. Высочайшее повелѣніе объ этомъ, состоявшееся по докладу Валуева, было передано назначенному для ревизіи сенатору генералъ-лейтенанту Капгеру въ указѣ Сената отъ 25 августа. М. Н. Жемчужниковъ, только что передъ тѣмъ возвратившійся въ Петербургъ, писалъ Виктору Антоновичу отъ 26 числа:

„Я мало кого видѣлъ еще по возвращеніи моемъ, но знаю, что вслѣдствіе доклада Валуева уже послѣдовалъ указъ о назначеніи сенатора генералъ-лейтенанта Капгера для ревизіи хода крестьянскаго дѣла по двумъ губерніямъ, прикасающимся къ московской губерніи—калужской и владимірской. По какой причинѣ избраны именно эти двѣ губерніи, я еще не знаю, но надѣюсь узнать черезъ нѣсколько дней". Затѣмъ уже отъ 3 сентября М. Н. Жемчужниковъ сообщаетъ: „Касательно причины назначенія ревизіи, я изъ всего слышаннаго мною отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ Грота и гр. Толстого, директора инспекторскаго департамента, заключаю, что причиною тому: *сочувствіе Долгорукова и Валуева къ Мальцову*. Они, принимая его сторону, продолжаютъ видѣть въ твоихъ дѣйствіяхъ *нападки на дворянское сословіе*. Получаемые ими доносы и жалобы на дѣйствія твои и губернскаго присутствія, даже послѣдняя жалоба губернскаго предводителя, подали поводъ къ испрошенію Высочайшаго соизволенія на назначеніе ревизіи въ калужской губерніи, дабы положительно удостовѣриться въ какой степени справедливы всѣ эти жалобы и общіе о тебѣ толки; но чтобы не оскорбить тебя, *ибо и въ ихъ мнѣніи ты лучшій изъ губернаторовъ*, они придумали дать такой видъ ревизіи: что правительство желаетъ узнать о ходѣ крестьянскаго дѣла въ подмосковныхъ губерніяхъ — владимірской, какъ чисто оброчной, и калужской, въ которой смѣшанная повинность. Владимірскую губернію избрали потому, что Теличеевъ не желаетъ самъ оставаться, а Самсонову, у котораго имѣніе во Владимірской губ., обѣщалъ Государь [1]). Къ сообщеннымъ уже мною свѣдѣніямъ о сенаторѣ Капгерѣ прибавляю, что я еще узналъ то, *что онъ очень въ близкихъ отношеніяхъ съ Валуевымъ*, который и избралъ его. Но все-таки его признаютъ за *правдиваго и хорошаго человѣка*" [2])...

Въ письмѣ отъ 16 сентября М. Н. Жемчужниковъ сообщаетъ,

---

[1]) Самсоновъ, генералъ-маіоръ свиты Его Величества, которому Государь лично обѣщалъ мѣсто владимірскаго губернатора.

[2]) Курсивъ вездѣ автора письма.

обходимости переходить къ системѣ вольнонаемной обработки, эти поля приходилось бросить. Вотъ главныя причины сокращенія запашки и понесенныхъ помѣщиками убытковъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ положеніе осложнялось еще и уклоненіемъ крестьянъ отъ исполненія лежавшихъ на нихъ повинностей, но эти случаи были относительно рѣдки и крестьяне вездѣ безъ большихъ затрудненій были приведены къ повиновенію закону. Объ этомъ свидѣтельствовали и свѣдѣнія, доставлявшіяся самими же уѣздными предводителями, а потомъ мировыми посредниками, и оффиціальныя письма къ В. А. Арцимовичу генерала Кознакова, который лично объѣхалъ тѣ уѣзды, гдѣ были случаи отказа крестьянъ отъ исполненія повинностей [1]).

Всего, какъ оказалось впослѣдствіи, по собраннымъ и строго провѣреннымъ даннымъ [2]) въ калужской губерніи количество яровыхъ посѣвовъ уменьшилось въ 1861 г. противъ предшествующаго года на 7000 десятинъ, что составляло около $3^0/_0$ всего числа десятинъ, засѣвавшихся яровыми хлѣбами. Въ то же время холодная и поздняя весна, а затѣмъ бездождіе въ періодъ произрастанія и созрѣванія хлѣбовъ и травъ и, наоборотъ, обильные дожди во время сѣнокоса и уборки хлѣбовъ повліяли губительно на урожай травъ и яровыхъ хлѣбовъ [3]). Убытки помѣщиковъ оказались однако гораздо меньшими, нежели можно было опасаться, благодаря прекрасному урожаю озимаго хлѣба.

---

[1]) Въ представленіи отъ 20 августа 1861 г., за № 1286, губернаторъ, послѣ объѣзда губерніи, писалъ между прочимъ министру вн. дѣлъ: 1) „Въ теченіе пяти послѣднихъ мѣсяцевъ со дня обнародованія Высочайшаго Манифеста случаевъ требованія военной команды, для содѣйствія при исполненіи рѣшеній мировыхъ властей, было только восемь, о чемъ имѣю честь приложить особую вѣдомость, и *только въ одномъ случаѣ*, именно въ тарускомъ уѣздѣ въ имѣніи Мухина воинская команда была употреблена для принужденія крестьянъ къ работѣ посредствомъ тѣлесныхъ наказаній; въ прочихъ же немногочисленныхъ случаяхъ одного появленія команды было достаточно для убѣжденія крестьянъ въ необходимости исполнить постановленное рѣшеніе и 2) во всѣхъ острогахъ губерніи содержалось только 6 человѣкъ арестантовъ собственно по крестьянскому дѣлу; изъ нихъ четверо въ тарускомъ острогѣ за возбужденіе къ уклоненію отъ работъ въ имѣніи Мухина и двое въ малоярославецкомъ острогѣ за оскорбленіе своихъ бывшихъ помѣщиковъ.

[2]) Журналъ продовольственной коммиссіи 1 декабря 1861 года.

[3]) Ярового хлѣба собрано было всего 869.828 1/2 четвертей, что составляло урожай лишь самъ 1 1/3. Но подобные неурожаи случались не одинъ разъ и при существованіи крѣпостного права; такъ въ 1845 г. было собрано 824.693 четв., а въ 1856—всего лишь 526.853 четв. („Объясненія губернатора“ на записку губернскаго предводителя Щукина о положеніи помѣщичьихъ хозяйствъ калужской губерніи).

Въ 1861 г. ржи было собрано въ калужской губерніи на 90.0 четвертей больше, нежели въ 1860 г., и вообще больше, нежели въ каждомъ изъ 10 предшествующихъ годовъ [1]). Эти дан не помѣшали губернскому предводителю утверждать въ оффиціальной запискѣ, что не только разорены въ калужской губерніи, благодаря мѣрамъ калужской администраціи, помѣщичьи хозяйства, но что губерніи этой грозитъ въ будущемъ ГО голодъ.

Впослѣдствіи еще бо̀льшія жалобы раздавались на то, что многія поля остались неунавоженными и незасѣянными озимымъ хлѣбомъ на будущій годъ, вслѣдствіе уклоненія крестьянъ отъ работъ и слишкомъ льготно составленнаго урочнаго положенія. Урочное положеніе было составлено и опубликовано дѣйствительно, быть можетъ, съ излишней поспѣшностью, но произошло это вслѣдствіе настойчиваго требованія губернскаго предводителя и многихъ помѣщиковъ, и притомъ вырабатывалось оно въ комиссіи, состоявшей изъ губернскаго и уѣзднаго калужскаго предводителей, члена присутствія отъ дворянъ Баскакова и различныхъ экспертовъ изъ помѣщиковъ и крестьянъ. Позже, когда въ немъ оказались нѣкоторыя неясности и недомолвки, вызывавшія на практикѣ недоразумѣнія, губернское присутствіе поспѣшило исправить ихъ дополнительными постановленіями и разъяснило, что вообще это положеніе слѣдуетъ примѣнять лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда между помѣщиками и крестьянами выходятъ несогласія и споры [2]). Наконецъ оно рѣшилось пересмотрѣть урочное положеніе и поручило уѣзднымъ предводителямъ и мировымъ посредникамъ обсудить его въ примѣненіи къ особенностямъ и нуждамъ каждаго уѣзда [3]).

Однако тревога и въ этомъ отношеніи была, какъ оказалось впослѣдствіи, преувеличенная; изъ свѣдѣній, доставленныхъ губернатору мировыми посредниками и исправниками о ходѣ полевыхъ работъ, оказалось, что „вывозка удобренія въ большой части имѣній происходила удовлетворительно“ [4]). Лишь въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ удобреніе не было вывезено преимущественно

---

[1]) Изъ 22 предшествующихъ годовъ только четыре было такихъ, когда урожай ржи былъ лучше, нежели въ 1861 году. (Въ „Объясненіяхъ“ губернатора приведены цифры всѣхъ этихъ годовъ. Эти цифры и вообще всѣ данныя губернатора были провѣрены сенаторской ревизіей).

[2]) Журналъ и распоряженія губернскаго присутствія 26 іюня № 613, 1 іюля № 723 и 748, 20 августа № 1265.

[3]) Циркуляръ 20 августа № 1265.

[4]) „Объясненія“ губернатора на записку губернскаго предводителя.

на крестьянскія поля „вслѣдствіе ожиданія крестьянами раздѣла угодій“ [1]). Въ другихъ имѣніяхъ „удобреніе не все еще было вывезено, когда наступило время поднятія пара и сѣнокоса“. Однако, какъ видно изъ журнала продовольственной комиссіи, подписаннаго и Щукинымъ, на 1862 годъ посѣяно по губерніи озимаго хлѣба 302.328 четвертей, тогда какъ на 1861 г. было высѣяно лишь 300.879 четвертей (т.-е. на 1.449 четв. менѣе). „Всходы ржи, посѣянной на 1862 годъ—сказано въ томъ же журналѣ—находятся въ хорошемъ состояніи“.

Таковы практическія данныя, показывающія совершенную несправедливость нареканій помѣщиковъ на дѣйствія калужской администраціи съ этой стороны. Но недовольство помѣщиковъ не ограничивалось матеріальной стороной дѣла; помѣщики не могли никакъ примириться съ пріемами и формами дѣятельности новыхъ мировыхъ учрежденій. Многіе изъ нихъ не могли переварить такого порядка вещей, при которомъ вчерашній ихъ рабъ становился передъ закономъ въ равноправное со своимъ недавнимъ господиномъ положеніе. Ихъ коробила одна уже мысль о возможности разбора споровъ и недоразумѣній между ними и ихъ бывшими крѣпостными; многимъ казался невозможнымъ и оскорбительнымъ для личнаго ихъ достоинства такой порядокъ вещей, когда стало уже недостаточно одного дворянскаго слова для того, чтобы обуздать или наказать зазнавшагося холопа, а требовались какія-то доказательства, и въ случаѣ ихъ недостаточности можно было проиграть дѣло. Понятно, что съ точки зрѣнія такихъ помѣщиковъ, чѣмъ независимѣе и безпристрастнѣе держалъ себя мировой посредникъ, тѣмъ возмутительнѣе казалось помѣщикамъ его поведеніе. Между тѣмъ, Викторъ Антоновичъ постарался, какъ мы видѣли, сформировать институтъ мировыхъ посредниковъ изъ людей передовыхъ, искреннихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ реформы, „которые и ранѣе были извѣстны хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами“. И это ему удалось вполнѣ. „Дворяне, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ этихъ посредниковъ, звали его атаманомъ, а насъ—шайкою разбойниковъ. Если отнять у этого взаимоотношенія хищническій характеръ нарушенія общественнаго порядка, сравненіе окажется, пожалуй, совершенно вѣрнымъ: руководительство вождя и преданность подчиненныхъ представляли здѣсь одно недѣлимое цѣлое; между губернаторомъ и мировыми посредниками существо-

[1]) Совершенно аналогичные случаи были и въ другихъ губерніяхъ; ср. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, стр. 107, 108.

вала изумительная солидарность,—они были душевно предан
другъ другу столько же, сколько и дѣлу, которое вели общим
силами. Заурядныя, оффиціально-узаконенныя отношенія межд
губернаторомъ и чиновниками совершенно исчезали; не чувство
валась, не замѣчалась „служба", съ ея обычными „обязанностями"
субординаціей, интересами и цѣлями,—служба, мало отвѣчающа
дѣлу, служба въ общепринятомъ, будничномъ, такъ сказать, зна
ченіи слова. Она казалась намъ гдѣ-то далеко, внизу, а т
гражданское одушевленіе, тотъ святой восторгъ, которые в
рѣдкія, исключительныя эпохи красятъ и вѣнчаютъ дѣло чело
вѣка, были тутъ, у насъ, съ нами, близко, всегда!" [1]).

Естественно, что чѣмъ тѣснѣе былъ этотъ союзъ между гу
бернаторомъ и мировыми посредниками, тѣмъ враждебнѣе ста
новились къ нимъ отношенія закоренѣлыхъ помѣщиковъ.

Особенно ненавистными съ самаго начала представлялис
имъ тѣ мировые посредники, которые были приглашены губер
наторомъ вопреки мнѣнію предводителей дворянства.

Одинъ изъ нихъ, здравствующій и доселѣ Н. П. Щепкин
разсказалъ мнѣ о себѣ лично слѣдующій характерный эпизод

У него былъ тогда въ Калугѣ родной его дядя И. В. Ерголь
скій (служившій въ то время уѣзднымъ предводителемъ дво
рянства калужскаго уѣзда, исполнявшій нерѣдко обязанности
губернскаго предводителя, человѣкъ, по отзыву Николая Павло
вича, дѣльный и относившійся къ своему дѣлу весьма обстоя
тельно). Этотъ дядя былъ съ нимъ ранѣе въ очень хороших
отношеніяхъ, не разъ останавливался у него въ Москвѣ и н

---

[1]) „В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ въ 1861—1863 гг." (Воспоминанія П. Е
Обнинскаго). Этимъ воспоминаніямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ слѣдующій со
ственноручный набросокъ рѣчи, обращенной къ посредникамъ, сохранившій
въ бумагахъ Виктора Антоновича:

„Всегда съ особенной радостью встрѣчаю здѣсь въ Калугѣ представите
мировой власти нашей губерніи; каждый пріѣздъ вашъ болѣе и болѣе укр
пляетъ убѣжденіе, что въ новомъ мировомъ учрежденіи есть жизненность
много добрыхъ общеполезныхъ начатковъ.

„Смотря на ваши честныя усилія ближе познакомиться съ многосторо
ними обязанностями и условіями вашего званія, на желаніе изслѣдовать
изучить потребности, нужды и свойства народа и, наконецъ, на постоянн
стремленіе внушить всѣмъ сословіямъ уваженіе къ новому закону, неволь
успокоиваешься на счетъ будущности начатыхъ улучшеній и преобразовані

„Отъ глубины души желаю вамъ твердости, спокойствія, снисходите
ности—этихъ качествъ, столь необходимыхъ для дальнѣйшихъ успѣховъ и
достиженіи трудной задачи содѣйствовать къ замѣнѣ прежняго произвола че
вѣчными гражданскими пріемами мировой власти. Здоровье истинноуважаемых
калужскихъ посредниковъ!"

только вообще относился къ нему по родственному и дружески, но и постоянно убѣждалъ его въ прежнее время перейти на службу въ Калугу, чтó чуть было и не осуществилось передъ тѣмъ, когда освободилась вакансія губернскаго прокурора въ Калугѣ. Въ мировые посредники (лихвинскаго уѣзда) Н. П. былъ приглашенъ губернаторомъ противъ желанія уѣзднаго предводителя. Пріѣхавъ въ Калугу, онъ явился къ своему дядѣ И. В. Ергольскому. Каково же было его удивленіе, когда этотъ послѣдній не только принялъ его сухо, но даже *не подалъ ему руки*, считая его, очевидно, заклятымъ врагомъ, какъ мирового посредника, пріѣхавшаго вводить реформу по вызову губернатора [1]).

Обязанности мировыхъ посредниковъ были многосложны, а въ первое время затруднялись еще массою неотложныхъ спѣшныхъ дѣлъ, отъ своевременнаго разрѣшенія которыхъ зависѣло иногда спокойствіе населенія цѣлаго участка.

Прежде всего предстояло вводить новое сельское и волостное устройство и самоуправленіе, а затѣмъ имѣть постоянный надзоръ за правильностью вновь созданныхъ учрежденій, причемъ въ законѣ, при всѣхъ его достоинствахъ, не оказывалось иногда указаній по поводу практически весьма важныхъ и жизненныхъ вопросовъ, которые приходилось разрѣшать имъ самимъ или при помощи губернскаго присутствія.

Въ то же время приходилось принимать и безостановочно разбирать массу жалобъ и споровъ между помѣщиками и крестьянами по самымъ разнообразнымъ вопросамъ; знакомить крестьянъ съ ихъ новыми правами и обязанностями и разъяснять имъ всѣ ихъ недоумѣнія; понуждать ихъ къ правильному исполненію повинностей и охранять отъ незаконныхъ притязаній помѣщиковъ; разсматривать и утверждать, а иногда и составлять самимъ, уставныя грамоты, требовавшія, конечно, основательнаго изученія всѣхъ подробностей хозяйственнаго быта входившихъ въ составъ участка имѣній; заботиться объ облегченіи чрезмѣрно обременительныхъ повинностей въ разныхъ имѣніяхъ, уговаривать помѣщиковъ и помѣщицъ соглашаться на добровольное ихъ сокращеніе; обращать издѣльную повинность въ оброкъ, тщательно слѣдя, чтобы интересы крестьянъ при этомъ не пострадали... Они же должны были разбирать и распутывать разные, иногда весьма сложные, отношенія и счеты, возникшіе нерѣдко

[1]) Записано послѣ разговора съ Н. П. Щепкинымъ 27-го марта 1901 г., въ Петербургѣ

мнѣ кажется, отстранится и нѣкоторое одностороннее направленіе, которое, можетъ быть, по необходимости преобладало до сего времени [1]). Послѣ совѣщаній моихъ съ уѣздными предводителями дворянства я успѣлъ убѣдить г. Щукина снова посѣщать губернское присутствіе; затѣмъ неудовольствіе его съ княземъ Оболенскимъ сдѣлалось дѣломъ совершенно частнымъ. Оно, какъ вамъ извѣстно, вслѣдствіе приговора гг. предводителей, по которому предположено было судить князя Оболенскаго судомъ дворянъ, поступило, еще до моего пріѣзда, въ Сенатъ" [2]).

Односторонность, одностороннее направленіе, это—тотъ лозунгъ, изобрѣтенный П А. Валуевымъ для опредѣленія или, точнѣе, вѣжливаго порицанія дѣятельности тѣхъ губернаторовъ и крестьянскихъ учрежденій, которые желали провести въ жизнь Положеніе 19 февраля безъ всякихъ урѣзокъ и компромиссовъ. Въ приложеніи къ оцѣнкѣ дѣятельности Виктора Антоновича это выраженіе было впервые употреблено Валуевымъ въ разговорѣ съ княземъ Д. А. Оболенскимъ [3]), и съ тѣхъ поръ оно постоянно употреблялось и въ докладахъ, и въ оффиціальной перепискѣ съ нимъ и о немъ. Къ чести А. Х. Капгера, надо сказать, что онъ, какъ только присмотрѣлся ближе къ положенію вещей въ калужской губерніи и познакомился съ дѣятельностью мировыхъ учрежденій непосредственно, такъ сейчасъ же и понялъ непримѣнимость этого скромнаго по внѣшности, но весьма отвѣтственнаго по своему тогдашнему значенію выраженія. Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ П. А. Валуеву, писанномъ въ концѣ ноября 1861 г. послѣ поѣздки по калужскому уѣзду, онъ уже не употребляетъ такихъ выраженій не только въ примѣненіи къ дѣятельности самого Арцимовича, но и мировыхъ учрежденій калужской губерніи; въ это время онъ уже вполнѣ убѣдился въ односторонности и даже прямой недобросовѣстности дворянскихъ доносовъ и нападеній. Въ этомъ письмѣ, не менѣе подробномъ, нежели первое, онъ уже сообщаетъ министру свой взглядъ на дѣятельность калужскихъ мировыхъ посредниковъ, оговариваясь, что его взглядъ рѣзко отличается отъ мнѣнія большей части помѣщиковъ.

„Казалось бы, пишетъ г. Капгеръ, что чѣмъ успѣшнѣе

---

[1]) Курсивъ мой. Капгеръ впослѣдствіи совершенно измѣнилъ это первоначальное свое мнѣніе.

[2]) Письмо А. Х. Капгера къ П. А. Валуеву изъ Калуги отъ 12 ноября 1861 года.

[3]) Ср. цитированное уже нами письмо Д. А. Оболенскаго къ В. А. Арцимовичу отъ 9 мая 1861 г.

вмѣшиваясь въ сущность производящихся дѣлъ, указываютъ крестьянамъ разные пріемы, которые могутъ облегчить ходъ дѣла и установить твердый порядокъ. При объясненіяхъ съ мировыми посредниками я счелъ нужнымъ обратить ихъ особенное вниманіе на важность прочной и разумной организаціи общественнаго управленія крестьянъ, *безъ нарушенія, однако, той самостоятельности, которая дарована имъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года*" [1]).

Не менѣе удачно шло дѣло по облегченію и урегулированію крестьянскихъ повинностей: до объявленія воли въ калужской губерніи помѣщичьихъ крестьянъ состояло:

на чистомъ оброкѣ	114.964	души.
„ барщинѣ	100.636	„
„ смѣшанной повинн.	60.413	„

Въ теченіе 1861 г. перешли на оброкъ съ издѣльной повинности 28.256 душъ и со смѣшанной—33.564 (т.-е. больше половины), такъ что къ началу 1862 г. состояло:

на чистомъ оброкѣ	176.784	души.
„ барщинѣ	72.380	„
„ смѣшанной повинн.	26.849	„

Сверхъ того изъявили желаніе перейти на оброкъ по истеченіи года—31.583 души [2]).

Къ началу 1862 г. было уже введено въ дѣйствіе 540 уставныхъ грамотъ на 550 имѣній съ 35.000 душъ крестьянъ; представлено въ губернское присутствіе 73 выкупныхъ сдѣлки по 86 имѣніямъ съ 5.035 душами крестьянъ.

Дѣятельность мировыхъ посредниковъ вызывала противъ себя особенно сильныя нареканія помѣщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда посредники своими излишними, какъ казалось помѣщикамъ, разъясненіями крестьянамъ ихъ правъ вредили интересамъ помѣщиковъ, отказывая въ утвержденіи добровольныхъ сдѣлокъ, невыгодныхъ для крестьянъ и заключенныхъ ими вслѣдствіе непониманія своихъ правъ.

„Я не знаю,—писалъ одинъ помѣщикъ въ жалобѣ ревизовавшему калужскую губернію сенатору—почему г. посреднику угодно возстановлять противъ меня крестьянъ; неужели онъ былъ

[1]) Представленіе губернатора управляющему министерств. вн. дѣлъ отъ 20 августа 1861 г., за № 1286.

[2]) „Отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла".

обратилъ вниманіе на то, что губернскій предводитель не указываетъ ни одного факта въ подтвержденіе его обвиненія, „напротивъ, въ виду губернскаго начальства были факты, доказывающіе беззаконные и самовольные поступки помѣщиковъ противъ своихъ временно-обязанныхъ людей. Таковы дѣла: объ изнасилованіи инженеръ-поручикомъ Сурожевскимъ дворовой 15-лѣтней дѣвочки; о нанесеніи помѣщикомъ Немѣшаевымъ выстрѣломъ изъ ружья раны крестьянкѣ Петровой; объ избіеніи крестьянина Федорова помѣщикомъ Кошкоревымъ; о нанесеніи помѣщикомъ Барыковымъ крестьянину Аксенову удара, отъ котораго онъ не могъ работать и принужденъ былъ лечиться въ больницѣ, и др....“

На обвиненіе губернской администраціи въ бездѣйствіи власти Арцимовичъ отвѣчалъ указаніемъ на общій ходъ крестьянскаго дѣла въ губерніи и въ особенности на число крестьянъ, переведенныхъ съ барщины и со смѣшанной повинности на оброкъ.

Далѣе слѣдовали жалобы на замѣну во многихъ уѣздахъ выборныхъ исправниковъ исправниками по назначенію и на безотчетность дѣйствій губернатора, какъ въ наложеніи взысканій, такъ и въ раздачѣ наградъ чинамъ земской полиціи, благодаря чему чины эти будто бы „забываютъ, что служатъ царю и отечеству, и потому губернаторъ замѣняетъ имъ законъ и совѣсть“.

На это обвиненіе Викторъ Антоновичъ счелъ необходимымъ дать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по увольненію и назначенію исправниковъ на основаніи указа Сената отъ 8 іюня 1860 г., за № 27426, признавшаго за губернаторами это право. Онъ указалъ, что воспользовался имъ только въ трехъ уѣздахъ, и что, въ сущности, въ калужской губерніи было бы полезно смѣнить еще до 4 выбранныхъ дворянами исправниковъ, въ виду ихъ неудовлетворительности. Что же касается обвиненія въ произвольности выдачъ денежныхъ наградъ и пособій, то Викторъ Антоновичъ подробно изложилъ, что указомъ Сената отъ 15 ноября 1860 г. назначено на усиленіе средствъ земской полиціи въ калужской губерніи 22.500 руб., что для распредѣленія этой суммы губернаторъ назначилъ особую коммисію, которая признала полезнымъ не придавать этому пособію значенія наградъ, „потому что прежде чѣмъ награждать, т.-е. дать нѣкоторый избытокъ, гораздо важнѣе удовлетворить дѣйствительныя нужды. Выдача единовременныхъ пособій въ видѣ наградъ, конечно, можетъ возбудить соревнованіе, но нельзя

распоряженія мировыхъ посредниковъ, не имѣвшія законнаго основанія, и всегда указывало и разъясняло ихъ незаконность. Съ особою строгостью охраняло губернское присутствіе свободу дѣйствій новыхъ крестьянскихъ обществъ отъ всякихъ проявленій незаконнаго, хотя бы и благожелательнаго, вмѣшательства во внутреннія дѣла самоуправляющихся обществъ. На запросъ одного мирового посредника, можетъ ли онъ кассировать неправильныя, по его мнѣнію, рѣшенія волостныхъ судовъ, присутствіе отвѣтило [1]), что „мировой посредникъ не есть начальникъ надъ судомъ, который долженъ быть независимъ отъ административной власти, что всякія дознанія и излишнее вмѣшательство могутъ поколебать довѣренность крестьянъ къ ихъ общественному управленію". Въ другомъ случаѣ, губернское присутствіе отмѣнило рѣшеніе мирового съѣзда, устранившаго отъ должности, безъ достаточнаго разбора и оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ дѣла, волостного старшину по жалобѣ мирового посредника на его дерзкое поведеніе. Когда одинъ изъ мировыхъ посредниковъ представилъ присутствію о необходимости устройства въ нѣкоторыхъ селеніяхъ общественныхъ домовъ и особыхъ помѣщеній для волостныхъ правленій, для чего просилъ составить нормальные проектъ и смѣту, — то губернское присутствіе ему разъяснило, что „устройство общественныхъ домовъ для помѣщенія волостныхъ правленій *зависитъ совершенно отъ постановленія волостныхъ сходовъ*, и такъ какъ обществамъ дозволено по закону дѣлать расходы на подобные предметы, смотря по надобности и по средствамъ крестьянъ, то установленіе нормальныхъ проектовъ и смѣтъ было бы безполезно" [2]).

О неправильныхъ дѣйствіяхъ одного мирового посредника губернаторъ донесъ Правительствующему Сенату [3]).

Отмѣтивъ безпристрастное и строгое отношеніе губернскаго присутствія къ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, Викторъ Антоновичъ писалъ въ 1862 г. въ своемъ отчетѣ Государю „о ходѣ крестьянскаго дѣла":

„Несмотря на многія заявленія неудовольствій на посредниковъ калужской губерніи, я, съ своей стороны, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, съ искреннею къ нимъ признательностью, что спокойствіе, насколько оно сохранилось въ губерніи, много зависѣло отъ ихъ разумной и добросовѣстной дѣятельности.

---

[1]) Обнинскій. „Калужск. губ. присутствіе" статья 2-я, стр. 7. Въ законѣ порядокъ кассаціи не былъ установленъ.

[2]) Обнинскій. „Калужск. губ. присутствіе".

[3]) Всепод. отчетъ губернатора о ходѣ крестьянск. дѣла за 1861 годъ.

обратилъ вниманіе на то, что губернскій предводитель не
зываетъ ни одного факта въ подтвержденіе его обвиненія,
противъ, въ виду губернскаго начальства были факты, док
вающіе беззаконные и самовольные поступки помѣщиковъ
тивъ своихъ временно-обязанныхъ людей. Таковы дѣла:
изнасилованіи инженеръ-поручикомъ Сурожевскимъ двор
15-лѣтней дѣвочки; о нанесеніи помѣщикомъ Немѣшаев
выстрѣломъ изъ ружья раны крестьянкѣ Петровой; объ избі
крестьянина Федорова помѣщикомъ Кошкоревымъ; о нанес
помѣщикомъ Барыковымъ крестьянину Аксенову удара, отъ
тораго онъ не могъ работать и принужденъ былъ лечитьс
больницѣ, и др...."

На обвиненіе губернской администраціи въ бездѣйствіи
сти Арцимовичъ отвѣчалъ указаніемъ на общій ходъ крест
скаго дѣла въ губерніи и въ особенности на число кресть
переведенныхъ съ барщины и со смѣшанной повинности
оброкъ.

Далѣе слѣдовали жалобы на замѣну во многихъ уѣздахъ
борныхъ исправниковъ исправниками по назначенію и на
отчетность дѣйствій губернатора, какъ въ наложеніи взы
ній, такъ и въ раздачѣ наградъ чинамъ земской полиціи,
годаря чему чины эти будто бы „забываютъ, что служатъ
и отечеству, и потому губернаторъ замѣняетъ имъ законъ
вѣсть".

На это обвиненіе Викторъ Антоновичъ счелъ необходим
дать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по увольнені
назначенію исправниковъ на основаніи указа Сената отъ 8
1860 г., за № 27426, признавшаго за губернаторами это
во. Онъ указалъ, что воспользовался имъ только въ трехъ
дахъ, и что, въ сущности, въ калужской губерніи было бы
лезно смѣнить еще до 4 выбранныхъ дворянами исправни
въ виду ихъ неудовлетворительности. Что же касается обв
нія въ произвольности выдачъ денежныхъ наградъ и пос
то Викторъ Антоновичъ подробно изложилъ, что указомъ
ната отъ 15 ноября 1860 г. назначено на усиленіе сред
земской полиціи въ калужской губерніи 22.500 руб., что
распредѣленія этой суммы губернаторъ назначилъ особую к
сію, которая признала полезнымъ не придавать этому по
значенія наградъ, „потому что прежде чѣмъ награждать,
дать нѣкоторый избытокъ, гораздо важнѣе удовлетворить
ствительныя нужды. Выдача единовременныхъ пособій въ
наградъ, конечно, можетъ возбудить соревнованіе, но

крупному инциденту въ губернскомъ присутствіи, а затѣмъ, найдя сочувственный пріемъ у министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, послужила главнѣйшимъ поводомъ къ назначенію въ калужскую губернію сенаторской ревизіи.

Въ засѣданіи 19 іюля 1861 года губернскій предводитель предъявилъ письма къ нему дворянъ лихвинскаго уѣзда А. фонъ-Ренне и г-жи Озеровой, заключавшія въ себѣ жалобы на дѣйствія мирового посредника Н. П. Щепкина, изложенныя въ крайне дерзкомъ и неприличномъ тонѣ и сопровождавшіяся выходками по адресу губернскаго присутствія и его предсѣдателя [1]). Г-жа Озерова писала между прочимъ въ своемъ письмѣ, что она не подаетъ формальной просьбы калужскому губернскому присутствію „потому, что тамъ предсѣдательствуетъ губернаторъ, который создалъ г. Щепкина и вѣроятно приказалъ ему такъ дѣйствовать". Желая охарактеризовать дѣятельность посредника Озерова писала, что она „ожидаетъ, что къ ней придутъ и скажутъ: посредникъ приказалъ разорить вашъ домъ, убить васъ, и мы это исполнимъ". Г. фонъ-Ренне обвинялъ Щепкина въ желаніи „уничтожить" помѣщиковъ и въ различныхъ „демократическихъ" и „соціалистическихъ" замыслахъ, не приводя, впрочемъ, въ подтвержденіе своихъ словъ никакихъ доказательствъ, а указывая лишь между прочимъ, что мировой посредникъ возитъ съ собой какую-то желтую книгу, „не вошедшую въ законную силу Высочайшихъ положеній" [2]) и возбуждаетъ къ неповиновенію помѣщику дворовыхъ людей и крестьянъ [3]).

---

[1]) Содержаніе дѣйствительно возмутительныхъ по своей наглости жалобъ фонъ-Ренне подробно изложено въ статьяхъ г. Обнинскаго о калужск. присутствіи (ст. 2-я, стр. 12). Слѣдуетъ лишь имѣть въ виду, что жалобы свои онъ адресовалъ не въ губернское присутствіе, а излагалъ ихъ въ видѣ писемъ уѣздному и губернскому предводителямъ дворянства.

[2]) Это была, какъ потомъ оказалось, VI часть трудовъ редакціонныхъ комиссій съ выпискою изъ проектовъ Губернскихъ Комитетовъ относительно содержанія дворовыхъ людей.

[3]) „Присвоенная самимъ имъ, эта власть—писалъ г. фонъ-Ренне въ одномъ изъ своихъ писемъ—вооружила противъ насъ—помѣщиковъ, нашихъ дворовыхъ людей и крестьянъ до того, что они ни въ чемъ не вѣрятъ и говорятъ мнѣ прямо въ глаза, что я ихъ обманывалъ, скрывалъ отъ нихъ то, чего нѣтъ въ Высочайшемъ Положеніи и что̀ имъ посредникъ изъяснялъ изъ желтой книги. Такая злоба моихъ дворовыхъ людей дошла черезъ фальшивое толкованіе законовъ до нестерпимаго оскорбленія мнѣ, помѣщику, которыя дошли до такой преступной дерзости, что въ отсутствіе мое отзывалось на дѣтяхъ моихъ, толкая ихъ съ лѣстницы; за что дворовая моя дѣвка Соломонида и была мною представлена въ лихвинскій земскій судъ 13 числа іюля мѣсяца и которая со-

обратилъ вниманіе на то, что губернскій предводитель
зываетъ ни одного факта въ подтвержденіе его обвинені
противъ, въ виду губернскаго начальства были факты,
вающіе беззаконные и самовольные поступки помѣщико
тивъ своихъ временно-обязанныхъ людей. Таковы дѣл
изнасилованіи инженеръ-поручикомъ Сурожевскимъ д
15-лѣтней дѣвочки; о нанесеніи помѣщикомъ Немѣш
выстрѣломъ изъ ружья раны крестьянкѣ Петровой; объ
крестьянина Федорова помѣщикомъ Кошкоревымъ; о на
помѣщикомъ Барыковымъ крестьянину Аксенову удара,
тораго онъ не могъ работать и принужденъ былъ лечи
больницѣ, и др...."

На обвиненіе губернской администраціи въ бездѣйст
сти Арцимовичъ отвѣчалъ указаніемъ на общій ходъ кр
скаго дѣла въ губерніи и въ особенности на число кре
переведенныхъ съ барщины и со смѣшанной повинно
оброкъ.

Далѣе слѣдовали жалобы на замѣну во многихъ уѣзд
борныхъ исправниковъ исправниками по назначенію и
отчетность дѣйствій губернатора, какъ въ наложеніи
ній, такъ и въ раздачѣ наградъ чинамъ земской полиці
годаря чему чины эти будто бы „забываютъ, что служат
и отечеству, и потому губернаторъ замѣняетъ имъ зако
вѣсть".

На это обвиненіе Викторъ Антоновичъ счелъ необхо
дать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по увольн
назначенію исправниковъ на основаніи указа Сената отъ
1860 г., за № 27426, признавшаго за губернаторами э
во. Онъ указалъ, что воспользовался имъ только въ трех
дахъ, и что, въ сущности, въ калужской губерніи было
лезно смѣнить еще до 4 выбранныхъ дворянами исправ
въ виду ихъ неудовлетворительности. Что же касается
нія въ произвольности выдачъ денежныхъ наградъ и
то Викторъ Антоновичъ подробно изложилъ, что указо
ната отъ 15 ноября 1860 г. назначено на усиленіе с
земской полиціи въ калужской губерніи 22.500 руб.,
распредѣленія этой суммы губернаторъ назначилъ особу
сію, которая признала полезнымъ не придавать этому
значенія наградъ, „потому что прежде чѣмъ награжда
дать нѣкоторый избытокъ, гораздо важнѣе удовлетво
ствительныя нужды. Выдача единовременныхъ пособій
наградъ, конечно, можетъ возбудить соревнованіе,

Высочайшее повелѣніе о поддержаніи согласія между предводителемъ дворянства и губернскою властью, но получилъ довольно рѣзкій отказъ [1]). Тогда Викторъ Антоновичъ представилъ всю переписку по этому дѣлу въ министерство, въ виду поданной Щукинымъ туда же жалобы, а самъ отправился въ лихвинскій уѣздъ, чтобы лично ознакомиться съ дѣйствіями мирового посредника Щепкина. Ревизія Щепкина дала самые успокоительные результаты и доказала, что дѣйствія его не только стоятъ внѣ всякаго упрека, но заслуживаютъ по своей необыкновенной энергіи, добросовѣстности и строгой законности особаго одобренія. Любопытно, что этотъ блестящій отзывъ о дѣятельности ненавистнаго дворянамъ посредника не отказался письменно подтвердить и уѣздный предводитель дворянства, не пожелавшій кривить душой [2]).

Валуевъ, получивъ донесеніе губернатора и жалобу Щукина, просилъ Виктора Антоновича употребить свое вліяніе къ прекращенію этого инцидента примиреніемъ сторонъ, такъ какъ князь Оболенскій въ своемъ оффиціальномъ объясненіи высказалъ, что не имѣлъ намѣренія оскорблять губернскаго предводителя [3]). Но Щукинъ остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи не посѣщать засѣданій присутствія и рѣшилъ воспользоваться этой исторіей, чтобы втянуть въ прямую борьбу съ губернскимъ присутствіемъ все калужское дворянство. Онъ разослалъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства циркулярныя письма, въ которыхъ представилъ поступокъ съ нимъ князя Оболенскаго въ своемъ собственномъ освѣщеніи и требовалъ надъ княземъ Оболенскимъ суда дворянскаго собранія, настаивая на томъ, что въ его лицѣ все сословіе оскорблено выходкой князя. Это письмо было предъявлено 20 сентября въ присутствіе дворянскаго депутатскаго собранія вмѣстѣ съ уѣздными предводителями, причемъ состоялось слѣдующее постановленіе: „поступокъ князя Оболенскаго, оскорбившаго губернскаго предводителя и въ лицѣ его все дворянство калужской губерніи, представить на обсужденіе дворянства на первомъ имѣющемъ быть губернскомъ собраніи дворянства“ [4]).

---

[1]) Письмо отъ 22 іюля 1861 г. В. А. Арцимовича къ Ѳ. С. Щукину и отвѣтъ послѣдняго отъ того же числа.

[2]) Конфиденціальное письмо И. Н. Палтова къ В. А. Арцимовичу отъ 25 іюля 1861 г.

[3]) Предложеніе министра вн. дѣлъ калужскому губернатору отъ 31 іюля 1861 г., за № 3328.

[4]) Въ 1859 году, во время работъ губернскихъ комитетовъ по крестьян-

обратилъ вниманіе на то, что губернскій предводитель не
зываетъ ни одного факта въ подтвержденіе его обвиненія,
противъ, въ виду губернскаго начальства были факты, до
вающіе беззаконные и самовольные поступки помѣщиковъ
тивъ своихъ временно-обязанныхъ людей. Таковы дѣла:
изнасилованіи инженеръ-поручикомъ Суроженскимъ дво
15-лѣтней дѣвочки; о нанесеніи помѣщикомъ Немѣшае
выстрѣломъ изъ ружья раны крестьянкѣ Петровой; объ изб
крестьянина Федорова помѣщикомъ Кошкоревымъ; о нане
помѣщикомъ Барыковымъ крестьянину Аксенову удара, от
тораго онъ не могъ работать и принужденъ былъ лечитьс
больницѣ, и др...."

На обвиненіе губернской администраціи въ бездѣйствіи
сти Арцимовичъ отвѣчалъ указаніемъ на общій ходъ крес
скаго дѣла въ губерніи и въ особенности на число крест
переведенныхъ съ барщины и со смѣшанной повинност
оброкъ.

Далѣе слѣдовали жалобы на замѣну во многихъ уѣздах
борныхъ исправниковъ исправниками по назначенію и на
отчетность дѣйствій губернатора, какъ въ наложеніи взы
ній, такъ и въ раздачѣ наградъ чинамъ земской полиціи,
годаря чему чины эти будто бы „забываютъ, что служатъ
и отечеству, и потому губернаторъ замѣняетъ имъ законъ
вѣсть".

На это обвиненіе Викторъ Антоновичъ счелъ необходим
дать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по увольнен
назначенію исправниковъ на основаніи указа Сената отъ 8
1860 г., за № 27426, признавшаго за губернаторами это
во. Онъ указалъ, что воспользовался имъ только въ трехъ
дахъ, и что, въ сущности, въ калужской губерніи было бы
лезно смѣнить еще до 4 выбранныхъ дворянами исправни
въ виду ихъ неудовлетворительности. Что же касается обв
нія въ произвольности выдачъ денежныхъ наградъ и пос
то Викторъ Антоновичъ подробно изложилъ, что указомъ
ната отъ 15 ноября 1860 г. назначено на усиленіе сре
земской полиціи въ калужской губерніи 22.500 руб., что
распредѣленія этой суммы губернаторъ назначилъ особую ко
сію, которая признала полезнымъ не придавать этому пос
значенія наградъ, „потому что прежде чѣмъ награждать,
дать нѣкоторый избытокъ, гораздо важнѣе удовлетворить
ствительныя нужды. Выдача единовременныхъ пособій въ
наградъ, конечно, можетъ возбудить соревнованіе, но не

ѣваться, что это же возбудитъ зависть, а, можетъ быть, да интриги, и подастъ поводъ къ важнымъ злоупотребле-ъ, которыя сильно унизятъ земскую полицію въ глазахъ ественнаго мнѣнія, а полиція никогда такъ не нуждалась бщественномъ уваженіи и довѣріи, какъ въ настоящее вре-. Въ такомъ смыслѣ и состоялось распоряженіе губернскаго вленія, напечатанное въ № 5 губернскихъ вѣдомостей. „Этимъ поряженіемъ — какъ справедливо указывалъ Викторъ Анто-чъ — калужское губернское начальство совершенно откло-) отъ себя нареканіе въ произвольномъ распредѣленіи посо-для земской полиціи, способъ расходованія которыхъ не остаться тайной для читающихъ печатное, такъ какъ по-овленіе губернскаго правленія по этому предмету было печатано изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей во всѣхъ и столичныхъ газетахъ" [1]). Протестуя противъ этой завѣ-) ложной инсинуаціи, Викторъ Антоновичъ такъ закончилъ объясненіе на этотъ пунктъ: „Впрочемъ, ваше превосхо-льство можете легко убѣдиться при произведеніи ревизіи, лица, принимающія участіе въ калужской администраціи, никнуты сознаніемъ своего долга, и дѣйствія ихъ потому вполнѣ орыстны и усердны, что исполняемыя ими обязанности не иворѣчатъ ихъ честнымъ убѣжденіямъ. Я почитаю себя тливымъ, что пользуюсь помощью такихъ чиновниковъ, ибо, моему убѣжденію, только та администрація и имѣетъ проч-основаніе, которая опирается на людей, чувствующихъ свое оинство и дѣйствующихъ по убѣжденію" [2]).

Далѣе губернскій предводитель не постыдился помѣстить въ й запискѣ нареканіе на то, что при объявленіи Положеній тьянамъ были читаны не всѣ, а только нѣкоторыя статьи, въ самомъ началѣ будто бы было потрясено спокой-, „ибо многія статьи, опредѣляющія обязанности крестьянъ, были прочитаны". На этотъ упрекъ было легко отвѣчать, авъ и тѣ статьи, которыя были объявлены, и выборъ кото-ь былъ вполнѣ удаченъ, а также и то, что выбраны эти

[1]) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ губернатора по управленію губерніей за г. эта мѣра обратила на себя вниманіе Государя и вызвала Высочайшую ку: „дѣльно!"

[2]) Замѣчательно, что изъ исправниковъ, служившихъ при В. А. Арцимо-по его назначенію, многіе тотчасъ же перешли въ мировые посредники, только этотъ институтъ былъ образованъ. Одинъ изъ нихъ умеръ пред-елемъ департамента судебной палаты, другой состоялъ непремѣннымъ мъ калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

обратилъ вниманіе на то, что губернскій предводитель не указываетъ ни одного факта въ подтвержденіе его обвиненія, „напротивъ, въ виду губернскаго начальства были факты, доказывающіе беззаконные и самовольные поступки помѣщиковъ противъ своихъ временно-обязанныхъ людей. Таковы дѣла: объ изнасилованіи инженеръ-поручикомъ Сурожевскимъ дворовой 15-лѣтней дѣвочки; о нанесеніи помѣщикомъ Нѣмѣшаевымъ выстрѣломъ изъ ружья раны крестьянкѣ Петровой; объ избіеніи крестьянина Федорова помѣщикомъ Кошкоревымъ; о нанесеніи помѣщикомъ Барыковымъ крестьянину Аксенову удара, отъ котораго онъ не могъ работать и принужденъ былъ лечиться въ больницѣ, и др....“

На обвиненіе губернской администраціи въ бездѣйствіи власти Арцимовичъ отвѣчалъ указаніемъ на общій ходъ крестьянскаго дѣла въ губерніи и въ особенности на число крестьянъ, переведенныхъ съ барщины и со смѣшанной повинности на оброкъ.

Далѣе слѣдовали жалобы на замѣну во многихъ уѣздахъ выборныхъ исправниковъ исправниками по назначенію и на безотчетность дѣйствій губернатора, какъ въ наложеніи взысканій, такъ и въ раздачѣ наградъ чинамъ земской полиціи, благодаря чему чины эти будто бы „забываютъ, что служатъ царю и отечеству, и потому губернаторъ замѣняетъ имъ законъ и совѣсть“.

На это обвиненіе Викторъ Антоновичъ счелъ необходимымъ дать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по увольненію и назначенію исправниковъ на основаніи указа Сената отъ 8 іюня 1860 г., за № 27426, признавшаго за губернаторами это право. Онъ указалъ, что воспользовался имъ только въ трехъ уѣздахъ, и что, въ сущности, въ калужской губерніи было бы полезно смѣнить еще до 4 выбранныхъ дворянами исправниковъ, въ виду ихъ неудовлетворительности. Что же касается обвиненія въ произвольности выдачъ денежныхъ наградъ и пособій, то Викторъ Антоновичъ подробно изложилъ, что указомъ Сената отъ 15 ноября 1860 г. назначено на усиленіе средствъ земской полиціи въ калужской губерніи 22.500 руб., что для распредѣленія этой суммы губернаторъ назначилъ особую коммисію, которая признала полезнымъ не придавать этому пособію значенія наградъ, „потому что прежде чѣмъ награждать, т.-е. дать нѣкоторый избытокъ, гораздо важнѣе удовлетворить дѣйствительныя нужды. Выдача единовременныхъ пособій въ видѣ наградъ, конечно, можетъ возбудить соревнованіе, но нельзя

ѣваться, что это же возбудитъ зависть, а, можетъ быть, да интриги, и подастъ поводъ къ важнымъ злоупотребле- ъ, которыя сильно унизятъ земскую полицію въ глазахъ ественнаго мнѣнія, а полиція никогда такъ не нуждалась бщественномъ уваженіи и довѣріи, какъ въ настоящее вре- Въ такомъ смыслѣ и состоялось распоряженіе губернскаго вленія, напечатанное въ № 5 губернскихъ вѣдомостей. „Этимъ оряженіемъ — какъ справедливо указывалъ Викторъ Анто- чъ — калужское губернское начальство совершенно откло- отъ себя нареканіе въ произвольномъ распредѣленіи посо- для земской полиціи, способъ расходованія которыхъ не остаться тайной для читающихъ печатное, такъ какъ по- овленіе губернскаго правленія по этому предмету было печатано изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей во всѣхъ и столичныхъ газетахъ“ [1]). Протестуя противъ этой завѣ- ложной инсинуаціи, Викторъ Антоновичъ такъ закончилъ объясненіе на этотъ пунктъ: „Впрочемъ, ваше превосхо- льство можете легко убѣдиться при произведеніи ревизіи, лица, принимающія участіе въ калужской администраціи, икнуты сознаніемъ своего долга, и дѣйствія ихъ потому вполнѣ орыстны и усердны, что исполняемыя ими обязанности не иворѣчатъ ихъ честнымъ убѣжденіямъ. Я почитаю себя тливымъ, что пользуюсь помощью такихъ чиновниковъ, ибо, оему убѣжденію, только та администрація и имѣетъ проч- основаніе, которая опирается на людей, чувствующихъ свое оинство и дѣйствующихъ по убѣжденію“ [2]).

Далѣе губернскій предводитель не постыдился помѣстить въ й запискѣ нареканіе на то, что при объявленіи Положеній тьянамъ были читаны не всѣ, а только нѣкоторыя статьи, въ самомъ началѣ будто бы было потрясено спокой- , „ибо многія статьи, опредѣляющія обязанности крестьянъ, ыли прочитаны“. На этотъ упрекъ было легко отвѣчать, авъ и тѣ статьи, которыя были объявлены, и выборъ кото- былъ вполнѣ удаченъ, а также и то, что выбраны эти

) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ губернатора по управленію губерніей за г. эта мѣра обратила на себя вниманіе Государя и вызвала Высочайшую ку: „дѣльно!“

) Замѣчательно, что изъ исправниковъ, служившихъ при В. А. Арцимо- по его назначенію, многіе тотчасъ же перешли въ мировые посредники, только этотъ институтъ былъ образованъ. Одинъ изъ нихъ умеръ пред- елемъ департамента судебной палаты, другой состоялъ непремѣннымъ омъ калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

обратилъ вниманіе на то, что губернскій предводитель не указываетъ ни одного факта въ подтвержденіе его обвиненія, „напротивъ, въ виду губернскаго начальства были факты, доказывающіе беззаконные и самовольные поступки помѣщиковъ противъ своихъ временно-обязанныхъ людей. Таковы дѣла: объ изнасилованіи инженеръ-поручикомъ Сурожевскимъ дворовой 15-лѣтней дѣвочки; о нанесеніи помѣщикомъ Немѣшаевымъ выстрѣломъ изъ ружья раны крестьянкѣ Петровой; объ избіеніи крестьянина Федорова помѣщикомъ Кошкоревымъ; о нанесеніи помѣщикомъ Барыковымъ крестьянину Аксенову удара, отъ котораго онъ не могъ работать и принужденъ былъ лечиться въ больницѣ, и др....“

На обвиненіе губернской администраціи въ бездѣйствіи власти Арцимовичъ отвѣчалъ указаніемъ на общій ходъ крестьянскаго дѣла въ губерніи и въ особенности на число крестьянъ, переведенныхъ съ барщины и со смѣшанной повинности на оброкъ.

Далѣе слѣдовали жалобы на замѣну во многихъ уѣздахъ выборныхъ исправниковъ исправниками по назначенію и на безотчетность дѣйствій губернатора, какъ въ наложеніи взысканій, такъ и въ раздачѣ наградъ чинамъ земской полиціи, благодаря чему чины эти будто бы „забываютъ, что служатъ царю и отечеству, и потому губернаторъ замѣняетъ имъ законъ и совѣсть“.

На это обвиненіе Викторъ Антоновичъ счелъ необходимымъ дать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по увольненію и назначенію исправниковъ на основаніи указа Сената отъ 8 іюня 1860 г., за № 27426, признавшаго за губернаторами это право. Онъ указалъ, что воспользовался имъ только въ трехъ уѣздахъ, и что, въ сущности, въ калужской губерніи было бы полезно смѣнить еще до 4 выбранныхъ дворянами исправниковъ, въ виду ихъ неудовлетворительности. Что же касается обвиненія въ произвольности выдачъ денежныхъ наградъ и пособій, то Викторъ Антоновичъ подробно изложилъ, что указомъ Сената отъ 15 ноября 1860 г. назначено на усиленіе средствъ земской полиціи въ калужской губерніи 22.500 руб., что для распредѣленія этой суммы губернаторъ назначилъ особую коммиссію, которая признала полезнымъ не придавать этому пособію значенія наградъ, „потому что прежде чѣмъ награждать, т.-е. дать нѣкоторый избытокъ, гораздо важнѣе удовлетворить дѣйствительныя нужды. Выдача единовременныхъ пособій въ видѣ наградъ, конечно, можетъ возбудить соревнованіе, но нельзя

что кн. Д. А. Оболенскій „при свиданіи въ Москвѣ съ Kозна-ковымъ заключилъ изъ его словъ, что, можетъ быть, и Козна-ковъ, неоднократно слышавъ отъ тебя твое желаніе, чтобы пра-вительство или министръ обревизовали твои дѣйствія по крестьян-скому дѣлу, былъ причиною, что Государь изъявилъ свое со-чувствіе къ назначенію сенаторской ревизіи, ибо Козначовъ со-всѣмъ увѣренъ, что она удовлетворитъ твое желаніе".

О личности генерала Капгера М. Н. Жемчужниковъ сооб-щалъ въ рядѣ писемъ благопріятныя и успокоительныя свѣдѣнія, указавъ, между прочимъ, что Капгеръ, ознакомившись по пере-пискамъ, имѣвшимся въ министерствѣ, съ положеніемъ дѣлъ въ Калугѣ и собравъ справки объ Арцимовичѣ, ѣхалъ на ревизію съ полнымъ уваженіемъ къ личности Виктора Антоновича, и что единственнымъ обстоятельствомъ, безпокоившимъ Капгера, были нѣкоторыя стороны крестьянскаго дѣла, особенно неудачно составленное урочное положеніе, причемъ Капгера убѣдили, что Викторъ Антоновичъ при составленіи его нарочно выбралъ та-кихъ экспертовъ, которые могли бы досадить дворянству, и вообще дурныя отношенія губернатора съ дворянствомъ [1]).

20 октября А. Х. Капгеръ пріѣхалъ въ Калугу. Викторъ Антоновичъ къ пріѣзду его изготовилъ записку, въ которой съ благородной прямотой и ясностью, такъ рѣдко встрѣчавшимися въ тогдашнихъ оффиціальныхъ документахъ, изложилъ весь ходъ управленія и крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи со вре-мени вступленія его въ должность калужскаго губернатора.

„Руководимый свойственнымъ мнѣ воззрѣніемъ на власть, которою я облеченъ довѣріемъ Государя Императора, и въ твердомъ сознаніи правъ и обязанностей, съ нею сопряженныхъ, имѣю честь представить вашему превосходительству краткій, по возможности, обзоръ управленія моего калужской губерніею",— такъ начиналась эта изящная и съ большимъ достоинствомъ со-ставленная записка. „Въ этомъ обзорѣ—пишетъ онъ далѣе— я постараюсь уяснить общія начала, положенныя въ основу моего управленія, и указать на тѣ правительственныя мѣры, которыя были мною приняты при направленіи и разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, имѣвшихъ прямое или косвенное со-отношеніе съ предпринятой правительствомъ реформой крестьян-скаго быта. Въ этомъ случаѣ я не только исполняю лежащую на мнѣ передъ высшимъ правительствомъ обязанность, но и

[1]) Письма М. Н. Жемчужникова къ В. А. Арцимовичу отъ 18 и 24 сен-тября и 14 октября 1861 г.

статьи были комиссией, въ которой участвовалъ и самъ Щукинъ, подписавшій журналъ этой комиссіи. Притомъ фраза о нарушеніи спокойствія была очевидной и легкомысленной выдумкой. Свои подробныя объясненія по этому пункту „записки" Арцимовичъ заключилъ слѣдующимъ выводомъ: „По соображеніи обвиненій губернскаго предводителя дворянства со всѣми данными, изложенными въ этой статьѣ, нельзя не прійти къ заключенію, что неудовольствіе г. предводителя вызвано именно дѣятельностью губернскаго начальства и заботою о томъ, чтобы объявленіе Манифеста и раздача Положеній не были простою формальностью, но получили существенное значеніе и смыслъ".

За этимъ слѣдовало еще болѣе безтактное нападеніе заднимъ числомъ на циркуляръ по полиціи о гражданскомъ значеніи дѣлъ о неисполненіи крестьянами возложенныхъ на нихъ по закону повинностей въ пользу помѣщиковъ. Указавъ содержаніе доклада Арцимовича по этому поводу, уже извѣстнаго читателю [1]), Щукинъ наивно заявляетъ: „съ этимъ довѣрчиво согласилось присутствіе". Въ объясненіяхъ по этому поводу Викторъ Антоновичъ изложилъ соображенія, положенныя въ основу этого распоряженія, и сослался на подобныя же постановленія подольскаго и ярославскаго присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. „Въ заключеніе — писалъ онъ — я не могу не выразить убѣжденія, что, судя по ходу крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи, циркуляръ о полиціи былъ весьма полезенъ, ибо, ограничивъ крѣпостной произволъ непосредственно за объявленіемъ Высочайшаго манифеста объ уничтоженіи крѣпостного права, онъ способствовалъ къ установленію такихъ, по возможности, свободныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, при которыхъ сдѣлались возможными миролюбивыя сдѣлки и взаимныя уступки. Большое количество по калужской губерніи уставныхъ грамотъ, составленныхъ по добровольному соглашенію, служитъ неоспоримымъ тому доказательствомъ".

„Послѣ сего — продолжалъ Щукинъ въ своей запискѣ — начался совершенный безпорядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что тогда не только не были еще назначены мировые посредники, но даже не было ни волостей, ни сельскихъ обществъ".

Объяснивъ по этому поводу, что при началѣ полевыхъ работъ дѣйствительно возникали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣшательства, губернаторъ указалъ, что всѣ они были немедленно

---

[1]) См. главу VI.

труде, имѣвшемъ цѣлью дать крестьянскому дѣлу дѣйствительное значеніе и правильный, законный ходъ.

Всѣ эти затрудненія и препятствія были, однако, преодолѣны, и притомъ до самаго послѣдняго времени я ни разу не обращался къ высшему правительству ни съ жалобами, ни съ испрошеніемъ какой-либо помощи или особыхъ мѣръ. Калужская губернская власть была сильна, во-первыхъ, силою закона, въ которомъ она видѣла свою цѣль, свою опору и огражденіе, и, во-вторыхъ, сочувствіемъ и помощью честныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, ее окружающихъ. Она и теперь сохранила все свое достоинство, но я сознаю и чувствую, что сила ея поколеблена назначеніемъ ревизіи, которая, по причинѣ всѣхъ особенностей настоящаго времени, къ сожалѣнію, не находитъ себѣ въ губерніи другого объясненія, кромѣ недовѣрія правительства къ моему образу дѣйствій. И общество, и губернская власть поставлены теперь въ положеніе выжидательное. Такое положеніе, я надѣюсь, не замедлитъ разрѣшиться съ пріѣздомъ вашего превосходительства".

Однако, съ пріѣздомъ Капгера положеніе это разрѣшилось далеко не сразу. Первое время по пріѣздѣ Капгеръ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, осажденъ недовольными Арцимовичемъ дворянами, приносившими ему самые разнообразные извѣты и жалобы на дѣятельность губернской администраціи и поставленныхъ ею мировыхъ посредниковъ. Еще до отъѣзда своего изъ Петербурга Капгеръ, при личномъ свиданіи съ тестемъ Виктора Антоновича сенаторомъ Жемчужниковымъ, высказавъ полное уваженіе къ личности Арцимовича, намекнулъ, однако, что онъ надѣется, что Викторъ Антоновичъ, самъ близко зная положеніе ревизующаго сенатора, не потребуетъ отъ него никакихъ такихъ дѣйствій, которыя могли бы казаться въ глазахъ публики пристрастными и односторонними. Но, какъ видно по нѣкоторымъ даннымъ, эта осторожность и сухость въ отношеніи къ губернской администраціи въ первое время его пребыванія въ Калугѣ, объяснялись не только соображеніями такта, а и тѣми сомнѣніями, которыя ему успѣли внушить въ Петербургѣ насчетъ безпристрастія Арцимовича и назначенныхъ имъ мировыхъ посредниковъ въ дѣйствіяхъ ихъ по крестьянскому дѣлу. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ М. Н. Жемчужникова, писанномъ 13 января, когда результаты ревизіи уже достаточно выяснились, есть между прочимъ такая фраза:

„Что Капгеръ при начальныхъ дѣйствіяхъ былъ неправъ

возможнымъ, съ довольно краснорѣчивыми справками о прежней ихъ службѣ, судимости и обращеніи ихъ съ крестьянами.

Въ слѣдующемъ пунктѣ записки губернскій предводитель жаловался, что онъ лишенъ былъ права заявлять губернскому присутствію о нуждахъ отдѣльныхъ дворянъ, и что отъ предводителей и членовъ присутствія скрытъ былъ циркуляръ министра объ удаленіи на два года изъ имѣній помѣщиковъ зачинщиковъ безпорядковъ изъ крестьянъ.

По поводу этихъ обвиненій губернаторъ изложилъ вкратцѣ уже извѣстную намъ исторію съ письмами Ренне и Озеровой и справку о докладѣ помянутаго циркуляра присутствію.

Затѣмъ Щукинъ изложилъ, какъ примѣръ „тлетворной мысли разъединенія сословій“, въ очень превратномъ, разумѣется, освѣщеніи рядъ дѣлъ о безпорядкахъ крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Доломанова, Киселевскаго, Потулова и другихъ.

По всѣмъ этимъ дѣламъ губернаторъ, въ видѣ объясненія, привелъ краткія справки изъ подлинныхъ производствъ.

Въ видѣ особаго приложенія къ своей „запискѣ“, Щукинъ прислалъ всѣ собранныя имъ письма и жалобы различныхъ помѣщиковъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ.

По поводу этихъ писемъ Викторъ Антоновичъ высказалъ тѣ соображенія, которыя были уже приведены выше (въ главѣ VII), при описаніи столкновенія Щукина съ княземъ А. В. Оболенскимъ въ губернскомъ присутствіи.

Указывая, въ заключеніе, общія причины, побудившія губернскаго предводителя подавать столь неосновательныя и недобросовѣстныя жалобы, Викторъ Антоновичъ останавливается, между прочимъ, на оцѣнкѣ роли и дѣятельности Щукина съ момента введенія крестьянской реформы и даетъ ему слѣдующую весьма мѣткую, по нашему мнѣнію, характеристику:

„Г. Щукинъ—писалъ Викторъ Антоновичъ,—безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу тѣхъ дворянъ калужской губерніи, которые недовольны совершившеюся реформой, но по своимъ свойствамъ онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ энергичныхъ характеровъ, которые вышли бы на борьбу съ правительственною властью, отстаивая во что бы то ни стало свои личныя помѣщичьи привилегіи. По всей вѣроятности, онъ дѣйствовалъ бы иначе, какъ частное лицо, но, какъ губернскій предводитель, онъ считаетъ себя на эту борьбу обреченнымъ. Онъ не только представитель калужскаго дворянства, но и представитель его неудовольствія. Не будучи способенъ стать въ уровень настоящаго государственнаго преобразованія, онъ тѣмъ легче прини-

„Уничтоженіе крѣпостного права лишило помѣщиковъ возможности по совершенному произволу извлекать доходы съ имѣнія барщиною или оброкомъ, а часто тѣмъ и другимъ способомъ вмѣстѣ. Смѣшанная повинность, весьма тяжкая для крестьянъ, въ особенности часто встрѣчается въ калужской губерніи, гдѣ, по дурному качеству почвы земли, крестьянинъ вынужденъ, кромѣ земледѣлія, заниматься еще другимъ какимъ-либо промысломъ. Распоряженіемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, согласно ст. 6 прав. о прив. въ дѣйствіе Полож., значительно сокращены какъ оброкъ, такъ и число рабочихъ дней крестьянъ въ имѣніяхъ, гдѣ существовала смѣшанная повинность. Если къ этому присоединить ограниченіе, указанное общимъ положеніемъ, рабочихъ дней вообще мужчинъ на три, а женщинъ на два дня, то понятно, что въ общей сложности обязательный трудъ не достигалъ уже прежнихъ результатовъ, и часть полей оставалась необработанною. Этому сверхъ того способствовало и то обстоятельство, что для отбыванія смѣшанной повинности большая часть крестьянъ, отправляясь на заработки, оставляетъ сельскій трудъ преимущественно на рукахъ однѣхъ женщинъ. Этотъ послѣдній фактъ долженъ имѣть несомнѣнное вліяніе на ходъ крестьянскихъ работъ и на будущее время, пока крестьяне не перейдутъ окончательно на оброкъ.

„Мировыя учрежденія ставятъ дворянина передъ закономъ на одну доску съ крестьяниномъ, который не задолго передъ этимъ былъ безмолвнымъ исполнителемъ воли помѣщика; въ духѣ самого Положенія 19 февраля нельзя не найти начала уничтоженія привилегій дворянства, дарованныхъ прежними узаконеніями; понятіе о равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ еще не могло развиться между дворянами, въ особенности при недостаткѣ чувства уваженія къ закону, проявляющемся въ нашемъ отечествѣ болѣе или менѣе во всѣхъ сословіяхъ. Явной протестаціи противъ Положенія 19 февраля, безъ сомнѣнія, быть не могло; дворяне поняли, что на это нѣтъ на ихъ сторонѣ ни нравственной, ни матеріальной силы и вслѣдствіе сего, въ большинствѣ своемъ, наружно покоряясь обстоятельствамъ, обнаруживаютъ теперь свое неудовольствіе въ борьбѣ противъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность приведенія въ исполненіе предпринятой правительствомъ реформы.

„Трудная и многосложная обязанность положить прочное основаніе началу новыхъ отношеній сословія дворянъ къ крестьянамъ, ввести чуждое до сего времени для всѣхъ классовъ

возможнымъ, съ довольно краснорѣчивыми справками о прежней ихъ службѣ, судимости и обращеніи ихъ съ крестьянами.

Въ слѣдующемъ пунктѣ записки губернскій предводитель жаловался, что онъ лишенъ былъ права заявлять губернскому присутствію о нуждахъ отдѣльныхъ дворянъ, и что отъ предводителей и членовъ присутствія скрытъ былъ циркуляръ министра объ удаленіи на два года изъ имѣній помѣщиковъ зачинщиковъ безпорядковъ изъ крестьянъ.

По поводу этихъ обвиненій губернаторъ изложилъ вкратцѣ уже извѣстную намъ исторію съ письмами Ренне и Озеровой и справку о докладѣ помянутаго циркуляра присутствію.

Затѣмъ Щукинъ изложилъ, какъ примѣръ „тлетворной мысли разъединенія сословій“, въ очень превратномъ, разумѣется, освѣщеніи рядъ дѣлъ о безпорядкахъ крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Доломанова, Киселевскаго, Потулова и другихъ.

По всѣмъ этимъ дѣламъ губернаторъ, въ видѣ объясненія, привелъ краткія справки изъ подлинныхъ производствъ.

Въ видѣ особаго приложенія къ своей „запискѣ“, Щукинъ прислалъ всѣ собранныя имъ письма и жалобы различныхъ помѣщиковъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ.

По поводу этихъ писемъ Викторъ Антоновичъ высказалъ тѣ соображенія, которыя были уже приведены выше (въ главѣ VII), при описаніи столкновенія Щукина съ княземъ А. В. Оболенскимъ въ губернскомъ присутствіи.

Указывая, въ заключеніе, общія причины, побудившія губернскаго предводителя подавать столь неосновательныя и недобросовѣстныя жалобы, Викторъ Антоновичъ останавливается, между прочимъ, на оцѣнкѣ роли и дѣятельности Щукина съ момента введенія крестьянской реформы и даетъ ему слѣдующую весьма мѣткую, по нашему мнѣнію, характеристику:

„Г. Щукинъ—писалъ Викторъ Антоновичъ,—безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу тѣхъ дворянъ калужской губерніи, которые недовольны совершившеюся реформой, но по своимъ свойствамъ онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ энергичныхъ характеровъ, которые вышли бы на борьбу съ правительственною властью, отстаивая во что бы то ни стало свои личныя помѣщичьи привилегіи. По всей вѣроятности, онъ дѣйствовалъ бы иначе, какъ частное лицо, но, какъ губернскій предводитель, онъ считаетъ себя на эту борьбу обреченнымъ. Онъ не только представитель калужскаго дворянства, но и представитель его неудовольствія. Не будучи способенъ стать въ уровень настоящаго государственнаго преобразованія, онъ тѣмъ легче прини-

дительствомъ, что правительству въ дѣлѣ такого рода, какъ смѣна губернатора по проискамъ дворянства, надо быть, по мнѣнію моему, крайне осторожнымъ. Едва ли тѣ губерніи, въ которыхъ губернаторы не подчинились дворянству и сохранили свою самостоятельность, не воспользуются примѣромъ калужской губерніи для заявленія такихъ же притязаній при малѣйшей возможности, и тѣмъ личность губернаторовъ поставлена будетъ въ ту же зависимость отъ дворянъ, въ которой они, къ сожалѣнію, находились до настоящаго времени.

„Чтобы дать вашему превосходительству понятіе объ образѣ мыслей и взглядѣ предводителя дворянства по этому предмету, привожу собственныя слова его: „если Польша [1]) хочетъ свергнуть иго Россіи, то неужели дворянство не имѣетъ силы избавиться отъ какого-нибудь губернатора!"

„Такъ какъ г. Арцимовичъ никогда не позволялъ себѣ дѣлать никакихъ распоряженій помимо губернскаго присутствія, то для опредѣленія направленія хода крестьянскаго дѣла я перейду прямо къ разсмотрѣнію состава этого высшаго по крестьянскому дѣлу правительственнаго учрежденія. Не касаясь преждевременно личности каждаго изъ членовъ, я скажу только, что большинство голосовъ въ семъ присутствіи находится почти всегда на сторонѣ партіи, сочувствующей реформѣ. Это не могло не затронуть самолюбія меньшинства, во главѣ котораго стоитъ предводитель дворянства. Замѣтивъ это, я рѣшился принять личное участіе въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, чѣмъ и успѣлъ нѣсколько сгладить враждебныя столкновенія двухъ партій. Меньшинство черезъ мои посѣщенія получило надежду найти во мнѣ опору въ случаѣ надобности и возможность основываться на будущее время на тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя послѣдовали въ засѣданіяхъ при моемъ присутствіи [2]).

„Причисленіе г. Отта къ министерству внутреннихъ дѣлъ и замѣна его другимъ членомъ, лицомъ болѣе энергичнымъ, можетъ дать бо́льшую самостоятельность меньшинству. Въ этой самостоятельности оно крайне нуждается и въ настоящее время лишено оной, по неимѣнію въ своемъ составѣ лица, обладающаго твердымъ знаніемъ законовъ. *Черезъ пополненіе этого недостатка*,

---

[1]) Польша тутъ, несомнѣнно, имѣла то значеніе, что предводитель дворянства, желая заподозрить благонамѣренность Арцимовича, не разъ выставлялъ на видъ его польское происхожденіе.

[2]) Эта мѣра, вѣроятно, и возбудила на первыхъ порахъ то неудовольствіе Виктора Антоновича на первоначальныя дѣйствія Капгера, о которомъ упоминается въ вышеприведенномъ письмѣ М. Н. Жемчужникова.

возможнымъ, съ довольно краснорѣчивыми справками о прежн
ихъ службѣ, судимости и обращеніи ихъ съ крестьянами.

Въ слѣдующемъ пунктѣ записки губернскій предводит
жаловался, что онъ лишенъ былъ права заявлять губернско
присутствію о нуждахъ отдѣльныхъ дворянъ, и что отъ предв
дителей и членовъ присутствія скрытъ былъ циркуляръ мин
стра объ удаленіи на два года изъ имѣній помѣщиковъ зачи
щиковъ безпорядковъ изъ крестьянъ.

По поводу этихъ обвиненій губернаторъ изложилъ вкратц
уже извѣстную намъ исторію съ письмами Ренне и Озерово
и справку о докладѣ помянутаго циркуляра присутствію.

Затѣмъ Щукинъ изложилъ, какъ примѣръ „тлетворно
мысли разъединенія сословій", въ очень превратномъ, разумѣетс
освѣщеніи рядъ дѣлъ о безпорядкахъ крестьянъ въ помѣщичьих
имѣніяхъ Доломанова, Киселевскаго, Потулова и другихъ.

По всѣмъ этимъ дѣламъ губернаторъ, въ видѣ объясненія
привелъ краткія справки изъ подлинныхъ производствъ.

Въ видѣ особаго приложенія къ своей „запискѣ", Щукин
прислалъ всѣ собранныя имъ письма и жалобы различных
помѣщиковъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ.

По поводу этихъ писемъ Викторъ Антоновичъ высказал
тѣ соображенія, которыя были уже приведены выше (въ глав
VII), при описаніи столкновенія Щукина съ княземъ А. В. Обо
ленскимъ въ губернскомъ присутствіи.

Указывая, въ заключеніе, общія причины, побудившія гу
бернскаго предводителя подавать столь неосновательныя и недо
бросовѣстныя жалобы, Викторъ Антоновичъ останавливаетс
между прочимъ, на оцѣнкѣ роли и дѣятельности Щукина с
момента введенія крестьянской реформы и даетъ ему слѣдую
щую весьма мѣткую, по нашему мнѣнію, характеристику:

„Г. Щукинъ—писалъ Викторъ Антоновичъ,—безъ сомнѣні
принадлежитъ къ числу тѣхъ дворянъ калужской губерніи, ко
торые недовольны совершившеюся реформой, но по свои
свойствамъ онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ энергичных
характеровъ, которые вышли бы на борьбу съ правительственно
властью, отстаивая во что бы то ни стало свои личныя помѣ
щичьи привилегіи. По всей вѣроятности, онъ дѣйствовалъ б
иначе, какъ частное лицо, но, какъ губернскій предводител
онъ считаетъ себя на эту борьбу обреченнымъ. Онъ не толь
представитель калужскаго дворянства, но и представитель е
неудовольствія. Не будучи способенъ стать въ уровень насто
щаго государственнаго преобразованія, онъ тѣмъ легче прин

дѣятельность мировыхъ посредниковъ по приведеніи въ дѣйствіе новаго положенія, тѣмъ болѣе одобрительны долженствовали быть о нихъ отзывы. Между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ совершенно другое: лучшіе и болѣе дѣятельные посредники возбуждаютъ здѣсь противъ себя нареканія и неудовольствіе помѣщиковъ; напротивъ, посредники, менѣе соотвѣтствующіе своему назначенію и вообще слабые въ своихъ дѣйствіяхъ, возбуждаютъ сравнительно гораздо меньшее число жалобъ помѣщиковъ. Съ перваго взгляда такое явленіе представляется неправдоподобнымъ, но при внимательномъ наблюденіи и при ближайшемъ разсмотрѣніи причинъ возникающихъ неудовольствій такое мнѣніе о достоинствахъ посредниковъ легко объясняется *одностороннимъ* [1]) взглядомъ помѣщиковъ, не вполнѣ понявшихъ первоначально собственные свои интересы“ [2]).

Далѣе г. Капгеръ приводитъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого вывода и, отдавая полную справедливость усердію, безпристрастію и законности дѣйствій мировыхъ посредниковъ, находитъ возможнымъ лишь пожелать нѣкоторымъ изъ нихъ бо́льшаго такта и снисхожденія къ тому непривычному и трудному положенію, въ которое помѣщики были поставлены самою реформою: „Не слѣдуетъ—пишетъ онъ [3])—упускать изъ вида, что цѣлое сословіе не можетъ вдругъ отрѣшиться отъ привычекъ, утвердившихся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и потому сословіе это всегда сохраняетъ право на снисхожденіе власти, имѣющей ближайшее на него дѣйствіе“. Поэтому онъ рекомендуетъ посредникамъ достигать желаемаго точнаго исполненія закона путемъ взаимныхъ убѣжденій и добровольныхъ уступокъ крестьянъ и помѣщиковъ. „Затѣмъ, только при неуспѣшности взаимныхъ соглашеній посредникъ становится судьею, строго соблюдая смыслъ закона“.

Этотъ свой взглядъ онъ сообщилъ В. А. Арцимовичу „и убѣдился, что послѣдній не чуждъ сознанія необходимости обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе гг. посредниковъ.

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Въ черновомъ письмѣ употреблено было сперва болѣе сильное выраженіе: „занятыхъ исключительно мыслью объ огражденіи только личныхъ своихъ выгодъ“, затѣмъ это выраженіе зачеркнуто и смягчено рукой самого Капгера.

[3]) Второе письмо А. Х. Капгера къ П. А. Валуеву. На черновикѣ, имѣющемся въ архивѣ В. А. Арцимовича, нѣтъ даты, но по содержанію его и сопоставленію нѣкоторыхъ данныхъ можно видѣть, что оно писано въ концѣ ноября 1861 года: предшествующее писано 12 ноября, послѣдующее—3-го декабря.

[illegible]

[illegible] Величеству [illegible]

Въ подобномъ случаѣ—такъ заключилъ Викторъ Антоновичъ *свои объясненія*—*сдѣлалось бы* тѣмъ или другимъ образомъ *извѣстно* [illegible] *такихъ дѣйствіяхъ* предводителей дворянства, *которые колеблютъ новый* законъ и всѣ власти и учрежденія, *призванныя для его исполненія*, возбуждаютъ во многихъ дворянъ *несбыточныя надежды* на измѣненіе этого закона или на *возможность безнаказаннаго его* нарушенія, и требуютъ, чтобы *правительственная въ губерніи* власть присвоила себѣ, въ распоряженіяхъ *по крестьянскому дѣлу*, тѣ пріемы произвола и *насилія, которые отняты теперь отъ* помѣщиковъ.—Губернская *власть не можетъ принять на себя* подобной роли, ибо она *содѣйствовала бы тогда къ сосредоточенію* на правительствѣ прежняго недовѣрія и нерѣдко ненависти крѣпостныхъ людей къ своимъ владѣльцамъ вмѣсто того, чтобы привлечь къ нему благодарность освобожденнаго народа".

Осмотрѣвшись въ Калугѣ, познакомившись лично съ предводителями дворянской партіи и съ ходомъ дѣлъ въ губернскомъ присутствіи, а особенно послѣ первыхъ же поѣздокъ по уѣздамъ и ознакомленія съ работой мировыхъ посредниковъ, сенаторъ Капгеръ понялъ вполнѣ на чьей сторонѣ правда и, къ началу декабря, онъ уже составилъ себѣ опредѣленное сужденіе о направленіи и ходѣ крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи и объ интригахъ мѣстнаго дворянства. Онъ испросилъ себѣ разрѣшеніе прервать на время ревизію и отлучиться не надолго въ Петербургъ (на Рождество). Въ письмѣ отъ 3 декабря онъ просилъ Валуева разрѣшить ему это, если возможно, безъ доклада Государю, такъ какъ онъ не считалъ еще себя готовымъ представить лично Его Величеству положительныя данныя по предмету производимой имъ ревизіи. Однако Валуевъ [illegible] не рѣшился взять на себя это разрѣшеніе, и Капгеру пришлось въ бытность въ Петербургѣ еще до окончанія ревизіи представиться Императору. На другой день послѣ этого онъ былъ у М. В. Жемчужникова и подробно [illegible] [illegible] Въ архивѣ В. А. Арцимовича сохранилось письмо М. В. Жемчужникова отъ 21 [illegible]

дали ревизующему сенатору, какъ только онъ прибылъ, письменный протестъ противъ дѣйствій и направленія калужской администраціи. Сверхъ того, г. Щукинъ подалъ особую, весьма объемистую записку „о настоящемъ положеніи помѣщичьихъ хозяйствъ калужской губерніи“. Оба эти документа были предъявлены Капгеромъ губернатору, который далъ по всѣмъ выставленнымъ противъ него обвиненіямъ весьма подробныя и обстоятельныя объясненія. Протестъ предводителей вкратцѣ повторяетъ почти тѣ же нареканія и инсинуаціи на дѣйствія В. А. Арцимовича и руководимыхъ имъ мировыхъ учрежденій, которыя заключаются и въ запискѣ Щукина. Поэтому мы остановимся главнымъ образомъ на этой послѣдней.

Начиналась она обширной іеремiадой о незасѣянныхъ поляхъ, о громадныхъ убыткахъ помѣщиковъ, грозящихъ гибелью земледѣлію и одичаніемъ всего края, — и все это вслѣдствіе уклоненія крестьянъ отъ исполненія повинностей, отъ весьма нерадиваго производства работъ, происходившихъ, въ свою очередь, отъ потворства калужской администраціи и ея враждебнаго отношенія ко всѣмъ помѣщичьимъ интересамъ. Больше всего тутъ было громкихъ фразъ и жалкихъ словъ, но приводились и цифры, дѣйствительно довольно внушительныя, если ихъ принять безъ провѣрки и надлежащаго анализа. Викторъ Антоновичъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ полную возможность доставить весьма основательный матеріалъ для того и другого. Онъ это и сдѣлалъ съ полнымъ спокойствіемъ и замѣчательной объективностью. Мы не будемъ повторять здѣсь этихъ данныхъ, потому что мы привели ихъ уже выше въ главѣ VII.

Далѣе въ запискѣ предводителя слѣдовали жалобы на оскорбленіе, которымъ помѣщики подвергаются „черезъ необузданно дерзкія выходки крестьянъ“, причемъ заявлялось, что „принятая губернскимъ начальствомъ метода оставлять таковыя по большей части безъ взысканій должна поселить въ дворянствѣ мысль, что оно лишено покровительства законовъ, и даже самая личность помѣщиковъ не ограждена болѣе отъ поруганій“.

Губернаторъ въ своемъ объясненіи на это отвѣчалъ, что подобныя дѣла подлежатъ, въ силу 154 ст. общ. полож., судебному преслѣдованію, и что губернское начальство постоянно слѣдило, чтобы этотъ порядокъ былъ соблюдаемъ [1]). При этомъ онъ

[1]) Выше мы видѣли, что во всей калужской губерніи за пять мѣсяцевъ, протекшихъ со времени объявленія воли, было только два подобныхъ случая и что виновные въ томъ крестьяне подвергались судебному преслѣдованію и были посажены въ острогъ.

О Щукинѣ Капгеръ сказалъ, что онъ могъ бы
его оставить службу или дѣйствовать, чтобы его уволил
сдѣлаетъ ни того, ни другого потому: 1) что въ н
время Щукинъ утратилъ довѣріе дворянъ [1]), и не
никакой силы, чтобы противодѣйствовать твоимъ справ
и всегда законнымъ требованіямъ и 2) что, по соб
имъ свѣдѣніямъ, *Чертковъ и Потуловъ* съ ихъ партіе
желаютъ увольненія Щукина, имѣя заднюю мысль, чт
скій уѣздный предводитель Ергольскій скажется боль
Чертковъ будетъ исправлять должность губернскаго
теля дворянства. „Теперь же, когда Черткову не уда
ществить свои замыслы, онъ подастъ въ началѣ ян
отставку и намѣренъ вовсе выѣхать изъ калужской
Слѣдовательно, кляузничество умолкнетъ, ибо и Поту
достигъ быть назначеннымъ членомъ губернскаго прис

Въ письмахъ М. Н. Жемчужникова, сохранивши
того времени, есть, между прочимъ, одинъ эпизодъ,
показываетъ, насколько самостоятельно въ это трудное
время держался Викторъ Антоновичъ по отношенію к
зующему сенатору, отъ донесеній котораго несомнѣн
зависѣть его послѣдующая карьера.

„Капгеръ—писалъ М. Н. Жемчужниковъ — *проси
содѣйствія*, чтобы я убѣдилъ тебя уважить уже выс
тебѣ просьбу его по слѣдующимъ обстоятельствамъ: у
заводовладѣльца мастеровые, въ противность закону, от
работать по воскресеньямъ, тогда какъ въ Положеніи п
работать на литейной фабрикаціи. Хотя первоначальн
шаніе мастеровыхъ было поддержано мировымъ посре
но мировой съѣздъ, а потомъ и губернское присутств
ждали мастеровыхъ къ работѣ, и даже для непремѣннаг
ненія этого распоряженія были командированы тобою ч
на заводъ. Но мастеровые не уважили твоего прик
сказали, *что не пойдутъ работать, и не пошли!* Таки
зомъ до составленія уставной грамоты былъ прогул
воскресеній. Капгеръ просилъ тебя наказать трехъ зачи
этого ослушанія, но ты не согласился и предлагалъ
владѣльцу штрафъ за прогульные дни, не взыскивая
ослушниковъ, а изъ своихъ денегъ?! Я совершенно со

---

[1]) Если Капгеръ высказывалъ эти предположенія съ полною иск
въ чемъ нѣтъ основанія сомнѣваться, то слѣдуетъ сказать, что въ
емъ предположеніи онъ ошибся, какъ это выяснится изъ слѣдующе

сомнѣваться, что это же возбудитъ зависть, а, можетъ быть, иногда интриги, и подастъ поводъ къ важнымъ злоупотребленіямъ, которыя сильно унизятъ земскую полицію въ глазахъ общественнаго мнѣнія, а полиція никогда такъ не нуждалась въ общественномъ уваженіи и довѣріи, какъ въ настоящее время". Въ такомъ смыслѣ и состоялось распоряженіе губернскаго правленія, напечатанное въ № 5 губернскихъ вѣдомостей. „Этимъ распоряженіемъ — какъ справедливо указывалъ Викторъ Антоновичъ — калужское губернское начальство совершенно отклонило отъ себя нареканіе въ произвольномъ распредѣленіи пособій для земской полиціи, способъ расходованія которыхъ не могъ остаться тайной для читающихъ печатное, такъ какъ постановленіе губернскаго правленія по этому предмету было перепечатано изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей во всѣхъ почти столичныхъ газетахъ" [1]). Протестуя противъ этой завѣдомо ложной инсинуаціи, Викторъ Антоновичъ такъ закончилъ свое объясненіе на этотъ пунктъ: „Впрочемъ, ваше превосходительство можете легко убѣдиться при произведеніи ревизіи, что лица, принимающія участіе въ калужской администраціи, проникнуты сознаніемъ своего долга, и дѣйствія ихъ потому вполнѣ безкорыстны и усердны, что исполняемыя ими обязанности не противорѣчатъ ихъ честнымъ убѣжденіямъ. Я почитаю себя счастливымъ, что пользуюсь помощью такихъ чиновниковъ, ибо, по моему убѣжденію, только та администрація и имѣетъ прочное основаніе, которая опирается на людей, чувствующихъ свое достоинство и дѣйствующихъ по убѣжденію" [2]).

Далѣе губернскій предводитель не постыдился помѣстить въ своей запискѣ нареканіе на то, что при объявленіи Положеній крестьянамъ были читаны не всѣ, а только нѣкоторыя статьи, чѣмъ въ самомъ началѣ будто бы было потрясено спокойствіе, „ибо многія статьи, опредѣляющія обязанности крестьянъ, не были прочитаны". На этотъ упрекъ было легко отвѣчать, указавъ и тѣ статьи, которыя были объявлены, и выборъ которыхъ былъ вполнѣ удаченъ, а также и то, что выбраны эти

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ губернатора по управленію губерніей за 1860 г. эта мѣра обратила на себя вниманіе Государя и вызвала Высочайшую отмѣтку: „дѣльно!"

[2]) Замѣчательно, что изъ исправниковъ, служившихъ при В. А. Арцимовичѣ по его назначенію, многіе тотчасъ же перешли въ мировые посредники, какъ только этотъ институтъ былъ образованъ. Одинъ изъ нихъ умеръ предсѣдателемъ департамента судебной палаты, другой состоялъ непремѣннымъ членомъ калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

которыхъ онъ черпалъ данныя для выводовъ, служили ему собственноручныя письма и заявленія помѣщиковъ. Между прочимъ онъ останавливается въ этомъ письмѣ и на урочномъ положеніи, на которое жалобы ему привелось слышать еще въ Петербургѣ.

„Считаю нужнымъ замѣтить, пишетъ г. Капгеръ, что введеніе урочнаго положенія въ калужской губерніи служило главнымъ и, безъ сомнѣнія, законнымъ поводомъ для дворянъ къ обвиненію дѣйствій губернскаго присутствія, такъ какъ урочное положеніе по закону 19 февраля можетъ быть введено только по составленіи уставной грамоты. Не стану входить въ подробности о недостаткахъ въ хозяйственномъ отношеніи урочнаго положенія, скажу только, что нареканія дворянъ, преимущественно на начальника губерніи, хотя и имѣютъ законный видъ, но не подкрѣпляются нравственнымъ убѣжденіемъ. Составленіе урочнаго положенія было вызвано общимъ требованіемъ помѣщиковъ и губернскаго предводителя дворянства, неоднократно заявлявшаго о томъ въ губернскомъ присутствіи, а потому я считаю, что такая уступка начальника губерніи общественному требованію можетъ быть не одобрена правительствомъ, какъ мѣра преждевременная, но никакъ не помѣщиками, которые, напротивъ, должны видѣть въ этомъ доказательство вниманія къ ихъ общему желанію и интересу. Урочное положеніе принято и во многихъ другихъ губерніяхъ и нигдѣ не возбудило жалобъ крестьянъ“.

Признавая по собраннымъ имъ на мѣстахъ и взятымъ изъ продовольственной комиссіи даннымъ опасенія помѣщиковъ о повсемѣстномъ неурожаѣ и голодѣ въ 1862 г. совершенно гадательными и преждевременными, онъ указываетъ, что на 1862 г. засѣяно барщиннымъ трудомъ болѣе казенной десятины на каждое тягло, причемъ заявляетъ, что опытные и добросовѣстные помѣщики удостовѣрили ему, „что по свойству грунта въ калужской губерніи, при трехъ мужскихъ и двухъ женскихъ рабочихъ дняхъ, бо̀льшаго, по справедливости, и требовать отъ крестьянъ не должно“. Отмѣчая далѣе всеобщія указанія на плохое качество крестьянской работы, онъ сообщаетъ однако, что, несмотря на это, всходы озимыхъ вездѣ вышли, благодаря благопріятному сѣву, хороши и успѣли хорошо окрѣпнуть и вкорениться.

Въ этомъ же письмѣ А. Х. Капгеръ сообщаетъ министру, что въ послѣднее время недоразумѣнія между мировыми посредниками и помѣщиками замѣтно сглаживаются. Во время его

объѣзда во всѣхъ посѣщенныхъ имъ 5 уѣздахъ ему было подано помѣщиками только двѣ жалобы. Впрочемъ, онъ тутъ же заявляетъ, что и ранѣе волненія и замѣшательства, происходившія весною 1861 года во многихъ имѣніяхъ, въ особенности гдѣ установлена была смѣшанная повинность, „прекращены были законнымъ разбирательствомъ недоразумѣній, руководимымъ самыми человѣчными идеями, отвергающими всякое пролитіе крови, несмотря ни на какія требованія и запугиванія со стороны дворянъ“. Капгеръ упоминаетъ, что дѣйствія эти были доведены до свѣдѣнія Государя генераломъ Кознаковымъ и заслужили Высочайшее одобреніе. Относительно крестьянъ онъ приводитъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Въ осмотрѣнныхъ мною вышеупомянутыхъ уѣздахъ [1]) я собиралъ въ волостныхъ правленіяхъ изъ ближайшихъ деревень крестьянъ, которые по призыву моему являлись нѣсколькими сотнями. Такъ въ с. „Полотняномъ заводѣ“ медынскаго уѣзда собралось до полутора тысячъ человѣкъ. Вездѣ я находилъ направленіе умовъ самое удовлетворительное. Ожиданіе такъ называемой въ народѣ *бѣлой воли* прекратилось, и довѣріе къ мировымъ посредникамъ повсюду выказалось уваженіемъ къ ихъ личности и исполненіемъ ихъ законныхъ требованій“.

Начинавшаяся весенняя распутица заставила его прекратить разъѣзды, но какъ только дорога установилась, онъ объѣхалъ лично и остальные шесть уѣздовъ калужской губерніи и окончилъ ревизію лишь къ іюню 1862 г., когда и возвратился въ Петербургъ, гдѣ занялся составленіемъ всеподданнѣйшаго отчета объ этой ревизіи.

Отчету своему Капгеръ предпослалъ краткій историческій очеркъ хода крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи со времени учрежденія Губернскаго Комитета по улучшенію быта крестьянъ до назначенія ревизіи. Въ очеркѣ этомъ, упомянувъ о медленномъ и неохотномъ приступѣ калужскаго дворянства къ дѣлу, онъ изложилъ занятія дворянскаго Комитета, указалъ на образовавшіяся въ немъ партіи, выразившіяся въ проектахъ большинства и меньшинства; затѣмъ прослѣдилъ развитіе дворянской оппозиціи, особенно въ борьбѣ губернатора съ злоупотребленіями помѣщичьей власти и во время дворянскихъ выборовъ въ 1860 году; далѣе коснулся мѣръ, принятыхъ въ калужской губерніи по обнародованію Манифеста и Положеній 19 февраля и остановился

---

[1]) Калужскомъ, малоярославецкомъ, боровскомъ, медынскомъ и тарусскомъ— сѣверная часть калужской губерніи.

которыхъ онъ черпалъ данныя для выводовъ, служи
собственноручныя письма и заявленія помѣщиковъ. Меж
чимъ онъ останавливается въ этомъ письмѣ и на у
положеніи, на которое жалобы ему привелось слышать
Петербургѣ.

„Считаю нужнымъ замѣтить, пишетъ г. Капгер
введеніе урочнаго положенія въ калужской губерніи
главнымъ и, безъ сомнѣнія, законнымъ поводомъ для
къ обвиненію дѣйствій губернскаго присутствія, так
урочное положеніе по закону 19 февраля можетъ быть
только по составленіи уставной грамоты. Не стану вхо
подробности о недостаткахъ въ хозяйственномъ от
урочнаго положенія, скажу только, что нареканія дворя
имущественно на начальника губерніи, хотя и имѣютъ
ный видъ, но не подкрѣпляются нравственнымъ убѣж
Составленіе урочнаго положенія было вызвано общимъ
ваніемъ помѣщиковъ и губернскаго предводителя дво
неоднократно заявлявшаго о томъ въ губернскомъ прис
а потому я считаю, что такая уступка начальника
общественному требованію можетъ быть не одобрена пр
ствомъ, какъ мѣра преждевременная, но никакъ не
ками, которые, напротивъ, должны видѣть въ этомъ док
ство вниманія къ ихъ общему желанію и интересу.
положеніе принято и во многихъ другихъ губерніяхъ
не возбудило жалобъ крестьянъ".

Признавая по собраннымъ имъ на мѣстахъ и взят
продовольственной комиссіи даннымъ опасенія помѣщиков
всемѣстномъ неурожаѣ и голодѣ въ 1862 г. совершенн
тельными и преждевременными, онъ указываетъ, что на
засѣяно барщиннымъ трудомъ болѣе казенной десят
каждое тягло, причемъ заявляетъ, что опытные и добросо
помѣщики удостовѣрили ему, „что по свойству грунта
лужской губерніи, при трехъ мужскихъ и двухъ женских
чихъ дняхъ, бо̀льшаго, по справедливости, и требовать
стьянъ не должно". Отмѣчая далѣе всеобщія указанія на
качество крестьянской работы, онъ сообщаетъ однако,
смотря на это, всходы озимыхъ вездѣ вышли, благодаря
пріятному сѣву, хороши и успѣли хорошо окрѣпнуть и
ниться.

Въ этомъ же письмѣ А. Х. Капгеръ сообщаетъ м
что въ послѣднее время недоразумѣнія между мировыми
никами и помѣщиками замѣтно сглаживаются. Во вр

во всѣхъ посѣщенныхъ имъ 5 уѣздахъ ему было подано ами только двѣ жалобы. Впрочемъ, онъ тутъ же за- что и ранѣе волненія и замѣшательства, происходившія 861 года во многихъ имѣніяхъ, въ особенности гдѣ на была смѣшанная повинность, „прекращены были ъ разбирательствомъ недоразумѣній, руководимымъ са- овѣчными идеями, отвергающими всякое пролитіе крови, ни на какія требованія и запугиванія со стороны дво- Капгеръ упоминаетъ, что дѣйствія эти были доведены нія Государя генераломъ Кознаковымъ и заслужили шее одобреніе. Относительно крестьянъ онъ приводитъ я свѣдѣнія:

осмотрѣнныхъ мною вышеупомянутыхъ уѣздахъ [1]) я со- ъ волостныхъ правленіяхъ изъ ближайшихъ деревень ь, которые по призыву моему являлись нѣсколькими Такъ въ с. „Полотняномъ заводѣ“ медынскаго уѣзда до полутора тысячъ человѣкъ. Вездѣ я находилъ на- умовъ самое удовлетворительное. Ожиданіе такъ назы- ь народѣ *бѣлой воли* прекратилось, и довѣріе къ миро- средникамъ повсюду выказалось уваженіемъ къ ихъ и исполненіемъ ихъ законныхъ требованій“.

авшаяся весенняя распутица заставила его прекратить но какъ только дорога установилась, онъ объѣхалъ остальные шесть уѣздовъ калужской губерніи и окон- зію лишь къ іюню 1862 г., когда и возвратился въ ъ, гдѣ занялся составленіемъ всеподданнѣйшаго отчета ревизіи.

у своему Капгеръ предпослалъ краткій историческій ода крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи со вре- режденія Губернскаго Комитета по улучшенію быта до назначенія ревизіи. Въ очеркѣ этомъ, упомянувъ номъ и неохотномъ приступѣ калужскаго дворянства къ ь изложилъ занятія дворянскаго Комитета, указалъ на шіяся въ немъ партіи, выразившіяся въ проектахъ боль- и меньшинства; затѣмъ прослѣдилъ развитіе дворянской , особенно въ борьбѣ губернатора съ злоупотребленіями ней власти и во время дворянскихъ выборовъ въ 1860 году; улся мѣръ, принятыхъ въ калужской губерніи по обна- Манифеста и Положеній 19 февраля и остановился

[1]) ...комъ, малоярославецкомъ, боровскомъ, медынскомъ и тарусскомъ— ...ъ калужской губерніи.

на первыхъ дѣйствіяхъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и возникшихъ въ немъ несогласіяхъ. Этотъ очеркъ, составленный весьма сочувственно по отношенію къ личности и ко всѣмъ распоряженіямъ Арцимовича, содержитъ лишь одно критическое замѣчаніе, направленное противъ своевременности циркуляра по полиціи, опубликованнаго 1 апрѣля 1861 года.

„При всей благонамѣренности и полезной цѣли, которую имѣло въ виду губернское присутствіе при объявленіи циркуляра земской полиціи отъ 1 апрѣля 1861 года, я нахожу однакоже—писалъ Капгеръ—что объявленіе его было едва ли своевременно. Въ циркулярѣ этомъ выражено, что неисполненіе возложенныхъ на крестьянъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ повинностей не есть преступленіе, и что таковое неисполненіе, не будучи ослушаніемъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть другого значенія, характера и послѣдствій, какъ нарушенія обыкновенныхъ контрактныхъ обязательствъ, основанныхъ на взаимномъ договорѣ.

„При неизбѣжномъ неясномъ пониманіи новаго закона, котораго не успѣли еще уяснить себѣ какъ помѣщики, такъ и крестьяне, и который долженъ былъ сначала прочно установиться на своихъ главныхъ основаніяхъ, я нахожу, что юридическія соображенія циркуляра 1 апрѣля, хотя совершенно правильныя и согласныя съ духомъ новаго законоположенія, не должны были быть объявленными въ то время. Объявленіе его теперь, когда законъ установился и мировыя власти стали ему твердою опорою, было бы болѣе своевременно, по крайней мѣрѣ не возбудило бы общаго неудовольствія дворянъ, на первыхъ порахъ не совершенно ознакомившихся съ духомъ новаго Положенія и потому видѣвшихъ въ этомъ циркулярѣ умышленное потворство крестьянамъ и послабленіе власти въ ущербъ помѣщиковъ“.

Государь при чтеніи этого отчета отчеркнулъ это мѣсто и противъ словъ Капгера о томъ, что объявленіе циркуляра было, по его мнѣнію, несвоевременно, собственноручно написалъ: „*справедливо*“.

Приводя далѣе исторію составленія урочнаго положенія и нареканія помѣщиковъ на это положеніе, Капгеръ повторилъ здѣсь ту мысль, которую онъ уже высказалъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Валуеву, о томъ, что урочное положеніе, составленное преждевременно и неудовлетворительно, являлось, въ сущности, уступкой со стороны губернатора настояніямъ губернскаго предводителя и ходатайствамъ помѣщиковъ, и что поэтому оно могло быть неодобрено правительствомъ, но не помѣщиками [1]).

---

[1]) Урочное положеніе первоначально предполагали даже составить для

Государь отмѣтилъ и это мѣсто и написалъ противъ него на поляхъ: *„весьма справедливо“*.

Такой же резолюціи удостоилось то мѣсто отчета, гдѣ указана была неумѣстность и противозаконность намѣренія дворянъ судить князя Оболенскаго судомъ дворянскаго собранія за нанесенное имъ, будто бы, оскорбленіе губернскому предводителю и, въ его лицѣ, всему дворянству калужской губерніи.

Въ самомъ отчетѣ о найденномъ имъ положеніи крестьянскаго дѣла въ губерніи сенаторъ Капгеръ далъ весьма обстоятельный очеркъ дѣятельности губернскаго присутствія, мировыхъ учрежденій и крестьянскаго общественнаго управленія; подробно остановился на отбываніи повинностей крестьянъ и разобралъ при этомъ всѣ жалобы и нареканія помѣщиковъ и указалъ въ точныхъ цифрахъ размѣры перехода крестьянъ съ барщины и смѣшанной повинности на оброкъ, затѣмъ посвятилъ по нѣскольку страницъ вопросу о лѣсныхъ порубкахъ и положенію заводскихъ рабочихъ и остановился подробнѣе на ходѣ работъ по составленію и повѣркѣ уставныхъ грамотъ и направленію умовъ въ губерніи какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Въ заключительной части отчета онъ далъ общій отзывъ о положеніи крестьянскаго дѣла и дѣятельности и заслугахъ губернской администраціи.

Намъ нѣтъ нужды подробно излагать всѣ отдѣлы этого весьма правдиво и обстоятельно составленнаго документа, такъ какъ общій ходъ дѣлъ уже извѣстенъ читателю изъ предыдущаго изложенія. Мы позволимъ себѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ мѣстахъ отчета.

Такъ, не безъинтересно объясненіе сенатора Капгера, почему дворянская оппозиція терпѣла въ губернскомъ присутствіи постоянныя пораженія и даже въ огромномъ большинствѣ случаевъ не рѣшалась оспаривать направленіе, даваемое дѣлу Арцимовичемъ и согласнымъ съ нимъ большинствомъ.

„На сторонѣ начальника губерніи и сочувствующихъ ему членовъ было—объясняетъ Капгеръ—всестороннее изученіе разсматриваемыхъ случаевъ, основательное знаніе законовъ, самая пламенная любовь къ дѣлу—слѣдовательно, всѣ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ мнѣнія. Этихъ-то именно условій, въ большей части случаевъ, недоставало въ доводахъ, высказываемыхъ оппозиціею, а потому весьма естественно, что большинство

всѣхъ губерній въ Редакц. Ком., но потомъ эта мысль была оставлена по ея неосуществимости (см. Семеновъ „Освоб. Крест.“, т. I, стр. 172).

голосовъ склонялось на сторону председателя, т.-е. губерна[т]
и членовъ отъ правительства, такъ что ихъ мнѣнія почти вс[е]
обращались въ окончательныя постановленія присутствія. Та[к]
часто повторявшійся исходъ разногласій не могъ не оскорб[л]
самолюбія оппонентовъ, и въ нихъ стало усиливаться личное
расположеніе къ начальнику губерніи и членамъ, раздѣлявш[]
его воззрѣнія. Вслѣдствіе этого, оппозиція, не имѣя возможн[]
противодѣйствовать всегда основаннымъ на законѣ мнѣніямъ []
тивной стороны, прибѣгнула къ средствамъ неблаговиднымъ:
заявленію разнаго рода подозрѣній и къ клеветѣ".

Къ такому мнѣнію сенаторъ Капгеръ пришелъ, какъ
видѣли, далеко не сразу, а лишь послѣ подробнаго ознакомл[]
со всѣмъ ходомъ дѣлъ, такъ какъ въ первыхъ письмахъ сво[]
къ Валуеву онъ выражалъ еще мнѣніе о необходимости уси[л]
личный составъ оппозиціи, чтобы придать ей больше самос[]
тельности. Тогда еще, очевидно, онъ не успѣлъ убѣдиться
полномъ своекорыстіи и несостоятельности отстаиваемыхъ
мнѣній и интересовъ.

Въ главѣ о дѣятельности мировыхъ посредниковъ Капг[]
свидѣтельствуетъ, что „подробная и всесторонняя повѣрка д[]
ствій мировыхъ учрежденій показала, что нельзя не отдать []
ной справедливости предусмотрительности начальника губер[]
который успѣлъ привлечь на поприще дѣятельности по крест[]
скому дѣлу людей вполнѣ достойныхъ, устранивъ въ то же вр[]
имѣвшихъ въ губерніи сомнительную репутацію. Послѣднее обст[]
тельство было однакоже — прибавляетъ сенаторъ — одною []
главныхъ причинъ, послужившихъ къ неудовольствію какъ у[]
ныхъ предводителей, такъ и тѣхъ лицъ, кои не были пр[]
ставлены губернаторомъ къ утвержденію въ званіи миров[]
посредниковъ".

Описывая дѣятельность мировыхъ посредниковъ и отноше[]
къ нимъ помѣщиковъ, Капгеръ повторяетъ здѣсь почти
то же, что было имъ высказано по этому поводу въ вышеп[]
веденномъ письмѣ его къ П. А. Валуеву. Описывая типъ []
хого и бездѣятельнаго мирового посредника, къ которымъ од[]
коже помѣщики относились болѣе дружелюбно, Капгеръ за[]
чаетъ: „въ такихъ участкахъ составленіе уставныхъ грам[]
идетъ обыкновенно медленно, добровольныя соглашенія рѣдк[]
крестьяне, не довѣрявшіе прежде помѣщикамъ, не довѣряютъ
настоящее время и своимъ посредникамъ. По счастію — добавл[]
онъ — такого рода посредники представляются въ калужской
губерніи какъ рѣдкое исключеніе".

Указывая на полное довѣріе крестьянъ къ хорошимъ посредникамъ, авторъ отчета пишетъ: „При посѣщеніи моемъ одного изъ волостныхъ правленій тарусскаго уѣзда, я самъ былъ свидѣтелемъ единодушнаго и трогательнаго выраженія любви и довѣрія народа къ своему посреднику“. Указавъ, что нѣкоторые посредники, при полной законности и справедливости своихъ дѣйствій, „отстаивая права и льготы, дарованныя крестьянамъ Положеніемъ 19 февраля, въ сношеніяхъ своихъ съ помѣщиками дозволяли себѣ рѣзкость въ выраженіяхъ, имѣвшихъ смыслъ укора стариннымъ предразсудкамъ и привычкамъ“, чѣмъ безъ нужды раздражали противъ себя дворянъ, Капгеръ тутъ же прибавляетъ, что „въ настоящее время опытъ и стремленіе къ общей пользѣ не только смягчили существовавшій въ началѣ слишкомъ рѣзкій образъ дѣйствій нѣкоторыхъ посредниковъ въ сношеніяхъ съ помѣщиками, но привели ихъ къ убѣжденію, что безъ содѣйствія сихъ послѣднихъ почти невозможно достигнуть успѣшнаго примѣненія закона къ дѣлу“.

Въ заключеніе этой главы Капгеръ приводитъ цѣлый списокъ именъ мировыхъ посредниковъ [1]), „которые по своимъ способностямъ, пламенному усердію къ дѣлу и успѣхамъ по приведенію въ дѣйствіе законоположеній 19 февраля отличаются передъ прочими“. Государь тутъ же положенной резолюціей повелѣлъ представить всѣхъ ихъ къ наградамъ.

Въ главѣ о мировыхъ съѣздахъ Капгеръ очертилъ оппозицію уѣздныхъ предводителей и ревностную защиту новыхъ законоположеній со стороны членовъ отъ правительства, назначенныхъ губернаторомъ изъ числа образованныхъ юристовъ, хорошо изучившихъ Положеніе 19 февраля [2]).

Далѣе Капгеръ останавливается нѣсколько подробнѣе на благотворномъ вліяніи на ходъ дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ особыхъ съѣздовъ посредниковъ въ Калугѣ, которые они устраивали разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ по собственному побужденію. Онъ отмѣчаетъ тутъ проявившуюся у посредниковъ чуткость къ

---

[1]) Вотъ имена этихъ посредниковъ: гв. полковникъ Зыбинъ (калуж. уѣз.), тит. сов. Ползиковъ (боров.), кол. сов. Сабанѣевъ и кол. ассес. Шумовскій (тарусск.), кол. сов. Щепкинъ (лихв.)—тотъ самый, на котораго были нареканія помѣщиковъ ф. Ренне и Озеровой, арт. прапорщ. Домогацкій и отст. поруч. Галоффѣевъ (козельск.), арт. ротм. Ланской (малояр.), гв. полков. фонъ Розенбергъ, кол. асс. Муромцевъ, отст. поруч. Пусторослевъ и отст. шт.-кап. Сабанѣевъ (медын.), губ. секр. Сорокинъ (мещов.), поруч. Потуловъ, ст. сов. Пещуровъ и шт.-кап. Рагозинъ (мосальск.), артил. полков. Унковскій (перемышльск.).

[2]) Эти лица: гг. Н. П. Гавриловъ, П. Н. Грешищевъ и Н. П. Долгово-Сабуровъ также были представлены къ наградамъ по Высочайшему повелѣнію.

общественной репутаціи ихъ товарищей и замѣчательную соли
дарность и выражаетъ пожеланіе, чтобы къ свѣдѣнію посре
никовъ на ихъ общихъ совѣщаніяхъ передавались всѣ заявлені
поступающія на нихъ въ губернское присутствіе.

Государь обратилъ вниманіе на это мѣсто отчета и сдѣлал
надпись: *„весьма будетъ полезно"*. Эта Высочайшая резолюці
давала какъ бы косвенную санкцію на существованіе этого не
предусмотрѣннаго закономъ учрежденія.

Въ главѣ о крестьянскомъ общественномъ управленіи сенатор
Капгеръ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ, что крестьян
прекрасно поняли всю важность волостныхъ судовъ и охотн
къ нимъ обращаются, и что суды эти дѣйствуютъ весьма удо
влетворительно. Здѣсь же онъ указываетъ, какъ на одно из
благопріятныхъ послѣдствій освобожденія крестьянъ отъ крѣ
постной зависимости, на стремленіе ихъ къ изученію грамоты
„При многихъ волостныхъ правленіяхъ—сказано въ отчетѣ—
уже устроены школы, въ которыхъ волостные писаря, иногда
подъ наблюденіемъ сельскихъ священниковъ, обучаютъ кресть-
янскихъ мальчиковъ Закону Божію, чтенію и письму. Готов-
ность, съ которой крестьяне отдаютъ дѣтей своихъ въ ученіе,
доказываетъ ясно, что необходимость знанія грамоты ими въ
настоящее время совершенно понята [1]). „При этомъ должно
замѣтить—продолжаетъ Капгеръ—что мировые посредники ни-
сколько не торопятъ крестьянъ къ заведенію школъ, но, напро-
тивъ того, ожидаютъ, чтобы крестьяне сами о томъ обратились
къ нимъ съ просьбою".

---

[1]) Это стремленіе среди крестьянъ было подмѣчено еще нѣкоторыми вѣст-никами воли, которые сообщили объ этомъ въ своихъ отчетахъ, на что Вик-торъ Антоновичъ тогда же обратилъ вниманіе. Въ одномъ изъ первыхъ засѣ-даній губернскаго присутствія В. А. возбудилъ вопросъ о необходимости распространенія грамоты между крестьянами и, для выясненія этого вопроса, образована была тогда же комиссія подъ его предсѣдательствомъ съ пригла-шеніемъ въ составъ ея директора училищъ и представителя духовнаго вѣдомства. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ходѣ крестьянскаго дѣла, представленномъ въ маѣ 1862 г., Арцимовичъ, между прочимъ, писалъ: „Школы грамотности въ селе-ніяхъ временнообязанныхъ крестьянъ распространяются успѣшно. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ собираются; до сихъ поръ въ губернское при-сутствіе поступили свѣдѣнія о 43 школахъ, въ которыхъ учится до 750 маль-чиковъ и дѣвочекъ. Школы эти содержатся изъ сборовъ, учрежденныхъ на этотъ предметъ сельскими сходами, и въ настоящее время продолжаютъ от-крываться. Здѣсь должно замѣтить, что инціатива въ дѣлѣ учрежденія школъ большею частью принадлежитъ самимъ крестьянамъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ содѣйствовали этому волостные старшины, въ другихъ священники, землевла-дѣльцы, мировые посредники".

Отбыванію повинностей крестьянъ посвящена въ отчетѣ весьма обстоятельная глава, причемъ за исходный пунктъ приняты жалобы помѣщиковъ, подвергнутыя Капгеромъ основательной провѣркѣ на мѣстахъ, приведено истинное положеніе продовольственнаго дѣла въ губерніи, указаны размѣры запашекъ и дѣйствительное ихъ сокращеніе и тутъ же подробно представлены и настоящія причины этого явленія, уже извѣстныя читателю изъ предшествующихъ главъ этого изслѣдованія. Останавливаясь на преувеличенности и лживости показаній помѣщиковъ, Капгеръ приводитъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ нѣсколько интересныхъ примѣровъ такихъ показаній: „такъ— пишетъ онъ—помѣщикъ мосальскаго уѣзда Головинъ въ письмѣ своемъ къ губернскому предводителю указываетъ на значительное уменьшеніе посѣвовъ въ имѣніи его и на нерадѣніе крестьянъ. Заявленіе это опровергнуто было крестьянами въ присутствіи командированнаго мною чиновника и самого Головина, такъ что Головинъ объявилъ чиновнику при крестьянахъ, что онъ вполнѣ доволенъ ими и сознался въ неосновательности своихъ жалобъ. Заявленіе о безпорядкахъ въ имѣніи кн. Голицына тарусскаго уѣзда, составленное однимъ изъ конторщиковъ, по приказанію уѣзднаго предводителя дворянства, оказалось совершенно ложнымъ и было опровергнуто письменнымъ протестомъ главнаго управляющаго дѣлами князя Голицына, прибывшаго впослѣдствіи въ имѣніе. Заявленія по имѣніямъ Бахметьева и кн. Горчакова тарусскаго уѣзда заключали въ себѣ общія голословныя жалобы на крестьянъ. Вообще изъ самыхъ пріемовъ, съ которыми были написаны эти заявленія, видно, что они были вызваны губернскимъ и нѣкоторыми уѣздными предводителями дворянства вопреки желанію многихъ помѣщиковъ. На этихъ-то заявленіяхъ— пишетъ сенаторъ Капгеръ—конечно, не лучшей части дворянскаго сословія, губернскій предводитель основалъ картину бѣдственнаго положенія хозяйствъ въ калужской губерніи и утвердилъ свои притязательныя дѣйствія въ отношеніи губернской власти“.

Указавъ на вполнѣ исправное поступленіе оброковъ въ большей части уѣздовъ—въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ болѣе исправное, нежели при крѣпостномъ правѣ, Капгеръ останавливается на выясненіи особыхъ причинъ неисправности оброчныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ имѣній мосальскаго и жиздринскаго уѣздовъ съ чрезвычайно безплодною почвою. Между прочимъ, онъ приводитъ любопытный примѣръ одного имѣнія мосальскаго уѣзда, въ которомъ почва особенно низкаго качества. При крѣпостномъ правѣ владѣлецъ этого имѣнія обезпечивалъ исправный взносъ

оброка, отдавая крестьянъ въ такъ называемые „рогожные работки“ на все зимнее полугодіе, и получалъ оброкъ уже пр отъ подрядчика. Въ вознагражденіе же за трудъ въ теч зимнихъ мѣсяцевъ крестьяне получали едва достаточное существованія своего пропитаніе и не болѣе 1 рубля сер. руки. „Такого рода отдача на заработки, пишетъ сенат Капгеръ, была весьма употребительна въ мосальскомъ уѣ при прежнемъ крѣпостномъ правѣ“.

„На мѣстной администраціи—пишетъ онъ тутъ же—леж обязанность, удостовѣрясь въ дѣйствительныхъ причинахъ об ныхъ недоимокъ, войти въ положеніе крестьянъ и принять себя ходатайство объ уменьшеніи повинностей на точномъ о ваніи существующихъ узаконеній“.

Въ заключеніе этой главы онъ приводитъ успокоитель соображенія о достаточной „прочности ручательства тѣхъ мѣ кои закономъ указаны для обезпеченія исправнаго поступл оброковъ“.

Въ главѣ объ уставныхъ грамотахъ, отмѣчая медленн ихъ составленія и утвержденія и предсказывая, что дѣло вообще не будетъ закончено въ положенный закономъ ср Капгеръ защищаетъ при этомъ отъ всякихъ нареканій больш часть калужскихъ посредниковъ, указывая, что независимо того, что составленіе грамотъ было задержано во многихъ мѣст недостаткомъ наличнаго числа землемѣровъ, а также невозм ностью зимою производить повѣрку количества и качества зем особенно въ виду отсутствія во многихъ мѣстахъ почти вс домохозяевъ, уходящихъ на заработки, и помѣщиковъ, не вущихъ зимою въ деревнѣ, есть еще вполнѣ уважител причина медленности составленія и повѣрки грамотъ—это уб деніе именно лучшихъ мировыхъ посредниковъ, что „дѣло нельзя сдѣлать кое-какъ и что лучше опоздать, нежели д стить непоправимыя потомъ ошибки“.

Переходя къ чрезвычайно интересовавшему и безпокоивш въ то время правительство вопросу о направленіи умовъ губерніи, Капгеръ свидѣтельствуетъ, что направленіе умовъ крестьянахъ калужской губерніи онъ нашелъ „въ самомъ влетворительномъ состояніи“. „Довѣріе народа къ миров властямъ и мѣстной администраціи, по словамъ отчета, весьма рѣдкими исключеніями, упрочилось. Въ этомъ отн ніи, пишетъ Капгеръ, калужская губернская администра своимъ разумнымъ и вполнѣ справедливымъ образомъ дѣйс въ теченіе одного года достигла громаднаго результата. Нар

до сего времени боявшійся чиновниковъ и совершенно имъ недовѣрявшій, въ настоящее время не перестаетъ обращаться къ нимъ за разъясненіемъ своихъ недоумѣній съ полною увѣренностью, что всѣ дѣла и жалобы его разрѣшаются правильно и въ строгомъ законномъ смыслѣ".

Въ той же главѣ указывается мало отрадный и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма любопытный фактъ, что употребленіе вина въ народѣ чрезвычайно усилилось и что въ 1861 г. выпито было количество его, превышающее болѣе нежели вдвое ежегодную пропорцію. По словамъ крестьянъ, объясненіемъ этого явленія служитъ необыкновенное множество свадебъ, послѣдовавшихъ вслѣдъ за обнародованіемъ воли.

Повторяя въ этой главѣ наблюденіе свое о развивающемся стремленіи въ народѣ къ грамотѣ, Капгеръ сѣтуетъ на несоотвѣтствіе духовныхъ пастырей нравственнымъ нуждамъ народа. „Къ сожалѣнію, пишетъ онъ, весьма немногіе изъ сельскихъ пастырей поняли свое истинное назначеніе. Многіе же изъ нихъ безнравственною жизнью вводятъ крестьянъ въ соблазнъ и подаютъ имъ самый гибельный примѣръ. Есть даже основаніе предполагать, что нѣкоторые священники, пользуясь неграмотностью крестьянъ, превратно толковали имъ Положеніе и занимались составленіемъ самыхъ неосновательныхъ прошеній."

Это мѣсто отчета обратило особое вниманіе Государя, собственноручно отмѣтившаго на поляхъ:

„*Обстоятельство это должно быть приведено въ ясность, и потому сообщить о семъ оберъ-прокурору Синода*".

Говоря о настроеніи помѣщиковъ, Капгеръ указалъ какъ на представителей оппозиціи новому порядку вещей, дѣйствовавшихъ неблаговидными средствами, на губернскаго предводителя дворянства Щукина, тарусскаго уѣзднаго предводителя Черткова и мосальскаго помѣщика Потулова.

Государь отчеркнулъ это мѣсто отчета и написалъ на поляхъ: „*имѣть ихъ подъ наблюденіемъ*".

Далѣе, ограждая мировыхъ посредниковъ отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій въ политической неблагонадежности и склонности къ соціализму, Капгеръ счелъ нужнымъ удостовѣрить, что „гибельныя и вредныя для общественнаго спокойствія ученія, къ сожалѣнію, привившіяся къ нѣкоторымъ слишкомъ жаркимъ поборникамъ новизны и реформъ, по счастію, не заразили дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ калужской губерніи".

На это Государь, какъ бы съ оттѣнкомъ нѣкотораго сомнѣнія, отмѣтилъ: „*Дай Богъ, чтобы было такъ!*"

оброка, отдавая крестьянъ въ такъ называемые „рогожн
работки“ на все зимнее полугодіе, и получалъ оброкъ уже
отъ подрядчика. Въ вознагражденіе же за трудъ въ т
зимнихъ мѣсяцевъ крестьяне получали едва достаточно
существованія своего пропитаніе и не болѣе 1 рубля с
руки. „Такого рода отдача на заработки, пишетъ се
Капгеръ, была весьма употребительна въ мосальскомъ
при прежнемъ крѣпостномъ правѣ“.

„На мѣстной администраціи—пишетъ онъ тутъ же—л
обязанность, удостовѣрясь въ дѣйствительныхъ причинахъ
ныхъ недоимокъ, войти въ положеніе крестьянъ и прин
себя ходатайство объ уменьшеніи повинностей на точномъ
ваніи существующихъ узаконеній“.

Въ заключеніе этой главы онъ приводитъ успокоите
соображенія о достаточной „прочности ручательства тѣхъ
кои закономъ указаны для обезпеченія исправнаго посту
оброковъ“.

Въ главѣ объ уставныхъ грамотахъ, отмѣчая медле
ихъ составленія и утвержденія и предсказывая, что дѣ
вообще не будетъ закончено въ положенный закономъ
Капгеръ защищаетъ при этомъ отъ всякихъ нареканій бо
часть калужскихъ посредниковъ, указывая, что независи
того, что составленіе грамотъ было задержано во многихъ м
недостаткомъ наличнаго числа землемѣровъ, а также нев
ностью зимою производить повѣрку количества и качества з
особенно въ виду отсутствія во многихъ мѣстахъ почти
домохозяевъ, уходящихъ на заработки, и помѣщиковъ, н
вущихъ зимою въ деревнѣ, есть еще вполнѣ уважит
причина медленности составленія и повѣрки грамотъ—это
деніе именно лучшихъ мировыхъ посредниковъ, что „дѣ
нельзя сдѣлать кое-какъ и что лучше опоздать, нежели
стить непоправимыя потомъ ошибки“.

Переходя къ чрезвычайно интересовавшему и безпоко
въ то время правительство вопросу о направленіи ум
губерніи, Капгеръ свидѣтельствуетъ, что направленіе ум
крестьянахъ калужской губерніи онъ нашелъ „въ самом
влетворительномъ состояніи“. „Довѣріе народа къ ми
властямъ и мѣстной администраціи, по словамъ отче
весьма рѣдкими исключеніями, упрочилось. Въ этомъ о
ніи, пишетъ Капгеръ, калужская губернская админис
своимъ разумнымъ и вполнѣ справедливымъ образомъ дѣ
въ теченіе одного года достигла громаднаго результата. Н

Государь отмѣтилъ и это мѣсто и написалъ противъ него на поляхъ: *„весьма справедливо“*.

Такой же резолюціи удостоилось то мѣсто отчета, гдѣ указана была неумѣстность и противозаконность намѣренія дворянъ судить князя Оболенскаго судомъ дворянскаго собранія за нанесенное имъ, будто бы, оскорбленіе губернскому предводителю и, въ его лицѣ, всему дворянству калужской губерніи.

Въ самомъ отчетѣ о найденномъ имъ положеніи крестьянскаго дѣла въ губерніи сенаторъ Капгеръ далъ весьма обстоятельный очеркъ дѣятельности губернскаго присутствія, мировыхъ учрежденій и крестьянскаго общественнаго управленія; подробно остановился на отбываніи повинностей крестьянъ и разобралъ при этомъ всѣ жалобы и нареканія помѣщиковъ и указалъ въ точныхъ цифрахъ размѣры перехода крестьянъ съ барщины и смѣшанной повинности на оброкъ, затѣмъ посвятилъ по нѣскольку страницъ вопросу о лѣсныхъ порубкахъ и положенію заводскихъ рабочихъ и остановился подробнѣе на ходѣ работъ по составленію и повѣркѣ уставныхъ грамотъ и направленію умовъ въ губерніи какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Въ заключительной части отчета онъ далъ общій отзывъ о положеніи крестьянскаго дѣла и дѣятельности и заслугахъ губернской администраціи.

Намъ нѣтъ нужды подробно излагать всѣ отдѣлы этого весьма правдиво и обстоятельно составленнаго документа, такъ какъ общій ходъ дѣлъ уже извѣстенъ читателю изъ предыдущаго изложенія. Мы позволимъ себѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ мѣстахъ отчета.

Такъ, не безъинтересно объясненіе сенатора Капгера, почему дворянская оппозиція терпѣла въ губернскомъ присутствіи постоянныя пораженія и даже въ огромномъ большинствѣ случаевъ не рѣшалась оспаривать направленіе, даваемое дѣлу Арцимовичемъ и согласнымъ съ нимъ большинствомъ.

„На сторонѣ начальника губерніи и сочувствующихъ ему членовъ было—объясняетъ Капгеръ—всестороннее изученіе разсматриваемыхъ случаевъ, основательное знаніе законовъ, самая пламенная любовь къ дѣлу—слѣдовательно, всѣ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ мнѣнія. Этихъ-то именно условій, въ большей части случаевъ, недоставало въ доводахъ, высказываемыхъ оппозиціею, а потому весьма естественно, что большинство

всѣхъ губерній въ Редакц. Ком., но потомъ эта мысль была оставлена по ея неосуществимости (см. Семеновъ „Освоб. Крест.“, т. I, стр. 172).

оброка, отдавая крестьянъ въ такъ называемые „рогожн
работки“ на все зимнее полугодіе, и получалъ оброкъ уже
отъ подрядчика. Въ вознагражденіе же за трудъ въ т
зимнихъ мѣсяцевъ крестьяне получали едва достаточнс
существованія своего пропитаніе и не болѣе 1 рубля с
руки. „Такого рода отдача на заработки, пишетъ се
Капгеръ, была весьма употребительна въ мосальскомъ
при прежнемъ крѣпостномъ правѣ“.

„На мѣстной администраціи—пишетъ онъ тутъ же—л
обязанность, удостовѣрясь въ дѣйствительныхъ причинахъ
ныхъ недоимокъ, войти въ положеніе крестьянъ и прин
себя ходатайство объ уменьшеніи повинностей на точномъ
ваніи существующихъ узаконеній“.

Въ заключеніе этой главы онъ приводитъ успокоите
соображенія о достаточной „прочности ручательства тѣхъ
кои закономъ указаны для обезпеченія исправнаго посту
оброковъ“.

Въ главѣ объ уставныхъ грамотахъ, отмѣчая медле
ихъ составленія и утвержденія и предсказывая, что дѣ
вообще не будетъ закончено въ положенный закономъ
Капгеръ защищаетъ при этомъ отъ всякихъ нареканій бо
часть калужскихъ посредниковъ, указывая, что независи
того, что составленіе грамотъ было задержано во многихъ м
недостаткомъ наличнаго числа землемѣровъ, а также нев
ностью зимою производить повѣрку количества и качества
особенно въ виду отсутствія во многихъ мѣстахъ почти
домохозяевъ, уходящихъ на заработки, и помѣщиковъ,
вущихъ зимою въ деревнѣ, есть еще вполнѣ уважит
причина медленности составленія и повѣрки грамотъ—это
деніе именно лучшихъ мировыхъ посредниковъ, что „дѣ
нельзя сдѣлать кое-какъ и что лучше опоздать, нежели
стить непоправимыя потомъ ошибки“.

Переходя къ чрезвычайно интересовавшему и безпоко
въ то время правительство вопросу о направленіи ум
губерніи, Капгеръ свидѣтельствуетъ, что направленіе ум
крестьянахъ калужской губерніи онъ нашелъ „въ самом
влетворительномъ состояніи“. „Довѣріе народа къ ми
властямъ и мѣстной администраціи, по словамъ отче
весьма рѣдкими исключеніями, упрочилось. Въ этомъ о
ніи, пишетъ Капгеръ, калужская губернская админис
своимъ разумнымъ и вполнѣ справедливымъ образомъ д
въ теченіе одного года достигла громаднаго результата. Н

Указывая на полное довѣріе крестьянъ къ хорошимъ посредникамъ, авторъ отчета пишетъ: „При посѣщеніи моемъ одного изъ волостныхъ правленій тарусскаго уѣзда, я самъ былъ свидѣтелемъ единодушнаго и трогательнаго выраженія любви и довѣрія народа къ своему посреднику". Указавъ, что нѣкоторые посредники, при полной законности и справедливости своихъ дѣйствій, „отстаивая права и льготы, дарованныя крестьянамъ Положеніемъ 19 февраля, въ сношеніяхъ своихъ съ помѣщиками дозволяли себѣ рѣзкость въ выраженіяхъ, имѣвшихъ смыслъ укора стариннымъ предразсудкамъ и привычкамъ", чѣмъ безъ нужды раздражали противъ себя дворянъ, Капгеръ тутъ же прибавляетъ, что „въ настоящее время опытъ и стремленіе къ общей пользѣ не только смягчили существовавшій въ началѣ слишкомъ рѣзкій образъ дѣйствій нѣкоторыхъ посредниковъ въ сношеніяхъ съ помѣщиками, но привели ихъ къ убѣжденію, что безъ содѣйствія сихъ послѣднихъ почти невозможно достигнуть успѣшнаго примѣненія закона къ дѣлу".

Въ заключеніе этой главы Капгеръ приводитъ цѣлый списокъ именъ мировыхъ посредниковъ [1]), „которые по своимъ способностямъ, пламенному усердію къ дѣлу и успѣхамъ по приведенію въ дѣйствіе законоположеній 19 февраля отличаются передъ прочими". Государь тутъ же положенной резолюціей повелѣлъ представить всѣхъ ихъ къ наградамъ.

Въ главѣ о мировыхъ съѣздахъ Капгеръ очертилъ оппозицію уѣздныхъ предводителей и ревностную защиту новыхъ законоположеній со стороны членовъ отъ правительства, назначенныхъ губернаторомъ изъ числа образованныхъ юристовъ, хорошо изучившихъ Положеніе 19 февраля [2]).

Далѣе Капгеръ останавливается нѣсколько подробнѣе на благотворномъ вліяніи на ходъ дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ особыхъ съѣздовъ посредниковъ въ Калугѣ, которые они устраивали разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ по собственному побужденію. Онъ отмѣчаетъ тутъ проявившуюся у посредниковъ чуткость къ

---

[1]) Вотъ имена этихъ посредниковъ: гв. полковникъ Зыбинъ (калуж. уѣз.), шт. сов. Ползиковъ (боров.), кол. сов. Сабанѣевъ и кол. ассес. Шумовскій (тарусск.), кол. сов. Щепкинъ (лихв.)—тотъ самый, на котораго были нареканія помѣщиковъ ф. Ренне и Озеровой, арт. прапорщ. Домогацкій и отст. поруч. Галоффѣевъ (козельск.), арт. ротм. Ланской (малояр.), гв. полков. фонъ Розенбергъ, кол. асс. Муромцевъ, отст. поруч. Пусторослевъ и отст. шт.-кап. Сабанѣевъ (медын.), губ. секр. Сорокинъ (мещов.), поруч. Потуловъ, ст. сов. Пещуровъ и шт.-кап. Рагозинъ (мосальск.), артил. полков. Унковскій (перемышльск.).

[2]) Эти лица: гг. Н. П. Гавриловъ, П. Н. Грешищевъ и Н. П. Долгово-Сабуровъ также были представлены къ наградамъ по Высочайшему повелѣнію.

При самомъ началѣ свиданія Государь сказалъ: „У ме
былъ Щукинъ“. — Капгеръ: „И вѣроятно съ жалобой уже
меня?“

— *Государь*: „Да, онъ говорилъ, будто крестьянамъ вн
шено, что они получили свободу не собственно по желанію п
мѣщиковъ, а единственно по моей волѣ“.

— *Капгеръ*: „Дѣйствительно, я заявилъ собравшимся у ме
дворянамъ эту истину, но крестьянамъ это не было внушаем
Впрочемъ, утвердительно можно сказать, что эта благодѣтельн
реформа безъ Вашей настоятельной воли не могла бы сове
шиться“.

— *Государь*: „Я и самъ такъ думаю и нахожу, что Щ
кинъ пустой человѣкъ, а объ Арцимовичѣ мнѣ всѣ говорятъ, ч
онъ пристрастенъ“.

— *Капгеръ*: „Для блага Россіи очень желательно, чтобы
всѣ губернаторы обладали подобнаго рода пристрастіемъ, каки
руководствуется Арцимовичъ вообще, а въ крестьянскомъ дѣ
въ особенности. Дай Богъ, чтобы Ваше Императорское Велич
ство поболѣе имѣли такихъ губернаторовъ, каковъ Арцимович
Рѣшительно можно сказать, что онъ далъ жизнь этому тру
ному и многосложному дѣлу, и всѣ дѣйствія его заслуживаю
полной признательности!“

— *Государь*: „Я и самъ такъ думаю о немъ!“

11-го іюля, послѣ двукратнаго свиданія съ Капгеро
М. Н. Жемчужниковъ писалъ Виктору Антоновичу, что Капге
„въ восторгѣ отъ милостиваго пріема. Онъ повторилъ мнѣ в
то, что я написалъ тебѣ прежде, и прибавилъ, что Госуда
самъ хвалилъ тебя и всѣ твои распоряженія по управленію г
берніей, въ особенности же по введенію новаго закона. О
сказалъ, что „прочелъ твой отчетъ, очень доволенъ имъ
совершенно увѣренъ въ правотѣ твоихъ дѣйствій, въ благоро
ствѣ твоихъ чувствъ и чистой преданности“. Потомъ съ улы
кою прибавилъ, что въ твоемъ отчетѣ „замѣтно оскорблен
твое за назначеніе ревизіи [1])... Про Щукина Государь ск

---

[1]) Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Арцимовичъ писалъ, между пр
чимъ, о положеніи губернской власти:

„Почти каждодневными своими дѣйствіями она (губернская власть) пост
влена въ необходимость, съ одной стороны, останавливать и умѣрять стрем
нія прежняго крѣпостного произвола, а съ другой—пріучать цѣлыя, еще н
давно безправныя массы къ правильному пользованію вновь дарованны
гражданскими правами и къ сознательному подчиненію требованіямъ зако
Въ такомъ необыкновенномъ положеніи губернская власть должна быть пра

залъ: „это совершенно пустой человѣкъ, я и говорить съ нимъ не хотѣлъ“.

Такимъ образомъ, торжество было полное. 30-го августа (въ день именинъ Государя) Арцимовичу пожалована была новая звѣзда, и сотрудники его кн. Оболенскій, Свистуновъ и Ламанскій, а также всѣ представленные Капгеромъ мировые посредники и члены мировыхъ съѣздовъ были украшены орденами.

Только П. А. Валуевъ остался при увѣренности въ необходимости перевести Виктора Антоновича въ другую губернію и такъ или иначе извлечь его изъ Калуги.

Изъ писемъ Виктора Антоновича къ женѣ, писанныхъ въ концѣ мая 1862 г. изъ Петербурга, т.-е. въ то время, когда уже результаты ревизіи Капгера Валуеву были извѣстны, видно, что В. А. получилъ въ это время чрезъ Валуева предложеніе отъ великаго кн. Константина Николаевича занять должность министра юстиціи въ царствѣ польскомъ, но отклонилъ это предложеніе, несмотря на настойчивыя убѣжденія великаго князя при личномъ свиданіи. Въ письмѣ отъ 27 мая В. А. писалъ женѣ своей Аннѣ Михайловнѣ: „Я рѣшительно отказался отъ Варшавы и, слѣдовательно, поѣду въ такомъ только случаѣ, если Императоръ потребуетъ этого силою своей власти“. На этотъ разъ Государь, однако, въ это дѣло не вмѣшивался, и В. А. удалось настоять на своемъ отказѣ, даже не испортивъ своихъ отношеній съ великимъ княземъ, которыми онъ дорожилъ. Черезъ годъ ему все же пришлось принять назначеніе въ Варшаву, уже по личному настоянію Государя [1]).

Разительную противоположность этому результату сенаторской ревизіи представляетъ отчетъ того же сенатора Капгера о возложенной на него ревизіи другой губерніи—владимірской. Обревизовать эту губернію ему было поручено, какъ мы видѣли, такъ сказать, для отвода глазъ, чтобы не сдѣлать слишкомъ очевиднымъ для публики недовѣріе правительства къ дѣй-

---

ственно сильна, а потому и нуждается въ огражденіи отъ несправедливыхъ нареканій, происковъ и клеветъ со стороны недовольныхъ совершающеюся реформой.

„Между тѣмъ, вѣрноподданническій долгъ не дозволяетъ мнѣ скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что калужская губернская власть находилась неоднократно въ самомъ невыгодномъ положеніи для успѣшнаго исполненія лежащихъ на ней обязанностей“. (Всеподданнѣйшій отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла за 1861 годъ, представленный въ маѣ 1862 года).

[1]) Статья В. Д. Спасовича о дѣятельности В. А. Арцимовича въ Польшѣ. См. ниже.

При самомъ началѣ свиданія Государь сказалъ: „У мен былъ Щукинъ". — Капгеръ: „И вѣроятно съ жалобой уже н меня?"

— *Государь*: „Да, онъ говорилъ, будто крестьянамъ вну шено, что они получили свободу не собственно по желанію по мѣщиковъ, а единственно по моей волѣ".

— *Капгеръ*: „Дѣйствительно, я заявилъ собравшимся у мен дворянамъ эту истину, но крестьянамъ это не было внушаемо Впрочемъ, утвердительно можно сказать, что эта благодѣтельна реформа безъ Вашей настоятельной воли не могла бы совер шиться".

— *Государь*: „Я и самъ такъ думаю и нахожу, что Щу кинъ пустой человѣкъ, а объ Арцимовичѣ мнѣ всѣ говорятъ, чт онъ пристрастенъ".

— *Капгеръ*: „Для блага Россіи очень желательно, чтобы всѣ губернаторы обладали подобнаго рода пристрастіемъ, каким руководствуется Арцимовичъ вообще, а въ крестьянскомъ дѣл въ особенности. Дай Богъ, чтобы Ваше Императорское Велич ство поболѣе имѣли такихъ губернаторовъ, каковъ Арцимович Рѣшительно можно сказать, что онъ далъ жизнь этому тру ному и многосложному дѣлу, и всѣ дѣйствія его заслуживаю полной признательности!"

— *Государь*: „Я и самъ такъ думаю о немъ!"

11-го іюля, послѣ двукратнаго свиданія съ Капгером М. Н. Жемчужниковъ писалъ Виктору Антоновичу, что Капгер „въ восторгѣ отъ милостиваго пріема. Онъ повторилъ мнѣ в то, что я написалъ тебѣ прежде, и прибавилъ, что Государ самъ хвалилъ тебя и всѣ твои распоряженія по управленію гу берніей, въ особенности же по введенію новаго закона. О сказалъ, что „прочелъ твой отчетъ, очень доволенъ имъ совершенно увѣренъ въ правотѣ твоихъ дѣйствій, въ благоро ствѣ твоихъ чувствъ и чистой преданности". Потомъ съ улы кою прибавилъ, что въ твоемъ отчетѣ „замѣтно оскорблен твое за назначеніе ревизіи [1])... Про Щукина Государь ск

---

[1]) Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Арцимовичъ писалъ, между пр чимъ, о положеніи губернской власти:

„Почти каждодневными своими дѣйствіями она (губернская власть) пост влена въ необходимость, съ одной стороны, останавливать и умѣрять стремл нія прежняго крѣпостного произвола, а съ другой—пріучать цѣлыя, еще н давно безправныя массы къ правильному пользованію вновь дарованным гражданскими правами и къ сознательному подчиненію требованіямъ закон Въ такомъ необыкновенномъ положеніи губернская власть должна быть пра

залъ: „это совершенно пустой человѣкъ, я и говорить съ нимъ не хотѣлъ“.

Такимъ образомъ, торжество было полное. 30-го августа (въ день именинъ Государя) Арцимовичу пожалована была новая звѣзда, и сотрудники его кн. Оболенскій, Свистуновъ и Ламанскій, а также всѣ представленные Капгеромъ мировые посредники и члены мировыхъ съѣздовъ были украшены орденами.

Только П. А. Валуевъ остался при увѣренности въ необходимости перевести Виктора Антоновича въ другую губернію и такъ или иначе извлечь его изъ Калуги.

Изъ писемъ Виктора Антоновича къ женѣ, писанныхъ въ концѣ мая 1862 г. изъ Петербурга, т.-е. въ то время, когда уже результаты ревизіи Капгера Валуеву были извѣстны, видно, что В. А. получилъ въ это время чрезъ Валуева предложеніе отъ великаго кн. Константина Николаевича занять должность министра юстиціи въ царствѣ польскомъ, но отклонилъ это предложеніе, несмотря на настойчивыя убѣжденія великаго князя при личномъ свиданіи. Въ письмѣ отъ 27 мая В. А. писалъ женѣ своей Аннѣ Михайловнѣ: „Я рѣшительно отказался отъ Варшавы и, слѣдовательно, поѣду въ такомъ только случаѣ, если Императоръ потребуетъ этого силою своей власти“. На этотъ разъ Государь, однако, въ это дѣло не вмѣшивался, и В. А. удалось настоять на своемъ отказѣ, даже не испортивъ своихъ отношеній съ великимъ княземъ, которыми онъ дорожилъ. Черезъ годъ ему все же пришлось принять назначеніе въ Варшаву, уже по личному настоянію Государя [1]).

Разительную противоположность этому результату сенаторской ревизіи представляетъ отчетъ того же сенатора Капгера о возложенной на него ревизіи другой губерніи—владимірской. Обревизовать эту губернію ему было поручено, какъ мы видѣли, такъ сказать, для отвода глазъ, чтобы не сдѣлать слишкомъ очевиднымъ для публики недовѣріе правительства къ дѣй-

ственно сильна, а потому и нуждается въ огражденіи отъ несправедливыхъ нареканій, происковъ и клеветъ со стороны недовольныхъ совершающеюся реформой.

„Между тѣмъ, вѣрноподданническій долгъ не дозволяетъ мнѣ скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что калужская губернская власть находилась неоднократно въ самомъ невыгодномъ положеніи для успѣшнаго исполненія лежащихъ на ней обязанностей“. (Всеподданнѣйшій отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла за 1861 годъ, представленный въ маѣ 1862 года).

[1]) Статья В. Д. Спасовича о дѣятельности В. А. Арцимовича въ Польшѣ. См. ниже.

Въ заключительной главѣ своего отчета Капгеръ указываетъ на то, что наиболѣе тяжелые убытки пришлось испытать владѣльцамъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьяне были и остались на барщинѣ, и въ видахъ облегченія имъ возможности развязаться съ своими крестьянами окончательно и получить необходимый для нихъ оборотный капиталъ, рекомендуетъ распространить и на нихъ право заключать выкупныя сдѣлки, на что̀ Государь отмѣтилъ: „*оно уже исполнено*".

Возвращаясь въ концѣ отчета опять къ нападкамъ дворянства калужской губерніи на губернскую администрацію, сенаторъ Капгеръ высказалъ по этому поводу то же заключеніе, которое онъ уже выражалъ въ письмѣ къ Валуеву:

„Имѣя постоянно въ виду священную волю Вашего Величества, я считалъ долгомъ неоднократно указывать какъ губернскому начальству, такъ и предводителямъ дворянства, что общая польза требуетъ отъ нихъ дѣйствій, согласныхъ съ духомъ новыхъ законоположеній и поддержанія взаимнаго между ними согласія. Въ этомъ отношеніи опытъ и время убѣдили уже многихъ благонамѣренныхъ помѣщиковъ въ ошибочности первоначальнаго ихъ воззрѣнія на крестьянское дѣло и на дѣятельность губернскаго присутствія. Въ настоящее время общее раздраженіе видимо ослабѣло и почти ограничивается личною непріязнью къ Арцимовичу небольшого числа дворянъ, во главѣ коихъ находится губернскій предводитель, который не перестаетъ настаивать о необходимости смѣны губернатора. По поводу этого домогательства Шукина и, безъ сомнѣнія, не лучшей части дворянства, я осмѣливаюсь высказать, что въ дѣлѣ такого рода, какъ смѣна губернатора по проискамъ дворянъ, правительству надлежитъ быть крайне осторожнымъ. Едва ли тѣ губерніи, въ коихъ губернаторы не подчинились вліянію дворянъ и сохранили свою самостоятельность, не послѣдуютъ примѣру калужской губерніи для заявленія такихъ же притязаній".

Противъ этого мѣста Государь сдѣлалъ отмѣтку: „*совершенно справедливо*".

Въ заключеніе Капгеръ испрашивалъ Высочайшія награды за вполнѣ полезную и ревностную дѣятельность по исполненію Положеній 19 февраля соотвѣтственно волѣ и предначертаніямъ Государя: В. А. Арцимовичу и ближайшимъ его сотрудникамъ — кн. А. В. Оболенскому, П. Н. Свистунову и секретарю губернскаго присутствія А. П. Ламанскому.

Государь отмѣтилъ: „*согласенъ, и министру внутреннихъ дѣлъ войти о томъ съ представленіемъ къ 30 августа*".

залъ: „это совершенно пустой человѣкъ, я и говорить съ нимъ не хотѣлъ“.

Такимъ образомъ, торжество было полное. 30-го августа (въ день именинъ Государя) Арцимовичу пожалована была новая звѣзда, и сотрудники его кн. Оболенскій, Свистуновъ и Ламанскій, а также всѣ представленные Капгеромъ мировые посредники и члены мировыхъ съѣздовъ были украшены орденами.

Только П. А. Валуевъ остался при увѣренности въ необходимости перевести Виктора Антоновича въ другую губернію и такъ или иначе извлечь его изъ Калуги.

Изъ писемъ Виктора Антоновича къ женѣ, писанныхъ въ концѣ мая 1862 г. изъ Петербурга, т.-е. въ то время, когда уже результаты ревизіи Капгера Валуеву были извѣстны, видно, что В. А. получилъ въ это время чрезъ Валуева предложеніе отъ великаго кн. Константина Николаевича занять должность министра юстиціи въ царствѣ польскомъ, но отклонилъ это предложеніе, несмотря на настойчивыя убѣжденія великаго князя при личномъ свиданіи. Въ письмѣ отъ 27 мая В. А. писалъ женѣ своей Аннѣ Михайловнѣ: „Я рѣшительно отказался отъ Варшавы и, слѣдовательно, поѣду въ такомъ только случаѣ, если Императоръ потребуетъ этого силою своей власти“. На этотъ разъ Государь, однако, въ это дѣло не вмѣшивался, и В. А. удалось настоять на своемъ отказѣ, даже не испортивъ своихъ отношеній съ великимъ княземъ, которыми онъ дорожилъ. Черезъ годъ ему все же пришлось принять назначеніе въ Варшаву, уже по личному настоянію Государя [1]).

Разительную противоположность этому результату сенаторской ревизіи представляетъ отчетъ того же сенатора Капгера о возложенной на него ревизіи другой губерніи—владимірской. Обревизовать эту губернію ему было поручено, какъ мы видѣли, такъ сказать, для отвода глазъ, чтобы не сдѣлать слишкомъ очевиднымъ для публики недовѣріе правительства къ дѣй-

---

ственно сильна, а потому и нуждается въ огражденіи отъ несправедливыхъ нареканій, происковъ и клеветъ со стороны недовольныхъ совершающеюся реформой.

„Между тѣмъ, вѣрноподданническій долгъ не дозволяетъ мнѣ скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что калужская губернская власть находилась неоднократно въ самомъ невыгодномъ положеніи для успѣшнаго исполненія лежащихъ на ней обязанностей“. (Всеподданнѣйшій отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла за 1861 годъ, представленный въ маѣ 1862 года).

[1]) Статья В. Д. Спасовича о дѣятельности В. А. Арцимовича въ Польшѣ. См. ниже.

При самомъ началѣ свиданія Государь сказалъ: „
былъ Щукинъ“. — Капгеръ: „И вѣроятно съ жалобой
меня?“

— *Государь*: „Да, онъ говорилъ, будто крестьяна
щено, что они получили свободу не собственно по жел
мѣщиковъ, а единственно по моей волѣ“.

— *Капгеръ*: „Дѣйствительно, я заявилъ собравшимс
дворянамъ эту истину, но крестьянамъ это не было в
Впрочемъ, утвердительно можно сказать, что эта благод
реформа безъ Вашей настоятельной воли не могла б
шиться“.

— *Государь*: „Я и самъ такъ думаю и нахожу,
кинъ пустой человѣкъ, а объ Арцимовичѣ мнѣ всѣ гово
онъ пристрастенъ“.

— *Капгеръ*: „Для блага Россіи очень желательно,
всѣ губернаторы обладали подобнаго рода пристрастіемъ
руководствуется Арцимовичъ вообще, а въ крестьянско
въ особенности. Дай Богъ, чтобы Ваше Императорское
ство поболѣе имѣли такихъ губернаторовъ, каковъ Арц
Рѣшительно можно сказать, что онъ далъ жизнь это
ному и многосложному дѣлу, и всѣ дѣйствія его заслу
полной признательности!“

— *Государь*: „Я и самъ такъ думаю о немъ!“

11-го іюля, послѣ двукратнаго свиданія съ Ка
М. Н. Жемчужниковъ писалъ Виктору Антоновичу, что
„въ восторгѣ отъ милостиваго пріема. Онъ повторилъ
то, что я написалъ тебѣ прежде, и прибавилъ, что
самъ хвалилъ тебя и всѣ твои распоряженія по управл
берніей, въ особенности же по введенію новаго зак
сказалъ, что „прочелъ твой отчетъ, очень доволенъ
совершенно увѣренъ въ правотѣ твоихъ дѣйствій, въ
ствѣ твоихъ чувствъ и чистой преданности“. Потомъ
кою прибавилъ, что въ твоемъ отчетѣ „замѣтно ос
твое за назначеніе ревизіи [1])... Про Щукина Госуд

---

[1]) Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Арцимовичъ писалъ,
чимъ, о положеніи губернской власти:

„Почти каждодневными своими дѣйствіями она (губернская вла
влена въ необходимость, съ одной стороны, останавливать и умѣрят
нія прежняго крѣпостного произвола, а съ другой—пріучать цѣлы
давно безправныя массы къ правильному пользованію вновь да
гражданскими правами и къ сознательному подчиненію требовані
Въ такомъ необыкновенномъ положеніи губернская власть должна

залъ: „это совершенно пустой человѣкъ, я и говорить съ нимъ не хотѣлъ“.

Такимъ образомъ, торжество было полное. 30-го августа (въ день именинъ Государя) Арцимовичу пожалована была новая звѣзда, и сотрудники его кн. Оболенскій, Свистуновъ и Ламанскій, а также всѣ представленные Капгеромъ мировые посредники и члены мировыхъ съѣздовъ были украшены орденами.

Только П. А. Валуевъ остался при увѣренности въ необходимости перевести Виктора Антоновича въ другую губернію и такъ или иначе извлечь его изъ Калуги.

Изъ писемъ Виктора Антоновича къ женѣ, писанныхъ въ концѣ мая 1862 г. изъ Петербурга, т.-е. въ то время, когда уже результаты ревизіи Капгера Валуеву были извѣстны, видно, что В. А. получилъ въ это время чрезъ Валуева предложеніе отъ великаго кн. Константина Николаевича занять должность министра юстиціи въ царствѣ польскомъ, но отклонилъ это предложеніе, несмотря на настойчивыя убѣжденія великаго князя при личномъ свиданіи. Въ письмѣ отъ 27 мая В. А. писалъ женѣ своей Аннѣ Михайловнѣ: „Я рѣшительно отказался отъ Варшавы и, слѣдовательно, поѣду въ такомъ только случаѣ, если Императоръ потребуетъ этого силою своей власти“. На этотъ разъ Государь, однако, въ это дѣло не вмѣшивался, и В. А. удалось настоять на своемъ отказѣ, даже не испортивъ своихъ отношеній съ великимъ княземъ, которыми онъ дорожилъ. Черезъ годъ ему все же пришлось принять назначеніе въ Варшаву, уже по личному настоянію Государя [1]).

Разительную противоположность этому результату сенаторской ревизіи представляетъ отчетъ того же сенатора Капгера о возложенной на него ревизіи другой губерніи—владимірской. Обревизовать эту губернію ему было поручено, какъ мы видѣли, такъ сказать, для отвода глазъ, чтобы не сдѣлать слишкомъ очевиднымъ для публики недовѣріе правительства къ дѣй-

---

ственно сильна, а потому и нуждается въ огражденіи отъ несправедливыхъ нареканій, происковъ и клеветъ со стороны недовольныхъ совершающеюся реформой.

„Между тѣмъ, вѣрноподданническій долгъ не дозволяетъ мнѣ скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что калужская губернская власть находилась неоднократно въ самомъ невыгодномъ положеніи для успѣшнаго исполненія лежащихъ на ней обязанностей“. (Всеподданнѣйшій отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла за 1861 годъ, представленный въ маѣ 1862 года).

[1]) Статья В. Д. Спасовича о дѣятельности В. А. Арцимовича въ Польшѣ. См. ниже.

ствіямъ калужской администраціи. Предполагалось, что во владимірской губерніи все обстоитъ благополучно; назначить же въ ней ревизію было удобно потому, что губернаторъ ея по собственному побужденію выходилъ въ отставку, и назначался новый, для котораго назначеніе ревизіи не могло представляться обиднымъ; къ тому же, благодаря этому присоединенію владимірской губерніи, ревизія получала очень благовидную мотивировку: правительство какъ бы желало узнать ходъ крестьянскаго дѣла въ подмосковныхъ губерніяхъ и для этого избрало одну полуземледѣльческую — калужскую, со смѣшанною повинностью крестьянъ, другую чисто промышленную — владимірскую, гдѣ почти всѣ крестьяне были на оброкѣ.

Предполагалось, что ревизія калужской губерніи раскроетъ пристрастность и безтактность поведенія губернатора и дастъ основаніе къ замѣнѣ его другимъ лицомъ, и что, наоборотъ, ревизія владимірской губерніи дастъ картину благополучнаго и благонамѣреннаго хода крестьянскаго дѣла.

Предположеніямъ этимъ не суждено было осуществиться; вышло какъ разъ наоборотъ: сенаторъ Капгеръ, человѣкъ честный и безпристрастный, представивъ прекрасную апологію дѣйствій калужской администраціи, принужденъ былъ по владимірской губерніи представить настоящій обвинительный актъ [1].

Если калужская администрація сдѣлала все возможное для справедливаго и, по возможности, безобиднаго для обѣихъ сторонъ рѣшенія крестьянскаго вопроса, съ строгимъ соблюденіемъ закона и при помощи самыхъ гуманныхъ и законныхъ пріемовъ, то во владимірской губерніи Капгеру пришлось встрѣтиться съ системой самыхъ пристрастныхъ, произвольныхъ и часто жестокихъ дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію выгодъ одного лишь помѣстнаго сословія.

Бывшій владимірскій губернаторъ д. с. с. Теличеевъ, человѣкъ, по опредѣленію Капгера, благонамѣренный, но слабый, не устоялъ противъ нареканій и происковъ помѣщиковъ и „по собственному побужденію“ рѣшилъ оставить свой постъ черезъ годъ послѣ объявленія воли. Одновременно перемѣнился и личный составъ губернскаго присутствія, дѣйствовавшаго при Теличеевѣ, по удостовѣренію Капгера, безпристрастно и въ іюнѣ 1861 г. удостоеннаго Высочайшаго благоволенія въ числѣ другихъ 16 присутствій. Но происходившие здѣсь въ 1861 г.

---

[1]) Мы пользуемся черновымъ рапортомъ сенатора Капгера, находящимся въ архивѣ В. А. Арцимовича.

дворянскіе выборы ввели въ его составъ новаго губернскаго предводителя, столь же вліятельнаго и энергичнаго, сколько пристрастнаго и недобросовѣстнаго по своимъ дѣйствіямъ, а наиболѣе дѣятельный членъ отъ правительства г. Гавриловъ отозванъ былъ въ Петербургъ, въ министерство, и замѣщенъ лицомъ, всецѣло преданнымъ дворянскимъ интересамъ и предразсудкамъ. Новый губернаторъ, блестящій, но совершенно неопытный и несвѣдущій въ дѣлахъ свитскій генералъ, самъ къ тому же мѣстный землевладѣлецъ, оказался также завзятымъ приверженцемъ дворянской партіи, высокомѣрно и враждебно относившимся къ крестьянамъ. Подборъ мировыхъ посредниковъ оказался совершенно неудачнымъ.

И вотъ, въ губерніи, гдѣ при крѣпостномъ правѣ крестьяне были почти всѣ на оброкѣ, гдѣ помѣщики совершенно не занимались земледѣліемъ и отдали въ полное распоряженіе крестьянъ не только земли, но даже и лѣса, при введеніи уставныхъ грамотъ началась система притѣсненій, урѣзокъ, грубаго и жестокаго усмиренія такъ называемыхъ возмущеній, вызванныхъ, по большей части, противозаконными, своекорыстными и произвольными дѣйствіями самихъ же помѣщиковъ и бывшей всецѣло на ихъ сторонѣ администраціи.

Представляя въ своемъ отчетѣ мрачную картину злоупотребленій, притѣсненій и обиранія крестьянъ владимірской губерніи вліятельными помѣщиками, при энергичномъ содѣйствіи имъ мѣстной власти, сенаторъ Капгеръ писалъ:

„Обзоръ хода крестьянскаго дѣла во владимірской губерніи приводитъ къ заключенію, что дѣйствія какъ мѣстныхъ мировыхъ властей, такъ и начальника губерніи, явно уклоняясь отъ закона, были очевидно пристрастны въ отношеніи къ помѣщикамъ...“

...„Пристрастіе, продолжаетъ Капгеръ, къ помѣщикамъ завлекло мѣстную администрацію, напримѣръ, при составленіи и утвержденіи уставныхъ грамотъ, даже за предѣлы благоразумія...“

Далѣе онъ приводитъ примѣры такихъ отяготительныхъ оброковъ, которые, совершенно не соотвѣтствуя средствамъ крестьянъ, никогда не могутъ быть взысканы. „Указанная Положеніемъ продажа крестьянскаго имущества въ этомъ случаѣ можетъ достигнуть цѣли годъ, другой, но долѣе при совершенномъ разореніи крестьянъ и такая мѣра будетъ непримѣнима“.

„Многіе изъ помѣщиковъ, читаемъ мы далѣе, у которыхъ въ имѣніяхъ есть подобныя грамоты, предвидя такой исходъ,

стараются скорѣе отдать имѣнія свои на выкупъ. Если доп
стить, что выкупъ состоится, конечно, помѣщики тогда буду
обезпечены, но какая перспектива предстоитъ тогда для адм
нистраціи при взысканіи выкупного платежа? Я пришелъ
убѣжденію, что взысканіе такого платежа сдѣлается почти н
возможнымъ, и потому полагаю, что главное выкупное учрежд
ніе должно обратить особенное вниманіе на утвержденіе выку
ныхъ сдѣлокъ по владимірской губерніи".

О новомъ владимірскомъ губернаторѣ, управлявшемъ г
берніею въ теченіе года, Капгеръ пишетъ:

„Начальникъ губерніи свиты Вашего Императорскаго В
личества генералъ-маіоръ Самсоновъ болѣе другихъ увлек
пристрастіемъ къ дворянству. Побужденіе это нельзя прип
сать какимъ-нибудь корыстнымъ видамъ. Самсоновъ чрезв
чайно честенъ въ этомъ отношеніи, но лицепріятіе въ не
почти очевидно. Для людей, пользующихся вѣсомъ во владимі
ской губерніи, онъ дѣлалъ все желаемое ими. Къ этому пр
страстію къ дворянамъ въ Самсоновѣ присоединяется еще н
опытность и неподготовленность къ высокому званію губерн
тора, какая-то непріязнь къ крестьянамъ и происходящая о
того энергія по преслѣдованію ихъ за преступленія, часто н
бывалыя..." ....„Вообще дѣятельность Самсонова, ни какъ г
бернатора, ни какъ предсѣдателя губернскаго присутствія,
можетъ считаться безукоризненною, и при пріемахъ, которы
онъ въ настоящее время держится, можно сказать почти
увѣренностью, что крестьянское дѣло во владимірской губерн
будетъ идти весьма неуспѣшно."

О мировыхъ посредникахъ Капгеръ говоритъ, что изъ ни
едва ли половина найдется людей добросовѣстныхъ, да и тѣ час
дѣйствуютъ неправильно, остальные же заражены, по его сл
вамъ, всѣми пороками старыхъ судебныхъ мѣстъ, взяточнич
ствомъ, мелкими грязными плутнями и т. п.

„Ознакомившись съ посредниками калужской губерніи ранѣ
пишетъ Капгеръ, я сначала не хотѣлъ вѣрить, что всѣ поро
отживающихъ уже судовъ могутъ привиться къ этомуново
учрежденію."

Столь же нелестный отзывъ даетъ онъ о губернскомъ предв
дителѣ дворянства и членахъ присутствія, за исключеніе
одного, и почти такой же о губернскомъ прокурорѣ и управля
щемъ палатой государственныхъ имуществъ, которые оба бы
смѣщены по его настоянію [1]).

[1]) „По тѣмъ даннымъ, которыя я собралъ и привожу, по возможности,

Таковъ былъ неожиданный результатъ сенаторской ревизіи двухъ подмосковныхъ губерній!

юридическія формы,—писалъ Капгеръ изъ Владиміра Виктору Антоновичу отъ 29 января 1863 г.—отдача членовъ губернскаго присутствія подъ судъ будетъ единственно справедливымъ послѣдствіемъ ревизіи. Это мое глубокое убѣжденіе; но здѣсь я, безъ сомнѣнія, встрѣчу много затрудненій при настоящемъ повѣтріи, которое можетъ не измѣняться еще долгое время. Представьте себѣ, что въ губерніи нѣтъ имѣнія, въ которомъ по уставной грамотѣ не повышался бы оброкъ, если крестьяне пользуются поемнымъ лугомъ, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ. Такъ у самого губернскаго предводителя за 18 десятинъ лугу на 200 душъ прибавлено на каждую душу по 1 рублю оброку. Въ нѣкоторыхъ участкахъ содержатся въ острогѣ до 40 крестьянъ, безъ всякаго съ ихъ стороны уголовнаго преступленія, между тѣмъ губернское присутствіе не только не порицаетъ подобныхъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ, но уважаетъ и поддерживаетъ ихъ взглядъ на реформу".

ГЛАВА IX.

Измѣненіе состава губернскаго присутствія. Его дѣятельность въ 1862 г Уставныя грамоты. Повинности. Недоимки. Необходимость пониженія оброковъ въ мосальскомъ и жиздринскомъ уѣздахъ. Ходъ этого дѣла. Особыя мнѣнія. Предложеніе министерства. Представленіе губернскаго присутствія о невозможности его исполнить. Назначеніе Арцимовича въ Сенатъ. Отношеніе къ нему друзей—сотрудниковъ его. Проводы его изъ Калуги. Отношеніе городскихъ обывателей, чиновниковъ и мировыхъ посредниковъ. Отношеніе Виктора Антоновича къ калужскимъ дѣламъ. Ходъ дѣлъ въ Калугѣ послѣ его отъѣзда. Направленіе его преемника. Дворянскіе выборы. Ихъ исходъ и ликованія крѣпостниковъ. Нападеніе ихъ на отдѣльныхъ лицъ. Инцидентъ съ княземъ Несвицкимъ. Новая группировка членовъ въ присутствіи. Отставка кн. Оболенскаго, Свистунова и Ламанскаго. Возрожденіе полицейскаго произвола. Экзекуціи въ имѣніяхъ Потулова. Переводы разныхъ лицъ изъ Калуги. Стойкость мировыхъ учрежденій. Направленіе дѣлъ о хлѣбозапасныхъ магазинахъ. Сокращеніе числа мировыхъ участковъ. Заключеніе: значеніе дѣятельности В. А. Арцимовича въ Калугѣ.

Ко времени окончанія ревизіи сенатора Капгера личный составъ присутствія, какъ мы видѣли, значительно измѣнился: еще до ревизіи выбылъ изъ него губернскій прокуроръ Трузсонъ и замѣненъ былъ другимъ лицомъ; управляющій палатой государственныхъ имуществъ Юзефовичъ былъ переведенъ изъ Калуги, по требованію Капгера, за свои интриги противъ губернатора; оба члена по выбору дворянства перемѣнились: Оттъ ушелъ по требованію предводителей, Баскаковъ умеръ; ихъ замѣнили: В. О. фонъ Ренне и А. В. Зыбинъ. Губернскій предводитель

Щукинъ теперь очень рѣдко бывалъ въ присутствіи, и его замѣнялъ калужскій уѣздный предводитель И. В. Ергольскій. Но главными работниками попрежнему оставались предсѣдатель и члены кн. А. В. Оболенскій, П. Н. Свистуновъ и секретарь присутствія А. П. Ламанскій, а потому и курсъ оставался прежній. Разница, отражавшаяся въ журналахъ присутствія, заключалась лишь въ томъ, что фонъ Ренне и Зыбинъ, какъ болѣе энергичные защитники дворянскихъ принциповъ и интересовъ, чаще подавали особыя мнѣнія, которыя обыкновенно подписывались и Ергольскимъ.

Впрочемъ, первоначальная организаціонная работа была уже кончена, и присутствію приходилось теперь, главнымъ образомъ, осуществлять лишь надзоръ за правильнымъ ходомъ крестьянскаго дѣла и утверждать поступающія отъ мировыхъ посредниковъ уставныя грамоты. Хотя срокъ введенія уставныхъ грамотъ, назначенный по Положенію, близился уже къ концу, однако, мировые посредники, при всемъ усердіи и даже самоотверженности ихъ дѣятельности, не считали возможнымъ окончить это важное дѣло къ сроку. Они находили, что лучше опоздать, нежели допустить непоправимыя впослѣдствіи ошибки. Съ ними соглашались и губернское присутствіе, и ревизовавшій губернію сенаторъ, который поддерживалъ ихъ мнѣніе и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Настаивало на введеніи грамотъ въ положенный срокъ лишь министерство, которое опиралось въ этомъ случаѣ на ранѣе выраженную волю Государя [1]).

Въ апрѣлѣ 1862 г. присутствіе затребовало отъ мировыхъ посредниковъ вѣдомости о движеніи уставныхъ грамотъ. Въ іюнѣ изъ 37 мировыхъ посредниковъ 21 уже доставили эти вѣдомости. Оказалось, что въ 21 участкѣ изъ общаго числа 2420 грамотъ съ 14 марта 1861 года по 14 марта 1862 г. поступило 1674, изъ нихъ 384 были утверждены и представлены въ губ. присутствіе на храненіе, 413 возвращены помѣщикамъ для исправленій, 56 представлены въ съѣзды, и 842 находились въ

---

[1]) М. Н. Жемчужниковъ писалъ по этому вопросу В. А. Арцимовичу отъ 29 сентября 1862 г.: „Касательно же мнѣнія твоего, что не должно торопиться введеніемъ уставныхъ грамотъ, какъ того желаетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, и что благоразумнѣе и благонадежнѣе, хотя и просрочить, но сдѣлать толкомъ, я могу сказать то только: 1) что твое сужденіе неопровержимо справедливо и 2) что выказываемая м. в. д. торопливость истекаетъ не собственно отъ него, а отъ непремѣннаго желанія Государя. Что дѣлать, ежели мы уже привыкли, чтобы изъявленная намъ воля была непремѣнно исполнена, не взирая ни на какія препятствія!“

производствѣ посредниковъ. По 707 имѣніямъ грамоты въ установленный для помѣщиковъ срокъ не поступили вовсе [1]).

Въ первое время огромное большинство грамотъ составлялось по добровольному соглашенію съ крестьянами. Такъ изъ грамотъ, введенныхъ до 1 апрѣля 1862 года, 85% были составлены по соглашенію съ крестьянами; изъ грамотъ, введенныхъ съ 1 апрѣля по 1 августа 1862 г., по соглашенію было составлено лишь 64%, а изъ грамотъ, введенныхъ съ августа до декабря, по добровольному соглашенію составлены уже только 44% [2]).

Вообще же до конца 1862 г. въ губернское присутствіе по всѣмъ 11 уѣздамъ калужской губерніи поступило 2009 утвержденныхъ и введенныхъ уставныхъ грамотъ (на 144.480 душъ крестьянъ). Изъ нихъ по соглашенію съ крестьянами составлены 1160, безъ соглашенія 849 [3]).

Въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ сроку грамоты не могли быть введены у многихъ посредниковъ. Изъ журнала губернскаго присутствія 10 мая 1863 года видно, что къ тому времени въ производствѣ мировыхъ посредниковъ оставалось еще до 500 неоконченныхъ грамотъ [4]).

Отбываніе издѣльной повинности въ тѣхъ немногихъ имѣніяхъ, гдѣ она осталась, въ 1862 г. уже совершалось безъ всякихъ осложненій и затрудненій; но зато встрѣтились значительныя затрудненія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ поступленіи оброковъ. Въ жиздринскомъ, козельскомъ и мосальскомъ уѣздахъ крестьяне нѣсколькихъ имѣній отказывались вносить оброкъ. Посыпались жалобы въ губернское присутствіе на недостаточное содѣйствіе, оказываемое земской полиціей, и на рѣшенія отдѣльныхъ мировыхъ посредниковъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ оказалось послѣ обстоятельнаго разслѣдованія, причина упорства крестьянъ въ неплатежѣ оброка заключалась въ претензіяхъ ихъ на помѣщиковъ, которые не возвращали мірскихъ суммъ, образовавшихся за время крѣпостного права отъ продажи крестьянскихъ хлѣбныхъ запасовъ и иногда спеціальныхъ сборовъ, или не пополняли взятый изъ магазиновъ хлѣбъ и т. п.

[1]) Приложеніе къ № 23 Калужск. губерн. вѣдомостей за 1862 г., стр. 37.

[2]) Журналы присутствія, разосланные при циркулярѣ посредникамъ за № 7340, стр. 16.

[3]) Прилож. къ № 52 Калужск. губерн. вѣдомостей за 1862 г., стр. 40.

[4]) Прилож. къ № 20 Калуж. губерн. вѣдомостей за 1863 г., стр. 4. Тутъ перечислены и мировые посредники, у которыхъ осталось значительное число неоконченныхъ грамотъ; изъ этого списка видно, что запоздали преимущественно лучшіе мировые посредники.

Для приведенія въ ясность такихъ запутанныхъ счетовъ и д
руководства въ дѣлѣ взысканія оброковъ и накопившихся н
доимокъ губернское присутствіе командировало даже своего чле
князя А. В. Оболенскаго въ жиздринскій и мосальскій уѣзд

Въ мосальскомъ уѣздѣ, а отчасти и въ жиздринскомъ,
этому времени обнаружилась и другая, болѣе тяжелая причи
накопленія недоимокъ: оказалось, что оброкъ, назначенный
полный надѣлъ по Положенію—9 рублей съ души—не по
силу крестьянамъ нѣкоторыхъ имѣній, вслѣдствіе чрезвычай
безплодной почвы. Викторъ Антоновичъ обратилъ на это вн
маніе еще во время весенняго своего объѣзда губерніи, и,
виду его заявленія объ этомъ губернскому присутствію, оно обр
тило вниманіе мировыхъ посредниковъ на это обстоятельств
указавъ имъ на возможность ходатайствовать, на основаніи ст. 17
мѣстн. пол. великоросс., объ уменьшеніи оброка. Основаніемъ д
такого ходатайства являлся тотъ фактъ, что въ сосѣднихъ уѣ
дахъ смоленской и орловской губерній съ такою же почво
размѣръ оброка за высшій душевой надѣлъ установленъ бы
8 рублей, тогда какъ въ калужской губерніи—9. Необходимос
пониженія оброковъ въ такихъ мѣстностяхъ призналъ и сенатор
Капгеръ и заявилъ объ этомъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчет

Губернаторъ сообщилъ этотъ вопросъ съ подробной и весь
обстоятельной мотивировкой министру внутреннихъ дѣлъ еп
16 мая 1862 г. (№ 1719), заявляя о необходимости обща
пониженія нормы оброковъ для этихъ мѣстностей; но министе
ство, въ отвѣтъ на это представленіе, указало [1]), что вопросъ
пониженіи оброковъ можетъ быть разсматриваемъ по каждо
имѣнію отдѣльно, на основаніи ст. 24 и 175 мѣстн. пол. Одна
при практическомъ примѣненіи этой мѣры встрѣтилось затру
неніе: для возбужденія такихъ ходатайствъ по закону требов
лось по каждому имѣнію спеціальное изслѣдованіе причи
измѣненія нормальныхъ оброковъ, съ повѣркой и осмотро
отведенныхъ надѣловъ на мѣстѣ, что задержало бы, по необход
мости, окончательное утвержденіе и введеніе уставныхъ грамот
а такъ какъ министерство настаивало на введеніи уставны
грамотъ въ положенный срокъ, то губернское присутствіе пр
знало единственно возможнымъ выходомъ изъ этого затру
ненія раздѣленіе этихъ двухъ актовъ и постановило указа
мировымъ посредникамъ, чтобы они утверждали и вводили уставн
грамоты въ такихъ имѣніяхъ, не останавливаясь разрѣшеніе

[1]) Предложен. министра внутр. дѣлъ отъ 11 іюля 1862 г., № 3879.

вопроса по ходатайству крестьянъ о пониженіи повинностей. Губернское присутствіе нашло необходимымъ разъяснить при этомъ, что, такъ какъ вопросъ о пониженіи повинностей по закону не связанъ съ утвержденіемъ уставныхъ грамотъ, и такъ какъ въ законѣ не указано срока, до котораго крестьяне могли дѣлать соотвѣтствующія заявленія, то ходатайство крестьянъ о пониженіи оброка можетъ быть принимаемо и послѣ введенія уставной грамоты [1]). Однако, члены присутствія отъ дворянъ фонъ Ренне и Зыбинъ и заступавшій губернскаго предводителя Ергольскій не согласились съ этимъ опредѣленіемъ и подали особое мнѣніе, прося представить это разногласіе на распоряженіе министерства. Министерство стало на ихъ точку зрѣнія и разъяснило, что возбужденіе ходатайствъ о пониженіи оброка можетъ быть допускаемо лишь до утвержденія уставныхъ грамотъ. Это рѣшеніе ставило присутствіе въ очень трудное положеніе и должно было весьма печально отозваться на положеніи многихъ крестьянскихъ обществъ, гдѣ грамоты, согласно прежнимъ рѣшеніямъ присутствія, были уже введены, а вопросъ о повинностяхъ оставался неразрѣшеннымъ. Викторъ Антоновичъ осенью 1862 г. вновь объѣзжалъ губернію, и въ мосальскомъ уѣздѣ онъ осмотрѣлъ до 16 волостей временно-обязанныхъ крестьянъ и по возвращеніи сдѣлалъ заявленіе губернскому присутствію, которое и послужило основаніемъ его постановленію.

„Почва земли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ ельнинскимъ и рославльскимъ уѣздами смоленской губерніи, изложено было въ этомъ его заявленіи, весьма низкаго качества и малопроизводительна; она состоитъ изъ торфяныхъ болотъ, тяжелой вязкой глины или мокраго хрящеваго песка или камня. Сами крестьяне, заявляя предсѣдателю присутствія объ обременительности для нихъ 9-рублеваго оброка, опредѣленнаго Положеніемъ за полный надѣлъ, указывали, что для сосѣдственныхъ съ ними уѣздовъ смоленской губерніи, имѣющихъ ту же почву, одинаково малопроизводительную, установленъ 168 ст. мѣстн. полож. 8-рублевый оброкъ“.

„*Въ этихъ мѣстахъ землевладѣльцы извлекали доходъ не съ земли, но съ личнаго труда ихъ бывшихъ крѣпостныхъ людей. При бѣдности и неразвитости населенія отходные промыслы, столь развитые въ другихъ уѣздахъ губерніи, здѣсь почти не существовали, и сами крестьяне къ нимъ мало склонны; а между тѣмъ личный трудъ, сила крестьянъ для нѣкоторыхъ помѣщи-*

[1]) Постановленія 5 и 19 октября 1862 г.

Въ предложеніи отъ 22 янва
нихъ дѣлъ сообщилъ губернскому
по силѣ 77 ст., имѣютъ право пр
только въ теченіе трехъ мѣсяцев
уставной грамоты; 2) если заявле
съ надѣломъ послѣдуетъ при сам
ровой посредникъ признаетъ нево
безъ осмотра надѣла, что̀, по нас
удобоисполнимо, то грамота долж
разрѣшеніе вопроса о пониженіи
частные случаи заявленій крестья
по коимъ уже состоялось рѣшені
ніе согласно съ изложеннымъ въ
порядкомъ.

„Такимъ *разъясненіемъ*—замѣч
статьѣ П. Н. Обнинскій [1],—созд
1) по всѣмъ необжалованнымъ, вс
комства крестьянъ съ дарованным
министерства внутреннихъ дѣлъ о
мотамъ въ положенный 3-мѣсячн
лишались права заявлять ходатай
2) всѣ прежнія рѣшенія (а, слѣдо
уже уваженнымъ) утрачивали сво
съ указаннымъ въ „разъясненіи"
по закону право ограничивалось
обжалованія дѣйствій *совсѣмъ ин*

Мы полагаемъ, что П. Н. О
дить не вполнѣ справедливо.

На самомъ дѣлѣ, это второ
тельно поправило дѣло, по кра
въ письмѣ къ женѣ отъ 21 ян
о пониженіи повинностей получ
правленіе." Вѣроятно, трехмѣс
возможность крестьянамъ своев
а отсрочка разсмотрѣнія этихъ
мой уступкой губернскому при

Это второе разъясненіе б
ствіемъ, когда во главѣ его п

П. А. Валуевъ, и послѣ
прислушиваться къ происками

[1]) „Русская Мысль", 1896 г. №

[2]) Въ письмѣ отъ 17 октября 1

Трогательное по искренности и задушевности тона получи Викторъ Антоновичъ по этому поводу письмо отъ своего ш рина и школьнаго товарища, извѣстнаго писателя и поэ Алексѣя Михайловича Жемчужникова, который, не заним никакого оффиціальнаго положенія, былъ, по его собственно выраженію при разговорѣ со мною, постояннымъ интимны секретаремъ Виктора Антоновича въ Калугѣ [1]).

„Любезный другъ, — писалъ Алексѣй Михайловичъ 14 д кабря 1862 г.,—твое губернаторство въ Калугѣ наконецъ вс таки кончилось...

„Я грущу о Калугѣ и о дѣлѣ крестьянскомъ, которое е не завершено, а не о тебѣ—тебѣ этотъ отдыхъ слѣдовалъ праву; ты въ немъ, я думаю, даже нуждался. Притомъ, надоб сознаться, что въ твои лѣта и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцев прошедшихъ по полученіи послѣдней награды, тебя нельзя бы свести съ губернаторскаго мѣста съ бо̀льшимъ почетомъ. Та поступлено было съ Милютинымъ, который, можетъ быть, не ра мечталъ о постѣ министра. Жаль только, очень жаль, что дѣ твое еще не кончено. Отсутствіе же усиленной служебной дѣ тельности въ званіи сенатора для тебя даже было бы полезн если бы этотъ отдыхъ пришелъ годомъ попозже. Ты давно читалъ, потому что тебѣ было некогда...

„Дай мнѣ знать, когда ты собираешься выѣхать изъ К луги. Я пріѣду проститься съ тобой, вмѣстѣ съ другими, ка съ губернаторомъ. Я слишкомъ много положилъ своего серд въ калужскія дѣла, чтобы не принять участія въ послѣдни дняхъ твоего тамъ пребыванія. Калуга и многіе ея жители мн не только близки, но родны. Родство съ лучшими ея дѣятелям мнѣ кажется, ближе, чѣмъ родство по крови. Это родство п мысли, по убѣжденію, по чувству чести. Мое пребываніе в Калугѣ, благодаря твоему губернаторству, я никогда не забуд Если буду умирать въ памяти, то вспомню объ этомъ времен

[1]) Въ архивѣ В. А. Арцимовича многія бумаги написаны почеркомъ А. М Жемчужникова, другія получили отъ его искусной руки послѣднюю отдѣлк Въ полемикѣ по вопросу объ открытіи женской гимназіи онъ принималъ жи вое участіе, подъ именемъ Арсенія Глѣбова (см. гл. 3 настоящ. изслѣд.). В письмѣ отъ 27 іюля 1859 г. Викторъ Антоновичъ, будучи вызванъ въ Петер бургъ для участія въ занятіяхъ разныхъ комиссій, писалъ Аннѣ Михайлов Арцимовичъ: „Недостаетъ мнѣ твоего брата Алексѣя; я, какъ тебѣ извѣстн не умѣю и не люблю окончательно отдѣлывать мои собственныя мысли, кото рыя всегда уясняются при помощи твоего брата. Нѣкоторыя наши фра приводятся и цитируются здѣсь при сужденіяхъ въ комиссіяхъ... Но дѣлать н чего, буду одинъ трудиться...“

и передъ смертью съ глубокимъ уваженіемъ и съ чувствомъ самой горячей благодарности Богу за то, что онъ привелъ меня къ вамъ быть свидѣтелемъ дѣятельности твоей и твоихъ сотрудниковъ—дѣятельности, полной самоотверженія, гражданскаго достоинства и человѣколюбія, въ одну изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ эпохъ русской жизни. Благодарю тебя, милый и дорогой другъ мой Викторъ, за все то, что я видѣлъ, слышалъ, перечувствовалъ и перемыслилъ въ Калугѣ, и за всѣ честные труды, къ которымъ ты пріобщилъ меня въ своемъ кабинетѣ..."

А. М. Жемчужниковъ непремѣнно желалъ быть на проводахъ Виктора Антоновича изъ Калуги, и дѣйствительно, человѣку, понимавшему Виктора Антоновича и цѣнившему его калужскую дѣятельность, стоило пріѣхать и подальше, чѣмъ изъ Москвы, на эти проводы. Отчетъ о нихъ былъ напечатанъ, между прочимъ, въ прибавленіи къ № 31 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1863 г., и если ясно представить себѣ обстановку и понятія того времени, то и сейчасъ, читая этотъ сжатый газетный отчетъ, чувствуешь торжественность и искренность настроенія чествовавшихъ его представителей разныхъ сословій, классовъ и общественныхъ положеній, „за исключеніемъ, какъ сказано въ корреспонденціи, тѣхъ лицъ мѣстнаго благороднаго сословія, которыя недовольны настоящимъ порядкомъ вещей въ губерніи". По этому случаю были устроены два обѣда: одинъ, 27 декабря, городскимъ обществомъ, а другой, 29 числа, служащими всѣхъ вѣдомствъ. Въ первомъ обѣдѣ участвовали не только именитые граждане и купцы, но и мѣщане, что̀, по тогдашнимъ нравамъ, представлялось вполнѣ необычнымъ. Не ограничиваясь обѣдомъ, представители городского общества въ 1-й день новаго года поднесли Виктору Антоновичу адресъ, текстъ котораго приводимъ дословно:

„Четырехлѣтнее управленіе ваше калужскою губерніей останется памятнымъ въ сердцахъ признательныхъ вамъ гражданъ г. Калуги. Вы пріобрѣли искреннее къ вамъ уваженіе наше великодушнымъ вниманіемъ, которое ваше превосходительство оказывали нашимъ нуждамъ, и всегдашней готовностью помочь имъ. Вы дѣлали для насъ все, что̀ отъ васъ зависѣло, и что̀ возможно было сдѣлать въ непродолжительное время. Наилучшимъ образомъ устроенная женская гимназія, городской банкъ, предоставленіе домовладѣльцамъ всевозможныхъ облегченій при исправленіи домовъ ихъ—громко говорятъ о вашемъ усердномъ содѣйствіи къ улучшенію нашего общественнаго быта, а ваше ходатайство къ облегченію у насъ квартирной повинности, ваша

Трогательное по искренности и задушевности тона получилъ Викторъ Антоновичъ по этому поводу письмо отъ своего шурина и школьнаго товарища, извѣстнаго писателя и поэта Алексѣя Михайловича Жемчужникова, который, не занимая никакого оффиціальнаго положенія, былъ, по его собственному выраженію при разговорѣ со мною, постояннымъ интимнымъ секретаремъ Виктора Антоновича въ Калугѣ [1]).

„Любезный другъ, — писалъ Алексѣй Михайловичъ 14 декабря 1862 г.,—твое губернаторство въ Калугѣ наконецъ все-таки кончилось...

„Я грущу о Калугѣ и о дѣлѣ крестьянскомъ, которое еще не завершено, а не о тебѣ—тебѣ этотъ отдыхъ слѣдовалъ по праву; ты въ немъ, я думаю, даже нуждался. Притомъ, надобно сознаться, что въ твои лѣта и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ по полученіи послѣдней награды, тебя нельзя было свести съ губернаторскаго мѣста съ бо̀льшимъ почетомъ. Такъ поступлено было съ Милютинымъ, который, можетъ быть, не разъ мечталъ о постѣ министра. Жаль только, очень жаль, что дѣло твое еще не кончено. Отсутствіе же усиленной служебной дѣятельности въ званіи сенатора для тебя даже было бы полезно, если бы этотъ отдыхъ пришелъ годомъ попозже. Ты давно не читалъ, потому что тебѣ было некогда...

„Дай мнѣ знать, когда ты собираешься выѣхать изъ Калуги. Я пріѣду проститься съ тобой, вмѣстѣ съ другими, какъ съ губернаторомъ. Я слишкомъ много положилъ своего сердца въ калужскія дѣла, чтобы не принять участія въ послѣднихъ дняхъ твоего тамъ пребыванія. Калуга и многіе ея жители мнѣ не только близки, но родны. Родство съ лучшими ея дѣятелями, мнѣ кажется, ближе, чѣмъ родство по крови. Это родство по мысли, по убѣжденію, по чувству чести. Мое пребываніе въ Калугѣ, благодаря твоему губернаторству, я никогда не забуду. Если буду умирать въ памяти, то вспомню объ этомъ времени

[1]) Въ архивѣ В. А. Арцимовича многія бумаги написаны почеркомъ А. М. Жемчужникова, другія получили отъ его искусной руки послѣднюю отдѣлку. Въ полемикѣ по вопросу объ открытіи женской гимназіи онъ принималъ живое участіе, подъ именемъ Арсенія Глѣбова (см. гл. 3 настоящ. изслѣд.). Въ письмѣ отъ 27 іюля 1859 г. Викторъ Антоновичъ, будучи вызванъ въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ разныхъ комиссій, писалъ Аннѣ Михайловнѣ Арцимовичъ: „Недостаетъ мнѣ твоего брата Алексѣя; я, какъ тебѣ извѣстно, не умѣю и не люблю окончательно отдѣлывать мои собственныя мысли, которыя всегда уясняются при помощи твоего брата. Нѣкоторыя наши фразы приводятся и цитируются здѣсь при сужденіяхъ въ комиссіяхъ... Но дѣлать нечего, буду одинъ трудиться...“

и передъ смертью съ глубокимъ уваженіемъ и съ чувствомъ самой горячей благодарности Богу за то, что онъ привелъ меня къ вамъ быть свидѣтелемъ дѣятельности твоей и твоихъ сотрудниковъ—дѣятельности, полной самоотверженія, гражданскаго достоинства и человѣколюбія, въ одну изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ эпохъ русской жизни. Благодарю тебя, милый и дорогой другъ мой Викторъ, за все то, что я видѣлъ, слышалъ, перечувствовалъ и перемыслилъ въ Калугѣ, и за всѣ честные труды, къ которымъ ты пріобщилъ меня въ своемъ кабинетѣ..."

А. М. Жемчужниковъ непремѣнно желалъ быть на проводахъ Виктора Антоновича изъ Калуги, и дѣйствительно, человѣку, понимавшему Виктора Антоновича и цѣнившему его калужскую дѣятельность, стоило пріѣхать и подальше, чѣмъ изъ Москвы, на эти проводы. Отчетъ о нихъ былъ напечатанъ, между прочимъ, въ прибавленіи къ № 31 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1863 г., и если ясно представить себѣ обстановку и понятія того времени, то и сейчасъ, читая этотъ сжатый газетный отчетъ, чувствуешь торжественность и искренность настроенія чествовавшихъ его представителей разныхъ сословій, классовъ и общественныхъ положеній, „за исключеніемъ, какъ сказано въ корреспонденціи, тѣхъ лицъ мѣстнаго благороднаго сословія, которыя недовольны настоящимъ порядкомъ вещей въ губерніи". По этому случаю были устроены два обѣда: одинъ, 27 декабря, городскимъ обществомъ, а другой, 29 числа, служащими всѣхъ вѣдомствъ. Въ первомъ обѣдѣ участвовали не только именитые граждане и купцы, но и мѣщане, что́, по тогдашнимъ нравамъ, представлялось вполнѣ необычнымъ. Не ограничиваясь обѣдомъ, представители городского общества въ 1-й день новаго года поднесли Виктору Антоновичу адресъ, текстъ котораго приводимъ дословно:

„Четырехлѣтнее управленіе ваше калужскою губерніей остается памятнымъ въ сердцахъ признательныхъ вамъ гражданъ г. Калуги. Вы пріобрѣли искреннее къ вамъ уваженіе наше великодушнымъ вниманіемъ, которое ваше превосходительство оказывали нашимъ нуждамъ, и всегдашней готовностью помочь имъ. Вы дѣлали для насъ все, что̀ отъ васъ зависѣло, и что̀ возможно было сдѣлать въ непродолжительное время. Наилучшимъ образомъ устроенная женская гимназія, городской банкъ, предоставленіе домовладѣльцамъ всевозможныхъ облегченій при исправленіи домовъ ихъ—громко говорятъ о вашемъ усердномъ содѣйствіи къ улучшенію нашего общественнаго быта, а ваше ходатайство къ облегченію у насъ квартирной повинности, ваша

благородная заботливость о ремесленномъ классѣ, ваше живое участіе въ дѣлѣ предстоящаго преобразованія городского управленія нашего показываютъ, что бы вы еще могли сдѣлать, оставаясь калужскимъ губернаторомъ, и мы считаемъ священнымъ долгомъ, по совѣсти, заявить вамъ, что мы вами довольны вполнѣ и приносимъ вашему превосходительству живѣйшую нашу благодарность. Просимъ васъ принять увѣреніе въ искренности этихъ чувствъ, которыя изъявляются вамъ отъ всѣхъ гражданъ единодушно, и съ которыми имѣемъ честь быть и проч." Слѣдуетъ 160 подписей.

Впослѣдствіи иногородные купцы выражали претензію калужскому городскому головѣ Золотареву, что онъ не извѣстилъ ихъ о днѣ чествованія Арцимовича, такъ какъ они пріѣхали бы къ этому дню изъ уѣздныхъ городовъ въ Калугу, чтобы принять участіе въ проводахъ.

Ко второму обѣду съѣхались въ Калугу всѣ мировые посредники. На этомъ обѣдѣ послѣ рѣчи вице-губернатора сказалъ рѣчь, вызвавшую шумныя одобренія присутствовавшихъ, давнишній сослуживецъ Виктора Антоновича еще по тобольской губерніи, совѣтникъ губернскаго правленія М. А. Смоленскій: „Нѣтъ нужды распространяться—сказалъ онъ—о томъ, что сдѣлали вы вообще для калужской губерніи: это извѣстно всѣмъ, и ваши дѣйствія, въ основаніи которыхъ лежали истинно-нравственныя начала, не могутъ не имѣть благотворныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что вы умѣли привлечь къ общественной дѣятельности такихъ людей, которые вполнѣ сочувствуютъ вашимъ стремленіямъ и никогда не откажутся отъ честной борьбы съ невѣжествомъ, своекорыстіемъ и сословными предразсудками, выросшими и окрѣпшими на почвѣ минувшаго (продолжительное *браво!*). О трудахъ же вашихъ по крестьянскому дѣлу, которому вы преданы съ самоотверженіемъ, скажетъ исторія: это не лесть, и утверждать противное — значило бы оскорблять правду. Но въ настоящія минуты нельзя умолчать о вашихъ служебныхъ къ намъ отношеніяхъ. Озабоченные приведеніемъ въ дѣйствіе великой реформы и желаніемъ улучшить всѣ отрасли управленія, вы также постоянно обращали вниманіе на наши занятія и, считая насъ своими сотрудниками, а не рабочею только силой, относились къ намъ не какъ начальникъ, а какъ человѣкъ, для котораго высокое его положеніе имѣетъ значеніе потому только, что оно даетъ ему болѣе возможности дѣйствовать на пользу общую (восклицаніе: *правда, правда!*)"...

Въ своей отвѣтной рѣчи Викторъ Антоновичъ благодарилъ

всѣхъ своихъ сослуживцевъ и сказалъ, что въ калужской губерніи ему много разъ приходилось видѣть примѣры служебнаго самоотверженія среди чиновниковъ, постоянно борющихся съ неудобствами жизни, даже съ нуждою. „Благородный и твердый примѣръ этихъ людей—сказалъ Викторъ Антоновичъ—удерживаетъ въ губерніи многія отрасли управленія на степени возможнаго въ наше время благоустройства. Понимать чисто и честно значеніе службы и сознавать, что мы, служащіе, полезны настолько, насколько удовлетворяемъ правильнымъ требованіямъ современнаго порядка вещей и облегчаемъ законныя и разумныя отправленія общественнаго организма, значитъ, мм. гг., содѣйствовать тому, чтобы выводить постепенно службу изъ тѣсной рамки безжизненнаго и бумажнаго бюрократизма въ область живой дѣйствительности. Если мы не достигли еще этой цѣли, то можемъ, по крайней мѣрѣ, сказать, что мы имѣли ее въ виду и къ ней, по мѣрѣ силъ нашихъ, стремились".

Послѣ этой рѣчи мировой посредникъ П. П. Пусторослевъ, избиравшійся обыкновенно предсѣдателемъ на калужскихъ съѣздахъ посредниковъ, обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующимъ тостомъ: „Я предлагаю тостъ за тотъ порядокъ вещей, при которомъ честный человѣкъ, въ кругу закономъ опредѣленной для него дѣятельности, можетъ дѣйствовать согласно со своими убѣжденіями и совершенно самостоятельно,—за тотъ порядокъ вещей, поборникомъ котораго былъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ!"

На этотъ тостъ Викторъ Антоновичъ отвѣчалъ рѣчью, въ которой, поблагодаривъ посредниковъ за желаніе ихъ лично съ нимъ проститься, сказалъ:

„Жизненное дѣло крестьянской реформы вызвало васъ, мм. гг., на общественную дѣятельность въ калужской губерніи. Хотя оттѣнки воззрѣній вашихъ были разнообразны, но васъ всѣхъ соединяло сочувствіе къ предпринятой реформѣ, а освобождающій законъ былъ всегда твердою опорою для вашихъ дѣйствій. Считаю себя счастливымъ, что мое званіе дало мнѣ возможность и доставило мнѣ честь содѣйствовать установленію важной мировой власти въ здѣшней губерніи. Я, насколько могъ, оберегалъ самостоятельность этой власти, ибо всегда сознавалъ, что для общества, сложившагося при крѣпостномъ правѣ и привыкшаго требовать отъ администраціи вмѣшательства въ судебныя рѣшенія, трудно прійти къ убѣжденію въ необходимости подчиниться мировымъ органамъ, носящимъ на себѣ преимущественно судебный характеръ. Мы съ вами сознавали, что мировое крестьян-

ское учрежденіе должно быть предвѣстникомъ будущаго института мировыхъ судей, института, на который возлагается столько надеждъ въ нашемъ отечествѣ. Вамъ всѣмъ извѣстно, насколько были мнѣ дороги мировыя учрежденія, и теперь, при разлукѣ съ вами, мм. гг., во мнѣ живетъ утѣшительное убѣжденіе, что это высокое учрежденіе останется въ калужской губерніи въ достойныхъ рукахъ..."

Затѣмъ говорили рѣчи сотрудники Виктора Антоновича по губернскому присутствію: кн. А. В. Оболенскій, А. П. Ламанскій и П. Н. Свистуновъ.

„Господа!—сказалъ П. Н. Свистуновъ:—не въ первый разъ и, вѣроятно, не въ послѣдній дается прощальный обѣдъ въ честь отъѣзжающаго начальника губерніи, но въ настоящемъ празднествѣ воздается дань признательности за особенныя достоинства, всѣми нами признаваемыя, и потому желаю высказаться гласно, въ той увѣренности, что слова мои встрѣтятъ отголосокъ во всѣхъ сердцахъ. Калужскою губерніею правили лица, неодинаково одаренныя хорошими качествами, но добрыхъ начальниковъ калужское общество провожало съ напутствіемъ истинной благодарности. Чему же приписать особенно грустное чувство, какое возбуждаетъ въ насъ разлука съ Викторомъ Антоновичемъ? Вѣдь и до него были губернаторы правдивые, заботившіеся о благосостояніи губерніи; но ни въ комъ изъ нихъ не выказалась черта, рѣзко отличающая его отъ всѣхъ его предшественниковъ. Онъ для всѣхъ добрыхъ и честныхъ людей былъ одинаковъ, безъ различія сословій. И дворянинъ, и торговецъ, и крестьянинъ одинаково пользовались у него правомъ на безпристрастный судъ и на заботливое обереганіе ихъ интересовъ. Его правдивость и любовь простирались безразлично на всѣ классы общества. Въ этой любви ко всѣмъ намъ (а безъ любви ничто прочное не создается) я вижу зачатокъ и какъ бы залогъ будущаго сближенія всѣхъ сословій ко благу и процвѣтанію русскаго общества. Господа! Чтобы достойнымъ образомъ отблагодарить Виктора Антоновича, послѣдуемъ его благому примѣру. Сословныя отличія, закономъ установленныя, не требуютъ отъ насъ разъединенія умовъ и сердецъ. Соединимтесь же въ дружномъ стремленіи къ правдѣ и въ тепломъ чувствѣ любви къ ближнему и къ родинѣ. Вотъ несокрушимый памятникъ, какой оставитъ по себѣ Викторъ Антоновичъ въ калужской губерніи. Предлагаю тостъ за начальника, завѣщающаго намъ своимъ примѣромъ союзъ любви и христіанскаго равенства въ обоюдномъ уваженіи между всѣми сословіями!"

Отчетъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ передаетъ намъ только внѣшнюю картину проводовъ. Въ дѣйствительности же эти проводы отличались необыкновенною сердечностью и искреннимъ подъемомъ высокихъ гражданскихъ чувствъ, столь характерныхъ для той незабвенной эпохи и вполнѣ соотвѣтствовавшихъ нравственному облику замѣчательнаго дѣятеля, покидавшаго, хотя и съ почетомъ, но не по своей волѣ, свой боевой постъ. Послѣ этихъ публичныхъ обѣдовъ слѣдовалъ рядъ частныхъ, не менѣе задушевныхъ чествованій и прощаній. Въ столичныхъ газетахъ В. А. Арцимовичу, по случаю перевода его изъ Калуги, было посвящено нѣсколько статей, между которыми выдавалась новогодняя статья „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и статья, помѣщенная въ № 3 Аксаковскаго „Дня“ (за 1863 г.). Были, конечно, и враждебныя статьи въ органахъ другого лагеря, напр., въ „Москов. Листкѣ“. Трудно было—писали „С.-Петерб. Вѣд.“—„обойти молчаніемъ эту характерную и отчетливо обрисовавшуюся личность, не рискуя быть заподозрѣннымъ въ предумышленной забывчивости или въ безучастіи къ нашимъ общественнымъ дѣламъ...“

Викторъ Антоновичъ уѣхалъ въ Москву лишь въ первыхъ числахъ января 1863 г., оставивъ временно семью въ Калугѣ.

„Я еще нахожусь—писалъ онъ женѣ 9 января изъ Москвы—подъ впечатлѣніемъ трогательнаго задушевнаго прощанія. Трудно привыкнуть къ мысли, что я навсегда разстался съ калужскими друзьями“.

„Насъ соединяло—пишетъ онъ дальше—одно общее дѣло, любовь къ народу и сильное, твердое намѣреніе облегчить страданія бывшаго крѣпостного населенія. Я убѣжденъ, что, пока народъ будетъ нуждаться въ защитѣ честныхъ калужскихъ дѣятелей, до тѣхъ поръ друзья наши не оставятъ своихъ трудныхъ мѣстъ; эта мысль меня очень поддерживаетъ и успокаиваетъ, иначе грусть моя еще бы значительно усилилась...“

„Въ день пріѣзда въ Москву—пишетъ В. А. въ томъ же письмѣ—обѣдалъ у брата Алексѣя [1]); были Капгеръ [2]), Егоръ Барановскій [3]) и Иванъ Аксаковъ [4]); бесѣда была очень пріятная,

---

[1]) А. М. Жемчужникова.

[2]) Сенаторъ А. Х. Капгеръ, пріѣзжавшій на время изъ Владиміра, гдѣ онъ производилъ тогда ревизію.

[3]) Е. И. Барановскій, товарищъ Виктора Антоновича, бывшій оренбургскій губернаторъ, который ушелъ въ отставку, не желая слѣдовать новому курсу, преподанному ему изъ Петербурга.

[4]) И. С. Аксаковъ, въ то время редакторъ „Дня“, извѣстный публицистъ

разумѣется, болѣе о Калугѣ; вчера у него были опять Е. Ба новскій, Батенковъ [1]) и пріѣхавшій только-что братъ Вла миръ [2]). Эти два дня прошли въ самой оживленной бесѣ Всѣ заняты вопросомъ, устоитъ ли дѣло въ Калугѣ съ пе мѣною лица во главѣ управленія. Неистовства, происходя въ другихъ губерніяхъ, возбуждаютъ въ людяхъ честныхъ о бенное желаніе, чтобы Калуга устояла въ своемъ чистомъ ст мленіи оградить народъ отъ ужасовъ палочнаго и самоуправн управленія. Вездѣ обманываютъ крестьянина, вездѣ лишан его дарованныхъ правъ. Капгеръ разсказываетъ ужасы! С крѣпко стоитъ за правду и, насколько достанетъ силъ, намѣр обличать. Его положеніе дѣйствительно очень трудное. И губ наторъ, и всѣ мировые посредники дѣйствуютъ заодно прот Положенія. Для Капгера одинъ вѣрный путь — окружить с честными и опытными слѣдователями и вооружиться факта Между тѣмъ, у него нѣтъ опытныхъ помощниковъ, Валу отнялъ у него Макова подъ предлогомъ особаго назначенія и особыхъ занятій, а на самомъ дѣлѣ онъ не даетъ Макову н какого порученія. Капгеръ возбуждаетъ здѣсь въ англійско клубѣ чрезвычайную ненависть [3])...

„Владиміръ говоритъ, что въ орловской губерніи посредни прямо на сторонѣ помѣщиковъ и нерѣдко обманываютъ наро въ губернскомъ присутствіи только Кривцовъ и отецъ наш доброй Е. А. Кашкиной [4]) поддерживаютъ правильность р шеній".

Первое время по отъѣздѣ изъ Калуги Викторъ Антонови не переставалъ жить почти исключительно калужскими интер сами и особенно интересами крестьянскаго дѣла въ калужск губерніи.

Жена Виктора Антоновича А. М. Арцимовичъ съ его матер

и славянофилъ, тоже товарищъ Виктора Антоновича по правовѣдѣнію, п томъ не чуждый и Калугѣ, въ которой онъ служилъ въ молодые годы, ко тамъ губернаторствовалъ Смирновъ (мужъ А. О. Смирновой, урожденной Россе оставившей интересныя воспоминанія).

[1]) Г. С. Батенковъ, извѣстный декабристъ и сотрудникъ Сперанскаго Сибири, пріятель Арцимовича и по Тобольску, и по Калугѣ.

[2]) В. М. Жемчужниковъ, младшій изъ братьевъ жены Викт. Антон.

[3]) Замѣчательно, что, когда А. М. Арцимовичъ прочла мировымъ посре никамъ эту часть письма мужа, то П. П. Пустороcлевъ сталъ уговари Н. П. Гаврилова ѣхать вмѣстѣ на помощь къ Капгеру. Гавриловъ сказалъ, сейчасъ не можетъ, но что къ Святой непремѣнно поѣдетъ мѣсяца на 1 (письмо А. М. Арцимовичъ отъ 15 января 1863 г. изъ Калуги).

[4]) Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ.

сестрой и со всею семьей прожили въ Калугѣ еще два мѣсяца, пока В. А. ѣздилъ въ Петербургъ и затѣмъ искалъ квартиру въ Москвѣ, такъ какъ его назначили присутствовать въ VIII департаментѣ Сената, бывшемъ тогда въ Москвѣ. Между В. А. и А. М. происходилъ частый обмѣнъ письмами, которыя почти всѣ сохранились въ архивѣ. Изъ этихъ писемъ видно, какъ заботливо направлялъ В. А. своихъ калужскихъ друзей, снабжая ихъ почти въ каждомъ письмѣ дѣловыми совѣтами и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за исходомъ различныхъ крестьянскихъ дѣлъ [1]). Въ это же время онъ видится очень часто съ новымъ калужскимъ губернаторомъ Лерхе—ставленникомъ Валуева—и всячески старается внушить ему правильный взглядъ на калужскія дѣла и калужскихъ дѣятелей. „Съ Лерхе—пишетъ онъ въ письмѣ отъ 22 января — продолжаю почти ежедневно толковать; его необходимо знакомить съ дѣломъ и развивать. Онъ, мнѣ кажется, говоритъ *довольно* откровенно. Разумѣется—

---

[1]) „Напомни А. В. Оболенскому—писалъ В. А. въ письмѣ 12 янв.—что желательно скорѣе направить дѣла о собственныхъ земляхъ (крестьянъ). Ежели онъ уѣдетъ въ Москву, эти дѣла проиграются, а между тѣмъ мы обнадежили крестьянъ“...

„Спроси у Оболенскаго—писалъ онъ отъ 13 янв.—какое впечатлѣніе произвела отмѣна выборныхъ исправниковъ? Послѣ московскихъ продѣлокъ это меня крайне удивило и, вѣроятно, поразило нашихъ крѣпостниковъ въ собраніи“... „Какъ кончилось дѣло Потулова?—спрашиваетъ онъ въ письмѣ отъ 14 января, интересуясь исходомъ дѣла о волненіи крестьянъ въ имѣніи Потулова. Въ томъ же письмѣ онъ напоминаетъ Ламанскому и Васильеву о нѣкоторыхъ дѣлахъ, имъ порученныхъ еще имъ: „напоминаю объ этихъ дѣлахъ—прибавляетъ В. А.—съ цѣлью охранить спокойствіе Ламанскаго и Васильева“.

„Передай Оболенскому и Свистунову — пишетъ онъ изъ Петербурга отъ 21 января, вѣроятно послѣ свиданія съ Я. А. Соловьевымъ, что *пока, безъ сомнѣнія*, будутъ въ министерствѣ ихъ поддерживать“...

20 января В. А. писалъ: „Сегодня утромъ размышлялъ о нашей калужской жизни и сравнивалъ съ здѣшними понятіями. Не повѣришь, насколько у насъ лучше, человѣчнѣе и умнѣе. Кругъ, въ которомъ мы жили, представляетъ столько пріятныхъ воспоминаній, что я иногда сожалѣю, что не живу съ тобою въ Калугѣ“...

11 февраля онъ пишетъ: „Прочтя выписку изъ дѣла Леонтьева (помѣщика, избившаго крестьянина, и который въ свою очередь былъ избитъ крестьянами), я совершенно успокоился. Ежели предадутъ военному суду крестьянъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ этому же суду будетъ подлежать и Леонтьевъ. Жаль, что, по наказу слѣдователей, не назначили комиссію изъ гражданскихъ чиновниковъ; командированіе офицера сдѣлано съ отступленіемъ отъ наказа. Любопытно, что̀ изъ этого выйдетъ! Послѣднее замѣчаніе скажи Оболенскому“.

прибавляетъ В. А. — его будутъ сбивать съ толку Смир
графы Д. Толстые [1]) и др...."

Въ Калугѣ въ это время происходили дворянскіе вы
дававшіе и всегда, и въ этотъ разъ въ особенности, огр
матеріалъ для волненія всего мѣстнаго общества. На выб
крѣпостники торжествовали побѣду. Потуловъ былъ гла
распорядителемъ голосовъ. Самъ онъ былъ выбранъ пре
телемъ мосальскаго уѣзда, причемъ противъ него было
2 шара. Онъ долженъ былъ отказаться, потому что еще р
далъ въ томъ подписку. Въ губернскіе предводители опя
бранъ былъ Щукинъ, которому не только прощены был
его колебанія и „ошибки" въ дворянскомъ комитетѣ и в
бернскомъ присутствіи, но оказаны были особыя необ
оваціи, какъ герою дня. Выбранъ онъ былъ 174 гол
противъ 31. Новый губернаторъ Лерхе, получившій несом
на счетъ обращенія съ дворянами особое наставленіе от
луева, какъ только узналъ объ этомъ, сейчасъ же отпра
къ нему съ поздравленіемъ на домъ и ждалъ здѣсь его в
щенія изъ дворянскаго собранія болѣе часа. По окончані
боровъ Щукина носили на рукахъ вокругъ зала и поднес
портрету Императора. Щукинъ снялъ парикъ и кланял
умиленіемъ. „Грустно-комическая сцена"—замѣчаетъ въ п
своемъ къ мужу А. М. Арцимовичъ. Жиздринскій испра
Челищевъ шелъ по залѣ приплясывая и проходя мимо О
скаго и другихъ членовъ дворянскаго меньшинства, пок
длинный носъ [2]). Щукину, по предложенію Потулова, под
блюдо; затѣмъ дворянство давало ему балъ и постановило
сить разрѣшеніе правительства поставить въ залѣ дворян
собранія его портретъ, просьбу о чемъ Лерхе повезъ собст
ручно въ Петербургъ [3]). Вскорѣ послѣдовало и разрѣше
между тѣмъ многіе думали даже, что Щукина не утве
предводителемъ, какъ человѣка слишкомъ скомпрометирова
„Въ головѣ моей — писалъ по этому поводу А. Х. Ка
В. А. Арцимовичу — не помѣщаются два, повидимому, пр
рѣчащіе факта: милостивый пріемъ вамъ у Государя и у
жденіе Щукина губернскимъ предводителемъ" [4]).

---

[1]) Смирновъ и гр. Д. Н. Толстой — предмѣстники Виктора Антонов
должности калужскаго губернатора.

[2]) Письмо А. М. Арцимовичъ отъ 15 января 1863 г.

[3]) Письмо А. М. Арцимовичъ отъ 20 января.

[4]) Письмо Капгера отъ 29 января 1863 года.

Шумныя торжества крѣпостниковъ не ограничились оваціями Щукину: они старались при этомъ всячески задѣть и оскорбить представителей противной стороны. Такъ на балу въ клубѣ къ Н. П. Щепкину привязался одинъ изъ лихвинскихъ помѣщиковъ, офицеръ одного изъ самыхъ блестящихъ полковъ, конной гвардіи, и сталъ говорить ему грубости по поводу одной составленной имъ грамоты, а когда онъ отошелъ, не отвѣчая на это, то его преслѣдовали, и по его адресу посыпалась отборная ругань. Друзья обступили его и отвели въ сторону. Н. П. Гавриловъ, одинъ изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, въ качествѣ дежурнаго старшины потребовалъ, чтобы нападавшіе на Щепкина прекратили шумъ; его окружили человѣкъ 40. Танцы прекратились. Щепкина друзья увезли домой, а Гаврилову пришлось удерживать полицію до 4 часовъ... [1]).

Впрочемъ, подобныя исторіи разыгрывались въ то время и въ другихъ городахъ: такъ въ Новгородѣ, тоже на балу, въ кровь избили посредника Владимірова.

Викторъ Антоновичъ въ письмахъ высказывалъ не разъ безпокойство, какъ бы крѣпостники не сдѣлали какой-нибудь грубости Аннѣ Михайловнѣ.

Въ губернскомъ присутствіи тоже произошелъ инцидентъ: помѣщикъ князь Несвицкій подалъ въ губернское присутствіе просьбу о понужденіи его временно-обязанныхъ крестьянъ къ уплатѣ ему оброка и жаловался на невниманіе къ его дѣлу крестьянскихъ властей, причемъ написалъ между прочимъ: „такъ какъ при прежнемъ составѣ губернскаго присутствія подобное невниманіе къ справедливымъ и законнымъ заявленіямъ г.г. помѣщиковъ оставалось всегда безъ всякихъ послѣдствій, то позвольте мнѣ имѣть надежду, что въ настоящее время, при нѣкоторыхъ перемѣнахъ, прежнее неблагонамѣренное направленіе, данное исходу крестьянскаго дѣла въ губерніи, измѣнится къ лучшему, и что во всѣхъ дѣйствіяхъ, вмѣсто произвола или собственныхъ воззрѣній, проявится точное исполненіе правилъ, предписанныхъ закономъ“.

Губернское присутствіе принявъ во вниманіе, что это прошеніе исполнено укорительныхъ выраженій и намековъ на незаконное, будто бы, направленіе присутствія, постановило прошеніе это, согласно 321 ст. улож. о наказ., передать на законное распоряженіе губернскаго правленія (въ видахъ привлеченія кн. Несвицкаго къ отвѣтственности) и при этомъ „сочло

[1]) Письмо А. М. Арцимовичъ, отъ 13 января 1863 г.

необходимымъ высказать, что и въ настоящее время, оставаясь въ томъ же составѣ, какъ было и прежде, за исключеніемъ происшедшей перемѣны въ лицѣ предсѣдателя, оно дѣйствовало и дѣйствуетъ въ духѣ законности и дѣйствія свои выражало всегда гласно, такъ что ихъ не могли не знать ни высшее правительство, ни общество; а потому, продолжая и на будущее время слѣдовать тому же законному направленію, губернское присутствіе и въ настоящемъ случаѣ считаетъ полезнымъ обратиться къ справкѣ, для того, чтобы голословные, ни на чемъ неоснованные извѣты могли обнаружиться вполнѣ, и тѣмъ оградить достоинство губернскаго присутствія отъ незаслуженныхъ обвиненій на будущее время. Изъ справки оказалось, что, по жалобѣ кн. Несвицкаго, въ присутствіи было *одно* дѣло, и что онъ, не выждавъ просимыхъ присутствіемъ свѣдѣній отъ мирового посредника, совершенно напрасно усомнился въ томъ, что губернск. присутствіе только теперь сдѣлаетъ законное распоряженіе по его жалобѣ.

Въ этомъ засѣданіи предсѣдательствовалъ вице-губернаторъ Юркевичъ, и присутствовали: прокуроръ, управляющій палатою государственныхъ имуществъ, члены отъ правительства: П. Н. Свистуновъ и кн. А. В. Оболенскій, губернскій предводитель Щукинъ и члены отъ дворянства: фонъ Ренне и Зыбинъ.

Трое послѣднихъ остались въ меньшинствѣ и подали отдѣльныя мнѣнія: Ренне и Зыбинъ—довольно умѣренное, въ которомъ, признавая выходку кн. Несвицкаго неумѣстною, полагали, однако, что онъ не имѣлъ въ виду оскорбить членовъ присутствія, а потому предлагали просто возвратить ему его прошеніе безъ разсмотрѣнія, съ ссылкою на законъ объ укорительныхъ выраженіяхъ; Щукинъ же написалъ самъ довольно „укорительное“ мнѣніе по адресу прежняго большинства, въ которомъ, хотя и соглашался, что прошеніе нужно возвратить кн. Несвицкому, находилъ, однако, что нельзя возражать ему отъ лица всего присутствія, что оно всегда дѣйствовало и дѣйствуетъ въ духѣ законности, въ чемъ самъ Щукинъ выражалъ сомнѣніе, а потому и находилъ возраженіе Несвицкому и похвалы себѣ со стороны присутствія излишними, „какъ потому, что онѣ могутъ быть несправедливы, такъ и потому, что словами нельзя заставить никого увѣриться въ законности дѣйствій присутствія—общество судитъ о томъ по самымъ дѣламъ его“ [1]).

Въ этомъ случаѣ большинство состоялось въ пользу такой

---

[1]) Приложеніе къ №№ 7 и 8 Калуж. Губ. Вѣдомостей за 1863 годъ.

энергичной отповѣди кн. Несвицкому, какъ можно думать, судя по послѣдовавшимъ затѣмъ обстоятельствамъ, только потому, что предсѣдательствовалъ, въ отсутствіе новаго губернатора, вице-губернаторъ Юркевичъ, и можно весьма усомниться, чтобы Лерхе согласился на такую поддержку прежняго режима и направленія; а если бы онъ оказался на сторонѣ меньшинства, то оно этимъ самымъ превратилось бы въ большинство, даже если бы прокуроръ и управляющій палатой остались при прежнемъ мнѣніи, потому что и въ этомъ случаѣ на каждой сторонѣ было бы по 4 голоса, причемъ голосъ предсѣдателя давалъ бы перевѣсъ. Такъ оно вскорѣ и оказалось, и подавать отдѣльныя мнѣнія пришлось уже не Щукину, Ренне и Зыбину, а князю Оболенскому и Свистунову.

Лерхе оказался очень скоро на сторонѣ дворянъ, и если крестьянское дѣло могло еще нѣкоторое время сохранять въ общемъ свой законный ходъ, то только благодаря той самостоятельности и независимости мировыхъ властей, которая предоставлена была имъ по закону, и отъ которой они не пожелали отступиться.

Между новымъ начальникомъ губерніи и мировыми крестьянскими учрежденіями началась глухая и упорная борьба, продолжавшаяся и при преемникѣ г. Лерхе г. Спасскомъ, который смѣнилъ его черезъ годъ.

Хотя Виктору Антоновичу въ январѣ обѣщали въ министерствѣ поддержку Свистунову и кн. Оболенскому въ ихъ трудной дѣятельности въ губернскомъ присутствіи, но уже въ апрѣлѣ князь А. В. Оболенскій былъ внезапно уволенъ отъ занимаемой имъ должности, безъ всякаго желанія съ своей стороны и даже безъ объясненія причинъ.

Въ особой запискѣ, составленной самимъ княземъ А. В. Оболенскимъ для представленія ея министру внутр. дѣлъ, князь, между прочимъ, писалъ по этому поводу: „Внезапное удаленіе меня изъ членовъ присутствія, безъ объясненія причинъ, поразило какъ меня, такъ и всѣхъ честныхъ дѣятелей калужской губерніи: я служилъ въ оной болѣе 10 лѣтъ, сперва товарищемъ предсѣдателя и прокуроромъ, потомъ предсѣдателемъ палаты (угол. суда), по выбору дворянства; былъ членомъ комитета объ улучшеніи быта крестьянъ и въ ономъ былъ избранъ въ члены редакціонной комиссіи, затѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ для представленія объясненій по проекту, составленному меньшинствомъ членовъ комитета. Съ Высочайшаго соизволенія, былъ приглашенъ въ члены временной комиссіи, ко-

торая и была впослѣдствіи переименована въ губернское присутствіе. При приглашеніи меня къ принятію послѣдней должности мнѣ было предъявлено, что „Правительство ожидаетъ отъ меня самаго живого и искренняго сочувствія къ предпринятому дѣлу улучшенія крестьянскаго быта, что Высшее Правительство особенно дорожитъ, чтобы для пользы дѣла въ составъ губернскаго присутствія вошли люди вполнѣ самостоятельные, что съ этою цѣлью предполагается дѣла въ семъ учрежденіи рѣшать не иначе, какъ коллегіальнымъ порядкомъ, по большинству голосовъ, и что, кромѣ участія въ совѣщаніяхъ, я не буду нести никакихъ посторонних служебныхъ обязанностей безъ положительнаго на то моего согласія".—Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій я принялъ эту должность. С. Е. В. генералъ-маіоръ Кознаковъ и сенаторъ Капгеръ могутъ засвидѣтельствовать о моихъ дѣйствіяхъ по крестьянскому дѣлу. По представленію перваго я удостоился получить именное Высочайшее благоволеніе, по представленію второго—Высочайшую награду.

„Дѣйствія мои по присутствію могутъ быть обслѣдованы ежели обратятъ вниманіе на большое количество докладовъ мною составленныхъ. По моимъ собственнымъ имѣніямъ выкупные договоры уже утверждены, и я окончательно разошелся съ крестьянами, по добровольному съ ними соглашенію, обезпечивъ по совѣсти, ихъ бытъ и бо̀льшимъ надѣломъ земли, чѣмъ слѣдовало по Положенію, и меньшимъ оброкомъ.

„Все это факты, которые не могутъ быть опровергнуты, я прошу ваше высокопревосходительство дать мнѣ возможность раскрыть истину и доказать Государю, что, бывъ приглашенъ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, для засѣданій въ Присутствіи, я постоянно охранялъ законъ во всей его чистотѣ, поддерживалъ постоянно элементъ правительственный, несмотря на борьбу и оппозицію, на которую шелъ сознательно, принимая на себя обязанности члена отъ Правительства".

Вслѣдъ затѣмъ подалъ въ отставку и другой членъ отъ правительства П. Н. Свистуновъ. При этомъ онъ написалъ министру внутр. дѣлъ П. А. Валуеву слѣдующее письмо [1]:
„М. Г. Петръ Александровичъ.

„Направленіе, принятое въ послѣднее время калужскимъ губернскимъ присутствіемъ, съ удаленіемъ изъ онаго члена отъ

[1]) Копія этого письма, сообщенная самимъ Свистуновымъ, находится въ архивѣ В. А. Арцимовича.

правительства князя А. В. Оболенскаго, до такой степени ослабило въ этомъ учрежденіи правительственный элементъ, что я чувствую совершенную невозможность быть полезнымъ на томъ мѣстѣ, которое занималъ по приглашенію предмѣстника вашего высокопревосходительства и на которомъ трудился по мѣрѣ силъ, въ видахъ безпристрастнаго и правдиваго примѣненія къ крестьянскому дѣлу Положеній 19 февраля. Вслѣдствіе сего имѣю честь обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ вашему высокопревосходительству, дабы испросить всемилостивѣйшее разрѣшеніе на увольненіе меня отъ занимаемой мною должности, принявъ въ уваженіе ту причину, которая вынуждаетъ меня отстранить себя отъ участія въ дѣлахъ калужскаго губернскаго присутствія.

„Я считаю долгомъ открыть в. в—ству эту настоящую и притомъ единственную причину моего выхода, какъ для вашихъ собственныхъ соображеній о теперешнемъ значеніи калужскаго присутствія, такъ и въ огражденіе самого себя. По моему глубокому убѣжденію, крайне усилившееся въ присутствіи преобладаніе сословнаго вліянія нарушаетъ равновѣсіе между требованіями крестьянской реформы и отстаиваніемъ помѣщичьихъ интересовъ и потому не представляетъ болѣе ручательства въ безпристрастномъ веденіи дѣла. Не желая подвергаться впослѣдствіи тяжелой отвѣтственности за все, что могло бы въ немъ быть совершено въ ущербъ тѣмъ правамъ крестьянъ, которыя дарованы имъ Высочайшею властью, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, не въ состояніи, при измѣнившемся составѣ калужскаго присутствія, поддерживать съ достоинствомъ правительственное начало, котораго считалъ себя обязаннымъ, по моему званію, быть нелицемѣрнымъ и неуклоннымъ представителемъ.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.“

Послѣ выхода кн. Оболенскаго и Свистунова [1]) въ губернскомъ присутствіи водворилась, конечно, полная тишина и согласіе, и учрежденіе это превратилось въ обыкновенное учрежденіе того коллегіально-бюрократическаго типа, въ которомъ коллегіальное начало служитъ лишь къ упраздненію или, по крайней мѣрѣ, къ значительному умаленію личной отвѣтственности, но ни въ какомъ отношеніи не приноситъ пользы дѣлу, потому что необходимѣйшимъ условіемъ полезности коллегіальнаго обсужденія дѣлъ является независимость и полная самостоятельность членовъ коллегіи. Это условіе, съ выходомъ въ

---

[1]) Въ маѣ ушелъ и секретарь присутствія А. П. Ламанскій.

отставку Свистунова и Оболенскаго, въ калужскомъ присутствіи совершенно исчезло.

Со вступленіемъ въ должность новаго губернатора прежнія формы начальническаго усмотрѣнія и произвола, вмѣсто строгаго исполненія закона и охраны законныхъ правъ населенія, опять вошли въ обычай и въ силу, такъ что вскорѣ уже стало совершенно очевидно, что „оградить народъ отъ ужасовъ палочнаго и самоуправнаго управленія“, какъ мечталъ о томъ Викторъ Антоновичъ, оставшимся въ Калугѣ его честнымъ сотрудникамъ не удастся. Яркимъ примѣромъ новаго порядка вещей служитъ то направленіе, которое далъ дѣламъ о безпорядкахъ въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ мосальскихъ помѣщиковъ новый губернаторъ, впрочемъ руководствовавшійся въ этомъ случаѣ непосредственными указаніями, преподанными ему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [1]).

Въ одной изъ деревень въ имѣніи извѣстнаго крѣпостника помѣщика Потулова, мосальскаго уѣзда, крестьяне не согласились на условія перехода на оброкъ, предложенныя помѣщикомъ, и остались на издѣльной повинности, но три домохозяина, вопреки рѣшенію міра, перешли на оброкъ, и Потуловъ заключилъ съ ними особыя сдѣлки. Желая досадить обществу, онъ сталъ требовать, чтобы оброкъ эти крестьяне доставляли ему черезъ старосту. Міръ возсталъ противъ этого, и староста отказался носить ему этотъ оброкъ. Тогда Потуловъ обратился къ посреднику, заявляя, что онъ не желаетъ имѣть съ крестьянами сношенія помимо старосты. Мировой посредникъ (одинъ изъ неудачныхъ), поддавшись Потулову, призналъ это требованіе законнымъ, хотя по закону помѣщикъ могъ требовать посредства старосты въ своихъ сношеніяхъ *съ обществомъ*, но никакъ не съ отдѣльными домохозяевами. Міръ, однако, настоялъ на своемъ и староста не послушался и посредника. Тогда посредникъ уволилъ старосту, какъ ослушника его будто бы основанныхъ на законѣ приказаній, и назначилъ на его мѣсто другого—одного изъ тѣхъ трехъ крестьянъ, которые заключили сдѣлки съ помѣщикомъ. Крестьяне отказались признать этого старосту и заявили, что не отдадутъ ему знака (бляхи), присвоеннаго старостамъ. Посредникъ ихъ уговаривалъ, стращалъ, призывалъ на помощь

[1]) При этомъ съ грустью приходится сознаться, что новому курсу этого министерства, данному Валуевымъ, отнюдь не воспрепятствовало ближайшее участіе въ завѣдываніи крестьянскимъ дѣломъ Я. А. Соловьева, который преспокойно скрѣплялъ бумаги, поощрявшія незаконныя и произвольныя дѣйствія такихъ губернаторовъ, какимъ былъ новый калужскій—г. Лерхе.

исправника, но ничто не помогало. Тогда въ январѣ 1863 г. Потуловъ донесъ обо всемъ этомъ новому губернатору. Отъ посредника потребовали объясненій. Онъ далъ въ двухъ представленіяхъ своихъ въ губернское присутствіе сбивчивыя и противорѣчивыя объясненія. Между тѣмъ, Лерхе отправилъ на мѣсто жандармскаго штабъ-офицера съ исправникомъ, а самъ донесъ объ этомъ случаѣ въ министерство, испрашивая указаній. Изъ министерства ему отвѣчали [1]), что въ такихъ случаяхъ надо употреблять быстрыя и рѣшительныя мѣры. Когда уговоры жандармскаго полковника и исправника не привели ни къ чему, то по указанію мѣстныхъ властей были арестованы и посажены въ острогъ два крестьянина, какъ зачинщики безпорядковъ, а въ деревню поставлена была рота солдатъ. Но и это нисколько не подвинуло дѣла. Тогда Лерхе отправился на мѣсто самъ и послѣ неудачныхъ переговоровъ и увѣщаній, въ виду полнаго единодушія упорствующихъ крестьянъ, которые на всѣ его доводы отказывались передать знакъ незаконно назначенному имъ старостѣ и спокойно просили прежде разобрать ихъ законныя жалобы, приказалъ высѣчь въ своемъ присутствіи „каждаго пятаго". Но и это не поколебало увѣренности крестьянъ въ своемъ правѣ, въ виду чего Лерхе велѣлъ взять высѣченныхъ крестьянъ и посадить ихъ, какъ упорныхъ и закоренѣлыхъ ослушниковъ, въ острогъ. Однако, и эта мѣра не повела къ желанному результату, и крестьяне такъ-таки знака не возвратили и назначеннаго посредникомъ старосту признавать не согласились. Тогда только Лерхе передалъ это дѣло губернскому присутствію, указывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ основательно, на цѣлый рядъ промаховъ и незаконныхъ дѣйствій мирового посредника. Въ этомъ характерномъ эпизодѣ обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что крестьяне все время вполнѣ исправно отбывали свои издѣльныя повинности, даже незаконно увеличенныя посредникомъ, который, въ видѣ мѣры понужденія или, какъ онъ называлъ, штрафа, приказалъ имъ отбывать барщину и за тѣ три двора, которые перешли на оброкъ и уже уплатили его помѣщику, такъ что послѣдній, въ сущности, не имѣлъ никакого повода и основанія поднимать всю эту исторію.

Этотъ возмутительный эпизодъ князь А. В. Оболенскій привелъ въ своей вышеупомянутой запискѣ П. А. Валуеву, какъ весьма яркій примѣръ, характеризующій, „пріемы произвола,

[1]) Отъ 16 марта 1863 г., № 3334—за подписью Валуева и скрѣпою Я. А. Соловьева.

свойственные прежнему отмѣненному крѣпостному порядку", отъ котораго населеніе стало отвыкать при Арцимовичѣ и которые вознамѣрился противозаконно возстановить новый губернаторъ [1]).

„Подобное направленіе—писалъ въ той же запискѣ кн. А. В. Оболенскій—возбудитъ сильное негодованіе въ людяхъ, преданныхъ дѣлу и усердно трудившихся для него, удалитъ отъ дѣятельности лучшихъ посредниковъ, предастъ всю крестьянскую реформу въ руки тѣхъ людей, которые готовы ее исказить, и возбудитъ въ народѣ полное недовѣріе къ правительству. Имѣя возможность на мѣстѣ предвидѣть всѣ послѣдствія, я считаю долгомъ совѣсти, при оставленіи мною должности члена присутствія, заявить объ этомъ вашему высокопревосходительству".

Послѣ удаленія В. А. Арцимовича почувствовали невозможность служить при новомъ режимѣ даже и люди, гораздо менѣе принципіальные, нежели кн. А. В. Оболенскій или П. Н. Свистуновъ. Вице-губернаторъ Н. И. Юркевичъ, котораго Викторъ Антоновичъ засталъ уже въ Калугѣ на этомъ мѣстѣ, просилъ теперь, чтобы его перевели куда-нибудь [2]). Совѣтника губернскаго правленія Смоленскаго и членовъ отъ правительства въ мировыхъ съѣздахъ Гаврилова и Грешищева перевели изъ Калуги въ Вильну, помимо ихъ воли [3]). Туда же—въ сѣверо-западный край, для работъ по крестьянскому дѣлу, приглашали перейти и лучшихъ посредниковъ, но они не согласились уйти со своихъ постовъ, пока не закончатъ любимаго и священнаго для нихъ дѣла, а перевести ихъ безъ ихъ согласія было, къ

---

[1]) Мы разсказали, впрочемъ, всю эту исторію не по короткому изложенію князя Оболенскаго, а по копіямъ съ подлинныхъ документовъ, имѣющихся въ архивѣ В. А. Арцимовича.

[2]) „Добрый Юркевичъ — писалъ 6 марта 1863 г. М. Н. Жемчужниковъ—былъ у меня и передалъ, что Валуевъ принялъ его въ общемъ пріемѣ не особенно любезно; о Калугѣ и дѣлахъ не говорилъ, но сказалъ, что пригласитъ его вечеромъ. Тройницкому (тогдашнему товарищу министра) Юркевичъ объяснилъ свое непріятное положеніе, сравнивая себя съ *обломкомъ устроенной тобою машины, неподходящимъ къ той, которая созидается новымъ правителемъ губерніи по системѣ Щукина*; потому онъ и желаетъ быть перемѣщеннымъ изъ Калуги..."

[3]) Н. И. Юркевичъ писалъ В. А. Арцимовичу отъ 22 мая 1863 г.: „Вѣроятно, вамъ болѣе или менѣе извѣстно уже придуманное нашимъ начальствомъ распоряженіе, по которому предложено Грешищеву, Гаврилову и Смоленскому отправиться немедленно въ западныя губерніи, въ распоряженіе генералъ-губернатора Муравьева".

Другой совѣтникъ губернскаго правленія перешелъ, при содѣйствіи Б. К. Грота, на службу въ министерство финансовъ, пріютившее и бывшаго калужскаго прокурора Н. П. Трузсона.

частью, невозможно, такъ какъ они по закону поставлены были ъ особое независимое положеніе и утверждались въ своихъ олжностяхъ Сенатомъ [1])

Посредники же продолжали держаться самостоятельно, пожая Лерхе на своихъ съѣздахъ въ Калугѣ своимъ свободоыслiемъ и независимостью сужденій, даже когда дѣло касалось итики министерскихъ распоряженій. А, между тѣмъ, запреть эти съѣзды представлялось неудобнымъ, потому что они лучили косвенную санкцію Императора въ той Высочайшей золюціи на отчетѣ Капгера, которая, по заведенному порядку, фиціально была передана какъ губернатору, такъ и самимъ естьянскимъ учрежденіямъ.

Независимость взглядовъ и дѣйствій мировыхъ посредниковъ, изнававшихъ для себя обязательными лишь такія распоряенія даже высшаго начальства, которыя были основаны на занѣ, очень коробили и затрудняли и Лерхе, и самого П. А. алуева.

Характерный случай подобнаго рода произошелъ по поводу ного министерскаго распоряженія о хлѣбозапасныхъ магазихъ. При крѣпостномъ правѣ обязанность содержать запасный агазинъ и хлѣбъ, вносимый крестьянами, лежала (по 140—49 ст. XIII т. св. зак., изд. 1857 г.) на помѣщикахъ. Порка запасовъ и учетъ ихъ лежалъ на предводителяхъ дворянва, попечителяхъ магазиновъ и самихъ помѣщикахъ (ст. 161). ъ случаяхъ растраты запасовъ помѣщики подвергались уголовй отвѣтственности, и дѣла этого рода производились слѣдственымъ порядкомъ.

При крѣпостномъ правѣ все это совершалось очень плохо по многимъ магазинамъ никакой отчетности не было вовсе.

[1]) Приглашеніе это, какъ разсказывалъ мнѣ лично Н. П. Щепкинъ, поано было отъ Высочайшаго имени, въ видѣ печатнаго циркуляра. Въ этомъ иглашеніи было сказано, что приглашаются лучшіе посредники, доказавшіе вою преданность дѣлу, и т. п. Н. П. Щепкинъ, подозрѣвавшій тутъ просто хиость, направленную къ выкуриванію ихъ изъ калужской губерніи, написалъ въ вѣть, что, такъ какъ „онъ не знаетъ, принадлежитъ ли онъ къ „лучшимъ", о и не считаетъ возможнымъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ". Въ таомъ же духѣ отвѣтили и другіе посредники.

Впрочемъ, Викторъ Антоновичъ, на основаніи своей бесѣды съ Соловьеымъ, писалъ въ письмѣ къ женѣ (отъ 24 февраля 1863 г.), что подозрѣніе поредниковъ объ особомъ умыслѣ въ этомъ случаѣ невѣрно, и что ихъ приглаали по мысли Соловьева, единственно изъ желанія подвинуть крестьянское ѣло въ западномъ краѣ. Однако, самая подозрительность посредниковъ въ томъ случаѣ характерна!

Между тѣмъ передача магазиновъ крестьянскимъ обществамъ должна была совершиться, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, подъ надзоромъ мировыхъ посредниковъ, которымъ предложено было произвести и повѣрку магазиновъ.

Въ первое время послѣ реформы мировые посредники, отвлеченные другими неотложными дѣлами, мало обратили вниманія на это распоряженіе; но въ концѣ 1862 г., когда многіе изъ нихъ приступили къ этому дѣлу, возникъ вопросъ, какъ быть съ массой оказавшихся растратъ и недочетовъ.

Калужское губернское присутствіе, разсмотрѣвшее этотъ вопросъ передъ самымъ отъѣздомъ В. А. Арцимовича—21 декабря 1862 г., нашло [1]), что вести эти дѣла въ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія было бы чрезвычайно затруднительно и по неимѣнію въ наличности нужнаго числа слѣдователей, и особенно потому, что, слѣдуя своему основному взгляду, оно полагало, что всѣ имущественные споры и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами должны, послѣ реформы 19 февраля 1861 г., вестись исключительно въ гражданскомъ порядкѣ. Поэтому оно полагало возложить разборъ такихъ дѣлъ на мировыхъ посредниковъ и мировые съѣзды. Съ этимъ предположеніемъ присутствія согласилось и министерство, указавшее, между прочимъ [2]), что „если будутъ возникать жалобы со стороны крестьянъ на растрату хлѣба помѣщиками, то надлежитъ мировымъ посредникамъ, для устраненія формальныхъ слѣдствій, стараться о миролюбивомъ соглашеніи крестьянъ съ помѣщиками, а когда таковаго соглашенія не послѣдуетъ, постановлять свои рѣшенія, кои въ общемъ порядкѣ могутъ быть обжалуемы недовольными сторонами мировымъ съѣздамъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, изъ которыхъ послѣднія должны разсматривать такого рода дѣла въ соединенномъ засѣданіи съ губернскою продовольственною комиссіею“ [3]).

Нетрудно замѣтить, что вопросъ этотъ требовалъ, во всякомъ случаѣ, законодательнаго разрѣшенія, и потому распоряженіе министерства, какъ бы ни смотрѣть на него по существу дѣла, было незаконно.

Такъ и отнесся къ нему мировой посредникъ Щепкинъ, который отказался исполнять его, о чемъ и сообщилъ губернскому

---

[1]) Приложеніе къ № 3 Калужск. Губерн. Вѣдомостей, за 1863 г., стр. 7—10.

[2]) Прилож. къ № 19 Калужск. Губерн. Вѣдомостей за 1863 г., стр. 9—10.

[3]) Это распоряженіе сдѣлано было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (отъ 19 апрѣля 1863 года, за № 2963, по хозяйственному департаменту).

сутствію, съ ссылкою на подлежащую статью основныхъ законовъ. Губернаторъ Лерхе донесъ объ этомъ обстоятельствѣ министру, и П. А. Валуевъ положилъ на этомъ донесеніи такую (приблизительно) [1]) резолюцію: „Зналъ Щепкина (онъ служилъ ...мъ прежде въ министерствѣ государственныхъ имуществъ) порядочнаго человѣка, но и онъ подъ вліяніемъ Арцимовича, видно, превратился въ бунтовщика“.

Не имѣя возможности ввести мировыхъ посредниковъ въ ...ницы, назначенныя для нихъ П. А. Валуевымъ, противъ наи...ѣе строптивыхъ изъ нихъ придумали слѣдующую оригинальную мѣру: возбудили вопросъ о дороговизнѣ этого учреженія для земскаго кармана, о сокращеніи дѣлъ (хотя въ ...ствительности мировые посредники не успѣвали исполнить ...срокъ лежавшей на нихъ работы, напр., введенія уставныхъ грамотъ), и отсюда вывели заключеніе о необходимости сократь число участковъ. И хотя мировые посредники, узнавъ объ ...мъ предположеніи, просили оставить число участковъ прежнее, ...ъ видахъ удешевленія своего содержанія предлагали поступиться частью своего жалованья, уменьшивъ его съ 1500 до ...0 рублей въ годъ, тѣмъ не менѣе предположеніе о сокра...ніи числа участковъ было осуществлено. Разумѣется, упраздн...ы были при этомъ участки тѣхъ мировыхъ посредниковъ, ...орые славились своею строптивостью, причемъ сами они ...и „оставлены за штатомъ“. При этомъ дѣйствовали съ такою ...молинейностью, что когда умеръ одинъ посредникъ, то его ...стокъ не упразднили, а назначили на его мѣсто кандидата, ...твѣтствовавшаго видамъ новой администраціи, и затѣмъ упразд...и участокъ сосѣдняго мирового посредника, оставивъ его за штатомъ [2]).

Но и эта мѣра не вполнѣ достигла цѣли, и мировые посредники съ честью докончили главную изъ лежавшихъ на ...хъ обязанностей — составленіе и повѣрку уставныхъ грамотъ — ...томъ духѣ, въ какомъ имъ предписывалъ это законъ, цир...ляры прежняго министра и наставленія прежняго губерна...ра, а равно и ихъ собственная совѣсть.

Въ этомъ отношеніи дѣло было доведено до конца, и если ...иктору Антоновичу Арцимовичу не удалось избавить навсегда ...лужскую губернію отъ административнаго произвола и си-

---

[1]) Текстъ этой резолюціи приблизительно передалъ Н. П. Щепкину бывшій ...равляющій земскимъ отдѣломъ, впослѣдствіи сенаторъ Барыковъ.

[2]) Сообщено Н. П. Щепкинымъ.

Между тѣмъ передача магазиновъ крестьянскимъ общ
должна была совершиться, по распоряженію министра в
нихъ дѣлъ, подъ надзоромъ мировыхъ посредниковъ, ко
предложено было произвести и повѣрку магазиновъ.

Въ первое время послѣ реформы мировые посредники
ченные другими неотложными дѣлами, мало обратили в
на это распоряженіе; но въ концѣ 1862 г., когда мно
нихъ приступили къ этому дѣлу, возникъ вопросъ, ка
съ массой оказавшихся растратъ и недочетовъ.

Калужское губернское присутствіе, разсмотрѣвшее э
просъ передъ самымъ отъѣздомъ В. А. Арцимовича—21
1862 г., нашло [1]), что вести эти дѣла въ порядкѣ уго
преслѣдованія было бы чрезвычайно затруднительно и
имѣнію въ наличности нужнаго числа слѣдователей, и о
потому, что, слѣдуя своему основному взгляду, оно п
что всѣ имущественные споры и недоразумѣнія между п
ками и крестьянами должны, послѣ реформы 19 февраля 1
вестись исключительно въ гражданскомъ порядкѣ. Поэто
полагало возложить разборъ такихъ дѣлъ на мировыхъ
никовъ и мировые съѣзды. Съ этимъ предположеніемъ при
согласилось и министерство, указавшее, между прочимъ
„если будутъ возникать жалобы со стороны крестьянъ на р
хлѣба помѣщиками, то надлежитъ мировымъ посредника
устраненія формальныхъ слѣдствій, стараться о мирол
соглашеніи крестьянъ съ помѣщиками, а когда таково
шенія не послѣдуетъ, постановлять свои рѣшенія, кои в
порядкѣ могутъ быть обжалуемы недовольными сторона
вымъ съѣздамъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣлам
ствіямъ, изъ которыхъ послѣднія должны разсматрива
рода дѣла въ соединенномъ засѣданіи съ губернскою
ственною комиссіею" [3]).

Нетрудно замѣтить, что вопросъ этотъ требовалъ,
случаѣ, законодательнаго разрѣшенія, и потому р
министерства, какъ бы ни смотрѣть на него по су
было незаконно.

Такъ и отнесся къ нему мировой посредникъ І
торый отказался исполнять его, о чемъ и сообщил

---

[1]) Приложеніе къ № 3 Калужск. Губернск. Вѣдомостей, за
[2]) Прилож. къ № 19 Калужск. Губернск. Вѣдомостей за
[3]) Это распоряженіе сдѣлано было министерствомъ внут
19 апрѣля 1863 года, за № 2963, по хозяйственному департ

, съ ссылкою на подлежащую статью основныхъ за-
бернаторъ Лерхе донесъ объ этомъ обстоятельствѣ
П. А. Валуевъ положилъ на этомъ донесеніи такую
ельно) [1]) резолюцію: „Зналъ Щепкина (онъ служилъ
режде въ министерствѣ государственныхъ имуществъ)
наго человѣка, но и онъ подъ вліяніемъ Арцимовича,
превратился въ бунтовщика“.

ѣя возможности ввести мировыхъ посредниковъ въ
азначенныя для нихъ П. А. Валуевымъ, противъ наи-
оптивыхъ изъ нихъ придумали слѣдующую ориги-
ѣру: возбудили вопросъ о дороговизнѣ этого учре-
я земскаго кармана, о сокращеніи дѣлъ (хотя въ
ьности мировые посредники не успѣвали исполнить
ежавшей на нихъ работы, напр., введенія уставныхъ
отсюда вывели заключеніе о необходимости сокра-
участковъ. И хотя мировые посредники, узнавъ объ
положеніи, просили оставить число участковъ прежнее,
ъ удешевленія своего содержанія предлагали посту-
тью своего жалованья, уменьшивъ его съ 1500 до
ей въ годъ, тѣмъ не менѣе предположеніе о сокра-
участковъ было осуществлено. Разумѣется, упразд-
при этомъ участки тѣхъ мировыхъ посредниковъ,
звились своею строптивостью, причемъ сами они
лены за штатомъ“. При этомъ дѣйствовали съ такою
остью, что когда умеръ одинъ посредникъ, то его
упразднили, а назначили на его мѣсто кандидата,
вшаго видамъ новой администраціи, и затѣмъ упразд-
ъ сосѣдняго мирового посредника, оставивъ его за

мѣра не вполнѣ достигла цѣли, и мировые по-
честью докончили главную изъ лежавшихъ на
тей — составленіе и повѣрку уставныхъ грамотъ —
ъ какомъ имъ предписывалъ это законъ, цир-
министра и наставленія прежняго губерна-
ихъ собственная совѣсть.

ношеніи дѣло было доведено до конца, и если
вичу Арцимовичу не удалось избавить навсегда
рнію отъ административнаго произвола и си-

[1]) …люціи приблизительно передалъ Н. П. Щепкину бывшій
…чѣломъ, впослѣдствіи сенаторъ Барыковъ.
…Щепкинымъ.

него зломъ и вносилъ въ жизнь правду и свѣтъ... И чѣмъ-то молодымъ, несказанно отраднымъ и бодрымъ, точно первымъ весеннимъ тепломъ, повѣяло на мою немолодую уже душу отъ всѣхъ этихъ свѣтлыхъ воспоминаній о трехъ лучшихъ годахъ моей жизни и молодой моей дѣятельности, проведенныхъ подъ руководствомъ такого идеальнаго вождя, какимъ былъ Викторъ Антоновичъ. О, какъ безконечно я благодаренъ вамъ, что вы перенесли меня въ этотъ чистый завѣтный міръ, полный такихъ освѣжающихъ, молодящихъ воспоминаній! Еще болѣе я благодаренъ вамъ за ваше столь лестное приглашеніе принять участіе въ осуществленіи вполнѣ справедливой и глубоко симпатичной мысли увѣковѣчить разнообразную и многотрудную дѣятельность Виктора Антоновича воспроизведеніемъ воспоминаній о немъ.

Въ концѣ прошлаго года я, съ своей стороны, приступилъ было уже къ тому, задумавъ помѣстить въ одномъ изъ историческихъ журналовъ очеркъ подъ заглавіемъ, „19 февраля 1861 г. въ калужской губерніи", и посвятить его Виктору Антоновичу, но съ горемъ и понятной досадой долженъ былъ отказаться отъ осуществленія этого намѣренія, потому что на письменную просьбу мою доставить мнѣ производства временъ Виктора Антоновича объ образованіи и работахъ Комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, а также объ объявленіи Манифеста объ освобожденіи ихъ и приведеніи въ дѣйствіе Положеній о томъ, я получилъ, хотя и вѣжливый, но крайне странный отказъ, мотивированный тѣмъ, что такъ какъ всѣ бумаги по крестьянскому дѣлу писались въ секретномъ порядкѣ, адресованы были на имя Виктора Антоновича, составляли его личный секретъ, и никто не былъ уполномоченъ Викторомъ Антоновичемъ открывать постороннимъ лицамъ личные секреты его, то бумаги не могутъ быть мнѣ высланы. Сдѣлаю еще разъ попытку достать изъ Калуги необходимый матеріалъ для задуманной мною статьи, и если успѣю въ томъ, то съ полнымъ наслажденіемъ займусь обработкой его, имѣя прежде всего, конечно, въ виду, насколько достанетъ у меня умѣнья, возстановить дѣятельность Виктора Антоновича въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ. При этомъ, позвольте заранѣе оговориться, что при той массѣ дѣлъ, которою я подавленъ, мнѣ придется работать надъ статьей урывками, и потому нельзя ожидать ее отъ меня скоро [1]). Но зато съ какимъ наслажденіемъ я буду переживать въ ней Виктора Антоновича и дѣятельность его въ Ка-

---

[1]) Н. В. Сахарову, къ сожалѣнію, такъ и не удалось написать задуманной статьи.

лугѣ! ...Какъ человѣкъ просвѣщенный, глубоко сознавая все историческое величіе святой идеи освобожденія крестьянъ и всю важность выпавшей на его счастливую долю задачи послужить этому дѣлу, Викторъ Антоновичъ отдалъ ему всю свою искренность, всѣ громадныя силы своей великой души, и велъ его далеко не такъ, какъ протащили это святое, великое дѣло гг. губернаторы сосѣднихъ и даже не однѣхъ сосѣднихъ губерній... Съ своей стороны, позвольте и мнѣ обратиться къ вамъ съ большой просьбой! У меня есть еще калужская фотографія Виктора Антоновича, но нѣтъ петербургской, и вы очень обрадуете меня ею, если у васъ есть запасный экземпляръ. Да ниспошлетъ Господь вамъ и всей вашей семьѣ всѣ свои лучшія блага и миръ чистой души Виктора Антоновича".

I.

Объявленіе „воли" въ калужской губерніи.

Обнародованіе великой хартіи 19 февраля 1861 года о сверженіи вѣкового рабскаго ярма съ истомленныхъ плечъ нашихъ деревенскихъ согражданъ и о нарожденіи на дорогой нашей отчизнѣ новой эры свѣтлой, свободной общественной жизни совершилось въ Калугѣ и въ калужской губерніи 9, 10, 11 и 12 марта.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ совершился въ другихъ губерніяхъ этотъ историческій актъ, но въ калужской губерніи, которою тогда управлялъ В. А. Арцимовичъ, человѣкъ самъ историческій, онъ совершенъ такъ.

Телеграмму о томъ, что Государемъ подписаны 19 февраля 1861 года манифестъ, распорядительный указъ и Положеніе о возвращеніи крѣпостнымъ крестьянамъ свободы, В. А. Арцимовичъ получилъ изъ Петербурга тотчасъ же вслѣдъ за подписаніемъ этихъ актовъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ циркуляръ отъ 21 того же февраля, за № 5, и небольшое количество экземпляровъ манифеста и распорядительнаго указа. Циркуляромъ предписывался порядокъ обнародованія ихъ и раздачи Положеній. Такъ какъ Положенія не были напечатаны въ достаточномъ количествѣ для раздачи ихъ по освобожденнымъ губерніямъ, то, чтобы преждевременно не волновать народъ, циркуляръ министра былъ „секретный".

Получивъ эти акты, всѣ свои помышленія, заботы и распоряженія В. А. Арцимовичъ направилъ къ тому, во-1-хъ, чтобъ

обнародованіе и раздачу новыхъ законоположеній совершить быстро и одновременно, и во-2-хъ, чтобы придать этимъ дѣйствіямъ характеръ публичности и оффиціальности. Такого образа дѣйствій требовали и личныя побужденія В. А. Арцимовича—наивозможно шире, скорѣе и громче пронести во всѣ концы калужской губерніи такъ долго и томительно жданную вѣсть о новой свободной жизни и внести въ заждавшіяся крестьянскія души „миръ и благоволеніе", а еще болѣе—общія административныя соображенія, и, въ частности, положеніе калужской администраціи. „Во всемъ государствѣ, писалъ впослѣдствіи В. А. Арцимовичъ въ своей запискѣ ревизовавшему калужскую губернію сенатору Капгеру, слышалось неудовольствіе среди дворянства на ожидаемое паденіе крѣпостного права, и выражалось недовѣріе къ благоразумію и умѣренности крестьянъ. Въ калужской губерніи проявленія эти имѣли особое значеніе, по причинѣ преобладающаго вліянія крѣпостной партіи и явнаго сочувствія къ ней большей части предводителей дворянства. Такое положеніе калужской губерніи требовало предусмотрительнаго плана дѣйствій. Притомъ, хотя крестьяне вообще были спокойны, но важность предстоявшаго для нихъ преобразованія, о которомъ до сего времени они могли судить по однимъ только неопредѣленнымъ слухамъ, заставляла сомнѣваться въ томъ, что дѣло обойдется безъ недоразумѣнія съ ихъ стороны. А потому предстояла настоятельная необходимость въ немедленномъ посвященіи выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ въ смыслъ новаго закона и въ уясненіи имъ новыхъ отношеній, обязанностей и правъ, опредѣляемыхъ этимъ закономъ. Между тѣмъ, такъ какъ многіе исправники, служившіе по выборамъ дворянства, нуждались въ подготовительныхъ наставленіяхъ, а со стороны духовенства требовалось содѣйствіе при объявленіи манифеста, то, для установленія однообразныхъ правилъ обнародованія манифеста и раздачи Положеній, были приглашены въ Калугу всѣ исправники и благочинные". Приглашеніе благочинныхъ сдѣлано было, конечно, по предварительномъ сношеніи В. А. Арцимовича съ епархіальнымъ начальствомъ. Въ то же время изъ лицъ губернской администраціи была составлена временная комиссія, подъ предсѣдательствомъ В. А. Арцимовича, спеціально для детальной выработки правилъ обнародованія манифеста и раздачи Положеній, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

Исправники и благочинные тотчасъ же съѣхались въ Калугу со всей губерніи и приступили къ составленію правилъ

...воспоминаній о Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ.

Николая Васильевича Сахарова.

...ьмо Н. В. Сахарова къ А. М. Арцимовичъ [1]).

...ко и искренне уважаемая Анна Михайловна. До слезъ тро... ...ія обращеніе ваше ко мнѣ. Какъ только увидѣлъ я ваше ...но святое для меня имя незабвеннаго Виктора Антоновича, ...стали предо мною, какъ живые, дорогіе, свѣтлые образы и ...шъ, и всѣхъ вашихъ дѣтей, и старушки матушки Виктора ...ча, и сестры его, и братьевъ вашихъ! И чѣмъ-то сердечно ...близко роднымъ повѣяло на душу отъ всѣхъ этихъ чистыхъ, ... образовъ. Затѣмъ встала въ душѣ великая дѣятельность ...Антоновича, его безсмертный историческій трудъ по введенію ...ской реформы въ калужской губерніи, по устройству въ Ка...ской гимназіи и проложенію пути къ всесословному жен...разованію, по борьбѣ, съ злоупотребленіемъ помѣщичьей ...о борьбѣ съ откупомъ, съ чиновничьимъ взяточничествомъ ... этой массой зла во всѣхъ разнообразныхъ формахъ его. ...мнились эти нравственныя муки Виктора Антоновича, ко...реживалъ онъ по поводу борьбы съ этимъ зломъ, и волно...го радости, когда онъ своимъ свѣтлымъ, твердымъ умомъ и ...нною волею одерживалъ побѣду надъ царившимъ кругомъ

---

1) ... іюля 1893 г.

него зломъ и вносилъ въ жизнь правду и свѣтъ... И чѣмъ-то молодымъ, несказанно отраднымъ и бодрымъ, точно первымъ весеннимъ тепломъ, повѣяло на мою немолодую уже душу отъ всѣхъ этихъ свѣтлыхъ воспоминаній о трехъ лучшихъ годахъ моей жизни и молодой моей дѣятельности, проведенныхъ подъ руководствомъ такого идеальнаго вождя, какимъ былъ Викторъ Антоновичъ. О, какъ безконечно я благодаренъ вамъ, что вы перенесли меня въ этотъ чистый завѣтный міръ, полный такихъ освѣжающихъ, молодящихъ воспоминаній! Еще болѣе я благодаренъ вамъ за ваше столь лестное приглашеніе принять участіе въ осуществленіи вполнѣ справедливой и глубоко симпатичной мысли увѣковѣчить разнообразную и многотрудную дѣятельность Виктора Антоновича воспроизведеніемъ воспоминаній о немъ.

Въ концѣ прошлаго года я, съ своей стороны, приступилъ было уже къ тому, задумавъ помѣстить въ одномъ изъ историческихъ журналовъ очеркъ подъ заглавіемъ, „19 февраля 1861 г. въ калужской губерніи“, и посвятить его Виктору Антоновичу, но съ горемъ и понятной досадой долженъ былъ отказаться отъ осуществленія этого намѣренія, потому что на письменную просьбу мою доставить мнѣ производства временъ Виктора Антоновича объ образованіи и работахъ Комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, а также объ объявленіи Манифеста объ освобожденіи ихъ и приведеніи въ дѣйствіе Положеній о томъ, я получилъ, хотя и вѣжливый, но крайне странный отказъ, мотивированный тѣмъ, что такъ какъ всѣ бумаги по крестьянскому дѣлу писались въ секретномъ порядкѣ, адресованы были на имя Виктора Антоновича, составляли его личный секретъ, и никто не былъ уполномоченъ Викторомъ Антоновичемъ открывать постороннимъ лицамъ личные секреты его, то бумаги не могутъ быть мнѣ высланы. Сдѣлаю еще разъ попытку достать изъ Калуги необходимый матеріалъ для задуманной мною статьи, и если успѣю въ томъ, то съ полнымъ наслажденіемъ займусь обработкой его, имѣя прежде всего, конечно, въ виду, насколько достанетъ у меня умѣнья, возстановить дѣятельность Виктора Антоновича въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ. При этомъ, позвольте заранѣе оговориться, что при той массѣ дѣлъ, которою я подавленъ, мнѣ придется работать надъ статьей урывками, и потому нельзя ожидать ее отъ меня скоро [1]). Но зато съ какимъ наслажденіемъ я буду переживать въ ней Виктора Антоновича и дѣятельность его въ Ка-

---

[1]) Н. В. Сахарову, къ сожалѣнію, такъ и не удалось написать задуманной статьи.

повѣстками живущіе въ своихъ имѣніяхъ помѣщики, а въ имѣніяхъ, состоящихъ въ опекунскомъ управленіи — опекуны. Тѣ, которые не нашли бы возможнымъ сами пріѣхать, присылаютъ уполномоченныхъ.

8. Изъ имѣній, гдѣ помѣщиковъ нѣтъ налицо, приглашаются управляющіе и вотчинные начальники.

9. По пріѣздѣ чиновника на мѣсто, обнародованіе происходитъ согласно св. зак. т. II, ч. 1, Общ. учреж. губ., ст. 853—858 и 2658.

Священникъ читаетъ собравшемуся народу манифестъ, а чиновникъ — распорядительный указъ и затѣмъ вручаетъ по два экземпляра манифеста, распорядительнаго указа и Положеній помѣщикамъ или вотчиннымъ начальникамъ тѣхъ имѣній, въ которыхъ болѣе 21-й души. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ помѣщикъ или управляющій тутъ же немедленно передаетъ крестьянамъ. Помѣщики, имѣющіе менѣе 21-й души, получаютъ одинъ экземпляръ, который и предъявляется ими крестьянамъ. По исполненіи вышеизложеннаго, совершается благодарственное молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому.

10. Чиновникамъ разрѣшается, если они найдутъ нужнымъ, повторить на площади или другомъ открытомъ мѣстѣ чтеніе какъ манифеста, такъ и распорядительнаго указа, примѣняясь въ настоящемъ случаѣ къ статьѣ 854, т. II, ч. I губ. учрежд.

11. Чиновникъ, по прибытіи на мѣсто, долженъ немедленно озаботиться, при содѣйствіи вотчинныхъ начальниковъ, о предупрежденіи скопленія народа и давки, какъ при чтеніи Положеній, такъ и при раздачѣ оныхъ крестьянамъ, и для этого, между прочимъ, заранѣе привести въ извѣстность, кому именно изъ крестьянъ должны быть переданы вышеустановленнымъ порядкомъ Положенія.

12. Для одновременнаго дѣйствія духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, и дабы не послѣдовало никакихъ несвоевременныхъ объявленій, всѣ экземпляры манифеста, распорядительнаго указа и Положеній, а также указы губернскаго правленія и консисторіи развозятся по приходамъ тѣми же самыми чиновниками, которые будутъ командированы въ участки для объявленія.

13. Командированные чиновники обязываются употребить всѣ зависящія мѣры, дабы произвести объявленіе новыхъ законоположеній въ теченіе одного дня въ каждомъ участкѣ, начиная объявленіе съ самаго ранняго утра.

14. Въ дни обнародованія исправники не должны отлучаться

обнародованіе и раздачу новыхъ законоположеній соверши быстро и одновременно, и во-2-хъ, чтобы придать этимъ дѣйствіямъ характеръ публичности и оффиціальности. Такого образа дѣйствій требовали и личныя побужденія В. А. Арцимовича— наивозможно шире, скорѣе и громче пронести во всѣ концы калужской губерніи такъ долго и томительно жданную вѣсть о новой свободной жизни и внести въ заждавшіяся крестьянскія души „миръ и благоволеніе", а еще болѣе—общія административныя соображенія, и, въ частности, положеніе калужской администраціи. „Во всемъ государствѣ, писалъ впослѣдствіи В. А. Арцимовичъ въ своей запискѣ ревизовавшему калужскую губернію сенатору Капгеру, слышалось неудовольствіе среди дворянства на ожидаемое паденіе крѣпостного права, и выражалось недовѣріе къ благоразумію и умѣренности крестьянъ. Въ калужской губерніи проявленія эти имѣли особое значеніе, по причинѣ преобладающаго вліянія крѣпостной партіи и явнаго сочувствія къ ней большей части предводителей дворянства. Такое положеніе калужской губерніи требовало предусмотрительнаго плана дѣйствій. Притомъ, хотя крестьяне вообще были спокойны, но важность предстоявшаго для нихъ преобразованія, о которомъ до сего времени они могли судить по однимъ только неопредѣленнымъ слухамъ, заставляла сомнѣваться въ томъ, что дѣло обойдется безъ недоразумѣнія съ ихъ стороны. А потому предстояла настоятельная необходимость въ немедленномъ посвященіи выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ въ смыслъ новаго закона и въ уясненіи имъ новыхъ отношеній, обязанностей и правъ, опредѣляемыхъ этимъ закономъ. Между тѣмъ, такъ какъ многіе исправники, служившіе по выборамъ дворянства, нуждались въ подготовительныхъ наставленіяхъ, а со стороны духовенства требовалось содѣйствіе при объявленіи манифеста, то, для установленія однообразныхъ правилъ обнародованія манифеста и раздачи Положеній, были приглашены въ Калугу всѣ исправники и благочинные". Приглашеніе благочинныхъ сдѣлано было, конечно, по предварительномъ сношеніи В. А. Арцимовича съ епархіальнымъ начальствомъ. Въ то же время изъ лицъ губернской администраціи была составлена временная комиссія, подъ предсѣдательствомъ В. А. Арцимовича, спеціально для детальной выработки правилъ обнародованія манифеста и раздачи Положеній, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

Исправники и благочинные тотчасъ же съѣхались въ Калугу со всей губерніи и приступили къ составленію правилъ.

данныхъ имъ порученій. На основаніи этихъ свѣдѣній, исправники представляютъ начальнику губерніи подробныя донесенія о ходѣ этого дѣла по уѣзду".

Перечитывая эти правила, нельзя не видѣть одушевлявшаго В. А. Арцимовича стремленія къ тому, чтобы новый законъ, вводившій въ нашу общественную жизнь живую струю новозавѣтнаго духа и строя, возвѣщенъ былъ не прежнимъ канцелярскимъ путемъ—лишь въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, а возможно полнѣе и жизненнѣе, чтобы для совершенія этого великой важности акта удалены были всѣ практическія помѣхи, чтобы въ истомленные ожиданіемъ умы крестьянъ не заронить тѣни сомнѣнія въ подлинности законовъ, возвращающихъ имъ древнее право ихъ на свободное, равное со вчерашними ихъ властелинами участіе въ общей жизни страны. Для достиженія этой послѣдней цѣли правилами установлено, между прочимъ, объявленіе манифеста и раздача Положеній крестьянамъ непремѣнно въ присутствіи ихъ помѣщиковъ или представителей ихъ, а послѣднимъ—въ присутствіи крестьянъ, чтобы крестьяне знали и видѣли, что имъ и помѣщикамъ объявляется и вручается одинъ и тотъ же законъ, что отнынѣ будетъ жизнью ихъ править эта „законная царская книга", а не произволъ равнаго теперь передъ нею барина ихъ.

Преслѣдуя ту же цѣль—возможно широкое распространеніе возвѣщаемой народу манифестомъ свободы и водвореніе довѣрія къ подлинности его, къ моменту обнародованія его В. А. Арцимовичъ распорядился отпечатать въ губернской типографіи три тысячи экземпляровъ манифеста и распорядительнаго указа, потомъ столько же экземпляровъ того и другого приказалъ отпечатать по объявленіи манифеста. Изъ нихъ первая партія роздана при самомъ объявленіи манифеста, а другая разослана по губерніи черезъ полицію послѣ объявленія воли [1]). Не довольствуясь этимъ, послѣ уже ея объявленія В. А. Арцимовичъ, съ разрѣшенія министра вн. дѣлъ, распорядился отпечатать манифестъ и распорядительный указъ въ *Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* [2]). Волостей, какъ народныхъ центровъ, гдѣ бы освобожденный народъ могъ слышать или читать манифестъ въ этотъ моментъ новой жизни, хотя не существовало еще, но по нѣкоторымъ приходскимъ селамъ, мѣстечкамъ и

---

[1]) Сообщеніе В. А. Арцимовича министру внутрен. дѣлъ, отъ 19 марта 1861 г., за № 1459.

[2]) Тоже отъ 1 апрѣля 1861 г., за № 1762.

деревнямъ существовали другіе, не менѣе живые народные центры: питейныя заведенія, постоялые дворы, лавочки и т. п. А содержатели ихъ, по введенному полиціей обычаю, были обязательными подписчиками *Губернскихъ Вѣдомостей*. Въ такой широтѣ распространенія манифеста, въ изобиліи печатныхъ экземпляровъ его В. А. Арцимовичъ видѣлъ новое средство, и, притомъ, достаточно вѣрное, глубже увѣрить народъ въ происхожденіи и въ подлинности манифеста, прочитаннаго ему въ церкви, и въ томъ, что онъ вездѣ, во всѣхъ деревняхъ, во всѣхъ концахъ губерніи все одинъ и тотъ же, а не какой-нибудь разный, и тѣмъ предостеречь народъ отъ возможности какихъ-нибудь для него же потомъ невыгодныхъ недоразумѣній и толковъ на этотъ счетъ.

Притомъ желательно было, чтобы изобиліемъ печатныхъ экземпляровъ манифеста народу была дана возможность получить самому въ свои руки, или самому, своими глазами видѣть эту дорогую и столь важную для него грамоту, а не довѣряться лишь чужимъ разговорамъ относительно факта ея появленія, а главное—относительно ея содержанія. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, по своему вѣдомству всѣ необходимыя подготовленія къ достойной встрѣчѣ провозвѣстника новой жизни, В. А. Арцимовичъ въ то же время вошелъ въ сношенія съ духовнымъ вѣдомствомъ, непосредственные агенты котораго, въ лицѣ сельскаго духовенства, также призывались къ активному участію въ принятіи отъ купели нарождающейся народной жизни. Было существенно важно въ дѣлѣ такого великаго историческаго значенія согласовать дѣйствія этихъ агентовъ духовной власти со строго и детально обдуманнымъ планомъ дѣйствій гражданской власти, чтобы ни малѣйшая дисгармонія между ними не вызвала потомъ печальныхъ для народа послѣдствій, не уронила, не обезцѣнила святости дѣла, чтобъ агенты духовной власти совершили свои обязанности не только по „чину“ (по церковному уставу), но и „благообразно“... Въ виду возможности отступленія отъ предначертаннаго порядка и были введены въ „Правила“ пункты 16 и 17 ст. Поэтому калужскій архіерей Григорій, жившій тогда въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ св. синодѣ, также прислалъ въ калужскую консисторію свои „наставленія“.

„Поставляется въ извѣстность, писалъ преосвященный Григорій въ своемъ предложеніи консисторіи, за № 944, что Государь Императоръ, въ отеческой заботливости о благѣ своихъ подданныхъ, намѣренъ въ скоромъ времени привести въ исполне-

ніе предположеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, а дабы объявленіе распоряженія по сему предмету не было понято и истолковано превратно, то консисторія обязывается безъ всякаго отлагательства преподать приходскому сельскому духовенству слѣдующія наставленія.

1) Чтобы священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкомъ отношеніи къ крестьянамъ, всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами старались содѣйствовать къ предотвращенію и прекращенію всякихъ недоразумѣній, къ ослабленію неправильныхъ и недобрыхъ внушеній, къ уменьшенію и преодолѣнію затрудненій, какія могутъ быть при объявленіи о введеніи новаго постановленія о крестьянахъ, дабы оное было принято съ чувствомъ благодушія и благопокорности, какъ прилично добрымъ христіанамъ и вѣрноподданнымъ, безъ всякихъ тревогъ и волненій.

2) А для сего священники, какъ церковными поученіями своими, такъ еще болѣе домашними собесѣдованіями съ прихожанами, должны внушать имъ, чтобы послѣдніе твердо помнили и твердо соблюдали вѣрность Государю и совершенное повиновеніе начальству, чтобы добросовѣстно исполняли законныя повинности и благодушно вносили опредѣленныя подати и наложенные или условленные оброки, какъ необходимые для благоустройства общаго, а если находятъ себя неправильно отягощенными отъ кого-либо, въ чемъ-либо и терпятъ обиду, то искали бы защиты законнымъ путемъ, не дѣлая безпокойства и смутъ въ обществѣ, и съ христіанскимъ терпѣніемъ ожидали бы отъ начальства распоряженій по правосудію.

3) Впрочемъ, священники и не должны представлять себя и выдавать за особенныхъ дѣйствователей въ семъ случаѣ, а только приложить особенное стараніе объ исполненіи своей пастырской обязанности учить прихожанъ благонравію и благочестію, примѣняясь благоразумно къ новымъ обстоятельствамъ вышесказаннымъ, какъ доброжелатели и попечители объ ихъ благѣ.

4) Священники должны пояснять крестьянамъ помѣщичьимъ, что Государь Императоръ, по отеческой заботливости объ ихъ участи, даетъ имъ новое постановленіе, въ надеждѣ, что они благоразумно воспользуются таковымъ къ своему благу, къ возвышенію своего благосостоянія, черезъ точное соблюденіе добраго порядка и черезъ усердные труды, которые впредь будутъ болѣе прежняго зависѣть отъ ихъ собственной доброй воли и должны быть совершаемы нелѣностно и разсудительно, какъ для

съ Высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы манифестъ былъ объявленъ немедленно, не дожидаясь воскреснаго дня, и о томъ сообщено было консисторіи, консисторія измѣнила и нѣсколько дополнила предписанный ей св. синодомъ порядокъ объявленія манифеста. По новому ея распоряженію, объявленіе манифеста назначено 9 марта въ приходскихъ церквахъ послѣ „часовъ вечерни“, которые должны быть начаты въ 7 часовъ утра при „красномъ благовѣстѣ“ и „красномъ звонѣ“. Объявивъ себя манифестъ и совершивъ, въ силу указа св. синода, торжественное молебствіе, съ колѣнопреклоненіемъ о благоденствіи Государя, все приходское духовенство, въ свѣтломъ облаченіи, должно было для того же явиться въ соборъ въ концѣ десятаго часа утра. Въ соборѣ служеніе „часовъ“ и „вечерней“ должно было начаться въ десять часовъ утра и тоже послѣ „краснаго“ благовѣста и такого же звона. Такой неранній часъ для начала богослуженія назначенъ былъ для того, чтобы дать время губернатору и всѣмъ губернскимъ властямъ собираться въ соборъ для выслушанія манифеста и для присутствованія при молебнѣ. Тѣмъ же церковнымъ порядкомъ предписано консисторіей объявить манифестъ въ уѣздныхъ городахъ по городскимъ и сельскимъ церквамъ. При этомъ, условіемъ объявленія манифеста относительно времени было поставлено совершить этотъ актъ, въ какой бы день ни случилось.

Не излишне для нѣкоторыхъ пояснить, что объявленіе манифеста падало на наступавшій Великій постъ, а Великимъ постомъ не каждый день совершается литургія, но „правятся“ утромъ особыя богослуженія, такъ называемые „часы“ и вечерня. Для приглашенія въ церковь на эти богослуженія благовѣстъ бываетъ медленный, съ короткими промежутками, такъ называемый „великопостный“, и притомъ въ небольшой колоколъ. „Краснымъ“ же благовѣстомъ называется благовѣстъ въ большой колоколъ и частый, безъ перерывовъ. А „краснымъ“ звономъ называется торжественный звонъ во всѣ колокола, „во вся тяжкая“, по выраженію звонарей. Этимъ звономъ консисторіей и предписано было причтамъ ознаменовать приглашеніе прихожанъ въ храмъ для выслушанія манифеста.

Въ то же время (6 марта) консисторія распорядилась заготовить циркулярный указъ свой всему городскому и сельскому духовенству епархіи о порядкѣ обнародованія манифеста. При ея указѣ былъ приложенъ и указъ св. синода по тому же предмету. По числу приходскихъ церквей въ епархіи, консисторскій и синодскій указы предстояло заготовить въ количе-

детъ привезенъ въ Калугу изъ Петербурга нарочнымъ чиновникомъ на второй недѣлѣ Великаго поста, и имъ будетъ развезенъ по всѣмъ уѣздамъ. Чтеніе манифеста въ калужскомъ каѳедральномъ соборѣ должно быть совершено по распоряженію мѣстной гражданской власти, въ какое бы ни пришлось время, по предварительному благовѣсту въ соборѣ; по прочтеніи манифеста должно быть совершено молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому. Въ другихъ приходскихъ церквахъ, гдѣ нѣтъ прихожанъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, „читать манифестъ не нужно кажется". Но относительно этого обстоятельства преосвященный Григорій предлагалъ консисторіи войти въ соглашеніе съ начальникомъ губерніи. Въ дополнительномъ своемъ предложеніи консисторіи преосвященный Григорій разъяснилъ, что манифестъ касается только крестьянъ помѣщичьихъ, а не государственныхъ, поэтому и объявлять его слѣдуетъ по приходамъ, заключающимъ только крестьянъ помѣщичьихъ, о чемъ священники и должны объявить своимъ прихожанамъ. Такъ какъ манифестъ будетъ привезенъ гражданскимъ или военнымъ чиновникомъ, то распоряженія относительно его объявленія „имѣютъ быть помимо духовенства; духовенство же должно только споспѣшествовать тому, чѣмъ и сколько будетъ зависѣть отъ онаго, а тѣмъ паче не дѣлать и не представлять тому никакихъ препятствій ни во времени, ни въ другихъ обстоятельствахъ". До такой степени смутны были представленія у духовной власти о порядкѣ обнародованія манифеста, и до такой степени въ сторонѣ ставила она себя отъ своей внѣкелейной жизни въ ея явленіяхъ даже такой первостепенной исторической важности!

Впослѣдствіи, когда въ калужской консисторіи, 6 марта, полученъ былъ указъ св. синода 2 того же марта [1]) о порядкѣ объявленія манифеста, консисторія 7 марта, за № 1850, оповѣстила благочинныхъ города Калуги, что чтеніе манифеста въ калужскомъ соборѣ и во всѣхъ приходскихъ церквахъ должно быть совершено въ слѣдующій воскресный день, 12 марта. Для этого приходскіе священники послѣ литургіи, прочитавъ въ своихъ церквахъ манифестъ и совершивъ послѣ чтенія его молебствіе о благоденствіи Государя, должны были явиться въ соборъ въ приличномъ облаченіи къ концу поздней литургіи, для участія въ общемъ молебствіи всего городского духовенства. Послѣ, когда В. А. Арцимовичемъ была получена телеграмма

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ его.

просторномъ служебномъ кабинетѣ правителя канцеляріи и в
сосѣдней съ нимъ комнатѣ. Публика собралась довольно мног
численная. Ее составляли чиновники особыхъ порученій, гу
бернскіе стряпчіе, секретари учрежденій, не только подвѣдом
ственныхъ губернатору, но и другихъ вѣдомствъ, не подчине
ныхъ ему, чиновники, служившіе по выбору дворянъ, сочу
ствовавшіе освобожденію крестьянъ. Все это заранѣе еще н
перерывъ заявляло В. А. Арцимовичу желаніе принять участ
въ объявленіи манифеста и въ раздачѣ Положеній. Лица
всѣхъ были радостныя, торжественныя. У всѣхъ сіяло въ гл
захъ: наконецъ-то дождались! Всѣ крѣпко, сердечно жали дру
другу руки, поздравляли другъ друга, какъ съ величайшимъ изъ во
можныхъ торжествъ. Надъ всѣми возвышалась величавая, м
гучая фигура В. А. Арцимовича и его характерная голова,
сорокъ лѣтъ вся уже покрытая сѣдиной, точно лаврами. О
весь жилъ сознаніемъ святости и величія момента и дѣл
Съ сдержаннымъ волненіемъ поздравилъ онъ насъ съ получ
ніемъ телеграммы и съ рѣдкимъ счастьемъ, выпавшимъ на наш
долю, принять участіе въ великомъ дѣлѣ, котораго ожидали цѣ
лыя поколѣнія, и сейчасъ же, съ своей обычной несуетли
востью, немногословіемъ и дѣловитостью, перешелъ къ распор
женіямъ по практическому осуществленію предстоящаго нам
дѣла. Распоряженія эти заключались въ повтореніи тѣхъ пун
товъ уже извѣстныхъ „Правилъ", которые касались насъ личн
Горячѣе всего В. А. Арцимовичъ заботился объ однодневном
объявленіи манифеста; позаботился также о томъ, чтобы пр
объявленіи его и раздачѣ Положеній мы непремѣнно были в
мундирахъ. Такъ какъ у многихъ изъ насъ не было ихъ, т
В. А. Арцимовичъ разрѣшилъ взять у другихъ мундиръ како
бы то ни было вѣдомства, лишь бы мундиръ былъ. Мнѣ личн
пришлось фигурировать въ мундирѣ уѣзднаго казначея, хотя
никогда не былъ имъ. Въ странѣ мундировъ это было необх
димо, для внушенія народу бо̀льшаго довѣрія къ вѣстникамъ во
вращенія ему свободы.

Такъ какъ до полученія телеграммы относительно обнарс
дованія манифеста государственный секретарь прислалъ Пол
женій всего лишь 25 экземпляровъ, а за полученіемъ всѣх
другихъ экземпляровъ телеграммой отъ 8 марта просилъ В. А. А
цимовича прислать въ Москву особаго чиновника, которы
долженъ былъ получить ихъ отъ начальства Николаевской ж
лѣзной дороги, то часть наличныхъ экземпляровъ В. А. Арц
мовичъ, для ознакомленія съ ними, роздалъ посылаемымъ

уѣзды чиновникамъ. При этомъ онъ намѣтилъ статьи, которыя чиновники должны были читать народу при врученіи потомъ Положеній, когда они будутъ получены въ Калугѣ, а изъ Калуги разосланы по уѣздамъ. Чтеніе этихъ статей имѣло цѣлью по возможности скорѣе, на первыхъ же порахъ по объявленіи крестьянамъ вѣсти о возвращеніи имъ свободы уяснить имъ новыя права и вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности ихъ. Для чтенія имъ предназначены были изъ введенія къ общему Положенію ст. 1—20, изъ правилъ о приведеніи въ дѣйствіе Положеній ст. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12 и 19, изъ общаго Положенія о казенныхъ и земскихъ повинностяхъ ст. 164—167, о рекрутской повинности ст. 201—203, 205—206, изъ Общаго Положенія о вотчинной полиціи и попечительствъ помѣщиковъ въ сельскихъ крестьянскихъ обществахъ ст. 148—164. Въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ для чтенія указаны были ст. 1—24 дополнительныхъ правилъ объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, а въ имѣніяхъ горнаго вѣдомства, сверхъ указанныхъ статей Общаго Положенія, назначены были для чтенія дополнительныя правила о людяхъ, приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ вѣдомства министерства финансовъ [1]). Дальнѣйшее ознакомленіе крестьянъ съ Положеніями предоставлено было собственнымъ ихъ заботамъ. Поручая чтеніе извлеченій изъ Положеній, В. А. Арцимовичъ снова напомнилъ намъ пунктъ 16-й Правилъ не вдаваться при чтеніи въ личныя обсужденія Положеній, а если крестьяне будутъ просить разъясненій, то, дѣлая ихъ, строго держаться буквальнаго значенія текста статей. Совѣтъ этотъ вполнѣ понятенъ, въ виду краткости времени для детальнаго ознакомленія съ Положеніями, въ виду новости и чрезвычайной важности дѣла, а главное — въ виду возможности неумѣлыми, необдуманными объясненіями произвести на первыхъ же порахъ безпокойство и путаницу въ возбужденныхъ и безъ того крестьянскихъ умахъ и притомъ въ умахъ совершенно темныхъ, не освѣщенныхъ знаніемъ грамоты. Впослѣдствіи, при распутываніи этой путаницы компетентными властями, крестьяне прямо отнеслись бы къ нимъ съ недовѣріемъ, запомнивъ и даже переиначивъ по-своему объясненія, сдѣланныя имъ „царскими" чиновниками—да еще въ мундирѣ. Они такъ и твердили бы всѣмъ, что „намъ такъ царскій чи-

---

[1]) Сообщеніе В. А. Арцимовича министру внутр. дѣлъ отъ 19 марта, за № 1459.

новникъ сказалъ, когда выдавалъ Положенія". И по поводу одного и того же вопроса создалось бы печальное „второзаконі притомъ съ печальными послѣдствіями. А этого меньше вс желалъ кто-либо изъ лицъ преданныхъ крестьянскому дѣ Между тѣмъ, еще до появленія нашего въ канцеляріи, по тотчасъ же по полученіи телеграммы, В. А. Арцимовичъ со щилъ въ консисторію (8 марта, за № 1257) немедленно о явить манифестъ въ Калугѣ и прислать къ нему консисторс и синодскій указы о томъ къ городскому и сельскому ду венству, для врученія ихъ посылаемымъ въ уѣзды чиновника и личной передачи ими священникамъ. Чтобы подбодрить к систорію сейчасъ исполнить это требованіе, В. А. Арци вичъ собственноручно отмѣтилъ на предложеніи: „очень ну ное", и надписалъ, что оно посылается въ „5 час. 10 м пополудни". Пока указы доставлялись, мы получали канцеляріи отъ ея казначея курьерскія подорожныя, прогон и суточныя деньги, экземпляры манифеста, распорядительн указа, Положеній, заранѣе заготовленные по распоряже В. А. Арцимовича, печатныя объявленія губернскаго правле для народа о томъ, что экземпляры Положенія будутъ розда по полученіи ихъ изъ Петербурга. Въ то же время В. А. А цимовичъ отдалъ личный приказъ калужской городской поли прислать по одному городовому для каждаго отъѣзжающаго уѣздъ чиновника, на случай надобности при обнародова манифеста и раздачи Положеній и тоже для нѣкоторой в шительности и обстановки. Для этого городовой тоже долж быть въ формѣ. Городской солдатъ, да еще въ формѣ, пр ставляетъ собой для деревни нѣкоторымъ образомъ особу.

Словомъ, работа кипѣла, ни одна минута не была потер даромъ, не было ничего забыто, упущено. Нѣкоторое замедле произошло отъ ожиданія консисторскихъ указовъ, такъ к требованіе В. А. Арцимовича о доставленіи ихъ попало въ к ситорію въ такіе часы, когда канцелярія ея была свободна занятій и отсутствовала. Кромѣ того, и въ канцеляріи В. Арцимовича, вслѣдствіе нашего многолюдства, было много х мелкой, но неизбѣжной работы для отправки насъ. Все было покончено часу въ девятомъ. Когда все было готово, „съ Богомъ, господа", сказалъ намъ В. А. Арцимовичъ, р кланиваясь. „Отъ всей души желаю вамъ успѣшно соверш это святое дѣло".

— Викторъ Антоновичъ посылаетъ насъ, словно Христо

посылалъ своихъ апостоловъ на проповѣдь, сказалъ кто-то изъ насъ, уходя отъ В. А. Арцимовича.

— Да и проповѣдь-то какая! съ энтузіазмомъ отвѣтилъ другой.

— Волю, господа, ѣдете объявлять? спросилъ, одѣвая насъ, курьеръ губернаторской канцеляріи Григорій, старый, вѣчно хмурый отставной кавказскій солдатъ.

— Волю, Григорій Ефимовичъ, волю! отвѣтили ему радостно.

— Слава тебѣ, Господи! Дождались, наконецъ! произнесъ Григорій.

И такое свѣтлое чувство разлилось у него по лицу, съ такимъ глубокимъ, искреннимъ умиленіемъ остановилъ онъ на иконѣ глаза, полные слезъ, и такимъ широкимъ перекрестился крестомъ! Хмурый старикъ былъ неузнаваемъ въ эту минуту.

— Да тебѣ-то что? Ты и такъ вольный, сказалъ кто-то изъ насъ.

— А деревня-то?! съ легкой укоризной въ голосѣ отвѣтилъ Григорій. Въ смолѣ кипитъ! Въ неугасимой! По всей Расеи! А теперь мужичекъ-то вздохнетъ хоть. Кабы не эта самая неволя, развѣ мнѣ служить бы въ солдатахъ? Пахали наши мужички барскую землю подъ яровое. А земля-то у насъ, въ романовскомъ уѣздѣ, неспособная. Ее пашутъ у насъ косулями. Глубоко пахать-то и тяжело. Мужички попросили меня позволить имъ пахать помельче. А я ходилъ экономическимъ старостой. А я и самъ вижу, что глубоко пахать нельзя, и позволилъ. Пріѣзжаетъ на поле баринъ. Какъ посмотрѣлъ, что вспахали мелко, заревѣлъ: „на конюшню!“ Да триста пятьдесятъ закатилъ! Я и кричать пересталъ—духъ захватило. Сначала драли по спинѣ все, да по сидѣнію, а потомъ баринъ велѣлъ перевернуть, стали пороть по бокамъ. Повѣрите ли, до костей просѣкли. Отъ самой шеи до пятокъ тѣло-то какъ подушка вздулось. А кровь изъ меня—какъ изъ рѣзанаго! А баринъ стоитъ подлѣ меня, смотритъ, какъ свѣжуютъ меня, попыхиваетъ цыгарочку да покрикиваетъ: поддай ему, поддай анаѳемѣ! Послѣ, мѣсяца два тѣло-то гнило и отваливалось лоскутьями. А какъ выздоровѣлъ, меня сейчасъ же въ солдаты. Бывало, не могъ хлѣба жевать, какъ слѣдуетъ: вѣчно были сбиты у меня скулы. Чуть, бывало, что́ — баринъ сейчасъ въ зубы да въ зубы. А мужикъ былъ большой, кормный. Какъ двинетъ, бывало, искры изъ глазъ посыплются. И теперь еще снится во снѣ. Какъ приснится, что ты барскій, да тащатъ тебя на ко-

новникъ сказалъ, когда выдавалъ Положенія". И по поводу ного и того же вопроса создалось бы печальное „второзакон притомъ съ печальными послѣдствіями. А этого меньше в желалъ кто-либо изъ лицъ преданныхъ крестьянскому д Между тѣмъ, еще до появленія нашего въ канцеляріи, по тотчасъ же по полученіи телеграммы, В. А. Арцимовичъ со щилъ въ консисторію (8 марта, за № 1257) немедленно о явить манифестъ въ Калугѣ и прислать къ нему консистор и синодскій указы о томъ къ городскому и сельскому ду венству, для врученія ихъ посылаемымъ въ уѣзды чиновник и личной передачи ими священникамъ. Чтобы подбодрить к систорію сейчасъ исполнить это требованіе, В. А. Арц вичъ собственноручно отмѣтилъ на предложеніи: „очень н ное", и надписалъ, что оно посылается въ „5 час. 10 м пополудни". Пока указы доставлялись, мы получали канцеляріи отъ ея казначея курьерскія подорожныя, прогон и суточныя деньги, экземпляры манифеста, распорядитель указа, Положеній, заранѣе заготовленные по распоряже В. А. Арцимовича, печатныя объявленія губернскаго правл для народа о томъ, что экземпляры Положенія будутъ розд по полученіи ихъ изъ Петербурга. Въ то же время В. А. цимовичъ отдалъ личный приказъ калужской городской пол прислать по одному городовому для каждаго отъѣзжающаго уѣздъ чиновника, на случай надобности при обнародов манифеста и раздачи Положеній и тоже для нѣкоторой шительности и обстановки. Для этого городовой тоже долж быть въ формѣ. Городской солдатъ, да еще въ формѣ, п ставляетъ собой для деревни нѣкоторымъ образомъ особу.

Словомъ, работа кипѣла, ни одна минута не была потер даромъ, не было ничего забыто, упущено. Нѣкоторое замедл произошло отъ ожиданія консисторскихъ указовъ, такъ к требованіе В. А. Арцимовича о доставленіи ихъ попало въ ситорію въ такіе часы, когда канцелярія ея была свободна занятій и отсутствовала. Кромѣ того, и въ канцеляріи В. Арцимовича, вслѣдствіе нашего многолюдства, было много мелкой, но неизбѣжной работы для отправки насъ. Все было покончено часу въ девятомъ. Когда все было готово „съ Богомъ, господа", сказалъ намъ В. А. Арцимовичъ, р кланиваясь. „Отъ всей души желаю вамъ успѣшно соверш это святое дѣло".

— Викторъ Антоновичъ посылаетъ насъ, словно Христ

посылалъ своихъ апостоловъ на проповѣдь, сказалъ кто-то изъ насъ, уходя отъ В. А. Арцимовича.

— Да и проповѣдь-то какая! съ энтузіазмомъ отвѣтилъ другой.

— Волю, господа, ѣдете объявлять? спросилъ, одѣвая насъ, курьеръ губернаторской канцеляріи Григорій, старый, вѣчно хмурый отставной кавказскій солдатъ.

— Волю, Григорій Ефимовичъ, волю! отвѣтили ему радостно.

— Слава тебѣ, Господи! Дождались, наконецъ! произнесъ Григорій.

И такое свѣтлое чувство разлилось у него по лицу, съ такимъ глубокимъ, искреннимъ умиленіемъ остановилъ онъ на иконѣ глаза, полные слезъ, и такимъ широкимъ перекрестился крестомъ! Хмурый старикъ былъ неузнаваемъ въ эту минуту.

— Да тебѣ-то что? Ты и такъ вольный, сказалъ кто-то изъ насъ.

— А деревня-то?! съ легкой укоризной въ голосѣ отвѣтилъ Григорій. Въ смолѣ кипитъ! Въ неугасимой! По всей Расеи! А теперь мужичекъ-то вздохнетъ хоть. Кабы не эта самая неволя, развѣ мнѣ служить бы въ солдатахъ? Пахали наши мужички барскую землю подъ яровое. А земля-то у насъ, въ романовскомъ уѣздѣ, неспособная. Ее пашутъ у насъ косулями. Глубоко пахать-то и тяжело. Мужички попросили меня позволить имъ пахать помельче. А я ходилъ экономическимъ старостой. А я и самъ вижу, что глубоко пахать нельзя, и позволилъ. Пріѣзжаетъ на поле баринъ. Какъ посмотрѣлъ, что вспахали мелко, заревѣлъ: „на конюшню!“ Да триста пятьдесятъ закатилъ! Я и кричать пересталъ—духъ захватило. Сначала драли по спинѣ все, да по сидѣнію, а потомъ баринъ велѣлъ перевернуть, стали пороть по бокамъ. Повѣрите ли, до костей просѣкли. Отъ самой шеи до пятокъ тѣло-то какъ подушка вздулось. А кровь изъ меня—какъ изъ рѣзанаго! А баринъ стоитъ подлѣ меня, смотритъ, какъ свѣжуютъ меня, попыхиваетъ цыгарочку да покрикиваетъ: поддай ему, поддай анаѳемѣ! Послѣ, мѣсяца два тѣло-то гнило и отваливалось лоскутьями. А какъ выздоровѣлъ, меня сейчасъ же въ солдаты. Бывало, не могъ хлѣба жевать, какъ слѣдуетъ: вѣчно были сбиты у меня скулы. Чуть, бывало, что́ — баринъ сейчасъ въ зубы да въ зубы. А мужикъ былъ большой, кормный. Какъ двинетъ, бывало, искры изъ глазъ посыплются. И теперь еще снится во снѣ. Какъ приснится, что ты барскій, да тащатъ тебя на ко-

нюшню, вскочишь, какъ полоумный, и сидишь, дрожишь на постели. Понюхаешь табачку,—ну, Богъ дастъ, и отойдетъ.

— Вотъ онѣ, родныя картинки-то, произнесъ кто-то изъ насъ.

Бариномъ Григорія оказался, къ сожалѣнію, однофамилецъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ, энергичныхъ и искреннихъ приверженцевъ возвращенія крестьянамъ свободы...

Пока я вернулся къ себѣ домой и наскоро уложилъ чемоданъ, пока явился ко мнѣ городовой и привелъ съ почтовой станціи лошадей, былъ уже часъ 11-й ночи, когда выѣхалъ я изъ Калуги. В. А. Арцимовичъ назначилъ мнѣ родной мнѣ козельскій уѣздъ. Ночь была мартовская: тихая, безлунная, но звѣздная и морозная. „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, но тьма не объяла его“, невольно напрашивалось на память, въ связи съ нашей миссіей—внести свѣтъ свободы и новой жизни въ крѣпостную деревенскую тьму. Еще одна и послѣдняя ночь, „и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ прекрасная заря, и увидимъ мы народъ неугнетенный, и рабство, падшее по манію Царя!“ Святая, хорошая была ночь! Она живо помнится еще и теперь, черезъ 38 лѣтъ... Ѣхалъ я хотя по курьерской подорожной, но самой обыкновенной почтовой ѣздой — верстъ 10, 11 въ часъ. Ѣхать по такой подорожной вовсе не значило мчаться по фельдъегерской, сломя голову и не щадя лошадей. Она давала лишь право ѣхавшему по ней чиновнику на предпочтительное передъ частными проѣзжающими взиманіе лошадей на станціяхъ и, кромѣ того, избавляла отъ обычнаго для частныхъ лицъ „нѣтъ лошадей“. При такой неголоволомной ѣздѣ разговаривать было вполнѣ удобно.

— А что, ваше вскобродіе, насмѣлюсь я у васъ спросить, не въ гнѣвъ вашей милости: можно закурить трубочку? спросилъ ямщикъ, оборачиваясь ко мнѣ.

Эти, въ сущности, такія простыя слова произнесены были такимъ робкимъ, слащавымъ тономъ и облечены были въ такую рабски-заискивающую форму, что отъ нихъ такъ и потянуло вѣковой плѣсенью крѣпостной старины и невольно вызвало меня на вопросъ у ямщика, не барскій ли онъ.

— О-о-охъ, барскій, протянулъ онъ со стономъ.

Въ тонѣ этого отвѣта сказалась тоже цѣлая длинная „исторія“ крѣпостной „болѣзни“. Вопросъ о дозволеніи покурить трубочку оказался только подходомъ со стороны ямщика подъ другіе томившіе его вопросы. Выкурилъ онъ трубочку, выбилъ ее о санный передокъ, проѣхалъ съ версту, но дѣлалъ все это какъ-

то медлительно. Видимо, его подмывало спустить съ языка самый „настоящій“, всего его захватывавшій вопросъ, но онъ не рѣшался.

— А что, ваше вскобродіе, насмѣлюсь я у васъ спросить, не во гнѣвъ вашей милости... наконецъ запѣлъ онъ боязливо и нерѣшительно, но сейчасъ же остановился.

Въ этой боязни говорить просто и прямо со всякимъ „не своимъ братомъ“, въ этой борьбѣ любопытства съ всосаннымъ вѣками въ плоть и кровь рабскимъ ожиданіемъ: а ну-ка баринъ вотъ сейчасъ *дастъ* кое во что, такъ и слышалась крѣпостная народная психологія... Въ народномъ представленіи баринъ какъ будто для того только и существовалъ для крестьянина, чтобы скрежетать на него зубами и давать ему... Ямщикъ, наконецъ, выпалилъ:

— А хоть что вы волю везете?

Я не скрылъ, что дѣйствительно волю везу, и спросилъ у ямщика, почему знаетъ онъ это.

— О, Господи! Да какъ же не знать-то! Мы ужъ давно ее, матушку, караулимъ. Мы всѣ минутки-то пересчитали, когда она пожалуетъ къ намъ.

Ямщикъ моментально преобразился, какъ только узналъ, что я волю везу. Первымъ дѣломъ, онъ быстро снялъ шапку и началъ широко креститься на звѣздное небо.

— Ну, слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Господи! Дождались и мы свѣтлаго дня. Теперь и мы станемъ свои. А то и рожались чужіе, и умирали чужіе. Все ты былъ чей-то, а теперь вотъ дождались, слава Богу, и свой сталъ... Жили цѣлый вѣкъ, какъ горохъ при дорогѣ: кто ни пройдетъ, всякъ щипнетъ. Всякая ворона клевала... А теперь... Ну, ужъ вѣкъ буду помнить эту ночку!

Сознаніе, что онъ сталъ теперь свой, сразу пробудило въ ямщикѣ дремавшія въ немъ и поэтичность, и мягкость, и сознаніе человѣческаго своего достоинства, и великодушіе. Онъ говорилъ, что и звѣздочки и то на небѣ стали теперь мигать веселѣй, что и онѣ радуются, что съ мужика сняли неволю. Волю онъ называлъ милой, родимой.

— А пожаловала-таки къ намъ, родимая наша. Долго ты насъ искала, а не миновала-таки нашихъ воротъ.

На лошадей онъ уже не кричалъ, не стегалъ ихъ кнутомъ, а сталъ называть: котяточки, вольныя дѣтки. „Эй, вы, котяточки, покачивай! Чуете ли вы, дѣтки, что крестьянинъ сталъ вольный? Эй, вы, вольныя, дѣйствуй!“ Ко мнѣ онъ уже относился безъ

нюшню, вскочишь, какъ полоумный,
постели. Понюхаешь табачку,—ну, Б
— Вотъ онѣ, родныя картинки-
насъ.

Бариномъ Григорія оказался, къ
одного изъ просвѣщеннѣйшихъ, эне
верженцевъ возвращенія крестьянам
Пока я вернулся къ себѣ дом
данъ, пока явился ко мнѣ горо
станціи лошадей, былъ уже часъ
изъ Калуги. В. А. Арцимовичъ
козельскій уѣздъ. Ночь была ма
звѣздная и морозная. „Свѣтъ
объяла его“, невольно напраш
нашей миссіей—внести свѣтъ
постную деревенскую тьму. Е
надъ отечествомъ свободы прос
и увидимъ мы народъ неугнет
Царя!“ Святая, хорошая б
и теперь, черезъ 38 лѣтъ.
дорожной, но самой обыкно
11 въ часъ. Ѣхать по такой
по фельдъегерской, слом
давала лишь право ѣхав
тельное передъ частным
станціяхъ и, кромѣ того,
лицъ „нѣтъ лошадей“.
варивать было вполнѣ
— А что, ваше
не въ гнѣвъ вашей
силъ ямщикъ, обора
Эти, въ сущност
такимъ робкимъ, сл
рабски-заискивающ
вѣковой плѣсенью
на вопросъ у ям
— О-о-охъ,
Въ тонѣ этого
крѣпостной „бо
оказался тольк
томившіе его
санный передо

опять во
какъ на-
во дворъ. И
они причины,
нашему брату.
тоже живая тварь,

на мѣсячинѣ на-
люди, и мѣсячиной
съѣстныхъ про-
помѣщиками.
посадитъ помѣщиковъ на
распространена въ нѣкоторыхъ
объявленіи манифеста, пока
опредѣлилось отношеніе земле-
получившимъ свободу крестьянамъ.
теперь на радостяхъ? между
помѣщика.
Насчетъ, значитъ, царскому орлу

казенной питейной продажи по-
системы, питейные дома отмѣчались уста-
изображеніемъ двуглаваго орла, съ рас-
и съ надписью: „Питейное заведеніе“.
чтобы пить, народный юморъ выражалъ
царскому орлу свѣчку поставить“, или: „моле-

человѣкъ, нѣтъ, отвѣтилъ ямщикъ. Въ
усомниться! Какъ это можно. Это вѣдь самъ
съ небеси къ намъ да принесъ такую благо-

...читься? Нѣтъ, это на что же? Не го-
...Надо по-умному. Въ такіе-то дни
... налакаться... Нельзя этого.
... батюшка нашъ Царь мило-
... Ему вонъ что!... Нехорошо!
...ющую станцію, и я сталъ отда-
... и слышать этого не хотѣлъ.
... и замахалъ руками.
...сподинъ? Да какъ это можно! Такую
... съ васъ деньги? И никакъ это не
...ны ублаготворить васъ, а не то что.

...ного колокольчика вышли за ворота стан-
...очередной ямщикъ, мой ямщикъ, не сходя
...кричалъ старостѣ:
...вай сейчасъ лошадей! Живо! Волю везутъ.
...радостнымъ недовѣріемъ протянулъ староста.
...отъ баринъ везетъ въ Козельскъ.
... поздній часъ ночи, за ворота выскочили безъ
...полушубкахъ въ накидку другіе наличные ямщики,
...ие, пробужденные крикомъ моего ямщика о волѣ,
...го, обступили меня, и надо было видѣть ихъ лико-
...ушка, родимая наша! Пришла! Дождались!" и пр. И
...нымъ дѣломъ—широкіе кресты на звѣздное небо.
...Ну, Зиновій, завастривай! командовалъ мой прежній
... новому ямщику. Береги барина. Чувствуешь, какую
...ить онъ везетъ. Да попроворнѣе. А то, небось, тамъ за-
...ь".

...Козельскъ пріѣхалъ я раннимъ утромъ и сейчасъ же
...правнику. Плоды крѣпостного права встрѣтили меня при
...ъ же моемъ вступленіи на арену отмѣны его. За нѣсколько
...о моего пріѣзда въ деревню къ молодому холостому по-
...у [1]) изъ „малодушныхъ", какъ юмористически называли
...же помѣщики своихъ собратьевъ, имѣвшихъ меньше ста
... въ отличіе отъ „великодушныхъ", владѣвшихъ бо́льшимъ
...ствомъ ихъ, пріѣхалъ молодой неженатый сосѣдъ, тоже
...малодушныхъ". Сосѣди подвыпили, чѣмъ они спеціально
...ималисъ, за отсутствіемъ другихъ интересовъ. Прислужи-
...мъ дворовая дѣвочка, не достигшая еще 14-ти лѣтъ. Въ
...ъ разговорѣ гость обратилъ на нее вниманіе хозяина.

...Гуражевскому.

„Что ты на нее смотришь? Давно бы ужъ..." И прочее... Хозяинъ послушалъ сосѣдскаго совѣта—и тутъ же распорядился съ дѣвочкой... Мать бросилась сейчасъ же къ исправнику. Исправникомъ тогда въ Козельскѣ служилъ Сергѣй Алекс. Голофѣевъ, человѣкъ разумный, выдающейся честности и прямоты, безпристрастный другъ своихъ крестьянъ и народа и горячо преданный крестьянскому освобожденію. В. А. Арцимовичъ высоко цѣнилъ его, посылалъ, въ качествѣ эксперта, въ главный комитетъ, когда тамъ разрабатывался проектъ Положеній объ освобожденіи крестьянъ, и потомъ избралъ мировымъ посредникомъ перваго призыва. Несмотря на то, что онъ служилъ по выбору отъ дворянъ, онъ не стѣснялся говорить правду въ глаза и не давалъ спуску, въ случаѣ злоупотребленія ихъ своими помѣщичьими правами. Не далъ онъ спуску и въ данномъ случаѣ. По жалобѣ дѣвочки и ея матери, сейчасъ же началось слѣдствіе. Для производства слѣдствій тогда только-что введенъ былъ институтъ судебныхъ слѣдователей. Слѣдователемъ въ Козельскѣ былъ Мих. Андр. Смоленскій, ставленникъ В. А. Арцимовича, приглашенный имъ изъ Тобольска, человѣкъ высокой служебной нравственности. Онъ тоже не далъ потачки. И случилось, по роковому совпаденію обстоятельствъ, что представитель крѣпостного произвола заключенъ былъ въ тюрьму какъ разъ въ тотъ именно день, когда явился въ Козельскъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ этого произвола.

Несмотря на всѣ усилія наши объявить манифестъ тотчасъ же и въ одинъ день по всей губерніи, несмотря на то, что для достиженія этой цѣли насъ разсылалось по губерніи 167 человѣкъ, по 3 — 4 прихода на каждаго, включая въ это число и массу мѣстныхъ участниковъ, названныхъ въ § 3-мъ правилъ, 9-го марта удалось объявить манифестъ въ одномъ лишь уѣздѣ, въ калужскомъ, какъ ближайшемъ къ Калугѣ и занимающемъ сравнительно меньшую площадь. Изъ другихъ же уѣздовъ, какъ болѣе отдаленныхъ отъ Калуги, потребовавшихъ поэтому болѣе времени для переѣздовъ туда и раскинутыхъ притомъ на большомъ пространствѣ, наприм. въ тарусскомъ, боровскомъ, малоярославецкомъ, лихвинскомъ, перемышльскомъ, манифестъ былъ объявленъ 10 марта, медынскомъ, мещовскомъ, козельскомъ, жиздринскомъ 10 и 11 числа, а въ мосальскомъ 11 и даже 12 марта. Болѣе успѣшно сдѣлать это помѣшалъ рядъ мелкихъ, но непреодолимыхъ препятствій. Мнѣ неизвѣстны эти препятствія въ другихъ уѣздахъ, но въ козельскомъ они заключа-

лись, между прочимъ, въ участіи въ данномъ дѣлѣ уѣзднаго судьи и членовъ уѣзднаго суда, служившихъ по выборамъ отъ дворянства. Какъ въ козельскомъ уѣздѣ, такъ и вездѣ по Россіи всѣ почти они жили въ своихъ деревенскихъ пещерахъ и въ города, для рукоприкладства подъ бумагами, сфабрикованными секретарями и канцеляріей, наѣзжали лишь разъ или два въ недѣлю. Поэтому, когда я пріѣхалъ въ Козельскъ съ манифестомъ, исправникъ долженъ былъ посылать по деревнямъ за этими господами, чтобы условиться относительно времени и порядка объявленія манифеста. А это требовало времени. Затѣмъ, по уѣзду мы разъѣзжали „на обывательскихъ", въ сущности крестьянскихъ лошадяхъ, по справедливости прозванныхъ богопрогнѣванными. А это въ тѣ архаическія времена дѣлалось такимъ образомъ: если вы ѣдете изъ города въ деревню куда-нибудь по дѣламъ службы, полиція, которую представлялъ тогда блаженной памяти „земскій судъ", посылаетъ, по вашему требованію, пѣшаго разсыльнаго въ подгородную деревню „нарядить" подводу для васъ пароконную или одноконную, смотря по вашему рангу. Пока разсыльный дойдетъ до деревни и найдетъ старосту, а староста пошлетъ за десятскимъ, а десятскій сходитъ въ очередный дворъ „нарядить подводу", а подводчикъ покормитъ лошадей, запряжетъ ихъ и пріѣдетъ съ разсыльнымъ къ вамъ въ городъ, проходятъ цѣлые длинные часы. Время удлиняется въ тѣхъ случаяхъ, если одну лошадь нужно брать въ одномъ дворѣ, а другую въ другомъ. Кромѣ того, ни одинъ нарядъ подводы не обходится безъ перекоровъ. Наряженный десятскимъ подводчикъ начинаетъ, по обыкновенію, спорить, доказывать, что давать подводу не его „рядъ" (очередь), а дяди Митяя. Вызывается дядя Митяй и, въ свою очередь, начинаетъ горячо доказывать, что ѣхать „рядъ" дяди Миняя. Подымается шумъ, крикъ, споръ, цѣлое слѣдствіе, и, наконецъ, прекращается все это властнымъ голосомъ старосты или разсыльнаго. Но бывало иногда и такъ: лошади найдены, но на нихъ некому ѣхать, мужикъ или боленъ, или его дома нѣтъ. Вопросъ этотъ разрѣшается иногда тѣмъ, что съ подводой наряжалась баба. Но на добытой такимъ мучительнымъ образомъ подводѣ вы ѣдете только верстъ 7—8. На слѣдующемъ пунктѣ начинается опять та же исторія съ нарядомъ подводы, но безъ участія уже разсыльнаго, а дальше снова то же мытарство. Особенно они томительны были въ лѣтнюю рабочую пору, когда крестьяне и лошади были заняты въ полѣ или на лугахъ, когда въ деревнѣ нельзя было найти ни старосты, ни десятскаго. И избѣжать этихъ пытокъ не было ни-

какой возможности, потому что сложила ихъ сама жизнь. Съ ними безсильна была и полиція, какъ бы она ни усердствовала. Ихъ не устраняло даже и такое экстренной важности дѣло, какъ объявленіе манифеста. Не пришлось только имѣть въ качествѣ подводчицъ женщинъ, но другія мытарства пришлось испытать.

Непримиримымъ врагомъ нашего дѣла явилось быстро начавшееся дружное таяніе снѣговъ въ поляхъ. Жители культурныхъ городовъ понятія не имѣютъ о томъ, что значитъ: „проѣхать нельзя". Они даже не слыхали о такихъ обычныхъ и горько знакомыхъ въ деревняхъ терминахъ, какъ „распутье", „просовы", „зажоры" и т. п. Благодаря имъ, выѣхавъ 9 марта до сумерекъ изъ Козельска, я въ тотъ же день не доѣхалъ до перваго изъ четырехъ селъ моего участка, находящагося въ 25 верстахъ отъ города, а принужденъ былъ ночевать въ деревнѣ и попалъ въ село уже часамъ къ двумъ 10-го марта, а отъ второго села до третьяго, всего какихъ-нибудь верстъ 8—9, ѣхалъ съ 6-ти до 11 часовъ ночи, когда священникъ уже спалъ, и народу не было въ сборѣ, такъ что объявленіе манифеста въ томъ и въ слѣдующемъ, четвертомъ селѣ поневолѣ нужно было отложить до утра 11-го числа.

Зима въ 1860—61 году была особенно богата снѣгами. Въ первой половинѣ марта снѣга начали дружно таять и превратились въ глубокій плотный кисель. Особенно много ихъ „надувало" высокимъ гребнемъ на полотно полевыхъ дорогъ. Ступая по такой дорогѣ, лошадь буквально почти на каждомъ шагу проваливалась, выражаясь по-деревенски, „по брюхо". и вязла въ снѣгу. Но для нея, а главное для подводчика, истиннымъ мученіемъ были „зажоры". Это особенно высокіе наносы снѣга въ оврагахъ, и вообще въ низкихъ мѣстахъ, „въ низинахъ", прорѣзанные поперекъ дороги быстрыми ручьями растаявшаго снѣга и образовавшіе кругомъ болѣе или менѣе обширную площадь жидкаго глубокаго снѣга, насквозь пропитаннаго водой. Бѣдный подводчикъ какъ, бывало, подъѣдетъ къ такой „зажорѣ", стоитъ въ недоумѣніи—смотритъ, гдѣ бы „почище" проѣхать. Но кругомъ или вода, или снѣгъ. И лѣзетъ несчастный въ снѣгъ по колѣни „отаптывать" его, чтобы не завязить сани въ снѣгу и не погрузить лошадь въ водѣ. Но только-что мы выкарабкаемся изъ одной „зажоры", насъ ожидаетъ другая. А проѣхали зажоры, начинаемъ вязнуть въ снѣгу. Такъ и сидимъ, бывало, то въ снѣгу, то въ „зажорѣ". А на ногахъ у подводчика только наши родныя лапотки, да онучи мокрыя — хоть выжимать. А на плечахъ худенькій полушубокъ да свитка. И, несмотря на

ѣ эти муки, ни одного слова ропота за такое адское пору-
ніе! Только и скажетъ, бывало, иной: „ну, ужъ путину Господь
ослалъ!“ или что-нибудь невинное, въ этомъ родѣ. У одного
лько вырвалось что-то въ родѣ ропота. Пришлось какъ-то
ень ужъ горько и трудно въ одной зажорѣ. Оглядываясь кру-
мъ и ища выхода изъ затрудненія, подводчикъ произнесъ:
хъ ты, мужицкое житье! Что всталъ, то за вытье!“ Но и
отъ ропотъ высказанъ былъ съ улыбкой и въ смыслѣ ироніи
свое безсиліе передъ трудно одолимымъ препятствіемъ.

А этотъ никогда не покидающій крестьянина юморъ,
ягчающій его горькое существованіе, сказывается безпре-
анно. Подъѣзжаемъ, бывало, къ зажорѣ. Подводчикъ первымъ
ломъ выскакиваетъ изъ саней и прямо въ снѣгъ или въ воду.
-Куда ты лѣзешь? Смотри, опять весь намокнешь. — Э, что
азали: намокнешь! Намокнемъ — высохнемъ. Богъ намочитъ,
огъ и высушитъ. — Простудишься! — Ничаво. Мужикъ не
оится простуды, а боится остуды.

А сколько было проявлено добродушія, милой заботливости
другомъ! Подъѣзжаемъ, бывало, къ лощинѣ и видимъ, что
ода непремѣнно должна залить всѣ сани. Подводчикъ выпрыги-
етъ въ воду, а мнѣ говоритъ: „На оглобельки-то становитесь,
то намокнете. Держитесь за лошадку-то, а то упадете. Лошадки
е бойтесь: она не брыклива. У барскаго мужика лошади
ы-ирныя. Вотъ, можетъ, съ вами заиграетъ теперь“. И было отъ
его смирными быть. Мы путешествовали сравнительно еще въ
учшихъ условіяхъ: съ нами не было никакой тяжелой поклажи.
роме того, такъ какъ насъ все же ѣхало три человѣка: под-
одчикъ, калужскій городовой и я, то, по совѣту самихъ же
рестьянъ, для облегченія лошадей мы ѣхали „въ разнопряжку“,
а двухъ саняхъ, по одной лошади въ каждыхъ, такъ что при-
одилось по два человѣка на сани (другая лошадь съ санями
оже была съ подводчикомъ). Иначе, при большой тяжести на
днихъ саняхъ, онѣ глубже погружались бы въ снѣгъ и затруд-
яли бы движеніе. Но мы ѣхали въ одно село, гдѣ былъ вино-
уренный барскій заводъ. Барскій скотъ содержался на хуторѣ,
ерстахъ въ пяти отъ села. И въ этакую-то адскую ростепель
стрѣтили мы нѣсколько подводъ съ тяжелыми бочками барды
винной гущи), ѣхавшихъ съ завода на хуторъ. Подводчиками
ыли, конечно, крестьяне. Можно представить себѣ положеніе
хъ и лошадей по такой дорогѣ. Но утѣшительный крестьян-
кій юморъ не покидалъ ихъ и здѣсь. Молодой парень, съ
лыбкой во все круглое добродушное лицо, поровнявшись съ

нами, закричалъ, указывая кнутовищемъ на мой чемоданъ: „А вонъ она, воля-то, гдѣ сидитъ! Попалась-таки! И гдѣ-жъ это ты сударушка, пропадала?“ — „А у господъ подъ печкою сидѣла Сохранялась, значитъ“, отвѣтилъ другой крестьянинъ, тоже с улыбкой. На крестьянскомъ языкѣ „сохранялась“ значитъ, что была спрятана. Въ этомъ отвѣтѣ крестьянина сказалось старое народное повѣрье, что воля давно подписана Государемъ, но помѣщики скрываютъ ее.

Но зато ни со стороны священниковъ, ни со стороны крестьянъ не было нигдѣ ни малѣйшей задержки въ самый моментъ объявленія манифеста. Когда я подъѣзжалъ къ церкви и священники, и народъ находились уже тамъ. Нужно припомнить, что 10-е марта въ 1861 г. падало на пятницу, а 11-е марта на субботу первой недѣли Великаго поста. А мужчины крестьяне собственно на этой недѣлѣ почти всѣ поголовно говѣютъ, чтобы потомъ на весь постъ быть свободными въ распоряженіи своимъ временемъ. Чтобы не уходить всѣмъ старшимъ изъ дома въ эти дни, женщины и молодежь говѣютъ на слѣдующихъ недѣляхъ. Такъ это было при крѣпостномъ правѣ, такъ и теперь ведется. Этимъ совпаденіемъ дней объявленія манифеста съ пятницей, когда исповѣдуются крестьяне, и съ субботой, когда они пріобщаются, объясняется, между прочимъ, переполненіе храмовъ крестьянами, и исключительно почти мужчинами, и преимущественно домохозяевами, стариками и людьми зрѣлаго возраста, и совершенное почти отсутствіе женщинъ. Этимъ же совпаденіемъ объясняется, что крестьяне явились въ церковь „обряженные“ по праздничному: въ сапогахъ, у кого они были, а у кого не было ихъ — въ новыхъ, свѣжихъ лаптяхъ, въ чистыхъ онучахъ, въ свѣжихъ праздничныхъ полушубкахъ и крѣпкихъ зипунахъ сверхъ полушубковъ, или въ чистыхъ нагольныхъ овчинныхъ шубахъ и вообще выглядѣли нарядно, по-своему. Изъ уваженія къ церкви и къ праздничнымъ днямъ и къ днямъ исповѣди и причастія, когда они могутъ отдохнуть отъ своихъ непрерывныхъ работъ въ продолженіе цѣлой недѣли и сбросить съ себя будничную рабочую одежду, они вообще являются въ церковь въ праздничномъ видѣ. Такъ это бывало и прежде. Этимъ же совпаденіемъ объясняется и степенность, чинность и какая-то хмурая сосредоточенность крестьянъ въ моментъ совершенія самаго акта объявленія манифеста. Въ нѣкоторыхъ церквахъ приходилось заставать только часть народа, а остальную часть около церкви. Или бывало такъ, что нѣкоторые входили въ церковь

уже въ моментъ чтенія манифеста. Но и тѣ, и другіе входили безъ давки, безъ суматохи, безъ желанія пробраться впередъ и стать поближе къ священнику или ко мнѣ. Наконецъ, тѣмъ же совпаденіемъ объясняется, мнѣ кажется, и засвидѣтельствованное потомъ всѣми губернаторами отсутствіе попоекъ въ народѣ вслѣдъ за объявленіемъ манифеста.

Кто знаетъ крестьянскую жизнь, тотъ наблюдалъ, что во время говѣнія истые крестьяне считаютъ грѣхомъ протягивать руку къ водкѣ [1]). Они даже смотрятъ неодобрительно и на тѣхъ, кто пьетъ въ это время. Я имѣлъ случай наблюдать это еще задолго до объявленія манифеста. Съ разсчетомъ или безъ разсчета на эти крестьянскіе обычаи распорядилось правительство объявить манифестъ и вообще обнародовать волю именно въ Великій постъ, во всякомъ случаѣ въ полицейскомъ отношеніи это вышло удачно... Общественное спокойствіе, какъ извѣстно, нигдѣ въ цѣлой Россіи нарушено не было.

Чтеніе манифеста крестьяне слушали безмолвно и съ какою-то окаменѣлою неподвижностью, стараясь не проронить ни одного слова, ни одного звука и не нарушить тишины ни движеніемъ, ни шорохомъ. Вся плотная масса ихъ точно замерла. Въ церкви раздавалось только монотонное псалтырное чтеніе манифеста. Священникъ какъ бы отчитывалъ псалтырь по погребаемомъ крѣпостномъ правѣ. Крестьяне слушали ушами, но, кажется, еще больше глазами. Они все старались поймать тотъ моментъ, когда, наконецъ, вылетитъ изъ устъ чтеца, и они поймутъ радостно то завѣтное „слово о волѣ", котораго они такъ долго и такъ томительно ждали, изъ-за котораго столько поколѣній выстрадало столько безпощадныхъ, позорныхъ мученій, для котораго готовили и берегли въ своей безпросвѣтной, изболѣвшей душѣ всѣ небогатые запасы способности радоваться, всѣ свои лучшія, свѣтлыя упованія. Общее движеніе произвели только послѣднія слова манифеста, когда священникъ возгласилъ: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ". По этой командѣ всѣ точно очнулись: правыя руки у всѣхъ моментально поднялись ко лбу, пальцы сложились въ крестное знаменіе и начали звучно переноситься съ плеча на плечо полушубковъ, а головы склоняться для поясныхъ и земныхъ поклоновъ. Заволновался народъ также по поводу колѣнопреклоненія на молебнѣ.

Когда по всей губерніи манифестъ былъ объявленъ, и Поло-

---

[1]) Нѣкоторые „зарекаются" отъ нея даже на весь постъ.

женія розданы, нѣкоторые исправники доносили В. А. Арцимовичу, что чтеніе манифеста было встрѣчено освобожденнымъ народомъ „съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, въ совершенномъ порядкѣ, тишинѣ и спокойствіи“. А одинъ исправникъ размахнулся въ своемъ донесеніи, что манифестъ выслушанъ былъ, будто бы, „съ благоговѣйной радостью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ восторгомъ“ [1]).

Я объявлялъ манифестъ въ четырехъ приходахъ, развозилъ Положенія по 27 деревнямъ, видѣлъ массу крестьянъ, живо интересовался впечатлѣніемъ на нихъ новыхъ законовъ, но не наблюдалъ между ними восторговъ и склоненъ относить полицейскія донесенія о крестьянскихъ „взыграніяхъ“ насчетъ чиновничьяго желанія преподнести губернатору букетъ своего краснорѣчія или насчетъ стародворянской галантности сказать что-нибудь пріятное тамъ, гдѣ это нужно, и тѣмъ выгодно отрекомендоваться въ качествѣ пріятнаго человѣка. Исправникамъ, служившимъ хотя по выборамъ, но все же зависѣвшимъ отъ губернатора, отлично было извѣстно, что можетъ сдѣлать удовольствіе В. А. Арцимовичу, горячо преданному крестьянскому дѣлу. Это подозрѣніе можно особенно относить къ тому исправнику, который расшаркался со своимъ „взыграніемъ“. Изъ служебной литературы его мнѣ извѣстенъ такой курьезъ: какъ-то лѣтомъ доноситъ онъ губернатору, что въ одной деревнѣ въ его уѣздѣ случился пожаръ, а произошелъ онъ отъ *пролетарія.* Въ канцеляріи заинтересовались, отъ какого это пролетарія могъ произойти пожаръ, и попросили исправника объяснить.

„Да надъ деревней зашла гроза-съ, писалъ исправникъ. Молнія пролетѣла сквозь крестьянскую трубу-съ и зажгла избу-съ, а отъ этой избы сгорѣло еще нѣсколько крестьянскихъ дворовъ-съ. Вотъ и вышло, что пожаръ произошелъ, стало быть, отъ пролетарія-съ!“ Такіе-то представители „просвѣщеннаго“ дворянства сидѣли иногда въ тѣ времена по своимъ деревенскимъ берлогамъ, выбирались на общественныя должности и заправляли крестьянскою жизнью!...

Ободряющее впечатлѣніе произведено было прочитаннымъ мною печатнымъ объявленіемъ губернскаго правленія въ томъ смыслѣ, что это пока еще манифестъ, а что самые законы о новомъ положеніи крестьянъ содержатся въ Положеніяхъ, въ особой книгѣ, что она въ скоромъ времени будетъ получена и

---

[1]) Сообщеніе В. А. Арцимовича министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 марта 1861 г., за № 1456.

роздана на руки имъ. Но недовѣріе къ объявленной волѣ засѣло уже въ душѣ у крестьянъ. Изъ церкви они выходили тихо, понуро. Никто не поставилъ лишней свѣчки къ иконамъ, не остался въ церкви по душѣ помолиться.

Въ одной церкви при объявленіи манифеста присутствовали двѣ барыньки изъ „малодушныхъ" и изъ сорта „Коробочекъ". Выходя изъ церкви, по унаслѣдованной издревле привычкѣ, крестьяне отвѣшивали имъ подобострастные поклоны, и подобострастіе ихъ было вполнѣ искреннее, а не лукавое, какъ у людей, безповоротно освобожденныхъ отъ господской власти.

„А кто же ее знаетъ, какая это воля-то будетъ! Можетъ, опять будемъ подъ господами", говорили эти поклоны. Выходилъ изъ церкви юноша-крестьянинъ и радостно сказалъ другому пожилому: „Ну вотъ, значитъ, и воля, дядя Мокей!" —Погоди, парень, не радуйся, осадилъ его тотъ угрюмо: еще не знаешь, что̀ тебѣ скажетъ воля!

Объявленіе Положеній принято было гораздо живѣе. Очень жаль, что обнародованіе ихъ совершено не въ одно время съ объявленіемъ манифеста, и крестьяне протомились нѣсколько лишнихъ дней въ неизвѣстности и мрачныхъ думахъ объ ожидающей ихъ участи. Извѣстно, какъ спѣшили въ Петербургѣ печатаніемъ и брошюровкой экземпляровъ Положеній. Тѣмъ не менѣе, потребовалось нѣкоторое время для изготовленія ихъ въ количествѣ, нужномъ для всей освобожденной Россіи. Произошла задержка въ разсылкѣ ихъ по губерніямъ, а также и по полученіи ихъ въ мѣстахъ складовъ. А затѣмъ, доставка ихъ въ города, лежащіе въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, замедлилась тѣмъ же разстройствомъ пути, которое помѣшало и быстрому однодневному объявленію манифеста. Напримѣръ, посланный В. А. Арцимовичемъ въ Москву особый чиновникъ за полученіемъ экземпляровъ Положеній отправился изъ Калуги въ одинъ день съ нами, т.-е. 8 марта, но получилъ ихъ въ Москвѣ отъ администраціи николаевской желѣзной дороги только 11 марта, и въ ближайшій городъ къ Москвѣ — Малоярославецъ (по шоссейной московско-брестской дорогѣ, называемой въ простонародьѣ „Варшавской"), пріѣхалъ 12 числа. Отъ Малоярославца до Калуги 58 верстъ нужно было ѣхать не по шоссе, а по почтовой дорогѣ. Но путь къ этому времени уже совершенно разстроился. Транспортъ же съ экземплярами Положеній былъ грузный: 4.500 экземпляровъ, и ѣхать съ ними по такому пути было совершенно невозможно. Поэтому, по сношеніи съ В. А. Арцимовичемъ, чи-

новникъ распорядился оставить малоярославецкому исправник 230 экземпляровъ, собственно для малоярославецкаго уѣзда для разсылки по почтѣ въ ближайшіе по пути уѣзды: боро скій—270 экз., медынскій—505 экз., мещовскій—585 экз мосальскій—530 экз. и жиздринскій—485 экз. Для осталь ныхъ же уѣздовъ: калужскаго—460 экз., перемышльскаго—375 экз., лихвинскаго—330 экз., козельскаго—395 экз. и та русскаго—335 экз., привезъ съ собою въ Калугу, подвергаяс въ дорогѣ всевозможнымъ невзгодамъ и даже опасностямъ, вс отъ того же разстройства пути, и тащась 58 верстъ едва н полтора сутокъ, а изъ Калуги экземпляры Положеній разослан въ уѣзды по почтѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что „тя желая почта“—почта съ посылками, ходила тогда, по устано вленному правительствомъ расписанію, не ежедневно, а тольк въ извѣстные дни, назначенные расписаніемъ, раза 2—3 в недѣлю. По всѣмъ этимъ причинамъ, слѣдуемые въ козельскі уѣздъ экземпляры Положеній доставлены къ исправнику уж 20 марта.

По §§ 5 и 9 правилъ, раздача Положеній крестьянамъ помѣщикамъ предполагалась одновременно съ объявленіемъ мани феста, такъ чтобы послѣ обнародованія его сейчасъ же, тутъ же въ церкви они получали и Положенія. Но такъ какъ разсылк ихъ по уѣзднымъ городамъ запоздала, то, по новому распоря женію В. А. Арцимовича, для раздачи Положеній чиновник должны были отправиться по всѣмъ деревнямъ, входящимъ в составъ приходовъ ихъ участковъ. Для исполненія этого дѣл я отправился 20-же марта, въ день полученія отъ исправник экземпляровъ Положеній. Къ этому времени путь уже совер шенно разстроился. На поляхъ осталась еще масса растаявшаг жидкаго снѣга, но много его и сошло съ полей, и взамѣнъ ег явилась густая, глубокая, невылазная грязь. Приходилось ѣздит гдѣ на крестьянскихъ санахъ-розвальняхъ, а гдѣ на крестьян скихъ телѣгахъ.

Крестьяне еще при объявленіи манифеста были пред увѣдомлены мной, что я долженъ буду пріѣхать для раздачи имъ Положеній. Поэтому, когда я появлялся въ какую-нибудь деревн своего участка, обыкновенно останавливался у старосты и про силъ его собрать сходку, онъ сейчасъ же или самъ бѣжалъ, или посылалъ кого-нибудь изъ домашнихъ за десятскимъ, и когда онъ появлялся, по обыкновенію, съ посошкомъ, какъ символомъ власти, отдавалъ ему приказаніе: „бѣги, сватъ, по деревнѣ, *околачивай* сходку, скажи молъ: воля пріѣхала“. Это значило,

что десятскій долженъ идти изъ двора во дворъ, съ улицы *„постучать-поколотить“* своимъ посошкомъ въ окно или въ дверь, покричать: „Дядя Артемъ, бѣги на сходку!“ потомъ идти къ сосѣднему двору, постучать и тамъ посошкомъ въ окно или въ дверь, покричать: „Сватъ Ахремъ (Ефремъ), вали на сходку!“ и такъ далѣе по всѣмъ дворамъ. Узнавъ еще раньше повѣстки десятскаго отъ ребятишекъ, прибѣжавшихъ съ улицы домой съ крикомъ: бачка (батюшка), воля пріѣхала!“ крестьяне не заставляли себя ожидать и быстро сходились на сходку. Нѣкоторые выскакивали изъ своей избы съ полушубкомъ въ рукахъ и уже на-ходу надѣвали его на себя и застегивались. Не застегнуться, „не опрянуться“, считается въ деревняхъ неприличнымъ. Изъ нѣкоторыхъ дворовъ, вмѣстѣ съ домохозяевами, являлись на сходку и другіе члены семьи ихъ. Являлись иногда и женщины. Смотря по погодѣ и по количеству крестьянъ, принадлежащихъ къ извѣстному обществу, чтеніе изъ Положеній статей, отмѣченныхъ В. А. Арцимовичемъ, приходилось дѣлать или прямо на улицѣ противъ старостиной избы, или въ его избѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне принадлежали нѣсколькимъ помѣщикамъ и составляли отдѣльныя общества. Поэтому каждое изъ нихъ собиралось у своего старосты, и каждому обществу нужно было прочитать избранныя статьи Положеній и вручить отдѣльный экземпляръ книги. Этимъ обстоятельствомъ объясняется значительность количества экземпляровъ Положеній, разосланныхъ по губерніямъ. Нужно имѣть въ виду, кромѣ того, что отдѣльные экземпляры Положеній выдавались еще каждому помѣщику, или, если его самого не было налицо, его управляющему, или вообще довѣренному. Чтеніе статей Положеній крестьяне выслушивали съ глубокимъ, безмолвнымъ вниманіемъ; если случалось, и то очень рѣдко, что какой-нибудь нервный, нетерпѣливый крестьянинъ выскакивалъ съ своимъ вопросомъ, кто-нибудь изъ стариковъ сейчасъ же сдерживалъ его: „Погоди, не спѣши. Вишь читаютъ. Экой несообразный“. И тотъ сейчасъ же конфузливо умолкалъ. Разговоры начинались иногда уже по окончаніи чтенія, но въ большинствѣ случаевъ крестьяне молча расходились по своимъ дворамъ. Разговоры—и то осторожные, и неясные—заводились, конечно, о самомъ близкомъ, дорогомъ для крестьянъ предметѣ: о землѣ, правѣ на нее, количествѣ. Разговоры эти начиналъ обыкновенно кто-нибудь изъ старшихъ крестьянъ. Переминаясь съ ноги на ногу и предварительно откашлявшись въ руку, хотя не чувствуя никакого позыва къ кашлю, а такъ ужъ, изъ политичности, старикъ, какъ будто вскользь и

будто бы это вовсе не интересно ему, пропускалъ сквозь зу(вопросъ: а какъ будетъ насчетъ землицы?—Что на счетъ земл Да тые... Какъ будетъ то-ись (есть)... какъ оно значитъ б детъ? И когда я, видя въ чемъ дѣло, отвѣчалъ, что въ скоро времени будутъ назначены мировые посредники, что они все э разъяснятъ, все устроятъ, старикъ, отводя отъ меня глаза, сп шилъ увѣрить меня: „Да это я такъ... Я ничего... и уходил Нѣкоторые просили прочитать имъ всю книгу Положенiй. Ког я говорилъ имъ, что для этого я оставлю имъ книгу, оказыв лось, что у нихъ некому ее читать. Было обычнымъ явленiем что въ цѣлой деревнѣ, иногда довольно большой, не было ни одно грамотнаго. „Насъ вѣдь господа этому не учили. А то вы, г ворятъ, будете писать себѣ фальшивые паспорта да бѣгать сторонамъ". Окончивъ чтенiе, я спрашивалъ у крестьян кому изъ нихъ отдать Положенiя? „Да ужъ, вѣстимо, выбор ному!" отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. По новости и необы ности дѣла, староста иногда колебался брать книгу, подъ пре логомъ: какъ бы тые... чего не было, значитъ... Но крестьян уговаривали его: „Бери. На то ты и выборный. Чего ты боишься-т Небось, не укуситъ. Видишь, она безъ зубовъ". Когда я, вр чивъ старостѣ книгу, говорилъ, чтобы онъ берегъ ее, и об яснялъ, почему надо беречь ее и дорожить ею, крестьяне гов рили: „И, какъ можно! Мы ее на божничку положимъ". Во вращенiе имъ человѣческихъ и общественныхъ правъ, пра свободно располагать собою, своимъ временемъ, своею дѣятел ностью, права свободныхъ браковъ, права на ихъ физическу неприкосновенность и проч. принято было крестьянами съ вид мымъ удовольствiемъ, но съ поразительною сдержанностью. трудно было разгадать, была ли это прiобрѣтенная вѣкам замкнутость, была ли это общая атрофiя способности проявлят движенiя своей психической жизни, или неподавленное даж вѣковымъ крѣпостнымъ гнетомъ сознанiе своихъ правъ на вс возвращаемое имъ теперь реформой. Смущала ихъ срочност обязательныхъ отношенiй къ помѣщикамъ, временная завис мость отъ нихъ, и въ душѣ ихъ, видимо, стояла мрачная, не отступная мысль: „Ахъ ты, Господи! Еще сидѣть на арканѣ!" Но она выражалась только безмолвнымъ почесыванiемъ въ за тылкѣ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне благодарны были и за то, что даютъ имъ, и одинъ старичокъ изъ бывалыхъ и политичныхъ произнесъ не безъ чувства: „спасибо, спасибо батюшкѣ царю, что вспомнилъ о насъ грѣшныхъ". Женщины оказались непо средственнѣе въ проявленiи своихъ впечатлѣнiй. Когда я про-

читалъ 5-ю ст. Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, гдѣ говорится о немедленной со дня обнародованія Положеній и повсемѣстной отмѣнѣ всякихъ существующихъ доселѣ добавочныхъ сборовъ съ крестьянъ или дани сельскими произведеніями, какъ-то: птицей, баранами, масломъ, яйцами, ягодами, грибами, разными съѣстными припасами, хлѣбомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и проч., и объяснилъ содержаніе этой статьи, женщины просіяли и стали съ блаженной улыбкой, но молча, переглядываться одна съ другой. А одна, не молодая уже, видимо, разбитная, тетка Лукерья, не выдержала и съ радости, очевидно, не довѣряя себѣ, спросила у меня: Что-жъ, теперь, значитъ, и курочку отдавать господамъ шабашъ? — Теперь ужъ шабашъ! — И яички шабашъ? — И яички шабашъ. — И тальки прясть на господъ шабашъ? — И тальки шабашъ. — И ягоды и грибы собирать для господъ шабашъ? — Да, все шабашъ. — А когда же шабашъ? — А вотъ съ этой минуты все и шабашъ. Вчера еще можно было, а вотъ сейчасъ ужъ нельзя.—Значитъ, какъ лѣто придетъ, можно ужъ не ходить по грибы и по ягоды на господъ?—За деньги отчего же, можно, ходи себѣ, или если будетъ твоя добрая воля.—Да ты не нарочно?—Нѣтъ, взаправду. Вотъ въ этой законной книгѣ написано. — И, бабочки, милыя! Что-жъ это такое къ намъ привалило! воскликнула радостно тетка Лукерья, обернувшись къ женщинамъ. Вотъ такъ ловко! Значитъ, нашей Александрѣ Сергѣевнѣ вотъ теперь что̀! И она безцеремонно послала масляный шишъ по направленію къ барскому двору. Но ее сейчасъ же осадили нѣкоторые изъ мужчинъ постарше и постепеннѣе: „Да будетъ тебѣ! Э, шалава!“ А кто-то обозвалъ ее балалайкой. Но это не смутило тетку Лукерью. „А чаво-жъ? отвѣтила она бойко. Насъ теперь голой рукой не хватай! Я теперь вольная!“ И надо было видѣть этотъ радостный блескъ въ глазахъ, это разлитое по всему лицу чувство самоудовлетворенности, когда она выкрикнула это: „я теперь вольная!“ „Вы ужъ не обезсудьте ее, сказали мнѣ нѣкоторые крестьяне, шокированные ея развязностью и извиняясь за нее. Видите, какая она у насъ. Потому, значитъ, по городамъ жила по работницамъ“.

Въ четырехъ селахъ и въ тридцати почти деревняхъ моего участка хотя считалось не мало помѣщиковъ, но нѣкоторые титулованные жили въ столицахъ, нѣкоторые въ другихъ имѣніяхъ, нѣкоторые состояли на службѣ, военной или гражданской, и жили въ мѣстахъ своего служенія, а нѣкоторые прямо

разбѣжались по городамъ, въ ожиданіи поножевщины со стороны крестьянъ послѣ возвращенія имъ свободы. Оставались только такіе, которымъ некуда было дѣваться, или у которыхъ отношенія къ крестьянамъ были патріархальныя, по старинной крѣпостной прибауткѣ: „вы наши отцы, а мы ваши дѣти“, но тѣхъ оставалось немного, въ 4—5 деревняхъ въ моемъ участкѣ, и все почти однѣ только ветхозавѣтныя барыни изъ „малодушныхъ“. Только при одной изъ нихъ жилъ ея зять, служившій нѣкогда становымъ приставомъ, стараго типа, но извергнутый изъ службы за утайку денегъ, пожертвованныхъ на нужды Крымской войны. Послѣ возвращенія крестьянамъ свободы онъ открылъ при домѣ своей тещи кабакъ, самъ въ немъ сидѣлъ, продавалъ водку, не разъ былъ изловленъ въ обмѣрѣ, собственноручно вертѣлъ изъ бумаги пробки для полуштофовъ, скупалъ у деревенскихъ женщинъ тряпье, самъ, на возу сидя, возилъ его въ городъ продавать, нажилъ нѣкоторыя деньжонки и сдѣлался для крестьянъ тѣмъ благодѣтелемъ, типъ которыхъ былъ окрещенъ потомъ именемъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Изъ всѣхъ этихъ „господъ“ при объявленіи манифеста присутствовали только двѣ барыни и поняли его меньше, нежели поняли его крестьяне. Остальные же „господа“ не пріѣхали въ церковь, хотя и были извѣщены мною. Къ раздачѣ Положеній тоже никто не явился на сходку, такъ что я долженъ былъ вручать Положенія имъ въ домахъ. И всѣ встрѣчали меня непріязненно, сухо. Въ пріемахъ ихъ такъ и просвѣчивала затаенная мысль: вотъ онъ явился, нашъ врагъ; пришелъ развѣнчивать насъ. Въ виду подобнаго отношенія ихъ и легіона подобныхъ имъ къ крестьянской реформѣ, какой злой ироніей звучали слова манифеста, что она совершилась „по собственному великодушному вызову ихъ“. Когда я лично приглашалъ зятя изъ становыхъ на сходку для врученія Положеній, онъ обидчиво процѣдилъ: „да что-жъ мнѣ тамъ дѣлать?“ какъ будто я нанесъ ему личное оскорбленіе, что позволилъ себѣ пригласить его, „барина“, на сходку къ его крестьянамъ, поставить его на одинъ уровень съ ними. Теща его положительно пришла въ отчаянье, когда я объявилъ ей, что съ этого момента прекращаются всякіе дани и сборы съ крестьянъ. Какъ обрадовала отмѣна ихъ тетку Лукерью, такъ опечалила она эту Коробочку. Она даже руками всплеснула. Точно лишилась она послѣдняго куска хлѣба, до того всосалась въ нее привычка къ этимъ поборамъ, а главное—привычка къ проявленію своей помѣщичьей власти, заказывать эти дани, принимать ихъ, сортировать ихъ, бить по щекамъ бабъ за не-

исправное заготовленіе ихъ, за недоброкачественность ихъ. „Ахъ, Господи! Да что же это такое? Какіе же мы стали теперь господа? То получали все, получали, а то вдругъ и нѣтъ ничего. Да какая же это такая воля? Нельзя ужъ и распорядиться своими рабами“, говорила чуть не со слезами старушка. „Не рабы теперь, а такіе же свободные, какъ и вы“, вставилъ я. „Ну, вы, Богъ знаетъ, что̀ говорите. Старушка вспыхнула даже до красноты. Это вы все сочиняете. Это все Арцимовичъ вашъ сочинилъ. Я увѣрена, что по другимъ губерніямъ ничего этого нѣтъ. Только нашу губернію Богъ наказалъ такимъ губернаторомъ“. Но мелкая алчность и сила привычки къ собиранію всѣхъ этихъ холстовъ, яицъ, куръ, грибовъ и т. п. преодолѣла въ старушкѣ даже негодованіе къ волѣ и В. А. Арцимовичу, и она начала упрашивать меня не объявлять крестьянамъ объ отмѣнѣ поборовъ. Когда я отвѣтилъ, что уже объявилъ имъ объ этомъ, она ударилась въ слезы, а потомъ начала просить, чтобъ я снова собралъ крестьянъ и сказалъ имъ, что я пошутилъ или ошибся. Оставалось, конечно, только поскорѣе уѣхать отъ алчной и безтолковой крѣпостницы.

Разъѣзды по деревнямъ для обнародованія Положеній доставили случай непосредственно видѣть и обонять па самомъ мѣстѣ чтенія этотъ смрадный, только что убитый крѣпостной трупъ. При разъѣздахъ по такому количеству деревень глазъ до того наметался, что быстро отличалъ оброчное имѣніе отъ барщинскаго имѣнія, гдѣ помѣщики не жили сами, а управляли или черезъ управляющаго, или черезъ бурмистра, и имѣнія, гдѣ они свили свое гнѣздо. Въ первыхъ и люди смотрѣли бодрѣе, и избы у нихъ были исправнѣе, и въ избѣ чище, и скотъ лучше, и было больше его, и лошади, и сбруя на нихъ, и телѣги, и сохи, и сани—все глядѣло какъ-то полнѣе, шире, крѣпче. Все показывало, что отдалъ крестьянинъ барскій оброкъ, внесъ подушныя — и спокоенъ, и все время употреблялъ на себя и на свою кормилицу-землю. Но, несмотря на наружное довольство, что-то неуловимое изобличало, что подъ крышами этихъ такъ исправно глядѣвшихъ избъ живетъ точно какой-то повальный недугъ, неотступный, неумолимый, который не даетъ обитателямъ ихъ разростись во всю ихъ силу и ширь, неумолкаемо, какъ зубная боль, сосетъ имъ сердце и ежеминутно грозитъ: „А ну-ка, попробуй, развернись вовсю. А я вотъ сейчасъ возьму тебя, да и сцапаю, и подсѣку тебя подъ корень, потому ты весь у меня въ горсти, весь мой: и душа твоя, и тѣло твое, и жена твоя, и всѣ чада твои, и всѣ дни живота твоего, и всѣ

твои животы. Хочу — казню, хочу — милую". А разъ виситъ этотъ слѣпой и грубый топоръ, готовый ежеминутно опуститься надъ головой крестьянина, не зачѣмъ ему думать о завтрашнемъ днѣ, не зачѣмъ копить избытокъ своихъ трудовъ, не милы и не дорога и самая жизнь. Вѣроятно, только крѣпостная крестьянская жизнь и могла породить эту горькую формулу безотраднаго пессимизма: „день да ночь—сутки прочь; все къ смерти ближе". Но до щемящей боли сжималось, бывало, сердце, при въѣздѣ въ деревню, гдѣ живетъ этотъ апокалиптическій *самъ*, въ это мелкое, мрачное царство безграничнаго, ничѣмъ не сдержаннаго произвола, гдѣ вся крестьянская жизнь, съ горькой колыбели до отрадной могилы, проходила подъ ястребинымъ взглядомъ этого *самого*. Такъ, бывало, и носятся въ воображеніи эти картины, изображающія далекихъ океанійскихъ дикарей и ихъ жилища.

Крестьяне какіе-то хилые, малорослые, сгорбленные, точно они страдаютъ никогда не покидающей хворью. Избушки у нихъ на курьихъ ножкахъ, смрадныя, грязныя, дымныя, съ земляным непросыхающимъ поломъ, съ волоковымъ окномъ, заткнутымъ грязной тряпкой, годныя лишь на то, чтобъ укрыться отъ темной ночи. Такъ и написано на каждой: „круглая нищета и неисцѣлимое уныніе". Дѣти на улицахъ босоногія, голопузыя, не рѣзвятся, не играютъ, а сиротливо жмутся у своихъ воротъ или сидятъ на завалинкѣ и сосутъ грязный рукавъ. Женщины ходятъ въ рубашкѣ, смѣняемой, по деревенской поговоркѣ, въ годъ однова—отъ Покрова до Покрова, въ отрепанной паневѣ, въ грязной тряпкѣ на головѣ, въ разбитыхъ лаптяхъ и въ толстыхъ грязныхъ онучахъ. Но что̀ особенно поражало въ крестьянахъ, это ихъ взглядъ — этотъ ужасный рабскій, тупой и какой-то испуганный заячій взглядъ, образовавшійся подъ гнетомъ ежеминутнаго ожиданія: а вотъ налетитъ *самъ!* А вотъ на сторону чавки своротитъ! А вотъ оттащитъ на барскій дворъ, на конюшню, да такъ освѣжуетъ, что замертво стащатъ на рогожѣ домой! А вотъ потребуетъ на ночь жену или подростка дочь!... Только, бывало, и оживляется улица, когда пѣтухъ, да и то обдерганный и кривой, что-то запоетъ среди улицы (вѣроятно, что и онъ тоже барскій), но пропоетъ и оглядывается по сторонамъ, какъ бы и его тоже не сцапали и не оттащили на барскую кухню. Подадутъ, бывало, лошадей въ такой деревнѣ — сбруя веревочная или лычная, телѣга убогая, лошадки маленькія, худенькія — кожа да кости, и такія печальныя. Точно и онѣ говорятъ вамъ: „О-охъ, и мы барскія. И намъ трудно жи-

вется на свѣтѣ". А чего, бывало, приходилось наслушаться дорогою отъ подводчиковъ! Только вы и слышите: „Затяну-улъ! До петли! Ни дня, ни ночи! Разори-илъ! Въ корень! Всѣхъ бабъ перегадилъ! Человѣка на борзого кобеля промѣнялъ! Хоть живой въ землю ложись!" И такъ безъ конца. И это бывшій когда-то свободный, ни отъ кого не зависимый, полноправный и всѣмъ равный членъ общества и хозяинъ земли, хозяинъ своего святого труда! „Ну, а теперь какъ? послѣ воли?" спросишь, бывало, у такого хозяина. „Ничего! Спасибо царю: свѣтъ намъ открылъ, отвѣтитъ онъ, оживляясь. И не вѣрится; съ непривычки-то еще не разберешь, какая такая воля, что она такое есть. А должно быть всю жизнь будетъ сниться прежнее-то. Не скоро заживетъ такая болячка".

Зато какъ, бывало, обрадуешься, отдохнешь, когда изрѣдка удавалось услышать: „Ничего! Жить можно. Не какъ у другихъ. У иныхъ прочихъ-то и упаси, Царица Небесная! Какъ еще на свѣтѣ таскаются. А у насъ благодать. Потому барыня мягкая, обходительная. Заболѣешь—и лекарствица тебѣ пришлетъ, и моченаго яблочка, и водицы святой, и все такое. Оно хоть и есть маленечко, пятнышко, значитъ—зятекъ у барыни есть. Онъ больше доглядываетъ по имѣнію. Ну, этотъ не то: глядишь, нѣтъ-нѣтъ, да и щелкъ да щелкъ по зубамъ нашего брата. Мы ужъ за этимъ не гонимся. На то они господа. Барыня-то и не приказываетъ: „ты, говоритъ, Сережа, не трогай мнѣ мужичковъ", а онъ ей: „Вы, говоритъ, мамаша, не понимаете ничего. Мужика не бить—добра отъ него не видать". И опять за свое: щелкъ да щелкъ. Ну, да Богъ съ нимъ. Теперь, значитъ, все прощено". Такимъ образомъ оказывается, что въ крѣпостномъ правѣ и не было розъ безъ шиповъ...

Такъ отпѣли и похоронили мы общаго врага русскаго, врага стараго, врага лютаго, врага сильнаго, и въ послѣднихъ числахъ марта вернулись въ Калугу. Сколько разсказовъ, сколько мартирологовъ навезли мы В. А. Арцимовичу! Одинъ разсказывалъ, что когда повѣсткой приглашалъ одного генерала—владѣльца болѣе 20 тысячъ душъ крестьянъ, присутствовать при объявленіи манифеста и для врученія священникамъ Положеній, генералъ высокомѣрно возсталъ противъ такого способа обнародованія крестьянамъ новыхъ законовъ и въ длинномъ, хотя далеко не остроумномъ и достаточно безграмотномъ письмѣ на имя чиновника доказывалъ, что установленный правительствомъ

и губернской администраціей способъ обнародованія вреденъ подрываетъ помѣщичью власть, что актъ этотъ долженъ быт предоставленъ всецѣло „усмотрѣнію и распоряженію только самихъ помѣщиковъ". Чтобы доказать, что помѣщичья власть еще не „сгинѣла", генералъ черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія свободы крестьянамъ, подъ предлогомъ мнимаго бунта, заковалъ въ кандалы восемь человѣкъ мастеровыхъ и отправилъ въ Калугу, но не къ В. А. Арцимовичу, котораго онъ совершенно игнорировалъ, а къ жившему тогда здѣсь генералу Markову, впослѣдствіи генералъ-губернатору Западной Сибири, наблюдавшему, по Высочайшему повелѣнію, за водвореніемъ новыхъ законоположеній особенно въ крестьянской средѣ, требуя, чтобъ онъ провелъ мастеровыхъ по всѣмъ деревнямъ генерала и поролъ ихъ вездѣ по военному, безпощадно и этимъ способомъ водворилъ въ его имѣніяхъ безпрекословное повиновеніе помѣщичьей власти. По сношенію ген. Markова съ Арцимовичемъ, мастеровые на полпути къ Калугѣ были раскованы и возвращены по домамъ, а о самоуправствѣ генерала началось потомъ слѣдствіе, приковавшее къ себѣ вниманіе цѣлой губерніи и обѣихъ столицъ и кончившееся, къ торжеству закона и непреклоннаго исполнителя его В. А. Арцимовича, Высочайшимъ „строгимъ выговоромъ" генералу и предупрежденіемъ со стороны Государя, что повтореніе подобнаго попранія закона повлечетъ за собою всю строгость законной кары. Другой разсказывалъ, что, по требованію одного помѣщика при существованіи еще крѣпостного права, двое дворовыхъ людей и одинъ крестьянинъ томятся до сихъ поръ въ смирительномъ домѣ. Далѣе разсказывали, что, тоже по требованію барина, одинъ крестьянинъ содержится въ арестантской ротѣ, а одинъ помѣщикъ предоставилъ въ распоряженіе правительства для ссылки въ Сибирь восемь человѣкъ крестьянъ и одного двороваго человѣка, которые до разрѣшенія участи ихъ сидятъ въ острогѣ. Разсказывали тоже нѣсколько рѣзкихъ случаевъ невыносимо тяжелыхъ повинностей смѣшаннаго хозяйства. Въ одномъ имѣніи, напримѣръ, сверхъ оброка въ 25 руб. сер., установлена еще была барщина на все рабочее время и многія другія добавочныя барщинскія повинности. Въ другомъ имѣніи, сверхъ оброка отъ 17 до 23 р. сер. съ тягла, на крестьянахъ лежала еще обработка господскихъ запашекъ и обширныхъ сѣнокосовъ. И такъ безъ конца! Изъ всѣхъ угловъ губерніи неслись вопли и стоны, взывавшіе о покровительствѣ власти, о заступничествѣ закона. И В. А. Арцимовичъ утиралъ эти слезы, крѣпко стоялъ за крестьянъ,

оказывалъ имъ всевозможную защиту. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, открытое имъ 10 марта, къ нашему возвращенію въ Калугу дѣйствовало уже на всѣхъ парахъ. Нашимъ заявленіямъ о крестьянскихъ страданіяхъ давался оффиціальный ходъ. Кромѣ того, на первыхъ же порахъ крестьянамъ объявлено о возстановленіи отнятаго у нихъ права жалобы на обремененіе ихъ помѣщиками. Тоже въ самомъ началѣ былъ оповѣщенъ по губерніи знаменитый циркуляръ В. А. Арцимовича о лишеніи помѣщиковъ столь долго и столь широко практиковавшагося ими права личнаго тѣлеснаго наказанія крестьянъ и примѣненія къ нимъ розогъ, кнута и конюшни. Отнынѣ розги и кнуты были упразднены, конюшни смолкли и перестали оглашаться крестьянскими воплями и обагряться крестьянской кровью. По распоряженію губернскаго присутствія, руководимаго В. А. Арцимовичемъ, несчастныя жертвы помѣщичьяго самовластія, изнывавшія въ острогѣ, въ смирительныхъ домахъ и арестантскихъ ротахъ, немедленно же получали свободу и возвращались домой; для облегченія крестьянскихъ плечъ отъ непосильной ноши барскихъ работъ горячо принимались твердыя законныя мѣры. Вообще по губерніи, подъ сильной и смѣлой рукой В. А. Арцимовича, энергично закипѣла дружная генеральная распашка стараго крѣпостного поля, густо поросшаго сорными травами неправды, безправія и произвола, и засѣвались свѣжія сѣмена правды, законности, гуманности, уваженія къ закону, сближенія народа съ правительствомъ. Распашка эта вызывала въ вырываемыхъ сорныхъ травахъ общественной жизни—представителяхъ крѣпостничества—непримиримое озлобленіе противъ В. А. Арцимовича, доходившее до того, что именемъ его они ругались, сочиняли противъ него всевозможныя клеветы, небылицы, дѣятельность его обзывалась крамольной, водвореніемъ анархіи и пр. Зато въ получившихъ свободу крестьянахъ дѣятельность его поселяла глубокое чувство благодарности и уваженія. Не напрасно въ отдаленныхъ углахъ губерніи не рѣдкостью было встрѣтить потомъ фотографическія изображенія его не только во вновь созданныхъ волостныхъ правленіяхъ, но даже въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ. Дѣятельность его волновала не только всю калужскую губернію, но была предметомъ ожесточенныхъ споровъ въ Москвѣ.

Современникъ его С. М. Сухотинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что В. А. Арцимовичъ сдѣлался лицомъ какимъ-то „эпическимъ“. „Куда ни поѣдешь, вездѣ натолкнешься на споры о немъ... Представители жалкой неразвитой дворянской среды, въ

продолженіи стольких столѣтій привыкшей дышать беззаконіемъ и безобразіемъ, отзывались о немъ съ озлобленнымъ чувствомъ и въ ненависти къ нему доходили до нелѣпости [1]). Зато лучшіе люди, наприм., И. С. Аксаковъ, говорили, что „имя В. А. Арцимовича будетъ неразрывно связано съ исторіей крестьянскаго дѣла въ Россіи, и эта же исторія занесетъ на свои страницы описаніе его упорной борьбы съ сословной исключительностью и отживающимъ старымъ крѣпостнымъ строемъ" [2]). Калужскіе купцы, мѣщане, чиновники отзывались о немъ, какъ о „замѣчательномъ губернаторѣ, равнаго которому не вспомнятъ калужскіе старожилы" [3]).

Вполнѣ удовлетворенный наилучшими результатами своихъ разумныхъ, предусмотрительныхъ, гуманныхъ распоряженій по обнародованію манифеста и Положеній, В. А. Арцимовичъ вскорѣ послѣ нашего возвращенія изъ уѣздовъ устроилъ торжественный раутъ, единственный, кажется, за все время пребыванія его въ Калугѣ, такъ какъ не въ его природѣ было предаваться празднымъ развлеченіямъ. Присутствовали на немъ и привѣтствовали зарю новорожденной жизни, конечно, только преданные ея приверженцы и сподвижники В. А. Арцимовича.

II.

Школа Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ.

Въ числѣ уѣздныхъ городовъ калужской губерніи есть Козельскъ. Въ 1833 году діакономъ къ Благовѣщенской церкви этого города поступилъ молодой воспитанникъ калужской духовной семинаріи Ѳедоръ Васильевичъ Вырскій. Съ перваго же года поступленія своего на мѣсто онъ все свое свободное время, остававшееся отъ исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей, отдавалъ воспитанію дѣтей козельскихъ жителей. Сначала родители приглашали его въ свои дома для занятій съ дѣтьми ихъ, но вскорѣ этихъ приглашеній и уроковъ накопилось такъ много, что у него явилась добрая мысль устроить у себя въ домѣ небольшую начальную школу, которую бы могли посѣщать дѣти всѣхъ сословій и всѣхъ состояній. Лишь только за-

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1894 г. „Изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухотина".
[2]) *День* 1863 г., № 3.
[3]) *День* 1863 г., № 3.

явилъ онъ козельскимъ жителямъ о своемъ намѣреніи, у него на первыхъ же порахъ явилось 35 человѣкъ учениковъ. Сначала онъ принималъ однихъ только мальчиковъ, но впослѣдствіи къ нему начали отдавать и дѣвочекъ.

Дѣти обучались читать, писать, закону Божію, считать на счетахъ, а нѣкоторымъ, по желанію ихъ родителей, были преподаваемы грамматика и ариѳметика. Дѣти бѣдныхъ и многосемейныхъ родителей обучались и безплатно, и только немногія платили отъ 25 до 30 копѣекъ въ мѣсяцъ. Такъ дешево цѣнились тогда обученіе грамотѣ и педагогическій трудъ! Въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы ученіе начиналось съ 8 часовъ утра и продолжалось, съ небольшимъ перерывомъ для отдыха, до 12-ти часовъ дня. Въ это время дѣтей отпускали обѣдать, а ко второму часу они снова сбирались въ школу и учились до 5-ти часовъ. Лѣтомъ каникулъ не полагалось, такъ что дѣти учились круглый годъ, за исключеніемъ, конечно, рождественскихъ праздниковъ, масленицы съ первой недѣлей поста, страстной и пасхальныхъ недѣль.

Какъ во время школьныхъ занятій, такъ и во время небольшой перемѣны дѣти ни на минуту не оставались одни, а всегда были подъ наблюденіемъ или самого наставника, или кого-нибудь изъ его дѣтей, когда они подросли. Даже, когда ученики уходили домой, они не были оставлены безъ наблюденія. Ѳ. В. Вырскій раздѣлилъ ихъ всѣхъ на десятки и каждый десятокъ поручилъ такъ называемому старшему, выбранному изъ наиболѣе скромныхъ и благонравныхъ дѣтей. Старшіе были обязаны наблюдать, чтобы дѣти порученнаго имъ десятка шли изъ школы домой прилично и скромно. Воспитанный самъ подъ ужасающей своимъ безчеловѣчіемъ ферулой дореформенной бурсы и убѣжденный личнымъ опытомъ въ гибельномъ вліяніи физическихъ наказаній на воспитаніе, Ѳ. В. Вырскій совершенно устранилъ изъ своей школы побои, розги и вообще всякія репрессаліи, на которыя такъ изобрѣтательна и расточительна была школа стараго времени. У него было принято за неизмѣнное правило терпѣливо, толково объяснить задаваемый урокъ и слѣдить, чтобы онъ былъ усвоенъ сознательно. А понудительныя мѣры замѣнены были мягкимъ внушеніемъ дѣтямъ пользы ученія и развитіемъ въ нихъ внутренняго собственнаго побужденія къ занятіямъ. Кромѣ того, Ѳ. В. Вырскій ввелъ въ своей школѣ принципъ товарищеской взаимопомощи. Онъ заключался не въ подсказываньи одного ученика другому въ то время, когда учитель уже спрашиваетъ у него

урокъ, а въ объясненіи болѣе способнымъ и сильнымъ въ зн
воспитанникомъ менѣе даровитому и слабому своему товар
въ то время, когда онъ еще только готовитъ урокъ.

Вся эта система обученія, эти школьные порядки были
вершенною новостью для того домостройнаго времени и,
нятно, очень нравились родителямъ, и они предпочитали о
вать дѣтей своихъ въ школу Ѳ. В. Вырскаго, нежели въ
родскую казенную школу, гдѣ дѣло дѣтскаго обученія ве
на совершенно иныхъ, рутинныхъ началахъ.

Къ 1850 году подросла старшая дочь Ѳ. В. Вырс
Александра Ѳедоровна, особа, заслуживающая глубокаго ува
нія за свою скромную, безшумную, но широко полезную
тельность на поприщѣ мѣстнаго дѣтскаго образованія. П
чивъ школьную подготовку подъ руководствомъ достойнаго
его отца, Александра Ѳедоровна съ 1850 года, 15-лѣ
дѣвицей, приняла на себя обязанности преподавательниц
его школѣ и съ этого времени до настоящаго дня неуста
не покладая рукъ, ведетъ нелегкое дѣло дѣтскаго обуче
правда, полное жизни и идейнаго величія, но вмѣстѣ съ т
и полное ежедневныхъ тревогъ и терзаній, вѣдомыхъ то
многострадальной душѣ школьнаго учителя, съ уваженіемъ и
бовью относящагося къ своему дѣлу. Со времени вступлені
въ это дѣло начался болѣе широкій пріемъ дѣвочекъ вт
школу. Дѣвочки обучались тому же, чему и мальчики, и
же, какъ и доселѣ къ мальчикамъ, къ нимъ примѣнялис
же порядки и та же система. Впослѣдствіи Александра Ѳ
ровна ввела обученіе дѣвочекъ шитью, вязанью и другимъ р
дѣльямъ, употребительнымъ въ домашнемъ быту простого кл
Къ первымъ, почти дѣтскимъ днямъ вступленія Алекса
Ѳедоровны въ дѣло обученія дѣтей грамотѣ относится чре
чайно симпатичный эпизодъ, характеризующій юную нас
ницу со стороны преданности своему дѣлу и серьезнаго о
шенія къ нему. Считая свой почеркъ недостаточно тверды
не подходящимъ подъ типъ установленныхъ для школъ пропи
Александра Ѳедоровна выработала его для себя упорнымъ
домъ, посвящая для этого дѣла остатокъ времени отъ шк
ныхъ занятій съ дѣтьми; упражнялась даже по ночамъ и
кимъ образомъ достигла вполнѣ нормальнаго, красиваго
черка, который потомъ преподавала и дѣтямъ.

Такъ какъ большинство воспитанниковъ и воспитанн
обучалось безплатно, а между тѣмъ всѣ они требовали кн

прописей, бумаги и вообще школьныхъ и письменныхъ принадлежностей, а нѣкоторые даже одежды и обуви, личныхъ же средствъ Ѳ. В. Вырскаго, заключавшихся исключительно въ доходахъ, получаемыхъ отъ небогатаго прихода и школы, было недостаточно для удовлетворенія потребностей школы, то на первыхъ порахъ, чтобы сколько-нибудь пособить ея нуждамъ, Александра Ѳедоровна просиживала иногда ночи за изготовленіемъ для дѣтей прописей, съ которыхъ они учились писать. Когда потомъ введены были рукодѣлья, и работы ученицъ достигли такого совершенства, что ихъ можно было пускать въ продажу, Александра Ѳедоровна посылала ихъ продавать и весь барышъ употребляла на школьныя нужды. Впослѣдствіи явились добрые люди, сочувственно смотрѣвшіе на скромное, не бившее въ глаза внѣшнимъ блескомъ, но важное по своей пользѣ дѣло Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ и оказывали имъ поддержку своими матеріальными средствами и добрымъ совѣтомъ. Такъ мѣстная помѣщица, вдова тайнаго совѣтника, Е. С. Каверина, мужъ которой когда-то былъ калужскимъ губернаторомъ, присылала Ѳ. В. Вырскому нѣкоторое время въ годъ по 500 рублей, по старому счету на ассигнаціи. Затѣмъ, уже около 60-хъ годовъ, школу посѣтилъ членъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при св. синодѣ А. Д. Ушинскій, братъ извѣстнаго педагога, и пришелъ въ восторгъ отъ школы и ея порядковъ. Въ подспорье къ педагогическимъ пріемамъ ея, выработаннымъ собственнымъ опытомъ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ, онъ преподалъ нѣкоторые совѣты, основанные на научной педагогической практикѣ. Между прочимъ, онъ указалъ на звуковой методъ Золотова, въ такой значительной степени облегчающій для начинающихъ воспитанниковъ первоначальный процессъ усвоенія грамоты. Кромѣ того, г. Ушинскій выслалъ въ школу массу книгъ духовнаго содержанія и учебныхъ пособій для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей.

Разумныя и гуманныя условія постановки школьнаго дѣла у Вырскихъ сдѣлали то, что къ 1860 году въ школѣ ихъ было до 90 мальчиковъ и до 100 дѣвочекъ, такъ что помѣщеніе ея не было уже достаточно для такой массы дѣтей, и самъ Ѳ. В. Вырскій, отдавъ для нихъ въ своемъ домѣ все, что можно было отдать, ютился Богъ знаетъ какъ съ своими собственными дѣтьми. Можно представить себѣ, сколько же воспитанниковъ переучилось у него за длинный періодъ существованія школы! Другимъ результатомъ правильной постановки дѣла въ ней было то, что дѣти выучивались, оставляли

радушно принимавшія ихъ стѣны ея, выходили замужъ или женились, сами имѣли дѣтей и, по доброй памяти къ школѣ, отдавали ихъ въ науку все къ тѣмъ же Ѳедору Васильевичу и Александрѣ Ѳедоровнѣ. И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе!

Любили дѣти родную школу свою и ея милыхъ наставниковъ. Добромъ поминали ихъ родители. Тепло и сочувственно относились къ ней посторонніе, даже заѣзжіе люди. Не нравилась она только мѣстному педагогическому надзору, и онъ, въ лицѣ такъ называвшихся прежде штатныхъ смотрителей училищъ, оказывалъ всевозможное противодѣйствіе школѣ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ. Нѣкоторые изъ представителей надзора относились къ ней совершенно индифферентно и какъ бы вовсе игнорировали ея существованіе. Но двое изъ нихъ, и доселѣ памятные Александрѣ Ѳедоровнѣ, противодѣйствіе свое начали съ того, что отговаривали родителей отдавать своихъ дѣтей въ ея школу, ставя резономъ, что школа ея, какъ частная школа, не имѣетъ права выдавать дѣтямъ свидѣтельство объ окончаніи ими въ ней курса. Но всесословной воинской повинности тогда не существовало еще, школьныя свидѣтельства не имѣли никакого практическаго значенія; родителямъ нужно было лишь, чтобы дѣти ихъ были обучены грамотѣ, и они продолжали попрежнему наполнять школу Александры Ѳедоровны. Тогда надзоръ пустилъ въ ходъ другой, уже формальный, такъ сказать, подъяческій пріемъ противодѣйствія ей и ея почтенному дѣлу: онъ прямо началъ запрещать Ѳедору Васильевичу принимать дѣтей въ свою школу, на томъ основаніи, что самъ онъ, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, не всегда можетъ бывать въ ней, а Александра Ѳедоровна не имѣетъ права замѣнять его и заниматься обученіемъ дѣтей, потому что не окончила курса ни въ какомъ казенномъ учебномъ заведеніи и не имѣетъ диплома. Чтобы провѣрять, исполняется ли это запрещеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать кредитъ къ школѣ и ея наставникамъ, а можетъ быть даже и по болѣе низменнымъ побужденіямъ... надзоръ являлся въ школу и въ присутствіи воспитанниковъ и воспитанницъ дѣлалъ Александрѣ Ѳедоровнѣ шумныя, грубыя сцены, когда заставалъ ее въ школѣ въ отсутствіе отца. И это было въ то время, когда наше народное образованіе находилось еще въ зачаточномъ состояніи, когда распространеніе грамотности въ нашемъ малограмотномъ тогда отечествѣ такъ сильно нуждалось въ поощреніи и поддержкѣ. Можетъ быть, надзоръ былъ и правъ съ своей точки зрѣнія, но...

предстать передъ современнымъ обществомъ и передъ потомствомъ въ несимпатичной роли гасильника народнаго образованія могъ рѣшиться только насквозь проѣвшій тогда Россію бюрократическій формализмъ, въ соединеніи съ патріотической апатіей.

Чѣмъ же вызвано было такое враждебное отношеніе оффиціальнаго школьнаго надзора къ школѣ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ? Поводъ былъ, дѣйствительно, достаточно сильный. Нужно сказать, что хотя городская казенная школа находилась на городской площади, въ самомъ центрѣ города, а школа Вырскихъ помѣщалась почти на окраинѣ города, но казенную школу посѣщало такъ мало дѣтей, что въ трехъ классахъ ея не набиралось и трехъ десятковъ. Отъ этого бывали такіе курьёзы, что къ пріѣзду губернаторовъ или вообще какихъ-нибудь ревизоровъ казенная школа взаймы брала дѣтей изъ школы Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ, лишь бы заполнить ими свои пустыя скамьи. Равнодушіе же горожанъ къ оффиціальной школѣ своей вызывалось тѣмъ, что личный составъ преподавательскаго персонала ея руководился въ своей дѣятельности нѣсколько своеобразнымъ воззрѣніемъ. Онъ находилъ, что школа сама по себѣ, а онъ тоже самъ по себѣ, и самымъ интереснымъ актомъ своей дѣятельности считалъ актъ полученія жалованья, а всѣ другіе дни мѣсяца служили лишь скучнымъ предвареніемъ этого радостнаго момента. Поэтому въ обыкновенные дни являться въ школу онъ не спѣшилъ, имѣя въ виду, что ничего своего онъ не забылъ тамъ, по школьному дѣлу не убивался особенно, соображая, что всего дѣла не передѣлаешь во всю свою жизнь, и что дѣти все равно перезабудутъ все, лишь только оставятъ школьныя стѣны. Кромѣ того, причиной равнодушія мѣстныхъ жителей къ казенной школѣ своей служили и доходившія до нихъ свѣдѣнія о томъ, что учитель исторіи и географіи, являясь въ классъ на другой день послѣ „просоленнаго“ вечера въ преферансъ у аптекаря бубноваго короля, считалъ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ для себя запустить въ дѣтскіе волосы всѣ пять пальцевъ своихъ, а учитель рисованія и чистописанія разгуливалъ своей ладонью по дѣтскимъ щекамъ. Между тѣмъ, хотя въ школѣ Вырскихъ не трактовалось ни о вавилонянахъ и ассиріянахъ, ни о Карѳагенѣ и Сиракузахъ, но зато и не дѣлалось никакихъ экскурсій въ педагогическія области дѣтскаго тѣла. Понятно, что школа Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ всегда была переполнена, а городская школа едва-едва влачила свое казенное существованіе и существовала

благодаря лишь тому, что на ряду съ острогомъ, земскимъ судомъ, пожарной командой и тому подобными благотворными и благотворительными заведеніями полагалась по штату и городская школа.

Въ такомъ роковомъ положеніи почти наканунѣ своего закрытія, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній педагогическаго надзора, стояли до 1860 года дѣла школы Вырскихъ. Своимъ усердіемъ надзоръ до того ихъ довелъ, что приходилось хоть закрывать школу, оставлять дѣло, которому отдана была вся жизнь, всѣ лучшія стремленія и привязанности, всѣ физическія и духовныя силы, для котораго Александра Ѳедоровна посвятила всю свою молодость, отбросила всѣ удовольствія и радости личной семейной жизни и вся ушла въ тѣсный, но дорогой и лучшій для нея міръ.

Но Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ и родную ихъ школу спасъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, бывшій въ Калугѣ тогда губернаторомъ, этотъ добрый геній калужской губерніи, вызвавшій къ жизни и свѣту все, что просило жизни и свѣта.

Въ концѣ августа и началѣ сентября 1860 г. онъ дѣлалъ обычный объѣздъ по губерніи для ревизіи и передъ утромъ съ 5-го на 6-ое сентября пріѣхалъ въ Козельскъ. Мнѣ, въ качествѣ чиновника при немъ, выпало на долю удовольствіе сопровождать его въ этомъ объѣздѣ. Передъ утромъ мы пріѣхали въ Козельскъ потому, что Викторъ Антоновичъ, этотъ великій, невиданный еще мною ни прежде, ни послѣ общественный подвижникъ, поставившій девизомъ всей своей жизни: „трудъ, непрерывный трудъ для блага общества", и потому дорожившій каждой минутой, имѣлъ обыкновеніе во время объѣзда губерніи день посвящать ревизіи, а ночь, для сбереженія времени, употреблять на передвиженіе отъ города до города. Это было, конечно, нѣсколько утомительно для него и для сопровождавшаго его чиновника, потому что спать, если это удавалось, приходилось одѣтому, сидя въ каретѣ, но зато не тратилось непроизводительно время. Нужно прибавить, что объѣзды эти длились дней 8—10, и путешествіе совершалось на перекладныхъ земскихъ лошадяхъ, такъ какъ желѣзной дороги тогда не было еще въ калужской губерніи.

Въ Козельскѣ утромъ 6-го сентября, послѣ обычнаго представленія мѣстныхъ властей на квартирѣ у Виктора Антоновича по заведенному порядку, отправился онъ въ острогъ. На площадкѣ передъ острогомъ встрѣтила его толпа человѣкъ въ пят-

надцать—женъ, отцовъ, матерей, дѣтей, съ воплями, со слезами, съ мольбами за томившихся въ острогѣ болѣе полутора лѣтъ жертвъ дореформеннаго кривосудія по громкому для Козельска и возмутительному дѣлу объ убійствѣ учителя Воронова. Дѣло это, какъ образчикъ бытовыхъ и полицейскихъ нравовъ даннаго времени, заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ на минуту.

Въ Козельскѣ жило тогда семейство богатаго, очень гордаго, важнаго фабриканта ткацкой парусо-полотняной фабрики Брюзгина. Семья его состояла изъ жены и двухъ сыновей. Все образованіе его дѣтей ограничивалось тѣмъ, что преподаватели мѣстнаго училища ходили къ нимъ на домъ и учили ихъ по дешевымъ цѣнамъ тому, что знали сами. По дикости своей и чванству, самъ Брюзгинъ нигдѣ не бывалъ и никуда не пускалъ и дѣтей. Скука въ домѣ у него была смертная, и потому дѣти покучивали иногда потихоньку „отъ батеньки“. А были они уже на возрастѣ и къ 1858 году давно окончили образованіе.

8-го сентября этого года былъ у Брюзгиныхъ приходскій храмовой праздникъ. Одинъ изъ бывшихъ преподавателей молодыхъ людей Брюзгиныхъ, учитель Вороновъ, по прежней памяти, пришелъ къ нимъ обѣдать. Дѣти выпросились у отца прокатиться съ Вороновымъ за рѣку, въ городской лѣсъ. Одинъ изъ сыновей поѣхалъ съ Вороновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а другой верхомъ. Сзади ихъ ѣхала телѣга съ самоваромъ, лакомствами, а кстати и съ винами. Молодые люди и кучеръ съ телѣгой вечеромъ вернулись домой, а Вороновъ, съ пробитымъ лбомъ, весь израненный, исцарапанный, почти безъ бѣлья, найденъ утромъ на другой день мертвымъ на лугу, отдѣляющемъ окраину Козельска отъ Оптиной пустыни. У Воронова были двѣ сестры, молодыя дѣвушки, существовавшія на болѣе чѣмъ скромныя трудовыя средства его. Онѣ сейчасъ же заявили полиціи о смерти брата, причемъ сказали, что онъ отправился вчера къ Брюзгинымъ. Молодые Брюзгины и кучеръ ихъ показали полиціи, что Вороновъ, дѣйствительно, обѣдалъ у нихъ и поѣхалъ-было въ лѣсъ съ ними, но за городомъ, не доѣзжая до моста черезъ рѣку, отдѣляющую городъ отъ лѣса, вспомнилъ, что онъ далъ слово винному приставу (при существованіи откуповъ былъ такой чинъ) быть вечеромъ у него, всталъ съ дрожекъ, распростился съ Брюзгиными и пѣшкомъ отправился назадъ въ городъ. Явилось болѣе десяти человѣкъ добровольцевъ изъ наиболѣе бѣдныхъ и мелкихъ мѣщанъ, которые своими про-

дажными, ложными показаніями, данными подъ присягой, провели Воронова отъ пункта мнимаго разставанья его съ молодыми Брюзгиными на совершенно противоположный конецъ довольно длиннаго города.

Дѣло это было изъ первыхъ, встрѣтившихъ Виктора Антоновича, по вступленіи его 1 октября 1858 года въ управленіе калужской губерніей, и потребовавшихъ его энергіи для борьбы съ подкупомъ и полицейской неправдой. Для производства дальнѣйшаго слѣдствія о причинѣ смерти Воронова онъ командировалъ въ Козельскъ одного изъ надежнѣйшихъ и опытнѣйшихъ своихъ чиновниковъ особыхъ порученій Н. П. Гаврилова. Когда дѣло достаточно выяснилось, и онъ командированъ былъ Викторомъ Антоновичемъ для производства не менѣе важныхъ слѣдствій по жалобамъ крестьянъ нѣкоторыхъ имѣній на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ, слѣдствіе о Вороновѣ продолжали и оканчивали послѣдовательно одинъ за другимъ чиновники особыхъ порученій Виктора Антоновича Я. С. Скропышевъ и В. Ѳ. Раковскій. Энергіи и труда въ борьбѣ съ богатствомъ Брюзгиныхъ и подпольнымъ противодѣйствіемъ мѣстной полиціи положено было масса! Эти двѣ силы такъ съумѣли обставить дѣло, что дѣйствительная причина смерти Воронова, къ сожалѣнію, такъ и осталась невыясненной. Говорили, что подгулявшіе молодые Брюзгины уговорили подкутившаго съ ними Воронова сѣсть верхомъ на лошадь, а потомъ выстрѣлили изъ пистолета. Лошадь испугалась выстрѣла и понесла по лѣсу. Вороновъ упалъ съ нея, зацѣпился въ стремя ногой и тащился по пнямъ и между сучьевъ. Другіе говорили, что молодые шалопаи сдѣлали Воронову нескромные намеки по адресу его сестеръ, милыхъ и скромныхъ дѣвушекъ, что Вороновъ вспыхнулъ отъ оскорбленія и началъ браниться. Одинъ изъ Брюзгиныхъ хватилъ Воронова бутылкой въ лобъ, и завязалась драка. Воронова оттащили на лугъ раздѣтымъ, чтобы дать видъ, что, разставшись съ Брюзгиными, онъ, будто бы, отправился въ извѣстный притонъ, и тамъ его убили, раздѣли и вытащили на лугъ. Но твердо установлено лишь одно, что Вороновъ не миновалъ рукъ Брюзгиныхъ, и для того, чтобы замести слѣдъ своего участія въ его смерти, они, при содѣйствіи тогдашней продажной полиціи, выставили правосудію цѣлую цѣпь лжесвидѣтелей, которые своими показаніями провели Воронова съ одного конца города на другой.

Эти-то лжесвидѣтели и томились въ острогѣ, когда посѣтилъ его Викторъ Антоновичъ. Рыдающая толпа ихъ родныхъ произвела на него такое подавляющее впечатлѣніе, а дѣйствія по-

иціи до того возмутили его своей продажностью и безсердечіемъ, что, когда изъ острога пріѣхалъ онъ въ земскій судъ, то, несмотря на всю свою обычную сдержанность и отличавшую его осторожность въ выборѣ выраженій, онъ, однако, не выдержалъ и рѣзко сказалъ непремѣнному засѣдателю Новикову, исполнявшему обязанности городничаго въ моментъ обнаруженія смерти Воронова и услужливо радѣвшему Брюзгинымъ ухорониться отъ правосудія: „я сейчасъ былъ въ острогѣ и видѣлъ этихъ несчастныхъ. Это вамъ надо бы тамъ сидѣть вмѣсто нихъ!" прибавилъ онъ, указывая по направленію къ тюрьмѣ своимъ столь выразительнымъ и столь памятнымъ для всѣхъ его знавшихъ жестомъ.

Такимъ образомъ, день въ Козельскѣ начался для Виктора Антоновича тяжело, мрачно. Не порадовалъ его старинный судъ съ его формализмомъ и канцелярщиной, не порадовали и другія учрежденія, влачившія свое летаргическое, прищемленное общегосподствовавшей тогда системой опеки существованіе. Видно было, что вездѣ только писали да отписывали, но работали точно на барщинѣ при крѣпостномъ правѣ, когда крестьяне отбывали чужую, немилую работу на барина. Не свѣтлѣе стало на душѣ у Виктора Антоновича и въ храмѣ мѣстнаго просвѣщенія. Преподаватели, несмотря на взбитые кверху хохлы свои и гладко бритыя лица, которыми они, очевидно, желали понравиться Виктору Антоновичу, смотрѣли угрюмо, точно старые, желтые пергаменты на книжной полкѣ. Дѣти, нечесаныя и немытыя, выглядывали тоже всѣ исподлобья. Точно всѣ, и дѣти, и преподаватели ихъ, говорили въ душѣ по поводу появленія Виктора Антоновича: и чего пришелъ человѣкъ нарушать нашъ сонъ, нашъ покой? Но разъ онъ явился, учитель исторіи преподнесъ ему, въ видѣ привѣтственнаго букета, разсказъ одного изъ воспитанниковъ о Кирѣ, царѣ персидскомъ; учитель русскаго языка угостилъ басней Крылова „Мартышка и очки", а батюшка законоучитель — разсказомъ о бѣгствѣ евреевъ изъ Египта. Хотя мы съ Викторомъ Антоновичемъ не были въ положеніи бѣгущихъ евреевъ, но этотъ фараонъ съ своими всадниками и колесницами, преслѣдующій евреевъ и самъ погибающій въ морской пучинѣ, преслѣдовалъ и насъ на пространствѣ цѣлой губерніи. Куда ни пріѣдемъ, въ какое училище ни появимся, сейчасъ же изъ мрака отдаленной древности выступаетъ злосчастный фараонъ, преслѣдующій бѣгущихъ евреевъ и самъ погибающій въ морѣ со всѣми конями и колесницами и со всѣми своими всадниками. Точно во всей древней библейской исторіи

дажными, ложными показаніями, данными подъ присягой, провели Воронова отъ пункта мнимаго разставанья его съ молодыми Брюзгиными на совершенно противоположный конецъ довольно длиннаго города.

Дѣло это было изъ первыхъ, встрѣтившихъ Виктора Антоновича, по вступленіи его 1 октября 1858 года въ управленіе калужской губерніей, и потребовавшихъ его энергіи для борьбы съ подкупомъ и полицейской неправдой. Для производства дальнѣйшаго слѣдствія о причинѣ смерти Воронова онъ командировалъ въ Козельскъ одного изъ надежнѣйшихъ и опытнѣйшихъ своихъ чиновниковъ особыхъ порученій Н. П. Гаврилова. Когда дѣ... достаточно выяснилось, и онъ командированъ былъ Викторомъ А...тоновичемъ для производства не менѣе важныхъ слѣдствій ... жалобамъ крестьянъ нѣкоторыхъ имѣній на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ, слѣдствіе о Вороновѣ продолжали и оканчивали послѣдовательно одинъ за другимъ чиновники особыхъ порученій Виктора Антоновича Я. С. Скропышевъ и В. Ѳ. ...ковскій. Энергіи и труда въ борьбѣ съ богатствомъ Брюзгиныхъ и подпольнымъ противодѣйствіемъ мѣстной полиціи положено было масса! Эти двѣ силы такъ съумѣли обставить дѣло, что дѣйствительная причина смерти Воронова, къ сожалѣнію, такъ и осталась невыясненной. Говорили, что подгулявшіе молодые Брюзгины уговорили подкутившаго съ ними Воронова сѣсть верхомъ на лошадь, а потомъ выстрѣлили изъ пистолета. Лошадь испугалась выстрѣла и понесла по лѣсу. Вороновъ упалъ съ нея, зацѣпился въ стремя ногой и тащился по пнямъ ... между сучьевъ. Другіе говорили, что молодые шалопаи сдѣлали Воронову нескромные намеки по адресу его сестеръ, милыхъ ... скромныхъ дѣвушекъ, что Вороновъ вспыхнулъ отъ оскорбленія и началъ браниться. Одинъ изъ Брюзгиныхъ хватилъ Воронова бутылкой въ лобъ, и завязалась драка. Воронова оттащили на лугъ раздѣтымъ, чтобы дать видъ, что, разставшись съ Брюзгиными, онъ, будто бы, отправился въ извѣстный притонъ, и тамъ его убили, раздѣли и вытащили на лугъ. Но тверд... установлено лишь одно, что Вороновъ не миновалъ рукъ Брю...гиныхъ, и для того, чтобы замести слѣдъ своего участія въ е... смерти, они, при содѣйствіи тогдашней продажной полиціи, в...ставили правосудію цѣлую цѣпь лжесвидѣтелей, которые свои... показаніями провели Воронова съ одного конца города на друг...

Эти-то лжесвидѣтели и томились въ острогѣ, когда посѣт... его Викторъ Антоновичъ. Рыдающая толпа ихъ родныхъ ... извела на него такое подавляющее впечатлѣніе, а дѣйствія ...

но дѣтски милымъ и ласковымъ. Это выраженіе глазъ и совершенная простота костюма, всегда, однако, приличнаго и опрятнаго, ясно говорили, что человѣкъ весь, всей своей хорошей душой и любящимъ сердцемъ ушелъ въ свое дѣло, что дѣло это для него не чужое, скучное, казенное, а дѣло родное, милое, созданное потребностью сердца, что внѣ его нѣтъ для него жизни, нѣтъ радости, и вся эта масса дѣтей—не чужія дѣти, а каждый изъ нихъ отъ рожденія вскормленъ и выхоженъ Александрой Ѳедоровной. Послѣ этого понятны уже были отношенія къ ней дѣтей, совершенно простыя, семейныя, чуждыя всякой натянутости. Каждый изъ нихъ свободно подбѣгалъ къ ней, какъ къ старшей сестрѣ, съ своими вопросами, недоумѣніями, съ дѣтскимъ горемъ своимъ, съ дѣтскою потребностью ласки. Вообще поставленная этими хорошими, простыми, естественными людьми школа производила впечатлѣніе благоустроенной, доброй семьи, и отъ нея такъ и вѣяло, какъ отъ весеннихъ зеленыхъ полей, тепломъ и свѣтомъ.

Въ сравненіи съ казенной школой, пріятно удивило Виктора Антоновича отсутствіе запуганности, застѣнчивости въ отвѣтахъ дѣтей и всякой приниженности, этого рабскаго страха въ объясненіяхъ Вырскихъ. Дѣти смотрѣли прямо, открыто, отвѣчали просто, охотно, и не скрывали, если чего-нибудь не знали. Видимо, школьная ложь, увертливость въ отвѣтахъ не были имъ знакомы. Несмотря на то, что посѣщеніе такой крупной въ губерніи власти, какъ начальникъ губерніи, было неожиданной новостью для Вырскихъ, оно, однако, ихъ не смутило, и объясненія свои на разспросы Виктора Антоновича они давали съ полнымъ самообладаніемъ и достоинствомъ. Спокойному тону, съ какимъ они знакомили его съ исторіей своей школы, съ курсомъ преподаваемыхъ въ ней наукъ, съ ея порядками и ея строемъ, способствовали прежде всего, конечно, отсутствіе оффиціальнаго, начальственнаго тона въ обращеніи Виктора Антоновича съ Вырскими и тотъ живой интересъ, съ которымъ онъ разспрашивалъ ихъ и выслушивалъ ихъ объясненія. При этомъ, между прочимъ, открылось, что до Виктора Антоновича ни одинъ губернаторъ не заглядывалъ въ ихъ школу, хотя каждый изъ нихъ, объѣзжая губернію для ревизіи, ежегодно бывалъ въ Козельскѣ. Ни одинъ изъ нихъ даже не зналъ о существованіи школы, и Викторъ Антоновичъ первый изъ калужскихъ губернаторовъ открылъ никому изъ нихъ невѣдомую Америку и внесъ свѣтъ и тепло

не было ничего интереснѣе этого эпизода. И все это говорилось и разсказывалось убійственно вяло, апатично, казенно. Такъ и напрашивалось на языкъ бывшее тогда въ ходу выраженіе: вотъ они — мундирные просвѣтители, мундирное просвѣщеніе! И нужно было видѣть глубоко скорбное и проникнутое тонкой ироніей выраженіе лица у Виктора Антоновича по поводу всего что приходилось видѣть и слышать ему во всѣхъ этихъ тогдашнихъ храмахъ науки, правосудія, охраненія общественнаго благоустройства, здоровья, хозяйства и проч. въ нашей глухой, глубокой провинціи...

Вообще объѣзды губерніи оставляли на душѣ у Виктора Антоновича болѣзненный, тяжелый осадокъ. Мыслящему, просвѣщенному администратору, какимъ былъ Викторъ Антоновичъ, видѣть непосредственно своими глазами эту широко развернувшуюся картину тьмы безпросвѣтной, погруженія страны въ грубый, ничѣмъ не сдержанный произволъ и въ сплошное безправье, не имѣть достаточно силы, достаточно власти сдернуть эту ненавистную, позорную картину и замѣнить ее отрадной и свѣтлой,—положеніе, дѣйствительно, трагическое, способное довести до унынія, до болѣзни.

Но картина и настроеніе Виктора Антоновича быстро измѣнились, когда онъ пріѣхалъ въ школу Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ. Его видимо вовсе не ждали тамъ, и о школѣ узналъ онъ случайно. Прежде всего его поразила масса дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Ихъ набралось уже до двухсотъ человѣкъ, и они жужжали, какъ молодыя, рѣзвыя пчелы въ ульѣ, и у всѣхъ были такіе оживленные, веселые глазки и личики. Многія были видимо дѣти бѣдныхъ родителей, но всѣ умыты, причесаны, бѣдно, но опрятно одѣты — сейчасъ сказывался заботливый женскій присмотръ. Затѣмъ, очень пріятное, свѣтлое впечатлѣніе производили сами Вырскіе. Онъ приближался уже къ преклоннымъ лѣтамъ, но смотрѣлъ такъ бодро, оживленно, а, главное, очень ужъ добродушно и искренно. Почтенныя лѣта, симпатичное, выразительное лицо съ высокимъ, обнаженнымъ лбомъ, сановитая, представительная наружность, мягкій, сердечный тонъ въ обращеніи съ дѣтьми производили впечатлѣніе какого-то древняго патріарха этого многочисленнаго, окружавшаго его семейства. Александра Ѳедоровна тогда была еще молодой дѣвушкой, худенькой, небольшого роста, съ правильнымъ красивымъ лицомъ и замѣчательно симпатичнымъ выраженіемъ глазъ, дѣловымъ, серьезнымъ, постоянно сосредоточеннымъ,

нулся въ Калугу и видѣлся съ архіереемъ Григоріемъ, онъ познакомилъ его съ фактомъ существованія школы и съ той пользой, какую почти тридцать лѣтъ приноситъ она мѣстному населенію, и подалъ мысль поощрить Вырскихъ наградой, соотвѣтственной ихъ дѣятельности и усердію. Оказывается, что владыка Григорій и предшественникъ его Николай даже и не подозрѣвали, что въ районѣ ихъ власти есть такіе вонъ изъ ряда выходящіе піонеры въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ Θ. В. и А. Θ. Вырскіе. Викторъ Антоновичъ говорилъ о школѣ также и съ директоромъ гимназіи и народныхъ училищъ П. С. Бибиковымъ. Заинтересованный дѣятельностью Вырскихъ, директоръ Бибиковъ въ ту же осень ѣздилъ въ Козельскъ, посѣтилъ школу, остался очень доволенъ „отличнымъ усердіемъ и пользою" обученія дѣтей А. Θ. Вырскою и, выдавъ ей свидѣтельство на право преподаванія, писалъ смотрителю козельскихъ училищъ, чтобъ онъ „оказывалъ ей къ успѣху этого дѣла всякое зависящее отъ него содѣйствіе". Это письмо и фактъ выдачи свидѣтельства А. Θ. Вырской положили конецъ открытымъ преслѣдованіямъ со стороны мѣстнаго надзора, и съ того времени школа ея начала свое безпрепятственное существованіе.

Познакомивъ владыку и директора со школой Θ. В. и А. Θ. Вырскихъ и съ ихъ дѣятельностью, Викторъ Антоновичъ познакомилъ съ ними и общество калужской губерніи посредствомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей: на ихъ страницахъ (въ №№ 42 и 48 1860 г.) обстоятельно и тепло изложены исторія школы, ея строй и порядки.

Здѣсь будетъ кстати на минутку остановиться на Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за время Виктора Антоновича. Кто не знаетъ нашихъ несчастныхъ губернскихъ вѣдомостей? Или, вѣрнѣе, кто знаетъ, кто видитъ ихъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя спеціально заняты изготовленіемъ этой жалкой пародіи провинціальной прессы, или тѣхъ, для которыхъ полученіе ихъ поставляется въ обязательную повинность? Такой же макулатурой, о которой не вѣдалъ и вѣдать никто не хотѣлъ, были онѣ и въ Калугѣ до появленія Виктора Антоновича. Но, самъ весь разумъ и жизнь, онъ далъ разумную жизнь и этой газетѣ. Подъ всеоживляющимъ его вліяніемъ она заняла подобающую ей роль быть живымъ и интереснымъ органомъ мѣстной прессы. Она не знакомила общества съ политической стороной иностранной жизни, не помѣщала на своихъ столбцахъ фельетоновъ для развлеченія публики, но зато вполнѣ отражала движеніе мѣстной жизни своего времени. А жизнь эта во времена

въ этотъ скромный, безшумный пріютъ тихаго, но высоко полезнаго, самоотверженнаго труда.

Школа Вырскихъ и сами они до такой степени понравились Виктору Антоновичу, что отъ тяжелаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на него сценой въ острогѣ и посѣщеніемъ казенной школы и присутственныхъ мѣстъ, не осталось и слѣда. Онъ, какъ дорогой находкѣ, былъ радъ, что встрѣтилъ живыхъ, свѣжихъ людей, которые по собственному почину, своими личными силами и съ такой любовью и преданностью дѣлаютъ живое и такое крупное полезное дѣло. Все это такъ понравилось ему и заинтересовало его, что онъ потомъ нарочно возилъ въ Козельскъ достойную супругу свою Анну Михайловну, чтобы доставить ей наслажденіе видѣть эту интересную школу и почтенныхъ ея представителей, и Анна Михайловна доселѣ, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, съ удивленіемъ и восторгомъ вспоминаетъ о свѣтлыхъ, отрадныхъ впечатлѣніяхъ школы и ея милыхъ наставниковъ. Послѣ великаго историческаго дня 19 февраля 1861 г., объѣзжая губернію для наблюденій на мѣстѣ за ходомъ освободительнаго крестьянскаго дѣла и бывая въ Козельскѣ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ, Викторъ Антоновичъ нѣсколько разъ бывалъ въ школѣ Вырскихъ и всегда отдыхалъ душою тамъ отъ своихъ тяжелыхъ заботъ и волненій, доставляемыхъ ему борьбой съ врагами крестьянской реформы. Первое время онъ посѣщалъ школу еще и потому, между прочимъ, что педагогическій мѣстный надзоръ, продолжая интриговать и подкапываться подъ нее, старался окольными путями доводить до свѣдѣнія Виктора Антоновича, что многочисленность дѣтей въ ней и весь ея строй существуютъ, будто бы, лишь на бумагѣ...

Человѣкъ законности и порядка, Викторъ Антоновичъ при первомъ же посѣщеніи школы посовѣтовалъ Александрѣ Ѳедоровнѣ, прежде всего, держать экзаменъ, чтобы право на завѣдываніе своею же школой твердо поставить на легальную почву и такимъ образомъ отстранить отъ себя поводъ къ противодѣйствію со стороны мѣстнаго педагогическаго надзора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что помѣщеніе школы было тѣсно для наличной массы дѣтей, и дальнѣйшее существованіе ея не было обезпечено матеріально, Викторъ Антоновичъ предложилъ уѣздному предводителю дворянства, которымъ былъ тогда А. И. Бибиковъ, составить попечительный совѣтъ для поддержки школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ для огражденія ея отъ постороннихъ притѣсненій и всякихъ неблагопріятныхъ случайностей. Когда затѣмъ, окончивъ объѣздъ губерніи, Викторъ Антоновичъ вер-

хотя и скромную по своему общественному положенію, самоотверженную подвижницу на одномъ изъ высшихъ и благороднѣйшихъ поприщъ человѣческой дѣятельности. Въ доказательство теплоты участія, съ какимъ отнесся редакторъ неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей, учитель калужской гимназіи П. С. Щепетовъ-Сангинъ къ важному для Александры Ѳедоровны и ея школы факту выдержанія экзамена, приводимъ выдержку изъ № 48 калужской газеты, отъ 26 ноября 1860 г.: „Какъ мы ни были увѣрены въ твердомъ знаніи Александрою Ѳедоровною преподаваемыхъ ею предметовъ и въ умѣньи и въ способности ея заниматься съ дѣтьми, но, тѣмъ не менѣе, исходъ испытанія не могъ не тревожить насъ, какъ и всякаго, кому сколько нибудь дорогъ успѣхъ грамотности и въ отдаленныхъ уголкахъ нашихъ провинцій, ибо случайности экзамена нисколько иногда не зависятъ отъ степени знаній экзаменующагося; наконецъ, очень понятная застѣнчивость молодой дѣвушки передъ экзаменаціоннымъ столомъ,—все это могло бы повести къ тому, что А. Ѳ. Вырской могло бы быть запрещено дальнѣйшее преподаваніе, а такъ какъ о. діаконъ, отецъ ея, по обязанностямъ своей службы долженъ часто оставлять своихъ учениковъ, и дѣти нерѣдко были бы безъ наставника, то неблагопріятный результатъ испытанія А. Ѳ. Вырской, въ свою очередь, вѣроятно, повлекъ бы за собою и закрытіе училища, приносящаго столь много пользы г. Козельску. Но Александра Ѳедоровна выдержала экзаменъ самымъ успѣшнымъ образомъ“.

Чтобы упрочить общественное положеніе Александры Ѳеодоровны и нѣкоторымъ образомъ вознаградить ее за полезную дѣятельность ея, Викторъ Антоновичъ имѣлъ мысль перевести ее въ Калугу, создать здѣсь женскую народную школу, назначить Александру Ѳедоровну наставницей ея и прочно, опредѣленно поставить ея положеніе; но потомъ долженъ былъ оставить эту мысль, такъ какъ находилъ, что съ перемѣщеніемъ Александры Ѳедоровны въ Калугу Козельскъ остался бы съ одною только казенной школой.

Въ одно изъ посѣщеній Александры Ѳедоровны, у Виктора Антоновича былъ жиздринскій предводитель дворянства А. Ѳ. Карышевъ. Познакомясь съ нею и съ ея дѣятельностью, онъ просилъ Виктора Антоновича уступить ему Александру Ѳедоровну для Жиздры, для учрежденія тамъ, при ея содѣйствіи, народной школы. Но Викторъ Антоновичъ отвѣтилъ, что онъ имѣлъ было намѣреніе перемѣстить Александру Ѳедоровну для той же цѣли въ Калугу, но не желаетъ „осиротить“ Козельскъ,

Виктора Антоновича была богата событіями и давала обильны материалъ для газеты. Перелистывая ее теперь, чего-чего н найдете вы въ ней! Здѣсь сообщались свѣдѣнія и объ открыті въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи новыхъ народныхъ школ грамотности, о ремесленныхъ заведеніяхъ въ Калугѣ и уѣздах ея, объ ихъ исторіи и степени производительности, о черепичныхъ крышахъ и о черепичномъ производствѣ въ Козельскѣ, о продажѣ лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ калужской губерніи, о результатѣ еженедѣльныхъ метеорологическихъ наблюденій, о крайне печальномъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ одного крупнаго калужскаго землевладѣльца, обреченныхъ въ сырыхъ, холодныхъ землянкахъ, при совершенно антигигіеническихъ условіяхъ, жить цѣлыми семьями въ Калугѣ осенью и зимой и зарабатывать тяжелый оброкъ своему барину производствомъ лыкъ и мочалъ, и проч., и проч. И все это Викторъ Антоновичъ просматривалъ самъ, потому что самъ интересовался все знать. Въ сотрудникахъ газеты тоже не было недостатка. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, духовныя лица, чиновники, техники,—все это, по призыву Виктора Антоновича, спѣшило подѣлиться съ обществомъ путемъ газеты, и, конечно, безвозмездно, своими мыслями, наблюденіями, такъ что она сдѣлалась органомъ для бодрой умственной работы, закипѣвшей въ калужской губерніи подъ магической рукой Виктора Антоновича [1]). Къ глубокому сожалѣнію, съ выѣздомъ его изъ Калуги призванная имъ къ жизни газета, какъ и многое другое, снова погрузилась въ свой первобытный летаргическій сонъ... И, конечно, не сама жизнь и не недостатокъ живого матеріала были тому причиною.

Добрые совѣты и указанія Виктора Антоновича относительно школы Вырскихъ немедленно же были исполнены. Осенью того же 1860 года Александра Өедоровна отправилась въ Калугу держать экзаменъ и выдержала его самымъ успѣшнымъ образомъ. Когда она пріѣхала въ Калугу, Анна Михайловна, полюбившая ее сердечно, хотѣла-было помѣстить ее у себя въ домѣ, но Викторъ Антоновичъ нашелъ это неудобнымъ, въ виду возможности нареканія со стороны нѣкоторой публики въ проявленіи прямого покровительства Александрѣ Өедоровнѣ высшею губернскою властью. Но это не помѣшало Аннѣ Михайловнѣ и Виктору Антоновичу принимать ее самымъ простымъ, самымъ радушнымъ образомъ, какъ выдающуюся,

---

[1]) См. Русскія Вѣдомости 17 іюня 1891 г., № 164.

а Александрѣ Ѳедоровнѣ 150 руб. Вознагражденіе это за тяжелый трудъ распространенія грамотности, длившійся непрерывно цѣлые десятки лѣтъ, было, конечно, не особенно щедрое, но Вырскіе, безъ сомнѣнія, не получили бы никакого, если бы на дѣятельность ихъ не обратилъ вниманія Викторъ Антоновичъ. Владыка Григорій увѣдомилъ его объ этой наградѣ, и Викторъ Антоновичъ счелъ долгомъ вѣжливости поздравить съ нею Ѳедора Васильевича письмомъ отъ 16 октября 1861 г., за № 6091. Анна Михайловна тоже „вмѣнила себѣ въ пріятную обязанность поздравить“ письмомъ Александру Ѳедоровну съ полученной наградой. Можно себѣ представить, какимъ свѣтлымъ праздникомъ были и эти награды, и эти привѣтливыя поздравленія для простыхъ, скромныхъ людей Вырскихъ, всю свою душу, всю свою жизнь положившихъ на дѣло распространенія грамотности и никогда ни отъ кого не видавшихъ до появленія Виктора Антоновича ни привѣта, ни ласки за свой долголѣтній, неустанный, великій, по своему идейному значенію, трудъ. О всѣхъ этихъ наградахъ, какъ объ исключительномъ, рѣдкомъ событіи, оповѣщено было въ московскихъ, а также и въ калужскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Номера ихъ и письма Виктора Антоновича и Анны Михайловны Вырскіе берегутъ, какъ святыню, и съ весьма понятнымъ самодовольствомъ показываютъ только лучшимъ своимъ знакомымъ, какъ священныя реликвіи, напоминающія имъ о лучшихъ дняхъ ихъ трудовой жизни и дѣятельности по школѣ.

Викторъ Антоновичъ такъ дорожилъ этой школой, такъ высоко ставилъ дѣятельность ея представителей и такъ заботился о дальнѣйшей судьбѣ Вырскихъ и дѣлѣ ихъ, что, оставляя калужскую губернію, чтобы занять высшій постъ сенатора, просилъ преемника своего Э. В. Лерхе принять участіе въ школѣ и оказать содѣйствіе къ упроченію ея существованія. Г. Лерхе далъ слово быть полезнымъ въ этомъ отношеніи, но вскорѣ самъ выбылъ изъ Калуги и не успѣлъ ничего сдѣлать для школы, а затѣмъ губернскія власти уже не интересовались ею.

Владыка Григорій тоже внимательно относился къ школѣ и къ ея наставникамъ, отличая ихъ въ своемъ обращеніи. Въ 1863 году, когда настоятельныя требованія времени вызвали необходимость учрежденія въ калужской губерніи общаго учебнаго заведенія для дочерей лицъ духовнаго званія, владыка Григорій, бывши въ Козельскѣ, пригласилъ къ себѣ Вырскихъ, принялъ ихъ благосклонно и уговорилъ открыть въ ихъ домѣ училище, исключительно только для дѣвицъ духовнаго званія.

При этомъ онъ высказалъ нѣсколько своеобразный взглядъ на это дѣло:—„лучше быть полезнымъ своему званію, нежели другому сословію“, изрекъ владыка. Въ то же время онъ настоялъ чтобы Вырскіе купили сосѣдній домъ для общежитія духовныхъ дѣвицъ. Покупку дома онъ находилъ необходимой для того, чтобы духовенство видѣло дѣятельность и заботливост Вырскихъ объ устройствѣ училища. Склоняя ихъ на это дѣло владыка обѣщалъ прочно обезпечить ихъ приличнымъ жалованьемъ и пенсіей, въ случаѣ болѣзни или смерти кого-нибудь изъ нихъ. Вырскіе, волей-неволей, должны были согласиться на открытіе въ ихъ домѣ училища только для духовныхъ дѣвицъ вошли въ долги, чтобы для общежитія ихъ купить сосѣдній домъ, и блестящимъ образомъ повели дѣло, выпуская рядъ за рядомъ сельскихъ учительницъ. Козельскіе жители пришли въ волненіе, когда Вырскіе, слѣдуя наказу владыки, прекратил было пріемъ городскихъ дѣтей въ свою школу. Но вопрос этотъ потомъ уладился: владыка разрѣшилъ Вырскимъ обуча и дѣтей городскихъ жителей. Нужно, впрочемъ, прибавить, что согласію владыки, главнымъ образомъ, содѣйствовало оффиціал ное заступничество козельскаго предводителя дворянства за дѣтей городскихъ обывателей. Можно представить какой гигантскі трудъ несли Вырскіе, снова начавъ обучать ихъ и въ то же время ведя сложное и отвѣтственное дѣло по обученію духов ныхъ дѣвицъ и надзору за ихъ нравственностью и поведеніемъ. Но они не изнемогали подъ тяжестью этого труда, вели сво дѣло съ отличавшими ихъ любовью и преданностью, и въ 1866 г. Ѳедоръ Васильевичъ почтенъ былъ слѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ оберъ-прокурора Св. Синода, графа Д. А. Толстого, отъ 19 апрѣля, за № 1667: „М. Г., достойные и усердные труды Ваши на полезномъ поприщѣ народнаго образованія въ учрежденномъ Вами въ Козельскѣ училищѣ, которое обратило на себя вниманіе Епархіальнаго начальства и, по его распоряженію, сдѣлалось вспомогательнымъ заведеніемъ для дочерей духовенства калужской епархіи, поставляютъ мнѣ пріятнымъ долгомъ препроводить къ Вамъ, на память признательности духовно-учебнаго вѣдомства, книгу объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія, изданную для поднесенія Ея Императорскому Величеству Августѣйшей Покровительницѣ этихъ заведеній. Примите увѣреніе совершеннаго моего почтенія. Графъ Дмитрій Толстой“. Письмо такой важной особы, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, и къ такому скромному, по своему общественному положенію, человѣку, какъ діаконъ какого-то захолустнаго Козельска, было

также торжествомъ для Өедора Васильевича и, какъ драгоцѣнность, хранится бережно въ его семействѣ.

Къ сожалѣнію, письмо это было послѣднимъ его торжествомъ, и день полученія его былъ однимъ изъ послѣднихъ свѣтлыхъ дней его жизни. Попечительный совѣтъ, учрежденный по доброй иниціативѣ Виктора Антоновича, распался съ его выѣздомъ изъ Калуги. Епархіальное женское училище, просуществовавъ 16 лѣтъ и обучивъ массу дѣвицъ, было переведено въ Калугу, какъ городъ наиболѣе центральный для всей епархіи. Өедоръ Васильевичъ потерялъ потомъ зрѣніе и долженъ былъ оставить службу при церкви. Перемѣщеніе епархіальнаго училища въ Калугу, невозможность уплатить долгъ за домъ, купленный для училища по настоянію владыки Григорія, отказъ въ обезпеченіи старости и были причиной потери зрѣнія Өедоромъ Васильевичемъ. Но, по своей привязанности къ любимому школьному дѣлу, онъ, когда епархіальное училище опять переименовано было въ приходское, продолжалъ быть полезнымъ ему, оставивъ за собою преподаваніе дѣтямъ закона Божія. Золотыя горы, обѣщанныя владыкой Григоріемъ, такъ и остались недоступными золотыми горами. Не обезпечивъ Өедора Васильевича, владыка ничѣмъ не обезпечилъ и Александру Өедоровну, да еще оставилъ ее съ неоплаченнымъ долгомъ за домъ. А между тѣмъ и надъ ея головой нависла уже старость. Но это не мѣшаетъ ей попрежнему энергично и неустанно трудиться на любимомъ, дорогомъ своемъ поприщѣ, и въ 1887 году, когда открылся усиленный запросъ на церковно-приходскія школы, она откликнулась на него, открыла у себя такую школу и, несмотря на отсутствіе всякаго поощренія съ чьей бы то ни было стороны, несмотря даже на противодѣйствіе, непріятности и огорченія со стороны своего приходскаго батюшки, съумѣла поставить школу свою на такую высоту, что она можетъ быть названа образцовою.

Какъ ни тяжелъ и теменъ бываетъ иногда трудовой жизненный путь человѣка, все же есть у него свѣтлыя звѣзды, къ которымъ обращаетъ онъ скорбные глаза свои и находитъ въ нихъ отраду, успокоеніе и нравственныя силы для дальнѣйшаго своего трудового пути. Такой свѣтлой, отрадной звѣздой служили для Өедора Васильевича и служатъ для Александры Өедоровны воспоминанія о Викторѣ Антоновичѣ. Вотъ что̀ пишетъ она своему знакомому отъ 14 ноября 1893 г., слѣдовательно, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ выѣзда Виктора Антоновича изъ Калуги: „Мы съ батюшкой всегда вспоминали и

вспоминаемъ о содѣйствіи и живомъ участіи Виктора Антон
вича намъ и нашей школѣ и этими отрадными воспоминаніям
о прошедшемъ утѣшаемъ себя въ трудныя минуты жизни
И благо тому, кто оставилъ по себѣ такія свѣтлыя, ободряющ
воспоминанія!

III.

Дѣло генерала Мальцова.

До какой поразительной степени крѣпостное самовласті
съ неизбѣжнымъ спутникомъ своимъ произволомъ, заража
иногда плоть и кровь деревенскаго, дореформеннаго наше
дворянства, въ какихъ уродливыхъ, возмутительныхъ форма
проявлялись у него то и другое, и до чего чужда и дика бы
ему даже самая мысль о существованіи какой-то другой власт
не имъ созданной, и о вторженіи ея въ заколдованную, огор
женную крѣпкой китайской стѣной область владѣній его,-
типичнѣйшимъ примѣромъ можетъ служить надѣлавшій въ св
время много тревогъ и шума въ калужской и въ сосѣдней
нею орловской губерніи инцидентъ съ извѣстнымъ когда-
дѣятелемъ въ сферѣ промышленности и однимъ изъ крупны
помѣщиковъ, генералъ-маіоромъ Сергѣемъ Ивановичемъ Мал
цовымъ, скончавшимся въ Петербургѣ 21 декабря 1893 г.

Исторія русскаго дворянства знаетъ, конечно, болѣе рѣз
болѣе грандіозные факты проявленія стародворянскаго самовл
стія [1]). Но инцидентъ съ г. Мальцовымъ тѣмъ особенно ин
ресенъ, что грубый, дерзкій актъ самовластія совершенъ и
тотчасъ послѣ освободительнаго манифеста 19 февраля 1861
и служилъ какъ бы протестомъ противъ этой золотой истор
ческой хартіи и противъ великаго акта освобожденія крестья
отъ вѣковой крѣпостной зависимости.

Но чтобы понятны были происхожденіе и значеніе маль
цовскаго инцидента, нужно предварительно знать, что предст
влялъ собой г. Мальцовъ, какъ помѣщикъ. По крѣпостном
счету, ему принадлежало болѣе 20 тысячъ душъ крестьянъ,
земельныя владѣнія его занимали громадныя пространства в
калужской и орловской губерніяхъ. О громадности земельных

---

[1]) ...вича-Славатинскаго, Семевскаго, уголовные процессы Л

владѣній его можно судить уже по одному тому, что сооруженная имъ узкоколейная желѣзная дорога тянулась на пространствѣ свыше двухсотъ верстъ—и все въ предѣлахъ его владѣній. Владѣнія одного лица на двѣсти слишкомъ верстъ—это уже цѣлое германское княжество; и г. Мальцовъ былъ у себя самостоятельнымъ владѣтельнымъ княземъ. Не совсѣмъ обычный для глухой провинціи чинъ генерала, сильныя родственныя связи въ Петербургѣ и при дворѣ [1]), общее раболѣпство мѣстныхъ властей, сосѣднихъ помѣщиковъ и подвластнаго населенія, вниманіе и поощреніе правительства за успѣхи промышленныхъ предпріятій, огромный штатъ дворни и всевозможныхъ служащихъ на безчисленныхъ заводахъ и фабрикахъ, свои вотчинныя заводскія и фабричныя учрежденія, свои законы и установленія, своя расправа, своя полиція, даже свои мѣста заключенія, свои исполнители казней, свои доктора и больницы, наконецъ собственная желѣзная дорога, свои денежные бумажные знаки, обращавшіеся на мѣстныхъ рынкахъ наравнѣ съ государственными денежными знаками, сознаніе, что все это — мое, что здѣсь, на огромныхъ пространствахъ, только я одинъ могу все создать и разрушить, казнить и помиловать, и все это въ продолженіе долгихъ, долгихъ лѣтъ, естественнымъ психическимъ процессомъ создало у г. Мальцова представленіе о себѣ, какъ о какомъ-то самостоятельномъ, независимомъ самодержцѣ, о своей власти, какъ о незыблемой и абсолютной, а о своихъ владѣніяхъ, какъ о самостоятельномъ, Богомъ дарованномъ государствѣ. Безошибочно можно сказать, что если у подобныхъ дореформенныхъ „абсолютовъ" и являлась иногда мысль о предержащей верховной власти, то власть эта носилась въ ихъ представленіи въ формѣ какого-то смутнаго туманнаго абстракта, и ужъ никакъ не въ формѣ конкретнаго, реальнаго факта. Что же касается законовъ отечественной страны, то они представлялись вовсе не для нихъ писанными.

И къ подобному-то „абсолюту" въ Богомъ дарованное ему государство подкрался, подступилъ новый законъ 19 февраля, и подступилъ не въ грандіозной, внушительной формѣ какой-нибудь завоевательной арміи, съ пушками, съ осадными орудіями, съ громомъ и трескомъ явившейся разрушить его государство, низвергнуть его съ престола, а въ безплотной формѣ какой-то презрѣнной бумажки, привезенной на богопрогнѣван-

---

[1]) Родная сестра г. Мальцова была за гр. Игнатьевымъ, нѣкогда Петерб. генералъ-губерн. и предсѣд. комитета министровъ.

вспоминаемъ о содѣйствіи и живомъ участіи Виктора Антоновича намъ и нашей школѣ и этими отрадными воспоминаніями о прошедшемъ утѣшаемъ себя въ трудныя минуты жизни. И благо тому, кто оставилъ по себѣ такія свѣтлыя, ободряющія воспоминанія!

III.

Дѣло генерала Мальцова.

До какой поразительной степени крѣпостное самовластіе, съ неизбѣжнымъ спутникомъ своимъ произволомъ, заражали иногда плоть и кровь деревенскаго, дореформеннаго нашего дворянства, въ какихъ уродливыхъ, возмутительныхъ формахъ проявлялись у него то и другое, и до чего чужда и дика была ему даже самая мысль о существованіи какой-то другой власти, не имъ созданной, и о вторженіи ея въ заколдованную, огороженную крѣпкой китайской стѣной область владѣній его,— типичнѣйшимъ примѣромъ можетъ служить надѣлавшій въ свое время много тревогъ и шума въ калужской и въ сосѣдней съ нею орловской губерніи инцидентъ съ извѣстнымъ когда-то дѣятелемъ въ сферѣ промышленности и однимъ изъ крупныхъ помѣщиковъ, генералъ-маіоромъ Сергѣемъ Ивановичемъ Мальцовымъ, скончавшимся въ Петербургѣ 21 декабря 1893 г.

Исторія русскаго дворянства знаетъ, конечно, болѣе рѣзкіе, болѣе грандіозные факты проявленія стародворянскаго самовластія [1]). Но инцидентъ съ г. Мальцовымъ тѣмъ особенно интересенъ, что грубый, дерзкій актъ самовластія совершенъ имъ тотчасъ послѣ освободительнаго манифеста 19 февраля 1861 г. и служилъ какъ бы протестомъ противъ этой золотой исторической хартіи и противъ великаго акта освобожденія крестьянъ отъ вѣковой крѣпостной зависимости.

Но чтобы понятны были происхожденіе и значеніе мальцовскаго инцидента, нужно предварительно знать, что представлялъ собой г. Мальцовъ, какъ помѣщикъ. По крѣпостному счету, ему принадлежало болѣе 20 тысячъ душъ крестьянъ, а земельныя владѣнія его занимали громадныя пространства въ калужской и орловской губерніяхъ. О громадности земельныхъ

---

[1]) См. Романовича-Славатинскаго, Семевскаго, уголовные процессы Любавскаго.

рестьянскимъ дѣламъ, которыми тогда были губернскій пред-
эдитель дворянства Щукинъ, управляющій палатой государ-
твенныхъ имуществъ Юзефовичъ, губернскій прокуроръ Труз-
энъ, дворяне помѣщики—члены отъ правительства князь Оболен-
кій и Свистуновъ и члены по выбору отъ дворянства Отто и
аскаковъ, предъявилъ имъ донесенія г. Скворцова, и губерн-
кое присутствіе поручило г. Скворцову и другому чиновнику
собыхъ порученій В. А. Шумовскому отправиться сейчасъ же
ь г. Мещовскъ, сдѣлать съ понятыми осмотръ не только
омѣщенія, гдѣ находились закованные г. Мальцовымъ люди,
о одежды ихъ и кандаловъ; кандалы немедленно снять, опе-
атать и доставить въ Калугу, людей освободить, выдать имъ
роходныя свидѣтельства на проходъ отъ Мещовска до Калуги
обязать явиться въ канцелярію Виктора Антоновича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ гг. Шумовскому и Скворцову поручено
ыло переписать имена и фамиліи всѣхъ караульныхъ и воз-
иковъ, сопровождавшихъ людей, закованныхъ г. Мальцовымъ.
Сдѣлать это признано было нужнымъ въ виду того, что возчики
и караульные являлись необходимыми для слѣдствія свидѣтелями
факта препровожденія ими закованныхъ мастеровыхъ, а также
могли свидѣтельствовать и о тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ по-
лучили приказаніе отправить людей въ Калугу.

Осмотръ же одежды лишенныхъ свободы людей нуженъ былъ
потому, что, такъ какъ имѣлось въ виду, что они были схва-
чены врасплохъ, не подготовленными къ дальней дорогѣ, а на
дворѣ, между тѣмъ, стояли апрѣльскіе холода, то интересно
было знать, какъ отнеслись съ этой стороны къ людямъ отпра-
вители ихъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ у себя подъ руками
ни одной строчки изъ донесеній гг. Шумовскаго и Скворцова
и составленныхъ ими въ Мещовскѣ актовъ. Все это тогда же
было отослано губернскимъ присутствіемъ въ особую слѣдствен-
ную комиссію, учрежденную для изслѣдованія даннаго факта,
а изъ комиссіи все слѣдственное производство вытребовано въ
Петербургъ, въ Главный Комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ.
Изъ находящейся у насъ въ рукахъ копіи журнала, составлен-
наго губернскимъ присутствіемъ по поводу донесеній гг. Шу-
мовскаго и Скворцова, видно лишь, что закованные Мальцо-
вымъ люди подвергнуты были осмотру въ присутствіи мѣстныхъ
чиновниковъ и постороннихъ лицъ, освидѣтельствованы мещов-
скимъ городовымъ врачемъ, и что въ Мещовскѣ, на постояломъ
дворѣ купеческаго сына Смирнова, люди пробыли въ канда-

ныхъ обывательскихъ двухъ лошадяхъ какимъ-то легковѣснымъ безбородымъ юнцомъ въ подбитой терпѣньемъ шинелькѣ. Заранѣе можно было предвидѣть, что должно было выйти изъ встрѣчи крѣпкаго стародворянскаго самовластника съ эфирнымъ вѣстникомъ новаго закона и объявленнымъ имъ закономъ. И послѣдствія этой встрѣчи недолго заставили себя ждать.

Манифестъ 19 февраля объявленъ въ жиздринскихъ имѣніяхъ г. Мальцова 11 марта 1861 г. Вслѣдъ затѣмъ розданы его крестьянамъ экземпляры Положеній 19 февраля. Для объявленія манифеста и раздачи Положеній командированъ былъ изъ Калуги въ жиздринскія имѣнія г. Мальцова молодой чиновникъ по особымъ порученіямъ при Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ М. А. Dометти. Все это было исполнено имъ вполнѣ соотвѣтственно особой инструкціи, преподанной на этотъ случай Викторомъ Антоновичемъ. При выдачѣ Положеній, согласно той же инструкціи, читаны были крестьянамъ нѣкоторыя статьи, знакомящія ихъ на первый разъ съ ихъ правами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ ихъ обязанностями по отношенію къ владѣльцу [1]). Порядокъ обнародованія новыхъ законоположеній установленъ былъ однообразный для всей губерніи, и никакого исключенія изъ этого порядка не было допущено для подобныхъ г. Мальцову крупныхъ помѣщиковъ.

Едва г. Дометти успѣлъ раздать Положеніе крестьянамъ г. Мальцова, какъ другой чиновникъ особыхъ порученій Виктора Антоновича А. О. Скворцовъ, находившійся по дѣламъ службы въ г. Мещовскѣ, 10 апрѣля прислалъ по эстафетѣ [2]) донесеніе Виктору Антоновичу, а вслѣдъ затѣмъ поспѣшилъ пріѣхать въ Калугу и самъ лично донесъ ему, что г. Мальцовъ заковалъ въ кандалы восемь человѣкъ своихъ мастеровыхъ крестьянъ и черезъ г. Мещовскъ шлетъ ихъ въ Калугу къ свитскому генералъ-маіору Кознакову, спеціально командированному изъ Петербурга для наблюденія за обнародованіемъ въ калужской губерніи манифеста и раздачи Положеній 19 февраля и за приведеніемъ въ дѣйствіе Положеній.

Викторъ Антоновичъ тотчасъ же распорядился собрать подъ своимъ предсѣдательствомъ членовъ губернскаго присутствія по

---

[1]) Порядокъ обнародов. законополож. объ освобожд. крестьянъ можно видѣть въ моей статьѣ „Ревизія сенатора А. Х. Капгера въ Калугѣ.“

[2]) Тогда еще не было телеграфа отъ Калуги въ уѣздные города и экстренныя бумаги пересылались на спеціально заказанной для того почтовой подводѣ, которая и называлась эстафетой.

ложить: высланныхъ зачинщиковъ, 8 человѣкъ, отдать—годныхъ въ солдаты сослать на Кавказъ, а негодныхъ — на поселеніе. Изъ нихъ слѣдовало бы для бо́льшаго примѣра главныхъ зловредныхъ зачинщиковъ Вьюшкина и Платона Ферапонтова, сверхъ того, наказать въ присутствіи тѣхъ, кои были ими ведены на возмущеніе и обнадежены, что ничего не будетъ, что уже не имѣютъ болѣе права наказывать, и что они вернутся и тогда выместятъ на тѣхъ, кои идутъ противъ міра, какъ они называли свою шайку. Наказать нужно такъ, чтобы это осталось надолго въ воспоминаніи. Полагая, что ваше превосходительство снабжены правомъ дѣйствовать по усмотрѣнію своему, я распорядился, чтобы арестантовъ довезли до Мещовска и тамъ дожидали вашихъ приказаній. Если вы изволите признать мое представленіе правильнымъ, то неугодно ли будетъ прислать одного жандарма за тѣми мастеровыми, коимъ полезно будетъ видѣть наказаніе для предупрежденія зла, которое они могли бы сдѣлать по ихъ порочнымъ наклонностямъ. За доставку ихъ въ Мещовскъ я ручаюсь; въ присутствіи же ихъ произвести наказаніе двумъ главнымъ зачинщикамъ, послѣ, съ остальными шестью, отправить въ Калугу для удаленія съ заводовъ, ибо это люди злые, и наказанія ихъ не исправятъ. Я не послалъ арестантовъ въ уѣздный городъ Жиздру, слыша, что около города существуетъ волненіе между нѣкоторыми крестьянами, и что народонаселеніе заводское по близости города могло бы покуситься въ мое отсутствіе идти туда на выручку, какъ хотѣло дѣлать въ заводѣ, и могло бы возмутить всѣхъ окрестныхъ жителей, на коихъ оно имѣетъ сильное вліяніе. Половина моихъ заводовъ находится въ орловской губерніи, и хотя они смежны съ калужскими, но сохранили примѣрный порядокъ, а именно оттого, что чиновники не вмѣшивались въ мои распоряженія.

„Имѣя намѣреніе скоро выѣхать въ Петербургъ, я прошу не замедлить исполненіемъ моего предложенія, какъ единственнаго средства обезпечить этимъ опасный уголъ калужской губерніи, присовокупляя, что, во всякомъ случаѣ, я считаю возвращеніе вышепоименованныхъ людей невозможнымъ и потому, если мои предложенія не могли бы быть исполнены, прошу васъ приказать означенныхъ людей оставить въ острогѣ впредь до испрошенія дальнѣйшихъ приказаній высшаго начальства. Наконецъ, я долженъ присовокупить, что скорое извѣстіе о наказаніи одно только можетъ привести къ порядокъ возбужденное въ народѣ волненіе и неуваженіе къ власти, вслѣдствіе дѣйствій

и разговоровъ бывшаго здѣсь чиновника и священника, и что я считаю человѣколюбивымъ поступкомъ наказать двухъ и удалить нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы не довести до преступленія тысячи.

„Отправляя письмо это съ нарочнымъ изъ заводскихъ служителей, повѣреннымъ моимъ Дмитріемъ Трошинымъ, прошу ваше превосходительство благосклонно принять его; онъ словесно дополнитъ то, что̀ пропущено въ моемъ письмѣ“.

А вотъ второе письмо:

„Мнѣ весьма прискорбно, что я долженъ обезпокоить ваше превосходительство непріятнымъ дѣломъ, но счелъ обязанностью своей быстрымъ распоряженіемъ остановить зло, которое могло обхватить сильное населеніе мастеровыхъ моихъ заводовъ и распространиться далѣе.

„Для ясности происшествія и объясненія причинъ онаго я долженъ вамъ разсказать всѣ подробности происшествій и дѣйствій со дня полученія Всемилостивѣйшаго Манифеста.

„На первой недѣлѣ Великаго поста, по полученіи манифеста, я назначилъ собрать со всѣхъ деревень и заводовъ по нѣскольку человѣкъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ людей ко мнѣ. Я живу въ орловской губерніи, на границѣ калужской, въ центрѣ моихъ владѣній. Въ наступившее затѣмъ воскресенье, послѣ прочтенія манифеста въ церкви, народъ пришелъ ко мнѣ, гдѣ проѣзжавшій по дѣламъ черезъ мое имѣніе брянскій стряпчій и нѣсколько постороннихъ лицъ находились. Трогательно было чувство, которое народъ здѣсь высказалъ, и благодарность ихъ къ благодѣяніямъ отца моего и къ моимъ дѣйствіямъ вызвала слезы у всѣхъ присутствующихъ. Сдѣлавъ должныя наставленія и положивъ начало, какъ безотлагательно приступить къ исполненію на дѣлѣ, я отпустилъ народъ по домамъ.

„Зная, что во время такихъ коренныхъ переворотовъ въ народѣ, еще для сего не подготовленномъ, можетъ выдти недоразумѣніе, я самъ рѣшился навѣщать главнѣйшіе пункты населеній.

„Пріѣзды мои туда вызывали общія заявленія благодарности и мольбы о неизмѣненіи того покровительства, которымъ до сихъ поръ онъ отъ меня пользовался.

„Въ одинъ пріѣздъ мой въ Людиново узналъ я, что какой-то чиновникъ Дометти, бывшій при чтеніи манифеста въ церкви и позволявшій себѣ въ церкви кидать народу печатные манифесты, что̀, конечно, не содѣйствовало къ сохраненію въ церкви чувства благоговѣнія, проживаетъ въ Людиновѣ, ожидая Положеній, кои онъ

бѣщалъ народу, сказавъ имъ, чтобы они выбрали изъ себя ого-нибудь для полученія книгъ. Такъ какъ этимъ чиновникъ не знаю какими предписаніями онъ могъ руководствоваться) нарушалъ первое право помѣщика, еще не уничтоженное право рнозаводскаго положенія, которое указывало ему дѣйствовать ерезъ горнаго исправника и установленное заводское начальство, взволновалъ народъ, сдѣлавъ, помимо существующаго начальства, оторому, по смыслу манифеста, они должны были продолжать овиноваться, распоряженіе о какихъ-то выборахъ, не указавъ равила для выборовъ, онъ предоставилъ толпѣ распоряжаться, ерезъ что составилась, подъ руководствомъ нѣсколькихъ порочныхъ людей, шайка молодежи, которая въ ожиданіи обѣщанныхъ книгъ начала показывать неуваженіе къ начальствующимъ. Сверхъ того въ Людиновскомъ заводѣ назначенъ къ удаленію за лихоимство одинъ изъ священниковъ, питавшій злобу на управленіе заводское, бывшее въ необходимости обличить его дѣйствія. Священникъ этотъ вошелъ въ сношеніе съ этими молодыми сорванцами и, желая воспользоваться ихъ подписью, чтобы опровергнуть обличенія, сдѣланныя противъ него, вѣроятно дѣйствовалъ противъ своего начальства. Узнавъ все это и получивъ извѣщеніе отъ чиновника, что онъ намѣренъ читать Положеніе народу, я просилъ исправника предупредить г. Дометти, что я считаю его дѣйствія незаконными и вредными и письменно ему это сообщилъ, равно и предводителю жиздринскаго уѣзда.

„Несмотря на эти предупрежденія, г. Дометти отправился въ Песочинскій горный заводъ безъ вѣдома управляющаго, въ будній день потребовалъ къ себѣ мастеровыхъ, кои собрались толпою, покинувъ машины и печи. На вопросъ управляющаго заводомъ королевско-виртембергской службы инженера Дорна, имѣетъ ли онъ право остановить работы, г. Дометти съ дерзостью, отвернувшись отъ управляющаго, отвѣчалъ, что имѣетъ право все дѣлать. Слѣдствія такого распоряженія были: покинутыя печи испортились, въ прокатныхъ машинахъ сломался валъ, весьма дорого стоющій, и дѣйствіе прокатки прекращено, тогда какъ это единственное время, когда эта работа, по случаю изобилія воды, могла производиться на заводѣ. Эти убытки, нанесенные мнѣ и народу, лишившемуся заработковъ, весьма значительны; но это еще не ограничилось этимъ въ сущности.

„Чтеніе Положеній урывками только была потеря времени; лучшіе и благоразумные мастеровые возвратились къ своимъ мѣстамъ, остались самые пустые; имъ—и случайно самому глупому и злому, прозваніемъ Попову, досталось въ руки Положеніе;

между тѣмъ, народъ долженъ былъ смотрѣть на него, какъ на назначенное отъ правительства лицо; онъ воспользовался этимъ, увѣряя, что уже три года всѣ свободны, что контора это скрывала, что можно требовать содержанія не работая.

„Волненіе въ народѣ стало усиливаться; управляющій потребовалъ означеннаго Попова въ контору, и на вопросъ, чтобы онъ показалъ, гдѣ онъ нашелъ въ Положеніи все то, что̀ онъ разсказывалъ, онъ отвѣчалъ дерзостью, за что̀ приказано было его взять и отправить въ Людиново, а мнѣ дано было знать съ нарочнымъ.

„Сдѣлавъ все, что̀ нужно было по характеру народа, я довелъ до того, что онъ, избравъ изъ среды своей мастеровыхъ, прислалъ просить у меня прощенія и изъявилъ вновь всю благодарность свою и мольбу не покидать ихъ, увѣрилъ меня, что Поповъ, какъ старый дуракъ, не будетъ имѣть никакого отнынѣ вліянія, и испросилъ ему, съ своей стороны, чистосердечно раскаявшемуся, прощеніе, которое я даровалъ, видя, что не народъ виноватъ, а незаконныя и необдуманныя дѣйствія чиновника вовлекли его въ ошибки.

„Дѣйствія чиновника Дометти по Людинову были одинаковы; собравъ, онъ имъ читалъ разные параграфы, совершенно не относившіеся до заводскаго народонаселенія; а когда онъ предлагалъ получить книгу, и къ нему подходилъ мастеровой, хорошо одѣтый, ибо это было воскресенье, то онъ ему отказывалъ въ выдачѣ, говоря, не приказчикъ ли, и не вѣрилъ, когда тѣ говорили, что нѣтъ; такое воззрѣніе чиновника, явившагося какъ высшая власть, показало народу уничтоженіе прежняго порядка, къ которому онъ привыкъ, т.-е. получать всѣ приказанія отъ властей, надъ ними поставленныхъ, заставило народъ говорить, что и манифестъ, коимъ велѣно сохранять еще прежній порядокъ, уничтоженъ. Недовѣренность, которую эта высшая власть показала къ существующему управленію, могу сказать даже, презрѣніе, возбудила смѣлость всѣхъ порочныхъ и устрашила добрыхъ и благонравныхъ; какъ вездѣ зло имѣетъ больше наглости, такъ и въ здѣшнемъ населеніи это должно было проявиться; поощреніе чиновника и напутствіе священника вывело нѣкоторыхъ дѣтей изъ повиновенія родителей и вообще нарушило въ семействахъ уваженіе молодыхъ къ старшимъ, слѣдствіемъ этого было происшествіе, которое ваше превосходительство изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго рапорта [1]) горнаго исправника.

---

[1]) Рапорта этого нѣтъ у насъ, но содержаніе его видно дальше.

Нельзя не приписать къ похвалѣ заводскаго управленія, что не требованіе работъ и исполненія повинностей встрѣтило сопротивленіе, но что поддержка родительской власти и уваженія старшихъ, необходимая во всякомъ гражданскомъ обществѣ, вызвала буйства, указала, какъ подрываются основы всего священнаго. Замѣчательно то, что г. Дометти, указавъ послѣ толпѣ мальчишекъ и пустыхъ людей, его сопровождавшихъ, право выбирать кого хотятъ, такъ скоро могъ достигнуть этой безнравственной цѣли, поощряя мысль общаго равенства, молодыхъ и старыхъ, привилъ еще опаснѣйшее начало: угрозою мірского наказанія вести толпы народа и заставлять даже добронравныхъ не повиноваться начальству, что̀ въ послѣднихъ происшествіяхъ было исполнено негодяями.

„Смѣю сказать, что это только мое личное присутствіе и вліяніе, стяжонное 30-лѣтнимъ управленіемъ народа, которому кромѣ добра ничего не дѣлалъ, сохранило его отъ большихъ несчастій. Скорблю душевно, что такія дѣйствія чиновника Дометти и священника Григорія нарушили стройный порядокъ, въ какомъ я надѣялся устроить новый бытъ крестьянъ безъ всякихъ жертвъ; теперь онѣ сдѣлались необходимостью, и такъ какъ другія мои обязанности не позволяютъ мнѣ быть постоянно на заводѣ, то всѣхъ зачинщиковъ, опасныхъ по своимъ звѣрскимъ характерамъ, я немедленно велѣлъ заковать и выслать въ Калугу; при отправленіи ихъ была попытка нѣкоторыхъ увлечь мастеровыхъ идти выручать арестантовъ, но это остановлено.

„Отправлявшіеся, въ увѣренности, что уже не имѣютъ права ихъ высылать и наказывать, объявили своимъ семействамъ, что они немедленно возвратятся. Считаю излишнимъ высказывать, какія имѣло бы послѣдствія на все народонаселеніе, если бы эти люди были дѣйствительно возвращены“.

Здѣсь умѣстно привести будетъ содержаніе письма г. Мальцова къ г. Дометти. Письмо это хотя не было въ числѣ матеріаловъ, обсуждавшихся губернскимъ присутствіемъ по поводу мальцовскаго инцидента, но оно играло нѣкоторую роль при дальнѣйшемъ его развитіи. При этомъ не излишне сказать, что письма г. Мальцова къ г. Познакову мы воспроизводили съ находящихся у насъ копій, и потому въ нихъ замѣчается несвойственная г. Мальцову орѳографія; письмо же къ г. Дометти мы воспроизводимъ съ подлиннаго автографа и потому воспроизводимъ его съ фотографическою точностью.

Вотъ это письмо: „Милостивый Государь Михайло Але-

и разговоровъ бывшаго здѣсь чиновника и священника, и что я считаю человѣколюбивымъ поступкомъ наказать двухъ и удалить нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы не довести до преступленія тысячи.

„Отправляя письмо это съ нарочнымъ изъ заводскихъ служителей, повѣреннымъ моимъ Дмитріемъ Трошинымъ, прошу ваше превосходительство благосклонно принять его; онъ словесно дополнитъ то, что̀ пропущено въ моемъ письмѣ".

А вотъ второе письмо:

„Мнѣ весьма прискорбно, что я долженъ обезпокоить ваше превосходительство непріятнымъ дѣломъ, но счелъ обязанностью своей быстрымъ распоряженіемъ остановить зло, которое могло обхватить сильное населеніе мастеровыхъ моихъ заводовъ и распространиться далѣе.

„Для ясности происшествія и объясненія причинъ онаго я долженъ вамъ разсказать всѣ подробности происшествій и дѣйствій со дня полученія Всемилостивѣйшаго Манифеста.

„На первой недѣлѣ Великаго поста, по полученіи манифеста, я назначилъ собрать со всѣхъ деревень и заводовъ по нѣскольку человѣкъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ людей ко мнѣ. Я живу въ орловской губерніи, на границѣ калужской, въ центрѣ моихъ владѣній. Въ наступившее затѣмъ воскресенье, послѣ прочтенія манифеста въ церкви, народъ пришелъ ко мнѣ, гдѣ проѣзжавшій по дѣламъ черезъ мое имѣніе брянскій стряпчій и нѣсколько постороннихъ лицъ находились. Трогательно было чувство, которое народъ здѣсь высказалъ, и благодарность ихъ къ благодѣяніямъ отца моего и къ моимъ дѣйствіямъ вызвала слезы у всѣхъ присутствующихъ. Сдѣлавъ должныя наставленія и положивъ начало, какъ безотлагательно приступить къ исполненію на дѣлѣ, я отпустилъ народъ по домамъ.

„Зная, что во время такихъ коренныхъ переворотовъ въ народѣ, еще для сего не подготовленномъ, можетъ выдти недоразумѣніе, я самъ рѣшился навѣщать главнѣйшіе пункты населеній.

„Пріѣзды мои туда вызывали общія заявленія благодарности и мольбы о неизмѣненіи того покровительства, которымъ до сихъ поръ онъ отъ меня пользовался.

„Въ одинъ пріѣздъ мой въ Людиново узналъ я, что какой-то чиновникъ Дометти, бывшій при чтеніи манифеста въ церкви и позволявшій себѣ въ церкви кидать народу печатные манифесты, что̀, конечно, не содѣйствовало къ сохраненію въ церкви чувства благоговѣнія, проживаетъ въ Людиновѣ, ожидая Положеній, кои онъ

кому присутствію рапортъ жиздринскаго земскаго исправника томъ, что, узнавъ о происшедшихъ на Людиновомъ заводѣ Мальцова безпорядкахъ, онъ тотчасъ же съ нарочнымъ запросилъ заводскаго исправника о томъ, и исправникъ увѣдомилъ, отъ 7 апрѣля, что „5 того апрѣля людиновскій мастеровой Пантелей Ивановъ Кучеровъ, явясь къ нему, лично объявилъ, что родной его сынъ Григорій Пантелеевъ совершенно вышелъ изъ его послушанія и не дѣлаетъ ему никакого сыновняго повиновенія и сверхъ сего занимается пьянствомъ, и, къ отвращенію сего, просилъ сдѣлать ему, Кучерову, позволеніе наказать сына его Григорія розгами, а чтобы таковое наказаніе произвело на него болѣе нравственности и впечатлѣнія, онъ, Кучеровъ, желалъ это сдѣлать въ лицѣ родныхъ его братьевъ товарищей на мѣстѣ нахожденія его на работѣ въ заводѣ, въ слесарномъ отдѣленіи, и чтобы въ его присутствіи; каковую просимость его, Кучерова, исправникъ, находя заслуживающею уваженія, тѣмъ болѣе, что знаетъ лично неодобрительное поведеніе сына его Григорія, прибылъ въ заводъ, въ слесарное отдѣленіе, того же числа въ 9 часовъ утра, позволилъ Кучерову, согласно желанію его, наказать сына своего Григорія розгами. Въ это самое время сбѣжались къ исправнику въ отдѣленіе изъ прочихъ мастерскихъ, бросивши свои занятія, до 100 человѣкъ, которые съ азартностью кричали, что его, Кучерова, никто не смѣетъ наказывать, и они его не дадутъ; видя ихъ изступленіе таковую дерзость, отъ которой всѣми убѣжденіями своими старался остановить ихъ, но не видя въ томъ успѣха, и чтобы подвигнуть ихъ болѣе къ какому-либо преступленію, онъ, исправникъ, просьбу отца оставилъ безъ исполненія, и когда народъ разошелся, приказалъ одного главнаго зачинщика грубіяна, людиновскаго мастерового Исая Михайлова Равскаго, ...дь до особаго о немъ распоряженія, посадить въ заводскую ...цію, а самъ отправился въ занимаемую имъ квартиру; послѣ спустя не болѣе часа полтора, явились къ его квартирѣ ...умомъ и крикомъ мастеровые, болѣе 100 человѣкъ, кото... съ азартностью требовали отъ него, чтобы онъ тотчасъ же ...тилъ изъ полиціи упомянутаго Равскаго, или ихъ всѣхъ ...лъ бы; каковое ихъ требованіе, для укрощенія начинав... буйства, исправникъ обѣщалъ исполнить, если на это согласенъ самъ заводовладѣлецъ; успокоившись этимъ, ...правились по домамъ своимъ. Между тѣмъ, людиновская ...ая контора донесла ему, что главными зачинщиками та... азартнаго поступка, вообще съ Равскимъ, были Люди-

новскаго и Сукремльскаго заводовъ мастеровые Яковъ Ва-сильевъ Поляковъ, Василій Никитинъ Вьюшкинъ, Михайло Тро-фимовъ Французовъ, Никита и Платонъ Ферапонтовы, Максимъ Гавриловъ Комогоровъ и Родіонъ Ивановъ Зайцовъ, которые немедленно взяты были и для прекращенія могущаго распро-страниться буйства были выпровождены, по распоряженію са-мого заводовладѣльца г. Мальцова, въ Калугу. Послѣ же обѣда 7 числа въ 5 часовъ, въ то самое время, когда г. Мальцовъ самъ находился въ заводѣ, гдѣ, собравъ мастеровыхъ, дѣлалъ имъ внушенія, все, что только можетъ послужить ко благу ихъ, прибѣжали изъ Сукремльскаго завода, стоящаго въ пятиверст-номъ разстояніи отъ Людиново, мастеровые, самовольно бросив-шіе свои работы, и требовали возвращенія мастеровыхъ Ферапон-товыхъ. Въ это самое время были призваны добросовѣстные какъ Людиновскаго, такъ и Сукремльскаго заводовъ, для обсуж-денія необходимыхъ мѣръ къ удержанію буйныхъ людей въ пови-новеніи. Окончивъ занятіе, г. Мальцовъ вышелъ изъ завода, тогда стоявшіе на дворѣ мастеровые Сукремльскаго завода были отсылаемы по домамъ приказчиками и добросовѣстными, но они, не слушая ихъ, обратились къ г. Мальцову, просили освободить Ферапонтовыхъ; но онъ, сдѣлавъ имъ выговоръ за дерзость ихъ въ оставленіи работы безъ всякаго позволенія, сказалъ, что они не заслуживаютъ никакого прощенія, и что поступокъ ихъ будетъ судить правительство. Въ настоящее время въ Людиновскомъ заводѣ все спокойно, и люди ходятъ на работу". Воспроизводя въ своемъ рапортѣ это сообщеніе горнаго исправника, земскій исправникъ доносилъ Виктору Антоновичу, что имъ сообщено мѣстному судебному слѣдователю о производствѣ слѣдствія о виновныхъ въ описанномъ безпорядкѣ.

Передавая губернскому присутствію всѣ эти бумаги, Викторъ Антоновичъ, по поводу указанія г. Мальцова во второмъ письмѣ своемъ къ г. Markdown Кознакову на то, что въ дѣлѣ раздачи Положенія 19 февраля горнозаводскимъ крестьянамъ г. Дометти долженъ былъ дѣйствовать чрезъ горнаго исправника, заявилъ, что, ожидая манифеста и Положеній 19 февраля, Викторъ Антоновичъ просилъ по телеграфу наставленія у министра внутреннихъ дѣлъ, какъ поступить при обнародованіи крестьянамъ горнаго вѣдомства новыхъ законоположеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращался къ московскому бергъ-инспектору съ просьбой увѣдомить, нѣтъ ли по этому предмету особыхъ указаній, и кому онъ полагаетъ довѣрить важное порученіе объявленія новаго закона и уясненія крестьянамъ и мастеровымъ настоящихъ

отношеній ихъ къ заводчикамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ и бергъ-инспекторъ увѣдомили, что министръ финансовъ предписалъ по своему вѣдомству, чтобы для сохраненія общественнаго спокойствія горныя власти исполняли всѣ требованія и распоряженія гражданскаго начальства, единодушно дѣйствуя съ нимъ и не допуская никакихъ столкновеній, могущихъ имѣть вредныя послѣдствія для общественнаго спокойствія. Вслѣдствіе этого Викторъ Антоновичъ далъ знать земскимъ исправникамъ, что въ имѣніяхъ, гдѣ находятся крестьяне, приписанные къ частнымъ горнымъ заводамъ, при объявленіи манифеста и раздачѣ Положеній долженъ быть соблюденъ общій установленный по губерніи порядокъ на точномъ основаніи св. зак., т. 2. ч. I. Общ. учрежд. губ., ст. 853—858 и 2658, и указа Правительствующаго Сената отъ 2 марта 1861 г., коимъ повелѣно Положенія, предназначенныя къ повсемѣстному исполненію, доставить помѣщикамъ и въ сельскія общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Викторъ Антоновичъ предписалъ земскимъ исправникамъ войти въ сношеніе съ горными исправниками по этому предмету и предупредить о томъ самихъ владѣльцевъ. Кромѣ того, Викторъ Антоновичъ заявилъ губернскому присутствію, что чиновники, командированные съ Положеніями въ заводскія имѣнія, обязаны были, кромѣ статей, назначенныхъ для объявленія вообще крестьянамъ, прочитать и дополнительныя правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ и о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ.

Въ засѣданіи губернскаго присутствія, помѣщавшагося въ Калугѣ въ одномъ изъ залъ дворянскаго дома, утромъ, часу въ 11-мъ, 15 апрѣля призваны были всѣ восемь человѣкъ, препрепровожденныхъ г. Мальцовымъ къ г. Кознакову, и, конечно, уже безъ кандаловъ, которые были съ нихъ сняты еще въ г. Мещовскѣ гг. Шумовскимъ и Скворцовымъ. Сознавая, въ какую и съ кѣмъ борьбу онъ вступаетъ по поводу даннаго факта, Викторъ Антоновичъ оградилъ себя и членовъ губернскаго присутствія особымъ постановленіемъ, подписаннымъ всѣмъ личнымъ составомъ его и содержавшимъ всѣ внѣшнія подробности и обстановку разспроса крестьянъ. Намъ пришлось даже участвовать въ самомъ актѣ разспроса ихъ. По даннымъ, записаннымъ въ постановленіи, и по нашимъ личнымъ воспоминаніямъ, крестьяне, войдя въ залъ присутствія, пали на колѣни и просили защитить ихъ. Викторъ Антоновичъ приказалъ имъ встать и объявилъ, что ихъ обвиняютъ въ томъ, что при распоряженіяхъ горнаго исправника, вслѣдствіе просьбы отца нака-

новскаго и Сукремльскаго заводовъ мастеровые Яковъ
сильевъ Поляковъ, Василій Никитинъ Вьюшкинъ, Михайло
фимовъ Французовъ, Никита и Платонъ Ферапонтовы, Макс
Гавриловъ Комогоровъ и Родіонъ Ивановъ Зайцовъ, кото
немедленно взяты были и для прекращенія могущаго рас
страниться буйства были выпровождены, по распоряженію
мого заводовладѣльца г. Мальцова, въ Калугу. Послѣ же о
7 числа въ 5 часовъ, въ то самое время, когда г. Маль
самъ находился въ заводѣ, гдѣ, собравъ мастеровыхъ, дѣл
имъ внушенія, все, что только можетъ послужить ко благу
прибѣжали изъ Сукремльскаго завода, стоящаго въ пятиве
номъ разстояніи отъ Людиново, мастеровые, самовольно бро
шіе свои работы, и требовали возвращенія мастеровыхъ Фера
товыхъ. Въ это самое время были призваны добросовѣст
какъ Людиновскаго, такъ и Сукремльскаго заводовъ, для об
денія необходимыхъ мѣръ къ удержанію буйныхъ людей въ
виновеніи. Окончивъ занятіе, г. Мальцовъ вышелъ изъ зав
тогда стоявшіе на дворѣ мастеровые Сукремльскаго за
были отсылаемы по домамъ приказчиками и добросовѣстны
но они, не слушая ихъ, обратились къ г. Мальцову, про
освободить Ферапонтовыхъ; но онъ, сдѣлавъ имъ выговоръ
дерзость ихъ въ оставленіи работы безъ всякаго позволенія,
залъ, что они не заслуживаютъ никакого прощенія, и что
ступокъ ихъ будетъ судить правительство. Въ настоящее вр
въ Людиновскомъ заводѣ все спокойно, и люди ходятъ на
боту". Воспроизводя въ своемъ рапортѣ это сообщеніе гор
исправника, земскій исправникъ доносилъ Виктору Антонов
что имъ сообщено мѣстному судебному слѣдователю о произ
ствѣ слѣдствія о виновныхъ въ описанномъ безпорядкѣ.

Передавая губернскому присутствію всѣ эти бумаги, Вик
Антоновичъ, по поводу указанія г. Мальцова во второмъ пис
своемъ къ г. Кознакову на то, что въ дѣлѣ раздачи Поло
нія 19 февраля горнозаводскимъ крестьянамъ г. Дометти
женъ былъ дѣйствовать чрезъ горнаго исправника, заявилъ,
ожидая манифеста и Положеній 19 февраля, Викторъ Анто
вичъ просилъ по телеграфу наставленія у министра внут
нихъ дѣлъ, какъ поступить при обнародованіи крестьянамъ
наго вѣдомства новыхъ законоположеній, и вмѣстѣ съ т
обращался къ московскому бергъ-инспектору съ просьбой
домить, нѣтъ ли по этому предмету особыхъ указаній, и
онъ полагаетъ довѣрить важное порученіе объявленія по
закона и уясненія крестьянамъ и мастеровымъ настоящ

[illegible] заводчиками. Министръ внутреннихъ дѣлъ [illegible] министръ финансовъ пред- [illegible] чтобы для сохраненія общественн- [illegible] требованія и [illegible] единодушно дѣйству- [illegible] не допускать [illegible] столкновеній, могущихъ [illegible] послѣдствій для общественнаго спокойствія. [illegible] Викторъ Антоновичъ далъ знать земскимъ [illegible] что въ имѣніяхъ, гдѣ находятся крестьяне, при- [illegible] къ частнымъ горнымъ заводамъ, при объявленіи [illegible] Положеній должно быть соблюдаемъ общій [illegible] по губерніи порядокъ на точномъ основаніи ст. [illegible] 2 ч. II. Общ. учрежд. губ., ст. [illegible] и [illegible], и Правительствующаго Сената отъ 2 марта 1861 г., [illegible] Положенія, предназначенныя къ повсемѣстному исполн- [illegible] и въ сельскія общества. Вмѣстѣ [illegible] Викторъ Антоновичъ предписалъ земскимъ исправник- [illegible] въ сношеніе съ горными исправниками по этому [illegible] и предупредить о томъ самихъ владѣльцевъ. Кромѣ [illegible] Викторъ Антоновичъ заявилъ губернскому присутствію, [illegible] командированные съ Положеніями въ заводскія [illegible] обязаны были, кромѣ статей, назначенныхъ для объ- [illegible] вообще крестьянамъ, прочитать и дополнительныя пра- [illegible] приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ и о кре- [illegible], отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ.

[illegible] засѣданіи губернскаго присутствія, помѣщавшагося въ [illegible] въ одномъ изъ залъ дворянскаго дома, утромъ, часу въ [illegible] 15 апрѣля приведены были всѣ восемь человѣкъ, пре- [illegible] г. Мальцовымъ къ г. Колпакову, и, конечно, [illegible] кандаловъ, которые были съ нихъ сняты еще въ [illegible] гг. Шумовскимъ и Скворцовымъ. Сознавая, [illegible] и съ кѣмъ борьбу онъ вступаетъ по поводу даннаго [illegible] Викторъ Антоновичъ оградилъ себя и членовъ губерн- [illegible] присутствія особымъ постановленіемъ, подписаннымъ всѣми [illegible] составомъ его и содержащимъ всѣ внѣшнія подроб- [illegible] и обстановку распроса крестьянъ. Намъ пришлось даже [illegible] въ самомъ актѣ распроса ихъ. По даннымъ, [illegible] въ постановленіи, и по нашимъ личнымъ [illegible] крестьяне, войдя въ залъ присутствія, пали на колѣни [illegible] защитить ихъ. Викторъ Антоновичъ приказалъ имъ [illegible] и объяснилъ, что ихъ обвиняютъ въ томъ, что при распо- [illegible] горнаго исправника, вслѣдствіе просьбы [illegible] нака-

зать сына, они изъявили свои требованія собравшеюся толпою съ шумомъ и крикомъ, спрашивалъ у нихъ, что и какъ было, напомнивъ, что происшествіе это они должны разсказать со всей откровенностью, такъ, какъ было, по совѣсти, безъ лжи и неправды, потому что хотя показаніе это не имѣетъ вида формальнаго слѣдственнаго допроса, тѣмъ не менѣе, если при производствѣ назначеннаго уже слѣдствія показанія ихъ окажутся несправедливыми, они лишатся довѣрія. Мастеровые, разсказавъ все подробно, утверждали, что хотя дѣйствительно людиновскіе мастеровые были у дома заводскаго исправника всѣ вмѣстѣ, но шума и крика при этомъ не было съ ихъ стороны, и съ исправникомъ они говорили кротко и вѣжливо. Не было шума и крика и при разговорахъ сукремльскихъ мастеровыхъ съ управляющимъ г. Мальцова. Затѣмъ, Викторъ Антоновичъ внушалъ мастеровымъ, что распоряженіе расковать и освободить ихъ сдѣлано потому, что нѣтъ въ виду другихъ предъявленныхъ къ нимъ обвиненій, но что противный законамъ поступокъ ихъ, заключающійся въ томъ, что они собирались толпами для предъявленія своихъ требованій, будетъ обслѣдованъ формальнымъ порядкомъ, что законъ даетъ каждому изъ нихъ право подавать жалобы и начинать иски лично или черезъ повѣреннаго, а также по дѣламъ, касающимся цѣлаго общества: общество, по закону, также обязано дѣйствовать чрезъ повѣреннаго; что, затѣмъ, они должны мирно, съ полнымъ послушаніемъ исполнять работы и вообще лежащія на нихъ обязанности; въ тѣхъ же случаяхъ, когда нужно будетъ принести жалобу или предъявить какія-либо требованія, каждый долженъ просить за себя, а общество чрезъ уполномоченнаго, отнюдь не дѣлая этого вмѣстѣ, цѣлымъ міромъ или толпою. Мастеровые отвѣчали на это вопросомъ: какъ имъ пользоваться этимъ правомъ, когда Равскаго, выбраннаго ими для ходатайства предъ заводскимъ исправникомъ, взяли, посадили въ полицію и заковали за то, что одинъ просилъ за всѣхъ. На это мастеровымъ сказано, что къ нимъ вскорѣ будетъ назначенъ мировой посредникъ, которому они всегда могутъ заявлять свои просьбы и жалобы лично или чрезъ повѣренныхъ, а до назначенія его уѣздному предводителю и даже въ губернское присутствіе, что свобода ихъ въ этомъ отношеніи стѣснена никѣмъ быть не можетъ, случай же взятія въ заводскую полицію Равскаго, какъ уполномоченнаго отъ другихъ, будетъ обслѣдованъ и разсмотрѣнъ по законамъ, что и въ настоящій разъ, если они имѣютъ просить о чемъ-нибудь или жаловаться на что-либо, они мо-

отношеній ихъ къ заводчикамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ и бергъ-инспекторъ увѣдомили, что министръ финансовъ предписалъ по своему вѣдомству, чтобы для сохраненія общественнаго спокойствія горныя власти исполняли всѣ требованія и распоряженія гражданскаго начальства, единодушно дѣйствуя съ нимъ и не допуская никакихъ столкновеній, могущихъ имѣть вредныя послѣдствія для общественнаго спокойствія. Вслѣдствіе этого Викторъ Антоновичъ далъ знать земскимъ исправникамъ, что въ имѣніяхъ, гдѣ находятся крестьяне, приписанные къ частнымъ горнымъ заводамъ, при объявленіи манифеста и раздачѣ Положеній долженъ быть соблюденъ общій установленный по губерніи порядокъ на точномъ основаніи св. зак., т. 2. ч. I. Общ. учрежд. губ., ст. 853—858 и 2658, и указа Правительствующаго Сената отъ 2 марта 1861 г., коимъ повелѣно Положенія, предназначенныя къ повсемѣстному исполненію, доставить помѣщикамъ и въ сельскія общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Викторъ Антоновичъ предписалъ земскимъ исправникамъ войти въ сношеніе съ горными исправниками по этому предмету и предупредить о томъ самихъ владѣльцевъ. Кромѣ того, Викторъ Антоновичъ заявилъ губернскому присутствію, что чиновники, командированные съ Положеніями въ заводскія имѣнія, обязаны были, кромѣ статей, назначенныхъ для объявленія вообще крестьянамъ, прочитать и дополнительныя правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ и о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ.

Въ засѣданіи губернскаго присутствія, помѣщавшагося въ Калугѣ въ одномъ изъ залъ дворянскаго дома, утромъ, часу въ 11-мъ, 15 апрѣля призваны были всѣ восемь человѣкъ, препровожденныхъ г. Мальцовымъ къ г. Кознакову, и, конечно, уже безъ кандаловъ, которые были съ нихъ сняты еще въ г. Мещовскѣ гг. Шумовскимъ и Скворцовымъ. Сознавая, въ какую и съ кѣмъ борьбу онъ вступаетъ по поводу даннаго факта, Викторъ Антоновичъ оградилъ себя и членовъ губернскаго присутствія особымъ постановленіемъ, подписаннымъ всѣмъ личнымъ составомъ его и содержавшимъ всѣ внѣшнія подробности и обстановку разспроса крестьянъ. Намъ пришлось даже участвовать въ самомъ актѣ разспроса ихъ. По даннымъ, записаннымъ въ постановленіи, и по нашимъ личнымъ воспоминаніямъ, крестьяне, войдя въ залъ присутствія, пали на колѣни и просили защитить ихъ. Викторъ Антоновичъ приказалъ имъ встать и объявилъ, что ихъ обвиняютъ въ томъ, что при распоряженіяхъ горнаго исправника, вслѣдствіе просьбы отца нака-

разгонять мастеровыхъ по мѣстамъ, а Равскаго исправни
приказалъ Сиворонову взять въ заводскую полицію. Двое маст
ровыхъ отвели Равскаго въ полицію и посадили въ такъ наз
ваемую темную. Во все это время шума и крика со сторо
мастеровыхъ не было. Послѣ того какъ Равскій былъ отведе
въ темную, мастеровые въ 11 часовъ прекратили работы, п
тому что прозвонили къ обѣду. Выходя изъ мастерской, маст
ровые стали совѣщаться идти къ исправнику и просить е
освободить Равскаго, считая его невиновнымъ, и, придя къ до
исправника, послали его человѣка сказать ему о своемъ пр
бытіи. Когда исправникъ вышелъ къ нимъ на улицу, всѣ маст
ровые сняли шапки. Исправникъ приказалъ надѣть ихъ
спросилъ у мастеровыхъ, зачѣмъ они пришли. Мастеровые ск
зали, что пришли просить освободить Равскаго. Исправни
отвѣтилъ: „полиція наша, мы посадили, мы и выпустимъ. Иди
съ Богомъ обѣдать. Я сейчасъ прикажу выпустить Равскаго
Мастеровые, выслушавъ это, поклонились исправнику и разошли
по домамъ. Шума и крика при этомъ не было; мастеровые говори
съ исправникомъ тихо и вѣжливо. Исправникъ также разговар
валъ кротко и благосклонно. Потомъ, только-что Вьюшкинъ пр
шелъ домой и сѣлъ обѣдать, пришли къ нему сотскій Моисей П
тровъ, полицейскій солдатъ Герасимъ, десятскій д. Буды Козьма
сказали Вьюшкину, чтобы онъ шелъ къ барину. Вьюшкин
всталъ изъ-за стола, одѣлся и отправился съ ними къ госпо
скому дому. Къ нему подошелъ управляющій заводомъ Василі
Гущинъ и спросилъ: „ты ходилъ къ исправнику?“ Вьюшкинъ от
вѣтилъ, что ходилъ вмѣстѣ съ другими. „Напрасно ходилъ“, ска
залъ Гущинъ. На это Вьюшкинъ возразилъ, что онъ ходилъ к
исправнику потому, что весь міръ былъ у него. Послѣ того
Гущинъ ушелъ, а Вьюшкинъ остался и оставался на томъ ж
мѣстѣ еще часа два, а потомъ сотскій Моисей Петровъ от
велъ его въ полицію. Вьюшкинъ прибавилъ, что причино
арестованія его, кромѣ описаннаго случая, по мнѣнію его
было еще то, во-1-хъ, что между выбранными отъ общества шесть
мастеровыми для полученія Положенія объ освобожденіи крестьян
онъ устанавливалъ жребій, кто изъ шести человѣкъ долже
взять Положеніе; во-2-хъ, онъ подписалъ одобреніе людинов
скому священнику Григорію, котораго помѣщикъ хотѣлъ уда
лить изъ села Людиново, за что помѣщикъ сдѣлалъ Вьюшки
всенародно выговоръ, сказавши, что онъ дѣлаетъ будто бы „ра
вратъ“, одобряя священника; въ 3-хъ, вмѣстѣ съ други
мастеровыми того же 5 апрѣля Вьюшкинъ просилъ управля

щаго Гущина о прибавкѣ жалованья; въ 4-хъ, когда служители г. Мальцова Михайло Строчилинъ и Петръ Финаевъ убѣждали мастеровыхъ подписаться къ одобренію помѣщика послѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, Вьюшкинъ не согласился на это, не согласился и на предложенную послѣ того подписку на сооруженіе г. Мальцову памятника въ Людиново [1]).

Вскорѣ послѣ того, какъ Вьюшкинъ приведенъ былъ въ полицію, приведенъ былъ туда же Французовъ. Взятъ онъ послѣ обѣда изъ мастерской полицейскимъ солдатомъ, который тутъ же отвелъ его въ контору. Въ конторѣ управляющій Гущинъ спросилъ у него, зачѣмъ онъ ходилъ къ исправнику. Французовъ отвѣтилъ, что ходилъ потому, что и другіе тамъ были. —Другіе пускай шли бы, а ты бы не шелъ, замѣтилъ Гущинъ. На это Французовъ сказалъ, что онъ отъ міра не прочь.—Ну, вотъ я тебя отвезу, сказалъ Гущинъ и отправилъ его въ полицію. Французовъ прибавилъ, что служитель г. Мальцова Смѣловъ предлагалъ ему подписать одобреніе помѣщику, но онъ не согласился.

Поляковъ взятъ изъ мастерской сотскимъ Максимомъ Петровымъ и приведенъ къ господскому дому, а оттуда черезъ полчаса отведенъ въ полицію. По мнѣнію Полякова, взятъ онъ за то, во-1-хъ, что онъ вмѣстѣ съ другими мастеровыми просилъ управляющаго о прибавкѣ жалованья; во-2-хъ, что подписалъ одобреніе священнику Григорію и въ 3-хъ, что не подписалъ одобренія своему помѣщику и не согласился на подписку о сооруженіи ему памятника, предложенную Строчилинымъ и Финаевымъ.

Сукремльскаго завода мастеровой Платонъ *Ферапонтовъ не находился* 5 апрѣля при наказаніи сына Соловьевой и *не ходилъ* къ исправнику вмѣстѣ съ людиновскими мастеровыми отпрашивать Равскаго, а находился на работѣ въ Сукремльскомъ заводѣ. Часу во второмъ послѣ обѣда приказчикъ Александръ Барановъ сказалъ ему, чтобы онъ вмѣстѣ съ братомъ Никитой отправился въ село Людиново для слѣдствія, не объясняя по какому дѣлу. Оба Ферапонтовы, въ сопровожденіи десятскаго Филиппа Андреева, на господской лошади, въ то же время поѣхали въ Людиново. Десятскій привезъ ихъ въ полицію. Упра-

---

[1]) Московскія Вѣдомости (1861 г., № 71) говорятъ, что г. Мальцовъ отказался отъ предложеннаго ему крестьянами „монумента“. Оказывается, что затѣя о постановкѣ ему монумента принадлежала не крестьянамъ, а служащимъ г. Мальцова, которымъ, говорятъ, было очень тепло около барина.

разгонять мастеровыхъ по мѣстамъ, а Равскаго исправникъ приказалъ Сиворонову взять въ заводскую полицію. Двое мастеровыхъ отвели Равскаго въ полицію и посадили въ такъ называемую темную. Во все это время шума и крика со стороны мастеровыхъ не было. Послѣ того какъ Равскій былъ отведенъ въ темную, мастеровые въ 11 часовъ прекратили работы, потому что прозвонили къ обѣду. Выходя изъ мастерской, мастеровые стали совѣщаться идти къ исправнику и просить его освободить Равскаго, считая его невиновнымъ, и, придя къ дому исправника, послали его человѣка сказать ему о своемъ прибытіи. Когда исправникъ вышелъ къ нимъ на улицу, всѣ мастеровые сняли шапки. Исправникъ приказалъ надѣть ихъ и спросилъ у мастеровыхъ, зачѣмъ они пришли. Мастеровые сказали, что пришли просить освободить Равскаго. Исправникъ отвѣтилъ: „полиція наша, мы посадили, мы и выпустимъ. Идите съ Богомъ обѣдать. Я сейчасъ прикажу выпустить Равскаго“. Мастеровые, выслушавъ это, поклонились исправнику и разошлись по домамъ. Шума и крика при этомъ не было; мастеровые говорили съ исправникомъ тихо и вѣжливо. Исправникъ также разговаривалъ кротко и благосклонно. Потомъ, только-что Вьюшкинъ пришелъ домой и сѣлъ обѣдать, пришли къ нему сотскій Моисей Петровъ, полицейскій солдатъ Герасимъ, десятскій д. Буды Козьма и сказали Вьюшкину, чтобы онъ шелъ къ барину. Вьюшкинъ всталъ изъ-за стола, одѣлся и отправился съ ними къ господскому дому. Къ нему подошелъ управляющій заводомъ Василій Гущинъ и спросилъ: „ты ходилъ къ исправнику?“ Вьюшкинъ отвѣтилъ, что ходилъ вмѣстѣ съ другими. „Напрасно ходилъ“, сказалъ Гущинъ. На это Вьюшкинъ возразилъ, что онъ ходилъ къ исправнику потому, что весь міръ былъ у него. Послѣ того Гущинъ ушелъ, а Вьюшкинъ остался и оставался на томъ же мѣстѣ еще часа два, а потомъ сотскій Моисей Петровъ отвелъ его въ полицію. Вьюшкинъ прибавилъ, что причино[illegible] арестованія его, кромѣ описаннаго случая, по мнѣнію ег[illegible], было еще то, во-1-хъ, что между выбранными отъ общества шесть[illegible] мастеровыми для полученія Положенія объ освобожденіи крестьян[illegible] онъ устанавливалъ жребій, кто изъ шести человѣкъ долже[illegible] взять Положеніе; во-2-хъ, онъ подписалъ одобреніе людино[illegible]скому священнику Григорію, котораго помѣщикъ хотѣлъ уд[illegible]лить изъ села Людиново, за что помѣщикъ сдѣлалъ Вьюшки[illegible] всенародно выговоръ, сказавши, что онъ дѣлаетъ будто бы „ра[illegible]вратъ“, одобряя священника; въ 3-хъ, вмѣстѣ съ други[illegible] мастеровыми того же 5 апрѣля Вьюшкинъ просилъ управля[illegible]-

но не говорилъ съ нимъ, а только гнѣвно приказалъ Смѣлову переписать тѣхъ, кто остался въ Сукремльскомъ заводѣ, и тутъ же уѣхалъ домой. Въ ту же пору вышли къ народу Гущинъ и Хабаровъ и спрашивали у прибывшихъ мастеровыхъ, зачѣмъ они пришли. Всѣ отвѣчали, что пришли просить за Платона, считая его невиновнымъ. Хабаровъ на это сказалъ: „вы пришли оттого, что вамъ жить хорошо; вы, видно, хотите, чтобы вамъ было хуже". Послѣ такого разговора мастеровые, такъ какъ было уже поздно, возвратились въ Сукремъ. На другой день, 6 апрѣля, десятскій Семенъ Ѳаддеевъ объявилъ Зайцеву, чтобы онъ шелъ въ Людиново и явился къ Гущину. Зайцевъ отправился, пришелъ къ Гущину въ его квартиру въ господскомъ домѣ, но не засталъ его тамъ, а нашелъ Хабарова, который спросилъ его, сказывалъ ли онъ кузнецу Комогорову, чтобы онъ шелъ въ Людиново. Зайцевъ отвѣтилъ утвердительно. Послѣ того пришелъ Гущинъ и спросилъ его о томъ же; Зайцевъ и ему отвѣтилъ то же, что̀ и Хабарову. Затѣмъ, когда Гущинъ доложилъ г. Мальцову о прибытіи Зайцева, г. Мальцовъ потребовалъ его къ себѣ наверхъ и спрашивалъ, говорилъ ли онъ Комогорову идти въ Людиново. Зайцевъ отвѣтилъ, что, встрѣтясь въ Сукремѣ съ Комогоровымъ, они говорили, что народъ идетъ въ Людиново выручать Платона, и что надо и имъ идти. Послѣ того г. Мальцовъ приказалъ старостѣ Ивану Сидорову заковать Зайцева.

Кузнецъ Комогоровъ, 60 лѣтъ, 5 апрѣля, узнавши отъ Зайцева, что сукремльскіе мастеровые отправились въ Людиново просить за Платона, тоже пошелъ за ними, шелъ сзади другихъ съ палкою, которую онъ носилъ всегда по слабости здоровья, дорогой отсталъ отъ всѣхъ и подходилъ къ людиновскимъ мастерскимъ уже въ то время, когда сукремльскіе мастеровые возвращались назадъ. Вслѣдствіе этого и онъ возвратился съ ними и потому не знаетъ, что̀ происходило на Людиновскомъ заводѣ. Того же числа въ полночь пріѣхалъ къ Комогорову въ домъ приказчикъ Барановъ, десятскій Самсонъ Ѳаддеевъ, два старосты Иванъ Сидоровъ и Ѳедотъ Ивановъ и два крестьянина, соннаго стащили его съ печи, въ одной рубашкѣ, босого, насильно тащили изъ избы, причемъ изорвали рубашку, били по шеѣ и по спинѣ, раздѣтаго бросили въ телѣгу, и когда онъ хотѣлъ кричать: караулъ! то руками зажимали ему ротъ и въ такомъ видѣ привезли въ Людиново, посадили въ полиціи въ холодную комнату, приковавъ цѣпью къ двери. Утромъ 6 апрѣля отвели его къ Гущину, который спрашивалъ, ходилъ

вляющіе Смѣловъ и Гущинъ оставили Платона въ полиціи, а Никиту отпустили. Платонъ Ферапонтовъ предполагаетъ, что онъ арестованъ за то, что, получивши отъ чиновника Положеніе о крестьянахъ, онъ читалъ его вмѣстѣ съ другими по праздникамъ въ домѣ у себя и на улицѣ. Предположеніе это онъ основываетъ на томъ, что нѣкоторые мастеровые, въ числѣ которыхъ Платонъ Ферапонтовъ знаетъ Семена Никитина Пашина и Никифора Сергѣева, слышали, какъ приказчики Смѣловъ и Данило Акимовъ Кадоминовъ говорили, бывши въ избѣ на шлюзѣ при р. Болвѣ, что Платона Ферапонтова надо постращать—свезти въ Жиздру или въ Калугу, чтобы онъ не читалъ Положенія. Никита Ферапонтовъ, выйдя изъ полиціи, дождался, когда его брата Платона повезли въ Калугу, простился съ нимъ и потомъ остался въ Людиновѣ до вечера. Между тѣмъ, съ Сукремльскаго завода пришло въ Людиново человѣкъ до двухсотъ мастеровыхъ и, встрѣтивъ Никиту, спрашивали у него, гдѣ братъ его Платонъ. Онъ отвѣчалъ, что его увезли изъ Людинова. Вскорѣ къ нимъ вышли управляющіе Хабаровъ и Гущинъ, но о чемъ говорили съ народомъ, Никита не знаетъ, потому что стоялъ поодаль. Часу въ восьмомъ вечера онъ отправился домой въ Сукремъ. На другой день послѣ обѣда пріѣхалъ въ Сукремъ изъ Людинова староста д. Березиной Ѳедотъ Ивановъ, взялъ Никиту и отвезъ въ Людиново, сказавъ, что онъ нуженъ къ слѣдствію. Въ Людиновѣ три управляющихъ: Гущинъ, Хабаровъ и Смѣловъ [1]), одинъ послѣ другого убѣждали Никиту сознаться, что онъ далъ знать сукремльскимъ мастеровымъ о закованіи брата Платона, и затѣмъ Гущинъ приказалъ сотскому Моисею Петрову заковать Никиту и отправить. Зайцевъ, вслѣдствіе разнесшагося въ Сукремѣ слуха, что Платонъ Ферапонтовъ увезенъ изъ Людинова, вмѣстѣ со всѣми сукремльскими мастеровыми, за полчаса до окончанія послѣобѣденныхъ работъ отправился въ Людиново просить барина освободить Платона и прибылъ туда часу въ седьмомъ вечера. Баринъ, выходя изъ чертежной, хотя видѣлъ собравшійся народъ,

[1]) По поводу замѣченнаго здѣсь изобилія управляющихъ у г. Мальцова нужно имѣть въ виду, что у него было 15 большихъ заводовъ, съ ежегоднымъ производствомъ на 8 милліоновъ руб., 14 мелкихъ фабрикъ и заводовъ, 43 мельницы, 12 лѣсопиленъ, 12 кирпичныхъ заводовъ, 13 хуторовъ. Земли во владѣніяхъ г. Мальцова было до 200 тысячъ десятинъ, въ томъ числѣ и лѣса до 160 т. десятинъ въ уѣздахъ: брянскомъ орловск. губ., жиздринск. калужск. и рославльскомъ смоленск. губ. На заводахъ у него дѣлали рельсы, паровозы, пароходы, вагоны и проч. Нива № 7, 1894 г.

другой же день послѣ допроса они были отпущены по домамъ. Такъ какъ дорога имъ предстояла дальняя, болѣе двухсотъ верстъ, и сдѣлать ее нужно было пѣшкомъ, а у нихъ не было ни копѣйки денегъ, то нашлись добрые люди, которые снабдили ихъ деньгами на дорогу. Вслѣдъ за ними отправлены были въ г. Жиздру въ слѣдственную комиссію ихъ показанія, снятые съ нихъ кандалы, рапортъ гг. Шумовскаго и Скворцова и составленные ими акты.

Но ранѣе допроса людей, закованныхъ г. Мальцовымъ, 10 же апрѣля, слѣдовательно, тотчасъ же по полученіи Викторомъ Антоновичемъ всѣхъ бумагъ о происшествіи въ имѣніи г. Мальцова, губернское присутствіе въ полномъ своемъ составѣ приступило къ обсужденію свойства этого происшествія и его происхожденія. Оно нашло, что безпорядокъ у г. Мальцова произошелъ отъ неправильныхъ дѣйствій заводскаго исправника Еропкина. Во-1-хъ, на основаніи 717 ст., 5 п., XV т., кн. 2 Свода зак., *дѣла объ оскорбленіи дѣтьми правъ родительскихъ, безъ различія пола и состоянія, подлежатъ вѣдомству Совѣстнаго суда*. Слѣдовательно, Еропкинъ не имѣлъ права исполнять требованія отца Кучерова по его жалобѣ на неповиновеніе сына; за неодобрительное же поведеніе Григорій Кучеровъ, по силѣ 14 ст. правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ и ст. 101 и 102 Общаго Положенія, долженъ бы подлежать суду помѣщика, который, однакоже, могъ подвергнуть его въ извѣстномъ размѣрѣ тѣлесному наказанію не иначе какъ чрезъ полицію. Во-2-хъ, исполняя требованіе отца Кучерова, Еропкинъ дозволилъ наказать его публично въ присутствіи мастеровыхъ, тогда какъ, на основаніи Уложенія о наказаніяхъ, тѣлеснымъ наказаніямъ публично подвергаются преступники, лишенные всѣхъ правъ состоянія, и не иначе какъ чрезъ палача. Такое нарушеніе закона со стороны исправника тѣмъ болѣе важно, что это послѣдовало вскорѣ послѣ раздачи Положеній, изъ которыхъ мастеровые уразумѣли одно изъ главнѣйшихъ дарованныхъ имъ правъ—не быть подвергаемыми никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей (ст. 25 Общ. Полож.); притомъ, хотя поводъ со стороны мастеровыхъ къ участію въ совершенно постороннемъ для нихъ дѣлѣ наказанія сына по просьбѣ отца нынѣ еще не разъясненъ, однакожъ, естественно предположить, что публичное и произвольное наказаніе Кучерова могло казаться мастеровымъ намѣреннымъ попраніемъ только-

что прочитанныхъ и переданныхъ имъ новыхъ законовъ. Въ 3-хъ, когда исправникъ пріостановилъ свое неправильное распоряженіе, по жалобѣ Кучерова, мастеровые спокойно разошлись. Но Еропкинъ, взявъ подъ стражу Равскаго, неизвѣстно почему считая его главнымъ зачинщикомъ сборища, снова произвелъ смущеніе и тревогу въ народѣ, такъ что опять болѣе ста человѣкъ приходили къ его квартирѣ съ требованіемъ освободить Равскаго, или ихъ всѣхъ взять подъ стражу. Такимъ образомъ, всѣ дѣйствія Еропкина заключаютъ въ себѣ превышеніе власти (ст. 380, т. XV, кн. 1) и являются прямымъ нарушеніемъ новыхъ законовъ, особенно неблагоразумнымъ и опаснымъ въ самомъ началѣ совершающейся реформы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствій мастеровыхъ, губернское присутствіе нашло, что самъ Еропкинъ обвиняетъ ихъ въ произвольномъ оставленіи работъ и въ заявленіи ими своихъ требованій толпою, съ шумомъ и крикомъ. Г. Мальцовъ же, не выставляя никакихъ фактовъ въ обвиненіе мастеровыхъ, видитъ въ этомъ событіи возмущеніе съ ихъ стороны, говоря, однакожъ, что не требованіе работъ и исполненія повинностей встрѣтило сопротивленіе, но что поддержка родительской власти и уваженія старшихъ, необходимыя во всякомъ гражданскомъ обществѣ, вызвали буйство. Притомъ возмущеніе это, могущее имѣть неизвѣстно какія послѣдствія на весь уѣздъ, тотчасъ же прекратилось, когда онъ, дѣйствуя лично, взялъ зачинщиковъ, привелъ народъ къ раскаянію и водворилъ порядокъ. Судя по этимъ даннымъ, мастеровые, если они въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ исправника и видѣли нарушеніе дарованныхъ имъ нынѣ правъ, обязаны были установленнымъ порядкомъ принести на него жалобу и отнюдь не заявлять своихъ требованій толпою, съ шумомъ и крикомъ; потому подобное проявленіе самоуправства съ ихъ стороны должно подлежать, согласно 33 ст. Положенія о губернскомъ и уѣздномъ учрежденіяхъ, обслѣдованію и сужденію общихъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, которыя обязаны будутъ опредѣлить и степень виновности восьми человѣкъ, признанныхъ г. Мальцовымъ зачинщиками безпорядковъ, по случаю, какъ онъ выражается, ихъ звѣрскихъ характеровъ, не входя, однакожъ, въ дальнѣйшія обсужденія ихъ проступковъ. Оставленіе же мастеровыми произвольно работъ, по новымъ законоположеніямъ должно быть разсмотрѣно мировымъ посредникомъ, а, за неимѣніемъ его [1]), уѣзднымъ предводителемъ, притомъ по

[1]) Мировые посредники появились нѣсколько позднѣе, но вскорѣ послѣ того.

жалобѣ самого заводовладѣльца, если только онъ захочетъ искать вознагражденія за понесенные имъ по этому случаю убытки (ст. 91 того же Положенія).

Обращаясь наконецъ къ распоряженіямъ самого г. Мальцова, губернское присутствіе усмотрѣло: 1) что онъ самъ, признавъ зачинщиками въ безпорядкахъ восемь человѣкъ мастеровыхъ, взялъ ихъ, заковалъ и препроводилъ подъ конвоемъ изъ горнозаводскихъ людей въ Мещовскъ, помимо Жиздры, зная по слухамъ, что около этого города, будто бы, существуютъ волненія между крестьянами, и боясь, чтобы горное населеніе въ его отсутствіе, не пошло на выручку арестованныхъ и тѣмъ не возмутило окрестныхъ жителей, на которыхъ заводскіе люди имѣютъ сильное вліяніе; 2) г. Мальцовъ по настоящему дѣлу не обратился ни къ мѣстнымъ уѣзднымъ властямъ, ни къ губернскому начальству, потому что онъ считалъ причиною происшедшихъ въ его имѣніи безпорядковъ назначеніе чиновника для передачи крестьянамъ и мастеровымъ новыхъ законоположеній, или, по собственному его выраженію, для прямыхъ съ ними сношеній, а отнесся къ генералу Кознакову, полагая, что онъ имѣетъ уполномочіе дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ по своему усмотрѣнію, причемъ, отославъ восемь арестантовъ въ Мещовскъ, просилъ дальнѣйшихъ распоряженій его по настоящему обстоятельству; 3) г. Мальцовъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ въ своемъ письмѣ, чтобы признанные имъ зачинщиками восемь человѣкъ отданы были въ солдаты и сосланы на Кавказъ, а въ случаѣ неспособности—на поселеніе, Вьюшкина же и Ферапонтова наказать публично, въ присутствіи тѣхъ, которые были ведены ими на возмущеніе и обнадежены, что теперь ихъ не имѣютъ права уже болѣе наказывать, притомъ наказать такъ, чтобы это надолго осталось въ воспоминаніи населенія; онъ просилъ также прислать къ нему въ заводъ жандарма за тѣми мастеровыми, коимъ полезно будетъ находиться при этомъ, и ручался за доставленіе ихъ изъ завода въ Мещовскъ; 4) предлагая принять эти мѣры, г. Мальцовъ рѣшительно заявилъ, что закованные имъ люди должны содержаться въ острогѣ, впредь до испрошенія имъ приказаній высшаго начальства, присовокупляя, что одно только скорое извѣстіе о наказаніи ихъ и исполненіе его требованій можетъ привести въ порядокъ возбужденное въ народѣ волненіе и неуваженіе къ власти. Обсудивъ дѣйствія г. Мальцова, губернское присутствіе признало: 1) что мастеровые, по имѣющимся въ виду даннымъ, обвиняются только въ нарушеніи благочинія и въ проявленіи нѣко-

что прочитанныхъ и переданныхъ имъ новыхъ законовъ. Въ 3-хъ, когда исправникъ пріостановилъ свое неправильное распоряженіе, по жалобѣ Кучерова, мастеровые спокойно разошлись. Но Еропкинъ, взявъ подъ стражу Равскаго, неизвѣстно почему считая его главнымъ зачинщикомъ сборища, снова произвелъ смущеніе и тревогу въ народѣ, такъ что опять болѣе ста человѣкъ приходили къ его квартирѣ съ требованіемъ освободить Равскаго, или ихъ всѣхъ взять подъ стражу. Такимъ образомъ, всѣ дѣйствія Еропкина заключаютъ въ себѣ превышеніе власти (ст. 380, т. XV, кн. 1) и являются прямымъ нарушеніемъ новыхъ законовъ, особенно неблагоразумнымъ и опаснымъ въ самомъ началѣ совершающейся реформы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствій мастеровыхъ, губернское присутствіе нашло, что самъ Еропкинъ обвиняетъ ихъ въ произвольномъ оставленіи работъ и въ заявленіи ими своихъ требованій толпою, съ шумомъ и крикомъ. Г. Мальцовъ же, не выставляя никакихъ фактовъ въ обвиненіе мастеровыхъ, видитъ въ этомъ событіи возмущеніе съ ихъ стороны, говоря, однакожъ, что не требованіе работъ и исполненія повинностей встрѣтило сопротивленіе, но что поддержка родительской власти и уваженія старшихъ, необходимыя во всякомъ гражданскомъ обществѣ, вызвали буйство. Притомъ возмущеніе это, могущее имѣть неизвѣстно какія послѣдствія на весь уѣздъ, тотчасъ же прекратилось, когда онъ, дѣйствуя лично, взялъ зачинщиковъ, привелъ народъ къ раскаянію и водворилъ порядокъ. Судя по этимъ даннымъ, мастеровые, если они въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ исправника и видѣли нарушеніе дарованныхъ имъ нынѣ правъ, обязаны были установленнымъ порядкомъ принести на него жалобу и отнюдь не заявлять своихъ требованій толпою, съ шумомъ и крикомъ; потому подобное проявленіе самоуправства съ ихъ стороны должно подлежать, согласно 33 ст. Положенія о губернскомъ и уѣздномъ учрежденіяхъ, обслѣдованію и сужденію общихъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, которыя обязаны будутъ опредѣлить и степень виновности восьми человѣкъ, признанныхъ г. Мальцовымъ зачинщиками безпорядковъ, по случаю, какъ онъ выражается, ихъ звѣрскихъ характеровъ, не входя, однакожъ, въ дальнѣйшія обсужденія ихъ проступковъ. Оставленіе же мастеровыми произвольно работъ, по новымъ законоположеніямъ должно быть разсмотрѣно мировымъ посредникомъ, а за неимѣніемъ его [1]), уѣзднымъ предводителемъ, притомъ по

[1]) Мировые посредники появились нѣсколько позднѣе, но вскорѣ послѣ того.

чальства по обнародованію манифеста и Положеній, а также къ
чному вліянію на крестьянъ чиновника Дометти, исполнявшаго
ѣстѣ съ другими лицами это порученіе въ его имѣніяхъ. Такъ
одномъ письмѣ онъ говоритъ, будто поощренія чиновника и
утствіе священника вывели нѣкоторыхъ дѣтей изъ повинове-
родителямъ и вообще нарушили въ семействахъ уваженіе
адшихъ къ старшимъ, а слѣдствіемъ этого и было происше-
іе, описанное въ рапортѣ горнаго исправника. Губернское
исутствіе рѣшительно остается въ недоумѣніи, какимъ обра-
ъ врученіе довѣреннымъ отъ общества лицамъ Положеній и
ніе нѣкоторыхъ новыхъ законовъ о личныхъ правахъ кре-
лнъ и ихъ обязанностяхъ къ владѣльцамъ могло повлечь за
бою неповиновеніе дѣтей къ родителямъ. Главное обвиненіе,
одимое г. Мальцовымъ на г. Дометти, заключаетъ въ себѣ
жденіе мѣры, принятой губернскимъ начальствомъ для объ-
енія манифеста и Положеній, тогда какъ оно въ этомъ слу-
ѣ дѣйствовало основываясь на законѣ и указѣ Сената, по
едварительномъ сношеніи съ горнымъ начальствомъ; притомъ
мѣра оправдана успѣшными для всей губерніи послѣдствіями.
обенно г. Мальцовъ обвиняетъ г. Дометти въ чтеніи нѣкото-
хъ статей изъ Положеній, несмотря на то, что г. Мальцовъ,
ходя это незаконнымъ и вреднымъ, сообщилъ о томъ пись-
нно какъ ему, такъ и уѣздному предводителю. При этомъ
ніе новыхъ законовъ урывками г. Мальцовъ считалъ лишь
терею времени, что̀, между прочимъ, доказывается тѣмъ, будто
, что, по его словамъ, царскую милость слушали только люди
стые, а лучшіе и благоразумные возвратились къ своимъ мѣ-
мъ. Напротивъ, г. Дометти доноситъ, что крестьяне г. Маль-
ва остались довольны Высочайше дарованными имъ льготами.
Обвиненія же г. Мальцова, относящіяся лично къ г. До-
тти, состоятъ въ томъ, что, будто бы: а) послѣдній обѣщалъ
ударственнымъ крестьянамъ облегченіе въ кражѣ у него
са, б) бросалъ народу въ церкви экземпляры манифеста,
отвлекъ мастеровыхъ въ будничный день отъ урочныхъ ра-
тъ ихъ, безъ вѣдома управляющаго, нанеся такимъ образомъ
едъ заводскому производству. Въ какой степени справедливы
и обвиненія, присутствію неизвѣстно, за неистребованіемъ
це отъ г. Дометти объясненій по настоящему дѣлу. По всѣмъ
имъ соображеніямъ, губернское присутствіе пришло къ слѣ-
ющему заключенію: 1) поступки заводскаго исправника Ероп-
ва требуютъ форменнаго обслѣдованія, а по очевидности

противозаконныхъ дѣйствій его въ настоящемъ случаѣ настоитъ надобность въ немедленномъ устраненіи его отъ занимаемой имъ должности и въ назначеніи вмѣсто него другого лица; 2) безпорядокъ, состоявшій въ нарушеніи благочинія и проявленіи нѣкотораго самоуправства со стороны заводскихъ мастеровыхъ, а также незаконныя дѣйствія г. Мальцова, самовольно лишившаго свободы восемь человѣкъ, съ закованіемъ ихъ въ кандалы, тоже требуютъ обслѣдованія чрезъ комиссію, на основаніи наказа судебнымъ слѣдователямъ; 3) отъ чиновника особыхъ порученій Дометти истребовать объясненіе по взводимымъ на него г. Мальцовымъ обвиненіямъ; 4) копію настоящаго заключенія сообщить орловскому губернскому присутствію, по нахожденію имѣній г. Мальцова въ этой губерніи, и жиздринскому уѣздному предводителю дворянства, а самого г. Мальцова поставить въ извѣстность о воззрѣніи губернскаго присутствія на настоящій образъ дѣйствій его, предъявивъ ему, что всѣ безпорядки, могущіе возникнуть въ его имѣніяхъ, вслѣдствіе нарушенія имъ правъ, дарованныхъ нынѣ крестьянамъ, падутъ на личную его отвѣтственность. Приведеніе въ исполненіе этого журнала во всѣхъ его частяхъ губернское присутствіе просило Виктора Антоновича принять на себя.

Вслѣдъ затѣмъ, 13 апрѣля, губернское присутствіе обсуждало вопросъ: можетъ ли г. Мальцовъ оставаться въ настоящее время въ своемъ имѣніи или слѣдуетъ удалить его оттуда? Судя уже по тому, что этотъ помѣщикъ обнаружилъ явно неуваженіе къ новымъ законоположеніямъ, самую реформу называя даже переворотомъ [1]) и открыто выразилъ убѣжденіе, что порядокъ на его заводахъ можетъ поддерживаться только прежнимъ образомъ его управленія, основаннаго на страхѣ къ его лицу, угрожая при этомъ правительству, будто бы возстанетъ все населеніе, если съ закованными имъ людьми не будетъ поступлено такъ, какъ онъ требуетъ — губернское присутствіе нашло опаснымъ пребываніе г. Мальцова въ его заводахъ. Принимая же при этомъ во вниманіе, что г. Мальцовъ, какъ человѣкъ, пользующійся изѣстностью по своему богатству и обширности своихъ владѣній, можетъ затруднить правильное введеніе новаго порядка въ его имѣніяхъ, губернское присутствіе увидѣло настоятельную нужду во временномъ удаленіи г. Мальцова изъ его заводовъ, впредь до полнаго уясненія дѣла слѣдствіемъ, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ будетъ устранено и

---

[1]) Переворотомъ называлась тогда революція.

вліяніе его на наказаніе мастеровыхъ при производствѣ слѣдствія, но, не имѣя на это опредѣленнаго закона, губернское присутствіе постановило: на удаленіе Мальцова изъ его заводовъ испросить черезъ Виктора Антоновича, какъ предсѣдателя присутствія, разрѣшеніе у министра внутреннихъ дѣлъ.

Опредѣленіе это подписали самъ Викторъ Антоновичъ и члены: Трузсонъ, Свистуновъ, кн. Оболенскій и Оттъ; другіе же члены— губернскій предводитель Щукинъ, управляющій палатой государственныхъ имуществъ Юзефовичъ и членъ отъ дворянства Баскаковъ не согласились на удаленіе Мальцова и представили особыя мнѣнія. Г. Щукинъ писалъ: „при вызовѣ г. Мальцова, безъ сомнѣнія, предполагать надо, что онъ закроетъ заводъ, отчего тысячи работниковъ останутся безъ издѣльной платы и средствъ къ праведному пропитанію, и убытки, понесенные хозяиномъ, будутъ неисчислимы; подобные убытки, пожалуй, падутъ на отвѣтственность губернскаго присутствія. Съ другой стороны, я, какъ представитель калужскаго дворянства, не могу согласиться, чтобы государственный дѣятель, нашъ калужскій дворянинъ, въ прогрессѣ промышленности получившій европейскую извѣстность [1]) однимъ, такъ сказать, выстрѣломъ губернскаго присутствія былъ такъ сильно пораженъ". Г. Баскаковъ иначе мотивировалъ свое несогласіе съ опредѣленіемъ губернскаго присутствія о необходимости удаленія г. Мальцова.

Онъ писалъ, что „одна изъ причинъ, которая служитъ достаточнымъ поводомъ, по силѣ Высочайшаго рескрипта 1826 г., даннаго на имя министра внутреннихъ дѣлъ, и Высочайшаго повелѣнія 1853 г., объявленнаго въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, къ удаленію владѣльцевъ изъ имѣнія есть доказанное жестокое обращеніе съ крестьянами, для чего предварительно владѣльцу дѣлается внушеніе, а затѣмъ, если послѣ сего онъ не измѣнится въ своемъ обращеніи съ людьми, то тогда только удаляется онъ изъ имѣнія. Въ поступкѣ генералъ-маіора Мальцова не выказывается ничего такого, что̀ бы могло давать поводъ къ убѣжденію въ жестокомъ обращеніи его съ крестьянами, и хотя г. Мальцовъ, по возлагаемой на него обязанности, вслѣдствіе неустройства еще общиннаго управленія, водворивъ порядокъ при бывшемъ происшествіи, заковалъ восемь человѣкъ и тѣмъ самымъ нарушилъ личныя права крестьянъ, за что и долженъ подлежать

---

[1]) О европейской извѣстности г. Мальцова въ промышленномъ мірѣ говорится въ „Русской жизни", № 7 1894 г., и въ „Нивѣ", № 7 1894 г.

тивозаконныхъ дѣйствій его въ настоящемъ случаѣ настоитъ добность въ немедленномъ устраненіи его отъ занимаемой имъ лжности и въ назначеніи вмѣсто него другого лица; 2) безорядокъ, состоявшій въ нарушеніи благочинія и проявленіи нѣкотораго самоуправства со стороны заводскихъ мастеровыхъ, а также незаконныя дѣйствія г. Мальцова, самовольно лишившаго свободы восемь человѣкъ, съ закованіемъ ихъ въ кандалы, тоже требуютъ обслѣдованія чрезъ комиссію, на основаніи наказа судебнымъ слѣдователямъ; 3) отъ чиновника особыхъ порученій Дометти истребовать объясненіе по взводимымъ на него г. Мальцовымъ обвиненіямъ; 4) копію настоящаго заключенія сообщить орловскому губернскому присутствію, по нахожденію имѣній г. Мальцова въ этой губерніи, и жиздринскому уѣздному предводителю дворянства, а самого г. Мальцова поставить въ извѣстность о воззрѣніи губернскаго присутствія на настоящій образъ дѣйствій его, предъявивъ ему, что всѣ безпорядки, могущіе возникнуть въ его имѣніяхъ, вслѣдствіе нарушенія имъ правъ, дарованныхъ нынѣ крестьянамъ, падутъ на личную его отвѣтственность. Приведеніе въ исполненіе этого журнала во всѣхъ его частяхъ губернское присутствіе просило Виктора Антоновича принять на себя.

Вслѣдъ затѣмъ, 13 апрѣля, губернское присутствіе обсуждало вопросъ: можетъ ли г. Мальцовъ оставаться въ настоящее время въ своемъ имѣніи или слѣдуетъ удалить его оттуда? Судя уже по тому, что этотъ помѣщикъ обнаружилъ явно неуваженіе къ новымъ законоположеніямъ, самую реформу называя даже переворотомъ [1]) и открыто выразилъ убѣжденіе, что порядокъ на его заводахъ можетъ поддерживаться только прежнимъ образомъ его управленія, основаннаго на страхѣ къ его лицу, угрожая при этомъ правительству, будто бы возстанетъ все населеніе, если съ закованными имъ людьми не будетъ поступлено такъ, какъ онъ требуетъ — губернское присутствіе нашло опаснымъ пребываніе г. Мальцова въ его заводахъ. Принимая же при этомъ во вниманіе, что г. Мальцовъ, какъ человѣкъ, пользующійся извѣстностью по своему богатству и обширности своихъ владѣній, можетъ затруднить правильное введеніе новаго порядка въ его имѣніяхъ, губернское присутствіе увидѣло настоятельную нужду во временномъ удаленіи г. Мальцова изъ его заводовъ, впредь до полнаго уясненія дѣла слѣдствіемъ, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ будетъ устранено

[1]) Переворотомъ называлась тогда революція.

ірныя имѣнія въ отдаленной части губерніи, привыкъ къ
ой уступчивости ему со стороны жиздринскихъ властей,
ственно находившихся подъ его вліяніемъ, основанномъ на
богатствѣ и силѣ. Непосредственныя же горныя власти въ
заводахъ были въ совершенной зависимости отъ него, какъ
чающія по самому закону содержаніе отъ него, съ наиме-
ніемъ исправниковъ своекоштными [1]). По всѣмъ этимъ
раженіямъ Викторъ Антоновичъ выразилъ министру убѣ-
іе, что, въ случаѣ дальнѣйшихъ затрудненій по заводамъ
Іальцова, губернскому начальству представляется необходи-
ь имѣть уполномочіе на удаленіе его изъ имѣній, если по тѣмъ
ымъ, которыя представлены на усмотрѣніе министра, мѣра
не будетъ признана имъ нужною въ настоящее время,
самомъ началѣ слѣдствія. Въ то же время, въ видахъ успо-
ія заводскаго населенія и возможно бóльшаго распростра-
я между нимъ изученія новыхъ законовъ, Викторъ Ан-
вичъ послалъ совѣтнику губернскаго правленія Н. Н. Ко-
ину, командированному имъ въ составъ слѣдственной ко-
іи по дѣлу о безпорядкахъ у г. Мальцова, 50 экземпля-
Положенія и 110 экземпляровъ дополнительныхъ правилъ
риписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ, для
ачи на заводахъ г. Мальцова, причемъ поручилъ г. Коло-
у внушить заводскому населенію незаконность его обычая
юсить жалобы толпою и, кромѣ того, увѣдомить Виктора

По поводу этихъ исправниковъ и вообще порядковъ въ горнозаводскихъ
іяхъ Викторъ Антоновичъ писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ о
крестьянскаго дѣла въ калужской губ.: „горнозаводское населеніе въ
остномъ состояніи находилось совершенно подъ другими условіями, не-
чисто земледѣльческое, и вопросы, возбуждаемые на заводахъ, вообще
нѣе и запутаннѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ. Нигдѣ крѣ-
ой произволъ не былъ такъ силенъ, какъ на частныхъ горныхъ
дахъ, гдѣ онъ поддерживался существованіемъ своекоштныхъ горныхъ
авниковъ, названныхъ такъ потому, что, состоя на государственной
бѣ, они, однако, получали содержаніе непосредственно отъ заводчиковъ.
ственно, что заводовладѣльцамъ не легко было отвыкать отъ прежняго
дка, сопротивленіе же при введеніи новаго порядка встрѣчается не со сто-
заводскаго населенія, а со стороны самихъ заводовладѣльцевъ. Таковы
. вскорѣ по обнародованіи манифеста 19 февраля, замѣшательства на
дахъ генерала Мальцова. Губернское присутствіе приняло тогда мѣры
храненію народа отъ обвиненія въ бунтѣ, котораго не было, и обратило
маніе на существенное, а именно, на разграниченіе функцій двухъ поли-
жихъ властей. Вслѣдствіе представленія о томъ министерствамъ финан-
и внутреннихъ дѣлъ, заводская полиція на всѣхъ заводахъ упразднена
мѣнена полиціею общей“.

Антоновича, какое впечатлѣніе произвели на заводахъ мѣры губернскаго начальства по настоящему дѣлу. Дополнительную раздачу экземпляровъ Положенія и правилъ Викторъ Антоновичъ призналъ необходимой потому, что и тѣ немногіе люди, которые получили и читали Положенія, подверглись преслѣдованію за то со стороны г. Мальцова и его управляющихъ. Это обстоятельство побудило Виктора Антоновича черезъ жиздринскаго предводителя обязать г. Мальцова и управляющихъ его подписками не притѣснять людей, выбираемыхъ въ качествѣ повѣренныхъ и лично приносящихъ жалобы. Кромѣ того Викторъ Антоновичъ счелъ нужнымъ просить предводителя, исполнявшаго временно обязанности мирового посредника, объѣхать заводы г. Мальцова и заняться разборомъ жалобъ, которыхъ было заявлено очень много, и неизвѣстность исхода которыхъ могла сильно волновать заводское населеніе. Закованныхъ г. Мальцовымъ людей, принесшихъ на него губернскому присутствію, во время пребыванія ихъ въ Калугѣ, жалобу на безвинное закованіе и лишеніе ихъ свободы [1]), Викторъ Антоновичъ, въ огражденіе отъ дальнѣйшихъ притѣсненій, на основаніи общаго закона, поручилъ особому покровительству земской полиціи и предводителя. Сверхъ того о мѣрахъ къ обезпеченію спокойствія на заводахъ Викторъ Антоновичъ сообщилъ орловскому губернатору и просилъ его обсудить: не будетъ ли полезно и удобно сдѣлать ему по брянскимъ заводамъ г. Мальцова распоряженія, по возможности, однообразныя съ принятыми по жиздринскимъ его заводамъ относительно раздачи Положеній, дополнительныхъ правилъ и другихъ мѣръ, такъ какъ разнообразіе распоряженій можетъ ослабить довѣріе и спокойствіе заводскаго населенія смежныхъ уѣздовъ двухъ разныхъ губерній.

Донося обо всемъ этомъ министру 19 апрѣля (за № 107), Викторъ Антоновичъ писалъ кромѣ того: 1) что до сихъ поръ нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ правительство было бы въ правѣ почитать случай въ имѣніи г. Мальцова мятежомъ или возмущеніемъ, какъ называетъ самъ онъ. Нельзя не видѣть, что въ собственныхъ же письмахъ его заключаются опроверженія подобнаго взгляда на данный случай, потому что называемый имъ мятежъ прекращенъ единоличными его мѣрами, и притомъ такими, которыя требовали времени и обусловливались полнымъ повиновеніемъ мастеровыхъ, какъ-то: сооруженіе на

[1]) Мы забыли сказать объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

заводахъ новыхъ кандаловъ, заклепываніе ихъ на ногахъ скованныхъ попарно мастеровыхъ, суточное содержаніе этихъ людей подъ карауломъ въ самомъ заводѣ и четырехсуточное дальнѣйшее содержаніе въ ближнемъ имѣніи г. Мальцова, въ селѣ Маклакахъ, перековка, отправленіе закованныхъ съ людьми, взятыми изъ имѣнія его же, г. Мальцова, и медленное слѣдованіе закованныхъ отъ с. Маклаковъ до г. Мещовска. При мятежномъ настроеніи умовъ заводскаго населенія едва ли бы г. Мальцовъ могъ привести въ исполненіе всѣ эти противозаконныя распоряженія. На дѣлѣ же оказалось, что, пока люди были подъ карауломъ, заковывались и перековывались, товарищи ихъ исполняли безпрекословно всѣ работы и не сдѣлали никакого сопротивленія ни аресту, ни заготовкѣ кандаловъ, ни отправкѣ арестованныхъ людей. Даже не было никакого протеста при безчеловѣчныхъ поступкахъ приказчиковъ и старостъ г. Мальцова съ старымъ и болѣзненнымъ мастеровымъ Комогоровымъ.

2) Г. Мальцовъ упоминаетъ, что закованные говорили своимъ товарищамъ, что они скоро вернутся назадъ, и опасается послѣдствій возвращенія ихъ. Нельзя, конечно, принять на себя точнаго предусмотрѣнія будущаго; но, съ одной стороны, нельзя не видѣть въ подобномъ заявленіи закованныхъ людей разумнаго пониманія ими своихъ правъ и своего положенія, а также еще не утраченной ими вѣры въ законность дѣйствій правительства; съ другой стороны, нельзя раздѣлять и опасеній г. Мальцова, потому что опасно не возвращеніе противозаконно закованныхъ, лишенныхъ свободы и удаленныхъ изъ имѣнія людей, а незаконное дѣйствіе г. Мальцова; оно, дѣйствительно, могло вызвать со стороны заводскаго населенія какую-либо крайность и быть гибельнымъ самому же г. Мальцову, который, какъ видно, не сознаетъ опасности этого рода. Благодаря здравому смыслу народа, этого не случилось; тѣмъ менѣе можно предполагать дурныхъ проявленій вслѣдствіе возстановленія нарушенныхъ г. Мальцовымъ правъ, Высочайше дарованныхъ сельскому населенію. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе предположить, что этимъ самымъ актомъ утвердится въ заводскомъ населеніи вѣра въ законъ и надежда на правомѣрныя дѣйствія органовъ правительства, на постепенное осуществленіе дарованныхъ правъ и прочный за этимъ надзоръ. „Это—цѣль всѣхъ моихъ распоряженій и дѣйствій“, прибавляетъ Викторъ Антоновичъ.

3) Изъ разсмотрѣнія показаній и просьбы закованныхъ людей, справедливости которыхъ нѣтъ поводовъ подозрѣвать, нельзя

Антоновича, какое впечатлѣніе произвели на заводахъ мѣры губернскаго начальства по настоящему дѣлу. Дополнительную раздачу экземпляровъ Положенія и правилъ Викторъ Антоновичъ призналъ необходимой потому, что и тѣ немногіе люди, которые получили и читали Положенія, подверглись преслѣдованію за то со стороны г. Мальцова и его управляющихъ. Это обстоятельство побудило Виктора Антоновича черезъ жиздринскаго предводителя обязать г. Мальцова и управляющихъ его подписками не притѣснять людей, выбираемыхъ въ качествѣ повѣренныхъ и лично приносящихъ жалобы. Кромѣ того Викторъ Антоновичъ счелъ нужнымъ просить предводителя, исполнявшаго временно обязанности мирового посредника, объѣхать заводы г. Мальцова и заняться разборомъ жалобъ, которыхъ было заявлено очень много, и неизвѣстность исхода которыхъ могла сильно волновать заводское населеніе. Закованныхъ г. Мальцовымъ людей, принесшихъ на него губернскому присутствію, во время пребыванія ихъ въ Калугѣ, жалобу на безвинное закованіе и лишеніе ихъ свободы [1]), Викторъ Антоновичъ, въ огражденіе отъ дальнѣйшихъ притѣсненій, на основаніи общаго закона, поручилъ особому покровительству земской полиціи и предводителя. Сверхъ того о мѣрахъ къ обезпеченію спокойствія на заводахъ Викторъ Антоновичъ сообщилъ орловскому губернатору и просилъ его обсудить: не будетъ ли полезно и удобно сдѣлать ему по брянскимъ заводамъ г. Мальцова распоряженія, по возможности, однообразныя съ принятыми по жиздринскимъ его заводамъ относительно раздачи Положеній, дополнительныхъ правилъ и другихъ мѣръ, такъ какъ разнообразіе распоряженій можетъ ослабить довѣріе и спокойствіе заводскаго населенія смежныхъ уѣздовъ двухъ разныхъ губерній.

Донося обо всемъ этомъ министру 19 апрѣля (за № 107), Викторъ Антоновичъ писалъ кромѣ того: 1) что до сихъ поръ нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ правительство было бы въ правѣ почитать случай въ имѣніи г. Мальцова мятежомъ или возмущеніемъ, какъ называетъ самъ онъ. Нельзя не видѣть, что въ собственныхъ же письмахъ его заключаются опроверженія подобнаго взгляда на данный случай, потому что называемый имъ мятежъ прекращенъ единоличными его мѣрами, и притомъ такими, которыя требовали времени и обусловливались полнымъ повиновеніемъ мастеровыхъ, какъ-то: сооруженіе на

---

[1]) Мы забыли сказать объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

заводахъ новыхъ кандаловъ, заклепываніе ихъ на ногахъ скованныхъ попарно мастеровыхъ, суточное содержаніе этихъ людей подъ карауломъ въ самомъ заводѣ и четырехсуточное дальнѣйшее содержаніе въ ближнемъ имѣніи г. Мальцова, въ селѣ Маклакахъ, перековка, отправленіе закованныхъ съ людьми, взятыми изъ имѣнія его же, г. Мальцова, и медленное слѣдованіе закованныхъ отъ с. Маклаковъ до г. Мещовска. При мятежномъ настроеніи умовъ заводскаго населенія едва ли бы г. Мальцовъ могъ привести въ исполненіе всѣ эти противозаконныя распоряженія. На дѣлѣ же оказалось, что, пока люди были подъ карауломъ, заковывались и перековывались, товарищи ихъ исполняли безпрекословно всѣ работы и не сдѣлали никакого сопротивленія ни аресту, ни заготовкѣ кандаловъ, ни отправкѣ арестованныхъ людей. Даже не было никакого протеста при безчеловѣчныхъ поступкахъ приказчиковъ и старостъ г. Мальцова съ старымъ и болѣзненнымъ мастеровымъ Комоторовымъ.

2) Г. Мальцовъ упоминаетъ, что закованные говорили своимъ товарищамъ, что они скоро вернутся назадъ, и опасается послѣдствій возвращенія ихъ. Нельзя, конечно, принять на себя точнаго предусмотрѣнія будущаго; но, съ одной стороны, нельзя не видѣть въ подобномъ заявленіи закованныхъ людей разумнаго пониманія ими своихъ правъ и своего положенія, а также еще не утраченной ими вѣры въ законность дѣйствій правительства; съ другой стороны, нельзя раздѣлять и опасеній г. Мальцова, потому что опасно не возвращеніе противозаконно закованныхъ, лишенныхъ свободы и удаленныхъ изъ имѣнія людей, а незаконное дѣйствіе г. Мальцова; оно, дѣйствительно, могло вызвать со стороны заводскаго населенія какую-либо крайность и быть гибельнымъ самому же г. Мальцову, который, какъ видно, не сознаетъ опасности этого рода. Благодаря здравому смыслу народа, этого не случилось; тѣмъ менѣе можно предполагать дурныхъ проявленій вслѣдствіе возстановленія нарушенныхъ г. Мальцовымъ правъ, Высочайше дарованныхъ сельскому населенію. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе предположить, что этимъ самымъ актомъ утвердится въ заводскомъ населеніи вѣра въ законъ и надежда на правомѣрныя дѣйствія органовъ правительства, на постепенное осуществленіе дарованныхъ правъ и прочный за этимъ надзоръ. „Это—цѣль всѣхъ моихъ распоряженій и дѣйствій“, прибавляетъ Викторъ Антоновичъ.

3) Изъ разсмотрѣнія показаній и просьбы закованныхъ людей, справедливости которыхъ нѣтъ поводовъ подозрѣвать, нельзя

вывести никакихъ данныхъ въ подтвержденіе обвиненій этихъ людей г. Мальцовымъ въ возмущеніи; видна только связь обвиненій съ предшествовавшими событіями: одобреніемъ нелюбимаго г. Мальцовымъ священника, несогласіемъ мастеровыхъ подписать адресъ г. Мальцову и соорудить ему памятникъ, просьбами о прибавкѣ жалованья, чтеніемъ Положеній—съ проявленіями, не имѣвшими, впрочемъ, въ себѣ ничего противозаконнаго, но возбудившими г. Мальцова и его администрацію противъ заводскихъ людей.

4) Оставленіе безъ законнаго разрѣшенія заявляемыхъ населеніемъ претензій и преслѣдованіе лицъ, избранныхъ мастеровыми въ повѣренные или для полученія Положеній, указываетъ на стремленіе г. Мальцова удержать старый самоуправный порядокъ вещей, а жестокія мѣры г. Мальцова: захватываніе людей ночью, закованіе безъ достаточныхъ основаній, страхъ и опасеніе мятежа, придавіе простому случаю характера бунта, свидѣтельствуютъ о внутреннемъ сознаніи г. Мальцовымъ невозможности удержать этотъ старый порядокъ.

Мы намѣренно привели здѣсь въ возможной полнотѣ всѣ сообщенія Виктора Антоновича петербургскимъ высшимъ властямъ, гдѣ онъ усиленно старался доказать, что случай въ имѣніи г. Мальцова вовсе не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго, угрожающаго общественному спокойствію, что онъ представляетъ собой лишь простой, единичный фактъ нѣкотораго замѣшательства, вызванный притомъ самоуправствомъ самого же г. Мальцова и его администраціи, что если и есть основаніе ожидать чего-либо съ боязнью, то, во всякомъ случаѣ, не поголовнаго возстанія мирнаго и благоразумнаго заводскаго населенія, а продолженія самоуправства со стороны г. Мальцова, которое, дѣйствительно, можетъ вывести населеніе изъ терпѣнія и повлечь за собой серьезныя послѣдствія, съ которыми губернской власти не легко будетъ справиться. Доказать все это петербургскимъ властямъ было важно и необходимо въ виду того, что, какъ извѣстно изъ исторіи крестьянской реформы, мнительные и своекорыстные враги ея, въ числѣ всевозможныхъ мѣръ къ ея задержанію, съ особенной настойчивостью остановились на страхѣ всякихъ опасностей со стороны „спускаемаго съ цѣпи дикаго звѣря". Поэтому друзья этого звѣря, знавшіе его непосредственно, а не изъ петербургскаго далека, и не имѣвшіе на него никакихъ личныхъ корыстныхъ разсчетовъ, нравственно были обязаны доказать врагамъ свободы этого звѣря, что онъ хотя и доведенъ ими до одичалаго состоянія, но по своей натурѣ онъ звѣрь

смирный, умный, ручной, не любитъ только, когда его дразнятъ; что хотя у него громадный запасъ выработаннаго цѣлыми вѣками терпѣнія, но что и терпѣнію, какъ и всему, бываетъ тоже предѣлъ. Не напрасно онъ сложилъ въ поговорку практическую замѣтку: противъ огня лопается и камень...

Такимъ образомъ, цѣлымъ рядомъ гуманныхъ, разумныхъ, безпристрастныхъ и твердыхъ мѣръ, принятыхъ Викторомъ Антоновичемъ въ упорной борьбѣ съ святыми началами новой жизни—борьбѣ, предпринятой наиболѣе крупнымъ и сильнымъ представителемъ крѣпостнической партіи, или, какъ мѣтко обозвалъ ее покойный князь В. Ѳ. Одоевскій, „стрѣлецкой партіи, стремившейся слово оставить, а смыслъ его украсть и подпилить всѣ благія послѣдствія великаго дня 19 февраля“ [1]),—сила и власть такъ кощунственно поруганнаго закона были возстановлены, такъ дерзко попранныя права только-что освобожденнаго народа были надежно ограждены, такъ безчеловѣчно потревоженные люди возвращены въ свои семьи и къ обычнымъ своимъ занятіямъ, сельское населеніе и петербургскія власти успокоены. Съ мѣста мальцовскихъ дѣйствій шли къ Виктору Антоновичу самыя благопріятныя, успокоительныя вѣсти. Земскій исправникъ, предводитель дворянства, совѣтникъ Колошинъ и генералъ Козпаковъ, нарочно ѣздившій въ Жиздру по поводу мальцовскихъ волненій, увѣдомляли Виктора Антоновича, что какъ на заводахъ г. Мальцова, такъ и вообще въ уѣздѣ, сельское населеніе совершенно спокойно, до того спокойно, что, когда г. Козпаковъ пріѣхалъ въ Жиздру, то не засталъ тамъ даже главныхъ властей—ни исправника, ни предводителя. Исправникъ, въ виду полнаго спокойствія въ уѣздѣ, объявленномъ бунтовскимъ, нашелъ возможнымъ уѣхать даже въ другой уѣздъ, въ свое имѣніе, по своимъ личнымъ дѣламъ, а предводитель отправился въ Калугу, слишкомъ за полтораста верстъ, на съѣздъ дворянъ по поводу совѣщанія о назначеніи мировыхъ посредниковъ. Затѣмъ г. Колошинъ доносилъ, что дополнительная раздача экземпляровъ Положенія и правилъ заводскому населенію произвела на него наилучшее впечатлѣніе. Еще лучшее впечатлѣніе произвело на него возвращеніе подъ родной кровъ свой восьми человѣкъ, закованныхъ г. Мальцовымъ.

Народъ убѣдился, что хотя богатъ и могучъ его баринъ, но въ Калугѣ есть нѣкто могучей его и одолѣлъ его правдой,

---

[1]) „Русская Жизнь“, №№ 61 и 63, 1894 г.

а не богатствомъ, что свой баринъ сдѣлалъ всякое зло и неправду, а тотъ защитилъ отъ этого зла. Наконецъ, по сношенію Виктора Антоновича съ московскимъ бергъ-инспекторомъ, удаленъ былъ отъ должности потатчикъ мальцовскаго самоуправства Еропкинъ, и на его мѣсто назначенъ другой, болѣе стойкій и независимый чиновникъ Окороковъ. Отрадныя впечатлѣнія, произведенныя на Виктора Антоновича всѣми этими добрыми вѣстями съ мѣста мальцовскаго инцидента, омрачены были лишь сообщеніемъ г. Колошина о томъ, что большая часть мастеровыхъ, ходившихъ 5 апрѣля къ Еропкину просить за арестованныхъ Равскаго и Платона Ферапонтова, перемѣщены, по распоряженію самого г. Мальцова, съ ихъ обычныхъ работъ на болѣе тяжкія, и что церковь въ селѣ Сукремѣ, по его же распоряженію, вскорѣ послѣ 5 апрѣля была заперта, такъ что служба въ ней не отправлялась до самой Страстной недѣли. Но эта недобрая вѣсть, выражавшая лишь проявленіе самодурства со стороны обозленнаго препятствіемъ его нраву стараго, закоренѣлаго самовластника, не заключала въ себѣ ничего опаснаго для общественнаго спокойствія, такъ что, въ общемъ, оставалось лишь спокойно и терпѣливо ожидать, по выраженію Виктора Антоновича въ представленіи его министру внутреннихъ дѣлъ отъ 19 апрѣля 1861 г., „постепеннаго осуществленія правъ, дарованныхъ освобожденному народу".

Но именно этого-то и не желала „стрѣлецкая" партія, это-то именно и невыгодно было ей. Чтобы видѣть, какъ отнеслась она въ массѣ, и какъ отнесся самъ зачинщикъ всѣхъ безпорядковъ въ своемъ имѣніи—г. Мальцовъ къ мѣрамъ и цѣлямъ Виктора Антоновича, мы должны обратиться къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ о томъ, сообщеннымъ Викторомъ Антоновичемъ 18 октября 1861 г. (за № 1941) сенатору А. Х. Капгеру, Высочайше назначенному для выплаканной [1]) губернскимъ предводителемъ Щукинымъ и всею „стрѣлецкою" партіей ревизіи управленія Виктора Антоновича и дѣйствій его по крестьянскому дѣлу. Въ этомъ глубоко интересномъ и мастерски изложенномъ документѣ, приведенномъ нами сполна въ особой статьѣ: „Ревизія сенатора А. Х. Капгера въ Калугѣ", Викторъ Антоновичъ заявляетъ открыто, что „дѣло Мальцова было началомъ того *движенія* крѣпостнической партіи, которое вскорѣ обнаружилось въ раз-

---

[1]) Современники г. Щукина разсказываютъ, что онъ даже плакалъ, жалуясь покойному Государю на дѣйствія Виктора Антоновича по крестьянскому дѣлу, на то, какъ онъ „обижаетъ" дворянъ.

ныхъ концахъ губерніи... Принятыя по его дѣлу мѣры получили громкую извѣстность и послужили поводомъ къ разнообразнымъ толкамъ, клеветамъ и къ озлобленію нѣкоторой части общества лично противъ меня... Открытый врагъ крестьянской реформы, Мальцовъ, опираясь на свои связи и на силу своего вліянія, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ, тревожитъ верховное управленіе и волнуетъ петербургское и московское общество жалобами и дерзкими клеветами на калужскую губернскую власть, а здѣсь (въ Калугѣ) во главѣ движенія неудовольствій и тревогъ становятся нѣкоторые предводители и вносятъ въ губернское присутствіе оффиціальныя заявленія о безвыходности положенія калужскаго дворянства".

При этомъ предварительно нужно сказать, что партія калужскихъ крѣпостниковъ была недовольна Викторомъ Антоновичемъ съ перваго же момента возникновенія въ Калугѣ крестьянскаго дѣла. Настойчивыя требованія Виктора Антоновича отъ губернскаго предводителя г. Щукина не оттягивать далѣе, какъ онъ доселѣ оттягивалъ, исполненія Высочайшаго повелѣнія объ открытіи Комитета по крестьянскому дѣлу, явное, нескрываемое сочувствіе къ этому дѣлу и сочувствіе не платоническое только, а реальное, выражавшееся въ различныхъ мѣрахъ, способствовавшихъ справедливому и гуманному разрѣшенію крестьянскаго вопроса, приближеніе къ себѣ лицъ, сочувствовавшихъ этому вопросу, удаленіе нѣсколькихъ выбранныхъ дворянствомъ исправниковъ за служебныя злоупотребленія и потворство дворянскому произволу, изгнаніе нѣкоторыхъ крупныхъ взяточниковъ и злоупотребителей изъ высшихъ лицъ губернской администраціи, съ которыми мѣстное дворянство было связано пріятельскими отношеніями, возбужденіе дѣлъ о вопіющихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, легко прежде сходившихъ съ рукъ, неутвержденіе двухъ-трехъ недостойныхъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ въ уѣздные предводители, чего раньше никогда не бывало, словомъ, цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію дворянскаго произвола и къ водворенію строгой законности,—все это давно уже возстановило противъ Виктора Антоновича крѣпостническую randomдворянскую партію. Но всѣ эти мѣры имѣли мѣсто въ періодъ времени между дѣятельностью Комитета по крестьянскому дѣлу и полученіемъ манифеста и Положеній 19 февраля, когда дворянство, на основаніи извѣстій изъ Петербурга, еще лелѣяло себя надеждой, что окружавшіе покойнаго государя сильные друзья стараго порядка вещей не допустятъ разрушить его и ввести новый. Поэтому

и недовольство крѣпостниковъ Викторомъ Антоновичемъ ограничивалось домашней, сдержанной формой ворчанья и пересудовъ и не переходило еще въ то „движеніе", о которомъ онъ говоритъ въ своемъ сообщеніи сенатору Капгеру. Но когда были получены манифестъ и Положенія 19 февраля, и дворянство увидѣло изъ дѣйствій Виктора Антоновича и его сподвижниковъ, что онъ намѣренъ серьезно, твердо, безъ малѣйшаго потворства эгоистичнымъ крѣпостническимъ вожделѣніямъ и не взирая ни на какое общественное положеніе крѣпостниковъ, проводить въ жизнь новый законъ, и что всѣ ихъ попытки, единоличныя и коллективныя, явныя и тайныя, задержать, хотя на время, старый порядокъ вещей и не дать новому овладѣть жизнью, были твердо отражены,—они серьезно подняли голову и объявили открытую, ожесточенную войну и новому закону, и непреклонному исполнителю его Виктору Антоновичу. Мальцовскій инцидентъ былъ послѣдней лишь каплей, переполнившей чашу накопившейся крѣпостнической злобы противъ Виктора Антоновича. Къ стыду дворянства, всегда считавшаго себя сословіемъ свободнымъ и независимымъ, первымъ пунктомъ обвиненія противъ Виктора Антоновича оно поставило неуважительное отношеніе его къ генеральскому чину Мальцова, къ его значительному общественному положенію, къ его крупному состоянію, третированіе его какъ обыкновеннаго смертнаго, подведеніе его подъ незнакомое дворянству ярмо закона, а главное—стремленіе уравнять барина съ рабомъ. Въ то же время дворянство соображало, что если губернаторъ обращается *такъ* съ самимъ Сергѣемъ Ивановичемъ [1]), съ богачемъ, съ генераломъ, то чего же ожидать имъ, не столь богатымъ и важнымъ? Возмущаясь самой уже мыслью о необходимости подчиниться закону, деревенское дворянство даже шокировалось тѣмъ, что въ обиходъ понятій его и практической жизни, по иниціативѣ Виктора Антоновича, твердо вводится такой неприличный элементъ, какъ какой-то законъ. Живя у себя въ деревняхъ внѣ всякихъ законовъ и близкаго соприкосновенія съ ихъ исполнителями, не отличавшимися, какъ извѣстно, нравственной опрятностью, и потому усвоивъ себѣ поразительную недѣловитость, оно доселѣ воображало, что такимъ неприличнымъ дѣломъ, какъ законы, могутъ заниматься только тѣ мелкія, невзрачныя лица, которыя ютились въ нашихъ прежнихъ судебныхъ и полицей-

---

[1]) Въ провинціи въ прежнее время людей крупныхъ по общественному положенію, изъ подобострастія къ нимъ, даже заочно звали только по имени-

скихъ вертепахъ. Считая ихъ паріями, отверженцами, честя всевозможными презрительными именами, не давая имъ мѣста дальше передней или людской, въ случаѣ появленія ихъ въ домахъ, и не имѣя никакого понятія о новыхъ просвѣщенныхъ и нравственно чистыхъ исполнителяхъ закона, дворянство смѣшивало однихъ съ другими и къ обоимъ относилось съ одинаковою брезгливостью. Наконецъ большинство представителей крѣпостнической партіи не могло переварить того, совершенно непонятнаго для него явленія, что члены дворянскаго же сословія отвернулись отъ кровныхъ интересовъ его и съ радостной готовностью передались во враждебный лагерь Виктора Антоновича. Но главное, что̀ озлобляло до раздраженія крѣпостниковъ противъ него, это, конечно, страхъ за свое матеріальное будущее, страхъ за ускользающую изъ рукъ, и притомъ невозвратно, власть надъ безотвѣтною вчера еще массой, сознаніе своей безпомощности въ виду новаго порядка вещей, неустойчивости своихъ собственныхъ ногъ. Можно представить себѣ, какую жестокую бурю подняло все это противъ Виктора Антоновича, что̀ слетало съ гибкихъ языковъ, наэлектризованныхъ доведенной до бѣлаго каленія злобой и отточенныхъ деревенскимъ бездѣльемъ и деревенской словоохотливостью. Люди непосредственные, никогда ничего не читавшіе, ничего давно не видавшіе дальше своей деревенской околицы, едва не кричали караулъ! и безъ всякаго стѣсненія, не разбирая выраженій, бранили покойнаго Государя и Виктора Антоновича. А люди, когда-то что-то читавшіе и имѣвшіе сношенія съ Петербургомъ, обзывали Виктора Антоновича анархистомъ, демагогомъ, крамольникомъ, революціонеромъ, измѣнникомъ, замышлявшимъ демократическую, мужицкую революцію и поголовное истребленіе русскаго дворянства, потрясеніе основъ, разрушеніе государственнаго порядка, внесеніе административнымъ путемъ западнаго коммунизма, и проч., и проч. Честные, сознательно и искренне преданные крестьянскому дѣлу сподвижники Виктора Антоновича клеймились ренегатами, перебѣжчиками, измѣнниками, членами его шайки и прежде всего, конечно, „красными“. Терминъ этотъ обратился въ бранный и былъ наиболѣе распространенъ въ крѣпостнической публикѣ. Словомъ, не было той глупой, но злой брани и клеветы, которою бы не осыпали Виктора Антоновича и его сотрудниковъ. Изъ оффиціальныхъ дѣловыхъ сферъ возбужденіе противъ нихъ перешло въ гостиныя, распространилось въ обществѣ, даже на улицѣ, словомъ, сдѣлалось тѣмъ, что̀ теперь принято называть злобою дня. Даже дамы, даже

люди, вовсе не заинтересованные въ крестьянскомъ дѣлѣ, сдѣлали матеріаломъ своихъ разговоровъ дѣйствія Виктора Антоновича по дѣлу Мальцова. И сколько на первыхъ порахъ было горячихъ схватокъ между его противниками и защитниками! Сколько грубой, недостойной травли его сторонниковъ со стороны озлобленныхъ, но безсильныхъ противниковъ! Впослѣдствіи, по совѣту Виктора Антоновича, эти схватки были прекращены, и сторонники его не отвѣчали на задирающіе вызовы его враговъ, избѣгали даже встрѣчъ съ ними въ обществѣ, разъ навсегда заклеймивъ ихъ кличками крѣпостниковъ, плантаторовъ и проч. Кличка „плантаторъ" была наиболѣе распространена въ лагерѣ друзей крестьянской свободы, такъ-же какъ кличка „красный" была наиболѣе популярна въ станѣ враговъ ея. Озлобленіе ихъ съ языковъ перешло на бумагу. Въ консервативныя газеты посыпались статьи, къ петербургскимъ властямъ полетѣли доносы, помчались сами доносчики. Изъ газетныхъ статей образовалась цѣлая литература на тему о томъ, что Викторъ Антоновичъ вноситъ въ Калугу анархію и обрекъ дворянство на истребленіе. Словомъ, крѣпостное болото заволновалось, началось „движеніе", началась цѣлая оргія злобы. Особенное отличіе проявилъ въ этой оргіи мосальскій помѣщикъ Потуловъ [1]), одинъ изъ неудостоенныхъ Викторомъ Антоновичемъ утвержденія въ званіи уѣзднаго предводителя дворянства. Опираясь на свою коллективную силу, на петербургскія связи Мальцова и на явное несочувствіе къ крестьянскому дѣлу членовъ Главнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ, враги Виктора Антоновича уже заранѣе торжествовали побѣду надъ нимъ и предрекали ему всевозможныя бѣды, и можно представить себѣ радость ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ смущеніе, негодованіе друзей В. А., когда онъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева слѣдующую бумагу, въ отвѣтъ на представленную ему копію постановленія калужскаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ о необходимости временнаго удаленія Мальцова изъ его имѣнія до окончанія дѣла съ закованными мастеровыми [2]). „Отношенія вашего превосходительства, отъ 15, 16 и 19 минувшаго апрѣля, по дѣлу о безпорядкахъ на горныхъ заводахъ отставного генералъ-маіора Мальцова въ калужской губерніи всеподданнѣйше доложены были бывшимъ ми-

[1]) Характеристика печальной памяти Потулова находится въ нашей статьѣ: „Ревизія сенатора А. Х. Капгера въ Калугѣ".

[2]) Бумага Валуева отъ 19 мая 1861 г., за № 111.

нистромъ внутреннихъ дѣлъ Государю Императору и по Высочайшему повелѣнію представлены мною въ Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія на разсмотрѣніе.

„Главный Комитетъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, не могъ не замѣтить, что между мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ и генералъ-маіоромъ Мальцовымъ существуетъ, къ сожалѣнію, взаимное недовѣріе и непріязненныя отношенія. Это обстоятельство требуетъ особой осмотрительности при разрѣшеніи настоящаго представленія, а потому нельзя сдѣлать какого-либо положительнаго заключенія о дѣйствіяхъ Мальцова на основаніи одного только донесенія губернатора. Нѣтъ сомнѣнія, что Мальцовъ не имѣлъ права заковывать людей въ кандалы, и такой поступокъ его, какъ противозаконный, заслуживаетъ осужденія; но, съ другой стороны, до окончанія начатаго уже, по распоряженію начальника губерніи, формальнаго о дѣйствіяхъ Мальцова слѣдствія, не истребовавъ отъ Мальцова объясненій о причинѣ, побудившей его къ этой мѣрѣ, невозможно рѣшить: въ какой степени онъ виновенъ, и въ какой степени справедливы всѣ тѣ обвиненія, кои взведены на Мальцова губернскимъ начальствомъ, такъ и всѣ тѣ жалобы и порицанія, кои Мальцовъ, съ своей стороны, представляетъ противъ распоряженій сего начальства. Посему Главный Комитетъ, согласно съ заключеніемъ моимъ, полагаетъ, что въ настоящемъ положеніи дѣла нѣтъ достаточныхъ основаній къ высылкѣ Мальцова изъ его имѣнія, и что, напротивъ того, присутствіе Мальцова на мѣстѣ при производствѣ слѣдствія можетъ быть даже необходимо для раскрытія истины. Независимо отъ сего, Главный Комитетъ при обсужденіи настоящаго дѣла счелъ своею обязанностью обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Заводское населеніе въ имѣніи Мальцова состоитъ изъ 20 т. душъ; доселѣ оно зависѣло вполнѣ отъ помѣщика, и всѣ заводскія работы производились по его непосредственнымъ распоряженіямъ. Нынѣ, послѣ назначенія слѣдственной комиссіи о дѣйствіяхъ Мальцова и послѣ удаленія отъ должности бывшаго заводскаго исправника, едва ли есть на заводахъ власть, которая могла бы удерживать заводское населеніе въ должномъ повиновеніи, что́ необходимо, какъ для сохраненія общественнаго спокойствія, такъ и для правильнаго хода заводскихъ работъ, ибо всякая остановка въ дѣйствіяхъ заводовъ могла бы быть не только убыточна для помѣщика, но и невыгодна для заводскихъ людей, которые останутся въ семъ случаѣ безъ заработковъ, дающихъ имъ средства къ существованію.

„Наконецъ, Главный Комитетъ, имѣя въ виду, что по распоряженію калужскаго губернскаго присутствія, задержанные на заводѣ Мальцова мастеровые возвращены въ его имѣніе, и, находя такой поступокъ губернскаго начальства не вполнѣ осторожнымъ, считаетъ, съ своей стороны, необходимымъ подчинить сихъ людей строгому на мѣстѣ надзору, для предупрежденія дѣйствій, кои могли бы возбудить прочихъ заводскихъ людей къ неповиновенію и волненію.

„По изложеннымъ соображеніямъ, Главный Комитетъ положилъ представить на Высочайшее благоусмотрѣніе, не благоугодно ли будетъ повелѣть:

„1) Командировать въ имѣніе генералъ-маіора Мальцова въ калужскую губернію, согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ, корпуса горныхъ инженеровъ генералъ-лейтенанта Бутенева и предоставить ему сдѣлать на мѣстѣ распоряженія, необходимыя для предотвращенія остановки въ заводскихъ работахъ, если, впрочемъ, самъ владѣлецъ заводовъ Мальцовъ не будетъ имѣть возможности самъ распоряжаться сими работами.

„2) Возложить также на генерала Бутенева наблюденіе за производствомъ слѣдствія по бывшимъ въ имѣніи Мальцова безпорядкамъ и по обвиненіямъ, взводимымъ на Мальцова губернскимъ начальствомъ, и для сего назначить генералъ-лейтенанта Бутенева предсѣдателемъ учрежденной по этому дѣлу, по распоряженію вашего превосходительства, особой слѣдственной комиссіи, поручивъ генералу Бутеневу, по окончаніи сего слѣдствія, представить оное непосредственно въ министерство вн. дѣлъ.

„3) Предоставить мнѣ поручить вашему превосходительству принять немедленно мѣры для наблюденія за людьми, высланными изъ имѣнія Мальцовымъ и возвращенными въ оное, по распоряженію губернскаго начальства, дабы присутствіе ихъ среди заводскаго населенія не могло подать повода къ какимъ-либо безпорядкамъ и волненіямъ.

„Государь Императоръ на журналѣ Главнаго Комитета въ 11-й день мая 1861 года соизволилъ написать собственноручно: „Исполнить“.

„О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ мнѣ и министру финансовъ, выписками изъ журнала Главнаго Комитета, имѣю честь сообщить вашему превосходительству къ надлежащему исполненію, покорнѣйше прося о вашихъ распоряженіяхъ меня увѣдомить“.

Можно представить себѣ, какъ должна была возмутить

скорбить Виктора Антоновича и его приверженцевъ подобная становка мальцовскаго дѣла нашимъ петербургскимъ ареопаъ по крестьянскимъ дѣламъ. Но Викторъ Антоновичъ былъ изъ тѣхъ людей, которые въ вопросахъ идеи и жизненной авды покорно склоняются передъ какимъ бы то ни было ареогомъ, или съ уныніемъ складываютъ руки въ случаѣ неудачи. тъ смѣлая, твердая отповѣдь его на болѣе чѣмъ странную магу министра Валуева, отъ 25 мая 1861 года [1]).

„М. Г. Петръ Александровичъ. Въ оффиціальномъ предлоніи отъ 19 мая, за № 111, ваше превосходительство изволи сообщить мнѣ, что представленія мои по дѣлу о безпокахъ на горныхъ заводахъ генералъ-маіора Мальцова были есены вами въ Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго стоянія, и что, согласившись съ вашимъ заключеніемъ, „Комиъ не могъ не замѣтить, что между мѣстнымъ губернскимъ чальствомъ и генераломъ Мальцовымъ существуютъ, къ сожанію, взаимное недовѣріе и непріязненныя отношенія, и что, ѣдовательно, нельзя дѣлать какого-либо положительнаго выа о дѣйствіяхъ Мальцова на основаніи одного только доненія губернатора“.

„Докладъ съ таковымъ осужденіемъ моихъ дѣйствій и подоѣніемъ въ лживыхъ донесеніяхъ, къ великому моему прискорю, представленъ былъ на Высочайшее воззрѣніе.

„Подобныя обвиненія въ лицепріятіи, происходящемъ отъ пріязненныхъ отношеній, въ обманѣ, въ отсутствіи правительвенныхъ соображеній и въ мелкихъ, низкихъ побужденіяхъ— могутъ не оскорбить меня, послѣ двадцатилѣтнихъ тяжкихъ удовъ къ пріобрѣтенію честнаго имени и посильныхъ занятій пользу государства.

„Нынѣ, направляя всѣ силы и способности для достиженія еднaчертаній правительства и будучи преданъ не только по лгу званія моего, но и по глубокому сочувствію предпринятой осударемъ Императоромъ реформѣ, я не могъ ожидать порианія той стороны моей дѣятельности и того направленія, торыя еще недавно [2]) заслуживали одобренія правительства.

---

[1]) Письмо это мы вносимъ сюда съ находящейся у насъ въ рукахъ поинной черновой рукописи Виктора Антоновича, съ нѣкоторыми смягченіями, ѣланными въ ней рукой извѣстнаго нашего поэта А. М. Жемчужникова, на стрѣ котораго былъ женатъ Викторъ Антоновичъ.

[2]) Мальцовскій инцидентъ имѣлъ мѣсто на послѣднихъ дняхъ управленія вшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа С. С. Ланского и тотчасъ по заѣщеніи его Валуевымъ.

„Разсмотрѣвъ снова со вниманіемъ всю переписку по дѣлу генерала Мальцова, я рѣшительно не нахожу въ ней основаній къ обиднымъ для меня выводамъ.

„Во-1-хъ, всѣ распоряженія по возбужденному самимъ генераломъ Мальцовымъ дѣлу послѣдовали на точномъ основаніи законовъ и приняты были не лично мною, а послѣ подробнаго обсужденія и единогласнаго заключенія губернскаго присутствія, съ участіемъ губернскаго предводителя и другихъ членовъ дворянства, которые въ этомъ дѣлѣ, такъ-же какъ и я, поражены были выходкою генерала Мальцова, представляющеюся не только дерзкою, но и крамольною въ глазахъ правительственнаго лица или учрежденія, имѣющаго возможность сдѣлать непосредственную оцѣнку всему происходящему въ подвѣдомственной ему мѣстности.

„Мы здѣсь въ Калугѣ считали вреднымъ и весьма опаснымъ примѣръ анархическаго произвола и думали, что нѣтъ ужаснѣе преступленія, какъ вымышленіе небывалыхъ бунтовъ съ цѣлью испугать правительство, подорвать довѣріе народа къ нему и его къ народу въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ и правительство и народъ наиболѣе нуждаются во взаимномъ довѣріи, и, наконецъ, съ цѣлью подвинуть мѣстныя власти къ принятію мѣръ чрезвычайной строгости въ отношеніи населенія невиннаго и покорнаго.

„Во-2-хъ, разногласіе въ губернскомъ присутствіи послѣдовало только по вопросу о вызовѣ Мальцова изъ имѣнія. Вопросъ же этотъ не подлежалъ разрѣшенію мѣстныхъ властей и представленъ былъ, какъ *мнѣніе*, въ министерство, съ приложеніемъ всѣхъ, безъ исключенія, бумагъ и документовъ, бывшихъ въ виду губернскаго начальства, а слѣдовательно, въ разсмотрѣніи высшаго правительства находились не одни донесенія губернатора, какъ сказано въ предложеніи за № 111.

„Въ 3-хъ, воззрѣніе мое на дѣйствія Мальцова высказано съ полною откровенностью, подъ впечатлѣніемъ совершившагося важнаго событія, и съ желаніемъ передать министерству тѣ мои правительственныя соображенія, которыя основаны на мѣстныхъ данныхъ. Притомъ же сужденія мои, подкрѣпленныя письмами Мальцова и другими фактами, были довѣрчиво представлены мною къ предмѣстнику вашему, какъ лицу, который никогда не сомнѣвался въ чистотѣ моихъ побужденій и стремленій. Въ министерствѣ, безъ сомнѣнія, были еще и другія указанія въ подкрѣпленіе моихъ доводовъ о непріязненности Мальцова къ совершающейся реформѣ, но, вѣроятно, эти указанія не были вамъ доложены.

„Въ 4-хъ, первоначально мною донесено, что на заводахъ Мальцова не было мятежа, ни даже важнаго безпорядка между мастеровыми, ибо, по произвольному приказанію помѣщика, безъ всякаго участія властей, безпрепятственно были закованы люди, и даже сооружены на заводѣ новые кандалы. Впослѣдствіи я доводилъ до свѣдѣнія министерства, что заводское населеніе совершенно спокойно, и что надзоръ властей усиленъ введеніемъ мирового разбирательства предводителя дворянства. Изъ сужденій Главнаго Комитета нельзя не вывести заключенія, что послѣдующія мои донесенія были ему неизвѣстны.

„Всѣ эти доводы приводятъ меня къ заключенію, что или ваше превосходительство, внося дѣло въ Главный Комитетъ, были обмануты неточнымъ докладомъ, или генералъ Мальцовъ взвелъ на меня обвиненія, полныя клеветы и лжи.

„Въ первомъ случаѣ смѣло надѣюсь, что ваше превосходительство подвергнете дѣло Мальцова новому всестороннему обсужденію и не откажете мнѣ въ возстановленіи истины во ввѣренномъ вамъ министерствѣ и въ Главномъ Комитетѣ и, какъ министръ и честный человѣкъ, представите дѣло въ настоящемъ его видѣ Государю Императору; во второмъ же случаѣ—не оставите распоряженіемъ о сообщеніи мнѣ жалобъ и доносовъ генерала Мальцова [1]), дабы я могъ представить безъ замедленія факты въ защиту моей чести.

„Въ заключеніе, мнѣ остается покорнѣйше просить васъ почтить меня безотлагательно отвѣтомъ на это письмо. Въ настоящее трудное преобразовательное время начальники губерніи, заботящіеся о примѣненіи къ жизни новаго закона, несутъ на своихъ плечахъ всю тяжесть возникающихъ въ обществѣ недоразумѣній и неудовольствій. Безъ довѣрія верховнаго управленія положеніе такихъ губернаторовъ дѣлается невозможнымъ, въ особенности въ губерніяхъ, гдѣ встрѣчается большое противодѣйствіе, и являются люди, желающіе обратить только-что изданные манифестъ и законы въ одинъ историческій памятникъ и мертвую букву".

Въ то же время, по поводу предположенія Главнаго Комитета, что послѣ удаленія Еропкина едва ли на заводахъ г. Мальцова есть власть, которая удерживала бы заводское населеніе въ должномъ повиновеніи, Викторъ Антоновичъ, отъ 27 того же мая (№ 3037), писалъ оффиціально министру вн.

[1]) Жалобы и доносы г. Мальцова не были доставлены Виктору Антоновичу, но содержаніе ихъ можно подозрѣвать.

дѣлъ, что власть на заводахъ г. Мальцова постоянно существовала и не прекращалась, потому что до открытія еще на мѣстѣ дѣйствій слѣдственной комиссіи, въ одно время съ удаленіемъ Еропкина, на его мѣсто Горнымъ Правленіемъ назначенъ былъ Окороковъ. Кромѣ того, установлена и введена мировая власть, въ лицѣ мѣстнаго предводителя дворянства. Сверхъ того, членамъ слѣдственной комиссіи, совѣтнику губернскаго правленія Колошину и судебному слѣдователю Кориженскому [1]), при отъѣздѣ ихъ изъ Калуги на заводы г. Мальцова, въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ, для производства слѣдственныхъ дѣйствій, Викторомъ Антоновичемъ лично поручено принять въ свое распоряженіе закованныхъ г. Мальцовымъ людей. Затѣмъ, охраненіе тишины и благочинія на заводахъ г. Мальцова поручено было мѣстному земскому исправнику. Наконецъ, для той же цѣли жилъ на заводахъ калужскій жандармскій полковникъ Смирновъ.

Такъ какъ министръ вн. дѣлъ не отвѣтилъ Виктору Антоновичу на его смѣлый и полный достоинства протестъ противъ оскорбительнаго предположенія, что въ дѣлѣ Мальцова онъ руководился чувствомъ личной вражды, а, между тѣмъ, шефъ корпуса жандармовъ, по Высочайшему повелѣнію, пригласилъ Виктора Антоновича въ Москву на 31-е мая для свиданія съ министромъ вн. дѣлъ, то при объясненіи съ послѣднимъ въ Москвѣ Викторъ Антоновичъ снова представилъ ему письменную защиту дѣйствій своихъ по дѣлу Мальцова. Въ письмѣ своемъ онъ доказывалъ, что только совокупное разсмотрѣніе всѣхъ, безъ исключенія, бумагъ и документовъ, относящихся къ этому дѣлу, должно послужить къ представленію всѣхъ обстоятельствъ его въ настоящемъ видѣ, и что всѣ распоряженія по дѣлу были основаны на законахъ и мѣстныхъ соображеніяхъ, и притомъ по единогласному заключенію губернскаго присутствія. Послѣ свиданія съ министромъ вн. дѣлъ, Викторъ Антоновичъ представлялся Государю, доложилъ о принятой имъ системѣ управленія и дѣйствій по крестьянскому дѣлу, доложилъ о дѣлѣ Мальцова, получилъ полное одобреніе Государя, и ободренный, удовлетворенный, вернулся въ Калугу. „Въ Калугу я вернулся, пишетъ онъ въ своемъ сообщеніи сенатору Капгеру, отъ 18 октября 1861 г. (за № 1941), съ твердою рѣшимостью не отступать ни на шагъ отъ принятой мною системы управленія".

И можно представить себѣ конфузъ и скрежетъ зубовъ

[1]) Впослѣдствіи былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Москвѣ и здѣсь скончался.

рѣпостнической партіи, когда, вслѣдъ за возвращеніемъ Виктора Антоновича въ Калугу, онъ получилъ отъ министра вн. дѣлъ Высочайше утвержденное положеніе Главнаго Комитета, состоявшееся вслѣдствіе разсмотрѣнія дѣла по жалобамъ калужскаго дворянства на распоряженія губернскаго начальства, гдѣ было сказано, между прочимъ: 1) „указать отъ имени Его Императорскаго Величества какъ губернскому начальству, такъ и предводителямъ дворянства, что польза общаго дѣла требуетъ отъ нихъ, чтобы они дѣйствовали въ духѣ новаго законоположенія и поддержанія взаимнаго между собой согласія, и 2) ходатайство калужскихъ дворянъ о расширеніи власти помѣщиковъ, какъ несогласное съ закономъ, а равно о составленіи односторонней выписки изъ Положеній объ однѣхъ только обязанностяхъ крестьянъ, оставить безъ послѣдствій“. Еще больш]ій конфузъ крѣпостная партія потерпѣла, когда, вслѣдъ за этимъ Высочайшимъ внушеніемъ, калужскому губернскому присутствію, то-есть собственно благородному, доблестному вождю его, Виктору Антоновичу, въ числѣ немногихъ губернскихъ присутствій, было объявлено монаршее благоволеніе „за особенно полезную дѣятельность при обсужденіи вопросовъ, относящихся до введенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. Но было верхомъ конфуза и раздраженія для крѣпостнической партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полнымъ торжествомъ для сподвижниковъ Виктора Антоновича, когда самъ Мальцовъ, на богатство, силу и связи котораго крѣпостники возлагали столько надеждъ въ своей борьбѣ съ Викторомъ Антоновичемъ, получилъ отъ Государя строгій выговоръ за свои самоуправныя дѣйствія. Бумага о томъ министра вн. дѣлъ Виктору Антоновичу, отъ 4 января 1862 г. (№ 2), такъ интересна, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ее дословно:

„Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, говорится въ этой бумагѣ, разсмотрѣвъ внесенное мною представленіе по дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ на заводахъ генералъ-маіора Мальцова, въ калужской губерніи, и принимая во вниманіе, что самъ помѣщикъ Мальцовъ, вѣроятно, уже созналъ [1]) неправильность своихъ дѣйствій, такъ какъ губернское присутствіе уничтожило его распоряженія и признало ихъ противозаконными и заслуживающими осужденія, съ чѣмъ согласился и

[1]) Едва ли? По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что Мальцовъ не могъ слышать безъ изступленія имени Виктора Антоновича.

Главный Комитетъ; что мастеровые, обвиняемые въ возбужденіи безпорядковъ, содержались въ теченіе 8-ми дней въ кандалахъ, были разлучены съ семействами и удалены изъ имѣнія въ г. Брянскъ, гдѣ находятся доселѣ, и что къ признанію ихъ зачинщиками безпорядковъ не имѣется требуемыхъ закономъ доказательствъ, не могъ не согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Kозпакова, чтобы дѣло помѣщика Мальцова и мастеровыхъ его заводовъ, какъ дѣло исключительное, возникшее вслѣдъ за отмѣной крѣпостной зависимости, вызванное взаимнымъ увлеченіемъ, имѣющее характеръ чисто мѣстный, покрыть царскимъ милосердіемъ, и на семъ основаніи освободить отъ всякаго взысканія участвовавшихъ въ означенномъ дѣлѣ лицъ, оставивъ оное безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

„Посему Главный Комитетъ полагалъ:

1) производство дѣла о безпорядкахъ на заводахъ помѣщика генералъ-маіора Мальцова прекратить и оставить безъ всякихъ послѣдствій, не подвергая прикосновенныхъ къ оному лицъ никакимъ преслѣдованіямъ и взысканіямъ, и

2) удаленнымъ въ г. Брянскъ 8-ми мастеровымъ, подозрѣваемымъ въ возбужденіи безпорядковъ, дозволить возвратиться на заводы, гдѣ имѣть надъ ними особое наблюденіе со стороны мѣстнаго полицейскаго начальства, взявъ съ нихъ подписку въ томъ, что они будутъ вести себя добропорядочно, и объявивъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, въ случаѣ замѣченныхъ съ ихъ стороны какихъ-либо поступковъ, могущихъ подать поводъ къ безпорядкамъ, они будутъ немедленно удалены изъ имѣнія и подвергнуты взысканію по закону.

„Государь Императоръ на журналѣ Главнаго Комитета, въ 20 день декабря 1861 г., соизволилъ написать собственноручно: „Исполнить, но генералъ-маіору Мальцову сдѣлать отъ моего имени строгій выговоръ за самоуправныя его дѣйствія и объявить, что если таковыя повторятся, то онъ подвергнется всей строгости закона".

„О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ выпискою изъ журнала Главнаго Комитета, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для зависящихъ къ исполненію онаго распоряженій, присовокупляя, что объ ономъ, вмѣстѣ съ симъ, поставлены въ извѣстность генералъ-маіоръ Мальцовъ и гг. министры финансовъ и юстиціи".

Интересно знать: какимъ образомъ попали въ Брянскъ люди, закованные Мальцовымъ и возвращенные Викторомъ Антонови-

въ свои дома? Выше мы видѣли, что Главный Комитетъ
лъ неосторожностью со стороны Виктора Антоновича воз-
еніе ихъ, такъ какъ они, будто бы, могутъ возбудить прочее
ское населеніе къ неповиновенію и волненію, хотя, по
овѣренію мѣстныхъ властей и генерала Кознакова, они
и смирно сидѣли у себя на заводѣ и занимались своимъ
ъ. Видѣли также, что, командируя генерала Бутенева къ
цову на заводы, Главный Комитетъ уполномочилъ его сдѣ-
на мѣстѣ всѣ распоряженія, необходимыя для предотвра-
остановки въ заводскихъ работахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ
ный Комитетъ назначилъ г. Бутенева предсѣдателемъ слѣд-
ной комиссіи по дѣлу о безпорядкахъ у Мальцова, пору-
ему наблюденіе за самымъ производствомъ слѣдствія. Хотя
данныя говорили за то, что спокойствіе заводскаго насе-
ничуть не нарушалось отъ пребыванія въ его средѣ людей,
ащенныхъ Викторомъ Антоновичемъ, но, отправляясь къ
цову на заводы, г. Бутеневъ, очевидно, не безъ воздѣйствія
его со стороны Мальцова, испросилъ черезъ шефа корпуса
армовъ Высочайшее повелѣніе удалить изъ заводовъ масте-
къ, возвращенныхъ Викторомъ Антоновичемъ. Удаленіе ихъ,
емъ, было разрѣшено подъ условіемъ необходимости въ томъ.
онцѣ мая, проѣздомъ на заводы Мальцова черезъ Калугу,
теневъ явился къ Виктору Антоновичу, предъявилъ ему
чайшее повелѣніе о своемъ назначеніи предсѣдателемъ слѣд-
ной комиссіи, просилъ ознакомить его съ нѣкоторыми свѣдѣ-
по слѣдственному дѣлу; изъ Калуги онъ тотчасъ же от-
лся на заводы, познакомился со всѣми данными слѣдствен-
производства и отъ 30 того же мая прислалъ Виктору
новичу, по его требованію, подписанное Бутеневымъ, въ
твѣ предсѣдателя слѣдственной комиссіи, и всѣми ея
ми увѣдомленіе о томъ, что „во время производства
твія не было представлено противъ восьми человѣкъ, за-
ныхъ Мальцовымъ, никакихъ юридическихъ данныхъ, на
аніи которыхъ они могли бы подлежать какимъ-либо мѣ-
, указаннымъ въ 133 ст., XV т., ч. 2, а со стороны мѣст-
заводскаго управленія не только не поступало въ комиссію
кой жалобы на дурное поведеніе этихъ людей, но даже не
никакого оффиціальнаго заявленія, чтобы личное присут-
ихъ среди горнозаводскаго населенія подавало поводъ къ
мъ-либо безпорядкамъ или волненіямъ въ имѣніи г. Маль-
". Увѣдомленіе это Викторъ Антоновичъ получилъ 7 іюня,
озвращеніи изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ, какъ мы ви-

дѣли, по приглашенію шефа корпуса жандармовъ, для свиданія съ Государемъ и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а черезъ два дня получилъ другое увѣдомленіе, что, по распоряженію г. Бутенева, восемь человѣкъ мастеровыхъ, закованныхъ Мальцовымъ, удалены не только съ заводовъ, но даже изъ калужской губерніи, отправлены въ орловскую, въ г. Брянскъ, подъ надзоръ мѣстной городской полиціи и должны жить тамъ въ особо нанятой для нихъ Мальцовымъ квартирѣ, получая отъ него кормовыхъ по 20 коп. въ сутки на человѣка. Этотъ новый актъ самоуправства, и уже не одного, а двухъ властныхъ генераловъ, направленный противъ совершенно безвинныхъ людей, могъ быть объясненъ только пословицей: паны дерутся, а у хлопцовъ чубы трясутся.

Викторъ Антоновичъ, понятно, былъ глубоко возмущенъ этой несправедливостью, этимъ самоуправствомъ двухъ генераловъ, и 10 іюня писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что, не считая себя въ правѣ обсуждать дѣйствія г. Бутенева, онъ, однако, не можетъ не заявить, что такое распоряженіе парализуетъ начинанія губернскаго присутствія относительно введенія новаго Положенія въ находящихся въ губерніи горныхъ заводахъ, потому что можетъ возбудить въ заводскомъ населеніи мысль о поддержаніи горнымъ начальствомъ безусловно всякихъ, даже произвольныхъ дѣйствій заводчика. Но этотъ протестъ былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, и несчастные, ни въ чемъ неповинные люди прожили въ Брянскѣ, въ разлукѣ съ своими семьями, безъ дѣла, безъ заработковъ, на двадцати-копѣечномъ мальцовскомъ пайкѣ, почти восемь мѣсяцевъ, съ первыхъ чиселъ іюня 1861 г. до конца января 1862 г., когда Главный Комитетъ, наконецъ, дозволилъ имъ вернуться на свои родные, по, вѣроятно, уже не милые имъ заводы. Однако и здѣсь они не оставлены были въ покоѣ.

Мы видѣли, что, по распоряженію Комитета, они должны были находиться подъ *особымъ* надзоромъ мѣстной полиціи и, въ силу взятой съ нихъ подписки въ добропорядочномъ поведеніи, ежеминутно ожидать, что каждое лишнее, неосторожное слово, даже подслушанная шпіонами Мальцова жалоба въ разговорѣ съ пріятелями на его самовластіе, на все, что̀ они выстрадали отъ него, будутъ перетолкованы въ качествѣ возбужденія къ безпорядкамъ, къ мятежу и подвергнутъ ихъ удаленію съ заводовъ и отвѣтственности по закону.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не завершили его слѣдующимъ, тоже характернымъ, эпизодомъ.

Когда въ январѣ мѣсяцѣ 1862 г. Викторъ Антоновичъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ и предъявилъ губернскому присутствію окончательное рѣшеніе по дѣлу о безпорядкахъ у Мальцова, членъ присутствія отъ правительства князь А. В. Оболенскій предложилъ 18 того же января на обсужденіе присутствія, что „было бы весьма полезно напечатать всѣ обстоятельства дѣла о безпорядкахъ въ имѣніи Мальцова", и предложеніе свое мотивировалъ тѣмъ: 1) что губернское присутствіе неоднократно входило въ сужденіе о пользѣ печатанія своихъ постановленій; 2) нѣтъ повода исключать дѣло генерала Мальцова изъ числа прочихъ дѣлъ, рѣшенія по которымъ уже были напечатаны; 3) напротивъ, напечатаніе этого дѣла представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что оно получило большую огласку не только внутри Россіи, но и за границей, и притомъ толковалось превратно, съ сомнѣніемъ въ правильности дѣйствій губернской администраціи и самаго губернскаго присутствія, что доказывается, между прочимъ, статьею, напечатанною въ „Le Nord"; 4) по журналу губернскаго присутствія 6 октября 1861 г. правило о печатаніи распространено и на прежнія постановленія, состоявшіяся по дѣламъ, возбудившимъ общій интересъ; 5) циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 31 марта 1861 г., № 16 [1]), предоставлено начальникамъ губерній печатать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ тѣ постановленія присутствія, которыя необходимы для общаго свѣдѣнія. А такъ какъ не было въ губерніи дѣла, которое возбудило бы столько толковъ, и притомъ, какъ было уже замѣчено, превратныхъ, какъ дѣло Мальцова, то возстановленіе его во всей истинѣ посредствомъ печати для общаго свѣдѣнія представляется крайне необходимымъ и совершенно подходящимъ подъ условіе приведеннаго циркуляра. Поэтому кн. Оболенскій полагалъ бы, что слѣдовало напечатать: 1) постановленія губернскаго присутствія, состоявшіяся по дѣлу Мальцова, 2) вкратцѣ, дальнѣйшій ходъ этого дѣла и 3) окончаніе его въ Главномъ Комитетѣ, съ послѣдовавшею Высочайшею резолюціею по этому дѣлу.

При обсужденіи предложенія кн. Оболенскаго члены губернскаго присутствія нашли, что въ настоящемъ случаѣ подлежатъ разрѣшенію два вопроса: 1) есть ли достаточный поводъ смо-

---

[1]) Нужно припомнить, что циркуляръ этотъ былъ времени министра гр. Ланского.

трѣть на дѣло Мальцова съ исключительной точки зрѣнія и, на этомъ основаніи, не печатать всѣ обстоятельства, относящіяся до этого дѣла, какъ это принято въ губернскомъ присутствіи по другимъ однороднымъ дѣламъ, и 2) можетъ ли принести пользу опубликованіе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла? Члены губернскаго присутствія единогласно признали, что нѣтъ никакого повода дѣлать исключеніе относительно печатанія дѣла Мальцова по той огласкѣ, которую оно получило, что не только весьма полезно, но и необходимо напечатать это дѣло для возстановленія истины и для уничтоженія тѣхъ слуховъ и нареканій, которые распространились въ обществѣ относительно дѣйствій губернскаго присутствія по этому дѣлу.

Журналъ этотъ подписанъ всѣмъ личнымъ составомъ губернскаго присутствія, начиная съ Виктора Антоновича, подписанъ и губернскимъ предводителемъ г. Щукинымъ, тѣмъ самымъ г. Щукинымъ, который, забывъ, что онъ подписалъ журналъ губернскаго присутствія, осуждавшій дерзкое самоуправство Мальцова съ закованными имъ людьми и дѣлавшій распоряженія о немедленномъ освобожденіи ихъ и возвращеніи на заводы, потомъ, не далѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ доносѣ своемъ сенатору Капгеру, эти же самыя распоряженія ставилъ въ вину Виктору Антоновичу, какъ вопіющее посягательство на права помѣщиковъ и наиболѣе рѣзкое проявленіе анархическаго начала, вносимаго имъ въ калужскую губернію своей правительственной системой по крестьянскимъ дѣламъ [1]).

Но прежде чѣмъ разрѣшить опубликованіе мальцовскаго дѣла въ губернской газетѣ, Викторъ Антоновичъ счелъ дѣломъ административнаго такта отнестись къ министру вн. дѣлъ Валуеву съ слѣдующей бумагой, отъ 21 января 1862 г. (№ 204): „признавая, что заявленіе членовъ присутствія имѣетъ основаніе и заслуживаетъ вниманія, я считаю обязанностью присовокупить, въ подкрѣпленіе его, слѣдующія мои соображенія:

„1) Водвореніе въ общественномъ сознаніи убѣжденія въ томъ, что калужское губернское присутствіе въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется справедливостью и законностью, было бы весьма важно для успѣха крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи. Къ достиженію этой цѣли много способствовало бы опубликованіе всѣхъ единогласныхъ постановленій губернскаго присутствія по дѣлу Мальцова, краткаго изложенія его переходовъ и окончательнаго разрѣшенія, такъ какъ жалобы и

---

[1]) См. нашу статью: „Ревизія сенатора А. Х. Капгера въ Калугѣ“.

навѣты генералъ-маіора Мальцова были, какъ это достовѣрно извѣстно, распространяемы имъ самимъ въ столицахъ и возбудили во всей имперіи превратные толки и несправедливыя обвиненія калужскаго губернскаго присутствія. Оглашеніе посредствомъ печати какъ самого дѣла во всей его истинѣ, такъ и окончательнаго рѣшенія его верховнымъ управленіемъ, послѣдовавшаго послѣ особенныхъ и ближайшихъ провѣрокъ всѣхъ дѣйствій мѣстныхъ властей, могло бы послужить, между прочимъ, хотя нѣкоторымъ справедливымъ возмездіемъ калужскому губернскому присутствію за всѣ нареканія, которымъ оно такъ долго и такъ несправедливо подвергалось.

„2) Опубликованіе дѣла Мальцова предупредило бы новые упреки, которые могли бы быть сдѣланы губернскому присутствію, если бы оно, безъ особенныхъ причинъ, сдѣлало для него исключеніе изъ принятаго правила печатать случаи нарушеній законоположеній 19 февраля землевладѣльцами, менѣе вліятельными, и по дѣламъ, не столь важнымъ.

„3) Опытъ уже доказываетъ, что система печатанія постановленій губернскаго присутствія особенно способствуетъ въ калужской губерніи къ упроченію законной силы присутствія; дѣйствуя на стыдъ, какъ на оборотную сторону чести, оно удерживаетъ отдѣльныя лица отъ неправильныхъ уклоненій, уясняетъ ходъ дѣлъ и, слѣдовательно, содѣйствуетъ къ успокоенію раздраженія и къ прекращенію неосновательныхъ толковъ или ложныхъ обвиненій.

„4) Хотя постановленія губернскаго присутствія по дѣлу Мальцова, на основаніи циркулярнаго предписанія министерства отъ 31 марта 1861 г., № 16, и могли бы быть напечатаны, какъ необходимыя, по выше изложеннымъ доводамъ, для общаго свѣдѣнія; но, имѣя въ виду, что дѣло Мальцова было впослѣдствіи изъято, по особому распоряженію Главнаго Комитета, изъ непосредственнаго вѣдѣнія губернскаго присутствія, и по оному состоялась въ настоящее время особая Высочайшая резолюція, я считаю долгомъ, не приступая къ распоряженіямъ по заявленію губернскаго присутствія, представить вашему превосходительству всѣ вышеизложенныя соображенія и просить вашего разрѣшенія“.

Разрѣшенія этого Валуевъ, конечно, не далъ. Судя по направленію его оффиціальной дѣятельности, а также по тому, въ какое реакціонное время и въ какой ретроградной сферѣ онъ дѣйствовалъ, этого разрѣшенія и нельзя было ожидать.

Вотъ что̀ отвѣтилъ онъ отъ 1 февраля 1862 г. (№ 701)

Виктору Антоновичу на его совершенно справедливое требованіе и его возвышенныя соображенія:

„На представленіе отъ 21 минувшаго января, за № 204 имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что опубликованіе въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ всего хода дѣла о безпорядкахъ, бывшихъ на заводахъ генералъ-маіора Мальцова, я признаю неудобнымъ, по тѣмъ самымъ уваженіямъ, которыя изложены вами, м. г., въ концѣ вашего представленія. Дѣло это впослѣдствіи было изъято изъ непосредственнаго вѣдѣнія калужскаго губернскаго присутствія, по особому распоряженію Главнаго Комитета, и по оному состоялось особое Высочайшее повелѣніе, а потому губернскому присутствію не можетъ быть предоставлено право печатать его отъ себя во всеобщее свѣдѣніе".

Да, были времена, хуже какихъ и не надо!

Москва,
18 марта 1894 г.

III.

Ревизія сенатора А. Х. Капгера въ Калугѣ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Грибоѣдовъ.

Калужскимъ современникамъ Виктора Антоновича Арцимовича извѣстно, что вѣнцомъ его разнообразной, всеобъемлющей дѣятельности въ Калугѣ была постановка на развалинахъ дореформеннаго безправія и произвола великаго крестьянскаго дѣла на твердыхъ, прочныхъ началахъ строгой законности, безпристрастія и жизненной правды. Вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнымъ калужанамъ также извѣстно, что враги этихъ совершенно имъ незнакомыхъ началъ и поборники столь родного имъ нравственнаго безразличія сплели Виктору Антоновичу терновый, колючій вѣнецъ изъ ненавистнаго имъ крестьянскаго дѣла и своими интригами, извѣтами и клеветами, распространяемыми направо и налѣво въ калужской губерніи и доведенными ими до петербургскихъ вершинъ центральнаго управленія, съумѣли устроить сначала назначеніе сенаторской ревизіи, а потомъ отстраненіе Виктора Антоновича отъ крестьянскаго дѣла и перемѣщеніе на постъ сенатора въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ Сената. Викторъ Антоновичъ вышелъ, конечно, торжествующимъ побѣдителемъ изъ этой тяжелой, трудной борьбы

утнаго теченія старой жизни съ свѣтлымъ теченіемъ жизни овозавѣтной, блистательно доказалъ свою правоту и отразилъ ожь всѣхъ взведенныхъ на него извѣтовъ. По всѣмъ требоваіямъ логики правды, слѣдовало бы ожидать, что ложь будетъ аказана сознаніемъ ея несостоятельности, а правда и ея поорники восторжествуютъ, но... Викторъ Антоновичъ жилъ и ѣйствовалъ въ то шаткое время, когда полоса либерализма мѣнялась полосой реакціи, и была возможна замѣна Ростовцева Іанинымъ, Ланского Валуевымъ. Тутъ было уже не до идеаловъ не до правды... И Викторъ Антоновичъ былъ принесенъ въ кертву молоху своего времени; такіе, какъ онъ, борцы за свѣтые, возвышенные идеалы были тогда еще не по плечу времени.

Среди реакціонеровъ доселѣ еще ходитъ глухая молва, проикающая иногда даже и въ реакціонную прессу, что дѣйствія Виктора Антоновича по крестьянскому дѣлу внесли даже анаркію въ калужскую губернію, возстановили крестьянское насеніе противъ прежнихъ его помѣщиковъ, довели ихъ до полнаго разоренія, что самъ Викторъ Антоновичъ былъ совершенный анархистъ, и проч., и проч. Намъ извѣстенъ достовѣрный разказъ, что, назначая преемника Виктору Антоновичу въ лицѣ Ѳ. В. Лерхе, Валуевъ напутствовалъ его инструкціей *„спасти Калугу отъ анархіи“*, внесенной въ нее Викторомъ Антоновичемъ, выкурить изъ нея духъ его, вымести оттуда его сподвижниковъ.

Мы счастливы, что съ безспорными документами въ рукахъ можемъ воспроизвести свѣтлый, величавый образъ Виктора Антоновича, этого, дѣйствительно, послѣдняго изъ могиканъ, возстановить смѣлое, беззавѣтное воплощеніе имъ въ своей жизни и дѣятельности исключительно лишь идеаловъ добра и правды, его административную мудрость и безпристрастіе, правоту его возвышенныхъ дѣйствій въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ, и разоблачить всю ложь клеветъ и извѣтовъ, возведенныхъ на его чистое, безупречное имя.

Вотъ эти документы: 1) записка Виктора Антоновича, отъ 18 октября 1861 г., за № 1941, представленная сенатору А. Х. Капгеру, по прибытіи его въ Калугу для Высочайше порученной ревизіи, 2) извѣтъ калужскаго губернскаго предводителя дворянства Ѳ. С. Щукина, поданный тому же сенатору, 3) отвѣтъ на него Виктора Антоновича, 4) извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета его о ходѣ крестьянскаго дѣла и 5) письмо г. Щукина сенатору А. Х. Капгеру по поводу его ревизіи.

Совершенно излишне входить въ какую-нибудь оцѣнку содержанія и внутренняго достоинства всѣхъ этихъ документовъ: они такъ ясно, внушительно говорятъ сами за себя.

Вотъ что̀ писалъ Викторъ Антоновичъ въ запискѣ своей сенатору:

„Руководимый свойственнымъ мнѣ воззрѣніемъ на власть, которою я облеченъ довѣріемъ Государя Императора, и въ твердомъ сознаніи правъ и обязанностей, съ нею сопряженныхъ, имѣю честь представить вашему превосходительству краткій, по возможности, обзоръ управленія моего калужскою губерніею. Въ этомъ обзорѣ я постараюсь уяснить общія начала, положенныя въ основу моего управленія, и указать на тѣ правительственныя мѣры, которыя мною были приняты при направленіи и разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, имѣвшихъ прямое или косвенное соотношеніе съ предпринятой правительствомъ реформою крестьянскаго быта. Въ этомъ случаѣ я не только исполняю лежащую на мнѣ передъ высшимъ правительствомъ обязанность, но и удовлетворяю своему личному желанію и потребности содѣйствовать къ полному и всестороннему обнаруженію системы моихъ дѣйствій и положенія, въ которомъ находится калужская губернія въ минуту Высочайшаго назначенія сенаторской ревизіи. Такое дѣйствіе съ моей стороны представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, и для меня, какъ начальника губерніи, тѣмъ болѣе обязательнымъ, что ревизія назначена въ переходное и еще смутное по настроенію умовъ время, при сложности и неопредѣленности почти всѣхъ общественныхъ отношеній, когда еще трудно вывести точное заключеніе о результатахъ первоначальныхъ дѣйствій къ осуществленію реформы, когда страсти, возбужденныя совершившимся преобразованіемъ, еще далеко не успокоились, и когда, слѣдовательно, назначеніе провѣрки моихъ дѣйствій должно имѣть особо важную причину.

„Вашему превосходительству предстоитъ сдѣлать выводъ и заключеніе изъ всѣхъ фактовъ и дѣлъ, которые дойдутъ до вашего свѣдѣнія, но я полагаю, что и мое донесеніе будетъ вамъ полезно въ томъ смыслѣ, что облегчитъ вамъ открытіе истины.

„Высочайшій указъ о назначеніи меня калужскимъ гражданскимъ губернаторомъ послѣдовалъ 27 іюля 1858 г. Вскорѣ по вступленіи моемъ въ эту должность (1 октября того же года) я, по особому Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ въ С.-Пе-

тербургъ для участія въ комиссіяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: 1) о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, 2) о перемѣнахъ въ паспортномъ уставѣ, и при министерствѣ финансовъ: 1) объ улучшеніи податной и пошлинной системы и 2) о земскихъ банкахъ. Будучи постояннымъ членомъ этихъ законодательныхъ комиссій, я въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ управленія моего калужскою губерніею большую часть времени находился въ столицѣ, гдѣ, впрочемъ, постоянно занимался важнѣйшими дѣлами губерніи, и, съ разрѣшенія бывшаго министра графа Ланского, пріѣзжалъ временно въ Калугу для направленія на мѣстѣ этихъ дѣлъ. Съ декабря же прошлаго года по сіе время я находился въ калужской губерніи безвыѣздно. Такимъ образомъ, отвлеченный другими занятіями отъ постояннаго наблюденія за подробностями и частностями управленія, я сохранялъ, однако, свое вліяніе на общій его ходъ и при этомъ обращалъ особенное вниманіе на всѣ дѣла, относившіяся до преобразованія крестьянскаго быта, такъ что ни одна мѣра по этому предмету не была принята безъ моего вѣдома и разрѣшенія.

„Приступая къ обзору моихъ дѣйствій, считаю удобнымъ подраздѣлить ихъ на три отдѣла, соотвѣтственно проявленіямъ и потребностямъ, преобладавшимъ въ извѣстное время, и тѣмъ распоряженіямъ, которыя ими вызывались.

„I. Выборы членовъ Комитета и открытіе его; комитетскія совѣщанія и мои первоначальныя мѣры къ изученію недостатковъ мѣстной администраціи и къ улучшенію ея органовъ.

„Вступленіе мое въ должность калужскаго гражданскаго губернатора послѣдовало въ то время, когда крестьянскій вопросъ былъ уже поднятъ повсемѣстно. Въ калужской губерніи онъ подвигался къ своему разрѣшенію съ особенною медлительностью, съ которою предмѣстникъ мой, графъ Д. Н. Толстой, былъ вынужденъ бороться долго и усиленно. Такое нерасположеніе калужскаго дворянства къ предполагаемой реформѣ вызвало даже со стороны бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ напоминаніе губернскому предводителю о необходимости „приступить къ исполненію непремѣнной воли Его Императорскаго Величества“ и тѣмъ предупредить безпорядки, могущіе произойти „отъ настойчиваго стремленія къ сохраненію крѣпостного положенія“.

„Тѣмъ не менѣе, калужская губернія была послѣднею въ заявленіи желанія улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, и Высочайшій рескриптъ по этому предмету послѣдовалъ 24 іюня

1858 г. Затѣмъ, выборы въ члены Комитета по крестьянскому дѣлу состоялись 29 ноября, а открытіе самого Комитета послѣдовало 6 декабря 1858 г. [1]).

„Въ преніяхъ членовъ Комитета скоро обозначились два направленія, которыя и раздѣлили составъ Комитета на большинство и меньшинство. На послѣднее были направлены нападки большей части калужскихъ дворянъ; но я, и по собственному убѣжденію, и по правительственнымъ соображеніямъ, не могъ не выражать сочувствія членамъ меньшинства, руководившимися болѣе возвышенными и безкорыстными соображеніями при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Впрочемъ, чисто совѣщательный характеръ занятій Комитета и охраненіе съ моей стороны всѣмъ членамъ, безъ различія направленій, равной свободы въ заявленіи мнѣній дали возможность поддержать совершенно спокойныя оффиціальныя отношенія между губернскою властью и Комитетомъ и довести совѣщательный періодъ крестьянскаго дѣла до конца безъ большихъ затрудненій.

„Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ членахъ большинства и той части калужскаго дворянства, интересы которой они представляли, таилось, однако, противъ меня глубокое неудовольствіе за сочувствіе мое крестьянской реформѣ. Выказываясь по временамъ внѣ сферы служебной и оффиціальной, оно выразилось наконецъ съ особою силою въ печатной полемикѣ восемнадцати калужскихъ дворянъ, по поводу предполагавшагося тогда открытія въ Калугѣ женской гимназіи. Эта полемика, не имѣвшая, въ сущности, какого-либо общаго интереса, получила, однако, большое мѣстное значеніе, тѣмъ болѣе, что была направлена по преимуществу противъ мѣстной администраціи, и что въ ней участвовали нѣкоторые члены большинства калужскаго Комитета въ то самое время, когда борьба направленій между большинствомъ и меньшинствомъ была особенно сильна и возбуждала со стороны общества напряженное вниманіе.

„Такъ какъ въ то же время я принималъ мѣры къ ограниченію злоупотребленій и самоуправства откупа и послѣ обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ всѣхъ уѣздовъ губерніи дѣлалъ распоряженія къ обновленію по нѣкоторымъ мѣстамъ личнаго состава управленія, то всѣ недовольные дѣйствіями, клонившимися къ уменьшенію зла, присоединились къ числу лицъ, начавшихъ вышеупомянутую полемику, а члены меньшинства приняли въ томъ дѣлѣ мою сторону и заявили свои мнѣнія печатно.

---

[1]) Брошюра объ открытіи Калужскаго Губернскаго Комитета.

въ, что около нѣкоторыхъ членовъ большинства сгруппи-
ъ лица или никому неизвѣстныя, или получившія
юсть своими служебными злоупотребленіями, и что на-
іе полемики начало явно клониться къ возбужденію
за противъ мѣстной власти, я нашелъ необходимымъ обра-
дѣйствія означенныхъ членовъ большинства Комитета
е предсѣдателя. Въ письмѣ отъ 20 мая 1859 г., за
0, я передалъ губернскому предводителю мое воззрѣніе
лагопріятныя послѣдствія подобнаго образа дѣйствій со
лицъ, облеченныхъ довѣріемъ дворянъ.

сходъ этого дѣла былъ таковъ, что враждебныя отно-
нѣкоторыхъ членовъ Комитета были прикрыты благодар-
мъ адресомъ, подписаннымъ всѣми членами и поднесен-
нѣ 29 мая 1859 г., передъ отъѣздомъ моимъ въ С.-Пе-
ъ, а самая полемика замолкла послѣ появленія въ „Рус-
Вѣстникѣ“ статьи, изобличившей губернскаго предводи-
ъ томъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ
умѣній, отклонившихъ участіе калужскихъ дворянъ отъ
вованій на женскую гимназію [1]).

ежду тѣмъ, продолжая разборъ дѣйствій лицъ служеб-
откупа, я постепенно достигнулъ того результата, что по
откупа, несмотря на первоначальную поддержку его со
министерства финансовъ, Правительствующій Сенатъ и
ствіи само министерство удовлетворили всѣмъ моимъ тре-
мъ, а изъ числа неблагонадежныхъ чиновниковъ нѣкоторые
волены или преданы суду, а другіе, по моимъ предста-
ъ, переведены изъ калужской губерніи.

кимъ образомъ, это время моего управленія завершилось
щими, добытыми губернскою властью нравственными
атами: всѣ взяточники и злоупотребители убѣдились въ
то при преслѣдованіи зла я дѣйствую неослабно и безъ
ъ, противодѣйствіе и агитація со стороны всѣхъ недо-
ъ моимъ сочувствіемъ реформѣ были побѣждены и въ

олемика по поводу женской гимназіи въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и
ной Пчелѣ, а въ Русскомъ Вѣстникѣ (1859 г., № 15) письмо къ редак-
енія Глѣбова, 2) печатные журналы калужскаго Комитета по засѣ-
3 и 10 февраля 1859 г., 3) рѣчь губернскаго предводителя при за-
омитета, вызвавшая отвѣтъ члена меньшинства г. Свистунова, 4) письмо
ра къ губернскому предводителю отъ 20 мая 1859 г., за № 3390,
членовъ Комитета губернатору, 6) отвѣтъ губернатора на адресъ,
еніе губернатора при представленіи проектовъ калужскаго Комитета
внутреннихъ дѣлъ.

дѣли, по приглашенію шефа корпуса жандармовъ, для свиданія съ Государемъ и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а черезъ два дня получилъ другое увѣдомленіе, что, по распоряженію г. Бутенева, восемь человѣкъ мастеровыхъ, закованныхъ Мальцовымъ, удалены не только съ заводовъ, но даже изъ калужской губерніи, отправлены въ орловскую, въ г. Брянскъ, подъ надзоръ мѣстной городской полиціи и должны жить тамъ въ особо нанятой для нихъ Мальцовымъ квартирѣ, получая отъ него кормовыхъ по 20 коп. въ сутки на человѣка. Этотъ новый актъ самоуправства, и уже не одного, а двухъ властныхъ генераловъ, направленный противъ совершенно безвинныхъ людей, могъ быть объясненъ только пословицей: паны дерутся, а у хлопцовъ чубы трясутся.

Викторъ Антоновичъ, понятно, былъ глубоко возмущенъ этой несправедливостью, этимъ самоуправствомъ двухъ генераловъ, и 10 іюня писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что, не считая себя въ правѣ обсуждать дѣйствія г. Бутенева, онъ, однако, не можетъ не заявить, что такое распоряженіе парализуетъ начинанія губернскаго присутствія относительно введенія новаго Положенія въ находящихся въ губерніи горныхъ заводахъ, потому что можетъ возбудить въ заводскомъ населеніи мысль о поддержаніи горнымъ начальствомъ безусловно всякихъ, даже произвольныхъ дѣйствій заводчика. Но этотъ протестъ былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, и несчастные, ни въ чемъ неповинные люди прожили въ Брянскѣ, въ разлукѣ съ своими семьями, безъ дѣла, безъ заработковъ, на двадцати-копѣечномъ мальцовскомъ пайкѣ, почти восемь мѣсяцевъ, съ первыхъ чиселъ іюня 1861 г. до конца января 1862 г., когда Главный Комитетъ, наконецъ, дозволилъ имъ вернуться на свои родные, но, вѣроятно, уже не милые имъ заводы. Однако и здѣсь они не оставлены были въ покоѣ.

Мы видѣли, что, по распоряженію Комитета, они должны были находиться подъ *особымъ* надзоромъ мѣстной полиціи и, въ силу взятой съ нихъ подписки въ добропорядочномъ поведеніи, ежеминутно ожидать, что каждое лишнее, неосторожное слово, даже подслушанная шпіонами Мальцова жалоба въ разговорѣ съ пріятелями на его самовластіе, на все, что они выстрадали отъ него, будутъ перетолкованы въ качествѣ возбужденія къ безпорядкамъ, къ мятежу и подвергнутъ ихъ удаленію съ заводовъ и отвѣтственности по закону.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не завершили его слѣдующимъ, тоже характернымъ, эпизодомъ.

Когда въ январѣ мѣсяцѣ 1862 г. Викторъ Антоновичъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ и предъявилъ губернскому присутствію окончательное рѣшеніе по дѣлу о безпорядкахъ у Мальцова, членъ присутствія отъ правительства князь А. В. Оболенскій предложилъ 18 того же января на обсужденіе присутствія, что „было бы весьма полезно напечатать всѣ обстоятельства дѣла о безпорядкахъ въ имѣніи Мальцова“, и предложеніе свое мотивировалъ тѣмъ: 1) что губернское присутствіе неоднократно входило въ сужденіе о пользѣ печатанія своихъ постановленій; 2) нѣтъ повода исключать дѣло генерала Мальцова изъ числа прочихъ дѣлъ, рѣшенія по которымъ уже были напечатаны; 3) напротивъ, напечатаніе этого дѣла представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что оно получило большую огласку не только внутри Россіи, но и за границей, и притомъ толковалось превратно, съ сомнѣніемъ въ правильности дѣйствій губернской администраціи и самаго губернскаго присутствія, что доказывается, между прочимъ, статьею, напечатанною въ „Le Nord“; 4) по журналу губернскаго присутствія 6 октября 1861 г. правило о печатаніи распространено и на прежнія постановленія, состоявшіяся по дѣламъ, возбудившимъ общій интересъ; 5) циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 31 марта 1861 г., № 16 [1]), предоставлено начальникамъ губерній печатать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ тѣ постановленія присутствія, которыя необходимы для общаго свѣдѣнія. А такъ какъ не было въ губерніи дѣла, которое возбудило бы столько толковъ, и притомъ, какъ было уже замѣчено, превратныхъ, какъ дѣло Мальцова, то возстановленіе его во всей истинѣ посредствомъ печати для общаго свѣдѣнія представляется крайне необходимымъ и совершенно подходящимъ подъ условіе приведеннаго циркуляра. Поэтому кн. Оболенскій полагалъ бы, что слѣдовало напечатать: 1) постановленія губернскаго присутствія, состоявшіяся по дѣлу Мальцова, 2) вкратцѣ, дальнѣйшій ходъ этого дѣла и 3) окончаніе его въ Главномъ Комитетѣ, съ послѣдовавшею Высочайшею резолюціею по этому дѣлу.

При обсужденіи предложенія кн. Оболенскаго члены губернскаго присутствія нашли, что въ настоящемъ случаѣ подлежатъ разрѣшенію два вопроса: 1) есть ли достаточный поводъ смо-

---

[1]) Нужно припомнить, что циркуляръ этотъ былъ временъ министра гр. Ланского.

угождать всѣмъ беззаконнымъ требованіямъ и порочнымъ свой-ствамъ крѣпостной партіи и даже наканунѣ реформы открыт-защищать по многимъ дѣламъ своими пристрастными рѣшеніям-самыя вопіющія злоупотребленія помѣщичьей власти.

„Въ подкрѣпленіе этого обстоятельства, обращаюсь снов-къ всеподданнѣйшему моему отчету.—„По злоупотребленію по-мѣщичьей власти подвергнуты были обсужденію собранія пред-водителей и депутатовъ дворянства дѣла помѣщицы малоярославецкаго уѣзда К. и помѣщиковъ тарусскаго уѣзда К. и Ч. и медынскаго Я. и Д., которые всѣ формальнымъ слѣдствіемъ изобличены въ обремененіи крестьянъ тяжелыми работами и въ жестокостяхъ. Изъ нихъ двое оказались особенно виновными въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, а именно: К—ва, которая ѣздила по полямъ съ арапникомъ въ рукахъ и сама сѣкла своихъ крѣпостныхъ, и Д., по распоряженію котораго на мѣсто работъ въ прежнее время привозились розги и палки для наказанія крестьянъ, иногда до 300 ударовъ, а женщинъ самъ помѣщикъ билъ арапникомъ и кнутомъ; трое въ разныхъ насильственныхъ поступкахъ съ крестьянами: Я. въ присвоеніи себѣ собственности крестьянъ, К—нко, человѣкъ развратный и нетрезвой жизни, въ растлѣніи несовершеннолѣтнихъ и въ насилованіи совершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ своихъ дѣвокъ, а Ч—скій въ насильственномъ повѣнчаніи дочери крестьянина, причемъ во время обряда она была связана, и вѣнецъ надъ ея головою держалъ самъ помѣщикъ [1]). По всѣмъ этимъ дѣламъ, исключая дѣла К—вой, собраніе предводителей и депутатовъ ограничилось лишь заключеніемъ—частью объ учрежденіи надзора за виновными, частью о томъ, чтобы сдѣлать имъ чрезъ губернскаго предводителя внушеніе; случай же въ имѣніи Д—ва прямо приписало не дѣйствіямъ помѣщика, а неповиновенію крестьянъ, относительно которыхъ, съ явнымъ пристрастіемъ, требовало строгихъ мѣръ. Такія постановленія собранія каждый разъ вынуждали губернское начальство съ своими заключеніями представлять дѣла въ Правительствующій Сенатъ, который не только рѣшилъ уже три дѣла согласно съ этими заключеніями,

---

[1]) Этотъ любопытный бракъ, устроенный помѣщикомъ Ч—мъ, когда невѣсту водили связанною вокругъ налоя, а она кричала „караулъ!" попалъ въ сборникъ русскихъ уголовныхъ процессовъ Любавскаго 5 т., 545 стр. Интересно, что собраніе предводителей и [illegible]утатовъ дворянства, разсматривая это дѣло, усмотрѣло въ немъ не злоупотребленіе помѣщичьей власти, а лишь нарушеніе священникомъ церковныхъ постановленій о совершеніи таинства брака. Авт.

навѣты генералъ-маiора Мальцова были, какъ это достовѣрно извѣстно, распространяемы имъ самимъ въ столицахъ и возбудили во всей имперiи превратные толки и несправедливыя обвиненiя калужскаго губернскаго присутствiя. Оглашенiе посредствомъ печати какъ самого дѣла во всей его истинѣ, такъ и окончательнаго рѣшенiя его верховнымъ управленiемъ, послѣдовавшаго послѣ особенныхъ и ближайшихъ провѣрокъ всѣхъ дѣйствiй мѣстныхъ властей, могло бы послужить, между прочимъ, хотя нѣкоторымъ справедливымъ возмездiемъ калужскому губернскому присутствiю за всѣ нареканiя, которымъ оно такъ долго и такъ несправедливо подвергалось.

„2) Опубликованiе дѣла Мальцова предупредило бы новые упреки, которые могли бы быть сдѣланы губернскому присутствiю, если бы оно, безъ особенныхъ причинъ, сдѣлало для него исключенiе изъ принятаго правила печатать случаи нарушенiй законоположенiй 19 февраля землевладѣльцами, менѣе влiятельными, и по дѣламъ, не столь важнымъ.

„3) Опытъ уже доказываетъ, что система печатанiя постановленiй губернскаго присутствiя особенно способствуетъ въ калужской губернiи къ упроченiю законной силы присутствiя; дѣйствуя на стыдъ, какъ на оборотную сторону чести, оно удерживаетъ отдѣльныя лица отъ неправильныхъ уклоненiй, уясняетъ ходъ дѣлъ и, слѣдовательно, содѣйствуетъ къ успокоенiю раздраженiя и къ прекращенiю неосновательныхъ толковъ или ложныхъ обвиненiй.

„4) Хотя постановленiя губернскаго присутствiя по дѣлу Мальцова, на основанiи циркулярнаго предписанiя министерства отъ 31 марта 1861 г., № 16, и могли бы быть напечатаны, какъ необходимыя, по выше изложеннымъ доводамъ, для общаго свѣдѣнiя; но, имѣя въ виду, что дѣло Мальцова было впослѣдствiи изъято, по особому распоряженiю Главнаго Комитета, изъ непосредственнаго вѣдѣнiя губернскаго присутствiя, и по оному состоялась въ настоящее время особая Высочайшая резолюцiя, я считаю долгомъ, не приступая къ распоряженiямъ по заявленiю губернскаго присутствiя, представить вашему превосходительству всѣ вышеизложенныя соображенiя и просить вашего разрѣшенiя“.

Разрѣшенiя этого Валуевъ, конечно, не далъ. Судя по направленiю его оффицiальной дѣятельности, а также по тому, въ какое реакцiонное время и въ какой ретроградной сферѣ онъ дѣйствовалъ, этого разрѣшенiя и нельзя было ожидать.

Вотъ что̀ отвѣтилъ онъ отъ 1 февраля 1862 г. (№ 701)

Виктору Антоновичу на его совершенно справедливое требованіе и его возвышенныя соображенія:

„На представленіе отъ 21 минувшаго января, за № 204 имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что опубликованіе въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ всего хода дѣла о безпорядкахъ, бывшихъ на заводахъ генералъ-маіора Мальцова, я признаю неудобнымъ, по тѣмъ самымъ уваженіямъ, которыя изложены вами, м. г., въ концѣ вашего представленія. Дѣло это впослѣдствіи было изъято изъ непосредственнаго вѣдѣнія калужскаго губернскаго присутствія, по особому распоряженію Главнаго Комитета, и по оному состоялось особое Высочайшее повелѣніе, а потому губернскому присутствію не можетъ быть предоставлено право печатать его отъ себя во всеобщее свѣдѣніе".

Да, были времена, хуже какихъ и не надо!

Москва,
18 марта 1894 г.

III.

Ревизія сенатора А. Х. Капгера въ Калугѣ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Грибоѣдовъ.

Калужскимъ современникамъ Виктора Антоновича Арцимо[illegible]-вича извѣстно, что вѣнцомъ его разнообразной, всеобъемлющей [illegible] дѣятельности въ Калугѣ была постановка на развалинахъ дореформеннаго безправія и произвола великаго крестьянскаго дѣла на твердыхъ, прочныхъ началахъ строгой законности, безпристрастія и жизненной правды. Вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнымъ калужанамъ также извѣстно, что враги этихъ совершенно [illegible] имъ незнакомыхъ началъ и поборники столь родного имъ нравственнаго безразличія сплели Виктору Антоновичу терновый, колючій вѣнецъ изъ ненавистнаго имъ крестьянскаго дѣла и своими интригами, извѣтами и клеветами, распространяемыми направо и налѣво въ калужской губерніи и доведенными ими до петербургскихъ вершинъ центральнаго управленія, съумѣли устроить сначала назначеніе сенаторской ревизіи, а потомъ отстраненіе Виктора Антоновича отъ крестьянскаго дѣла и перемѣщеніе на постъ сенатора въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ Сената. Викторъ Антоновичъ вышелъ, конечно, торжествующимъ побѣдителемъ изъ этой тяжелой, трудной борьбы

лись ихъ новыя права и обязанности, самыя Положенія вручались лицамъ, довѣреннымъ отъ крестьянъ, или самими чиновниками, или черезъ помѣщиковъ [1]). Можно сказать, что во всей губерніи было положено начало самымъ благопріятнымъ отношеніямъ между правительствомъ и народомъ. Въ крестьянахъ стало возникать убѣжденіе, что правительство смотритъ на ихъ дѣло съ полнымъ вниманіемъ и всегда будетъ имѣть его подъ своимъ покровительствомъ. Во многихъ мѣстахъ обычная форма заявленій крестьянами своихъ неудовольствій, въ видѣ отказа отъ исполненія повинностей, тотчасъ же превратилась въ законную форму жалобъ, съ надеждою на безпристрастный разборъ. Вообще же были получены отовсюду довольно благопріятные отзывы о поведеніи крестьянъ. Сомнѣніе въ подлинности предъявленныхъ крестьянамъ новыхъ законоположеній возникло на нѣсколько дней въ одномъ только имѣніи помѣщика М., тарусскаго уѣзда, въ которомъ, впрочемъ, взаимныя отношенія владѣльца и крестьянъ были нехороши.

„Противъ порядка, установленнаго для объявленія манифеста и раздачи Положеній, протестовалъ только одинъ помѣщикъ, генералъ-маіоръ Мальцовъ, который въ письмѣ къ чиновнику, откомандированному съ этою цѣлью въ его имѣнія, признавалъ этотъ порядокъ вреднымъ и, вопреки указу Правительствующаго Сената, предписывающему начальникамъ губерній принять мѣры къ доставленію Положеній также и въ сельскія общества крестьянъ, доказывалъ, что эти Положенія должны быть предоставлены распоряженію однихъ помѣщиковъ.

„Такимъ образомъ, первое время со дня обнародованія Положеній и манифеста—время, котораго ожидали съ такимъ опасеніемъ, прошло спокойно, такъ что назначенный въ калужскую губернію, по Высочайшему повелѣнію, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Кознаковъ не имѣлъ повода предпринимать какія-либо мѣры и выѣзжать изъ г. Калуги въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ.

„Въ этотъ промежутокъ времени губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе имѣло возможность и досугъ заняться обсужденіемъ и принятіемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣръ, клонившихся къ установленію новаго порядка на правильныхъ и законныхъ основаніяхъ.

„Такимъ образомъ: 1) въ засѣданіи присутствія 24 марта

[1]) Интересно было бы сравнить порядокъ объявленія манифеста и раздачи Положеній въ другихъ губерніяхъ. Авт.

обращено было вниманіе на высокій размѣръ повинностей в[ъ] имѣніяхъ даже такихъ должностныхъ лицъ, которыя поставлен[ы] въ положеніе непосредственнаго вліянія на ходъ крестьянскаг[о] дѣла. Вслѣдствіе чего оно выразило убѣжденіе, что тѣ, на ко торыхъ возлагаются новымъ Положеніемъ мировой судъ и раз бирательство, необходимо должны, для общей пользы и спо койствія, особенно озаботиться пріобрѣтеніемъ довѣрія не од нихъ помѣщиковъ, но и крестьянъ, и что для достиженія это[й] цѣли они должны подать примѣръ въ собственныхъ имѣніяхъ безотлагательнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій Поло женія, которыми опредѣляются права и льготы крестьянъ. Гу бернское присутствіе предоставило мнѣ сообщить объ этомъ ег[о] воззрѣніи кому слѣдуетъ, что̀ и было мною исполнено въ отно шеніи трехъ лицъ, приступившихъ, вслѣдствіе сего, къ облегче нію повинностей своихъ временнообязанныхъ крестьянъ. Цѣл[ь] такой прямой и открытой мѣры состояла въ томъ, чтобы дока зать, что губернское присутствіе будетъ, не взирая на лица, настаивать твердо на точномъ исполненіи новаго закона.

„2) Губернское присутствіе признало полезнымъ принят[ь] мѣры, чтобы народу сдѣлалось сейчасъ же очевидно, что в[ъ] отношеніи къ освобожденнымъ крестьянамъ полиціями употребля ются при наказаніяхъ новые пріемы, совершенно чуждые преж няго произвола и основанные на законѣ. Слѣдовало такж[е] оградить самыя полиціи отъ необходимости безусловно испол нять раздражительныя требованія наказаній. Эта надобност[ь] оказалась ощутительною по многимъ фактамъ еще при самой раз дачѣ Положеній. Вообще же надобно было имѣть постоянно в[ъ] виду, чтобы укрѣплялось и увеличивалось довѣріе народа к[ъ] органамъ правительства. Въ этихъ соображеніяхъ, по едино гласному постановленію губернскаго присутствія, изданъ цирку ляръ о полиціи, принятый къ исполненію также единогласнымъ постановленіемъ губернскаго правленія.

„3) Принято было за правило стремиться къ предупрежде нію безпорядковъ, возникающихъ по причинѣ обременитель ныхъ повинностей, въ особенности въ имѣніяхъ со смѣшанною оброчно-барщинскою повинностью, причемъ своевременное облег ченіе этихъ повинностей признано дѣйствительнѣйшимъ къ тому средствомъ.

„Къ разряду распоряженій, принятыхъ для достиженія этой цѣли, главнѣйше относится циркуляръ о смѣшанныхъ повин ностяхъ. Съ этою мѣрою не согласился одинъ членъ губерн скаго присутствія, но она была одобрена въ своемъ принципѣ

Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу и была согласна съ принятою впослѣдствіи общей въ этомъ смыслѣ мѣрой по имперіи [1]).

„Всѣ эти распоряженія были сдѣланы въ мартѣ и дошли по губерніи до всеобщаго свѣдѣнія въ апрѣлѣ.

„Въ теченіе этого мѣсяца въ губернскомъ присутствіи составлялось урочное положеніе, подъ непосредственнымъ руководствомъ губернскаго предводителя и члена по избранію дворянъ Баскакова и съ участіемъ экспертовъ. Оно было разослано помѣщикамъ и въ сельскія общества при циркулярѣ отъ 26 апрѣля [2]).

„Независимо отъ этихъ общихъ мѣръ, губернскимъ присутствіемъ въ то же время была принята одна частная мѣра, получившая впослѣдствіи громкую извѣстность и послужившая поводомъ къ разнообразнымъ толкамъ, клеветамъ и къ озлобленію нѣкоторой части общества лично противъ меня, а именно—мѣра по заводамъ генералъ-маіора Мальцова. Она была вызвана противозаконнымъ и жестокимъ поступкомъ Мальцова, нарушившаго права освобожденныхъ заводскихъ людей. Присутствіе единогласно постановило расковать закованныхъ Мальцовымъ людей и обратить ихъ на заводы, въ распоряженіе слѣдственной комиссіи, тогда же назначенной для обнаруженія всѣхъ подробностей происшествія и для обслѣдованія дѣйствій самого Мальцова.

„Это дѣло можно считать началомъ того движенія, которое вскорѣ выказалось въ разныхъ концахъ губерніи. Прискорбный и вредный примѣръ заявленія небывалыхъ бунтовъ былъ поданъ генералъ-маіоромъ Мальцовымъ [3]).

„Между тѣмъ, приближалось время, полное тревогъ и затрудненій. Съ разныхъ концовъ Россіи начали доходить слухи о подавленіи во многихъ мѣстностяхъ безпорядковъ тѣлесными наказаніями и даже оружіемъ; наступала пора полевыхъ ра-

---

[1]) Сборникъ циркуляровъ, л. 4 и 5: 1) циркуляръ о смѣшанной оброчно-барщинной повинности, 2) циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ по этому предмету, л. 15 и 28, на оборотѣ.

[2]) Подробности составленія урочнаго положенія изложены: а) въ особой запискѣ, б) въ циркулярѣ 26 іюня 1861 г. (Сборникъ циркуляровъ, л. 19 и 20), и в) въ отчетѣ начальника губерніи управляющему министерствомъ вн. дѣлъ объ обозрѣніи въ калужской губерніи хода крестьянскаго дѣла.

[3]) 1) Журналъ губернскаго присутствія 10 апрѣля 1861 г.; 2) донесенія министру вн. дѣлъ 19 апрѣля, 21 мая и 10 іюня.

1858 г. Затѣмъ, выборы въ члены Комитета по крестьянскому дѣлу состоялись 29 ноября, а открытіе самого Комитета послѣдовало 6 декабря 1858 г. [1]).

„Въ преніяхъ членовъ Комитета скоро обозначились два направленія, которыя и раздѣлили составъ Комитета на большинство и меньшинство. На послѣднее были направлены нападки большей части калужскихъ дворянъ; но я, и по собственному убѣжденію, и по правительственнымъ соображеніямъ, не могъ не выражать сочувствія членамъ меньшинства, руководившимися болѣе возвышенными и безкорыстными соображеніями при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Впрочемъ, чисто совѣщательный характеръ занятій Комитета и охраненіе съ моей стороны всѣмъ членамъ, безъ различія направленій, равной свободы въ заявленіи мнѣній дали возможность поддержать совершенно спокойныя оффиціальныя отношенія между губернскою властью и Комитетомъ и довести совѣщательный періодъ крестьянскаго дѣла до конца безъ большихъ затрудненій.

„Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ членахъ большинства и той части калужскаго дворянства, интересы которой они представляли, таилось, однако, противъ меня глубокое неудовольствіе за сочувствіе мое крестьянской реформѣ. Выказываясь по временамъ внѣ сферы служебной и оффиціальной, оно выразилось наконецъ съ особою силою въ печатной полемикѣ восемнадцати калужскихъ дворянъ, по поводу предполагавшагося тогда открытія въ Калугѣ женской гимназіи. Эта полемика, не имѣвшая, въ сущности, какого-либо общаго интереса, получила, однако, большое мѣстное значеніе, тѣмъ болѣе, что была направлена по преимуществу противъ мѣстной администраціи, и что въ ней участвовали нѣкоторые члены большинства калужскаго Комитета въ то самое время, когда борьба направленій между большинствомъ и меньшинствомъ была особенно сильна и возбуждала со стороны общества напряженное вниманіе.

„Такъ какъ въ то же время я принималъ мѣры къ ограниченію злоупотребленій и самоуправства откупа и послѣ обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ всѣхъ уѣздовъ губерніи дѣлалъ распоряженія къ обновленію по нѣкоторымъ мѣстамъ личнаго состава управленія, то всѣ недовольные дѣйствіями, клонившимися къ уменьшенію зла, присоединились къ числу лицъ, начавшихъ вышеупомянутую полемику, а члены меньшинства приняли въ томъ дѣлѣ мою сторону и заявили свои мнѣнія печатно.

[1]) Брошюра объ открытіи Калужскаго Губернскаго Комитета.

ной силы къ полиціямъ, которыя обязаны дѣйствовать въ этомъ случаѣ согласно даннымъ указаніямъ [1]).

„Затѣмъ, всѣ прочія затрудненія были подвергнуты обстоятельному и всестороннему обсужденію губернскаго присутствія, причемъ ему были заявлены опасенія жиздринскаго предводителя и сообщенія предводителя мещовскаго, которыя разсматривались во всей подробности, въ присутствіи самого предводителя.

„Жиздринскій предводитель увѣдомлялъ, что, „по всеобщему почти упорству крестьянъ, направленіе дѣлается опаснымъ въ смыслѣ упадка хозяйства и сомнительнымъ для сохраненія общественнаго спокойствія", а мещовскій заявилъ присутствію о крайней необходимости принять самыя строгія мѣры къ усмиренію крестьянъ въ имѣніи помѣщика Киселевскаго, для предупрежденія общаго возстанія въ мещовскомъ уѣздѣ [2]).

„Обсужденіе этихъ оффиціальныхъ заявленій двухъ предводителей возбудило въ губернскомъ присутствіи разномысліе. Предсѣдатель (Викторъ Антоновичъ), прокуроръ Трузсонъ и членъ отъ правительства Свистуновъ (декабристъ) полагали, что настоящее дѣло, по важности его, слѣдуетъ подвергнуть предварительному разбирательству мирового съѣзда. Губернскій предводитель дворянства Щукинъ, членъ по выбору дворянства Баскаковъ и управляющій палатою государственныхъ имуществъ Юзефовичъ находили, что крестьяне помѣщика Киселевскаго должны быть приведены въ повиновеніе административными мѣрами, безъ предварительнаго разбирательства. Дѣло рѣшено по мнѣнію первыхъ трехъ членовъ, потому что голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ этому мнѣнію. Такимъ образомъ, мысль, что не слѣдуетъ уклоняться отъ легальнаго пути, несмотря ни на какія требованія и запугиванія, взяла верхъ. Отсюда начинается между членами присутствія разъединеніе по принципу [3]).

„Къ счастью калужской губерніи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Кознаковъ выказалъ въ это смутное время полное спокойствіе и съ искреннимъ сочувствіемъ поддерживалъ направленіе человѣчности и законности. Успокоивъ волненіе въ имѣніи Мухина, тарусскаго уѣзда, гдѣ, впрочемъ, крестьяне подверглись наказанію чрезъ военную команду, онъ объѣхалъ уѣзды

---

[1]) Циркуляръ 6 мая 1861 г., № 2440.

[2]) 1) Отношенія жиздринскаго предводителя 28 апрѣля и 2 мая 1861 г., №№ 265 и 268; 2) отношенія мещовскаго предводителя къ губ. предв. 2 мая, № 103.

[3]) Журналъ губернскаго присутствія 3 мая 1861 г. Члены присутствія князь Оболенскій и Оттъ въ этомъ засѣданіи не присутствовали.

жиздринскій, мещовскій и медынскій, въ которыхъ крестьяне, по нѣкоторымъ имѣніямъ со смѣшанною повинностью, уклонялись отъ исполненія работъ; при этомъ сдѣлано было передвиженіе пяти ротъ квартирующаго въ губерніи войска.

„Генералъ Кознаковъ сначала изъ уѣздовъ письменно, а потомъ словесно заявилъ мнѣ свое мнѣніе, что волненія происходятъ, большею частію, не отъ злонамѣренности крестьянъ, но отъ недоумѣній и сбивчивости ихъ понятій, и что достаточно будетъ разбирательства мировыхъ властей для полнаго вездѣ успокоенія [1]).

„Дѣйствительно, опасенія, заявленныя жиздринскимъ предводителемъ, оказались преувеличенными. Прибывъ въ Жиздру по случаю донесенія объ общихъ безпорядкахъ и волненіяхъ, генералъ Кознаковъ не нашелъ въ уѣздѣ главныхъ властей: предводитель уѣхалъ въ Калугу для совѣщаній о назначеніи мировыхъ посредниковъ, исправникъ въ то же время нашелъ возможнымъ отлучиться въ свое имѣніе, находящееся въ мещовскомъ уѣздѣ, и одинъ только помѣщикъ подалъ жалобу на неисполнительность крестьянъ [2]).

„Въ имѣніи Киселевскаго порядокъ возстановленъ безъ затрудненій. Крестьяне безпрекословно приняли рѣшеніе мирового съѣзда и въ тотъ же день, по окончаніи разбирательства вышли всѣмъ міромъ на работу, дабы вознаградить помѣщика за пять прогульныхъ дней. Кромѣ того, оказалось, что мещовскій предводитель не сдѣлалъ первоначально въ этомъ имѣніи надлежащаго разбора, не опредѣлилъ съ точностью обязанностей крестьянъ къ помѣщику, который ужъ приступалъ къ соглашенію съ ними, и обвинилъ безусловно крестьянъ, между тѣмъ какъ мировой съѣздъ обнаружилъ тяжесть существовавшаго въ имѣніи Киселевскаго порядка и склонилъ помѣщика къ уступкамъ [3]).

„Въ медынскомъ уѣздѣ спокойствіе также было достигнуто преимущественно внушеніемъ и разъясненіемъ крестьянамъ ихъ обязанностей, а въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были слишкомъ отягощены, также склоненіемъ владѣльцевъ къ уступкамъ.

„Такимъ образомъ, миролюбивое и незатруднительное окончаніе всѣхъ этихъ дѣлъ доказало несправедливость и неосновательность тѣхъ, которые требовали для ихъ разрѣшенія мѣръ

---

[1]) Письма г. Кознакова 6, 7 и 8 мая.

[2]) Донесеніе управляющему министерствомъ вн. дѣлъ 14 и 17 мая 1861 г.

[3]) Донесеніе управляющему министерствомъ вн. дѣлъ 10 мая 1861 года.

чайной строгости. Событія вполнѣ оправдали систему ительнаго разбирательства. Всѣ сдѣланныя въ этихъ слураспоряженія были строго законны; разбирательство сооcь безпристрастно и не возбудило дальнѣйшихъ жалобъ; овыхъ законоположеній не поколебалась, и мѣстная гуя власть не имѣетъ на своей совѣсти ни жестокихъ ій, ни пролитія крови даромъ [1]).

ротивники реформы не могли считать себя удовлетвои такимъ исходомъ дѣла. Изобличенные въ вымышлені и безсильные въ борьбѣ открытой и на поприщѣ заги, они должны были прибѣгнуть къ средствамъ другого

сть полное основаніе предполагать и по общимъ слуи по нѣкоторымъ фактамъ, что средство, къ которому ратились, заключалось въ доносахъ, и даже въ клеветѣ. йныя заявленія, не вызвавшія гласной и формальной ки, могли имѣть невольное вліяніе на степень довѣрія о управленія къ мѣстной власти [2]). Въ подтвержденіе ослѣдняго предположенія я не могу не отнести, между ъ, слѣдующихъ обстоятельствъ.

„Въ постановленіи Главнаго Комитета объ устройствѣ го состоянія было выражено сомнѣніе въ осторожности истрастіи моихъ дѣйствій по дѣлу Мальцова [3]).

„Генералу Бутеневу дано было порученіе отправиться на Мальцова, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать провѣрку производина мѣстѣ слѣдствію.

„Шефъ корпуса жандармовъ, по Высочайшему повелѣзвалъ меня на 31 мая въ Москву для свиданія съ управмъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (Валуевымъ).

бытность мою въ Москвѣ я имѣлъ личныя объясне-

нечно, благодаря лишь мудрости и твердости Виктора Антоновича.

рочемъ, былъ сдѣланъ губернскому присутствію одинъ открытый прою калужскими дворянами. Онъ разсматривался подробно въ Губернисутствіи и оставленъ безъ послѣдствій, какъ содержавшій въ себѣ е усиленія крѣпостного вліянія для успѣшнаго начала крестьянской Этотъ протестъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что, заключая въ себѣ ія противъ урочнаго положенія, онъ былъ подписанъ, между промя лицами, принимавшими участіе, въ качествѣ экспертовъ, въ соэтого положенія (Протестъ 19 дворянъ и журналъ Губернскаго При-

едложеніе управляющаго министерствомъ внутр. дѣлъ 14 мая 1861 г.

пія съ управляющимъ министерствомъ и, кромѣ того, представилъ ему письменную защиту моихъ дѣйствій по дѣлу Мальцова.

„Въ этомъ письмѣ я объяснилъ его превосходительству, что совокупное разсмотрѣніе всѣхъ, безъ исключенія, бумагъ и документовъ, относящихся къ этому дѣлу, должно послужить къ представленію всѣхъ обстоятельствъ онаго въ настоящемъ видѣ, и отвергая оскорбительное для меня предположеніе, чтобы я могъ въ принятіи какой-либо правительственной мѣры руководствоваться чувствомъ личной вражды, доказывалъ, что всѣ распоряженія по дѣлу Мальцова были основаны на законахъ и мѣстныхъ соображеніяхъ, и притомъ, что эти распоряженія были сдѣланы не исключительно мною, но по единогласному заключенію губернскаго присутствія [1]).

„Послѣ свиданія съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ я имѣлъ счастіе представляться Государю Императору и, получивъ отъ Его Величества одобреніе и наставленіе, возвратился въ Калугу съ твердою рѣшимостью не отступать ни на шагъ отъ принятой мною системы управленія [2]).

„Немедленно по прибытіи моемъ въ Калугу я получилъ отъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Высочайше утвержденное положеніе Главнаго Комитета, которое состоялось вслѣдствіе разсмотрѣнія дѣла по жалобамъ калужскаго дворянства на распоряженія губернскаго начальства, и которымъ постановлено: 1) „объяснить начальнику калужской губерніи и губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что при введеніи въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ надлежитъ, для охраненія въ губерніи общественнаго порядка и точнаго исполненія законовъ, дѣйствовать съ особою осмотрительностью; 2) указать отъ имени Его Императорскаго Величества какъ губернскому начальству, такъ и предводителямъ дворянства, что польза общаго дѣла требуетъ отъ нихъ, чтобы они дѣйствовали въ духѣ новаго законоположенія и поддержанія взаимнаго между собою согласія, и 3) ходатайство калужскихъ дворянъ о расширеніи власти помѣщиковъ, какъ несогласное съ закономъ, а равно о составленіи односторонней выписки изъ Положеній объ однѣхъ только обязанностяхъ крестьянъ, оставить безъ послѣдствій“.

„Изъ этого положенія Главнаго Комитета я узналъ, что калужское дворянство приносило жалобы на распоряженія мѣст-

---

[1]) Письмо къ министру 31 мая 1861 г.

[2]) Постановленіе губернскаго присутствія 6 іюня 1861 г., съ возраженіемъ губернскаго предводителя.

ной власти, но въ чемъ состояли эти жалобы, мнѣ неизвѣстно, и никакихъ объясненій по этому предмету отъ меня не требовалось.

„Вышеозначенная Высочайшая воля о поддержаніи взаимнаго согласія была принята мною къ точному исполненію и не была нарушена ничѣмъ.

„Не беру на себя произнести сужденіе объ образѣ дѣйствій въ этомъ отношеніи губернскаго предводителя дворянства. Это обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ подлежать разбору сенаторской ревизіи.

„Вслѣдъ за вышеозначеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе получило [1]) монаршее Его Величества благоволеніе „за особенно полезную дѣятельность при обсужденіи вопросовъ, относящихся до введенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“.

„Затѣмъ, имѣютъ право на вниманіе слѣдующія обстоятельства: 7 іюня я получилъ отъ комиссіи, учрежденной по дѣлу о безпорядкахъ па заводахъ Мальцова, увѣдомленіе, подписанное предсѣдателемъ этой комиссіи, генералъ-лейтенантомъ Бутеневымъ и всѣми членами оной, что „во время производства слѣдствія не было представлено противъ 8 человѣкъ, закованныхъ Мальцовымъ, никакихъ юридическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ они могли бы подлежать какимъ-либо мѣрамъ, указаннымъ въ ст. 133, XI т., ч. 2, а со стороны мѣстнаго заводскаго управленія не только не поступало въ комиссію никакой жалобы па дурное поведеніе этихъ людей, но даже не было никакого оффиціальнаго заявленія, чтобы личное присутствіе ихъ среди горнозаводскаго населенія подавало поводъ къ какимъ-либо безпорядкамъ или волненіямъ въ имѣніи г. Мальцова.

„Черезъ два дня послѣ этого увѣдомленія я получилъ другое, что по распоряженію генералъ-лейтенанта Бутенева вышеозначенные мастеровые удалены не только съ мѣста жительства, но даже изъ калужской губерніи, и отправлены въ г. Брянскъ, подъ надзоръ полиціи и для содержанія на особой квартирѣ на счетъ г. Мальцова. Эта мѣра принята генераломъ Бутеневымъ вслѣдствіе предварительно испрошеннаго имъ черезъ шефа корпуса жандармовъ Высочайшаго повелѣнія, которымъ разрѣшалось удаленіе изъ заводовъ Мальцова восьми мастеровыхъ, *если это необходимо*.

---

[1]) Въ числѣ 16-ти губернскихъ присутствій.

„По этому случаю я писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что, не считая себя въ правѣ обсуживать дѣйствія генералъ-лейтенанта Бутенева, я, однако, не могу не заявить, что такое распоряженіе парализуетъ начинанія губернскаго присутствія относительно введенія новаго Положенія въ находящихся въ губерніи горныхъ заводахъ, потому что можетъ возбудить въ заводскомъ населеніи мысль о поддержаніи горнымъ начальствомъ безусловно всякихъ, даже произвольныхъ дѣйствій заводовладѣльца [1]).

„Между тѣмъ, успокоившіяся въ губерніи волненія и отсутствіе жалобъ со стороны землевладѣльцевъ дали возможность генералу Кознакову, по смыслу Высочайшаго повелѣнія, оставить Калугу для принятія новаго, полученнаго имъ назначенія.

„Передъ его отъѣздомъ губернское присутствіе обратилось къ нему съ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сочло пріятнымъ для себя долгомъ „засвидѣтельствовать ему чувства глубокаго уваженія за направленіе, исполненное спокойной твердости, человѣчности и законности, которое неизмѣнно имъ руководило".

„По этимъ же причинамъ калужское губернское присутствіе могло обратиться съ успокоительными свѣдѣніями къ начальнику тульской губерніи, который сообщилъ опасенія и протестъ дворянъ алексинскаго уѣзда противъ распоряженій калужскаго присутствія относительно способа примѣненія полиціями новыхъ законоположеній о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ. При этомъ присутствіе увѣдомляло его, что предположеніе алексинскаго дворянства о томъ, что означенное распоряженіе послужитъ къ „укорененію въ умахъ крестьянъ всякихъ безпорядковъ", на дѣлѣ не оправдалось въ калужской губерніи. Оно подкрѣпляло справедливость своего заявленія отзывомъ предводителя дворянства тарусскаго уѣзда, смежнаго съ уѣздомъ алексинскимъ, что крестьяне вообще находятся въ спокойномъ состояніи. Я, съ своей стороны, увѣдомилъ начальника орловской губерніи, въ отвѣтъ на сообщенное имъ мнѣ заявленіе брянскаго предводителя дворянства, относившаго безпорядки сего уѣзда къ сосѣдству онаго съ уѣздомъ жиздринскимъ, что это заявленіе оказалось неосновательнымъ, такъ какъ въ семъ послѣднемъ уѣздѣ

---

[1]) 1) Увѣдомленіе слѣдственной комиссіи 30 мая 1861 г., № 33; 2) представленіе управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 10 іюня 1861 г., № 3357.

іезпорядковъ не было, и при этомъ я ссылался на отзывы по ;ему предмету исправника и мирового посредника [1]).

„Въ это же время окончательно завершалась организація юлостей и мировыхъ посредниковъ. Губернское присутствіе заіотилось о скорѣйшемъ установленіи этихъ новыхъ учрежденій і выразило предпочтеніе къ устройству крупныхъ волостей, какъ ребующему меньшихъ расходовъ.

„При усердномъ содѣйствіи мировыхъ посредниковъ, волостыя и сельскія управленія открывались быстро одно за другимъ, і самыя позднія изъ нихъ открыты за четыре мѣсяца до назначенныхъ въ распорядительномъ указѣ (пункты 8 и 14) сроювъ Начиная съ апрѣля, мировые посредники назначались юстепенно и къ концу іюня были уже почти всѣ на мѣстахъ. Считаю необходимымъ здѣсь замѣтить, что при избраніи мною иицъ въ мировые посредники я не отступалъ отъ правилъ, выраженныхъ въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 22 марта сего года. Имѣя постоянно въ виду, что въ мировые посредники должны избираться лица, „извѣстныя несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованіямъ и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами“, я словесно и письменно вызывалъ лучшихъ людей на эту дѣятельность, но, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ отъ нея отказались. Я поступалъ такимъ образомъ и по сочувствію къ направленію циркуляра, и по отвѣтственной обязанности, имъ возлагаемой на меня, какъ начальника губерніи. Впрочемъ, мировые посредники назначались мною не прежде, какъ по личномъ совѣщаніи съ предводителями дворянства и по выслушаніи ихъ объясненій; многіе были выбраны мною по ихъ указанію. Уклоненія отъ избранія мировыхъ посредниковъ по взаимному соглашенію съ предводителями допускались мною въ тѣхъ случаяхъ, когда утвержденіе предлагаемыхъ ими кандидатовъ было, по моимъ соображеніямъ, неудобно для пользы дѣла или просто невозможно. Въ числѣ подобныхъ кандидатовъ мнѣ были рекомендованы предводителями и дворянами такія лица, которыхъ не слѣдовало бы допускать къ занятію должностей и не столь высокихъ, какъ должность мирового посредника. Такъ, напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ производилась переписка по обвиненію въ томъ, что онъ, въ видѣ наказанія, запрягъ въ борону бабу и боронилъ такимъ образомъ свое поле; въ такомъ поступкѣ отчасти сознался и самъ обвиняемый. На

[1]) Отношеніе калужскаго губернатора къ орловскому 10 іюля 1861 г., № 3340.

другого взведено обвиненіе въ подлогѣ по прежней его служ посредникомъ полюбовнаго размежеванія, и дѣло объ этомъ пр изводится въ уѣздномъ судѣ; третій, бывшій исправникъ, засл жилъ неодобрительную репутацію; четвертый, также бывш исправникъ, вышелъ въ отставку, по моему предложенію, за сам управство и жестокое обращеніе съ крестьянами [1]).

„Неутвержденіе мною мировыми посредниками лицъ, н достойныхъ этого званія, вызвало со стороны крѣпостной па тіи новое противъ меня неудовольствіе.

„Когда въ губерніи установилось вполнѣ новое управле по крестьянскому дѣлу, я нашелъ полезнымъ объѣхать в уѣзды для того, чтобы ближе ознакомиться съ ходомъ это дѣла и сдѣлать на мѣстахъ провѣрку всѣмъ возникшимъ оному вопросамъ. О результатахъ этого обзора я доводилъ свѣдѣнія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представленіи, при семъ прилагаемомъ. Считаю необходимы покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить на это отчетъ особое вниманіе. Въ немъ заключаются факты, собра ные по всей губерніи и имѣющіе по настоящему времени ва ное значеніе, и, кромѣ того, я изложилъ въ немъ мои выво о состояніи сельскаго въ губерніи хозяйства, объ отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ къ новымъ властямъ и учреж ніямъ и наконецъ мое воззрѣніе на права, обязанности и кру дѣйствій губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія мировыхъ посредниковъ.

„Впрочемъ, и занятія губернскаго присутствія и дѣйст мировыхъ посредниковъ продолжали встрѣчать обычное проти дѣйствіе и нареканія. Многими было замѣчено, что послѣ п ѣздки своей въ Петербургъ губернскій предводитель дворянст сдѣлался еще менѣе воздержанъ и еще болѣе несправедли въ своихъ нападкахъ на губернское присутствіе. Поручен данное чиновнику министерства внутр. дѣлъ Левшину, объѣзжа шему помѣщиковъ калужской губерніи, съ цѣлью собирать св дѣнія о яровыхъ посѣвахъ, послужило къ усиленію той глух агитаціи, которая была уже возбуждена крѣпостною партіей.

„Наконецъ, эта партія, для приданія себѣ большей сил избрала новую тактику противодѣйствій.

„Она обратилась къ подрыву, къ разрушенію новыхъ учре деній посредствомъ нападеній на лица. Независимость мировы посредниковъ, обезпеченная имъ закономъ и составляющая с

[1]) Переписка о назначеніи мировыхъ посредниковъ.

щественную и важнѣйшую принадлежность этого званія, особенно не нравится нѣкоторымъ предводителямъ дворянства. Такъ, напримѣръ, посягательства на эту независимость сдѣланы были, между прочимъ, на посредниковъ Арсеньева, Щепкина и Племянникова. На двухъ послѣднихъ, въ особенности же на г. Щепкина, были взведены тяжелыя обвиненія, касавшіяся не только образа ихъ дѣйствій, но и убѣжденій. Эти обвиненія, ничѣмъ не доказанныя, были предъявлены присутствію губернскимъ предводителемъ въ видѣ частныхъ, полученныхъ имъ писемъ, облеченныхъ въ форму самую неприличную и оскорбительную [1]).

„Такой поступокъ губернскаго предводителя послужилъ, между прочимъ, поводомъ къ тому, что мировые посредники всѣхъ уѣздовъ, собиравшіеся недавно въ Калугѣ для взаимныхъ между собой совѣщаній, обратились ко мнѣ съ письменною просьбою о печатаніи въ губернскихъ вѣдомостяхъ всѣхъ заявленій, до мировыхъ посредниковъ относящихся, которыя будутъ вносимы въ губернское присутствіе, съ цѣлью подвергнуть обсужденію и провѣркѣ образъ ихъ дѣйствій; при этомъ они объяснили, что находятъ эту мѣру необходимою для предупрежденія превратныхъ толкованій, подрывающихъ довѣріе къ мировымъ учрежденіямъ [2]).

„Независимо отъ этихъ случаевъ, касающихся отдѣльныхъ лицъ, были со стороны предводителей и другого рода проявленія, направленныя противъ правъ, присвоенныхъ самому учрежденію. Такъ, напримѣръ, двое изъ уѣздныхъ предводителей заявили нежеланіе подчиниться постановленіямъ мирового съѣзда, состоявшимся по большинству голосовъ, и протестовали противъ этихъ постановленій, а калужскій уѣздный предводитель оффиціально высказалъ свое нерасположеніе къ праву постороннихъ лицъ присутствовать въ засѣданіяхъ мирового съѣзда, поступая, такимъ образомъ, вопреки правилъ, изложенныхъ въ законахъ о мировыхъ учрежденіяхъ.

„Нападеніямъ подобнаго рода подверглось само губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, причемъ употреблены были пріемы, имѣвшіе цѣлью разстроить его составъ.

„По неизвѣстнымъ причинамъ калужскій прокуроръ Труз-

---

[1]) 1) Дѣла Р., О., Б., 2) постановленіе губернскаго присутствія по этому предмету, 3) отзывъ губ. предводителя о дѣйствіяхъ мир. поср. Арсеньева и 4) состоявшееся, вслѣдствіе онаго, постановленіе губ. присутствія.

[2]) Заявленіе начальнику губерніи отъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ.

ботъ; новыхъ сельскихъ и мировыхъ властей на мѣстахъ еще не было и, по краткости времени, не могло быть. Все это произвело, въ особенности въ лицахъ, нерасположенныхъ къ реформѣ, такое нравственно болѣзненное и пугливое настроеніе, что смущеніе умовъ распространилось, за весьма малымъ исключеніемъ, на все дворянское сословіе калужской губерніи.

„Съ другой стороны, крестьяне, не видя еще надъ собой новыхъ властей и продолжая питать къ бывшимъ своимъ владѣльцамъ прежнее недовѣріе, начинали недоумѣвать насчетъ своего положенія, и во многихъ мѣстахъ стало проявляться намѣреніе не исполнять повинностей.

„Въ это же время открытый врагъ крестьянской реформы генералъ-маіоръ Мальцовъ, опираясь на свои связи и на силу своего вліянія, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ, тревожитъ верховное управленіе, петербургское и московское общества жалобами и дерзкими клеветами на калужскую губернскую власть, а здѣсь во главѣ движенія неудовольствій и тревогъ становятся нѣкоторые предводители и вносятъ въ губернское присутствіе оффиціальныя заявленія о безвыходности положенія калужскаго дворянства. Стращая приближеніемъ повсемѣстнаго въ губерніи возмущенія крестьянъ, они требуютъ немедленнаго принятія губернской властью простыхъ и энергическихъ, по ихъ выраженію, мѣръ къ подавленію вспыхивающихъ бунтовъ. Независимо отъ этого, губернскій и многіе уѣздные предводители лично обращаются къ губернской власти съ требованіемъ, чтобы имъ самимъ предоставлено было право самостоятельнаго дѣйствія военною силою.

„Въ эту критическую и отвѣтственную минуту предстояло рѣшиться: или уступить настойчивымъ и угрожающимъ заявленіямъ предводителей, или неуклонно продолжать систему спокойнаго и твердаго осуществленія новаго закона путемъ разбирательства и разъясненій. Другими словами, вопросъ былъ поставленъ такъ, что разрѣшеніе его въ первомъ смыслѣ влекло за собою ободреніе крѣпостного обратнаго движенія, а во второмъ обязывало противодѣйствовать этому обращенію вспять, къ прежнему безотчетному произволу.

„Относительно притязанія предводителей на право употреблять по своему усмотрѣнію военную силу было объявлено имъ циркулярно, что законами это право имъ не предоставляется, ни какъ предводителямъ, ни какъ мировымъ посредникамъ, и потому предложено всегда обращаться съ требованіемъ воен-

вслѣдствіе чего собраніе постановило: „поступокъ кн. Оболенскаго, оскорбившаго губернскаго предводителя и въ лицѣ его все дворянство калужской губерніи, представить на обсужденіе дворянства на первомъ имѣющемъ быть губернскомъ собраніи".

„Находя, что назначенный съ Высочайшаго соизволенія членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ дѣйствіяхъ, совершенныхъ имъ въ самомъ присутствіи, при исправленіи своей должности, не подсуденъ собранію предводителей и депутатовъ дворянства, и признавая въ поступкѣ губернскаго предводителя превышеніе власти и нарушеніе законовъ и порядка, я представилъ это дѣло на обсужденіе высшаго управленія [1]).

„Затѣмъ, мнѣ остается еще упомянуть о томъ, что губернскій предводитель дворянства уже давно не посѣщаетъ засѣданій присутствія, несмотря ни на мои неоднократныя приглашенія, ни на указанія управляющаго министерствомъ вн. дѣлъ [2]).

„Въ обзорѣ, представляемомъ вашему превосходительству, не могутъ не обратить на себя вниманія тѣ безпрерывныя препятствія и затрудненія, съ которыми слѣдовало бороться постоянно и упорно при всякомъ начинаніи, при всякомъ трудѣ, имѣвшемъ цѣлью дать крестьянскому дѣлу дѣйствительное значеніе и правильный законный ходъ. Всѣ эти затрудненія и препятствія были, однако, преодолѣны; при этомъ до самаго послѣдняго времени я ни разу не обращался къ высшему правительству ни съ жалобами, ни съ испрошеніемъ какой-либо помощи или особыхъ мѣръ. Калужская губернская власть была сильна, во-первыхъ, силою закона, въ которомъ она видѣла свою цѣль, свою опору и огражденіе, и во-вторыхъ, сочувствіемъ и помощью честныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, ее окружающихъ. Она и теперь сохранила все свое достоинство, но я сознаю и чувствую, что сила ея поколеблена назначеніемъ ревизіи, которая, по причинѣ всѣхъ особенностей настоящаго времени, къ сожалѣнію, не находитъ себѣ въ губерніи другого объясненія, кромѣ недовѣрія правительства къ моему образу дѣйствій. И общество, и губернская власть поставлены теперь въ положеніе выжидательное. Такое положеніе, я надѣюсь, не замедлитъ разрѣшиться съ пріѣздомъ вашего превосходительства".

---

[1]) 1) Представленіе управляющему министерствомъ вн. дѣлъ 15 октября 1861 г., № 6075; 2) донесеніе Прав. Сенату 16 октября, г., № 7150; 3) представленіе управляющему министерствомъ вн. дѣлъ 16 октября 1861 г., № 7149.

[2]) Переписка объ уклоненіи губернскаго предводителя отъ посѣщенія присутствія.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета Виктора Антоновича за 1861 г. по май 1862 г. мы беремъ тѣ лишь мѣста, которыя или дополняютъ и развиваютъ положенія записки сенатору, или сообщаютъ новыя, не вошедшія въ нее свѣдѣнія.

Такъ, говоря о порядкѣ объявленія манифеста въ калужской губерніи, Викторъ Антоновичъ говоритъ въ отчетѣ, что „этотъ порядокъ, съ одной стороны, положилъ начало довѣрію народа къ правительству, а съ другой — возбудилъ глухое неудовольствіе многихъ помѣщиковъ, которые, лишаясь съ обнародованіемъ Положеній прежнихъ правъ и выгодъ безконтрольнаго ихъ управленія крестьянами, желали оставить сихъ послѣднихъ, хотя временно, въ невѣдѣніи дарованныхъ имъ новыхъ правъ и льготъ“.

Говоря о затруднительномъ положеніи на первыхъ порахъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Викторъ Антоновичъ дополняетъ въ отчетѣ, что „положеніе присутствія еще болѣе затруднилось тѣмъ, что между его членами обнаружились два противоположныя направленія. Одни настаивали на томъ, чтобы въ дѣлѣ крестьянскомъ законъ примѣняемъ былъ во всей силѣ и безпристрастно, и чтобы онъ уясняемъ былъ крестьянамъ, дабы они не подозрѣвали, что отъ нихъ скрываютъ что-нибудь изъ дарованныхъ имъ льготъ. Другіе, отличавшіеся явною приверженностью къ крѣпостному порядку, видѣли во всякомъ заявленіи не жалобу или просьбу освобожденнаго человѣка, а дерзость, неуваженіе къ помѣщику и возмущеніе. Они требовали подавленія всякаго рода заявленія крестьянъ силою и прежними пріемами крѣпостного произвола, безъ предварительнаго разбирательства и повѣрки этихъ заявленій. Лица этого направленія неоднократно пытались противодѣйствовать стремленіямъ остальныхъ членовъ, даже клеветали, такъ какъ противъ очевидно законныхъ мѣръ явный протестъ представлялся невозможнымъ. Различіе убѣжденій повело, наконецъ, къ личнымъ неудовольствіямъ и послужило поводомъ къ возбужденію двухъ дѣлъ: одно изъ нихъ, между губернскимъ предводителемъ Щукинымъ и членомъ присутствія отъ правительства кн. Оболенскимъ, разсматривается, по жалобѣ послѣдняго, въ Правительствующемъ Сенатѣ, а по другому управляющій палатою государственныхъ имуществъ Юзефовичъ переведенъ въ смоленскую губернію. Несмотря на эти затрудненія, большинство присутствія неуклонно, настойчиво и съ успѣхомъ стремилось по пути законности“.

По поводу циркуляра объ исполненіи полиціею помѣщичьихъ требованій о наказаніи крестьянъ Викторъ Антоновичъ при-

бавляетъ въ отчетѣ, что циркуляръ этотъ „имѣлъ цѣлью разъяснить, какъ землевладѣльцамъ, такъ и властямъ, что, сообразно со смысломъ новыхъ законоположеній, отношенія между крестьянами и прежними ихъ помѣщиками измѣнились въ своемъ характерѣ, и что тѣ проявленія крестьянъ, которыя наказывались прежде, какъ неповиновеніе волѣ господина, должны быть въ настоящее время обсуждаемы и, въ случаѣ нужды, преслѣдуемы, какъ нарушеніе закономъ опредѣленныхъ обязанностей, основанныхъ не на личныхъ, а на земельныхъ отношеніяхъ".

О мировыхъ съѣздахъ Викторъ Антоновичъ пишетъ въ отчетѣ, что они „получили въ калужской губерніи большое значеніе по своему вліянію на развитіе юридическихъ пріемовъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Въ члены отъ правительства этихъ съѣздовъ избраны лица съ высшимъ образованіемъ, по преимуществу юристы, имѣющіе въ то же время на сторонѣ своей служебный опытъ. Разбирательства на съѣздахъ происходятъ публично, и это обстоятельство способствовало распространенію довѣрія къ нимъ. Впрочемъ, такой успѣхъ достигнутъ не безъ борьбы и не безъ большихъ затрудненій. Уѣздные предводители дворянства, занимая въ мировыхъ судахъ званіе предсѣдателей, пытались поставить новую мировую власть въ зависимость отъ себя и тѣмъ дать преобладаніе исключительному сословному направленію. Всѣ уѣздные предводители дворянства ходатайствовали о правѣ протеста противъ рѣшеній, состоявшихся по большинству голосовъ на мировыхъ съѣздахъ, въ которыхъ они предсѣдательствуютъ, и домогались права заступничества вообще въ мировыхъ учрежденіяхъ за отдѣльныхъ дворянъ. Такимъ образомъ, они брали на себя въ одно и то же время и по однимъ и тѣмъ же дѣламъ обязанности и судьи, и ходатая за лицъ своего сословія. Вопросъ объ этомъ разрѣшенъ Губернскимъ Присутствіемъ, и домогательство предводителей, какъ несогласное съ основными юридическими понятіями о справедливости, было отвергнуто, и при этомъ имъ указано было, между прочимъ, на § 25 грамоты на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства, въ которомъ сказано, что „несправедливо и съ общимъ порядкомъ не сходственно бы было, когда бы всякъ въ собственномъ своемъ дѣлѣ вздумалъ сдѣлаться судьею". Впослѣдствіи рѣшеніе присутствія подкрѣплено и мнѣніемъ министра вн. дѣлъ, который отказалъ губернскому предводителю въ его жалобѣ на это постановленіе. Такое рѣшеніе вопроса пріостановило на время новыя попытки предводителей къ утвержденію своего преобладанія надъ миро-

нія съ управляющимъ министерствомъ и, кромѣ того, представилъ ему письменную защиту моихъ дѣйствій по дѣлу Мальцова.

„Въ этомъ письмѣ я объяснилъ его превосходительству, что совокупное разсмотрѣніе всѣхъ, безъ исключенія, бумагъ и документовъ, относящихся къ этому дѣлу, должно послужить къ представленію всѣхъ обстоятельствъ онаго въ настоящемъ видѣ, и отвергая оскорбительное для меня предположеніе, чтобы я могъ въ принятіи какой-либо правительственной мѣры руководствоваться чувствомъ личной вражды, доказывалъ, что всѣ распоряженія по дѣлу Мальцова были основаны на законахъ и мѣстныхъ соображеніяхъ, и притомъ, что эти распоряженія были сдѣланы не исключительно мною, но по единогласному заключенію губернскаго присутствія [1]).

„Послѣ свиданія съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ я имѣлъ счастіе представляться Государю Императору и, получивъ отъ Его Величества одобреніе и наставленіе, возвратился въ Калугу съ твердою рѣшимостью не отступать ни на шагъ отъ принятой мною системы управленія [2]).

„Немедленно по прибытіи моемъ въ Калугу я получилъ отъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Высочайше утвержденное положеніе Главнаго Комитета, которое состоялось вслѣдствіе разсмотрѣнія дѣла по жалобамъ калужскаго дворянства на распоряженія губернскаго начальства, и которымъ постановлено: 1) „объяснить начальнику калужской губерніи и губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что при введеніи въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ надлежитъ, для охраненія въ губерніи общественнаго порядка и точнаго исполненія законовъ, дѣйствовать съ особою осмотрительностью; 2) указать отъ имени Его Императорскаго Величества какъ губернскому начальству, такъ и предводителямъ дворянства, что польза общаго дѣла требуетъ отъ нихъ, чтобы они дѣйствовали въ духѣ новаго законоположенія и поддержанія взаимнаго между собою согласія, и 3) ходатайство калужскихъ дворянъ о расширеніи власти помѣщиковъ, какъ несогласное съ закономъ, а равно о составленіи односторонней выписки изъ Положеній объ однѣхъ только обязанностяхъ крестьянъ, оставить безъ послѣдствій".

„Изъ этого положенія Главнаго Комитета я узналъ, что калужское дворянство приносило жалобы на распоряженія мѣст-

---

[1]) Письмо къ министру 31 мая 1861 г.

[2]) Постановленіе губернскаго присутствія 6 іюня 1861 г., съ возраженіемъ губернскаго предводителя.

бавляетъ въ отчетѣ, что циркуляръ этотъ „имѣлъ цѣлью разъяснить, какъ землевладѣльцамъ, такъ и властямъ, что, сообразно со смысломъ новыхъ законоположеній, отношенія между крестьянами и прежними ихъ помѣщиками измѣнились въ своемъ характерѣ, и что тѣ проявленія крестьянъ, которыя наказывались прежде, какъ неповиновеніе волѣ господина, должны быть въ настоящее время обсуждаемы и, въ случаѣ нужды, преслѣдуемы, какъ нарушеніе закономъ опредѣленныхъ обязанностей, основанныхъ не на личныхъ, а на земельныхъ отношеніяхъ".

О мировыхъ съѣздахъ Викторъ Антоновичъ пишетъ въ отчетѣ, что они „получили въ калужской губерніи большое значеніе по своему вліянію на развитіе юридическихъ пріемовъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Въ члены отъ правительства этихъ съѣздовъ избраны лица съ высшимъ образованіемъ, по преимуществу юристы, имѣющіе въ то же время на сторонѣ своей служебный опытъ. Разбирательства на съѣздахъ происходятъ публично, и это обстоятельство способствовало распространенію довѣрія къ нимъ. Впрочемъ, такой успѣхъ достигнутъ не безъ борьбы и не безъ большихъ затрудненій. Уѣздные предводители дворянства, занимая въ мировыхъ судахъ званіе предсѣдателей, пытались поставить новую мировую власть въ зависимость отъ себя и тѣмъ дать преобладаніе исключительному сословному направленію. Всѣ уѣздные предводители дворянства ходатайствовали о правѣ протеста противъ рѣшеній, состоявшихся по большинству голосовъ на мировыхъ съѣздахъ, въ которыхъ они предсѣдательствуютъ, и домогались права заступничества вообще въ мировыхъ учрежденіяхъ за отдѣльныхъ дворянъ. Такимъ образомъ, они брали на себя въ одно и то же время и по однимъ и тѣмъ же дѣламъ обязанности и судьи, и ходатая за лицъ своего сословія. Вопросъ объ этомъ разрѣшенъ Губернскимъ Присутствіемъ, и домогательство предводителей, какъ несогласное съ основными юридическими понятіями о справедливости, было отвергнуто, и при этомъ имъ указано было, между прочимъ, на § 25 грамоты на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства, въ которомъ сказано, что „несправедливо и съ общимъ порядкомъ не сходственно бы было, когда бы всякъ въ собственномъ своемъ дѣлѣ вздумалъ сдѣлаться судьею". Впослѣдствіи рѣшеніе присутствія подкрѣплено и мнѣніемъ министра вн. дѣлъ, который отказалъ губернскому предводителю въ его жалобѣ на это постановленіе. Такое рѣшеніе вопроса пріостановило на время новыя попытки предводителей къ утвержденію своего преобладанія надъ уѣ[illegible]

„По этому случаю я писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что, не считая себя въ правѣ обсуживать дѣйствія генералъ-лейтенанта Бутенева, я, однако, не могу не заявить, что такое распоряженіе парализуетъ начинанія губернскаго присутствія относительно введенія новаго Положенія въ находящихся въ губерніи горныхъ заводахъ, потому что можетъ возбудить въ заводскомъ населеніи мысль о поддержаніи горнымъ начальствомъ безусловно всякихъ, даже произвольныхъ дѣйствій заводовладѣльца [1]).

„Между тѣмъ, успокоившіяся въ губерніи волненія и отсутствіе жалобъ со стороны землевладѣльцевъ дали возможность генералу Кознакову, по смыслу Высочайшаго повелѣнія, оставить Калугу для принятія новаго, полученнаго имъ назначенія.

„Передъ его отъѣздомъ губернское присутствіе обратилось къ нему съ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сочло пріятнымъ для себя долгомъ „засвидѣтельствовать ему чувства глубокаго уваженія за направленіе, исполненное спокойной твердости, человѣчности и законности, которое неизмѣнно имъ руководило“.

„По этимъ же причинамъ калужское губернское присутствіе могло обратиться съ успокоительными свѣдѣніями къ начальнику тульской губерніи, который сообщилъ опасенія и протестъ дворянъ алексинскаго уѣзда противъ распоряженій калужскаго присутствія относительно способа примѣненія полиціями новыхъ законоположеній о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ. При этомъ присутствіе увѣдомляло его, что предположеніе алексинскаго дворянства о томъ, что означенное распоряженіе послужитъ къ „укорененію въ умахъ крестьянъ всякихъ безпорядковъ“, на дѣлѣ не оправдалось въ калужской губерніи. Оно подкрѣпляло справедливость своего заявленія отзывомъ предводителя дворянства тарусскаго уѣзда, смежнаго съ уѣздомъ алексинскимъ, что крестьяне вообще находятся въ спокойномъ состояніи. Я, съ своей стороны, увѣдомилъ начальника орловской губерніи, въ отвѣтъ на сообщенное имъ мнѣ заявленіе брянскаго предводителя дворянства, относившаго безпорядки сего уѣзда къ сосѣдству онаго съ уѣздомъ жиздринскимъ, что это заявленіе оказалось неосновательнымъ, такъ какъ въ семъ послѣднемъ уѣздѣ

---

[1]) 1) Увѣдомленіе слѣдственной комиссіи 30 мая 1861 г., № 33; 2) представленіе управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 10 іюня 1861 г., № 3357.

могли сочувствовать органамъ новаго порядка вещей. Съ другой стороны, даже и лучшіе изъ помѣщиковъ не могли сразу привыкнуть къ пріемамъ мирового суда, уравновѣшивающимъ оба сословія предъ мировою властью и такъ рѣзко отличающимся отъ прежнихъ формъ и обрядовъ. Поэтому мировая власть все еще будетъ возбуждать неудовольствіе. Но она пріобрѣтаетъ довѣріе другой части населенія, хотя и тутъ нерѣдко встрѣчаетъ затрудненія отъ неразвитости крестьянъ и отъ пассивнаго со стороны ихъ противодѣйствія, къ которому они привыкли при крѣпостномъ состояніи. Эти обстоятельства иногда замедляютъ скорое рѣшеніе дѣлъ и затягиваютъ исходъ возникающихъ споровъ и недоразумѣній. Несмотря на всѣ подобныя затрудненія, дѣло, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, идетъ успѣшно, и есть положительныя данныя къ засвидѣтельствованію, что мировая власть въ калужской губерніи имѣетъ большое преимущество предъ сословными дворянскими властями тамъ, гдѣ эту мировую власть составляютъ разумные и честные дѣятели. Болѣе слабыя дѣйствія въ этомъ отношеніи замѣчены въ жиздринскомъ уѣздѣ, въ которомъ, однако, всѣ мировые посредники избраны по ходатайству дворянства. Впрочемъ, губернское присутствіе вообще зорко слѣдитъ за дѣйствіями всѣхъ посредниковъ. Вполнѣ уважая характеръ независимости, приданный имъ Положеніемъ 19 февраля, и ограждая ихъ отъ несправедливыхъ нападокъ и нареканій, оно, однако, въ предѣлахъ своей власти подвергаетъ безъ послабленія разбирательству справедливыя на нихъ жалобы. О неправильныхъ дѣйствіяхъ одного мирового посредника представлено Правительствующему Сенату. Несмотря на многія неудовольствія на посредниковъ калужской губерніи, я, съ своей стороны, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, съ искреннею къ нимъ признательностью, что спокойствіе, насколько оно сохранилось въ губерніи, много зависѣло отъ ихъ разумной и добросовѣстной дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ особенно трудятся съ большимъ самоотверженіемъ, твердо перенося всякія нареканія и нападки, что можно объяснить только полнымъ ихъ сочувствіемъ дѣлу. Но положеніе ихъ вообще затруднительно и натянуто. Точное примѣненіе началъ, выраженныхъ въ законоположеніяхъ 19 февраля, не находитъ сочувствія въ большинствѣ мѣстнаго дворянства, а потому представляется необходимымъ, чтобы со стороны правительства постоянно поддерживалась безкорыстная и исполненная труда и лишеній дѣятельность хорошихъ мировыхъ посредниковъ. Въ противномъ случаѣ, въ особенности при часто распространяемыхъ слухахъ объ измѣненіи Положенія, весьма вѣ-

другого взведено обвиненіе въ подлогѣ по прежней его службѣ посредникомъ полюбовнаго размежеванія, и дѣло объ этомъ производится въ уѣздномъ судѣ; третій, бывшій исправникъ, заслужилъ неодобрительную репутацію; четвертый, также бывшій исправникъ, вышелъ въ отставку, по моему предложенію, за самоуправство и жестокое обращеніе съ крестьянами [1]).

„Неутвержденіе мною мировыми посредниками лицъ, недостойныхъ этого званія, вызвало со стороны крѣпостной партіи новое противъ меня неудовольствіе.

„Когда въ губерніи установилось вполнѣ новое управленіе по крестьянскому дѣлу, я нашелъ полезнымъ объѣхать всѣ уѣзды для того, чтобы ближе ознакомиться съ ходомъ этого дѣла и сдѣлать на мѣстахъ провѣрку всѣмъ возникшимъ по оному вопросамъ. О результатахъ этого обзора я доводилъ до свѣдѣнія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ представленіи, при семъ прилагаемомъ. Считаю необходимымъ покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить на этотъ отчетъ особое вниманіе. Въ немъ заключаются факты, собранные по всей губерніи и имѣющіе по настоящему времени важное значеніе, и, кромѣ того, я изложилъ въ немъ мои выводы о состояніи сельскаго въ губерніи хозяйства, объ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ къ новымъ властямъ и учрежденіямъ и наконецъ мое воззрѣніе на права, обязанности и кругъ дѣйствій губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и мировыхъ посредниковъ.

„Впрочемъ, и занятія губернскаго присутствія и дѣйствія мировыхъ посредниковъ продолжали встрѣчать обычное противодѣйствіе и нареканія. Многими было замѣчено, что послѣ поѣздки своей въ Петербургъ губернскій предводитель дворянства сдѣлался еще менѣе воздержанъ и еще болѣе несправедливъ въ своихъ нападкахъ на губернское присутствіе. Порученіе, данное чиновнику министерства внутр. дѣлъ Левшину, объѣзжавшему помѣщиковъ калужской губерніи, съ цѣлью собирать свѣдѣнія о яровыхъ посѣвахъ, послужило къ усиленію той глухой агитаціи, которая была уже возбуждена крѣпостною партіей.

„Наконецъ, эта партія, для приданія себѣ большей силы, избрала новую тактику противодѣйствій.

„Она обратилась къ подрыву, къ разрушенію новыхъ учрежденій посредствомъ нападеній на лица. Независимость мировыхъ посредниковъ, обезпеченная имъ закономъ и составляющая су-

---

[1]) Переписка о назначеніи мировыхъ посредниковъ.

сонъ получилъ *внезапное* назначеніе въ Рязань, а сюда переведенъ рязанскій прокуроръ Ральгинъ [1]).

„Когда г. Трузсонъ подалъ прошеніе о причисленіи его къ министерству, г. Ральгинъ былъ возвращенъ въ Рязань. Такимъ образомъ, для калужскаго общества стало очевидно, что всѣ эти перемѣщенія послѣдовали собственно для отстраненія г. Трузсона, въ которомъ присутствіе лишилось одного изъ самыхъ полезныхъ и ревностныхъ членовъ. Общественное мнѣніе приписываетъ его удаленіе ходатайству партіи, враждебной крестьянской реформѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ замѣненъ К., назначеніе котораго возбудило ропотъ и удивленіе во всѣхъ хорошихъ людяхъ [2]).

„Членъ присутствія по выбору дворянства Оттъ въ оффиціально поданной мнѣ бумагѣ просилъ объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности, отъ которой отказывается „по независящимъ отъ него обстоятельствамъ“, а лично объяснилъ мнѣ, что онъ поступаетъ такимъ образомъ по требованію предводителей и депутатовъ дворянства.

„Нападенія со стороны губернскаго предводителя на третьяго члена присутствія, князя Оболенскаго явно имѣютъ тотъ же характеръ и ту же цѣль, достиженіе которой затрудняется, впрочемъ, какъ личными свойствами князя Оболенскаго, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ засѣдаетъ въ губернскомъ присутствіи съ Высочайшаго соизволенія.

„Поводомъ къ такимъ нападеніямъ послужило мнѣніе кн. Оболенскаго, высказанное имъ въ видахъ огражденія достоинства присутствія, по случаю внесенія въ оное тѣхъ частныхъ писемъ, о которыхъ было упомянуто выше. Возраженіе кн. Оболенскаго было записано въ журналъ, но губернскій предводитель разослалъ по всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ циркуляры, въ которыхъ, приводя слова кн. Оболенскаго не точно и давая имъ превратное толкованіе, выставлялъ его оскорбителемъ всего дворянства и возбуждалъ такимъ образомъ противъ него цѣлое сословіе.

„Не ограничиваясь разсылкою этихъ циркуляровъ, губернскій предводитель жаловался собранію предводителей и депутатовъ дворянства на нанесенное ему кн. Оболенскимъ оскорбленіе,

---

[1]) Это было во время управленія графа Панина министерствомъ юстиціи, отношеніе же его къ крестьянской реформѣ извѣстно. Авт.

[2]) Это былъ юсъ стараго времени. На дворянскихъ выборахъ служебное поведеніе его охарактеризовано тѣмъ, что вмѣстѣ съ шарами ему положенъ былъ въ урну мѣдный грошъ. Авт.

ловъ. Такъ, нерѣдко случалось при устройствѣ
ельственныхъ органовъ полицейскихъ и судебныхъ,
ый по намѣренію для народа законъ оставался
я. Другіе дворяне, весьма немногочисленные, по-
ости времени и вполнѣ сочувствуя великой мысли
рестьянъ, содѣйствовали, по мѣрѣ умѣнья и силъ,
са и заявляли готовность принять участіе въ осу-
ой реформы. Въ калужской губерніи эти два на-
азались особенно рѣзко и, когда вышло новое за-
обозначились еще очевиднѣе. Мѣстная админи-
ѣется, была на сторонѣ людей второго изъ упо-
равленій и старалась привлечь ихъ къ дѣлу;
ъ дѣла устраненные, прибѣгли къ защитѣ пред-
нства, какъ власти, нѣкогда сильной крѣпостнымъ
этого направленія, желая сколь возможно долѣе
рукахъ своихъ прежній произволъ надъ крестья-
ли къ разнымъ средствамъ и уловкамъ, такъ,
ая губернскому присутствію свои соображенія
нoваго закона, они заявили, между прочимъ,
усиленіи крѣпостного вліянія для успѣшнаго
тной реформы. Въ то же время и съ подобнымъ
мъ они обращались и къ верховному управленію,
еніемъ Главнаго Комитета, Высочайше утвержден-
Императорскимъ Величествомъ, предписало объ-
1861 г.), что „ходатайство калужскихъ дворянъ
власти помѣщиковъ, какъ несогласное съ зако-
о составленіи односторонней выписки изъ Поло-
ѣхъ только обязанностяхъ крестьянъ, оставляется
ій". Нерѣдко также съ ихъ стороны заявлялись
довольствія на то, что мировыя и другія власти
нить крестьянамъ настоящій смыслъ новыхъ за-
ляющихъ ихъ льготы и права. Встрѣчая въ та-
омъ стремленіи постоянное противодѣйствіе со
нской власти, эти лица, при сильномъ участіи
предводителей дворянства, возбудили агитацію,
въ раздражительныхъ извѣтахъ и клеветѣ. Всѣ
ельныя обвиненія на губернскую администрацію
но въ запискѣ, представленной ревизующему гу-
ру губернскимъ предводителемъ Щукинымъ, ко-
алъ при ней вызванныя имъ самимъ такого же
сьма нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Во всѣхъ этихъ
но нравственно-болѣзненное настроеніе большей

Изъ всеподданнѣйшаго отчета Виктора Антоновича за 1861 г. по май 1862 г. мы беремъ тѣ лишь мѣста, которыя или дополняютъ и развиваютъ положенія записки сенатору, или сообщаютъ новыя, не вошедшія въ нее свѣдѣнія.

Такъ, говоря о порядкѣ объявленія манифеста въ калужской губерніи, Викторъ Антоновичъ говоритъ въ отчетѣ, что „этотъ порядокъ, съ одной стороны, положилъ начало довѣрію народа къ правительству, а съ другой — возбудилъ глухое неудовольствіе многихъ помѣщиковъ, которые, лишаясь съ обнародованіемъ Положеній прежнихъ правъ и выгодъ безконтрольнаго ихъ управленія крестьянами, желали оставить сихъ послѣднихъ, хотя временно, въ невѣдѣніи дарованныхъ имъ новыхъ правъ и льготъ“.

Говоря о затруднительномъ положеніи на первыхъ порахъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Викторъ Антоновичъ дополняетъ въ отчетѣ, что „положеніе присутствія еще болѣе затруднилось тѣмъ, что между его членами обнаружились два противоположныя направленія. Одни настаивали на томъ, чтобы въ дѣлѣ крестьянскомъ законъ примѣняемъ былъ во всей силѣ и безпристрастно, и чтобы онъ уясняемъ былъ крестьянамъ, дабы они не подозрѣвали, что отъ нихъ скрываютъ что-нибудь изъ дарованныхъ имъ льготъ. Другіе, отличавшіеся явною приверженностью къ крѣпостному порядку, видѣли во всякомъ заявленіи не жалобу или просьбу освобожденнаго человѣка, а дерзость, неуваженіе къ помѣщику и возмущеніе. Они требовали подавленія всякаго рода заявленія крестьянъ силою и прежними пріемами крѣпостного произвола, безъ предварительнаго разбирательства и повѣрки этихъ заявленій. Лица этого направленія неоднократно пытались противодѣйствовать стремленіямъ остальныхъ членовъ, даже клеветали, такъ какъ противъ очевидно законныхъ мѣръ явный протестъ представлялся невозможнымъ. Различіе убѣжденій повело, наконецъ, къ личнымъ неудовольствіямъ и послужило поводомъ къ возбужденію двухъ дѣлъ: одно изъ нихъ, между губернскимъ предводителемъ Щукинымъ и членомъ присутствія отъ правительства кн. Оболенскимъ, разсматривается, по жалобѣ послѣдняго, въ Правительствующемъ Сенатѣ, а по другому управляющій палатою государственныхъ имуществъ Юзефовичъ переведенъ въ смоленскую губернію... Несмотря на эти затрудненія, большинство присутствія неуклонно, настойчиво и съ успѣхомъ стремилось по пути законности“.

По поводу циркуляра объ исполненіи полиціею помѣщичьихъ требованій о наказаніи крестьянъ Викторъ Антоновичъ при-

іемъ разнородныя и весьма тяжелыя обвиненія, такъ и объ-
ясненіе всѣхъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ было неблаго-
пріятно и мѣстной администраціи, и всѣмъ лучшимъ въ калуж-
ской губерніи дѣятелямъ по крестьянскому дѣлу.

„Представленныя мною сенатору объясненія составляютъ
предметъ еще неоконченной ревизіи, и въ настоящее время я
только осмѣливаюсь вѣрноподданнически просить о милостивомъ
Вашего Императорскаго Величества вниманіи къ дѣлу, касаю-
щемуся моей служебной дѣятельности и чести“.

Въ заключеніе своего отчета Викторъ Антоновичъ говоритъ,
между прочимъ: „вполнѣ сознавая всю важность преобразованій,
предпринятыхъ волею Вашего Императорскаго Величества для
блага Россіи, а также значеніе того положенія моего, которое
доставило мнѣ счастіе приводить въ исполненіе эти преобразо-
ванія по ввѣренной мнѣ губерніи, я счелъ священнымъ долгомъ
по всемъ вышеизложенномъ представить истинное состояніе дѣлъ,
со всѣми затрудненіями и недостатками, съ нимъ сопряженными.
Затрудненія эти были неизбѣжны при тѣхъ обстоятельствахъ,
при которыхъ въ жизнь народную приходилось вводить новый,
свѣжій элементъ. Исполнительной власти оставалось одно изъ
двухъ: или дѣйствовать уклончиво и нерѣшительно, или же
твердо принять подъ свою защиту новое начало и стремиться
къ полному его осуществленію въ предѣлахъ, указанныхъ за-
кономъ. Въ первомъ случаѣ губернская власть естественно должна
была бы уступить старой, сложившейся при крѣпостномъ правѣ
привычкѣ обходить законъ, и тогда тѣ статьи Положеній, ко-
торыя предоставляютъ освобожденнымъ крестьянамъ облегченія и
права, въ дѣйствительности были бы лишены настоящей силы
и значенія. Во второмъ случаѣ власть и поддерживаемыя ею
новыя учрежденія должны были вступить въ борьбу съ тѣмъ
старымъ порядкомъ, за которымъ скрывается еще такъ много
сословныхъ элементовъ и крѣпостныхъ пріемовъ и обычаевъ.
Въ калужской губерніи администрація поставила себѣ задачею
примѣнять къ жизни новый законъ во всей его чистотѣ, безъ
лицепріятія и обмана. Въ своемъ стремленіи по настоящее время
она успѣла настолько, что достигла результатовъ, которыхъ въ
началѣ трудно было ожидать, и которые, несмотря на времен-
ныя замѣшательства, происходящія отъ личныхъ столкновеній и
отъ неизбѣжнаго вліянія сторонниковъ прежняго порядка, по-
даютъ надежду на осуществленіе въ губерніи основныхъ началъ
преобразовательнаго закона. Такимъ образомъ: 1) большая часть
крестьянъ, состоявшихъ на издѣльной и смѣшанной повинностяхъ,

выми учрежденіями; впрочемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ эти проникнутыя сословнымъ духомъ стремленія могутъ возобновиться съ новою силою, ибо предводители дворянства въ настоящее время облечены двойственнымъ характеромъ—представителей избравшаго ихъ сословія дворянъ и предсѣдателей на мировыхъ съѣздахъ, рѣшающихъ споры, возникающіе между обоими сословіями дворянъ и крестьянъ. Естественно, что предводители придаютъ болѣе важное значеніе своему первому характеру и, поставленные въ зависимость отъ своихъ избирателей, заботятся на мировыхъ съѣздахъ исключительно о дворянскихъ интересахъ, внося, такимъ образомъ, въ спокойную и безпристрастную сферу суда элементъ сословной односторонности и даже раздоровъ".

О мировыхъ посредникахъ, на которыхъ губернскій предводитель Щукинъ особенно сильно нападаетъ въ своемъ извѣтѣ, Викторъ Антоновичъ говоритъ въ отчетѣ, что и „вообще выборъ большей части посредниковъ оказался вполнѣ счастливымъ, и мировая власть въ калужской губерніи, по наблюденіямъ, которыя можно было вывести въ теченіе года, оказалась въ высшей степени полезною для крестьянскаго дѣла. Но какъ учрежденіе новое, совершенно отличное отъ прочихъ уѣздныхъ властей, требующее новыхъ пріемовъ и воззрѣній и подлежащее большой отвѣтственности передъ правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, оно не могло развиться вдругъ, тѣмъ болѣе, что составлено было изъ лицъ съ различною подготовкою и разныхъ понятій. Мировымъ посредникамъ надобно было сблизиться между собою, чтобы ознакомиться съ кругомъ своихъ дѣйствій и общими силами уяснить себѣ разные вопросы, возникающіе при примѣненіи новаго закона. Въ этомъ отношеніи сближеніе ихъ между собою въ Калугѣ и по уѣздамъ, когда они обмѣниваются мыслями и практическими выводами, имѣло послѣдствіемъ то, что большая часть изъ нихъ, по возможности, дѣйствуетъ однообразно и получила нравственныя силы къ преодолѣнію преградъ, неизбѣжныхъ въ новомъ дѣлѣ. За исключеніемъ немногихъ, мировые посредники трудятся честно, неутомимо, съ полною преданностью дѣлу и стремятся къ безпристрастному выполненію закона. Такой характеръ дѣятельности долженъ былъ вызвать противодѣйствіе со стороны приверженцевъ крѣпостного направленія, въ главѣ которыхъ, къ сожалѣнію, стали многіе предводители дворянства. Какъ власть созданная и отвердѣвшая при существованіи крѣпостного права и привыкшая поддерживать безправіе среди подвластнаго населенія, предводители не

лемъ разнородныя и весьма тяжелыя обвиненія, такъ и объясненіе всѣхъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ было неблагопріятно и мѣстной администраціи, и всѣмъ лучшимъ въ калужской губерніи дѣятелямъ по крестьянскому дѣлу.

„Представленныя мною сенатору объясненія составляютъ предметъ еще неоконченной ревизіи, и въ настоящее время я только осмѣливаюсь вѣрноподданнически просить о милостивомъ Вашего Императорскаго Величества вниманіи къ дѣлу, касающемуся моей служебной дѣятельности и чести".

Въ заключеніе своего отчета Викторъ Антоновичъ говоритъ, между прочимъ: „вполнѣ сознавая всю важность преобразованій, предпринятыхъ волею Вашего Императорскаго Величества для блага Россіи, а также значеніе того [illegible] мѣста, которое доставило мнѣ счастіе приводить въ исполненіе эти преобразованія по ввѣренной мнѣ губерніи, я [illegible] во всемъ вышеизложенномъ представить [illegible] со всѣми затрудненіями и недостатками, съ [illegible]. Затрудненія эти были неизбѣжны при тѣхъ [illegible], при которыхъ въ жизнь народную [illegible] свѣжій элементъ. Исполнительной власти оставалось одно изъ двухъ: или дѣйствовать уклончиво и [illegible], или же твердо принять подъ свою защиту новое начало и стремиться къ полному его осуществленію въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Въ первомъ случаѣ губернская власть естественно должна была бы уступить старой, сложившейся при крѣпостномъ правѣ привычкѣ обходить законъ, и тогда тѣ статьи Положеній, которыя предоставляютъ освобожденнымъ крестьянамъ облегченія и права, въ дѣйствительности были бы лишены настоящей силы и значенія. Во второмъ случаѣ власть и поддерживаемыя ею новыя учрежденія должны были вступить въ борьбу съ тѣмъ старымъ порядкомъ, за которымъ сохранилось еще такъ много сословныхъ элементовъ и крѣпостныхъ пріемовъ и обычаевъ. Въ калужской губерніи администрація поставила себѣ задачею примѣнять къ жизни новый законъ во всей его чистотѣ, безъ лицепріятія и обмана. Въ своемъ стремленіи по настоящее время она успѣла настолько, что достигла результатовъ, которыхъ въ началѣ трудно было ожидать, и которые, несмотря на временныя замѣшательства, происходящія отъ личныхъ столкновеній и отъ неизбѣжнаго вліянія сторонниковъ прежняго порядка, подаютъ надежду на осуществленіе въ губерніи основныхъ началъ преобразовательнаго закона. Такимъ образомъ: 1) большая часть крестьянъ, состоявшихъ на издѣльной и смѣшанной повинностяхъ

перешли и переходятъ на оброкъ, что можно почитать первымъ и главнымъ шагомъ къ устраненію множества затрудненій и столкновеній между помѣщиками; 2) въ наибольшей части мѣстностей крестьяне перестали надѣяться на безграничную свободу и на дѣлѣ нигдѣ не заявляли убѣжденія, чтобы земля слѣдовала имъ безъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщика, хотя прежде объ этомъ ходили между ними разнообразные слухи, толки и надежды; 3) крестьяне стали охотно заключать сдѣлки съ помѣщиками и участвовать въ подписаніи уставныхъ грамотъ, и 4) началось направленіе къ выкупу, и число выкупныхъ договоровъ, безъ сомнѣнія, увеличится, если помѣщики убѣдятся, что къ выкупной системѣ новыхъ перемѣнъ не послѣдуетъ, и что выдаваемыя имъ выкупныя свидѣтельства сохранятъ свою внутреннюю цѣнность.

„Итакъ, крестьянская реформа можетъ идти въ калужской губерніи на совершенно законныхъ основаніяхъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этому служитъ то, что въ настоящее время уже не слышно тѣхъ тревожныхъ заявленій и неудовольствій, которыя въ прошломъ году высказывались безпрерывно и предрекали въ губерніи повсемѣстные безпорядки и нищету. Но полное удовлетворительное окончаніе дѣла находится въ связи съ кореннымъ преобразованіемъ судовъ и полиціи, съ развитіемъ вліянія новой мировой власти, съ ограниченіемъ исключительно сословнаго вліянія предводителей дворянства на крестьянское дѣло и, весьма вѣроятно, съ дальнѣйшимъ развитіемъ и дополненіемъ законоположеній о крестьянахъ по указаніямъ опыта.

„Всѣ вышеприведенные результаты достигнуты въ калужской губерніи путемъ предварительнаго миролюбиваго разбирательства, безъ чрезвычайныхъ мѣръ строгости, единственно вѣрою въ силу закона и благодаря человѣколюбію и добросовѣстности большей части тѣхъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ, которые приняли на себя обязанности исполнителей по крестьянской реформѣ.

„Несмотря на безпрерывно возникавшія въ калужской губерніи обвиненія крестьянъ въ безначаліи и бунтахъ, мнѣ удалось изобличить неосновательную поспѣшность, а иногда и злонамѣренную клевету обвинителей, и я считаю себя счастливымъ, что успѣлъ оградить народъ отъ жестокихъ наказаній за временныя его недоразумѣнія и, насколько было моего умѣнья и силъ, возбудить въ немъ увѣренность, что предпринятое волею Вашего Императорскаго Величества преобразованіе клонится къ

посредственному облегченію его участи и къ упроченію его агосостоянія въ будущемъ".

А вотъ и пресловутый извѣтъ г. Щукина и возраженія ктора Антоновича противъ этого извѣта. Къ сожалѣнію, неиз-стно, когда то и другое представлено сенатору А. Х. Капгеру. Какъ извѣтъ, такъ и возраженія противъ него мы размѣ-емъ здѣсь такъ же, какъ расположены они у Виктора Анто-вича,—частями.

Извѣтъ начинается такъ: „просвѣщеніе каждаго государ-а зависитъ отъ стройнаго развитія производительныхъ силъ , чрезъ правильное направленіе народной дѣятельности къ ибольшему производству предметовъ продажи потребленія. Въ мъ отношеніи, преимущественно предъ всѣми другими сосло-ми, русскому помѣстному дворянству выпала доля снабжать перію сырыми продуктами предметовъ первой необходимости: ѣбомъ всякаго рода, скотомъ, лѣсомъ и т. п. Изъ этого е достаточно открывается государственная важность помѣ-чьихъ хозяйствъ, въ смыслѣ источниковъ народнаго богат-а; посему стремленія высшаго правительства были постоянно правлены къ поддержанію ихъ въ критическое время отмѣне-крѣпостного права, и самъ Государь Императоръ повелѣлъ ботиться о сохраненіи хозяйственнаго порядка помѣщичьихъ ѣній. Къ прискорбію, мудрая цѣль эта въ калужской губерніи достигнута.

„Съ самаго начала весны обработка полей подъ посѣвъ овыхъ производилась далеко неудовлетворительно: въ большей сти имѣній упущено благопріятное для посѣва время, а во огихъ значительныя пространства остались даже вовсе не за-янными; изъ собранныхъ свѣдѣній, далеко еще неполныхъ, азывается уже до 100 тыс. десятинъ, оставшихся безъ обра-тки, доходъ съ которыхъ, при скудномъ урожаѣ овса, пред-авлялъ бы 60 тыс. четвертей, на сумму болѣе 200 тыс. руб. тѣмъ еще бо́льшіе безпорядки произошли при вывозкѣ удо-енія, представляющаго краеугольный камень сельскаго хозяй-ва въ калужской губерніи; то, что дѣлалось прежде въ двѣ дѣли, не окончено и въ мѣсяцъ, а у многихъ помѣщиковъ возъ и теперь еще не вывоженъ, перегораетъ безъ пользы, и мъ почва лишается утучняющей ее силы.

„Вмѣстѣ съ вывозкою удобренія замедлилось также и под-тіе пара, а между тѣмъ наступила горячая пора сѣнокоса. естьяне, не будучи энергически понуждаемы выходить свое-

части калужскихъ дворянъ и, въ особенности, предводителей, которые, будучи представителями дворянства, почитаютъ себя обязанными быть представителями и его неудовольствій. Все это, къ сожалѣнію, дѣйствительные факты, на которые хотя и слѣдуетъ смотрѣть снисходительно, принимая во вниманіе настоящее положеніе дворянства, тѣмъ не менѣе они вызываютъ большія и постоянныя затрудненія при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Говоря о положеніи губернской власти въ Калугѣ, Викторъ Антоновичъ пишетъ, что „обязанность губернской власти въ настоящее время весьма тяжела и отвѣтственна. Кругъ ея дѣятельности и нравственнаго на общество вліянія по необходимости расширяется и переступаетъ за прежніе обычные предѣлы. Облеченная правомъ и обязанностью примѣнять новые законы къ общественной жизни, еще посящей на себѣ слѣды прежнихъ нравовъ и порядка, губернская власть, по необходимости, одною силою сложившихся въ настоящее время обстоятельствъ и безъ всякаго съ своей стороны притязанія на нравственную опеку надъ обществомъ, дѣлается въ губерніи однимъ изъ главныхъ проводниковъ тѣхъ новыхъ гражданскихъ отношеній и понятій, которыя возникаютъ сами собою изъ манифеста и Положеній 19 февраля, и которыя сознаются и принимаются съ полнымъ сочувствіемъ только въ небольшомъ кругѣ лучшихъ, развитыхъ людей. Одна забота объ исполненіи закона и охраненіи его отъ безпрерывныхъ нарушеній уже вноситъ въ значеніе губернской власти новый преобразовательный элементъ, котораго она прежде не имѣла. Почти каждодневными своими дѣйствіями она поставлена въ необходимость, съ одной стороны, останавливать и умѣрять стремленіе прежняго крѣпостного произвола, а съ другой—пріучать цѣлыя, еще недавно безправныя массы къ правильному пользованію вновь дарованными гражданскими правами и къ сознательному подчиненію требованіямъ закона. Въ такомъ необыкновенномъ положеніи губернская власть должна быть нравственно сильна, а потому и нуждается въ огражденіи отъ несправедливыхъ нареканій, происковъ и клеветъ со стороны недовольныхъ совершающеюся реформою. Между тѣмъ, вѣрноподданническій долгъ не дозволяетъ мнѣ скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что калужская губернская власть находилась неоднократно въ самомъ невыгодномъ положеніи для успѣшнаго исполненія лежащихъ на ней обязанностей. Въ двухъ представленіяхъ, поданныхъ мною сенатору, ревизующему калужскую губернію, изложены во всей подробности какъ опроверженія на взведенныя на меня губернскимъ предводите-

лемъ разнородныя и весьма тяжелыя обвиненія, такъ и объясненіе всѣхъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ было неблагопріятно и мѣстной администраціи, и всѣмъ лучшимъ въ калужской губерніи дѣятелямъ по крестьянскому дѣлу.

„Представленныя мною сенатору объясненія составляютъ предметъ еще неоконченной ревизіи, и въ настоящее время я только осмѣливаюсь вѣрноподданнически просить о милостивомъ Вашего Императорскаго Величества вниманіи къ дѣлу, касающемуся моей служебной дѣятельности и чести".

Въ заключеніе своего отчета Викторъ Антоновичъ говоритъ, между прочимъ: „вполнѣ сознавая всю важность преобразованій, предпринятыхъ волею Вашего Императорскаго Величества для блага Россіи, а также значеніе того положенія моего, которое доставило мнѣ счастіе приводить въ исполненіе эти преобразованія по ввѣренной мнѣ губерніи, я счелъ священнымъ долгомъ во всемъ вышеизложенномъ представить истинное состояніе дѣлъ, со всѣми затрудненіями и недостатками, съ нимъ сопряженными. Затрудненія эти были неизбѣжны при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ въ жизнь народную приходилось вводить новый, свѣжій элементъ. Исполнительной власти оставалось одно изъ двухъ: или дѣйствовать уклончиво и нерѣшительно, или же твердо принять подъ свою защиту новое начало и стремиться къ полному его осуществленію въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Въ первомъ случаѣ губернская власть естественно должна была бы уступить старой, сложившейся при крѣпостномъ правѣ привычкѣ обходить законъ, и тогда тѣ статьи Положеній, которыя предоставляютъ освобожденнымъ крестьянамъ облегченія и права, въ дѣйствительности были бы лишены настоящей силы и значенія. Во второмъ случаѣ власть и поддерживаемыя ею новыя учрежденія должны были вступить въ борьбу съ тѣмъ старымъ порядкомъ, за которымъ скрывается еще такъ много сословныхъ элементовъ и крѣпостныхъ пріемовъ и обычаевъ. Въ калужской губерніи администрація поставила себѣ задачею примѣнять къ жизни новый законъ во всей его чистотѣ, безъ лицепріятія и обмана. Въ своемъ стремленіи по настоящее время она успѣла настолько, что достигла результатовъ, которыхъ въ началѣ трудно было ожидать, и которые, несмотря на временныя замѣшательства, происходящія отъ личныхъ столкновеній и отъ неизбѣжнаго вліянія сторонниковъ прежняго порядка, подаютъ надежду на осуществленіе въ губерніи основныхъ началъ преобразовательнаго закона. Такимъ образомъ: 1) большая часть крестьянъ, состоявшихъ на издѣльной и смѣшанной повинностяхъ,

временно на работу, или вовсе не исполняютъ нарядовъ, или работаютъ весьма вяло, такъ что помѣщики, видя невозможность такимъ порядкомъ убрать луга свои, были вынуждены нанимать по дорогой цѣнѣ вольныхъ работниковъ, а при недостаткѣ денегъ—отдавать луга свои изъ половины стороннимъ людямъ. У нѣкоторыхъ же такъ и осталась трава не скошенною. При нынѣшней дороговизнѣ сѣна убытки отъ потери его страшны, тѣмъ болѣе, что чрезъ это помѣщики лишились возможности продовольствовать скотъ зимою и, чтобы не поморить его даромъ голодомъ, вынуждены во многихъ имѣніяхъ распродать за безцѣнокъ, а безъ скотоводства сельское хозяйство въ нашихъ мѣстахъ немыслимо.

„Этими огромными потерями не ограничились убытки помѣщиковъ — предстояла еще уборка хлѣбовъ съ поля. Можно положительно сказать, что отъ нерадѣнія и медленности при этой работѣ болѣе трети зерна осыпалось и пропало даромъ; не только яровые, но даже самая рожь у нѣкоторыхъ стояла, или, вѣрнѣе сказать, лежала еще на корню до конца сентября, а у нѣкоторыхъ часть яровыхъ совсѣмъ пропала въ полѣ. Невозможно опредѣлить цифру ущерба, понесеннаго помѣщиками при уборкѣ хлѣбовъ, но она должна быть такъ велика, что невольно поразила бы каждаго, а, между тѣмъ, тогда какъ хлѣбъ почти у всѣхъ пропадаетъ въ полѣ, Губернскія Вѣдомости объявляютъ объ окончательной его уборкѣ.

„При посѣвѣ озимаго хлѣба помѣщики встрѣтили опять непреодолимыя препятствія. Отъ плохой обработки земли и поздняго посѣва, происшедшаго отъ медленности въ молотьбѣ и поднятіи пара, причемъ у иныхъ сѣмена брошены даже не забороненными, будущій урожай ржи крайне ненадеженъ, а, принявъ въ соображеніе, что очень много полей кинуты вовсе незасѣянными, надлежитъ ожидать въ будущемъ году ежели не совершеннаго голода, то во всякомъ случаѣ крайняго недостатка продовольствія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно и тѣмъ ужаснѣе для помѣщиковъ, что крестьяне нисколько не берегутъ собранный ими для продовольствія хлѣбъ, продаютъ его на рынкахъ, употребляя деньги на вино, въ надеждѣ, что помѣщиковъ обяжутъ продовольствовать ихъ, на основаніи 17 ст. правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ.

„Земледѣліе не только падаетъ, но даже вовсе уничтожается; хлѣбная производительность гибнетъ, а этотъ жизненный вопросъ касается уже не однихъ помѣщиковъ, а цѣлаго государства.

„Но, кромѣ всего этого, помѣщики несутъ еще многія дру-

я существенныя потери отъ потравы полей и луговъ и, въ собенности, отъ расхищенія лѣсовъ: заказы, о сбереженіи котоыхъ заботились еще дѣды и прадѣды теперешнихъ владѣльевъ, истребляются самымъ дерзкимъ образомъ; можно сказать, ѣтъ ни одного помѣстья съ лѣсными дачами, въ которыхъ бы ровскія порубки не дошли до крайняго предѣла, и чрезъ го гибнетъ окончательно капитальная цѣнность многихъ имѣній.

„Словомъ, по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства видны а каждомъ шагу дерзкое расхищеніе, смѣлая кража и необузанно безсовѣстное истребленіе плодовъ многихъ трудовъ и поертвованій".

Этой мрачной картинѣ положенія хозяйства помѣщиковъ ого времени Викторъ Антоновичъ въ своихъ возраженіяхъ ротивопоставляетъ другую. Онъ говоритъ: „не отрицая частыхъ убытковъ, понесенныхъ помѣщиками при такой громадной еформѣ, какъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, я приведу тѣ данныя, которыя уяснятъ настоящее положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ въ калужской губерніи и докажутъ, что убытки эти произошли не единственно отъ неисполненія крестьянами своихъ обязанностей. Данныя эти будутъ основаны мною на слѣдующихъ оффиціальныхъ источникахъ: 1) дѣло о ходѣ полевыхъ работъ въ калужской губерніи въ 1861 г. (два тома); 2) журналы калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія за 1861 г.; 3) журналъ губернской комиссіи народнаго продовольствія 1 декабря 1861 г., подписанный, въ числѣ другихъ членовъ, губернскимъ и калужскимъ уѣзднымъ предводителями дворянства.

„Калужская губернія имѣетъ болѣе промышленный, нежели земледѣльческій характеръ. Она никогда не продовольствовалась однимъ своимъ хлѣбомъ, но всегда нуждалась въ привозномъ. Въ калужской губерніи оброчныхъ помѣщичьихъ имѣній болѣе, нежели барщинскихъ. Въ настоящее время на 269.824 временно-обязанныхъ крестьянъ всей губерніи приходится 142.000, состоящихъ на чистомъ оброкѣ, и 28.000—на смѣшанной оброчнобарщинской повинности.

„Самая господская запашка въ помѣщичьихъ имѣніяхъ почти вдвое менѣе запашки временно-обязанныхъ крестьянъ.

„Слѣдовательно, помѣщичьи хозяйства калужской губерніи не могутъ принимать большого участія въ снабженіи имперіи хлѣбомъ, и убытокъ, понесенный помѣщиками, имѣетъ болѣе частное, чѣмъ государственное значеніе.

„Весна прошлаго года была поздняя. До Страстной недѣли

повсюду лежалъ еще снѣгъ, а потомъ, когда земля обсохла, и можно было приняться за работы, наступила Святая недѣля, такъ что первыя работы не могли начаться съ половины апрѣля, какъ въ обыкновенные года. Только въ первой половинѣ мая было кое-гдѣ приступлено къ обработкѣ полей подъ яровые посѣвы, а самые посѣвы окончены въ концѣ мая, въ нѣкоторыхъ же имѣніяхъ въ началѣ іюня. Такая неблагопріятная для посѣва холодная весна, а также впослѣдствіи знойное и сухое лѣто и наконецъ безпримѣрно дождливая осень имѣли, какъ это будетъ объяснено ниже, весьма невыгодное вліяніе на производство работъ и на самый урожай яроваго хлѣба и произрастаніе травъ.

„Съ начала весны мировое разбирательство въ большей части уѣздовъ было возложено на уѣздныхъ предводителей, которые на запросъ губернатора: не поступали ли къ нимъ какія-либо заявленія помѣщиковъ на неисполненіе крестьянами своихъ повинностей, и какія по нимъ послѣдовали распоряженія, отозвались, что жалобы помѣщиковъ на временно-обязанныхъ крестьянъ были ими въ свое время удовлетворены [1]).

„По дѣламъ же губернскаго присутствія оказывается, что всѣ жалобы и заявленія со стороны землевладѣльцевъ на неисполнительность крестьянъ также были разрѣшены безотлагательно, и нарушенный порядокъ былъ вездѣ водворенъ.

„Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ мировыхъ посредниковъ, видно, что въ 20 мировыхъ участкахъ осталось не засѣянными въ барщинскихъ имѣніяхъ 2.744½ десятины. Причины этого, по отзывамъ мировыхъ посредниковъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) барщина, въ силу новаго закона, сокращена и приведена къ тремъ днямъ мужскимъ и двумъ женскимъ; 2) во многихъ мѣстностяхъ, по экономическимъ разсчетамъ самихъ помѣщиковъ, оставлены безъ обработки запольныя малопроизводительныя земли, которыхъ въ калужской губерніи весьма много; 3) урочное положеніе облегчило многія работы.

„Губернскій предводитель утверждаетъ, что 10 тыс. десятинъ въ яровомъ полѣ остались въ прошломъ году безъ обработки, и доходъ съ нихъ представлялъ бы, по его словамъ, 60 тыс. четвертей, на сумму болѣе 200 тыс. руб. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мировыми посредниками, цифра 10 тыс. дес. яроваго недосѣва оказывается преувеличенною; впрочемъ, если и ее принять за основаніе къ разсчету объ убыткахъ, понесенныхъ

---

[1]) Журналъ Губернскаго Присутствія 10/28 ноября.

омѣщиками, то и въ этомъ случаѣ исчисленіе г. Щукина казывается не совсѣмъ вѣрнымъ.

„Урожай яровыхъ въ прошломъ году равнялся возврату сѣянъ [1]). Слѣдовательно, предположивъ, что на десятину сѣется 3 четверти, на засѣяніе 10 тыс. десятинъ было бы употреблено 30 т. четвертей, которыя, по урожаю прошлаго года, дали бы всего 40 т. четвертей, т.-е. чистой прибыли получилось бы 10 т. четвертей. Затѣмъ, принимая при нынѣшней дороговизнѣ овса цѣну четверти въ 4 руб. 50 коп., 10 т. четвертей дали бы доходу всего 45 т. руб., а не 200 т. руб., по предположенію губернскаго предводителя.

„Урокъ о вывозкѣ удобренія опредѣленъ въ урочномъ положеніи самимъ губернскимъ предводителемъ и согласно съ мнѣніемъ членовъ отъ дворянства. Затѣмъ, по вопросу, возбужденному нѣкоторыми помѣщиками о томъ, какъ считать количество вывозимаго удобренія на разстояніе менѣе одной версты, губернское присутствіе, въ засѣданіи 30 мая, сдѣлало, въ разъясненіе этого вопроса, объяснительное постановленіе, тогда же разосланное мировымъ посредникамъ.

„Изъ свѣдѣній, доставленныхъ мировыми посредниками и исправниками о ходѣ полевыхъ работъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, видно, что вывозка удобренія въ большей части имѣній происходила удовлетворительно. Впрочемъ, при этой работѣ были случаи недоразумѣній и замѣшательствъ, послѣдовавшихъ по двумъ причинамъ: 1) въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ удобреніе не было вывезено преимущественно на крестьянскія поля, вслѣдствіе ожиданія крестьянами раздѣла угодій, и 2) въ другихъ имѣніяхъ удобреніе не все еще было вывезено, какъ наступило время поднятія пара и сѣнокоса. Отъ такого совпаденія работъ поднятіе пара замедлилось въ нѣкоторыхъ немногихъ имѣніяхъ.

„Урожай сѣна въ прошломъ году былъ весьма неудовлетворителенъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго состоянія погоды: долгая поддержка на поляхъ снѣга, а потомъ бездождіе, продолжавшееся до самаго конца іюля, имѣли такое дурное вліяніе на произрастительность, что травы на открытыхъ мѣстахъ и лугахъ совсѣмъ выгорѣли, такъ что скотъ не находилъ себѣ достаточнаго корма. Вслѣдствіе этого многіе медлили началомъ сѣнокоса, въ ожиданіи дождя и поправки луговъ. Затѣмъ, уборкѣ сѣна, начавшейся въ іюлѣ и продолжавшейся въ августѣ и

[1]) Журналъ Продовольственной Комиссіи.

повсюду лежалъ еще снѣгъ, а потомъ, когда земля обсохла, и можно было приняться за работы, наступила Святая недѣля, такъ что первыя работы не могли начаться съ половины апрѣля, какъ въ обыкновенные года. Только въ первой половинѣ мая было кое-гдѣ приступлено къ обработкѣ полей подъ яровые посѣвы, а самые посѣвы окончены въ концѣ мая, въ нѣкоторыхъ же имѣніяхъ въ началѣ іюня. Такая неблагопріятная для посѣва холодная весна, а также впослѣдствіи знойное и сухое лѣто и наконецъ безпримѣрно дождливая осень имѣли, какъ это будетъ объяснено ниже, весьма невыгодное вліяніе на производство работъ и на самый урожай яроваго хлѣба и произрастаніе травъ.

„Съ начала весны мировое разбирательство въ бо́льшей части уѣздовъ было возложено на уѣздныхъ предводителей, которые на запросъ губернатора: не поступали ли къ нимъ какія-либо заявленія помѣщиковъ на неисполненіе крестьянами своихъ повинностей, и какія по нимъ послѣдовали распоряженія, отозвались, что жалобы помѣщиковъ на временно-обязанныхъ крестьянъ были ими въ свое время удовлетворены [1]).

„По дѣламъ же губернскаго присутствія оказывается, что всѣ жалобы и заявленія со стороны землевладѣльцевъ на неисполнительность крестьянъ также были разрѣшены безотлагательно, и нарушенный порядокъ былъ вездѣ водворенъ.

„Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ мировыхъ посредниковъ, видно, что въ 20 мировыхъ участкахъ осталось не засѣянными въ барщинскихъ имѣніяхъ 2.744½ десятины. Причины этого, по отзывамъ мировыхъ посредниковъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) барщина, въ силу новаго закона, сокращена и приведена къ тремъ днямъ мужскимъ и двумъ женскимъ; 2) во многихъ мѣстностяхъ, по экономическимъ разсчетамъ самихъ помѣщиковъ, оставлены безъ обработки запольныя малопроизводительныя земли, которыхъ въ калужской губерніи весьма много; 3) урочное положеніе облегчило многія работы.

„Губернскій предводитель утверждаетъ, что 10 тыс. десятинъ въ яровомъ полѣ остались въ прошломъ году безъ обработки, и доходъ съ нихъ представлялъ бы, по его словамъ, 60 тыс. четвертей, на сумму болѣе 200 тыс. руб. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мировыми посредниками, цифра 10 тыс. дес. яроваго недосѣва оказывается преувеличенною; впрочемъ, если и ее принять за основаніе къ разсчету объ убыткахъ, понесенныхъ

---

[1]) Журналъ Губернскаго Присутствія 10/28 ноября.

сентябрѣ, много препятствовали другія спѣшныя работы и постоянные дожди.

„Дожди препятствовали также успѣшной и своевременной уборкѣ хлѣбовъ; они останавливали работу и породили какъ между помѣщиками, такъ и между крестьянами серьезное опасеніе, что сжатый хлѣбъ долженъ прорости или сгнить въ копнахъ. Несмотря на это, урожай ржи въ прошломъ году былъ такъ хорошъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ ея собрано противъ 1860 г. болѣе на 90.438 четвертей [1]).

„Свѣдѣнія о ходѣ полевыхъ работъ, постоянно доставляемыя исправниками и мировыми посредниками, были напечатаны въ № 36 Губернскихъ Вѣдомостей. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что къ началу сентября въ уѣздахъ: малоярославецкомъ, мещовскомъ, жиздринскомъ и мосальскомъ рожь окончательно убрана; въ малоярославецкомъ и мосальскомъ уѣздахъ убраны къ тому же времени и яровые хлѣба; въ остальныхъ уѣздахъ уборка еще продолжается. Въ томъ же № 36 было напечатано объ окончательной къ сентябрю уборкѣ хлѣбовъ въ калужскомъ уѣздѣ, но потомъ, вслѣдствіе дополнительныхъ свѣдѣній, доставленныхъ исправникомъ, въ № 37 была сдѣлана оговорка, что уборка яровыхъ хлѣбовъ въ калужскомъ уѣздѣ не повсемѣстно еще была окончена.

„Вслѣдъ за уборкою ржи и яровыхъ начался посѣвъ озимаго хлѣба. Изъ журнала Продовольственной Комиссіи видно, что на 1862 г. посѣяно озимаго хлѣба 302.328 четвертей, тогда какъ на 1861 г. было высѣяно 300.879 четвертей, слѣдовательно, менѣе на 1.449 четвертей. „Всходы ржи, посѣянной на 1862 годъ, сказано въ Журналѣ Комиссіи, находятся въ хорошемъ состояніи, потому что во время посѣва перепадали дожди, а погода была теплая; продолжительная осень съ перемежающеюся благопріятною для произрастанія погодою дала возможность зеленямъ хорошо взойти, вкорениться и окрѣпнуть. Вредныхъ насѣкомыхъ и червей замѣчено не было". Слѣдовательно, предположеніе губернскаго предводителя о предстоящемъ голодѣ покуда опровергается числовыми данными и свѣдѣніями Продовольственной Комиссіи. Слѣдуетъ признать только гадательнымъ и другое его предположеніе, что крестьяне нисколько не берегутъ собраннаго ими хлѣба и продаютъ его на рынкѣ, употребляя деньги на вино. Это предположеніе уже было высказано губернскимъ предводителемъ министру вн. дѣлъ,

[1]) Журналъ Продовольственной Комиссіи.

орый отозвался на него слѣдующимъ образомъ: „освобожденые отъ такого надзора (т.-е. надзора помѣщика), они (т.-е. рестьяне), по мнѣнію вашему, не будутъ беречь денегъ, вырyаемыхъ отъ продажи хлѣба и къ веснѣ останутся безъ средствъ ля своего прокормленія. Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно огласиться; напротивъ, кажется возможнымъ предполагать, что арованіе крестьянамъ правъ свободнаго состоянія побудитъ ихъ ъ бережливости [1]).

„Относительно заявленія губернскаго предводителя о порубкахъ и потравахъ считаю нужнымъ сказать, что это есть вопросъ законодательный, до сихъ поръ не разрѣшенный удовлетворительно. Это—старинное зло, равно чувствуемое и въ казенныхъ, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. При всѣхъ стараніяхъ министерства государственныхъ имуществъ оно не могло придти ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ, и порубки производятся едва ли не въ большемъ количествѣ въ казенныхъ лѣсахъ, нежели въ частныхъ. Во всякомъ случаѣ можно положительно сказать, что количество порубокъ и потравъ не представляетъ особаго увеличенія со времени изданія Положенія 19 февраля. При существованіи крѣпостного права помѣщики е считали нужнымъ заявлять властямъ о каждой порубкѣ и отравѣ и кончали дѣло домашнимъ порядкомъ; въ настоящее же ремя они естественно обращаются къ требованіямъ законнаго довлетворенія. Губернское присутствіе обратило на этотъ предметъ особенное вниманіе: не довольствуясь разрѣшеніемъ вопроса порубкахъ и потравахъ на основаніи законоположенія 19 февраля, оно журналомъ 10 октября постановило представить ъ вопросъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, орое и послѣдовало 21 октября, за № 4520. Кромѣ того, бернаторъ обратилъ вниманіе мировыхъ посредниковъ на важъ быстраго разбирательства подобныхъ дѣлъ, когда они по ѣ иска подлежатъ ихъ вѣдомству, и полиціямъ вмѣнилъ въ занность производить безотлагательно болѣе важныя и влей за собою уголовную отвѣтственность дѣла о порубкахъ.

„Вообще въ опроверженіе сдѣланныхъ губернскимъ предемъ хозяйственныхъ выводовъ можно представить слѣя заключенія:

„1) Совершенная правительствомъ реформа въ видахъ улучбыта помѣщичьихъ крестьянъ не могла обойтись безъ

---

[1]) ...нія отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ губернскому предводителю ъ 11 октября за № 4261.

убытковъ землевладѣльцевъ, которыхъ имѣнія остались на барщинской повинности, и не измѣнить хозяйственнаго распорядка въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне переходили на оброкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что переходъ, послѣ обнародованія Положеній, 35 т. крестьянъ калужской губерніи съ издѣльной и со смѣшанной повинностей на чисто оброчное положеніе оставитъ часть помѣщичьей запашки безъ обработки, потому что не всѣ помѣщики имѣли средства обработать оставшуюся землю вольнонаемнымъ трудомъ, требующимъ и запасныхъ капиталовъ, и умѣнья вести хозяйство на новыхъ началахъ.

„2) Убытокъ, понесенный помѣщиками, произошелъ, главнымъ образомъ, отъ естественныхъ атмосферическихъ причинъ. Въ 1861 году урожай яровыхъ былъ весьма неудовлетворителенъ, и отъ этого одинаково пострадали какъ помѣщики, такъ и временно-обязанные и государственные крестьяне. Подобные неурожаи случались не одинъ разъ и при существованіи крѣпостного права. Такъ въ 1845 г. было собрано 824.693 четверти, а въ 1856 г. 526.853 четверти ярового хлѣба, тогда какъ въ прошломъ году собрано ярового 869.828½ четвертей [1]. Недостатокъ яровыхъ хлѣбовъ былъ отчасти вознагражденъ урожаемъ озимыхъ. Изъ 22 предшествовавшихъ годовъ только въ четыре было собрано озимаго хлѣба болѣе, чѣмъ въ прошломъ году; въ 1861 году во всей калужской губерніи собрано 1.112.662 четверти озимаго хлѣба, между тѣмъ въ 1839 г. собрано было 477.032 четв., въ 1840 г. былъ голодъ, въ 1841 г. собрано 935.091, въ 1842 г. 1.038.545, въ 1844 г. 997.476½, въ 1845 г. 861.790, въ 1846 г. 1.016.167, въ 1847 г. 968.839 ч., въ 1851 г. 731.787 ч., въ 1852 г. 893.068, въ 1853 г. 885.617, въ 1854 г. 620.531 ч. въ 1855 г. 534.395, въ 1856 г. 949.395, въ 1857 г. 1.064.710, въ 1858 г. 806.402, въ 1859 г. 708.803 ч., въ 1860 г. 1.011.215 четвертей.

„Въ заключеніе мнѣ остается просить разрѣшенія вашего превосходительства подвергнуть всѣ эти хозяйственныя данныя, вмѣстѣ съ выводами губернскаго предводителя, формальному и гласному обсужденію губернскаго присутствія, такъ какъ обвиненія г. Щукина касаются не одного меня, но всего губернскаго присутствія“.

---

[1] Эти цифры показываютъ количество снятаго хлѣба по всей губерніи, такъ какъ въ свѣдѣніяхъ Продовольств. Коммиссіи, откуда онѣ заимствованы, нельзя за прежніе года отдѣлить помѣщичью запашку отъ запашки крестьянъ помѣщичьихъ и государственныхъ.

Далѣе г. Щукинъ пишетъ въ своемъ доносѣ: „что же касается до нравственныхъ оскорбленій, которымъ подвергаются омѣщики чрезъ необузданно дерзкія выходки крестьянъ, то ринятая губернскимъ начальствомъ метода оставлять таковыя, о большей части, безъ взысканій должна поселить въ дворянтвѣ мысль, что оно лишено покровительства законовъ, и даже амая личность помѣщиковъ не ограждена болѣе отъ поруганій".

По поводу этого обвиненія Викторъ Антоновичъ возражаетъ: по силѣ узаконеній 19 февраля, на крестьянъ, вышедшихъ зъ крѣпостной зависимости, распространены общія постаноенія законовъ гражданскихъ и уголовныхъ относительно личыхъ правъ ихъ, а потому дѣла объ обидахъ и оскорбленіяхъ, ричиненныхъ помѣщику или члену его семейства крестьянами, оселенными на его землѣ, производятся, по силѣ 154 ст. Общ. олож. о крестьян., судебнымъ порядкомъ, и губернское начальво постоянно слѣдило за тѣмъ, чтобы этотъ порядокъ былъ блюдаемъ. За поступленіемъ такихъ дѣлъ въ суды, въ случаѣ еправильнаго рѣшенія, недовольной сторонѣ предоставляется раво жалобы и апелляціи на общемъ законномъ основаніи.

„Кромѣ того, заявляя о безнаказанности оскорбителей, губернскій предводитель дворянства не представилъ ни одного акта, который подтверждалъ бы его обвиненіе. Напротивъ, въ иду губернскаго начальства были факты, доказывающіе беззаонные и самовольные поступки помѣщиковъ противъ своихъ еменно-обязанныхъ людей. Таковы дѣла: объ изнасилованіи нженеръ-поручикомъ С-мъ дворовой 15-лѣтней дѣвочки, о анесеніи помѣщикомъ Н-мъ выстрѣломъ изъ ружья раны крестьянкѣ Петровой, объ избитіи крестьянина Өедорова помѣщикомъ К-мъ, о нанесеніи помѣщикомъ Б-мъ крестьянину Аксеову удара, отъ котораго онъ не могъ работать и принужденъ ылъ лечиться въ больницѣ, и друг.

„Всѣ эти дѣла получили также предписанный закономъ суебный ходъ".

Затѣмъ г. Щукинъ пишетъ: „такова жалкая картина настоящаго состоянія помѣщичьихъ имѣній, гибнущихъ не только езъ пользы, но даже ко вреду самихъ крестьянъ! Причиной сего этого потрясенное въ народѣ сознаніе въ долгѣ неуклонно сполнять законъ и царскую волю, а вмѣстѣ съ тѣмъ бездѣйтвіе административной власти, оставляющей безъ должнаго и скораго изслѣдованія дѣйствія нарушителей порядка и даже амихъ зачинщиковъ, подстрекающихъ крестьянъ къ неисполенію ихъ обязанностей".

Викторъ Антоновичъ возражаетъ на это: „положеніе помѣщичьихъ имѣній, какъ уже доказано предшествовавшими опроверженіями, далеко не находится въ такомъ разстройствѣ, въ какомъ усиливается его представить губернскій предводитель дворянства. Начала, изложенныя въ Положеніи 19 февраля объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, быстро развиваются и входятъ въ сознаніе народа, который начинаетъ мало-по-малу понимать свои права и обязанности, а также привыкать къ нормальнымъ и законнымъ отношеніямъ къ землевладѣльцамъ. Этому особенно способствуетъ безпристрастная дѣятельность мировыхъ посредниковъ, поставленныхъ въ независимое положеніе и, большею частью, чуждыхъ сословныхъ предразсудковъ, а потому дѣйствующихъ въ духѣ человѣчности и справедливости, а не въ интересахъ одного какого-нибудь сословія.

„Ходъ крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи представляетъ слѣдующее весьма утѣшительное явленіе.

„Число имѣній, состоящихъ на барщинѣ, такъ много препятствующей развитію свободнаго производительнаго труда, все болѣе и болѣе уменьшается, вслѣдствіе постоянно увеличивающагося перехода крестьянъ на оброкъ.

„Въ короткое время послѣ объявленія манифеста 19-го февраля перешло съ издѣльной и смѣшанной оброчно-барщинской повинностей на чистый оброкъ болѣе 35 т. временно обязанныхъ крестьянъ, и около 23 т. заявили, по праву, предоставленному Высочайшимъ повелѣніемъ, желаніе перейти на оброкъ. Такой значительный переходъ, совершающійся въ калужской губерніи безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, поселенными на ихъ земляхъ, тѣмъ болѣе важенъ, что окончательная цѣль реформы—выкупъ крестьянами ихъ угодій—не можетъ быть достигнута безъ предварительнаго перехода крестьянъ на оброкъ.

„Что же касается до жалобъ на бездѣйствіе административной власти, потворствующей, будто бы, зачинщикамъ и нарушителямъ порядка, то эти жалобы могутъ быть объяснены не иначе, какъ сожалѣніемъ о прекращеніи стараго крѣпостного порядка вещей, основаннаго на произволѣ и привычкѣ помѣщиковъ имѣть всегда въ своемъ безусловномъ распоряженіи сословную полицію“.

Г. Щукинъ продолжаетъ: „начальникамъ губерній предоставлена власть безъ всякихъ объясненій, по одному своему

іному произволу, съ одной стороны, лишать подчиненныхъ ь чиновниковъ занимаемыхъ мѣстъ по службѣ, а съ другой— же безотчетно выдавать имъ денежныя награды изъ значиьной суммы, отданной на сей предметъ въ непосредственное ь распоряженіе. Естественно, что при такой обстановкѣ сть большей части уѣздныхъ чиновниковъ находится совернно въ рукахъ начальниковъ губерніи; они невольно постаны въ необходимость дѣйствовать, хотя бы вопреки собственмъ убѣжденіямъ, совершенно въ духѣ и видахъ своего нередственнаго начальника; они забываютъ, что служатъ царю этечеству, и потому губернаторъ замѣняетъ имъ законъ и ѣсть; онъ камертонъ, по которому настраиваются всѣ понянія и дѣйствія подчиненныхъ ему чиновниковъ, а потому разуется, что до мельчайшихъ развѣтвленій вездѣ по губерніи альникъ оной проводитъ и осуществляетъ на самомъ дѣлѣ и личныя начала и мысли".

Викторъ Антоновичъ такъ опровергаетъ этотъ пунктъ доа г. Щукина: „указомъ Правительствующаго Сената отъ юня 1860 г., за № 27426, между прочимъ, предоставлено альникамъ губерній право увольнять отъ должности, если знаютъ необходимымъ, тѣхъ изъ земскихъ исправниковъ, ранныхъ отъ дворянства, которые окажутся не вполнѣ благоежными, донося каждый разъ о причинахъ такого увольія подробно министру внутреннихъ дѣлъ; въ случаѣ же, да избранные дворянствомъ и утвержденные въ должностяхъ ихъ земскіе исправники выбудутъ изъ сей должности за ртью, или переходомъ въ другую службу, или увольненіемъ отставку, а также, если они будутъ уволены отъ оной по у или по распоряженію начальства, начальникамъ губерній едоставляется право къ исправленію должности земскихъ равниковъ назначать отъ правительства лица совершенно гонадежныя, подъ личною начальниковъ губерній за выборъ ь отвѣтственностью, съ утвержденія каждый разъ министра утреннихъ дѣлъ.

„На основаніи этого указа, за выходомъ въ отставку выборхъ земскихъ исправниковъ: малоярославецкаго уѣзда П., лихскаго фонъ-Р. и медынскаго Л., назначены: въ малоярославцкій — служившій по выборамъ дворянства засѣдателемъ какской палаты уголовнаго суда Ч., утвержденный исправникомъ 20 октября 1860 г. приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ; лихвинскій — старшій чиновникъ особыхъ порученій князь , утвержденный исправникомъ съ 30 августа 1860 г. такимъ

же приказомъ, и въ медынскій — судебный слѣдователь перемышльскаго уѣзда С., утвержденный исправникомъ съ 5 марта 1861 г., также приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

„За смертью тарусскаго земскаго исправника С. и за отказомъ старшаго его кандидата, засѣдателя тарусскаго уѣзднаго суда К. отъ занятія этой должности, приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 іюля, № 18, на должность тарусскаго земскаго исправника, по представленію начальника губерніи опредѣленъ съ 5 іюля коллежскій ассессоръ Ш., который впослѣдствіи, указомъ Правительствующаго Сената отъ 11 мая, за № 23160, утвержденъ мировымъ посредникомъ въ томъ уѣздѣ, почему тарусскимъ исправникомъ на его мѣсто назначенъ правитель канцеляріи начальника губерніи Р., который съ 27 мая 1861 г., какъ видно изъ предложенія министра отъ 19 іюня 1861 г., за № 1099, утвержденъ въ должности исправника.

„Когда служившій по выбору дворянства козельскій земскій исправникъ Г. былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, уѣздный предводитель дворянства просилъ начальника губерніи опредѣлить въ козельскій уѣздъ исправникомъ кого-либо изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Вслѣдствіе этого лихвинскій земскій исправникъ князь В., состоявшій, по выбору дворянъ козельскаго уѣзда, кандидатомъ на должность исправника, былъ переведенъ въ Козельскъ; въ Лихвинѣ же исправленіе должности исправника поручено г. С., служившему, по выбору лихвинскаго дворянства, непремѣннымъ засѣдателемъ тамошняго земскаго суда. Вообще на вакантныя мѣста исправниковъ назначались лица, владѣющія поземельною собственностью въ губерніи, исключая уѣздовъ медынскаго и тарусскаго, гдѣ исправниками состояли С. и Р., не принадлежащіе къ числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ прочихъ уѣздахъ остались выборные исправники, списокъ которыхъ прилагается. Изъ онаго видно, что губернское начальство только въ крайнихъ случаяхъ пользовалось предоставленнымъ ему правомъ замѣны выборныхъ исправниковъ коронными, которыхъ на 11 уѣздовъ назначено только три: Р., Ч. и С.

„Слѣдовательно, обвиненіе, взводимое губернскимъ предводителемъ на мѣстную губернскую власть, въ произвольномъ отрѣшеніи и назначеніи должностныхъ лицъ, совершенно опровергается вышеприведенными доказательствами. При этомъ не могу не заявить, что я лично убѣжденъ въ преимуществѣ, по случаю крестьянской реформы, коронныхъ исправниковъ передъ выборными отъ дворянства, и что въ калужской губерніи было бы полезно смѣнить еще четырехъ выборныхъ исправниковъ, но

это не было сдѣлано мною потому, что со стороны сихъ послѣд-
нихъ не было явныхъ злоупотребленій, и что вообще вопросъ
о преобразованіи земской полиціи и до сихъ поръ еще не рѣ-
шенъ окончательно верховнымъ управленіемъ [1]).

„Между тѣмъ, можно смѣло надѣяться, что ревизія дѣй-
ствій исправниковъ докажетъ преимущество калужскихъ корон-
ныхъ исправниковъ передъ выборными и притомъ убѣдитъ, что
исправники отъ правительства служатъ въ этой губерніи за-
кону, а не лицу губернатора, всѣ усилія котораго, впрочемъ,
направлены къ тому, чтобы законъ былъ уважаемъ и испол-
няемъ.

„Указомъ Правительствующаго Сената отъ 15 ноября 1860 г.
назначено на усиленіе средствъ земской полиціи въ калужской
губерніи ежегодно 22.500 руб. Калужское губ. начальство нашло
полезнымъ распредѣлить эту сумму между чиновниками полиціи
въ постоянное и равное пособіе и при этомъ руководствовалось
слѣдующими соображеніями, выраженными въ постановленіи
особой комиссіи, назначенной губернаторомъ для обсужденія во-
проса о порядкѣ распредѣленія означенной суммы. „Самое слово
пособіе, сказано въ докладѣ комиссіи, употребленное въ указѣ
Правительствующаго Сената, показываетъ, что правительство
смотритъ на выдачу означенныхъ денегъ не только какъ на на-
граду, но и какъ на усиленіе нынѣшняго крайне скуднаго и оче-
видно недостаточнаго содержанія чиновъ земской полиціи. По-
тому было бы неправильно придавать выдачѣ пособія един-
ственное значеніе награды, потому что, прежде чѣмъ награждать,
т.-е. дать нѣкоторый избытокъ, гораздо важнѣе удовлетворить
дѣйствительныя нужды. Выдача единовременныхъ пособій въ видѣ
награды, конечно, можетъ возбудить соревнованіе, но нельзя
сомнѣваться, что это же возбудитъ и зависть, а, можетъ быть,
иногда и интриги, и подастъ поводъ къ важнымъ злоупотребле-
ніямъ, которыя сильно унизятъ земскую полицію въ глазахъ
общественнаго мнѣнія, а полиція никогда такъ не нуждалась
въ общественномъ уваженіи и довѣріи, какъ въ настоящее
время. Въ этомъ смыслѣ состоялось въ губернскомъ правленіи
распоряженіе, которое напечатано въ оффиціальной части № 5
Губернскихъ Вѣдомостей и перепечатано въ неоффиціальной
части того же номера.

[1]) Моя осторожность въ этомъ отношеніи оправдалась, ибо новымъ ука-
зомъ о возстановленіи на предстоящихъ выборахъ сословныхъ исправниковъ
исправники, назначенные отъ правительства, по всей вѣроятности, лишатся
мѣстъ именно за то, что дѣйствовали подъ вліяніемъ одной законности.

„Этимъ распоряженіемъ калужское губернское начальство совершенно отклонило отъ себя нареканіе въ произвольномъ распредѣленіи пособій для земской полиціи, способъ распредѣленія которыхъ не могъ остаться тайной для читающихъ печатное, такъ какъ постановленіе губернскаго правленія по этому предмету было перепечатано изъ мѣстныхъ вѣдомостей во всѣхъ почти столичныхъ газетахъ. Въ правительственномъ же отношеніи способъ дѣйствія губернскаго начальства въ настоящемъ случаѣ удостоился особаго одобренія Государя Императора. Его Величество, при прочтеніи той статьи всеподданнѣйшаго отчета, въ которой говорилось о распоряженіяхъ губернскаго начальства относительно распредѣленія пособій для земской полиціи, соизволилъ собственноручно написать резолюцію: „Дѣльно", о чемъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ начальника губерніи отношеніемъ отъ 31 іюля 1860 г., за № 78.

„Что же касается до огульнаго обвиненія всѣхъ служащихъ въ калужской губерніи, что они служатъ не дѣлу, а моему лицу и дѣйствуютъ вопреки своимъ убѣжденіямъ, то я считаю долгомъ особенно протестовать противъ такого заявленія. Впрочемъ, ваше превосходительство можете легко убѣдиться при производствѣ ревизіи, что лица, принимающія служебное участіе въ калужской администраціи, проникнуты сознаніемъ своего долга, и дѣйствія ихъ потому безкорыстны и усердны, что исполняемыя ими обязанности не противорѣчатъ ихъ честнымъ убѣжденіямъ. Я почитаю себя счастливымъ, что пользуюсь помощью такихъ чиновниковъ, ибо, по моему убѣжденію, только та администрація и имѣетъ прочное основаніе, которая опирается на людей, чувствующихъ свое достоинство и дѣйствующихъ по убѣжденію".

Далѣе г. Щукинъ пишетъ: „но кому много дано, отъ того много и требуется, чѣмъ болѣе кому предоставлено власти, тѣмъ бо́льшая на немъ лежитъ обязанность употреблять ее на благо, и потому каждый начальникъ губерніи долженъ неусыпно стремиться къ сохраненію во ввѣренномъ ему краѣ возможнаго порядка, къ развитію въ народѣ сознанія чувства законности и къ умноженію народнаго богатства по всѣмъ отраслямъ.

„По несчастію, въ калужской губерніи проявляется совсѣмъ иное: помѣщичьи хозяйства гибнутъ, крестьяне волнуются, вездѣ безпорядокъ и разореніе, а причина столь грустнаго явленія проистекаетъ изъ превратнаго толкованія значенія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и слѣдующихъ затѣмъ неправильныхъ распоряженій мѣстной администраціи".

Противъ этого обвиненія Викторъ Антоновичъ возразилъ:

„вышеприведенными данными опровергаются выводы, заключающіеся въ этой статьѣ. Съ моей стороны, я могу только присовокупить, что отрицаніе этихъ общеизвѣстныхъ данныхъ со стороны составителя записки привело его къ искаженію собственныхъ понятій о благѣ, порядкѣ, безпорядкѣ, чувствѣ законности, и проч.“

Затѣмъ г. Щукинъ говоритъ: „непосредственно по объявленіи Высочайшаго Манифеста 19 февраля 1861 г. при раздачѣ крестьянамъ изданныхъ Положеній посланнымъ на сей предметъ чиновникамъ было предписано прочесть крестьянамъ лишь нѣкоторыя избранныя статьи Положеній. Этимъ въ самомъ началѣ было сильно потрясено спокойствіе во многихъ имѣніяхъ, ибо многія статьи, опредѣляющія обязанности крестьянъ, не были прочтены, и вообще чтеніе статей на выборъ изъ разныхъ мѣстъ книги навело сомнѣніе на крестьянъ, большею частью безграмотныхъ“.

Викторъ Антоновичъ возразилъ на это: „въ опроверженіе этого считаю полезнымъ привести слѣдующія слова моего представленія г. сенатору, ревизующему калужскую губернію, отъ 16 октября, за № 1941, изъ отдѣла о дѣйствіяхъ по приведенію въ исполненіе новаго закона. „Приготовляясь къ важнымъ мѣрамъ обнародованія и приведенія въ исполненіе новаго закона, необходимо было принять въ соображеніе какъ общій ходъ крестьянскаго дѣла въ Имперіи, такъ и, въ особенности, настроеніе умовъ и положеніе администраціи въ калужской губерніи. Во всемъ государствѣ слышалось неудовольствіе среди дворянства, и выражалось недовѣріе къ благоразумію и умѣренности крестьянъ. Въ калужской губерніи эти проявленія имѣли особое значеніе, по причинѣ преобладающаго вліянія крѣпостной партіи и явнаго сочувствія къ ней большей части предводителей дворянства. Такое положеніе калужской губерніи требовало предусмотрительнаго плана дѣйствій. Притомъ, хотя крестьяне были вообще спокойны, но важность предстоявшаго для нихъ преобразованія, о которомъ до сего времени они могли судить по однимъ только неопредѣленнымъ слухамъ, заставляла сомнѣваться въ томъ, что дѣло обойдется безъ недоразумѣній съ ихъ стороны, а потому предстояла настоятельная необходимость въ немедленномъ посвященіи выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ въ смыслъ новаго закона и въ уясненіи имъ новыхъ отношеній, обязанностей и правъ, этимъ закономъ опредѣляемыхъ. Между тѣмъ, такъ какъ многіе исправники, служащіе по выборамъ дворянства, нуждались въ подготовительныхъ наставле-

ніяхъ, а со стороны духовенства требовалось содѣйствіе пр объявленіи манифеста, то для однообразнаго установленія правил обнародованія манифеста и раздачи Положеній были пригла шены въ Калугу всѣ исправники и благочинные. По совѣщані съ ними и съ членами временной комиссіи по крестьянском дѣлу такія правила были составлены, и при этомъ приняты в руководство слѣдующія основанія: 1) одновременность и быстрот объявленія и раздачи новыхъ законоположеній на мѣстахъ, дл чего положено, по возможности, дробное раздѣленіе уѣздовъ н участки, въ которые, для содѣйствія къ обнародованію, назначали особые чиновники; 2) приданіе акту обнародованія и передач Положеній характера публичности и оффиціальности. Предоста леніе же передачи Положеній крестьянамъ усмотрѣнію пом щиковъ и обнародованіе манифеста одними священниками церквахъ признано неудобнымъ, такъ какъ успѣхъ такой мѣ зависѣлъ бы отъ личнаго характера и воззрѣнія помѣщика настоящее событіе и отъ степени благонадежности священников Кромѣ того, участіе чиновниковъ въ обнародованіи и переда Положеній признано вполнѣ согласнымъ съ правительственны характеромъ настоящей реформы. Недостатка же въ чиновникахъ не предвидѣлось, ибо не только чиновники, подвѣдомственные начальнику губерніи, но и многіе изъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ и нѣкоторые изъ служащихъ по выборамъ, сочувствуя освобожденію крестьянъ, наперерывъ изъявили желаніе принять участіе въ объявленіи новыхъ законоположеній. Всѣхъ лицъ, принявшихъ на себя обязанности по этому предмету, было 167. Этимъ чиновникамъ поручено было при раздачѣ Положеній прочитывать крестьянамъ на сходахъ и въ присутствіи помѣщиковъ или управляющихъ тѣ важнѣйшія статьи, которыми опредѣлялись ихъ новыя права и обязанности; самыя Положенія вручались лицамъ, довѣреннымъ отъ крестьянъ, или самими чиновниками, или чрезъ помѣщиковъ. Можно сказать, что во всей губерніи было положено начало самымъ благопріятнымъ отношеніямъ между правительствомъ и народомъ. Въ крестьянъ стало проникать убѣжденіе, что правительство смотритъ на ихъ дѣло съ полнымъ вниманіемъ и всегда будетъ имѣть его подъ своимъ покровительствомъ. Противъ порядка, установленнаго для объявленія манифеста и раздачи Положеній, протестовалъ только одинъ помѣщикъ, генералъ-маіоръ Мальцовъ, который въ письмѣ къ чиновнику, откомандированному съ этою цѣлью въ его имѣнія, признавалъ этотъ порядокъ вреднымъ, и, вопреки указу Правительствующаго Сената, предписывающему начальникамъ гу-

берній принять мѣры къ доставленію Положеній также и въ сельскія общества крестьянъ, доказывалъ, что эти Положенія должны быть предоставлены распоряженію однихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, первое время со дня обнародованія Положеній и манифеста—время, котораго ожидали съ такимъ опасеніемъ, прошло спокойно".

„При этомъ считаю нужнымъ, для полнѣйшаго разъясненія дѣйствій губернскаго начальства по настоящему предмету, во 1-хъ, представить тѣ составленныя при участіи членовъ временной комиссіи и, въ томъ числѣ, самого губернскаго предводителя дворянства правила, которыя даны были въ руководство чиновникамъ, объявлявшимъ манифестъ и раздававшимъ Положенія, и во 2-хъ, указать на тѣ статьи, которыя, за невозможностью прочесть все Положеніе, признано было необходимымъ тогда же объявить крестьянамъ, во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ послѣдовать отъ незнакомства крестьянъ съ новыми ихъ правами и обязанностями.

„Статьи эти слѣдующія: во-1-хъ, изъ общаго Положенія введеніе, статьи 1—20, а также глава 6 о вотчинной полиціи и попечительствѣ помѣщиковъ въ сельскихъ обществахъ, съ § 148 до § 164; во-2-хъ, изъ правилъ о приведеніи въ дѣйствіе Положенія отдѣленіе первое, права, пріобрѣтенныя крестьянами по обнародованію Положенія, и отношенія ихъ къ помѣщикамъ до введенія уставныхъ грамотъ и до учрежденія волостей: § 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12, 19, и въ 3-хъ, изъ общаго Положенія раздѣлъ III-й, о казенныхъ и земскихъ повинностяхъ, ст. 164—167, о рекрутской повинности, ст. 201, 203, 205, 206.

„По соображеніи обвиненій губернскаго предводителя дворянства со всѣми данными, изложенными въ этой статьѣ, нельзя не придти къ заключенію, что неудовольствіе г. предводителя вызвано именно дѣятельностью губернскаго начальства и заботою о томъ, чтобы объявленіе манифеста и раздача Положеній не были простою формальностью, но получили существенное значеніе и смыслъ".

Далѣе г. Щукинъ пишетъ: „но все еще у помѣщиковъ оставалась возможность, указывая крестьянамъ на статьи, опредѣляющія ихъ повинности, требовать исполненія царскаго повелѣнія, и народъ русскій, искони привыкшій сознавать, что воля Царя—законъ ненарушимый, еще не рѣшался явно возставать противъ Высочайше утвержденныхъ Положеній. Продолжалось это не долго: уже 1-го апрѣля предсѣдатель губернскаго

присутствія почелъ нужнымъ заявить печатно въ Губернских
Вѣдомостяхъ свой личный взглядъ на способъ принужденія кре
стьянъ къ выполненію ими своихъ обязанностей. Въ означенно
статьѣ выражено, что неисполненіе крестьянами возложенных
на нихъ Высочайше утвержденными Положеніями повинносте
на помѣщиковъ не есть преступленіе, или проступокъ, и ч
таковое исполненіе, не будучи ослушаніемъ, не имѣетъ и
можетъ имѣть другого значенія, характера и послѣдствій, ка
нарушеніе обыкновенныхъ обязательствъ, на взаимномъ договор
контрагентовъ основанныхъ. Съ этимъ довѣрчиво согласило
присутствіе. Вслѣдъ за этой статьей былъ разосланъ отъ губер
скаго правленія циркуляръ земскимъ полиціямъ руководств
ваться изложеннымъ въ приведенной статьѣ воззрѣніемъ п
уклоненіи крестьянъ отъ исполненія повинностей на помѣщиковъ.

Викторъ Антоновичъ говоритъ по поводу этого обвинені я:
„цѣль циркуляра о полиціи состояла въ томъ, чтобы показать
народу, что въ отношеніи къ освобожденнымъ крестьянамъ по-
лиціями употребляются при наказаніяхъ новые пріемы, основан-
ные на законѣ и совершенно чуждые прежняго произвола. Слѣ-
довало также оградить самыя полиціи отъ необходимости без-
условно исполнять раздражительныя требованія наказаній. Вообще
же надобно было имѣть постоянно въ виду, чтобы укрѣплялось
и увеличивалось довѣріе народа къ органамъ правительства. Въ
этихъ соображеніяхъ, въ губернскомъ присутствіи состоялись два
журнальныя постановленія, 27 и 31 марта. Оба они состоялись
единогласно и подписаны всѣми членами присутствія, въ томъ
числѣ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Такимъ обра-
зомъ, циркуляръ, на который нападаетъ губернскій предводи-
тель, есть мѣра, принятая не однимъ лицомъ губернатора, но
признанная необходимою полнымъ составомъ губернскаго при-
сутствія. При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что воззрѣніе
калужскаго губернскаго присутствія на обязанности полиціи при
взысканіяхъ, налагаемыхъ за неисполненіе временно-обязанными
крестьянами повинностей, принято было и другими присутствіями.
Такъ, напримѣръ, въ журналѣ подольскаго присутствія 12 сен-
тября сказано: „нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ подвер-
гаютъ тѣлесному наказанію временно-обязанныхъ крестьянъ за
неисправное отбываніе барщины и за неявку на работы. Въ
Положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависи-
мости, опредѣлено тѣлесное наказаніе только за маловажные
проступки другъ противъ друга и по дѣламъ, подлежащимъ су-
дебно-полицейскому разбирательству. Для обезпеченія же исправ-

наго отбыванія барщины по 219 и 220 ст. мѣстн. положенія для губерніи кіевской, подольской и волынской принято: а) понужденіе неисправнаго крестьянина посредствомъ сельскаго старосты къ работѣ на помѣщика въ свои дни и б) переведеніе прогульныхъ дней въ денежную недоимку по оцѣнкѣ рабочаго дня. А потому губернское присутствіе нашло, что за неисправное отбываніе крестьянами издѣльной повинности ни мировому посреднику, ни волостному суду тѣлесное наказаніе не предоставлено". То же воззрѣніе выражено ярославскимъ присутствіемъ въ журналѣ 8 іюля.

„Въ заключеніе я не могу не выразить убѣжденія, что, судя по ходу крестьянскаго дѣла въ калужской губ., циркуляръ о полиціи былъ весьма полезенъ, ибо, ограничивъ крѣпостной произволъ непосредственно за объявленіемъ Высочайшаго манифеста объ уничтоженіи крѣпостного права, онъ способствовалъ къ установленію такихъ, по возможности, свободныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, при которыхъ сдѣлались возможными миролюбивыя сдѣлки и взаимныя уступки. Большое количество въ калужской губерніи уставныхъ грамотъ, составленныхъ по добровольному соглашенію, служитъ неоспоримымъ тому доказательствомъ".

„Послѣ сего начался совершенный безпорядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, продолжаетъ г. Щукинъ, тѣмъ болѣе, что тогда не только не были еще назначены мировые посредники, но даже не было ни волостей, ниже сельскихъ обществъ."

Викторъ Антоновичъ возражаетъ на это: „при самомъ началѣ полевыхъ работъ возникали замѣшательства въ разныхъ мѣстностяхъ, но эти замѣшательства были безотлагательно устранены различными мѣрами: поѣздками генерала Кознакова въ уѣзды тарусскій, мещовскій, жиздринскій и медынскій, передвиженіемъ войскъ, посылкою разныхъ должностныхъ лицъ: членовъ присутствія князя Оболенскаго, Свистунова, кандидатовъ въ мировые посредники Скворцова, Муромцева, Пусторослева, Всеволожскаго, Рагозина, Постникова, чиновниковъ Грешищева, совѣтника губернскаго правленія Колошина, частныхъ приставовъ Нетрусова, Дмитревскаго, Лаврова и Космовскаго. Совокупная и притомъ вполнѣ разумная и справедливая дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ способствовала къ успокоенію волненія и разъясненію замѣшательствъ и тѣмъ предупредила принятіе мѣръ чрезвычайной строгости, чего, какъ оказалось, безосновательно домогались губернскій и уѣздный предводители дворянства. Впрочемъ, до назначенія мировыхъ посредниковъ и

открытія волостей и сельскихъ обществъ мировая власть находилась въ рукахъ предводителей. Въ оффиціальныхъ отвѣтахъ на запросъ губернатора предводители сами свидѣтельствуютъ, что при возникавшихъ между крестьянами случаяхъ недоумѣній или уклоненія отъ работъ они дѣлали имъ внушенія, входили въ разсмотрѣніе заявленій со стороны помѣщиковъ, и жалобы сихъ послѣднихъ были ими въ свое время удовлетворены.

„Губернское же начальство считало своею обязанностью разрѣшать немедленно всѣ тѣ заявленія и жалобы, которыя до него доходили, и ни одна изъ этихъ жалобъ не оставлена безъ законнаго разбирательства, какъ это доказывается дѣлами губернскаго присутствія.

„Свѣдѣнія о времени назначенія мировыхъ посредниковъ и открытія волостей и сельскихъ обществъ напечатаны въ приложеніи къ № 48 Губернскихъ Вѣдомостей. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что шесть мировыхъ посредниковъ назначены въ апрѣлѣ, 22 въ маѣ, 3 въ іюнѣ и 1 въ іюлѣ; кромѣ того, въ четырехъ уѣздахъ: боровскомъ, медынскомъ, козельскомъ и мосальскомъ, увеличено число мировыхъ посредниковъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ.

„При содѣйствіи мировыхъ посредниковъ волостныя и сельскія управленія быстро открывались одно за другимъ, и самыя позднія изъ нихъ открыты за четыре мѣсяца до назначенныхъ въ распорядительномъ указѣ сроковъ. На основаніи 8 и 14 пунктовъ указа, срокъ открытія волостей оканчивался 14 декабря, въ калужской же губерніи послѣднія волости открыты въ августѣ мѣсяцѣ“.

Далѣе г. Щукинъ пишетъ: „крестьяне, оставленные безъ всякаго прямого начальства, перестали считать обязательнымъ исполненіе возложенныхъ на нихъ повинностей; они увидали, что въ русскомъ царствѣ явилась новая власть, потворствующая неисполненію повелѣній Императора; вмѣстѣ съ тѣмъ народъ убѣдился и въ могуществѣ новой власти тѣмъ, что въ духѣ ея вездѣ съ подобострастіемъ спѣшила дѣйствовать полиція, которая при всѣхъ жалобахъ помѣщиковъ, отстраняя Высочайше утвержденное положеніе, руководствовалась единственно данными ей предписаніями. Куда ни обращались помѣщики, нигдѣ не могли они получить удовлетворенія, а крестьяне глумились надъ ними, нахально не исполняя ихъ требованій. Бой былъ слишкомъ неравенъ, помѣщичьи хозяйства не могли выдержать подобнаго потрясенія, и послѣдствіемъ сего явилось то жалкое

оложеніе, до котораго доведена нынѣ производительность калужской губерніи".

Викторъ Антоновичъ говоритъ по этому поводу: „по обвиненіямъ губернскаго предводителя, имѣвшимъ болѣе опредѣленный и частный характеръ, были съ моей стороны представлены возраженія, изложенныя выше; общее же обвиненіе въ потворствѣ губернскимъ начальствомъ неисполненію повелѣній Императора есть обвиненіе такого свойства, что я считаю невозможнымъ на него отвѣчать. Оправдывать себя въ подобномъ обвиненіи, ни на какихъ фактахъ не основанномъ, было бы дѣломъ несогласнымъ съ достоинствомъ того званія, которымъ я облеченъ по довѣрію Его Величества. При всемъ томъ я полагаю, что было бы неудобно въ правительственномъ отношеніи оставить настоящее заявленіе губернскаго предводителя безъ последствій. Отъ него, по моему мнѣнію, слѣдовало бы истребовать доказательства и факты въ подтвержденіе взводимаго имъ обвиненія и, въ случаѣ уклоненія отъ этой обязанности, или въ случаѣ невозможности ее исполнить, поступить съ нимъ на основаніи законовъ, относящихся до бездоказательныхъ доносовъ, обвиняющихъ въ важныхъ преступленіяхъ (ст. 44 — 60 XV т. св. зак. уголовн. часть II, 341 ст. Улож. о нак.)."

„Впрочемъ, не въ этихъ однихъ дѣйствіяхъ, продолжаетъ . Щукинъ, видно одностороннее направленіе крестьянскаго дѣла по калужской губ.; то же проявлялось при назначеніи посредниковъ: вмѣсто того, чтобы избрать ихъ, какъ Высочайше повелѣно, по совѣщанію съ предводителями, отвергнуты почти всѣ тѣ, на которыхъ указано дворянствомъ, и должности эти замѣщены такими лицами, изъ которыхъ многія вовсе не извѣстны въ губерніи."

Викторъ Антоновичъ возражаетъ на это: „изъ прилагаемыхъ таблицъ, составленныхъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, видно, что изъ числа 37 мировыхъ посредниковъ калужской губерніи и 13 кандидатовъ къ нимъ, 20 посредниковъ и 4 кандидата назначены по указаніямъ и ходатайству предводителя дворянства; 10 посредниковъ и 9 кандидатовъ по совѣщанію съ предводителями и съ ихъ согласія; затѣмъ только 7 мировыхъ посредниковъ опредѣлены по личному выбору начальника губерніи, безъ согласія предводителей. Слѣдовательно, обвиненіе въ томъ, что почти всѣ лица, которыя были указаны предводителями, отвергнуты, совершенно ложно; если же нѣкоторыя лица изъ числа представленныхъ предводителями и не выбраны начальникомъ губерніи въ мировые посредники, то по причи-

намъ, которыя нельзя было не принять въ уваженіе, руководясь циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 22 марта 1861 г., о порядкѣ избранія мировыхъ посредниковъ, возлагающимъ на начальниковъ губерній отвѣтственность въ случаяхъ, если бы избранныя лица не удовлетворяли требованіямъ приведеннаго циркуляра. Причины эти изложены въ прилагаемой таблицѣ № 2".

По таблицѣ причины эти слѣдующія: по калужскому уѣзду—Д. боленъ глухотою, фонъ-Р., Л. и Ф. не удовлетворяли условіямъ циркуляра, Л. вовсе неизвѣстенъ начальнику губерніи; по перемышльскому уѣзду—Ш., Щ., С. и С. не удовлетворяли условіямъ циркуляра, притомъ же по степени сочувствія къ крестьянскому дѣлу не могли быть сравнены съ Р., и за назначеніемъ У., по выбору предводителя, обѣ вакансіи въ перемышльскомъ уѣздѣ были замѣщены; по козельскому уѣзду—Д. отказался, Я., Щ. и М. не назначены, за избраніемъ другихъ, по соглашенію съ предводителемъ; по лихвинскому уѣзду С. и П. совершенно не удовлетворяли условіямъ циркуляра, тѣмъ болѣе, что крѣпостное направленіе многихъ вліятельныхъ помѣщиковъ лихвинскаго уѣзда требовало назначенія въ должности мировыхъ посредниковъ людей вполнѣ надежныхъ и твердыхъ; Х. находится за границей; по тарусскому уѣзду—Щ. по старости лѣтъ; М. крайній защитникъ крѣпостного права; на него введено обвиненіе въ подлогѣ по прежней его службѣ посредникомъ полюбовнаго размежеванія, и дѣло объ этомъ производится въ уѣздномъ судѣ; Б. не назначенъ мировымъ посредникомъ потому, что о немъ производилась переписка по обвиненію въ томъ, что онъ, въ видѣ наказанія, запрягъ въ борону бабу и боронилъ такимъ образомъ свое поле, въ чемъ онъ и самъ отчасти сознался; М. не соотвѣтствуетъ циркуляру; по боровскому уѣзду С., Нилъ Ч., К. и Петръ Ч. не назначены потому, что вмѣсто нихъ назначены по выбору и соглашенію съ предводителемъ помѣщики, болѣе соотвѣтствующіе условіямъ циркуляра; по медынскому уѣзду Г.—добрый, но человѣкъ нерѣшительный и направленія неопредѣленнаго; М. совершенно не способенъ и полонъ крѣпостныхъ предразсудковъ, К. и Л. пріобрѣли извѣстность по прежней службѣ въ должности исправниковъ: 1-й по наклонности къ злоупотребленіямъ, а второй по жестокости и опрометчивости; по мещовскому уѣзду К., Д. и О. не удовлетворяли условіямъ циркуляра; Т. былъ назначенъ кандидатомъ въ мировые посредники, но подалъ въ отставку и уво-

ленъ; затѣмъ относительно К. по мосальскому уѣзду отмѣчено въ таблицѣ коротко и ясно—ипохондрикъ.

Затѣмъ господинъ Щукинъ пишетъ далѣе: „чтобы лишить дворянство главнаго защитника его интересовъ, губернскій предводитель лишенъ былъ возможности заявлять присутствію о нуждахъ дворянъ и оффиціально увѣдомленъ начальникомъ губерніи, что по сему предмету состоялось постановленіе губернскаго присутствія. Наконецъ, для той же цѣли не заявленъ, какъ предводителямъ, такъ и посредникамъ министерскій циркуляръ (о которомъ имѣются стороною свѣдѣнія) объ удаленіи на два года изъ имѣній зачинщиковъ изъ крестьянъ въ дѣлахъ объ ослушаніи и неисполненіи повинностей, а между тѣмъ сообщеніемъ означеннаго циркуляра медлить невозможно, потому что руководствоваться имъ разрѣшено только до конца текущаго года. Для водворенія же порядка необходимо обуздать подстрекателей, волнующихъ умы народонаселенія; не давать въ семъ случаѣ возможности преслѣдовать зачинщиковъ то же, что сочувствовать и потворствовать ихъ преступнымъ замысламъ".

Это обвиненіе Викторъ Антоновичъ опровергаетъ тѣмъ, что губернское присутствіе сдѣлало постановленіе о томъ, чтобы не принимать отъ губернскаго предводителя и прочихъ членовъ присутствія частныхъ писемъ и заявленій, потому что для частныхъ лицъ установленъ законный порядокъ принесенія жалобъ на мировыя учрежденія. Поводомъ къ такому постановленію послужило то обстоятельство, что губернскій предводитель вносилъ въ присутствіе частныя письма, облеченныя въ неприличную форму, заключавшія въ себѣ бездоказательныя обвиненія, и тѣмъ возбуждалъ между членами присутствія неудовольствіе. Сужденія присутствія по этому предмету помѣщены въ журналѣ 20-го іюля, состоявшемся вслѣдствіе заявленія присутствію губернскимъ предводителемъ писемъ господъ О. и Р. Всѣ же оффиціальныя представленія присутствію не только губернскаго, но и уѣздныхъ предводителей разсматриваются въ ономъ и послѣ обсужденія всѣми членами получаютъ направленіе и разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ.

„Что же касается до циркуляра о подстрекателяхъ, то 1) свѣдѣнія о немъ могли дойти до губернскаго предводителя и не стороною, а отъ членовъ присутствія, которому этотъ циркуляръ былъ доложенъ, какъ это доказано изслѣдованіемъ, произведеннымъ вашимъ превосходительствомъ вслѣдствіе сомнѣнія, выраженнаго по этому предмету членомъ присутствія Ю. (до-

несеніе отъ 25 ноября, за № 2318); 2) циркуляръ не при-мѣнялся до сихъ поръ на дѣлѣ потому, что въ губерніи не возникало къ тому поводовъ, и 3) послѣднія слова обвиненія губернскаго предводителя въ этой статьѣ относятся къ тому разряду обвиненій, на которыя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на бездоказательный доносъ."

Далѣе господинъ Щукинъ говоритъ: „не только въ общихъ по губерніи распоряженіяхъ проводилась тлетворная мысль разъединенія сословій и укорененія въ народѣ убѣжденія, что для Россіи наступила пора безначалія,—принципъ этотъ проявлялся постоянно даже и во всѣхъ частныхъ случаяхъ.

„Свидѣтельствомъ тому слѣдующія дѣла: 1) Въ прошломъ 1860 г. возникло волненіе въ имѣніи Д., гдѣ крестьяне, бездоказательно указывая только на бывшее, будто бы, когда-то жестокое обращеніе помѣщика, отказались отъ работъ ему, а впослѣдствіи уклонились отъ платежа оброковъ. Г. начальникъ губерніи ѣздилъ по этому случаю въ Медынь, вызывалъ туда нѣкоторыхъ крестьянъ, приказывалъ имъ именемъ Государя Императора исполнять работы съ тѣмъ, что жалобы ихъ разберутся, но крестьяне отказались, и приказаніе именемъ Государя осталось втунѣ. (Это обстоятельство не помѣщено и въ дѣлѣ). Послѣ этого началось слѣдствіе, явно клонившееся въ пользу крестьянъ, продолжавшихъ между тѣмъ упорно не повиноваться и работавшихъ, и то кое-какъ, подъ карауломъ войскъ. Этому обстоятельству, какъ равно и тому, что крестьяне отказались подписать свои показанія, не дано значенія неповиновенія правительственной власти. Оконченное слѣдствіе разсматривалось губернскимъ правленіемъ и передано было, съ заключеніемъ его, на разсмотрѣніе собранія гг. предводителей и депутатовъ дворянства. Собраніе, разсмотрѣвъ во всей подробности дѣло, нашло виновными крестьянъ. Послѣ сего г. начальникъ губерніи предложилъ Д. условія, на которыхъ сей послѣдній могъ бы управлять имѣніемъ. Условія эти (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно высказывается совершенное непониманіе хозяйства), какъ неосновательныя, Д. отвергнулъ, съ указаніемъ на предложенныя имъ самимъ, найденныя собраніемъ гг. предводителей и депутатовъ правильными. Тогда г. начальникъ губерніи, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, уже употребилъ все стараніе, чтобы, перенеся дѣло въ Сенатъ, взять имѣніе Д. въ опеку. Не надѣясь на изложенныя въ слѣдствіи факты, онъ взялъ справку изъ дѣлъ бывшаго московскаго военнаго генералъ-губернатора Закревскаго, которому когда-то приходили

аловаться люди Д—ва, и на этой справкѣ Правительствующій енатъ основалъ главнѣйшимъ образомъ свое опредѣленіе о ятіи въ опеку имѣнія Д—ва Д. изъ имѣнія выѣхалъ, а между эмъ крестьяне все-таки продолжали не повиноваться и не латили оброковъ. Прекрасно устроенное хозяйство въ этомъ мѣніи пришло въ совершенный упадокъ, Д. разоренъ. А ежду тѣмъ мосальскій уѣздный судъ, разсматривавшій это ѣло, недавно постановилъ опредѣленіе, обвинивъ крестьянъ. сли по разсмотрѣніи дѣла судомъ виновными оказались креьяне, за что же обвиненъ и разоренъ Д-въ? При этомъ надо мѣтить, что главные зачинщики, которые во время слѣдствія держались въ острогѣ, не были преданы суду.

„2) Дѣло Г—са. Въ имѣніи мосальскаго помѣщика Г. послѣ азмежеванія земель должно было переселить крестьянъ, асть помѣщичьихъ и часть государственныхъ. Сказка объ этомъ тверждена министерствомъ государственныхъ имуществъ. Для ереселенія этого помѣщикомъ поставлено 22 новыхъ двора. убернскимъ начальствомъ командируется комиссія, при котоой должно совершиться переселеніе. Вмѣсто того, чтобы, по эзможности, споспѣшествовать этому дѣлу, комиссія, напереоръ помѣщику, дѣлаетъ новую переоцѣнку строеній, оцѣняя ритомъ старые крестьянскіе дворы огромной цѣной. При томъ комиссія безъ всякой надобности отыскала неудобство въ ереселеніи Г. его крестьянъ. Переселеніе останавливается, помѣщикъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, объявляетъ, то онъ уже не переселяетъ своихъ крестьянъ въ поставленные мъ новые дворы. Такимъ образомъ, дѣло дошло до того, что помѣщикъ несетъ убытки отъ истраченнаго безъ достиженія ѣли капитала, и крестьяне лишаются льготъ, которыя предотавлялъ имъ помѣщикъ при переселеніи въ новыя усадьбы.

„3) Дѣло М—ва уже находится въ министерствѣ. Замѣчаельно послѣднее обстоятельство этого дѣла. Крестьяне, удаенные изъ имѣнія по Высочайшему повелѣнію, подавали просьбы ачальнику губерніи о возвращеніи ихъ, и онъ постановилъ, тобы губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, не мѣвшее даже въ разсмотрѣніи слѣдствія, ходатайствовало о озвращеніи ихъ въ имѣніе. По этому вопросу подано было противное мнѣніе губернскимъ предводителемъ, вслѣдствіе чего ходатайство и не состоялось.

„4) У помѣщика К—го возмущавшій все имѣніе крестьянинъ оставленъ безъ наказанія въ имѣніи, продолжая и теперь возмущать крестьянъ. Подробности этого дѣла сообщитъ самъ К.

„5) Дѣло П. видно изъ писемъ его къ губернскому предводителю.

„6) Въ имѣніи Людиново, въ жиздринскомъ уѣздѣ, одинъ крестьянинъ на сходѣ сбивалъ другихъ, что, будто бы, самъ читалъ новое Положеніе, и что Высочайше утвержденному въ девятнадцатый день февраля уже не слѣдуетъ вѣрить. Управляющій доносилъ объ этомъ господину начальнику губерніи и губернскому предводителю; сей послѣдній заявлялъ объ этомъ присутствію, но дѣло оставлено безъ послѣдствій, и крестьянинъ, возмущавшій народъ (имѣніе болѣе 1000 душъ) — безъ наказанія. Подробности этого можно видѣть изъ имѣющейся въ губернскомъ присутствіи записки управляющаго“.

По поводу всего этого Викторъ Антоновичъ говоритъ: „ниже будутъ объяснены всѣ обстоятельства указанныхъ губернскимъ предводителемъ дѣлъ, и опровергнуты взводимыя по онымъ обвиненія. Здѣсь можно будетъ замѣтить, что изъ этихъ дѣлъ два относятся ко времени существованія крѣпостного права, и одно изъ нихъ, Д—ва, разрѣшено уже Сенатомъ, а другое, Г—са, не имѣетъ никакой связи съ крестьянскимъ вопросомъ и возникло вслѣдствіе полюбовной сказки, совершенной между Г. и государственными крестьянами, и также разрѣшено министерствомъ согласно съ воззрѣніемъ калужской губернской власти.

„Дѣло о медынскомъ помѣщикѣ Д—вѣ возникло изъ того, что крестьяне деревни Сенявиной, крайне тяготясь смѣшанной повинностью, 21 іюня 1860 г. не вышли на господскія работы. При разборѣ этого случая временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда, уѣзднымъ предводителемъ дворянства и губернскимъ стряпчимъ крестьяне Д—ва, жалуясь на соединеніе барщины съ оброкомъ и прежнее жестокое обращеніе помѣщика, рѣшительно объявили, что не пойдутъ на работу до тѣхъ поръ, пока правительство не установитъ у нихъ оброчнаго положенія и не устранитъ жестокаго обращенія Д—ва. Такъ какъ заявленіе это выражали громче другихъ одиннадцать человѣкъ, то они были арестованы и отправлены для заключенія въ тюремный замокъ, сначала въ медынскій, потомъ въ калужскій, а четырнадцать человѣкъ, наиболѣе выдавшихся изъ толпы, наказаны розгами. Ожесточеніе ихъ противъ помѣщика было такъ велико, что они вытерпѣли наказаніе молча. Остальной весь народъ, ставъ на колѣни и крестясь, началъ добровольно приготовляться къ наказанію и, раздѣваясь, говорилъ: „Спаситель терпѣлъ за правду еще больше“. Въ имѣніи оставлена военная экзекуція.

„Между тѣмъ, для ближайшаго наблюденія за ходомъ

этого дѣла губернаторъ отправился въ Медынь, гдѣ поступили къ нему отъ крестьянъ два прошенія, въ которыхъ они жаловались на притѣсненія и жестокое обращеніе помѣщика. Чтобы заставить крестьянъ исполнять спѣшныя полевыя работы впредь до разбора жалобъ, губернаторъ призвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ на квартиру въ г. Медынь и увѣщевалъ повиноваться какъ помѣщику, такъ и вообще установленнымъ властямъ, напоминая имъ, что законы Его Императорскаго Величества должны быть безпрекословно исполняемы.

„Узнавъ, что крестьяне Д—ва платятъ въ годъ съ тягла по 25 руб. 68 к. и исполняютъ притомъ работы, которыя равняются работамъ чисто барщинскихъ имѣній, и лично убѣдившись, что одною изъ главныхъ причинъ сильной вражды крестьянъ къ Д—ву служитъ чрезмѣрно строгое его обращеніе съ ними, а также имѣя въ виду жалобы крестьянъ на владѣльца и заявленное ими рѣшительное намѣреніе не исполнять въ отношеніи къ нему своихъ обязанностей, губернаторъ, возвратившись въ Калугу, по личномъ совѣщаніи объ этомъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, призналъ необходимымъ назначить формальное слѣдствіе о происшедшихъ въ имѣніи Д—ва безпорядкахъ. Слѣдственная комиссія составлена была изъ лицъ самыхъ благонадежныхъ: губернскаго стряпчаго Кричевскаго, отличающагося вообще чистотою и безукоризненностью дѣйствій, и медынскихъ уѣзднаго предводителя и стряпчаго, которые производили допросы при генералъ-маіорѣ корпуса жандармовъ Гринфельдѣ, а потому нѣтъ никакого основанія думать, чтобы слѣдователи дѣйствовали пристрастно въ пользу крестьянъ. Во время слѣдствія работы синявинскими крестьянами дѣйствительно производились подъ присмотромъ воинской команды, но потому, что сами они согласились идти на барщину не иначе, какъ въ сопровожденіи конвоя изъ солдатъ. Полевая же уборка кончена ими вся 14 сентября, и, кромѣ того, озимаго хлѣба засѣяно 72½ десятины. Если крестьяне, спрошенные слѣдователями, отказались подписать свои показанія, то это, согласно 187 ст. XV т. св. зак., оговорено въ слѣдствіи и не требовало никакихъ административныхъ распоряженій.

„Слѣдствіемъ обнаружено, что 1) съ переходомъ къ Д—ву имѣнія отъ его жены постепенно увеличивались работы и повинности, а, между тѣмъ, у крестьянъ отобраны были находившіеся въ ихъ пользованіи луга въ нѣкоторыхъ пустошахъ; 2) требуя отъ крестьянъ строгой отчетливости въ исполненіи работъ, Д—въ наказывалъ ихъ жестоко даже за малѣйшія упу-

щенія, такъ что всегда на мѣсто, гдѣ производились работы, привозились розги и палки, которыми наказывали иногда до 300 ударовъ. Женщинъ Д—въ своеручно билъ арапникомъ и кнутомъ. Впрочемъ, лѣтъ пять назадъ розги и палки возить на барщину перестали, и года три Д—въ, по словамъ крестьянъ, не бьетъ сильно, но требовательность его въ отношеніи работы не уменьшилась; 3) Д—въ бралъ деньги за обращеніе дворовыхъ людей въ крестьянъ и за освобожденіе крестьянъ отъ рекрутства; 4) поддерживалъ расположеніе крестьянъ къ расколу и потомъ самовольно разрушалъ ихъ молельни и богомольни, не заявляя объ этомъ правительству; 5) преслѣдуя безбрачіе, обязывалъ дѣвокъ, если онѣ не выйдутъ замужъ до 22 лѣтъ, платить оброку отъ 10 до 15 руб. ассигнац. въ годъ и выпрядать до 20 талекъ, отчего въ его имѣніи, по выраженію Д—ва, скоро перевелись дѣвки: однѣ изъ нихъ вышли замужъ, а другія откупились на волю, съ обязательствомъ не жить въ имѣніи.

„Слѣдствіе это передано было на обсужденіе въ общее собраніе гг. предводителей и депутатовъ дворянства. Собраніе, смотря на дѣло съ своей точки зрѣнія, совершенно оправдало Д—ва и во всемъ обвинило крестьянъ. Послѣ этого, имѣя въ виду ожидаемую реформу крѣпостныхъ отношеній, правильнаго и спокойнаго осуществленія которой нельзя достигнуть безъ взаимнаго довѣрія между крестьянами и владѣльцами, а также заботясь о сохраненіи, въ возможной мѣрѣ, хозяйственнаго устройства въ имѣніи, губернаторъ предлагалъ Д—ву, чрезъ губернскаго предводителя дворянства, предупредить уголовный исходъ дѣла мирнымъ соглашеніемъ съ крестьянами. Но Д—въ уклонился отъ этого, называя въ своей запискѣ по настоящему предмету совѣты губернатора нарушеніемъ владѣльческихъ правъ и даже произволомъ. Затѣмъ оставалось уже дать формальный ходъ дѣлу, и губернское правленіе, убѣдившись изъ произведеннаго слѣдствія, что волненіе крестьянъ Д—ва возбуждено тягостными для нихъ распоряженіями владѣльца и личными его свойствами, и что для водворенія спокойствія въ имѣніи необходимо взять его въ опеку, на основаніи 1109 ст. т. IX и 420, 421 ст. XIV т. уст. о предупр. и пресѣч. преступл., представило объ этомъ на разрѣшеніе Правительствующаго Сената.

„Такимъ образомъ, изъ изложеннаго видно, что не оскорбленное самолюбіе, а рѣшительная невозможность мирнымъ путемъ возстановить въ имѣніи Д—ва порядокъ и спокойствіе была причиною перенесенія дѣла въ Правительствующій Сенатъ. Въ этомъ случаѣ не могло быть мѣста моему произ-

волу, потому что дѣло Д—ва разсматривалось и рѣшалось губернскимъ правленіемъ, какъ учрежденіемъ коллегіальнымъ.

„Губернское правленіе, представляя въ Правительствующій Сенатъ о взятіи имѣнія Д—ва въ опеку, препроводило туда подлинное слѣдствіе и копіи со всѣхъ постановленій по дѣлу Д—ва, какъ губернскаго правленія, такъ и дворянскаго собранія. Слѣдовательно, Правительствующій Сенатъ постановилъ свое опредѣленіе по настоящему дѣлу на основаніи всѣхъ данныхъ дѣла, а не преимущественно на взятой мною справкѣ изъ дѣлъ бывшаго московскаго военнаго генералъ-губернатора Закревскаго, которому приносили жалобу на Д—ва его люди. Справка же взята съ цѣлью уяснить отношенія владѣльца къ крестьянамъ и привести въ большую извѣстность причину той вражды, которая заставила ихъ отказываться отъ барщины и съ настойчивостью заявить свои жалобы на владѣльца. Справка по каждому дѣлу наводится, какъ извѣстно, не для затемненія истины, а для большаго ея раскрытія.

„По взятіи имѣнія Д—ва въ опеку губернское начальство продолжало употреблять всѣ мѣры къ огражденію правъ и выгодъ этого помѣщика; несвоевременное же поступленіе оброка объясняется тѣмъ, что крестьяне не хотѣли исполнять этой повинности до рѣшенія о нихъ дѣла судомъ и ссылались на то, что въ прошломъ году, за производившимся у нихъ слѣдствіемъ, они не имѣли времени добыть денегъ на оброкъ и лишены были возможности кончить уборку хлѣба. Впрочемъ, нѣкоторые крестьяне Д—ва добровольно уплатили состоявшую на нихъ недоимку, а съ другихъ, по постановленію мирового посредника, пополнена она продажею движимаго имущества съ аукціоннаго торга, такъ что къ 15 ноября, по донесенію медынскаго исправника, крестьянами деревни Синявиной уплачена вся недоимка первой половины года, и только за однимъ крестьяниномъ осталось 4 рубля, которому, по бѣдности и по неимѣнію ничего излишняго для продажи, сдѣлана отсрочка по 20 число ноября. Нельзя, конечно, отрицать того, что принудительное отбываніе крестьянами работъ и повинностей служило къ разстройству хозяйства въ имѣніи Д—ва, но виноватъ въ томъ самъ помѣщикъ, поселившій въ крестьянахъ ненависть къ себѣ притѣсненіемъ ихъ и жестокимъ съ ними обращеніемъ. Притомъ, естественно, не могло уже имѣть прежнихъ размѣровъ хозяйство, всегда поддерживаемое мѣрами жестокости; особенно же оно должно было принять другое положеніе съ того времени, какъ, по распоряженію губернскаго правленія, въ имѣніи Д—ва уничтожена

смѣшанная повинность, и крестьяне сведены на одинъ оброкъ по 26 руб. съ тягла. Мѣра эта, принятая на основаніи 633 ст. II т. общ. губ. учрежд., послѣдовала еще до изданія новаго положенія о крестьянахъ и вызвана была крайнею необходимостью, потому что рѣшительно не было никакой возможности другими средствами прекратить волненіе между поселянами. При этомъ имѣлось также въ виду предписаніе г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 19 августа 1860 г., которымъ онъ вмѣнилъ мнѣ въ обязанность обратить особенное вниманіе на оброчное и барщинское хозяйство не только по имѣнію Д—ва, но и вообще по всѣмъ въ губерніи помѣстьямъ, и принять мѣры къ огражденію крестьянъ отъ обременительныхъ для нихъ требованій владѣльцевъ. Да и самъ Д—въ изъявилъ желаніе брать съ крестьянъ одинъ оброкъ, только въ большемъ количествѣ.

„Крестьяне Д—ва, за предъявленіе не въ законной формѣ своихъ претензій на помѣщика и нежеланіе добровольно исполнять барщинскія работы, переданы сужденію мосальскаго уѣзднаго суда.

„Что касается до крестьянъ, во время слѣдствія содержавшихся въ острогѣ, то они избавлены отъ суда по слѣдующей причинѣ: вина ихъ заключалась въ томъ, что при общемъ заявленіи жалобъ на помѣщика голоса ихъ громче другихъ раздавались изъ толпы. Но такъ какъ арестованные крестьяне не участвовали въ дальнѣйшемъ неповиновеніи и проступкахъ остальныхъ поселянъ и въ острогѣ, куда они заключены были только въ видахъ административныхъ, находились 5 мѣсяцевъ, а, между тѣмъ, по смыслу 1984 ст. Улож. о наказ., крѣпостные люди за упорное неповиновеніе господамъ своимъ подвергаются, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ эту вину, лишь наказанію розгами, то губернское правленіе признало справедливымъ не подвергать этихъ крестьянъ уголовному суду, а сдѣлать имъ только внушеніе, объявивъ, что имъ оказывается снисхожденіе собственно потому, что за ослушаніе помѣщика они наказаны содержаніемъ въ тюремномъ замкѣ. Равно избавлены отъ суда и тѣ 14 крестьянъ, которые понесли тѣлесныя наказанія при полицейскомъ разбирательствѣ происшествія.

„Наконецъ, распоряженія губернскаго начальства по дѣлу Д—ва совершенно оправдываются тѣмъ, что они извѣстны Правительствующему Сенату и г. министру внутреннихъ дѣлъ, которому о всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ этого дѣла я съ подробностью доносилъ въ свое время. Нельзя также умолчать о томъ, что и губернскій предводитель дворянства нынѣ вполнѣ

аздѣляетъ мнѣніе о виновности Д—ва въ безпорядкахъ по его мѣнію, ибо иначе онъ не подписалъ бы журнала губернскаго о крестьянскимъ дѣламъ присутствія 5 декабря, въ которомъ ыражены затрудненія къ исполненію указа Правительствующаго енага, за № 49405, объ освобожденіи отъ опекунскаго управенія Д—скаго имѣнія, какъ взятаго въ опеку за жестокое бращеніе владѣльца съ крестьянами".

По объясненію Виктора Антоновича, дѣло Г—са заклюается въ томъ, что „въ 1854 году, по полюбовному соглашенію —са съ уполномоченнымъ отъ палаты государственныхъ имуществъ, при содѣйствіи посредника и при участіи государственыхъ крестьянъ, во избѣжаніе чрезполосности, предположено азмежевать къ однимъ мѣстамъ Спасо-кобыльскую дачу мосальзаго уѣзда, но такъ какъ во всѣхъ деревняхъ этой дачи государственные и помѣщичьи крестьяне живутъ дворами чрезолосно, то переселеніе тѣхъ и другихъ на новые участки . Г—съ принялъ на свой счетъ, обязуясь, взамѣнъ каждаго вора, принадлежащаго государственному крестьянину, и клочка емли подъ коноплянникомъ, поступающимъ въ его участокъ, ать строеніе сравнительно лучшее изъ числа дворовъ его, Г—са, отвести такое же пространство и равнаго достоинства земли одъ коноплянникъ изъ его участка, причемъ всѣ необходимые асходы на переселеніе государственныхъ крестьянъ онъ, Г—съ, ринимаетъ на свой счетъ. Составленная на такихъ условіяхъ олюбовная сказка была утверждена въ 1859 году уѣзднымъ удомъ и министерствомъ государственныхъ имуществъ. При объвленіи объ этомъ государственнымъ крестьянамъ, подлежащимъ ъ переселенію, они, несмотря на дѣлаемыя имъ убѣжденія, тказались отъ принятія усадебъ помѣщичьихъ крестьянъ, выазывая убытки, которые могутъ потерпѣть отъ переселенія, и опасеніе, что Г—съ не исполнитъ даннаго имъ обязательства тносительно вспомоществованія.

„Губернское правленіе, по полученіи отъ палаты государственныхъ имуществъ увѣдомленія о несогласіи крестьянъ на переселеніе, въ отвращеніе дальнѣйшаго сопротивленія и для окончательнаго приведенія въ исполненіе полюбовной сказки, а также для приведенія въ ясность всѣхъ могущихъ возникнуть недоразумѣній, опредѣлило, по соглашенію съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, составить по этому дѣлу смѣшанную комиссію изъ лицъ, извѣстныхъ своею благонадежностью, о чемъ было доведено до свѣдѣнія г. министра государственныхъ имуществъ, который, одобривъ это распоряженіе, просилъ

начальника губерніи обратить вниманіе на исполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя г. Г—мъ, такъ какъ главнѣйшая причина несогласія крестьянъ на переселеніе заключается въ опасеніи, что Г—съ откажетъ имъ въ пособіи при переноскѣ строеній. Комиссія, приступивъ въ сентябрѣ 1860 г. къ исполненію возложеннаго на нее порученія, нашла: 1) что со времени первоначальной оцѣнки, бывшей въ 1854 году, дома государственныхъ крестьянъ исправлялись, помѣщичьи же не поддерживались, отчего пришли въ упадокъ, почему комиссія и приступила къ переоцѣнкѣ; 2) для уравнительнаго распредѣленія усадьбъ и переселенія въ нихъ государственныхъ крестьянъ истребовать со стороны г. Г—са исполненія даннаго имъ обязательства относительно денежнаго пособія, прибавки срубовъ и тому подобнаго; но онъ не только не принялъ на себя исполненія этихъ условій, но и совершенно устранился отъ участія въ этомъ дѣлѣ, несмотря на многократныя приглашенія комиссіи, и 3) наконецъ, г. Г—съ, предположивъ переселить своихъ крестьянъ, выстроилъ имъ дворы на запольныхъ земляхъ, не соотвѣтствующіе по цѣнности и удобству ихъ прежнимъ домамъ и угодьямъ, не выполнивъ при этомъ и прочихъ условій, установленныхъ Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу для переселенія помѣщичьихъ крестьянъ, безъ чего не могло быть достигнуто и переселеніе государственныхъ.

„Такимъ образомъ, вслѣдствіе неисполненія г. Г—мъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, губернское правленіе, прекративъ дѣйствія комиссіи по переселенію, признало нужнымъ составить дополнительную сказку, которая, по составленіи палатою государственныхъ имуществъ, съ заключеніемъ г. начальника губерніи, представлена г. министру государственныхъ имуществъ.

„Изъ всего изложеннаго видно, что губернскимъ правленіемъ приняты были всѣ мѣры къ законному и точному исполненію полюбовной сказки, для доставленія обоюднаго удовлетворенія договаривающимся сторонамъ, но онѣ остались безъ успѣха, по неисполненію самимъ г. Г—мъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ относительно вознагражденія крестьянъ за убытки, которые ими при такомъ положеніи дѣла и по невыполненію г. Г—мъ правилъ, установленныхъ Главнымъ Комитетомъ при переселеніи помѣщичьихъ крестьянъ, неминуемо должны быть понесены“.

По поводу дѣла М—ва Викторъ Антоновичъ писалъ: „такъ какъ дѣло М—ва отнесено губернскимъ предводителемъ къ

раздѣляетъ мнѣніе о виновности Д—ва въ безпорядкахъ по его имѣнію, ибо иначе онъ не подписалъ бы журнала губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 5 декабря, въ которомъ выражены затрудненія къ исполненію указа Правительствующаго Сената, за № 49405, объ освобожденіи отъ опекунскаго управленія Д—скаго имѣнія, какъ взятаго въ опеку за жестокое обращеніе владѣльца съ крестьянами".

По объясненію Виктора Антоновича, дѣло Г—са заключается въ томъ, что „въ 1854 году, по полюбовному соглашенію Г—са съ уполномоченнымъ отъ палаты государственныхъ имуществъ, при содѣйствіи посредника и при участіи государственныхъ крестьянъ, во избѣжаніе чрезполосности, предположено размежевать къ однимъ мѣстамъ Спасо-кобыльскую дачу мосальскаго уѣзда, но такъ какъ во всѣхъ деревняхъ этой дачи государственные и помѣщичьи крестьяне живутъ дворами чрезполосно, то переселеніе тѣхъ и другихъ на новые участки г. Г—съ принялъ на свой счетъ, обязуясь, взамѣнъ каждаго двора, принадлежащаго государственному крестьянину, и клочка земли подъ конопляникомъ, поступающимъ въ его участокъ, дать строеніе сравнительно лучшее изъ числа дворовъ его, Г—са, и отвести такое же пространство и равнаго достоинства земли подъ конопляникъ изъ его участка, причемъ всѣ необходимые расходы на переселеніе государственныхъ крестьянъ онъ, Г—съ, принимаетъ на свой счетъ. Составленная на такихъ условіяхъ полюбовная сказка была утверждена въ 1859 году уѣзднымъ судомъ и министерствомъ государственныхъ имуществъ. При объявленіи объ этомъ государственнымъ крестьянамъ, подлежащимъ къ переселенію, они, несмотря на дѣлаемыя имъ убѣжденія, отказались отъ принятія усадебъ помѣщичьихъ крестьянъ, выказывая убытки, которые могутъ потерпѣть отъ переселенія, и опасеніе, что Г—съ не исполнитъ даннаго имъ обязательства относительно вспомоществованія.

„Губернское правленіе, по полученіи отъ палаты государственныхъ имуществъ увѣдомленія о несогласіи крестьянъ на переселеніе, въ отвращеніе дальнѣйшаго сопротивленія и для окончательнаго приведенія въ исполненіе полюбовной сказки, а также для приведенія въ ясность всѣхъ могущихъ возникнуть недоразумѣній, опредѣлило, по соглашенію съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, составить по этому дѣлу смѣшанную комиссію изъ лицъ, извѣстныхъ своею благонадежностью, о чемъ было доведено до свѣдѣнія г. министра государственныхъ имуществъ, который, одобривъ это распоряженіе, просилъ

начальника губерніи обратить вниманіе на исполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя г. Г—мъ, такъ какъ главнѣйшая причина несогласія крестьянъ на переселеніе заключается въ опасеніи, что Г—съ откажетъ имъ въ пособіи при переноскѣ строеній. Комиссія, приступивъ въ сентябрѣ 1860 г. къ исполненію возложеннаго на нее порученія, нашла: 1) что со времени первоначальной оцѣнки, бывшей въ 1854 году, дома государственныхъ крестьянъ исправлялись, помѣщичьи же не поддерживались, отчего пришли въ упадокъ, почему комиссія и приступила къ переоцѣнкѣ; 2) для уравнительнаго распредѣленія усадьбъ и переселенія въ нихъ государственныхъ крестьянъ истребовать со стороны г. Г—са исполненія даннаго имъ обязательства относительно денежнаго пособія, прибавки срубовъ и тому подобнаго; но онъ не только не принялъ на себя исполненія этихъ условій, но и совершенно устранился отъ участія въ этомъ дѣлѣ, несмотря на многократныя приглашенія комиссіи, и 3) наконецъ, г. Г—съ, предположивъ переселить своихъ крестьянъ, выстроилъ имъ дворы на запольныхъ земляхъ, не соотвѣтствующіе по цѣнности и удобству ихъ прежнимъ домамъ и угодьямъ, не выполнивъ при этомъ и прочихъ условій, установленныхъ Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу для переселенія помѣщичьихъ крестьянъ, безъ чего не могло быть достигнуто и переселеніе государственныхъ.

„Такимъ образомъ, вслѣдствіе неисполненія г. Г—мъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, губернское правленіе, прекративъ дѣйствія комиссіи по переселенію, признало нужнымъ составить дополнительную сказку, которая, по составленіи палатою государственныхъ имуществъ, съ заключеніемъ г. начальника губерніи, представлена г. министру государственныхъ имуществъ.

„Изъ всего изложеннаго видно, что губернскимъ правленіемъ приняты были всѣ мѣры къ законному и точному исполненію полюбовной сказки, для доставленія обоюднаго удовлетворенія договаривающимся сторонамъ, но онѣ остались безъ успѣха, по неисполненію самимъ г. Г—мъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ относительно вознагражденія крестьянъ за убытки, которые ими при такомъ положеніи дѣла и по невыполненію г. Г—мъ правилъ, установленныхъ Главнымъ Комитетомъ о переселеніи помѣщичьихъ крестьянъ, неминуемо должны быть понесены".

По поводу дѣла М—ва Викторъ Антоновичъ писалъ: „такъ какъ дѣло М—ва отнесено губернскимъ предводителемъ

числу дѣлъ, получившихъ неправильный ходъ, то я считаю не-излишнимъ указать на то обстоятельство, что главное направленіе и существенныя распоряженія по этому дѣлу послѣдовали по журналу губернскаго присутствія 10 апрѣля сего года, подписанному всѣми членами и, въ томъ числѣ, самимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Что же касается до того обстоятельства, о которомъ упоминается въ запискѣ губернскаго предводителя, то оно представлено имъ не въ точномъ видѣ. Губернское присутствіе обсуждало вопросъ о представленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ прошенія мастеровыхъ завода М—ва, содержащихся въ городѣ Брянскѣ подъ арестомъ, и журналомъ 6 іюля, состоявшимся по большинству голосовъ, постановило внести означенное прошеніе въ министерство, въ которомъ находилось тогда слѣдствіе о безпорядкахъ на заводахъ М—ва. Этотъ журналъ приведенъ въ исполненіе представленіемъ отъ 8 іюля, за № 810, несмотря на особое мнѣніе г. Щукина, которое также было приложено къ означенному представленію. Я же, съ своей стороны, протестовалъ противъ распоряженія генерала Бутенева о высылкѣ въ Брянскъ людей, имъ самимъ признанныхъ невиновными, особымъ представленіемъ г. министру внутреннихъ дѣлъ 10-го іюня, за № 3357, помимо губернскаго присутствія и за мѣсяцъ до предъявленія присутствію прошенія мастеровыхъ.

„Ходъ дѣла о безпорядкахъ въ имѣніи г. К—го, говоритъ далѣе Викторъ Антоновичъ, подробно изложенъ въ представленіи моемъ вашему превосходительству отъ 18 октября 1861 г., за № 1941. Это дѣло принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя возникли при самомъ началѣ реформы отъ непониманія крестьянами своихъ обязанностей, и, не имѣя важнаго значенія, требовало одного только мирового разбирательства. Доказательствомъ этому служатъ слѣдующія слова свиты Его Величества генералъ-маіора Кознакова въ оффиціальномъ письмѣ его ко мнѣ отъ 8 мая прошлаго года: „ближайшее знакомство съ дѣломъ доказываетъ, что отклоненіе крестьянъ отъ работъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мещовскаго уѣзда не составляетъ какого-либо сопротивленія исполненію Положенія, а возникло либо по недоразумѣнію, либо чисто вслѣдствіе увлеченія крестьянъ какимъ-нибудь нелѣпымъ слухомъ. Но для обращенія крестьянъ къ ихъ обязанностямъ будетъ, кажется, достаточно одного разбирательства мирового посредника. Вообще состояніе умовъ въ мещовскомъ уѣздѣ для настоящаго времени удовлетворительно“. Въ октябрѣ мѣсяцѣ снова возникло дѣло по имѣнію К—го, вслѣд-

ствіе жалобы владѣльца на крестьянина Комякина, производящаго, будто бы, въ имѣніи безпорядки. Губернское присутствіе, по полученіи представленія мещовскаго мирового съѣзда отъ 10 октября, подробно обсудило это дѣло и журналомъ, состоявшимся 7 ноября, постановило: препроводивъ означенное дѣло въ губернское правленіе, просить подвергнуть взводимыя на крестьянина Комякина обвиненія формальному обслѣдованію и оконченное слѣдствіе передать въ надлежащее судебное мѣсто. Такимъ образомъ, дѣло это какъ имѣло сначала, такъ получило и нынѣ правильное законное направленіе".

„По жалобѣ П—ва на уклоненіе его временно-обязанныхъ крестьянъ отъ исполненія повинностей, говоритъ Викторъ Антоновичъ по поводу этого дѣла, уѣздный предводитель дворянства и исправляющій должность станового пристава 29 мая 1861 г. постановили: для усмиренія ихъ истребовать въ имѣніе П—ва военную силу. Они оправдывали эту крайнюю мѣру тѣмъ соображеніемъ, что подобный духъ своеволія, будто бы, начиналъ уже проявляться и въ смежныхъ селеніяхъ. Въ исполненіе этого постановленія, мосальскій земскій исправникъ въ тотъ же день сдѣлалъ распоряженіе о командированіи въ имѣніе П—ва одной роты колыванскаго пѣхотнаго полка, тогда же донеся объ этомъ начальнику губерніи. Для разбора претензіи помѣщика на крестьянъ и отношеній этихъ послѣднихъ къ владѣльцу, а затѣмъ и для окончательнаго заключенія о виновности ихъ, губернское присутствіе журнальнымъ постановленіемъ 31 мая, руководствуясь 130 ст. Полож. о губерн. и уѣздн. учр., назначило мировой съѣздъ. Пока собирался съѣздъ, исправникъ и уѣздный предводитель старались внушить крестьянамъ о необходимости исполненія своего долга, а главные виновники безпорядка, въ числѣ 9 человѣкъ, были взяты и наказаны розгами, каждый 20-ю ударами. Между тѣмъ, мосальскій мировой съѣздъ 4 іюня постановилъ рѣшеніе, которымъ крестьяне обязывались отбывать работы, а въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ П—мъ отъ неисполненія ими повинностей, наложенъ штрафъ въ 462 руб. 30 к. Въ видахъ же окончательнаго поддержанія порядка и спокойствія въ имѣніи, оставлено было въ немъ на недѣлю 25 человѣкъ команды, которые вскорѣ потомъ, когда крестьяне приступили попрежнему къ работамъ, были выведены, по распоряженію исправника. Вслѣдствіе жалобы крестьянъ, губернское присутствіе, по вторичномъ разсмотрѣніи настоящаго дѣла, на основаніи 56, 117, 127 и 130 ст. Полож. о губ. и уѣздн. учрежденіяхъ, журналомъ 23 іюня постановило:

рѣшеніе мосальскаго мирового съѣзда уничтожить, а такъ какъ въ мосальскомъ уѣздѣ полнаго съѣзда составить невозможно, то дѣло это, съ прошеніями крестьянъ, на основаніи 100 и 103 ст. Полож. о губ. и уѣздн. учр., передать на разсмотрѣніе въ мировой съѣздъ ближайшаго уѣзда, и именно мещовскаго. Независимо отъ сего, о крестьянинѣ Ѳедорѣ Яковлевѣ, обвиняемомъ въ возбужденіи крестьянъ къ упорству, поручено было, за неимѣніемъ судебнаго слѣдователя въ томъ участкѣ, въ которомъ находится имѣніе П—ва, земскому исправнику, вмѣстѣ съ становымъ приставомъ, немедленно приступить къ производству формальнаго слѣдствія. Кончивъ свои дѣйствія, мещовскій мировой съѣздъ 5 іюля постановилъ: 1) за сдѣланными П—мъ скидками изъ причитающихся съ крестьянъ 462 руб. 30 коп. взыскать съ нихъ 231 руб. 15 к., изъ коихъ одну половину обязывалъ ихъ уплатить къ 12-му числу іюля, а другую—къ 1 октября 1861 г.; 2) впредь до введенія въ дѣйствіе уставной грамоты крестьяне безъ соглашенія помѣщика не могутъ быть переведены съ издѣльной повинности на оброкъ и должны отбывать въ пользу помѣщика по 3 дня мужскихъ и по 2 женскихъ въ недѣлю съ тягла, за круговою порукою.

„На основаніи постановленія мещовскаго съѣзда, одна половина штрафныхъ денегъ, 114 руб. $32^1/_2$ коп., взыскана съ крестьянъ, по причинѣ ихъ несостоятельности, черезъ продажу ихъ имущества, 25 іюля, при содѣйствіи командированнаго на сей предметъ изъ Калуги частнаго пристава Нетрусова.

„Въ дополненіе къ этому считаю нужнымъ прибавить, во-первыхъ, что слѣдствіе о крестьянинѣ Яковлевѣ не окончено еще потому, что крестьянинъ этотъ находится въ бѣгахъ, и во 2-хъ, что крестьяне П—ва заявили желаніе перейти на оброкъ, но не перешли до сихъ поръ, по нежеланію помѣщика, какъ это можно заключить изъ прошенія, поданнаго имъ въ губернское присутствіе 14 сентября прошлаго года.“

Затѣмъ, по поводу дѣла по имѣнію Л—ва, Викторъ Антоновичъ пишетъ, что, „прошеніе, поданное управляющимъ Симоновымъ начальнику губерніи о неисполненіи крестьянами Л—ва повинностей, получено 16 мая 1861 г. Въ тотъ же день начальникъ губерніи предписалъ земскому исправнику принять безотлагательно мѣры къ возстановленію порядка, согласно имѣющаго состояться рѣшенія предводителя, и если выведенныя въ прошеніи Симонова обвиненія справедливы, поступить съ виновными по законамъ. Исправникъ донесъ, что крестьяне, по его внушенію, тотчасъ же приступили къ отбыванію своихъ повин-

ностей, и что дознаніе о поступкахъ крестьянина Зайцева, болѣе другихъ виновнаго въ безпорядкахъ, передано судебному слѣдователю, а затѣмъ, на особый запросъ губернатора, исправникъ 22 мая довелъ до свѣдѣнія, что всѣ крестьяне Л—ва продолжаютъ исполнять повинности, и что слухи, распространяемые Зайцевымъ о новомъ положеніи, не имѣли вреднаго вліянія на сосѣдственныя имѣнія. Такимъ образомъ, дѣло о поступкѣ крестьянина Зайцева получило судебный ходъ, и наблюденіе за онымъ предоставлено губернскому прокурору, а о скорѣйшемъ окончаніи слѣдствія поручено судебному слѣдователю.

Извѣтъ свой г. Щукинъ завершилъ слѣдующей тирадой: „затѣмъ, прилагаемыя у сего письма гг. помѣщиковъ калужской губерніи о претерпѣваемомъ ими разореніи отъ неповиновенія крестьянъ и о дѣлаемыхъ сими послѣдними помѣщикамъ дерзостяхъ, показываютъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится калужская губернія.

„Кромѣ этихъ писемъ, многія были губернскимъ предводителемъ заявлены въ губернскомъ присутствіи, въ томъ числѣ и жалоба перемышльскаго помѣщика В. на личное оскорбленіе, сдѣланное женѣ его посредникомъ Р. Вообще на назначенныхъ собственно губернаторомъ посредниковъ жалобъ очень много, что видно изъ приложенныхъ при этомъ писемъ, между коими общее письмо гг. лихвинскихъ помѣщиковъ къ уѣздному предводителю, въ которомъ, между прочимъ, объяснено, какъ посредникъ Т. разъясняетъ одинъ и тотъ же законъ различно разнымъ лицамъ.

„Возмутительное настроеніе умовъ помѣщичьихъ крестьянъ калужской губерніи, какъ необходимое послѣдствіе неправильныхъ распоряженій мѣстной администраціи, отозвалось даже въ сосѣднихъ губерніяхъ, такъ что тамошніе начальники были вынуждены ходатайствовать объ огражденіи ихъ отъ такой заразы. Изъ сего одного уже можно вывести заключеніе, до какого болѣзненнаго напряженія доведены у насъ помѣщики и крестьяне. Ежели не будутъ приняты немедленно самыя дѣятельныя мѣры къ водворенію въ калужской губерніи надлежащаго порядка, то давно подготовляемый кризисъ можетъ разрѣшиться самыми пагубными послѣдствіями".

Викторъ Антоновичъ отвѣтилъ на это: „я не считаю себя обязаннымъ представлять какія-либо объясненія или возраженія на каждое изъ приложенныхъ къ запискѣ губернскаго предводителя писемъ, точно такъ же, какъ не считалъ бы себя въ правѣ производить по этимъ письмамъ формальное разбирательство,

сли бы они были мнѣ переданы съ этою цѣлью, потому что, о-1-хъ, принадлежащее каждому право жалобы тогда только ыслимо, какъ понятіе юридическое, и только тогда дѣйстви-ельно и подлежитъ удовлетворенію при примѣненіи его на рактикѣ, когда оно сопряжено съ обязанностью слѣдовать по казанному закономъ пути и обращаться именно къ установ-ленннымъ для суда и разбора мѣстамъ и лицамъ. Если бы всѣ исавшіе письма къ предводителямъ дворянства обратились съ воими претензіями не къ нимъ и не въ формѣ писемъ, а съ алобою или прошеніемъ куда слѣдуетъ по закону, то ихъ пре-ензіи не могли бы остаться безъ удовлетворенія, какъ остались еперь, если онѣ справедливы, и, напротивъ того, если онѣ не-праведливы, то были бы отвергнуты подлежащею властью. Въ ервомъ случаѣ лица, писавшія письма, не имѣли бы основа-ельной причины быть недовольными, а въ послѣднемъ—пре-ензіи ихъ, служа доказательствомъ своей собственной несо-тоятельности и неправильности, не могли бы быть выставлены убернскимъ предводителемъ въ качествѣ актовъ, обвиняю-щихъ губернскую администрацію въ бездѣйствіи или злонамѣ-енности. Притомъ же и самимъ предводителямъ не слѣдовало ы отклонять дворянъ отъ указаннаго закономъ пути и разви-ать въ нихъ обыкновеніе прибѣгать къ ихъ защитѣ и по-кровительству, вмѣсто того, чтобы требовать разбирательства и уда.

2) „За весьма незначительнымъ исключеніемъ, всѣ выше-упомянутыя письма имѣютъ форму обязательныхъ отвѣтовъ на вызовъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Они начинаются такъ: „вслѣдствіе вашего отношенія“, „на вопросъ вашъ“, „въ исполненіе требованія вашего“, „вамъ угодно знать“, „вслѣдствіе повѣстки“, „вслѣдствіе предложенія“, „на циркулярное отношеніе“, „согласно разосланному объявле-нію“, а одинъ изъ пишущихъ даже извиняется въ томъ, что замедлилъ отвѣтомъ на требованіе предводителя [1]).

---

[1]) „Въ числѣ этихъ писемъ находится одно, подписанное 17-ю дворянами ихвинскаго уѣзда и заключающее въ себѣ жалобу на неудовлетворительный выборъ мировыхъ посредниковъ. Это письмо по существу своему могло бы подлежать разбору, если бы: а) оно не было заявлено дворянами такого уѣзда, въ которомъ былъ избранъ предводителемъ гвардіи поручикъ П. Я—въ, из-вѣстный всей губерніи по своимъ порочнымъ и жестокимъ наклонностямъ (мое представленіе вашему пр—ву, отъ 18 октября, № 1941); б) если бы въ числѣ подписавшихъ письмо не находились такія лица, какъ П. Я—въ, Ал. фонъ Р., Ѳед. И., Ал. Л., Ник. Н., фонъ Б. и фонъ В., находящіеся на замѣчаніи

ностей, и что дознаніе о поступкахъ крестьянина Зайцева, бол
другихъ виновнаго въ безпорядкахъ, передано судебному слѣ
вателю, а затѣмъ, на особый запросъ губернатора, исправн
22 мая довелъ до свѣдѣнія, что всѣ крестьяне Л—ва продолжаю
исполнять повинности, и что слухи, распространяемые Зай
вымъ о новомъ положеніи, не имѣли вреднаго вліянія на сос
ственныя имѣнія. Такимъ образомъ, дѣло о поступкѣ крест
нина Зайцева получило судебный ходъ, и наблюденіе за оны
предоставлено губернскому прокурору, а о скорѣйшемъ окон
ніи слѣдствія поручено судебному слѣдователю.

Извѣтъ свой г. Щукинъ завершилъ слѣдующей тирадой: „
тѣмъ, прилагаемыя у сего письма гг. помѣщиковъ калужс
губерніи о претерпѣваемомъ ими разореніи отъ неповинов
крестьянъ и о дѣлаемыхъ сими послѣдними помѣщикамъ де
стяхъ, показываютъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи на
дится калужская губернія.

„Кромѣ этихъ писемъ, многія были губернскимъ предво
телемъ заявлены въ губернскомъ присутствіи, въ томъ чис
и жалоба перемышльскаго помѣщика В. на личное оскорбле
сдѣланное женѣ его посредникомъ Р. Вообще на назначе
ныхъ собственно губернаторомъ посредниковъ жалобъ оче
много, что̀ видно изъ приложенныхъ при этомъ писемъ, меж
коими общее письмо гг. лихвинскихъ помѣщиковъ къ уѣздно
предводителю, въ которомъ, между прочимъ, объяснено, ка
посредникъ Т. разъясняетъ одинъ и тотъ же законъ различ
разнымъ лицамъ.

„Возмутительное настроеніе умовъ помѣщичьихъ крестья
калужской губерніи, какъ необходимое послѣдствіе неправил
ныхъ распоряженій мѣстной администраціи, отозвалось даже в
сосѣднихъ губерніяхъ, такъ что тамошніе начальники были в
нуждены ходатайствовать объ огражденіи ихъ отъ такой зараз
Изъ сего одного уже можно вывести заключеніе, до какого б
лѣзненнаго напряженія доведены у насъ помѣщики и крест
яне. Ежели не будутъ приняты немедленно самыя дѣятельн
мѣры къ водворенію въ калужской губерніи надлежащаго п
рядка, то давно подготовляемый кризисъ можетъ разрѣшит
самыми пагубными послѣдствіями“.

Викторъ Антоновичъ отвѣтилъ на это: „я не считаю се
обязаннымъ представлять какія-либо объясненія или возраже
на каждое изъ приложенныхъ къ запискѣ губернскаго пред
дителя писемъ, точно такъ же, какъ не считалъ бы себя въ пра
производить по этимъ письмамъ формальное разбирательст

если бы они были мнѣ переданы съ этою цѣлью, потому что, во-1-хъ, принадлежащее каждому право жалобы тогда только мыслимо, какъ понятіе юридическое, и только тогда дѣйствительно и подлежитъ удовлетворенію при примѣненіи его на практикѣ, когда оно сопряжено съ обязанностью слѣдовать по указанному закономъ пути и обращаться именно къ установленнымъ для суда и разбора мѣстамъ и лицамъ. Если бы всѣ писавшіе письма къ предводителямъ дворянства обратились съ своими претензіями не къ нимъ и не въ формѣ писемъ, а съ жалобою или прошеніемъ куда слѣдуетъ по закону, то ихъ претензіи не могли бы остаться безъ удовлетворенія, какъ остались теперь, если онѣ справедливы, и, напротивъ того, если онѣ несправедливы, то были бы отвергнуты подлежащею властью. Въ первомъ случаѣ лица, писавшія письма, не имѣли бы основательной причины быть недовольными, а въ послѣднемъ—претензіи ихъ, служа доказательствомъ своей собственной несостоятельности и неправильности, не могли бы быть выставлены губернскимъ предводителемъ въ качествѣ актовъ, обвиняющихъ губернскую администрацію въ бездѣйствіи или злонамѣренности. Притомъ же и самимъ предводителямъ не слѣдовало бы отклонять дворянъ отъ указаннаго закономъ пути и развивать въ нихъ обыкновеніе прибѣгать къ ихъ защитѣ и покровительству, вмѣсто того, чтобы требовать разбирательства и суда.

2) „За весьма незначительнымъ исключеніемъ, всѣ вышеупомянутыя письма имѣютъ форму обязательныхъ отвѣтовъ на вызовъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Они начинаются такъ: „вслѣдствіе вашего отношенія“, „на вопросъ вашъ“, „въ исполненіе требованія вашего“, „вамъ угодно знать“, „вслѣдствіе повѣстки“, „вслѣдствіе предложенія“, „на циркулярное отношеніе“, „согласно разосланному объявленію“, а одинъ изъ пишущихъ даже извиняется въ томъ, что замедлилъ отвѣтомъ на требованіе предводителя [1]).

---

[1]) „Въ числѣ этихъ писемъ находится одно, подписанное 17-ю дворянами [illegible]скаго уѣзда и заключающее въ себѣ жалобу на неудовлетворительный выборъ мировыхъ посредниковъ. Это письмо по существу своему могло бы подлежать разбору, если бы: а) оно не было заявлено дворянами такого уѣзда, въ которомъ былъ избранъ предводителемъ гвардіи поручикъ П. Я—въ, из[illegible] всей губерніи по своимъ порочнымъ и жестокимъ наклонностямъ ([illegible] вашему пр—ву, отъ 18 октября, № 1941); б) если бы въ [illegible] письмо не находились такія лица, какъ П. Я—въ, Ал. [illegible], [illegible] Н., Ал. Л., Ник. Н., фонъ Б. и фонъ В., находящіеся на замѣчаніи

„Подобныя жалобы, возникшія не по инціативѣ самихъ жалующихся и не изъ личнаго ихъ побужденія и сознанія, а вслѣдствіе искусственнаго возбужденія извнѣ, подтверждають справедливость заявленнаго мною, въ представленіи моемъ вашему пр—ву, отъ 25 октября 1861 г., за № 1986, указанія на принятую нѣкоторыми предводителями систему агитаціи между дворянскимъ сословіемъ калужской губерніи. Письма, обязанныя своимъ происхожденіемъ этой системѣ, не представляютъ достаточнаго ручательства въ истинѣ заключающихся въ нихъ заявленій и не могутъ служить основаніемъ къ правильнымъ выводамъ и заключеніямъ. Наши законы предвидѣли безполезность и даже вредъ для общественнаго спокойствія такихъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты по жалобамъ, приносимымъ не въ установленномъ порядкѣ, а именно: въ ст. 239, т. I, ч. II, кн. IV въ общемъ наказѣ министерствамъ постановлено, между прочимъ, правило: не давать движенія жалобамъ, безъ всякихъ доказательствъ приносимымъ, *а паче* не допускать доносовъ, на *одной ябедѣ* основанныхъ (п. 2). Этою же статьею предписывается: съ доносителями, во лжи и ябедѣ приличенными, поступать по законамъ.

„Въ настоящее время, когда, вслѣдствіе только-что совершившейся крестьянской реформы, не установились еще вполнѣ опредѣлительныя и миролюбивыя отношенія между временно-обязанными крестьянами и помѣщиками, разсылка къ симъ послѣднимъ циркулярныхъ возбужденій не можетъ, конечно, не способствовать къ расположенію жалобъ и неудовольствій. Правительственная власть, пожелавшая бы приступить къ разбору жалобъ, возникшихъ такимъ путемъ, была бы вовлечена въ тревожную и неправильную дѣятельность, которая осталась бы безъисходною, или привела бы къ ложнымъ результатамъ, ибо основаніемъ ея изысканій служили бы не дѣйствительныя, возникающія изъ самой жизни требованія и нужды общественныя, но проявленія,

губернской администраціи по разнымъ дѣламъ, изобличающимъ ихъ неблаговидное направленіе, и в) если бы не замѣчалось отсутствіе подписей такихъ лицъ, которыя пользуются въ обществѣ лучшею репутаціею.

Помѣщикъ В—кій въ іюлѣ прошлаго года, въ частномъ письмѣ на имя губернскаго предводителя, жаловался на посредника Р. Губернское присутствіе, выслушавъ это письмо, возвратило его губернскому предводителю, съ просьбою указать просителю законный порядокъ для принесенія своей жалобы. Такой жалобы отъ г. В—каго до сего времени не поступало.

Что касается до упоминаемаго въ запискѣ разнорѣчиваго разъясненія статей Положенія посредникомъ Т—вымъ, то жалобъ въ губернское присутствіе по этому предмету также не поступало“.

ызванныя только нѣсколькими агитаторами. Если бы такимъ ке искусственнымъ и постороннимъ вліяніемъ вызывались жаюбы со стороны сословія освобожденныхъ крестьянъ, то это югло бы повести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ въ отюшеніи общественнаго порядка.

3) „Если бы губернскій предводитель былъ въ состояніи мотрѣть на совершающееся преобразованіе безпристрастно и ерьезно, онъ, во-1-хъ, не рѣшился бы, на основаніи имъ амимъ вызванныхъ писемъ, вывести заключеніе о бѣдственномъ юложеніи всей калужской губерніи, и во-2-хъ, онъ не могъ ы не принять въ соображеніе, что личныя неудовольствія и едоразумѣнія, и даже частные неустройства и безпорядки стественны и неизбѣжны при такой громадной реформѣ, коорая ведетъ къ измѣненію сложившагося вѣками экономичекаго и нравственнаго быта нашего общества.

„Образъ воззрѣнія губернскаго предводителя на эту реформу ообще и въ особенности на ходъ крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи побудилъ его выразить въ заключеніи къ воей запискѣ опасеніе, что давно подготовляемый въ калужкой губерніи кризисъ можетъ разрѣшиться самыми пагубными юслѣдствіями.

„Я не беру на себя смѣлости предсказывать будущее, хотя е могу не выразить сознанія, что калужская губернская власть, ѣлая непосредственныя распоряженія по возникающимъ частымъ дѣламъ, принимала при этомъ и общія правительственыя мѣры, имѣя въ виду не одну настоящую минуту и не лучайныя только обстоятельства, но общее значеніе крестьянкаго вопроса и послѣдующее его развитіе. Дѣятельность ея остояла въ подготовкѣ къ правильному, законному разрѣенію крестьянскаго дѣла, и заботы администраціи были до его времени награждены самыми благопріятными результатами.

„Первое послѣ объявленія манифеста время прошло споойно, самыя важныя затрудненія преодолѣны успѣшно, власть е прибѣгала къ помощи оружія, и генералъ Кознаковъ не стрѣтилъ обстоятельствъ, которыя вынудили бы его принять собыя, чрезвычайныя мѣры, на которыя онъ былъ уполномоенъ; убытки, понесенные помѣстнымъ дворянствомъ, предстаяются не въ такомъ видѣ и не въ той степени, какъ жеаетъ ихъ выразить губернскій предводитель; наконецъ, напраленіе, данное здѣсь крестьянскому дѣлу, разрѣшается въ натоящее время тѣмъ, что желаемый благоразумными помѣщиами переходъ крестьянъ съ барщины на оброкъ совершается

въ губерніи съ особеннымъ успѣхомъ и быстротою, и постепенно увеличивается число уставныхъ грамотъ, составляемыхъ по взаимному соглашенію.

„Такихъ результатовъ достигаютъ губернская администрація и мировыя учрежденія, несмотря на препятствія, безпрерывно воздвигаемыя со стороны нѣкоторыхъ предводителей и многихъ помѣщиковъ, которые до того увлеклись своею ненавистью къ новому порядку вещей, что не признаютъ существованія неоспоримыхъ фактовъ и готовы, въ ущербъ собственнымъ своимъ интересамъ, вредить благопріятному исходу дѣла, для того только, чтобы не лишать себя повода и возможности жаловаться и порицать этотъ новый порядокъ.

„Я считаю полезнымъ устранить свою личность при обсужденіи настоящаго предмета и, не обращая вниманія на нападенія и укоры, направленные собственно противъ меня, оцѣнить эти проявленія съ точки зрѣнія болѣе общей и чисто правительственной. Въ этихъ проявленіяхъ видно прежде всего нерасположеніе большей части помѣстнаго дворянства къ совершившемуся преобразованію, и если приверженцы крѣпостного права имѣютъ враждебное чувство даже къ частнымъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу освобожденія крестьянъ, то это чувство увеличивается въ нихъ еще болѣе при всякомъ столкновеніи съ правительственными органами, облеченными властью охранять новые законы и примѣнять ихъ къ жизни. При всей осторожности и осмотрительности администраціи она возбудитъ тѣмъ болѣе неудовольствій, чѣмъ добросовѣстнѣе будетъ дѣйствовать, и чѣмъ яснѣе и осмысленнѣе будетъ проводиться ею начало законности, тѣмъ болѣе враждебны будутъ къ ней отношенія обезсиленныхъ защитниковъ крѣпостного произвола.

„Г. Щукинъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу тѣхъ дворянъ калужской губерніи, которые недовольны совершившеюся реформою, но, по своимъ свойствамъ, онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ энергичныхъ характеровъ, которые вышли бы на борьбу съ правительственною властью, отстаивая, во что бы то ни стало, свои личныя помѣщичьи привилегіи. По всей вѣроятности, онъ дѣйствовалъ бы иначе, какъ частное лицо, но какъ губернскій предводитель—онъ считаетъ себя на эту борьбу обреченнымъ. Онъ не только представитель калужскаго дворянства, но и представитель его неудовольствія. Не будучи способенъ стать въ уровень настоящаго государственнаго преобразованія, онъ тѣмъ легче принимаетъ и тѣмъ полнѣе отражаетъ въ себѣ всѣ проявленія того ненормальнаго состоянія, въ которомъ на-

одится въ настоящее время большая часть дворянства, по крайей мѣрѣ, калужскаго, и которое можно назвать крѣпостною олѣзнью. Отсюда происходитъ и легкомысліе въ сужденіяхъ о одѣ крестьянскаго дѣла въ губерніи, и недобросовѣстность въ бвиненіяхъ губернскаго начальства. Если принять въ сообраеніе, что г. Щукинъ считаетъ нарушеніемъ воли Государя Императора исполненіе законовъ, исходящихъ отъ его верховой власти, и видитъ признаніе распространяемаго безначалія ь мѣрахъ, служащихъ къ ограниченію произвола, можно дѣйтвительно придти къ убѣжденію, что понятія о вмѣняемости отвѣтственности не могутъ быть примѣнены во всей строготи къ его дѣйствіямъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ дѣйствія алужскаго губернскаго предводителя совершенно оффиціальны такъ настойчивы и гласны, что не могли не имѣть вліянія а поколебаніе довѣрія высшаго управленія къ калужской губернской власти, и были, безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ азначенія ревизіи калужской губерніи, то, по моему убѣжденію, представляется неизбѣжнымъ подвергнуть всѣ заявленія, аключающіяся въ запискѣ губернскаго предводителя, формальому разбору. Эти заявленія имѣютъ неразрывную связь со всѣми режними дѣйствіями губернскаго предводителя, изложенными ъ представленіи моемъ вашему пр—ву, отъ 18 октября 1861 г., а № 1941, и въ представленіяхъ моихъ министру внутренихъ дѣлъ по дѣламъ, касающимся членовъ присутствія кн. Оболенскаго и Оттъ, отъ 12, 16 и 18 октября 1861 года, за №№ 6020, 7149 и 7183. Въ первомъ изъ нихъ я въ заклюеніи представлялъ на благоусмотрѣніе министра, „что въ натоящее время сдѣлалась очевидною для всѣхъ система дѣйтвій губернскаго предводителя дворянства, который, уклоняясь тъ исполненія возложенныхъ на него закономъ обязанностей, ользуется вліяніемъ своего званія для возбужденія дворянъ протвъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, и что затѣмъ я почитаю еобходимымъ положить конецъ этой незаконной и тревожной ппозиціи, поддерживающей въ губерніи вліяніе крѣпостной артіи“. При этомъ я выразилъ надежду, что „формальный и аконный разборъ настоящаго дѣла приведетъ къ достиженію еобходимаго для пользы крестьянскаго дѣла результата, такъ акъ всѣ до сего времени принимавшіяся мѣры соглашенія оказались, къ сожалѣнію, совершенно безуспѣшными“.

„Убѣжденіе, что губернскій предводитель дворянства не можетъ быть иначе введенъ въ предѣлы законами указаннаго порядка, какъ посредствомъ совокупнаго и формальнаго разсмо-

трѣнія всѣхъ его дѣйствій, было повторено мною и въ двухъ послѣдующихъ представленіяхъ моихъ министру внутреннихъ дѣлъ. Эти представленія, какъ увѣдомилъ меня г. министръ, отъ 26 октября 1861 г., за № 4668, переданы имъ на ваше разсмотрѣніе. Необходимость дать такое направленіе настоящему дѣлу подтверждается тѣми соображеніями: 1) что существующія уже заявленія губернскаго предводителя, будучи со всею основательностью разъяснены и фактически опровергнуты, потеряютъ силу, которую они еще имѣютъ въ глазахъ всѣхъ недовольныхъ; 2) что этимъ способомъ будетъ отнята у противниковъ реформы возможность употреблять на будущее время орудія подстрекательства и ложныхъ обвиненій, и 3) правительству уяснится положеніе, въ которомъ находится въ настоящее время губернская власть, и отношенія, въ которыя поставили себя къ ней представители дворянства. Затѣмъ послѣ уясненія всѣхъ заключающихся въ семъ дѣлѣ данныхъ, и смотря по воззрѣнію правительства на значеніе оппозиціи калужскаго губернскаго предводителя въ отношеніи къ общему ходу крестьянскаго дѣла, можно будетъ преслѣдовать г. Щукина формальнымъ судомъ за клевету на калужскую губернскую власть и за противодѣйствіе ея законнымъ дѣйствіямъ, или, принявъ во вниманіе личныя свойства г. Щукина и образъ воззрѣнія его на свою обязанность, какъ предводителя дворянства, испросить ему монаршее Его Величества снисхожденіе. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы тѣми или другими мѣрами положить предѣлъ такимъ дѣйствіямъ предводителей дворянства, которыя колеблютъ новый законъ и всѣ власти и учрежденія, призванныя для его исполненія, возбуждаютъ во многихъ лицахъ несбыточныя надежды на измѣненіе этого закона или на возможность безнаказаннаго его нарушенія, и требуютъ, чтобы правительственная въ губерніи власть усвоила себѣ въ распоряженіяхъ по крестьянскому дѣлу тѣ пріемы произвола и насилія, которые отняты теперь отъ помѣщиковъ. Губернская власть не можетъ принять на себя подобной роли, ибо она содѣйствовала бы тогда къ сосредоточенію на правительствѣ прежняго недовѣрія и прежде ненависти крѣпостныхъ людей къ своимъ владѣльцамъ, вмѣсто того, чтобы привлечь къ нему благодарность освобожденнаго народа“.

Чтобы показать сенатору, что чувство недовольства дѣйствіями Виктора Антоновича раздѣляется всѣмъ калужскимъ дворянствомъ, а не принадлежитъ лишь ему одному, г. Щукинъ или тотъ, кто руководилъ имъ, устроилъ коллективный „протестъ“ отъ его лица и

тъ лица уѣздныхъ предводителей дворянства „противъ дѣй-ствій и направленія калужской администраціи“. Подъ админи-страціей, конечно, подразумѣвался исключительно одинъ лишь икторъ Антоновичъ. Но „протестъ“ этотъ построенъ уже въ ругомъ, такъ сказать, стилѣ. Основнымъ мотивомъ доноса Щукина служило нарушеніе дѣятельностью Виктора Анто-овича по крестьянскому дѣлу „стройнаго развитія производи-ельныхъ силъ страны и направленія народной дѣятельности ь наибольшему производству предметовъ продажи потребленія“, ообще подрывъ экономическаго положенія помѣщиковъ. Въ кол-ективномъ же „протестѣ“, вслѣдствіе, конечно, обращенія его ь человѣку закона и законности, исходнымъ мотивомъ взята оже законность, которая, попранная, будто бы, Викторомъ Ан-оновичемъ, довела помѣщиковъ до разоренія.

Хотя „протестъ“, въ сущности, представляетъ собой сжатое овтореніе доноса г. Щукина, но мы приводимъ его сполна. Изъ бъясненій же Виктора Антоновича беремъ лишь нѣкоторыя ѣста, такъ какъ въ общемъ онъ ссылается на свои возраже-ія противъ доноса г. Щукина.

Вотъ содержаніе „протеста“. „По объявленіи Высочайше твержденныхъ Положеній помѣщики поспѣшили предоставить рестьянамъ воспользоваться опредѣленными Положеніями льго-ами и съ тѣхъ поръ не дозволяютъ себѣ требовать чего-либо ишняго. Дворянство желаетъ держаться строгой законности, а отому считаетъ себя въ правѣ просить, чтобы и крестьяне акже неуклонно исполняли возложенныя на нихъ тѣмъ же за-ономъ обязанности. Словомъ, помѣщики желаютъ только, чтобы татьи Положенія, опредѣляющія ихъ права, не были мертвою уквою.

„Между тѣмъ, крестьяне, за рѣдкими лишь исключеніями, остоянно уклоняются отъ своихъ обязанностей, оброки вносятъ еисправно, а дурное и несвоевременное исполненіе работъ ильно разстраиваетъ помѣщичьи хозяйства. Сверхъ того, лѣс-ыя порубки, потравы полей и луговъ и вообще кража во всѣхъ идахъ, развиваясь до крайнихъ предѣловъ, поставляетъ помѣ-иковъ въ самое стѣснительное положеніе.

„Крестьяне сначала хотѣли-было переходить на оброкъ, на-одя его легче издѣльной повинности, но нынѣ, видя, что они огутъ уклоняться отъ работъ, естественно находятъ выгоднѣе ля себя не соглашаться на повинность, учетъ которой опредѣ-ительнѣе. Помѣщики несутъ убытки, которыхъ, по чрезвычай-ому разнообразію, учесть невозможно, и такое тяжкое для нихъ

положеніе становится совершенно безвыходнымъ отъ послабленія своеволію крестьянъ.

„Большая часть посредниковъ уклоняются не только отъ постановленія письменныхъ рѣшеній по заявленіямъ помѣщиковъ, но даже и отъ всякаго къ нимъ вниманія, а нерѣдко случается, что или вовсе не приводятся въ исполненіе, или крайне медленно. Да къ тому же самое назначеніе посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ сдѣлано совершенно самопроизвольно, большею частью вопреки совѣщаній съ предводителями, отъ чего должности эти заняты такими лицами, изъ коихъ многіе не пользуются довѣріемъ дворянства. Что же касается до губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, то въ постановленіяхъ его проглядываетъ одностороннее стремленіе оправдывать крестьянъ, несмотря на явную ихъ виновность, и даже оставлять безъ преслѣдованія подстрекателей, возбуждающихъ цѣлыя имѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернское присутствіе уклоняется отъ разсмотрѣнія сущности рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, полагаясь на систематически организованное на оныхъ большинство, и въ то же время не сообщаетъ многимъ изъ предводителей существенныя по крестьянскому дѣлу распоряженія. Для разрѣшенія возникающихъ хозяйственныхъ затрудненій надежнѣйшимъ средствомъ является предоставленіе помѣщикамъ права требовать обязательнаго перехода крестьянъ съ издѣльной повинности на оброкъ; но при этомъ во всякомъ случаѣ обезпеченіе законныхъ правъ владѣльцевъ и общественнаго спокойствія заключается преимущественно въ устройствѣ правильной и безпристрастной администраціи, между тѣмъ какъ обстановка, среди которой нынѣ поставлены помѣщики, отымаетъ у нихъ возможность искать защиты правъ своихъ, и если подобный порядокъ вещей продолжится, то дворянство должно будетъ придти къ заключенію, что оно лишено покровительства законовъ“.

По поводу этого „протеста“ Викторъ Антоновичъ не безъ ироніи говоритъ въ началѣ своего опроверженія: „я не могу не сочувствовать заявленію представителей дворянства, что сіе послѣднее желаетъ держаться строгой законности, тѣмъ болѣе, что такое заявленіе со стороны предводителей въ первый разъ совпадаетъ совершенно съ стремленіями мѣстной администраціи, которая до сего времени вынуждена была вести борьбу съ настроеніемъ противоположнымъ. Если, какъ удостовѣряютъ предводители дворянства, помѣщики желаютъ только, чтобы статьи Положенія, опредѣляющія ихъ права, не были мертвою буквою, то въ этомъ состояло также и желаніе губернскаго на-

чальства, которое еще стремилось и къ тому, чтобы не были мертвою буквою и права, предоставленныя освобожденнымъ крестьянамъ. Оно постоянно заботилось о томъ, чтобы законы, опредѣляющіе права и обязанности обоихъ сословій, были примѣняемы съ равною силою и справедливостью“.

По поводу жалобы на дѣятельность мировыхъ посредниковъ Викторъ Антоновичъ пишетъ, что „это обвиненіе бездоказательно. Если дѣятельность мировыхъ посредниковъ, совершающаяся на глазахъ предводителей, не могла быть оцѣнена ими по достоинству за самопожертвованіе, съ которымъ она соединена, и за очевидную пользу, которую они вообще приносятъ, то это обстоятельство можетъ быть объяснено только нерасположеніемъ предводителей къ мировымъ учрежденіямъ и къ реформѣ вообще“.

Затѣмъ, относительно односторонняго стремленія губернскаго присутствія дѣйствовать только въ пользу крестьянъ, Викторъ Антоновичъ говоритъ: „повидимому, и здѣсь охраненіе правъ крестьянъ принимается за пристрастіе къ нимъ. Впрочемъ, въ опроверженіе несправедливости этого заявленія можно привести то соображеніе, что засѣдающіе въ присутствіи губернскій предводитель и два члена по избранію дворянства не преминули бы воспользоваться предоставленнымъ имъ по закону правомъ противодѣйствовать подобному направленію посредствомъ особыхъ мнѣній, но такихъ мнѣній, какъ можно удостовѣриться изъ журналовъ присутствія, было весьма незначительное число, въ сравненіи съ общею массою дѣлъ, рѣшенныхъ единогласно“.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ у себя въ рукахъ письменнаго отзыва сенатора А. Х. Капгера о дѣятельности Виктора Антоновича по крестьянскому дѣлу и вообще объ его управленіи калужской губерніей. Но намъ извѣстно, что отзывъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ безпристрастнаго ревизора, сполна былъ въ пользу Виктора Антоновича и не въ пользу дворянства, своими явными и тайными доносами, интригами, клеветами вызвавшаго сенаторскую ревизію. Не того, конечно, желало оно, и разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ г. Щукинъ, этотъ выразитель дворянскихъ неудовольствій, какъ называетъ его Викторъ Антоновичъ, передъ выѣздомъ сенатора Капгера изъ Калуги высказалъ ему недовольство свое и дворянъ результатами его ревизіи въ слѣдующемъ письмѣ: „М. Г. Александръ Христіановичъ! Считаю необходимымъ, по окончаніи вашей ревизіи, изъяснить вашему пр—ву, не какъ уже ревизующему сенатору, но какъ

положеніе становится совершенно безвыходнымъ отъ послабленія своеволію крестьянъ.

„Большая часть посредниковъ уклоняются не только отъ постановленія письменныхъ рѣшеній по заявленіямъ помѣщиковъ, но даже и отъ всякаго къ нимъ вниманія, а нерѣдко случается, что или вовсе не приводятся въ исполненіе, или крайне медленно. Да къ тому же самое назначеніе посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ сдѣлано совершенно самопроизвольно, большею частью вопреки совѣщаній съ предводителями, отъ чего должности эти заняты такими лицами, изъ коихъ многіе не пользуются довѣріемъ дворянства. Что же касается до губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, то въ постановленіяхъ его проглядываетъ одностороннее стремленіе оправдывать крестьянъ, несмотря на явную ихъ виновность, и даже оставлять безъ преслѣдованія подстрекателей, возбуждающихъ цѣлыя имѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернское присутствіе уклоняется отъ разсмотрѣнія сущности рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, полагаясь на систематически организованное на оныхъ большинство, и въ то же время не сообщаетъ многимъ изъ предводителей существенныя по крестьянскому дѣлу распоряженія. Для разрѣшенія возникающихъ хозяйственныхъ затрудненій надежнѣйшимъ средствомъ является предоставленіе помѣщикамъ права требовать обязательнаго перехода крестьянъ съ издѣльной повинности на оброкъ; но при этомъ во всякомъ случаѣ обезпеченіе законныхъ правъ владѣльцевъ и общественнаго спокойствія заключается преимущественно въ устройствѣ правильной и безпристрастной администраціи, между тѣмъ какъ обстановка, среди которой нынѣ поставлены помѣщики, отымаетъ у нихъ возможность искать защиты правъ своихъ, и если подобный порядокъ вещей продолжится, то дворянство должно будетъ придти къ заключенію, что оно лишено покровительства законовъ“.

По поводу этого „протеста“ Викторъ Антоновичъ не безъ ироніи говоритъ въ началѣ своего опроверженія: „я не могу не сочувствовать заявленію представителей дворянства, что сіе послѣднее желаетъ держаться строгой законности, тѣмъ болѣе, что такое заявленіе со стороны предводителей въ первый разъ совпадаетъ совершенно съ стремленіями мѣстной администраціи, которая до сего времени вынуждена была вести борьбу съ настроеніемъ противоположнымъ. Если, какъ удостовѣряютъ предводители дворянства, помѣщики желаютъ только, чтобы статьи Положенія, опредѣляющія ихъ права, не были мертвою буквою, то въ этомъ состояло также и желаніе губернскаго на-

чальства, которое еще стремилось и къ тому, чтобы не были мертвою буквою и права, предоставленныя освобожденнымъ крестьянамъ. Оно постоянно заботилось о томъ, чтобы законы, опредѣляющіе права и обязанности обоихъ сословій, были примѣняемы съ равною силою и справедливостью".

По поводу жалобы на дѣятельность мировыхъ посредниковъ Викторъ Антоновичъ пишетъ, что „это обвиненіе бездоказательно. Если дѣятельность мировыхъ посредниковъ, совершающаяся на глазахъ предводителей, не могла быть оцѣнена ими по достоинству за самопожертвованіе, съ которымъ она соединена, и за очевидную пользу, которую они вообще приносятъ, то это обстоятельство можетъ быть объяснено только нерасположеніемъ предводителей къ мировымъ учрежденіямъ и къ реформѣ вообще".

Затѣмъ, относительно односторонняго стремленія губернскаго присутствія дѣйствовать только въ пользу крестьянъ, Викторъ Антоновичъ говоритъ: „повидимому, и здѣсь охраненіе правъ крестьянъ принимается за пристрастіе къ нимъ. Впрочемъ, въ опроверженіе несправедливости этого заявленія можно привести то соображеніе, что засѣдающіе въ присутствіи губернскій предводитель и два члена по избранію дворянства не преминули бы воспользоваться предоставленнымъ имъ по закону правомъ противодѣйствовать подобному направленію посредствомъ особыхъ мнѣній, но такихъ мнѣній, какъ можно удостовѣриться изъ журналовъ присутствія, было весьма незначительное число, въ сравненіи съ общею массою дѣлъ, рѣшенныхъ единогласно".

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ у себя въ рукахъ письменнаго отзыва сенатора А. Х. Капгера о дѣятельности Виктора Антоновича по крестьянскому дѣлу и вообще объ его управленіи калужской губерніей. Но намъ извѣстно, что отзывъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ безпристрастнаго ревизора, сполна былъ въ пользу Виктора Антоновича и не въ пользу дворянства, своими явными и тайными доносами, интригами, клеветами вызвавшаго сенаторскую ревизію. Не того, конечно, желало оно, и разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ г. Щукинъ, этотъ выразитель дворянскихъ неудовольствій, какъ называетъ его Викторъ Антоновичъ, передъ выѣздомъ сенатора Капгера изъ Калуги высказалъ ему недовольство свое и дворянъ результатами его ревизіи въ слѣдующемъ письмѣ: „М. Г. Александръ Христіановичъ! Считаю необходимымъ, по окончаніи вашей ревизіи, изъяснить вашему пр—ву, не какъ уже ревизующему сенатору, но какъ

Александру Христіановичу, со всею откровенностью, свойственною старому солдату, чувства оскорбленія, которымъ я подвергался съ начала и въ продолженіе ревизіи вашей.

„Изустно объясняться съ вами не предвижу возможности: даръ слова и ваше положеніе ревизующаго сенатора внушали слушателямъ почтительное терпѣніе выслушивать произносимыя вами обвиненія лицу, котораго необходимость стѣсненнаго положенія заставляла прибѣгать къ особѣ, присланной Высочайшею волею для справедливаго разбирательства возникшихъ въ нашей губерніи непріятныхъ отношеній дворянъ съ губернскимъ начальствомъ касательно одностороннихъ и непріязненныхъ дѣйствій этой власти.

„Начну съ того, какъ представлялись вашему пр—ву, по желанію вашему, дворяне, проживающіе въ Калугѣ, въ присутствіи моемъ и калужскаго уѣзднаго предводителя, на третій или на четвертый день прибытія вашего въ нашъ городъ. Какой намъ былъ привѣтъ отъ вашего пр—ва?! Вы начали обвинять не въ мягкихъ выраженіяхъ калужское дворянство въ его сочувствіи ко мнѣ по дѣлу моему съ княземъ Оболенскимъ. Въ продолженіе многаго высказаннаго вами въ защиту оскорбившаго меня, разговоръ коснулся до доказанной дворянами добровольной готовности сложить съ себя дарованныя имъ закономъ права на крѣпостное владѣніе крестьянами и дворовыми людьми. Ваше пр—во на такое выраженіе дворянъ отвѣчали такъ: „какая добровольная готовность? Вы были вынуждены это сдѣлать!“ И эти слова были высказаны въ присутствіи всего купеческаго сословія, стоявшаго въ дверяхъ передней комнаты, и только на мое замѣчаніе, что ваше пр—во слишкомъ оффиціально произносите такое ваше мнѣніе о калужскихъ дворянахъ при полусотнѣ лицъ другого сословія, вы предложили намъ войти въ третью отъ нихъ комнату, въ гостиную, гдѣ мы и дослушивали продолженіе прежнихъ обвиненій и оправданіе дѣйствій губернской власти. Конечно, памятно вашему пр—ву, что это было, какъ я сказалъ, на третій или на четвертый день вашего прибытія, когда еще не могла быть уяснена вами правота или неправота отношеній дворянства съ губернаторомъ.

„Въ непродолжительномъ послѣ того времени, именно въ половинѣ ноября прошлаго года, при съѣздѣ, по желанію вашему, гг. предводителей съ нѣкоторыми дворянами, вы въ тайныхъ переговорахъ съ нѣсколькими предводителями совѣщались о средствахъ удаленія меня отъ занимаемой мною должности,

если бы они были мнѣ переданы съ этою цѣлью, потому что, во-1-хъ, принадлежащее каждому право жалобы тогда только мыслимо, какъ понятіе юридическое, и только тогда дѣйствительно и подлежитъ удовлетворенію при примѣненіи его на практикѣ, когда оно сопряжено съ обязанностью слѣдовать по указанному закономъ пути и обращаться именно къ установленнымъ для суда и разбора мѣстамъ и лицамъ. Если бы всѣ писавшіе письма къ предводителямъ дворянства обратились съ своими претензіями не къ нимъ и не въ формѣ писемъ, а съ жалобою или прошеніемъ куда слѣдуетъ по закону, то ихъ претензіи не могли бы остаться безъ удовлетворенія, какъ остались теперь, если онѣ справедливы, и, напротивъ того, если онѣ несправедливы, то были бы отвергнуты подлежащею властью. Въ первомъ случаѣ лица, писавшія письма, не имѣли бы основательной причины быть недовольными, а въ послѣднемъ—претензіи ихъ, служа доказательствомъ своей собственной несостоятельности и неправильности, не могли бы быть выставлены губернскимъ предводителемъ въ качествѣ актовъ, обвиняющихъ губернскую администрацію въ бездѣйствіи или злонамѣренности. Притомъ же и самимъ предводителямъ не слѣдовало бы отклонять дворянъ отъ указаннаго закономъ пути и развивать въ нихъ обыкновеніе прибѣгать къ ихъ защитѣ и покровительству, вмѣсто того, чтобы требовать разбирательства и суда.

2) „За весьма незначительнымъ исключеніемъ, всѣ вышеупомянутыя письма имѣютъ форму обязательныхъ отвѣтовъ на вызовъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Они начинаются такъ: „вслѣдствіе вашего отношенія", „на вопросъ вашъ", „въ исполненіе требованія вашего", „вамъ угодно знать", „вслѣдствіе повѣстки", „вслѣдствіе предложенія", „на циркулярное отношеніе", „согласно разосланному объявленію", а одинъ изъ пишущихъ даже извиняется въ томъ, что замедлилъ отвѣтомъ на требованіе предводителя [1]).

---

[1]) „Въ числѣ этихъ писемъ находится одно, подписанное 17-ю дворянами лихвинскаго уѣзда и заключающее въ себѣ жалобу на неудовлетворительный выборъ мировыхъ посредниковъ. Это письмо по существу своему могло бы подлежать разбору, если бы: а) оно не было заявлено дворянами такого уѣзда, въ которомъ былъ избранъ предводителемъ гвардіи поручикъ П. Я—въ, извѣстный всей губерніи по своимъ порочнымъ и жестокимъ наклонностямъ (мое представленіе вашему пр—ву, отъ 18 октября, № 1941); б) если бы въ числѣ подписавшихъ письмо не находились такія лица, какъ П. Я—въ, Ал. фонъ Р., Ѳед. И., Ал. Л., Ник. Н., фонъ Б. и фонъ В., находящіеся на замѣчаніи

подъ ухищренной и лицемѣрной личиной гуманности. Въ сѣти къ такому ловцу попасть немудрено, особенно человѣку прямому. Развѣ я не былъ при началѣ появленія г. Арцимовича жертвою его лицемѣрныхъ козней, но время и опытъ [1]) меня разочаровали и произвели въ душѣ моей сильную не въ пользу его реакцію.

„Изъ вышесказаннаго положительно можно убѣдиться, что еще въ бытность вашего пр—ва въ Петербургѣ, когда калужскія дѣла совсѣмъ не были вамъ извѣстны, вы въ мысляхъ своихъ имѣли уже преждевременное понятіе не въ пользу дворянъ калужской губерніи. Угадать причину подобнаго направленія не мудрено: сколько въ Петербургѣ защитниковъ г. Арцимовича! Первоприсутствующій сенаторъ въ 1-мъ департаментѣ Сената—тесть его [2]); затѣмъ, нѣсколько чиновниковъ назначено съ вами изъ этого департамента; слѣдовательно, весьма естественно, что всѣ шансы на сторонѣ противника. По прибытіи вашего пр—ва на ревизію, общее стремленіе прибывшихъ съ вами было: во что бы то ни стало оправдать дѣйствіе губернскаго начальства. Начались командировки чиновниковъ по уѣздамъ; они прямо обратились къ посредникамъ и сошлись болѣе съ тѣми, на которыхъ поступали жалобы, и по указаніямъ этихъ же посредниковъ чиновники обращались къ помѣщикамъ. Въ отношеніи дѣлъ, касающихся ревизіи, мнѣ неизвѣстны результаты этихъ поѣздокъ, но въ качествѣ губернскаго предводителя я получалъ свѣдѣнія, что обзоръ гг. чиновниковъ былъ совершенно поверхностный. Я почелъ необходимымъ предста-

---

бѣгать къ такому мелкому, неприличному орудію, какъ хитрость, лицемѣріе, козни, и т. п. Въ одномъ лишь можемъ мы согласиться съ г. Щукинымъ—это въ томъ, что когда Виктору Антоновичу приходилось имѣть дѣло съ оскорбителями святыни закона, съ злостными, сознательными оскорбителями святыни крестьянскаго дѣла—тутъ онъ дѣйствительно былъ безпощаденъ и проявлялъ „ледяное“ безстрастіе.

[1]) Конечно, не время и опытъ, а крѣпостники произвели въ душѣ г. Щукина реакцію не въ пользу Виктора Антоновича.

[2]) Викторъ Антоновичъ совершенно основательно усомнился въ примѣнямости къ Щукину понятія о вмѣняемости. Вообразить, что сенаторъ пріѣхалъ ревизовать съ пустыми руками, а не съ дѣлами, доходившими изъ Калуги до Петербурга, что это даже и не дѣла, а только бумаги, и что настоящими дѣлами, подлежащими ревизіи, слѣдуетъ считать помѣщичьи сплетни и ябеды на губернатора, и невниманіе къ нимъ сенатора объяснять петербургскимъ родствомъ губернатора и даже подборомъ сенаторскихъ чиновниковъ, могъ только дореформенный деревенскій помѣщикъ, всю свою жизнь прожившій въ деревнѣ и не имѣвшій ни малѣйшаго понятія объ оффиціальной дѣловитости.

вызванныя только нѣсколькими агитаторами. Если бы такимъ же искусственнымъ и постороннимъ вліяніемъ вызывались жалобы со стороны сословія освобожденныхъ крестьянъ, то это могло бы повести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ въ отношеніи общественнаго порядка.

3) „Если бы губернскій предводитель былъ въ состояніи смотрѣть на совершающееся преобразованіе безпристрастно и серьезно, онъ, во-1-хъ, не рѣшился бы, на основаніи имъ самимъ вызванныхъ писемъ, вывести заключеніе о бѣдственномъ положеніи всей калужской губерніи, и во-2-хъ, онъ не могъ бы не принять въ соображеніе, что личныя неудовольствія и недоразумѣнія, и даже частные неустройства и безпорядки естественны и неизбѣжны при такой громадной реформѣ, которая ведетъ къ измѣненію сложившагося вѣками экономическаго и нравственнаго быта нашего общества.

„Образъ воззрѣнія губернскаго предводителя на эту реформу вообще и въ особенности на ходъ крестьянскаго дѣла въ калужской губерніи побудилъ его выразить въ заключеніи къ своей запискѣ опасеніе, что давно подготовляемый въ калужской губерніи кризисъ можетъ разрѣшиться самыми пагубными послѣдствіями.

„Я не беру на себя смѣлости предсказывать будущее, хотя не могу не выразить сознанія, что калужская губернская власть, дѣлая непосредственныя распоряженія по возникающимъ частнымъ дѣламъ, принимала при этомъ и общія правительственныя мѣры, имѣя въ виду не одну настоящую минуту и не случайныя только обстоятельства, но общее значеніе крестьянскаго вопроса и послѣдующее его развитіе. Дѣятельность ея состояла въ подготовкѣ къ правильному, законному разрѣшенію крестьянскаго дѣла, и заботы администраціи были до сего времени награждены самыми благопріятными результатами.

„Первое послѣ объявленія манифеста время прошло спокойно, самыя важныя затрудненія преодолѣны успѣшно, власть не прибѣгала къ помощи оружія, и генералъ Кознаковъ не встрѣтилъ обстоятельствъ, которыя вынудили бы его принять особыя, чрезвычайныя мѣры, на которыя онъ былъ уполномоченъ; убытки, понесенные помѣстнымъ дворянствомъ, представляются не въ такомъ видѣ и не въ той степени, какъ желаетъ ихъ выразить губернскій предводитель; наконецъ, направленіе, данное здѣсь крестьянскому дѣлу, разрѣшается въ настоящее время тѣмъ, что желаемый благоразумными помѣщиками переходъ крестьянъ съ барщины на оброкъ совершается

подъ ухищренной и лицемѣрной личиной гуманности. Въ с
такому ловцу попасть немудрено, особенно человѣку пр
Развѣ я не былъ при началѣ появленія г. Арцимовича
твою его лицемѣрныхъ козней, но время и опытъ [1]) меня
чаровали и произвели въ душѣ моей сильную не въ пол
реакцію.

„Изъ вышесказаннаго положительно можно убѣдитьс
еще въ бытность вашего пр—ва въ Петербургѣ, когда
скія дѣла совсѣмъ не были вамъ извѣстны, вы въ м
своихъ имѣли уже преждевременное понятіе не въ поль
рянъ калужской губерніи. Угадать причину подобнаго
вленія не мудрено: сколько въ Петербургѣ защитниковъ
цимовича! Первоприсутствующій сенаторъ въ 1-мъ департ
Сената—тесть его [2]); затѣмъ, нѣсколько чиновниковъ назнач
вами изъ этого департамента; слѣдовательно, весьма естест
что всѣ шансы на сторонѣ противника. По прибытіи
пр—ва на ревизію, общее стремленіе прибывшихъ съ
было: во что бы то ни стало оправдать дѣйствіе губер
начальства. Начались командировки чиновниковъ по уѣ
они прямо обратились къ посредникамъ и сошлись бол
тѣми, на которыхъ поступали жалобы, и по указаніямъ
же посредниковъ чиновники обращались къ помѣщикам
отношеніи дѣлъ, касающихся ревизіи, мнѣ неизвѣстны р
таты этихъ поѣздокъ, но въ качествѣ губернскаго пре
теля я получалъ свѣдѣнія, что обзоръ гг. чиновниковъ
совершенно поверхностный. Я почелъ необходимымъ п

бѣгать къ такому мелкому, неприличному орудію, какъ хитрость, ли
козни, и т. п. Въ одномъ лишь можемъ мы согласиться съ г. Щукины
въ томъ, что когда Виктору Антоновичу приходилось имѣть дѣло съ
телями святыни закона, съ злостными, сознательными оскорбителями
крестьянскаго дѣла—тутъ онъ дѣйствительно былъ безпощаденъ и пр
„ледяное“ безстрастіе.

[1]) Конечно, не время и опытъ, а крѣпостники произвели въ душѣ
кина реакцію не въ пользу Виктора Антоновича.

[2]) Викторъ Антоновичъ совершенно основательно усомнился въ
мости къ Щукину понятія о вмѣняемости. Вообразить, что сенаторъ
ревизовать съ пустыми руками, а не съ дѣлами, доходившими изъ К
Петербурга, что это даже и не дѣла, а только бумаги, и что наст
дѣлами, подлежащими ревизіи, слѣдуетъ считать помѣщичьи сплетни
на губернатора, и невниманіе къ нимъ сенатора объяснять петербу
родствомъ губернатора и даже подборомъ сенаторскихъ чиновнико
только дореформенный деревенскій помѣщикъ, всю свою жизнь пр
въ деревнѣ и не имѣвшій ни малѣйшаго понятія объ оффиціально
витости.

ходится въ настоящее время большая часть дворянства, по крайней мѣрѣ, калужскаго, и которое можно назвать крѣпостною болѣзнью. Отсюда происходитъ и легкомысліе въ сужденіяхъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ губерніи, и недобросовѣстность въ обвиненіяхъ губернскаго начальства. Если принять въ соображеніе, что г. Щукинъ считаетъ нарушеніемъ воли Государя Императора исполненіе законовъ, исходящихъ отъ его верховной власти, и видитъ признаніе распространяемаго безначалія въ мѣрахъ, служащихъ къ ограниченію произвола, можно дѣйствительно придти къ убѣжденію, что понятія о вмѣняемости и отвѣтственности не могутъ быть примѣнены во всей строгости къ его дѣйствіямъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ дѣйствія калужскаго губернскаго предводителя совершенно оффиціальны и такъ настойчивы и гласны, что не могли не имѣть вліянія на поколебаніе довѣрія высшаго управленія къ калужской губернской власти, и были, безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ назначенія ревизіи калужской губерніи, то, по моему убѣжденію, представляется неизбѣжнымъ подвергнуть всѣ заявленія, заключающіяся въ запискѣ губернскаго предводителя, формальному разбору. Эти заявленія имѣютъ неразрывную связь со всѣми прежними дѣйствіями губернскаго предводителя, изложенными въ представленіи моемъ вашему пр—ву, отъ 18 октября 1861 г., за № 1941, и въ представленіяхъ моихъ министру внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ, касающимся членовъ присутствія кн. Оболенскаго и Оттъ, отъ 12, 16 и 18 октября 1861 года, за №№ 6020, 7149 и 7183. Въ первомъ изъ нихъ я въ заключеніи представлялъ на благоусмотрѣніе министра, „что въ настоящее время сдѣлалась очевидною для всѣхъ система дѣйствій губернскаго предводителя дворянства, который, уклоняясь отъ исполненія возложенныхъ на него закономъ обязанностей, пользуется вліяніемъ своего званія для возбужденія дворянъ противъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, и что затѣмъ я почитаю необходимымъ положить конецъ этой незаконной и тревожной оппозиціи, поддерживающей въ губерніи вліяніе крѣпостной партіи“. При этомъ я выразилъ надежду, что „формальный и законный разборъ настоящаго дѣла приведетъ къ достиженію необходимаго для пользы крестьянскаго дѣла результата, такъ какъ всѣ до сего времени принимавшіяся мѣры соглашенія оказались, къ сожалѣнію, совершенно безуспѣшными“.

„Убѣжденіе, что губернскій предводитель дворянства не можетъ быть иначе введенъ въ предѣлы законами указаннаго порядка, какъ посредствомъ совокупнаго и формальнаго разсмо-

маго пріѣзда вашего старался вооружить ваше пр—во противъ насъ, и старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

„Главное же страдательное лицо въ этой драмѣ—я. Вы съ самаго начала безвинно напали на меня, не сообразивъ моего положенія представителя дворянъ, назвали меня корнемъ зла, хотѣли уничтожить меня, выбравъ для исполненія сего орудіемъ человѣка слабаго и безхарактернаго. Вы меня сильно оскорбили, ваше пр—во! Предъ концомъ моей жизни я выдержалъ испытаніе, которое, къ несчастію, поздно уже открыло мнѣ познаніе свойствъ человѣческихъ. Я долженъ сказать истинную правду, что, вступивъ на трудное жизненное поприще по 14 году, я былъ избалованъ счастьемъ въ отношеніи любви ко мнѣ сотоварищей и расположенія начальства. Какъ воинъ, какъ гражданинъ, какъ представитель сословія, я всюду и всѣми былъ отличенъ за чистоту моего принципа. Могъ ли я измѣниться на 64 году своего земного поприща, и единственно только въ отношеніи г. Арцимовича? Нѣтъ! Въ этомъ я согласиться не могу. Съ моей стороны были употреблены всѣ средства на примиреніе своего сословія съ начальникомъ губерніи, но врожденная антипатія его къ дворянству русскому [1]) дѣлала напрасными всѣ мои старанія, и съ теченіемъ времени я все болѣе и болѣе встрѣчалъ преграду въ этомъ настойчивомъ и хитромъ человѣкѣ. Между тѣмъ, до прибытія вашего пр—ва на ревизію борьба наша имѣла равный балансъ: я находилъ сочувствіе въ справедливости правительственныхъ лицъ [2]); г. Арцимовичъ также имѣлъ свою защиту, но съ прибытіемъ вашего пр—ва въ Калугу равновѣсіе исчезло: сила г. Арцимовича давитъ меня, но я не упадаю духомъ, совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я чистъ и правъ; я не отъ себя выдумывалъ обвиненія губернской власти, я былъ на это возбужденъ вопіющимъ дворянствомъ. За себя же собственно я слишкомъ скромно протестовалъ, и если бы не оскорбленіе, которому я также совершенно безвинно подвергся въ губернскомъ присутствіи, то едва ли бы былъ слышенъ голосъ мой на счетъ многихъ язвительныхъ выходокъ [3]) г. Арцимовича, оскорблявшихъ какъ лич-

---

[1]) Недостойный, злостный намекъ на бѣлорусское происхожденіе Виктора Антоновича!

[2]) Г. Щукинъ, очевидно, говоритъ о Валуевѣ.

[3]) Съ негодованіемъ протестуемъ и противъ приписанной г. Щукинымъ Виктору Антоновичу способности къ какимъ-то „язвительнымъ выходкамъ". Какъ натура могучая, крупная, къ этимъ мелочамъ, какъ и къ хитрости, Викторъ Антоновичъ тоже не прибѣгалъ. Съ свойственной ему прямотой, онъ, бывало,

ость мою, такъ и мое званіе представителя дворянъ; я о ихъ умолчалъ, ибо считалъ главнѣйшею обязанностью защищать общее дѣло, защищать цѣлое сословіе губерніи, подавшее подъ иго односторонней и пристрастной администраціи, правляемой Викторомъ Антоновичемъ Арцимовичемъ.

„Итакъ, на прощанье съ вашимъ пр—вомъ высказавъ вамъ, всею прямотою всѣ сокровенныя чувства мои, всю горечь скорбленнаго положенія, въ которое я вами поставленъ, я съ истой совѣстью сложилъ съ сердца моего бремя, его угнетавшее, и мнѣ остается только искренне сожалѣть, что вашему р—ву нельзя будетъ при прощаніи съ нами, дворянами, выразиться обыкновенной русской пословицей: господа, не поминайте меня лихомъ.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью мѣю честь быть вашего пр—ва покорнѣйшимъ слугою Ѳ. Щуинъ. Іюнь 1862 года“.

Такъ болѣзненно трудно, преодолѣвая на каждомъ почти агу всевозможныя препятствія, пробивала путь себѣ новая, вѣжая историческая жизнь въ темное царство старозавѣтной жизни и завоевывала себѣ въ немъ подобающее, указанное ей сторіей мѣсто. И такой упорный, ожесточенный „бой“ [1]) вели редставители старой, дорогой для нихъ, жизни, употребляя всеозможные стратегическіе пріемы, не останавливаясь даже передъ позоромъ лжи, клеветъ и обмановъ...

Какъ ни глубоко возмутительны по своему содержанію всѣ звѣты, доносы, всѣ неумѣлыя, но полныя яда письма противъ Виктора Антоновича, одного изъ немногихъ искренне убѣжденныхъ, разумныхъ, непоколебимо твердыхъ и благороднѣйшихъ вождей новой жизни, какъ ни больно созерцать, даже въ прошломъ, глубоко тяжелую картину разрушенія новой жизни и избіенія творцовъ ея, эгоистичными, слѣпыми врагами освободительной эпохи, но эти доносы и письма положительно драгоцѣнны въ смыслѣ историческихъ памятниковъ, въ качествѣ безспорныхъ, неопровержимыхъ письменныхъ доказательствъ того плачевнаго

когда считалъ это нужнымъ, какъ говорится, отчитаетъ на чистоту, конечно въ благовоспитанной, вѣжливой формѣ, но язвить, колоть, прибѣгать къ шпилькамъ, булавкамъ, вообще дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ мелко, робко, онъ рѣшительно не былъ способенъ. Эти „отчитыванія“ г. Щукинъ, очевидно, принялъ за „язвительныя выходки“. А поводовъ къ нимъ онъ давалъ много Виктору Антоновичу образомъ своихъ дѣйствій по крестьянскому дѣлу.

[1]) Заимствуемъ слово это у г. Щукина.

состоянія, до котораго дожили представители старой дореформенной жизни подъ конецъ своего историческаго существованія. Документы эти такъ живо, наглядно показываютъ, что передовое сословіе, нѣкогда, при московскихъ царяхъ, добывавшее кровью и жизнью нашу политическую безопасность и мощь, а въ петровскій періодъ служившее проводникомъ къ намъ европейской культуры и объединенія съ семьей европейскихъ народовъ, получивъ при Петрѣ III свободу отъ обязательной службы, обсидѣвшись у себя въ деревняхъ на полномъ привольѣ общественнаго бездѣйствія и не сдержаннаго ничѣмъ крѣпостного произвола, не освѣжаемое соприкосновеніемъ съ свѣжей, здоровой, внѣдеревенской жизнью, въ большинствѣ до такой степени изветшало и разложилось, что сдѣлалось совершенно уже неспособно, безсильно къ продолженію своего самостоятельнаго соціальнаго и духовнаго существованія. За длинный періодъ своей исторической жизни оно до того все перезабыло, до того перепутало всѣ представленія, извратило всѣ отношенія, что къ моменту прекращенія пользованія крѣпостнымъ правомъ утратило даже элементарныя понятія о подлинной своей исторіи, объ исторіи этого права, о своей роли и о своемъ положеніи въ общемъ механизмѣ государственной и общественной жизни. Незнакомое съ отечественнымъ законодательствомъ, въ болѣе позднія времена оно создало себѣ представленіе, что сама верховная власть, самъ законъ установили институтъ полнаго закрѣпощенія ему народа и неограниченной власти надъ его душою и тѣломъ. Оно не знало или забыло, что ни верховная власть, ни законъ никогда не устанавливали этого жестокаго института [1]), что право порабощенія народа присвоено было дворянствомъ въ силу особыхъ земельныхъ отношеній къ нему земледѣльческаго населенія и историческихъ условій народной жизни, что верховная власть, напротивъ, всегда относилась ревниво и неодобрительно къ отторженію отъ нея власти надъ громадною массою сельскаго населенія, всегда стремилась возвратить себѣ эту власть, не находя удобнымъ раздѣлять ее съ другимъ, ей подвластнымъ сословіемъ, и только въ силу государственныхъ и политическихъ условій терпѣло до времени это ненормальное двоевластіе, стараясь въ то же время по возможности регулировать практическое пользованіе со стороны дворянства присвоен-

---

[1]) „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права,“ проф. А. Романовича-Славатинскаго, стр. 278.

нымъ себѣ правомъ [1]). Незнакомое съ исторіей своего сословія, дворянство не знало, что закрѣпощеніе народа, какъ источника матеріальныхъ средствъ для отбыванія дворянствомъ государственной службы, могло имѣть смыслъ только въ то время, когда оно само состояло на обязательной службѣ у государства, а съ освобожденіемъ отъ нея и крестьянство должно быть освобождено отъ обязательной службы дворянству, что раскрѣпленіе крестьянства было естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ раскрѣпленія дворянства [2]). Создавъ на такихъ призрачныхъ, фантастическихъ основахъ представленіе о закрѣпощеніи подобныхъ себѣ людей, нѣкогда совершенно свободныхъ и вполнѣ равноправныхъ членовъ государства и общества [3]), дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ создало и ввело въ жизнь своеобразное міровоззрѣніе, свои идеалы, свою философію, свою нравственность, свои законы, расположило по нимъ свой бытовой строй и укладъ, даже выработало свой языкъ, свою терминологію, создало цѣлый обширный и сложный культъ практическаго пользованія своимъ фантастическимъ правомъ. И все это творчество было до такой степени своеобразно, до того далеко отъ возвѣщенныхъ христіанствомъ идеаловъ правды, любви и братства, что современный человѣкъ, незнакомый ни практически, ни посредствомъ литературы съ внѣшнимъ обликомъ и внутреннимъ содержаніемъ старозавѣтной жизни, даже представить себѣ не въ состояніи, что менѣе полувѣка тому назадъ могла не только существовать и быть терпима подобная жизнь, но она-то и была высшимъ идеаломъ жизни и составляла одну изъ прирожденныхъ лучшихъ красотъ нашего національнаго своеобразія.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, фантазія, даже самая смѣлая и продуктивная, можетъ нарисовать такой порядокъ вещей, въ силу котораго одинъ могъ продать другого, не въ метафизическомъ смыслѣ, не въ смыслѣ нравственнаго или политическаго предательства, какое видимъ мы иногда и теперь, а въ самомъ прямомъ, конкретномъ, безпощадно буквальномъ смыслѣ, продать какъ лошадь, какъ корову, какъ домъ, какъ вообще всякій предметъ продажи и купли, продать не какъ-нибудь втихомолку, какъ нѣчто строго запрещенное, а прямо, открыто, самымъ легальнѣйшимъ образомъ, съ совершеніемъ въ спеціальныхъ учрежденіяхъ всевозможныхъ формальныхъ документовъ и актовъ, и продать

---

[1]) О постоянномъ стремленіи верховной власти къ отмѣнѣ крѣпостного права свидѣтельствуетъ манифестъ 19 февраля 1861 г.

[2]) „Дворянство въ Россіи“, Романовича-Славатинскаго, стр. 369.

[3]) „Крестьяне на Руси“, проф. И. Бѣляева.

состоянія, до котораго дожили представители ст
менной жизни подъ конецъ своего историческаго
Документы эти такъ живо, наглядно показываютъ
сословіе, нѣкогда, при московскихъ царяхъ, добыв
жизнью нашу политическую безопасность и мощь,
періодъ служившее проводникомъ къ намъ евро
туры и объединенія съ семьей европейскихъ
чивъ при Петрѣ III свободу отъ обязательной
дѣвшись у себя въ деревняхъ на полномъ приво
наго бездѣйствія и не сдержаннаго ничѣмъ крѣ
извола, не освѣжаемое соприкосновеніемъ съ свѣ
внѣдеревенской жизнью, въ большинствѣ до
изветшало и разложилось, что сдѣлалось совер
способно, безсильно къ продолженію своего са
соціальнаго и духовнаго существованія. За длинны
исторической жизни оно до того все перезабыло,
тало всѣ представленія, извратило всѣ отношенія,
прекращенія пользованія крѣпостнымъ правомъ
элементарныя понятія о подлинной своей истор
этого права, о своей роли и о своемъ положе
механизмѣ государственной и общественной жизни
отечественнымъ законодательствомъ, въ болѣе
оно создало себѣ представленіе, что сама ве
самъ законъ установили институтъ полнаго за
народа и неограниченной власти надъ его ду
Оно не знало или забыло, что ни верховная
никогда не устанавливали этого жестокаго
право порабощенія народа присвоено было дв
особыхъ земельныхъ отношеній къ нему зем
селенія и историческихъ условій народной
пая власть, напротивъ, всегда относилась р
тельно къ отторженію отъ нея власти надъ
сельскаго населенія, всегда стремилась во
власть, не находя удобнымъ раздѣлять ее
властнымъ сословіемъ, и только въ силу
политическихъ условій терпѣло до времен
двоевластіе, стараясь въ то же время по в
вать практическое пользованіе со стороны

---

[1]) „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в
права,“ проф. А. Романовича-Славатинскаго, стр.

притомъ безъ вѣдома, безъ желанія, безъ согласія того лица, которое служило предметомъ продажи? Какъ можетъ представить себѣ современный человѣкъ, чтобы возможно было не только продать другого, и притомъ иногда при самыхъ жестокихъ условіяхъ: заковать его въ цѣпи, вывести на базаръ или ярмарку и продать мужа одному покупателю, жену другому, а дѣтей третьему, и все это въ разныя мѣстности,— но проиграть въ карты, вымѣнять на лошадь или борзую собаку, заложить, подарить близкой женщинѣ, отдать въ видѣ взятки чиновнику, если онъ обладалъ правомъ душевладѣнія, отдать въ приданое за дочерьми, завѣщать по наслѣдству, отдать или продать въ солдаты, сослать въ Сибирь, заточить въ каторжныя работы на срокъ или даже безъ срока, словомъ, распорядиться живымъ человѣкомъ какъ вещью? Какъ можетъ представить себѣ современный человѣкъ, чтобы можно было безпощадно терзать подобныхъ себѣ: заковывать въ цѣпи и принуждать въ нихъ работать, приковывать на нѣсколько лѣтъ къ стѣнѣ, держать въ смрадныхъ и холодныхъ подвалахъ, до смерти забивать, засѣкать палками, розгами, плетьми, арапникомъ, „ѣзжалымъ" кнутомъ, заставлять стоять босыми ногами на снѣгу въ январьскій морозъ, брить половину головы и одинъ усъ, жалить обнаженное тѣло крапивой, ставить на колѣни на орѣховую скорлупу, выливать на голову повара горячій, неудачно приготовленный супъ или борщъ, отрывать непорочныхъ дѣвушекъ отъ родителей и устраивать изъ нихъ гаремы, а за ослушаніе травить ихъ собаками, изобрѣтать утонченнѣйшія пытки и казни и находить наслажденіе въ страданіяхъ беззащитнаго человѣка, въ его слезахъ, въ его страдальческихъ вопляхъ. При древности и общераспространенности безспорнаго нравственнаго и экономическаго закона, требующаго, чтобы всякій трудъ другого для насъ былъ оплаченъ соразмѣрнымъ вознагражденіемъ, какъ можетъ представить себѣ современный человѣкъ такой порядокъ вещей, въ силу котораго массы людей превратились бы въ подъяремныхъ животныхъ и съ ранняго дѣтства до поздней могилы работали на массу другихъ, но всемъ имъ подобныхъ и равныхъ людей, и не только не получали отъ нихъ никакого вознагражденія за свой неустанный египетскій трудъ, но терпѣли еще всевозможныя дикія безчеловѣчныя истязанія, если трудъ этотъ не удовлетворялъ того, для кого былъ предпринятъ, и, кромѣ того, были еще глубоко убѣждены, что иначе и быть не должно, что этотъ порядокъ, будто бы, установленъ самимъ Богомъ и государемъ? Совре-

іенному человѣку непонятны и дики даже самые термины тарой жизни: рабовладѣніе, душевладѣніе, барщина, оброкъ, игло, крѣпостное право, продать человѣка, купить человѣка, ложить его, сослать, засѣчь, и т. п. [1]).

И къ задержанію этой-то жизни, со всей ея дикостью и ужасами, со всей ея неправдой, начиная съ дарового крѣостного труда, не далѣе какъ съ небольшимъ тридцать лѣтъ ому назадъ такъ легкомысленно и такъ страстно стремилось начительное большинство нашего стараго деревенскаго дворянва, не понимая ни исторической обветшалости этой жизни, растлѣвающаго ея значенія, ни экономическихъ невыгодъ ея, понимая даже того, что не можетъ же она длиться до безонечности.

Весь тайный и явный бой дворянства за обладаніе своими режними правами и преимуществами Викторъ Антоновичъ снисодительно объяснялъ положеніемъ дворянства въ трудный для его моментъ сверженія крѣпостного ига и страхомъ передъ личыми матеріальными послѣдствіями этого историческаго акта. Мы ѣсколько дополнимъ объясненіе Виктора Антоновича указаніемъ а весь нашъ историческій общественный строй, предшествоваввій этому акту, и тогда ясно увидимъ, что какъ дворянство, акъ и всѣ другія сословія были неповиннымъ продуктомъ этого троя, что, возставая противъ Виктора Антоновича и подобныхъ му великихъ творцовъ новой жизни, дворянство просто не ѣдало, что́ творило. Поэтому и мы, вмѣстѣ съ Викторомъ Антоовичемъ, не бросимъ камня въ него. Не бросимъ и потому же, между прочимъ, что если бы оно не произвело всѣхъ этихъ оносовъ на дѣятельность Виктора Антоновича по многострадальому крестьянскому вопросу, мы, можетъ быть, не имѣли бы ередъ собой широкой картины этой дѣятельности, и исторія крестьянскаго вопроса лишилась бы одной изъ яркихъ своихъ раницъ.

Н. Сахаровъ.

6 февраля 1894 г.
Москва.

---

[1]) Спѣшимъ оговориться, что мы не представляемъ себѣ крѣпостного права лошнымъ, общимъ злоупотребленіемъ имъ со стороны дворянства. Исторія зываетъ въ его средѣ не мало весьма почтенныхъ, гуманныхъ именъ, заботившихся о благѣ своихъ крѣпостныхъ людей.

Мои воспоминанія
о
Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ.

Съ В. А. Арцимовичемъ я познакомился въ г. Калугѣ въ 1858 году, когда онъ былъ тамъ губернаторомъ, а я былъ избранъ медынскимъ дворянствомъ членомъ калужскаго губернскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ. Немного нужно было времени, чтобы увидѣть въ Викторѣ Антоновичѣ человѣка, выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ, высоко гуманнаго, съ свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Открывая калужскій крестьянскій Комитетъ, Викторъ Антоновичъ сказалъ въ своей рѣчи: „мы призваны къ участію въ подвигѣ человѣколюбивомъ, исполненномъ гражданской мысли и христіанскихъ стремленій", и далѣе прибавилъ, что онъ самъ „будетъ дѣйствовать съ искреннимъ и твердымъ убѣжденіемъ въ великомъ и благотворномъ значеніи преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ", и впослѣдствіи онъ всецѣло доказалъ на дѣлѣ, что слова эти не были фразами. Невольно вспоминается характеристика Виктора Антоновича, сдѣланная его товарищами еще въ Училищѣ Правовѣдѣнія, признававшими его превосходство и называвшими его „папашею"; для насъ же, узнавшихъ Виктора Антоновича уже общественнымъ дѣятелемъ, было отрадно видѣть въ немъ человѣка, который, по пословицѣ, „какимъ былъ въ колыбелькѣ, такимъ останется и до могилки".

Дѣятельно работали крестьянскіе комитеты, волнуясь ожиданіемъ результатовъ. Но это волненіе было ничтожно передъ необычайнымъ оживленіемъ всего общества по обнародованіи великаго акта освобожденія милліоновъ отъ рабства. Для объ-

явленія Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ Викторъ Антоновичъ избралъ лицъ, извѣстныхъ ему своимъ сочувствіемъ реформѣ. Я служилъ тогда совѣтникомъ губ. правленія, и Викторъ Антоновичъ дозволилъ и мнѣ участвовать въ объявленіи манифеста, и потому могу свидѣтельствовать, что народъ выслушалъ манифестъ, а затѣмъ и молился за Царя съ благоговѣніемъ и слезами. Послѣ объявленія по мѣстамъ возникали недоразумѣнія, которыя тотчасъ разъяснялись и устранялись. Болѣе рѣзкій случай былъ въ жиздринскомъ уѣздѣ, на заводахъ Мальцова. Вскорѣ по объявленіи манифеста фабричные стали сходиться въ домахъ грамотныхъ товарищей, которые читали врученное имъ „Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости". Мальцовъ запретилъ эти сборища, его не послушались, и онъ приказалъ заковать нѣсколько человѣкъ и отправилъ ихъ въ Калугу съ жалобою къ генералу Лознакову, присланному въ Калугу въ помощь губернатору при введеніи новаго Положенія. Узнавъ объ этомъ, Викторъ Антоновичъ немедленно послалъ на встрѣчу арестованнымъ совѣтника губ. правленія, для освобожденія ихъ отъ оковъ и дознанія о случившемся. По разслѣдованіи дѣла совѣтникомъ Г. П., а затѣмъ и присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ фабричные были водворены на мѣстѣ жительства, а Мальцову сдѣлано внушеніе, или выговоръ.

Всѣ мировые посредники въ калужской губерніи были избраны по указанію Виктора Антоновича, а онъ умѣлъ узнавать и оцѣнивать людей. Для бо́льшаго единства дѣйствій мировыхъ учрежденій калужскіе мировые посредники, съ согласія и разрѣшенія Виктора Антоновича, установили въ г. Калугѣ ежемѣсячные съѣзды, на которыхъ обсуждались и разрѣшались всѣ недоразумѣнія и вопросы, возникавшіе у кого-либо изъ посредниковъ. Предсѣдателемъ этихъ собраній былъ избранъ Павелъ Петровичъ Пусторослевъ, а вице-предсѣдателемъ Николай Павловичъ Щепкинъ. Засѣданія были публичныя, и публики бывало довольно много, посѣщалъ ихъ изрѣдка и Викторъ Антоновичъ, и внѣ засѣданій ни одинъ серьезный вопросъ не разрѣшался безъ его участія. Само собою разумѣется, что эти собранія приносили огромную пользу дѣлу. Главнымъ принципомъ, положеннымъ въ основу дѣятельности калужскихъ мировыхъ учрежденій, была законность. Всякое отступленіе отъ закона и произволъ строго преслѣдовались какъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, душою котораго былъ предсѣдатель Викторъ Антоновичъ, такъ и собраніемъ мировыхъ посредниковъ.

Дѣятельность наша, какъ мировыхъ посредниковъ, по устройству крестьянскаго управленія и установленію разныхъ повинностей была весьма благодарная. Калужскіе крестьяне, какъ народъ промышленный и толковый, скоро поняли и свои права, и обязанности. Присутствуя на сходахъ при открытіи волостей и выборѣ должностныхъ лицъ, я съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ разумно дѣлались выборы. Въ одной изъ волостей моего участка, въ имѣніи князя Чернышева Борсукахъ былъ зажиточный крестьянинъ и „воротила" (рядчикъ по плотничеству). Передъ выборами онъ стоялъ у стола, окруженный своими пріятелями. Когда я объяснилъ, что волостной сходъ можетъ избрать старшину и безъ баллотировки (для которой были на столѣ ящики и шары) или могутъ баллотировать, то стоявшіе у стола крестьяне заявили, что имъ не зачѣмъ баллотировать, что у нихъ готовъ волостной старшина, причемъ указали на рядчика. Но въ заднихъ рядахъ возразили, что баллотировка дѣло хорошее, и что они желаютъ ею воспользоваться. И затѣмъ оказалось, что рядчикъ былъ забаллотированъ, а выбранъ весьма скромный, но дѣльный крестьянинъ, который долго отказывался по болѣзни ногъ, и волость назначила ему порядочное жалованье, добавивъ его деньгами на лошадей, чтобы старшина не затруднялся послужить „міру" по болѣзни ногъ. И вообще во всѣхъ волостяхъ моего участка не только волостные старшины, но и другія должностныя лица были выбраны изъ людей умныхъ, дѣльныхъ и добросовѣстныхъ. Такое начало самоуправленія новорожденнаго народа и было главною причиною того, что недоимокъ податей на немъ было весьма мало, за исключеніемъ, конечно, несчастныхъ причинъ отъ неурожая, пожара, града. Сколько помню, за все время моего посредничества (3½ года) въ моемъ участкѣ не было ни одного случая продажи имущества крестьянъ за недоимки. Случались жалобы помѣщиковъ, особенно барщинскихъ имѣній, на неисполненіе крестьянами работъ, но онѣ разрѣшались безъ особенныхъ затрудненій. Замѣчательно, что волостными судами, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ судили очень строго, сѣченіе розгами не примѣнялось.

Несравненно труднѣе было для насъ, посредниковъ, установленіе поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и составленіе уставныхъ грамотъ. Нѣкоторые изъ владѣльцевъ облегчали этотъ трудъ, составляя сами уставныя грамоты по соглашенію съ крестьянами; такъ, напримѣръ, поступилъ управляющій имѣніемъ П. И. Мятлева А. Я. Сиринъ, введя во всѣхъ

ніяхъ (13) добровольныя уставныя грамоты. Но въ большин- случаевъ, особенно, гдѣ была черезполосица между помѣ- ьими и крестьянскими землями, соглашеніе приходилось дѣ- мировымъ посредникамъ. Въ первый годъ посреднической дѣя- ности и эти обязанности исполнялись довольно спокойно. Объ- яется это тѣмъ, что бывшій въ то время губернскій пред- тель дворянства Фед. Серг. Щукинъ, популярный въ дво- ствѣ, видя близко благонамѣренность и законность всѣхъ ствій Виктора Антоновича и сознавая, что своею дѣятель- ью Викторъ Антоновичъ выполняетъ волю и желаніе самого арха, въ первое время крестьянской реформы былъ съ нимъ тличныхъ отношеніяхъ. Со Щукинымъ были солидарны нѣ- рые уѣздные предводители дворянства, и эти предводители первое время сдерживали недовольныхъ дворянъ. Недоволь- это объяснялось тѣмъ, что помѣщики признавали, что въ божденныхъ крестьянахъ они потеряли часть собственности альскій депутатъ дворянства Д. И. Потуловъ въ Комитетѣ называлъ крестьянъ—„собственностью", равною имуществен- и это мнѣніе раздѣляли и другіе). При такой потерѣ нѣ- рые помѣщики желали, чтобы за ними оставалось право ной собственности на земли, которыя были въ пользованіи крѣ- ныхъ крестьянъ. А такъ какъ новый законъ обязывалъ помѣщи- извѣстную часть этой земли отдать крестьянамъ за установлен- повинности, и мировые посредники наблюдали за точ- ъ исполненіемъ этого закона, то и возникали неудовольствія ь на самый законъ, такъ и на мировыхъ посредниковъ, кото- ъ обвиняли въ произволѣ и стремленіи дѣлать все въ пользу ихъ крестьянъ. Въ числѣ недовольныхъ явились и нѣкоторые ѣщики, которые на первыхъ порахъ рѣшились на добровольныя вныя грамоты, объясняя, что такія грамоты были составлены ь вліяніемъ посредниковъ. Мало-по-малу эти недовольные дѣли безхарактернымъ и слабымъ губ. предводителемъ Щу- ымъ и убѣдили его жаловаться на дѣйствія калужскаго губер- ора и всѣхъ крестьянскихъ учрежденій. Надо думать, что лобы были сильны и рѣзки, такъ какъ онѣ вызвали сенатор- ю ревизію калужскихъ мировыхъ учрежденій. Когда сдѣла- ь извѣстнымъ въ Калугѣ о назначеніи этой ревизіи, то Щукинъ ослалъ всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства конфиден- льный циркуляръ, предложивъ имъ заявить всѣмъ недоволь- мъ дворянамъ, что они могутъ подавать сенатору всякія жа- ы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ, какъ вообще, такъ и составленію уставныхъ грамотъ, хотя бы и добровольныхъ.

притомъ безъ вѣдома, безъ желанія, безъ согласія того лица, которое служило предметомъ продажи? Какъ можетъ представить себѣ современный человѣкъ, чтобы возможно было не только продать другого, и притомъ иногда при самыхъ жестокихъ условіяхъ: заковать его въ цѣпи, вывести на базаръ или ярмарку и продать мужа одному покупателю, жену другому, а дѣтей третьему, и все это въ разныя мѣстности,— но проиграть въ карты, вымѣнять на лошадь или борзую собаку, заложить, подарить близкой женщинѣ, отдать въ видѣ взятки чиновнику, если онъ обладалъ правомъ душевладѣнія, отдать въ приданое за дочерьми, завѣщать по наслѣдству, отдать или продать въ солдаты, сослать въ Сибирь, заточить въ каторжныя работы на срокъ или даже безъ срока, словомъ, распорядиться живымъ человѣкомъ какъ вещью? Какъ можетъ представить себѣ современный человѣкъ, чтобы можно было безпощадно терзать подобныхъ себѣ: заковывать въ цѣпи и принуждать въ нихъ работать, приковывать на нѣсколько лѣтъ къ стѣнѣ, держать въ смрадныхъ и холодныхъ подвалахъ, до смерти забивать, засѣкать палками, розгами, плетьми, арапникомъ, „ѣзжалымъ" кнутомъ, заставлять стоять босыми ногами на снѣгу въ январьскій морозъ, брить половину головы и одинъ усъ, жалить обнаженное тѣло крапивой, ставить на колѣни на орѣховую скорлупу, выливать на голову повара горячій, неудачно приготовленный супъ или борщъ, отрывать непорочныхъ дѣвушекъ отъ родителей и устраивать изъ нихъ гаремы, а за ослушаніе травить ихъ собаками, изобрѣтать утонченнѣйшія пытки и казни и находить наслажденіе въ страданіяхъ беззащитнаго человѣка, въ его слезахъ, въ его страдальческихъ воплях. При древности и общераспространенности безспорнаго нравственнаго и экономическаго закона, требующаго, чтобы всякій трудъ другого для насъ былъ оплаченъ соразмѣрнымъ вознагражденіемъ, какъ можетъ представить себѣ современный человѣкъ такой порядокъ вещей, въ силу котораго массы людей превратились бы въ подъяремныхъ животныхъ и съ ранняго дѣтства до поздней могилы работали на массу другихъ, во всемъ имъ подобныхъ и равныхъ людей, и не только не получали отъ нихъ никакого вознагражденія за свой неустанный египетскій трудъ, но терпѣли еще всевозможныя дикія безчеловѣчныя истязанія, если трудъ этотъ не удовлетворялъ того, для кого былъ предпринятъ, и, кромѣ того, были еще глубоко убѣждены, что иначе и быть не должно, что этотъ порядокъ, будто бы, установленъ самимъ Богомъ и государемъ? Совре-

еленіяхъ (13) добровольныя уставныя грамоты. Но въ большин-твѣ случаевъ, особенно, гдѣ была черезполосица между помѣ-щичьими и крестьянскими землями, соглашеніе приходилось дѣ-ать мировымъ посредникамъ. Въ первый годъ посреднической дѣя-льности и эти обязанности исполнялись довольно спокойно. Объ-сняется это тѣмъ, что бывшій въ то время губернскій пред-одитель дворянства Фед. Серг. Щукинъ, популярный въ дво-янствѣ, видя близко благонамѣренность и законность всѣхъ ѣйствій Виктора Антоновича и сознавая, что своею дѣятель-остью Викторъ Антоновичъ выполняетъ волю и желаніе самого Іонарха, въ первое время крестьянской реформы былъ съ нимъ ь отличныхъ отношеніяхъ. Со Щукинымъ были солидарны нѣ-оторые уѣздные предводители дворянства, и эти предводители ь первое время сдерживали недовольныхъ дворянъ. Недоволь-тво это объяснялось тѣмъ, что помѣщики признавали, что въ свобожденныхъ крестьянахъ они потеряли часть собственности осальскій депутатъ дворянства Д. И. Потуловъ въ Комитетѣ ще называлъ крестьянъ — „собственностью“, равною имуществен-ой, и это мнѣніе раздѣляли и другіе). При такой потерѣ нѣ-оторые помѣщики желали, чтобы за ними оставалось право олной собственности на земли, которыя были въ пользованіи крѣ-остныхъ крестьянъ. А такъ какъ новый законъ обязывалъ помѣщи-овъ извѣстную часть этой земли отдать крестьянамъ за установлен-ыя повинности, и мировые посредники наблюдали за точ-ымъ исполненіемъ этого закона, то и возникали неудовольствія акъ на самый законъ, такъ и на мировыхъ посредниковъ, кото-ыхъ обвиняли въ произволѣ и стремленіи дѣлать все въ пользу днихъ крестьянъ. Въ числѣ недовольныхъ явились и нѣкоторые омѣщики, которые на первыхъ порахъ рѣшились на добровольныя ставныя грамоты, объясняя, что такія грамоты были составлены одъ вліяніемъ посредниковъ. Мало-по-малу эти недовольные владѣли безхарактернымъ и слабымъ губ. предводителемъ Щу-инымъ и убѣдили его жаловаться на дѣйствія калужскаго губер-атора и всѣхъ крестьянскихъ учрежденій. Надо думать, что калобы были сильны и рѣзки, такъ какъ онѣ вызвали сенатор-кую ревизію калужскихъ мировыхъ учрежденій. Когда сдѣла-юсь извѣстнымъ въ Калугѣ о назначеніи этой ревизіи, то Щукинъ разослалъ всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства конфиден-ціальный циркуляръ, предложивъ имъ заявить всѣмъ недоволь-нымъ дворянамъ, что они могутъ подавать сенатору всякія жа-лобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ, какъ вообще, такъ и по составленію уставныхъ грамотъ, хотя бы и добровольныхъ.

Мои воспоминанія
о
Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ.

Съ В. А. Арцимовичемъ я познакомился въ г. Калугѣ въ 1858 году, когда онъ былъ тамъ губернаторомъ, а я былъ избранъ медынскимъ дворянствомъ членомъ калужскаго губернскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ. Немного нужно было времени, чтобы увидѣть въ Викторѣ Антоновичѣ человѣка, выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ, высоко гуманнаго, съ свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Открывая калужскій крестьянскій Комитетъ, Викторъ Антоновичъ сказалъ въ своей рѣчи: „мы призваны къ участію въ подвигѣ человѣколюбивомъ, исполненномъ гражданской мысли и христіанскихъ стремленій", и далѣе прибавилъ, что онъ самъ „будетъ дѣйствовать съ искреннимъ и твердымъ убѣжденіемъ въ великомъ и благотворномъ значеніи преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ", и впослѣдствіи онъ всецѣло доказалъ на дѣлѣ, что слова эти не были фразами. Невольно вспоминается характеристика Виктора Антоновича, сдѣланная его товарищами еще въ Училищѣ Правовѣдѣнія, признававшими его превосходство и называвшими его „папашею"; для насъ же, узнавшихъ Виктора Антоновича уже общественнымъ дѣятелемъ, было отрадно видѣть въ немъ человѣка, который, по пословицѣ, „какимъ былъ въ колыбелькѣ, такимъ останется и до могилки".

Дѣятельно работали крестьянскіе комитеты, волнуясь ожиданіемъ результатовъ. Но это волненіе было ничтожно передъ необычайнымъ оживленіемъ всего общества по обнародованіи великаго акта освобожденія милліоновъ отъ рабства. Для объ-

лѣе убѣдился, что все разсказываемое про него его недобро-
елателями есть ложь, ни на чемъ неоснованная, вызванная зло-
ю за неумолимое преслѣдованіе имъ всякаго вреднаго произвола
правды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, грустно было узнать, что Виктору
нтоновичу въ Варшавѣ приходилось бороться за проведеніе
жизнь своихъ святыхъ убѣжденій съ такими дѣятелями, какъ
илютинъ, кн. Черкасскій, Кошелевъ, настаивавшими, что для
арства Польскаго не настало еще время для примѣненія
рогой законности, а надо руководствоваться „усмотрѣніемъ“
стоятельствъ.

А. А. Муромцевъ.

(Это распоряженіе мнѣ извѣстно отъ мѣстнаго дворянства). Назначенный для ревизіи сенаторъ Капгеръ и его чиновники прибыли въ Калугу, повидимому, предубѣжденные противъ состава калужскихъ мировыхъ учрежденій, такъ какъ они, до провѣрки жалобъ калужскаго дворянства, не хотѣли ни съ кѣмъ видѣться и объясняться. Немного времени взяла ревизія, потому что у мировыхъ посредниковъ дѣла велись въ строгомъ порядкѣ, установленномъ закономъ, причемъ ни одна изъ вопіющихъ жалобъ дворянъ не подтвердилась. Послѣдствіемъ сенаторской ревизіи были самыя лучшія отношенія между сенаторомъ Капгеромъ и его сотрудниками и губернаторомъ и калужскими мировыми посредниками, а затѣмъ высокое довѣріе Государя Императора къ Виктору Антоновичу, выразившееся при назначеніи его помощникомъ варшавскаго намѣстника гр. Берга.

Недолго послѣ ревизіи оставался Викторъ Антоновичъ въ Калугѣ: вскорѣ онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Тяжело было разставаться съ такимъ общественнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ, какимъ былъ В. А. Арцимовичъ! При разставаніи съ нимъ многіе мировые посредники хотѣли продолжать свою дѣятельность, но скоро измѣнившееся новое направленіе вынудило почти всѣхъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва удалиться. Бывшій въ это время министръ вн. д. П. А. Валуевъ отнесся, повидимому, съ недовѣріемъ къ сенаторской ревизіи и остался на сторонѣ недовольныхъ помѣщиковъ калужской губерніи. По уходѣ Виктора Антоновича, какъ говорятъ, по иниціативѣ Валуева, въ калужской губерніи началось сокращеніе мировыхъ участковъ, причемъ увольнялись тѣ изъ мировыхъ посредниковъ, дѣйствія которыхъ казались вредными для помѣщичьихъ интересовъ, а затѣмъ предполагалось возстановить прежнее число участковъ, назначая въ нихъ новыхъ, желанныхъ людей.

Тяжело вспоминать, какая грустная перемѣна произошла отъ новаго направленія, тѣмъ болѣе тяжело, что это направленіе страшно затормозило дальнѣйшее покойное развитіе народной самостоятельной жизни, такъ разумно начатой при Викторѣ Антоновичѣ.

Въ 1865 году я получивъ должность члена крестьянскаго Комитета при виленскомъ генералъ-губернаторѣ, проѣхалъ въ Варшаву навѣстить Виктора Антоновича. Мнѣ приходилось слышать нареканія, что онъ въ Калугѣ дѣйствовалъ въ пользу крестьянъ, а въ Варшавѣ сталъ все дѣлать въ пользу пановъ. Никто изъ знавшихъ близко Виктора Антоновича ни на минуту не усомнился, что эти нареканія неправда, и въ Варшавѣ я еще

болѣе убѣдился, что все разсказываемое про него его недобр
желателями есть ложь, ни на чемъ неоснованная, вызванная зл
бою за неумолимое преслѣдованіе имъ всякаго вреднаго произво
неправды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, грустно было узнать, что Викто
Антоновичу въ Варшавѣ приходилось бороться за проведен
въ жизнь своихъ святыхъ убѣжденій съ такими дѣятелями, ка
Милютинъ, кн. Черкасскій, Кошелевъ, настаивавшими, что д
Царства Польскаго не настало еще время для примѣнен
строгой законности, а надо руководствоваться „усмотрѣніем
обстоятельствъ.

А. А. Муромцевъ.

Воспоминанія о В. А. Арцимовичѣ.

...Наконецъ воля была объявлена. Наступило время вводить эту волю въ жизнь, облечь ее въ плоть и кровь. Дѣло было далеко не простое. Приходилось имѣть дѣло съ понятіями и отношеніями, сложившимися жизнью многихъ поколѣній.

Неограниченная власть надъ людьми, переходившая зачастую въ дикій, разнузданный произволъ, отмѣнена. Хозяйство, двигавшееся силою этой власти, приходилось вести какъ либо иначе. Для темнаго крестьянина воля представлялась отмѣною, упраздненіемъ всего прежняго въ его отношеніяхъ къ помѣщику, а, между тѣмъ, законъ, давъ нѣкоторыя облегченія крестьянину, требовалъ продолженія прежнихъ хозяйственныхъ отношеній къ барину. Надо было считаться съ порывами прежняго самовластія, раздуваемаго безсильною злобою противъ нежеланнаго новаго порядка; приходилось считаться и съ естественными увлеченіями вырвавшихся на волю, отводившихъ душу отъ накопившихся обидъ и приниженій прежняго времени. Чтобы сдержать и то, и другое на почвѣ законности, требовалось много энергичнаго, обдуманнаго труда, большого спокойствія и твердости духа, много любви къ правдѣ и добру. Но всего этого: и любви къ труду, и спокойствія, и твердости духа, и любви къ правдѣ и добру у Виктора Антоновича запасъ былъ неистощимый. Собравъ единодушный кружокъ дѣятелей, проникнутыхъ желаніемъ послужить всѣми силами дѣйствительному осуществленію реформы, Викторъ Антоновичъ повелъ упорную борьбу за законность, за легальность, какъ онъ выражался, борьбу и съ мѣстными, и не мѣстными противниками реформы и вышелъ изъ этой борьбы, въ сущности, побѣдителемъ, такъ какъ для каждаго знакомаго съ крестьянскимъ дѣломъ несомнѣнно, что за два года этой борьбы большинство крестьянъ калужской губерніи успѣли дѣйствительно получить то, что имъ закономъ 19 февраля 1861 г. было даровано.

тѣе убѣдился, что все разсказываемое про него его недобро-
лателями есть ложь, ни на чемъ неоснованная, вызванная зло-
о за неумолимое преслѣдованіе имъ всякаго вреднаго произвола
правды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, грустно было узнать, что Виктору
тоновичу въ Варшавѣ приходилось бороться за проведеніе
жизнь своихъ святыхъ убѣжденій съ такими дѣятелями, какъ
илютинъ, кн. Черкасскій, Кошелевъ, настаивавшими, что для
рства Польскаго не настало еще время для примѣненія
огой законности, а надо руководствоваться „усмотрѣніемъ“
стоятельствъ.

А. А. Муромцевъ.

димости оставаться въ строгомъ повиновенiи прежнимъ помѣщикамъ. Къ счастью для калужской губернiи, первое направленiе, соотвѣтствовавшее и естественнымъ свойствамъ человѣческой природы, и мысли новаго закона, взяло верхъ и повело дѣло далеко не легкимъ и не безшумнымъ, но твердымъ и спокойнымъ путемъ къ установленiю правильныхъ отношенiй бывшихъ помѣщиковъ съ ихъ бывшими крѣпостными.

Въ самомъ началѣ, въ первые, такъ сказать, дни реформы, въ горячiя минуты разрыва прежней деревенской жизни и нарожденiя совершенно новой, особенно важно было сохранить, по возможности, общее спокойствiе и принять мѣры къ отстраненiю всякихъ поводовъ къ нарушенiю мирнаго хода дѣла, составлявшаго главный залогъ спокойнаго разрѣшенiя самой существенной стороны дѣла — поземельнаго развода помѣщиковъ съ крестьянами. Всякое волненiе, всякое проявленiе неповиновенiя крестьянъ непремѣнно волновало все окрестное помѣщичье и крестьянское населенiе и вызывало усиленно нервное выжиданiе, чѣмъ все разрѣшится. Забота Виктора Антоновича о мѣрахъ къ охраненiю спокойствiя вызвала въ первыхъ же мартовскихъ собранiяхъ Губернскаго Присутствiя обсужденiе двухъ мѣръ, имѣвшихъ, въ особенности первая, большое значенiе въ ходѣ крестьянскаго дѣла въ губернiи: это—разъясненiе, данное полицiи объ ея обязанностяхъ въ перiодъ времени до назначенiя мировыхъ посредниковъ, и мѣры въ отношенiи имѣнiй со смѣшанною повинностью.

До открытiя волостныхъ судовъ законъ сохранилъ за помѣщиками право подвергать крестьянъ взысканiямъ и наказанiямъ въ предѣлахъ, предоставленныхъ волостному суду, въ томъ числѣ и тѣлесному наказанiю, съ тѣмъ только, чтобы тѣлеснымъ наказанiямъ крестьяне были подвергаемы не иначе, какъ черезъ полицiю. Отстранить, по возможности, поводы къ всевозможнымъ вспышкамъ въ переходный моментъ, дать полицiи общее руководящее наставленiе, какъ дѣйствовать въ это время общаго нервнаго напряженiя, представлялось настоятельно необходимымъ. Полицiи было указано, что тѣлесное наказанiе, какъ наказанiе уголовное, могло быть налагаемо лишь за уголовное дѣянiе; что если уголовный характеръ имѣетъ всякое открытое сопротивленiе правительственнымъ мѣрамъ взысканiя и повинностей, какъ актъ противодѣйствiя законной власти, что если по отношенiю дворовыхъ людей, остававшихся по закону въ обязательной службѣ помѣщику на два года, неисполненiе ими своихъ обязанностей должно было имѣть значенiе поля-

цейскаго проступка, а не гражданскаго правонарушенія, то, никоимъ образомъ, такого значенія не могло имѣть неисполненіе крестьянами ихъ повинностей къ помѣщику, вытекавшихъ изъ временно-обязанныхъ отношеній. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права отношенія по отбыванію такихъ повинностей получали характеръ исключительно гражданскихъ правоотношеній, неисполненіе коихъ не могло уже влечь преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ, какъ за неповиновеніе власти помѣщика, а должно было имѣть значеніе лишь неисполненія обязательства, лежащаго на крестьянахъ, и установлять отвѣтственность ихъ за причиненный такимъ неисполненіемъ ущербъ помѣщику въ порядкѣ, установленномъ въ положеніяхъ о крестьянахъ. При этомъ указывалось, что требованія помѣщиковъ о наказаніи должны быть письменныя и должны заключать въ себѣ точное указаніе вины присылаемыхъ, что полиція должна при этомъ соблюдать указанный въ законѣ порядокъ: для разбора судебно-полицейскихъ дѣлъ составлять протоколъ, исполняемый по просмотрѣ стряпчаго, и не выходить изъ предѣловъ наказаній, предоставленныхъ волостнымъ судамъ.

Участь крестьянъ въ имѣніяхъ со смѣшанною повинностью, т.-е. такихъ, въ которыхъ крестьяне, кромѣ оброка, отбывали еще дополнительную барщину, представлялась особенно тяжелою. Для крестьянъ имѣній чисто барщинныхъ все-таки немедленно съ освобожденіемъ являлись извѣстныя облегченія: отмѣнялись всѣ добавочные и сгонные дни, сверхъ трехдневной барщины, и уменьшалась женская барщина; въ имѣніяхъ же со смѣшанною повинностью, гдѣ барщина являлась лишь дополненіемъ къ оброку, она не подходила подъ эти облегченія и оставалась въ прежнемъ видѣ. Въ журналѣ Губернскаго Присутствія приведены примѣры крайняго обремененія крестьянъ многихъ подобныхъ имѣній. Рѣшено было дѣйствовать чрезъ предводителей дворянства на владѣльцевъ такихъ имѣній, въ смыслѣ склоненія къ облегченію крестьянъ, и была образована особая комиссія изъ нѣсколькихъ членовъ Губернскаго Присутствія для опредѣленія нормы оброка въ губерніи, при которой не можетъ быть допускаема и соотвѣтственно которой должна быть уменьшаема дополнительная барщина [1]. И бывшіе все-таки

---

[1]) Нѣсколько позднѣе, въ апрѣлѣ того же 1861 г., Главный Комитетъ по устройству сельскаго состоянія остановился на такихъ же мѣрахъ, въ видѣ общаго распоряженія по Имперіи, постановивъ вмѣнить губернскимъ властямъ приглашать помѣщиковъ имѣній со смѣшанною повинностью неме-

при введеніи въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ въ калужской губерніи случаи такъ называемыхъ неповиновеній крестьянъ, хотя и немногочисленные, за исключеніемъ одного, были вызваны именно тягостью смѣшанной повинности. Случаи эти были въ тарусскомъ, мещовскомъ и боровскомъ уѣздахъ. Только въ мосальскомъ уѣздѣ проявился особый поводъ, вызвавшій отказъ крестьянъ отъ работы. По закону, до введенія уставной грамоты барщина, съ узаконенными въ законѣ облегченіями, должна была отбываться на прежнемъ основаніи. При крѣпостномъ правѣ барщина исчислялась по тягламъ, и по этому разсчету для даннаго имѣнія она сводилась къ большему числу рабочихъ дней, чѣмъ сколько за крестьянскій земельный надѣлъ по Положенію причиталось рабочихъ дней издѣльной повинности, исчисленной по разсчету, указанному для опредѣленія этой повинности по уставной грамотѣ. Тѣмъ не менѣе, помѣщикъ, не вводя еще уставной грамоты, сталъ примѣнять къ прежней барщинѣ мѣры, указанныя въ законѣ лишь для издѣльной повинности по уставной грамотѣ, требовалъ несуществовавшей дотолѣ круговой поруки по отбыванію барщины, завелъ строгій счетъ прогульныхъ дней, далеко не такъ учитывавшихся при крѣпостномъ правѣ, когда обычно не взыскивались дни, пропущенные за болѣзнью, по случаю деревенскихъ праздниковъ и т. п. Такимъ образомъ, крестьянамъ какъ бы хотѣли внушить, что по Положенію имъ будетъ хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ при помощи большинства присутствія Викторъ Антоновичъ примѣнилъ одинъ пріемъ: разборъ дѣла на мѣстѣ, куда въ то же время, въ видѣ указанія на необходимость повиноваться требованію власти, подвигалась воинская команда. Первый случай—въ тарусскомъ уѣздѣ—возникъ, когда еще не было ни одного назначеннаго мирового посредника, и разборъ былъ порученъ особой комиссіи изъ нѣсколькихъ лицъ, предназначавшихся въ мировые посредники, съ участіемъ уѣзднаго предводителя дворянства и подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Губернскаго Присутствія; въ остальныхъ же случаяхъ, когда посредники уже были назначены, разборъ на мѣстѣ поручался мѣстному мировому съѣзду. Пріемъ этотъ увѣнчался наилучшимъ успѣхомъ.

дленно вводить уставныя грамоты, причемъ должна была прекратиться такая смѣшанная повинность, или понижать ее, соотвѣтственно средствамъ крестьянъ. Позднѣе Комитетъ указалъ и способъ нормированія барщины въ такихъ имѣніяхъ до введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ.

цейскаго проступка, а не гражданскаго правонарушенія, то, никоимъ образомъ, такого значенія не могло имѣть неисполненіе крестьянами ихъ повинностей къ помѣщику, вытекавшихъ изъ временно-обязанныхъ отношеній. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права отношенія по отбыванію такихъ повинностей получали характеръ исключительно гражданскихъ правоотношеній, неисполненіе коихъ не могло уже влечь преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ, какъ за неповиновеніе власти помѣщика, а должно было имѣть значеніе лишь неисполненія обязательства, лежащаго на крестьянахъ, и установлять отвѣтственность ихъ за причиненный такимъ неисполненіемъ ущербъ помѣщику въ порядкѣ, установленномъ въ положеніяхъ о крестьянахъ. При этомъ указывалось, что требованія помѣщиковъ о наказаніи должны быть письменныя и должны заключать въ себѣ точное указаніе вины присылаемыхъ, что полиція должна при этомъ соблюдать указанный въ законѣ порядокъ: для разбора судебно-полицейскихъ дѣлъ составлять протоколъ, исполняемый по просмотрѣ стряпчаго, и не выходить изъ предѣловъ наказаній, предоставленныхъ волостнымъ судамъ.

Участь крестьянъ въ имѣніяхъ со смѣшанною повинностью, т.-е. такихъ, въ которыхъ крестьяне, кромѣ оброка, отбывали еще дополнительную барщину, представлялась особенно тяжелою. Для крестьянъ имѣній чисто барщинныхъ все-таки немедленно съ освобожденіемъ являлись извѣстныя облегченія: отмѣнялись всѣ добавочные и сгонные дни, сверхъ трехдневной барщины, и уменьшалась женская барщина; въ имѣніяхъ же со смѣшанною повинностью, гдѣ барщина являлась лишь дополненіемъ къ оброку, она не подходила подъ эти облегченія и оставалась въ прежнемъ видѣ. Въ журналѣ Губернскаго Присутствія приведены примѣры крайняго обремененія крестьянъ многихъ подобныхъ имѣній. Рѣшено было дѣйствовать чрезъ предводителей дворянства на владѣльцевъ такихъ имѣній, въ смыслѣ склоненія къ облегченію крестьянъ, и была образована особая комиссія изъ нѣсколькихъ членовъ Губернскаго Присутствія для опредѣленія нормы оброка въ губерніи, при которой не можетъ быть допускаема и соотвѣтственно которой должна быть уменьшаема дополнительная барщина [1]). И бывшіе все-таки

[1]) Нѣсколько позднѣе, въ апрѣлѣ того же 1861 г., Главный Комитетъ по устройству сельскаго состоянія остановился на такихъ же мѣрахъ, въ видѣ общаго распоряженія по Имперіи, постановивъ вмѣнить губернскимъ властямъ приглашать помѣщиковъ имѣній со смѣшанною повинностью неме-

однажды, изъ уѣзда явился предводитель дворянства и въ з сѣданіи Губернскаго Присутствія, чуть не со слезами и бу вально падая въ обморокъ, объявлялъ, что въ уѣздѣ возстан и помѣщики не въ безопасности, что, какъ послѣ разъяснило вызвано было лишь тѣмъ, что на крестьянскомъ сходѣ глух крестьянинъ, не слыша рѣчи нервнаго предводителя, гро кими разглагольствованіями въ толпѣ сталъ заглушать е слова—въ то время сохранить спокойствіе и хладнокровіе, в нести всю тягость общаго напора и запугиваній и удержать на строго законной почвѣ, принимая на себя отвѣтственнос за все, можно было лишь при той ясности мысли, вѣрѣ силу человѣчности и твердости воли, которыми обладалъ Ви торъ Антоновичъ.

Благоразумные элементы помѣщичьяго населенія сознава пользу всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ спокойному ходу дѣла строго законной почвѣ, и охотно шли за Викторомъ Антоновиче по этому пути, спѣшили закончить уставныя грамоты, по согл шенію съ крестьянами, и, обезпечивъ себѣ добрыя сосѣдскія о ношенія съ ними, перейти къ новому порядку хозяйства. Но мно слишкомъ много было и противниковъ такого хода дѣла. Ког надежда сбить администрацію съ твердо занятаго ею зако наго пути оказалась напрасною, обратились къ другимъ спос бамъ борьбы. Началась борьба съ отдѣльными мировыми п средниками, выживаніе ихъ всякими сплетнями, оскорбител ными выходками, жалобами и самыми крайними обвиненіями, въ то же время открылся неустанный, страстный походъ пр тивъ калужской администраціи и мировыхъ учрежденій по п тербургскимъ пріемнымъ. Обидно и трудно было разбирать со всѣмъ этимъ, и только общее, дружное товарищество и ед неніе съ Викторомъ Антоновичемъ удерживало всѣхъ у обща дѣла. Но жалобы, крики и хожденіе сдѣлали свое: вызвали с наторскую ревизію, которая, хотя и засвидѣтельствовала строг законность дѣйствій какъ губернской администраціи, такъ мировыхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе не устранила измѣнен какъ общаго направленія, такъ и личнаго состава мировы учрежденій.

П. Н. Грешищевъ.

Отдѣлъ третій.

ВАРШАВА.

(1863—1866 гг.).

Отдѣлъ третій.

ВАРШАВА.

(1863—1866 гг.).

дѣламъ присутствіе, для доклада уставныхъ грамотъ. Онъ относился ко всѣмъ служившимъ подъ его начальствомъ всегда просто и человѣчно. Никогда не позволялъ онъ себѣ съ подчиненными обидной фамильярности, всегда былъ вѣжливъ, ласковъ. Въ губернскомъ присутствіи онъ всегда стоялъ за право и справедливость, за точное и неуклонное примѣненіе закона во всѣхъ случаяхъ, что̀ и вызывало противъ него ожесточеніе. Да и вообще такихъ людей, какъ В. А. Арцимовичъ, большинство терпѣть не можетъ. Викторъ Антоновичъ былъ очень уменъ, хорошо образованъ, начитанъ, прекрасно воспитанъ, а главное — добръ и вполнѣ честенъ, въ благородномъ, высокомъ значеніи этого слова: ни для кого и ни для чего онъ не покривилъ бы душою и ни на іоту не отступилъ бы отъ своихъ убѣжденій. Этого слишкомъ достаточно, чтобы большинство возненавидѣло такого дѣятеля. Эти качества такая рѣдкость, что я считаю особеннымъ счастьемъ, если въ жизни случается встрѣтить такихъ людей. Какъ бы ни толковали о дѣятельности Виктора Антоновича въ крестьянскомъ дѣлѣ — вѣрно одно: онъ всегда желалъ пользы и блага и полагалъ, что неуклонное примѣненіе закона, охраненіе права и справедливости (поскольку это согласно) хорошо и полезно—слѣдовательно, служитъ на благо людей.

Такъ же онъ поступалъ въ Царствѣ Польскомъ. Онъ былъ всегда противъ такихъ мѣръ, которыя, причиняя зло полякамъ, не приносили никому никакой пользы — мѣръ, носившихъ характеръ политической мести, наказанія и извращавшихъ Указъ 19 февраля 1864 года. Таково было признаніе нѣмцевъ-колонистовъ крестьянами, подходящими подъ дѣйствіе Указа. Нѣмцы-колонисты покупали у помѣщиковъ ихъ господскія земли нотаріальнымъ порядкомъ, на правѣ безсрочной аренды; это были арендаторы, которыхъ права вполнѣ обезпечивались нотаріальными контрактами, заключавшимися *вполнѣ* добровольно, часто наканунѣ указовъ 19 февраля 1864 г. (въ имѣніи Быхи Езереньскаго петроковской губ.). Это не были поляки крестьяне, искони сидѣвшіе на *своихъ* земляхъ и ничѣмъ не обезпеченные отъ произвольныхъ распоряженій помѣщика этими исконными крестьянскими землями. Нѣмцы-колонисты были пришельцы, по контрактамъ добровольно снявшіе въ аренду дворянскія земли. Для нихъ было бы совершенно достаточно возстановить силу 530 ст. Кодекса. Не зачѣмъ было втаскивать ихъ въ сословіе крестьянъ и отдавать имъ въ собственность помѣщичьи, дворянскія земли, бывшія у нихъ въ арендѣ по контрактамъ. Эта мѣра имѣла только одинъ смыслъ — сдѣлать какъ можно больше вреда

Письмо П. Н. Обнинскаго къ А. М. Арцимовичъ.

Москва, 19 октября 1893 года.

Глубокоуважаемая Анна Михайловна.

Препровождая при семъ рукопись [1]) свою, посвященную памяти Вашего незабвеннаго супруга, прошу Васъ принять ее вмѣстѣ съ сердечною благодарностью за добрыя чувства, которыя выражены въ полученномъ мною письмѣ Вашемъ.

Въ одномъ не могу согласиться съ Вами — о преждевременности оцѣнки дѣятельности покойнаго въ Царствѣ Польскомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ я коснулся вскользь и этой эпохи и присылаю Вамъ выдержки изъ писемъ Г. П. Ермолаева, относящихся къ тому времени. Польская эпоха составляетъ превосходную параллель съ калужскою, объясняетъ и разрушаетъ ту безсмысленную клевету, которая гуляетъ кое-гдѣ и до сихъ поръ. Мнѣ думается, что давно настала пора освѣтить и этотъ періодъ, и что безъ этого общая характеристика рыцарской личности Виктора Антоновича будетъ не только не полною, но и дастъ поводъ читателю произвольно истолковывать умолчаніе и пропуски.

Подробности и основанія моего взгляда Вы найдете въ моей рукописи...

Письмо Г. П. Ермолаева о дѣятельности В. А. Арцимовича въ Царствѣ Польскомъ.

Я поступилъ на службу къ Виктору Антоновичу въ 1861 г., въ ноябрѣ, сейчасъ по окончаніи курса въ университетѣ, когда крестьянское дѣло было въ полномъ разгарѣ. Викторъ Антоновичъ прикомандировалъ меня въ губернское по крестьянскимъ

---

[1]) См. II-ой Отдѣлъ настоящей книги: „В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ". П. Н. Обнинскаго, стр. 109.

производство въ губернскомъ присутствіи, производство въ петербургскихъ высшихъ инстанціяхъ, и только послѣ цѣлаго ряда протоколовъ, рѣшеній, объясненій, дополненій и т. п. наступало исправленіе. Но — о, ужасъ! часто и это исправленіе оказывалось ошибкой. Надо было „исправлять“ это „исправленіе“ и всю канитель продѣлывать снова. Лучше послушались бы В. А. Арцимовича... Лучше было бы также послушаться его и въ вопросѣ о нѣмцахъ-колонистахъ. Не пришлось бы перековыривать всѣ табели, исключая изъ нихъ евреевъ и нѣмцевъ. Викторъ Антоновичъ былъ также противъ распространительнаго толкованія тѣхъ статей указа, въ которыхъ говорилось о крестьянахъ (по кодексу—сословій нѣтъ), и о земляхъ, поступающихъ въ ихъ собственность. Учредительная комиссія признавала крестьянами всѣхъ, кто занимается земледѣліемъ, въ томъ числѣ и евреевъ, и въ одномъ случаѣ признала даже и аптекаря, но отнюдь не *шляхтичей* или *ксендзовъ*; признавала она и всѣ земли и усадьбы, подлежащія обращенію въ собственность крестьянъ, если этими землями владѣли или пользовались лица, которыхъ Учредительная комиссія считала крестьянами. Были отданы въ собственность помѣщичьимъ рабочимъ (временнымъ) почти всѣ жилыя помѣщичьи постройки, такъ что помѣщикамъ для вновь нанимаемыхъ приходилось воздвигать новыя постройки, а большинству строить было не на что. Вмѣстѣ съ этими постройками были отданы и клочки господской земли около дворянской усадьбы, сады, огороды, которые помѣщики давали, вмѣсто жалованья, на лѣто подъ капусту и картофель. Это разоряло помѣщиковъ, не обезпечивая въ то же время рабочихъ, которые все же оставались почти безземельными и все же должны были работать, чтобы жить. Викторъ Антоновичъ всегда былъ противъ такого произвольнаго толкованія Указа по злости на польскую шляхту за возстаніе. Онъ оставался въ Царствѣ Польскомъ послѣ моего поступленія на службу лишь нѣсколько мѣсяцевъ: я былъ назначенъ по его рекомендаціи комиссаромъ въ февралѣ, а лѣтомъ Викторъ Антоновичъ уѣхалъ въ Петербургъ. Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, то, разумѣется, сейчасъ же явился къ нему. Онъ сказалъ мнѣ: „Соловьевъ обѣщалъ мнѣ дать вамъ мѣсто комиссара; хотя мы съ нимъ не видимся, но онъ это сдѣлаетъ, а пока не получите мѣста, ходите чаще ко мнѣ, и если у васъ до тѣхъ поръ не хватитъ денегъ на житье въ Варшавѣ, не занимайте у евреевъ, а возьмите у меня“.

Хорошій былъ человѣкъ! Я всегда съ удовольствіемъ вспо-

минаю о немъ. Я вообще начальства надъ собой терпѣть не могу, и всякія служебныя отношенія для меня противны, но Викторъ Антоновичъ—исключеніе: и во время службы съ нимъ, и послѣ я всегда питалъ къ нему хорошее чувство — чувство искренняго, дружескаго расположенія.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ [1]).

1863—1866 гг.

I.

Къ осени 1863 г. можно было уже считать польское революціонное движеніе, вспыхнувшее въ этомъ же году, окончательно неудавшимся и проиграннымъ, за неполученіемъ имъ никакой поддержки извнѣ—отъ Франціи, на которую оно расчитывало. Мятежъ былъ подавленъ, но еще не прекращенъ. Въ Вильнѣ распоряжался М. Н. Муравьевъ съ весьма широкими полномочіями. Маркизъ Вѣлёпольскій уже уѣхалъ 25 іюня (7 іюля) 1863 г. изъ Варшавы за границу, въ отпускъ на два мѣсяца, но съ тѣмъ, чтобы на свой постъ не возвращаться. Весною 1864 г., въ Потсдамѣ, императоръ Александръ II сказалъ ему при его представленіи: *nous avons été vaincus, marquis, nous avons été vaincus*! Не было въ Царствѣ Польскомъ и прежняго намѣстника великаго князя Константина Николаевича: рескриптъ ему, освобождавшій его отъ этой должности, послѣдовалъ изъ Ливадіи 31 октября 1863 г. Замѣстителемъ великаго князя явился графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ. Все гражданское управленіе въ Царствѣ было въ состояніи полнѣйшаго разложенія. Личный составъ его былъ до того времени почти исключительно польскій и состоялъ либо изъ старыхъ служакъ временъ князя Паскевича или князя Горчакова, либо изъ вновь назначенныхъ при Вѣлёпольскомъ. Онъ никуда не годился, какъ слагавшійся изъ людей или совсѣмъ деморализированныхъ и на все, на что угодно, податливыхъ, или даже изъ людей, предательски помогавшихъ повстанцамъ. Въ этотъ моментъ пришлось, опираясь только на штыкъ, на одну военную диктатуру, пересоздать и от-

---

[1]) Вѣстн. Евр. Іюнь и Іюль 1901 г.

минаю о немъ. Я вообще начальства надъ собой терпѣть не могу, и всякія служебныя отношенія для меня противны, но Викторъ Антоновичъ—исключеніе: и во время службы съ нимъ, и послѣ я всегда питалъ къ нему хорошее чувство — чувство искренняго, дружескаго расположенія.

чемъ уже подъ конецъ шестидесятыхъ годовъ. Мы были знакомы домами; я получалъ отъ него указанія и нѣкоторые источники для сочиненія, которое я писалъ въ 1880 г., и которое было потомъ издано отдѣльною книгою въ 1882 году, подъ заглавіемъ: „Жизнь и политика маркиза Вѣлёпольскаго". Такъ какъ я всегда пользовался расположеніемъ и довѣріемъ семьи Виктора Антоновича, то послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1893 году, я получилъ отъ этой семьи, изъ хранившихся у нея въ систематическомъ порядкѣ книгъ, изданій, печатныхъ и рукописныхъ бумагъ покойнаго, всѣ тѣ, которыя относились къ его дѣятельности по Царству Польскому, начиная съ первой его командировки туда въ сентябрѣ 1863 г. до опредѣленія его сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента 7 февраля 1866 г., послѣ чего онъ окончательно поселился въ С.-Петербургѣ. Переданныя мнѣ бумаги занимаютъ цѣликомъ объемистый сундукъ и заключаются въ 14 папкахъ; онѣ были дополнены сообщенною мнѣ перепискою Виктора Антоновича съ членами его семьи и со свойственниками его по женѣ—Жемчужниковыми. Я рѣшился изложить по этимъ даннымъ дѣятельность покойнаго по одному Царству Польскому, между тѣмъ какъ другіе пріятели его взялись изобразить дѣятельность его по тобольской губерніи, по калужской губерніи, по уголовному кассаціонному и по первому департаментамъ Правительствующаго Сената, такъ чтобы общими силами и сборнымъ трудомъ можно было составить сплошное жизнеописаніе Виктора Антоновича, какъ государственнаго человѣка. Та часть работы, которая мнѣ досталась, была кропотливая, мелкая, можно сказать—мозаичная. Я предлагаю читателямъ все то, что могъ извлечь изъ имѣвшихся у меня подъ рукою матеріаловъ. Такъ какъ послѣ ухода Вѣлёпольскаго Арцимовичъ былъ единственный человѣкъ польскаго происхожденія, призванный дѣйствовать по обострившемуся до послѣдней степени русско-польскому конфликту, и такъ какъ его происхожденіе повліяло несомнѣнно на самый образъ его дѣятельности, то я полагаю, что мой трудъ можетъ интересовать читателей не столько по достигнутымъ дѣятельностью Арцимовича результатамъ, которые не могутъ быть значительны, не только потому, что Арцимовичъ не игралъ въ событіяхъ первой роли, и что онъ короткое только время былъ въ Царствѣ Польскомъ, но, главнымъ образомъ, по діаметральной противоположности по разнымъ дѣламъ взглядовъ между дѣятелями, призванными для упорядоченія этого края, по оказавшимся неизбѣжными столкновеніямъ

строить заново все гражданское управленіе, предоставивъ его твердо преданнымъ правительству лицамъ, при несомнѣнно полномъ тому противодѣйствіи подавленной силою, но сплошь враждебной страны и ея общества, въ особенности городовъ и культурныхъ классовъ населенія. До очевидности ясно было русскимъ людямъ, что правительство должно взять въ свои руки уже затѣянную, но далеко не разрѣшенную крестьянскую реформу; что оно должно дать крестьянамъ земельные надѣлы, прекративъ немедленно ихъ прежнія отношенія къ помѣщикамъ. Работа эта была по силамъ русской бюрократіи, русскимъ чиновникамъ, уже пріобрѣтшимъ въ этомъ дѣлѣ извѣстную опытность и навыкъ при оказавшемся успѣшнымъ осуществленіи крестьянской реформы въ имперіи. Предвидѣлось, что при коренномъ преобразованіи внутренняго управленія въ Царствѣ Польскомъ оно потеряетъ совсѣмъ свою прежнюю административную автономію. Не только образъ дѣйствія навязывался самъ собой, какъ будто бы по заготовленной программѣ, но имѣлись налицо и самые пригодные для осуществленія этой программы люди, а именно дѣятели крестьянской реформы въ имперіи, составители и первые исполнители „Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.“, съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ во главѣ, удаленные потомъ отъ дѣлъ послѣ введенія крестьянской реформы, въ угоду русскому дворянству, указавшему на нихъ, какъ на опасныхъ революціонеровъ. Императоръ Александръ II имѣлъ въ апрѣлѣ 1862 г. въ виду Милютина на мѣсто начальника гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, но Милютинъ рѣшительно отказался, послѣ чего состоялся планъ назначенія намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича и начальникомъ гражданскаго управленія маркиза Вѣлёпольскаго (*Anatole Leroy-Beaulieu:* „Un homme d'Etat Russe — Nicolas Miloutine“. Paris, 1884, p. 135). Въ Россію изъ-за границы возвратился Милютинъ 25 августа 1863 г. Его ожидали въ Петербургѣ, но еще до его пріѣзда вызванъ былъ изъ Самары случайно находившійся тамъ въ своемъ имѣніи сподвижникъ и единомышленникъ Милютина по крестьянскому дѣлу, доказавшій блистательно свои административныя способности въ званіи калужскаго гражданскаго губернатора и затѣмъ, вскорѣ послѣ приведенія въ дѣйствіе „Положенія 19 февраля 1861 г.“, опредѣленный въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената—Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ.

Я имѣлъ счастіе познакомиться съ Викторомъ Антонови-

чемъ уже подъ конецъ шестидесятыхъ годовъ. Мы были знакомы домами; я получалъ отъ него указанія и нѣкоторые источники для сочиненія, которое я писалъ въ 1880 г., и которое было потомъ издано отдѣльною книгою въ 1882 году, подъ заглавіемъ: „Жизнь и политика маркиза Вѣлёпольскаго". Такъ какъ я всегда пользовался расположеніемъ и довѣріемъ семьи Виктора Антоновича, то послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1893 году, я получилъ отъ этой семьи, изъ хранившихся у нея въ систематическомъ порядкѣ книгъ, изданій, печатныхъ и рукописныхъ бумагъ покойнаго, всѣ тѣ, которыя относились къ его дѣятельности по Царству Польскому, начиная съ первой его командировки туда въ сентябрѣ 1863 г. до опредѣленія его сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента 7 февраля 1866 г., послѣ чего онъ окончательно поселился въ С.-Петербургѣ. Переданныя мнѣ бумаги занимаютъ цѣликомъ объемистый сундукъ и заключаются въ 14 папкахъ; онѣ были дополнены сообщенною мнѣ перепискою Виктора Антоновича съ членами его семьи и со свойственниками его по женѣ—Жемчужниковыми. Я рѣшился изложить по этимъ даннымъ дѣятельность покойнаго по одному Царству Польскому, между тѣмъ какъ другіе пріятели его взялись изобразить дѣятельность его по тобольской губерніи, по калужской губерніи, по уголовному кассаціонному и по первому департаментамъ Правительствующаго Сената, такъ чтобы общими силами и сборнымъ трудомъ можно было составить сплошное жизнеописаніе Виктора Антоновича, какъ государственнаго человѣка. Та часть работы, которая мнѣ досталась, была кропотливая, мелкая, можно сказать—мозаичная. Я предлагаю читателямъ все то, что могъ извлечь изъ имѣвшихся у меня подъ рукою матеріаловъ. Такъ какъ послѣ ухода Вѣлёпольскаго Арцимовичъ былъ единственный человѣкъ польскаго происхожденія, призванный дѣйствовать по обострившемуся до послѣдней степени русско-польскому конфликту, и такъ какъ его происхожденіе повліяло несомнѣнно на самый образъ его дѣятельности, то я полагаю, что мой трудъ можетъ интересовать читателей не столько по достигнутымъ дѣятельностью Арцимовича результатамъ, которые не могутъ быть значительны, не только потому, что Арцимовичъ не игралъ въ событіяхъ первой роли, и что онъ короткое только время былъ въ Царствѣ Польскомъ, но, главнымъ образомъ, по діаметральной противоположности по разнымъ дѣламъ взглядовъ между дѣятелями, призванными для упорядоченія этого края, по оказавшимся неизбѣжными столкновеніямъ

еще до двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши, учился въ виленскомъ университетѣ, получилъ степень кандидата въ 1807 г., магистра въ 1809 г., доктора философіи въ 1811 г., служилъ сначала по учебной части учителемъ; потомъ, съ 1814 г.—по судебной части ассессоромъ отъ короны въ областной уголовной палатѣ; потомъ, съ 1830 г.—ассессоромъ въ областномъ бѣлостокскомъ правленіи. Съ самаго образованія вѣдомства государственныхъ имуществъ онъ дѣйствуетъ въ этомъ вѣдомствѣ, въ качествѣ ревизора, въ губерніяхъ минской, гродненской, пермской и псковской. Произведенный въ 1841 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ получилъ въ 1852 г. въ награду 2.000 десятинъ земли въ новг. губ. изъ пустопорожнихъ казенныхъ. Самъ онъ былъ римскій католикъ и женился на римской католичкѣ, дворянкѣ Евфросиніи Врубель, въ 1815 году. Отъ этого брака произошло слѣдующее потомство:

1) Флора, родившаяся 15 сентября 1818 г.; скончалась въ 1892 г., 10 февраля.

2) *Викторъ*—родился 19 апрѣля 1820 г., скончался 2 марта 1893 года.

3) Пелагея, родившаяся 1822 г., 8 августа; вышла замужъ за инспектора строительнаго училища, профессора архитектуры въ с.-петербургскомъ университетѣ, Аполлинарія Каетановича Красовскаго; скончалась 3 февраля 1863 года.

4) Анна—родилась 20 октября 1826 г.; вышла замужъ за С. С. Арциховскаго; скончалась въ февралѣ 1902 г.

5) *Адамъ*—родился 28 декабря 1829 г.; былъ самарскимъ губернаторомъ, а потомъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа; скончался 15 января 1893 года.

6) *Антонъ*—родился 1832 г., мая 26 дня; нынѣ состоитъ сенаторомъ по уголовному кассаціонному департаменту.

Старшій изъ сыновей, Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, родившійся въ 1820 г., апрѣля 19, окрещенъ былъ приходскимъ бѣлостокскимъ священникомъ, монахомъ ордена миссіонеровъ Георгіемъ Юзефовичемъ.—Patrini fuere: Petrus Klim cum Marianna Petricowska pauperes de xenodochio Bialostocensi. (Замѣтимъ, что по мѣстному обычаю, когда дитя слабое или больное, то для испрошенія ему здоровья и, вообще, для его благополучія въ воспріемники его при крещеніи приглашались люди самаго бѣднаго состоянія и низменнаго происхожденія).

Антонъ Өедоровичъ Арцимовичъ, достигнувъ по службѣ большого почета и обезпеченнаго положенія, озаботился направить на тотъ же путь служенія государству своихъ сыновей. Двухъ

старшихъ онъ помѣстилъ въ училище правовѣдѣнія, младшаго—въ Александровскій (бывшій Царскосельскій) лицей. Императорское училище правовѣдѣнія открыто было въ 1835 году. Къ самому его открытію отправленъ былъ изъ Бѣлостока въ Петербургъ сынъ члена уголовной палаты, Антона Арцимовича, Викторъ, 15 лѣтъ, конечно полякъ, получившій первоначальное образованіе на польскомъ языкѣ, но еще въ такихъ лѣтахъ, которыя не соотвѣтствуютъ полному расцвѣту юноши, сильнѣйшему пробужденію идеальнѣйшихъ чувствъ, а въ томъ числѣ и патріотическаго энтузіазма. Въ училище поступилъ Викторъ Арцимовичъ не въ высшій приготовительный классъ, а въ слѣдующій за нимъ, такъ что онъ не попалъ въ число воспитанниковъ *перваго* выпуска (Барановскій, Сѣровъ), но только во *второй*, отличавшійся большимъ числомъ государственныхъ дѣятелей (Стояновскій, Зубовъ, Философовъ, І. Н. Калайдовичъ, фонъ-Бюлеръ). Онъ сжился тотчасъ же со своими товарищами русскими, бывалъ по воскресеньямъ и праздникамъ только въ русскихъ домахъ, въ особенности у генерала Вельяминова. Съ нимъ поступилъ въ одинъ классъ поэтъ Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, на сестрѣ котораго онъ впослѣдствіи женился. Арцимовичъ проводилъ въ стѣнахъ училища даже и каникулы, имѣлъ общеніе съ одними только русскими, окруженъ былъ тою же атмосферою, которою дышали въ николаевскій періодъ люди такъ называемыхъ сороковыхъ годовъ, то-есть въ духѣ ненависти къ бездушному формализму и рѣшительнаго предрасположенія къ великимъ реформамъ послѣдующаго затѣмъ царствованія. Привилегированное учебное заведеніе, въ которое Арцимовичъ поступилъ, предназначено было служить разсадникомъ чиновниковъ-юристовъ новаго прогрессивнаго типа, находящихся на виду у правительства и быстро повышаемыхъ, но обреченныхъ на упорную войну со взяточничествомъ, со всеподавляющею канцелярскою рутиною, господствовавшею повсюду на государственной службѣ. Поприще, къ которому готовилъ себя Арцимовичъ, пришлось ему по душѣ. Спокойный, уравновѣшенный, но энергичный, онъ былъ до мозга костей законникъ по самому своему темпераменту и говаривалъ впослѣдствіи, что его настоящее призваніе — быть судьей (Записки Обнинскаго). Кончивъ воспитаніе по второму выпуску, въ 1841 г., и бывъ зачисленъ въ канцелярію 4-го департамента Сената, Арцимовичъ обратилъ на себя вниманіе, какъ исправный чиновникъ при сенаторскихъ ревизіяхъ. Въ 1842 году онъ и его товарищъ Алексѣй Жемчужниковъ сопровождали сенатора Бѣгичева, ре-

зизовавшаго губерніи орловскую и калужскую. Въ 1843 году Арцимовичъ ѣздилъ съ сенаторомъ Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ ревизовать таганрогское градоначальство и керченскій карантинъ. Въ 1850 г., уже состоя въ должности оберъ-секретаря въ 1-мъ департаментѣ Сената, Арцимовичъ былъ командированъ къ члену Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанту Анненкову, ѣздившему ревизовать западную Сибирь. Въ 1854 году, женившись на дочери сенатора Жемчужникова, Арцимовичъ назначенъ былъ исправлять должность тобольскаго губернатора и произведенъ, 14 декабря 1855 года, въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 1 августа 1858 года онъ переведенъ, на губернаторскую же должность, въ калужскую губернію, въ самый интересный для Россіи моментъ, когда было въ полномъ ходу дѣло освобожденія крестьянъ, въ которомъ на сторонѣ правительства группировались всѣ оттѣнки прогрессивныхъ направленій, а тормозили движеніе немногочисленные, но имѣвшіе силу и значеніе на службѣ и вліяніе при дворѣ крѣпостники. Такими оппонентами изобиловала, въ особенности, калужская губернія, сильно помѣщичья. Въ 1859 и 1860 гг. онъ былъ вызываемъ нѣсколько разъ въ Петербургъ, по законодательнымъ вопросамъ. Къ этому времени относится его знакомство съ главнымъ сотрудникомъ по крестьянской реформѣ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского Н. А. Милютинымъ и съ группою его сподвижниковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ крестьянскій вопросъ. Милютинъ получилъ отставку немедленно по опубликованіи „Положенія 19 февраля 1861 г.“ и одновременно съ назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуева, поддерживавшаго всячески помѣщичью партію въ калужской губерніи, имѣвшую во главѣ своей Мальцова. Арцимовичъ осуществлялъ на своемъ губернаторскомъ посту приведеніе въ исполненіе „Положенія 19 февраля 1861 г.“ твердо, спокойно, энергически, безъ употребленія военной силы, но безъ всякихъ колебаній и уступокъ.

Сдѣланный имъ подборъ мировыхъ посредниковъ оказался хорошимъ; всѣхъ ихъ вдохновлялъ и сплотилъ воедино губернаторъ, отвѣчавшій за нихъ и относившійся къ дѣлу, какъ убѣжденный человѣкъ и настоящій его апостолъ. Его вызывали неоднократно въ Петербургъ по жалобамъ помѣщиковъ. По настоянію Валуева назначена была въ Калугу сенаторская ревизія. Пріѣхалъ ревизовать, съ враждебными для Арцимовича намѣреніями, сенаторъ Александръ Христіановичъ Капгеръ. Въ виду очевидной неосновательности обвиненій, ревизоръ измѣнилъ

свое мнѣніе и уѣхалъ изъ Калуги другомъ и защитникомъ Арцимовича; по его представленію, Арцимовичу пожалована звѣзда ордена св. Анны. У Арцимовича не было личныхъ враговъ, но были сильные общественные противники, ненавидѣвшіе въ немъ главу дѣла, атамана такъ называемыхъ разбойниковъ — мировыхъ посредниковъ. Въ концѣ 1862 г. противникамъ удалось выжить Арцимовича изъ Калуги, со всѣми, впрочемъ, онерами и съ повышеніемъ въ служебномъ положеніи. Въ 1862 году, 10 декабря, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; 1 января 1863 г. его назначили присутствовать въ 8-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, одномъ изъ московскихъ. Лѣтомъ 1863 г. онъ ѣздилъ въ самарскую губернію по слѣдующему семейному дѣлу: сенатору М. Н. Жемчужникову пожалована была въ этой губерніи земля, которую ему разрѣшено передать дочери своей Аннѣ Михайловнѣ Арцимовичъ, не выдѣленной еще отцомъ. Арцимовичу пришлось принять эту землю и ее устроить. Здѣсь Арцимовичъ получилъ приглашеніе ѣхать на службу въ Царство Польское, къ великому князю Константину Николаевичу, что и заставило его немедленно отправиться въ С.-Петербургъ.

III.

Арцимовичъ получилъ слѣдующее письмо, отъ 20 іюля 1863 г., отъ шефа жандармовъ, князя Василія Долгорукова: „Великій князь Константинъ Николаевичъ убѣдительно проситъ васъ, чтобы вы пріѣхали въ Варшаву и приняли званіе члена совѣта управленія Царства Польскаго, до времени — *sans portefeuille*. Государю Императору весьма желательно, чтобы вы оказали просимую у васъ услугу, и чтобы вы о вашемъ согласіи увѣдомили меня для всеподданнѣйшаго доклада. Званіе члена совѣта сопряжено съ содержаніемъ въ 4.500 рублей, но я полагаю, что можно будетъ сохранить вамъ и то содержаніе, которымъ вы пользуетесь теперь по званію сенатора".

23 августа Арцимовичъ уже былъ въ С.-Петербургѣ. На пути онъ узналъ, что великій князь, уѣхавшій за супругою въ Варшаву, не останется тамъ. Русская публика относилась къ нему несочувственно. Говорили въ Петербургѣ объ оказательствѣ неуваженія къ нему со стороны Валуева и со стороны Муравьева въ Вильнѣ. Въ разговорѣ съ княземъ Долгоруковымъ Арцимовичъ просилъ доложить Государю о своемъ безсиліи исполнить его желаніе. Долгоруковъ уклонился, сказавъ, что не

видитъ Государя. Представленіе назначено было въ субботу въ Царскомъ. Къ женѣ Арцимовичъ писалъ: „Во всякомъ случаѣ, положительно скажу, что не могу“. Аудіенція длилась болѣе получаса; содержаніе ея записано Арцимовичемъ на-свѣжо въ слѣдующихъ словахъ:

— Ты былъ въ Самарѣ?

— Да, Государь, по частному дѣлу: моей женѣ досталась земля.

— На комъ ты женатъ?

— На Жемчужниковой.

— Знаю. Ты знаешь, зачѣмъ я тебя призвалъ?

— Князь Долгоруковъ мнѣ передалъ о предположеніи вашего величества, но...

— Наше управленіе въ Царствѣ дошло до крайняго разстройства; подземное правительство чрезвычайно усилилось; всѣ чиновники по выборамъ оставили службу; слабость дошла до такой степени, что наши уѣздные начальники входятъ въ сношенія съ революціонными начальниками относительно приведенія въ исполненіе распоряженій нашего правительства. Войска отыскиваютъ банды, но это не рѣшаетъ ничего, потому что администрація совершенно безсильна. Намъ нужны во главѣ администраціи люди, которымъ можно бы вѣрить. Я тебя избралъ и предполагаю назначить тебя сначала членомъ совѣта. Между нами будь сказано, я готовлю тебѣ министерство внутреннихъ дѣлъ. Теперь это мѣсто занимаетъ бывшій губернаторъ Островскій, другъ Замойскаго. Намъ необходимо имѣть людей вѣрныхъ, и я надѣюсь, что ты не откажешься отъ моего предложенія.

— Государь, еще въ прошломъ году я осмѣлился представлять вамъ о крайне затруднительномъ моемъ положеніи. Переходить на службу въ Царство мнѣ препятствуетъ мое воспитаніе, мои друзья, всѣ мои отношенія къ Россіи. Жена моя и дѣти православнаго вѣроисповѣданія. Въ моей личности какая-то двойственность. По вѣрѣ я католикъ, а между тѣмъ клерикальная партія вооружится противъ меня. Вообще положеніе мое гораздо затруднительнѣе чисто русскаго, въ особенности въ настоящее время. Вражда народная возросла до такихъ ужасныхъ размѣровъ, и общественное мнѣніе сдѣлалось до крайности подозрительнымъ. Государь, мое положеніе было бы въ Польшѣ невозможнымъ.

— Все это справедливо. Я понимаю, что для тебя это очень трудно, но что̀ дѣлать правительству, ежели всѣ будутъ

уклоняться отъ службы въ Царствѣ? И брату моему крайне было затруднительно пріискивать людей. Онъ боролся и затруднялся, и за это, къ сожалѣнію (ты, вѣроятно, слышалъ), на него взводили страшныя обвиненія. Этого человѣка, который поѣхалъ съ самоотверженіемъ — обвиняли въ измѣнѣ. Это — гнусная, подлая клевета. Онъ помогалъ мнѣ горячо... (Молчаніе). — У поляковъ я не намѣренъ отымать льготы, которыя имъ даны, только необходимо, чтобы они успокоились, чтобы возстановился порядокъ. Это очень трудная задача, но я надѣюсь, что ты мнѣ поможешь въ этомъ и воспользуешься твоею опытностью въ управленіи.

— Я, Государь, не имѣю никакихъ свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ и не чувствую въ себѣ достаточной силы преодолѣть многочисленныя затрудненія, въ особенности въ настоящее время, когда даже рѣшаются посягнуть на брата императора.

— Совершенно съ тобою согласенъ; это очень трудно, и это будетъ большое самопожертвованіе съ твоей стороны, за что я буду тебѣ весьма благодаренъ.

— Не могу рѣшиться, Государь, принять порученіе. Мнѣ кажется, что оно не по моимъ понятіямъ. Я чувствую, что не могу *идти путемъ злобы*, а готовъ дѣйствовать и ощущаю силу для устройства, облегченія, руководствуясь *началами любви къ человѣчеству* и разумнаго снисхожденія къ его слабостямъ. Я не понимаю, чтобы можно было устраивать крестьянъ единственно по злобѣ къ помѣщикамъ и съ видомъ ихъ истребленія".

25 августа 1863 г. вопросъ о назначеніи Арцимовича въ Варшаву еще оставался нерѣшеннымъ. Въ письмѣ Арцимовича къ женѣ написано: „Государь далъ сроку три дня и велѣлъ переговорить съ Платоновымъ" (Валеріанъ Платоновичъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго). Арцимовичъ просилъ Платонова, письмомъ отъ 27 августа, о докладѣ Государю его всеподданнѣйшаго ходатайства о неназначеніи его въ Царство Польское, мотивируя свой отказъ, между прочимъ, тѣмъ, что графъ Бергъ его не знаетъ, а изъ Царства Польскаго отъѣзжаетъ великій князь Константинъ Николаевичъ, приглашавшій Арцимовича на службу, зная, что онъ всегда держался легальнаго пути и усвоилъ себѣ пріемы управленія на твердомъ основаніи законовъ.

28 августа, въ среду, послѣдовало вторичное представленіе Арцимовича Государю въ Зимнемъ дворцѣ, послѣдствія котораго выражены такимъ образомъ въ запискѣ Арцимовича, поданной намѣстнику Бергу 25 октября 1863 г.: „Государю

благоугодно было повелѣть мнѣ отправиться временно въ Варшаву, для того, чтобы, ознакомившись, насколько возможно, съ ходомъ дѣлъ и состояніемъ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, я могъ уяснить себѣ, можно ли при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ рѣшиться принять отвѣтственное участіе въ высшемъ управленіи этимъ краемъ. Въ то же время Государь изволилъ высказать, что предполагается назначить меня директоромъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, съ цѣлью содѣйствовать, между прочимъ, къ скорѣйшему осуществленію крестьянской реформы и къ преобразованію управленія гминами".

Въ началѣ сентября Арцимовичъ поспѣшилъ опредѣлить свою дѣятельность и свою отвѣтственность по возлагаемому на него порученію, съ точнѣйшимъ изложеніемъ цѣли, условій и срочности принимаемой работы. Одна его записка, поданная 8 сентября, одобрена была Государемъ словесно въ выраженіяхъ, что „онъ именно этого и желаетъ"; другая, дополнительная, подана 10 сентября. Обѣ записки, по Высочайшему повелѣнію, препровождены къ Бергу, обѣ писаны помимо Милютина и безъ соглашенія съ нимъ, при полной еще неизвѣстности, приметъ ли Милютинъ какое-нибудь участіе въ дѣлахъ Царства Польскаго. Въ обѣихъ запискахъ на первомъ планѣ поставленъ крестьянскій вопросъ, въ которомъ сошлись въ своихъ взглядахъ Государь и Арцимовичъ, и ради котораго главнымъ образомъ Арцимовичъ принялъ командировку. Еще 23 августа, въ письмѣ къ женѣ, Арцимовичъ сообщалъ ей, что онъ прямо заявлялъ Долгорукову, что и онъ, и его друзья очутились въ опалѣ за крестьянскій вопросъ, что „способности и труды мои довели всѣхъ моихъ сотрудниковъ до скитальческой жизни". Въ письмѣ 7 сентября 1863 г. Арцимовичъ пишетъ, что Милютинъ, при первомъ свиданіи съ нимъ того же числа, передавалъ слова Государя, Милютину же сказанныя: „ты вынесъ крестьянское дѣло здѣсь (въ Петербургѣ) на своихъ плечахъ, а Арцимовичъ выносилъ его во время исполненія".

Въ главной, первой запискѣ Арцимовичъ предполагаетъ: „1) собрать на мѣстѣ, посредствомъ объясненій съ властями и съ другими лицами и изъ статистическихъ свѣдѣній данныя, которыя могли бы объяснить настоящее положеніе гражданскаго управленія Царствомъ, степень его дѣйствительнаго нравственнаго упадка и степень вліянія революціоннаго ржонда на служащихъ. Затѣмъ придется обсудить, какая система, болѣе вѣрная и прочная, чѣмъ система одного устрашенія, можетъ

содѣйствовать къ возстановленію правительственной силы во всѣхъ органахъ власти и поднять ихъ нравственный уровень. 2) Какъ можно больше ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ и обсудить, нельзя ли безотлагательно, пользуясь настоящими обстоятельствами, довести до конца задуманную Его Императорскимъ Величествомъ крестьянскую реформу, посредствомъ развитія *общиннаго мірского* начала и установленія *крестьянскаго самоуправленія*, а также чрезъ принятіе законодательныхъ мѣръ къ освобожденію всей массы крестьянскаго населенія отъ непосредственнаго подчиненія *панамъ* или ихъ агентамъ? Нѣтъ ли возможности подвинуть начало очиншеванія помѣщичьихъ имѣній и довести это дѣло до принятія общей мѣры выкупа разомъ всѣхъ земель, на которыхъ поселены крестьяне, съ облегченіемъ взноса выкупной ссуды сравнительно съ существующими повинностями? Въ этихъ видахъ необходимо опредѣлить съ практической точки зрѣнія пригодныя для того средства, всмотрѣться, *нѣтъ ли на мѣстѣ людей*, которыхъ бы можно *привлечь къ дѣлу*, во имя сочувствія къ угнетенному народу, и указать, откуда взять вѣрныхъ дѣятелей для правительственнаго участія въ крестьянской реформѣ. Взвѣсить силы, необходимыя для дѣйствія, опредѣлить время для начала дѣла и въ общихъ чертахъ самую систему и постепенность распоряженій". Въ заключительныхъ словахъ записки высказывается вполнѣ русскій государственный человѣкъ, апостолъ крестьянской реформы и демократъ, считающій своимъ патріотическимъ долгомъ содѣйствовать благу своей польской родины освобожденіемъ крестьянъ съ землею въ русской формѣ этого преобразованія: „вполнѣ сочувствуя заботѣ о многочисленномъ, униженномъ и совершенно зависимомъ классѣ сельскаго населенія въ Царствѣ, смѣло заявляю, что употреблю всѣ силы и способности къ изысканію ближайшихъ способовъ осуществленія благой реформы, и ежели только буду предвидѣть возможность подвинуть дѣло къ благопріятному исходу безъ усиленія кровопролитія въ краѣ, то, несмотря на неизбѣжную борьбу, происки и противодѣйствія, почту себя счастливымъ. Если же сознаю мое безсиліе и невозможность при настоящемъ положеніи взволнованнаго края принести пользу въ управленіи Царствомъ, согласно съ моими способностями и нравственнымъ характеромъ, то смѣю надѣяться, что Его Императорское Величество освободитъ меня отъ исполненія обязанностей, которыя окажутся превышающими мои силы".

Во второй, дополнительной запискѣ Арцимовичъ ходатайствовалъ о слѣдующемъ:

„1) Получить уполномочіе требовать всѣ свѣдѣнія къ разъясненію положенія гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Можетъ быть, было бы не безполезно съѣздить въ одинъ или два губернскихъ города, для ознакомленія на мѣстѣ съ организаціею губернскаго и уѣзднаго управленія, и взглянуть на управленія правительственныхъ органовъ въ настоящее время.

„2) Сообщить графу Бергу о цѣли моей командировки, дабы не произошло недоразумѣнія въ моихъ къ нему отношеніяхъ.

„3) Хотя очень трудно опредѣлить въ точности срокъ для моихъ занятій, но было бы желательно испросить мнѣ право тотчасъ по уясненіи опредѣленныхъ вопросовъ возвратиться въ С.-Петербургъ для представленія моихъ соображеній".

Обѣ записки писались на досугѣ въ Москвѣ, куда уѣхалъ 19 августа Арцимовичъ, съ разрѣшенія Государя, для того, чтобы проститься съ семействомъ. Возвращаясь изъ Москвы 1 сентября, онъ ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ съ Юріемъ Самаринымъ. Всю дорогу они толковали о Польшѣ, для которой Самаринъ не видѣлъ иного исхода, кромѣ диктатуры (письмо В. А. къ женѣ). Въ С.-Петербургѣ Арцимовичъ засталъ уже Милютина, имѣвшаго аудіенцію у Государя 31 августа. Оставаясь затѣмъ въ Петербургѣ до 18 сентября, Арцимовичъ почти каждый день видался съ Милютинымъ и простился съ нимъ до скораго свиданія въ Варшавѣ и до скорыхъ совмѣстныхъ работъ по управленію. Въ письмахъ Арцимовича къ женѣ имѣются слѣдующія отмѣтки о Милютинѣ.

7 сентября вечеромъ: „Увидѣлся съ Милютинымъ. Отказывается, но ему не уступаютъ". *9 сентября*: „Насчетъ Милютина еще ничего не рѣшено". *10 сентября*: „Вчера я провелъ вечеръ у Милютина. Толковали; онъ намѣренъ отказываться". *11 сентября*: „Сегодня будетъ окончательное убѣжденіе Милютина. Неизвѣстно, какой будетъ результатъ. Онъ отговаривается, между прочимъ, полнымъ незнаніемъ польскаго языка". *13 сентября*: „По случаю назначенія Милютина, тоже временно, въ Царство Польское, надо съ нимъ поговорить, а онъ до крайности *медлителенъ*. Хотя мы оба посвящаемся одному дѣлу, но, по случаю отъѣзда Государя (въ Финляндію), ничего не сказано насчетъ соглашенія. Это меня затрудняетъ. Во всякомъ случаѣ, надо какъ-нибудь уладить и извернуться".

Отношенія этихъ двухъ людей, столь различныхъ по темпераментамъ, могутъ быть опредѣлены такимъ образомъ: оба

сознавали, что будутъ дѣйствовать сообща по одному и тому же государственному дѣлу на правахъ равенства, а не подчиненія, и съ возможностью расходиться во взглядахъ во всемъ, кромѣ одного крестьянскаго вопроса, въ каковомъ вопросѣ Арцимовичъ добровольно уступалъ первенство Милютину и становился подъ его начало, какъ то видно изъ его письма отъ *14-го сентября*: „Ежели Милютинъ найдетъ возможнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ принять участіе въ управленіи Царствомъ и коснуться крестьянской реформы, то тогда разрѣшится и возможность моего участія. Все зависитъ отъ системы, какая будетъ принята въ Царствѣ. Теперь не можетъ быть никакого гражданскаго управленія, но одна военная диктатура“. Уже и тогда Арцимовичъ и Милютинъ не договаривались до самаго существеннаго и, сами того не замѣчая, откликались на многое происходившее не совсѣмъ согласно. Милютинъ мирился мысленно съ ролью Муравьева въ Вильнѣ, у котораго онъ побывалъ по пути въ Варшаву и съ которымъ былъ потомъ въ лучшихъ отношеніяхъ. Онъ не прочь былъ пользоваться услугами „Московскихъ Вѣдомостей“, точно вѣтромъ, вздувающимъ его паруса, между тѣмъ какъ Арцимовичъ возмущался статьями Каткова. Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Арцимовича по этому вопросу. *11 сентября*: „Москва рубитъ и разрѣшаетъ всѣ вопросы на бумагѣ. Катковъ—одинъ изъ самыхъ вредныхъ людей. Его энтузіазмъ къ поддержанію прежнихъ (кулачныхъ) пріемовъ приведетъ къ посрамленію отечество“. *14 сентября*: „Катковъ кидаетъ камнями и грязью на всѣхъ варшавскихъ дѣятелей“. Арцимовичъ замѣчаетъ, что Милютинъ работаетъ медленно и оттягиваетъ свой отъѣздъ. *15 сентября*: „Вчера до двухъ часовъ ночи мы бесѣдовали съ Милютинымъ и условились насчетъ нашихъ занятій въ Варшавѣ. Онъ пріѣдетъ въ началѣ октября, а я ѣду послѣ-завтра“. *16 сентября*: „Срокъ моего пребыванія въ Варшавѣ будетъ зависѣть отъ хода работъ и успѣха занятій Милютина. По пріѣздѣ его въ Варшаву мы будемъ по нѣкоторымъ предметамъ работать совмѣстно. Милютинъ зоветъ съ собою Самарина. Не знаю еще—поѣдетъ ли онъ“. *17 сентября*, за два часа до отъѣзда: „Купилъ карманный револьверъ, изъ котораго, впрочемъ, не умѣю стрѣлять“.

Настроеніе Арцимовича въ моментъ отъѣзда всего лучше выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ его письма къ женѣ: „Я смотрю на командировку Милютина и мою, какъ на попытку воспользоваться болѣе разумными, мыслящими представителями нашей администраціи. Мы—ничтожное меньшинство, а боль-

Во второй, дополнительной запискѣ Арцимовичъ ходатайствовалъ о слѣдующемъ:

„1) Получить уполномочіе требовать всѣ свѣдѣнія къ разъясненію положенія гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Можетъ быть, было бы не безполезно съѣздить въ одинъ или два губернскихъ города, для ознакомленія на мѣстѣ съ организаціею губернскаго и уѣзднаго управленія, и взглянуть на отправленія правительственныхъ органовъ въ настоящее время.

„2) Сообщить графу Бергу о цѣли моей командировки, дабы не произошло недоразумѣнія въ моихъ къ нему отношеніяхъ.

„3) Хотя очень трудно опредѣлить въ точности срокъ для моихъ занятій, но было бы желательно испросить мнѣ право тотчасъ по уясненіи опредѣленныхъ вопросовъ возвратиться въ С.-Петербургъ для представленія моихъ соображеній".

Обѣ записки писались на досугѣ въ Москвѣ, куда уѣхалъ 29 августа Арцимовичъ, съ разрѣшенія Государя, для того, чтобы проститься съ семействомъ. Возвращаясь изъ Москвы 7 сентября, онъ ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ съ Юріемъ Самаринымъ. Всю дорогу они толковали о Польшѣ, для которой Самаринъ не видѣлъ иного исхода, кромѣ диктатуры (письмо В. А. къ женѣ). Въ С.-Петербургѣ Арцимовичъ засталъ уже Милютина, имѣвшаго аудіенцію у Государя 31 августа. Оставаясь затѣмъ въ Петербургѣ до 18 сентября, Арцимовичъ почти каждый день видался съ Милютинымъ и простился съ нимъ до скораго свиданія въ Варшавѣ и до скорыхъ совмѣстныхъ работъ по управленію. Въ письмахъ Арцимовича къ женѣ имѣются слѣдующія отмѣтки о Милютинѣ.

7 сентября вечеромъ: „Увидѣлся съ Милютинымъ. Отказывается, но ему не уступаютъ". *9 сентября*: „Насчетъ Милютина еще ничего не рѣшено". *10 сентября*: „Вчера я провелъ вечеръ у Милютина. Толковали; онъ намѣренъ отказываться". *11 сентября:* „Сегодня будетъ окончательное убѣжденіе Милютина. Неизвѣстно, какой будетъ результатъ. Онъ отговаривается, между прочимъ, полнымъ незнаніемъ польскаго языка". *13 сентября*: „По случаю назначенія Милютина, тоже временно, въ Царство Польское, надо съ нимъ поговорить, а онъ до крайности *медлителенъ*. Хотя мы оба посвящаемся одному дѣлу, но, по случаю отъѣзда Государя (въ Финляндію), ничего не сказано насчетъ соглашенія. Это меня затрудняетъ. Во всякомъ случаѣ, надо какъ-нибудь уладить и извернуться".

Отношенія этихъ двухъ людей, столь различныхъ по темпераментамъ, могутъ быть опредѣлены такимъ образомъ: оба

Вильну, къ М. Н. Муравьеву („Записки о польскихъ повстаніяхъ“, Н. Берга, въ „Русской Старинѣ“, № 9, за 1877 г.). Намѣстникъ пытался осилить революцію посредствомъ репрессалій. И домъ Замойскаго, и Европейская гостинница были конфискованы и отведены подъ помѣщеніе солдатъ. Такова была общая мѣра по отношенію ко всѣмъ домамъ, гдѣ были совершены или приготовляемы политическія покушенія на убійства. Въ письмѣ отъ *20 сентября* Арцимовичъ сообщалъ женѣ, что въ этотъ день подписанъ намѣстникомъ „декретъ о контрибуціи“, и что съ 1 ноября жители Варшавы (домовладѣльцы) обложены налогомъ въ 8% съ дохода, что на городъ составитъ 300.000 рублей. Эту контрибуцію положено взимать по книгамъ подымнаго сбора, хранившимся въ варшавской ратушѣ, на Театральной площади. Подпольное правительство предположило похитить эти книги изъ ратуши, а такъ какъ похищеніе оказалось невозможнымъ, то—сжечь самую ратушу (бывшій дворецъ кн. Яблоновскихъ). Ратуша, дѣйствительно, подожжена 6 октября и сгорѣла до-тла. Правительство учредило въ Царствѣ Польскомъ военно-полицейское управленіе, съ генералъ-полицеймейстеромъ Ѳ. Ѳ. Треповымъ во главѣ. Треповъ обыкновенно ходилъ пѣшкомъ изъ своей квартиры, въ Брюлевскомъ дворцѣ, на Сенаторскую улицу, гдѣ было управленіе генералъ-полицеймейстера. На его жизнь сдѣлано покушеніе 21 октября, на улицѣ, во время его прогулки, вслѣдствіе чего 30 октября двое изъ покушавшихся были повѣшены. Такимъ образомъ, явно было, что въ Варшавѣ существуютъ одновременно два взаимно противодѣйствующія правительства: одно—оффиціальное, съ намѣстникомъ во главѣ, и другое—безъимянное, революціонное. Ежедневно съ 6 часовъ вечера и до 6 утра по городу разставляемы были войска, въ количествѣ до 30.000 человѣкъ, съ заряженными ружьями. Другое правительство—такъ называемый *ржондъ*—мѣнялось послѣдовательно нѣсколько разъ въ своемъ личномъ составѣ. Въ послѣднихъ числахъ сентября 1863 г. во главѣ его стоялъ послѣдній польскій революціонный диктаторъ, отставной саперъ, севастопольскій солдатъ Ромуальдъ Траугутъ, арестованный весною 1864 года. Арестованіе Траугута положило конецъ существованію подпольнаго революціоннаго правительства и послужило началомъ весьма медленнаго постепеннаго возвращенія столицы къ нормальному порядку.

Очутившись въ совершенно новой для него средѣ, между людьми, съ которыми ему впервые приходилось сводить знакомство въ полномъ еще разгарѣ придавленной, но не поту-

шенной революціи, Арцимовичъ въ первые полтора мѣсяца бытности въ Варшавѣ наблюдалъ происходившее и записывалъ въ ежедневныхъ почти посланіяхъ къ женѣ свѣжія впечатлѣнія народной драмы, которую приходилось переживать. Постараюсь передать вкратцѣ эти несомнѣнно интересныя ощущенія безпристрастнаго очевидца, не причастнаго ни къ одной изъ двухъ борющихся сторонъ.

Арцимовичу отведена была квартира въ за́мкѣ, занимаемомъ намѣстникомъ. Почти ежедневно, для развлеченія, ѣздилъ онъ по Уяздовскимъ аллеямъ въ Бельведеръ и Лазенки. „Не воображай себѣ, писалъ онъ, чтобы насъ въ Варшавѣ опасались: движеніе здѣсь очень значительное, много народу, еще болѣе военныхъ; безпрерывно снуютъ казаки, будочники и караульные; на всѣхъ концахъ и на углахъ, во всѣхъ монастыряхъ стоятъ роты солдатъ, но въ городѣ обычное движеніе и вовсе незамѣтно, чтобы убійства и покушенія на убійства пугали жителей... Много даже гуляющихъ, но всѣ смотрятъ уныло и мрачно. Польки, въ траурныхъ платьяхъ, отворачиваются, проходя мимо военныхъ. Наши патрули прохаживаются ровнымъ шагомъ, но только по приказанію начальства, безжизненно и скучно. Мы занимаемъ городъ, но имъ не управляемъ... Мы стоимъ лагеремъ въ непріятельской странѣ... Русскіе не бесѣдуютъ съ поляками, не видятъ поляковъ—полное разъединеніе... Изъ поляковъ я бесѣдую только съ здѣшними сановниками и чиновниками, между которыми много людей дѣловыхъ и образованныхъ. Говоря съ ними по-польски, мнѣ самому странно, что этимъ языкомъ приходится пользоваться въ оффиціальной дѣятельности. Кое-какъ изворачиваюсь... Оффиціальный кругъ и военные совсѣмъ отдѣлены отъ жителей, за исключеніемъ публичныхъ женщинъ и шпіоновъ... Я съ ужасомъ смотрю на это разъединеніе. Вся администрація подчинена военнымъ властямъ. Гражданскіе чины не могутъ и не должны дѣйствовать — они въ параличѣ. Военные, дѣйствуя однимъ устрашеніемъ, не могутъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ, которое поддерживается изъ Франціи, Галиціи, Познани, и всю вину неудачъ сваливаютъ на гражданскую администрацію, которая естественно должна ослабнуть во время военной диктатуры“... „Здѣшніе министры—просто столоначальники, а губернаторы—слѣпые о̀рганы военныхъ начальниковъ... Здѣсь, въ центрѣ Европы, военный элементъ желаетъ играть и дѣйствительно играетъ первую роль, причемъ казачество составляетъ одну изъ важнѣйшихъ опоръ. Здѣшніе воен-

ные восстаютъ противъ гражданской администраціи, не замѣчая, что взваливаютъ свою собственную вину на другихъ. Ни одинъ изъ нихъ не читалъ исторіи, а ищутъ *виновныхъ въ лицахъ*, тогда какъ виновна *исторія*". Употребленное въ этой фразѣ заключительное слово „исторія" было бы столь же непонятно и темно, какъ слова: рокъ, судьба, если бы Арцимовичъ не пояснялъ тутъ же, въ письмахъ, какъ, на его взглядъ, по исторически сложившимся условіямъ, съ которыми неспособны совладать современные люди, они пришли роковымъ образомъ къ тому „*нелѣпому*" положенію, что изощряются въ одних только злобныхъ изобрѣтеніяхъ и думаютъ только о томъ, какъ бы другъ другу вредить и мстить. Онъ этой вражды не чувствуетъ, но онъ ее исторически понимаетъ; онъ сожалѣетъ о ней и считаетъ возможнымъ современемъ устраненіе всякихъ, только историческихъ, то-есть временныхъ причинъ. „Бѣдная Польша—бѣдная и Россія. Польша страдаетъ и, можно сказать, мучится, но и всѣ живущіе здѣсь русскіе привыкаютъ къ произволу, къ пренебреженію правъ, къ поклоненію одной матеріальной силѣ. Польша—дурная школа для гражданскаго развитія Россіи... Участь страны такая ужасная, что нельзя уклоняться отъ дѣла, которое въ самомъ себѣ содержитъ добро... Какъ ни скучно мнѣ здѣсь, но я радъ, что видѣлъ Варшаву и изучилъ особенности положенія Царства Польскаго". Арцимовичъ различаетъ историческія причины или условія вражды, совсѣмъ особыя для каждой изъ враждующихъ націй. Поляки всѣ сосредоточены въ идеяхъ патріотизма и политическихъ тенденціяхъ; положеніе поляковъ могутъ измѣнить только исторія и ходъ дѣлъ въ Европѣ, однимъ словомъ—политическая мечтательность и заискиваніе у европейскихъ націй или, лучше сказать, заискиваніе у одной только державы—Франціи, съ которою Польшу связали наполеоновскія преданія. Что касается до послѣдняго изъ этихъ якорей, на которыхъ держатся упорно надежды поляковъ, то вспомнимъ, что письма В. А. Арцимовича писались съ полгода послѣ дипломатической попытки вмѣшательства западно-европейскихъ народовъ въ польскій вопросъ въ Россіи (17 и 18 апрѣля 1863 г.), и что канатъ этого якоря былъ основательно и навсегда отрубленъ только событіями 1870 г., то-есть седанскимъ погромомъ и превращеніемъ Франціи въ республику. Седанскій погромъ, до котораго еще дожилъ Арцимовичъ, былъ едва ли не первымъ случаемъ совпаденія, по разнымъ причинамъ, одного и того же симпатичнаго для французовъ чувства и у русскихъ, и у поляковъ—одинаковаго

ихъ соболѣзнованія. Съ этого только момента польскій вопросъ пересталъ быть общеевропейскимъ и превратился въ одинъ изъ внутреннихъ вопросовъ каждаго изъ трехъ государствъ, расчленившихъ Польшу, причемъ исчезала возможность у поляковъ помышлять о возстановленіи политической самобытности.

По воспитанію и карьерѣ, по своей женитьбѣ на русской и своему семейному положенію („я направилъ мое семейство въ составъ русской гражданственности") Арцимовичъ былъ чуждъ политическаго мечтательства, которымъ было пропитано поколѣніе польской націи, принявшее участіе въ мятежѣ 1863 г., но онъ винилъ русскихъ людей въ томъ, что, владѣя наибольшею частью прежней Польши полвѣка, они не съумѣли привязать къ себѣ подвластный народъ и политически перевоспитать его. „Ничего мы не внесли въ этотъ край, кромѣ военной силы. Съ 1830 г. всѣ гражданскія власти зависѣли отъ военныхъ, министрамъ давали огромное содержаніе, построили имъ дворцы, но власть перешла къ военнымъ и въ округъ жандармовъ. Я читалъ отзывы поляковъ о прусскомъ управленіи; польскіе патріоты ненавидятъ пруссаковъ за германизацію, но уважаютъ ихъ за честную гражданскую администрацію. Въ Познани не давали мѣстъ въ высшей администраціи за сводничество и факторство, не ставили во главѣ управленія взяточниковъ, поклонниковъ нагайки и палокъ, не ставили своего личнаго произвола выше закона. Россія получила бы въ Польшѣ другое значеніе, если бы сила наша не основывалась на однихъ только штыкахъ... Если мы намѣрены устоять въ Польшѣ, то мы должны въ ней являться съ пріемами европейскаго образованія, съ книгою законовъ и гражданскою честностью—и тогда, даже въ случаѣ борьбы за національность и цѣлость государственную, мы не будемъ ощущать тяжелаго чувства, оглядываясь на нечистыя и грубыя злоупотребленія нашихъ (русскихъ) соотечественниковъ. Революціонное движеніе въ Царствѣ поддерживается пропагандою и вращается въ области идей, а мы не умѣемъ дѣйствовать въ этой сферѣ. Противъ движенія идей мы выставляемъ одну вещественную силу дисциплинированнаго солдата, отдаемъ приказы, чтобы гминные войты изъ поляковъ открывали намъ заговорщиковъ, и кричимъ: „измѣна!" когда сами должны сознать, что мѣстный житель не можетъ быть нашимъ агентомъ. Мы удивляемся, что ржондъ вѣшаетъ такое множество людей, и что народъ не возстаетъ противъ этого страшнаго насилія. Оказывается на повѣрку, что банды вѣшаютъ по преимуществу тѣхъ, на кого сами жители указыва-

ютъ, какъ на измѣнниковъ и шпіоновъ. Въ этомъ фактѣ выражается сочувствіе массъ къ возстанію... Я далеко не увѣренъ, что можно было начать реформы прежде усмиренія страны и, въ особенности, прежде окончательнаго неуспѣха заграничнаго вмѣшательства".

V.

Намѣстникъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, принялъ Арцимовича весьма любезно и предупредительно, звалъ его очень часто обѣдать, приходилъ къ нему бесѣдовать и настоятельно требовалъ принятія должности министра или, по оффиціальному наименованію, директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто удаляющагося Александра Островскаго—друга и сторонника не А. Замойскаго, а маркиза Вѣлёпольскаго. Арцимовичъ отказывался и писалъ женѣ 19 сентября: „Я въ этомъ отношеніи непоколебимъ: выжду пріѣзда Милютина, съ нимъ потолкую и уясню, что̀ мнѣ надобно дѣлать и какъ быть". Въ совѣтѣ управленія (rada administracyjna) онъ нашелъ прежнихъ своихъ знакомыхъ—Фундуклея и Кербедза. Онъ былъ весьма пораженъ, когда ему сдѣлалъ визитъ Ѳ. Ѳ. Треповъ и когда, передавая ему о бѣдственномъ положеніи страны, былъ столь растроганъ, что даже „на глаза ему навернулись слезы". Треповъ указывалъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ революціи, на воспитаніе молодежи, которую Мухановъ систематически развращалъ по системѣ Меттерниха. Треповъ описалъ варшавскія событія 1863 г., но оставилъ это описаніе въ Кіевѣ, гдѣ живетъ его семейство. Свое нежеланіе вступить въ должность Арцимовичъ описываетъ 2 октября слѣдующимъ образомъ: „Я твердо убѣдился, что администрація не можетъ здѣсь имѣть никакого значенія. Гражданскія власти давно привыкли къ полному подчиненію военному начальству. Здѣшніе министры и губернаторы не опредѣляютъ иначе чиновниковъ, какъ съ согласія военныхъ начальниковъ и жандармовъ. Увольненіе всѣхъ чиновниковъ предоставлено военнымъ начальникамъ. Бумажная бюрократическая машина движется, но сила не въ ея рукахъ и не скоро въ ея руки возвратится. Появленіе въ гражданской администраціи новаго лица способно только возбудить множество столкновеній, безъ видимой для хода дѣлъ пользы. Я не могу принять ничтожную роль министра, подчиненнаго полковымъ командирамъ, министра безъ власти управленія и безъ всякаго сношенія съ народомъ".

ихъ соболѣзнованія. Съ этого только момента польскій вопросъ пересталъ быть общеевропейскимъ и превратился въ одинъ изъ внутреннихъ вопросовъ каждаго изъ трехъ государствъ, расчленившихъ Польшу, причемъ исчезала возможность у поляковъ помышлять о возстановленіи политической самобытности.

По воспитанію и карьерѣ, по своей женитьбѣ на русской и своему семейному положенію („я направилъ мое семейство въ составъ русской гражданственности") Арцимовичъ былъ чуждъ политическаго мечтательства, которымъ было пропитано поколѣніе польской націи, принявшее участіе въ мятежѣ 1863 г., но онъ винилъ русскихъ людей въ томъ, что, владѣя наибольшею частью прежней Польши полвѣка, они не съумѣли привязать къ себѣ подвластный народъ и политически перевоспитать его. „Ничего мы не внесли въ этотъ край, кромѣ военной силы. Съ 1830 г. всѣ гражданскія власти зависѣли отъ военныхъ, министрамъ давали огромное содержаніе, построили имъ дворцы, но власть перешла къ военнымъ и въ округъ жандармовъ. Я читалъ отзывы поляковъ о прусскомъ управленіи; польскіе патріоты ненавидятъ пруссаковъ за германизацію, но уважаютъ ихъ за честную гражданскую администрацію. Въ Познани не давали мѣстъ въ высшей администраціи за сводничество и факторство, не ставили во главѣ управленія взяточниковъ, поклонниковъ нагайки и палокъ, не ставили своего личнаго произвола выше закона. Россія получила бы въ Польшѣ другое значеніе, если бы сила наша не основывалась на однихъ только штыкахъ... Если мы намѣрены устоять въ Польшѣ, то мы должны въ ней являться съ пріемами европейскаго образованія, съ книгою законовъ и гражданскою честностью—и тогда, даже въ случаѣ борьбы за національность и цѣлость государственную, мы не будемъ ощущать тяжелаго чувства, оглядываясь на нечистыя и грубыя злоупотребленія нашихъ (русскихъ) соотечественниковъ. Революціонное движеніе въ Царствѣ поддерживается пропагандою и вращается въ области идей, а мы не умѣемъ дѣйствовать въ этой сферѣ. Противъ движенія идей мы выставляемъ одну вещественную силу дисциплинированнаго солдата, отдаемъ приказы, чтобы гминные войты изъ поляковъ открывали намъ заговорщиковъ, и кричимъ: „измѣна!" когда сами должны сознать, что мѣстный житель не можетъ быть нашимъ агентомъ. Мы удивляемся, что ржондъ вѣшаетъ такое множество людей, и что народъ не возстаетъ противъ этого страшнаго насилія. Оказывается на повѣрку, что банды вѣшаютъ по преимуществу тѣхъ, на кого сами жители указыва-

1861 г.—о замѣнѣ барщины окупомъ [1]), коль скоро того потребуетъ состоящій на барщинѣ, и 2) 25 мая 1862 — объ обязательномъ очиншеваніи крестьянъ. Послѣдній законъ остался мертвою буквою, когда вспыхнуло повстаніе, потому что крестьяне перестали тогда и барщину отбывать, и оброкъ платить. Въ письмѣ отъ 2 октября Арцимовичъ задается вопросомъ, какое значеніе въ понятіяхъ простонародья имѣютъ прокламаціи ржонда о надѣлѣ крестьянъ землею и о воспрещеніи помѣщикамъ собирать оброки, и замѣчаетъ, что все въ Царствѣ Польскомъ осложнено до-нельзя. Безземельныхъ крестьянъ считается до 1.100.000 —громадная пропорція, въ виду того, что все сельское населеніе Царства не превышаетъ $3^1/_2$ милліоновъ душъ обоего пола. Эти безземельные крестьяне не имѣютъ ничего; они нанимаются помѣщиками и крестьянами же на срокъ и перекочевываютъ изъ одного селенія въ другое. Чтобы узнать, что̀ думаетъ и на что̀ надѣется сельскій людъ, надобно бы объѣхать нѣсколько селеній, по крайней мѣрѣ, въ разныхъ районахъ, что̀ представляется не совсѣмъ удобнымъ, при условіяхъ не вполнѣ подавленнаго матежа и кое-гдѣ бродящихъ еще шаекъ повстанцевъ. Мысль о такой, совсѣмъ незаурядной и сопряженной съ неожиданностями поѣздкѣ не покидала Арцимовича съ самаго его прибытія въ Варшаву. „Поѣздку я отложилъ, пишетъ онъ, до пріѣзда Милютина. Между тѣмъ, отъ намѣстника получено извѣстіе, что пріѣдетъ не одинъ Милютинъ, а съ цѣлою редакціонною комиссіею изъ русскихъ защитниковъ крестьянъ: Ю. Самаринъ, князь Черкасскій, Протопоповъ, Петерсонъ“. Они пріѣхали 12 октября. Особенное вниманіе обращали на себя князь Черкасскій и Самаринъ съ большой окладистой бородой, оба съ независимымъ положеніемъ и люди новые среди служебнаго міра. Пріѣздъ ихъ удивилъ намѣстника, который не любилъ вообще редакціонныхъ комиссій. Какъ остзеецъ, онъ не сочувствовалъ и направленію пріѣхавшихъ спеціалистовъ крестьянскаго дѣла. „Не повѣришь, пишетъ Арцимовичъ, до какой степени я обрадовался, дождавшись и встрѣтивъ знакомыхъ и умныхъ людей. Всѣ убѣждены, что пока существуетъ военная диктатура, я не долженъ здѣсь дѣйствовать“. Арцимовичъ убѣдилъ пріѣхавшихъ предпринять поѣздку по уѣздамъ, подъ прикрытіемъ казаковъ. Поѣздка началась въ 5 часовъ утра 20 октября, а 24-мъ октября помѣчено письмо Арцимовича къ женѣ, уже изъ Варшавы; значитъ, весь объѣздъ кончился на

---

[1]) Оброкъ.

ятый день. Общее впечатлѣніе поѣздки Арцимовичъ выражаетъ акъ: „Болѣе всего досталось помѣщикамъ; за крестьянами ухаживаютъ и наши войска, и революціонная партія. Хотя отдѣльныхъ крестьянъ и вѣшаютъ, но мы довольны. Ржондъ запретилъ взыскивать оброкъ; слѣдовательно, классъ крестьянъ находится въ покоѣ и удовольствіи".

Результатъ поѣздки изложенъ въ печатной запискѣ на 22 большихъ страницахъ, никѣмъ не подписанной и озаглавленной: „*Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ ктябрѣ 1863 г.*". На первой страницѣ, въ выноскѣ подъ нею, начится, что въ поѣздкѣ участвовали сенаторъ Милютинъ, сенаторъ Арцимовичъ, коллежскій совѣтникъ Самаринъ и князь Черкасскій; по распоряженію намѣстника Царства, командированъ былъ для сопровожденія ихъ флигель-адъютантъ гвард. енер. шт. капитанъ Анненковъ, съ конвоемъ изъ полсотни линейныхъ казаковъ и полуэскадрона уланъ. Въ концѣ записки оставлено число ея напечатанія — 1 ноября 1863 года. аписка не имѣетъ подписей, но сочинена какъ будто бы сообща, акъ разсказъ о томъ, что̀ „*мы*" (во множественномъ числѣ) идѣли, изучили, потребовали... „такимъ представилось намъ астроеніе народной массы въ Польшѣ"... значитъ, какъ поѣствованіе четырехъ поименованныхъ въ первой выноскѣ обозрѣвателей-спеціалистовъ. Записка составлена живо, бойко, ельефно, весьма литературно. Въ книгѣ Анатоля Лероа-Больё сочинительство ея прямо приписывается Юрію Ѳедоровичу Самаину, то-есть тому изъ обозрѣвателей, который былъ выдающійся по таланту писатель-публицистъ. Въ этой же книгѣ приедено (стр. 218) письмо Милютина къ женѣ, въ которомъ малчивается то, что̀ несомнѣнно явствуетъ изъ переписки Арцимовича съ женою — что мысль о поѣздкѣ возникла у него и нушена имъ намѣстнику до пріѣзда трехъ остальныхъ, кромѣ Арцимовича, обозрѣвателей. Въ томъ же письмѣ къ женѣ Милютинъ представляетъ себя какъ будто бы дѣйствующимъ втроемъ „*я*, Самаринъ и Черкасскій"), и хотя упомянутъ и Арцимоичъ, но только въ качествѣ второстепеннаго лица: „Арцимовичъ предложилъ намъ охотно сопровождать насъ въ качествѣ переводчика, чѣмъ и оказалъ намъ величайшую услугу". Позволю себѣ возразить противъ такого невѣрнаго, на мой взглядъ, обезцѣненія того участія, которое принималъ Арцимовичъ и въ поѣздкѣ, и въ самомъ сочинительствѣ записки, участія прямого, непосредственнаго и первостепеннаго. Записка начинается словами: „Изучивъ предварительно постановленія и инструкціи, ко-

1861 г.—о замѣнѣ барщины окупомъ [1]), коль скоро того потребуетъ состоящій на барщинѣ, и 2) 25 мая 1862 — объ обязательномъ очиншеваніи крестьянъ. Послѣдній законъ остался мертвою буквою, когда вспыхнуло повстаніе, потому что крестьяне перестали тогда и барщину отбывать, и оброкъ платить. Въ письмѣ отъ 2 октября Арцимовичъ задается вопросомъ, какое значеніе въ понятіяхъ простонародья имѣютъ прокламаціи ржонда о надѣлѣ крестьянъ землею и о воспрещеніи помѣщикамъ собирать оброки, и замѣчаетъ, что все въ Царствѣ Польскомъ осложнено до-нельзя. Безземельныхъ крестьянъ считается до 1.100.000 —громадная пропорція, въ виду того, что все сельское населеніе Царства не превышаетъ $3^1/_2$ милліоновъ душъ обоего пола. Эти безземельные крестьяне не имѣютъ ничего; они нанимаются помѣщиками и крестьянами же на срокъ и перекочевываютъ изъ одного селенія въ другое. Чтобы узнать, что̀ думаетъ и на что̀ надѣется сельскій людъ, надобно бы объѣхать нѣсколько селеній, по крайней мѣрѣ, въ разныхъ районахъ, что̀ представляется не совсѣмъ удобнымъ, при условіяхъ не вполнѣ подавленнаго мятежа и кое-гдѣ бродящихъ еще шаекъ повстанцевъ. Мысль о такой, совсѣмъ незаурядной и сопряженной съ неожиданностями поѣздкѣ не покидала Арцимовича съ самаго его прибытія въ Варшаву. „Поѣздку я отложилъ, пишетъ онъ, до пріѣзда Милютина. Между тѣмъ, отъ намѣстника получено извѣстіе, что пріѣдетъ не одинъ Милютинъ, а съ цѣлою редакціонною комиссіею изъ русскихъ защитниковъ крестьянъ: Ю. Самаринъ, князь Черкасскій, Протопоповъ, Петерсонъ“. Они пріѣхали 12 октября. Особенное вниманіе обращали на себя князь Черкасскій и Самаринъ съ большой окладистой бородой, оба съ независимымъ положеніемъ и люди новые среди служебнаго міра. Пріѣздъ ихъ удивилъ намѣстника, который не любилъ вообще редакціонныхъ комиссій. Какъ остзеецъ, онъ не сочувствовалъ и направленію пріѣхавшихъ спеціалистовъ крестьянскаго дѣла. „Не повѣришь, пишетъ Арцимовичъ, до какой степени я обрадовался, дождавшись и встрѣтивъ знакомыхъ и умныхъ людей. Всѣ убѣждены, что пока существуетъ военная диктатура, я не долженъ здѣсь дѣйствовать“. Арцимовичъ убѣдилъ пріѣхавшихъ предпринять поѣздку по уѣздамъ, подъ прикрытіемъ казаковъ. Поѣздка началась въ 5 часовъ утра 20 октября, а 24-мъ октября помѣчено письмо Арцимовича къ женѣ, уже изъ Варшавы; значитъ, весь объѣздъ кончился на

---

[1]) Оброкъ.

ятый день. Общее впечатлѣніе поѣздки Арцимовичъ выражаетъ
акъ: „Болѣе всего досталось помѣщикамъ; за крестьянами уха-
живаютъ и наши войска, и революціонная партія. Хотя отдѣль-
ныхъ крестьянъ и вѣшаютъ, но мы довольны. Ржондъ запре-
тилъ взыскивать оброкъ; слѣдовательно, классъ крестьянъ нахо-
дится въ покоѣ и удовольствіи".

Результатъ поѣздки изложенъ въ печатной запискѣ на 22
большихъ страницахъ, никѣмъ не подписанной и озаглавленной:
*Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ
ктябрѣ 1863 г.*". На первой страницѣ, въ выноскѣ подъ нею,
начится, что въ поѣздкѣ участвовали сенаторъ Милютинъ, се-
наторъ Арцимовичъ, коллежскій совѣтникъ Самаринъ и князь
Черкасскій; по распоряженію намѣстника Царства, командиро-
ванъ былъ для сопровожденія ихъ флигель-адъютантъ гвард.
ген. шт. капитанъ Анненковъ, съ конвоемъ изъ полсотни ли-
нейныхъ казаковъ и полуэскадрона уланъ. Въ концѣ записки
поставлено число ея напечатанія — 1 ноября 1863 года.
Записка не имѣетъ подписей, но сочинена какъ будто бы сообща,
какъ разсказъ о томъ, что „*мы*" (во множественномъ числѣ)
видѣли, изучили, потребовали... „такимъ представилось намъ
настроеніе народной массы въ Польшѣ"... значитъ, какъ по-
вѣствованіе четырехъ поименованныхъ въ первой выноскѣ обо-
зрѣвателей-спеціалистовъ. Записка составлена живо, бойко,
рельефно, весьма литературно. Въ книгѣ Анатоля Лероа-Больё со-
чинительство ея прямо приписывается Юрію Өедоровичу Сама-
рину, то-есть тому изъ обозрѣвателей, который былъ выдаю-
щійся по таланту писатель-публицистъ. Въ этой же книгѣ при-
ведено (стр. 218) письмо Милютина къ женѣ, въ которомъ
умалчивается то, что несомнѣнно явствуетъ изъ переписки Арци-
мовича съ женою — что мысль о поѣздкѣ возникла у него и
внушена имъ намѣстнику до пріѣзда трехъ остальныхъ, кромѣ
Арцимовича, обозрѣвателей. Въ томъ же письмѣ къ женѣ Ми-
лютинъ представляетъ себя какъ будто бы дѣйствующимъ втроемъ
(„я, Самаринъ и Черкасскій"), и хотя упомянутъ и Арцимо-
вичъ, но только въ качествѣ второстепеннаго лица: „Арцимо-
вичъ предложилъ намъ охотно сопровождать насъ въ качествѣ
переводчика, чѣмъ и оказалъ намъ величайшую услугу". По-
зволю себѣ возразить противъ такого невѣрнаго, на мой взглядъ,
обезцѣненія того участія, которое принималъ Арцимовичъ и въ
поѣздкѣ, и въ самомъ сочинительствѣ записки, участія прямого,
непосредственнаго и первостепеннаго. Записка начинается сло-
вами: „Изучивъ предварительно постановленія и инструкціи, ко-

торыми опредѣляется положеніе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, мы испросили у намѣстника разрѣшеніе объѣхать нѣкоторые уѣзды, и проч.". Спутники Арцимовича не могли въ теченіе недѣли, съ 12-го по 20-е октября, изучить постановленія и инструкціи, изданныя на польскомъ языкѣ, въ которомъ никто изъ нихъ не былъ свѣдущъ. Настоящую пользу отъ интереснаго, предпринятаго ими опыта они могли получить только посредствомъ разспросовъ на мѣстѣ, а сообщаться съ населеніемъ они, очевидно, могли только посредствомъ надежнаго переводчика, какимъ являлся одинъ Арцимовичъ. Сама программа занятій и планъ поѣздки могли исходить только отъ лица, сравнительно болѣе знакомаго съ положеніемъ края и исключительно почти занятаго изученіемъ крестьянскаго вопроса съ пріѣзда своего въ Варшаву 18-го сентября. Въ письмѣ Арцимовича къ женѣ, отъ 25-го октября, значится, что „все общество пріѣзжихъ, которое, по здѣшнему выраженію, можно назвать *бандою эманципаторовъ*, обѣдало у Берга; послѣ обѣда Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій сидѣли у меня и долго бесѣдовали. Я имъ передавалъ собранныя мною свѣдѣнія". Затѣмъ послѣдовала редакція записки, въ которую вошло что̀ было схвачено, такъ сказать, на лету обозрѣвателями и занесено ими въ ихъ „записныя книжки". Кто составлялъ записку, того Арцимовичъ въ письмахъ своихъ не выяснилъ; по всей вѣроятности, то былъ Самаринъ, какъ самый талантливый въ литературномъ отношеніи въ той группѣ человѣкъ. Въ одномъ письмѣ Арцимовича къ Милютину (отъ 8-го ноября 1863 г.) сказано: „*ваша* записка о поѣздкѣ по деревнямъ подкрѣпитъ Государя въ мысляхъ его относительно крестьянскаго вопроса. Слово „ваша", а не „наша", записки объясняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что въ запискѣ попадаются нерѣдко многія отдѣльныя выраженія и фразы, которыя не могли бы быть употреблены Арцимовичемъ, какъ полякомъ по происхожденію и римскимъ католикомъ, или какъ человѣкомъ, понимающимъ глубокія причины столкновенія двухъ національностей и избѣгающимъ рѣзкихъ сужденій даже и о мятежникахъ. Въ запискѣ сельскіе костелы характеризуются какъ „мрачные", ксендзы—какъ „исподлобья высматривающіе что̀ дѣлается по сторонамъ". Бѣлостокскій уроженецъ, значитъ родившійся на самой почти границѣ Царства Польскаго, Арцимовичъ зналъ, что въ Царствѣ Польскомъ съ 1807 г. нѣтъ шляхты, какъ сословія, значитъ—не могъ бы помириться съ тѣмъ, что̀ написано на страницѣ 14: „Въ настоящее время польская шляхта, носящая на себѣ двойственный характеръ *сословія* и политиче-

й партіи, въ союзѣ съ приходскимъ духовенствомъ образо-
а плотную стѣну, чрезъ которую мысль, воля и слово вер-
ной власти, къ народу обращенныя, *никогда* до него не
бьются". Арцимовичъ, съ своей точки зрѣнія, только потому
ъ возможнымъ принять командировку въ Варшаву, что не
знавалъ никакой такой стѣны между не шляхтою, но
еллигенціею народа и простымъ народомъ, не пропускающей,
го бы, никакой благой мысли и воли верховной власти. Еще
ѣе могъ быть удовлетворенъ Арцимовичъ содержащимся на
19 опредѣленіемъ современнаго положенія польскаго вопроса:
рьба правительства не съ польскою націею, какъ думаютъ
гіе, а съ уродливымъ сочетаніемъ революціоннаго одушевленія
езуитскаго лукавства: въ этомъ и есть узелъ современнаго
роса въ Польшѣ". Странное, на первый взглядъ, помѣщеніе
й фразы въ запискѣ, въ которой онъ является однимъ изъ
ствующихъ лицъ, могло произойти потому, что Арцимовичъ
не присутствовалъ при напечатаніи записки 1-го ноября,
ь какъ 29-го октября, сдавъ всѣ бумаги Милютину, онъ уже
адывался ѣхать въ Петербургъ, изъ котораго онъ пишетъ
ьмо женѣ въ Москву, помѣченное 2-мъ ноября. Конецъ за-
ки таковъ, что подъ нимъ могъ бы охотно подписаться Арци-
ичъ, какимъ былъ онъ, какъ человѣкъ, считающій безумными
зи революціонеровъ, надѣющійся, однако, на будущее поль-
й національности подъ сѣнью русской государственности:
ы говорили крестьянамъ на прощаніе, что царь о нихъ
позабылъ, убѣждали ихъ ждать терпѣливо отъ него мило-
а врагамъ его не вѣрить и не служить. Слова эти вездѣ
нимались съ искреннимъ, трогательнымъ сочувствіемъ. По-
не выслушивали ихъ съ жадностью и повторяли ихъ отъ себя
нѣсколько разъ. Казалось, что они находили въ нихъ оправ-
іе какого-то своего собственнаго темнаго чаянія, котораго
сами не могли бы себѣ уяснить... Народная масса нахо-
ся въ какомъ-то неопредѣленномъ, тревожномъ, выжидатель-
ъ положеніи. Въ одну сторону тянутъ ее (повстанцы) си-
самыхъ заманчивыхъ обѣщаній, на половину уже осуще-
вшихся; къ другой влечетъ ее вѣрный историческій ин-
нктъ, къ сожалѣнію, ни въ чемъ еще не находящій ни
держки, ни оправданія. Чья сила окончательно перетянетъ?
у удастся привлечь къ себѣ колеблющееся сочувствіе массы?
разрѣшенія этого вопроса зависитъ окончательно исходъ
ременной борьбы, въ которой законное правительство при-

звано спасти не только политическое владычество Россіи надъ Польшею, но и самую будущность народа польскаго!“

Въ этомъ заключеніи записки, которое, повидимому, было искреннее, проявляется въ полномъ блескѣ то, что было самаго лучшаго въ старомъ славянофильствѣ московскомъ пятидесятыхъ годовъ, имѣвшемъ своимъ умственнымъ руководителемъ Юрія Самарина. Что такое же сочувственное отношеніе къ иной, не своей родной русской, но славянской національности одушевляло и Милютина, о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя позднѣйшія его дѣйствія — напримѣръ, его записка „объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ“, 22-го мая 1864 г., направленная противъ мысли обрусить поляковъ въ Царствѣ искусственными мѣрами, или организація имъ своеобразной гмины, а не волости или общины на подобіе великорусской. Если мы вникнемъ, однако, въ мысль, внушающую эти славянскія сочувствія писателямъ записки, то должны будемъ признать, что эта мысль была у нихъ весьма отвлеченная, весьма далекая отъ дѣйствительности и неприложимая, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ. На-ряду съ выражаемыми въ запискѣ симпатіями къ націи указано, что интеллигентные ея классы сплошною стѣною стоятъ, не пропуская свѣта, что въ нихъ одно только бунтованіе и іезуитское лукавство — значитъ, что ихъ придется срѣзать, придется у націи ея голову отсѣчь. Еще не бывало хирурга, который бы ухитрился отнять голову у живого организма и приставить ему другую. Народъ, у котораго усѣчена была бы его интеллигенція, перестаетъ быть націей; только его же интеллигенція можетъ его воспитывать и одушевлять. Она можетъ заблуждаться, можетъ даже безумствовать; тогда приходится отрезвить ее и излечить, удаляя тѣ причины, которыя ей мѣшали относиться разумно къ вещамъ. По совершенно вѣрному пониманію Арцимовича, эти причины бываютъ только историческія, а слѣдовательно только временныя и несущественныя. Прочное оздоровляющее вліяніе одного народа на другой можетъ быть только посредствомъ интеллигенціи послѣдняго и посредствомъ дѣйствія на эту интеллигенцію умственными пріемами, которое только тогда становится возможнымъ, когда врачующій пойметъ, что происходитъ въ душѣ врачуемаго, и въ чемъ состоитъ то зло, отъ котораго приходится его лечить. У нашихъ реформаторовъ не было ни малѣйшихъ заботъ о такомъ психологическомъ діагнозѣ; ихъ средства дѣйствія были только физическія и заключались только въ могущественномъ военномъ и бюрократическомъ снарядѣ, которымъ однимъ не разрѣшается

сихологическая задача. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется безплодіе всей системы, за предѣлами крестьянскаго вопроса, мѣропріятій Милютина, имѣвшаго почти неограниченныя полномочія на всякія реформы въ Царствѣ Польскомъ.

VI.

Перехожу къ разсказу объ октябрьской поѣздкѣ эманципаторовъ. Выборъ объѣзжаемыхъ мѣстностей былъ зрѣло обдуманъ, съ полнымъ знаніемъ того, какія изъ нихъ были самыя интересныя для изслѣдованія. Взята была страна по варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, на 275-й верстѣ отъ Варшавы и по обѣ стороны дороги, съ такимъ разсчетомъ, чтобы не отдаляться отъ рельсовъ болѣе, чѣмъ на день коннаго пути. Доѣхавъ изъ Варшавы до Рогова (еще не было желѣзнаго пути отъ Колюшекъ до Лодзи), свернуть направо въ Лодзь и оттуда на мѣстечко Тушино и опять на желѣзную дорогу къ Піотркову (теперь Петроковъ). Такимъ образомъ, можно было объѣхать проселочными и шоссейными дорогами части уѣздовъ равскаго, ленчинскаго и піотрковскаго, весьма густо населенныя, съ населеніемъ великопольскаго типа. На Піотрковѣ и кончилъ свое путешествіе Милютинъ, вернувшійся въ Варшаву (книга А. Леруа-Болье, стр. 219). Его бывшіе спутники, Арцимовичъ, Самаринъ и Черкасскій, изъ Піотркова направились чрезъ Ченстоховъ въ южную часть радомской губерніи, своротили по другую сторону дороги на востокъ и, въ виду синѣющихъ вдали карпатскихъ предгорій, проѣхали чрезъ Славковъ въ Олькушъ по горнозаводской странѣ, населенной кракусами малопольскаго типа; наконецъ, доѣхавъ на обратномъ пути до станціи Лазы, они вернулись въ Варшаву по желѣзной дорогѣ. Путешественники имѣли возможность изучить наглядно образцы существующихъ въ Царствѣ формъ и условій сельскаго быта въ имѣніяхъ казенныхъ, маіоратныхъ и частныхъ, у крестьянъ удѣльныхъ (барщинныхъ), состоящихъ на окупѣ, отмежеванныхъ, наконецъ у колонистовъ, такъ польскихъ, такъ и нѣмецкихъ.

Совершающіе объѣздъ ѣхали подъ конвоемъ линейныхъ казаковъ, въ бараньихъ шапкахъ, съ закинутыми на спины винтовками, и полуэскадрона уланъ. Ихъ принимали порою за арестованныхъ поляковъ-патріотовъ; встрѣчныя дамы посылали имъ даже сочувственные привѣты. Они видѣли разные образцы военныхъ начальниковъ, слушали ихъ разсказы и замѣчали по-

разительное отсутствіе всякаго согласія и единства въ ихъ дѣйствіяхъ и понятіяхъ, выходящихъ изъ круга военныхъ операцій. Наиболѣе времени посвятили они крестьянамъ и крестьянскимъ сходкамъ. Крестьяне далеко не такъ подозрительны, замкнуты и забиты, какъ обыкновенно полагаютъ. Нигдѣ объѣзжающіе не встрѣтили упорнаго уклоненія отъ объясненій; напротивъ того, скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, удавалось вызвать крестьянъ на правдивое изложеніе ихъ нуждъ, ожиданій и жалобъ; достаточно было обнаружить къ нимъ участіе и приступить къ дѣлу съ нѣкоторою осторожностью — напримѣръ, устранивъ со сходки втирающихся въ нее стороннихъ лицъ: писарей, конторщиковъ, вообще лицъ, присматривающихъ за крестьянами. За удаленіемъ этихъ незванныхъ свидѣтелей крестьяне немедленно подымали головы, ободрялись и начинали объясняться смѣлѣе. Пріѣзжіе старались разспрашивать о самыхъ простыхъ предметахъ, числѣ дворовъ, качествѣ грунта, повинностяхъ, затѣмъ переходили къ болѣе щекотливымъ: объ отношеніяхъ къ помѣщику, къ войску, о прокламаціяхъ ржонда. Крестьяне и объ этомъ говорили безъ утаекъ и затѣмъ уже излагали отъ себя разныя жалобы на обиды. Женщины оказывались еще откровеннѣе мужчинъ: въ началѣ онѣ только прислушивались, затѣмъ протирались въ толпу крестьянъ, вмѣшивались въ разговоры и къ концу даже оттѣсняли мужчинъ. Въ сословіи польскихъ крестьянъ, какъ и въ другихъ, высшихъ, обнаруживалось преобладаніе живой и бойкой иниціативы женскаго пола.

Крестьяне не потеряли сознанія предоставленныхъ имъ правъ, несмотря на частое нарушеніе этихъ правъ. Они не только понимаютъ разницу положенія барщинныхъ, платящихъ окупъ и очиншеванныхъ, но отдаютъ себѣ отчетъ въ самой причинѣ разницъ. Они никогда не смѣшиваютъ двухъ теперешнихъ видовъ денежной повинности, изъ которыхъ *окупъ* есть переложенная на деньги цѣнность барщинныхъ дней, а чиншъ есть повинность грунтовая, болѣе или менѣе точно исчисленная по количеству и качеству земли. Способъ опредѣленія окупа имъ вполнѣ извѣстенъ, и они безошибочно объясняли, во что цѣнится день пѣшій и конный, сколько нужно платить домохозяину, чтобы откупиться отъ барщины, сколько платить за строенія и во что́ имъ обходится моргъ земли.

О барщинѣ или панщизнѣ крестьяне отзываются съ омерзѣніемъ. Въ одномъ селеніи они жаловались на высоту окупа, но на вопросъ: приходится ли имъ жалѣть о прежней барщинѣ? отвѣтили съ укоромъ: „какъ это можно! развѣ мы не люди?“

Крестьяне помѣщичьи и даже состоящіе на окупѣ завидуютъ казеннымъ и очиншеваннымъ, но очиншеваніе подвигается туго. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Царствѣ Польскомъ числилось изъ 320.654 крестьянскихъ дворовъ 46% на чиншѣ, 41% на окупѣ, 11% на смѣшанной повинности и 2% на чистой барщинѣ. Казенные крестьяне сознаютъ не безъ гордости свое превосходство надъ помѣщичьими не только въ хозяйственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Они пріѣзжимъ говорили: „кромѣ царя и Бога, мы не боимся никого“.

Что касается до крестьянскихъ надѣловъ, то само понятіе объ этихъ надѣлахъ могло возникнуть только съ изданія указа 26 мая 1846 г. Крестьяне въ Царствѣ Польскомъ получили въ 1807 г., по декрету Наполеона, одну личную свободу, безъ земли, превратились въ осѣдлыхъ на помѣщичьихъ земляхъ, но сгоняемыхъ съ этихъ земель по произволу, что́ и имѣло послѣдствіемъ ихъ постепенное обезземеліе, которому пытался положить предѣлъ Николай I, постановивъ, что помѣщикамъ воспрещено возвышать повинности, лежащія на крестьянахъ за пользованіе ими земельными участками, и присоединять эти участки къ землямъ фольварочнымъ или дворовымъ. Опустѣвшіе участки помѣщикъ долженъ былъ—если онъ не хотѣлъ, чтобы они оставались необработанными пустками—сдавать другимъ земледѣльцамъ, на основаніи престаціонныхъ табелей, которыя обязательно, по закону 1846 г., вездѣ заведены для опредѣленія повинностей поселенцевъ. Совершающіе поѣздки натолкнулись въ семи мѣстахъ на явное нарушеніе закона 1846 г. Въ одномъ селѣ, близъ Рогова, крестьяне, припавъ къ ногамъ пріѣзжихъ, заявили, что въ 1863 г. помѣщикъ, онъ же и войтъ гмины, самовольно перенесъ всю деревню съ мѣстъ удобныхъ и вблизи водопоя на мѣста безплодныя и безводныя, уступающія прежнимъ даже по пространству, и съ возложеніемъ на крестьянъ расходовъ по этому переселенію. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, число такихъ *пустокъ* по всему Царству Польскому доходитъ до 13.000. Во многихъ мѣстахъ въ обходъ закона 26 мая 1846 г., не распространяющагося на участки, менѣе 3-хъ морговъ, помѣщики разбивали болѣе крупные участки на малыя дѣлянки, менѣе 3-хъ морговъ, и водворяли на нихъ батраковъ. Объѣзжающіе страну нашли слѣды еще иного способа обезземелія крестьянъ, зависѣвшаго отъ небрежнаго отношенія властей къ закону 1846 г. и недостаточнаго его осуществленія. Престаціонныя табели (въ родѣ русскихъ уставныхъ грамотъ или введенныхъ Бибиковымъ инвентарей въ юго-западномъ краѣ) представлялись помѣщиками,

но съ невѣрнымъ уменьшеннымъ опредѣленіемъ количества земли, а такъ какъ эти табели не повѣрялись, то, произведя точныя измѣренія и доказавъ, что крестьяне имѣютъ земли больше, нежели по табели, помѣщики отбирали отъ нихъ эти излишки, какъ *припашки*, якобы самовольно захваченныя.

Законъ 26 мая 1846 г. утвердилъ за крестьянами права на *угодія*, или на *сервитуты*, т.-е. на обязательное для помѣщика снабженіе крестьянъ строевымъ лѣсомъ для ремонта строеній, отпускъ топлива, допущеніе крестьянъ пасти скотину въ господскомъ лѣсу и собирать листья на подстилку. При замѣнѣ, по закону 4 мая 1861 г., барщины на окупъ, помѣщикъ слагалъ съ себя самовольно эти сервитуты, на что крестьяне горько жалуются. Вопросъ о сервитутахъ осложняется еще вопросомъ о правѣ собственности на *усадебныя строенія*. По закону 1807 г., освободившему крестьянъ только лично, судебныя мѣста рѣшали, что усадебныя строенія принадлежатъ помѣщику, если крестьянинъ не докажетъ, что строенія выстроены имъ на его счетъ; но, съ другой стороны, помѣщикъ охотно отпускалъ матеріалъ для ремонта строеній. Когда, послѣ изданія законовъ 1861 г., помѣщики прекратили отпускъ строевыхъ матеріаловъ, крестьяне, чтобы не остаться безъ крова, ставили матеріалы на свой счетъ, вслѣдствіе чего возникали споры, трудно рѣшимые, по недостатку юридическихъ основаній для ихъ рѣшенія.

Законъ 4 мая 1861 г. отмѣнилъ такъ называемыя *даремщизны*, т.-е. добавочныя повинности, не имѣющія законныхъ основаній, кромѣ обычая — напримѣръ, поборы яйцами, курицами, холстомъ, сторожба, рубка дровъ на хозяйскомъ дворѣ. Эта отмѣна не была повсемѣстно исполняема. Изъ сравненія престаціонныхъ табелей оказывалось, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ эти повинности признаны даремщизнами и отмѣнены, а въ другихъ оставлены, какъ повинности не личныя, а грунтовыя, что вполнѣ зависѣло отъ произвола владѣльца.

Самъ *окупъ* барщины, или оброкъ установляемъ былъ неравномѣрно, вслѣдствіе того, что число окупаемыхъ рабочихъ дней показано въ табеляхъ въ количествѣ, превышающемъ работы въ натурѣ, и затѣмъ табели безъ повѣрки были утверждаемы, такъ что съ одной десятины взимаемо было мѣстами 5 рублей, мѣстами 3, а мѣстами 1 р. 20 к. Такая же неравномѣрность замѣчалась при переводѣ крестьянъ съ окупа на *чиншъ*, по соглашенію помѣщика съ крестьянами.

Средній классъ между осѣдлыми на 3-хъ-морговыхъ и свыше участкахъ и между безземельными батраками образовали *огород-*

ники и *коморники*, пользующіеся или только хатою, или хатою и нѣсколькими грядками земли, нанимающіеся на полевыя работы и отбывающіе за свою осѣдлость по одному или по два дня въ недѣлю за ничтожную плату 15 копѣекъ въ сутки.

Кромѣ всѣхъ службъ и поборовъ, крестьянство подвергалось еще почти повсемѣстно тяжелому, безобразному стѣсненію, въ видѣ *пропинаціоннаго* права владѣльца, заключающагося въ томъ, что крестьяне могли покупать хлѣбное вино только отъ своего владѣльца и изъ его шинка. Мѣстные войты увѣряли совершающихъ объѣздъ, что нѣтъ запрета крестьянамъ привозить напитки извнѣ, но крестьяне тутъ же уличали ихъ во лжи. Обязательная покупка вина въ мѣстномъ шинкѣ заведена была даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ.

Въ олькушскомъ уѣздѣ объѣзжающіе натолкнулись на одинъ весьма странный запретъ. Когда прекращенъ былъ духовенствомъ, въ 1863 г., колокольный звонъ въ церквахъ по случаю ссылки варшавскаго архіепископа Фелинскаго, мѣстный ксендзъ запретилъ игру на скрипкѣ не только въ церкви, но и въ шинкахъ, избахъ и на улицахъ, что́ сильно огорчало мѣстный людъ — веселыхъ краковяковъ, страшныхъ охотниковъ до музыки и плясокъ. Они стали жаловаться пріѣзжимъ и просили разрѣшенія снять съ гвоздя опальную скрипку, висѣвшую на стѣнѣ, по случаю предстоящей сельской свадьбы. Пріѣзжіе не могли понять, въ чемъ дѣло, пока шинкарь не показалъ имъ письменнаго приказа отъ войта объ уплатѣ штрафа за нарушеніе запрета, наложеннаго ксендзомъ. Ксендзъ стоялъ невдалекѣ отъ сходки; на вопросъ пріѣзжихъ—заговорилъ о томъ, что его обязанность поддерживать *моралитетъ*, но, впрочемъ, сознался, что нѣтъ причины запрещать игру на скрипкѣ внѣ церкви. По настоянію пріѣзжихъ, онъ это повторилъ отъ себя крестьянамъ, къ неописанной ихъ радости.

Совершающіе объѣздъ нашли, что польскіе крестьяне имѣютъ всѣ условія для самостоятельнаго завѣдыванія своими общественными дѣлами. по этой стороны ихъ быта законодательство доселѣ не касалось. Нѣтъ сельскихъ обществъ, а есть только отдѣльныя лица, сожительствующія въ деревнѣ, не связанныя никакою организаціею, изолированныя и не имѣющія никакой для себя опоры. Общественнаго суда нѣтъ. Мірская сходка или громада сходится только для выбора солтыса (старосты), лавниковъ (помощниковъ солтыса) и для переговоровъ съ помѣщикомъ или начальникомъ объ очиншеваніи, сепаратѣ и разбивкѣ угодій. Сами солтысы выбираются подъ вліяніемъ войтовъ,

отъ которыхъ они прямо зависятъ. Они не имѣютъ такой самостоятельности, какъ русскіе старосты, старшины и головы, и болѣе походятъ на сотскихъ, нежели на выборныхъ представителей общества. Несмотря на то, они не оторвались отъ простого народа и не пристали къ мелкой шляхтѣ, къ войтамъ и къ оффиціалистамъ, т.-е. къ заправляющимъ сельскою жизнью. На солтысахъ, къ счастію, оборвалось вліяніе шляхты. Крестьяне смотрятъ на солтысовъ, какъ на своихъ братьевъ-крестьянъ, которые ихъ не продадутъ.

Въ частныхъ имѣніяхъ званіе войта по закону принадлежитъ помѣщикамъ, но они рѣдко принимаютъ на себя эту хлопотливую должность. Они предпочитаютъ передавать свои полицейскія права подставнымъ лицамъ, которыхъ они нанимаютъ. Если, по представленіямъ помѣщиковъ, эти лица утверждены въ званіи войтовъ комиссіею внутреннихъ дѣлъ, то съ помѣщиковъ слагается отвѣтственность за дѣйствія такихъ войтовъ. Въ противномъ случаѣ они правятъ должность въ качествѣ помѣщичьихъ приказчиковъ. Когда имѣніе сдается въ аренду, званіе войта обыкновенно передается арендатору. Полицейская власть войтовъ представляетъ собою не что иное, какъ замаскированное помѣщичье право. Подставные войты въ частныхъ имѣніяхъ получаютъ жалованья до 50 рублей, а иногда, сверхъ того, и провизію. Въ казенныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ бургомистры и войты, по назначенію отъ правительства—изъ чиновниковъ низшаго разряда, получаютъ жалованья отъ 100 до 180 рублей.

Какъ только вспыхнуло повстанье, вожаки его поставили себѣ задачею привлечь на свою сторону народную массу. Они распространили прокламацію, что крестьянскія земли отдаются крестьянамъ въ полную собственность, что прекращаются всѣ повинности, отбываемыя въ пользу помѣщика, и что помѣщики будутъ вознаграждены правительствомъ. Особенною дѣятельностью въ этомъ отношеніи отличился въ Олькушѣ и его окрестностяхъ начальникъ шайки Куровскій. Ему предались и приняли присягу ржонду мѣстные чиновники, съ уѣздными начальниками во главѣ. Объявленія о прекращеніи повинностей читаемы были въ костелахъ. Куровскій приказывалъ помѣщикамъ, подъ страхомъ висѣлицы, не требовать съ крестьянъ оброка, а взысканные оброки отнималъ отъ помѣщика и возвращалъ крестьянамъ. Отбываніе повинностей совсѣмъ прекратилось, о чемъ крестьяне объявили объѣзжавшимъ, но помѣщики и войты, не вдаваясь въ объясненія, отзывались, что окупъ оплаченъ крестьянами сполна.

Въ то самое время, когда повстанцы принимали на себя роль освободителей крестьянъ отъ даней и повинностей и тѣмъ ихъ подкупали, русскіе военные отряды обходили край для сбора податей; когда же помѣщики-плательщики податей отговаривались несостоятельностью, взысканіе обращено было на крестьянъ, если только за ними числились недоимки по окупамъ и чиншамъ. Помѣщики, не смѣя и не желая явно требовать повинностей, упраздненныхъ прокламаціями повстанцевъ, забѣгали къ начальникамъ отрядовъ съ просьбами взять на себя взысканіе окуповъ и чиншей въ ихъ пользу, что̀ и исполняли военные начальники отрядовъ. Они понуждали крестьянъ вносить повинности въ уѣздное казначейство подъ росписки, имѣя въ виду обезпечить будущіе сборы, и выдавали остатки помѣщикамъ, подъ условіемъ письменнаго отреченія сихъ послѣднихъ отъ мятежническаго ржонда и признанія законности власти русскаго правительства. Такимъ образомъ, русская военная сила взыскивала повинности, установленныя въ пользу помѣщиковъ и упраздненныя ржондомъ.

Итакъ, подчиняясь вліянію, съ одной стороны, постоянныхъ угрозъ ржонда, за которыми слѣдовали истязанія, а съ другой стороны — не встрѣчая ни одобренія, ни защиты, крестьяне, относившіеся сначала враждебно къ возстанію и готовые содѣйствовать его подавленію, сбились съ толку и упали духомъ. Жившіе въ деревняхъ отставные солдаты, ихъ жены, отчасти даже колонисты и крестьяне, стали помышлять о выѣздѣ изъ Польши. Перемѣна въ настроеніи крестьянъ не укрылась отъ повстанцевъ, которые отступились отъ строгихъ мѣръ, сверхъ случаевъ измѣны или шпіонства, въ виду того, что крестьяне показывали явное расположеніе къ возстанію, но сохраняли строгій нейтралитетъ.

Записка по вопросу о настроеніи крестьянъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: кара и милость не безъ успѣха поперемѣнно употреблялись; съ нашей стороны дѣло постоянно портилось и портится; къ счастію, оно еще не испорчено окончательно. Странно было бы утверждать, что прокламаціи о даровомъ надѣлѣ и дѣйствительное прекращеніе налоговъ не принимаются крестьянами сочувственно и не льстятъ ихъ издавна возбужденнымъ надеждамъ. Ржондъ успѣлъ задѣть въ нихъ самую чувствительную струну, но они не довѣряютъ безличному правительству и сомнѣваются въ прочности обѣщаній и распоряженій, исходящихъ отъ лицъ, прячущихся въ лѣсахъ и убѣгающихъ при видѣ казаковъ. Крестьяне ни разу не го-

ворили намъ, что они могутъ уже по праву не отбывать повинностей. Мы отъ нихъ постоянно слышали только, что повинностей съ нихъ не требуютъ. Многіе прибавляли, что, если бы потребовали, то они не стали бы отказываться. Другіе говорили: „не знаемъ, недоумѣваемъ, какъ быть — платить или не платить?“ Многіе обращались за совѣтами къ олькушскому военному начальству; нѣкоторые, по его приказанію, вносили чинши въ казначейство. Наконецъ, нѣкоторые говорили намъ: „худо будетъ, если заставятъ насъ вдругъ выплатить окупъ за всѣ минувшіе сроки—пришлось бы распродать скотъ и пожитки“.

Итакъ, крестьянскій вопросъ выдвигался впередъ, становился на первомъ планѣ. Первымъ дѣломъ было разрѣшить или даже разрубить его, не медля и не откладывая. Разрѣшеніе его должно было идти изъ Петербурга. Компетентнѣйшими для этой работы людьми представлялись лица, съ которыми Арцимовичъ совершалъ поѣздку по уѣздамъ. Еще до этой поѣздки, *18 октября*, онъ писалъ женѣ: „сдавъ Милютину всѣ бумаги, дѣла и свѣдѣнія по крестьянскому дѣлу, я теперь не особенно занятъ“... Рѣшимость его не принимать на себя никакой должности и совсѣмъ уѣхать изъ Варшавы оставалась непоколебимою. „Не желаю принимать участія въ администраціи, писалъ онъ 9 октября: вся система заключается въ томъ, чтобы разными мѣрами вызвать реакцію большинства населенія противъ повстанья и заставить жителей просить пощады у правительства. Осуществленію этого результата препятствуетъ страшная восторженность умовъ, постоянная надежда на заграничное вмѣшательство и нерѣдко неудачные пріемы нашихъ исполнителей“.—*25 октября*: „Бергъ въ каждомъ письмѣ къ императору жалуется на мою непоколебимость въ отказѣ; это мнѣ не нравится, но измѣнить не могу“.—*27 октября*: „Я подалъ краткую записку Бергу о необходимости оставить всякое предположеніе о назначеніи меня въ настоящее время въ Царство. Онъ до крайности желаетъ, чтобы я не отказывался, придумываетъ разныя комбинаціи, о которыхъ уже, вѣроятно, писалъ въ Крымъ“ (къ Государю).—*29 октября*: „Я только-что обѣдалъ у Берга. Мы наружно разстались хорошо; онъ не перестаетъ желать моего возвращенія“.—*2 ноября* (изъ Петербурга): „Моя участь разрѣшится либо теперь (при первомъ представленіи Государю), либо по пріѣздѣ Милютина, который обѣщалъ возвратиться къ 20 ноября“... Приходится теперь объяснить, какимъ образомъ Арцимовичъ вынужденъ былъ противъ своей

воли принять на себя вторую, болѣе продолжительную командировку въ Варшаву весною 1864 года.

Основанія, по которымъ Арцимовичъ отказывался отъ служенія въ Царствѣ Польскомъ, какъ въ запискѣ его намѣстнику 25 октября, такъ и во всеподданнѣйшей запискѣ Государю отъ 4 ноября, заключались въ слѣдующемъ.

Среди овладѣвшаго всѣмъ краемъ революціоннаго настроенія органы гражданскаго управленія не могутъ и не должны дѣйствовать самостоятельно. Всякая попытка ихъ дѣйствовать самостоятельно законными путями вызывала бы столкновенія ихъ съ военными властями въ такое время, когда необходима полная военная диктатура, и когда спасеніе общества требуетъ пріостановки гражданскаго управленія. Арцимовичъ признавалъ себя неспособнымъ дѣйствовать не въ направленіи и не по пріемамъ легальной администраціи. Онъ считалъ себя совершенно одинокимъ въ составѣ гражданскаго управленія, сложившагося по системѣ маркиза Вѣлёпольскаго въ 1862 г. Комиссія внутреннихъ дѣлъ, которую ему предлагаютъ, вполнѣ устранена отъ участія въ разрѣшеніи какихъ бы то ни было вопросовъ по крестьянскому дѣлу. Оно требуетъ новыхъ законовъ, которыхъ составленіе возложено на Милютина. Даже и тогда, когда эти законы будутъ изданы, едва ли правительство возложитъ осуществленіе этой реформы на органы гражданской власти Царства Польскаго. Арцимовичъ считалъ себя тѣмъ менѣе пригоднымъ дѣйствовать въ этомъ краѣ, что по происхожденію онъ полякъ и римскій католикъ, а въ это время все русское общество склонно было смотрѣть подозрительно на всякое лицо, носящее польское имя.

Какъ ни были сильны эти доводы, они не убѣдили намѣстника, который въ своемъ представленіи Государю рѣшительно опровергалъ ихъ и признавалъ необходимымъ, не отпуская Арцимовича изъ Царства Польскаго въ Имперію, опредѣлить его хотя бы въ званіи члена совѣта управленія (rada administracyjna), послѣ чего, ознакомившись съ дѣлами, онъ вступитъ въ управленіе комиссіею внутреннихъ дѣлъ. Изъ письма Милютина къ его женѣ, 25 октября 1863 г., видно, что Бергъ предлагалъ Милютину мѣсто вице-предсѣдателя въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго [1]). Бергъ не раздѣлялъ взгляда Арцимовича на неизбѣжную продолжительность военной диктатуры, которая

---

[1]) „Berg s'obstine à vouloir me faire nommer vice-président du conseil de Varsovie. J'espère qu'on n'en fera rien avant de m'entendre. Autrement il me faudrait offrir ma démission“ (A. Leroy-Beaulieu. „Un homme d'état russe“, p. 226).

одна недостаточна, по его мнѣнію, для успокоенія края. Конечно, существующее гражданское управленіе изъ чиновниковъ-поляковъ не надежно потому, что одни изъ нихъ прямо враждебны правительству, а другіе недоброжелательствуютъ ему втайнѣ и бездѣйствуютъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть хорошій губернаторъ (напр., въ люблинской губ. при Буцковскомъ), гражданскія власти не приходятъ въ столкновеніе съ военными, а при взаимномъ содѣйствіи военныхъ и гражданскихъ властей послѣднія, опираясь на содѣйствіе войска, могли бы дѣйствовать вполнѣ рѣшительно, руководя военной силой. „Въ сенаторѣ Арцимовичѣ, писалъ Бергъ, я вижу сановника опытнаго, твердаго и способнаго. Какъ только онъ возьметъ на себя управленіе внутренними дѣлами, то крестьянскій вопросъ неминуемо станетъ главнымъ предметомъ его соображеній и занятій“. Принимая во вниманіе знаніе имъ польскаго языка и края и личныя его достоинства, графъ Бергъ полагалъ, что никто не былъ бы способнѣе его содѣйствовать сенатору Милютину въ возложенномъ на него порученіи. „Вообще, заключалъ намѣстникъ, я пришелъ къ убѣжденію, что онъ былъ бы самымъ полезнымъ дѣятелемъ для Царства Польскаго“.

При столь настоятельномъ заявленіи намѣстника, что Арцимовичъ ему необходимъ, ходатайство Арцимовича объ увольненіи его не могло быть уважено. Изъ письма Арцимовича къ Милютину, отъ 8 ноября 1863 г., видно, что Арцимовичъ представлялся Государю въ Царскомъ-Селѣ, что былъ потребованъ статсъ-секретарь В. П. Платоновъ, и что ему было приказано читать обѣ записки—Арцимовича и графа Берга—по пунктамъ. „Мои доводы, пишетъ Арцимовичъ, не поколебали предрѣшенія“: кончилось обращеніемъ къ чувствамъ преданности Арцимовича и къ пользѣ отечества. Въ заключеніе высказано было, что „графъ Бергъ, не зная польскаго языка, затрудняется при предсѣдательствѣ въ государственномъ совѣтѣ, и что, въ видахъ государственной необходимости, остается Платонову написать указъ о назначеніи меня членомъ совѣта управленія и вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта“. Арцимовичъ просилъ не рѣшать окончательно вопроса до пріѣзда Милютина, но и эта просьба не была уважена. Въ промежутокъ времени, съ момента полученія назначенія въ ноябрѣ 1863 г. до отправки въ Варшаву, Арцимовичъ отпущенъ былъ въ Москву повидаться съ женою, а затѣмъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ 28 декабря 1863 г. участвовать въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина (Долгорукій, Чевкинъ,

мальный предѣлъ и сталъ проводиться неизмѣнно во всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ аграрнаго законодательства и при князѣ Горчаковѣ, и при Вѣлёпольскомъ. Однимъ, такъ сказать, росчеркомъ пера Милютинъ, дѣйствуя рѣшительно, смѣло и весьма справедливо, уничтожилъ этотъ минимальный предѣлъ, обобщилъ, такимъ образомъ, реформу и подвелъ подъ нее всю крестьянскую чернь осѣдлую (ст. 5 перваго указа: „въ собственность крестьянъ поступаютъ всѣ усадьбы, то-есть, крестьянскіе участки, какъ подходящіе, такъ и неподходящіе подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 года, въ томъ числѣ и усадьбы, заключающія въ себѣ менѣе 3 морговъ новопольской мѣры, безо всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ").

Задуманная болѣе радикально, нежели для Имперіи, крестьянская реформа для Царства Польскаго отмѣняла всѣ недостигшія цѣли начинанія въ устроеніи быта крестьянъ въ періодъ времени отъ указа 26 мая 1846 г. до указовъ 19 февраля 1864 г. Въ предисловіи къ этимъ указамъ выражено, что три указа и постановленія — 16 декабря 1858 г. о добровольномъ очиншеваніи, 4 мая 1861 г. о замѣнѣ барщины окупомъ, и 24 мая 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи — не встрѣтили, къ сожалѣнію, со стороны помѣстнаго сословія (właściciеli ziemskich) того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ очевидно невозможенъ. Коренное различіе двухъ системъ мѣропріятій—неудавшейся системы Вѣлёпольскаго и проектируемой Милютинымъ — въ крупныхъ чертахъ можетъ быть изображено такъ.

Вѣлёпольскій началъ съ обязательной отмѣны указомъ 4 мая 1861 г. издѣльной повинности, или барщины, какъ противной духу гражданскаго уложенія (кодексу Наполеона), и съ перевода барщины по таксѣ на денежную повинность, или окупъ. Взыскивать окупъ въ правѣ былъ помѣщикъ только судебнымъ порядкомъ. Крестьянинъ, не платящій окупа въ теченіе двухъ лѣтъ, могъ быть выселенъ, а остающаяся послѣ него земля подлежала, если не было замѣстителя, передачѣ въ пользованіе соискателямъ съ публичныхъ торговъ. Завершеніемъ системы Вѣлёпольскаго было, по указу 24 мая 1862 г., обязательное очиншеваніе поселянъ на участкахъ, подходящихъ подъ дѣйствіе указа 1846 г. Волѣ сторонъ предоставлялось на выборъ либо очиншеваніе безсрочное, либо долгосрочное, но не менѣе, какъ на 20 лѣтъ. Только безсрочное заносилось въ ипотечныя книги. Отмѣчено въ законѣ, что безсрочное очиншеваніе есть отступленіе отъ дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ гражданскаго

сильно дифференцировали бытъ крестьянъ въ каждомъ изъ государствъ, получившихъ при раздѣлахъ части бывшей Польши. Въ тѣхъ изъ этихъ частей, которыя достались или Пруссіи, или Австріи, а затѣмъ образовали княжество варшавское, при введеніи въ нихъ гражданскаго кодекса Наполеона, крестьяне получили свободу, но только личную, безъ земельнаго надѣла— значитъ, въ нихъ сохранилась барщина за пользованіе землею, отбываемая въ пользу помѣщика. Такъ какъ революціонное польское движеніе начала шестидесятыхъ годовъ распространилось за предѣлы Царства Польскаго и на губерніи западной окраины Имперіи, въ которыхъ преобладало помѣщичье польское землевладѣніе, то правительство, по обнародованіи „Положенія 19 февраля 1861 г.“, нашлось въ необходимости измѣнить его, исключивъ десятилѣтній переходный періодъ— отъ 1861 до 1870 гг., то-есть, отъ оставленія крестьянъ на этотъ періодъ въ состояніи *временно-обязанныхъ*, и разсѣчь мгновенно этотъ узелъ, связующій ихъ съ помѣщиками. Крестьяне объявлены были собственниками въ четырехъ бывшихъ литовскихъ губерніяхъ съ 1 мая 1863 г., въ трехъ юго-западныхъ — съ 1 сентября 1863 г., и въ двухъ бѣлорусскихъ — съ 1 января 1864 г. Получивъ надѣлы въ собственность, крестьяне освободились сразу отъ всѣхъ повинностей въ пользу помѣщиковъ; вознаградить помѣщиковъ обязана была казна, а крестьяне обязаны были только взносами въ казну налога за пріобрѣтенный надѣлъ. Такое же рѣшительное мѣропріятіе, мгновенно разсѣкающее всѣ отношенія, должно было произойти и въ Царствѣ Польскомъ. Единственнымъ основаніемъ къ дачѣ надѣла крестьянамъ служилъ замѣчательный указъ 26 мая (7 іюня) 1846 г., котораго содержаніе передается такимъ образомъ въ предисловіи къ указамъ 19 февраля 1864 г.: „Отмѣнено большинство даремщинъ и принудительныхъ наймовъ; крестьянамъ, исправно отбывающимъ законныя повинности, обезпечено спокойное владѣніе ихъ усадьбами и пользованіе угодіями (сервитутами); запрещено возвышать произвольно повинности, а равно присоединять крестьянскія земли къ землямъ дворовымъ (фольварочнымъ)“. Указъ 1846 г. обезпечивалъ далеко не всѣхъ крестьянъ земледѣльцевъ, но только тѣхъ изъ нихъ, которыхъ осѣдлость была болѣе значительна, а именно обработывающихъ для себя не менѣе 3 морговъ, то-есть немногимъ больше $1^1/_2$ десятины (въ моргѣ 1.289 квадр. саженъ, а въ десятинѣ ихъ 2.400). Болѣе мелкіе поселенцы были отъ дѣйствія закона изъяты и предоставлены произволу помѣщика. Этотъ трехморговый мини-

мальный предѣлъ и сталъ проводиться неизмѣнно во всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ аграрнаго законодательства и при князѣ Горчаковѣ, и при Вѣлёпольскомъ. Однимъ, такъ сказать, росчеркомъ пера Милютинъ, дѣйствуя рѣшительно, смѣло и весьма справедливо, уничтожилъ этотъ минимальный предѣлъ, обобщилъ, такимъ образомъ, реформу и подвелъ подъ нее всю крестьянскую чернь осѣдлую (ст. 5 перваго указа: „въ собственность крестьянъ поступаютъ всѣ усадьбы, то-есть, крестьянскіе участки, какъ подходящіе, такъ и неподходящіе подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 года, въ томъ числѣ и усадьбы, заключающія въ себѣ менѣе 3 морговъ новопольской мѣры, безо всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ“).

Задуманная болѣе радикально, нежели для Имперіи, крестьянская реформа для Царства Польскаго отмѣняла всѣ недостигшія цѣли начинанія въ устроеніи быта крестьянъ въ періодъ времени отъ указа 26 мая 1846 г. до указовъ 19 февраля 1864 г. Въ предисловіи къ этимъ указамъ выражено, что три указа и постановленія — 16 декабря 1858 г. о добровольномъ очиншеваніи, 4 мая 1861 г. о замѣнѣ барщины окупомъ, и 24 мая 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи — не встрѣтили, къ сожалѣнію, со стороны помѣстнаго сословія (właścicieli ziemskich) того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ очевидно невозможенъ. Коренное различіе двухъ системъ мѣропріятій—неудавшейся системы Вѣлёпольскаго и проектируемой Милютинымъ — въ крупныхъ чертахъ можетъ быть изображено такъ.

Вѣлёпольскій началъ съ обязательной отмѣны указомъ 4 мая 1861 г. издѣльной повинности, или барщины, какъ противной духу гражданскаго уложенія (кодексу Наполеона), и съ перевода барщины по таксѣ на денежную повинность, или окупъ. Взыскивать окупъ въ правѣ былъ помѣщикъ только судебнымъ порядкомъ. Крестьянинъ, не платящій окупа въ теченіе двухъ лѣтъ, могъ быть выселенъ, а остающаяся послѣ него земля подлежала, если не было замѣстителя, передачѣ въ пользованіе соискателямъ съ публичныхъ торговъ. Завершеніемъ системы Вѣлёпольскаго было, по указу 24 мая 1862 г., обязательное очиншеваніе поселянъ на участкахъ, подходящихъ подъ дѣйствіе указа 1846 г. Волѣ сторонъ предоставлялось на выборъ либо очиншеваніе безсрочное, либо долгосрочное, но не менѣе, какъ въ 20 лѣтъ. Только безсрочное заносилось въ ипотечныя книги. Отмѣчено въ законѣ, что безсрочное очиншеваніе есть отступленіе отъ дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ гражданскаго

уложенія, возстановленіе, такъ сказать, пережитка, раздѣленіе права собственности на голое право собственности и на пользовладѣніе (dominium directum и dominium utile). При очиншеваніи по закону земли дѣлились, по мѣрѣ большей или меньшей ихъ производительности, на классы; нормальная доходность каждаго класса оцѣнивалась на деньги по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ ржи за послѣднія 20 лѣтъ. Изъ опредѣленнаго такимъ образомъ дохода 1/3 вычиталась въ пользу поселянина, а 2/3 приходились помѣщику. Весьма была существенна статья 23-ья закона 24 мая 1862 г., по силѣ которой, если угодья, или сервитуты (лѣсъ на строенія и топливо, пастбища въ поляхъ или лѣсахъ, собираніе валежника или сушняка), основаны на письменныхъ документахъ, то власти оцѣниваютъ стоимость такого угодья и вычитаютъ стоимость его изъ платимаго чинша. Пользованіе угодіями на основаніи одного только обычая прекращается при очиншеваніи. Общія пастбища подлежатъ разверстанію по просьбѣ какой-нибудь изъ сторонъ. И взысканіе чиншей, и продажа съ торговъ пользовладѣнія участками производятся только судебнымъ порядкомъ. Очиншеваніе возлагалось на особыя уѣздныя делегаціи, подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ.

По указамъ 19 февраля 1864 г., всякіе поселенцы, безъ разбора состояній и вѣроисповѣданій—кметы, рольники, полурольники, колонисты, огородники, коморники, халупники—становятся собственниками, съ отмѣною всѣхъ ихъ повинностей и съ вознагражденіемъ помѣщиковъ прямо изъ казны 4% ликвидаціонными листами и съ обложеніемъ такихъ крестьянъ особымъ поземельнымъ налогомъ. Размѣръ цѣны выкупа опредѣляется капитализаціею чинша изъ 6%. Изъ капитализированной такимъ образомъ суммы повинностей 1/3 вычитается въ пользу крестьянъ, а 2/3 выплачиваются помѣщику. Поселенцы-собственники получаютъ право на разработку рудниковъ въ своихъ надѣлахъ; права̀ охоты, рыбной ловли и пропинаціи (выдѣлки и продажи питей) предоставляются не единолично каждому, но сельскимъ обществамъ. Крестьянству въ совокупности предоставлено право соискательства пользовладѣнія пустопорожними мѣстами, причемъ установлено, что при равныхъ условіяхъ между соискателями первенство предоставляется поселянину того же селенія передъ постороннимъ, безземельному передъ осѣдлымъ, а изъ осѣдлыхъ тому, кто имѣетъ одну усадьбу передъ имѣющимъ и усадьбу, и пашню.

Весьма глубокую новую черту въ помѣщичьей собствен-

ности образовали въ указахъ 19 февраля 1864 г. законоположенія о сервитутахъ. Употребленіе ихъ открывало большой просторъ усмотрѣнію исполнителей и служило острымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. За крестьянами обезпечены тѣ угодія, которыми они пользовались не только по письменнымъ документамъ, но хотя бы и по словеснымъ соглашеніямъ, удостовѣряемымъ свидѣтелями или по обычаю. Если бы оказалось, что крестьяне пользовались этими сервитутами до 26 мая 1846 г., а потомъ у нихъ эти сервитуты были отняты, то права эти на угодья возстановляются.

Такъ какъ узелъ крестьянскаго вопроса разрубался въ самомъ разгарѣ еще не вполнѣ потушеннаго революціоннаго движенія, то о разрѣшеніи споровъ по системѣ Вѣлёпольскаго судебнымъ путемъ не могло быть и рѣчи. Рѣшителями споровъ являлись органы, которые въ Имперіи назывались мировыми посредниками, а въ Царствѣ Польскомъ — комиссарами, по свойству самаго своего призванія крестьянофилы, расположенные дѣйствовать тенденціозно въ пользу крестьянъ. Самъ Милютинъ не скрывалъ въ письмѣ къ женѣ, отъ 25 октября 1865 г., своихъ надеждъ: „при помощи какой-нибудь сотни честныхъ и умныхъ людей можно было бы передъ лицомъ всей латинской и шляхетской Польши поднять весьма быстро этотъ угнетенный народъ, который можетъ послужить, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, твердою опорою“ (A. Leroy Beaulieu, „Un homme d'état russe“, p. 217).

Легче было содѣйствовать подъему матеріальной стороны быта крестьянъ, нежели организовать эту сыпучую массу надѣляемыхъ землею поселенцевъ безконечно различнаго происхожденія, никогда не дѣйствовавшихъ сообща и не имѣющихъ ни малѣйшихъ представленій о томъ, что̀ такое міръ, тягло, поруха, круговая отвѣтственность, общинное владѣніе. Съ 1807 г. не существовало крѣпостничества, не было прикрѣпленія лица къ землѣ, а такъ какъ народъ былъ сравнительно культурнѣе, чѣмъ въ Россіи, то приходилось людямъ разнаго происхожденія и богатства сходиться на основаніи равноправности на разныхъ поприщахъ дѣятельности общественной безъ всякихъ сословныхъ средостѣній. Притомъ, начало общинной всесословной организаціи положено было Наполеономъ при образованіи княжества варшавскаго. Край раздѣленъ на департаменты, департаменты на уѣзды, уѣзды на коммуны или гмины, въ гминахъ учреждены мэры съ приставленными къ нимъ муниципальными совѣтами. При образованіи въ 1815 году Царства Польскаго

изъ княжества варшавскаго мэры переименованы въ *войтовъ* (Vogte). Такъ какъ послѣ 1831 г., при кн. Паскевичѣ и директорѣ комиссіи внутреннихъ дѣлъ П. Мухановѣ, управленіе было не то что консервативное, но реакціонное и даже, по нашимъ понятіямъ, крѣпостническое, то уже подъ русскимъ владычествомъ, въ особенности послѣ 1831 года, и подъ вліяніемъ русскихъ управителей, постепенно состоялось предоставленіе помѣщикамъ власти вотчинно-полицейской надъ поселенными у нихъ крестьянами. Помѣщикъ ipso jure дѣлался войтомъ въ гминѣ; гдѣ было въ гминѣ нѣсколько селеній, тамъ бывалъ войтомъ одинъ изъ помѣщиковъ, а если онъ не могъ исправлять функцій войта, то ставился, по его указанію, наемный его замѣститель. Попытки избіенія шляхты крестьянами въ Австріи въ 1846 г., по наущенію агентовъ демократической партіи польскаго выходства, заставили русское правительство положить предѣлъ обезземеленію крестьянъ закономъ 26 мая 1846 г., но безобразія вотчинной полиціи и юстиціи продолжались. Маркизъ Вѣлёпольскій предположилъ вполнѣ измѣнить этотъ порядокъ въ своемъ проектѣ гминнаго устройства, который не былъ приведенъ въ исполненіе по воспослѣдовавшему въ 1863 году мятежу. Проектъ маркиза былъ замѣчательно хорошъ. Гмина предположена всесословная. Въ гминныхъ сходахъ должны были участвовать по цензу землевладѣнія всѣ помѣщики и всѣ крестьяне осѣдлые на участкахъ, имѣющихъ болѣе трехъ морговъ, по цензу доходности квартиранты въ домахъ и капиталисты, а по цензу образованія духовныя лица, учителя, литераторы, артисты. Функціи схода ограничивались только выборами въ гминныя должности. Выборное управленіе должно было состоять изъ войта и изъ гминнаго совѣта. Войтъ изъ кончившихъ курсъ наукъ, по крайней мѣрѣ, въ четырехклассномъ уѣздномъ училищѣ, назначался правительствомъ изъ трехъ представляемыхъ по выбору схода кандидатовъ. Ему подчинены солтысы по отдѣльнымъ селеніямъ. Гминный совѣтъ изъ десяти человѣкъ собирается четырежды въ году на сессіи, подъ предсѣдательствомъ войта, и дѣлаетъ постановленія, которыя могутъ быть опротестованы начальникомъ уѣзда. Всѣ сословія пріобщались въ гминномъ совѣтѣ къ общественному самоуправленію и получали въ немъ гражданскую выправку. Общины въ томъ видѣ, какъ она задумана въ проектѣ Вѣлёпольскаго, Россія не имѣетъ; отсутствіе ея составляетъ слабую сторону нашего земскаго устройства, начинающаго общину со слишкомъ крупной единицы—уѣзда. Оно

Въ виду особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось Царство Польское при введеніи въ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 г., была создана тогда цѣлая система временныхъ установленій для ихъ осуществленія на мѣстѣ дѣйствія, безъ сношенія съ Петербургомъ и безъ обращенія къ законодательной власти. Установленъ *Учредительный Комитетъ*, устроенный коллегіально, подъ предсѣдательствомъ намѣстника изъ лицъ, или государемъ назначенныхъ, или особо приглашаемыхъ каждый разъ по касающимся ихъ дѣламъ: генералъ-полицеймейстеръ, директоры правительственныхъ комиссій, члены ликвидаціонной комиссіи; наконецъ, въ качествѣ докладчиковъ и съ правомъ только совѣщательнаго голоса—предсѣдатели крестьянскихъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. На „Учредительный Комитетъ" возложено развитіе указовъ 19 февраля 1864 года, разрѣшеніе всѣхъ возникающихъ вопросовъ и недоумѣній, а также изданіе правилъ и инструкцій. Далѣе, установлена ликвидаціонная комиссія для производства операціи выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Въ каждой губерніи заведены комиссіи (отъ одной до четырехъ) по крестьянскимъ дѣламъ, изъ предсѣдателя, его товарища и нѣсколькихъ комиссаровъ (отъ четырехъ до восьми). Учредительному Комитету предоставлено допускать въ эти комиссіи уѣздныхъ начальниковъ. На комиссіи возложены повѣрка и исправленіе представленныхъ помѣщиками ликвидаціонныхъ табелей и наблюденіе за дѣйствіями сельскихъ и гминныхъ обществъ и властей.

VII.

Вопросъ о томъ, имѣлъ ли В. А. Арцимовичъ прямое участіе въ законодательной работѣ по составленію указовъ 19-го февраля 1864 года, долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Н. А. Милютинъ былъ гораздо ближе знакомъ съ Самаринымъ и Черкасскимъ, нежели съ Арцимовичемъ; по его рекомендаціи Я. И. Ростовцеву, они были приглашены въ редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу, въ качествѣ членовъ экспертовъ, гдѣ и работали вмѣстѣ съ Милютинымъ. Послѣ увольненія Н. А. Милютина они пошли въ мировые посредники. Высочайшая командировка Арцимовича въ Варшаву послѣдовала 28-го августа 1863 г., а первое представленіе Милютина Государю — 31-го августа, послѣ чего Милютинъ вызвалъ на совѣщаніе Самарина и Черкасскаго. Окончательное Высочайшее назначеніе Милютина состоялось 11-го сентября 1863 г., съ широкими и неопредѣ-

дворенную въ Имперіи по „Положенію 19 февраля 1861 г.". Не трудно было образовать, по образцу русскихъ, польскія сельскія общества изъ однихъ крестьянъ съ сельскими сходами изъ крестьянъ-землевладѣльцевъ и выборными солтысами, вмѣсто сельскихъ старостъ. Но какъ справиться съ волостью? Пересадка ея оказалась невозможною, во-первыхъ, потому, что войтъ не то что волостной старшина, онъ—невыдѣлимое изъ государственной администраціи послѣднее ея звено, представитель правительства передъ осѣдлыми въ гминѣ людьми всякихъ состояній; и во-вторыхъ, потому что кодексъ Наполеона уже перемололъ съ 1808 г. всѣ состоянія, само дворянство превратилось въ титулъ и стало миѳомъ, и имѣлось налицо бытовое, а не юридическое дѣленіе людей на разныя профессіи по роду занятій. Изъ какихъ бы то ни было людей въ извѣстной мѣстности можно образовать бюрократически устроенный полицейскій участокъ. Проектъ Вѣлёпольскаго тѣмъ былъ хорошъ, что упорядочивалъ уже существующую, ведущую свое хозяйство и самоуправляющуюся гмину, которая составляла, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый òрганъ государственнаго сосредоточенія людей. Милютинъ поставленъ былъ въ необходимость заимствовать кое-что изъ проекта Вѣлёпольскаго, но значительно его обрѣзалъ и исказилъ. По политическимъ соображеніямъ онъ исключилъ изъ схода все духовенство, устранилъ также всю интеллигенцію и представителей капитала. Онъ образовалъ сходъ изъ однихъ только землевладѣльцевъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, на условіяхъ полнаго равенства, причемъ, конечно, первый изъ этихъ элементовъ былъ подавленъ и прижатъ, вслѣдствіе численнаго превосходства второго. Въ Имперіи даже и волостной сходъ составляется не изъ домовладѣльцевъ, а изъ выборныхъ, по одному изъ десяти дворовъ, а по указамъ 19 февраля 1864 г. гминный сходъ составляютъ всѣ домохозяева, владѣющіе землею въ размѣрѣ не менѣе трехъ морговъ. Этотъ сходъ собирается подъ открытымъ небомъ не менѣе четырехъ разъ въ году, не только для выбора должностныхъ лицъ и кандидатовъ въ войты, но и для постановленій о всѣхъ хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлахъ гмины. Отъ гминнаго войта не требуется даже, чтобы онъ былъ грамотенъ. На должность войта избираются два кандидата; одного изъ нихъ опредѣляетъ уѣздный начальникъ, который, однако, въ правѣ забраковать обоихъ и назначить новые выборы. Гминные войты непосредственно подчинены уѣзднымъ начальникамъ. Они могутъ быть удаляемы губернаторомъ и временно пріостанавливаемы въ исправленіи должности уѣзднымъ начальникомъ.

Въ виду особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось Царство Польское при введеніи въ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 г., была создана тогда цѣлая система временныхъ установленій для ихъ осуществленія на мѣстѣ дѣйствія, безъ сношенія съ Петербургомъ и безъ обращенія къ законодательной власти. Установленъ *Учредительный Комитетъ*, устроенный коллегіально, подъ предсѣдательствомъ намѣстника изъ лицъ, или государемъ назначенныхъ, или особо приглашаемыхъ каждый разъ по касающимся ихъ дѣламъ: генералъ-полицеймейстеръ, директоры правительственныхъ комиссій, члены ликвидаціонной комиссіи; наконецъ, въ качествѣ докладчиковъ и съ правомъ только совѣщательнаго голоса—предсѣдатели крестьянскихъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. На „Учредительный Комитетъ“ возложено развитіе указовъ 19 февраля 1864 года, разрѣшеніе всѣхъ возникающихъ вопросовъ и недоумѣній, а также изданіе правилъ и инструкцій. Далѣе, установлена ликвидаціонная комиссія для производства операціи выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Въ каждой губерніи заведены комиссіи (отъ одной до четырехъ) по крестьянскимъ дѣламъ, изъ предсѣдателя, его товарища и нѣсколькихъ комиссаровъ (отъ четырехъ до восьми). Учредительному Комитету предоставлено допускать въ эти комиссіи уѣздныхъ начальниковъ. На комиссіи возложены повѣрка и исправленіе представленныхъ помѣщиками ликвидаціонныхъ табелей и наблюденіе за дѣйствіями сельскихъ и гминныхъ обществъ и властей.

VII.

Вопросъ о томъ, имѣлъ ли В. А. Арцимовичъ прямое участіе въ законодательной работѣ по составленію указовъ 19-го февраля 1864 года, долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Н. А. Милютинъ былъ гораздо ближе знакомъ съ Самаринымъ и Черкасскимъ, нежели съ Арцимовичемъ; по его рекомендаціи Я. И. Ростовцеву, они были приглашены въ редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу, въ качествѣ членовъ экспертовъ, гдѣ и работали вмѣстѣ съ Милютинымъ. Послѣ увольненія Н. А. Милютина они пошли въ мировые посредники. Высочайшая командировка Арцимовича въ Варшаву послѣдовала 28-го августа 1863 г., а первое представленіе Милютина Государю — 31-го августа, послѣ чего Милютинъ вызвалъ на совѣщаніе Самарина и Черкасскаго. Окончательное Высочайшее назначеніе Милютина состоялось 11-го сентября 1863 г., съ широкими и неопредѣ-

ленными полномочіями, о которыхъ Арцимовичъ и не зналъ, вѣроятно (слова Государя: „все управленіе Царства Польскаго— въ дурномъ состояніи; ты долженъ заняться всѣмъ". См. Leroy-Beaulieu, стр. 187). Самый живой обмѣнъ мыслей между тремя сподвижниками произошелъ, вѣроятно, въ вагонѣ, на пути въ Варшаву. Съ самаго начала намѣстникъ Бергъ произвелъ на нихъ дурное впечатлѣніе, какъ уклончивый и упрямый человѣкъ, дѣйствующій безъ плана, наудачу и отстаивающій противъ реформаторовъ свою личную власть и мѣстное управленіе (A. Leroy-Beaulieu, стр. 212). Они увидѣли, что Бергъ нашелъ въ Арцимовичѣ себѣ опору, что онъ къ Арцимовичу привязался, а это и повліяло несомнѣнно на нерасположеніе ихъ ко всякой откровенности; притомъ они знали, что Арцимовичъ только и думаетъ о томъ, какъ бы скорѣе убраться изъ Варшавы. Съ начала ноября закипѣла работа въ Брюлевскомъ дворцѣ, гдѣ помѣстились сотрудники, надъ соображеніями о будущихъ реформахъ, для представленія ихъ Государю. Сотрудники дали себѣ слово держать выработанное ими въ полнѣйшемъ секретѣ до доклада Милютина Государю. Въ особый комитетъ для обсужденія проектовъ Милютина по крестьянской реформѣ Царства Польскаго, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина, Милютинъ предложилъ ввести князя Черкасскаго и Арцимовича, но въ письмѣ своемъ къ Черкасскому, отъ 25-го декабря 1863 г. (L.-B., стр. 234), онъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку, поясняющую настоящія причины этого приглашенія: „Я счелъ полезнымъ настаивать (на приглашеніи Арцимовича), потому что оставить его въ сторонѣ — значило бы то же, что отбросить его въ лагерь противниковъ". Замѣтимъ, что Арцимовичъ получилъ въ Петербургѣ окончательное назначеніе въ Варшаву до 8-го ноября, а Милютинъ возвратился въ Петербургъ только 26-го ноября 1863 года. Замѣченное Арцимовичемъ отсутствіе откровенности повело къ нѣкоторому охлажденію его отношеній къ Милютину, объясненіе котораго имѣется въ письмѣ шурина Арцимовича, Владиміра Михайловича Жемчужникова, изъ Москвы, отъ 24-го августа 1864 г., проливающемъ яркій свѣтъ на всѣ послѣдующія столкновенія противоположныхъ мнѣній въ средѣ учредительнаго комитета.

„Теперь, пишетъ В. Жемчужниковъ, я даю отчетъ о моемъ разговорѣ съ Милютинымъ. Разговоръ начался вопросомъ о впечатлѣніи, произведенномъ Варшавою. Я налегалъ, что не вижу *системы*, и потому тѣмъ менѣе могу оправдывать средства суровыя и не обѣщающія пользы. Онъ развивалъ свою

систему, состоящую въ извѣстныхъ тебѣ средствахъ обезсиленія *двигающихъ* слоевъ общества и усиленія *консервативныхъ*. Я замѣтилъ на это, что, если принимаемыя имъ мѣры составляютъ у него послѣдствіе системы, то на мѣстѣ онѣ представляются лишь послѣдствіемъ страстнаго озлобленія противъ поляковъ, и въ примѣръ приводилъ Черкасскаго; онъ оправдывалъ Черкасскаго, но когда на другой день случилось мнѣ говорить одному съ его женою, то она благодарила меня за то, что я спорилъ съ ея мужемъ, и на сомнѣніе мое въ пользѣ этого отвѣтила, что почти всѣ говорящіе съ Милютинымъ или молчатъ, если не сочувствуютъ ему, или же безусловно соглашаются, и что онъ самъ находитъ Черкасскаго неподходящимъ для занимаемой имъ роли. Изъ послѣдующихъ моихъ разговоровъ съ Милютинымъ я заключилъ, что Черкасскій нуженъ ему, какъ человѣкъ, неспособный снисходить къ полякамъ. Письмо Кошелева о согласіи съ тобою произвело на Милютина дурное впечатлѣніе. Онъ заподозриваетъ его въ подлащиваніи къ Бергу; я это опровергалъ рѣшительно, доказывая, что онъ работаетъ добросовѣстно, хотя, вѣроятно, и изъ эгоистическихъ цѣлей, и что подозрѣнія Милютина о подлащиваніи къ Бергу положительно неосновательны. Милютинъ возобновилъ этотъ разговоръ еще разъ и, кажется, убѣдился, что взглядъ мой на Кошелева вѣренъ. Меня, разумѣется, интересовали его отношенія къ тебѣ; поэтому, когда онъ замѣтилъ мнѣ однажды, что я пропитался твоими взглядами, я отвѣтилъ, что *сочувствую* имъ, но *умственно* нерасположенъ пристать къ тебѣ, потому что ты *не противопоставляешь* своей системы той, которую проводитъ Милютинъ; но мнѣ кажется, однако, что вы оба могли бы и должны бы быть въ болѣе тѣсныхъ служебныхъ отношеніяхъ, чѣмъ находитесь, и что мнѣ, при любви къ тебѣ и уваженіи къ вамъ обоимъ, просто досадно видѣть, какъ вы мало согласились между собою и идете совсѣмъ особнякомъ. Онъ обвиняетъ тебя, что ты отстранился отъ дѣла при самомъ его началѣ, оставивъ Варшаву тогда, когда Милютинъ съ Самаринымъ и Черкасскимъ только стали обобщать свои наблюденія и собранные матеріалы и обдумывать планъ дѣйствій. Онъ видитъ въ этомъ, будто ты полагалъ, что избавишься такимъ образомъ отъ назначенія въ Варшаву. „Но, говоритъ онъ, я самъ ни за что не хочу служить въ Варшавѣ и съумѣлъ обставить себя такъ, что мнѣ даже не рѣшились предложить это настойчиво, а Викторъ Антоновичъ поставилъ себя только еще въ худшее положеніе". По словамъ Милютина, вотъ почему отъ тебя скрывалось крестьянское дѣло: такъ какъ

ты самъ отъ него отстранился, и оно было обдумано окончательно безъ тебя въ Варшавѣ и особенно дорогой оттуда, то онъ, для произведенія бо̀льшаго эффекта и предупрежденія противодѣйствія, рѣшился вообще никому, кромѣ Государя, ни слова не говорить о томъ, что̀ *тебѣ, быть можетъ*, и сказалъ бы, если бы ты самъ спросилъ его, но ты, пріѣзжая къ нему, *выжидалъ*, что онъ самъ все скажетъ, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать, хотя и понималъ, что ты этого ждешь. Я попрежнему налегалъ на то, что, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ съ тобою подробно и обстоятельно объясниться впредь относительно принимаемыхъ мѣръ и предположеній; что отчужденіе между вами просто дико, непріятно и тягостно; что, во всякомъ случаѣ, вы оба знаете другъ друга довольно, чтобы взаимно уважать себя въ полной мѣрѣ и потомъ совѣщаться. Онъ отвѣтилъ, что вражды между вами никакой нѣтъ, что очень любитъ и уважаетъ тебя, объясниться съ тобою былъ бы готовъ и радъ, но что ты самъ какъ будто не желаешь этого, не дѣлаешь ни малѣйшей уступки, и что, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ начать ранѣе, чѣмъ видѣлъ бы желаніе съ твоей стороны. Въ третье мое посѣщеніе завелся между нами разговоръ по этому же предмету, и онъ сказалъ, что объясняться вамъ, повидимому, нечего, что ты, вѣроятно, очень хорошо понимаешь его систему, и что, несмотря на всѣ его попытки, не хотѣлъ до сихъ поръ сдѣлать уступки въ *главномъ*: ты хочешь дѣйствовать на *юридической* почвѣ, а онъ призналъ необходимымъ, чтобы и исполнители имѣли въ виду *политическую* цѣль, потому что на юридической почвѣ поляки насъ всегда надували. Послѣ этого я увидѣлъ окончательно, что уступки приходится сдѣлать *ему*, если бы ты и одобрилъ его систему въ главныхъ чертахъ. Я напомнилъ ему, что характеръ твоего дѣйствія въ Варшавѣ совершенно тотъ же, каковъ былъ въ Калугѣ — тамъ и здѣсь ты борешься за то, чтобы законъ выполнялся серьезно, безъ произвола. Тамъ Валуевъ и партія гнули въ одну сторону, теперь Милютинъ и партія гнутъ въ другую... Между прочимъ, я объяснялъ, что все творящееся въ Варшавѣ, не столько по существу, сколько по духу исполненія, до того противно твоему направленію и убѣжденію, что ты бы вышелъ въ отставку, если бы не семья, на содержаніе которой нѣтъ у тебя собственныхъ средствъ. Это онъ принялъ очень хорошо и просилъ уговорить тебя не выходить въ отставку и выждать еще *какой-нибудь годъ*. Вотъ его слова: „Я положительно знаю теперь, что насъ обоихъ спровадили въ Варшаву за крестьянское дѣло, чтобы сбыть съ рукъ и повредить намъ.

Мнѣ удалось передѣлать интригу, а Арцимовичъ попался, но если онъ пробудетъ еще хотя одинъ годъ, то я положительно говорю, что, если не захочетъ оставаться тамъ, его сдѣлаютъ здѣсь членомъ государственнаго совѣта"... Въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго — постоянные противники Милютина, бездарный Валуевъ и Панинъ, но противодѣйствіе Панина ограничивается только тѣмъ, что онъ каждый разъ старается устранить отвѣтъ Милютина Валуеву; Милютинъ же этому не поддается, каждый разъ рѣжетъ Валуева; тотъ же отступаетъ, и всѣ соглашаются. За Милютина постоянно Чевкинъ. Вообще, сила Милютина заключается въ томъ, что онъ овладѣлъ польскимъ вопросомъ шире другихъ (и онъ это очень хорошо понимаетъ и этимъ пользуется). Онъ представилъ планъ, знаетъ подробности, которыя другимъ неизвѣстны, и потому *ведетъ* другихъ. Война съ нимъ возможна, только не по частнымъ мѣрамъ, а въ цѣлой системѣ: вотъ мое убѣжденіе".

Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковъ дѣйствовалъ самолично, безъ всякаго намека или порученія отъ Виктора Антоновича Арцимовича, который въ письмѣ къ женѣ, 10 августа 1864 г., выражается такимъ образомъ: „Изъ письма отца (т.-е. сенатора М. Н. Жемчужникова) вижу, что онъ придаетъ особое значеніе бесѣдѣ брата Владиміра съ Милютинымъ. Это просто частное свиданіе. Я не уполномочивалъ Володю вести разговоръ отъ моего имени, и, слѣдовательно, его воззрѣнія принадлежатъ ему одному".

Бесѣда эта обнаруживаетъ, однако, наглядно, что между Милютинымъ и Арцимовичемъ была полная рознь почти во всемъ, за исключеніемъ крестьянскаго вопроса, въ которомъ они наладились дѣйствовать за-одно; что эта рознь усиливалась и превращалась изъ щели въ обрывъ, изъ обрыва—въ пропасть. Она обнаруживалась во всемъ, касающемся преобразованія польскаго общества мѣрами правительства, призвавшаго ихъ обоихъ на эту работу. Одинъ изъ нихъ стоялъ твердо и дѣйствовалъ, такъ сказать, какъ судья; другой же мало заботился о правовой сторонѣ дѣла, о его законности, а намѣчалъ себѣ политическія цѣли, къ которымъ онъ стремился, пользуясь возбужденными польскимъ движеніемъ національными стремленіями въ Россіи, и вспахивалъ возможно глубже польскую почву радикальнѣйшими мѣрами и пріемами. Рознь эта не ограничивалась почвою идеи, она захватывала область чувствъ и отталкивала бывшихъ пріятелей другъ отъ друга нравственно. Она была сильнѣе воли каждаго изъ нихъ, заставляла ихъ впослѣдствіи судить другъ о

другѣ строго и сурово, подозрѣвать себя взаимно и бороться другъ съ другомъ на общественномъ и служебномъ поприщѣ. Откровенными они не могли быть, въ особенности Милютинъ. Арцимовичъ оставался въ полномъ невѣдѣніи о цѣляхъ Милютина, о возложенныхъ на него порученіяхъ и задачахъ. Онъ ничего не зналъ о томъ, что еще въ сентябрѣ 1863 г., до пріѣзда Милютина въ Варшаву, гдѣ его поджидалъ Арцимовичъ, Милютину была дана чрезвычайная миссія: „ознакомясь съ дѣлами Царства Польскаго и изучивъ на мѣстѣ положеніе тамошняго гражданскаго управленія, составить ближайшія *соображенія*, какъ о мѣрахъ къ успокоенію края, такъ и о дальнѣйшемъ его устройствѣ“ (всеподд. записка Милютина 21 дек. 1863 г., приведенная Д. Г. Анучинымъ въ его статьѣ о графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ въ „Русской Старинѣ“ 1893 г., № 1). Арцимовичъ не былъ посвященъ въ совѣщанія пріѣхавшаго въ октябрѣ 1863 г. Милютина съ намѣстникомъ, относительно учрежденія „временнаго военно-полицейскаго управленія“ (статья Анучина, стр. 77). Наконецъ, и по отношенію къ учредительному комитету, и по приступу къ крестьянской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ Милютинъ, устроившій этотъ комитетъ по своей идеѣ, но не пожелавшій въ него вступить на постоянную работу и занявшій самостоятельный постъ въ качествѣ статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго въ Петербургѣ, избралъ главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ своихъ намѣреній не Арцимовича и даже не князя Черкасскаго, а новое лицо — именно Якова Александровича Соловьева, управлявшаго до конца 1863 г. земскимъ отдѣломъ. Со времени вступленія Соловьева въ должность члена комитета, завѣдывающаго его дѣлами, Арцимовичъ очутился по отношенію къ нему въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ. Переписка Милютина съ Яковомъ Соловьевымъ началась съ письма Милютина изъ Варшавы 23 марта 1864 г., напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., № 2, стр 390. Оно до того характерно, что я привожу его цѣликомъ.

„Надѣюсь, что вы получили посланные мною указы и матеріалы по польскому крестьянскому дѣлу. Это—первый шагъ къ реформамъ, съ ясно сознанною цѣлью *поднять и поставить на ноги угнетенную массу*, противопоставить ее *олигархіи*, которою проникнуты *до сихъ поръ всѣ польскія учрежденія*. Съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ возможности выполнить эту программу.

„*Современемъ* въ самой Польшѣ можно будетъ найти дѣятельные элементы, чтобы на нихъ опереться, но *теперь* пока

нужны *русскіе дѣятели* и необходимы не только вслѣдствіе ненормальнаго положенія края, но и по причинѣ совершеннаго отсутствія организаторскихъ способностей у поляковъ *внѣ ихъ отжившихъ традицій.* Эта способность проснется въ нихъ только тогда, когда связь съ этой традиціей порвется, и явится на сцену новый, невѣдомый въ польской исторіи дѣятель—народъ.

„Могу ли я не вспомнить о васъ, осужденнаго на бездѣйствіе, когда является такая настоятельная надобность въ сильныхъ и энергическихъ распорядителяхъ.

„Вы знаете, что здѣсь образованъ учредительный комитетъ. Его задача—не только вести крестьянское дѣло (въ этомъ отношеніи онъ будетъ играть роль русскаго Главнаго Комитета), но и разработать, а потомъ ввести всѣ прочія *органическія преобразованія* въ Царствѣ. Теперь пока онъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, только изъ двухъ лицъ: Арцимовича и Черкасскаго. Если вы согласитесь принять званіе члена, то *отъ васъ зависѣло бы все дѣло.* Никто изъ членовъ не завѣдуетъ дѣлами Комитета. Въ нашихъ понятіяхъ *коллегіальное* обсужденіе полезно только для важнѣйшихъ законодательныхъ и высшихъ административныхъ вопросовъ. Распорядительная власть должна принадлежать члену, завѣдывающему дѣлами комитета. *Конфликтовъ быть не можетъ* потому, что комитету положительно подчинены комиссіи (министерства) и всѣ распорядительныя власти. Нынѣ формируются 14 мѣстныхъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, для которыхъ избраны уже 44 человѣка въ Россіи и 21 офицеръ изъ здѣшней арміи—юноши болѣе развитые.

„Вы вѣрно спросите, почему я самъ не принимаю этой роли. Не говоря уже о семейномъ положеніи, Государю угодно назначить меня въ польскій комитетъ при немъ, безъ котораго не могли бы осуществиться задуманныя преобразованія. Къ Святой я долженъ возвратиться въ С.-Петербургъ. Отказъ вашъ будетъ сильнымъ ударомъ для дѣла. Не пугайтесь незнаніемъ польскаго языка. Звѣрь не такъ страшенъ, какъ кажется вдали".

Въ этомъ письмѣ Милютинъ высказался вполнѣ опредѣленно, со всѣми качествами своего ума и характера. Онъ не стоитъ за денаціонизированіе поляковъ. Въ своей объяснительной запискѣ, 22-го мая 1864 г., объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ, онъ открещивается отъ мысли „обрусить поляковъ искусственными мѣрами, такъ какъ подъ полнымъ даже наружнымъ обрусѣніемъ можетъ скрываться непримиримая вражда къ Россіи". Онъ признаетъ, что результаты тридцати-

лѣтней (съ 1831 г.) системы правительственнаго абсолютизма въ Польшѣ были плохіе и не оправдали ожиданій. Изъ письма видно, что онъ задумалъ „поднять и поставить массу простонародья". Она-то и будетъ новый польскій народъ, невѣдомый еще теперь, а возможный только современемъ, но когда именно— того ни онъ, ни кто бы то ни было не можетъ еще опредѣлить. Возлагая всѣ надежды на грядущее, на далекое будущее, Милютинъ удаляетъ отъ всякой дѣятельности служебной, т.-е. той именно, какую онъ имѣлъ въ виду въ моментъ, когда писалъ, всѣхъ поляковъ повально и безъ всякаго ихъ разбора. Они, по его приговору, лишены всякихъ организаторскихъ способностей внѣ своихъ олигархическихъ традицій. Односторонность такихъ сужденій поразительна. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка Россія могла похвалиться только одною реформою, а именно—крестьянскою. Въ другихъ отношеніяхъ она уступала Царству Польскому. И по части администраціи, и по части суда Царство Польское было культурнѣе Россіи. Оно произвело такого блистательнаго администратора и финансиста, какъ князь Ксаверій Друцкій-Любецкій. Оно изобиловало образованнѣйшими чиновниками-техниками по всѣмъ частямъ управленія. Всѣ задуманныя Вѣлёпольскимъ реформы, которыя осуществлялись при ихъ посредствѣ, были по духу своему нисколько не олигархическія, а нѣкоторыя изъ нихъ были несомнѣнно демократичнѣе, нежели Милютинскія — напримѣръ, гминное устройство. Гмина, по плану Вѣлёпольскаго, была всесословная,— между тѣмъ, у Милютина она вышла только двусословная и односторонне-землевладѣльческая.

Знаніе предмета, умѣлость въ разрѣшеніи задачъ, техническая подготовка нисколько, повидимому, не затрудняли Милютина, когда онъ писалъ къ Я. Соловьеву, 22-го сентября 1864 г. („Русская Старина" 1884, № 6, стр. 58): „Нужно всѣми силами увеличить нашу маленькую гражданскую армію въ Варшавѣ, надо образумить поляковъ и обуздать шайки интригановъ, которыя плодятся около графа Берга. Эти люди (даже наименѣе блистательные и способные) будутъ все-таки *полезнѣе* и *способнѣе* мѣстныхъ корифеевъ. Нужно людей вполнѣ свѣдущихъ по юридической части, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, способныхъ подчиниться *политической* идеѣ, которая должна господствовать надъ идеальными юридическими началами... Мнѣ нужно благонадежныхъ русскихъ юристовъ-практиковъ (теоретиковъ, въ родѣ Сергѣя Заруднаго, я ужасно боюсь)". Спрашивается: чтó же новое задумывалъ создать Милютинъ посредствомъ этого, далеко не перво-

сортнаго личнаго состава, набраннаго съ трудомъ изъ всякихъ странъ Россіи, изъ этихъ людей, пришлыхъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ условіями страны, которыхъ пригласили образовывать ее? Изъ всѣхъ реформъ Александра II, кромѣ крестьянской, оглашена была въ то время только одна, 1-го января 1864 г.— о земскихъ учрежденіяхъ. Она не была еще испробована. О примѣненіи ея къ Царству Польскому не могло еще быть и помину. Городовое Положеніе состоялось только 16-го іюня 1870 г.— въ томъ же году, въ которомъ былъ закрытъ и учредительный комитетъ (18-го ноября 1870 г.), за два года до смерти Милютина (26-го января 1872 г.). Самая существенная послѣ крестьянской, видоизмѣняющая до основанія весь общественный бытъ, судебная реформа была только въ ходу и Высочайше утверждена лишь 20-го ноября 1864 г.; но сама вдова Милютина, по второму мужу г-жа Стиль, сообщившая письма Милютина „Русской Старинѣ“ (1884 г., № 6), предваряетъ въ выноскѣ на стр. 592, что Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій не одобряли судебныхъ уставовъ и надѣялись избѣгнуть того, что̀ считали ошибочнымъ въ этихъ уставахъ, въ своемъ польскомъ проектѣ, который предполагали составить, но не составили. Судебные уставы казались имъ слишкомъ либеральными. Такъ какъ преобразователи не располагали ничѣмъ пригоднымъ для введенія въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ Положенія о крестьянахъ, то всякая ломка съ ихъ стороны, безъ приступа къ новой постройкѣ, была бы безцѣльною, лишнею и неосмысленною. Не только у нихъ не было программы для преобразованій, но не было и средствъ дѣйствія на общество, которое имъ приходилось преобразовывать—кромѣ чисто механическихъ.

Что касается Н. А. Милютина, то все его прошедшее было только бюрократическое. Въ письмѣ 23-го сентября 1864 г. онъ дѣлаетъ замѣчательное, по своей откровенности, признаніе, что коллегіальное обсужденіе вопросовъ въ „нашихъ понятіяхъ“ (т.-е. его лично и Соловьева)—не нужное и лишнее; что, въ сущности, весь трудъ преобразованія имъ вдвоемъ по силамъ: онъ, Милютинъ, будетъ преобразовывать Царство Польское изъ Петербурга, а его *alter ego*, Соловьевъ, будетъ единоличнымъ распорядителемъ въ учредительномъ комитетѣ, стоящимъ надъ правительственными комиссіями, или министерствами, и дѣйствующимъ безъ всякихъ съ кѣмъ бы то ни было конфликтовъ. Послѣ того вполнѣ понятно, почему идея Милютина о созданіи правительственными мѣрами изъ польскаго крестьянства новаго польскаго народа, отрѣшеннаго отъ высшихъ слоевъ польскаго

общества, испорченныхъ олигархическими традиціями, осталась чѣмъ-то совсѣмъ мертвымъ и къ дѣйствительности неприложимымъ. По естественному ходу событій, та численно увеличивающаяся армія пришлыхъ чиновниковъ, исключительно русскаго происхожденія, обособленныхъ среди мѣстнаго населенія и не позволяющихъ себѣ даже учиться мѣстному языку, должна была силою вещей образовать станъ обрусителей среди непріятельской страны, поставленной, такъ сказать, на военномъ положеніи.

Такимъ образомъ, начинался повторительный опытъ той же самой системы, полную безплодность которой признавалъ самъ Милютинъ за весь предшествовавшій 30-лѣтній періодъ (1831—1863). Второй, повторительный опытъ длится съ 1863 г. четвертый десятокъ лѣтъ и составляетъ мертвое, потерянное время для русской политики въ Царствѣ Польскомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно господствовать одною внѣшностью въ покоренной странѣ, но нельзя въ ней утвердиться, не подготовивъ предварительно въ средѣ мѣстнаго населенія приверженцевъ изъ людей, безусловно убѣжденныхъ въ необходимости строгой законности, не заинтересовавъ лучшіе культурные элементы мѣстнаго населенія въ соединеніи своей судьбы съ судьбою цѣлаго государства, а эта послѣдняя задача осуществима только при полномъ отказѣ отъ преобладанія политической идеи надъ „идеальными юридическими началами".

Въ тотъ моментъ, когда начиналась размолвка между Милютинымъ и Арцимовичемъ, превратившаяся потомъ въ очевидную рознь, еще не предвидѣлось вполнѣ ясно, куда поведетъ та или другая политика, но и Арцимовичъ, и братья Жемчужниковы, съ которыми Арцимовичъ породнился, чувствовали непреодолимое отвращеніе къ М. Н. Муравьеву, и къ М. Н. Каткову, и къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", между тѣмъ какъ Милютинъ уже согласовался во многомъ съ Муравьевымъ, который былъ главнымъ его противникомъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи. Брезгливость Арцимовича проистекала не только отъ одного того, что онъ по происхожденію своему былъ полякъ, но она была раздѣляема и тѣмъ отборнымъ меньшинствомъ изъ чистокровныхъ русскихъ людей, которые никогда не могли помириться съ доходившими до жестокости проявленіями возбужденнаго польскимъ мятежемъ русскаго патріотизма. Для поясненія приведу отрывокъ изъ письма Алексѣя Жемчужникова, отъ 16-го мая 1864 г., къ В. А. Арцимовичу:

„Ничто не можетъ быть несчастнѣе и грустнѣе національной вражды. Она — источникъ пристрастія и колебанія въ убѣжде-

ніяхъ. Русскіе въ Польшѣ и поляки въ Россіи должны дѣйствовать одинаково справедливо и безпристрастно. Изъ вражды къ полякамъ, точно такъ же, какъ и изъ пристрастія къ нимъ, выйдетъ не дѣло, а — употребляя самое умѣренное слово — *дрянь*, и притомъ личная. Этимъ путемъ не дѣло дѣлается, а разрушается честное имя и созданная репутація. Основные принципы должны быть непоколебимы и одни и тѣ же и въ Россіи, и въ Польшѣ. Надѣюсь, что твоя правдивость и твое честное имя будутъ внѣ нападокъ легкомыслія и клеветы, этихъ двухъ главныхъ элементовъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей".

IX.

Новый періодъ въ жизни В. А. Арцимовича начался 13 марта 1864 г., съ пріѣзда его въ Варшаву въ страстную пятницу (по западно-европейскому стилю) и продолжался до сентября 1865 г., когда, убѣдившись въ невозможности принести какую-либо пользу на своемъ служебномъ посту, онъ подалъ прошеніе объ обратномъ его переводѣ на службу въ Имперію, въ октябрѣ 1865 года. Арцимовичъ поселился на отведенной ему казенной квартирѣ въ одномъ изъ флигелей такъ называемаго намѣстниковскаго дворца на Краковскомъ-предмѣстьѣ, у входа въ который лежатъ каменные львы, и высится нынѣ громадная бронзовая статуя князя Паскевича-Эриванскаго. Его пріѣздъ почти совпалъ съ заарестованіемъ послѣдняго состава народнаго ржонда, съ Траугутомъ во главѣ (Рафаилъ Краевскій, Точисскій, Іезеранскій, Жулинскій). Всѣ эти пять человѣкъ были повѣшены въ августѣ 1864 г.

Арцимовичъ мало интересовался послѣдними проявленіями угасающаго движенія. Матеріальный порядокъ былъ уже возстановленъ на улицѣ, открывались театры, давались усердно первые оффиціальные балы и вечера. Арцимовичу приходилось постоянно работать съ намѣстникомъ; съ нимъ онъ состоялъ въ полномъ ладу. Семидесятилѣтній старикъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, былъ стараго закала генералъ и администраторъ въ духѣ Николаевской эпохи (см. въ „Русской Старинѣ" 1893 г., съ января по апрѣль, статьи Д. Г. Анучина). Въ душѣ своей онъ былъ прежде всего балтикъ, стоящій за обособленность остзейскихъ провинцій, совсѣмъ не полонофилъ, но человѣкъ, готовый отстаивать мѣстныя особенности, которыхъ нарушеніе на берегахъ Вислы могло бы послужить прецедентомъ и для

остзейскаго края. До мозга костей консерваторъ, Бергъ, по своему темпераменту, былъ прямою противоположностью Милютину и всей системѣ мѣропріятій Милютина, которыя, по выраженію Анучина, были совершенно революціоннаго характера и своею властностью и рѣшительностью не соотвѣтствовали взглядамъ намѣстника. Бергъ не отказался бы отъ многихъ изъ нихъ, но исполнилъ бы ихъ не во всей полнотѣ и съ дипломатическою изворотливостью, щадящею побѣжденнаго врага. Самъ Н. А. Милютинъ, по словамъ Анучина, признавалъ за Бергомъ одно высокое достоинство: „лучшаго исполнителя, какъ Бергъ, я не знаю и не желаю; онъ протестуетъ, убѣждаетъ, пишетъ массу писемъ, но разъ дѣло кончено, исполняетъ его твердо и безъ всякой задней мысли". По странному стеченію обстоятельствъ, этому послѣднему намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ приходилось хоронить собственными руками автономію края, которую отстаивали всѣ намѣстники, и подводить Царство Польское подъ одинъ знаменатель съ другими областями Имперіи, подъ общія губернскія учрежденія, съ обыкновеннымъ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Бергъ имѣлъ громадное преимущество передъ другими усмирителями западной окраины Имперіи, заключающееся въ томъ, что былъ лично безстрастенъ, не допускалъ ненужной ломки и былъ расположенъ къ употребленію на переустройство края мѣстныхъ способныхъ чиновниковъ, вышколенныхъ на прусскій манеръ, или юристовъ, знающихъ кодексъ Наполеона, то-есть вообще людей, помогавшихъ и Вѣлёпольскому въ его неудавшихся опытахъ преобразованія.

Арцимовичу пришлось дѣйствовать въ коллегіальныхъ установленіяхъ: въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго, въ совѣтѣ управленія, въ учредительномъ комитетѣ и во множествѣ спеціальныхъ комиссій, устраиваемыхъ для какихъ-нибудь особыхъ задачъ.

Совѣтъ управленія (rada administracyjna) соотвѣтствовалъ комитету министровъ Имперіи. По упраздненіи конституціи 1815 г., послѣ 1831 г. въ немъ сосредоточивалось все подчиненное намѣстнику отдѣльное административное управленіе Царствомъ Польскимъ. Онъ состоялъ изъ директоровъ правительственныхъ комиссій, или министерствъ, предсѣдателя высшей счетной палаты и изъ лицъ по особому Высочайшему назначенію. Предметами вѣдомства совѣта управленія были текущія дѣла по управленію, требующія совмѣстнаго дѣйствія разныхъ вѣдомствъ.

Другое коллегіальное установленіе, въ которомъ Арцимовичъ былъ вице-президентомъ, постоянно замѣщавшимъ въ немъ пре-

идента-намѣстника, былъ особый государственный совѣтъ Царства Польскаго, имѣющій свою специальную, довольно длинную исторію. Учредилъ его сначала Наполеонъ, какъ составитель конституціи для княжества варшавскаго, 22 іюня 1807 года (art. 4—18). По конституціи, пожалованной Александромъ I Царству Польскому 15 ноября 1815 г., установленъ государственный совѣтъ изъ министровъ и лицъ по Высочайшему назначенію, подраздѣляющійся на общее собраніе и совѣтъ управленія (ст. 65), который подготовлялъ законодательные проекты для сейма, собирающагося разъ въ два года, исправлялъ нѣкоторыя судебныя функціи и разбиралъ жалобы на административныя власти. Послѣ повстанья 1830 г., повлекшаго за собою отмѣну конституціи, по органическому статуту 14 февраля 1832 г. совѣтъ управленія выдѣленъ изъ государственнаго (ст. 22), но предположено, что государственный совѣтъ для Царства Польскаго останется въ Варшавѣ, и что онъ будетъ состоять изъ чиновниковъ, присутствующихъ въ немъ по должности, и изъ членовъ по назначенію, постоянно или временно назначаемыхъ (ст. 28). Но это предположеніе не осуществилось, и по указу сентября 1841 г. найдено несовмѣстнымъ съ положеніемъ края имѣть особый государственный совѣтъ въ Царствѣ. Судебныя его функціи переданы въ общее собраніе варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената (9 и 10). Законопроекты, поступающіе отъ намѣстника, должны были вноситься въ особый департаментъ для дѣлъ Царства Польскаго, въ составѣ общаго государственнаго совѣта Имперіи. Эти законопроекты подлежали подготовкѣ для доклада въ особой кодификаціонной комиссіи Царства Польскаго при II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Когда въ 1862 г. начались при намѣстникѣ князѣ Горчаковѣ въ Варшавѣ безпорядки, то, до вступленія еще маркиза Вѣлёпольскаго на государственную службу, первая идея намѣстника для умиротворенія края состояла въ полномъ осуществленіи неисполненнаго совсѣмъ органическаго статута 14 февраля 1832 года. Первымъ пунктомъ объявленныхъ намѣстникомъ марта 1861 года такъ называемыхъ концессій было учрежденіе государственнаго совѣта, въ составъ котораго должны были войти именитые граждане-нотабли, по назначенію правительства. Этотъ государственный совѣтъ, открытый при намѣстникѣ Сухозанетѣ, не имѣлъ ни малѣйшихъ признаковъ представительства страны. Маркизъ Вѣлёпольскій, въ бытность свою начальникомъ гражданскаго управленія, старался пополнить его не

На разстояніи прошедшихъ съ тѣхъ поръ тридцати лѣтъ— послѣ того, какъ и государственный совѣтъ Царства Польскаго, и учредительный комитетъ канули въ вѣчность, и Царство Польское подведено, съ немногими исключеніями, подъ Екатерининское общее губернское учрежденіе XVIII вѣка, сужденіе о томъ, кто изъ спорящихъ былъ правъ, можетъ показаться несовременнымъ и неинтереснымъ. Однако, въ историческомъ изслѣдованіи по источникамъ подобный взглядъ былъ бы, несомнѣнно, крайне поверхностный. Для исторіи нѣтъ несовременныхъ вопросовъ, давнопрошедшее всегда отражается въ позднѣйшихъ временахъ своими послѣдствіями; значитъ, существенно важно знать, предвидѣли ли сошедшіе со сцены дѣятели эти послѣдствія, и предполагали ли они ихъ осуществить. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что, впредь до упраздненія въ законодательномъ порядкѣ государственнаго совѣта Царства Польскаго, отношеніе къ нему намѣстника Берга и Арцимовича было правильнѣе, нежели отношеніе къ нему Милютина. Въ 1864 г. еще въ свѣжей памяти у всѣхъ былъ Высочайшій рескриптъ изъ Ливадіи, 30 октября 1863 г., которымъ не отмѣнялись, а только откладывались предначертанныя преобразованія въ Царствѣ Польскомъ на лучшія времена. Затѣмъ послѣдовала командировка Милютина въ Царство Польское, подача имъ всеподданнѣйшей записки 21 декабря 1863 года (Анучинъ въ „Русск. Старинѣ", въ статьѣ о Бергѣ, за январь, стр. 37). Допустимъ, что Государь склонился къ идеѣ Милютина о совершенномъ упраздненіи автономіи Царства Польскаго. Это рѣшеніе не могло быть никому въ Варшавѣ извѣстно; притомъ оно не предрѣшало другого вопроса о будущемъ устройствѣ Царства, то-есть о введеніи въ немъ того отжившаго до-реформеннаго порядка, который въ самой Имперіи считался анахронизмомъ, и надъ кореннымъ измѣненіемъ котораго работали и работаютъ донынѣ непрестанно, но безуспѣшно многочисленныя комиссіи. До выработки программы и плана будущаго устройства логика и чувство законности требовали, чтобы неотмѣненныя еще установленія продолжали дѣйствовать и исполнять возложенныя на нихъ функціи, въ ожиданіи успокоенія края. Если бы государственный совѣтъ Царства Польскаго просуществовалъ еще до успокоенія края, можно было бы ожидать, что это установленіе останется. Оно было чисто административное, состоящее изъ заслуженныхъ людей, назначаемыхъ правительствомъ, знакомыхъ съ нуждами и особенностями края, и полезное по своимъ заключеніямъ по части законодательныхъ преобразованій и по част

возбуждать вопросы объ измѣненіи и дополненіи законовъ и разсматривать жалобы на всѣхъ чиновниковъ, служащихъ въ Царствѣ, въ томъ числѣ и на министровъ. Подобная власть не нравится Черкасскому и его пріятелямъ, и они стараются, при содѣйствіи Милютина, ослаблять и колебать всѣ права совѣта. Графъ Бергъ и я не трогаемъ этого учрежденія, впредь до уясненія и улучшенія положенія края. Милютинъ старается сосредоточить всѣ дѣла въ учредительномъ комитетѣ, и ему помогаетъ въ томъ польскій комитетъ (въ С.-Петербургѣ). Въ учредительномъ комитетѣ преобладаютъ сторонники Милютина".

Въ черновыхъ прошеніяхъ о своей отставкѣ Арцимовичъ писалъ: „Дѣйствуя въ государственномъ совѣтѣ, подъ непосредственнымъ вашимъ (гр. Берга) руководствомъ, весьма осмотрительно, не возбуждая никакихъ дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду указъ Его Императорскаго Величества, я не могъ не охранять, хотя наружно, порядокъ и права, освященные Монаршею санкціею. Этого было достаточно, чтобы въ непосредственныхъ своихъ товарищахъ, явно высказывающихъ презрѣніе къ государственному совѣту, какъ учрежденію, въ которомъ сидятъ еще мѣстные жители поляки, возбудить неудовольствіе и нареканія, что я поддерживаю польское учрежденіе и не содѣйствую его окончательному уничтоженію"... Еще обстоятельнѣе переписка Арцимовича съ его тестемъ, сенаторомъ Жемчужниковымъ. 14 февраля 1865 г. Арцимовичъ писалъ: „Бергъ не пользуется довѣріемъ Императора, но это не мѣшаетъ ему оставаться намѣстникомъ и сохранять вліяніе на общій ходъ дѣлъ управленія. Черкасскій и Соловьевъ пріѣхали отнимать права у поляковъ, а я назначенъ вице-предсѣдателемъ польскаго государственнаго учрежденія. Роль наша неодинакова. Черкасскій, напримѣръ, не желалъ бы, чтобы въ государственномъ совѣтѣ разсматривались жалобы на комиссію внутреннихъ дѣлъ, и принимались прошенія отъ частныхъ людей по дѣламъ, уже разсматривавшимся въ совѣтѣ управленія. Я доказалъ, что не могу самовольно ограничивать права государственнаго совѣта. Послѣ долгихъ споровъ и преній графъ Бергъ рѣшился удержать порядокъ, прежде существовавшій. Надѣюсь на Милютина. Черкасскій вмѣшивается во всѣ дѣла, дѣйствуетъ на мѣстѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ, заискиваетъ у всѣхъ сильныхъ — словомъ, идетъ такимъ путемъ, по которому я слѣдовать за нимъ не могу. Очень можетъ быть, что онъ восторжествуетъ, но часто лучше быть побѣжденнымъ и сохранить достоинство человѣка и уваженіе къ своимъ правиламъ".

только одними чиновниками, достигш[illegible] [illegible]цати лѣтъ—
знатнѣйшими мѣстными обывателям[illegible] [illegible] Польскаго,
обыкновенно къ назначенію ихъ вре[illegible] [illegible] Поль-
дарственный совѣтъ. Вѣлёпольскій [illegible] [illegible]трализи-
формъ поддержки въ краѣ. Когд[illegible] [illegible]ніе о томъ,
движеніе въ апрѣлѣ и маѣ 186[illegible] [illegible] несовре-
временныхъ членовъ государстве[illegible] [illegible]омъ наслѣдо-
объ отставкѣ, въ видѣ демонстр[illegible] [illegible]ы, несомнѣнно,
продолжалъ, однако, дѣйствоват[illegible] [illegible]временныхъ во-
осеннее и въ чрезвычайныя за[illegible] [illegible] въ позднѣйшихъ
готовлялись дѣла для обсужде[illegible] [illegible] существенно важно
тавшихъ отдѣленіяхъ: законо[illegible] [illegible]дѣятели эти послѣд-
номъ, спорномъ и въ от[illegible] [illegible]ществить. Съ этой точки
административныя власти, [illegible] [illegible] до упраздненія въ за-
миссій и самого намѣстни[illegible] [illegible]наго совѣта Царства Поль-
торовъ комиссій, графъ [illegible] [illegible] Берга и Арцимовича было
ложенія края, пріостано[illegible] [illegible] нему Милютина. Въ 1864 г.
шеній и жалобъ, по ко[illegible] [illegible] былъ Высочайшій рескриптъ
совѣта управленія, ли[illegible] [illegible] г., которымъ не отмѣнялись,
имѣлъ обязанность ра[illegible] [illegible]чертанныя преобразованія въ Цар
ежегодные отчеты ко[illegible] [illegible] времена. Затѣмъ послѣдовала кома
нистративной юсти[illegible] [illegible] Царство Польское, подача имъ всеподан
отдавалъ подъ суд[illegible] [illegible]ября 1863 года (Анучинъ въ „Русск.
министровъ и кон[illegible] [illegible] Бергѣ, за январь, стр. 37). Допустимъ,

Одна изъ гла[illegible] [illegible] къ идеѣ Милютина о совершенномъ
лютинымъ и его [illegible] Царства Польскаго. Это рѣшеніе не могло
отношеніи къ го[illegible] [illegible] извѣстно; притомъ оно не предрѣшало
мовичъ писал[illegible] [illegible] будущемъ устройствѣ Царства, то-есть о вве-
мнѣ совершен[illegible] [illegible] отжившаго до-реформеннаго порядка, кото-
мовичъ счита[illegible] [illegible] считался анахронизмомъ, и надъ корен-
и его сторо[illegible] [illegible] котораго работали и работаютъ донынѣ не
ществующе[illegible] [illegible]сенно многочисленныя комиссіи. До выра-
его безъ [illegible] [illegible] плана будущаго устройства логика и чув-
задачи у[illegible] [illegible] требовали, чтобы неотмѣненныя еще установле-
тетѣ. За[illegible] [illegible]ѣйствовать и исполнять возложенныя на нихъ
вича, [illegible] [illegible] успокоенія края. Если бы государствен-
или [illegible] [illegible] Царства Польскаго просуществовалъ еще до успокое-
свои [illegible] [illegible] можно было бы ожидать, что это установленіе оста-
вице-[illegible] [illegible] было чисто административное, состоящее изъ заслу-
вни[illegible] [illegible] людей, назначаемыхъ правительствомъ, знакомыхъ съ
пра[illegible] [illegible] и особенностями края, и полезное по своимъ заклю-
об[illegible] [illegible] по части законодательныхъ преобразованій и по части

...нистраціей края. Для губерній Царства Поль... ...пользою замѣнять I-й департаментъ Пра... ...нѣ и въ самой Имперіи ставится ...политической, а только админи... ...ношенія всепоглощающаго центра ...атрофированнымъ конечностямъ, ...органы не все прибирали въ свои ...ывается то, что теченіе дѣлъ страшно ...ются поздно и безъ надлежащаго зна... ...ра. Упраздненіе государственнаго совѣта ...представлялось еще въ 1864 году оче... ...съ нимъ можно было не торопиться и по...

X.

...болѣе заботъ и непріятностей причинила Арцимо... ...го рода дѣятельность его, а именно участіе въ каче... ...въ учредительномъ комитетѣ. Милютинъ появлялся ...шавѣ изрѣдка и только на самое короткое время: пріѣхалъ ...послѣднихъ числахъ марта, уѣхалъ 25 апрѣля 1864 г.; ...пріѣхалъ 26 іюня и пробылъ только до іюля, торопясь ...льну, гдѣ долженъ былъ дожидаться съ своими докладами ...го въ Германію Государя. Хлопотъ было бездна; количе... ...работы, отбываемой съ напряженіемъ, громадное. Каждый ...приходилось ложиться спать въ три или четыре часа ночи. ...лѣ потушенія мятежа, писалъ Арцимовичъ женѣ (*6 іюня ...г.*), всѣ умничаютъ—тысячи плановъ ломки. Въ безвоз...омъ пространствѣ легко созидаются всевозможныя комби... ...административныхъ организацій или, лучше сказать, пере...вокъ". (*27 іюня 1864 г.*). „Не могу перемѣнить ни об...ельствъ, ни моего личнаго расположенія или, лучше ска... ...настроенія. Безъ сомнѣнія, я переживаю самый трудный ...дъ въ моей жизни". (*29 іюня 1864 г.*). „Больше и больше ...даюсь, что въ Варшавѣ нельзя устроиваться". (*19 іюля ...г.*). „Служба въ Варшавѣ до крайности непрочная. Не ...ю о себѣ, но даже и намѣстники перемѣняются безпре...о. Партія истребительная, во главѣ которой стоитъ Му...въ, сильно дѣйствуетъ противъ Берга. Объ этомъ громко ...ятъ въ Варшавѣ".

...о пріѣздѣ въ Варшаву Арцимовичъ нашелъ учредительный ...тетъ открытымъ, но еще неустроеннымъ и неукомплекто...

разныхъ министерствъ-дирекцій. Знаніе польскаго языка, бывшаго до того времени дѣловымъ въ Царствѣ Польскомъ, значительно помогало Арцимовичу въ его работахъ. Особеннымъ довѣріемъ его пользовался по этой части человѣкъ, съ которымъ онъ сблизился въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго, весьма способный и талантливый статсъ-референдарій Людвигъ Штуммеръ.

Къ концу лѣта личный составъ учредительнаго комитета значительно увеличился назначеніемъ новыхъ членовъ. Прежде другихъ назначенъ хорошій знакомый и пріятель Арцимовича по Москвѣ, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, пріѣхавшій еще въ іюнѣ и занявшій должность директора въ комиссіи финансовъ. Арцимовичъ отмѣтилъ въ письмѣ къ женѣ (16 іюля 1864 г.): „Сидѣлъ у меня Кошелевъ; и голосъ, и смѣхъ его меня восхищаютъ. Онъ очень доволенъ, что попалъ въ организаторы страны, которой не знаетъ и, вѣроятно, никогда не узнаетъ!..“ Затѣмъ назначены Яковъ Соловьевъ и, по выбору намѣстника, бывшій минскій военный губернаторъ Заболоцкій и бывшій подольскій губернаторъ Брауншвейгъ. О Соловьевѣ имѣются только краткія отмѣтки въ письмахъ Арцимовича къ женѣ: онъ былъ въ Варшавѣ съ 14-го по 17-е мая 1864 г., проѣздомъ изъ Парижа въ Петербургъ; его угощали обѣдами Бергъ, Черкасскій и Арцимовичъ, у котораго обѣдало двѣнадцать человѣкъ. „Сужденіями Соловьева я доволенъ“, замѣчаетъ Арцимовичъ.

Первыя засѣданія въ новомъ комплектѣ начались въ августѣ 1864 года. *4 августа* пишетъ Арцимовичъ: „возвратился изъ учредительнаго комитета; все обошлось довольно хорошо“. *23 августа*: „Сегодня было продолжительное засѣданіе и, по обыкновенію, споръ съ Черкасскимъ. Были у меня Кошелевъ, кн. Черкасскій и Соловьевъ. Мы толковали о разныхъ дѣлахъ, высказывали другъ другу многія истины и разошлись безъ непріязни“. *29 августа* Арцимовичъ сообщаетъ женѣ о пожалованіи ему ордена Владиміра 2-й степени: „итакъ, еще однимъ наружнымъ украшеніемъ больше“. *7 сентября* онъ пишетъ: „Соловьевъ прихворнулъ; онъ совершенно теряется и сдѣлался до крайности раздражителенъ, на многое смотритъ съ канцелярской точки зрѣнія и самолюбивъ до-нéльзя“.

Наше повѣствованіе доведено теперь до момента, когда отношенія между Соловьевымъ и сторонниками Милютина съ одной стороны, и Арцимовичемъ—съ другой обострились и стали крайне непріязненны. Этотъ моментъ совпалъ съ переселеніемъ въ Варшаву семьи Арцимовича, проживавшей въ Москвѣ и посели-

ежденіе чисто-административное, и всѣ совѣщанія происхо- въ немъ келейно. Такъ какъ почти всегда можно найти ованіе, давшее поводъ къ слуху, то я и догадываюсь, что ъ можетъ быть послѣдствіемъ довольно горячей бесѣды въ у чиновниковъ и военныхъ, приглашенныхъ въ предсѣда- крестьянскихъ комиссій. На этой бесѣдѣ присутствовали ругіе члены учредительнаго комитета. Я говорилъ о необхо- ости ограничивать личный произволъ исполнителей, о пользѣ льныхъ пріемовъ при исполненіи новаго закона, о вредѣ по- стыхъ дѣйствій, и проч. Такъ какъ окружающіе высказыва- въ противномъ смыслѣ, то, несмотря на мою сдержан- ь, я невольно воодушевился. Поясняю фактъ, не придавая впрочемъ, здѣсь, на мѣстѣ, никакого значенія".

1 іюня 1864 г. Арцимовичъ писалъ женѣ: „Въ настоящее я все дѣло (въ учредительномъ комитетѣ) лежитъ на Чер- омъ и на мнѣ. Работать трудно, помощниковъ почти нѣтъ. Черкасскимъ мы видимся ежедневно, очень часто и много уемъ, но тяжело дѣйствовать въ такой сферѣ, гдѣ нѣтъ ни- го твердаго устоя. Кто не носитъ въ себѣ, въ своихъ убѣж- іяхъ, твердыхъ основаній, тотъ подвергается безпрерывно ис- ніямъ самоуправія". Не все шло гладко. 14 мая Арци- чъ пишетъ женѣ: „Былъ занятъ и встрѣтилъ непріятности— столкновенія, которыя отразились, по обыкновенію, на ногѣ". недѣли спустя, 1 іюня 1864 г., Арцимовичъ пишетъ, что ы кончились сдѣлкою посредствомъ уступокъ. „Послѣ силь- ъ передрягъ, не получившихъ огласки, общіе государствен- виды побороли всѣ личныя столкновенія, и дѣло подвигается, что будетъ дальше—неизвѣстно. Какъ примѣнятся къ дѣлу е члены?" Арцимовичъ поздоровѣлъ, и боль въ ногѣ пре- илась. Между тѣмъ, онъ успѣлъ наладить тѣ работы, кото- послужили къ устроенію крестьянъ и поступили потомъ либо учредительный комитетъ, либо въ государственный совѣтъ ства Польскаго. Образована, подъ предсѣдательствомъ Арци- ча, особая комиссія изъ двухъ, кромѣ него, членовъ комитета разбора прошеній и жалобъ, подаваемыхъ на крестьянскія ссіи и комиссаровъ. Она должна была сама кончать всѣ по вопросамъ, разрѣшаемымъ указами 19 февраля 1864 г., осить въ общее собраніе комитета только случаи спорные, и законами не предусмотрѣнные (постановленіе 4 іюня 1864 г.). а же подъ руководствомъ Арцимовича образовано множе- разныхъ комиссій по спеціальнымъ вопросамъ, въ каковыя ссіи онъ привлекалъ мѣстныхъ служащихъ поляковъ отъ

разныхъ министерствъ-дирекцій. Знаніе польскаго языка, бывшаго до того времени дѣловымъ въ Царствѣ Польскомъ, значительно помогало Арцимовичу въ его работахъ. Особеннымъ довѣріемъ его пользовался по этой части человѣкъ, съ которымъ онъ сблизился въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго, весьма способный и талантливый статсъ-референдарій Людвигъ Штуммеръ.

Къ концу лѣта личный составъ учредительнаго комитета значительно увеличился назначеніемъ новыхъ членовъ. Прежде другихъ назначенъ хорошій знакомый и пріятель Арцимовича по Москвѣ, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, пріѣхавшій еще въ іюнѣ и занявшій должность директора въ комиссіи финансовъ. Арцимовичъ отмѣтилъ въ письмѣ къ женѣ (16 іюля 1864 г.): „Сидѣлъ у меня Кошелевъ; и голосъ, и смѣхъ его меня восхищаютъ. Онъ очень доволенъ, что попалъ въ организаторы страны, которой не знаетъ и, вѣроятно, никогда не узнаетъ!..“ Затѣмъ назначены Яковъ Соловьевъ и, по выбору намѣстника, бывшій минскій военный губернаторъ Заболоцкій и бывшій подольскій губернаторъ Брауншвейгъ. О Соловьевѣ имѣются только краткія отмѣтки въ письмахъ Арцимовича къ женѣ: онъ былъ въ Варшавѣ съ 14-го по 17-е мая 1864 г., проѣздомъ изъ Парижа въ Петербургъ; его угощали обѣдами Бергъ, Черкасскій и Арцимовичъ, у котораго обѣдало двѣнадцать человѣкъ. „Сужденіями Соловьева я доволенъ“, замѣчаетъ Арцимовичъ.

Первыя засѣданія въ новомъ комплектѣ начались въ августѣ 1864 года. *4 августа* пишетъ Арцимовичъ: „возвратился изъ учредительнаго комитета; все обошлось довольно хорошо“. *23 августа*: „Сегодня было продолжительное засѣданіе и, по обыкновенію, споръ съ Черкасскимъ. Были у меня Кошелевъ, кн. Черкасскій и Соловьевъ. Мы толковали о разныхъ дѣлахъ, высказывали другъ другу многія истины и разошлись безъ непріязни“. *29 августа* Арцимовичъ сообщаетъ женѣ о пожалованіи ему ордена Владиміра 2-й степени: „итакъ, еще однимъ наружнымъ украшеніемъ больше“. *7 сентября* онъ пишетъ: „Соловьевъ прихворнулъ; онъ совершенно теряется и сдѣлался до крайности раздражителенъ, на многое смотритъ съ канцелярской точки зрѣнія и самолюбивъ до-нéльзя“.

Наше повѣствованіе доведено теперь до момента, когда отношенія между Соловьевымъ и сторонниками Милютина съ одной стороны, и Арцимовичемъ—съ другой обострились и стали крайне непріязненны. Этотъ моментъ совпалъ съ переселеніемъ въ Варшаву семьи Арцимовича, проживавшей въ Москвѣ и поселив-

ıейся во флигелѣ намѣстниковскаго дворца. Сначала Анна Миайловна Арцимовичъ, урожденная Жемчужникова, пріѣхала въ Заршаву одна на короткое время повидаться съ мужемъ, въ онцѣ іюля 1864 г. Она очутилась въ Варшавѣ въ тотъ моентъ, когда объявленъ былъ приговоръ о смертной казни для яти человѣкъ послѣдняго состава народнаго ржонда съ Траутомъ во главѣ. Она была сильно взволнована этимъ событіемъ, отораго никакъ не ожидала, потому что считала Варшаву и рай совсѣмъ успокоенными. Въ этотъ самый моментъ сдѣлалъ й визитъ намѣстникъ, графъ Бергъ, и засталъ ее одну. Анна Іихайловна не могла совладать со своими скорбными чувствами стала просить намѣстника со слезами о пощадѣ и помиловаіи. Графъ Бергъ заѣхалъ на нѣсколько минутъ, но пробылъ, спокоивая ее, болѣе часа. Приговоръ не могъ не быть исполенъ, но вскорѣ послѣ отъѣзда жены, 5 августа 1864 г., Викэръ Антоновичъ писалъ къ ней: „Ты такъ горячо, смѣло и еожиданно для меня ратовала съ графомъ Бергомъ противъ іертной казни, что я спѣшу сообщить тебѣ новость. Твой проıвникъ отступилъ отъ своихъ, казавшихся непреложными, заıленій и изъ трехъ вновь осужденныхъ на смерть повѣсилъ ılько одного, а двухъ, по прочтеніи имъ смертнаго приговора, ростили“... Съ переселеніемъ на постоянное жительство въ аршаву семейства В. А. Арцимовича изсякъ самый обильный сточникъ данныхъ для изображенія дѣятельности его за поıѣдніе мѣсяцы 1864 г. и почти за весь 1865-й годъ: прератилась переписка. Общее понятіе о родѣ этой дѣятельности о ея результатахъ даютъ оставшіяся въ его бумагахъ черноıя замѣтки, письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату воему Алексѣю, написанное по просьбѣ мужа и почти подъ го диктовку, и пространное письмо Виктора Антоновича, отъ 4 февраля 1865 г., къ своему тестю, сенатору М. Н. Жемужникову. Постараюсь изложить по этимъ даннымъ отношеніе 3. А. Арцимовича къ осуществляемой въ Царствѣ Польскомъ крестьянской реформѣ.

XI.

Сенаторъ Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ исправлялъ въ Правительствующемъ Сенатѣ ту самую должность, которая потомъ возложена была и на В. А. Арцимовича, а именно старшаго члена или первоприсутствующаго въ первомъ департаментѣ Сената. Письма свои къ тестю Арцимовичъ подписывалъ

обыкновенно такъ: „полонъ сыновней любви“. Онъ безконечно дорожилъ добрымъ мнѣніемъ и благорасположеніемъ тестя. Онъ опасался, какъ бы на М. Н. Жемчужникова не подѣйствовали ложные слухи изъ Варшавы о томъ, будто бы онъ измѣняетъ русскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ, будто бы онъ становится на сторону поляковъ, будто бы къ нему подъѣхали и прибрали его въ свои руки знатные польскіе паны. Былъ моментъ, когда Арцимовичу показалось, что эти добрыя отношенія къ тестю поколеблены, и когда онъ предположилъ, впрочемъ ошибочно, что виновникомъ этой перемѣны былъ Милютинъ. Онъ и записалъ въ своихъ черновыхъ набросках (безъ числа): „Я все готовъ простить Милютину, но никогда ему не прощу намѣренія возбудить ссору семейную, разрушить добрыя отношенія между нами (мною и тестемъ)“. Арцимовичъ счелъ необходимымъ изложить тестю весь свой образъ дѣйствія. Таково содержаніе его письма, помѣченнаго 14 февраля 1865 г.:

„Крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ предпринята не изъ одного доброжелательства къ крестьянскому классу, но и изъ злобы и мщенія къ высшему сословію землевладѣльцевъ. Я считаю, что въ дѣлахъ государственныхъ злоба и месть дурные совѣтники. Я никогда не подчинюсь ученію іезуитовъ, для которыхъ цѣль оправдываетъ средства. Я долженъ вамъ напомнить, что въ Царствѣ Польскомъ давно уже не было крѣпостного права, не было дворянскихъ собраній, не было даже дворянскаго сословія, а были только потомки дворянъ, сохранявшіе, какъ землевладѣльцы, патримоніальную власть на своихъ земляхъ. Они злоупотребляли этою властью, притѣсняли крестьянъ, стѣсняли ихъ въ земельныхъ угодьяхъ, но это уже все кончено — крестьяне получили землю въ собственность, и патримоніальная власть уничтожена. Въ настоящее время передъ государственными людьми являются два класса землевладѣльцевъ: 1) владѣльцы большой собственности и 2) крестьяне-владѣльцы малой собственности. Спрашивается: слѣдуетъ ли, устраивая малую собственность, разрушать безвозвратно хозяйство большой собственности? Съ своей стороны, я отвѣчаю рѣшительно, что подобная мѣра была бы безнравственна и даже преступна — это была бы величайшая несправедливость и ошибка въ государственныхъ видахъ. На основаніи указовъ, значительная часть земель переходитъ въ собственность не только крестьянъ, поселенныхъ на крестьянскихъ земляхъ, но и въ собственность колонистовъ, нѣмцевъ и разныхъ пришельцевъ, нанявшихъ по контрактамъ не крестьянскую, а фольварковую землю, отданную

имъ въ аренду на 5, 10, 15, 25 и т. д. лѣтъ. Словомъ, если бы я отдалъ пожалованную вамъ самарскую землю въ аренду крестьянамъ на одинъ годъ до изданія указа, то жена моя лишилась бы своего достоянія и получила бы очень незначительное вознагражденіе за эту землю. Нерѣдко случается, что помѣщикъ остается совсѣмъ безъ земли, а, между тѣмъ, на немъ лежитъ прежняя обязанность уплатить всѣ долги и, не получая чинша, оплачивать лежащія на его имѣніи подати и повинности. Выкупъ совершается въ значительной части *больше половины* насчетъ самихъ помѣщиковъ. Несмотря на уменьшеніе земель, большая собственность обложена дополнительною податью, такъ что, считая ликвидаціонный выкупной капиталъ въ 50 милліоновъ, помѣщики уплачиваютъ не менѣе 26 милліоновъ самимъ себѣ. По расчисленію приходится на каждую остающуюся у помѣщиковъ десятину уплачивать до 76 копѣекъ подати. Кромѣ того, на поземельной собственности останется до 200 милліоновъ рублей долговъ и—что̀ *самое пагубное*—право крестьянъ на лѣсные и пастбищные сервитуты въ лѣсахъ и поляхъ помѣщиковъ. Спрашивается: выдержитъ ли большая собственность всѣ эти тяжести? Ежели система Милютина, Черкасскаго и Соловьева безусловно восторжествуетъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ большихъ хозяйствъ, все придетъ въ разстройство и упадокъ. Не нужно забывать, что всѣ эти перемѣны совершаются въ такое время, когда послѣ революціи всѣ средства истощены, когда терроръ ржонда и контрибуція нашего правительства довели многихъ до совершеннаго разстройства. Нѣкоторыя коммиссіи, надѣляя крестьянъ сервитутами, возлагаютъ на помѣщиковъ обязанность давать топливо и чинить дома крестьянъ, покупая для того дрова и лѣсъ въ имѣніяхъ, гдѣ нѣтъ лѣсныхъ дачъ и никогда ихъ не было — другими словами, облагаютъ помѣщиковъ ежегоднымъ чиншемъ. Кромѣ того, всѣ избы и дома, построенные помѣщиками для батраковъ, переходятъ къ симъ послѣднимъ въ собственность, такъ что для поддержанія хозяйства нужно приступать къ постройкѣ новыхъ помѣщеній. Совокупность всѣхъ этихъ разнородныхъ причинъ заставляетъ меня дѣйствовать осмотрительно и сдерживать смѣлую односторонность моихъ товарищей. Это заставляетъ кричать, увѣрять, что я ополячился. Но я только и въ Польшѣ сохранилъ чувство справедливости и не могу допустить, чтобы мы призваны были къ разрушенію большой собственности и оставили бы послѣ себя развалины и справедливыя нареканія многихъ семействъ. Касательно моихъ отношеній къ Милютину я долженъ сказать,

что держу себя независимо, не вхожу въ канцелярскую интригу, высказываю истину не только въ комитетѣ, но и всегда, когда только представляется случай. Графъ Бергъ, окруженный происками въ С.-Петербургѣ, обращается ко мнѣ за совѣтами. Это не можетъ укрыться отъ зоркихъ глазъ Черкасскаго и даетъ поводъ къ большимъ неудовольствіямъ. Я все это предвидѣлъ и не хотѣлъ ѣхать въ Варшаву. Я долго уклонялся отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, что̀ возбудило ко мнѣ *довѣріе* на мѣстѣ и *недовѣріе* въ Петербургѣ. Что̀ изъ этого произойдетъ— трудно предвидѣть. Если эти столкновенія приведутъ къ почетной отставкѣ, то буду очень радъ и буду помогать женѣ воспитывать дѣтей".

Письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату ея Алексѣю писано въ 1865 г., повидимому въ мартѣ. Оно сообщаетъ нѣкоторыя подробности о столкновеніяхъ въ учредительномъ комитетѣ, существенно мѣшавшихъ тому, чтобы дѣла въ комитетѣ шли порядочно или, по крайней мѣрѣ, прилично. Заимствуемъ изъ этого письма нѣкоторыя мѣста. „Як. Соловьевъ хлопочетъ о томъ, чтобы сосредоточить у себя крестьянское дѣло, то-есть, хочетъ, чтобы все исходило отъ него, и чтобы всѣ думали, что онъ олицетворяетъ собою дѣло освобожденія. Онъ даже самъ увѣрился въ правдивости своего воззрѣнія и не только не терпитъ чьего бы то ни было вмѣшательства, но не допускаетъ противорѣчія. По одному дѣлу, въ которомъ мужъ не согласился съ нимъ и подалъ особое мнѣніе, Соловьевъ изъ этого мнѣнія многое выпустилъ, часть передѣлалъ, а часть исказилъ до того, что мнѣніе мужа сдѣлалось неузнаваемымъ. Соловьевъ подчинился совершенно Черкасскому и, по своей невоспитанности, не умѣлъ даже сохранить приличія формъ. Въ одномъ засѣданіи комиссіи о ликвидаціонныхъ листахъ и о правѣ третьихъ лицъ, въ которомъ, кромѣ мужа, присутствовали Кошелевъ, Черкасскій и Соловьевъ, всѣ долго спорили, не понимая дѣла и не приходя ни къ какому результату. Видя это, мужъ предложилъ собрать лучшихъ здѣшнихъ юристовъ и съ помощью ихъ уладить дѣло. Соловьевъ и отчасти Черкасскій напали за это предложеніе на мужа, который, будучи выведенъ изъ терпѣнія рѣзкостью Соловьева, сказалъ, что если бы Императоръ не хотѣлъ, чтобы они принимали въ соображеніе мѣстные обычаи и законы, то не прислалъ бы ихъ сюда, а приказалъ бы съ помощью штыковъ исполнять распоряженія, присылаемыя изъ Петербурга. Потомъ мужъ прибавилъ, что, считая необходимымъ выяснить такой важный вопросъ, несмотря на протоколъ, все-таки собе-

ретъ комиссію, трудъ которой внесетъ въ учредительный комитетъ. Онъ собиралъ ежедневно, даже по воскресеньямъ, такую комиссію и по окончаніи работы представилъ ее въ комитетъ. Сперва Соловьевъ хотѣлъ присвоить эту работу себѣ, т.-е. не включать въ журналъ, что надъ нею трудилась комиссія подъ предсѣдательствомъ мужа, который, натурально, возсталъ противъ такой утайки. Соловьевъ напечаталъ записку, но, въ пику мужу, на каждомъ шагу, кстати и некстати, 28 разъ (буквально) повторилъ: „юридическая польская комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Арцимовича". Кромѣ того, онъ снова много выпустилъ, сократилъ и видоизмѣнилъ до неузнаваемости. Поэтому можешь судить, чѣмъ занимается учредительный комитетъ. Дѣла между тѣмъ не двигаются, а предсѣдатели комиссій, напримѣръ, Пещуровъ и Долгово-Сабуровъ, жалуются на застой. Впрочемъ, многіе начали теперь понимать духъ Черкасскаго и Соловьева и отходятъ отъ нихъ. Соловьева считаютъ человѣкомъ неразвитымъ и самолюбивымъ. Черкасскаго не смѣютъ бранить гласно, какъ Соловьева, но отстаютъ отъ него. 19 февраля устроенъ былъ по подпискѣ обѣдъ, на который допущены только избранные. Обиженные этимъ, недопущенные чиновники учредительнаго комитета и другіе устроили 21 февраля, опять-таки по подпискѣ, другой обѣдъ, на который желали пригласить только одного Виктора Антоновича, но болѣе благоразумные отклонили это, боясь, что это могутъ принять за демонстрацію, и что они причинятъ мужу новыя непріятности, которыхъ и такъ уже слишкомъ много. На второмъ обѣдѣ было пятьдесятъ человѣкъ, а на первомъ всего двадцать.

„Въ учредительномъ комитетѣ былъ еще весьма горячій и по формѣ весьма грубый споръ. Соловьевъ во время засѣданія старался набросить тѣнь на мужа, не называя его, впрочемъ, по имени, что онъ хочетъ, будто бы, удалить всѣхъ русскихъ, замѣнивъ ихъ исключительно поляками, причемъ намекалъ на измѣну, и тому подобное. Соловьевъ говорилъ такимъ дерзкимъ тономъ, что мужъ замѣтилъ ему, что во время засѣданія комитета подобные споры и принятый имъ менторскій тонъ совершенно неприличны. Съ этого засѣданія мужъ вернулся во второмъ часу ночи. У меня сидѣла О. Ѳ. Кошелева. Мы вмѣстѣ ждали результата засѣданія, такъ какъ я предвидѣла, что бури не миновать. Мужъ вернулся во второмъ часу ночи. Когда онъ вошелъ ко мнѣ, то на немъ лица не было. Блѣдность его заставила меня опасаться нервнаго удара"... Конецъ письма содержитъ слѣдующее: „Теперь Милютинъ набираетъ

юристовъ изъ недавно вышедшихъ юныхъ и неопытныхъ правовѣдовъ (изъ училища правовѣдѣнія). Снаряжая ихъ на такое важное дѣло и давая имъ инструкціи, онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ Варшавѣ двѣ партіи: Черкасскаго и Арцимовича, и что онъ совѣтуетъ имъ присоединиться къ партіи Черкасскаго. Теперь между мужемъ и этими людьми возникаетъ новый споръ, вслѣдствіе того, что они, изъ нелюбви и недовѣрія къ мѣстнымъ жителямъ, хотятъ часть судебной или мировой власти на мѣстахъ передать военнымъ начальникамъ. Мужъ, безъ сомнѣнія, съ этимъ согласиться не можетъ, чтобы не увѣковѣчить въ странѣ военнаго произвола".

Крупный вопросъ, на который намекаетъ письмо, разбирался въ учредительномъ комитетѣ въ началѣ 1865 г. Обыкновенныхъ судовъ первой инстанціи, или трибуналовъ было въ Царствѣ Польскомъ только девять. Хотя указомъ 19 февраля 1864 г. объ образованіи гминнаго управленія установлены мелкіе гминные суды, но ихъ компетенція ограничена исками до 30 рублей. Между тѣмъ, участились жалобы помѣщиковъ на порубки въ лѣсахъ, на потравы полей и луговъ и на нарушенія договора личнаго найма рабочими. Такъ какъ въ то же время учредительный комитетъ поручилъ завѣдывающему его дѣлами Я. Соловьеву, по соглашенію съ генералъ-полицеймейстеромъ Треповымъ, составить инструкцію для полицейскихъ начальниковъ, то составители инструкціи признали возможнымъ предоставить долю судебной власти полицейскимъ начальникамъ, уполномочивъ ихъ рѣшать дѣла о потравахъ, порубкахъ и о наймѣ рабочихъ, когда предметъ иска превышалъ 30 рублей, но не переходилъ за 200 р., т.-е. не входилъ въ компетенцію трибуналовъ. Это предложеніе прошло въ учредительномъ комитетѣ по большинству голосовъ, несмотря на оппозицію трехъ членовъ, подавшихъ особое мнѣніе: Арцимовича, Кошелева и Брауншвейга. Вотъ что̀ писалъ объ этомъ случаѣ Арцимовичъ въ письмѣ, 7 февраля 1865 года, къ Алексѣю Жемчужникову: „Появилась уродливая мысль довѣрить дѣло чисто гражданскихъ отношеній военнымъ прапорщикамъ и поручикамъ, квартирующимъ въ Царствѣ Польскомъ. Для чего же, спрашиваю, вся строгость наказанія, удаленіе тысячей вредныхъ людей, для чего предприняты громадныя реформы? съ какою цѣлью положено начало общественному управленію, ежели власть суда по снятіи военнаго положенія должна оставаться въ рукахъ людей, не имѣющихъ пониманія условій гражданской жизни? Если подобныя мысли восторжествуютъ, то, безъ сомнѣнія, наглядно представится бездарность дѣятелей, ко-

торые, пріѣхавъ въ страну, отвернулись отъ всякихъ мѣстныхъ жителей, отталкиваютъ ихъ съ безпредѣльною злобою, не хотятъ искать опоры въ странѣ и, прикрываясь чувствомъ патріотизма, отдаютъ новыхъ собственниковъ въ зависимость грубому произволу и безначалію"... Въ черновыхъ набросках имѣется отмѣтка: „Зачѣмъ было издерживать такія огромныя суммы, вызывая насъ изъ Имперіи; можно бы поручить все дѣло генералу Бакланову (казацкій генералъ, одинъ изъ исправнѣйшихъ исполнителей мѣропріятій М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ)"…..

Письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату затрогиваетъ еще одинъ вопросъ существенный, а, можетъ быть, и самый крупный изъ числа тѣхъ, по которымъ существовало полное разномысліе между В. А. Арцимовичемъ и Милютинымъ. По этому вопросу они сталкивались другъ съ другомъ и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ. То былъ вопросъ о немедленномъ безотлагательномъ преобразованіи судебной части въ Царствѣ Польскомъ, при дружномъ содѣйствіи какъ ученыхъ юристовъ, вызванныхъ изъ Имперіи, такъ и изъ мѣстныхъ техниковъ по судебной части, изъ чиновниковъ Царства Польскаго, поляковъ.

XII.

Виктора Антоновича Арцимовича преслѣдовала неотступно идея безотлагательнаго введенія судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ. Мысль эту онъ успѣлъ внушить и намѣстнику. Вотъ что онъ писалъ въ началѣ 1865 г. къ своему товарищу по училищу правовѣдѣнія, Михаилу Евграфовичу Ковалевскому, бывшему тогда оберъ-прокуроромъ въ одномъ изъ отдѣленій 5-го департамента Правительствующаго Сената: „Вмѣстѣ съ крестьянской реформой, создающей около 500.000 новыхъ мелкихъ собственниковъ, необходимо преобразовать судоустройство и судопроизводство, сложившіяся подъ вліяніемъ представителей крупной собственности. Судъ здѣсь производится дорого и недоступно для мелкихъ классовъ народа. Этотъ порядокъ слѣдуетъ измѣнить и положить основаніе для дешеваго и, по возможности, безпристрастнаго суда. Безъ судебной реформы въ странѣ не перестанетъ владычествовать произволъ, ибо не будетъ основы, не будетъ рычаговъ и орудій для водворенія законнаго порядка. Правительство Царства оффиціально проситъ вашего содѣйствія. Съ моей стороны, обращаюсь къ вамъ съ просьбою и съ совѣтомъ, не только не уклоняться отъ участія въ хорошемъ дѣлѣ, но по

возможности облегчить затрудненія, которыя могутъ возникнуть на мѣстѣ (въ С.-Петербургѣ), въ сферахъ правительственныхъ. Поработаемъ вмѣстѣ въ хорошемъ климатѣ, и, можетъ быть, удастся намъ улучшить судъ и положить преграды развитію неправды въ области гражданскихъ отношеній пятимилліоннаго (въ то время) населенія. Страна, поставленная внѣ закона, жаждетъ и ищетъ охраны для установленія законнаго порядка. Предполагается образовать комиссію для составленія проекта преобразованія судебной части въ Царствѣ Польскомъ изъ мѣстныхъ юристовъ и русскихъ законовѣдовъ. Въ этихъ видахъ графъ Бергъ просилъ Государя о командированіи васъ, дорогой Михаилъ Евграфовичъ, Яневича-Яновскаго, Плавскаго, Тюрина и Спасовича. Плавскаго и Тюрина я не знаю, но говорили мнѣ о нихъ, какъ о людяхъ способныхъ“. Въ запискѣ, поданной намѣстнику въ октябрѣ 1864 г., названы Арцимовичемъ и лица, которыхъ предполагаютъ привлечь въ комиссію изъ юристовъ—уроженцевъ Царства Польскаго: сенаторъ Ромуальдъ Губе, составитель русскаго уложенія о наказаніяхъ 1845 года, донынѣ дѣйствующаго, Дуткевичъ, Лонцкій, директоръ комиссіи юстиціи Восинскій, статсъ-секретарь Карницкій, членъ сената Шатынскій, оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената Хвалибогъ, профессоръ варшавскаго университета Владиславъ Голевинскій, К. Малковскій. Изъ этого списка графъ Бергъ выбралъ слѣдующихъ, на которыхъ остановился: Губе, Дуткевичъ, Лонцкій и Восинскій. Въ этомъ же представленіи приведены были и тѣ вышепоименованныя лица, въ числѣ пяти, которыхъ предполагалось пригласить на ту же работу въ Варшаву изъ Петербурга. При возвращеніи императора Александра II изъ-за границы, на участкѣ пути отъ Вержболова въ Вильно, 15 октября 1864 года, намѣстникъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе въ предполагавшуюся къ учрежденію комиссію для преобразованія судебной части въ Царствѣ Польскомъ предсѣдателемъ Арцимовича и членами Губе, Лонцкаго, Дуткевича и Восинскаго. При этомъ случаѣ Бергъ подалъ три записки, которыя были Государемъ препровождены на заключеніе комитета по польскимъ дѣламъ, а слѣдовательно поступили къ Милютину. Одна изъ этихъ записокъ по формѣ своей была неудачная, если принять въ соображеніе обстоятельства того времени. Намѣстникъ ходатайствовалъ о постепенномъ ограничиваніи надзора военной власти за судами и о постепенномъ обновленіи личнаго состава судебнаго вѣдомства, вызываемаго реформами, уже осуществляемыми — крестьянскою и по необходимости предпринятою судебною. Намѣст-

определены Высочайшими повелѣніями 7-го
сентября 1864 года.
...шее повелѣніе изъяло окончательно судебную
...круга вѣдѣнія государственнаго совѣта Царства
...язало неразрывно юридическую комиссію съ учре-
комитетомъ и поставило вступленіе въ нее рус-
...товъ въ исключительную зависимость отъ Милю-
...стникъ не счелъ, однако, своего дѣла окончательно
...ымъ и своего интереса въ немъ окончательно по-
...: 9-го января 1865 г. онъ сослался, въ своемъ
...ии къ В. П. Платонову, на то, что при проѣздѣ Госу-
...ъ Петербургъ онъ уже назвалъ лицъ изъ мѣстныхъ са-
...ковъ Царства Польскаго, подлежащихъ призыву въ юриди-
...ю комиссію, которыя удостоились Высочайшаго одобренія.
просить доложить Государю о немедленномъ открытіи въ
...авѣ юридической комиссіи, ради избѣжанія потери времени,
бы до прибытія тѣхъ русскихъ юристовъ, которыхъ избра-
... командированіе еще не послѣдовали. Однимъ изъ осно-
..., приведенныхъ для подкрѣпленія этого ходатайства, было
...стоятельство, что судебные уставы для Имперіи уже обна-
...аны 20 ноября 1864 г., и что новое законодательство по
...ной части для Царства Польскаго должно заключаться въ
...ѣненіи этихъ уставовъ, которое значительно облегчается
..., что новое судоустройство и судопроизводство по уставамъ
...оября 1864 г. во многомъ сходствуютъ съ тѣмъ порядкомъ,
...ый давно уже существовалъ въ Царствѣ.
...ъ отказѣ, который послѣдовалъ и на это ходатайство на-
...ика, и который былъ ему сообщенъ Платоновымъ 28 фев-
... 1865 г., № 465, комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго
...де всего выгораживаетъ послѣдовавшее уже Высочайшее
...оленіе на назначеніе предсѣдателемъ юридической комис-
...Арцимовича и членами ея членовъ государственнаго совѣта
...тва Польскаго—Губе, Дуткевича, Лонцкаго и директора юсти-
...Восинскаго, такъ что они должны считаться утвержденными.
...атѣмъ, задаваясь вопросомъ о томъ, можетъ ли юридиче-
... комиссія не только совершать возложенное на нее пору-
..., но даже приступить къ подготовительнымъ работамъ, къ
...ру и сортировкѣ матеріаловъ, комитетъ приходитъ къ без-
...но отрицательному выводу, по соображеніямъ, не имѣю-
...ъ ничего техническаго и основаннымъ на той свойственной
...отину и нескрываемой имъ мысли, что въ работѣ по су-
...ой реформѣ политическій элементъ долженъ вполнѣ пре-

разницею, что пришлось ихъ набирать не только въ Петербургѣ, а можно было предоставить ихъ выборъ новому директору комиссіи народнаго просвѣщенія, Ѳ. Ѳ. Витте, вполнѣ знакомому съ видами правительства.

Въ сентябрѣ 1864 г. представлена была Милютинымъ записка, Высочайше одобренная 5 октября 1864 г., о работахъ бывшей кодификаціонной комиссіи Царства Польскаго, въ заключеніи которой стояло предложеніе объ образованіи особой комиссіи для пересмотра изготовленныхъ кодификаціонною комиссіею матеріаловъ и проектовъ по судебной части и для установленія новыхъ началъ будущей реформы. Казалось бы, что подобная комиссія, которой предоставлялась критическая оцѣнка матеріаловъ для будущаго законодательства, должна бы состоять изъ лицъ, годящихся для этой работы въ качествѣ техниковъ— то-есть, изъ ученыхъ, изъ настоящихъ законовѣдовъ; но Милютину было извѣстно, что такихъ людей въ данную минуту въ Россіи нельзя найти, что въ самой Россіи и для нея ихъ было весьма мало, а въ судахъ практиковались и съ каѳедръ въ университетахъ преподавались старые, отжившіе, дореформенные порядки, требующіе немедленнаго радикальнаго упраздненія. Посему Милютинъ пришелъ къ выводу, логически несогласимому съ возложенною на него задачею, котораго онъ и не пытался даже оправдывать — что юридическая комиссія должна составиться изъ лицъ, принадлежащихъ къ числу „*извѣстнѣйшихъ русскихъ практическихъ юристовъ*“. Въ концѣ предложенія прибавлено: „избраніе сихъ послѣднихъ должно быть произведено на томъ же основаніи, какъ избирались доселѣ исполнители по крестьянскому дѣлу“. Вполнѣ усвоивая себѣ взглядъ и заключенія Милютина, комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго прибавилъ отъ себя по адресу намѣстника, что опытъ непосредственнаго избранія въ Варшавѣ русскихъ юристовъ оказался неудобнымъ, такъ какъ изъ приглашенныхъ намѣстникомъ русскихъ юристовъ большинство не приняло предложеній, а нѣкоторыхъ, по прежней ихъ дѣятельности, которая не могла быть намѣстнику извѣстною, само правительство не могло командировать въ Варшаву. На основаніи этихъ заключеній комитета, послѣдовало, 22 ноября 1864 г., Высочайшее повелѣніе: порядокъ избранія и командированія русскихъ чиновниковъ въ Царствѣ Польскомъ для исполненія обязанностей, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и для занятій по преобразованію въ Царствѣ Польскомъ судебной части, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ учредительнаго комитета, оставить безъ измѣненія, на тѣхъ осно-

ваніяхъ, какія опредѣлены Высочайшими повелѣніями 7-го февраля и 23-го сентября 1864 года.

Это Высочайшее повелѣніе изъяло окончательно судебную реформу изъ круга вѣдѣнія государственнаго совѣта Царства Польскаго, связало неразрывно юридическую комиссію съ учредительнымъ комитетомъ и поставило вступленіе въ нее русскихъ юристовъ въ исключительную зависимость отъ Милютина. Намѣстникъ не счелъ, однако, своего дѣла окончательно проиграннымъ и своего интереса въ немъ окончательно потеряннымъ: 9-го января 1865 г. онъ сослался, въ своемъ отношеніи къ В. П. Платонову, на то, что при проѣздѣ Государя въ Петербургъ онъ уже назвалъ лицъ изъ мѣстныхъ сановниковъ Царства Польскаго, подлежащихъ призыву въ юридическую комиссію, которыя удостоились Высочайшаго одобренія. Онъ проситъ доложить Государю о немедленномъ открытіи въ Варшавѣ юридической комиссіи, ради избѣжанія потери времени, хотя бы до прибытія тѣхъ русскихъ юристовъ, которыхъ избраніе и командированіе еще не послѣдовали. Однимъ изъ основаній, приведенныхъ для подкрѣпленія этого ходатайства, было то обстоятельство, что судебные уставы для Имперіи уже обнародованы 20 ноября 1864 г., и что новое законодательство по судебной части для Царства Польскаго должно заключаться въ примѣненіи этихъ уставовъ, которое значительно облегчается тѣмъ, что новое судоустройство и судопроизводство по уставамъ 20 ноября 1864 г. во многомъ сходствуютъ съ тѣмъ порядкомъ, который давно уже существовалъ въ Царствѣ.

Въ отказѣ, который послѣдовалъ и на это ходатайство намѣстника, и который былъ ему сообщенъ Платоновымъ 28 февраля 1865 г., № 465, комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго прежде всего выгораживаетъ послѣдовавшее уже Высочайшее соизволеніе на назначеніе предсѣдателемъ юридической комиссіи Арцимовича и членами ея членовъ государственнаго совѣта Царства Польскаго—Губе, Дуткевича, Лонцкаго и директора юстиціи Восинскаго, такъ что они должны считаться утвержденными. Но затѣмъ, задаваясь вопросомъ о томъ, можетъ ли юридическая комиссія не только совершать возложенное на нее порученіе, но даже приступить къ подготовительнымъ работамъ, къ разбору и сортировкѣ матеріаловъ, комитетъ приходитъ къ безусловно отрицательному выводу, по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего техническаго и основаннымъ на той свойственной Милютину и нескрываемой имъ мысли, что въ работѣ по судебной реформѣ политическій элементъ долженъ вполнѣ пре-

разницею, что пришлось ихъ набирать не только въ ... нъ съ та-
а можно было предоставить ихъ выборъ новому ... что въ юри-
миссіи народнаго просвѣщенія, Ѳ. Ѳ. Витте, ... и польскій, но
съ видами правительства. ... ковъ, а только

Въ сентябрѣ 1864 г. представлена бы... русскому и
писка, Высочайше одобренная 5 октябр... всей работѣ ходъ
бывшей кодификаціонной комиссіи Цар... тридцатилѣтія
ключеніи которой стояло предложеніе ... сочувствія пре-
комиссіи для пересмотра изготовлен... дѣятелей, ибо при
миссіею матеріаловъ и проектовъ ... правительства всѣ бывшіе
новленія новыхъ началъ будущ... которыхъ производились
подобная комиссія, которой пре... только не успѣли приго-
матеріаловъ для будущаго за... удовлетворительно
изъ лицъ, годящихся для э... приведенія въ извѣстность
то-есть, изъ ученыхъ, изъ ... законодательства въ цѣ-
тину было извѣстно, что ... направленное противъ мѣст-
Россіи нельзя найти, ... основательное и, очевидно,
весьма мало, а въ су... порядокъ, существовавшій
верситетахъ препод... Польскомъ, за полный застой въ
рядки, требующіе ... этотъ застой на отвѣтствен-
сему Милютинъ ... а не поляковъ. Законода-
съ возложенною ... приуготовительнаго свойства,
даже оправды... правительства и при посред-
виться изъ ... лицъ. Къ отвѣтствен-
русскихъ ... Имперіи должно быть от-
прибавлено ... комиссіи Царства Поль-
дено на ... не изъ мѣстныхъ жителей
тели по ... руководствомъ графа Блудова. „Въ
и заклю... еще менѣе можно ожидать
прибав... сочувствія къ судебной реформѣ.
ствен... въ духѣ послѣднихъ правитель-
удоб... которыхъ мало соотвѣтствуетъ
юри... стремленіямъ мѣстныхъ чиновни-
по ... дѣйствіе крестьянской реформы при-
ни... русскимъ дѣятелямъ, что одно
В... При предстоящемъ преобразова-
2... будутъ служить судебные уставы
... и вообще необходимо имѣть по-
... сближеніе законодательства Царства
... ствомъ. Но въ то же время нельзя не
... что новые судебные уставы составлены
... въ другихъ политическихъ и

ваніяхъ, какія опредѣлены Высочайшими повелѣніями 7-го февраля и 23-го сентября 1864 года.

Это Высочайшее повелѣніе изъяло окончательно судебную реформу изъ круга вѣдѣнія государственнаго совѣта Царства Польскаго, связало неразрывно юридическую комиссію съ учредительнымъ комитетомъ и поставило вступленіе въ нее русскихъ юристовъ въ исключительную зависимость отъ Милютина. Намѣстникъ не счелъ, однако, своего дѣла окончательно проиграннымъ и своего интереса въ немъ окончательно потеряннымъ: 9-го января 1865 г. онъ сослался, въ своемъ отношеніи къ В. П. Платонову, на то, что при проѣздѣ Государя въ Петербургъ онъ уже назвалъ лицъ изъ мѣстныхъ сановниковъ Царства Польскаго, подлежащихъ призыву въ юридическую комиссію, которыя удостоились Высочайшаго одобренія. Онъ проситъ доложить Государю о немедленномъ открытіи въ Варшавѣ юридической комиссіи, ради избѣжанія потери времени, хотя бы до прибытія тѣхъ русскихъ юристовъ, которыхъ избраніе и командированіе еще не послѣдовали. Однимъ изъ основаній, приведенныхъ для подкрѣпленія этого ходатайства, было то обстоятельство, что судебные уставы для Имперіи уже обнародованы 20 ноября 1864 г., и что новое законодательство по судебной части для Царства Польскаго должно заключаться въ примѣненіи этихъ уставовъ, которое значительно облегчается тѣмъ, что новое судоустройство и судопроизводство по уставамъ 20 ноября 1864 г. во многомъ сходствуютъ съ тѣмъ порядкомъ, который давно уже существовалъ въ Царствѣ.

Въ отказѣ, который послѣдовалъ и на это ходатайство намѣстника, и который былъ ему сообщенъ Платоновымъ 28 февраля 1865 г., № 465, комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго прежде всего выгораживаетъ послѣдовавшее уже Высочайшее соизволеніе на назначеніе предсѣдателемъ юридической комиссіи Арцимовича и членами ея членовъ государственнаго совѣта Царства Польскаго—Губе, Дуткевича, Лонцкаго и директора юстиціи Восинскаго, такъ что они должны считаться утвержденными. Но затѣмъ, задаваясь вопросомъ о томъ, можетъ ли юридическая комиссія не только совершать возложенное на нее порученіе, но даже приступить къ подготовительнымъ работамъ, къ разбору и сортировкѣ матеріаловъ, комитетъ приходитъ къ безусловно отрицательному выводу, по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего техническаго и основаннымъ на той свойственной Милютину и нескрываемой имъ мысли, что въ работѣ по судебной реформѣ политическій элементъ долженъ вполнѣ пре-

обладать надъ юридическимъ. Выводъ этотъ выраженъ съ такою откровенностью, что, хотя комитетъ допускаетъ, что въ юридической комиссіи сойдутся элементы и русскій, и польскій, но не на условіяхъ равноправности членовъ-участниковъ, а только подъ условіемъ подчиненности польскаго элемента русскому и съ предоставленіемъ сему послѣднему давать всей работѣ ходъ и направленіе. По мнѣнію комитета, опытъ тридцатилѣтія (1831 — 1863) доказалъ, что нельзя ожидать сочувствія преобразованію судебной части отъ мѣстныхъ дѣятелей, ибо при всѣхъ условіяхъ и пожертвованіяхъ правительства всѣ бывшіе доселѣ комиссіи и комитеты, труды которыхъ производились единственно мѣстными дѣятелями, не только не успѣли приготовить преобразованіе, но даже и исполнить удовлетворительно предварительную матеріальную работу приведенія въ извѣстность дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ законодательства въ цѣломъ его составѣ. Это—обвиненіе, направленное противъ мѣстныхъ дѣятелей поляковъ, явно неосновательное и, очевидно, напрасное. Самъ Милютинъ винилъ порядокъ, существовавшій при кн. Паскевичѣ въ Царствѣ Польскомъ, за полный застой въ управленіи Царствомъ и возлагалъ этотъ застой на отвѣтственность одного русскаго правительства, а не поляковъ. Законодательныя работы, хотя бы только пріуготовительнаго свойства, возможны только по почину правительства и при посредствѣ назначаемыхъ правительствомъ лицъ. Къ отвѣтственности центральнаго управленія въ Имперіи должно быть отнесено и бездѣйствіе кодификаціонной комиссіи Царства Польскаго, устроенной въ Петербургѣ не изъ мѣстныхъ жителей Царства и состоявшей подъ руководствомъ графа Блудова. „Въ настоящее время, пишетъ комитетъ, еще менѣе можно ожидать въ туземныхъ чиновникахъ сочувствія къ судебной реформѣ. Она должна быть направлена въ духѣ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ, благая цѣль которыхъ мало соотвѣтствуетъ одностороннимъ взглядамъ и стремленіямъ мѣстныхъ чиновниковъ. При приведеніи въ дѣйствіе крестьянской реформы признано необходимымъ поручить ее русскимъ дѣятелямъ, что одно обезпечило бы успѣхъ этого дѣла. При предстоящемъ преобразованіи весьма полезнымъ пособіемъ будутъ служить судебные уставы Имперіи 20 ноября 1864 г., и вообще необходимо имѣть постоянно въ виду возможное сближеніе законодательства Царства съ русскимъ законодательствомъ. Но въ то же время нельзя не принять во вниманіе, что новые судебные уставы составлены для страны, находящейся совсѣмъ въ другихъ политическихъ и

бщественныхъ условіяхъ, чѣмъ Царство Польское, въ которомъ еволюціонные и враждебные правительству элементы легко моутъ найти себѣ убѣжище подъ покровомъ судебныхъ гарантій даже обратить ихъ въ политическое орудіе противъ законной ласти. Вообще, при разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ по Царству Польскому необходимо имѣть въ виду не одни *общепринятыя юридическія начала*, но преимущественно интересы осударственные, такъ же какъ и интересы большинства народа, вызываемаго правительствомъ къ новой гражданской жизни. Если къ участію въ трудахъ комиссіи допущены члены изъ мѣстыхъ юристовъ, то это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы они одѣйствовали русскимъ юристамъ своими практическими познаіями и совѣтами, но очевидно, что *направленіе* и *самая работа* всего дѣла должны быть поручены русскимъ дѣятелямъ". Въ концѣ отношенія комитетъ объявилъ послѣдовавшее, по его окладу Государю, Высочайшее повелѣніе 24 февраля: поручить чредительному комитету немедленно составить, на основаніи ышеизложенныхъ главныхъ началъ, проектъ подробной инструкіи для учрежденной при семъ комитетѣ комиссіи по преобразованію судебной части въ Царствѣ Польскомъ и проектъ этотъ редставить на утвержденіе Его Величества въ возможно скорѣйшемъ времени, такъ какъ до утвержденія инструкціи комисся не можетъ быть открыта.

XIII.

Вся переписка комитета по дѣламъ Царства Польскаго съ амѣстникомъ о юридической комиссіи была ведена въ тонѣ полемическомъ. Нельзя сказать, чтобы разсужденія ея отличались ослѣдовательностью — напротивъ того, въ ней особенно поражаетъ, что въ основу судебной реформы полагаются одновременно и совмѣстно двѣ діаметрально противоположныя цѣли: осударственные интересы, какъ преобладающіе надъ общепринятыми юридическими началами, или аксіомами, и интересы большинства народа, призываемаго государствомъ къ новой гражданской жизни, т.-е. крестьянства, какъ долженствующіе быть редпочитаемыми интересамъ другихъ, предполагаемыхъ враждебными правительству классовъ населенія. Судъ не можетъ ыть построенъ на антагонизмѣ сословій, на тенденціозномъ редпочтеніи интересовъ однихъ интересамъ другихъ. Поступая акимъ образомъ, онъ станетъ неизбѣжно лицепріятенъ и не-

уравнителенъ, то-есть, иными словами, неправеденъ. Всѣ усилія Арцимовича клонились только къ тому, чтобы сдѣлать судъ, руководящійся безспорными юридическими аксіомами, доступнымъ и для простого народа, для котораго онъ былъ до того времени и слишкомъ отдаленнымъ, и слишкомъ дорогимъ. По полной непригодности къ производству судебной реформы славянофильскаго мотива, могъ послужить руководителемъ только другой мотивъ: пользы государственной, интереса Россіи, взятой, какъ одно цѣлое, по отношенію къ одной строптивой и не успокоенной еще ея области. Ставился вопросъ о своевременности судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ, о томъ, не повременить ли съ введеніемъ ея, пока не будетъ испытана по указаніямъ опыта пригодность судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., съ тѣми отъ нихъ отступленіями, которыя будутъ вызваны либо особыми мѣстными условіями страны, либо неполнымъ еще ея успокоеніемъ. Въ ожиданіи будущаго, можно было на переходное время ограничиться расширеніемъ и приспособленіемъ къ существующимъ общимъ судамъ юрисдикціи гминныхъ судовъ по уставу, утвержденному еще до вступленія на политическое поприще маркиза Вѣлёпольскаго, отъ 30 мая 1860 года, дѣйствующему донынѣ послѣ введенныхъ въ него нѣкоторыхъ перемѣнъ указами 19 февраля 1864 г. Гминные суды не предполагаются вовсе къ упраздненію и по новѣйшему проекту судебной реформы. Можно было бы предположить, что, создавая по своей идеѣ юридическую комиссію, Милютинъ дѣйствовалъ съ заднею мыслью—затормозить судебную реформу и разстроить планъ намѣстника, испросившаго Высочайшее соизволеніе на ея образованіе, 25 октября 1864 г., но оказывается, что Милютинъ хлопоталъ о комиссіи еще ранѣе, и что еще въ сентябрѣ 1864 года онъ получилъ Высочайшее соизволеніе на командированіе въ помощь ему „извѣстныхъ русскихъ практическихъ юристовъ", которыхъ онъ изберетъ: значитъ, онъ предвидѣлъ, что комиссія будетъ не только существовать, но и дѣйствовать, что она будетъ осуществлять серьезную практическую задачу.

Всякая задача для своего осуществленія требуетъ подходящихъ средствъ. Когда строятъ домъ, то нужны, конечно, и каменщики, и плотники, но прежде всего необходимы архитекторы, а такихъ у Милютина вовсе не оказалось. Въ его распоряженіи были только русскіе юристы изъ пришельцевъ, съ условіями и бытомъ края незнакомые, притомъ только *практическіе* юристы, между тѣмъ какъ для сложной законодательной работы того

объема требовались прежде всего художники иного художества, мастера дедуктивнаго метода, твердо стоящіе на извѣстныхъ коренныхъ юридическихъ принципахъ и изъ нихъ вырабатывающіе систему, а не практики-рутинеры, притомъ не приверженцы той единственной практики, которая въ то время существовала, и которую приходилось искоренять. Такъ какъ въ 1864 году работы по составленію новыхъ судебныхъ уставовъ были приведены къ концу, то нѣкоторые изъ ихъ составителей могли бы быть съ пользою приглашены въ Варшаву въ юридическую комиссію, но никого изъ этихъ лицъ Милютинъ не пригласилъ и даже не имѣлъ въ виду приглашать, а мы изъ писемъ его знаемъ, что онъ сильно опасался теоретиковъ, въ родѣ Сергѣя Заруднаго. Въ письмѣ Милютина къ Соловьеву, 7 декабря 1864 г. („Русск. Старина", 1884 г., № 6, стр. 594), упоминается, что „въ юридическую комиссію предлагаетъ себя (бывшій) ректоръ кіевскаго университета Иванишевъ; отзывъ о немъ блестящій; кажется, будетъ отъ него важная подмога; зову его въ Петербургъ для личныхъ соглашеній". Иванишевъ занялъ предсѣдательское мѣсто въ юридической комиссіи послѣ ухода Арцимовича, но это была не находка: человѣкъ онъ былъ старый, отжившій, совсѣмъ отставшій отъ науки и никогда на судѣ не практиковавшій. Цѣлый рядъ умозаключеній о томъ, что если исключительно русскіе люди, пріѣхавшіе извнѣ, разрѣшили изрядно въ Царствѣ Польскомъ крестьянскій вопросъ, то такіе же исключительно русскіе люди способны точно такъ же исполнить какія угодно преобразованія и съ ними совладать—это есть очевидный софизмъ. По крестьянскому дѣлу требовались только исполнители утвержденныхъ верховною властью указовъ 19 февраля 1864 г., то-есть, законовъ, по возможности воспроизводящихъ русское „Положеніе 19 февраля 1861 г.", набившіе себѣ руку при приведеніи въ дѣйствіе этого Положенія и призванные исполнять указы 1864 г. въ духѣ Положенія 1861 г., при условіяхъ нѣсколько бо̀льшаго простора ихъ крестьянофильскому настроенію. Дѣйствія этихъ дѣятелей соотвѣтствовали видамъ и желаніямъ и Милютина, и Арцимовича; сами поляки нынѣ довольны, что такимъ именно образомъ былъ разрѣшенъ жгучій крестьянскій вопросъ радикально и окончательно. Уже далеко не таковы были результаты дѣятельности другого контингента русскихъ дѣятелей, призванныхъ дѣйствовать по учебной части, по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Изъ идей Милютина, выраженныхъ въ его запискѣ объ учебной части въ Царствѣ Польскомъ, 22 мая 1864 г.—о томъ, чтобы не употреблять общественнаго

образованія въ Царствѣ, какъ политическаго орудія, потому что русскіе не обрусили за всѣ тридцать лѣтъ ни одного поляка, а въ то же время являлись какъ бы посягающими на польскую народность, не осуществлена ни одна; напротивъ того, распространилась и утвердилась исключительно и всецѣло только гораздо болѣе доступная система, полагающая своею главною задачею обрусеніе всего преподаванія въ школахъ. Милютинская юридическая комиссія ничего не произвела; она не пережила учредительнаго комитета, при которомъ была образована, и который упраздненъ 18-го ноября 1870 года.

Такъ какъ по Высочайшему повелѣнію, отъ 24 февраля 1864 г., на учредительный комитетъ возложена была обязанность сочинить инструкцію, опредѣляющую образъ дѣйствій юридической комиссіи, то проектъ этой инструкціи, выработанный учредительнымъ комитетомъ при участіи Арцимовича, представленъ былъ 30 апрѣля въ комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго. Проектъ этотъ Высочайше утвержденъ 2 іюля 1865 г. Еще до воспослѣдованія этого утвержденія, а именно 4 мая 1865 г., по представленію Арцимовича, намѣстникъ разрѣшилъ ему пригласить для занятій по порученной ему ревизіи судилищъ Царства Польскаго чиновниковъ учредительнаго комитета— Горемыкина (Ив. Лонг., впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ), Сергѣя Иван. Лукьянова (нынѣ сенатора) и Ѳед. Ив. Пясецкаго.

Съ момента представленія проекта инструкціи для юридической комиссіи Арцимовичъ считалъ, что его роль въ управленіи Царства Польскаго кончена, что его дальнѣйшее пребываніе въ Варшавѣ безполезно. Прошеніе объ отставкѣ, поданное имъ намѣстнику 23 іюня 1865 г., не было намѣстникомъ принято. Въ этомъ прошеніи Арцимовичъ ходатайствовалъ объ увольненіи его въ отставку, съ назначеніемъ ему приличнаго содержанія, и о разрѣшеніи лично представиться Государю Императору и повергнуть на усмотрѣніе Его Величества объясненія и оправданія его настоящей рѣшимости. Въ черновыхъ набросках этого прошенія содержатся нижеслѣдующія выраженія: „Обстоятельства приняли, однако, такой оборотъ, что настоящее участіе мое въ крестьянскомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое я имѣлъ въ немъ сначала, ограничено до послѣдней степени, что я могу считать себя совсѣмъ отъ этого дѣла устраненнымъ; что же касается до юридической комиссіи, предсѣдателемъ которой я назначенъ, то и здѣсь, несмотря на это предсѣдательство, вліяніе мое совершенно ничтожно, по

причинѣ тѣхъ условій, при которыхъ организована эта комиссія". Принятое, наконецъ, намѣстникомъ въ октябрѣ 1865 г. прошеніе Арцимовича, самое короткое и безъ мотивовъ, содержитъ только ходатайство возвратиться на службу въ Имперію. Прошенію этому данъ ходъ 15 ноября 1865 г. Его послѣдствіемъ было назначеніе Арцимовича къ присутствованію въ имѣющемъ быть открытымъ въ апрѣлѣ 1866 г. уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената, сообщенное ему министромъ юстиціи Замятнинымъ 7 февраля 1866 г. По желанію намѣстника, Арцимовичъ остался еще на короткое время въ Варшавѣ, до разсмотрѣнія въ учредительномъ комитетѣ разработанныхъ при его главномъ участіи законопроектовъ объ устройствѣ городовъ въ Царствѣ Польскомъ, о выкупѣ земель крестьянъ-рольниковъ и о выкупѣ безъ срочныхъ стѣсненій недвижимой поземельной собственности. Предсѣдательство въ юридической комиссіи онъ сдалъ Иванишеву и присутствовалъ въ Петербургѣ при торжественномъ открытіи, 17 апрѣля 1866 г., новыхъ судебныхъ установленій. Онъ покидалъ Варшаву, радуясь, конечно, освобожденію отъ положенія, въ которомъ испытывалъ въ послѣднее время однѣ непріятности, но и не скрывая своего раздраженія и непріязни къ бывшимъ своимъ сослуживцамъ по учредительному комитету, въ особенности къ Милютину и Я. Соловьеву. Обнародованіе въ „Русской Старинѣ" за 1884 годъ, № 6, интимной переписки Н. А. Милютина, исполненной рѣзкостей, колкихъ характеристикъ, выраженій о легкомысліи намѣстника, о шалостяхъ папы, объ интригахъ клевретовъ намѣстника, о проискахъ варшавской камарильи, даютъ право жизнеописателю Арцимовича на извѣстнаго рода откровенность и ставятъ его даже въ необходимость свободнѣе воспользоваться перепискою Арцимовича съ его родными.

Всѣ описываемыя событія — дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Приходится касаться дѣяній давно умершихъ и притомъ крупныхъ историческихъ лицъ, обсуждать которыя возможно уже теперь съ полнымъ безпристрастіемъ, не отождествляясь ни съ однимъ изъ бывшихъ противниковъ, но отмѣчая въ концѣ, кто и въ чемъ былъ правъ или неправъ, сознательно или даже безсознательно. Яковъ Соловьевъ, по мнѣнію Арцимовича, „будучи канцелярскою строкою, попалъ въ число государственныхъ людей для того, чтобы закрыть ошибки и неправильности, допущенныя Милютинымъ при составленіи законовъ. Опираясь на Милютина, Соловьевъ желаетъ ускользнуть отъ всякаго вліянія не

только учредительнаго комитета, но и самого намѣстника. Близко знакомый съ дѣломъ, я препятствую лгать, плутовать и искажать факты; это чрезвычайно не нравится“ (Письмо къ М. Жемчужникову 17 марта 1865 г.). „Милютинъ интригуетъ, а я вести интригъ не умѣю и не хочу. Милютинъ хочетъ быть канцелярскимъ царемъ Польши, имѣть здѣсь агентовъ и противодѣйствовать намѣстнику и всѣмъ польскимъ государственнымъ учрежденіямъ. Я полагаю, что мы здѣсь призваны только къ управленію, и что царствовать долженъ одинъ только монархъ. Милютинъ боится легальности, а я считаю легальность единственнымъ спасеніемъ для страны, гдѣ все потрясено, и гдѣ разгулъ произвола дошелъ до крайнихъ размѣровъ. Милютинъ, наконецъ, домогается, чтобы въ Царствѣ Польскомъ все пресмыкалось предъ нимъ, въ томъ числѣ и я, и повиновалось ему безпрекословно. Согласитесь, что на этихъ условіяхъ трудно и невозможно вести переговоры“ (Письмо къ М. Н. Жемчужникову 1 февр. 1865 г.).

Оба письма, изъ коихъ извлечены предыдущіе отрывки, писаны Арцимовичемъ къ тестю, коренному русскому патріоту, хорошему личному знакомому Милютина, притомъ къ человѣку, который до самаго конца пребыванія Арцимовича въ Варшавѣ полагалъ возможнымъ, если не установленіе единомыслія Милютина и Арцимовича во взглядахъ ихъ на польско-русскія отношенія, то, по крайней мѣрѣ, извѣстный компромиссъ между ними, извѣстное согласованіе ихъ дѣйствій посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, всегда возможныхъ между уважающими себя взаимно людьми. Заключая мой этюдъ о двухлѣтней дѣятельности В. А. Арцимовича въ Царствѣ Польскомъ, считаю необходимымъ коснуться и этихъ, оказавшихся безплодными попытокъ примиренія, не приведшихъ ни къ какому положительному результату.

XIV.

Самые образованные люди, подружившіеся и даже породнившіеся, но принадлежащіе по происхожденію къ разнымъ національностямъ, не могутъ, въ моменты острыхъ кризисовъ и конфликтовъ между ихъ націями, когда разгаръ страстей доходитъ до бѣлаго каленія, не только сходиться, но даже и говорить другъ съ другомъ хладнокровно о своихъ взаимныхъ зазнобахъ и болячкахъ. Хотя по происхожденію полякъ, Арцимовичъ не былъ уроженцемъ Царства Польскаго; онъ получилъ русское

питаніе; отъ начала до конца своей жизни онъ былъ русскимъ
дарственникомъ, по своей служебной карьерѣ—русскимъ чи-
икомъ, женился на русской и, хотя оставался римскимъ ка-
комъ, но вся семья его была православная. Онъ самъ пере-
лъ женѣ и знакомымъ, что онъ считалъ самъ себя русскимъ
вѣкомъ, но почувствовалъ, что онъ полякъ, и сдѣлался поль-
ъ патріотомъ только, когда побывалъ въ Варшавѣ въ шести-
тыхъ годахъ, гдѣ на каждомъ шагу наталкивался на
ты, до глубины души оскорблявшіе въ немъ весьма живое
тво справедливости. 23 мая 1864 года онъ писалъ Алексѣю
ичужникову: „Пріѣхавъ въ Варшаву въ сообществѣ русскихъ
свѣщенныхъ дѣятелей, я скоро убѣдился, что они больны
шною болѣзнью: злобою и ненавистью къ населенію, со-
щему изъ нѣсколькихъ милліоновъ, называющихъ себя поля-
и. Полякъ и пёсъ для нихъ—одно и то же; всѣ поляки—
закона; кто изъ нихъ заговоритъ, тотъ, по ихъ мнѣнію,
танецъ и достоинъ висѣлицы. Мнѣ кажется, что, если бы я
ъ во время Іоанна Грознаго, то я бы не попалъ въ оприч-
и. Не попаду теперь въ клевреты Муравьева". По поводу
авьева произошло въ 1864 г. нѣкоторое, не на долгое,
чемъ, время, охлажденіе между зятемъ и тестемъ. М. Н.
авьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ
ѣля 1864 года. Ему устроенъ былъ, по словамъ тестя
ьмо 3 мая 1864 г.), такой пріемъ, какого въ Петербургѣ
то не помнитъ. Его вынесли на креслахъ изъ вагона на
ѣзнодорожномъ вокзалѣ до кареты сановники, штабъ- и оберъ-
церы. 2-го мая всѣ сенаторы перваго департамента, въ ко-
мъ долго засѣдалъ Муравьевъ, какъ министръ, а въ числѣ
и М. Н. Жемчужниковъ, пріѣзжали въ орденахъ и лен-
ь его поздравить. „Что ни говори, писалъ тесть, а ока-
ныя Муравьевымъ заслуги отечеству будутъ восхваляемы
ріею". Подобное же различіе въ сочувствіи существовало
ду зятемъ и тестемъ и по отношенію къ Милютину, кото-
 тесть зналъ ближе и оцѣнивалъ, можетъ быть, вѣрнѣе,
ъ то дѣлаютъ теперь, потому что Н. А. Милютинъ и М. Н.
ичужниковъ были люди того же пошиба: они принадлежали
числу тѣхъ, которыхъ называли въ то время „красными",
езъ страстнаго увлеченія этихъ „красныхъ" не могло бы
оиться въ Россіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, освобо-
ніе крестьянъ. Оба они были крестьянофилы антидворян-
о направленія. Заимствую у Жемчужникова характеристику
иютина, которую привожу цѣликомъ, какъ любопытный ма-

теріалъ для жизнеописанія Н. А. Милютина, а такихъ матеріаловъ опубликовано донынѣ немного.

„Никто изъ благомыслящихъ, пишетъ М. Н. Жемчужниковъ (26 января 1865 г.), не станетъ, конечно, оспаривать, что созданный на крѣпостномъ правѣ и явномъ пренебреженіи къ народу *дворянскій элементъ* былъ всегда главнѣйшимъ зломъ и пагубою для Россіи, а тѣмъ болѣе для Польши, которая посѣяла въ Россіи этотъ элементъ. Никто также, кромѣ сочувствующихъ Григ. Бланку (извѣстный въ то время ретроградъ-крѣпостникъ), не будетъ опровергать, что для общаго блага всѣхъ сословій, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, необходимо нужно сначала ослабить, а затѣмъ и *вовсе* истребить этотъ мощно укоренившійся пагубный элементъ. Въ моихъ глазахъ и частью чрезъ меня, во время моего губернаторства въ петербургской губерніи, началъ дѣйствовать въ этихъ видахъ графъ Киселевъ основаніемъ особаго управленія для казенныхъ крестьянъ. Онъ желалъ и считалъ возможнымъ предоставить тѣ же права и помѣщичьимъ крестьянамъ. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, Киселевъ не находилъ лучшаго къ тому проводника, и когда случалось мнѣ *обнажать эту его идею,* и какая можетъ произойти суматица отъ осуществленія ея, у него вырывалось такого рода мнѣніе, что дворянскій элементъ — крѣпостничество — столь сильно укоренившееся зло, которое только зломъ и искоренено быть можетъ, если бы оно повлекло даже и революцію. Киселевъ, въ полномъ смыслѣ слова благоразумный человѣкъ, никогда не оставлялъ этой идеи, но, по лѣности своего характера, былъ недостаточно энергиченъ, чтобы противодѣйствовать всей тогдашней массѣ государственныхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Меньшиковъ. Племянникъ Киселева Милютинъ воспитывался въ идеѣ своего дядюшки, который для осуществленія своихъ плановъ пристроилъ его къ министру вн. д. Перовскому. Съ того времени идея самоуправленія начала проводиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Милютинъ, въ качествѣ неважнаго чиновника, тихомолкомъ, но очень умно велъ свое дѣло, крѣпчалъ въ немъ, окрѣпъ и прослылъ краснымъ. Подъ этимъ названіемъ онъ далъ полный ходъ своей энергіи, открыто повелъ вражду съ дворянскимъ элементомъ въ Россіи и, какъ тебѣ извѣстно, умно достигъ своей начальной цѣли. Я не скажу, чтобы всѣ дѣйствія Милютина были послѣдствіемъ зрѣлой обдуманности; въ нихъ есть и промахи, но въ общемъ слѣдуетъ отдать ему справедливость, что созданное имъ въ Россіи было историческое и большой важ-

ности. Возможно ли послѣ того думать, чтобы тотъ же Милютинъ, призванный для совершенія такого же дѣла въ Польшѣ, гдѣ дворянскій элементъ, считая народъ за *быдло*, окончательно погубилъ край, могъ измѣнить усвоенный имъ образъ мыслей и безусловно подчиниться твоему человѣческому направленію... ...Мнѣ хотѣлось возстановить въ твоей памяти, откуда произошелъ Милютинъ со своею идеею, и какъ онъ развивалъ ее. Я увѣренъ, что, по свойству самолюбія, онъ не теряетъ надежды докончить начатое имъ дѣло въ Россіи—истребленіе дворянскаго элемента. Онъ, постепенно возвышаясь, ѣдетъ на этомъ конькѣ къ своей цѣли".

М. Н. Жемчужниковъ былъ незнакомъ съ Царствомъ Польскимъ и условіями польской народности; онъ зналъ ихъ еще меньше, чѣмъ Милютинъ и его сподвижники. Болѣзненный процессъ, выразившійся въ формѣ польскаго мятежа, представлялся ему въ видѣ столкновенія двухъ противоположныхъ массъ: меньшинства, угнетающаго народъ, т.-е. бунтовавшіеся паны и дворянство, котораго уже не было въ Царствѣ Польскомъ съ 1807 г., и которое Жемчужниковъ смѣшивалъ съ совокупностью интеллигентныхъ классовъ населенія, и большинства, т.-е. угнетаемаго простого народа, пассивнаго, не бунтовавшаго и спокойнаго. Въ письмѣ 12 мая 1864 г. М. Н. Жемчужниковъ выражается такимъ образомъ: если законъ о крестьянахъ Царства Польскаго запоздалъ, по случаю мятежа, то изданіе этого запоздалаго закона нельзя отнести къ мщенію за бунтъ, но естественно также, что онъ будетъ осуществляемъ безъ той мягкости и снисходительности для дворянства (т.-е., собственно, для помѣщиковъ), которыми освобожденіе крестьянъ сопровождалось въ Россіи, гдѣ дворянство не бунтовало и не оказывало даже явнаго сопротивленія видамъ правительства. Жемчужниковъ писалъ: „съ полнымъ убѣжденіемъ скажу слѣдующее: если бы въ Россіи водворялся законъ о крестьянахъ по тому направленію, какое ему было дано при Ланскомъ и Милютинѣ, то, конечно, вся администрація была бы на сторонѣ крестьянъ, и было бы тяжело для дворянъ".

М. Н. Жемчужниковъ полагалъ, что его взгляды безспорны, и что они раздѣляются въ душѣ самимъ В. А. Арцимовичемъ. Въ письмѣ 3 мая 1864 г. онъ еще радуется, что „отношенія твои (В. А. Арцимовича) съ Бергомъ, Милютинымъ, Черкасскимъ и другими по управленію—въ пріятной гармоніи". Между тѣмъ пронеслась молва о томъ, что Милютинъ и Арцимовичъ не сходятся по образу своихъ мыслей. 12 мая Жемчужниковъ пишетъ:

„Согласно твоему желанію, ни я, ни Володя (В. М. Жемчужниковъ) не поѣдемъ къ Милютину. Я всегда понималъ Милютина не заслуживающимъ особой деликатности съ твоей стороны". Тесть Арцимовича не понимаетъ, почему бы Арцимовичу не сойтись съ Милютинымъ въ примѣненіи крестьянской реформы: „по мнѣнію моему, въ настоящее время только одинъ крупный вопросъ на сценѣ: устроить благоденствіе большинства насчетъ угнетаемаго меньшинства". Изъ письма 8 іюня 1864 г. видно, что М. Н. Жемчужниковъ понялъ уже, что корень разногласій весьма глубокъ, и, хотя онъ не особый ригористъ по отношенію къ легальности, но не можетъ не одобрить Арцимовича: „ты все-таки останешься славнымъ человѣкомъ, какимъ я началъ знать тебя съ юныхъ лѣтъ твоихъ".

М. Н. Жемчужниковъ не былъ чуждъ тѣмъ объясненіямъ, которыя происходили, въ августѣ 1864 г., въ Петербургѣ между Влад. Мих. Жемчужниковымъ и Милютинымъ по поводу В. А. Арцимовича. Изъ письма 3 августа 1864 г. видно, что Вл. Мих. Жемчужниковъ имѣлъ къ Милютину письмо отъ Черкасскаго. „Мы, писалъ онъ (т.-е. я, В. М. Жемчужниковъ, и Анна М. Арцимовичъ, остававшаяся еще въ Петербургѣ), единогласно заключили слѣдующее: жаль, что ты не имѣлъ откровенныхъ объясненій съ Милютинымъ; не понимая другъ друга при оффиціальныхъ сужденіяхъ, гдѣ задушевная откровенность не имѣетъ мѣста, вы дали возможность вкрасться взаимнымъ неудовольствіямъ". Тесть совѣтуетъ зятю взять отпускъ изъ Варшавы, пріѣхать въ Петербургъ до отъѣзда Государя и откровенно, даже при посредствѣ Владиміра, объясниться съ Милютинымъ: „ссориться съ нимъ не должно и нѣтъ причины, ибо онъ любитъ, уважаетъ тебя и желаетъ быть тебѣ полезнымъ".

Надежды на сглаженіе постепенно обостряющейся размолвки видимо слабѣли. 3 января 1865 г. тесть пишетъ зятю: „Въ Новый годъ я столкнулся съ Милютинымъ у принца Ольденбургскаго. Онъ, лишь только увидѣлъ меня, быстро подбѣжалъ и послѣ обыкновенныхъ радушныхъ привѣтствій началъ о тебѣ— очень хвалилъ твои способности и особенно доброту и чистоту твоего сердца, но прибавилъ, что эти дорогія въ человѣкѣ качества и твоя легальность могли бы оказать большую пользу Россіи при настоящихъ реформахъ, но никакъ уже не въ Польшѣ, гдѣ, кромѣ чернаго народа, преобладаетъ лукавство, каждый имѣетъ затаенную мысль и ухищряется обратить легальность въ слабость правительства. Въ этомъ смыслѣ заключился нашъ или, скорѣе, его краткій разговоръ со мною".

Изъ письма 26 января 1865 г. видно, что М. Н. Жемчужниковъ, еще не потерявъ всѣхъ надеждъ, предлагаетъ Арцимовичу попытаться пойти съ Милютинымъ на компромиссъ. „Государь поставилъ во главѣ управленія тебя—чистаго, добраго, свѣдущаго въ юриспруденціи и съ человѣческимъ направленіемъ—и Милютина, тоже со способностями государственнаго человѣка, знакомаго съ внѣшнею политикою и съ демократическимъ направленіемъ. Если бы вы искренне объяснились въ вашихъ воззрѣніяхъ и системѣ дѣйствій, то между вами хотя бы и могли возникать разногласія и неизбѣжные споры, но не было бы повода къ личностямъ, а личное неудовольствіе между государственными людьми не должно имѣть мѣста. Затаенная неискренность порождаетъ недовѣріе, предубѣжденіе, заднія мысли и даже — что̀ всего хуже — желаніе составить свою партію. Чрезъ взаимное сближеніе между умными людьми могутъ послѣдовать взаимныя уступки, т.-е. чистосердечное сознаніе, чьи дѣйствія ближе къ прочному основанію спокойствія и блага въ странѣ“.

Въ февралѣ 1865 г. разыгралась борьба Милютина съ Арцимовичемъ по предмету образованія юридической комиссіи по идеѣ Милютина. Арцимовичъ помышлялъ только объ отставкѣ съ пенсіей. 22 февраля 1865 г. тесть уже знаетъ, что Арцимовичъ не останется въ Варшавѣ; онъ ему совѣтуетъ не падать духомъ, не покидать службы, потому что, можетъ быть, Государь вызоветъ его изъ Царства Польскаго не по неудовольствію на него, а изъ желанія доставить ему, какъ полезному для Имперіи человѣку, возможность служенія въ Россіи, и сообщаетъ ему, что, по свѣдѣніямъ отъ Буткова, Арцимовичъ будетъ вызванъ для присутствованія въ Правительствующемъ Сенатѣ.

31 марта 1865 г. написано М. Н. Жемчужниковымъ слѣдующее письмо: „Заключеніе твое о дѣйствіяхъ Милютина совершенно справедливо, ибо то же самое подтвердилъ князь Суворовъ (бывшій С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ), который просилъ передать тебѣ его поцѣлуй. Суворовъ говоритъ, что Милютинъ одинаково какъ тебя, такъ и Берга считаетъ вредными для видовъ правительства по учрежденію порядка въ Царствѣ Польскомъ; но, впрочемъ, отзываясь о тебѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдаетъ полную справедливость твоимъ дарованіямъ, благородству чувствъ и юридическимъ познаніямъ и признаетъ, что по твоимъ качествамъ и мягкосердечію ты могъ бы быть очень полезнымъ для Россіи, но не для Польши, въ которой, по укоренившейся лжи, лицемѣрію и затаенной ненависти къ пра-

вительству, легальность твоя вовсе неумѣстна. Изъ словъ князя Суворова я могъ понять, что Милютинъ такъ относится къ тебѣ и передъ Государемъ".

Въ августѣ 1865 г. сенаторъ Жемчужниковъ сильно заболѣлъ. Арцимовичъ поспѣшилъ къ нему въ Петербургъ, взявъ отпускъ. Онъ писалъ женѣ 25 августа: „Графъ Бергъ не очень доволенъ моимъ отъѣздомъ; онъ чувствуетъ, что мои объясненія въ Петербургѣ будутъ имѣть послѣдствіемъ окончаніе моей служебной дѣятельности въ Варшавѣ". М. Н. Жемчужниковъ скончался 3 сентября 1865 года. Арцимовичъ былъ при его кончинѣ, представлялся Государю 6 сентября, послѣ чего сообщилъ женѣ: „Окончаніе вопроса о моей службѣ Императоръ отложилъ до конца моего отпуска. Онъ поцѣловалъ меня, и бесѣда продолжалась около получаса".

Въ слѣдующемъ, 1866 году, въ декабрѣ, послѣ засѣданія у государственнаго канцлера, въ которомъ Милютинъ стоялъ за расторженіе конкордата 1837 г. съ папскимъ престоломъ—что и послѣдовало, Милютинъ пораженъ былъ нервнымъ ударомъ, отъ котораго онъ не оправился, такъ что съ этого момента политическая его дѣятельность прекратилась. Онъ умеръ въ Москвѣ 26 января 1872 года. Арцимовичъ навѣстилъ его въ Петербургѣ въ 1869 г., послѣ возвращенія его изъ-за границы. Бесѣда была спокойная, о постороннихъ предметахъ, имѣвшая характеръ разговора между давнишними пріятелями. У Милютина ослабѣла память личныхъ именъ, и онъ путался въ указаніяхъ личныхъ знакомыхъ. Теперь оба крупные дѣятеля по крестьянскому вопросу и въ Имперіи, и въ Царствѣ Польскомъ, сдѣлавшіеся потомъ противниками по преобразованіямъ въ Царствѣ, послѣ движенія 1863 г., и давно сошедшіе со сцены, покоятся въ могилахъ. Вопросы, по которымъ они другъ съ другомъ воевали, или разрѣшены, или отложены. Они могутъ интересовать только историка. Такъ какъ побѣду одержалъ Милютинъ, и такъ какъ существующій донынѣ въ Царствѣ Польскомъ порядокъ вещей—цѣлыхъ 35 лѣтъ по прекращеніи мятежа—есть, главнымъ образомъ, его произведеніе и вылѣпленъ, можно сказать, его руками, то неизбѣжно ставится вопросъ: можетъ ли эта страна считаться устроенною? можетъ ли заведенный въ ней порядокъ считаться нормальнымъ? крѣпко ли она связана съ центромъ государства? не допущено ли по отношенію къ ней такого продолжительнаго бездѣйствія правительственной власти, въ какомъ винилъ Милютинъ управленіе князя Паскевича въ своей запискѣ объ учебной части въ Царствѣ Польскомъ?

Можно дать этому важному вопросу другую постановку. Іожно спросить: какой бы видъ имѣло нынѣ устройство Цартва Польскаго, если бы восторжествовала другая политика? если ы были приняты во вниманіе—не скажу, предостереженія, а овѣты, которые давалъ Арцимовичъ? если бы это управленіе не вляло изъ себя донынѣ вида военнаго лагеря, разбитаго въ ужомъ непріятельскомъ краѣ? Хотя полякъ по происхожденію, Арцимовичъ былъ значительно обрусѣвшій человѣкъ, никогда не питавшій мечтаній, которыя имѣлъ въ виду Александръ II, произнося извѣстныя слова: „pas de rêveries", икогда даже не увлекавшійся идеями Вѣлёпольскаго и не помышлявшій объ автономіи Царства Польскаго подъ крыломъ оссіи. Арцимовичъ былъ типическій русскій законникъ и поитикъ, отмѣченный печатью пережитой имъ эпохи великихъ еформъ, отличавшійся, можетъ быть, отъ другихъ того же рода юдей только тѣмъ, что имѣлъ много гуманности и что питалъ ь себѣ нѣкоторое довѣріе къ тѣмъ, которыхъ призванъ былъ страивать, что не всѣхъ онъ зачислялъ гуртомъ въ „лукавые". нъ не безъ основанія полагалъ, что нельзя при устроеніи усмиенной страны обойтись безъ содѣйствія тѣхъ изъ ея жителей, оторые умнѣе, трезвѣе и разсудительнѣе. Еще и нынѣ не поеряли своей цѣны и не сдѣлались непригодными тѣ оставленыя безъ вниманія критическія указанія, которыя онъ давалъ воимъ товарищамъ по устроенію Царства Польскаго, и котоыми я заключу мою статью, заимствуя ихъ изъ его писемъ и ерновыхъ набросковъ:

„Милютинъ устраивалъ край, котораго не знаетъ. Я не ринимаю на свою отвѣтственность дѣлъ, которыхъ не знаю ли не успѣлъ еще обнять" (Письмо 1 февр. 1865 г. къ І. Н. Жемчужникову).

„Наши дѣятели, пріѣхавши въ страну, отвернулись отъ сѣхъ мѣстныхъ жителей, отталкиваютъ ихъ съ безпредѣльною лобою и не хотятъ искать опоры въ странѣ" (Письмо 7 февaля 1865 г. къ нему же).

„Мы должны считаться съ національностью, съ выработавшимися на мѣстѣ юридическими воззрѣніями, съ политическимъ астроеніемъ населенія. Управленіе страны не должно основыать свою силу на прошлыхъ явленіяхъ революціоннаго двиенія". (Черновые наброски).

28 февраля 1901 г.
С.-Петербургъ.

В. Д. Спасовичъ.

Отдѣлъ четвертый.

ЮБИЛЕЙНЫЙ.

(17-го іюня 1891 г.).

По поводу юбилея В. А. Арцимовича [1]).

17 іюня—день полувѣкового юбилея Виктора Антоновича Арцимовича. Позволяемъ себѣ по этому поводу вспомнить добрымъ словомъ давно пережитые годы его губернаторства въ Калугѣ. На всѣхъ поприщахъ, какія ни проходилъ Викторъ Антоновичъ въ теченіе своего долголѣтняго служенія, онъ повсюду пользовался почетной репутаціей вѣрнѣйшаго слуги отечества и своего призванія. Но едва ли гдѣ съ такою яркостью проявились особыя свойства его натуры—неутомимая энергія и любовь къ правдѣ, какъ при управленіи калужской губерніей. Занимая въ началѣ прошлаго царствованія постъ губернатора, сначала въ Тобольскѣ, а потомъ въ Калугѣ, Викторъ Антоновичъ являлся образцомъ неутомимѣйшаго работника, который, казалось, ни на минуту не складывалъ рукъ, который притомъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ—словомъ и примѣромъ возбуждать другихъ къ доброму и разумному труду. Онъ горячо вѣрилъ въ людей и умѣлъ отыскать въ самыхъ скромныхъ и забитыхъ личностяхъ добрыя начала и цѣнныя способности и возбудить въ нихъ силы надеждой на лучшую будущность. Одаренный живой и ясной мыслью, смѣлый въ словѣ и дѣлѣ, всегда благородно прямой и ровный, онъ былъ гордостью и радостью всѣхъ честныхъ людей,

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1891 г., № 164. Статья эта была прислана Виктору Антоновичу Михаиломъ Матвѣевичемъ Стасюлевичемъ, который въ то время находился въ Тёплицѣ, съ слѣдующей припиской:

Примѣчаніе.—Гёте, проведшій лѣто 1812-го года въ Тёплицѣ, сказалъ бы въ дополненіе:

Wer für das Beste seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten!

Тёплицъ. 27 іюня / 9 іюля 1891 г. „Вѣрно“: *М. Стасюлевичъ.*

имѣвшихъ къ нему отношеніе по службѣ или по знакомству. Воспоминаніе о Викторѣ Антоновичѣ, спустя почти 30 лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ Калугѣ, остается доселѣ живымъ между людьми всѣхъ классовъ. Въ городскихъ домахъ, а нерѣдко въ крестьянской избѣ какой-нибудь глухой деревни, можно и теперь встрѣтить его фотографическое изображеніе, какъ олицетвореніе высокой гуманности и безграничной преданности долгу.

Викторъ Антоновичъ во время калужскаго губернаторства вносилъ свѣтъ во всѣ области мѣстной жизни. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ губернія, которая раньше представляла образецъ дореформенной спячки, сдѣлалась неузнаваемой. Не только въ самой Калугѣ, но и въ мелкихъ городахъ закипѣла бодрая умственная и общественная работа. Имя Виктора Антоновича привлекло къ нему на службу изъ Петербурга много людей съ высокимъ образованіемъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ, которые оставляли столичную карьеру, чтобы вести скромную служебную работу подъ руководствомъ просвѣщеннаго начальника. Отчасти подъ вліяніемъ этого пришлаго элемента и мѣстные дѣятели, дотолѣ лѣниво влачившіе свои дни, воспрянули къ жизни. Центромъ, который объединялъ всю эту работу и служилъ главнымъ источникомъ силы, была личность Виктора Антоновича. Лучшимъ памятникомъ его дѣятельности за это время навсегда останутся незабвенные труды по крестьянскому вопросу. Безъ всякаго потворства сословнымъ интересамъ, но и безъ всякихъ насилій, онъ съумѣлъ, благодаря своему свѣтлому уму, гуманному сердцу и безпримѣрному трудолюбію, благополучно распутать сложныя отношенія, возбуждавшіяся освобожденіемъ крестьянъ, и быстро установить на мѣсто прежняго произвола прочный строй легальныхъ отношеній. Конечно, честь водворенія новаго порядка въ губерніи Викторъ Антоновичъ долженъ раздѣлить съ своими помощниками — мировыми посредниками, изъ которыхъ нѣкоторые были истинными друзьями народа, но ему принадлежитъ великая заслуга выбора такихъ людей и непрерывнаго руководства ихъ дѣйствіями.

Викторъ Антоновичъ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости широкаго разлива образованія въ освобожденномъ народѣ. Онъ никогда не соглашался съ мнѣніемъ, будто потребность грамотности не ощущается низшими классами. Онъ полагалъ, что грамотность не есть какая-нибудь прихоть человѣка. Считая грамоту великимъ рычагомъ духовнаго общенія и житейскаго благосостоянія, онъ признавалъ ея распространеніе

условною необходимостью для всѣхъ слоевъ народа. Народ-
і школа въ деревнѣ даже въ наши дни встрѣчаетъ не мало
епятствій; въ тѣ же времена эти препятствія были неисчи-
імы. Подавленный бѣдностью крестьянинъ былъ равнодушенъ
школѣ, а о помощи прочихъ сословій не было почти и
чину. Правда, по отчетамъ считалось какъ будто не мало
лищъ, но они существовали только на бумагѣ: никакого
йствительнаго ученія въ нихъ не было. Съ перваго же объ-
а Викторъ Антоновичъ съумѣлъ заставить всю губернію за-
орить объ этой насущной потребности народа. Владѣя рѣд-
іъ даромъ убѣждать людей, онъ во всѣхъ уголкахъ отыскивалъ
цъ, которыя положили основаніе настоящимъ школамъ въ
ременномъ смыслѣ слова. Первыми помощниками Виктора
тоновича въ этомъ дѣлѣ были мировые посредники, затѣмъ
ство довершило начатое дѣло. Кромѣ постоянныхъ учи-
цъ, Викторъ Антоновичъ видѣлъ могучее орудіе къ распро-
аненію грамотности въ воскресныхъ классахъ. По ини-
тивѣ и при непосредственномъ участіи Виктора Антоно-
а и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ одной Калугѣ скоро
роилось 6 воскресныхъ школъ, изъ которыхъ въ нѣкото-
хъ обучалось по нѣскольку сотенъ лицъ. Викторъ Антоно-
ъ всячески поощрялъ эти школы, видя въ нихъ олицетво-
іе лучшихъ стремленій и упованій той свѣтлой эпохи. Каж-
школа была обставлена серьезно и внимательно. Отрадно
омнить о томъ одушевленіи, какимъ проникнуты были пре-
аватели и руководители воскресныхъ школъ, и о той на-
женной работѣ, которую они добровольно на себя прини-
и.

Виктору Антоновичу удалось даже создать мѣстную прессу.
ъ его вліяніемъ оффиціальный органъ, *Губернскія Вѣдо-
ти*, сталъ помѣщать статьи, доступныя и полезныя по со-
жанію для всѣхъ мѣстныхъ жителей. Этотъ листокъ, дотолѣ
ѣмъ не читаемый, скоро сдѣлался любимой и интересной
винціальной газетой. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, ду-
ныя лица, техники, чиновники стали помѣщать въ *Губерн-
Вѣдомости* свои наблюденія и мысли, такъ что эта газета
лась органомъ для той бодрой умственной работы, о ко-
ой была рѣчь выше.

Вспоминая жизнь и службу Виктора Антоновича въ Калугѣ,
о бы несправедливо упустить изъ виду то незабвенное участіе,
которымъ относился онъ къ бѣдному люду и въ особенности
малолѣтнимъ сиротамъ, помѣщеннымъ въ благотворительныхъ

заведеніяхъ. Онъ не удовлетворялся обычнымъ типомъ сиротскихъ домовъ, въ которыхъ давались сиротамъ лишь насущный хлѣбъ и скудная одежда. Калужскій сиротскій домъ, по новому уставу, собственноручно написанному Викторомъ Антоновичемъ, сталъ доставлять призрѣваемымъ правильное воспитаніе и образованіе. Многіе юноши, питомцы сиротскаго дома, получили возможность достигнуть впослѣдствіи даже университетскаго образованія и стать полезными гражданами.

Всѣ, кто знаетъ Виктора Антоновича и его дѣятельность, соединятся по поводу чествованія его заслуженнаго юбилея въ горячемъ пожеланіи ему долгихъ лѣтъ для будущаго служенія на благо Русской земли. Онъ много и многимъ сдѣлалъ добра, потому что горячо вѣритъ въ добро. Многолѣтнюю службу Виктора Антоновича можно прямо назвать непрерывнымъ подвигомъ добра.

Старый калужанинъ.

Москва, 16-го іюня 1891 г. [1]).

С.-Петербургская Городская Дума Виктору Антоновичу Арцимовичу.

(Выписка изъ журнала засѣданія С.-Петербургской Городской Думы 31 мая 1891 г.).

По объявленіи засѣданія Городской Думы открытымъ, предсѣдательствовавшій Городской Голова обратился къ собранію съ слѣдующей рѣчью:

„Милостивые государи! Считаю долгомъ напомнить собранію, что въ наступающемъ іюнѣ мѣсяцѣ имѣетъ исполниться пятидесятилѣтіе государственной дѣятельности высокоуважаемаго лица—дѣятельности, оставляющей по себѣ яркій слѣдъ въ русской государственной и общественной жизни, лица, близко извѣстнаго С.-Петербургу и издавна чтимаго русскимъ обществомъ.

17 іюня 1891 года исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня вступленія на государственную службу дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, нынѣ старшаго, по времени назначенія, сенатора, въ теченіе болѣе 10 лѣтъ исполняющаго обязанности первоприсутствующаго 1-го департамента Правительствующаго Сената, Виктора Антоно-

---

[1]) По поводу юбилея Виктора Антоновича, кромѣ статьи „Стараго Калужанина“, въ Русск. Вѣд. отъ 15-го іюня 1891 г. была напечатана статья Г. А. Джаншіева; затѣмъ появились еще статьи въ Новостяхъ, Всемірной Иллюстраціи, Волжскомъ Вѣстникѣ и др.

вича Арцимовича. Викторъ Антоновичъ воспитанникъ Императорскаго училища Правовѣдѣнія, 2-го выпуска, окончилъ курсъ, по успѣхамъ въ наукѣ—третьимъ, 14 іюня 1841 года. Поступивъ въ томъ же году, 17 іюня, на службу въ 4-й департаментъ Сената, онъ съ 1842 года принималъ участіе въ производившихся ревизіяхъ: сенаторами Д. Бѣгичевымъ—орловской и калужской губерній и М. Н. Жемчужниковымъ—таганрогскаго и керченскаго градоначальствъ. Назначенный въ 1847 году оберъ-секретаремъ 1-го департамента Правительствующаго Сената, Викторъ Антоновичъ три года спустя участвовалъ въ ревизіи Западной Сибири, производившейся членомъ Государственнаго Совѣта и впослѣдствіи Государственнымъ контролеромъ Н. Н. Анненковымъ. По окончаніи этой памятной для Сибири ревизіи Викторъ Антоновичъ въ 1854 году, всего 34-хъ лѣтъ отъ роду и черезъ тринадцать лѣтъ послѣ выпуска, назначенъ, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, тобольскимъ губернаторомъ; четыре года спустя, въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ назначилъ его калужскимъ губернаторомъ, и скоро на этомъ постѣ Викторъ Антоновичъ пріобрѣлъ себѣ почетную во всей Россіи извѣстность.

При возникновеніи крестьянскаго вопроса онъ былъ призванъ къ его разработкѣ и въ 1859—1860 годахъ приглашенъ въ С.-Петербургъ въ комитетъ о губернскихъ, уѣздныхъ и мировыхъ установленіяхъ. Съ этого времени въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, до судебнаго преобразованія въ 1866 году, Викторъ Антоновичъ принималъ постоянное и близкое участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости какъ въ Россіи, такъ и въ Привислянскомъ краѣ. 30 декабря 1862 года Викторъ Антоновичъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1863 году членомъ Совѣта управленія, членомъ Главнаго и Учредительнаго Комитетовъ по устройству крестьянскаго быта въ Царствѣ Польскомъ и вице-предсѣдателемъ бывшаго Государственнаго Совѣта Царства Польскаго.

При введеніи въ 1866 году въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II Викторъ Антоновичъ, согласно его желанію, назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената и вошелъ въ первый составъ этого новаго въ Россіи учрежденія, вмѣстѣ съ Н. А. Буцковскимъ, М. М. Карніолинъ-Пинскимъ и нѣсколькими другими сенаторами, съ именами которыхъ тѣсно связанъ успѣхъ великаго преобразованія съ первыхъ шаговъ дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій.

Пробывъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената шестнадцать лѣтъ, Викторъ Антоновичъ 1 января 1881 года назначенъ исполнять обязанности первоприсутствующаго перваго де-

партамента Правительствующаго Сената, и въ этой высокой, многотрудной, отвѣтственной должности застаетъ Виктора Антоновича Арцимовича пятидесятая годовщина его государственной дѣятельности".

Выслушавъ рѣчь г. Городского Головы, Собраніе, согласно его предложенію, единогласно постановило:

„Въ день пятидесятилѣтія государственной дѣятельности исполняющаго обязанности первоприсутствующаго 1-го департамента Правительствующаго Сената, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Виктора Антоновича Арцимовича, 17 іюня 1891 года, отъ Городской Думы принести глубокоуважаемому юбиляру искреннее и горячее поздравленіе съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ его полезной государству и обществу дѣятельности и сердечное пожеланіе о продолженіи этой дѣятельности на многіе годы".

ТЕЛЕГРАММЫ [1]):

Отъ Принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

„Императорское Училище Правовѣдѣнія, высоко цѣня государственныя заслуги бывшаго своего питомца, привѣтствуетъ Вашъ юбилей, съ сердечнымъ пожеланіемъ продленія на многіе еще годы Вашей плодотворной дѣятельности".

С.-Петербургъ.

Отъ перваго Департамента Правит. Сената, за подписью А. Д. Шумахера и другихъ сенаторовъ, оберъ-прокурора, его товарищей и канцеляріи (всего 35 подписей).

„Vos collègues et collaborateurs, ainsi que la chancellerie du Sénat, vous présentent chaleureuses félicitations à l'occasion de votre jubilé

---

[1]) 17 іюня 1891 г. Викторъ Антоновичъ, находившійся тогда въ Карлсбадѣ, получилъ 102 телеграммы—изъ нихъ многія коллективныя. Кромѣ приводимыхъ здѣсь были получены, между прочимъ, слѣдующія: отъ Спб. Юридическаго Об—ва, отъ Н. Х. Бунге, К. К. Грота, Н. И. Стояновскаго, И. Н. Дурново, Э. В. Фриша, кн. М. С. Волконскаго, А. Н. Куломзина, К. П. Яновскаго, Н. Н. Селифонтова, Г. К. Рѣпинскаго, М. С. Воронина, Я. С. Скропышева, Влад. Анненкова, И. И. Розинга, П. А. Маркова, К. М. Гарткевича, П. Л. Горемыкина, И. Я. Голубева, П. А. Сабурова, Н. П. Мансурова, Е. А. Перетца, Г. А. Евреинова, Я. Г. Есиповича, П. П. Семенова, А. И. Нератова, Н. Н. Шрейбера, В. В. Калачова, А. В. Бѣлостоцкаго, А. И. Пятницкаго, І. И. Карницкаго, С. И. Лукьянова, Ѳ. А. Барыкова, Л. В. Безроднаго, и др.

emiséculaire et de la haute marque de bienveillance dont a daigné ous honorer notre auguste Maitre en vous conférant l'ordre de saint Vladimir première classe. Puisse le Très-Haut conserver pour maintes nnées votre vie modèle d'énergie infatigable et de travail constant our le triomphe de la loi et de la justice".

С.-Петербургъ.

Отъ должностныхъ лицъ гор. Тобольска, съ губернаторомъ о главѣ.

„Въ знаменательный день пятидесятилѣтняго служенія Вашего ысокопревосходительства приносимъ искреннее поздравленіе Вамъ— ставившему глубокіе слѣды въ сердцахъ тоболянъ".

Тобольскъ.

Отъ бывшихъ сослуживцевъ по Государственному Совѣту Царства Польскаго.

„Anciens fonctionnaires du conseil d'état ont l'honneur de présenter à leur ancien chef à l'occasion de son jubilé de cinquante ans de ervice public, le témoignage de leurs hommages et les souhaits de oute prospérité à l'avenir".

Варшава.

Отъ Московскаго Юридическаго Об—ва, за подписью предсѣдателя С. А. Муромцева.

„Отъ имени московскаго юридическаго общества, памятующаго ашу подвижническую дѣятельность въ великую эпоху освобожденія рестьянъ и высоко чтущаго Вашу неизмѣнную преданность идеѣ аконности, имѣю честь принести Вамъ поздравленія съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ Вашего государственнаго служенія и поеланія здоровья и силъ на многіе годы".

Москва.

Отъ Совѣта присяжныхъ, за подписью предсѣдателя В. О. Люстиха.

„Le conseil de l'ordre des avocats de Pétersbourg a l'honneur de ous présenter ses félicitations sincères à l'occasion de votre jubilé t ses hommages respectieux".

Петербургъ.

Отъ Тов. Мин. Вн. дѣлъ Н. П. Долгово-Сабурова.

„Recevez les plus sincères félicitations de Votre ancien élève, qui usqu'à présent Vous reste reconnaissant".

Царское Село.

От генерала Г. А. Колпаковскаго.

„Permettez moi aussi parmis les nombreux personnages, qui honorent et admirent aujourd'hui vos grands mérites et votre glorieux service à l'état, de vous présenter, comme à mon ancien chef profondément estimé, mes félicitations à l'occasion de votre jubilé ainsi que ceux de ma toujours reconnaissante famille avec nos voeux les plus sincères".

Гатчина.

От члена Гос. Сов. А. Я. Гюббенета.

„Сердечно поздравляю бывшаго глубокоуважаемаго начальника съ знаменательнымъ днемъ".

С.-Петербургъ.

Отъ Н. П. Щепкина.

„Recevez mes félicitatios avec votre jubilé de cinquante ans et mes souhaits sincères de recevoir au futur tous les biens possibles. Votre vieux camarade de sérvice, qui connait bien votre activité et qui vous estime bien fort".

Петербургъ.

(Изъ отвѣта В. А. Арцимовича.

.... „Сердечно благодарю Васъ за привѣтъ! Искренне радуюсь, что и по истеченіи тридцати лѣтъ нашего совмѣстнаго служенія мы съ любовью вспоминаемъ далекое прошлое и тѣ стремленія, которыя насъ тогда одушевляли. Нѣтъ для меня болѣе близкихъ людей, какъ трудившіеся по крестьянской реформѣ"....).

Отъ Нач. Главн. Тюр. Управленія М. Н. Галкина-Врасскаго.

„Находясь въ Тобольскѣ, не могу отказать себѣ въ особенномъ удовольствіи привѣтствовать васъ въ сегодняшній знаменательный для васъ день, именно отсюда, съ береговъ Тобола, роднаго вамъ по прежней вашей, столь памятной здѣсь дѣятельности, прося принять и мое почтительное поздравленіе".

Тобольскъ.

Отъ сенатора А. А. Сабурова.

„Félicite la justice avoir eu cinquante ans un défenseur comme Vous".

С.-Петербургъ.

От׈ члена Гос. Сов. Д. Г. Дервиза.

„Горячо привѣтствую дорогого юбиляра. Дай Богъ надолго продолжать рѣдко твердую полезную дѣятельность“.

Вашъ искренній почитатель..

Отъ сенатора Г. А. Ровинскаго.

„Поздравляю дорогого товарища съ служебнымъ пятидесятилѣтіемъ. Не уходи отъ работы, а отдохнуть успѣешь и послѣ.

Отъ генерала А. П. Свистунова.

„Félicitations et voeux sincères à celui qui dans sa carrière de cinquante ans n'a jamais devié de la voie du vrai et du juste“.

Варшава.

Отъ сенатора А. А. Книрима.

„Приношу Вамъ, многоуважаемый Викторъ Антоновичъ, мои искреннія поздравленія по случаю пятидесятилѣтія вашей государственной службы. Отъ души желаю, чтобы еще многіе годы Вы съ успѣхомъ боролись за правду и законность“.

Отъ Д. В. Стасова.

„Salut Victor Antonovitch, homme rare, citoyen exemplaire. Nous vous inclinons profondément devant toi, souhaitons longue vie et santé“.

Окуловка.

Отъ Г. А. Джаншіева.

„Шлю отъ подножья Арарата почтительный привѣтъ доблестному юбиляру, такъ много и честно потрудившемуся какъ на народной нивѣ, такъ и для плодотворнаго развитія новаго суда въ духѣ судебныхъ уставовъ и въ водвореніи законности въ администраціи и самоуправленіи“.

Эривань.

Отъ А. Л. и Л. А. Шанявскихъ.

„Жена моя и я просимъ принять сердечное привѣтствіе по случаю пятидесятилѣтія Вашей службы правдѣ, добру и содѣйствію

святому дѣлу женскаго образованія. Душевно желаемъ, чтобы плодотворная просвѣщенная дѣятельность Ваша продлилась многіе и многіе годы на радость всѣхъ глубокоуважающихъ Васъ".

Клинъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ:

Александра Даниловича Шумахера.

„Дорогой и глубокоуважаемый другъ Викторъ Антоновичъ, общую телеграмму нашу, въ которой весь 1-й департаментъ Правительствующаго Сената in corpore, съ оберъ-прокуроромъ, его товарищами и всею канцеляріею, привѣтствуетъ Васъ съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ Вашей полезной государственной дѣятельности, Вы, конечно, уже получили. Съ своей стороны могу къ ней только присовокупить, что всѣ Ваши коллеги съ большою готовностью подписали эту телеграмму и многократно приступали ко мнѣ, чтобы только не запоздать составленіемъ ея до четверга (13 іюня), послѣдняго нашего засѣданія до каникулъ. Не довольствуясь этимъ *общимъ* привѣтствіемъ, я лично отъ себя считаю потребностью своего сердца выразить Вамъ, дорогой другъ мой, мое душевное поздравленіе ко дню, которымъ завершилось 50-лѣтіе Вашей истинно многополезной и многосторонней государственной дѣятельности. Послѣдняя фраза телеграммы выражаетъ смыслъ этой дѣятельности, направленной всегда и всюду къ торжеству закона и справедливости. Главнѣйшая заслуга государственнаго дѣятеля заключается, по моему убѣжденію, въ томъ, чтобы отъ начала до конца оставаться цѣльнымъ человѣкомъ, вѣрнымъ своимъ взглядамъ и цѣлямъ, и эта заслуга, особенно трудно достижимая у насъ въ Россіи, вполнѣ и безспорно принадлежитъ Вамъ, который съ достоинствомъ вышелъ изъ всѣхъ перипетій, встрѣчавшихся на Вашемъ служебномъ поприщѣ, безъ малѣйшихъ уступокъ и сдѣлокъ со своею совѣстью. Вотъ почему я горжусь тѣмъ, что такой человѣкъ, какъ Вы, признаетъ меня своимъ другомъ, и вотъ почему я считаю себя счастливымъ, что мнѣ пришлось послѣднія десять лѣтъ вмѣстѣ съ Вами бороться за правду и справедливость. Если намъ не всегда удавалось доставить торжество закону, то мы все-таки дѣлали для достиженія этого все, что было въ нашихъ силахъ, и не жалѣя труда, а потому со спокойной совѣстью можемъ оглянуться на пройденный нами служебный путь.

Да хранитъ Васъ Господь на многія лѣта—на радость и утѣшеніе всей Вашей семьи и всѣхъ близкихъ Вамъ людей и на пользу

тѣхъ лицъ, интересы которыхъ будутъ находиться въ Вашихъ рукахъ. Не имѣя возможности лично обнять Васъ, я мысленно крѣпко жму Вашу дружескую, честную руку. Молю Бога, чтобы пребываніе Ваше въ Карлсбадѣ увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ, и чтобы настоящій отдыхъ Вашъ отъ занятій подкрѣпилъ Ваши силы для предстоящей еще дѣятельности... Еще разъ обнимаю Васъ.

Искренне уважающій и любящій Васъ..."

Сестрорѣцкъ, 14 іюня 1891 г.

Владиміра Ивановича Лихачева.

„Глубокоуважаемый

Викторъ Антоновичъ.

Считаю себя счастливымъ, что на мою долю выпало удостовѣрить моею подписью прилагаемое постановленіе С.-Петербургской Городской Думы—слабое выраженіе тѣхъ чувствъ, которыхъ не можетъ не испытывать каждый честный гражданинъ земли Русской, сколько-нибудь знакомый съ Вашею дѣятельностью, въ теченіе пятидесяти лѣтъ неуклонно слѣдовавшей по пути чести, добра, справедливости, законности, любви и уваженія къ человѣку.

Позвольте мнѣ не оффиціально, а какъ младшему Вашему товарищу, лично отъ себя поздравить Васъ съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, въ которомъ застаетъ Васъ пятидесятилѣтній юбилей въ сознаніи всѣхъ честныхъ русскихъ людей. Глубоко, искренне, сердечно уважая Васъ, я не могу завидовать этому высокому Вашему положенію, хотя оно поистинѣ завидно, составляя удѣлъ лишь весьма немногихъ, но я горжусь имѣть такого *старшаго*, по училищу, товарища, какъ Вы, Викторъ Антоновичъ, и всегда буду гордиться тѣмъ расположеніемъ, которымъ Вы меня удостоивали.

Вѣрьте, Викторъ Антоновичъ, что все мною сказанное не риторическія фразы, а искренній голосъ душевно Вамъ преданнаго и глубоко почитающаго..."

Спб., 8 іюня 1891 г.

Анатолія Өедоровича Кони.

„Глубокоуважаемый, дорогой

Викторъ Антоновичъ.

На далекомъ Сѣверѣ, почти у полюса, въ области преобладанія тьмы надъ свѣтомъ, есть островъ, объятый льдами... На немъ возноситъ къ небу свою покрытую вѣчнымъ снѣгомъ главу величавая

гора, затвердѣвшая въ борьбѣ со стихіями... Но не холодомъ и мракомъ вѣетъ отъ нея. По дивному устроенію природы—неугасимый огонь кипитъ въ ея нѣдрахъ и рвется наружу, согрѣвая все, что къ ней приближается и далеко разливая свой свѣтъ среди непроглядной полярной ночи. На этотъ свѣтъ устремляетъ свой взоръ заблудившійся путникъ, ободренный надеждою;—на него, какъ на маякъ, указывающій вѣрную и прямую дорогу, смотритъ усталый и обезсиленный кормчій...

Есть люди, подобные этой горѣ. Они умѣютъ согрѣть своимъ внутреннимъ огнемъ приблизившееся къ нимъ сердце и до конца своихъ дней, ропща и негодуя, горятъ чистымъ пламенемъ любви къ правдѣ, справедливости и человѣчеству. Ихъ покрытая снѣгомъ жизни глава зритъ шире и дальше окружающихъ—и видитъ недоступные имъ горизонты, а годы мчатся надъ нею, оставляя лишь физическій, но не нравственный слѣдъ...

Вы, дорогой юбиляръ, принадлежите къ такимъ рѣдкимъ, очень рѣдкимъ людямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Вы свѣтите и грѣете въ многотрудномъ служеніи Вашемъ обществу — прошло пятьдесятъ лѣтъ, и не мало честныхъ сердецъ порадуется сегодня тому, что Вы живете и дѣйствуете, и обратится къ судьбѣ съ настойчивою мольбою продлить Ваши дни!..

Позвольте же одному изъ самыхъ младшихъ учениковъ, а нынѣ товарищей Вашихъ, давно согрѣваемому Вашимъ душевнымъ огнемъ— отъ всего сердца присоединиться къ этой радости и къ этимъ мольбамъ... Семнадцать лѣтъ Вашего дружескаго расположенія служатъ ручательствомъ, что Вы повѣрите тому, что я горячо признателенъ судьбѣ, пославшей на моемъ жизненномъ пути продолжительное общеніе съ такимъ гражданиномъ и человѣкомъ, какъ Вы.

Обнимаю и цѣлую Васъ съ нѣжнымъ уваженіемъ.

Сердечно Васъ любящій..."

Вильдбадъ, 17 іюня 1891 г.

Константина Константиновича Арсеньева.

„Глубокоуважаемый
Викторъ Антоновичъ.

Отъ души поздравляю Васъ съ приближающимся пятидесятилѣтнимъ Вашимъ юбилеемъ. Вашу дѣятельность оцѣнитъ исторія; намъ, современникамъ Вашимъ, остается только пожелать Вамъ еще многихъ лѣтъ энергіи и бодрости и пожалѣть, что до сихъ поръ обстоятельства закрывали для Васъ доступъ къ тому положенію,

оторое одно соотвѣтствовало бы *вполнѣ* Вашимъ умственнымъ и равственнымъ силамъ. Наше несчастье заключается, между проимъ, именно въ томъ, что нашими судьбами слишкомъ рѣдко управляютъ тѣ, которые больше всего въ тому призваны и способны...

Для меня, какъ и для многихъ другихъ, Вы всегда служили бразцомъ исполненія долга, въ высшемъ смыслѣ слова; Ваше расоложеніе было для меня ободреніемъ и поддержкой...

Крѣпко жму Вашу руку и прошу вѣрить глубокому уваженію скренне Вамъ преданнаго..."

Лужскій уѣздъ, 13 іюня 1891 г.

(Отвѣтъ В. А. Арцимовича.

„Дорогой и глубокоуважаемый Константинъ Константиновичъ!

Большое и сердечное Вамъ спасибо за Ваше очень милое и тепое привѣтственное письмо ко дню моего юбилея. Я всегда глубоко асъ уважалъ и не только высоко ставлю Ваши таланты и разнобразные труды, но, скажу прямо, восхищаюсь Вашею, рѣдкою у насъ, епоколебимостью убѣжденій и нравственною чистотою Вашихъ тремленій, отражающихся во всѣхъ сферахъ дѣятельности Вашей. Іоэтому горячій привѣтъ такого хорошаго человѣка, какъ Вы, доставилъ мнѣ истинное наслажденіе.

Заканчивая на склонѣ моей жизни посильное служеніе мое людямъ, искренне желаю Вамъ, дорогой Константинъ Константиновичъ, долго еще работать для развитія въ обществѣ правильныхъ ученій и возбужденія высшихъ идеаловъ между нашими согражданами. Очень бы хотѣлось, чтобы Вы за лѣто отдохнули и радикально излечились отъ Вашихъ недуговъ.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь искренне Вамъ преданный...").

Карлсбадъ, 14 іюля 1891 г.

Ник. Вас. Сахарова.

„Глубоко и искренне чтимый мною
Викторъ Антоновичъ!

„Болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, молодымъ еще человѣкомъ, я имѣлъ высокое счастіе около трехъ лѣтъ провести подъ Вашимъ благотворнымъ, живо памятнымъ и теперь, служебно-нравственнымъ руководствомъ, слышать святые, мудрые Ваши завѣты жизненной правды, видѣть въ Вашемъ лицѣ воплощеніе идеальнаго общественнаго подвижника и въ скромной роли чиновника канцеляріи Вашей

принять посильное участіе въ священномъ историческомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ по калужской губерніи. Бережно храню въ душѣ моей, какъ святыню, эти золотые, лучшіе годы Калуги и личной жизни моей, когда всѣ молодыя, свѣжія силы, вдохновленныя Вашимъ великимъ примѣромъ, беззавѣтно отдавали всю свою душу на это достославное дѣло.

Безмѣрно счастливъ, что въ великій для Васъ и для всей многочисленной массы искреннихъ и глубокихъ почитателей Вашихъ день могу присоединить и мой скромный голосъ къ всеобщему громкому голосу выраженія наилучшихъ, сердечнѣйшихъ пожеланій Вамъ возможно долгихъ дней и сохраненія всей полноты силъ, на служеніе правдѣ и истинѣ и въ примѣръ и поученіе молодымъ поколѣніямъ.

Благоговѣйно преклоняюсь передъ Вами..."

Москва.

(Отвѣтъ В. А. Арцимовича.

„Въ числѣ многочисленныхъ привѣтствій, которыми я былъ удостоенъ по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія моей службы, однимъ изъ наиболѣе обрадовавшихъ меня было присланное мнѣ въ этихъ дняхъ изъ Петербурга письмо Ваше, искренне уважаемый Николай Васильевичъ!

Мнѣ отрадно было узнать, что сочувственная память обо мнѣ сохранилась въ Васъ, несмотря на тридцатилѣтіе, прошедшее со времени прекращенія нашихъ служебныхъ отношеній. Читая Вашъ трогательный привѣтъ, я мысленно вернулся къ тому времени — далекому уже, но навсегда дорогому для меня, когда намъ довелось потрудиться въ Калугѣ надъ проведеніемъ въ жизнь великой реформы 1861 года. Отъ души Вамъ спасибо за доставленное мнѣ Вами большое удовольствіе. Къ сожалѣнію, я не предполагаю въ ближайшемъ будущемъ ѣхать въ Москву, но, быть можетъ, Вамъ приведется быть въ Петербургѣ? Надѣюсь, что въ такомъ случаѣ Вы меня посѣтите и доставите мнѣ тѣмъ возможность возобновить наше прерванное знакомство.

Въ ожиданіи этого, остаюсь совершенно Вамъ преданный...")

Карлсбадъ.

Ив. Ив. Дубенскаго.

„Многоуважаемый

Викторъ Антоновичъ!

Изъ газетъ я узналъ, что сегодня исполнилось пятидесятилѣтіе Вашей общественной дѣятельности. Позвольте мнѣ поздравить съ

мъ знаменательнымъ въ Вашей жизни днемъ и пожелать здоровья многіе годы!

Вездѣ и во всемъ Ваша дѣятельность такъ была замѣтна по имъ большимъ результатамъ, что невольно заставляла и враговъ ших и почитателей удивляться Вашей талантливости. Скажу ьше: то, что сдѣлано Вами на поприщѣ общественной дѣятельти, было частица того, что могли сдѣлать Вы при болѣе благоятно сложившихся обстоятельствахъ. Но и эта частица такъ веа и огромна, что и десятерымъ не удастся въ продолженіе всей ни это совершить при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ лицѣ моемъ я покорнѣйше прошу принять поздравленіе отъ олѣнія, къ которому принадлежу—поколѣнія, уродливо воспитано, но честнаго и до глупости преданнаго высшимъ идеаламъ.

То время, которое прожили Вы въ Калугѣ, теперешнемъ моемъ стожительствѣ, было смутное и тяжелое. Живя въ Калугѣ, я много алъ отъ старожиловъ здѣшнихъ о Вашей дѣятельности изъ того екаго прошлаго, что̀ заставило меня проникнуться къ Вамъ еще ьшимъ, чѣмъ прежде, удивленіемъ! Калуга имѣла много губернаровъ — и до Васъ, и послѣ; но всѣ свои болѣе или менѣе выдаюся событія обыватели калужской губерніи пріурочиваютъ ко врени до или послѣ Вашего губернаторства. Да оно и понятно: калуане ни до Васъ, ни послѣ Васъ не видѣли у себя губернаторовъ такимъ твердымъ и непоколебимымъ характеромъ, съ такимъ брымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ, какими наградила Васъ судьба. зумѣется, и враги Ваши хорошо помнятъ Васъ и никогда не проятъ Вамъ по своей ограниченности, что Вы безъ сожалѣнія бичели ихъ глупость.

Побольше бы такихъ дѣятелей, какъ Вы, и Россія была бы счаслива — это мое убѣжденіе. Счастливая случайность помогла мнѣ знакомиться съ Вами и хотя немного узнать Васъ, и я благодаю судьбѣ, что мнѣ пришлось многому поучиться у Васъ.

Примите увѣреніе въ преданности уважающаго Васъ..."

Калуга.

(Отвѣтъ В. А. Арцимовича.

Большое и сердечное Вамъ, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, асибо за Ваше дружеское письмо и поздравленіе съ моимъ юбиемъ. Позвольте мнѣ, однако, сдѣлать къ Вашему письму одну огоряу. Вы указываете на трудность борьбы при осуществленіи креьянской реформы и называете тогдашнее время „смутнымъ и мымъ"... Повѣрьте искренности моего заявленія, что, участвуя въ

принять посильное участіе въ священномъ историческомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ по калужской губерніи. Бережно храню въ душѣ моей, какъ святыню, эти золотые, лучшіе годы Калуги и личной жизни моей, когда всѣ молодыя, свѣжія силы, вдохновленныя Вашимъ великимъ примѣромъ, беззавѣтно отдавали всю свою душу на это достославное дѣло.

Безмѣрно счастливъ, что въ великій для Васъ и для всей многочисленной массы искреннихъ и глубокихъ почитателей Вашихъ день могу присоединить и мой скромный голосъ къ всеобщему громкому голосу выраженія наилучшихъ, сердечнѣйшихъ пожеланій Вамъ возможно долгихъ дней и сохраненія всей полноты силъ, на служеніе правдѣ и истинѣ и въ примѣръ и поученіе молодымъ поколѣніямъ.

Благоговѣйно преклоняюсь передъ Вами..."

Москва.

(Отвѣтъ В. А. Арцимовича.

„Въ числѣ многочисленныхъ привѣтствій, которыми я былъ удостоенъ по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія моей службы, однимъ изъ наиболѣе обрадовавшихъ меня было присланное мнѣ на этихъ дняхъ изъ Петербурга письмо Ваше, искренне уважаемый Николай Васильевичъ!

Мнѣ отрадно было узнать, что сочувственная память обо мнѣ сохранилась въ Васъ, несмотря на тридцатилѣтіе, прошедшее со времени прекращенія нашихъ служебныхъ отношеній. Читая Вашъ трогательный привѣтъ, я мысленно вернулся къ тому времени — далекому уже, но навсегда дорогому для меня, когда намъ довелось потрудиться въ Калугѣ надъ проведеніемъ въ жизнь великой реформы 1861 года. Отъ души Вамъ спасибо за доставленное мнѣ Вами большое удовольствіе. Къ сожалѣнію, я не предполагаю въ ближайшемъ будущемъ ѣхать въ Москву, но, быть можетъ, Вамъ приведется быть въ Петербургѣ? Надѣюсь, что въ такомъ случаѣ Вы меня посѣтите и доставите мнѣ тѣмъ возможность возобновить наше прерванное знакомство.

Въ ожиданіи этого, остаюсь совершенно Вамъ преданный...").

Карлсбадъ.

Ив. Ив. Дубенскаго.

„Многоуважаемый

Викторъ Антоновичъ!

Изъ газетъ я узналъ, что сегодня исполнилось пятидесятилѣтіе Вашей общественной дѣятельности. Позвольте мнѣ поздравить съ

Послѣ юбилея.

„Русскія Вѣдомости“ 6-го января 1893 г.

Къ числу важнѣйшихъ перемѣнъ, происшедшихъ къ новому году въ персоналѣ высшаго государственнаго управленія, относится оставленіе поста первоприсутствующаго въ 1 департаментѣ Сената сенаторомъ В. А. Арцимовичемъ. Тяжкая болѣзнь, приковавшая къ постели Виктора Антоновича съ прошлаго декабря, вынудила его просить объ отставкѣ, на которую послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ изъявленіемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества признательности за примѣрно-усердное исполненіе обязанностей.

Покидающій активную службу сенаторъ Арцимовичъ принадлежитъ къ числу самыхъ цѣльныхъ, видныхъ и заслуженныхъ дѣятелей великой преобразовательной эпохи. Всего полтора года тому назадъ Викторъ Антоновичъ праздновалъ свой пятидесятилѣтній служебный юбилей. Несмотря на свои 70 слишкомъ лѣтъ, онъ былъ еще такъ свѣжъ, полонъ силъ и воодушевленной энергіи на защиту всего добраго и честнаго, что ничто не предвѣщало возможности близкой разлуки его съ учрежденіемъ, въ исторію котораго онъ вписалъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ. Начало служебной карьеры В. А. Арцимовича относится къ 1841 году. Правовѣдъ одного изъ первыхъ выпусковъ, Викторъ Антоновичъ былъ однимъ изъ піонеровъ, внесшихъ лучъ свѣта въ темное царство нашихъ дореформенныхъ учрежденій. Неподкупный, безпристрастный, энергичный, гуманный и всѣмъ доступный, онъ съ первыхъ же лѣтъ своей службы обратилъ на себя вниманіе правительства и общества, особенно во время службы въ

проведеніи Положенія о крестьянахъ 19 февраля въ калужской губерніи, я былъ совершенно спокоенъ духомъ, и что прожитые мною въ Калугѣ годы были самыми счастливыми!

Жалобы, нападенія, критика — только воодушевляли меня и моихъ сотрудниковъ, усиливали энергію и поддерживали увѣренность въ томъ, что совершалось великое и благодѣтельное преобразованіе. Отрадно было трудиться для великаго дѣла освобожденія, и трудъ этотъ казался легкимъ, такъ какъ меня окружали отличные, способные и преданные этому дѣлу люди.

Отъ души желаю Вамъ самаго лучшаго и остаюсь искренне Вамъ преданнымъ").

Карлсбадъ, 28 іюня 1891

Послѣ юбилея.

„Русскія Вѣдомости“ 6-го января 1893 г.

Къ числу важнѣйшихъ перемѣнъ, происшедшихъ къ но-
ому году въ персоналѣ высшаго государственнаго управленія,
тносится оставленіе поста первоприсутствующаго въ 1 депар-
аментѣ Сената сенаторомъ В. А. Арцимовичемъ. Тяжкая бо-
ѣзнь, приковавшая къ постели Виктора Антоновича съ про-
лаго декабря, вынудила его просить объ отставкѣ, на кото-
ую послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ изъявленіемъ Вы-
очайшей Его Императорскаго Величества признательности за
римѣрно-усердное исполненіе обязанностей.

Покидающій активную службу сенаторъ Арцимовичъ при-
адлежитъ къ числу самыхъ цѣльныхъ, видныхъ и заслужен-
ыхъ дѣятелей великой преобразовательной эпохи. Всего пол-
ора года тому назадъ Викторъ Антоновичъ праздновалъ свой
ятидесятилѣтній служебный юбилей. Несмотря на свои 70
лишкомъ лѣтъ, онъ былъ еще такъ свѣжъ, полонъ силъ и
одушевленной энергіи на защиту всего добраго и честнаго,
то ничто не предвѣщало возможности близкой разлуки его съ
чрежденіемъ, въ исторію котораго онъ вписалъ одну изъ са-
ыхъ блестящихъ страницъ. Начало служебной карьеры В.
. Арцимовича относится къ 1841 году. Правовѣдъ одного
зъ первыхъ выпусковъ, Викторъ Антоновичъ былъ однимъ
зъ піонеровъ, внесшихъ лучъ свѣта въ темное царство на-
шихъ дореформенныхъ учрежденій. Неподкупный, безпристраст-
ый, энергичный, гуманный и всѣмъ доступный, онъ съ
ервыхъ же лѣтъ своей службы обратилъ на себя вниманіе
равительства и общества, особенно во время службы въ

Сибири. Тамъ еще болѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, онъ былъ рѣдкимъ примѣромъ чиновника такого типа и направленія. Но особенно громкую извѣстность пріобрѣлъ Викторъ Антоновичъ дѣятельностью своею въ знаменательную эпоху освобожденія крестьянъ. Назначенный въ 1858 г., въ самый разгаръ приготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ, калужскимъ губернаторомъ, онъ стремился всѣми зависящими отъ него средствами склонить мѣстное дворянство въ пользу этой реформы, которой самъ былъ преданъ всею душою. Затѣмъ, въ 1861 г. В. А. Арцимовичъ всѣми силами способствовалъ справедливому проведенію крестьянской реформы, безъ ущерба интересамъ крестьянъ, для чего успѣлъ сформировать одинъ изъ лучшихъ во всей Россіи персоналъ мировыхъ посредниковъ. Какъ разнообразна и плодотворна была дѣятельность Виктора Антоновича въ калужской губерніи, можно судить по тому, что и донынѣ имя его хранится въ благодарной памяти калужскаго общества и даже крестьянства (см. Русскія Вѣдомости 1891 г., № 164). Съ 1866-го по 1880-й годъ Викторъ Антоновичъ былъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и очень долго замѣщалъ первоприсутствующаго. Онъ оказалъ громадныя услуги новому суду въ первую, особенно трудную пору его дѣятельности разумнымъ истолкованіемъ Судебныхъ Уставовъ и энергическимъ отстаиваніемъ ихъ основныхъ началъ.

Съ 1880 года Викторъ Антоновичъ занялъ отвѣтственный постъ предсѣдательствующаго сенатора въ 1 департаментѣ Сената. Къ числу важныхъ функцій этого учрежденія нашего высшаго государственнаго управленія принадлежитъ разрѣшеніе коллизій между органами мѣстнаго самоуправленія и представителями высшей администраціи. И безъ того многотрудныя обязанности первоприсутствующаго въ 1 департаментѣ сдѣлались особенно щекотливыми за время служенія Виктора Антоновича, когда наступила реакція противъ преобразованныхъ учрежденій. Еще не настало время для полной и всесторонней оцѣнки дѣятельности сенатора Арцимовича за послѣдніе годы. Но уже и теперь можно отмѣтить, что, благодаря своему знанію законодательства, нравственному авторитету и непреклонной энергіи въ защитѣ принциповъ права—онъ не мало способствовалъ охраненію истиннаго смысла преобразовательнаго законодательства отъ попытокъ, направленныхъ противъ него и проникнутыхъ мимолетными настроеніями.

Отдѣлъ пятый.

ПОСМЕРТНЫЙ.

(† 2-е марта 1893 г.).

ПОСЛѢДНІЙ ПОРТРЕТЪ
Виктора Антоновича Арцимовича.

Я юнаго тебя чуть помню. Это было,
    О, старый другъ мой, такъ давно!
Неузнаваемо насъ время измѣнило;
И для тебя свой бѣгъ ужъ кончило оно.
Твой старческій портретъ всегда передо мною.
    Онъ ближе мнѣ. Да; это—ты.
Вотъ многодумное чело подъ сѣдиною;
Вотъ жизни трудовой поблеклыя черты,
И твой глубокій взоръ, такъ выразившій много
    Въ тотъ мигъ, какъ снятъ съ тебя портретъ:
Въ немъ грусть безсилія съ сознаніемъ побѣдъ
И сердца доброта съ упорствомъ мысли строгой.
Ты будто говоришь: „Я больше не могу.
    „Усталъ. Сдаюсь... но не безъ бою;
„Да буду памятенъ и другу и врагу!
„Вглядись въ меня и ты увидишь предъ собою—
    „Послѣдній выводъ жизни всей.
„И вотъ ужъ я разстался съ нею...
„Что-жъ! все еще меня жалѣешь, Алексѣй?"
    О, да, мой другъ; о, да, жалѣю!
Печальной памятью отмѣчена пора,
Въ которую тебѣ угаснуть было надо—
    Передъ святынею добра
    Неугасимая лампада!

А. М. Жемчужниковъ.

1898 г.

„Новости“. 6 марта 1893 г.

Тяжелая утрата.

Однимъ истинно праведнымъ человѣкомъ стало меньше на свѣтѣ. Отошелъ въ вѣчность доблестный служитель земного правосудія, умный и энергическій проводникъ многихъ реформъ прошлаго царствованія, образцовый общественный дѣятель и человѣкъ—„человѣкъ“ прежде всего. 2-го марта скончался сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, до конца прошлаго года исполнявшій многотрудныя обязанности первоприсутствующаго въ 1-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Съ именемъ Арцимовича связано много отрадныхъ воспоминаній о минувшей эпохѣ, оставившей неизгладимые слѣды въ общественной жизни страны. Онъ былъ яркимъ воплощеніемъ человѣчности, легшей въ основу великихъ реформъ, обновившихъ Россію. Преобладаніемъ человѣчности во всѣхъ проявленіяхъ многолѣтней общественной дѣятельности покойнаго сенатора и объясняется то безграничное уваженіе, которымъ пользовалась эта глубоко-честная и обаятельная личность.

Такія цѣльныя натуры встрѣчаются у насъ очень рѣдко. Жизнь подчасъ губитъ въ зародышѣ способность къ иниціативѣ, не позволяетъ развернуться всѣмъ сторонамъ богато-одаренной натуры. Непосильная борьба со стихійными силами подтачиваетъ энергію, ослабляетъ вѣру въ себя, заставляетъ мириться съ существующимъ зломъ, утѣшая себя удобнымъ афоризмомъ, что одинъ въ полѣ не воинъ.

Не таковъ былъ Викторъ Антоновичъ. Онъ неустанно боролся за свои завѣтныя убѣжденія и большею частью выходилъ побѣдителемъ. Къ этой борьбѣ, не позволяющей человѣку заплѣсневѣть, опуститься, онъ готовился чуть ли не со школьной скамьи. Этой борьбой со зломъ и невѣжествомъ наполнена была

ся плодотворная жизнь почившаго дѣятеля. Онъ принадлежалъ ъ славной плеядѣ старыхъ правовѣдовъ, давшей Россіи много амѣчательныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ обще- твенной дѣятельности, работниковъ, не положившихъ оружія до ѣхъ поръ, пока старая кривда не спасовала передъ новой эрой правды и милости", наступившей 17 апрѣля 1866 года.

Не въ столичныхъ салонахъ познакомился онъ со всѣми звами, разъѣдающими общественный организмъ страны. Въ тухой провинціи, въ медвѣжьихъ углахъ захолустныхъ губерній, ь далекой Сибири сталъ онъ изучать народный бытъ. Благодаря воему дѣятельному участію въ сенаторскихъ ревизіяхъ, Викторъ нтоновичъ успѣлъ основательно познакомиться съ непоказными торонами народной жизни, со всѣми ея разнообразными, глубоко- коренившимися уклоненіями отъ требованій закона, со всѣми опіющими злоупотребленіями тогдашней эпохи, вообще богатой сяческими уклоненіями. Для будущаго участника коренныхъ еформъ, обновившихъ страну, это была хорошая подготови- ельная школа.

При наступленіи желанной эпохи реформъ Арцимовичъ ока- ался на высотѣ предстоявшей ему задачи. Во время освобо- денія помѣщичьихъ и иныхъ крестьянъ отъ крѣпостной за- исимости Викторъ Антоновичъ занималъ должность калужскаго убернатора. Старожилы до сихъ поръ съ умиленіемъ вспоми- ають объ этомъ времени. Достаточно сказать, что калужская убернія была едва ли не единственная, гдѣ введеніе уставныхъ рамотъ не сопровождалось крестьянскими безпорядками. Ве- икая реформа была введена мирно и легально, безъ малѣйшаго отрясенія. Просвѣщенная, разумная, миротворческая дѣятель- ость Арцимовича понадобилась въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ онъ сполнялъ обязанности министра юстиціи вплоть до введенія удебной реформы въ обѣихъ столицахъ и внутреннихъ гу- ерніяхъ.

Выдающееся значеніе Арцимовича началось, собственно, съ омента назначенія его сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго епартамента. Это былъ первый призывъ лучшихъ правовыхъ илъ общества, дождавшагося, наконецъ, судебной реформы. Для оваго вина понадобились новые мѣха, и будущій историкъ воз- ожденія Россіи при Александрѣ II добромъ вспомянетъ кру- жокъ даровитыхъ и преданныхъ своему святому дѣлу дѣятелей, ошедшихъ въ первый составъ высшаго судилища въ Имперіи. Между этими свѣтлыми личностями, въ родѣ Буцковскаго и дру- ихъ, видное мѣсто займетъ и Викторъ Антоновичъ. Дѣятель-

ность его, въ качествѣ истолкователя законовъ для однообразнаго ихъ примѣненія во всѣхъ русскихъ судахъ, принадлежитъ исторіи.

Много труда, знанія и энергіи вложилъ покойный въ это дѣло, пока спорные вопросы, волновавшіе первыхъ дѣятелей кассаціоннаго суда, были разрѣшены удовлетворительно, сдѣлались достояніемъ передовой части русскаго юридическаго міра. Трудны были только первые шаги на неизвѣданномъ пути правовой интерпретаціи, обязательной для всего судебнаго сословія, а тамъ дѣятельность кассаціоннаго суда пошла уже по проторенной колеѣ. Въ новомъ напряженіи умственныхъ силъ такихъ юристовъ, какъ Арцимовичъ, Буцковскій, Стояновскій и Ковалевскій, не предстояло больше надобности. Съ начала 1880 года Викторъ Антоновичъ перешелъ въ первый департаментъ Правительствующаго Сената, гдѣ онъ исполнялъ многотрудныя обязанности первоприсутствующаго въ теченіе 12 лѣтъ.

Этотъ періодъ его дѣятельности былъ едва ли не самый сложный въ теченіе его продолжительной, болѣе чѣмъ полувѣковой службы. Насколько его прежняя дѣятельность въ кассаціонномъ сенатѣ была на виду у всѣхъ, настолько его работа въ первомъ департаментѣ была неизвѣстна публикѣ. Только лица, близко соприкасающіяся съ судебными сферами или лично заинтересованныя въ исходѣ даннаго дѣла, могутъ удостовѣрить, какую благотворную роль игралъ въ этой должности, сколько свѣта, теплоты, человѣчности и дѣйствительной, а не одной только формальной справедливости вносилъ онъ въ дѣло возстановленія чужихъ правъ, попранныхъ сторонними вліяніями и людскою злобою. Со смертью этого неподкупнаго, въ высокой степени справедливаго судьи многіе обездоленные люди сочтутъ себя осиротѣлыми. Они вполнѣ оцѣнятъ громадную утрату, понесенную не одними тяжущимися, но и всѣми, кому дорого торжество правосудія въ Россіи.

Да, человѣкъ онъ былъ, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Къ нему вполнѣ примѣнимы слова Гамлета: „He was a man“. Это былъ едва ли не послѣдній могиканъ незабвенной эпохи реформъ. Лучшіе люди уходятъ, оставляя вокругъ себя пустое мѣсто, трудно восполняемые пробѣлы. Его жизнь не прошла безъ пользы для страны, гдѣ онъ родился, для народа, изъ среды котораго онъ вышелъ. Память, оставленная доблестнымъ старцемъ, не заглохнетъ между его согражданами. Съ любовью и благословеніями перейдетъ имя Арцимовича въ потомство, съ глубокимъ уваженіемъ произнесется имя этого честнаго, стойкаго друга обездоленныхъ и ревнителя общественной пользы. П. Л.

Journal de St-Pétersbourg. 7 Mars 1893.

— Le *Nouveau Temps* publie un article qui fait deviner la plume de l'un de nos écrivains contemporains les plus distingués et qui est consacré à la mémoire du sénateur Victor Artsimovitch, décédé cette semaine dans notre capitale. Au point de vue officiel, le défunt était sénateur, conseiller privé actuel et grand-croix de l'ordre de St-Vladimir; mais pour ceux qui le connaissaient de plus près, il y avait en lui autre chose que le personnage officiel, c'est-à-dire un „homme" dans toute l'acception du terme. Il connaissait la Russie sous bien des aspects et ses connaissances étaient puisées, non dans les livres, mais dans la vie réelle.

Appartenant à la deuxième sortie de l'école de droit (1841), il ne resta pas longtemps dans les chancelleries du sénat, mais se vit bientôt attaché aux revisions sénatoriales qui fondaient, sur telle ou telle province de notre vaste Empire, comme des ouragans qui balayaient la contrée, au nom de la loi méconnue, sévissant contre l'arbitraire et les écarts de tout genre. Il n'y avait pas pour les jeunes gens de meilleure école que ces revisions sénatoriales; ils y apprenaient à respecter la loi, à avoir de la compassion pour les humbles et les victimes, et à connaître les véritables besoins du peuple.

Artsimovitch prit part, de 1842 à 1845, aux revisions des gouvernement d'Orel et de Kalouga, de même qu'à celle de la préfecture de Taganrog, et, en 1851, il partit, avec l'aide de camp général Annenkow, pour la Sibérie occidentale, où la revision de notre administration des mines faisait beaucoup de bruit à cette époque. En 1854 nous l'y trouvons déjà gouverneur de la province de Tobolsk, qui alors était le centre d'où les exilés étaient envoyés dans toutes les directions. C'était un poste de grande responsabilité, mais le défunt avait le don de s'entourer d'excellents collaborateurs, trouvant non seulement de braves gens, mais encore des personnalités qui convenaient à tel genre donné d'activité.

Cette connaissance des hommes lui profita surtout lorsque, après avoir quitté Tobolsk, d'où jusqu'à ces derniers temps encore lui arrivaient les échos des sympathies qu'il y avait laissées, Artsimovitch devint, après avoir travaillé dans les commissions chargées de la préparation de la réforme de l'émancipation des serfs, gouverneur de Kalouga et qu'il fut appelé à

y mettre cette réforme en vigueur. L'appel qu'il adressa aux forces vives de la contrée lui fournit un remarquable contingent de jeunes gens qui, en qualité d'arbitres de paix et de membres effectifs des commissions locales, accomplirent vaillamment leur devoir, soutenus par le gouverneur lui-même contre les attaques dont ils étaient l'objet de toutes parts.

Le défunt aimait à se rappeler de cette grande époque, pendant laquelle il servit avec la plénitude de ses forces.

Artsimovitch ne fit que passer par le sénat de Moscou et ne resta pas longtemps non plus dans la haute administration du royaume de Pologne, où il était entré ensuite, la réforme judiciaire l'ayant appelé à une nouvelle sphère d'activité. Personne mieux que lui ne s'était pénétré de l'esprit de cette réforme, qui fut le triomphe des sentiments d'humanité et des droits de l'individualité sur la convention et le formalisme. Le nouvel ordre de choses avait besoin cependant d'être guidé, consolidé, les lois commentées. C'était là la tâche naturelle du département de cassation du sénat dirigeant, dont Artsimovitch devint l'un des membres les plus actifs, à l'égal des Boutskovsky et des Kovalevsky, dont l'histoire a consigné les noms dans ses annales. Pendant les seize ans qu'il y resta, Artsimovitch présida souvent l'assemblée et s'y distingua par la largeur des vues, une haute équité et le respect de la personnalité humaine.

Lorsque ce premier travail d'initiation fut achevé, le rôle de simple juge de cassation parut trop étroit à cet esprit généralisateur par excellence. Aussi trouva-t-il une activité plus conforme à sa nature lorsqu'il fut placé à la tête du premier département du sénat, auquel incombe la haute surveillance administrative, le rétablissement de la légalité, la promulgation des lois et la sauvegarde des droits des différentes classes de la société, et il s'y livra avec toute l'énergie dont il était capable pendant les douze dernières années de son existence. Dans cette arène de grandes contestations, il est difficile de garder un calme olympien et Artsimovitch n'a jamais prétendu à le posséder; aussi, se mettant du côté du bon droit, il le soutenait énergiquement et sans fléchir. Dans cette lutte incessante ses forces commencèrent à fléchir, sa santé fut ébranlée et il disparut de l'arène de la vie au moment où le repos devait lui être assuré par son transfert dans le *plenum*. Le repos temporaire s'est changé pour lui en repos éternel...

Le repos, synonyme d'inactivité, n'aurait cependant pas pu lui convenir. Il suffisait de le voir pour se convaincre que des

hommes de cette trempe ne se reposent point. Quelqu'un a comparé certaines physionomies à des habitations qui exhalent le froid et l'humidité. Il n'en était pas ainsi de la physionomie d'Artsimovitch. Dans ses yeux vifs, bons et pénétrants, luisait la chaleur d'une âme qui comprend et pardonne, tout comme son large sourire, d'une ironie si bénigne, trahissait l'affabilité d'un homme d'une courtoisie de vieille roche. On dit que dans les discussions il était raide; d'aucuns l'accusaient même de tendance et d'exclusivisme, mais ce sont autant de reproches immérités. „L'exclusivisme, dit l'auteur de la caractéristique que nous reproduisons, est mauvais lorsqu'il est voulu, la tendance exaspère lorsqu'elle n'est pas le résultat de la conviction. Un homme entier, droit et courageux comme l'était Artsimovitch, du moment qu'il avait acquis la fois dans la justesse d'un point de vue, qui lui était dicté par l'expérience et la conscience, ne quittait plus la voie dans laquelle il s'était engagé. Le reproche de raideur, lorsqu'il s'agissait de la vivacité qu'il mettait dans les discussions, serait plus vrai, mais c'est là un trait qui complète l'image du défunt, que tous ceux qui l'ont connu ne peuvent se représenter insinuant et mou dans la défense de ses convictions".

Dans la vie privée, Artsimovitch se distinguait par une amabilité raffinée, rehaussée encore par sa bonne humeur dans les conversations intimes. S'intéressant à toutes choses, donnant son avis sur chaque question, il profitait de ses vastes lectures et affectionnait les entretiens sur l'histoire et la littérature. Ce penchant était entretenu depuis longtemps par le milieu dans lequel il vivait, étant marié à la sœur de A. Jemtchoujnikow, le poète distingué qui, avec ses frères et le comte Alexis Tolstoy, avait créé le genre dit de Kouzma Proutkow. Quoique se tenant à l'écart des réunions mondaines et ne fréquentant pas le théâtre, Artsimovitch n'avait cependant guère de temps libre. Le peu qui lui en restait, il le consacrait à ses proches et aux personnes qui avaient besoin de lui, se donnant tout entier à elles. Il était surtout de bon conseil, prêtant un appui moral aux personnes qui en avaient besoin. C'est alors surtout que se révélaient les côtés les plus touchants de son âme. „Lorsqu'il commence à faire sombre dehors, on renforce la lumière dans la maison", a dit un célèbre orateur sacré russe. Lorsque quelqu'un de l'entourage d'Artsimovitch, troublé par les ténèbres de l'existence qui commençaient à l'envelopper, faisait appel à son

cœur, lui aussi renforçait, avec joie et sollicitude, le feu intérieur, afin de pouvoir réchauffer, encourager et guider l'affligé.

La maladie, qui rongeait ses forces vitales, le fit beaucoup souffrir à la fin de ses jours. Mais ni le mal, ni la vieillesse (il est mort à 73 ans) n'eurent de prise sur son être moral. Jusqu'à ses derniers jours il resta jeune de cœur et lucide d'esprit. Cette attrayante personnalité continuera à vivre dans la mémoire de ceux qui avaient rencontré le défunt sur leur chemin, et qui furent témoins de la persévérance qu'il mettait à servir la cause du bien et de la justice.

„Herold" 7 (19) März 1893.

Der verstorbene Senator Arzimowitsch, über dessen, nach ununterbrochener 50 jähriger Wirksamkeit im Dienste des Staates, am 2. d. Mts. erfolgten Tod wir bereits berichtet haben gehörte zu denjenigen hervorragenden Männern, deren selbstlose, weit über die Grenzen der jeweiligen Amtspflichten reichende Thätigkeit ein bleibendes Gedächtniss in den verschiedensten Schichten der Gesellschaft hinterlässt.

Die rege Betheiligung an der Seelenmesse, die am 5 März in der katholischen Katharinen-Kirche stattfand, von wo aus die irdische Hülle des Verstorbenen nach dem Wiborger Friedhofe zur letzten Ruhestätte übergeführt wurde, liefert einen beredten Beweis dafür, wie umfangreich der Wirkungskreis und wie vielseitig und makellos die rastlose Arbeit dieses Mannes war.

Nicht nur die Senatoren in corpore und hervorragende Vertreter der höchsten administrativen Kreise und der Gerichtsinstitutionen Petersburgs hatten sich zu dem Leichenbegängniss eingefunden — es nahmen daran, neben zahlreichen persönlichen Freunden und Verehrern des Dahingeschiedenen, auch Repräsentanten verschiedener Wohlthätigkeitsanstalten, Schulen, der pädagogischen Curse, der weiblichen Aerzte und Delegirte aus der Provinz Theil. Ja, die Votivsprüche auf den Kränzen, die den Sarg bedeckten, hatten eben Recht: es wurde nicht nur ein „treuer Wächter des Gesetzes", sondern auch ein „Staatsbürger und Menschenfreund" zu Grabe geleitet.

Von der Natur reich begabt, gehörte Arzimowitsch zu denjenigen Idealisten der ersten Hälfte unseres Jahrhunderts, die es verstanden haben, trotz der Alles zersetzenden materialistisch-pessimistischen Richtung der Neuzeit, ihre ethischen und mora-

lischen Grundsätze unversehrt und ungeschmälert aus der Jugendzeit ins Greisenalter hinüberzuretten. Dabei war er aber weder ein Schwärmer, noch ein Hardenscher „Phrasier"; Wort und That waren für ihn gleichbedeutend und es darf ihm besonders hoch angerechnet werden, dass er im Laufe seines ganzen wechselvollen Lebenswandels niemals auch nur „einen Fingerbreit" von seinen Rechts- und Pflichtbegriffen abwich, was hin und wieder von Personen, die ihn wenig kannten, fälschlich als Einseitigkeit und Principienreiterei ausgelegt wurde.

Die Fähigkeit, diese Gesinnungstüchtigkeit auch praktisch zu verwerthen, verdankt Arzimowitsch dem Umstande, dass er als Jüngling, kurz nach der Absolvirung des Studiums in der Rechtsschule, Gelegenheit fand, thätigen Antheil an den Senatorenrevisionen zu nehmen, welche in den Jahren 1842 bis 1845 in den mittleren Gouvernements und in Südrussland stattfanden. Diese Senatorenrevisionen, die mit Recht als Vorboten der Reformzeit des Kaiser Alexander II, galten, gaben dem strebsamen, arbeitsamen Jüngling die Möglichkeit, nicht nur die Mängel des damals so arg darniederliegenden Beamtenthums aus eigener Anschauung kennen zu lernen, sondern sich auch die Welt- und Menschenkenntniss anzueignen, die er im reiferen Alter, als er zu einer höheren und organisatorischen Thätigkeit berufen wurde, aufzuweisen im Stande war.

Zunächst war es die administrative Reform in Polen, die seine Kräfte in Anspruch nahm, doch seine Hauptthätigkeit fällt in die Zeit der Justizreform vom Jahre 1864, wo er, dem ehrenvollen Rufe des Kaisers Folge leistend, zum Senator des neu creirten Criminal-Cassationsdepartements ernannt wurde, dem er sodann im Laufe von 16 Jahren (bis zum Jahre 1880) seinen Arbeitsfleiss und seine Kenntnisse, bald als Mitglied, bald als Vorsitzender, widmete.

Gerade während dieser 16jährigen Arbeitsperiode gelangte sein Wirken und Schaffen zur vollen Entfaltung und es unterliegt keinem Zweifel, dass Arzimowitsch, ebenso wie die Senatoren Kowalewskij und Buzkowskij, in den Annalen der Rechtsentwickelung Russlands an hervorragender Stelle zu verzeichnen ist.

Es liegt auf der Hand, dass bei dem verwahrlosten Zustande unseres Beamtenthums in den 60er Jahren die Gesetzgebung allein es durchaus nicht vermocht hätte, die Rechtszustände des Reiches auf die erwünschte Entwickelungsstufe zu bringen; es mussten vor allen Dingen zuverlässige, kenntnissreiche Lenker an die Spitze des Gerichtswesens gestellt werden, die im Stande

wären, die neuen Gerichte in die ihnen von der Gesetzgebung vorgeschriebenen neuen Bahnen zu lenken und vor einem Rückfalle in den früheren Kanzlei-Schlendrian zu behüten.

Dieser schwierigen Aufgabe waren gerade solche Männer wie Arzimowitsch, Kowalewskij und Buzkowskij gewachsen. Nicht nur, dass sie es verstanden haben, die Reformideen Kaiser Alexander des II auf dem Gebiete des Justizwesens zu verwirklichen und zu verkörpern, sondern sie haben auch an der Grundsteinlegung und dem Weiterbau der jetzigen Gerichtspraxis mit derartigem Erfolge mitgearbeitet, dass bereits nach 15jähriger anstrengender Arbeit Senator Arzimowitsch, bei seiner im Jahre 1880 erfolgten Versetzung in das administrative Departement (das erste Departement) des Senats, mit vollem Selbstbewusstsein auf den unter seiner thätigen Mitwirkung vollendeten und unter Dach gebrachten Bau der Gerichtspraxis blicken durfte.

Seit dieser Zeit entfaltete Arzimowitsch dieselbe rührige und unermüdliche Thätigkeit im ersten Departement des Senats, dessen ältester und leitender Senator er bis zum Todestage verblieb. Einem langjährigen und heimtückischen Leiden Trotz bietend, schöpfte er während der letzten zwölf Lebensjahre aus dem reichen Schatze seines Geistes und seines Herzens die moralischen Kräfte, die ihm die Möglichkeit gaben, den Anforderungen und Aufgaben, welche er sich selbst stellte, mit fast jugendlicher Energie und Ausdauer gerecht zu werden.

Ausserhalb seiner amtlichen Wirksamkeit widmete er seine Mussestunden ausschliesslich dem Familienleben, der Wohlthätigkeit und dem Studium der Geschichte und Literatur. Der Materialismus und die kleinlichen Lebensinteressen haben niemals seinen Lebensweg durchkreuzt.

Als Idealist und Menschenfreund trat er im Jahre 1842 ins öffentliche Leben—als „Wächter des Gesetzes", als „wahrer Staatsbürger und Menschenfreund" wurde er nach einem 50jährigen segensreichen Wirken und Schaffen zu Grabe geleitet. Friede seiner Asche.

Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 17 марта 1893 г.

16 марта, въ 12 ч. дня, въ каѳедральномъ соборѣ преосвященнымъ епископомъ Іустиномъ, въ присутствіи г. управляющаго губерніею, чиновъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ и гражданъ города, была отслужена панихида по скончав-

шемся бывшемъ тобольскомъ губернаторѣ, сенаторѣ д. т. с. Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ.

Послѣдне-полученныя столичныя газеты принесли намъ прискорбное извѣстіе о кончинѣ 2-го сего марта первоприсутствовавшаго въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената, старѣйшаго сенатора, д. т. с. Виктора Антоновича Арцимовича.

Покойный Викторъ Антоновичъ родился въ Бѣлостокѣ въ 1820 г. По окончаніи училища правовѣдѣнія Викторъ Антоновичъ 17 іюня 1841 г. поступилъ на службу въ канцелярію Правительствующаго Сената помощникомъ секретаря. Во время начальной своей службы Викторъ Антоновичъ состоялъ при сенаторахъ, ревизовавшихъ въ 1842—1844 годахъ губерніи орловскую и калужскую, а также керченское и таганрогское градоначальства. Въ 1844 году Викторъ Антоновичъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и вскорѣ затѣмъ назначенъ секретаремъ общаго собранія 1-го и 3-го департаментовъ. Въ концѣ 1840-хъ годовъ покойный участвовалъ въ ревизіи Сибири и въ 1854 году, въ чинѣ статскаго совѣтника, былъ назначенъ тобольскимъ губернаторомъ. Отсюда, черезъ 4 года, Викторъ Антоновичъ перемѣщенъ былъ на тотъ же постъ въ хорошо знакомую ему по ревизіи Калугу. Въ концѣ 1850-хъ годовъ Викторъ Антоновичъ участвовалъ въ комиссіяхъ по преобразованію губернскихъ и уѣздныхъ мировыхъ учрежденій, а также по составленію проектовъ о земскихъ банкахъ. Въ 1862 г. Викторъ Антоновичъ произведенъ былъ въ чинъ тайнаго совѣтника и получилъ назначеніе въ сенаторы. Въ слѣдующемъ году тайный совѣтникъ Арцимовичъ былъ командированъ въ Царство Польское, съ назначеніемъ членомъ совѣта управленія и вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта Царства Польскаго и членомъ комитета по устройству крестьянъ этого края. Съ 1866 года Викторъ Антоновичъ присутствовалъ въ Сенатѣ. Въ 1868 году Виктору Антоновичу повелѣно было исправлять должность первоприсутствующаго въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. Затѣмъ, 1 января 1880 г. покойный былъ переведенъ въ 1-й департаментъ Сената старшимъ сенаторомъ. Послѣднею наградою Виктору Антоновичу былъ орденъ св. Владиміра 1-й степени, пожалованный въ 1891 году.

Много полезнаго сдѣлано было покойнымъ сановникомъ во время своего губернаторства для нашей тобольской губерніи. Не исчисляя пока въ краткомъ некрологѣ всѣхъ тѣхъ благо-

творныхъ дѣяній, какими сопровождались годы этого губернаторства (съ 16 марта 1854 по 27 іюля 1858 г.), не можемъ и здѣсь не замѣтить, что за время Виктора Антоновича нашъ Тобольскъ измѣнился во многомъ къ лучшему: такъ, напримѣръ, Викторомъ Антоновичемъ была вполнѣ устроена Маріинская женская школа; оказано было горячее содѣйствіе къ переселенію бѣдноты съ ежегодно затопляемыхъ предмѣстій города на другія мѣста; приведено было въ порядокъ снаружи и внутри зданіе общественнаго собранія; устроенъ городской садъ при памятникѣ Ермаку; положено основаніе изданію мѣстнаго правительственнаго органа — „Губернскихъ Вѣдомостей", и пр., и пр. Не мало времени истекло съ оставленія Викторомъ Антоновичемъ управленія губерніею, но внимательный начальникъ не забылъ ея. Въ 1891 г. на привѣтственную телеграмму тоболяковъ по случаю совершившагося 17 іюня пятидесятилѣтняго юбилея службы Викторъ Антоновичъ прислалъ бывшему начальнику губерніи изъ Австріи отъ 26 іюня слѣдующій сердечный отвѣтъ: „Сегодня получилъ я здѣсь, въ Карлсбадѣ — мѣстѣ ежегоднаго моего леченія, пересланную изъ Петербурга привѣтственную телеграмму, которою вашему превосходительству, совмѣстно съ другими высшими представителями тобольскихъ судебныхъ и городскихъ общественныхъ учрежденій и мѣстныхъ учебныхъ заведеній, угодно было почтить меня въ день пятидесятилѣтней моей службы. Привѣтъ этотъ, дошедшій до меня изъ дорогого мнѣ Тобольска, спустя болѣе тридцати лѣтъ послѣ моего отъѣзда изъ Сибири, глубоко меня растрогалъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостно меня удивилъ, такъ какъ я не могъ ожидать, чтобы за такой значительный періодъ времени память обо мнѣ сохранилась среди тобольскаго населенія. Возвращаясь мысленно къ прошлому, я счастливъ, что мнѣ довелось въ сравнительно молодые годы принести мои слабыя силы на служеніе тобольской губерніи, дальнѣйшее преуспѣяніе которой и теперь, на склонѣ моихъ лѣтъ, является однимъ изъ завѣтныхъ моихъ пожеланій". Но это письмо было уже послѣднимъ привѣтомъ Тобольску Виктора Антоновича.

Миръ праху твоему, достопамятный начальникъ!

Чествованіе памяти В. А. Арцимовича не ограничилось въ Тобольскѣ панихидой, совершенной 16-го марта въ каѳедральномъ соборѣ преосвященнымъ Іустиномъ, въ сослуженіи городского духовенства. 17 марта, въ $11^1/_2$ час. утра, отслужена была по скончавшемся панихида въ помѣщеніи тобольской

Маріинской женской школы о. законоучителемъ школы, протоіереемъ М. П. Путинцевымъ, въ присутствіи г. управляющаго губерніей, барона К. П. Фредерикса, директора училищъ П. И. Панова, учебно-воспитательнаго персонала школы и ученицъ ея.

Съ именемъ Виктора Антоновича связанъ очень знаменательный моментъ въ жизни школы—ея преобразованіе въ 1854 году изъ дѣвичьяго приходскаго училища въ Маріинскую школу, съ 2-мя отдѣленіями, изъ коихъ 2-ое, или высшее, становилось въ одинъ уровень съ средне-учебными заведеніями вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. 3-го апрѣля 1854 г. полученъ былъ въ Тобольскѣ Высочайше утвержденный журналъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, коимъ мѣстное дѣвичье училище преобразовывалось въ Маріинскую школу, въ честь Государыни Цесаревны, впослѣдствіи Государыни Императрицы Маріи Александровны, ближайшему покровительству которой и ввѣрялось вновь открываемое женское учебное заведеніе. Въ концѣ мая прибылъ въ Тобольскъ новый губернаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Живой, энергичный, отзывчивый на все доброе, Викторъ Антоновичъ дѣятельно принялся за выполненіе Высочайше утвержденнаго проекта: подъ своимъ предсѣдательствомъ онъ учредилъ Совѣтъ школы, въ составъ котораго вошли директоръ училищъ П. М. Чигиринцевъ, депутатъ отъ купечества Н. С. Пиленковъ, депутатъ отъ чиновниковъ П. Н. Свистуновъ; супруга В. А. Анна Михайловна, урожденная Жемчужникова, была назначена попечительницей школы; дѣлопроизводителемъ Совѣта избранъ былъ С. Н. Николаевъ, а надзирательницей школы утверждена была А. И. Рѣзанова [1]). 22-го іюля 1854 года, по окончаніи литургіи и молебствія въ каѳедральномъ соборѣ, торжественно была принесена оттуда въ домъ школы св. икона Абалакской Божіей Матери, и вмѣстѣ съ нею прибыли сюда преосвященный Евлампій съ духовенствомъ, г. начальникъ губерніи Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, члены Совѣта и почетныя лица города. Здѣсь, по прочтеніи краткой записки о состояніи бывшаго приходскаго дѣвичьяго училища за учебный 1853—54 годъ, о пожертвованіяхъ на устройство и содержаніе школы и о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на открытіе ея, преосвя-

---

[1]) А. И. Рѣзанова и С. Н. Николаевъ, здравствующіе и доселѣ, были приглашены на панихиду и явились живыми свидѣтелями воспоминаемаго школою событія.

творныхъ дѣяній, какими сопровождались годы этого губернаторства (съ 16 марта 1854 по 27 іюля 1858 г.), не можемъ и здѣсь не замѣтить, что за время Виктора Антоновича нашъ Тобольскъ измѣнился во многомъ къ лучшему: такъ, напримѣръ, Викторомъ Антоновичемъ была вполнѣ устроена Маріинская женская школа; оказано было горячее содѣйствіе къ переселенію бѣдноты съ ежегодно затопляемыхъ предмѣстій города на другія мѣста; приведено было въ порядокъ снаружи и внутри зданіе общественнаго собранія; устроенъ городской садъ при памятникѣ Ермаку; положено основаніе изданію мѣстнаго правительственнаго органа — „Губернскихъ Вѣдомостей“, и пр., и пр. Немало времени истекло съ оставленія Викторомъ Антоновичемъ управленія губерніею, но внимательный начальникъ не забылъ ея. Въ 1891 г. на привѣтственную телеграмму тоболяковъ по случаю совершившагося 17 іюня пятидесятилѣтняго юбилея службы Викторъ Антоновичъ прислалъ бывшему начальнику губерніи изъ Австріи отъ 26 іюня слѣдующій сердечный отвѣтъ: „Сегодня получилъ я здѣсь, въ Карлсбадѣ — мѣстѣ ежегоднаго моего леченія, пересланную изъ Петербурга привѣтственную телеграмму, которою вашему превосходительству, совмѣстно съ другими высшими представителями тобольскихъ судебныхъ и городскихъ общественныхъ учрежденій и мѣстныхъ учебныхъ заведеній, угодно было почтить меня въ день пятидесятилѣтней моей службы. Привѣтъ этотъ, дошедшій до меня изъ дорогого мнѣ Тобольска, спустя болѣе тридцати лѣтъ послѣ моего отъѣзда изъ Сибири, глубоко меня растрогалъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостно меня удивилъ, такъ какъ я не могъ ожидать, чтобы за такой значительный періодъ времени память обо мнѣ сохранилась среди тобольскаго населенія. Возвращаясь мысленно къ прошлому, я счастливъ, что мнѣ довелось въ сравнительно молодые годы принести мои слабыя силы на служеніе тобольской губерніи, дальнѣйшее преуспѣяніе которой и теперь, на склонѣ моихъ лѣтъ, является однимъ изъ завѣтныхъ моихъ пожеланій“. Но это письмо было уже послѣднимъ привѣтомъ Тобольску Виктора Антоновича.

Миръ праху твоему, достопамятный начальникъ!

Чествованіе памяти В. А. Арцимовича не ограничилось въ Тобольскѣ панихидой, совершенной 16-го марта въ каѳедральномъ соборѣ преосвященнымъ Іустиномъ, въ сослуженіи городского духовенства. 17 марта, въ $11^1/_2$ час. утра, отслужена была по скончавшемся панихида въ помѣщеніи тобольской

Викторy Антоновичу суждено было положить *начало* бы-
Маріинской школы на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ, при
орыхъ преобразованіяхъ въ послѣдующіе годы, она суще-
ъ и въ настоящее время. А доброе начало, говорятъ, по-
а дѣла. Труднѣе начинать дѣло, нежели вести его, уже
ое. Викторъ Антоновичъ именно и положилъ начало дѣлу,
ало дѣйствительно доброе. Подъ его непосредственнымъ
одствомъ супруга его—первая попечительница школы—
истинно любящею матерью для воспитанницъ, стараясь
лько о возможно лучшемъ физическомъ и умственномъ
ваніи ихъ, но и о прочномъ воспитаніи ихъ въ духѣ
и и христіанской нравственности. Это доброе сѣмя, по-
ое въ школѣ Викторомъ Антоновичемъ и его супругою,
аботливомъ отношеніи къ школѣ послѣдующихъ предсѣ-
й Совѣта и попечительницъ, дало уже, даетъ и будетъ
прекрасные плоды на пользу семействъ и обществъ, въ
ыхъ нашимъ воспитанницамъ приводилось и приведется
и дѣйствовать. Повторяю: *не чужой* намъ тотъ человѣкъ,
ромъ мы собрались молиться. Скажу болѣе: онъ близ-
одной намъ—по той пользѣ, которую принесъ нашей
, и по той любви, которую питалъ къ ней... Вознести
вы объ этомъ незабвенномъ для школы человѣкѣ побуж-
всѣхъ насъ долгъ и чувство признательности за все
сдѣланное имъ. Помолитесь усерднѣе и теплѣе въ осо-
сти вы, дѣти—питомицы школы, для которой покойный
дилъ заботъ и трудовъ. Ваша чистая молитва, подкрѣ-
ая и освящаемая пѣснопѣніями и молитвами св. церкви,
полезна для души почившаго, которая теперь въ новой,
жизни ни въ чемъ болѣе такъ не нуждается, какъ въ
вахъ о ней".

И. Б.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ [1]).

(† 2-го марта 1893 г.).

Имя В. А. Арцимовича будетъ неразрывно связано съ исторіею крестьянскаго дѣла въ Россіи, и эта же исторія занесетъ на свои страницы описаніе его упорной борьбы съ сословною исключительностью и отживающимъ старымъ крѣпостнымъ строемъ.
И. С. Аксаковъ (1863 г.).

Сенаторъ, какъ истинный сынъ отечества, имѣя всегда въ виду долгъ свой къ Богу, государству и законамъ, долженствуетъ памятовать, что обязанность судьи, которая на него возложена, есть: почитать отечество родствомъ, а честность дружбою
Учрежд. Сената.

I.

2-го марта скончался на 73-мъ году жизни одинъ изъ „послѣднихъ могиканъ“ эпохи великихъ реформъ, сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Это былъ едва ли не самый типичный и видный представитель сходящаго со сцены славнаго поколѣнія государственныхъ дѣятелей, вынесшаго на своихъ плечахъ трудное дѣло гражданскаго обновленія Россіи. Если вообще справедливо изреченіе, что жизнь прожить — не поле перейти, то оно особенно примѣнимо къ длинному, многотрудному и плодотворному жизненному поприщу покойнаго Арцимовича, который изъ 72 лѣтъ своей жизни 52 отдалъ дѣятельному, разумно-сознательному служенію государству, народу и обществу.

[1]) „Изъ эпохи великихъ реформъ“, Г. А. Джаншіева.

Всего лишь за два мѣсяца до смерти покинулъ онъ столь трудный, щекотливый и отвѣтственный постъ первенствующаго [1]) члена 1 департамента Сената.

Значеніе нашего высшаго судебно-административнаго судилища, въ составъ котораго сами министры входятъ на правахъ простыхъ членовъ, какъ извѣстно, особенно усилилось послѣ реформъ 60-хъ годовъ, съ переносомъ на 1 департаментъ функціи высшей инстанціи по крестьянскимъ, земскимъ (въ томъ числѣ и утвержденіе мировыхъ судей) и городскимъ дѣламъ. Нуженъ былъ весь нравственный авторитетъ В. А., его выдержка и непреклонная энергія, его стойкость убѣжденій и вѣрность гуманнымъ принципамъ, нужно было его тонкое юридическое развитіе, глубокое знаніе нашего законодательства и безпредѣльное уваженіе къ началу законности и человѣчности, наконецъ, его богатый и разнообразный служебный опытъ и знаніе жизни, чтобы съ такимъ достоинствомъ, тактомъ и успѣхомъ держать кормило учрежденія въ такое время, когда видимо и вполнѣ осязательно наступила реакція противъ духа поставленныхъ подъ его контроль новыхъ преобразованныхъ учрежденій.

Съ этою необычайно трудною задачею могъ справиться только Арцимовичъ. Глядя на эту могучую фигуру мощнаго духомъ старца-богатыря, съ бѣлоснѣжною головою, съ выразительными умными и добрыми чертами лица, невольно вспоминался завѣщанный классическою древностью величавый образъ римскихъ patres conscripti, этихъ безтрепетныхъ служителей долга и закона. „Каждый сенаторъ, читаемъ въ ст. 247 Учрежд. Сената, какъ истинный сынъ отечества, имѣя всегда въ виду долгъ свой Богу, государству и законамъ, долженствуетъ памятовать, что обязанность судьи, которая на него возложена, есть: почитать отечество свое родствомъ, а честность дружбою“, и проч. Если чья дѣятельность невольно воскрешала этотъ классическій типъ и образъ „истиннаго сына отечества“, начертанный въ статутѣ созданнаго геніемъ Петра Великаго учрежденія, то именно нелицепріятное, чуждое временнымъ теченіямъ, увлеченіямъ и угодливости служеніе закону и правдѣ Виктора Антоновича, которое можно бы формулировать девизомъ любимаго его юриста Миттермайера: Wahrheit gegen Feind und Freund (правда по отношенію къ недругу и другу). Зато и

---

[1]) По ст. 19 Учрежд. Сената въ 1 департаментѣ особаго первоприсутствующаго не полагается, и обязанности его исполняетъ старшій изъ сенаторовъ.

други, и недруги Арцимовича, которыхъ у него, какъ у всякой рѣзко очерченной индивидуальности, всегда было достаточно, отдавали ему ту справедливость, что всѣ единогласно признавали полную правдивость и безусловную честность этого „человѣколюбиваго стража закона“, какъ гласила надпись на вѣнкѣ, возложенномъ на его гробъ сенаторами. Даже тѣ, которые не соглашались съ нимъ, невольно вынуждались платить дань его искренности, правдолюбію, человѣколюбію, честному мужеству говорить прямо правду въ глаза и полной отрѣшенности его отъ какихъ-нибудь личныхъ, а тѣмъ паче своекорыстныхъ соображеній. Такіе цѣльные характеры и честные убѣжденные бойцы за правду вообще и вездѣ рѣдкость, а въ особенности въ Россіи, гдѣ, по словамъ Левшина, бывшаго тов. мин. вн. дѣлъ, „никто не дорожитъ своими мнѣніями и своею репутаціею, и всѣ думаютъ только, какъ бы угодить высшей власти и получить за то какую-либо награду“ [1]).

II.

Служебную карьеру свою Арцимовичъ началъ довольно рано, въ 1841 г. Правовѣдъ 2-го выпуска, 20-лѣтній юноша, онъ, вмѣстѣ съ небольшою горстью своихъ столь же молодыхъ товарищей, пошелъ на смѣлый бой съ тѣми вѣковыми язвами стараго дореформеннаго строя—взяточничествомъ, буквоѣдствомъ и бюрократическою неправдою, для искорененія коихъ и было учреждено въ 1835 г. близъ Цѣпного моста училище правовѣдѣнія, бокъ-о-бокъ съ III отдѣленіемъ, которое, какъ извѣстно, тоже имѣло цѣлью, по инструкціи своего основателя гр. Бенкендорфа, споспѣшествовать сверхъестественными способами торжеству правды [2]). Не легко было этой доблестной, но малочисленной и слабосильной молодой дружинѣ „рыцарей права“ искоренить „черную неправду“, господствовавшую въ нашихъ судахъ и очевидную уже для всѣхъ, кромѣ неспособнаго видѣть даже очевидности тогдашняго главы судебнаго вѣдомства министра юстиціи графа В. Н. Панина, до послѣднихъ дней своего управленія твердившаго — „все обстоитъ благополучно“ [3]).

---

[1]) См. Записку Левшина въ Русскомъ Архивѣ 1885 г., № 8435.

[2]) См. Русс. Арх. 1889 г., № 7.

[3]) Еще въ 1860 г. гр. Панинъ жаловался на цензуру за допущенную въ печати критику „его“ судебныхъ учрежденій. См. Русск. Стар. 1892 г., № 3.

Но что могла сдѣлать эта горсть благонамѣренныхъ молодыхъ людей, дѣйствовавшая на свой страхъ по системѣ случайнаго „единоборства“,—среди охватившаго ихъ кругомъ темнаго царства взяточничества и невѣжества, беззаконія и кривосудія? Въ безсиліи у нихъ опускались руки, что лишній разъ подтверждало давно извѣстную истину, что безъ хорошихъ учрежденій прекраснѣйшіе люди ничего или почти ничего не могутъ сдѣлать. Все, что могли сдѣлать эти піонеры права, это—соблюсти себя, т.-е. самимъ оставаться честными, не навязывая честности другимъ. Рѣдкія попытки правовѣдовъ переходить въ активную борьбу съ взяточничествомъ или съ явнымъ неправосудіемъ обыкновенно кончались не въ пользу „горячихъ“ головъ [1]). Большинство же, затягиваемое тиною бюрократической рутины, предавалось со всѣмъ усердіемъ канцелярскимъ своимъ обязанностямъ, въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго.

Такое „лучшее“ для Арцимовича были сенаторскія ревизіи, эти внезапныя грозы, время отъ времени очищавшія душную и грязную атмосферу дореформенныхъ учрежденій. Человѣкъ живой, энергичный, онъ не могъ, какъ иные, вложить всю свою душу въ бездушное дѣло стараго сенатскаго бумажнаго правосудія. Молодого даровитаго юриста, не порвавшаго связи съ живыми общественными и литературными интересами сороковыхъ годовъ, манилъ широкій просторъ дѣйствительной жизни, гдѣ бы онъ могъ стать лицомъ къ лицу съ безчисленными нуждами и горестями ея и дать имъ хоть временное, хоть частичное облегченіе, минуя изсушающую процедуру мертвеннаго канцелярскаго разбора, вѣрнѣе, погребенія дѣлъ. Такіе именно случаи давали сенаторскія ревизіи, чрезъ извѣстные промежутки очищавшія авгіевы конюшни стараго суда и администраціи.

Просматривая послужной списокъ Арцимовича, поражаешься этимъ неугомоннымъ влеченіемъ юнаго правовѣда къ командировкамъ при ревизующихъ сенаторахъ. Уже въ февралѣ 1842 г.,

---

[1]) Таковъ былъ случай, бывшій съ другимъ правовѣдомъ, впослѣдствіи знаменитымъ публицистомъ И. С. Аксаковымъ. Въ московскомъ Сенатѣ въ концѣ 40-хъ годовъ разбиралось дѣло богатаго помѣщика, обвиняемаго въ систематическомъ растлѣніи имъ своихъ крестьянокъ. Сенатъ оправдалъ знатнаго преступника, и объ этомъ попраніи правосудія не могъ равнодушно говорить Аксаковъ спустя 40 лѣтъ (см. т. I его писемъ). Онъ пробовалъ протестовать, но ничего не вышло, и онъ долженъ былъ оставить должность оберъ-секретаря, испортить карьеру и сохранить на всю жизнь репутацію „безпокойнаго“.

стало быть, всего семь мѣсяцевъ спустя послѣ поступленія на службу въ Сенатъ, В. А. командируется для письменныхъ занятій къ сенатору Бѣгичеву, ревизовавшему орловскую и калужскую губерніи. Въ слѣдующемъ 1843 году онъ участвуетъ, на этотъ разъ въ качествѣ завѣдывающаго канцеляріею, въ ревизіи таганрогскаго градоначальства, произведенной сенаторомъ Жемчужниковымъ, и затѣмъ въ 1850 году въ сенаторской ревизіи учрежденій Западной Сибири. Сенаторъ Жемчужниковъ, выдавшій впослѣдствіи за Арцимовича дочь свою, въ блестящей аттестаціи, данной молодому юристу, свидѣтельствовалъ, что онъ „оправдалъ полное къ нему довѣріе и оказалъ основательное знаніе законовъ, отличныя способности, благородныя правила и постоянную дѣятельность".

Этими же качествами запечатлѣна и вся послѣдующая служба его по должности оберъ-секретаря Сената и тобольскаго гражданскаго губернатора (съ 1854 г.). Энергія, безкорыстіе и справедливость были въ то время качествами, весьма рѣдкими даже среди высшихъ представителей администраціи въ Россіи, а потому легко понять, какъ должны были оцѣнить плодотворную дѣятельность такого просвѣщеннаго и человѣколюбиваго юриста, какъ Арцимовичъ, сибиряки, страдавшіе отъ взяточничества чиновниковъ еще болѣе, нежели жители внутреннихъ губерній. Какъ велика была популярность В. А. среди сибиряковъ, это обнаружилось впослѣдствіи, въ 1862 г., замѣчательнымъ способомъ, характернымъ и для духа времени, и для силы симпатіи, внушенной В. А. сибирякамъ. Когда появилась въ печати (см. ниже) злостная діатриба одного изъ крѣпостниковъ противъ дѣятельности Арцимовича, какъ калужскаго губернатора, то граждане Тобольска, proprio motu и безъ вѣдома его, напечатали протестъ, въ которомъ они между прочимъ писали:

„Не будучи хорошо знакомы съ ходомъ крестьянскаго вопроса въ калужской губерніи, мы не можемъ входить въ подробное разбирательство этого дѣла. Мы увѣрены, что обвиненія, взводимыя г. Потуловымъ на бывшую калужскую администрацію, вызовутъ скорый отвѣтъ изъ Калуги (что̀ и оправдалось отчасти) отъ честныхъ и безпристрастныхъ людей, на глазахъ которыхъ происходило тамъ разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. Мы же, зная Виктора Антоновича по его административной дѣятельности въ нашей губерніи, сильно сомнѣваемся въ справедливости всѣхъ этихъ обвиненій. В. А. Арцимовичъ вовсе не изъ числа такихъ людей, для которыхъ законъ заключается въ личномъ произволѣ. Это совершенно несообразно ни съ его обра-

зованіемъ, ни съ его убѣжденіями. Напротивъ, бывъ свидѣтелями его дѣятельности въ Тобольскѣ, мы открыто говоримъ, что Викторъ Антоновичъ всегда ставилъ *законъ выше своего личнаго мнѣнія и исключительныхъ, сословныхъ интересовъ*, между тѣмъ какъ у насъ, при отсутствіи самаго вліятельнаго сословія, дворянъ - помѣщиковъ, представлялось очень много случаевъ для личнаго произвола. Управляя тобольскою губерніей въ продолженіе четырехъ лѣтъ, Викторъ Антоновичъ былъ для насъ добросовѣстнымъ представителемъ правительства и честнымъ *гражданиномъ*. Всякое правое дѣло имѣло въ немъ ревностнаго поборника; всякій, невинно угнетенный, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, находилъ въ немъ твердаго защитника. Не нравились его дѣйствія только тѣмъ людямъ стараго закала, которые привыкли или находили для себя выгоднымъ смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣли въ невозвратное минувшее время и какъ смотрятъ нынѣ всѣ ревнители сословной исключительности, въ ущербъ общему государственному интересу, и вообще всѣ тѣ, которые то низкими происками и интригами, то картинами какихъ-то ужасовъ стараются препятствовать правительству въ проведеніи его благихъ реформъ. Прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ В. А. Арцимовичъ оставилъ Тобольскъ, но мы такъ помнимъ и такъ цѣнимъ его честную дѣятельность, что не могли остаться безмолвными слушателями порицателей его достойнаго имени и сочли священнымъ долгомъ отвѣчать имъ заявленіемъ о его вполнѣ благотворной и истинно-гуманной дѣятельности въ нашемъ краѣ".

Подъ протестомъ стоитъ 145 подписей [1]).

III.

Съ 1858 г. судьба переноситъ Виктора Антоновича въ иную область Россіи и въ новую, болѣе обширную сферу дѣятельности. Назначенный съ 1 августа калужскимъ губернаторомъ, Арцимовичъ нашелъ, наконецъ, ту широкую арену дѣятельности, которой давно уже жаждала его богатая и дѣятельная натура, умудренная житейскимъ опытомъ. Это была чуть ли не самая критическая пора въ исторіи освободительнаго движенія конца 50-хъ годовъ, приведшаго къ паденію крѣпостного права и надѣленію крестьянъ землею. Вопросъ объ освобожденіи

---

[1]) См. Совр. Лѣтопись 1863 г., № 18.

крестьянъ былъ уже оффиціально поставленъ на очередь, но онъ встрѣчалъ еще противодѣйствіе [1]) въ высшихъ сферахъ, и само правительство не имѣло пока окончательнаго и полнаго плана рѣшенія вопроса. Тверское дворянство первое въ августѣ 1858 г. выдвинуло оффиціально на очередь вопросъ о надѣлѣ землею, но правительство, разрѣшивъ его обсужденіе, соблюдало пока нейтралитетъ.

Переводъ изъ Сибири на новое губернаторство поставилъ Арцимовича лицомъ къ лицу съ великимъ крестьянскимъ вопросомъ, къ которому онъ съ самаго начала относился съ величайшимъ интересомъ и глубокимъ сочувствіемъ. Положеніе Виктора Антоновича было очень затруднительно. Калужская губернія была одна изъ первыхъ по количеству крѣпостного населенія [2]), и калужское дворянство далеко не сочувственно отнеслось къ этой великой либеральной реформѣ, и оно одно изъ послѣднихъ подало адресъ объ освобожденіи крестьянъ [3]). Нуженъ былъ тактъ Арцимовича, его горячая вѣра въ свободу, чтобы, если не убѣдить завзятыхъ крѣпостниковъ, что̀ было выше силъ человѣческихъ, то хоть расшевелить среди передовыхъ, болѣе развитыхъ представителей калужскаго дворянства лучшія человѣческія чувства. Открывая 6 декабря калужскій комитетъ, Арцимовичъ въ рѣчи своей обратился къ дворянамъ съ простымъ, но задушевнымъ воззваніемъ: „Прямое содѣйствіе ваше къ устройству многочисленнаго трудящагося сословія— сказалъ онъ — даруетъ вамъ *высокое право* участвовать въ отмѣнѣ того положенія дѣлъ, которое такъ рѣзко противорѣчитъ духу нашего времени, въ устраненіи многихъ глубокихъ страданій, завѣщанныхъ намъ временемъ давно прошедшимъ, и въ установленіи такого порядка, чтобы возстановленіе этихъ страданій и неустройствъ въ будущемъ сдѣлалось *невозможнымъ*" [4]).

Благотворное вліяніе обаятельной личности Арцимовича,

---

[1]) „Я даже отъ самыхъ близкихъ мнѣ людей постоянно слышу,—говорилъ Императоръ Александръ II Ростовцеву въ 1858 г.,—упреки и сѣтованія за то, что я началъ это (крестьянское) дѣло". См. Ѳ. Еленева—Первые шаги освобожденія крестьянъ. Спб. 1886 г., стр. 59.

[2]) Около 315.000 душъ. См. монументальный трудъ А. Скребицкаго—Крестьянское дѣло. Боннъ. 1862 г., стр. XXIV.

[3]) См. тамъ же у Скребицкаго.

[4]) Матер. для ист. упраздн. крѣп. права въ Россіи. 1860. Т. I. 293. На обѣдѣ дворянскомъ Арцимовичъ провозгласилъ тостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „за успѣхи крестьянскаго дѣла и соглашеніе частныхъ интересовъ съ общею государственною пользою на славу и процвѣтаніе нашего отечества" (тамъ же, 295).

мастера въ умѣніи будить въ самыхъ скромныхъ и зачерствѣлыхъ людяхъ лучшія стороны ихъ природы, сказалось вскорѣ [1]). Несмотря на то, что большинство калужскаго комитета принадлежало къ ярымъ защитникамъ дворянскихъ интересовъ, по нѣкоторымъ вопросамъ онъ шелъ впереди всѣхъ прогрессистовъ. Такъ, напр., благодаря инціативѣ Арцимовича [2]), комитетъ выдвинулъ вопросъ о *выкупѣ* надѣловъ, за который высказалось не только болѣе прогрессивное его меньшинство, но и весь комитетъ въ полномъ составѣ [3]). Кромѣ того, Викторъ Антоновичъ принималъ также участіе въ трудахъ комиссіи при министерствѣ внутр. дѣлъ, составлявшей проектъ о крестьянскихъ мировыхъ учрежденіяхъ.

Съ изданіемъ Положенія о крестьянахъ 19 февраля Арцимовичъ всецѣло отдался задачѣ добросовѣстнаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ примѣненія ихъ. Задача эта не мало затруднялась тѣмъ, что съ отставкою Н. А. Милютина весьма явственно сказывались признаки начинавшейся реакціи. Стремясь къ правильному устройству, согласно съ духомъ освободительнаго акта 19 февраля, гражданскаго и поземельнаго быта новаго свободнаго земледѣльческаго сословія, Арцимовичъ умѣлъ собрать вокругъ себя лучшихъ представителей мѣстной и столичной университетской дворянской молодежи, которая, воодушевляемая благороднымъ примѣромъ своего неутомимаго руко-

---

[1]) Преосвященный Григорій, епископъ калужскій и боровскій, не былъ противъ отмѣны рабства, какъ нѣкоторые другіе іерархи, и сказалъ дворянамъ предъ открытіемъ собранія: „улучшить бытъ крестьянъ дѣло *богоугодное*. Правда, здѣсь необходимо представляется мысль о нѣкоторомъ ущербѣ вашихъ собственныхъ выгодъ въ пользу крестьянъ. Но таково свойство всякаго богоугоднаго дѣла. А гдѣ нѣтъ пожертвованія, тамъ нѣтъ и угожденія Богу. Человѣкъ, который умѣетъ дѣйствовать только по побужденію личной выгоды, только по разсчетамъ собственной корысти, такой человѣкъ живетъ, очевидно, только для себя, а не для Бога и не для общества; онъ эгоистъ, онъ чуждъ благочестія христіанскаго“ (назв. Матеріалы, т. I, 288).

[2]) См. назв. трудъ Скребицкаго, стр. XLVI.

[3]) См. назв. трудъ, т. IV, Боннъ. 1868, стр. 247. Предводитель дворянства г. Щукинъ, негодуя на неумѣстное вмѣшательство литературы въ домашнее дѣло дворянъ, выразилъ въ своей рѣчи сожалѣніе по поводу того, что обсужденіе его (крестьянскаго вопроса) не могло совершиться при частныхъ взаимныхъ совѣщаніяхъ въ *домашнихъ* собраніяхъ владѣльческаго сословія, гдѣ практическое познаніе отношеній помѣщика къ крестьянину гораздо болѣе открываетъ истины, нежели всѣ ученыя теоретическія фразы (очевидно, здѣсь подразумѣвалась и статья К. Д. Кавелина, выдвинувшая вопросъ о надѣлѣ!) краснорѣчивыхъ, но неопытныхъ въ хозяйствѣ современныхъ ораторовъ“ (см. назв. Матеріалы, 294).

водителя, усердно и съ честью послужила въ должности мировыхъ посредниковъ народному дѣлу. Одинъ изъ этихъ добрыхъ сѣятелей на нивѣ народной, П. Н. Обнинскій въ воспоминаніяхъ своихъ такъ передаетъ напутствіе, слышанное имъ отъ Арцимовича. „Вѣрьте въ свое дѣло,—говорилъ онъ,—*чтите законъ во что бы то ни стало*, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ—я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что только вы потребуете отъ меня!" [1]).

Но, какъ и слѣдовало ожидать, твердый и безпристрастный образъ дѣйствій Арцимовича вызвалъ неудовольствіе со стороны помѣщиковъ, которые стали обвинять его прямо въ демагогическихъ стремленіяхъ...

Введеніе въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ представляло чрезвычайныя трудности. Отставка С. С. Ланского и Н. А. Милютина, состоявшаяся уже въ апрѣлѣ 1861 г., сильно пріободрила крѣпостниковъ, получившихъ надежду передѣлать „на дѣлѣ" всю освободительную реформу, т.-е. примѣнять ее, не нарушая буквы закона, въ разрѣзъ съ его духомъ. В. А. Арцимовичъ, преданный всею душою именно духу крестьянской реформы, съ большою энергіею вступилъ въ борьбу съ такими тенденціями, рискуя навлечь на себя небезопасное неудовольствіе помѣщичьей партіи, располагавшей сильными связями въ высшихъ сферахъ. Викторъ Антоновичъ смѣло вступилъ въ этотъ ожесточенный бой, и если палъ, то палъ, покрывъ свое имя честью и славой.

Однимъ изъ поводовъ къ столкновенію Арцимовича съ калужскими помѣщиками былъ вопросъ о рекрутскихъ квитанціяхъ, операція съ коими составляла одну изъ выгодныхъ,

---

[1]) Чтобы очевидно было все значеніе этого напутствія, достаточно сопоставить его съ рѣчью, съ которою обратился къ посредникамъ новый калужскій губернаторъ г. Лерхе, назначенный вскорѣ послѣ того, когда со вступленіемъ въ 1861 г. П. А. Валуева на постъ м—стра вн. дѣлъ, началось въ угоду „близорукой и безъидейной реакціи" (см. Leroy-Beaulieu—Un homme d'état russe, стр. 76), обычное „смягченіе" только-что изданнаго закона, т.-е. попросту—отмѣна закона въ административномъ порядкѣ, путемъ министерскихъ циркуляровъ.—Вотъ что̀ говорилъ мировымъ посредникамъ преемникъ В. А. Арцимовича. „Всѣ вы, господа мировые посредники, стараетесь объяснять законъ, растолковываете крестьянамъ ихъ *права*. Къ чему? Это только обостряетъ отношенія; если крестьяне домогаются—и исполняются эти домогательства, то старайтесь при этомъ внушать имъ, что на то была *добрая воля* помѣщика, его внимательность къ нуждамъ бывшихъ крѣпостныхъ, и что они получаютъ его согласіе, какъ *милость* (Русск. Арх., тамъ же, стр. № 26).

мастера въ умѣніи будить въ самыхъ скромныхъ и зачерствѣлыхъ людяхъ лучшія стороны ихъ природы, сказалось вскорѣ [1]). Несмотря на то, что большинство калужскаго комитета принадлежало къ ярымъ защитникамъ дворянскихъ интересовъ, по нѣкоторымъ вопросамъ онъ шелъ впереди всѣхъ прогрессистовъ. Такъ, напр., благодаря инициативѣ Арцимовича [2]), комитетъ выдвинулъ вопросъ о *выкупѣ* надѣловъ, за который высказалось не только болѣе прогрессивное его меньшинство, но и весь комитетъ въ полномъ составѣ [3]). Кромѣ того, Викторъ Антоновичъ принималъ также участіе въ трудахъ комиссіи при министерствѣ внутр. дѣлъ, составлявшей проектъ о крестьянскихъ мировыхъ учрежденіяхъ.

Съ изданіемъ Положенія о крестьянахъ 19 февраля Арцимовичъ всецѣло отдался задачѣ добросовѣстнаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ примѣненія ихъ. Задача эта не мало затруднялась тѣмъ, что съ отставкою Н. А. Милютина весьма явственно сказывались признаки начинавшейся реакціи. Стремясь къ правильному устройству, согласно съ духомъ освободительнаго акта 19 февраля, гражданскаго и поземельнаго быта новаго свободнаго земледѣльческаго сословія, Арцимовичъ умѣлъ собрать вокругъ себя лучшихъ представителей мѣстной и столичной университетской дворянской молодежи, которая, воодушевляемая благороднымъ примѣромъ своего неутомимаго руко-

---

[1]) Преосвященный Григорій, епископъ калужскій и боровскій, не былъ противъ отмѣны рабства, какъ нѣкоторые другіе іерархи, и сказалъ дворянамъ предъ открытіемъ собранія: „улучшить бытъ крестьянъ дѣло *богоугодное*. Правда, здѣсь необходимо представляется мысль о нѣкоторомъ ущербѣ вашихъ собственныхъ выгодъ въ пользу крестьянъ. Но таково свойство всякаго богоугоднаго дѣла. А гдѣ нѣтъ пожертвованія, тамъ нѣтъ и угожденія Богу. Человѣкъ, который умѣетъ дѣйствовать только по побужденію личной выгоды, только по разсчетамъ собственной корысти, такой человѣкъ живетъ, очевидно, только для себя, а не для Бога и не для общества; онъ эгоистъ, онъ чуждъ благочестія христіанскаго“ (назв. Матеріалы, т. I, 288).

[2]) См. назв. трудъ Скребицкаго, стр. XLVI.

[3]) См. назв. трудъ, т. IV, Боннъ. 1868, стр. 247. Предводитель дворянства г. Щукинъ, негодуя на неумѣстное вмѣшательство литературы въ домашнее дѣло дворянъ, выразилъ въ своей рѣчи сожалѣніе по поводу того, что обсужденіе его (крестьянскаго вопроса) не могло совершиться при частныхъ взаимныхъ совѣщаніяхъ въ *домашнихъ* собраніяхъ владѣльческаго сословія, гдѣ практическое познаніе отношеній помѣщика къ крестьянину гораздо болѣе открываетъ истины, нежели всѣ ученыя теоретическія фразы (очевидно, здѣсь подразумѣвалась и статья К. Д. Кавелина, выдвинувшая вопросъ о надѣлѣ!) краснорѣчивыхъ, но неопытныхъ въ хозяйствѣ современныхъ ораторовъ“ (см. назв. Матеріалы, 294).

воли, самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ вводить въ границы закона Арцимовичъ. По предложенію его, калужское губернское присутствіе уже 27-го марта 1861 г. единогласно одобрило циркулярное разъясненіе по полиціи, коимъ ограждалась личность крестьянъ отъ раздражительныхъ требованій помѣщиковъ, требовавшихъ розогъ по поводу самомалѣйшей неисправности ихъ. Губернское присутствіе исходило изъ той мысли, что „съ отмѣною крѣпостного права всякое нарушеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ не можетъ уже имѣть никакого иного характера, значенія и послѣдствія, какъ нарушеніе обыкновенныхъ обязательствъ, причиняющее вредъ или убытокъ и требующее возмѣщенія потерпѣвшему лицу порядкомъ *чисто гражданскимъ*, но отнюдь не уголовнымъ, кромѣ случаевъ открытаго сопротивленія“ [1]). Отсюда еще бóльшіе вопли по поводу анархіи, заведенной Арцимовичемъ. Лидеръ [2]) калужскихъ крѣпостниковъ г. Потуловъ, метая громы противъ него, писалъ между прочимъ: „поля или вовсе остались безъ обработки, или обрабатывались столь плохо, что не могли давать надлежащаго урожая“ [3]). Указывая затѣмъ, что оброки съ крестьянъ *вовсе* не взыскиваются, г. Потуловъ, между прочимъ, писалъ: „да, дворяне—крѣпостники, въ смыслѣ крѣпости закона и въ значеніи охранительнаго начала спокойствія въ государствѣ, въ прямую противоположность тѣмъ жалкимъ личностямъ, которыя подъ личиною человѣколюбія [4]) и никогда ясно не высказываемаго

---

[1]) См. Современную Лѣтопись 1863 г., № 16.

[2]) Единомышленниковъ у г. Потулова оказалось 171 человѣкъ, заявившихъ ему печатно свою солидарность въ характеристикѣ управленія Арцимовича (см. Соврем. Лѣтопись 1863 г., №№ 28 и 29).

[3]) Петръ Свистуновъ и кн. Андрей Оболенскій съ точными статистическими данными въ рукахъ доказали, что это утвержденіе было совершенно ложно, и что количество обрабатываемой земли „послѣ воли“ увеличилось, а не уменьшилось въ калужской губ. (см. Соврем. Лѣтопись 1863 г., № 21).

[4]) Прекрасною иллюстраціею, какъ крѣпостники понимали истинное человѣколюбіе, можетъ служить исторія устройства крестьянъ въ имѣніяхъ г. Потулова. Крестьяне оставались на барщинѣ, несмотря на ихъ настойчивое требованіе перевести на оброкъ, въ виду несогласія помѣщика. Еще до назначенія мировыхъ посредниковъ Потуловъ жаловался на неисполненіе крестьянами барщины, и уѣздный предводитель дворянства, не снесясь съ губернаторомъ, своею властью ввелъ роту въ имѣніе Потулова и выпоролъ его крестьянъ. Затѣмъ еще вторично была совершена экзекуція въ томъ же имѣніи, и за прогульные дни были взысканы деньги, послѣ чего крестьяне сами уже не пожелали идти на оброкъ, на чемъ на этотъ разъ сталъ настаивать

ими своеобразнаго передового образа мыслей, стараются для осуществленія своихъ идей обходить законъ произвольными перетолкованіями [1]), не стыдятся желать надѣлять, кого по ихъ разсчетамъ нужно, похищеніями изъ чужого достоянія, а въ довершеніе подрывая въ народѣ уваженіе къ закону и развивая въ крестьянахъ тлетворную мысль *отрицанія правъ собственности*, готовятъ для отечества самую страшную будущность [2]).

Если такую чудовищную родомонтаду трусливые и жадные крѣпостники не стѣснялись выносить публично, то не трудно догадаться, какимъ букетомъ инсинуацій и клеветъ должны были отдавать интимныя „сообщенія" и „донесенія"—куда слѣдуетъ...

Для провѣрки доносовъ поднявшихъ тревогу калужскихъ крѣпостниковъ была назначена въ 1862 году сенаторская ревизія чрезъ сенатора Капгера. Но никакія ревизіи не были страшны для Арцимовича, который былъ безукоризненно чистъ и предъ совѣстью, и предъ закономъ! Ревизующій сенаторъ аттестовалъ блестящимъ образомъ строго законное и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчное, просвѣщенное управленіе губерніею и въ особенности вполнѣ удовлетворительное введеніе Положенія о крестьянахъ. Укажу на одинъ знаменательный фактъ. Несмотря на то, что калужская губернія кишмя кишѣла самыми завзятыми крѣпостниками, и ожесточенные помѣщики предъявляли самыя требовательныя и притязательныя условія, все-таки, какъ оказалось, благодаря уму, такту и находчивости сотрудниковъ Арцимовича, достигнутъ былъ необыкновенно счастливый результатъ: изъ 3000 уставныхъ грамотъ 1400 были заключены по миролюбивому соглашенію [3]).

самъ г. Потуловъ. При объѣздѣ губерніи Арцимовичемъ, въ виду жалобъ крестьянъ, онъ принялъ нѣкоторыя административныя мѣры.

Затѣмъ въ третій разъ въ имѣніе его введена была рота изъ-за того, что крестьяне не хотѣли передать „знака" старостѣ, назначенному мировымъ посредникомъ по указанію Потулова. На этотъ разъ пріѣзжалъ для экзекуціи самъ губернаторъ Лерхе (преемникъ Арцимовича) и наказалъ розгами *пятаго* изъ наличныхъ крестьянъ. Вопросъ „о знакѣ", который оказался брошеннымъ въ рѣку, мин. вн. дѣлъ Валуевъ разрѣшилъ съ классическою простотою суда Соломонова—онъ приказалъ пріобрѣсти *новый* знакъ... Любопытно, что тотъ же г. Потуловъ обвинялъ администрацію за *непринятіе* никакихъ мѣръ по взысканію оброка съ крестьянъ. (Современная Лѣтопись, 1863 г., № 21).

[1]) Это мѣсто особенно возмутило жителей Тобольска (см. выше), хорошо знавшихъ, что Арцимовичъ былъ вездѣ и всегда самымъ рѣшительнымъ врагомъ произвольныхъ мѣръ.

[2]) Соврем. Лѣтопись 1863 г., № 10.

[3]) См. Современную Лѣтопись 1863 г., № 16, стр. 10.

Хотя заключенія сенаторской ревизіи были крайне лестны для репутаціи Арцимовича, однако онъ былъ взятъ изъ Калуги, въ видахъ успокоенія обезумѣвшихъ отъ страха чадолюбивыхъ калужскихъ крѣпостниковъ. Удаленіе его вызвало всеобщее сожалѣніе, особенно же въ крестьянскомъ и городскомъ населеніи, образованная часть коего особенно хорошо знала и цѣнила плодотворную дѣятельность знаменитаго губернатора.

Въ газетѣ И. С. Аксакова „День" одинъ изъ калужанъ въ такихъ выраженіяхъ передалъ тогдашнее настроеніе калужскаго общества.

„14-го минувшаго декабря (1862), писалъ онъ, пронесся по Калугѣ слухъ о назначеніи начальника нашей губерніи, Виктора Антоновича Арцимовича, на новый и высшій постъ государственной службы. Подобные слухи и прежде часто посѣщали Калугу: они такъ же скоро стихали, какъ легко появлялись; но послѣднему суждено было исполниться. Достовѣрность его съ каждымъ днемъ подтверждалась все болѣе и болѣе. И хоть не было о томъ оффиціальныхъ извѣстій, никто больше не сомнѣвался, что пришло время калужанамъ разстаться съ своимъ любимымъ, дорогимъ, замѣчательнымъ губернаторомъ. Толкамъ, сожалѣніямъ не было конца. Мѣщане, купцы, чиновники—всѣ живо заинтересованы были новымъ назначеніемъ начальника губерніи, равнаго которому по достоинствамъ не вспомнятъ калужскіе старожилы: тяжело было имъ помириться съ мыслью о предстоящей разлукѣ.

„Радовались этому событію только поборники крѣпостного права, которыхъ въ нашей губерніи, къ несчастію, еще слишкомъ довольно. Но дѣлать было нечего; нужно было покориться волѣ благопопечительнаго правительства и спѣшить выразить свою признательность человѣку, котораго мы такъ искренне любили, начальнику, котораго мы такъ глубоко уважали, бывши свидѣтелями его дѣйствій въ самую трудную эпоху для Россіи—эпоху прекращенія крѣпостныхъ отношеній. Еще не было получено оффиціальнаго извѣстія о новомъ назначеніи Виктора Антоновича, а между калужскимъ купечествомъ заходили толки о томъ, какъ бы увѣковѣчить дорогую о немъ память въ Калугѣ. Рѣшено было просить у правительства разрѣшенія поднести благодарственный адресъ Виктору Антоновичу, а портретъ его поставить въ залѣ калужской думы.

„Потомъ въ честь начальника губерніи даны были два прощальныхъ обѣда: одинъ отъ купечества 27-го декабря, другой отъ чиновниковъ 29 числа. Я не буду подробно описывать всего,

что было на этихъ обѣдахъ. Замѣчу только, что эти обѣды не были, какъ нерѣдко это бываетъ, одними оффиціальными обрядами. Они были полны живого общественнаго интереса. Въ нихъ и на нихъ выражались всѣ симпатіи общества къ тому лицу, въ честь котораго они давались, и къ тѣмъ жизненнымъ началамъ, которыя постоянно одушевляли его дѣятельность. Всѣ, принимавшіе участіе въ этихъ обѣдахъ, пришли сюда по живому, искреннему влеченію сердца: лишнихъ людей—крѣпостниковъ *вовсе* не было. Безъ преувеличенія можно сказать, что здѣсь были большею частью люди передовые нашего края, честные труженики, защитники и поборники всѣхъ общественныхъ улучшеній и реформъ, совершенныхъ, предпринятыхъ и вводимыхъ правительствомъ, а слѣдовательно—защитники современнаго, человѣчнаго образа мыслей и дѣйствій Виктора Антоновича. Это было, можно сказать, огромное тѣсно-сплоченное товарищество, положившее себѣ дѣйствовать во имя правды и христіанской любви къ человѣку. Вообще на всемъ, что ни говорилось на этихъ обѣдахъ, какъ начальникомъ губерніи, такъ и другими, лежала печать глубокаго убѣжденія и неподдѣльнаго чувства; произнесенныя рѣчи были краткою характеристикою правительственной и общественной дѣятельности г. Арцимовича и живымъ отраженіемъ современныхъ общественныхъ потребностей... Послѣ обѣда началась и продолжалась подписка на содержаніе двухъ пансіонеровъ въ гимназіи въ память Виктора Антоновича.

„Наконецъ, пришло отъ правительства разрѣшеніе на составленіе адреса, который и былъ поднесенъ отъ калужскаго купечества г. Арцимовичу въ самый новый годъ, послѣ благодарственнаго молебна въ соборѣ. Въ день отъѣзда начальника губерніи его провожали многіе до первой станціи... Но самые лучшіе проводы ему, это—тысячи молитвъ и благословеній калужскаго крестьянства, человѣческія и законныя права котораго онъ такъ ревностно и горячо отстаивалъ“.

„Къ этимъ послѣднимъ строкамъ“, писалъ отъ себя редакторъ И. С. Аксаковъ, „прибавлять нечего: похвалы лучше и *полновѣснѣе* этой быть не можетъ, — и мы бы не допустили ея на страницахъ нашей газеты, если бы это не была *правда*. А мы, вполнѣ знакомые и съ личнымъ характеромъ, и съ служебною дѣятельностью г. Арцимовича, знаемъ положительно, что это—точно правда. Въ 1-мъ № С.-Петерб. Вѣдомостей помѣщена вѣрная и правдивая характеристика его дѣятельности какъ губернатора, на которую считаемъ нужнымъ обратить

Хотя заключенія сенаторской ревизіи были крайне лестны для репутаціи Арцимовича, однако онъ былъ взятъ изъ Калуги, въ видахъ успокоенія обезумѣвшихъ отъ страха чадолюбивыхъ калужскихъ крѣпостниковъ. Удаленіе его вызвало всеобщее сожалѣніе, особенно же въ крестьянскомъ и городскомъ населеніи, образованная часть коего особенно хорошо знала и цѣнила плодотворную дѣятельность знаменитаго губернатора.

Въ газетѣ И. С. Аксакова „День" одинъ изъ калужанъ въ такихъ выраженіяхъ передалъ тогдашнее настроеніе калужскаго общества.

„14-го минувшаго декабря (1862), писалъ онъ, пронесся по Калугѣ слухъ о назначеніи начальника нашей губерніи, Виктора Антоновича Арцимовича, на новый и высшій постъ государственной службы. Подобные слухи и прежде часто посѣщали Калугу: они такъ же скоро стихали, какъ легко появлялись; но послѣднему суждено было исполниться. Достовѣрность его съ каждымъ днемъ подтверждалась все болѣе и болѣе. И хоть не было о томъ оффиціальныхъ извѣстій, никто больше не сомнѣвался, что пришло время калужанамъ разстаться съ своимъ любимымъ, дорогимъ, замѣчательнымъ губернаторомъ. Толкамъ, сожалѣніямъ не было конца. Мѣщане, купцы, чиновники—всѣ живо заинтересованы были новымъ назначеніемъ начальника губерніи, равнаго которому по достоинствамъ не вспомнятъ калужскіе старожилы: тяжело было имъ помириться съ мыслью о предстоящей разлукѣ.

„Радовались этому событію только поборники крѣпостного права, которыхъ въ нашей губерніи, къ несчастію, еще слишкомъ довольно. Но дѣлать было нечего; нужно было покориться волѣ благопопечительнаго правительства и спѣшить выразить свою признательность человѣку, котораго мы такъ искренне любили, начальнику, котораго мы такъ глубоко уважали, бывши свидѣтелями его дѣйствій въ самую трудную эпоху для Россіи—эпоху прекращенія крѣпостныхъ отношеній. Еще не было получено оффиціальнаго извѣстія о новомъ назначеніи Виктора Антоновича, а между калужскимъ купечествомъ заходили толки о томъ, какъ бы увѣковѣчить дорогую о немъ память въ Калугѣ. Рѣшено было просить у правительства разрѣшенія поднести благодарственный адресъ Виктору Антоновичу, а портретъ его поставить въ залѣ калужской думы.

„Потомъ въ честь начальника губерніи даны были два прощальныхъ обѣда: одинъ отъ купечества 27-го декабря, другой отъ чиновниковъ 29 числа. Я не буду подробно описывать всего,

что было на этихъ обѣдахъ. Замѣчу только, что эти обѣды не были, какъ нерѣдко это бываетъ, одними оффиціальными обрядами. Они были полны живого общественнаго интереса. Въ нихъ и на нихъ выразились всѣ симпатіи общества къ тому лицу, въ честь котораго они давались, и къ тѣмъ жизненнымъ началамъ, которыя постоянно одушевляли его дѣятельность. Всѣ, принимавшіе участіе въ этихъ обѣдахъ, пришли сюда по живому, искреннему влеченію сердца: лишнихъ людей—*крѣпостниковъ тутъ не было.* Безъ преувеличенія можно сказать, что здѣсь были большею частью люди передовые нашего края, честные труженики, защитники и поборники всѣхъ общественныхъ улучшеній и реформъ, совершенныхъ, предпринятыхъ и вводимыхъ правительствомъ, а слѣдовательно—защитники современнаго, человѣчнаго образа мыслей и дѣйствій Виктора Антоновича. Это было, можно сказать, огромное тѣсно-сплоченное товарищество, положившее себѣ дѣйствовать во имя правды и христіанской любви къ человѣку. Оттого на всемъ, что̀ ни говорилось на этихъ обѣдахъ, какъ начальникомъ губерніи, такъ и другими, лежала печать глубокаго убѣжденія и неподдѣльнаго чувства; произнесенныя рѣчи были краткою характеристикою правительственной и общественной дѣятельности г. Арцимовича и живымъ отраженіемъ современныхъ общественныхъ потребностей... Послѣ обѣда началась и продолжалась подписка на содержаніе двухъ пансіонеровъ въ гимназіи въ память Виктора Антоновича.

„Наконецъ, пришло отъ правительства разрѣшеніе на составленіе адреса, который и былъ поднесенъ отъ калужскаго купечества г. Арцимовичу въ самый новый годъ, послѣ благодарственнаго молебна въ соборѣ. Въ день отъѣзда начальника губерніи его провожали многіе до первой станціи... Но самые лучшіе проводы ему, это—тысячи молитвъ и благословеній калужскаго крестьянства, человѣческія и законныя права котораго онъ такъ ревностно и горячо отстаивалъ".

„Къ этимъ послѣднимъ строкамъ", писалъ отъ себя редакторъ И. С. Аксаковъ, „прибавлять нечего: похвалы лучше и *полновѣснѣе* этой быть не можетъ,—и мы бы не допустили ея на страницахъ нашей газеты, если бы это не была *правда.* А мы, вполнѣ знакомые и съ личнымъ характеромъ, и съ служебною дѣятельностью г. Арцимовича, знаемъ положительно, что это—точно правда. Въ 1-мъ № С.-Петерб. Вѣдомостей помѣщена вѣрная и правдивая характеристика его дѣятельности какъ губернатора, на которую считаемъ нужнымъ обратить

вниманіе нашихъ читателей. Имя Виктора Антоновича Арцимовича будетъ неразрывно связано съ исторіей крестьянскаго дѣла въ Россіи, и эта же исторія занесетъ на свои страницы описаніе его упорной борьбы съ сословной исключительностью и отживающимъ старымъ крѣпостнымъ порядкомъ". (День, 1863 г., № 3).

Перейдя съ 1863 г. изъ калужской губерніи въ Сенатъ, Викторъ Антоновичъ увозилъ съ собою драгоцѣнныя воспоминанія, въ видѣ золотой медали въ память освобожденія крестьянъ и серебрянаго креста за введеніе въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, а также—высшую для всякаго общественнаго дѣятеля награду—общую признательность интеллигентнаго общества и самого народа. Доселѣ въ глухихъ деревняхъ [1]) калужской губерніи можно встрѣтить — фактъ небывалый — въ избахъ крестьянъ фотографическій портретъ Арцимовича и его честныхъ сотрудниковъ, мировыхъ посредниковъ.

IV.

Изъ Калуги Викторъ Антоновичъ былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву въ VIII департаментъ Сената. Затѣмъ, послѣ кратковременной службы въ Царствѣ Польскомъ, Викторъ Антоновичъ переходитъ на службу въ новый кассаціонный сенатъ.

Съ открытіемъ въ 1866 г. новыхъ судебныхъ учрежденій Викторъ Антоновичъ отдаетъ всѣ свои силы и дарованія, весь пылъ своей неостывшей энергіи, убѣжденной мысли и добраго сердца на трудное, благородное, но не всегда благодарное служеніе высокой миссіи новаго суда. Войдя, вмѣстѣ съ друзьями своими Буцковскимъ и Зубовымъ, въ составъ перваго присутствія уголовнаго кассаціоннаго департамента, онъ, сообща съ этими доблестными хранителями гуманно-освободительныхъ основъ судебной реформы, положилъ первые прочные принципы нашего новаго уголовнаго процесса. По болѣзни первоприсутствующаго почти безпрерывно до 1870 г. Викторъ Антоновичъ исполнялъ его обязанности, направляя дѣятельность этого высшаго регулятора новой судебной практики.

Кому неизвѣстно, какія серьезныя затрудненія встрѣчались на пути просвѣтительной миссіи новаго суда по водворенію законности и правды. Во внѣ его нужно было охранять отъ

[1]) См. Русск. Вѣд. 1891 г., № 164.

столкновеній съ вѣдомствами, которыя, будучи дотолѣ всесильными, не легко мирились съ предѣлами, указанными новымъ судебнымъ законодательствомъ. Нужно было ограждать законъ и судъ и отъ судебной администраціи, которая послѣ ухода министра юстиціи Д. Н. Замятнина стала колебать независимость суда косвенными мѣрами, въ родѣ назначенія исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей.

Не менѣе трудны были задачи и въ нѣдрахъ самаго новаго суда. Новыя начала гласности, равноправности сторонъ, гуманнаго отношенія къ подсудимому, съ уваженіемъ его человѣческаго достоинства и признанныхъ закономъ правъ, не легко прививались въ жизни. Прокуроры, помня свое недавнее прошлое, не легко мирились съ новымъ, болѣе скромнымъ положеніемъ на судѣ. Предсѣдатели, невольно втягиваясь въ перипетіи горячихъ судебныхъ схватокъ, не всегда умѣли сохранять подобающее имъ безстрастіе судебнаго нейтралитета. Самъ судъ, увлекаясь иной разъ похвальнымъ, но неумѣреннымъ усердіемъ по раскрытію истины, не всегда умѣлъ сдерживать въ границахъ закона свои благородные, но неумѣстные порывы и не всегда уважалъ въ должной мѣрѣ законныя права подсудимаго. Высшій блюститель духа и основъ новаго судебнаго законодательства, кассаціонный сенатъ, руководимый такимъ опытнымъ и стойкимъ кормчимъ, какъ Арцимовичъ, являлся всегда вó-время съ своимъ олимпійскимъ: quos ego! и съ внушительнымъ напоминаніемъ, что для суда нѣтъ иного пути къ истинѣ, какъ стезя закона, и что всякое нарушеніе началъ равноправности и безстрастія противорѣчитъ достоинству суда [1]). Имя Арцимовича неразрывно связано съ этимъ первымъ, наиболѣе труднымъ и наиболѣе плодотворнымъ періодомъ дѣятельности нашего кассаціоннаго судилища.

Не менѣе важны, какъ уже замѣчено, заслуги Арцимовича по должности его первенствующаго сенатора 1 департамента, которую онъ занималъ съ 1880 г. и почти до послѣднихъ дней своей жизни.

Масса серьезныхъ и тонкихъ вопросовъ административнаго

---

[1]) Въ извѣстной книгѣ К. К. Арсеньева „Судебное слѣдствіе“ приведена масса интересныхъ рѣшеній, относящихся къ этой наиболѣе цвѣтущей порѣ нашей кассаціонной практики. Укажемъ для примѣра рѣш. 1869 г., № 983, въ которомъ Сенатъ осудилъ косвенное домогательство сознанія подсудимаго путемъ допроса судебнаго слѣдователя, или рѣш. 1867 г., № 522, въ которомъ Сенатъ установилъ извѣстную постепенность въ примѣненіи дисциплинарной власти предсѣдателя къ защитникамъ.

права проходила и проходитъ черезъ эту высшую инстанцію нашей административной юстиціи, на обязанности коей лежало примирять высшія требованія твердой законности при столкновеніи ихъ съ временными, но подчасъ крайне властными, требовательными и могущественными соображеніями административной цѣлесообразности; охранять самостоятельность органовъ нашего столь хрупкаго и непрочнаго самоуправленія, широкія права коего нерѣдко вызывали серьезныя нападки. Громадный полувѣковой административно-судебный опытъ Виктора Антоновича, его тонкое юридическое развитіе, стойкость характера и твердость въ убѣжденіяхъ, безъ сомнѣнія, оказывали немалое содѣйствіе нашему высшему блюстителю законности по дѣламъ мѣстнаго самоуправленія, для достойнаго выполненія его весьма трудныхъ, а часто и щекотливыхъ функцій [1]). Заслуги эти слишкомъ общеизвѣстны, чтобы нужно было о нихъ напоминать, а съ другой стороны—захватываютъ слишкомъ близкій къ намъ періодъ времени, съ его злобами дня, чтобы удобно было говорить о нихъ подробно и откровенно.

V.

Викторъ Антоновичъ принималъ всегда близко къ сердцу и всѣ живые общественные вопросы дня. Стоя за самое широкое распространеніе образованія, Викторъ Антоновичъ, въ качествѣ представителя поколѣнія идеалистовъ 40-хъ годовъ, не считалъ справедливымъ лишать этого блага, одного изъ важнѣйшихъ въ жизни, цѣлую половину рода человѣческаго и горячо всегда ратовалъ и словомъ, и дѣломъ за женское образованіе, не исключая и высшаго. До конца жизни онъ состоялъ предсѣдателемъ Общества для вспомоществованія слушательницамъ врачебныхъ курсовъ [2]).

Въ 1886 г. Арцимовичъ, къ двадцатипятилѣтію освобожденія крестьянъ, былъ избранъ въ число почетныхъ членовъ московскаго юридическаго общества за крупныя заслуги его въ великой реформѣ 19 февраля.

Въ 1891 г., по случаю пятидесятилѣтія государственной службы, Викторъ Антоновичъ получилъ Владиміра 1 ст. По

---

[1]) См. характеристику А. Ѳ. Кони о дѣятельности В. А. Арцимовича въ I-мъ департаментѣ, стр. 6 и 7 наст. книги.

[2]) Нынѣ Женскаго Медицинскаго Института.

му же случаю одинъ изъ „старыхъ калужанъ“ (одинъ изъ вѣстнѣйшихъ профессоровъ московскаго университета) въ слѣющихъ симпатичныхъ выраженіяхъ вспомнилъ плодотворную ятельность Виктора Антоновича въ Калугѣ: „едва ли гдѣ съ кою яркостью проявились особыя свойства его натуры—неомимая энергія и любовь къ правдѣ, писалъ онъ, какъ при равленіи калужской губерніей. Занимая съ начала 1858 года стъ губернатора въ Калугѣ, Викторъ Антоновичъ являлся разцомъ неутомимѣйшаго работника, который, казалось, ни на нуту не складывалъ рукъ, который притомъ владѣлъ рѣдкимъ ромъ: словомъ и примѣромъ возбуждать другихъ къ доброму разумному труду. Онъ горячо вѣрилъ въ людей и умѣлъ искать въ самыхъ скромныхъ и забитыхъ личностяхъ добрыя чала и цѣнныя способности и возбудить въ нихъ силы накдой на лучшую будущность. Одаренный живой и ясной слью, смѣлый въ словѣ и дѣлѣ, всегда благородно прямой и зный, онъ былъ гордостью и радостью всѣхъ честныхъ людей, ѣвшихъ къ нему отношенія по службѣ или по знакомству. споминаніе о Викторѣ Антоновичѣ, спустя почти 30 лѣтъ слѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ Калугѣ, остается селѣ живымъ между людьми всѣхъ классовъ. Въ городскихъ махъ, а нерѣдко въ крестьянской избѣ какой-нибудь глухой ревни можно и теперь встрѣтить его фотографическое изоаженіе, какъ олицетвореніе высокой гуманности и безграничй преданности долгу.

„Викторъ Антоновичъ во время калужскаго губернатора вносилъ свѣтъ *во всѣ области* мѣстной жизни. Подъ его аготворнымъ вліяніемъ губернія, которая раньше представляла разецъ дореформенной спячки, сдѣлалась неузнаваемой. Не лько въ самой Калугѣ, но и въ мелкихъ городахъ закипѣла драя умственная и общественная работа. Имя Виктора Антовича привлекло къ нему на службу изъ Петербурга много дей съ высокимъ образованіемъ и виднымъ общественнымъ ложеніемъ, которые оставляли столичную карьеру, чтобы ве скромную служебную работу подъ руководствомъ просвѣннаго начальника. Отчасти подъ вліяніемъ этого пришлаго мента и мѣстные дѣятели, дотолѣ лѣниво влачившіе свои , воспрянули къ жизни. *Центромъ*, который объединялъ всю работу и служилъ главнымъ источникомъ силы, была личть Виктора Антоновича. Лучшимъ памятникомъ его дѣяьности за это время навсегда останутся незабвенные труды по крестьянскому вопросу. Безъ всякаго потворства со-

словнымъ интересамъ, но и безъ всякихъ насилій, онъ съумѣлъ, благодаря своему свѣтлому уму, гуманному сердцу и безпримѣрному трудолюбію, благополучно распутать сложныя отношенія, возбудившіяся освобожденіемъ крестьянъ, и быстро установить на мѣсто прежняго произвола прочный строй легальныхъ отношеній. Конечно, честь водворенія новаго порядка въ губерніи Викторъ Антоновичъ долженъ раздѣлить съ своими помощниками—мировыми посредниками, изъ которыхъ нѣкоторые были истинными друзьями народа, но ему принадлежитъ великая заслуга выбора такихъ людей и непрерывнаго руководства ихъ дѣйствіями.

„Викторъ Антоновичъ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости широкаго разлива *образованія* въ освобожденномъ народѣ. Онъ никогда не соглашался съ мнѣніемъ, будто потребность грамотности не ощущается низшими классами. Онъ полагалъ, что грамотность не есть какая-нибудь прихоть человѣка. Считая грамоту великимъ рычагомъ духовнаго общенія и житейскаго благосостоянія, онъ признавалъ ея распространеніе безусловною необходимостью для всѣхъ слоевъ народа. Народная школа въ деревнѣ даже въ наши дни встрѣчаетъ не мало препятствій; въ тѣ же времена эти препятствія были неисчислимы. Подавленный бѣдностью крестьянинъ былъ равнодушенъ къ школѣ, а о помощи прочихъ сословій не было даже и помину. Правда, по отчетамъ считалось какъ будто не мало училищъ, но они существовали только на бумагѣ: никакого дѣйствительнаго ученія въ нихъ не было. Съ перваго же объѣзда Викторъ Антоновичъ съумѣлъ заставить всю губернію заговорить объ этой насущной потребности народа. Владѣя рѣдкимъ даромъ убѣждать людей, онъ во всѣхъ уголкахъ отыскивалъ лицъ, которыя положили основаніе настоящимъ школамъ въ современномъ смыслѣ слова. Первыми помощниками Виктора Антоновича въ этомъ дѣлѣ были мировые посредники, затѣмъ земство довершило начатое дѣло. Кромѣ постоянныхъ училищъ, Викторъ Антоновичъ видѣлъ могучее орудіе къ распространенію грамотности въ *воскресныхъ классахъ*. По инціативѣ и при непосредственномъ участіи Виктора Антоновича и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ одной Калугѣ скоро устроилось 6 воскресныхъ школъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ обучались по *нѣскольку сотенъ лицъ*. Викторъ Антоновичъ всячески поощрялъ эти школы, видя въ нихъ олицетвореніе лучшихъ стремленій и упованій той свѣтлой эпохи. Каждая школа была об[illegible] серьезно и внимательно. Отрадно вспомнить о томъ

одушевленія, какимъ проникнуты были преподаватели и руководители воскресныхъ школъ, и той напряженной работѣ, которую они добровольно на себя принимали.

„Виктору Антоновичу удалось даже создать мѣстную прессу. Подъ его вліяніемъ оффиціальный органъ, *„Губернскія Вѣдомости“*, сталъ помѣщать статьи, доступныя и полезныя по содержанію для всѣхъ мѣстныхъ жителей. Этотъ листокъ, дотолѣ никѣмъ не читаемый, скоро сдѣлался любимой и интересной провинціальной газетой. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, духовныя лица, техники, чиновники стали помѣщать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ свои наблюденія и мысли, такъ что эта газета явилась органомъ для той бодрой умственной работы, о которой была рѣчь выше.

„Вспоминая жизнь и службу Виктора Антоновича въ Калугѣ, было бы несправедливо упустить изъ виду то незабвенное участіе, съ которымъ относился онъ къ *бѣдному люду* и въ особенности къ малолѣтнимъ сиротамъ, помѣщеннымъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ. Онъ не удовлетворялся обычнымъ типомъ сиротскихъ домовъ, въ которыхъ давались сиротамъ лишь насущный хлѣбъ и скудная одежда. Калужскій сиротскій домъ, по новому уставу, собственноручно написанному Викторомъ Антоновичемъ, сталъ доставлять призрѣваемымъ правильное воспитаніе и образованіе. Многіе юноши, питомцы сиротскаго дома, получили возможность достигнуть впослѣдствіи даже университетскаго образованія и стать полезными гражданами“ [1]).

Такое искреннее и горячее признаніе великихъ заслугъ, оказанныхъ за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, было однимъ изъ послѣднихъ немногихъ утѣшеній Виктора Антоновича.

VI.

Если, какъ справедливо говорятъ, свѣтлый и ясный закатъ жизни бываетъ удѣломъ только истинно добрыхъ и честныхъ людей, то этой рѣдкой заслуженной наградою вполнѣ воспользовался Викторъ Антоновичъ.

Сохраненіе до глубокой старости способности къ труду, къ любимому труду, безспорно, одно изъ величайшихъ благъ, какія только возможны на землѣ. Этимъ благомъ также дано было пользоваться Арцимовичу почти до послѣднихъ дней жизни.

---

[1]) См. Русск. Вѣд. № 164, 1891 г.

Еще въ концѣ 1892 года можно было видѣть величественную фигуру этого „классическаго“ и по внѣшнему виду, и по внутреннимъ достоинствамъ сенатора, медленною, но твердою поступью идущаго въ Сенатъ, чтобы, слѣдуя традиціямъ, увы! столь рѣдкихъ Я. Долгоруковыхъ, сказать свое вѣское и смѣлое слово въ защиту правды и закона, не мирволя никакимъ моднымъ теченіямъ, и дѣйствительно не взирая, какъ выражается въ своемъ наивномъ краснорѣчіи ст. 718 Уст. о служ., „ни на какое лицо, ни на какое предложеніе, а тѣмъ менѣе на партикулярныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ“.... Никому не могло придти въ то время въ голову, что смерть уже сторожила этого бодраго, цвѣтущаго, несмотря на свой преклонный возрастъ, старца-красавца, выразительныя черты котораго, неся глубокіе слѣды пережитаго и передуманнаго за столь долгій и обильный событіями вѣкъ, получили какой-то изящный рельефъ осмысленной монументальности, согрѣтой добрымъ чувствомъ. Словно вы видѣли передъ собою сошедшую съ плафона Сикстинской капеллы, изъ дивнаго сонма героевъ-пророковъ, созданнаго могучею кистью Микель-Анджело, величавую фигуру могучаго старца-великана, но не грознаго, а добродушнаго, съ глубокими, ясными очами, съ мягкою, таинственною улыбкою на тонкихъ губахъ, которая встрѣчается на произведеніяхъ да-Винчи, и смыслъ которой до сихъ поръ не разгаданъ.

Невозможно было пройти мимо и не залюбоваться на эту могучую статную фигуру, съ прекрасными умными, добрыми чертами лица, съ красивою головою, увѣнчанною короною серебристыхъ сѣдинъ, стяжавшею этому стойкому либералу и человѣколюбивому стражу закона знаменательное наименованіе: „Монблана судебнаго вѣдомства“.

Такъ и хотѣлось сказать этому столь бодрому духомъ и тѣломъ въ 73 года старцу:

Alter, du bist alt in Haaren,
Blühend aber ist dein Geist [1]).

Эта ясность духа, возможная только при чистой совѣсти и живомъ сознаніи добросовѣстно исполненнаго долга, не покидала доблестнаго ветерана-прогрессиста и на смертномъ одрѣ во время мучительной предсмертной болѣзни, при которой онъ

[1]) Старецъ, старъ ты волосами, но цвѣтущъ твой бодрый духъ.

оправдалъ характеристику, сдѣланную его другомъ и шуриномъ, маститымъ поэтомъ А. М. Жемчужниковымъ:

...въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Подобно стоикамъ, В. А. не боялся, но и не жаждалъ смертнаго часа:

Summum nec metuas diem nec optes.

Онъ тихо опочилъ, сознавая, что честно служилъ всю жизнь тому, чему вѣрилъ.

Чему же вѣрилъ Арцимовичъ?

Тому, чему нынѣшніе гибкіе оппортунисты такъ мало вѣрятъ — въ „святѣйшее изъ званій — человѣкъ“ [1]), въ человѣческое достоинство, и вѣрилъ онъ не такъ, какъ представители того типа флюгера-либерала, который французскій публицистъ характеризовалъ словами: il est à vingt libéral et à quarante canaille, — а всѣми силами души! Въ устахъ Арцимовича не было сильнѣйшаго порицанія, какъ слова: „людишки“, „козявки“, коими онъ обзывалъ мелкихъ людей, измѣнявшихъ своимъ убѣжденіямъ и продавшихъ свое человѣческое достоинство за чечевичную похлебку или за другія, болѣе современныя лакомыя и сытныя блюда. А съ другой стороны—не было у Арцимовича и высшей похвалы, какъ отзывъ: „вотъ это человѣкъ!“...

При мысли одной, что я человѣкъ,
Невольно душой возвышаюсь,

вотъ что̀ можно было начертать, въ видѣ эпитафіи, на гробницѣ Арцимовича, какъ яркое выраженіе его жизненнаго девиза, какъ неизмѣнное его знамя.

Культъ альтруизма, человѣчности, вотъ что̀ дѣлало личность Арцимовича столь обаятельною въ кругу лицъ, коимъ выпадало счастье такъ или иначе придти въ соприкосновеніе съ нимъ; вотъ что̀ спасло и сохранило его гражданскую личность незапятнанною и въ мрачную дореформенную эпоху господства „неправды черной“, и въ послѣдующія сѣрыя сумерки переходнаго времени, или безвременья, бывшаго свидѣтелемъ столькихъ неожиданныхъ и поразительныхъ случаевъ нравственнаго линянія, одичанія, ренегатства... „Смѣлый въ словѣ и въ дѣлѣ,

[1]) Извѣстно, что трезвые публицисты 80-хъ годовъ журили слегка „романтика“ Жуковскаго за сантиментальное „преклоненіе передъ такимъ неинтереснымъ кумиромъ, какъ „званіе человѣка“.

всегда благородный, прямой и ровный, В. А., по приведенной задушевной характеристикѣ, былъ *гордостью и радостью* всѣхъ честныхъ людей, имѣвшихъ къ нему отношенія по службѣ или по знакомству.

Но значеніе и вліяніе личности, подобной Арцимовичу, далеко выходитъ за кругъ его современниковъ и личныхъ свидѣтелей его дѣятельности. Это свыше полувѣковое честное и смѣлое служеніе правдѣ и закону, несмотря на самыя тяжелыя условія дѣятельности, великій образецъ для назиданія и подражанія. „Да будетъ вѣдомо всѣмъ почитателямъ нелегальныхъ путей, писалъ Тацитъ, что и при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ возможно скромное, но честное служеніе государству, если имѣется налицо нравственная стойкость, гражданское мужество и пр. [1]). Постараемся, училъ тотъ же великій историкъ древности, отыскать между сопротивленіемъ, ведущимъ къ погибели, и раболѣпствомъ, лишающимъ чести, путь, свободный отъ нравственнаго паденія и отъ опасностей [2]). „Арцимовичъ умѣлъ найти безъ бравады, но и безъ позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, этотъ средній путь легальнаго, скромнаго, но *неустаннаго* служенія долгу *гражданина...*

„Человѣчность прежде всего", училъ Грановскій. На этомъ основномъ правилѣ жизни строилъ Арцимовичъ весь свой кодексъ „гражданина". Черты гражданской дѣятельности В. А. сказались не только въ либеральную эпоху, когда всѣми проповѣдывалось:

Что не тупая покорность,
Дружная сила нужна,

но и въ дореформенное время полнаго приниженія гражданской личности. Въ это именно время, какъ видно изъ приведеннаго сибирскаго адреса, Арцимовичъ-губернаторъ дѣйствовалъ какъ *гражданинъ*, смотря на мѣстное населеніе какъ на согражданъ, а не какъ на anima vilis, бездушный матеріалъ, пригодный для всевозможныхъ бюрократическихъ манипуляцій. Основанная на человѣчности „*гражданская энергія*" составляла едва ли не самую выдающуюся черту закаленнаго на стоическій манеръ, изумительнаго характера Арцимовича. Высшее и настоящее достоинство человѣка, писалъ Никитенко, въ *характерѣ*: генію можно удивляться, какъ великой силѣ природы, но въ характерѣ человѣкъ является *творцомъ* себя, природа же даетъ ему

---

[1]) Taciti Agricola, 42.
[2]) Его же, Annalium IV, 20.

только матеріалы [1]). Такимъ поистинѣ виртуозомъ-творцомъ своего характера былъ Арцимовичъ. Ни духъ времени, ни среда отнюдь не способствовали выработкѣ цѣльныхъ характеровъ. Только мѣсто воспитанія [2]) и литература 40-хъ годовъ, гдѣ Бѣлинскій и другіе, несмотря на всѣ препоны, будили мысль и шевелили гражданское чувство, могли дать стимулъ къ образованію крѣпкихъ убѣжденій... Біографія В. А. Арцимовича разъяснитъ, вѣроятно, этотъ столь же удивительный, сколько и отрадный фактъ общественной психологіи, какъ образованіе, при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, стойкаго характера этого неутомимаго борца за правду, этого честно пожившаго и честно почившаго гражданина-человѣка, оставшагося до гроба вѣрнымъ идеаламъ юности—въ укоръ и назиданіе нашему, кичащемуся своей безъидейностью, дряблому, жесткому, но самодовольному времени:

Не вывезли реформы!
Не вышло ничего,
Все, не дозрѣвъ, пропало...
Кругомъ—темно, мертво;
Нѣтъ силъ, нѣтъ *идеала*,
И интересъ одинъ:
Кармана да желудка.
О, русскій гражданинъ!
Ужель тебѣ не жутко?!... [3]).

Г. А. Джаншіевъ.

---

[1]) Дневникъ, III, 166.

[2]) „Духъ училища въ мое время, пишетъ школьный товарищъ В. А.— А. М. Жемчужниковъ, былъ превосходный, благодаря принцу П. Г. Ольденбургскому, способствовавшему развитію въ насъ чувства собственнаго достоинства, человѣчности и уваженія къ законности, справедливости, просвѣщенію. Вліяли потомъ и люди 40-хъ годовъ". См. Стихотворенія А. М. Жемчужникова, т. I, стр. X.

[3]) Тамъ же, стр. 101.

Некрологъ.

Я. С. Скропышева.

(Рукопись).

2-го марта скончался одинъ изъ старѣйшихъ сенаторовъ—д. т. с. Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Честно и высоко правдиво служилъ онъ Россіи и много принесъ пользы своею свыше 51-лѣтнею службою и выдающимися административными способностями. Имъ всегда руководило правило: быть вѣрнымъ исполнителемъ закона и справедливости, покровительствовать слабымъ и угнетеннымъ и нелицепріятно преслѣдовать всякую неправду.

Выполнить эту задачу было не всегда легко и часто стоило достойнѣйшему Виктору Антоновичу затраты всѣхъ силъ. Онъ обладалъ большимъ запасомъ здоровья и нравственной мощи, и только этотъ запасъ и далъ ему возможность болѣе полустолѣтія служить вѣрою и правдою Царю и Отечеству.

Служба Виктора Антоновича была всегда благотворна, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и многотрудна, вслѣдствіе тѣхъ особенныхъ условій и самого періода времени, когда ему приходилось проходить свое служеніе.

В. А. окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія и поступилъ на службу въ 1841 г. въ Правительствующій Сенатъ. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ онъ быстро прошелъ всѣ канцелярскія должности до оберъ-секретаря включительно, и въ 1851 г., уже какъ опытный знатокъ законовъ и службы, былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ при ген.-ад. Н. Н. Анненковѣ, посланномъ на ревизію учрежденій зап. Сибири. Подъ его руководствомъ произведена была все-

сторонняя повѣрка дѣйствій административныхъ и судебныхъ учрежденій этого, въ то время далекаго и глухого, края, гдѣ царило не мало произвола. Наградою за ревизію было назначеніе В. А. въ 1854 г. тобольскимъ губернаторомъ. Онъ пробылъ въ Тобольскѣ четыре года и, при молодости (ему было тогда 34 года) и крѣпкомъ здоровьи, не щадилъ своихъ силъ, чтобы поставить губернію въ наилучшее состояніе. Онъ всегда внимательно выслушивалъ всякаго жалобщика и объѣхалъ не одинъ разъ не только всѣ города, но и почти всѣ волости, съ одной стороны отъ Обдорска до озера Чаны, на протяженіи 2.500 верстъ, а съ другой — отъ гор. Туринска до г. Тары, повсюду изучая нужды жителей и водворяя порядокъ въ губерніи, равной по пространству двумъ Франціямъ. Въ четырехлѣтнее управленіе этимъ обширнымъ краемъ В. А. достигъ такихъ результатовъ, что его вспоминаютъ и до сихъ поръ тамошніе старожилы, какъ одного изъ лучшихъ начальниковъ.

Въ 1858 г. В. А. оставилъ Тобольскъ, бывъ призванъ на еще болѣе важный постъ гражданскаго губернатора въ калужской губерніи. Назначеніе его на эту должность послѣдовало въ самое трудное время. Тогда повсюду созывалось дворянство, и образовывались губернскіе комитеты для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Дѣло это было поистинѣ и многотрудно, и, по волѣ Царя-Освободителя, очень спѣшно. Въ самой же губерніи не всѣ помѣщики желали освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, въ особенности съ землею—и Виктору Антоновичу, какъ губернатору, приходилось напрягать всю свою энергію, чтобы достичь въ этомъ первѣйшемъ дѣлѣ благопріятныхъ результатовъ. Онъ достигъ этого, но нажилъ себѣ не мало враговъ, съ которыми постоянно велъ упорную борьбу. Изъ борьбы онъ вышелъ блистательно. Она окончилась назначеніемъ въ калужскую губернію въ концѣ 1861 г. ревизіи, подъ руководствомъ сенатора А. X. Капгера, который засвидѣтельствовалъ наилучшее состояніе губерніи въ отношеніи исполненія введенныхъ въ то время Положеній 19 февраля 1861 года о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ 1862 году Викторъ Антоновичъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-ой степени, произведенъ въ т. с. и назначенъ сенаторомъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ призванъ на новое поприще дѣятельности; его командировали въ Царство Польское, послѣ окончанія бывшихъ тамъ волненій, для умиротворенія края и проведенія новыхъ реформъ. Въ качествѣ вице-президента Государственнаго Совѣта въ Царствѣ Польскомъ, Викторъ Антоновичъ по-

несъ и въ этомъ краѣ большіе труды при намѣстникѣ Царства—графѣ Бергѣ. Въ 1866 г. онъ возвратился въ С.-Петербургъ и занялъ сенаторское кресло — сначала въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, а затѣмъ въ 1-мъ департаментѣ, гдѣ былъ старшимъ сенаторомъ въ теченіе болѣе 12 лѣтъ. Здѣсь онъ положилъ весь остатокъ своихъ силъ и все время былъ вѣрнымъ блюстителемъ и хранителемъ законовъ.

Да успокоится благороднѣйшая душа этого достойнѣйшаго государственнаго дѣятеля, и да будетъ ему вѣчная память!

ИЗЪ ТЕЛЕГРАММЪ:

Изъ Тобольска отъ г. Управляющаго губерніей.

Сегодня 12 ч. дня въ соборѣ, при многочисленномъ собраніи молящихся, преосвященнымъ тобольскимъ отслужена панихида по скончавшемся супругѣ Вашемъ. Служащіе и граждане города, чтя память покойнаго за все добро и пользу, сдѣланную имъ тобольской губерніи и въ частности городу Тобольску, просили меня передать Вамъ свое глубокое искреннее соболѣзнованіе постигшему Васъ горю.

Изъ города Люцина.

Люцинское еврейское общество, опечаленное кончиной гуманнаго и маститаго своего сосѣда Виктора Антоновича, возноситъ теплыя молитвы объ упокоеніи его праведной души.

Отъ генерала А. П. Свистунова.

„Только теперь узналъ, что не стало нашего патріарха. Присоединяюсь къ тяжкой скорби Вашей горькими слезами друга и почитателя. Оплакиваю утрату честнѣйшаго, лучшаго изъ людей.

Отъ попечителя Кавк. Округа К. П. Яновскаго.

Смерть Виктора Антоновича, котораго я сердечно любилъ и почиталъ, поразила меня до глубины души. Да сохранитъ Богъ Ваши силы для блага Вашихъ дорогихъ дѣтей.

Адресъ С.-Петербургской Городской Думы.

„М. Г. Анна Михайловна.

С.-Петербургская Городская Дума съ глубокою скорбью извѣстилась о кончинѣ супруга Вашего, Виктора Антоновича.

Петербургская Дума убѣждена въ томъ, что покойный Викторъ Антоновичъ любилъ городское общественное дѣло и всегда интересовался его успѣхами.

Городское Управленіе потеряло въ Викторѣ Антоновичѣ правдиваго и снисходительнаго судью, входившаго всесторонне во всѣ подробности подлежавшихъ разсмотрѣнію Сената городскихъ дѣлъ и тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя городское общественное управленіе было поставлено въ каждомъ данномъ случаѣ.

Почтивъ память покойнаго въ собраніи 3-го марта общимъ всѣхъ гласныхъ вставаніемъ, Городская Дума возложила на гробъ умершаго вѣнокъ отъ имени С.-Петербургскаго Городского общественнаго Управленія и единогласно постановила: выразить семейству Виктора Антоновича искреннее чувство соболѣзнованія о постигшей горестной и невознаградимой утратѣ.

Сообщая о такомъ постановленіи Думы Вамъ, Милостивая Государыня, имѣю честь покорнѣйше просить принять увѣреніе въ глубочайшемъ къ Вамъ уваженіи.

Н. Медвѣдевъ, тов. Гор. Головы.

Письмо Н. Н. Медвѣдева.

„М. Г. Анна Михайловна.

Вмѣсто цвѣтка на гробъ усопшаго Вашего супруга, привожу Вамъ на память обстоятельства изъ его жизни, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Неискусное мое слово согрѣйте Вашею любовью, и станетъ оно живымъ изображеніемъ вѣчно юной души Виктора Антоновича.

Изъ далекаго Бѣлостока въ 1835 г. пріѣхалъ Вашъ супругъ и принятъ въ Училище Правовѣдѣнія. Для лучшихъ успѣховъ въ латинскомъ языкѣ предлагаютъ Виктору Антоновичу брать приватные уроки. Онъ противится и проситъ со слезами не обременять его родителей излишними издержками. Добрѣйшій инспекторъ — баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель, оцѣнилъ эти слезы и сталъ другомъ достойнаго юноши-сына.

Викторъ Антоновичъ назначенъ старшимъ въ классѣ, отвѣтственнымъ за всѣ шалости своихъ товарищей... Вотъ первая общественная служба, несомая для облегченія участи другихъ!

Изъ одного и того же училища выходятъ люди съ разнымъ образованіемъ. Викторъ Антоновичъ, постоянно оставаясь въ училищѣ даже на каникулы, самъ образовалъ себя чтеніемъ, и «Revue des deux Mondes» была одною изъ книгъ, которымъ онъ посвящалъ свои досуги.

Въ 1841 году, любимый товарищами и уважаемый начальствомъ, Викторъ Антоновичъ начинаетъ службу въ 4-мъ Департаментѣ Сената, участвуетъ въ ревизіяхъ съ сенаторомъ Бѣгичевымъ, Н. Н. Анненковымъ и съ Вашимъ покойнымъ родителемъ, отъ котораго, какъ витязь въ былинахъ, получаетъ въ супруги его единственную дочь.

Когда, на 34-мъ году своего возраста, Викторъ Антоновичъ назначенъ былъ тобольскимъ губернаторомъ, то Императоръ Николай Павловичъ, вмѣсто обычнаго „ты“—говоритъ ему „Вы“, а В. Княгиня Елена Павловна при прощаніи съ Викторомъ Антоновичемъ говоритъ ему: „удивляюсь, что я ранѣе не была съ Вами знакома!“ Затѣмъ, когда Викторъ Антоновичъ отказывался отъ службы въ Царствѣ Польскомъ, то покорился Царской волѣ лишь тогда, когда Государь сказалъ: „ты хочешь, чтобы я написалъ указъ“...

Послѣ плодотворнаго участія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и приведенія этого дѣла въ исполненіе наступила пора кабинетныхъ сенаторскихъ занятій. Сердце, полное энергической любви, умъ, обогащенный наукой и опытомъ, еще бодрое тѣло при строгой жизни рвались на продолженіе прежней кипучей дѣятельности и какъ бы тяготились покоемъ... При внѣшнемъ покоѣ внутренняя жизнь кипѣла ключомъ горячаго чувства ко всѣмъ приближающимся къ усопшему товарищу. Твердый голосъ правды и милости покрывалъ робкіе голоса людей колеблющихся.

Если правдою живетъ царство, то поборники правды суть столпы, поддерживающіе его процвѣтаніе.

Съ чувствомъ высокаго уваженія“....

Письмо Н. А. Бѣлоголоваго.

„Многоуважаемая Анна Михайловна,

только-что узналъ изъ газетъ о постигшемъ Васъ жестокомъ горѣ и не могу не выразить своего глубокаго сочувствія Вамъ и Вашей семьѣ и того, какъ сильно поразило меня это извѣстіе своею неожиданностью. Я такъ сердечно любилъ и уважалъ благороднаго Виктора Антоновича и съ такимъ нетерпѣніемъ каждый день поджидалъ увѣдомленія о скоромъ свиданіи съ нимъ!

Могу себѣ представить, какъ тяжело поразила Васъ эта неизгладимая потеря, и отъ души желаю, чтобы Вамъ удалось съ возможно меньшимъ потрясеніемъ перенести ее. Да послужитъ Вамъ хоть нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что Вашу скорбь въ Россіи раздѣляетъ множество людей, которые умѣли въ дѣятельности Виктора Антоновича оцѣнить истинный образецъ благородно и честно прожитой жизни. Крѣпитесь и не падайте духомъ“...

Выдержка изъ письма А. Ѳ. Кони.

„...Васъ не можетъ однако не утѣшить проявленіе самой искренней скорби и горячей любви къ *нему*, которая такъ многоразлично проявилась въ эти дни! И отъ гроба его не хотѣлось уходить... Точно отъ живого еще, милаго, дорогого человѣка... Такъ силенъ былъ его духъ, его сердечная мощь, что мысль о смерти съ ними не вязалась. Хотѣлось стоять долго—въ невидимой, молчаливой бесѣдѣ съ нимъ — и затѣмъ долго-долго говорить со знавшими его von Ihm, über Ihn"...

Выдержка изъ письма О. А. С.

....„Свѣтлый образъ вашего отца вовѣки останется живымъ для меня—утѣшительнымъ и яснымъ. Я такъ счастлива, что знала его, видѣла и слышала его добрыя, ласковыя слова! Рѣдко удавалось мнѣ быть съ нимъ, но было такое утѣшеніе знать, что есть такой человѣкъ, живетъ, дѣйствуетъ и всѣми своими поступками и мыслями сѣетъ добро и правду. Какъ ни велико ваше горе, но и утѣшеніе большое, что онъ такъ долго былъ съ вами и своею личностью такъ много давалъ всѣмъ, что навсегда будетъ жить съ вами и во всѣхъ вашихъ жизненныхъ столкновеніяхъ и обстоятельствахъ будетъ невидимо вашимъ руководителемъ, вашимъ утѣшеніемъ, вашей совѣстью"...

Выдержка изъ письма Э. А. Ш.-Ш.

...„Даже мы, такъ недавно нѣсколько ближе познакомившіеся съ незабвеннымъ Викторомъ Антоновичемъ, чувствуемъ себя совершенно осиротѣлыми. Викторъ Антоновичъ принадлежалъ къ числу немногихъ людей своей душевной теплотой, сердечнымъ, въ высшей степени внимательнымъ отношеніемъ къ другимъ, заставляющимъ каждаго, кто имѣлъ счастье попасть въ его общество, чувствовать себя уютно, въ близкомъ родномъ уголкѣ. Мы никогда не забудемъ того обворожительнаго впечатлѣнія, которое мы вынесли изъ Карлсбада, исключительно благодаря Виктору Антоновичу. Изъ нашихъ разговоровъ съ нимъ я тогда многому научился и въ то же время такъ искренне полюбилъ его, что его утрату я теперь чувствую, какъ утрату самаго близкаго человѣка. Въ немъ я увидѣлъ и узналъ сановника, совмѣщающаго въ себѣ столько уваженія, участія, даже любви къ каждому, съ кѣмъ ему приходится встрѣчаться, что онъ не можетъ не находить повсюду лишь откликъ уваженія и любви, искреннюю готовность слѣдовать за нимъ, съ интересомъ исполнять все, что онъ потребуетъ. Такихъ людей, такихъ начальниковъ—къ

великому моему огорченію, я никогда не служилъ подъ начальствомъ Виктора Антоновича — я болѣе не знаю. Обычное явленіе, какъ извѣстно, совершенно обратно: чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ больше онъ требуетъ отъ другихъ почитанія своей особѣ, и тѣмъ меньше онъ проявляетъ уваженія къ другимъ—меньшимъ людямъ...

Викторъ Антоновичъ останется для меня всегда идеаломъ человѣка и должностного лица. Миръ праху его!"...

Письмо Е. И. Барановскаго къ сыну Виктора Антоновича М. В. Арцимовичу. 6-го марта 1893 г.

„Передаю Вамъ, дорогой М. В., то, что думалъ и чувствовалъ у свѣжей могилы Вашего незабвеннаго отца, съ которымъ болѣе 50 лѣтъ соединяла меня самая сердечная дружба и общность стремленій. Мнѣ, судя по-человѣчески, немногимъ придется пережить моего стараго друга, меня тоже одолѣваютъ уже и немощи, и горе близкихъ моихъ. Примите то, что высказано мною о Вашемъ отцѣ, какъ слабое доказательство не только сердечной моей дружбы къ нему, но и ко всему его семейству...

Земля скрыла отъ насъ тлѣннаго человѣка, но свѣтлый духъ его живъ въ душахъ всѣхъ, бывшихъ у дорогой могилы. Духъ его ожилъ и еще болѣе оживетъ въ пораженной страшнымъ несчастіемъ семьѣ и перейдетъ къ дѣтямъ дѣтей его, ко всему его потомству. Свѣтлая душа его останется навсегда живою для всѣхъ, кто имѣлъ счастье быть имъ любимымъ, къ кому онъ питалъ сердечную дружбу, и кто любилъ его взаимно. Духъ правды и уваженія къ закону, который оживлялъ покойнаго и давалъ дѣламъ его общественное и государственное значеніе, явится въ тѣсной связи съ его жизнью во всѣхъ, кому дороги правда и законность. Независимость и стойкость убѣжденій послужатъ примѣромъ, руководствомъ и назиданіемъ тѣмъ, кто призванъ продолжать дѣло правды и нелицепріятнаго суда, которому почившій посвятилъ всю жизнь свою. Новое поколѣніе преемниковъ дѣятельности почившаго въ томъ, что̀ имъ совершено въ теченіе долгой трудовой жизни, найдетъ указаніе какъ слѣдуетъ трудиться, свято исполняя законъ.

Память почившаго долго будетъ жить въ умахъ и сердцахъ всѣхъ нуждающихся, обремененныхъ, всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ которымъ онъ, какъ судья и правитель, никогда не отказывалъ въ помощи.

Уваженіе къ человѣческой личности, которымъ отличалась вся жизнь и дѣятельность почившаго, ставило его на такую нравственную высоту, которая заставляла видѣть въ немъ самомъ прежде

всего человѣка, и жизнь его, посвященная осуществленію любви къ человѣчеству, была жизнью по евангельской заповѣди. Дойдя до положеннаго Господомъ предѣла, нашъ другъ опочилъ отъ трудной, тяжкой жизни, и никто изъ знавшихъ и любившихъ его не усомнится въ неизреченномъ милосердіи Божіемъ по евангельскому слову: „блаженни милостивые, яко тіи помилованы будутъ“...

Вѣнки на гробъ В. А. Арцимовича 3—5 марта 1893 г.

1) Серебряный отъ сенаторовъ съ надписью: „Человѣколюбивому стражу закона“,

2) серебряный отъ канцеляріи 1 Департамента,

3) отъ Спб. Городского общественнаго Управленія,

4) отъ Спб. столичныхъ мировыхъ судей,

5) отъ Спб. присяжныхъ повѣренныхъ,

6) „Незабвенному начальнику отъ бывшаго Березовскаго военно-окружнаго начальника Г. Колпаковскаго“,

7) отъ калужанъ 1861 года,

8) отъ калужскаго губернатора,

9) отъ Училища Правовѣдѣнія,

10) „Любимому и уважаемому товарищу отъ правовѣдской семьи“,

11) отъ Об-ва для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, съ надписью: „Другу учащихся женщинъ“,

12) отъ женщинъ-врачей съ надписью: „Глубокопочитаемому В. А. отъ сердечно признательныхъ женщинъ-врачей“,

13) отъ бывшихъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ,

14) отъ педагогичекъ,

15) отъ Попечительнаго совѣта гимназіи кн. Оболенской,

16) отъ Еврейскаго Общества.

17) отъ А. Л. и Л. А. Шанявскихъ,

18) отъ М. М. и Л. И. Стасюлевичъ,

19) „Незамѣнимому другу“ отъ М. С.,

20) „Отцу сиротъ“ отъ В. Г.,

21) „Рѣдкому человѣку и истинному гражданину“ отъ Д. В. и П. С. Стасовыхъ,

и еще 18 отъ разныхъ лицъ.

Изъ привѣтствія А. М. Жемчужникову на дружескомъ юбилейномъ обѣдѣ.

Здѣсь, за этимъ столомъ, издавна почтенныя сѣдины занимали и занимаютъ почетное мѣсто. Тѣ изъ насъ, которые здѣсь собираются, подъ гостепріимный кровъ хозяевъ уже давно—не забыли, не могутъ забыть ни серебряныхъ кудрей Тургенева, ни бѣлоснѣжной, величавой головы Виктора Антоновича Арцимовича. И когда насъ одушевляетъ общее чувство, и проникаетъ близкая всѣмъ мысль—когда, по поводу радости или горя общественнаго, хочется тѣснѣе сплотиться сердцами, бьющимися въ унисонъ,—тогда кажется, что *онъ*—этотъ незабвенный и незамѣнимый Викторъ Антоновичъ—еще съ нами, еще среди насъ...

Сегодня мы привѣтствуемъ человѣка мыслью чистаго и просвѣтительная дѣятельность котораго невольно оживляетъ нашу усталую отъ окружающей „мерзости запустѣнія" душу...

И намъ невольно кажется, что и Викторъ Антоновичъ съ нами, что онъ сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, со своею доброю улыбкою и своими прекрасными глазами, добрыми по чувству, строгими по мысли... Что̀ сказалъ бы онъ? А вотъ что̀: „привѣтствую тебя, братъ Алексѣй! радуюсь, что ты донесъ до позднихъ лѣтъ не запятнанную душу, не оскверненную думу. Это не легко. Я знаю это по опыту. Ты замѣтилъ во мнѣ „жизни трудовой поблекшія черты" [1]), но это случилось не отъ одного труда, а отъ тяжелой, ежедневной борьбы съ людишками, съ козявками, не желающими или неспособными понимать высшихъ цѣлей жизни. Я „сдамся", но „не безъ бою", и мои послѣдніе годы отмѣчены „печальной памятью". Но были и лучшіе годы, когда борьба была благотворна, и результаты ея всѣмъ ясны. Помнишь ли, братъ Алексѣй, святые дни святого калужскаго труда во имя *дѣйствительнаго* и *твердаго* освобожденія душъ изъ рабскихъ оковъ? Тогда вокругъ меня кипѣла злоба, и лишь въ немногихъ сердцахъ теплилась любовь, тогда шипѣла клевета, и грозилась ненависть—отъ запущенныхъ и затхлыхъ барскихъ хоромъ до раззолоченныхъ палатъ московскаго англійскаго клуба. Въ глазахъ толпы я стоялъ твердо, но въ душѣ я нуждался въ поддержкѣ, въ сознаніи того, что я не одинокъ. И ты—словомъ

---

[1]) См. стихотвореніе „Цвѣтущая старость", стр. 1 наст. книги.

Сижу-ль одинъ въ саду, брожу-ль въ открытомъ полѣ,
Съ природой въ ясный день бесѣдовать любя,—
Я мирный строй души мѣняю поневолѣ,
Чтобъ думать о быломъ и вспоминать тебя.
И ты, среди трудовъ, любилъ природу страстно;
Но тщетно ждутъ тебя въ твоемъ саду цвѣты;
Зеленый лѣсъ, шумя, тебя зоветъ напрасно—
Гдѣ ты?

Мнѣ пусто безъ тебя; но жизненныя силы
Меня еще теперь покинуть не хотятъ.
Живу, межъ тѣмъ какъ ты ужъ спишь во тьмѣ могилы,
И все растетъ, растетъ могилъ священныхъ рядъ.
Что-жъ! Надо бодро несть ниспосланное горе...
Вѣдь мнѣ не долго жить средь этой пустоты;
Ровесникъ твой, уйду и я туда же вскорѣ,
Гдѣ ты.

А. М. Жемчужниковъ.

1893 г.

Черезъ десять лѣтъ.

„Право“ № 10, 2 марта 1903 г.

Памяти В. А. Арцимовича.

Сегодня исполнилось десять лѣтъ со смерти *Виктора Антоновича Арцимовича*, одного изъ наиболѣе видныхъ, энергическихъ и стойкихъ дѣятелей въ практическомъ осуществленіи важнѣйшихъ изъ „великихъ реформъ“ царствованія императора Александра-Освободителя.

Воспитанникъ второго выпуска училища правовѣдѣнія, Арцимовичъ выступилъ на трудовую жизнь въ тяжелыя времена, когда отправленіе правосудія обращалось, въ большинствѣ случаевъ, въ траги-комедію безсудья,—когда „вино власти“, бросавшееся то тутъ, то тамъ въ голову мѣстныхъ властей, вызывало необходимость суровыхъ сенаторскихъ ревизій, и когда надо всѣмъ общественнымъ строемъ тяготѣло крѣпостное право, извращая нравственныя понятія и ставя въ основу хозяйства бездушно-принудительный трудъ покупаемой, продаваемой и обмѣниваемой „души“, поставленной въ условія рабскаго существованія. Участникъ ряда благотворныхъ по послѣдствіямъ сенаторскихъ ревизій внутри Россіи и въ Сибири, неутомимый работникъ и горячій боецъ противъ того, что Ламартинъ называетъ „la cruauté froide d'un système faux“, Арцимовичъ имѣлъ возможность, еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, проявить, въ должности тобольскаго губернатора, свои административныя способности и осуществить на практикѣ совѣтъ князя В. А. Вяземскаго о проявленіи власти *„сильной, но не досадливой“*. Благодарная память объ его управленіи долго жила въ Тобольскѣ—

живетъ тамъ, быть можетъ, путемъ преданія и въ настоящее время.

Освобожденіе крестьянъ, въ подготовительныхъ работахъ къ которому онъ участвовалъ, призвало его къ новой, болѣе трудной дѣятельности. Судьба какъ будто хотѣла ему сказать словами поэта: „иныя ждутъ тебя страданья—другихъ восторговъ глубина". Занявъ постъ калужскаго губернатора при самомъ введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г. и весь отдавшись правосудному и нелицемѣрному осуществленію послѣдняго. онъ испыталъ не мало нравственныхъ страданій, вызванныхъ злобою поражаемыхъ въ своихъ своекорыстныхъ разсчетахъ крупныхъ представителей стараго уклада, ихъ клеветами, инсинуаціями, ихъ явными и тайными жалобами. Но онъ спокойно несъ данное ему врагами его общественной дѣятельности—личныхъ у него не было—прозвище „краснаго", сознавая себя преданнымъ и безкорыстнымъ слугою своей родины и вѣрнымъ истолкователемъ великодушной воли Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наряду съ лучшими людьми того времени, онъ испыталъ и внутренніе восторги удовлетворенной въ стремленіи къ добру души, когда видѣлъ стойкую и дружную работу своихъ, имъ воодушевленныхъ и избранныхъ сотрудниковъ на только-что вспаханной почвѣ гражданской жизни народа.

Не мало тяжелыхъ минутъ пережилъ онъ и въ Варшавѣ, куда былъ призванъ для дѣятельности въ высшихъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія. Слѣдуя призыву Жуковскаго, рекомендовавшаго „на небѣ, простертомъ надъ двумя. соединенными подъ единою властью народами, поставить свѣтлую радугу союза", онъ не удовлетворялъ крайнимъ взглядамъ ни въ ту, ни въ другую сторону и находилъ утѣшеніе лишь во внутреннемъ сознаніи и въ нѣдрахъ любящей семьи.

Открытіе новыхъ судовъ поставило его въ ряды творцовъ первой кассаціонной практики въ области уголовнаго суда. Въ этой важной, совершенно новой у насъ и *созидательной* работѣ его имя вписано на-ряду съ именами Буцковскаго и Ковалевскаго. Внося въ сухія схемы кассаціонной практики жизненные взгляды и употребляя всѣ силы, чтобы не дать *формѣ* и *обряду* заслонить собою стоящаго за ними живого человѣка, Арцимовичъ осуществлялъ въ своей работѣ извѣстное, но, къ несчастью, мало примѣняемое, по малодушію однихъ и умственной неповоротливости другихъ, изреченіе: „Scire leges non hoc est verba eorum tenere, sed vim et potestatem". За двѣнадцать лѣтъ до

смерти онъ сталъ во главѣ перваго департамента Сената, въ задачу котораго входитъ, по словамъ закона, „высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія,—охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о прекращеніи всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ"... Широкое поле этой дѣятельности, обнимающее собою и толкованіе, и примѣненіе закона, открытое и для правдиваго голоса сердца, и для безтрепетной длани закона, нашло себѣ въ Арцимовичѣ достойнаго представителя. Многолѣтній, зоркій и стойкій трудъ его, во главѣ почти ежедневно собирающейся коллегіи, связанный съ неизбѣжною борьбою мнѣній и столкновеніемъ взглядовъ и проникнутый строгимъ консерватизмомъ въ смыслѣ охраненія основныхъ началъ городской и земской реформы—занялъ всѣ послѣдніе годы жизни Арцимовича, утомивъ его физически, но не измѣнивъ нравственно. До самой его кончины остались нетронутыми—въ его душѣ—доброжелательное отношеніе къ людямъ, чуждое всякой исключительности, въ его словѣ — сила и своеобразная красота искренней горячности убѣжденія, не смущаемаго мелочными житейскими „видами", въ его толкованіи закона—стремленіе къ одной лишь справедливости. Поэтому сослуживцы его по Сенату, узнавъ 2 марта 1893 г. съ чувствомъ неподдѣльнаго огорченія, что добрый взглядъ его умныхъ глазъ потухъ, и что бѣлоснѣжныя сѣдины его прекрасной, выразительной головы утонули въ подушкахъ гроба, исполнили свой долгъ, правильно написавъ на серебряномъ вѣнкѣ на этотъ гробъ *„человѣколюбивому стражу закона"*.

Вотъ почему сегодня, когда сердце знавшихъ его лично полно скорбныхъ воспоминаній, не только можно, но и должно напомнить о В. А. Арцимовичѣ, какъ о дѣятелѣ и человѣкѣ—и тѣмъ, кто его лично не имѣлъ случая узнать.

А. Кони.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Изъ писемъ В. А. Арцимовича.

I. Генералъ-Губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту.

Октябрь 1854 г. .... „Желая, по возможности, принести службою пользу Отечеству, я стараюсь обдумывать и давать себѣ отчетъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ. При самомъ вступленіи въ управленіе губерніей я замѣтилъ, что власть начальника тобольской губерніи находится далеко не на той степени силы и уваженія, которыя указаны нашими законами и учрежденіями. Я всюду ощущалъ явный упадокъ этой власти и безсиліе оной къ добру и устройству края. Причина сего печальнаго явленія, очевидно, въ прошедшемъ и, по преимуществу, въ постоянномъ пренебреженіи, съ которымъ Главное Управленіе здѣсь издавна привыкло обращаться къ начальникамъ губерніи. Я былъ во многихъ губерніяхъ, но нигдѣ не встрѣчалъ столь нелестной и унизительной для власти переписки, каковую нашелъ здѣсь въ дѣлахъ прежняго времени.

Систематическое и постоянное пренебреженіе обезсилило законную власть, вывело всѣ подчиненныя управленія изъ прямой зависимости и превратило начальника губерніи въ автомата, подписывающаго, но не дѣйствующаго, ибо предписанія его оставались безъ всякаго исполненія. Доказательство сего въ грудахъ бумагъ во всѣхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ. Вполнѣ постигая вредныя послѣдствія подобнаго положенія, я стараюсь и стремлюсь къ усиленію значенія власти губернаторской и вотъ почему не могу не представить на благоуваженіе вашего высокопревосходительства ходатайства моего объ огражденіи канцеляріи Общаго Губернскаго Управленія отъ подчиненія совѣтникамъ Главнаго Управленія. Мнѣ невозможно подражать моимъ предшественникамъ, и я запятналъ бы всю мою будущ-

ность, если бы шелъ тѣмъ же путемъ и управлялъ губерніей на тѣхъ же основаніяхъ, которыми руководствовались здѣсь до меня. Смѣю думать, что въ этомъ отношеніи я поступаю согласно съ Вашими желаніями и исполняю священное для меня указаніе покойнаго Императора, который, удостоивъ меня своимъ назиданіемъ, изволилъ сказать мнѣ: „стремясь къ улучшеніямъ, дѣйствуй исподволь, соображаясь съ мѣстными средствами; званіе свое поддерживай, ибо, чѣмъ отдаленнѣе край, тѣмъ сильнѣе должна быть власть, и тѣмъ строже наблюденіе за исполненіемъ законовъ и учрежденій". Надѣюсь, что высказанная вамъ прямо и откровенно мысль моя послужитъ къ объясненію настоящаго моего оффиціальнаго представленія, ибо не мелочное честолюбіе, а святость долга руководитъ моими дѣйствіями. Пробывъ здѣсь годъ, я, къ сожалѣнію, вижу, что только начальникъ злоупотребитель нашелъ бы здѣсь много помощниковъ и былъ бы силенъ"...

II. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа А. Н. Бахметеву, *17 декабря 1858 г.*

„Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ.

Два письма ко мнѣ вашего превосходительства отъ 20 октября сего года освобождаютъ меня отъ обязанности объяснять вамъ образъ моего воззрѣнія на значеніе общаго образованія всѣхъ сословій государства. Глубоко понимая важность этого дѣла, въ особенности въ настоящее время „предстоящихъ сословныхъ и гражданскихъ преобразованій", и стремясь съ такимъ теплымъ участіемъ къ его успѣху, вы не усомнились найти во мнѣ не оффиціальнаго только покровителя учебныхъ заведеній ввѣренной управленію моему губерніи, но человѣка, поставляющаго себѣ священною обязанностью содѣйствовать, по мѣрѣ нравственнаго вліянія, предоставляемаго мнѣ губернаторскою властью, къ тому, чтобы эти училища служили основою истиннаго просвѣщенія. Съ этою мыслью приступилъ я къ обозрѣнію здѣшней губернской гимназіи и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ тѣхъ уѣздахъ, которые время дозволило мнѣ посѣтить. Ваше превосходительство, конечно, не ожидаете отъ меня особой похвалы этимъ заведеніямъ. Извѣстно всѣмъ, что состояніе гимназій и училищъ почти вездѣ у насъ далеко неудовлетворительно, несмотря на повторяемую такъ часто фразу о пользѣ просвѣщенія, и, къ прискорбію моему, я долженъ сказать, что краткаго пребыванія моего въ калужской губерніи было уже достаточно, чтобы убѣдиться

въ жалкомъ положеніи и, такъ сказать, пренебреженіи, въ которомъ просвѣщеніе здѣсь находится. Въ особенности же обозначилась слишкомъ очевидно педагогическая несостоятельность и неспособность директора здѣшней гимназіи. Онъ же состоитъ начальникомъ всѣхъ училищъ калужской губерніи, и положеніе ихъ должно много терпѣть отъ его образа воззрѣнія, который онъ неоднократно передавалъ мнѣ съ видимымъ чувствомъ самодовольства, но который никакъ нельзя назвать просвѣщеннымъ.

Дѣйствительно, уѣздныя и приходскія училища въ посѣщенныхъ мною городахъ представляютъ въ общихъ видахъ мало утѣшительнаго, хотя, въ частности, какъ, напримѣръ, въ Жиздрѣ и Мещовскѣ, эти заведенія, завися отъ личныхъ свойствъ штатныхъ смотрителей, находятся относительно въ лучшемъ положеніи. Я встрѣтилъ немного учителей, которыхъ можно было бы назвать порядочными; большая часть изъ нихъ — люди отсталые. Однако несправедливо было бы обвинять въ этомъ безусловно ихъ самихъ; по моему мнѣнію, виновато начальство, которое, кажется, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на бѣдныхъ и брошенныхъ на произволъ судьбы учителей. Я замѣтилъ, что въ Мосальскѣ никто изъ нихъ уже давно ничего не читаетъ. Это происходитъ оттого, что сами они не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ выписывать журналы, или покупать книги, а начальство не оказываетъ имъ въ томъ никакого пособія. Библіотекъ современной литературы, хотя бы въ самомъ скромномъ размѣрѣ, не существуетъ нигдѣ. Неудивительно, что многіе изъ учителей упали духомъ и одичали, а нѣкоторые утратили, быть можетъ, и чувство своего нравственнаго достоинства. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ учителей въ Козельскѣ, послѣ неприличнаго пированія со своими учениками (впрочемъ, не училищными, а частными), найденъ убитымъ, и слухъ носится, что онъ былъ убитъ тѣми, которыхъ былъ наставникомъ.

Въ Мещовскѣ уѣздное училище помѣщается въ весьма плохомъ домѣ, хотя есть сумма на пріобрѣтеніе новаго. Въ Мосальскѣ приходское училище нанимаетъ старый, низкій и холодный домъ. Въ особенности же въ Козельскѣ и уѣздное, и приходское училища найдены мною въ самомъ жалкомъ состояніи и относительно помѣщенія и опрятности учениковъ, и относительно преподаванія. Смотритель козельскихъ училищъ не имѣетъ, кажется, качествъ, необходимыхъ для прекращенія замѣченныхъ мною безпорядковъ.

Представляя вашему превосходительству хотя краткую, но весьма печальную картину осмотрѣнныхъ мною въ калужской губерніи училищъ, я не могу не отнести многихъ по этой части недостатковъ къ винѣ мѣстнаго училищнаго начальства. Обращаясь воспоминаніями

51

къ тобольской губерніи, столь отдаленной, въ сравненіи съ калужскою, отъ университетовъ и всѣхъ главныхъ центровъ просвѣщенія, я нахожу, что состояніе училищъ въ Сибири гораздо удовлетворительнѣе, и вообще взглядъ на пользу образованія возвышеннѣй и чище. Достаточно замѣтить, что тамъ во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ получаются лучшія наши періодическія изданія, и вездѣ, даже въ Березовѣ, есть небольшія библіотеки.

Узость и, такъ сказать, форменность взгляда на дѣло воспитанія здѣсь обнаружилась, между прочимъ, въ превратномъ пониманіи въ одномъ изъ училищъ положенія о взысканіи платы за ученіе въ уѣздныхъ училищахъ, а именно такимъ образомъ, что будто бы эта плата должна быть вносима не иначе, какъ самими учениками или ихъ родителями и опекунами, но не можетъ быть принимаема отъ постороннихъ лицъ—благотворителей; вслѣдствіе сего, я полагалъ бы необходимымъ объяснить директору училищъ калужской губерніи вредныя послѣдствія такого пониманія, влекущія за собою уменьшеніе числа учащихся, и просить его сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы штатные смотрители училищъ не только не затруднялись въ пріемѣ платы за ученіе воспитанниковъ уѣздныхъ училищъ отъ кого бы то ни было, но, напротивъ, склоняли бы къ этому благотворителей и деньги отъ нихъ принимали бы съ благодарностью. Я же съ своей стороны, по сдѣланіи вами объ этомъ распоряженія, готовъ просить предводителей дворянства и городскихъ головъ оказать помощь тѣмъ изъ родителей, которые взяли изъ училищъ своихъ дѣтей, не имѣя возможности вносить положенную плату за ихъ обученіе.

Самымъ нагляднымъ, или, лучше сказать, самымъ поразительнымъ примѣромъ образа воззрѣнія здѣшняго директора гимназіи и училищъ на просвѣщеніе и свою педагогическую дѣятельность служитъ прилагаемый при семъ представленный имъ мнѣ проектъ, подъ заглавіемъ: „мысль о новой педагогической мѣрѣ по гимназіи“. Проектъ даетъ возможность оцѣнить автора по достоинству, и въ этомъ отношеніи нельзя не быть благодарнымъ г. директору за его откровенность и заботу о сообщеніи результата занимающихъ его мыслей. Предлагаемая имъ мѣра дѣйствительно нова и, выражаясь словами самого автора, „небывалая у насъ и, кажется, еще нигдѣ“. Она состоитъ въ печатаніи въ мѣстной губернской газетѣ цифровыхъ отмѣтокъ о поведеніи учащихся и объ ихъ успѣхахъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ.

Польза гласности въ настоящее время сознается всѣми; вотъ какъ съ своей стороны понимаетъ ее директоръ здѣшней гимназіи, и вотъ единственный найденный имъ способъ примѣненія этой пра-

ственной силы къ дѣлу просвѣщенія и устройства ввѣренныхъ управленію его училищъ! Хотя онъ сознается, что трудно сказать a priori, чтò именно и въ какой мѣрѣ измѣнится въ мірѣ педагогическомъ отъ введенія предлагаемой имъ мѣры, но однако онъ видитъ въ ней „начало сближенія школы съ обществомъ, науки съ жизнью,— сближенія столь пламенно и единодушно желаемаго и ожидаемаго педагогами во имя успѣховъ отечественнаго просвѣщенія“.

Но если эти выраженія доказываютъ только, что авторъ проекта цѣнитъ высоко свою педагогическую мѣру, то заключительныя слова проекта убѣждаютъ въ томъ, что онъ не можетъ и не желаетъ принять какія-либо другія мѣры, кромѣ этой. Онъ избралъ исключительно ее, основываясь на томъ соображеніи, „что осуществленіе оной не сопряжено ни съ какими реформами и перемѣнами въ настоящей организаціи нашихъ гимназій и никакихъ матеріальныхъ средствъ отъ правительства не потребуетъ“. Эти замѣчательныя слова, которыя ваше превосходительство прочтете въ прилагаемой запискѣ, мнѣ остается только дополнить слѣдующею мыслью, выраженною г. директоромъ въ его разговорѣ со мною: онъ убѣжденъ, что „со времени Гутенберга, изобрѣтшаго книгопечатаніе, это искусство не находило себѣ такого достойнаго и полезнаго примѣненія, какъ предлагаемое имъ нынѣ печатаніе цифровыхъ отмѣтокъ объ успѣхахъ гимназистовъ“.

Понятія такого рода не могли бы, конечно, не возбудить смѣха, если бы они предъявлялись не лицомъ, которому ввѣрено образованіе молодого поколѣнія цѣлой губерніи.

Въ наше время замѣчается повсюду возрождающееся сознаніе въ необходимости и пользѣ просвѣщенія. Жители Калуги не отстали въ этомъ отношеніи отъ другихъ городовъ Имперіи. Такъ, въ ноябрѣ текущаго года калужское купеческое общество, признавая вполнѣ благодѣтельнымъ устройство въ г. Калугѣ училища для дѣтей женскаго пола, на основаніи Положенія Высочайше утвержденнаго 30 мая 1858 г., составило приговоръ о пожертвованіи для этой цѣли 5% съ цѣны торговаго свидѣтельства.

Но послѣ всего мною сказаннаго ваше превосходительство поймете затрудненіе, въ которомъ я нахожусь при мысли, что надо поручить еще новое и притомъ весьма важное по назначенію своему училище надзору и попеченію такого начальства, которое не въ состояніи удовлетворить потребностямъ учащихся.

Представляя вниманію вашего превосходительства состояніе учебной части въ калужской губерніи, не могу не выразить моего убѣжденія, что эта часть требуетъ такого непосредственнаго начальника, направленіе котораго могло бы соотвѣтствовать настоящимъ

видамъ и желаніямъ правительства по предмету столь важному, какъ воспитаніе и образованіе молодого поколѣнія нашихъ соотечественниковъ. Когда таковое назначеніе послѣдуетъ, я буду въ состояніи, при посредствѣ понимающаго свое дѣло директора, ближе познакомиться съ личнымъ составомъ гимназіи и училищъ и воспользоваться вашимъ предложеніемъ сообщить вамъ имена тѣхъ изъ нихъ, достоинства коихъ заслуживаютъ вниманія и поощренія“...

III. Жиздринскому уѣздному предводителю дворянства А. Ѳ. Карышеву. *7 іюня 1860 г. Калуга.*

„Милостивый Государь Александръ Ѳедоровичъ.

Къ сожалѣнію, я сегодня утромъ получилъ донесеніе о безпорядкахъ въ имѣніи Бенардаки. Обращаюсь къ вамъ съ оффиціальными отношеніями и покорнѣйшею просьбою разобрать жалобу управляющаго и крестьянъ. *На всякій случай*, во избѣжаніе затрудненій, вамъ дается уполномочіе истребовать военную силу и вызвать священника, обвиняемаго въ подстрекательствѣ, въ Жиздру подъ надзоръ благочиннаго. Всѣ эти уполномочія содержатся въ прилагаемыхъ при семъ пакетахъ. Употребленіе военной силы дѣлается только въ *крайнихъ* случаяхъ явнаго неповиновенія властямъ. Изъ донесенія исправника трудно судить о важности происшествія, а изъ жалобъ крестьянъ можно подозрѣвать много притѣсненій. По смыслу законовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ должно принимать мѣры и производить разбирательство: *въ отношеніи неповиновенія*—временному отдѣленію земскаго суда, а повѣрка хозяйственнаго управленія и жалобъ на вотчинное начальство производится самимъ уѣзднымъ предводителемъ, по требованію котораго въ важныхъ случаяхъ назначается и формальное слѣдствіе. Въ надеждѣ, что настоящее дѣло уладится безъ большихъ затрудненій, я прошу васъ обратить также особенное вниманіе и на дѣйствія исправника, который составилъ донесеніе весьма неопредѣлительное и принялъ недостаточныя мѣры для окончанія возникшаго безпорядка. Данныя вамъ уполномочія какъ для призыва войска, такъ и для вызова священника, могутъ быть мнѣ возвращены и остаться *безъ всякаго примѣненія*, ежели справедливый разборъ причинъ безпорядковъ остановитъ развитіе зла и успокоитъ умы. Сожалѣю очень, что безпокою васъ этимъ порученіемъ—впрочемъ, во-время прекращенный безпорядокъ и поводы къ неповиновенію могутъ предупредить много невинныхъ жертвъ и остановить принятіе крутыхъ мѣръ, всегда тяжелыхъ и для администраторовъ и для крестьянъ“...

26 іюня 1860 г. .... „Большое и большое спасибо за успокоительныя и утѣшительныя письма ваши о ходѣ дѣла по имѣнію Бенардаки. Давая уполномочія требовать войско, я твердо надѣялся, что вы употребите всѣ усилія къ предупрежденію крупныхъ, тяжкихъ, по своимъ послѣдствіямъ, мѣръ и для правительства, и для народа, и мои надежды вполнѣ осуществились. Хотя указъ о полиціи уже состоялся, но я еще не могу выѣхать для ревизіи уѣздовъ"...

8 апрѣля 1861 г. — „Меня очень заботитъ назначеніе хорошихъ посредниковъ въ жиздринскій уѣздъ. Въ другихъ уѣздахъ легче найти людей, сочувствующихъ новому порядку. Нѣтъ ли вашихъ *хорошихъ* и образованныхъ помѣщиковъ въ Петербургѣ или Москвѣ на коронной службѣ?"...

31 марта 1862 г. .... „Губернское присутствіе представило министру о назначеніи еще двухъ посредниковъ въ жиздринскій уѣздъ. Для усиленія полиціи командированъ мною на все лѣто постоянный полицейскій чиновникъ, бывшій становой приставъ. Словомъ, съ моей стороны сдѣлано все, что возможно. Необходимо организовать мѣстные органы, найти хорошихъ людей и затѣмъ уже приступить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Меня страшитъ мысль наказывать народъ за вину *малоспособныхъ* властей. Для избѣжанія этой несправедливости необходимо дѣйствовать крайне осмотрительно. Въ этомъ отношеніи убѣдительно васъ прошу помочь нравственнымъ вашимъ вліяніемъ. Относительно имѣнія Шаблыкина я еще въ Жиздрѣ сдѣлалъ всѣ распоряженія, но все зависитъ отъ дѣйствій посредника, онъ долженъ сдѣлать подробный учетъ,—уяснить дѣло. Послѣ обнародованія Манифеста нельзя болѣе дѣйствовать въ потемкахъ. А счеты Шаблыкина, кажется, запутаны и до сихъ поръ не разобраны.

Не скрою отъ васъ, что жиздринскій уѣздъ меня очень безпокоитъ—вездѣ уже народъ началъ довѣрять и подчиняться новому порядку, въ жиздринскомъ же уѣздѣ крестьянская реформа не подвигается"...

30 апрѣля 1862 г. .... „Убѣдительно васъ прошу содѣйствовать въ пріисканіи честныхъ и добрыхъ людей на должность мировыхъ посредниковъ. До меня доходятъ слухи изъ столицы, что жиздринскіе помѣщики страшно возстаютъ противъ мѣстнаго управленія. Съ цѣлью обличить настоящія причины затрудненій и указать правильный имъ исходъ, я рѣшился напечатать все что касалось разбора дѣлъ Каншина и вообще крестьянскаго дѣла въ жиздринскомъ уѣздѣ. Это, по моему мнѣнію, должно дать твердую опору дальнѣйшимъ дѣйствіямъ къ преодолѣнію препятствій и къ успокоенію тѣхъ заявленій о совершенномъ невниманіи управленія къ нуждамъ заинтересованныхъ

сторонъ, — которыми въ Калугѣ такъ щедро награждаютъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей"...

IV. Члену Главнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ — С. М. Жуковскому.

10 декабря 1861 г. .... „Я узналъ, что дѣло Мальцова поступило съ заключеніемъ трехъ министровъ въ Главный Комитетъ, который вытребовалъ подлинное слѣдствіе. Надѣясь на наши добрыя отношенія, прошу васъ, многоуважаемый Степанъ Михайловичъ, *буде возможно,* обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: Главный Комитетъ по дѣламъ крестьянскимъ разсматриваетъ дѣйствія губернаторовъ, но не имѣетъ прямыхъ съ ними сношеній, не требуетъ отъ нихъ непосредственно объясненій, и губернаторы, не имѣя оффиціальнаго доступа въ это важное правительственное учрежденіе, отданы въ полное рабство и кабалу министру. Въ первомъ департаментѣ Сената никогда не осуждаютъ дѣйствій губернаторской власти безъ истребованія объясненій. — Этого требуетъ законъ. Когда объясненіе доставляется черезъ министра, то отзывъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ вносится въ Сенатъ *въ подлинникѣ,* съ его замѣчаніемъ. Не нужно доказывать, что подобная система предупреждаетъ множество происковъ и пристрастныхъ дѣйствій. По дѣлу Мальцова министръ, въ прямое нарушеніе 239 ст. I т. Учрежд. Минист., повѣрилъ доносамъ обвиняемаго и вовлекъ Главный Комитетъ въ порицаніе дѣйствій крестьянскаго присутствія и губернатора, не истребовавъ объясненій противъ клеветы извѣстнаго самодура крѣпостника. Генералъ Бутеневъ пріѣзжалъ на заводъ, производилъ слѣдствіе, но не сносился съ губернаторомъ и не требовалъ отъ него никакихъ пояснительныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время министръ критикуетъ губернатора, обвиняетъ его въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, и все это дѣлается тайно, безъ предъявленія обвинительныхъ пунктовъ. Между тѣмъ губернаторъ дѣйствовалъ въ тяжкую минуту объявленія Манифеста и сохранилъ порядокъ въ цѣлой губерніи мѣрами спокойнаго и законнаго разбирательства.

Нельзя не опасаться, что подобная система дѣйствій, принятая правительствомъ, оттолкнетъ всѣхъ честныхъ дѣятелей отъ крестьянскаго дѣла, и что несчастный народъ дорого поплатится за обѣщанную ему свободу. Для полнаго уясненія моихъ отношеній къ министру по дѣлу Мальцова, прилагаю собственно и исключительно для вашихъ соображеній копіи съ письма моего отъ 25 мая.

Въ Калугѣ крестьянское дѣло идетъ хорошо; крестьяне тыся-

чами переходятъ съ издѣльной повинности на оброкъ. Несмотря на происки крѣпостниковъ и на сильную агитацію, производимую министромъ, который разсылаетъ своихъ чиновниковъ къ помѣщикамъ для возбужденія съ ихъ стороны жалобъ на губернскую власть, и несмотря на фактъ назначенія сенаторской ревизіи, уже самъ по себѣ возбудившій надежды на крѣпостной поворотъ дѣла, я, при участіи честныхъ людей, продолжаю дѣйствовать въ смыслѣ новаго закона. Я вполнѣ убѣжденъ, что настоящее мое обращеніе послужитъ вамъ доказательствомъ истиннаго и душевнаго къ вамъ уваженія, съ какимъ остаюсь"...

(Доказательствомъ мирнаго хода проведенія крестьянской реформы въ калужской губерніи, а также отношенія населенія къ мѣстной администраціи можетъ служить слѣдующій документъ:

„1862 года декабря 24 дня явились въ Бабаевское волостное правленіе нижеподписавшіеся повѣренные отъ всѣхъ сельскихъ обществъ Бабаевской волости и заявили въ ономъ, что они присланы отъ всѣхъ своихъ крестьянъ домохозяевъ объявить ихъ желаніе, которое состоитъ въ томъ, что наслышаны они, будто бы его превосходительство начальникъ калужской губерніи В. А. Арцимовичъ Государемъ Императоромъ отозванъ отъ управленія калужскою губерніею на другую государственную службу и выѣзжаетъ изъ Калуги. А потому они желаютъ, чтобы выбрать въ волостномъ правленіи нѣсколько человѣкъ повѣренныхъ, послать ихъ въ Калугу благодарить В. А. Арцимовича отъ имени всѣхъ крестьянъ нашей волости отъ мала и до велика за оказанныя имъ намъ, крестьянамъ, покровительство и защиту въ правахъ нашихъ, данныхъ намъ нашимъ батюшкою Царемъ Милосерднымъ, объявить ему наше горе объ отъѣздѣ его, и что они, крестьяне, вовѣкъ будутъ помнить благодѣянія его и о томъ передадутъ своимъ дѣтямъ. Узнавъ же на этомъ сходѣ, что Викторъ Антоновичъ уже уѣхалъ вчерашній день, то и рѣшили всѣмъ волостнымъ сходомъ благодарить его гласно, пропечатавъ нашъ сей приговоръ, на общественную сумму, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ". Слѣдуютъ затѣмъ печати 23 сельскихъ обществъ и подписи старостъ и выборныхъ.

Кромѣ того къ бывшему начальнику губерніи являлись въ разное время съ хлѣбомъ-солью выборные еще отъ четырехъ волостей временнообязанныхъ крестьянъ и депутаты отъ медынскаго городского общества).

V. Къ А. Ѳ. Кони.

1879 г. ... „Большое и большое вамъ, душевно уважаемый мною Анатолій Ѳедоровичъ, спасибо за сообщеніе вашего добросовѣстнаго труда въ защиту суда присяжныхъ. При свиданіи потолкуемъ о подробностяхъ.

Не могу не высказать вамъ пожеланія, чтобы представленные вами факты и соображенія не только пріостановили стремленіе къ ограниченію нашего юнаго суда присяжныхъ, но, напротивъ, вызвали заботы объ устраненіи завѣщанныхъ намъ старыми порядками препятствій и преграды къ дальнѣйшему развитію лучшей организаціи суда“...

VI. Изъ писемъ къ А. И. Скребицкому [1]).

2-го іюня 1860 г. ...„Зависть человѣческая, къ сожалѣнію, весьма обычное явленіе на землѣ. По моему воззрѣнію, не слѣдовало сердиться, а съ презрительной улыбкой и снисхожденіемъ надлежало встрѣтить всю тревогу г... Медицинскаго Общества, которая только подкрѣпила твой дерптскій аттестатъ на званіе доктора медицины. Касательно недостатковъ вообще нашего русскаго общества—то и это явленіе очень естественное. Мы гораздо моложе европейскихъ западныхъ государствъ. Для блага отечества нужно еще много отдѣльныхъ усилій и трудовъ—нужно, чтобы даровитые и образованные люди, сознавая общіе недостатки, старались каждый въ своей сферѣ улучшить и содѣйствовать развитію добра и лучшихъ, болѣе возвышенныхъ понятій. Идеалъ должно хранить въ душѣ и умѣ—жизнь же требуетъ постепенности и большихъ трудовъ, большихъ пожертвованій; въ борьбѣ съ затрудненіями высказывается истинный высокій характеръ и твердость воли.

Не забывай также, что человѣчество обречено на трудовую постепенную дѣятельность и медленное развитіе, и что вообще мы *непремѣнно* должны снисходительно смотрѣть на недостатки отдѣльныхъ личностей. Условія и время, въ которое мы родились и росли, имѣютъ столь сильное вліяніе на наше развитіе, что очень часто вовсе несправедливо обвинять людей за то, что они сыны своего вѣка и своего общества. Съ этимъ воззрѣніемъ ты не судилъ бы столь строго г... медиковъ и борьбу ихъ принялъ бы только, какъ про-

---

[1]) Докторъ А. И. Скребицкій двоюродный братъ В. А. Арцимовича, авторъ ...вѣстнаго труда „Крестьянское Дѣло“.

явленіе глубокаго зла, съ которымъ ты имѣешь возможность и обязанность начать борьбу и тѣмъ помогать людямъ, которые начали давно противодѣйствовать невѣжеству и отсталости. Хотя я сознаю всѣ затрудненія къ сохраненію спокойствія духа, но полагаю и твердо убѣжденъ, что сильные и возвышенные характеры и умы должны отличаться спокойствіемъ и снисхожденіемъ къ окружающимъ недостаткамъ и узости воззрѣній...

На счетъ моихъ дѣлъ ничего не знаю. Осенью, вѣроятно, снова поѣду въ Пететербургъ, а пока хлопочу по устройству уѣзднаго управленія, приготовляя орудія къ предстоящей крестьянской реформѣ. Будь здоровъ и чаще думай о высшихъ законахъ, руководящихъ человѣчествомъ, народами и государствами"...

30-го декабря 1860 г. .... „Будущій годъ долженъ имѣть большое значеніе въ судьбѣ Россіи, и кажется ему суждено принести *начало* уничтоженія крѣпостного права. Уже разосланы циркуляры о подготовительныхъ мѣрахъ — открываются въ каждой губерніи губернскіе комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, и имъ поручено установить новыя власти для новаго порядка. Хотя для меня время очень тяжелое, но нельзя не радоваться, что мы дожили до этой реформы, и что наконецъ начнутъ и въ Россіи уважать человѣчность въ людяхъ. Не повѣришь, до какой степени трудно дѣйствовать по новому пути черезъ орудія, воспитанныя и приготовленныя къ прежнимъ потребностямъ! Я недавно возвратился изъ Петербурга, гдѣ попрежнему участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ. Хотя медленно и съ разными препонами, но однако замѣтно, что въ столицѣ все идетъ къ развитію. Орловы, Бутковы теряютъ свой кредитъ. Гротъ принялъ, кажется, задачу уничтожить откупа и поступаетъ въ м-во Финансовъ по питейной части. Указа еще не послѣдовало. Время реформы возбудило рвеніе въ молодыхъ людяхъ, и многіе съ университетскимъ образованіемъ бросились въ провинцію. Число подобныхъ дѣятелей въ Калугѣ постепенно увеличивается, но трудно наладить, приспособить къ дѣлу; большая часть изъ нихъ рвется и жаждетъ крутого перехода — что̀ невозможно въ дѣйствительной жизни"...

8 мая 1864. ...„Давно не писалъ къ тебѣ, потому что утѣшительнаго и хорошаго ничего не произошло. Назначеніе мое въ Варшаву послѣдовало совершенно противъ моихъ желаній и несмотря на самый положительный отказъ. Ты знаешь, что я готовился для посильной дѣятельности въ Россіи и вовсе не изучалъ многостороннихъ вопросовъ и усложненныхъ правительственныхъ весьма трудныхъ задачъ въ Царствѣ Польскомъ. Но всѣ мои усилія и возраженія—словесныя и письменныя—оказались тщетными... Всматриваюсь и изучаю мѣстныя потребности и весьма спутанное польское законодательство, сложив-

шееся подъ самыми разнообразными направленіями правительствъ австрійскаго, прусскаго, наполеоновскаго и нашего петербургскаго. Незавидное положеніе — приступить къ изученію, когда уже занимаешь высокое мѣсто въ служебной іерархіи края! Впрочемъ, пока существуетъ военное положеніе, многіе вопросы гражданской жизни должны отдыхать и выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Крестьянское дѣло въ Царствѣ имѣетъ во многихъ отношеніяхъ другой характеръ. Въ Россіи оно не было связано съ политическими соображеніями, и военный элементъ стоялъ въ Имперіи на второмъ планѣ. Въ примѣненіи нельзя будетъ избѣгнуть многихъ затрудненій.

Я всегда отличалъ энергію отъ грубости... Ты жалуешься, что сфера твоей дѣятельности ограничена.... а я несу крестъ *мнимаго* величія"...

7 іюля 1864 г. ... „Здѣсь недавно былъ Николай Милютинъ. Число членовъ Учредительнаго Комитета увеличивается. Соловьевъ тоже здѣсь. По крестьянскому дѣлу работы безчисленное множество. Я не намѣренъ устраиваться здѣсь прочно. Наружное оффиціальное величіе меня нисколько не останавливаетъ и не задерживаетъ. Временно поработаю... Ежели попадутся тебѣ любопытныя книги или брошюры о польскомъ вопросѣ, пришли ихъ мнѣ черезъ дипломатическую канцелярію Намѣстника"...

4 января 1865 г. .... „Благодарю за первый транспортъ брошюръ и ожидаю второго. Давно не писалъ, потому что на душѣ не весело. Атмосфера томительная... На каждомъ шагу кругомъ множество доказательствъ неразвитости и испорченности человѣческой природы и полнаго несовершенства общественнаго устройства. Впрочемъ, объ этомъ распространяться не стану: исправить и помочь нельзя. Занятій множество. На меня возложили все, что касается преобразованія и устройства судовъ. Принимаю также участіе въ работахъ по крестьянскому дѣлу. Зная языкъ, я скорѣе ознакомился съ мѣстными условіями. Ты жалуешься на судьбу свою, но въ твоей жизни — независимой отъ службы и семейныхъ узъ—много также привлекательнаго. Изъ здѣшнихъ жителей многіе одобрили и обрадовались закрытію монастырей— очень осуждались только пріемы"...

15 декабря 1865 г. ... „Я еще здѣсь. но скоро ѣду въ Петербургъ. Здѣшняя дѣятельность претитъ... Въ послѣднюю поѣздку въ Петербургъ я видѣлъ Императора и уладилъ дѣло возвращенія въ Имперію...

Сказываютъ, что я попаду въ область судебной реформы—впрочемъ, что будетъ—увидимъ! Здѣсь я оканчиваю нѣкоторыя начатыя мною законодательныя работы и поѣду обдумывать, справедливо ли

я старался различить значеніе словъ: управленіе отъ угнетенія и т. п"...

30 марта 1866 г. . . . „Собираюсь оставить навсегда Варшаву! Сегодня уже въ послѣдній разъ участвую въ сужденіяхъ о здѣшнихъ дѣлахъ—сдаю окончательно дѣла и тотчасъ послѣ праздниковъ ѣду въ Петербургъ, гдѣ засѣдать буду въ кассаціонномъ д-тѣ Сената. Въ результатѣ Варшава доставила мнѣ только множество огорченій и страданій—и кажется поколебала мое служебное положеніе. Впрочемъ на землѣ нѣтъ ничего прочнаго"...

10 декабря 1866 г. . . . „Петербургская же картина—уединенная и въ семейномъ кружкѣ сносная, но въ общественномъ мрачная. Судебная реформа подвигается, но число противниковъ ея увеличивается, и многіе открываютъ батальный огонь. Защита слабая со стороны вожаковъ реформы.—Своя рубаха имъ ближе къ тѣлу. Внезапная болѣзнь Милютина пошатнула его бюрократическое и неимѣющее корней—зданіе въ Польшѣ. Кн. Черкасскій подалъ въ отставку, но еще въ газетахъ не объявленъ указъ объ увольненіи и, слѣдовательно, окончательно не разрѣшенъ этотъ личный вопросъ. На мѣсто Черкасскаго предполагается назначить Брауншвейга, такъ что окончательное устройство и обрусеніе Польши предоставлено твоимъ знакомымъ: фонъ-Витте, министръ просвѣщенія,—фонъ-Маркусу,—мин-ръ финансовъ,—фонъ-Брауншвейгу, — мин-ръ вн. дѣлъ, — фонъ-Фредриксу, — мин-ръ полиціи,—фонъ-Крузе,—директоръ банка—не касаясь главнаго начальника—графа фонъ-Берга.—Остается одинъ фонъ-Соловьевъ, который поселился въ Брюлевскомъ замкѣ, на квартирѣ Милютина, гдѣ носятся тѣни знаменитаго строителя этого дворца—роскошнаго Брюля, покойнаго Вел. Кн. Константина Павловича, княгини Ловичъ, Маркиза Вѣлёпольскаго и окровавленная тѣнь несчастнаго Герштенцвейга.

Когда Милютинъ заболѣлъ, я былъ въ Тулѣ и Москвѣ, но по возвращеніи я былъ у его жены. Къ сожалѣнію, нѣтъ надежды—параличъ поразилъ и руки и ноги—считаютъ его конченнымъ для общества и службы. Я всегда сожалѣлъ, что этотъ способный человѣкъ послѣ крестьянской реформы ѣздилъ портить свое образованіе и развитіе въ Парижѣ, на науку къ Наполеону... Жаль мнѣ этого человѣка, участвовавшаго въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ!...

Завтра у меня балъ для тобольскихъ самоѣдовъ и остяковъ, пріѣхавшихъ сюда изъ Обдорска. Въ числѣ гостей будетъ мой крестникъ—26-лѣтній самоѣдъ изъ княжескаго рода, котораго я крестилъ въ православіе въ 1856 г."...

20 марта 1867 г. . . . „Въ образѣ жизни на Васильевскомъ Островѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ 47 лѣтъ, послѣ разно-

образнѣйшихъ трудовъ и занятій, я возвратился къ секретарскимъ и оберъ-секретарскимъ, большею частью, мелкимъ и мертвымъ обязанностямъ: пишу доклады и резолюціи, разбираю безграмотныя жалобы и объясненія... Духъ поддерживаю чтеніемъ книгъ и журналовъ. Читаешь ли ты русскіе журналы, и не ускользаетъ ли отъ твоего вниманія любопытная полемика „Вѣсти“ съ „Московскими Вѣдомостями“. Дѣтище „Моск. Вѣд.“—„Вѣсть“—храбро возстала противъ своего родителя и обвиняетъ Каткова и Леонтьева въ союзѣ съ Герценомъ, Огризко и Мирославскимъ. Очень любопытное явленіе! Вѣсть сильнѣе стала Моск. Вѣд.“...

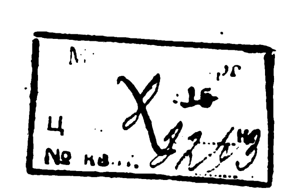
13 сентября 1867. Баденъ ... „Милютинъ высказываетъ самое близкое и даже горячее участіе къ твоему труду. Когда я ему сказалъ, что ты собираешься къ нему заѣхать, то онъ даже выказалъ нетерпѣніе скорѣе тебя видѣть. Онъ самъ соображалъ сколько времени останется въ Баденѣ и сказалъ: „скажите ему, чтобы скорѣе пріѣхалъ—въ началѣ октября, до 10 числа; его трудъ меня очень занимаетъ—мнѣ бы хотѣлось знать въ какомъ онъ положеніи и пр.“. Словомъ, онъ воспрянулъ при разговорѣ о твоемъ трудѣ. Хотя и не нужно преувеличивать значенія этой вспышки, но достовѣрно, что ты своимъ посѣщеніемъ доставишь больному громадное удовольствіе. Разумѣется, ты не долженъ возражать на его замѣчанія... Итакъ, собирайся въ путь... Ежели ты по какимъ-нибудь обстоятельствамъ не можешь заѣхать къ Милютину въ началѣ октября, то совѣтую тебѣ напиши ему письмо. Онъ помнитъ все; вчера нападалъ на Тургенева, что тотъ давно у него не былъ“...

13 февраля 1868. ...„У насъ только и слышно—о голодѣ, болѣзняхъ и страданіяхъ. Темная сила московскихъ газетъ нѣсколько ослабѣваетъ: явились противодѣйственныя возраженія — довольно смѣло доказываютъ, что въ Москвѣ много слѣдовъ татарщины... Въ Петербургѣ господствуетъ стремленіе къ переводамъ—въ особенности англійскихъ мыслителей. Періодическіе журналы также оживаютъ—въ нихъ критикуютъ явленія дикаго невѣжества... И это уже утѣшеніе. Недавно еще всякое изувѣрство и невѣжество идеализировалось... Купили имѣніе въ ков. губ. Поѣду устраивать его!.. На старость стану пахать землю—въ природѣ найду успокоеніе и отдохновеніе... О себѣ скажу только одно новое: купилъ по совѣту Юнге очки и по вечерамъ читаю при пособіи этого старческаго снаряда... Подвигнешься все впередъ и впередъ — къ концу“...

[illegible] *февраля 1868 г.* ... „Впрочемъ, не ты одинъ страдаешь, и у [illegible]сь толпы страдальцевъ и горы страданій! Этотъ годъ осо[illegible]ченъ: голодъ, болѣзни истребляютъ населеніе—невѣжество [illegible]іе пользуются всѣми правами гражданственности и надолго

еще сохранять преобладающее значеніе и вліяніе. Изъ новостей— одна господствующая: Валуевъ и наши юнкера силятся доказать, что голода значительнаго нѣтъ налицо, что все преувеличено, и что народъ самъ виноватъ, развращенъ и лѣнивъ, и что оказанная ему помощь даже можетъ причинить вредъ: онъ окончательно облѣнится и развратится.—Пока идетъ споръ о томъ голодаетъ ли народъ или нѣтъ—многіе отправляются ad patres.—Въ виду этого событія—все остальное мелочи. Въ литературѣ появились новые журналы: Отечественныя Записки, Дѣло, Современное Обозрѣніе—наслѣдники Современника. Это нѣсколько оживило болото.—Шевелятся новыя струи—нападаютъ на монголизмъ Москвы и обращаютъ иногда взоры и къ Европѣ... Не знаю обниму ли тебя на Рейнѣ! хочется ѣхать къ брату въ подольскую губернію и скитаться на берегахъ Чернаго моря, гдѣ, по словамъ м-стра просвѣщенія (въ Керчи), „въ каждомъ камнѣ хранится классицизмъ древняго Рима!" Онъ забылъ, что Митридатъ и всѣ жители Чернаго моря считались варварами"...

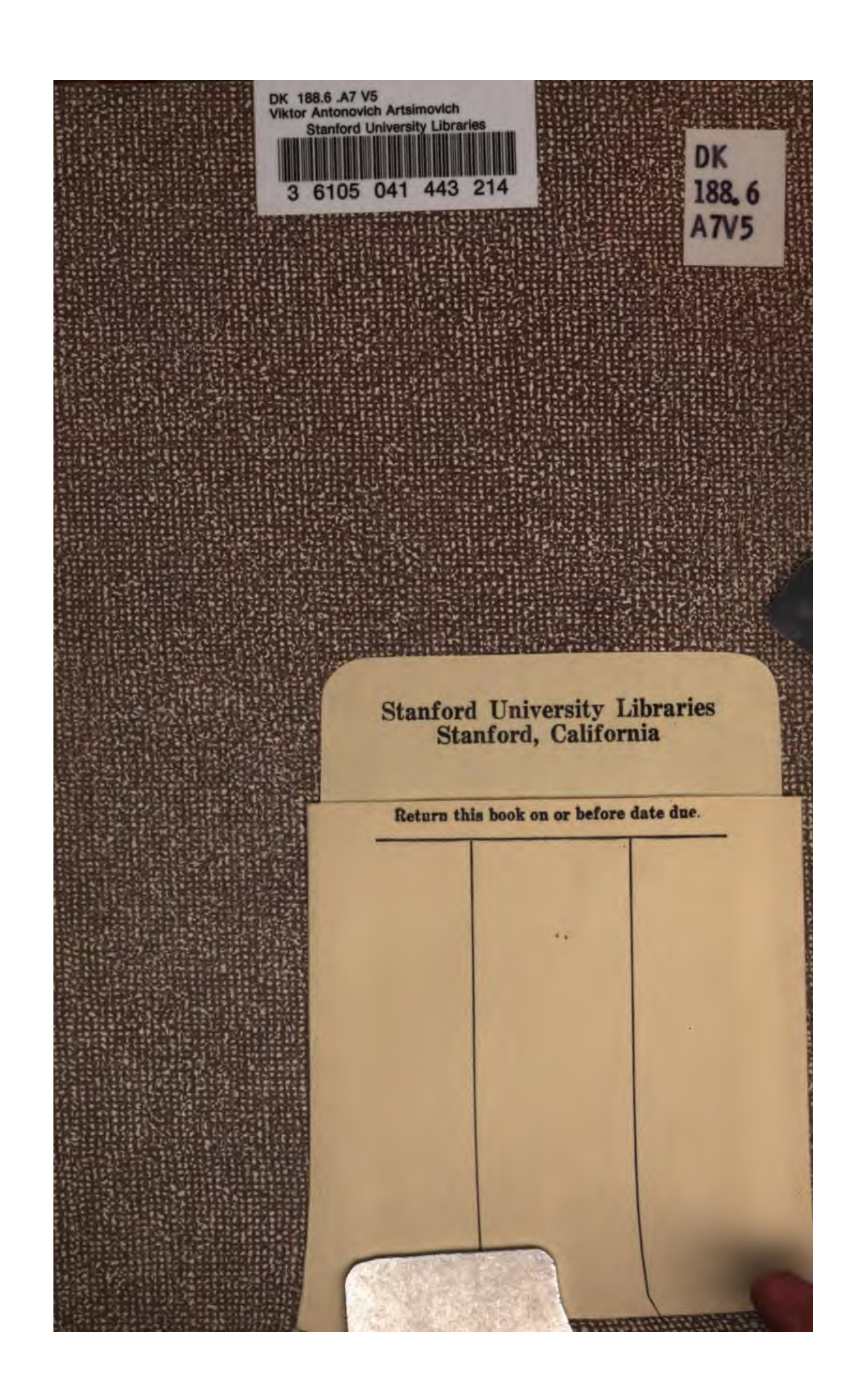
28 апрѣля 1868 г. ...„Не думаю, чтобы перемѣна Валуева улучшила почву... И у меня не мало заботъ! Заботы о воспитаніи дѣтей съ каждымъ годомъ все увеличиваются... Здоровье мое не отличное: въ одномъ ухѣ шумитъ—очевидно приближаются недуги. Условія жизни не благопріятны для ея продолженія"...

10р —

10р —

DK 188.6 .A7 V5
Viktor Antonovich Artsimovich
Stanford University Libraries
3 6105 041 443 214
DK
188.6
A7V5
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

